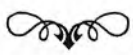
РУССКАЯ НАРОДНАЯ ОДЕЖДА

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
ИМ. Н.Н.МИКЛУХО-МАКЛАЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
ИМ. Н.Н.МИКЛУХО-МАКЛАЯ

РУССКАЯ НАРОДНАЯ ОДЕЖДА



ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Ответственный редактор
В.А. Липинская

МОСКВА • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК» • 2011

УДК 39
О 41

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 10-01-16173д)

Русская народная одежда. Историко-этнографические очерки /
Ответственный редактор В.А. Липинская. — М.: «Индрик», 2011. —
776 с., ил.

ISBN 978-5-91674-143-8

В книге представлено богатство и разнообразие русской народной одежды, созданной за многие века развития традиционной культуры. Прослежено формирование комплексов костюмов, складывавшихся в разных природных зонах, их изменения по мере расселения на обширных пространствах Евразийского континента и в ходе культурного обмена с соседними народами. Рассмотрена роль одежды как одного из важнейших элементов материальной и духовной культуры, как знака этнической, сословной, социальной и вероисповедальной особенности структуры общества. Показано, что при единой основе народного костюма, ему присуща широкая вариативность в покрое отдельных предметов, в богатстве цветовой палитры, в самобытности декоративного оформления, позволяющих выразить специфичность традиций в регионах, их локальных группах и даже в отдельных населенных пунктах. Одежда рассматривается как средство выражения самосознания и как способ самоидентификации народа. Книга снабжена большим количеством иллюстраций. Она предназначается для специалистов этнологов, историков, искусствоведов, музейных работников, а также для широкого круга читателей.

© Коллектив автров, текст, 2011
© Издательство «Индрик»,
оформление, 2011

ISBN 978-5-91674-143-8

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение (*В.А. Липинская*) 9

Глава I. Центр Европейской части 17

Одежда русских XIII–XVII веков (*М.Г. Рабинович*) 19

Литература и источники. (19) — Материал. (21) — Нательная одежда. (22) — Верхняя комнатная одежда. (24) — Верхняя уличная одежда. (29) — Зимняя верхняя одежда. (32) — Головные уборы. (34) — Пояса и украшения. (39) — Обувь. (42) — Крестьянская одежда. (45) — Одежда горожан. (48) — Одежда богатых горожан и феодалов. (50)

Одежда русских центрального региона XVII — начала XX веков (*Т.А. Зимина, И.И. Шангина*) 63

Девичья и женская одежда 64

Комплекс одежды с сарафаном 65

Головные уборы. (70) — Костюмы. Комплексы. (75)

Комплекс одежды с поневой 80

Мужской костюм 83

Верхняя одежда 86

Обувь 88

Костюм в повседневной жизни москвичей второй половины XIX – начала XX века (*К.В. Ермакова*) 97

Костюм дворянской Москвы 99

Одежда купечества 104

Одежда интеллигенции 108

Костюм «самодеятельного» населения 111

Костюм нищих, юродивых и попрошаек.

Воры, обитатели и посетители «толкучек» 117

Особенности одежды крестьян-старообрядцев Нагатинской волости Московского уезда второй половины XIX – начала XX века (*О.П. Савостьянова*) 123
Мужская одежда 126
Женская одежда 129
Детская одежда 135

Глава II. Юг Европейской части (*Л.Н. Чижикова*) 139
Русская народная одежда в системе этнокультурных процессов на территории южнорусского региона XIX–XX веков 141
Женская одежда 149
Поясная одежда. (163) – Нагрудная одежда. (189) – Головные уборы. (198) – Съемные украшения одежды. (223)
Мужская одежда 227
Обувь 230
Верхняя одежда 235
Заключение 241

Глава III. Север Европейской части XII–XX веков 267

Северо-западная часть. XIX – начало XX веков (*В.А. Липинская*) 272

Центральная и южная части (*И.В. Власова*) 295
Развитие северного комплекса народной одежды (XII–XVIII век). (295) – Севернорусский костюм XIX – начала XX века (301)

Поясная одежда крестьянок Русского Севера (*И.С. Слепцова*) 329

Праздничная одежда северян Архангельской губернии начала XX века (по материалам Пинежского уезда) (*А.В. Фролова*) 355

Глава IV. Южное пограничье Европейской части (*В.А. Липинская*) 367
Низовья Дона. XV – начало XX веков 371
Бассейн Кубани. XIX – начало XXI века 383
Казаки и иногородние. (383) – Реэмигранты: некрасовцы, липоване (394)
Южное Поволжье. XVI – начало XXI века 404
Астраханские казаки. (404) – Крестьяне. (405) – Липоване. (413)

Глава V. Среднее Поволжье XIX – начало XX века (*Е.П. Бусыгин*) 423
Традиционная одежда 427
Материал для изготовления одежды. (427) — Мужская одежда. (429) — Женская одежда. (436)

Глава VI. Приуралье XIX – начало XX века (*Г.Н. Чагин*) 461
Традиционная одежда 464
Материал одежды и обуви. (464) — Нательная мужская и женская одежда. (469) — Верхняя мужская и женская одежда. (475) — Головные уборы. (479) — Украшения. (484) — Обувь. (485) — Рукавицы, чулки. (486) — Комплексы одежды, их этнические и региональные признаки. (487)

Глава VII. Западная Сибирь XIX – начало XXI века 491

Этнокультурные группы русских крестьян Западной Сибири (*Е.Ф. Фурсова*) 495
Чалдоны. (496) — Сибиряки. (497) — Российские переселенцы. (497) — Старообрядческие группы (кержаки, двоеданы, курганы, белорусские москали). (500)

Обь-Иртышский бассейн (*Е.Ф. Фурсова*) 507
Чалдоны-старожилы. (507) — Старообрядцы-москали. (522) — Старообрядцы-«поляки». (534)

Томско-Нарымское Приобье (*П.Е. Бардина*) 551

Глава VIII. Восточная Сибирь и Дальний Восток. XVII – начало XXI века 571

Группы населения (*В.А. Липинская*) 573

Одежда русских в промысловой зоне (*В.А. Липинская*) 579

Одежда русского населения Забайкалья (*Г.С. Маслова*) 589
Семейские. (589) — Сибиряки. (600)

Традиционная одежда старообрядцев Приморья (*В.В. Кобко*) 605
Материал одежды. (607) — Женская одежда. (609) — Мужская одежда. (627) — Верхняя одежда. (630) — Обувь. (632) — Одежда различного назначения. (635)

Одежда старообрядцев Приамурья. XIX — начало XXI века (*Ю.В. Аргудяева*) 649

Глава IX. Влияние одежды соседних этносовна русскую народную одежду (заимствование, трансформация) (*В.А. Липинская*) 663

Одежда знати 669

Одежда населения пограничной зоны 672

Одежда крестьян внутренних территорий страны 674

Глава X. Особенности костюма в связи с вероисповедальными течениями XVII–XXI веков 683

Моленная одежда православных христиан (*Г.А. Леонтьева, В.А. Липинская*) 685

Облачения духовенства и народная моленная одежда Российской церкви .. 685

Моленная одежда. (686) — Одежда прихожан. (699) — Моленные одежды старообрядцев. (700)

Моленная одежда русских старообрядцев 700

Сакральное и символическое значение некоторых предметов моленной одежды и внешнего облика христианина (*В.А. Липинская*) 717

Костюм последователей старорусских сект (хлыстов, скопцов, духоборцев и молокан) (*С.А. Иникова*) 729

Мистические секты хлыстов и скопцов. (732) — Секта духоборцев. (746) — Рационалистическая секта постоянных молокан. (755)

Заключение 763

Сокращения 772

ВВЕДЕНИЕ

Одежда, как зрительно наиболее наглядный элемент в ряду объектов традиционной культуры, в первую очередь привлекала внимание наблюдателей. С выходом славянских племен, а затем — русского народа на историческую арену стали появляться описания их одеяний и внешнего облика. Историк Л. Нидерле, изучавший культуру древних славян, пришел к заключению, что их одежда своим внешним видом, а также и деталями отличалась от костюмов соседних народов, причем не только восточных, с их специфической культурой, но и западных, в частности германцев[1].

Ранние описания славянской одежды известны по восточным источникам X в. Однако научные свидетельства об одежде русских, выполненные отечественными авторами, появились лишь в XVIII в., после создания Российской академии наук. Поставленная перед ней задача изучения страны, стремительно расширившей свою территорию, требовала разностороннего подхода. С этой целью были проведены многолетние академические экспедиции.

В опубликованных отчетах наряду с географическими, историческими, статистическими материалами помещались и наблюдения о быте провинциальных жителей, в том числе — об их костюмах[2]. Естественно, заметки не отличались систематичностью и, как правило, не были проиллюстрированы. Тем не менее, в XVIII в. появилась первая обобщающая работа И. Георги. Лично объехав значительную территорию юго-востока (Поволжье, Приуралье, Сибирь до Забайкалья) и сопоставив материалы других ученых, он пришел к заключению, что в одежде «россияне, живущие около Новгорода, Астрахани, Архангельска, Тобольска, Якутска, не столько разнествуют, сколько немцы в разных округах». Однако, отметив единство основных составляющих, автор указал и на некоторые местные особенности[3].

В середине XIX в. в Петербурге было создано Русское географическое общество и его филиалы в различных губерниях, в их составе открывались этнографические отделы. С целью введения систематичности в их работу и получения сопоставимости при сборе материалов о народной культуре была разработана и опубликована «Программа» с предложением ко всем желающим присылать ответы. Отклик оказался настолько активен, что в результате был создан весьма обширный архив Русского географического общества, включавший материалы практически из всех губерний страны[4]. В «Программу» был включен пункт об одежде, но без расшифровки его содержания, отчего программа трактовалась каждым писавшим произвольно.

Опыт рассылки анкет был повторен в конце XIX в. Известный русский промышленник князь В.Н. Тенишев создал «Этнографическое бюро» и разработал «Программу этнографических сведений о крестьянах центральной России»[5]. Среди десяти пунктов программы, в разделе «Общие указания об образе жизни крестьян», ставились вопросы о материальной культуре, в том числе и об одежде. Ответы объединили специальный фонд, хранившийся в Российском этнографическом музее.

Однако в каждом их двух собраний ответов на анкеты (РГО и Бюро Тенишева) материалы, касающиеся одежды, составили малую часть соответствующих фондов. К тому же они представлены записями непрофессионалов, что снижает их значимость. Тем не менее, каждый из архивов содержит ценные свидетельства современников, отстоящие друг от друга на полвека, что открывает возможности проведения сравнительного анализа.

Для этнографов, изучающих одежду, крайне важна собирательская деятельность музеев. Крупнейшие из них — Русский этнографический музей в Петербурге, Исторический музей в Москве, музеи Кремля — содержат коллекции костюмов и конкретных предметов из костюмов людей разного социального статуса и за весьма обширный период времени.

Региональные музеи, создававшиеся в XIX–XX вв., дополняют коллекции центральных музеев, отражая специфику отдельных областей.

Работа музеев имела еще другое важное значение: совершенствовался опыт фиксации предметов, в частности, одежды. Если раньше этнографические описания выполнялись произвольно любителями, то в музеях формировались кадры профессионалов, велась исследовательская работа, публиковались материалы, каталоги[6].

Принцип нового подхода к изучению одежды в начале XX в. предложил В.В. Богданов, который сформулировал идею изучения кроя одежды как ценного источника для выяснения этнической истории народа[7]. Для этого требовалась фиксация покроя путем составления чертежей. Это вносило в работу этнографов более четкую методику. Чертежи кроя выявили вариативность практически каждого элемента народного костюма и открыли возможности их систематизации и классификации по типам и комплексам. Авторами классификаций, используемых до настоящего времени, являлись Б.А. Куфтин, Д.К. Зеленин, Н.Н. Гринкова, Г.С. Маслова и др.

В начале XX в. обобщение собранных к тому времени материалов предпринял Д.К. Зеленин в работе «Восточнославянская этнография», написанной по заказу филологов-славистов Германии и изданной первоначально на немецком языке. Автор представил читателю весьма подробную характеристику культуры восточнославянских народов конца XIX — начала XX в., отметив, что за рассматриваемый период этнографы меньше всего уделяли внимания материальной культуре, в состав которой входит одежда, причем публикации имеют в основном описательный характер. Автор заключил, что имеющиеся сведения, в большинстве, не дают возможности представить цельную картину и ему при написании книги приходилось опираться на собственные наблюдения, сделанные в разных губерниях страны[8].

С целью улучшения методики сбора материалов этнографы во второй половине XX в. приступили к разработке программ, вопросников, анкет по темам материальной и духовной культуры[9]. Новая методика была направлена на то, чтобы от описательности перейти к более четкой системной фиксации полевых наблюдений и их обработке по единой схеме. В том числе для изучения одежды было предложено несколько вариантов вопросников и программ общерусского и регионального назначения.

В Институте этнографии АН СССР (в настоящее время Институт этнологии и антропологии РАН) была поставлена задача картографирования традиционной культуры народов страны по определенным элементам. В 1967 г. вышел в свет «Историко-этнографический атлас. Русские», включавший несколько карт по одежде[10]. Публикация

атласа стала крупным достиением отечественной науки. Она позволила впервые зримо представить разнообразие вариантов народных костюмов и их локализацию. Выполнение карт в двух временны́х срезах дало возможность определить изменения, произошедшие за полвека (середина XIX — начало XX в). Вместе с тем выявились и недостатки. Карты отражали одежду лишь сельского населения. К тому же подготовительные работы по созданию атласа, а также и сами карты ясно показали, что этнографы располагали более или менее полными сведениями только по отношению к центральной территории Европейской части страны. Этим была определена следующая задача — проведение региональных исследований и изучение костюмов разных социальных групп населения.

В конце XX — начале XXI в. сотрудники Института этнологии проводили комплексные экспедиции на севере Европейской части страны от Новгорода до Перми, в южной зоне от Ростова до Астрахани, а также в Рязанской, Тамбовской областях регион Приуралья привлекал внимание исследователей как лежащий на пути в Сибирь, но, к сожалению, практически прекратились исследования в Центральном районе.

Поскольку о сибиряках имелись лишь единичные сообщения XVIII–XIX вв., к этому региону требовалось более внимательное отношение. В 1960-х гг. сотрудниками Института этнографии были начаты экспедиционные исследования в наиболее заселенной предгорной части Западной (Алтайский край) и Восточной (Забайкалье) Сибири. Планомерное изучение было продолжено после создания Сибирского отделения РАН силами местных научных сотрудников. Однако, к сожалению, их внимание было сосредоточено на западной части региона. Результатом исследований явилась первая и пока единственная монография, посвященная непосредственно одежде русского населения[11]. Дальневосточный регион в настоящее время уже нельзя назвать белым пятном на карте, поскольку начали выходить в свет работы, в которых содержатся сведения об одежде, но в них характеризуются лишь отдельные группы населения, что не создает сколько-нибудь полной картины[12].

Таким образом, состояние накопленных к началу XXI в. материалов об одежде русского народа по-прежнему остается неравномерным. Однако бесспорно и то, что к началу XXI в. отечественные этнографы значительно пополнили и расширили базу данных: в Европейской России обследованы окраинные регионы, в Азиатской проведены работы в западной части и начаты в восточной. Это позволяет осуществить новую попытку обобщения, так же как и ранее — с интервалом примерно в полвека. Таким образом, выстраиваются четыре последовательных

временных среза: середина XIX в., конец XIX — начало XX в., середина XX в., конец XX — начало XXI в.

Проблема, которая рассматривается в настоящей работе, является составной частью основной проблемы, решаемой отечественными этнологами, — формирование традиционной культуры русского народа и ее трансформация за исторически обозримый период.

Решение поставленной проблемы осложняется наличием большого числа локальных групп, каждая из которых имеет свою историю, связанную с миграционными процессами, требовавшими адаптации к новым условиям. Эти обстоятельства определяют конкретные задачи работы.

Главная задача состоит в определении основных характеристик народной одежды в плане общерусском (представительные, знаковые черты), локально-региональном (местные особенности) и сословно-социальном (специфические формы). Основная задача разделяется на несколько конкретных, имеющих следующие направления.

В первую очередь необходимо дать на современном уровне описание региональных и локальных комплексов костюмов на всем пространстве Российской Федерации, что будет предпринято впервые. При этом мы считаем нужным отметить особенности вероисповедальных групп, чему уделялось мало внимания, поскольку с XVII в. все течения, альтернативные ортодоксальной церкви, не признавались, а в советское время эта тема замалчивалась в связи с господством атеистической идеологии.

Важно определить роль социальной организации общества в создании знаковых и специфических форм одежды. В работе, наряду с традиционной одеждой сельского населения, чему этнологи уделяли более всего внимания, будет рассмотрена одежда других социальных групп и слоев общества. Предусмотрен анализ формирования и особенностей костюмов в исторической сменяемости от народных к специфическим формам с учетом автохтонного развития и проникновения иноэтничного влияния, а также — процессов урбанизации и глобализации.

При определении локальных комплексов и вариантов одежды важной задачей является выяснение исторических и природно-климатических условий их бытования. Специальное внимание будет уделено новым видам одежды на периферии расселения русских, в том числе — элементам костюма, заимствованным от коренных жителей, и адаптации новшеств в русской народной среде.

Через одежду в зримой форме отражается самосознание народа в целом и отдельных составляющих его групп. В связи с этим намечено выяснить отношение к своему и чужому (иноэтничному) костюму представителей различных этнографических, сословных и вероисповедальных

групп, а также — понимание значимости одежды, наделение ее чертами сакральности и символизма, что было связано с определенными периодами развития народного мировоззрения.

Для решения поставленных задач коллектив авторов собрал обширный материал за период с XIII до начала XXI в. Однако для каждого региона рассматриваемый период определяется в соответствии с историческими условиями формирования населения, а также — степенью изученности.

Структура работы определяется историко-хронологическими и географическими принципами рассмотрения материалов. Она соответствует пути формирования этнической территории русского народа, а также последовательности его расселения в различных природных зонах Евразийского континента.

В основе данной монографии лежат работы, выполненные во второй половине XX — начале XXI в. Большинство авторов использовали сведения, полученные ими в ходе полевых экспедиционных выездов. Дополнительно к этому привлекались литературные источники (научные публикации, мемуарная и художественная литература), произведения изобразительного искусства. Ценным источником являлись документы архивов, как центральных, так и областных.

Книга подготовлена к печати коллективом авторов, в основном представленным сотрудниками Института этнологии и антропологии РАН, Института археологии и этнографии СО РАН, Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, а также — научными сотрудниками музеев и учебных учреждений: Российского этнографического музея, Приморского государственного музея им. В.К. Арсеньева, музея г. Северска, Московского государственного университета, Пермского государственного университета. Фамилии авторов приводятся в оглавлении.

В некоторых главах публикуются прежние работы выдающихся ученых, ныне ушедших из жизни (Е.П. Бусыгин, Г.С. Маслова, М.Г. Рабинович). Это сделано в тех случаях, когда в более позднее время исследования по той или иной теме не проводились.

Работа организована по географическому принципу, начиная от исторического центра страны. Регион Восточной Сибири мы посчитали нужным объединить с регионом Дальнего Востока, поскольку в административном районировании граница между ними неоднократно изменялась.

Иллюстративный материал предоставлен авторами, ими выполнена большая часть цветных и черно-белых фотографий. Привлечены также иллюстрации из различных публикаций. Компьютерный набор выполнен Е.А. Юриной, Н.В. Павловой и П.А. Сериным. Коллектив

авторов выражает благодарность коллекционеру С.А. Глебушкину за любезно предоставленные им фотографии из книги «Традиционный русский костюм XIX–XX веков из собрания Сергея Глебушкина». М., 2008.

В книге представлено многообразие русского костюма, бытовавшего и используемого в настоящее время на обширных просторах нашей страны. Ее публикация будет интересна представителям различных научных дисциплин: этнологам, историкам, этнопсихологам, диалектологам, филологам, искусствоведам, а также — широкому кругу читателей.

Коллектив авторов выражает благодарность Российскому гуманитарному научному фонду, при финансовой поддержке которого осуществлялась работа над монографией (проекты 06-01-00252а, 09-01-00502а, 10-01-64104а, 10-01-16173d).

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Нидерле Л.* Славянские древности. М., 1956. С. 224.

2 Полное собрание ученых путешествий по России. Т. I–VII. СПб., 1821-1827.

3 *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежды и прочих достопамятностей. Т. IV. СПб., 1779. С. 83.

4 *Зеленин Д.К.* Описание рукописей Ученого архива Русского Географического общества. Пг., 1914. Вып. 1; Пг., 1915. Вып. 2; Пг., 1916. Вып. 3.

5 Архив «Этнографического бюро» в настоящее время начал публиковаться. Первый том «Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы» вышел в свет в 2004 г.

6 *Миллер В.Ф.* Систематическое описание коллекций Дашковского этнографического музея. М., 1893. Вып. 3.

7 *Богданов В.В.* Из истории женского южно-великорусского костюма // ЭО. 1916. № 1-2.

8 *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 15-23.

9 Традиционная народная культура русских. Сборник программ и вопросников для этнографических исследований // Рязанский этнографический вестник. Рязань, 1997.

10 Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967.

11 *Фурсова Е.Ф.* Традиционная одежда русских крестьян-старожилов Верхнего Приобья (конец XIX — начало XX в.). Новосибирск, 1997.

12 *Аргудяева Ю.В.* Старообрядцы на Дальнем Востоке России. М., 2000; *Кобко В.В.* Старообрядцы Приморья: история, традиции (сер. XIX — нач. XX в.). Владивосток, 2004; и др.

ГЛАВА I

ЦЕНТР ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ

ОДЕЖДА РУССКИХ XIII–XVII ВЕКОВ*

ЛИТЕРАТУРА и ИСТОЧНИКИ

Одежда русского населения европейской части нашей страны за четыре с лишним столетия, со второй половины XIII по начало XVIII в., изучена неравномерно. Лучше всего изучен XVII век, несколько хуже — XVI, довольно мало — XIII–XV века. Все же о каждом из этих трех периодов имеются не только частные исследования, касающиеся одежды тех или иных социально-сословных или территориальных групп, отдельных категорий тканей и платья, но и обобщающие работы, посвященные одежде рядовых крестьян, горожан и высших слоев населения, которые появились в последние три-четыре десятилетия. Можно сказать, что в целом русская одежда XIII–XVII вв. изучена достаточно. И все же остается еще много так называемых белых пятен. Далеко не всегда удается точно атрибутировать те или иные термины, уяснить покрой или функции некоторых

---

* Статья печатается с небольшими сокращениями. Полный текст опубликован в кн. «Древняя одежда народов Восточной Европы». М., 1986

предметов одежды, «привязать» встречающиеся в источниках названия к конкретным сохранившимся частям костюма. Не всегда удается, как будет показано ниже, и точно выяснить происхождение как отдельных предметов одежды, так и целых ее комплексов.

Наиболее надежным источником является подлинная одежда, сохранившаяся до наших дней в различных древлехранилищах. Здесь на первом месте — собрания государственных музеев Московского Кремля (бывших Оружейной палаты и Патриаршей ризницы), Государственного Исторического музея в Москве, Государственного Эрмитажа и Государственного музея этнографии народов СССР в Ленинграде. Относительно небольшое число предметов древней русской одежды хранится в областных и районных краеведческих музеях. В подавляющем большинстве — это одежда, обувь и головные уборы XVII–XVIII вв. Очень редка (если не считать церковных облачений) одежда XVI в., хотя возможно, что и некоторые предметы гражданской одежды, сохранившиеся в комплексах XVII в., сделаны еще в XVI в. Точно датированы лишь несколько предметов, найденных в погребениях: монашеская схима Ивана Грозного, рубахи его сыновей — Ивана и Федора Ивановича и рубаха князя М.В. Скопина-Шуйского, а также рубаха, в которую была одета кукла, положенная в могилу разведенной жены Василия III — Соломонии Сабуровой. Известны также волосники из погребений цариц в Вознесенском монастыре и некоторые другие археологические находки, о которых будет сказано в своем месте. Отметим здесь, что в целом археологический вещевой материал дает для рассматриваемого в этой главе периода довольно много, но все же относительно меньше, чем для времен более ранних, для которых он иногда является единственным источником.

Пожалуй, важнее указания разнообразных письменных источников, число которых увеличивается от века к веку. Не вдаваясь сейчас в их оценку, отметим лишь, что особенно много материалов об одежде можно найти в завещаниях, росписях приданого, челобитных, в купчих и расходных книгах. Первые три вида документов перечисляют нередко множество комплектов разнообразных одежд и при этом содержат довольно точную дату. В завещаниях и челобитных упомянут иногда и весь гардероб. Много данных содержат описи царского имущества. Немалую ценность представляют записки путешественников-иностранцев, поскольку в них содержатся нередко специальные описания одежды и вообще внешности русских. Наблюдательность иноземца, удивленного непривычным костюмом чужой страны, компенсирует слабое знакомство его с местными терминами. При всем обилии сведений письменные источники все же далеки от полноты как в территориальном, так и в хронологическом отношении.

Особую группу источников составляют разного рода изображения — книжные миниатюры, картины современников, разнообразные

листки, иконы, портреты. Исследователи давно доказали достоверность этих изображений (в особенности миниатюр).

Хочется предупредить читателя о необходимости критического отношения к иллюстрациям в сочинениях посетивших Россию иностранцев, где наряду с очень точными воспроизведениями бывают и рисунки неточные или даже фантастические.

Наибольшие трудности возникают при попытке сопоставить письменные, вещественные и изобразительные источники, поскольку неясно, к какой именно одежде относится то или иное название. Здесь большую помощь исследователю оказывают, например, учебники типа иллюстрированных букварей, где иногда прямо соотнесены названия предметов одежды и их изображения. Это можно сопоставить и с сохранившимися реалиями.

МАТЕРИАЛ

Материалом для народной одежды служили в рассматриваемый период, как и прежде, в основном ткани домашнего производства — холст, полотно, грубая шерсть.

Холстом, холстиной, узчиной (узким холстом) назывались льняные, а также пеньковые и бумажные материи домашнего производства. Они могли быть беленными или окрашенными в различные цвета. Крашеный холст назывался *крашениной,* более плотная крашеная пеньковая ткань — *кежей* или *кежью*[1]. Холст с набивным узором, наносившимся с помощью специальных резных досок, назывался *выбойкой.* Узорчатая материя сложного тканья называлась *бранью*[2]. Шерстяная некрашеная ткань домашнего производства по-прежнему носила название *сермяги,* распространившееся также на изготовленную из этой ткани одежду[3]. В начале рассматриваемого периода по-прежнему была широко распространена шерстяная клетчатая ткань — *понева*[4], но в XVI–XVII вв. употребление ее, кажется, несколько сократилось в связи с появлением «шубки» и сарафана. На зимнюю одежду, как и раньше, шел *«курпечатый мех» — овчина, мерлушка;* на обувь, пояса, ножны и пр. — разного рода кожи: козловые *(хоз),* бараньи *(ирха, ровдуга)*[5], коровьи и лошадиные. В конце периода появились и твердые толстые подошвы.

Чрезвычайно расширился ассортимент дорогих тканей, из которых шили богатые одежды. Это были в основном привозные материи. Источники называют более двадцати видов шелковых *(камка, тафта, китайка, атлас, паволока, объярь, сатин, хамьян* и др.) и бумажных *(бязь, кумач, киндяк, миткаль, сарапат, сатин* и др.) материй, привозившихся в основном с Востока — из Китая, Индии, Ирана, Турции, Крыма, Закавказья, Средней Азии. Шерстяные же материи привозились главным образом из Западной Европы — из Англии, Франции, Италии,

Фландрии, Брабанта, германских княжеств. В источниках упоминается свыше 30 сортов одного только сукна (*аглицкое, лундыш, французское, скорлат, фряжское, лимбарское, брабантское, импское, куфтерь, брюкиш, амбургское, четское, шебединское, греческое* и др.). Как видим из самих названий, лишь отдельные сорта шерстяных материй ввозились из стран Востока (например, *зуфь*), основной поток их шел с Запада.

Вместе с тем производство льняных, бумажных, шелковых и шерстяных материй лучшего качества развивалось и на Руси. В XVI в. среди городских ремесленников названы не только *холщовники,* но и *суконники* и *шелковники*[6], название Красильницкой улицы в Новгороде Великом говорит о развитии крашения тканей. Сами названия цветов материй: *гвоздичный, дикий, лазоревый, мясной, червленый, багряный* (оранжевый, серый, голубой, разные оттенки красного) и пр. — брались в ту пору из русского языка, а не из иностранных, как, например, позднейшие оранжевый, фиолетовый и т.п.

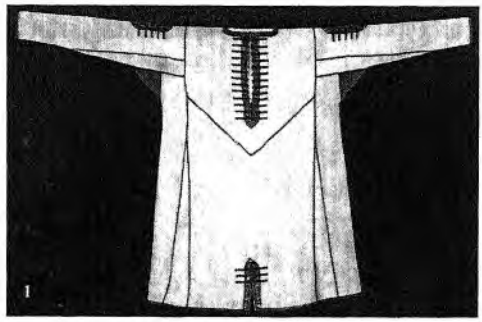
Анализ найденных при раскопках в Новгороде шерстяных тканей XIII–XV вв. показал, что они изготовлены из шерсти местных овец, а также из шерсти испанских мериносов, английских тонкорунных и толсторунных овец, т.е. что тут имеются как ткани местного производства, так и привозные (испанская шерсть попадала через Фландрию, английская, по всей вероятности, через Голландию). Излюбленный цвет одежд в то время был красный, на втором месте — черный, далее — желтый, зеленый, синий и белый. Последний преобладал количественно (белье, сорочки и пр.).

Если ткани преимущественно ввозились, то меха, по-прежнему служившие для утепления и украшения богатой одежды, добывались в самой России и обильно вывозились. Ассортимент их, как и в древности, был очень богат, обработка разнообразна. Скорняки, которые также названы в списке ремесленников XVI в.[7], подбирали зачастую меха для одежды от различных частей шкур животных (*«горлатные», «черевьи», «хребтовые»* и т.п.).

Вообще, мастера, изготовлявшие одежду и обувь, составляли значительную часть городских ремесленников. В тех случаях, когда нам известно число ремесленников и их распределение по профессиям, эти мастера занимают по численности второе или даже первое место.

НАТЕЛЬНАЯ ОДЕЖДА

Нательной одеждой мужчин и женщин служила, как и прежде, туникообразная рубашка — *сорочка, сорочица, срачица.* А.В. Арциховский считал главной формой мужской сорочки косоворотку, но о преобладании косоворотки или рубах с прямым разрезом ворота в XIII–XVII вв. сведений не имеется. Можно, скорее, думать, что разрез ворота у мужчин был по-прежнему то прямым, то косым[8]. Женская рубаха делалась



Рубашки: XVI–XVIII вв.
1) мужская, царя Федора Ивановича;
2) девушка в рубашке.
(Из кн.: Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986. Рис. 19. Приложение. Рис. 95.)

длиной до ступней, иногда такой же была и мужская (в особенности у крестьянских мальчиков рубаха «до пят» могла быть единственной одеждой), но у взрослых крестьян она бывала до колен, у горожан — еще короче. Новшеством в рассматриваемый период было ношение мужчинами и женщинами, кроме сорочки, еще и верхней рубахи *кошули, верхницы* или *навершника*. Сорочка при этом превратилась в собственно белье. В 1373 г., описывая разорение г. Торжка, летописец отметил: «А жен и девиц одираху и до последние наготы рекше и до срачицы»[9]. Ношение русскими женщинами двух сорочек — верхней и нижней — отмечал в конце XVI в. английский посол Джильс Флетчер[10]. Отправляясь в дорогу, путник обычно брал с собой запасную сорочку, «Да пришли сороцицю, сороците забыле», — писал в XIV в. новгородец Борис своей жене Настасье[11]. «5 рубах двоостанных женских... рубах мужских и детинных 16 пар, а в том числе 6 шити золотом и серебром»[12], — читаем в описи украденного в 1680 г. из помещичьего дома имущества. Здесь, видимо, и расшитые верхние рубахи и более скромные нижние. В богатом приданом в г. Пензе в 1701 г. упомянуто 20 рубах[13].

А вот документальное свидетельство о мужском домашнем платье: «Из Богдановской рухляди Бельского 2 рубашки да двои портки тафта бела у всех по швом пояски золотные и плетеные и петли золотные ж, у всех на вороту 373 зерна жемчужных»[14]. Найденные при раскопках погребений царевича Ивана Ивановича и царя Федора Ивановича в Кремле в Архангельском соборе рубашки несколько скромнее, но тоже

вышиты (у Федора Ивановича — золотной, у Ивана Ивановича — шелковой) тесьмой по швам, вороту, плечам и подолу. Князь М.В. Скопин-Шуйский был похоронен в рубахе, более роскошно вышитой (растительным орнаментом)[15]. У мужчин нательной одеждой были еще и порты — неширокие штаны того же покроя, что и в предыдущий период.

ВЕРХНЯЯ КОМНАТНАЯ ОДЕЖДА

У женщин сорочку дополняла набедренная одежда, которую они носили дома, а в теплую погоду — и на улице. В XIV в. это была, по-видимому, понева. Но с этого времени ношение женщинами поневы постепенно идет на убыль. Понева вытесняется другой женской комнатной одеждой, которая начала распространяться с середины или конца XIV в. — *сарафаном*. Вопрос о происхождении и распространении сарафана в рассматриваемый нами период довольно сложен и в этнографической науке еще окончательно не решен. Дело в том, что не выяснено еще точно соотношение самой одежды и ее названия. Термин «сарафан», «сарафанец» письменные источники знают с конца XIV в., но до XVII в. этим термином обозначалась не женская, а мужская длинная распашная одежда[16]. Вместе с тем известна женская накладная одежда того же времени, называвшаяся *ферязь, сукман, саян, шубка*[17]. Впоследствии эти и другие термины *(шушун, костолан, носов)* сосуществовали с термином «сарафан», служа названиями женской комнатной одежды, которую носили поверх рубашки. Термин «сарафан» для мужской одежды во второй половине XVII в. уже не употреблялся. Таким образом, очевидно, что сарафаном стали называть женскую одежду, существовавшую ранее, а вероятно, и какие-то новые виды ее, созданные в городах под влиянием одежды зажиточных классов и служилых людей и оттуда распространившиеся в деревню[18]. Предположения Б.А. Куфтина о том, что одежда, позже названная сарафаном, могла развиться из первоначального комплекса женской одежды с поневой (из набедренной одежды, получившей лиф и лямки, или из наплечной одежды, удлинившейся, а иногда и утратившей рукава), что изменения эти могли начаться еще в период расселения славян в северных областях позднейшей России и протекать под влиянием одежды южно- и западнославянских, летто-литовских, финноугорских, скандинавских и даже (опосредованно) западноевропейских народов, например населения Франции[19], нам представляются обоснованными, но, оставаясь в пределах источников, о которых мы говорили в начале главы, нельзя этих предположений ни подтвердить, ни опровергнуть, поскольку нет подлинных вещей XIII–XVI вв. или достоверных изображений их, на которых был бы ясно виден покрой.

Платья женщин XVIII в. 1) летник, 2) телогрея, 3) шубка накладная, 4) шубка короткая. (Из кн.: *Рабинович М.Г.* Русская одежда XIII–XVII в. // Древняя одежда... С. 74, рис. 23, 24.)

Из наших источников видно, что сарафаном, или *шубкой* (оба термина, по мнению исследователей, восточного происхождения), называлась в рассматриваемый нами период женская комнатная одежда в виде цельного платья (с рукавами или чаще без рукавов) или высокой юбки на лямках, накладная (надеваемая через голову) или распашная (застегивавшаяся спереди на пуговицы).

Сарафаны шили в большинстве случаев из красивых цветных материй (простейшие — из крашенины, богатые — из дорогих привозных тканей). Украшались они галуном, кружевом, драгоценными пуговицами (которых могло быть 13–15)[20], реже — вышивкой[21]. Источники упоминают, например, «шупку женскую холодную атлас красный круживо кованое золотное»[22]. В завещании одной шуянки значится даже пять «шубок», из которых три тафтяных, одна киндячная и только одна крашенинная теплая, т.е. собственно шуба, а не сарафан[23]. Мы считаем сарафанами «холодные» (без меха) шубки. Для собственно шуб всегда бывает указан сорт меха либо говорится, что шуба «теплая». «Кунтыш камчатный, кружево золото и серебряно, огонки бобровые — так обозначает роспись приданого XVII в. богатый, отороченный мехом сарафан[24]. В другой подобной же росписи упомянуты два сарафана — дорогой «шушун сукна красного с нарядом» и гораздо более дешевый «крашенинник с нарядом»[25]. В первом случае 4 р., во втором — 8 гривен. В приданом волоцкой княжны конца XV в. находим шубы красного, багряного и светло-зеленого цвета из дорогого фландрского

Крестьянская одежда:
1) женщина в поневе, 2) девушка в сарафане
(*Рабинович М.Г.* Указ. соч. Рис. 20.
Из альбома: А. Мейерберг. Виды и бытовые картинки России XVII в. СПб., 1903. С. 24.)

и английского сукна[26]. Суконный сарафан — «шубка женская зелена брюкишна» — встречается и в документах XVI в.[27]. Вместе с тем в доме довольно зажиточного феодала в XVIII в. могли быть и относительно дешевые крашенинные сарафаны. В 1680 г. из усадьбы Андрея Аристова в Муромском уезде в числе прочего имущества разбойники похитили «четыре сарафанов крашенинных»[28]. Наблюдаемая в источниках XV–XVII вв. неточность разграничения терминов «сарафан» и «шуба», как видно, существовала и в более позднее время. Еще в середине прошлого столетия в некоторых северных городах сарафаном называлась как комнатная одежда на проймах, с «золотым» поясом, так и аналогичная по покрою распашная (но, видимо, все же с рукавами) уличная одежда, которая зимой делалась на вате[29].

Наконец, женской комнатной и отчасти уличной одеждой в конце рассматриваемого нами периода становится *юбка,* делавшаяся из красивых, богато орнаментированных материй. В росписи богатого приданого («на благословение дому») конца XVII в. значатся «юбка тафтяная зеленая, юбка стаметная новая зеленая, юбка с бустрогом (?) носильная выбойчатая»[30]. Последняя, очевидно, служила повседневной одеждой и была сшита не из шелка, а из обыкновенной набивной ткани — выбойки. П. Савваитов считал, что упоминаемый в источниках *саян* мог быть не только распашным сарафаном, но и юбкой, которая придерживалась на плечах проймами или помочами[31]. В этом случае ясно проступает генетическая близость сарафана и юбки.

Сарафан и юбка дополнялись иногда *душегреей* — короткой (по большей части без рукавов) кофтой, распашной, собранной сзади во множество сборок, охватывающих талию пышным кольцом[32].

Мужское верхнее комнатное платье состояло из описанной выше верхней сорочки, штанов и зипуна. *Штаны* под этим названием (а не «порты») упоминаются только со второй половины XVII в. В большинстве случаев можно установить, что это была одежда верхняя, довольно нарядная, теплая, иногда кожаная или даже меховая — «штаны черв-

чатые суконные» (Старый Быхов, 1663), «штаны сукно багрецовое, другие черные» (Ростов, конец XVII в.), «кафтан желтой козлиной, штаны козлиныя ж» (Воронежский уезд, 1678–1679 гг.), «пять штанов» (г. Романов, 1678 г.)[33]. Из текста упоминаний явствует, что штаны носили и крестьяне, и горожане. О происхождении этой части мужского верхнего костюма существуют различные мнения. Дело в том, что иногда в значении «штаны» источники употребляют термин «ноговицы», обозначающий, нечто вроде гетр[34]. Но мы видим, что в этих случаях речь идет о нижних штанах («раздеты до ногавиц»). И.И. Срезневский считал, что, когда стали носить относительно короткие рубахи, ноговицы-гетры удлинились и были вверху соединены чем-то вроде гульфика и превратились в штаны[35]. П. Савваитов отмечает наряду с нижними штанами также верхние (по большей части из шелковых материй), теплые стеганые и меховые штаны[36]. Выше мы привели упоминания о суконных и кожаных штанах. Каков бы ни был путь их происхождения, отличительная черта мужского костюма рассматриваемого периода состоит в том, что появились верхние (нарядные, теплые) штаны, а древние порты приобрели значение нижнего белья, как и сорочка. Покрой штанов, как уже сказано, в точности неизвестен. М.Н. Левинсон-Нечаева предполагает, что в рассматриваемый нами период были штаны как с узким, так и с широким шагом[37].

Мужской комнатной наплечной одеждой был *зипун* — облегающая довольно короткая куртка, надевавшаяся поверх рубахи, но под *кафтан*. Некоторые исследователи предполагают, что рукава зипуна могли быть из другой материи, чем основная его часть[38]. Однако единственное известное нам упоминание этой части одежды в письменных источниках (Воронеж, 1676 г.) — «зипун сермяжной белой»[39]. М.Н. Левинсон-Нечаева описала зипун из собрания Оружейной палаты — стеганый, немного расклешенный книзу, с неширокими рукавами того же цвета. Он не имеет роскошной отделки, но полы и подол обшиты галуном[40]. Можно думать, что зипун соответствовал в составе мужского костюма современному жилету. Для простого человека в XVII в. зипун мог служить, по-видимому, и верхней одеждой, наравне с кафтаном.

Кафтан был верхней одеждой мужчин и (реже) женщин, комнатной и легкой уличной, а иногда и зимней *(кафтан шубный)*. В зависимости от назначения и моды кафтан шили длиннее или короче (до колен или до лодыжек), свободный или в талию (но всегда из плотной, относительно хорошей материи, на подкладке), в подавляющем большинстве случаев распашной, причем правая пола заходила на левую. По борту располагались обычно 8–12 пуговиц (или завязок). Русские источники до XV в. не знают названия «кафтан». Тем более важно, что в XVI–XVII вв. оно распространяется на очень широкий круг одежд,

так что понадобились дополнительные обозначения — *русский, турский, польский, венгерский, становой, терлик*[41] и т.п., указывающие на детали покроя и отделки, связанные с модой. Так, турский кафтан был длинным, свободного покроя, застегивался только у шеи, рукава имел длинные, иногда — откидные. Становой кафтан в конце XVII в. был тоже довольно длинный, с широкими рукавами, но скроен в талию (охватывал стан), а внизу — с косыми клиньями; русский кафтан был примерно того же покроя, но клинья имел прямые, так что образовывались фалды; польский и венгерский кафтаны отличались преимущественно покроем рукавов, богатством украшений и нашивок; терлик был довольно коротким, с перехватом в талии (или даже отрезной со сборами) и имел застежку в виде лифа с клапаном на груди (возможно, надевался через голову), емурлук — *епанча,* как и *кебеняк* (*кибеняк,* укр. *кобеняк*)[42] был собственно суконным или войлочным плащом-дождевиком — длинным, с прямыми длинными рукавами и небольшими сборками на боках. Иногда емурлук даже пропитывался жиром — «ермулук олифленый»[43]. Кафтаны шили обычно с таким расчетом, чтобы они приоткрывали сапоги и не мешали шагу: спереди несколько короче, чем сзади. Воротник был небольшой стоячий или вовсе отсутствовал (тогда было видно богато украшенное «ожерелье» — пристежной воротник рубахи или зипуна). Стоячий воротник — *козырь* — мог пристегиваться и к кафтану. Рукава, если они не были откидными, украшались запястьями — богато орнаментированными манжетами, борт — петлицами, кружевом. Источники называют кафтаны из дорогих материй — атласные, бархатные, байберековые, камчатые, объяринные, тафтяные, зуфные, суконные, мухояровые[44], а также (по большей части у простонародья) крашенинные, сермяжные, бараньи, козлиные.

Кафтан был настолько распространенной одеждой, что уже в XVI в. в русских городах были специалисты-портные — кафтанники[45]. Нужно сказать, что кафтаном называлось и вообще всякое верхнее платье, и позднее, когда усилилось влияние западноевропейского костюма, соответствующая «немецкая» одежда — *жюстокор* — стала называться кафтаном[46], а надеваемая под нее аналогичная зипуну *веста — камзолом.* Короткий, в талию кафтан назывался иногда *полукафтаньем*[47]. Эта разница между длиннополым долгорукавным кафтаном и короткополой нижней одеждой — зипуном или камзолом — отчетливо обозначалась еще и в XIX в., как явствует из известной басни И.А. Крылова «Тришкин кафтан»[48]. (Над Тришкой смеются, видя рваные рукава кафтана, а короткие полы — не лучше.)

Кафтан был необходимой частью одежды бедного человека и богача и в зависимости от предполагаемого употребления мог делаться из роскошных материй, на драгоценных мехах или из простой сермяги,

на овчине. В зажиточном хозяйстве было по многу кафтанов. Так, среди имущества князя Ю.А. Оболенского в середине XVI в. названы пять кафтанов: «Кафтан на пупках собольих, кушаки цветные с золотом, пуговиц 9, кафтан желт на бельих черевях... кафтан камка... косой ворот, подложен тафтою, кафтан турской 10 пуговиц серебреных... кафтан косой ворот...»[49]. В крестьянских же семьях бывало по «два кафтанишка сукняных, шубка борловая женская»[50].

Из предметов одежды, близких по назначению к кафтану, следует назвать *кабат* — длинную теплую одежду с длинными рукавами. Кабат носили только дома и шили поэтому из скромных материй[51].

В XVI в. в придворной среде появилась специальная одежда для верховой езды — *чуга,* похожая на кафтан, но с перехватом в талии. Эту одежду можно сопоставить с кавказской *чохой* — городской одеждой, распространившейся, как думают исследователи, из городов Северного Кавказа и Закавказья[52]. Проникновение ее на территорию Московского государства объясняется, по-видимому, оживлением политических и культурных связей с Северным Кавказом, когда царь Иван IV женился на княжне Марии Темрюковне.

Не вполне ясной по функциям представляется часто упоминаемая в источниках среди предметов одежды *ферязь*. Чаще всего это была длинная (почти до лодыжек) свободная верхняя одежда с длинными, суживающимися к запястьям рукавами, распашная, застегивавшаяся на три — десять пуговиц или завязок, украшенная длинными нашивными петлями. Ферязь могла быть холодной (на подкладке) или теплой (на меху). Иногда накидывалась поверх кафтана, чуги или полукафтанья как плащ (бывали ферязи и без рукавов), иногда же надевалась под кафтан как зипун[53]. Возможно, что арабское слово *фараджийя* (в турецком произношении *ферадже, фередже),* обозначавшее у турок мужское и женское длинное платье с широкими рукавами, служило названием («ферязь») для нескольких одежд, различавшихся по покрою и функциям. В.О. Ключевский считал, что если у зажиточных людей ферязь надевалась на кафтан, то у простонародья — на рубаху. Дворянин, выходя на улицу, надевал поверх ферязи еще *охабень*[54].

ВЕРХНЯЯ УЛИЧНАЯ ОДЕЖДА

Верхнее платье было в рассматриваемый период одинаковым для мужчин и женщин только у простонародья. Такова была, например, *сукня,* или *сукман,* — не очень теплая широкая одежда из сукна на подкладке. Были и довольно богатые сукни из привозных материалов на шелковой подкладке[55]. Бытовали и *вотолы, сермяги, свитки*. Но вотола в XIV в., кажется, уже не считалась приличной одеждой даже для крестьян

и рядовых горожан. Вероятно, поэтому митрополит Киприан запрещал, например, ходить в вотолах на исповедь и к причастию[56].

Пожалуй, наиболее характерной женской верхней одеждой был *летник* — свободный, не слишком долгополый (так, что видны были стопы), с широкими рукавами, которые назывались *накапками* и украшались дополнительными специальными нашивками — *вошвами* — из другого материала: «Летник камчат червчат вошвы бархат с золотом зелен»[57]. Вошвы, по-видимому, хранились отдельно и могли нашиваться на разные летники. Так, в завещании волоцкой княгини Юлианны (1503 г.) названы 4 летника без вошв и отдельно 12 вошв. «Вошва на одну накапку шита золотом да сажона была жемчугом да жемчюг с нее снизан, а осталося его немного»[58]. Драгоценная вошва была, таким образом, «ограблена», но хранилась в сундуке княгини. По мнению И.Е. Забелина, летник был по большей части накладным, но делались и распашные летники, которые назывались *«опашница»*[59]. В самом деле, при описании летников почти никогда не упоминаются пуговицы. Летник надевали поверх сорочки и сарафана. Это была наряду с головным убором специфическая женская одежда, которую никогда не надевали мужчины. Теплый летник с такими же накапками и вошвами, но подбитый мехом назывался *кортель, кортли* или *торлоп*[60].

Другая верхняя женская одежда называлась *телогрея*. Она также надевалась поверх сарафана и была похожа на него по покрою, но имела длинные, сужавшиеся к кисти рукава, иногда — откидные. Телогрея была распашной, со множеством пуговиц (от 14 до 24), которые обычно не все застегивались. Шили ее из шелковых материй, на шелковой же подкладке или на меху. Телогрея была распространена уже в середине XVI в. Телогрея бывала очень нарядной: «Телогрея куфтяная камчатная цветная, ал шолк да жолт, круживо кованое золотое, пуговицы серебряны позолочены», — читаем в описи приданого, перечисляющей и еще три столь же роскошные телогреи червчатого и алого (т. е. различных оттенков красного) цвета[61]. Но в целом телогрея встречается в документах XVII в. не часто, реже, чем другие предметы женской одежды.

Излюбленной уличной одеждой, носимой мужчинами и женщинами весной и осенью (как мы бы сейчас сказали — демисезонной), была *однорядка*. Однорядки шили из сукна или иных шерстяных тканей «в один ряд» (т.е., по-видимому, без подкладки), что, как думают, и обусловило само название. Это была распашная, длинная, широкая одежда с длинными откидными рукавами и прорехами для рук у пройм. Полы ее делались спереди короче, чем сзади. «Однорятка женская сукно кармазин малиновый цвет, у ней 12 пуговиц серебряные большие на сканое дело, да однорядка женская вишневая», — сказано в описи имущества посадского человека 1672 г. Встречаем в описях и упоминание отрезов:

«сукно на однорядку синее». «Однорядка лазоревая брюкишна» упомянута в завещании начала XVI в.[62].

Летом зажиточные мужчины и женщины носили внакидку, «на опаш», легкие шелковые *опашни* свободного покроя, с длинными, суживающимися к запястью рукавами, на шелковой же или бумажной подкладке. Полы опашня, как и у однорядки, были длиннее сзади; надевая его в рукава, все же не подпоясывались[63]. Такой опашень найден при строительстве Московского метрополитена в трещине стены Китай-города[64].

Специфически мужской одеждой был *охабень (охобень, охобенек)* — близкий по покрою к однорядке, но с большим отложным воротником, спускавшимся ниже лопаток[65]. Он имел также длинные (вровень с подолом, достигавшим щиколоток) откидные рукава и прорези для рук. Опашень украшали крупные пуговицы. «Опашен бархат зелен з золотом 11 пуговиц грушчатых... опашен зуфь светлозеленая амбурская 9 серебряных грановитых пуговиц...», — читаем в завещании князя Ю.А. Оболенского, составленном в середине XVI в.[66].

Сарафанец — длинная, довольно узкая распашная мужская одежда, давшая, как уже сказано, название и женскому сарафану, видимо, не была распространена очень широко. Упомянутая впервые в конце XIV в., она держалась до середины XVII в. только среди знати. У князя Оболенского был желтый шелковый сарафанец, застегивавшийся на 23 золотые и серебряные пуговицы.

Армяк (иранск. *урмак*), который простые люди шили из толстого домотканого сукна — *армячины,* был свободной халатообразной верхи — уличной одеждой. Но знатные люди носили армяки только дома[67] и шили из более дорогих тонких тканей. У князя Оболенского были «армяк мухояр лазорев» и «армяк тонкое полотенце».

Напротив, чрезвычайно парадной верхней одеждой московской знати в XVI–XVII вв. была *ферезея* — длинная, прямая, несколько расклешенная книзу, широкая, с откидными рукавами. Шили ее из дорогих сукон, украшали вышивкой и даже камнями, подбивали иногда дорогим мехом (например, соболями), надевали поверх ферязи или кафтана. Ферезея, как думают некоторые исследователи[68], была в XVII в. даже чем-то вроде должностной парадной одежды стольников царского двора. Во всяком случае, русский посол во Франции стольник П.И. Потемкин изображен на портрете именно в ферезее.

Епанча, о которой мы говорили выше как о разновидности кафтана (*япончица, ермулук,* тур. япондже), могла представлять собой и безрукавный плащ типа бурки. Епанча теплая на меху называлась также *ментеня*[69] («ментеня камка на черевах лисьих... на пупках собольих»)[70].

Нам остается сказать немного о безрукавных плащах, которые в рассматриваемый период постепенно отступали в комплексе русской

одежды на задний план. На смену длинному корзну у знати пришел более широкий и короткий плащ — *приволока*. Его шили из дорогих золотных материй. Царскую приволоку Дмитрия Донского упоминает автор сказания о Мамаевом побоище[71]. Приволоки из камки и бархата «с горностаем» упомянуты в завещаниях князей Ростовского и Оболенского середины XVI в.[72]. Возможно, эти приволоки также были частью воинского снаряжения. Вместе с тем богато украшенная обшивкой и даже вошвами приволока была и женской одеждой[73]. Безрукавными плащами были и упомянутые в XIV в. *вотола, коць, мятль*. наконец, епанча, о которой мы только что говорили. Несколько большее распространение безрукавные плащи получили позже, в связи с западноевропейской модой.

ЗИМНЯЯ ВЕРХНЯЯ ОДЕЖДА

Теплой зимней верхней одеждой мужчин и женщин были разного рода *шубы* (сам термин восточного происхождения — *«джубба»*). Разнясь весьма значительно по покрою и материалу, шубы имели, по сути дела, одну непременную общую черту — они были меховыми. Бедные люди — крестьяне и горожане — носили, как и в древности, шубы преимущественно из овчины — шкур овец, гораздо реже из козьего меха. В течение всего рассматриваемого периода в простонародной среде бытовали *кожухи*, т.е. нагольные, не покрытые материей шубы. Но в городской среде и в особенности у зажиточных горожан и феодалов шубы делались из тщательно подобранных, иногда драгоценных мехов, крылись красивой материей, украшались вышивкой, кружевом и т.п. Даже кожух, если он принадлежал князю, мог быть расшит каменьями и бляхами. У Ивана Калиты, например, было четыре кожуха, шитых жемчугом, в том числе один малиновый (червленый) и два — украшенные, кроме жемчуга, еще металлическими бляхами — аламами[74]. Но нужно сказать, что само понятие кожуха как нагольной шубы в ту пору, вероятно, начало уже утрачиваться; кожухом называли иногда и шубу, крытую материей. Один из кожухов Калиты был крыт желтой объярью, а спустя полтораста лет верейский князь Михаил Андреевич завещал своему зятю, князю Дорогобужскому, «кожух крыт камкой, подбит соболем»[75]. С другой стороны, шубой называли иногда нагольную одежду, собственно кожух, например, при описи крестьянского имущества — «шуба нагольная бараня»[76]. Шубы, как и кафтаны (как мы видели, бытовал и термин «кафтан шубный»), бывали разных фасонов в зависимости от моды, в частности, уже в XV в. известна *русская шуба*, а позднее — *шуба турская* — термины, аналогичные названиям фасонов кафтана. Богатые люди имели по многу шуб. В середине XVI в. в гардеробе князя

Оболенского было шесть шуб: «Шуба на соболях бархатная, шуба на соболях камка 11 пуговиц серебряных резных грановитых, шуба пупки собольи наголо, шуба кунья наголо... две шубы горностайны»[77]. В 1668 г. в г. Шуе В.И. Бастанов давал в приданое за дочерью пять шуб: «Шуба атлас золотный с круживом... на горностаях, шуба куфтерная желтая камчатая на соболях, круживо кованое серебряное, пуговицы серебряны позолочены; шуба атласная цветная на куницах, круживо цепковое золотое, пуговицы серебряны золочены; шуба куфтерная алая камчатная на горностаях, круживо кованое золотое, пуговицы серебряны золочены; шуба тафта цветная на хребтах на бельих, круживо кованое серебряное, пуговицы серебряны позолочены»[78]. Это перечисление богатых шуб стало в XVII в. мишенью демократической сатиры: в «Росписи о приданом» упоминаются «шуба соболья, а другая — сомовья»[79] (т.е. «на рыбьем меху», как любили острить и позднее). Шуба попроще, на овчине или на заячьем меху, крылась крашениной и называлась *кошуля*. Кошулю носили мужчины и женщины[80].

О покрое шуб у нас сведений мало. Можно лишь сказать, что шуба делалась обычно распашной, рукава широкие суживались к кисти; бывали и откидные рукава (у турской шубы они сочетались с обычными)[81]. Длина шубы менялась в зависимости от фасона — шуба могла быть лишь немного ниже колен и почти до пят. Воротник был меховой, различных фасонов (например, у русской шубы — отложной). Это была в общем свободная одежда, но шуба турская кроилась как халат, а русская — больше в талию. Украшения — те же, что и у другого верхнего платья: петлицы, пуговицы, кованое кружево, меховая опушка; как мы увидим ниже, шуба была, пожалуй, самым парадным одеянием русских феодалов и зажиточных горожан. У богатых людей были специальные шубы разного назначения (например, столовая, санная или ездовая и пр.).

Бедный же человек довольствовался одной, совсем не роскошной шубой. Такую простую шубу носил, например, митрополит Филипп в период своей ссылки (1566–1569 гг.). Она сохранилась как реликвия в патриаршей ризнице[82]. Шуба длинная, прямая, с небольшими расширяющими клиньями внизу. Рукава, очень широкие сверху, к кисти суживаются; пуговицы (их 30) пришиты на правой поле, петли — на левой (следовательно, в XVI в. застежка была уже не только на левую сторону, но и «мужская» — на правую). Материалом для шубы служило домотканое черно-коричневое грубое сукно, покрывавшее обыкновенную коричневую овчину. Из овчины был и маленький отложной воротник. Но по покрою шуба была такой же, какие носили и феодалы. В частности, великий князь Василий Иванович, отец Ивана Грозного, изображен на портрете в шубе того же покроя.

ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ

Головные уборы русских в XIII–XVII вв. были весьма разнообразны. Их состав и конструкция отражали как древние традиции, так и различные влияния. Наиболее традиционным был, пожалуй, женский головной убор. Его состав и конструкция были продиктованы тем, что издавна считалось, что замужняя женщина никому не должна показывать свои волосы, а если она будет «светить волосом», то от этого может произойти даже какой-либо вред для окружающих. «Спаси меня от колдуна и от девки гладковолосой и от бабы простоволосой»,– гласил старый заговор[83]. Но девушкам, независимо от того, были ли их волосы кудрявыми или гладкими, полагалось дома, а в летнюю пору и на улице ходить с открытой головой (точнее — с непокрытым теменем). «Девушки ходят с открытой головой, нося только укрепленную на лбу богатую повязку; волосы девушек спадают до плеч и с гордым изяществом заплетены в косы»,– писал иностранец в 1698 г.[84]. В XVI–XVII вв. девушки нередко и завивали волосы (возможно, чтобы не быть «гладковолосыми»), носили их распущенными или заплетали в косу (причем старались заплетать возможно слабее, чтобы коса казалась толще) и перевивали пряди нитками[85]. Девичью косу украшал *косник* или *накосник* — вплетенная в нее золотная нить или чаще — треугольная привеска, обычно на жесткой основе, богато расшитая нитками и жемчугом, окаймленная кружевом или металлическими пластинками. Вокруг головы (заплетала ли девушка косу или носила волосы распущенными) была *перевязка* — шелковая лента, а у богатых — и из золотых нитей. Украшенная на лбу шитьем (иногда — жемчугом), она называлась также *челом* или *челкой;* если орнамент шел по всей окружности — *венком* или *венцом*. Венец с зубцами по верхнему краю *(городками)* назывался *коруной*[86]. Мы видим, что девичий головной убор сохранил очень много общего с древним.

Женский головной убор отражен в источниках довольно подробно. Основные части его перечислены в свадебном чине, рекомендованном в XVI в. Домостроем. При приготовлениях к свадьбе предписывалось на блюдо возле «места» молодых в доме невесты «положити кика да положити под кикой подзатыльник, да подубрусник, да волосник, да покрывало»[87].

Подубрусник или *повойник* представлял собой легкую мягкую шапочку из цветной материи; под него и убирались заплетенные в две косы волосы женщины. Сзади повязывался для той же цели одинаковой с повойником расцветки платок — *подзатыльник*. Поверх всего надевали *убрус* - полотенчатый, богато вышитый головной убор, закалывавшийся специальными булавками (другое его название — *шлык),* или *волосник* — сетку с околышем из золотных или вышитых золотом материй.

Женские головные уборы (по материалам раскопок):
1) головной убор с колтами (Чернигов, реконструкция Б.А. Рыбакова), 2) головной убор с покрывалом (Рязанская земля, реконструкция В.П. Даркевича и В.П. Фролова), 3) головной убор с серебряными пластинами (Мартыновский клад, реконструкция Б.А. Рыбакова). (Из кн.: Древняя одежда... С. 34, рис. 20, С. 48, рис. 10.)

Археологические находки волосников (в погребениях знатных женщин) датированы XVI и XVII вв. В Москве на ул. Фрунзе (на территории бывшего Знаменского монастыря) под надгробной плитой 1603 г. найден волосник, на околыше которого вышиты изображения единорогов[88] — символ смерти. Возможно, этот волосник был заготовлен хозяйкой специально как смертная одежда. По мнению И.Е. Забелина, волосник надевали иногда вместе с убрусом — под убрус или поверх него[89].

Наконец, главной частью головного убора была (очевидно, в тех случаях, когда поверх волосника не надевался убрус или шлык) *кика* или *кичка* — символ замужества. Кика имела мягкую тулью, окруженную жестким, расширяющимся кверху подзором. Она была крыта яркой шелковой тканью, спереди имела расшитое жемчугом *чело,* у ушей — *рясы,* сзади — *задок* из куска бархата или собольей шкурки, закрывавший затылок и шею с боков. Поверх кики надевался иногда еще платок, так что оставалось видно чело[90].

Кроме кики, источники XVII в. называют еще *сороку* и (чаще) *кокошник,* но исследований конструкции этих уборов нет. Сам же характер упоминаний не позволяет судить об этом. Исследователи отмечают связь упоминаемых в XVI–XVII вв. кики, сороки и кокошника с женскими головными уборами, бытовавшими у крестьян и даже у горожан еще в середине XIX в. «В некоторых захолустьях,– писал П. Савваитов,– еще и в настоящее время можно видеть не только у крестьянок, но даже у горожанок головной убор, похожий на бурак или кузовок, иногда с рогами,

сделанными из лубка или подклеенного холста, обтянутый позументом или тканью яркого цвета и украшенный разными вышивками и бисером, а у богатых баб — даже жемчугом и дорогими камнями»[91]. Но разницы между кикой, сорокой и кокошником Савваитов не видел. В.И. Даль в середине XIX в. писал о сороке: «Это некрасивый, но самый богатый убор, уже выходящий из обычая; но мне самому еще случалось видеть сороку в десять тысяч рублей»[92]. Богато вышитую свадебную сороку — *золотоломку,* которую молодуха носила по праздникам в первые два — три года после свадьбы и в XIX — начале XX в., отмечает Г.С. Маслова[93].

Головные уборы и их части перечислены обычно в составе приданого. В 1668 г. в г. Шуе описано три волосника: «Волосник с ошивкою, ошивка низана зерны (жемчугом. — *М. Р.)* половинчатыми с каменьи и с изумруды и с яхонты и с зерны; волосник золотный с ошивкой, ошивка шита битным золотом обнизаная; волосник золотный, ошивка шитая волоченым золотом с зерны; ошивка цепковая двойная»[94]. В том же городе в 1684 г., по-видимому, в семье феодала было дано в приданое три кокошника: «кокошник низан по червчатому атласу; кокошник шитой золотом по тафте; кокошник тафтяной с галуном серебряным»[95]. В 1646 г. в составе имущества посадского человека - шуянина было, между прочим, «8 сорок шиты золотом... кичка дорогильна зелена, очелье шито золотом»[96]. В 1690 г. в одном московском завещании упомянут «кокошник низаной с яхонты с изумрудом»[97]. В 1694 г. в г. Муроме среди приданого девушки из рода Суворовых — «кокошник низаной, 5 кокошников шитых с галунами, 5 подбрусников атласных и камчатых, ошивка низаная, ошивка цепковая»[98]. В 1695 г. А.М. Квашнин давал за дочерью 11 кокошников — 3 парадных и 8 попроще. Кокошник получила в приданое и дочь А. Тверьковой из г. Кашина[99]. В 1696 г. гость И.Ф. Нестеров дал за дочерью «кокошник жемчюжен с каменьем»[100]. Различия здесь, скорее, социальные, чем территориальные: сорока и кика — у посадских людей, кокошник — у феодалов и высшего слоя купцов. Если вспомнить, что в середине XVII в. Мейерберг изобразил московскую крестьянку в кичкообразном (расширяющемся кверху) головном уборе[101], то можно предположить, что в центральных русских землях — бывших Московском и Владимирском княжествах — по крайней мере в XVII в. был женский кичкообразный головной убор. Кокошники же были принадлежностью туалета знатных и богатых женщин повсеместно.

Итак, традиционный, очень сложный по составу головной убор, который не снимали и дома, был характерен для всего рассматриваемого нами периода и удержался у некоторых социальных слоев также значительно позднее, еще почти на два столетия. Выходя на улицу, женщина надевала поверх этого убора платок или (у зажиточных слоев населения) шапку или шляпу. Источники знают, помимо общего названия *шапка*

и *шляпа,* также специальные термины, обозначавшие женские уличные головные уборы различных фасонов: *каптур, треух, столбунец* и даже *чепец.* Женские шляпы были круглыми, с небольшими полями, богато украшались шнурами из жемчужных и золотных нитей, иногда — драгоценными камнями. Шапки были меховыми, по большей части — с матерчатым верхом. Шапка столбунец была высокой и напоминала мужскую горлатную шапку, но суживалась кверху и имела дополнительную меховую опушку на затылке. Каптур был круглым, с лопастями, закрывавшими затылок и щеки, треух напоминал современные ушанки и имел верх из дорогих тканей[102]. Иногда платок — *фата* — повязывался поверх меховой шапки, так что угол его свешивался на спину. «Шапка польская с куницей, верх камчатной, треух куней верх изобравной»; «шапка женская шитая битым золотым с круживом низанным... шапка горлатная лисья» (всего перечислено пять шапок); «каптур соболей наголной»; «чепец косой камчатной красной, круживо золотое с серебром» (всего перечислено три чепца)[103]. Таковы упоминания женских головных уборов в источниках XVI–XVII вв.

Мужские головные уборы также претерпели в XIII–XVII вв. существенные изменения. Изменилась и сама прическа. В XIII в. в моде были распущенные волосы, подстриженные чуть выше плеч. В XIV–XV вв. на севере Руси, по крайней мере в Новгородской земле, мужчины носили длинные волосы, заплетая их в косы[104]. В XV–XVII вв. волосы подстригали «в кружок», «в скобку» или стригли очень коротко[105]. Последнее, видимо, было связано с ношением дома небольшой, закрывавшей только макушку круглой шапочки вроде восточной тюбетейки — *тафьи* или *скуфьи.* Привычка к такой шапочке уже в XVI в. была так сильна, что Иван Грозный, например, отказывался снимать тафью даже в церкви, несмотря на требования самого митрополита Филиппа[106]. Тафья или скуфья могли быть простыми темными (у монахов) или богато расшитыми шелками и жемчугом.

Пожалуй, наиболее распространенной формой собственно шапки был *колпак* или *калпак* — высокий, кверху суживавшийся (иногда так, что верх заламывался и отвисал). Внизу у колпака были узкие отвороты с одной-двумя прорехами, к которым прикреплялись украшения — пуговицы, запоны, меховая оторочка. Колпаки были распространены чрезвычайно широко. Они были вязаные и шитые из разных материй (от бели и бумаги до дорогих шерстяных тканей) — спальные, комнатные, уличные и парадные. В завещании начала XVI в. раскрывается любопытная история о том, как рузский князь Иван взял у своей матери — волоцкой княгини — «во временное пользование» разные фамильные драгоценности, в том числе серьги из сестриного приданого — и пришил себе на колпак, да так и не отдал[107]. Должно быть, этот колпак

был очень нарядным головным убором щеголя. Столетием позже среди имущества Бориса Годунова упомянут «колпак саженой; на нем 8 запон да на прорехе 5 пуговиц»[108]. Мы уже говорили в предыдущей главе, что колпак или, как его тогда называли, *клобук* был распространен на Руси и в древности. Разновидностью колпака был в XVII в. *науруз* (само слово иранского происхождения), имевший, в отличие от колпака, небольшие поля и также украшенный пуговицами и кистями[109]. Поля науруза были иногда загнуты вверх, образуя острые уголки, которые любили изображать миниатюристы XVI в. Г.Г. Громов считает, что при этом татарский колпак имел также заостренный верх, тогда как русский головной убор был сверху закруглен[110].

Мужские шляпы имели круглые поля («полки») и были иногда валяными, как позднейшие крестьянские шляпы. Такая шляпа со скругленной тульей п небольшими, загнутыми кверху полями, принадлежавшая, по-видимому, рядовому горожанину, найдена недавно в г. Орешке в слое XIV в.[111].

Среди зажиточных слоев населения в XVII в. были распространены *мурмолки* — высокие шапки с плоской, суживающейся кверху, наподобие усеченного конуса, тульей и с меховыми отворотами в виде лопастей, пристегивавшихся к тулье двумя пуговицами. Мурмолки шили из шелка, бархата, парчи и украшали дополнительно металлическими аграфами[112].

Мужская одежда XVII в.: 1) барин в кафтане и горлатой шапке, слуга в зипуне, Москва; 2) — купец в кафтане, Москва; 3) — мальчик в кафтане.
(Из кн.: Древняя одежда... Рис. 22, по А. Мейербергу.)

Теплыми головными уборами мужчин были меховые шапки. Источники называют *треух* или *малахай* — шапку-ушанку, такую же, как и у женщин. Наиболее парадной была *горлатная шапка*, которая делалась из горловины меха редких зверей. Она была высокая, расширяющаяся кверху, с плоской тульей. Наряду с горлатными шапками упоминаются также *черевьи*, т.е. сделанные из меха, снятого с живота зверя.

Подобно тому как принято было надевать при парадных выходах одну одежду поверх другой (например, зипун — кафтан — однорядку или шубу), надевали и по нескольку шапок: тафью, на нее колпак, а поверх него еще горлатную шапку[113].

Особые головные уборы (разного рода *клобуки*) были у духовых лиц различных рангов.

Важной регалией властителей оставалась *княжеская шапка*. Характерно, что появившаяся у московских великих князей в XIV в. «золотая шапка», позднее (в начале XVI в.) названная «шапкой Мономаха», была переделана с таким расчетом, чтобы походила на старинную княжескую шапку. Золотую тюбетейку бухарской работы снабдили традиционной русской собольей опушкой[114]. Наверху поместили крест, хотя в древности княжеские шапки крестом не увенчивались. Так была создана традиционная форма венца московских царей: все последующие царские венцы XVI и XVII вв. подражали по своей форме «шапке Мономаха».

ПОЯСА и УКРАШЕНИЯ

Важную роль в русской одежде играли разного рода опояски — от простого плетеного пояса крестьянина и рядового горожанина до драгоценного золотого пояса с каменьями — регалии князя-военачальника, пояса, из-за которого однажды даже разгорелась феодальная война. Рассматривая предметы верхней и домашней одежды, мы говорили, какие из них подпоясывались. Но люди выходили на улицу, надевая один на другой несколько таких предметов, и как на мужчине, так и на женщине при этом могло оказаться несколько опоясок.

Простейшими были пояса тканые, плетеные и витые, какие сохранились в крестьянском быту и в XIX в.[115]. Один узорный шерстяной тканый пояс найден при раскопках в Москве, в слое XVI в.[116]. Таким поясом, а также витым шнуром подпоясывали мужскую и женскую рубахи, сарафан. На новгородской иконе XIV в. дети изображены в рубахах, подпоясанных поясами-шнурками с кистями на концах.

Место, где полагалось быть поясу, уточнялось модой. В XVII в., например, модно было подпоясываться ниже талии, чтобы больше казался живот — так считалось солиднее[117]. Некоторые исследователи предполагают, что и в ту пору молодежь все же старалась выглядеть

стройней и подпоясывалась по талии[118]. Верхнюю одежду подпоясывали ременным поясом (находки пряжек нередки) или матерчатым кушаком. Кушаки, надеваемые поверх кафтана, бывали из тканей ярких цветов — кумачные, бумажные, а у богатых — из дорогих привозных материй, с особо украшенными концами, которые свисали книзу. Среди царского платья в музеях Московского Кремля сохранился дорогой, вытканный золотом и серебром кушак из числа 12 кушаков, подаренных в 1621 г. царю Михаилу Федоровичу персидским шахом Аббасом[119]. У князя Ю.А. Оболенского были даже «кушаки бумажные пушены горностаем»[120].

Высшие военачальники, крупные феодалы, князья носили и драгоценные золотые пояса. Недаром иноземцы называли членов новгородского Совета господ «золотыми поясами»[121]. В духовных грамотах — завещаниях московских великих князей и царей — не раз названы эти фамильные драгоценности. У Ивана Калиты было девять драгоценных поясов, у Ивана Красного — четыре, у Дмитрия Донского — восемь[122]. Сыновья великих князей получали в наследство не только удел, но и драгоценности, среди которых обязательно был и золотой пояс.

К поясу, будь он ременный или золотой, привешивались, как и в предыдущий период, разные необходимые вещи, в том числе нож в ножнах и обязательно сумочки, заменяющие карман (в те времена карманов не было не только у женщин, но и у мужчин). Только к концу рассматриваемого периода в XVI–XVII вв. — появились карманы, которые сначала пристегивались к одежде *(кишень)*, а потом стали нашиваться *(зепь)*[123]. Такая сумочка (вернее, коробочка) из драгоценного металла называлась *капторгой*, кожаная сумка — *калитой* или *мошной*, впрочем, два последних названия уже очень рано приобрели общее значение кошелька; уже в XIV в. калитой был, как известно, прозван за свое скопидомство даже сам московский князь. В духовной грамоте Дмитрия Донского находим «пояс золот с калитою».

Кожаные калиты найдены при раскопках в Новгороде Великом и в Москве[124]. Подобные сумочки носили мужчины и в Западной Европе, как на поясе, так и через плечо[125]. У немцев они назывались в XIV–XV вв. Reisetaschen и комбинировались иногда с небольшим кинжалом. Эти сумочки обычно ничем не украшались, в то время как русские калиты зачастую богато орнаментировались.

Итак, пояс с калитой был не только необходимой частью туалета, но и украшением. То же можно сказать и о воротниках и обшлагах одежды. Большинство предметов одежды, о которых мы говорили раньше, воротников не имело. Русская рубаха оставалась, как и в IX–XIII вв., «голошейкой». Но богато вышитый воротник — *ожерелье* — пристегивался к рубахе, зипуну, кафтану и даже к однорядке и был важным украшением

одежды. У богатых людей мужские и женские ожерелья вышивались жемчугом. «Ожерелье зожоно, а исподний ряд снизан...», «ожерелья 3 жемчужных...»[126], — читаем нередко в грамотах. Украшением ожерелья служили и пуговицы: «ожерелье сажено жемчугом, 6 пуговиц жемчужных»[127].

Ожерельем назывался также меховой стоячий воротник, пристегивавшийся к шубе. У князя Оболенского, например, было «ожерелье боброво»[128].

Подобные ожерельям вышитые манжеты назывались *зарукавьями* или *запястьями* и были также распространены в мужской и женской одежде. Например, надевая верхнюю одежду с откидными рукавами, можно было просовывать руки в прорези у пройм и щеголять драгоценными зарукавьями, пристегнутыми к рубахе, зипуну или кафтану. «Запястье сажено жемчугом», — читаем в той же духовной XVI в.[129].

Одежда украшалась также вышивкой у ворота, плеч, бортов, петель, обшлагов и подола, нашивными бляхами — *аламами*. При этом широко применялась обшивка галунами и нашивка петель из серебряного и золотого шнура с жемчугом и каменьями. Края одежды обшивались также металлическим кованым, плетеным или низаным жемчугом, кружевом.

Важным украшением одежды служили, как уже сказано, *пуговицы*, которые у богатых были серебряными, золотыми, жемчужными и т.п. Это явление — общее для всей Европы. На русских одеждах бывали и пуговицы литовского и немецкого дела[130]. П. Савваитов приводит интересные данные о числе пуговиц на разных предметах одежды. К кафтану полагалось 13–19 пуговиц, к опашню — 11–30, к однорядке 15–18, к ферязи 3–10, к чуге 3–22, к шубе 8–16, к зипуну 11–16, к кожуху 11, епанче — 5, армяку — И, терлику — до 35, телогрее 14–24[131]. Впрочем, какой-нибудь щеголь мог нашить на одежду и гораздо больше пуговиц: «Кафтан суконный... 42 пуговицы канительные... петли снурок золотной»[132]. Вместо пуговиц иногда пришивали особые костыльки — *кляпыши*, тоже красивые и дорогие.

Что же касается собственно украшений, к одежде непосредственно не прикреплявшихся, то в XIII–XVIII вв. произошли существенные изменения. Древний красочный племенной убор с характерными для него височными кольцами отмер, и простые женщины — крестьянки и горожанки — стали носить гораздо меньше украшений. Следы этой древней моды можно увидеть в вышивке головных уборов и украшениях неметаллических — «пушках», «кудрях». Но богатые женщины имели множество драгоценностей. Описи имущества, приданого, свадебные договоры, завещания пестрят упоминаниями *перстней, обручей* (браслетов), *монист, серег*. Кое-что из этого богатства сохранилось в наших музеях.

Серьги вдевались в мочки ушей и представляли собой золотое или серебряное кольцо или крючок с привесками из металлических бус или чаще из драгоценных камней. По числу привесок серьги назывались

одинцы, двойни, тройни[133]. Одну серьгу носили и мужчины. Этот древний обычай, прослеживающийся еще с X в., существовал и в рассматриваемый нами период. Московский великий князь Иван Иванович в 1356 г. завещал своим малолетним детям — Дмитрию и Ивану — по серьге с жемчугом.

На шее женщины носили *монисто* — ожерелье в нашем современном смысле слова. Иногда и *гривну*. Мужских гривен в XIII–XVI вв. не упомянуто. Монисто состояло из бус, более или менее дорогих, в зависимости от состояния. На кистях рук носили обручи, на пальцах — перстни. Богатая женщина носила на каждой руке по нескольку обручей и перстней. Мужской золотой перстень назывался *жиковина* или *напалок*. *Рясы* — пряди жемчужных зерен — украшали женский головной убор, *заноски* — золотые цепочки для крестов и просто золотые цепки носили на шее[134].

Вот примерный набор драгоценных украшений богатой русской женщины конца XV в.: «Двои серги одни яхонты, а другие лалы... трои серги, двои яхонты, а третьи лалы... монисто большое золото да три обруча золоты... монисто на гайтане... два обруча золоты... да три обруча золоты... перстни золотые 17»[135]. «Серги жемчуялные двойчатки — перстней восемь золоченых... две цепочки серебряны» были даны в конце XVII в. в богатом приданом в г. Ростове[136]. «Круживо жемчужное на шапку цена рубль... золотник жемчуга с четвертью цена 20 алтын... кошельки (серьги, сплетенные из жемчуга. — *М. Р.)* цена 2 р. ... серги серебряные под золотом с цепью серебряною да два креста цена 8 гривен» — все это было дано в приданое дворянской девушке из Ровдогорья на Северной Двине в 1647 г. Здесь интересно обилие жемчуга и относительно низкая его цена, что характерно для русского Севера[137]. А в брачной записи рядовой крестьянки в XVI в. упомянуты единственные серебряные серьги.

ОБУВЬ

Наиболее распространенной мужской и женской обувью в XIII–XVII вв. оставались лапти. Их носили почти все крестьяне и изредка горожане. Развилось и производство лаптей на продажу.

Другим распространенным среди простонародья видом обуви были *поршни*. Находки кожаных поршней и их частей встречаются при раскопках в городах, однако реже, чем находки другой кожаной обуви. Разновидностью поршней считают *моршни* или *уледи,* делавшиеся из бычьей сыромятной кожи и сочетавшие как будто бы кожаный низ с войлочным верхом[138]. Часть кожаной обуви, подложенной (кроме войлочной стельки) войлоком так, чтобы стопа была прикрыта и сверху, найдена однажды при раскопках в Москве, в Зарядье, в слое XVI в.[139]. Может быть, это

Плетеная
и кожаная обувь:
а) лапоть, б,в) поршни,
г,д,е) чеботы, ж,з) сапоги.
(Из кн.: Древняя одежда …
С. 51. Рис. 11.)

и были уледи. Известна и какая-то обувь типа поршней, называвшаяся *ступни*. Один иноземный купец, живший во Пскове в начале XVII в., переводил это название немецким словом Schuhe[140].

В городах больше распространены были *чеботы, черевики* и *сапоги*. Чоботы и черевики отличались от сапог примерно так, как позднейшие ботинки: они были короткими, без голенищ в собственном смысле этого слова, спереди могли иметь разрез или собирались вокруг ноги на шнуре-вздержке.

При археологических раскопках в Новгороде, Москве, Переяславле Рязанском и других городах части чебот и черевиков — находка не частая, встречающаяся преимущественно в XIII–XV вв.[141]. Среди них — и богато украшенные тиснением или с ажурным орнаментом. В последнем случае, вероятно, в дырочки продергивались цветные нити, образуя разноцветный узор. Большинство предметов сделано из черной кожи, но были и более нарядные чеботы разных цветов и материалов — сафьянные, атласные, бархатные (матерчатые — с вышивкой)[142].

Сапоги (наиболее распространенная обувь горожан), как и прежде, имели относительно короткие голенища. «Сапоги они носят по большей части красные и притом очень короткие, так, что они не доходят

до колен, а подошвы у них подбиты железными гвоздиками», — писал в XVI в. о московитах С. Герберштейн[143]. Сапоги, как и башмаки, делались из различных сортов кожи. Дорогие были не только черными или красными, но и желтыми и зелеными; особым разнообразием цветов отличалась сафьянная обувь. В качестве украшения широко применялось тиснение, причем более сложный узор оттискивался на голенищах, а на передках сапог тиснение чаще имитировало естественные складки кожи, но более правильные и мелкие. Кроме того, иногда край голенища украшался цветной материей, а то и весь сапог покрывался дорогим шитьем. Так, в 1252 г. князь Данил Галицкий носил «сапоги зеленого хъза шити золотом»[144]. В XVII в. на Северной Двине, в Ровдогорье, зажиточной невесте в приданое дали две пары сапог: «сапоги телятинные красные с шелком да другие пришвы»[145].

Фасоны сапог и башмаков менялись согласно моде и в зависимости от наличия разных сортов кожи. Так, более древняя обувь делалась из тонкой кожи и была поэтому мягкой, шилась выворотным способом. Подошва составлялась из нескольких слоев кожи. Мягкие сапоги — *ичеготы, чедыгчи* (это название тюркского происхождения) — были и в XVI–XVII вв.[146]. Но, начиная с XIV в., появляется и толстая, жесткая подошва. Е.И. Оятева отметила, что из 110 фрагментов обуви, найденной в слоях XIV–XVII вв. в Переяславле Рязанском, 103 принадлежали обуви жесткой конструкции и только 7 — мягкой[147]. При этом постепенно перестали шить и симметричную обувь «на обе ноги». В случае, описанном Е.И. Оятевой, даже мягкая обувь была в большинстве асимметричной: на правую или на левую ногу, и только один экземпляр — симметричный. Подошва пришивалась к переду и для крепости подбивалась гвоздями, а на пятке — и подковой, задник прокладывался берестой. К XVI–XVII вв. стала преобладать обувь на среднем или высоком каблуке. Каблук делался из многих слоев кожи, иногда скреплявшихся металлической скобкой, и подбивался также металлической подковкой. Носки сапог и башмаков в зависимости от моды были закругленными или несколько приподнятыми кверху (острый носок подошвы при этом вшивался в специальный вырез переда).

Наряду с модной городской обувью в источнике XVII в. отмечены также «сапоги мужские крестьянские»[148], вероятно, какие-то рабочие сапоги типа бахил. В большинстве же случаев источники не делают разницы между парадной, повседневной и рабочей мужской и женской обувью.

Кроме чебот, черевиков и сапог, С.А. Изюмова выделяет еще полусапожки — с более коротким, чем у сапог, голенищем и мягким (без берестяной прокладки) задником[149]. Однако письменные источники эпохи средневековья такого термина не знают, и мы вынуждены рассматривать полусапожки как разновидность сапог.

Обувь, лыковую и кожаную, по-прежнему надевали на *онучи* как мужчины, так и женщины. Онучи бывали холщовые, суконные, на меху — *шкарпетки.* Иногда они дополнялись ноговицами и наколенниками[150].

Все большее распространение получали *чулки* — вязаные и шитые из шелковых материй. Теплые чулки подкладывали мехом. Длина чулок бывала, как видно, различной (в описи имущества Ивана Грозного значились чулки «полные» и «полуполные»). Носили чулки на подвязках[151]. В.О. Ключевский считал, что вязаные чулки распространились только с XV в.[152]. Савваитов также отличал «чулки вязаные немецкие дело». Однако, как уже было сказано, вязаные чулки были и местного производства.

На руках носили *рукавицы — рукавки* и *перчатки — рукавки перстчатые, т.е.* со всеми пальцами. Делали их кожаными, сафьяновыми, вязаными, суконными, наконец, из шелковых и золотных материй. Богатые рукавицы украшались дорогим шитьем. Они имели краги — *запястья,* которые и были главным полем для украшения, как и тыльная сторона кисти. «Теплые» рукавицы и перчатки были на меху, «холодные» — просто на подкладке.

Важным дополнением костюма служили богато вышитые платочки — *ширинки* из полотна, бязи, кисеи, миткаля, разных шелковых материй. Особую роль они играли при трапезах, гостеваньях и различных обрядах.

* * *

Теперь попытаемся представить себе костюм в целом — комплекты одежды различных половозрастных и социальных групп русских в XIII–XVII вв. Письменные, вещественные и изобразительные источники характеризуют женскую, мужскую и детскую одежду русских крестьян, бедных и богатых горожан и феодалов. Освещение это, разумеется, неравномерно; о мужском костюме больше данных, чем о женском, о детском — совсем немного; о крестьянском — меньше, чем о городском, и больше всего — о костюме феодалов. Есть и некоторые сведения о военном платье.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ОДЕЖДА

Прямые или косвенные описания крестьянского костюма в письменных источниках дошли до нас не ранее чем от XVII в. В 1649 г. в г. Шуе «за посадом» было найдено мертвое тело, по-видимому тело крестьянина. «Платье на нем кафтанишко армячное смуро худенько, а рубашенко да порты да штанишки серые, онучишки серые худые ж, на трусченко поясненко жиченое (т.е. из цветной шерстяной пряжи. — *М. Р.),* лаптей и креста на нем нет» [153]– это, несомненно, платье бедного крестьянина, в котором он мог приехать в город. В Воронежском у. в 1679 г. в подобном же случае на «мертвом теле мужского полу» были «шуба наголная бараня, кафтан

желтой козлиной, штаны козлиный же, в лаптях, без шапки»[154]. Тут, видимо, описание неполное: не упомянуты белье, пояс и онучи. В 1628 г. В.Я. Воронцов жаловался, что по дороге из г. Шуи были ограблены его крестьяне — староста Ондрюшка Ефремов, «человек» (вероятно, дворовый) Олешка Семенов и крестьянин Потапко Дементьев. Они везли на трех подводах платье своего господина и его жены, которое было положено «для береженья» в г. Шуе у одного посадского человека. При этом похищены не только барские вещи, но и раздеты сами возницы. На старосте был «кафтан сермяжный, кафтан бараний, теплый, шапка лазорева сукно настрафильно, рукавицы барановы», на крестьянине — «кафтан сермяжный, кафтан овчинный, шапка вишнево сукно лундыш на лисице, рукавицы», у него же отнято «сукно сермяжное», возможно служившее санной полстью. Лучше был одет боярский «человек». На нем были «однорядка лазорева сукно настрафильно, кафтан киндяшный червчат на зайцах, кушак бумажный, шапка сукно вишнево лундыш на лисицах»[155]. Здесь перечислена только верхняя одежда. Но важно отметить, что меховой теплый кафтан служил в качестве зимней дорожной одежды и что крестьянские шапки были по качеству лучше остального платья; они, видимо, ценились и имели, как мы бы сейчас сказали, престижное значение. Интересно сопоставить цвет: голубая однорядка, красный кафтан и вишневая шапка у дворового, нагольные, по всей вероятности, кафтаны старосты и крестьянина и их шапки — лазоревая и вишневая.

В 1666 г. в с. Черная Заводь Ярославского у. был ограблен зажиточный крестьянин. Вот перечень отнятого: «кафтан серый, шапка вишневая, крест серебряный, пояс шелковый»[156]. Южнее, в Воронежском у., в подобном же случае у помещичьего крестьянина взяли «зипун да шубу, штаны, рубаху, портки, крест»[157], т.е. раздели донага. Ограбление, по словам челобитчика, было совершено в мае. Нужно думать, что шубу крестьянин взял в дорогу на случай холодной ночи. В г. Романове Воронежского у. в 1678 г. были ограблены пять крестьян. У них отнято пять шуб бараньих, пять рукавиц (вероятно, пять пар рукавиц), пять шапок, пять штанов — только теплое верхнее платье[158].

На изображениях крестьян можно различить довольно короткую (до колен) верхнюю одежду — зипун или кафтан, из-под которой иногда видны рукава рубахи. Зачастую крестьяне изображены и в одних рубахах, особенно за работой (пахота, сев, строительство). Рубахи относительно короткие (немного выше колен), подпоясаны; рукава узкие, у кистей застегнуты или завязаны[159].

Крестьянка нарисована всего один раз — в книге А. Мейерберга. На «московитской крестьянке» — кичкообразный головной убор, длинная рубаха, выглядывающая из-под поневы с бахромой[160]. Комплекс женской одежды с поневой упомянут в 1678 г. в Воронежском у., опять-таки

среди ограбленного имущества: «рубаха, понева, покром (т. е. кромка какой-то ткани, возможно — полотенчатый головной убор. -- *М. Р.*)»[161]. Другое упоминание «женской поневы» относится к Тульскому у. (1608 г.). В памфлете на помещичий род Сухотиных говорится, что один из них, «собравшись с такими же ворами и советники своими, подняв прапоры и знамена и забив в бубны и навязав женские поневы, пошел с Тулы Колускою дорогою служить ему, вору Матюшки»[162].

Крестьянская одежда попадала и в брачные договоры. Так, в 1612 г. в с. Баранове Кубенской вол. вступили, вероятно, каждый во второй брак крестьяне Спасо-Прилуцкого монастыря. У жены было «сукно на однорядку синее настрафиль, да шушун студеной сукно зелено ношен, однорядка держана, да шушун теплой ношен, да ожерелье жемчужное, а у него 6 пуговиц, да две шапки женские камчатных лазорева да красная, одна с круживом жемчюжным, да двои серьги серебряных с жемчуга золочены, да у четырех дочерей по двоим серьгам...». У жениха «однорядка настрафиль синей, да серьги двоичны да одинцы красное каменье серебряны позолочены»[163]. Мужские поношенные вещи у жены, серьги у мужа — вероятно, еще от первого брака. Крестьяне это были не бедные, но одежду тогда все берегли и тщательно учитывали.

В росписи приданого довольно богатой невесты из Ровдогорья на Северной Двине (1647 г.) находим: «шушун сукна красного с нарядом цена 4 рубли... крашенник с нарядом цена 20 алтын... полторы рубли денег на шапку да круживо на шапку жемчужное цена 1 рубль и другая шапка киндячная голубая цена 10 алтын... сапоги телятинные красные с шелком да другие пришвы цена обеим полтина... кошельки (т. е. серьги, сплетенные из жемчуга. — *М. Р.)* цена 2 рубли, серьги серебряные под золотом с цепью серебряною с двема кресты цена 8 гривен... коробью с бельем цена 5 рублей»[164]. Мы не пропустили указаний цены вещей, чтобы показать, что здесь описано два комплекта женской одежды — парадный и простой. Первый — красный шушун, шапка с жемчужным кружевом, красные сапоги — дополнялся жемчужными серьгами и стоил почти 9 р. — в ту пору деньги немалые. Возможно, что в этом «червчатом» наряде предполагалось и венчаться. Второй — крашенинник, голубая шапка, пришвы, позолоченные серебряные серьги — стоил менее двух рублей. Должно быть, это была одежда повседневная. Отметим, что оба костюма представляют комплекс с сарафаном.

В далекой Сибири, в Турье, в 1637 г. крестьянское приданое было таково: «свитка настрафильная с нарядом, свитка летчинная, кортель косчатой, поволока крашенинная с пухом, сапоги красные, шапка девья хвостовая о трех соболях, серги да одинцы серебряны, три перстня серебряных — теремчатой да два печатных, ширинка шелком шита с нитми да перевязки, шушун крашенинный, 4 рубашки с бором да верхница,

коробья, зголовье да подушки с наволочками шелком шиты, постеля оленья»[165]. Специфически сибирская здесь только эта оленья постель, все остальное образует тот же комплекс одежды с шушуном-сарафаном, как и предыдущий, с русского Севера. Прямо сарафан под этим термином назван в завещании зажиточного крестьянина д. Луская Пермица Лоемской вол. в 1691 г. Прокофий Бородин завещал выдать своих дочерей и племянниц замуж и дать каждой из них в приданое «свитку доброго сукна, сарафан, кумач, шапку, сапоги, башмаки и коты»[166]. Комплект одежды, как видим, тот же, но отличается разнообразием обуви.

Приведенные материалы, к сожалению, отрывочны и не дают сплошной картины в географическом отношении. Но, кажется, можно говорить о том, что к XVII в. сложились уже два комплекса женского костюма, характерные и для более поздних времен. На сорочку и верхницу на юге надевали поневу (она прослеживается от Москвы на юг); на севере — сарафан. Верхней одеждой служили свита, кортель, шуба. У женщин чаще, чем у мужчин, отмечена кожаная обувь — сапоги, башмаки, коты. Мужской крестьянский костюм был однообразнее. На сорочку и порты надевали еще штаны и (видимо, не всегда) еще одну рубаху. Поверх этой рубахи — зипун или кафтан, а зимой — еще один кафтан (на меху) или шубу. Обувь обычно составляли лапти с онучами, сапоги были редки. Наиболее нарядной была шапка, которую, по-видимому, обычно не делали дома, по крайней мере, не изготовляли из домотканых материй, как остальную одежду; стоила шапка, как мы видим, дорого. В берестяной грамоте второй половины XIII в. упомянута шапка ценой 13 гривен, т.е. почти в полтора фунта серебра[167]. Предметы городской моды, даже такие широко распространенные, как однорядки, встречались почти исключительно у помещичьих слуг. У нас нет сведений о покрое крестьянских кафтанов, но не исключено, что здесь мы так же, как и в случае с сарафаном, имеем дело с распространением восточного термина «кафтан» на старинную одежду, именовавшуюся когда-то свитой.

Мы видели, что источники отмечают иногда как парадную, более дорогую одежду крестьянина (в особенности — крестьянок), так и более простую, повседневную.

ОДЕЖДА ГОРОЖАН

Источники XVII в. содержат перечни предметов одежды. Так, в кабальной записи нижегородского посадского человека, данной в 1684 г., говорится, что по отбытии срока кабалы хозяин должен «дать в наделок мне, Алексею, и жене моей и детям нашим платья: кафтан шубной, кафтан сермяжной, шапку, рукавицы, сапоги», для жены — «телогрею, растегай (сарафан? — *М. Р.)* кумашный, треух, башмаки, чюлки и детям нашим по

тому ж»[168]. Обычай этот — отпуская работника, «обуть, одеть, как в людях ведется», — был, видимо, очень стойким и распространенным. Мастер-ремесленник по окончании срока ученичества должен был снабдить ученика не только необходимыми инструментами, но и одеждой. В некоторых записях оговаривается более подробно: «шуба новая, кафтан серый новый...», «шуба, кафтан сермяжной, шапка, сапоги». Иногда упоминается и нижнее платье — «рубаха, порты»[169]. В других же случаях, например в одной редкой записи из Новгорода 1684 г., говорилось, что ученик получит от мастера только верхнее платье, а «рубашки и портки отцовские»[170]. В 1823 г. шуйский иконник жаловался, что сбежавший ученик «снес» у него «кафтан шубный, зипун сермяжный, шапку синюю сукно настрафилно.с пухом, сапоги, штаны сермяжные»[171], т.е. весь комплект верхней одежды. Поручная грамота о явке в суд г. Углича в 1675 г. перечисляет все те же вещи: шапку с пухом, кафтан сермяжный, кафтан шубный, рукавицы, опояску[172]. И хотя в данном случае не сказано, что вещи эти (ценой три рубля с полтиной) принадлежат кабальному холопу или ремесленному ученику, все же ясно, что это комплект верхней одежды рядового горожанина. Примерно в то же время в г. Воронеже в домах посадских людей среди описанного в коробах имущества встречаем: «рубахи мужские 2, портки 1, рубахи женские посконные 2... кодман... тулуп бараний... шапка мужская с соболем... 6 сарафанов (3 красных, желтый, вишневый, и лазоревый), рубаха женская аленая... две золотных сороки (из них 1 новая), серьги, монисто с крестами, 5 серебряных крестов, 4 женских перстня, серебряная цепь, плат кисейный, 2 аленых платка, шитая шелком ширинка... 4 шитых шелком ширинки, 2 аленых белых шапочных платка и 6 заготовок сапог» («сапоги говяжьи скроеные, нешитые»)[173], а также в каждом доме — материю (холст, крашенину и пр.) в кусках, мотки пряжи — посконной, суконной, шелковой и др. В хозяйстве горожанина было все для тканья, шитья и вышивания одежды и даже заготовки для сапог.

Из изложенного видно, что костюм рядового горожанина состоял из портов и сорочки, рубахи и штанов, зипуна или кафтана. Кафтан подпоясывался кушаком. Уличное верхнее платье составляли в холодное время шубный (меховой) кафтан или овчинная шуба, на голове — шапка (довольно дорогая), на руках — рукавицы. Кафтан и зипун нередко были сермяжными, т.е. из домотканого грубого сукна. Словом, бедный горожанин был одет так же, как и крестьянин, но существенное отличие его костюма составляли сапоги, почти совсем вытеснившие в городах лапти. При этом мы не находим больших территориальных различий: в Воронеже, Москве, Шуе, Угличе, Нижнем Новгороде, Новгороде Великом встречен все тот же перечень предметов мужского костюма. Сильнее отличался от деревенского женский костюм. Надо

сказать, что материалы о нем более скудны, чем о мужском костюме, но даже у бедных женщин (включая семью кабального холопа) ни в одном из упомянутых городов ни разу не названа понева, хотя, как мы видели раньше, в сельских местностях южнее Москвы она еще широко бытовала. В городе в рассматриваемый нами период прочно утвердился комплекс женской одежды с сарафаном (в различных вариантах).

Еще одним важным отличием городской одежды было четкое выявление в ней одежды специально детской. Мнение исследователей о том, что единственной одеждой детей обоего пола была длинная рубаха[174], основано, вероятно, на материалах о крестьянской одежде более поздних времен и на одном высказывании А. Олеария. В Ладоге в 1634 г. этот путешественник был поражен тем, что «все — и девочки и мальчики — были со стриженными волосами, с локонами, свешивающимися с обеих сторон, и в длинных рубахах, так что нельзя было отличить мальчиков от девочек»[175]. О том же говорят и некоторые изображения, о которых речь впереди. Но в письменных источниках XVII в. мы находим не только «рубашки ребячьи» или «детинные», но и «два кавтанца дорогильные детинные». И «шуба баранья децкая новая» и даже «тафейка ребячья сукно красное»[176]. Правда, эти упоминания редки и обычно относятся к семьям зажиточным, но все же нужно думать, что если дети крестьян и городской бедноты и бегали в одних рубашках, то для детей феодалов и вообще зажиточных людей шили одежду в общем такую же, как и для взрослых. Относительно обуви это можно сказать еще более определенно, потому что находки детской обуви при археологических раскопках часты. Детям шили такие же сапоги, как и взрослым, но, разумеется, меньшего размера. При раскопках поэтому можно найти, например, перед большого мужского сапога, из которого вырезана маленькая детская подошва.

ОДЕЖДА БОГАТЫХ ГОРОЖАН и ФЕОДАЛОВ

Мы уже говорили, что одежду старались изготовить и хранили дома. В доме зажиточного горожанина, а тем более крупного феодала это вырастало иногда в немаловажную хозяйственную проблему. Потребности в одежде (и по количеству, и по качеству, и в ассортименте) далеко перерастали возможности семьи, пусть даже и с холопами. Поэтому Домострой не отказывается от рукоделья служанок: «А которая женщина рукоделечна и той указати рубашка делати или убрус брати или ткати, или золотное или шелковое пяличное дело» (т.е. вышивание)[177]. Но вместе с тем рекомендует иметь «мастера свои портные и сапожники»[178] и всякий необходимый для них инструмент — «снасть... портного мастера и сапожная» и для женского рукоделия ино что себе изделал никто не слыхал, в чюжой двор не идешь». Простейший материал — овчины,

полотна, холсты — готовится и красится дома: «полотен и оусчин и холстов наделано да на что пригоже ино окрашено на летники и на кафтаны и на сарафаны и то... на домашний обиход перекроено и перешито, а будет слишком за обиходом наделано полотен или оусчин или холстов или скатертей или ширинок или иного чего ино и продаст... а рубашки красные мужские и женские и порты... при себе кроити». При этом, как всегда, Домострой призывает к строжайшей экономии: нужно собирать и тщательно хранить все обрезки (перечислено для примера девять видов материй) «остаток и обрезок как выручит, а в торгу устанешь прибираючи в то лицо в три дорога купити, а иногда и не приберешь». Детскую одежду рекомендуется шить на рост: «кроячи да загибати вершка по два и по три на подоле и по краям и по швам и по рукавам, и как вырастет годы два или три или четыре и, распоров, то платно и загнуть, оправив, опять станет хорошо[179]. Дочерям с самого рождения следует готовить приданое: «А оу полотен и од оу вусчин и оу ширинок и од вубрусов рубашек и вся годы ей в пришенной сундук кладут и платье, и сажень и монисто и святость и суды... прибавливати не по множку не вдруг, себе не в досаду». Рационалистически настроенный составитель Домостроя тут же пишет, что если дочь умрет девушкой, то все это пригодится «на помин души»[180]. Дорогие привозные материи и меха Домострой рекомендует покупать сразу в больших количествах (разумеется, учтя рыночную ситуацию)[181]. Он перечисляет и предметы одежды, которые шьются в домашних условиях. Кроме упомянутых уже нижних и верхних («красных») рубах, портов, сарафанов, кафтанов и летников, названы шуба, терлик, однорядка, кортель, каптур, шапка, ноговицы[182]. Не упущено и указание, когда лучше стирать: «коли хлебы пекут, тогда и платье моют». «Красные» рубашки и лучшее платье моют мылом и золой, полощут, сушат, катают (утюги тогда не были известны). Выгода двойная: экономия дров и зола под рукой. Есть, конечно, и рекомендации, как хранить одежду и украшения: «а постеля и платья по гряткам (полкам. — *М. Р.)* и в сундуках и в коробьях и оубраны, и рубашки, и ширинки все было бы хорошенько и чистенько и беленько суверчено и сукладено и не перемято... а саженье, и мониста, и лутшее платья всегда бы было в сундуках и в коробьях за замком, а ключи бы (хозяйка. — *М. Р.)* держала в малом ларце». А платье похуже — «ветчаное, и дорожни, и служни» (упомянуты епанчи, шляпы, рукавицы) — полагалось держать в клети[183].

Из всего изложенного видно, что комплект одежды господствующих классов отличался прежде всего обилием и качеством вещей. Если белье (порты, рубаха) отличалось от простонародного только качеством материала, то уже верхние мужские и женские сорочки, штаны, тафьи, убрусы, кички, сороки и кокошники отличались богатством вышивки и драгоценных украшений, так же как женская шубка-сарафан, мужской зипун и кафтан.

Представительству придавалось огромное значение. Например, при встрече почётного гостя обязательно должна была присутствовать нарядная толпа. Московские дворяне обязывались для этого надевать «цветное» платье. Известен случай (XV в.), когда московский митрополит унизил при всех галицкого князя Юрия Дмитриевича, увидя встречающий его «народ» в сермягах. Также выдавались из царской казны одежды для разного рода общественных церемоний, например для известного шествия в вербное воскресенье, когда на центральной площади имитировали въезд Христа в Иерусалим, причем в роли Христа выступал патриарх. Специально назначенные отроки кидали под ноги его лошади красные одежды и куски материи — все выданное из казны[184].

Вообще платье, даже у рядовых горожан, подразделялось обычно на три категории: рабочая одежда (это в большинстве случаев было старое, «ветшаное» платье), одежда будничная, как бы мы сейчас сказали, повседневная, и праздничный, парадный костюм. Впервые четко об этом говорит в XVI в. Домострой, рекомендующий слугам богатого городского дома иметь даже три (не менее) перемены платья: «ветшаное» (старое) — для работы, чистое вседневное — надевать перед хозяином и лучшее — «в праздник и при добрых людях или с государем где быти»[185]. Еще в середине XIX в. в Торопце это называлось платье доброе, поддоброе, третье[186]. Довольно часты указания на то, что церковь предписывает надевать лучшую одежду, например, на исповедь (думается, что и вообще для посещения церкви).

В целом ряде случаев полагалась определенная одежда. Исследователи, на наш взгляд, справедливо полагают, что, например, обычай надевать лучшую одежду на определенные сельскохозяйственные работы (первый покос и др.) весьма древний[187]. То же можно сказать о семейных обрядах. Домострой предписывал разнообразную праздничную одежду для свадьбы. В первый день свадьбы, когда совершались народный и церковный обряды бракосочетания, невеста, свахи, а возможно, и вообще женщины — участницы свадебной церемонии должны были быть в красных сарафанах и желтых летниках; жених и другие мужчины — в цветном (по возможности — золотном) платье, обязательно в кафтанах (кажется, предпочтительно — в терликах). На второй день при определенных обстоятельствах за столом можно было верхнее платье снять. Цветному праздничному платью противополагалось платье «смирное» — того же покроя и качества, но более темных цветов — черного, гвоздичного, вишневого, коричневого, багрового, надеваемое в печальных случаях — в знак траура или (у придворных) царской опалы[188]. Смирное платье бывало, по-видимому, у людей зажиточных, в другое время одевавшихся нарядно. Но, судя по позднейшим данным, вдовы должны были всегда одеваться в темное; старухи носили головные уборы и сарафаны темных

Одежда знатного семейства Москвы XVII в.
(А. Олеарий. Подробное описание путешествия... Из кн.: Древняя одежда... С. 103. Рис. 37.)

цветов. В домашнем быту сам великий князь или царь одевался иногда очень посредственно, что заметил, например, Ченслер в XVI в.[189].

В XVII в. чрезвычайно важным считалось в торжественных случаях быть обязательно в русском традиционном платье, даже иноземцам. Так, в 1606 г. Марина Мнишек венчалась в Москве в Успенском соборе с Лжедмитрием I по настоянию бояр в русском платье. Позднее парадная русская одежда выдавалась некоторым иноземным послам специально для торжественного представления государю. Г. Котошихин упоминал: «на послов шубы атласные золотные на куницах и на белках, да однорядки суконные красные с кружевы, кафтаны камчатные исподние, шапки, сапоги». Мы видим здесь полный комплект мужской верхней одежды. По улицам послы ехали при этом в однорядках (которые, как только что сказано, были достаточно нарядны). «У царя» с них снимали однорядки и надевали шубы[190].

Переходя к проблеме взаимовлияний одежды русских и их соседей, мы должны выделить в ней два вопроса.

Традиционная древняя народная одежда изменялась в рассматриваемый период прежде всего в результате процессов, начавшихся еще

в более древние времена, в IX–XIII вв. Из общеславянских черт долгое время сохранялись лишь немногие (туникообразная рубаха, некоторые виды обуви). Стирались старые племенные особенности восточнославянского костюма, и в XIV–XV вв. эти особенности (преимущественно в женском праздничном наряде) исчезли вовсе. В XV в. не встречается уже ни височных колец, ни ожерелий из характерных для древнего племени бус, ни соответствующих перстней. Примерно в XV — начале XVI в. сложился новый тип женского костюма, связанный с распространением сарафана, происхождение которого, как уже говорилось, весьма сложно. По всей вероятности, правы те исследователи, которые считают, что наряду с развитием элементов традиционного женского костюма здесь можно увидеть и влияния народов Восточной и Западной Европы, в особенности же Поволжья и Прибалтики. Однако нельзя не обратить внимания на то, что комплекс одежды с сарафаном особенно сильно распространился в городах (даже в южной половине Европейской России, где сельское население стойко держалось комплекса одежды с поневой), тогда как крестьяне восприняли сарафан преимущественно в северных областях расселения русских. Аналогичные влияния одежды с плечевыми пряжками видят в поликовой рубахе. Влияния в области традиционного женского костюма были взаимными, на что указывают, например, русские названия многих частей костюма у народов Поволжья и Прибалтики.

В целом же древняя одежда удержалась повсюду в качестве нижнего белья — туникообразная женская сорочка, туникообразная мужская рубаха и узкие порты. Также народными по покрою были и верхние рубахи (мужские и женские), сложные женские головные уборы.

Гораздо больше новшеств в верхней комнатной и уличной одежде. Появилось множество новых разнообразных предметов одежды и мужских головных уборов. Но это касалось, главным образом, людей зажиточных господствующих классов и близких к ним (включая, как мы видели, слуг).

Сами названия дорогих материй, из которых шили эти туалеты, — то западного, то восточного происхождения. Названия же подавляющего большинства предметов верхней одежды — восточные: тюркские (турецкие, татарские), иранские, арабские. Например, такое, кажется, исконно русское платье, как шуба, носит арабское название (джубба — верхняя одежда с длинными рукавами). Можно думать, что и некоторые другие восточные названия распространились на древнерусскую одежду (мы уже говорили, например, о возможности распространения названия «кафтан» на древнерусскую простонародную «свиту»). Но несомненно, что имело место значительное восточное влияние на одежду господствующих классов, распространившееся после татаро-монголь-

ского завоевания и особенно усилившееся к XV в. Оно сказалось, пожалуй, ярче всего в манере носить тафью — тюбетейку, в обычае женщин на улице закрывать лицо платком (но это отнюдь не была восточная чадра). Неудивительно поэтому, что подобного рода изменения даже и у господствующих классов касались только верхней одежды. Сам царь носил рубаху того же покроя, что и крестьянин, хотя рубаха эта была из дорогой материи и расшита золотом. В конце XVI–XVII в. среди господствующих классов все больше распространяется стремление подражать одежде западноевропейской. Сначала, при Борисе Годунове, это были польские, потом венгерские моды. Во второй половине XVII в. стала распространяться и общезападноевропейская (называемая в России «немецкой») мода. И сам наследник престола Алексей Михайлович еще при жизни отца завел себе «немецкие» кафтаны. Ему охотно подражали придворные молодые люди. Эта мода (теперь уже можно сказать — как почти всякая) встречала сопротивление ревнителей старых обычаев[191]. Видимо, решающую роль сыграло неодобрение духовенства: став царем, Алексей Михайлович показывался только в русском платье. Однако сын его Федор в свое недолгое правление выражал желание, чтобы дворяне и приказные носили короткую одежду. Таким образом, реформа одежды, предпринятая Петром I, была не так уж неожиданна. Указ 4 января 1700 г. (а возможно, существовали и более ранние распоряжения) предписывал всем, кроме крестьян и духовенства, носить венгерское, а потом и «немецкое» платье).

В дальнейшем вытеснение традиционной одежды шло более быстрыми темпами в городах и гораздо медленнее в сельских местностях. При этом господствующие классы опережали основную массу горожан и тем более — крестьян. Неравномерно шло проникновение западноевропейского костюма, мужского и женского.

В конце XVIII в. И. Георги писал, что в Петербурге все служащие (кроме военных и почтовых, имевших особые мундиры) и «знатные мещане» носят мундир Санктпетербургской губернии — синий кафтан с блестящими пуговицами, а исподнее платье — белое, но «кто про себя живет и от других не зависит, может... без всякого поношения и поругательства одеваться по древнему обычаю и столь странно, как ему угодно». Женщины же следуют английской или другой западноевропейской моде, причем молдаванки и грузинки носят свое национальное платье. «Собственная российская одежда обоего пола сохранилась в древнем своем виде не токмо у простого народа, но и у большей части людей среднего состояния... видны в столице, невзирая на иностранные моды, купцы и другие совершенно так не одетые, как в областях внутри государства, с бородою или без бороды и пр. Многие, однако же, последуют в их одежде разным чужестранным обычаям. Но простой народ ничего чужого в своей одежде не имеет».

Далее Георги делает несколько парадоксальное замечание, что женщины среднего состояния менее привержены к старине «и часто видно, что муж да сыновья носят российское, а женщины в доме — чужестранное и самое модное платье»[192]. Замечание на первый взгляд тем более странное, что и столетием позже в других русских городах (в особенности малых, например в Галиче, Торжке, Торопце и др.) можно было наблюдать обратное соотношение: женщины продолжали еще носить сарафаны и кокошники, в то время как мужчины были одеты в сюртуки и сибирки. Видимо, Георги со свойственной ему наблюдательностью отметил специфику столичного города, где женщины-мещанки оказались ближе к новым веяниям, следуя общей с высшими сословиями моде.

Бывали в области одежды и своеобразные контрреформы, к которым средние слои населения относились отрицательно. Так, когда Павел I, едва вступив на престол, запретил в столицах — Петербурге и Москве — носить фраки, жилеты и круглые шляпы по тогдашней французской моде, вместо которых повелел «одевать немецкие кафтаны и длинноватыя камзолы», всем «кроме ходящих в русском платье» (т. е. мещан и отчасти купцов), «сей переворот великую молву и поговорку сделал, но повиновались»[193], однако сразу же после дворцового переворота и убийства Павла демонстративно вернулись к прежней моде.

В целом манере одеваться, избирательности в отношении к костюму еще долго придавали большое значение как характеристике не только имущественного и социального положения того или иного лица, но и его образа мыслей. Вот что писал по этому поводу в середине XIX в. В.Г. Белинский. «Положим, что надеть фрак или сюртук вместо овчинного тулупа, синего армяка или смурого кафтана еще не значит сделаться европейцем; но отчего же у нас в России и учатся чему-нибудь, и занимаются чтением, и обнаруживают любовь и вкус к изящным искусствам только люди, одевающиеся по-европейски? Что ни говори, а даже фрак с сюртуком — предметы, кажется, совершенно *внешние*, немало действуют на *внутреннее* благообразие человека. Петр Великий это понимал, и отсюда его гонение на бороды, охабни, терлики, шапки-мурмолки и все другие заветные принадлежности „московского туалета“»[194].

О том, как изменилось позднее представление о престиже традиционного русского костюма, мы можем заключить, если вспомним хотя бы, что в «русский» костюм нарочито одевались в начале XX в. как раз представители передовой интеллигенции, как, например, В.В. Стасов, Л.А. Андреев, М. Горький, Ф.И. Шаляпин. С другой стороны, при царском дворе бывали в XIX–XX вв. приемы, для которых фрейлины обязательно надевали «русский», по тогдашним понятиям, костюм. Но Горький, Стасов и другие одевались в русское простонародное платье, а придворные — в «боярское».

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Савваитов П.* Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное. СПб., 1890. С. 55, 65, 155, 160.

2 Там же. С. 16, 23.

3 Там же. С. 125–126.

4 *Александров В.А.* Памфлет на род Сухотиных (XVII) // История СССР. 1971. № 5. С. 119–121.

5 *Савваитов П.* Указ. соч. С. 145, 160.

6 *Чечулин Н.Д.* Города Московского государства в XVI в. СПб., 1889. С. 339.

7 Там же. С. 339.

8 *Арциховский А.В.* Одежда // Очерки русской культуры XII–XV вв. М., б. г. С. 277; *Громов Г.Г.* Русская одежда // Очерки русской культуры XVI в. Ч. 1. М., 1977. С. 203.

9 Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). VIII. С. 20.

10 *Флетчер Дж.* О государстве русском // Сочинение Джильса Флетчера. СПб., 1906. С. 127.

11 *Арциховский А.В.* Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1952 г. М., 1954. № 43. С. 44.

12 АЮБ. СПб., 1884. Т. III. № 329. Стб. 270–272.

13 АЮБ. Т. III. № 334-IX. Стб. 300–302.

14 *Савваитов П.* Указ. соч. С. 116.

15 *Векслер А.Г., Рабинович М.Г., Шеляпина Н.С.* М.М. Герасимов и история Москвы // Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. М., 1973. С. 122.

16 ПСРЛ. XII. С. 27.

17 *Куфтин Б.А.* Материальная культура русской мещеры. М., 1926. Ч. I. Женская одежда: рубаха, понева, сарафан. С. 110–120.

18 Там же. С. 110, 115; *Маслова Г.С.* Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 642–643.

19 *Куфтин Б.А.* Указ. соч. С. 113, 117.

20 *Савваитов П.* Указ. соч. С. 179.

21 *Маслова Г.С.* Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978. С. 16.

22 АЮБ. СПб. 1862. Т. II. № 126-XV. Стб. 20.

23 АШ. № 137. С. 246–247.

24 АЮБ. Т. III. № 028-IV. Стб. 266–267.

25 АГО. Р. I. Оп. 1. № 3. Л. 210б. Ровдогорье 1647 г.

26 ДДГ. № 87. С. 349–350.

27 АЮ. № 248. С. 266.

28 АЮБ. Т. III. № 329. Стб. 271.

29 *Семевский М.И.* Торопец — уездный город Псковской губернии. СПб., 1864; *Он же.* Торопец: (Историко-этнографический очерк, 1016–1869) // Всемирная иллюстрация. № 57–59. 1870. С. 127.

30 АЮБ. Т. III. № 328-IV. Стб. 266–267.

31 *Савваитов П.* Указ. соч. С. 125.

32 *Гиляровская Н.* Русский исторический костюм в изобразительном искусстве и на сцене // Русский исторический костюм для сцены. М.; Л., 1945. С. 43

33 Акты Московского государства, изданные Академией наук (АМГ). Т. III. СПб., 1901. № 627. С. 523–524; АЮБ. Т. III. №. 328-V. Стб. 267–269; Труды Воронежской ученой Архивной камиссии (Т. Вор. УАК).V. № 8182/1956. С. 527; № 8408/2182. С. 598.

34 *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М., 1979. С. 569.

35 *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. II. СПб., 1895. Стб. 569.

36 *Савваитов П.* Указ. соч. С. 177.

37 Крестьянская одежда населения Европейской части СССР (XIX — начало XX в.): Определитель. М., 1972. С. 356.

38 *Костомаров Н.И.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI–XVII столетиях. М., 1860. С. 68; *Гиляровская Н.* Указ. соч. С. 67.

39 Т. Вор. УАК. V. № 2286/1060. С. 25.

40 *Левинсон-Нечаева М.Н.* Ткани и одежда XVI–XVII вв. // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954. С. 322.

41 *Савваитов П.* Указ. соч. С. 52–54; *Левинсон-Нечаева М.Н.* Указ. соч. С. 309–328; *Гиляровская Н.* Указ. соч. С. 69–72.

42 *Савваитов П.* Указ. соч. С. 54–55.

43 *Левинсон-Нечаева М.Н.* Указ. соч. С. 324.

44 *Савваитов П.* Указ. соч. С. 52.

45 *Чечулин Н.Д.* Указ. соч. С. 339.

46 *Моисеенко Е.Ю.* Мастера-портные «немецкого платья» в России и их работы // Государственный Эрмитаж: Труды. Вып. XV. Л., 1974. С. 142–145.

47 *Гиляровская Н.* Указ. соч. С. 40–42.

48 *Крылов И.А.* Басни. М., 1956. С. 105.

49 АФЗИХ. Ч. II. М., 1956. С. 207–211.

50 Т. Вор. УАК. V. № 8701/2478. С. 652.

51 *Левинсон-Нечаева М.Н.* Указ. соч. С. 309.

52 *Студенецкая.* 1974. С. 263.

53 *Савваитов П.* Указ. соч. С. 157; *Гиляровская Н.* Указ. соч. С. 41.

54 *Кирхманн П.* История общественного и частного быта: Чтение в школе и дома... Дополнено В. Ключевским. М., 1867. С. 72.

55 *Савваитов П.* Указ. соч. С. 139.

56 *Поппэ А.* К истории древнерусской ткани и одежды: вотола // Acta Baltica — Slavica. Bialystok, 1965. Т. II. С. 152.

57 АЮ. № 248. С. 266.

58 ДДГ. № 87. С. 349-350.
59 *Забелин И.Е.* Домашний быт русского народа. Т. II. М., 1869. С. 634.
60 *Савваитов П.* Указ. соч. С. 63. 148.
61 АШ. № 103. С. 185–188.
62 АЮ. № 415. С. 445.
63 *Савваитов П.* Указ. соч. С. 93.
64 *Киселев С.В.* Старинные одежды, найденные на метро // По трассе первой очереди Московского метрополитена. М., 1936. С. 158; *Рабинович М.Г.* О древней Москве. М., 1964. С. 281.
65 *Савваитов П.* Указ. соч. С. 95.
66 АФЗИХ. Ч. II. № 207. С. 207-214.
67 *Савваитов П.* Указ. соч. С. 5.
68 *Гиляровская Н.* Указ. соч. С. 72–74; *Левинсон-Нечаева М.Н.* Указ. раб. С. 312–315.
69 *Савваитов П.* Указ. соч. С. 76, 183–184.
70 АФЗИХ. Ч. II. № 407. С. 207.
71 Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 66.
72 АЮ. № 420. С. 451–454; АФЗИХ. Ч. II. № 207. С. 207–214.
73 *Савваитов П.* Указ. соч. С. 110–111.
74 ДДГ. № 1. С. 8; *Базилевич К.В.* Имущество московских князей в XIV–XVI вв. // ГИМ. Труды. Вып. III. Разряд общий исторический. М., 1926. С. 28–30.
75 ДДГ. № 80. С. 312; *Базилевич К.В.* Указ. соч. С. 28–30.
76 Т. Вор. УАК. V. № 8162/1936. С. 522.
77 АФЗИХ. Ч. II. № 207. С. 210.
78 АШ. № 103. С. 185–188.
79 Русская демократическая сатира XVII в. Л., 1954. С. 125.
80 *Савваитов П.* Указ. соч. С. 65.
81 *Гиляровская Н.* Указ. соч. С. 75.
82 *Левинсон-Нечаева М.Н.* Указ. соч. С. 309–310.
83 АГО. Р. II. Оп. 1. № 65. Л. 80об.
84 *Корб И.Г.* Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). СПб., 1906. С. 243.
85 *Забелин И.Е.* Указ. соч. С. 577.
86 Там же. С. 577–580; *Гиляровская Н.* Указ. соч. С. 105.
87 ДЗ. Ст. 67. С. 166–167, 175–176.
88 *Григорьев М.Г.* Древняя Москва // По следам древних культур: Древняя Русь. М., 1954. С. 328–329.
89 *Забелин И.Е.* Указ. соч. С. 600.
90 *Гиляровская Н.* Указ. соч. С. 103.
91 *Савваитов П.* Указ. соч. С. 56.
92 *Даль В.И.* Толковый словарь... Т. IV. М., 1980. С. 281.
93 *Маслова Г.С.* Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978. С. 16.
94 АШ. № 103. С. 188.

95 АШ. № 163. С. 298.
96 АШ. № 61. С. 110–112.
97 АЮБ. Т. I. СПб., 1857. № 86-III. С. 563.
98 АЮБ. Т. III. № 334-VJ. С. 294–295.
99 АЮБ. Т. III. № 336-V. С. 312.
100 АЮБ. Т. III. № 336-VI. С. 313.
101 *Мейерберг.* Виды и бытовые картины России XVII в. СПб., 1903. Л. 86.
102 *Забелин И.Е.* Указ. соч. С. 577–603; *Савваитов П.* Указ. соч. С. 149-150; *Гиляровская Н.* Указ. соч. С. 105.
103 Пенза. 1701 г.: АЮБ. Т. III. № 334-IX. Стб. 300; Шуя. 1668 г.: АШ. № 103. Стб. 186–187; 1576 г.; АЮ. № 248. С. 266; конец XVII в.; АЮБ. Т. III. № 328-IV. Стб. 267.
104 *Арциховский А.В.* Одежда... С. 29.
105 *Гиляровская Н.* Указ. соч. С. 82–83.
106 *Костомаров Н.И.* Указ. соч. С. 71.
107 ДДГ. № 87. С. 349–350.
108 *Савваитов П.* Указ. соч. С. 55.
109 Там же. С. 84.
110 *Громов Г.Г.* Указ. соч. С. 206–208.
111 *Кирпичников А.Н.* Раскопки древнего Орешка // Археологические открытия. М., 1969. С. 24.
112 *Савваитов П.* Указ. соч. С. 80.
113 *Костомаров Н.И.* Указ. соч. С. 72.
114 *Арциховский А.В.* Одежда... С. 293; *Рабинович М.Г.* Золотое украшение из Тушкова городка // КСИИМК. Вып. 68. 1957. С. 48–49.
115 Русские. Карта 61.
116 *Рабинович М.Г.* О древней Москве. С. 281; *Громов Г.Г.* Указ. соч. С. 214.
117 *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 172–173.
118 *Гиляровская Н.* Указ. соч. С. 81.
119 *Левинсон-Нечаева М.Н.* Указ. соч. С. 345–346.
120 АФЗИХ. Ч. II. № 207. С. 211.
121 *Никитский А.И.* Очерки жизни Великого Новгорода: Правительственный совет // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 145. № 10. 1869. С. 300.
122 *Базилевич К.В.* Указ. соч. С. 8–12.
123 *Савваитов П.* Указ. соч. С. 56–57, 40.
124 *Изюмова С.А.* К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // Новгородская археологическая экспедиция / Труды. Т. II. 1959. С. 218–220; *Рабинович М.Г.* О древней Москве. С. 112–115.
125 Tracht, Wehr und Waffen des späten Mittelalters (1350–1450) aus Bilderquellen. Praha, 1960. T. 1. Tabb. 9, 19, 21, 25 u.a.
126 ДДГ. № 87. С. 349; АЮБ. III. № 328-V. С. 268.
127 АФЗИХ. Ч. II. № 207. С. 210.

128 Там же. № 207. С. 211.
129 Там же. № 207. С. 24.
130 *Савваитов П.* Указ. соч. С. 113.
131 Там же. С. 114.
132 Там же. С. 101.
133 Там же. С. 126; *Базилевич К.В.* Указ. соч. С. 6–8.
134 Там же. С. 28–29.
135 ДДГ. № 87. С. 349–350.
136 АЮБ. III. № 328-V. С. 267–269.
137 АГО. Р. I. Оп. 1. № 3. Л. 21–21об.
138 *Савваитов П.* Указ. соч. С. 155.
139 *Рабинович М.Г.* О древней Москве. С. 228.
140 *Хорошкевич А.Л.* Быт и культура русского города по словарю Тони Фене. 1607 г. // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 208.
141 *Изюмова С.А.* Указ. соч. С. 214; *Рабинович М.Г.* О древней Москве. С. 288; *Шеляпина Н.С.* Археологические исследования в Успенском соборе // Государственные музеи Московского Кремля: Материалы и исследования. Т. 1. М., 1973. С. 152–153; *Оятева Е.И.* Обувь из раскопок Переяславля Рязанского // Археология Рязанской земли. М., 1974.
142 *Савваитов П.* Указ. соч. С. 165–166.
143 *Герберштейн С.* Записки о московитских делах. М., 1906. С. 123.
144 ПСРЛ. I. Стб. 814.
145 АГО. I. № 3. Л. 21об.
146 *Савваитов П.* Указ. соч. С. 43.
147 *Оятева Е.И.* Указ. соч. С. 189–192.
148 Т. Вор. УАК. V. № 8108/1882. С. 506–507.
149 *Изюмова С.А.* Указ. соч. С. 205, 213.
150 *Савваитов П.* Указ. соч. С. 92, 176, 181.
151 *Савваитов П.* Указ. соч. С. 168.
152 *Кирхма́нн П.* Указ. соч. С. 190.
153 АШ. № 64. С. 115–116.
154 Т. Вор. УАК. V. № 8186/1956. С. 527.
155 АШ. № 28. С. 49–51.
156 *Селифонтов Н.И.* Описи документов архива бывшей Большесольевской посадской избы и ратуши, найденных в посаде Большие Соли Костромского у. XVI–XVIII ст. СПб, 1902. А. № 69. С. 12.
157 Т. Вор. УАК. V. № 2947/1721. С. 598.
158 Т. Вор. УАК. V. № 2947/1721. С. 396; № 8408/2182. С. 598.
159 Житие Сергия Радонежского. Рукопись XVI в. Государственная публичная библиотека им. В.И. Ленина. Л. 128, 150об.
160 *Мейерберг.* Указ. соч. Л. 86.
161 Т. Вор. УАК. V. № 8169/1943. С. 524.

162 *Александров В.А.* Указ. соч. С. 120.
163 АЮ. № 395. С. 419–420.
164 АГО. I. № 3. Л. 21–21об.
165 АЮБ. Т. III. № 334. Стб. 287.
166 АЮБ. Т. I. № 86-IV. Стб. 565–568.
167 *Арциховский А.В.* Одежда... С. 292.
168 АЮБ. Т. III. № 360-1. Стб. 429.
169 *Тальман Е.М.* О ремесленном ученичестве // Исторические записки. Т. 27. 1948. С. 70.
170 АЮ. № 205. С. 216–217.
171 АШ. № 22. С. 40–41.
172 АЮ. № 307-IV. С. 40–41.
173 Т. Вор. УАК. V. № 2750/1524. С. 331–333.
174 *Гиляровская Н.* Указ. соч. С. 11.
175 *Олеарий А.* Указ. соч. С. 18.
176 АЮБ. Т. III. № 329. Стб. 270–272; АШ. № 61. С. 42.
177 Домострой по коншинскому списку и подобным. М., 1908 (далее – Домострой...). Ст. 29. С. 28.
178 Там же. Ст. 41. С. 40.
179 Там же. Ст. 30–32. С. 29–31.
180 Там же. Ст. 16. С. 14.
181 Там же. Ст. 41. С. 39–40.
182 Там же. Ст. 31. С. 29.
183 Там же. Ст. 29, 33, 55. С. 28, 31, 53.
184 *Рабинович М.Г.* Очерки этнографии русского феодального города: Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978. С. 95, 119–120.
185 Домострой... Ст. 22. С. 19– 21.
186 *Семевский М.И.* Торопец... СПб., 1864. С. 127.
187 *Маслова Г.С.* Орнамент... М., 1978. С. 16–29.
188 *Савваитов П.* Указ. соч. С. 128.
189 *Гиляровская Н.* Указ. соч. С. 17.
190 *Котошихин Г.* Указ. соч. С. 52. 54.
191 *Богоявленский С.К.* Киевская и Московская Русь // Русский исторический костюм для сцены. М.; Л., 1945. С. 14.
192 *Георги И.Г.* Описание российского императорского столичного города С.-Петербурга и достопримечательностей в окрестностях оного. СПб., 1794. С. 604–605.
193 *Толченов И.А.* Журнал или записка жизни и приключений Ивана Алексеевича Толченова. М., 1974. С. 316.
194 *Белинский В.Г.* Петербург и Москва // Физиология Петербурга. Т. 1. СПб., 1845. С. 55.

ОДЕЖДА РУССКИХ ЦЕНТРАЛЬНОГО РЕГИОНА XVII — НАЧАЛА XX ВЕКОВ

Центральный регион Европейской России располагается в междуречье Волги и Оки. Эта территория представляет собой значительный этнографический интерес, так как она была местом, где в XIV–XVI вв. формировалось этническое ядро русского народа, и местом возникновения и упрочения многонационального Российского государства.

По административно-территориальному делению XIX в. Центральный регион включал в себя Владимирскую, Костромскую, Московскую, Нижегородскую, Тверскую, Ярославскую губернии и был территорией компактного расселения русского народа, составлявшего на конец XIX в. свыше 90% всего ее населения. Среди других народов сравнительно многочисленными здесь были карелы, марийцы и мордва. Карелы жили в основном в Тверской губернии, составляя 7% от всей численности ее населения. Их потомки обосновались здесь в XVII в., после того как земли в южной части Карелии, где они жили, отошли по Столбовскому миру 1617 г. к Швеции. Марийские

села располагались в основном в двух западных уездах Нижегородской губернии, а мордовские — в пяти ее заволжских.

Центральный регион рассматривается этнографами как среднерусская историко-культурная зона, в языке и всех сферах жизнедеятельности населения которой просматриваются как севернорусские, так и южнорусские черты. Кроме того здесь выявлено некоторое количество обособленных культурных групп: шувалики Верейского уезда Московской губернии, сицкари Мологского уезда Ярославской, тудовляне Ржевского уезда и пушкари Весьегонского уезда Тверской губернии, а также группы староверов, живших компактной массой во многих уездах Центрального региона[1].

Характерной особенностью хозяйственной жизни русского населения этого региона, в отличие от многих других регионов расселения русского народа, было преобладание в ней в XIX — начале XX в. торгово-промышленной деятельности. Хлебопашество в силу естественных природных и климатических условий играло здесь незначительную роль. Его продукты использовались лишь для удовлетворения потребностей семьи. Промышленно-торговая деятельность русских крестьян этого региона была достаточно разнообразна: выращивание льна на продажу; огородничество и садоводство, продукты которого в большом количестве поступали на рынки городов; разведение овец романовской породы, шерсть и шкуры которых очень ценились; промысловое рыболовство на многочисленных реках и озерах. Большое развитие здесь получила кустарная и фабрично-заводская промышленность, требовавшая множество рабочих рук. Многие крестьяне в зимнее время отправлялись в города для работы на фабриках и заводах: текстильных, железоделательных, машиностроительных, химических, по обработке сельскохозяйственных продуктов[2]. Все это в значительной степени определило некоторое своеобразие женского и мужского традиционного костюма изучаемого региона

ДЕВИЧЬЯ и ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА

В губерниях Центральной России были распространены два комплекса традиционной девичьей и женской одежды: комплекс с сарафаном и комплекс с поневой. При этом господствующим был костюм с сарафаном. Одежда, в зависимости от времени и места бытования, социального статуса владельцев, изготавливалась как из тканей домашнего производства: льняного полотна, окрашенного холста, набойки, шерсти, так и из фабричных тканей: шелка, парчи, сукна, кашемира, ситца, миткаля, коленкора и т.п.

КОМПЛЕКС ОДЕЖДЫ С САРАФАНОМ

Рубаха. Основу этого костюма составляла рубаха. Она была, как и в остальных регионах страны населенных русскими, длинной, достигавшей середины икры или щиколотки, составной или цельной, со станом, сшитым из четырех прямых полотнищ, с длинными рукавами, с воротом по шее, присборенным под узкую обшивку, коротким грудным разрезом, застегивавшимся на пуговицу или запонку. На основании покроя в губерниях Центрального региона выделяются четыре типа рубах: рубаха с поликами, со слитными поликами, с круглой вставкой у ворота, с кокеткой.

Рубахи с прямыми поликами бытовали в двух вариантах: с поликами пришитыми по утку к центральным полотнищам, и с поликами пришитыми по основе. Если первые были широко распространены во всех селах, особенно в первой половине XIX в., то вторые встречались только в Верейском уезде Московской губернии. Рукава рубах с прямыми поликами могли быть или пышными, собранными у запястья на обшивку *(манжет)*, или сужающимися к запястью. Они могли быть значительно длиннее рук, достигая иногда полутора метров. В этом случае рукава собирались в их нижней части в горизонтальные складки или имели прорезь для кисти руки. В некоторых письменных источниках указывается, что в рубахах с длинными рукавами отверстие — *прореху* — делали под мышкой, а не в районе кисти. Приступая к работе, женщина вынимала руки из рукавов, а «по окончании дела и очищении рук» они вновь в них вставлялись[3].

Наряду с рубахами с прямыми поликами были известны и рубахи бесполиковые, т.е. такие, у которых плечевые вставки и рукав выкраивались вместе и пришивались непосредственно к вороту, собранному на обшивке. Рукава обычно были длинными пышными или собранными на обшивку или манжет, или короткими — чуть ниже локтя, украшенными воланами. Отверстие ворота, в отличие от рубах с прямыми поликами, было довольно широким, так что иногда можно было надеть рубаху, не расстегивая грудного разреза. Бесполиковая рубаха в первой половине XIX в. бытовала, вероятно, в основном среди посадского населения городов, а в середине — второй половине XIX в. стала преобладающей во многих селах, частично вытеснив рубахи с прямыми поликами. По мнению исследователей, толчком к этому послужило широкое распространение среди населения широких фабричных тканей, позволявших выкроить пышный рукав без дополнительных вставок[4].

Рубахи с круглой вставкой у ворота — *воротушкой* — изготавливали из четырех полотнищ ткани домашнего изготовления, к которым сверху пришивали вырезанный в виде круга кусок ткани, собранный у ворота в мелкие сборки. Рукава в такой рубахе обычно были широкими, достигающими

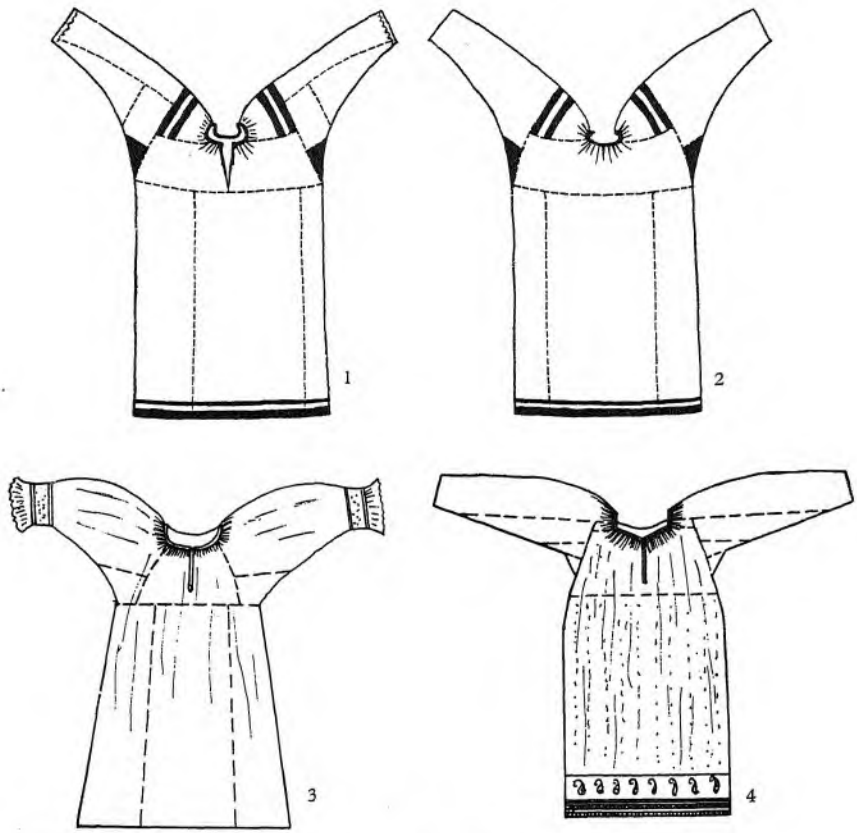
запястья, с манжетом, украшенным воланом. Этот тип рубахи был известен лишь в Бежецком и Весьегонском уездах Тверской губернии.

Рубахи на прямоугольной кокетке с открытым воротом и пышными сравнительно короткими рукавами чуть ниже локтя шили в этом регионе из ситца и кумача. Их носили в основном девушки и молодые женщины в последней трети XIX в.

Рубахи обычно украшали на рукавах, подоле и обшивке ворота. При этом основной декор размещали на рукавах, прежде всего на оплечье и иногда по всей длине рукава поперечными полосами. В то же время в некоторых селах Московской губернии (Дмитровский и Верейский уезды) были и рубахи, в орнаментации длинных узких рукавов которых сочеталось поперечное и продольное расположение узора вдоль швов[5]. Своеобразием отличалось размещение декора на рубахах с круглой вставкой у ворота. Его укладывали нижнему краю *воротушки* и вдоль рукавов, прикрывая швы. Обшивка ворота и подол праздничных рубах имели довольно скудные украшения: узенькая вышитая полоска вдоль грудного разреза и по обшивке ворота, узенький орнамент по краю подола. Исключение составляли только покосные и жнивные рубахи, надевавшиеся без сарафана. Украшения на них размещались по подолу широкой, до 50 см полосой.

Сарафан. Поверх рубах надевали одежду на лямках или широких проймах. В Центральном регионе для ее обозначения обычно использовали универсальный термин *сарафан*. Однако наряду с ним бытовали и иные названия: *ферязь, шубка, телогрейка, горбец, носовец, кумашник, китаешник (китайка, китайник), китаешный сарафан, саян, кундыш, клинник, москвич, московский, московник, круглый, продуванка, саян набойчатый, штофник, набойник, пестрядник, горбун, касталан, сукман*. Эти названия использовались как для обозначения сарафанов разных по покрою, так и сарафанов одинакового покроя, но сшитых из разных тканей. Кроме того, разные термины могли обозначать в разных населенных пунктах один и тот же по покрою и материалу сарафан.

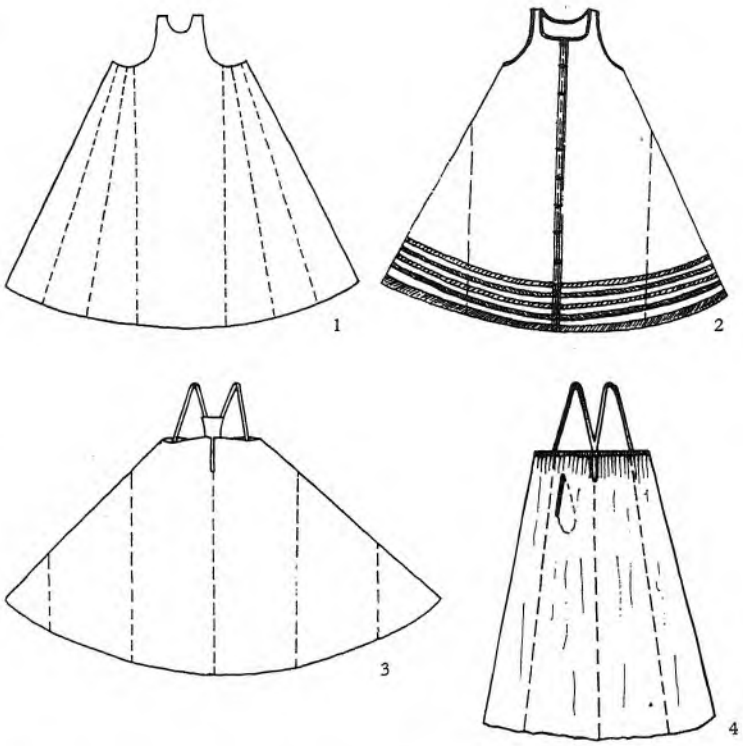
В губерниях Центрального региона наиболее широкое распространение получили распашные косоклинные и прямые сарафаны. Косоклинные распашные сарафаны шили здесь, как и в остальных регионах их бытования, из трех полотнищ с клиньями на широких проймах или лямках. Передние полотнища застегивались на пуговицы или их сшивали, а по шву нашивали пуговицы и петли, имитировавшие застежку. Клинья подшивали двумя способами: елочкой к передним и заднему полотнищу, или к передним параллельно, а к заднему елочкой. Сарафаны на широких проймах, напоминавшие платья без



Женские рубахи: 1) с прямыми поликами. Костромская губ.; 2) бесполиковая. Нижегородская губ. (ГИМ. Из кн.: Крестьянская одежда населения европейской России. М., 1971. С. 53, Рис. 14, 15, 41.)

рукавов, могли иметь длинные ложные рукава, пришивавшиеся сзади к пройме. Сарафаны на лямках были более открытыми, при этом сравнительно широкие лямки вырезали из заднего полотнища вместе с узкой фигурной спинкой.

Прямой сарафан шили из прямых, цельных полотнищ ткани, количество которых зависело от ее ширины, но обычно на одно изделие шло от четырех до восьми полос. Ткань в верхней части сарафана спереди и сзади закладывали в плотные складки или собирали в мелкие сборки под обшивку. В некоторых селах прямые сарафаны имели грудку, которую создавали за счет более длинного переднего полотнища, край которого в этом случае в складки уже не закладывался. Лямки делали в виде двух нешироких полос с маленькой выкройной спинкой, которую пришивали к заднему полотнищу сарафана.



Покрой сарафанов: 1) глухой с цельным передним полотнищем — *горбун.* Московская губ.; 2) косоклинный распашной; 3) косоклинный на лямках. Нижегородская губ.; 4) прямой. Нижегородская губ. (1–4 — из кн.: Крестьянская одежда... Рис. 17, 18, 19, 26).

Глухой косоклинный сарафан в Центральном регионе имел локальное распространение, встречаясь, наряду с косоклинным распашным и прямым, лишь в некоторых селах Ржевского и Весьегонского уездов Тверской губернии[6]. Он представлял собой короткую, чуть ниже колен, нераспашную одежду на широких проймах или лямках с одним прямым передним и одним задним полотнищем, к которым по бокам пришивались косые полотнища.

Нагрудная одежда. В состав комплекса с сарафаном входила нагрудная одежда с лямками, проймами или рукавами. Одежду на лямках называли в зависимости от уезда или села *душегрея, душегрейка, перо, пёрышко, епанечка, боры, кафтанчик, полукафтанчик, телогрейка.* Это была сравнительно короткая распашная однобортная одежда на

подкладке, застегивавшаяся вверху на крючок. Ее покрой и длина изменялись в зависимости от места бытования. В большинстве сел были распространены сравнительно длинные (до талии или середины бедра) душегрейки, покрой которых повторял покрой косоклинных распашных сарафанов. Лямки вырезались вместе с задним полотнищем ткани и пришивались спереди. Спинка была обычно заложена в три-четыре крупные складки. В Нижегородской губернии и в двух уездах Костромской (Юрьевецкий и Костромской), наряду с описанными, носили также короткие душегрейки *(перо, пёрушко)*, длиной от 17 до 22 см. Они были подложены толстым слоем ваты (льняной кудели, непряденой шерсти) на сатиновой или холщевой подкладке. Характерной их особенностью были заложенные на спине крупные складки, образовывавшие плотные вертикальные валики.

Короткая нагрудная одежда с рукавами, аналогичная северному шугаю, называлась здесь *коротайка, кираска, телогрейка, душегрейка.* Это была распашная однобортная одежда с цельными передними полами и отрезной в области лопаток спинкой, с широким воротником или без воротника и с длинными зауженными к запястью рукавами. Подол на спине был собран в плотные вертикальные валики, если имел ватную подложку, или складки. Одежда была длиной до талии, иногда чуть выше середины бедра и застегивалась на крючки. Ареал ее бытования охватывал все уезды Тверской и Ярославской губерний, большую часть уездов Владимирской, западные уезды Костромской, северные и центральные уезды Нижегородской. В Московской губернии она встречалась в двух уездах, граничащих с Владимирской губернией.

Нагрудной женской одеждой здесь были также безрукавки на широких проймах, стеганные на вате кудели, плотно облегавшие верхнюю часть фигуры, подрезные по талии, с подолом (17–20 см), заложенным в плотные валики. Она запахивалась обычно справа налево и застегивалась на три-четыре крючка. Такая одежда носила название *корсетка, корзет, обжимка, обжим, полукафтанчик.* Безрукавки могли быть и более длинными, чуть выше колен или до колен, с цельными передними полотнищами, подрезной талией и подолом, заложенным сзади в складки.

Во многих селах Центрального региона в состав комплекса с сарафаном как обязательный элемент входил *передник.* Наиболее широко был распространен короткий передник — *фартук*, завязывавшийся на талии, появление которого на этой территории относится ко второй половине XIX в. и связывается с городским влиянием[7]. Наряду с этим в Центральном регионе был известен *запон* — передник с *грудинкой* — прямоугольным или овальным куском ткани, пришитым к основному полотнищу. Он надевался через голову, закрепляясь на шее с помощью завязок, пришитых к грудинке, а на спине — тесемками. Во второй половине XIX в.

запон носили в южных уездах Московской и Нижегородской губерний, в центральных и восточных уездах Костромской. Длинный передник, укреплявшийся на тесемках выше груди, встречался в трех юго-западных уездах Тверской губернии, в трех Нижнегородской (Балахнинский, Васильсурский и Арзамасский) и в трех уездах Ярославской (Пошехонский, Рыбинский, Ярославский), редко встречался во Владимирской губернии, лишь в одном Вязниковском уезде, и в Московской (Подольский уезд), отсутствовал во всех уездах Костромской губернии. В Меленковском уезде Владимирской губернии, а также в Арзамасском Нижегородской встречался туникообразный передник на широких проймах с длинным, до колен, передним полотнищем и коротким, до середины лопаток, задним, с квадратным вырезом для головы. Передник на кокетке с рукавами был известен в Васильсурском и Лукояновском уездах Нижегородской губернии, а также в Вязниковском уезде Владимирской губернии, где его называли *накапком*.

ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ

Головными уборами замужних женщин являлись *кокошники, сороки, сборники, самшуры, повойники, наколки, платки*. При этом каждый из этих типов головных уборов имел по несколько вариантов В.И. Семевский, описывая головные уборы крестьянских женщин второй половины XVIII в., говорил, что «один и тот же головной убор разнообразился на незначительном пространстве. В одном Калязинском уезде женские кокошники имели три различных формы... В Московской губернии встречаем и кокошники, шитые шелком и золотом, и сороки, и кички (головной убор с рогами) парчовые и тафтяные с позументом... и повойники (повязки, покрывающие голову) и наконец просто платки»[8].

Кокошники делались на твердой основе из нескольких слоев проклеенного холста, картона или из бересты. Их обшивали бархатом, шелком, полупарчой, позументом, украшали золотошвейной вышивкой, жемчугом, рубленым перламутром, бисером, цветным стеклом, имитировавшим драгоценные камни, блестками и фольгой. В Центральном регионе было сравнительно много видов кокошников, ареалы которых выделяются достаточно четко.

Однорогие кокошники — головные уборы с твердым, высоким (от 30 до 60 см) очельем и мягкой задней частью, закрывавшей волосы, — бытовали в двух вариантах: с дугообразным очельем и очельем в форме вытянутого равнобедренного треугольника. Островерхие кокошники назывались *кика, наклон, косой кокошник, кокошник конической фигуры, кокошник напереди с одним большим рогом*. Они надевались на голову так, чтобы острый конец был направлен вверх. Открытые спереди

волосы при этом могли закрываться начельем — куском красивой ткани, а молодые женщины первого года брака надевали кокошник поверх девичьей повязки, надвинутой на лоб. Кокошники с дугообразным верхом назывались *кокошка, кокуй, круглый кокошник, наклонник*. Их надевали на голову или так же, как островерхие, или так, что очелье находилось в наклонном положении, а два его заостренных конца торчали как рога сзади. В некоторых местах к очелью кокошника прикрепляли *рефедь* — сетку из рубленого перламутра, жемчуга или белого бисера, прикрывавшую лоб. Очелье кокошников бедных людей украшалось позументом, богатых — золотошвейной вышивкой[9]. Кокошники обычно носили с длинными прямоугольными тонкими платками, которые, закрепляясь на его верхнем крае, спускались вниз, окутывая верхнюю часть фигуры. Если платок был квадратный, то он складывался на угол и завязывался узлом или закалывался *под губой* — под подбородком. Ареал бытования этих кокошников в Центральном регионе очерчивается довольно четко: все уезды Ярославской и Нижегородской губерний, северо-восточная часть Владимирской, западные уезды Костромской. В Тверской и Московской губерниях они встречались довольно редко. При этом следует отметить, что в Ярославской и граничащих с ней уездах Костромской губернии бытовал кокошник как с треугольным очельем, так и с дугообразным. В остальных частях ареала — только с дугообразным очельем.

В Ярославской и Московской губерниях был также распространен кокошник в виде жесткой шапочки с овальным дном и сравнительно высоким очельем, которое сужалось к боковым сторонам и задней части. Бархатное донце такого головного убора обычно вышивалось золотной или серебряной нитью с канителью и блестками, а к его очелью могла прикрепляться жемчужная или бисерная поднизь. Его могли носить без платка или с платком, который складывали в несколько раз на угол и завязывали вокруг очелья.

В четырех западных уездах Тверской губернии (Бежецкий, Вышневолоцкий, Новоторжский, Осташковский) бытовал кокошник с цилиндрическим туловом, плоским верхом и небольшими полукруглыми лопастями, закрывавшими уши, называвшийся *тверская головка, кика новгородская, головка, столбунец*. Его, так же как и однорогие кокошники, обтягивали бархатом или шелком, украшали золотошвейной вышивкой, канителью, позументами, жемчугом, перламутром, цветными стеклами, фольгой. При этом нередко орнамент был настолько плотен, что полностью закрывал бархатный или шелковый фон. Для орнамента были характерны растительные мотивы, вазоны с цветами, двуглавые орлы. По краю очелья нашивалась густая жемчужная или бисерная *поднизь* — сетка.

В юго-западном районе Тверской губернии (Вышневолоцком, Зубцовском, Калязинском, Осташковском, Ржевском, Старицком и Тверском) замужние женщины носили кокошник, получивший среди местного населения название *ряска, ряска тверская, кика маленькая, кокошник, кокошничек, кичка, каблучок, каблук*. Это была небольшая цилиндрическую шапочка разнообразных форм из проклеенного холста или картона, обтянутого позументом, с широкой *ряской* — поднизью из жемчуга или белого бисера, и *задком* — прямоугольной (трапециевидной) пластинкой, обтянутой тканью. Кокошник надевали на волосы, свернутые на затылке, задок прикрывал корни волос, а поднизь — темя и лоб. Ряска могла при этом ложиться плоско (*ряска латкая*), закладываться в складочки, идущие вдоль темени параллельными рядами (*бористая ряска*), или образовывать на лбу две-три дуги (*брылястая ряска*). От поднизи шли кумачные тесемки, завязывавшиеся под подбородком. Кокошник с *брылястой ряской* надевали поверх черного повойника, так что его очелье было хорошо видно через сетку. Сверху головной убор покрывали платком из тонкого отбеленного полотна, который складывали косынкой и завязывали под подбородком. Платок надевали так, чтобы была видна не только ряска, но и кокошник.

Сборники на твердой основе встречались здесь лишь в отдельных местах. Это прежде всего *моршенёк*, *борушка* — головной убор с широким очельем и конусообразным возвышением на темени, заложенным спереди плотными вертикальными валиками, сзади затягивавшийся на вздержку. По краю его очелья прикрепляли короткую жемчужную или бисерную поднизь, а сзади — широкий бант с длинными концами. Сборник могли носить также с платком, сложенным треугольником и завязывавшимся под подбородком или сзади на шее. Ареал его бытования был ограничен четырьмя уездами Костромской губернии (Кологривский, Ветлужский, Костромской и Юрьевецкий).

Сороки, обозначавшиеся в отдельных селах Центрального региона также словом *кички*, представляли собой головные уборы из нескольких не сшитых друг с другом частей. Они были столь же широко распространены в губерниях Центрального региона, как и кокошники. Исключение составляла лишь Ярославская губерния, где сороки (кички) были известны только в Любимском и Ярославском уездах. Однако если кокошники носили как в городах, так и в сельской местности, то сороки, судя по письменным источникам и музейным коллекциям, только в деревнях. При этом в одних деревнях женщины носили кокошники, а в других, часто расположенных недалеко, сороки. В.И. Семевский, например, описывая одежду крестьян Тверской губернии во второй половине XVIII в. отмечал: «...в помещичьих имениях женщины носили кокошники, а в казенных — сороки»[10]. В Центральном регионе сороки

имели различную форму, которая определялась формой *волосника (кичка, стеганец, рога, рожки, рогатая киболка, рогатый шлык)*, надевавшегося на волосы, закрученные на затылке или темени в плотный узел. Волосник представлял собой, как и всюду, мягкую шапочку, затягивавшуюся на затылке тесемками, верхняя часть которой делалась жесткой. В губерниях Центрального региона в волосник вшивали согнутую в дугу гибкую ветку дерева, обшитую холстом, или жгут из сложенного в несколько раз и простеганного холста. Они охватывали верхнюю часть лба, шли над висками и заканчивались над ушами. При этом их несколько заостренные концы были приподняты вверх, образуя сзади рожки, которые могли быть длиной до 5–7 см. Жесткая часть волосника из скрученного и простеганного холста размещалась в некоторых местностях только на темени, образуя своего рода подкову с концами, торчащими вверх. Другим вариантом волосников в этом регионе был волосник с вшитым в него лубяным обручем — *каринкой,* облегавшим верхнюю часть головы.

Поверх волосника надевали сороку — чехол, состоявший из передней части — *очелья, чела,* задней — *хвоста,* спускавшегося до затылка или плеч, боковой — *крыльев, заушников* — треугольных лопастей с завязками. В некоторых сороках все эти три части сшивались так, что получалась цельная шапочка, надевавшаяся на *волосник* и закреплявшаяся на затылке завязками, шедшими от лопастей. В других сороках соединялось только очелье с хвостом и крылья с очельем. Затылок прикрывали *позатыльником* — прямоугольным куском ткани с твердой основой из картона, бересты или простеганного холста. В некоторых селах к этим головным уборам полагался *налобник* — нешироκая (от 3 до 8 см) полоска холста, которую укладывали вокруг головы так, что одна ее длинная сторона была прикрыта сорокой, а другая спускалась на лоб, виски и прикрывала часть ушей. *Чело* праздничной сороки, *налобник и подзатыльник* обычно украшали вышивкой, позументом, блестками, бисером, золотным шитьем.

Сороки с короткими рожками, направленными назад, бытовавшие в Нижегородской губернии (Арзамасский, Горбатовский, Лукояновский, Нижегородский уезды), и сороки с такими же маленькими рожками на темени, направленными вверх-назад, известные в Тверской губернии (Бежецкий, Новоторжский, Старицкий и Тверской уезды), могли обозначаться также термином *кичка рогатая.*

Эти сложные головные уборы могли носить без платка или с платком (головным полотенцем). Платок складывали на угол и завязывали под подбородком. Полотенце, сложенное в виде длинной ленты, укладывали по верхней части очелья так, чтобы была видна его орнаментированная часть, и завязывали на затылке, спуская концы вниз.

Своеобразным головным убором, распространенным в Центральном регионе только в двух восточных уездах Костромской губернии (Ветлужский и Макарьевский), была *самшура*. Она представляла собой головной убор с твердым плоским верхом овальной или круглой формы и нешироким мягким околышем, завязывавшимся на затылке тесемками. Верхнюю ее часть, изготовленную из проклеенного или простеганного холста, обтягивали кумачом или шелком, украшали золотной вышивкой или позументом. Околыш делали из холста, кумача, ситца. В месте соединения околыша и верха прокладывали твердый холщовый валик или деревянный ободок, который позволял убору сохранять форму. Самшуру надевали обычно с платком, уложенным по околышу.

Наколка (косинка, наголовник) — головной убор «из одноцветной шелковой материи, затейливо сложенной мелкими складками в виде небольшой шапочки»[11]. Она обычно делалась на твердом каркасе из картона или проклеенного холста и украшалась бантиками и кружевами.

В губерниях Центральной России женщины также носили повойники с платком и платки.

Девичьи головные уборы были менее разнообразны, чем женские. Повсеместно девушки ходили, повязав по лбу широкую полосу. В центральных губерниях ее называли *перевязка, перевиска, лента* и шили из шелка, бархата, холста, окрашенного в красный или синий цвет, на подложке из проклеенного картона, холста с ситцевой или холщовой подкладкой. Высокие перевязки имели часто вид усеченного конуса, сужающегося кверху. Передняя часть *перевязки* шириной от 10 до 25 см украшалась в зависимости от достатка семьи девушки позументом, золотной вышивкой, жемчугом, бисером, рубленым перламутром, блестками, цветным стеклом. Многие перевязки имели жемчужную или бисерную поднизь. Сзади к перевязке прикрепляли одну или две широкие лопасти из парчи или шелка, спускавшиеся до лопаток, или шелковый бант с длинными концами.

В уездах, где бытовали кокошники с остроконечными или дугообразными очельями, городские девушки носили головной убор, повторявший форму их очелья. Их называли *кулёк, ленда перевиска, перевяска*[12].

Локальное распространение имели два типа девичьих головных уборов: *венец* и *ряска бездонная (ленда)*. Венец встречался в Тверской (Вышневолоцкий, Новоторжский уезды), Костромской (Галичский уезд), Нижегородской (Горбатовский уезд) губерниях. Это был ажурный головной убор из проклеенного картона или холста с зубчатыми краями, сравнительно высокий в передней части и суживающийся к бокам. Его перед обычно обшивали толстым шнуром, на который насаживали жемчуг, бисер, перламутр, цветное стекло. Сзади прикрепляли одну или две парчовые или шелковые лопасти на подкладке или большой бант с длинными концами.

Ряска бездонная (ленда) была известна в Ржевском, Осташковском уездах Тверской губернии, то есть там, где бытовал маленький кокошник — *ряска тверская*. Она представляла собой жемчужную или бисерную поднизь, аналогичную поднизи женского головного убора, но только прикрепленную к широкой ленте, завязывавшейся под косой. Ее надевали на голову без платка, так, чтобы закрыть часть темени и лба[13].

КОСТЮМЫ. КОМПЛЕКСЫ

Все рассмотренные предметы одежды и головные уборы, соединяясь, составляли несколько вариантов костюма, бытовавшего в разное время, в разных районах, в разной социальной и возрастной среде.

В последней трети XVIII — первой половине XIX в. в большинстве губерний Центрального региона бытовал сарафанный комплекс женской одежды, состоявший из рубахи с прямыми поликами и длинными зауженными к запястью рукавами, собранными в горизонтальные складки в нижней части руки, из косоклинного распашного сарафана, с ложными рукавами или без рукавов, из кокошника для женщин, повязки или венца для девушек. Костюм мог дополняться душегреей или шугаем.

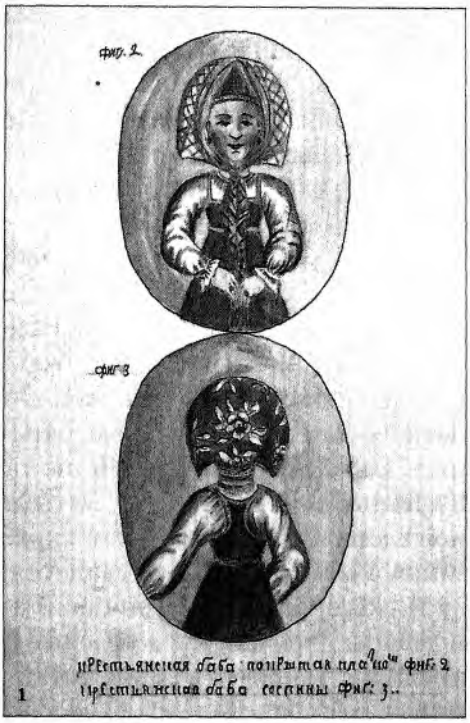
Описание костюма приводится имеется в письменных документах[14], а его изображение — на картинах и литографиях[15]. В одной из рукописей 1784 г. из Владимирской губернии сообщалось: «Из женского пола девки носят сарафаны или ферязи китаешные и кумачные, перепоясываясь или шолковыми астраханскими поясами или покромками от тонких сукон. Голову убирают, заплетши назади волосы в косу, к концу оной на ленточках прикрепляют сердце, сделанное из шелковой материи и обложенное оборкою, что называется у них косником, лоб перевязывают золотыми и шолковыми разных цветов нарочно для сего тканными лентами с поднизями, а ноги обувают в коты с медными скобками. Что касается до Переславской, Вязниковской, Гороховской, Ковровской и Шуйской округ, то в оных женщины носят сарафаны и ужасной величины кокошники спереди или круглые назади с двумя рогами, или напереди с одним большим рогом, которые снизу везде по достатку своему стараются украшать жемчугом, золотом и прочим, присовокупляя сюда к оному жемчужную и бисерную поднизь. Не малым щегольством у сих больших кокошников почитается иметь рубахи с предлиннейшими рукавами, в прочих же уездах употребляют или сарафаны с длинными рукавами, кои назади перевязывают накрест и затыкают под пояс, или просто без рукавов, а на голове носят небольшие наперед с наклоном сороки золотые или шолковые. В городах купеческие жены большею частию употребляют полотняные, миткальные и шелковые длинные покрывала, кои они перевязывают поверху кокошников сзади»[16].

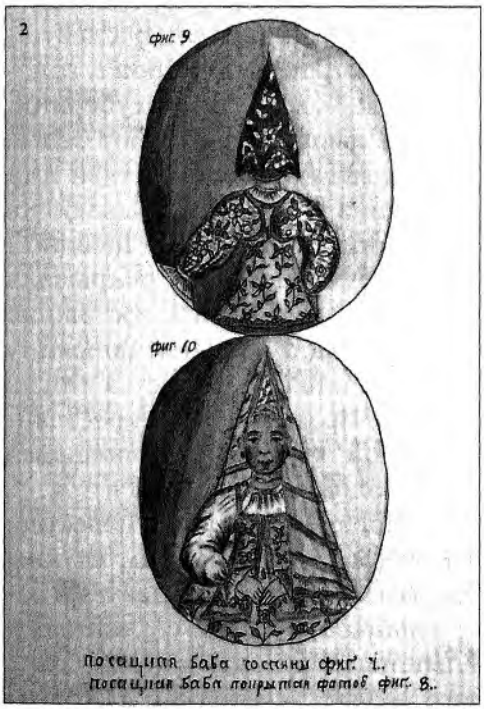
В это же время в Центральном регионе был известен и комплекс, состоявший из рубахи со слитными поликами, пышными рукавами до запястья, прямого сарафана, душегреи, кокошника, повязки или венца. Его изображение имеется на цветных рисунках, приложенных к рукописи 1774 г. предводителя костромского дворянства Н. Сумарокова. На них показаны «посацкие девицы и бабы» г. Костромы, одетые в белые полотняные и шелковые с узорами рубахи без поликов с длинными пышными рукавами на манжете с воланом, прямые сарафаны из шелковой или парчовой ткани с крупными букетами цветов и длинные душегрейки из такой же ткани. На голове женщин остроконечный кокошник с вуалью, у девушек — остроконечная *перевиска*. В приложенном к рисункам тексте говорится: «Посацкие бабы и девицы... на головах имеют косые кокошники, сверху покрывают фатами, а платье имеют по своему достатку из разных материй, а девицы такое же имеют одеяние, только разности на головех имеют перевиски. Вообще украшаются разными каменьями и жемчугом, что для лутчего внимания. Также рукава рубашек носят иногда парчовых разных цветов»[17].

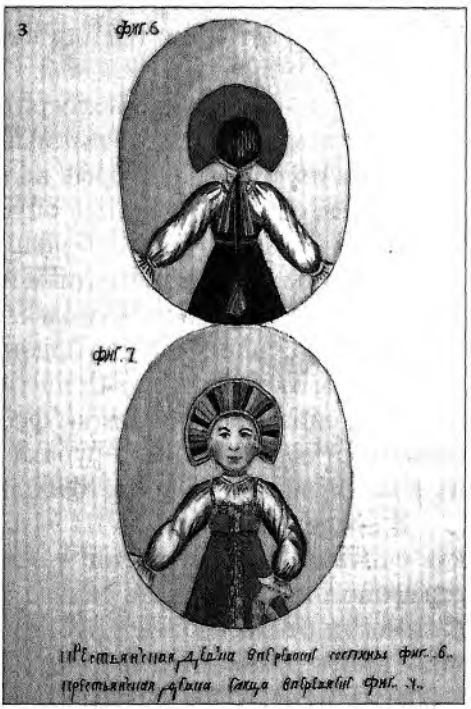
В этой же рукописи имеются и рисунки крестьянок — «девок и баб Костромского уезда» в таких же белых рубахах, как и горожанки, но в косоклинных распашных красных и синих холщовых сарафанах, подпоясанных под грудью, девушки в *лендах* и дугообразной *перевиске*, женщины в кокошнике с дугообразным очельем и в платке». Автор рукописи дает такой комментарий к рисункам: «Крестьянские девки и бабы... носют на головах кокошники и когда прикрывают сверху оные платками, ходят в сарафанах и телогреях (что скрывается за этим термином, не ясно, возможно душегрея. — *И. Ш.*) разных цветов, смотря по достатку, как то: камчатные, стаметные, китайчатые, кумашные и крашенинные. Девки противу баб в платье никакой разницы не имеют, кроме того, что на головах имеют перевяски»[18]. Опираясь на эти документы, можно в какой-то степени утверждать, что в последней трети XVIII в. костюм с бесполиковыми рубахами и прямым сарафаном был распространен по преимуществу в городской среде. Однако в это же время там носили и костюмы с косоклинным сарафаном. На портретах И.П. Аргунова, П. Барбье, А.Г. Венецианова и других художников конца XVIII — XIX в. изображены купчихи в косоклинных шелковых и парчовых сарафанах, рубахах с рукавами без поликов и кокошниках.

Праздничный костюм богатых горожан и крестьян торгово-ремесленных пригородных сел в последней трети XVIII — первой половине XIX в. отличался от костюма крестьян и небогатого городского населения в основном тканью, из которой он был сшит, и вероятно в какой-то степени головным убором. Богатые крестьянки для рубах использовали не только тонкое белое льняное полотно, но и белую кисею, миткаль,

Крестьяне Костромского уезда XVIII в.:
1) крестьянская баба (вид сзади и спереди);
2) женщина из посада г. Костромы
(вид сзади и спереди);
3) девушка (вид спереди и сзади)
(АРЭМ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 78.)







тонкий шелк, затканный цветочным узором с добавлением золотной или серебряной нити. Сарафаны, душегреи изготавливались из плотного шелка, парчи, полпарчи. При этом использовались ткани московских фабрик, выпускавших как шелка в стиле тканей XVII в. с золотым узором, рельефно выделявшимся на фиолетовом, гранатовом, коричневом фоне, так и в стиле западноевропейских тканей с многоцветными букетами цветов, перевитых лентами и гирляндами на голубом, фисташковом, розовом и золотистом фоне. С сарафанами и душегрейками, сшитыми из таких тканей, предпочитали надевать белые рубахи и нарядные кокошники, венцы, повязки.

Крестьянки и небогатые горожанки носили рубахи из белого домашнего полотна без вышивки или с вышивкой, выполненной красным шелком или льняной нитью, окрашенной в розовый или терракотовый цвет. Сарафаны для будней шили из холста или шерсти, окрашенных в красный или синий цвет, из синей набойки, а в праздники из фабричной хлопчатобумажной ткани красного цвета — кумача или синей — китайки. На 1853 г. имеется свидетельство очевидца из Лукояновского уезда Нижегородской губернии: «В праздничный день молодые женщины и девицы наряжаются в красные сарафаны, называемые кумачниками, а если нет таких, то в синие китайчатые. Подол проймы и перед сарафана бывают обшиты в два ряда у богатых позументом, у бедных лентами или ситцем, с тем вместе опоясываются длинным широким поясом»[19]. На головах крестьянки носили как кокошники, так и сороки, а девушки в основном повязки — *ленды*. Очевидец так описывал в 1862 г. головные уборы крестьянок Кологривского уезда Костромской губернии: «Женщины носят так называемые кички, и сверху их надевают белые навинные полотенца, которые под губой связываются или ниткой или узенькой ленточкой, а концы опускаются вниз или же повязывают на кички покрывало, в виде небольшой простыни, окаймленной на одном конце тканным или вывязанным из красной бумаги узором, покрывала эти опускаются назад ниже пояса. Девушки же носят связки, состоящие из позумента, нашитого на кордон, и покрывающие верхнюю половину лба и потом от связки падают на лицо поднизи или из стекляруса или из жемчуга, снизанного на нитки фестонами»[20]. Праздничность крестьянскому костюму придавала рубаха с вышивкой, красиво выделявшаяся на фоне сарафана, пояс, часто шелковый, и головной убор.

В последней трети XVIII — первой половине XIX в. был известен, как считают исследователи, также и костюм с косоклинным глухим сарафаном из белого или синего холста, который могли надевать в зависимости от местности с рубахой-*воротушкой*, рубахой с длинными ниже кисти рукавами или длинными пышными рукавами на обшлаге, и *тверской ряской* в качестве головного убора[21]. В середине XIX в. он

встречался в Весьегонском, Ржевском и Осташковском уездах Тверской губернии. Сведений о его более широком ареале бытования в Центральном регионе в XVIII в. не имеется.

Во второй половине XIX в., особенно начиная с 60-х гг., традиционный костюм несколько изменил свой внешний облик. Преобладающим его типом в Центральном регионе стал комплекс, состоявший из бесполиковой рубахи с пышными длинными до запястья или короткими, до локтя, рукавами, прямого сарафана, пояса, короткого передника, завязывавшегося на талии, повойника, платка, сороки или повязки. Входившие в состав праздничного костюма предметы стали изготавливаться из тканей фабричного производства. Рубахи и передники — из миткаля, белой кисеи, коленкора, яркого красного с набивным узором ситца, хотя применялось и тонкое белое полотно домашнего изготовления. Сарафаны — из китайки, кумача, шерсти, шелка, пестряди, сотканной из хлопчатобумажных или смешанных с льняными ниток. Шерсть и шелк покупали предпочтительно красного, голубого, желтого, лилового, зеленого цвета без узора или с мелкими узорами того же цвета. Праздничный костюм обычно богато декорировался. При этом основной акцент был сделан на украшении рубахи и передника. На рукавах белой полотняной рубахи размещали узор, выполненный красными хлопчатобумажными нитками в технике браного и закладного тканья, который чередовался с яркими ситцевыми или кумачовыми вставками. Вышивка, занимавшая главное место в украшении рубах в первой половине XIX в., во второй половине этого столетия была вытеснена из одежды узорным ткачеством. Особенно броско выглядели рубахи, надевавшиеся без сарафана на жатву и покос. Верхнюю их часть шили из кумача или из красного с набивным узором ситца, а к подолу пришивались широкие полосы браного или закладного тканья, чередующиеся с вышивкой цветным тамбуром на кумачовом или белом фоне. Белые полотняные передники украшали на подоле, так же как и рубахи, нашивками из тканых полос, чередующимися с вышивкой, полосами кумача и лентами, а шерстяные и шелковые — позументом и мишурной бахромой. Сарафаны украшали лишь в тех местах, которые были видны из-под короткого передника, т.е. на груди и по краю подола. Сюда обычно пришивали ленты, позумент или металлическую бахрому. Костюм обычно подпоясывали довольно широкими поясами. При этом предпочтение отдавалось шелковым, так называемым астраханским, поясам[22].

Костюм дополняли различного рода платки и шали. Они надевались поверх сорок, повойников, сборников, служили головным убором девушек, накидывались на плечи. Особенно модными в этот период времени были так называемые французские или адрианопольские хлопчатобумажные платки, производившиеся в большом количестве на русских

фабриках. По пунцовому или красному фону шел сложный ярко-желтый растительный узор с добавлением темно-бордового, синего и зеленого цвета. Большим спросом пользовались также синие платки с цветочной каймой из красно-розовых цветов и бутонов, которые предпочитали пожилые женщины, а также белофонные платки и шали с многоцветным растительным орнаментом[23]. В некоторых губерниях Центрального региона, например в Нижегородской, пользовались большой популярностью платки из атласа, тафты, кисеи, вышитые золотной или серебряной нитью. Они были квадратными — *шали*, или треугольными — *головки, косячки*. Квадратные платки с богатым, заполнявшим большую часть пространства узором обычно надевали на голову так, что два их конца спускались на спину, а два других закалывались под подбородком. Платки, вышивка на которых располагалась на углах или шла каймой, складывали на угол, закалывали под подбородком, завязывали вокруг шеи или набрасывали на плечи. *Головки*, украшавшиеся золотной вышивкой по очелью и на трех углах, надевали на голову, поднимая концы вверх и закрепляя их на темени, а нижний конец распускали по спине.

Костюмы с душегрейками из дорогих шелковых и парчовых тканей продолжали еще бытовать, по преимуществу там, где население придерживалось «старины». Все исследователи отмечают, например, что традиционный костюм такого типа сохранился в г. Галиче. В 1899 г. писатель П.В. Засодимский отмечал: «Галичане более прочих жителей Костромской губернии придерживаются старины и в покрое одежды и в быте вообще. Впрочем, сказанное относится лишь к купечеству и к жителям Рыбной слободы»[24]. В богатом с. Угодичи Ростовского уезда Ярославской губернии они были еще в 1889 г. Очевидец писал, что он видел на зажиточных женщинах «золотные и низанные жемчугом кокошники с фатой коноватной, золотой парчи ферязи с широким напереди позументом и серебряными жуковинами, епанечки и телогреи бархатные. Из тех же принадлежностей состоял и наряд женщин среднего достатка и бедных, только с заменой парчи и бархата шелковою материей, кумачом и китайкой. Отличие девиц составляли перевязка и хитросплетенная коса с широкой и длинной алой лентой»[25]. Кроме того, белые рубахи с длинными рукавами и косоклинный сарафан были в это время моленным костюмом старообрядок, а во многих деревнях одеждой старух.

КОМПЛЕКС ОДЕЖДЫ С ПОНЕВОЙ

Наряду с комплексом одежды с сарафаном исследователи отмечают и бытование в Центральном регионе комплекса одежды с понёвой[26]. Он был известен, судя по письменным источникам, в Бронницком, Верейском, Богородском, Можайском, Подольском, Рузском уездах Москов-

ской губернии, Судогодском, Владимирском, Меленковском Владимирской, Лукояновском и Ардатском уездах Нижегородской[27]. Территория его основного бытования приходилась на юго-западную и южную часть Центрального региона, пограничную с северными уездами Калужской, Рязанской Тульской, Тамбовской губерний, где поневный комплекс в женской одежде был господствующим. При этом следует отметить, что, судя по письменным источникам, в южных частях Центрального региона его носили лишь в отдельных селах, которые отличались, по словам авторов статей, «обособленностью и малой культурностью» жителей. В. Чернышев, например, писал, указывая на бытование поневы у «шуваликов» Верейского у. Московской губернии, что они считаются «наиболее серой частью населения этих мест»[28]. Понева известна была, вероятно, также в Тверской губернии. Письменных свидетельств этому не обнаружено, но в собрании Российского Этнографического музея хранится понева из этой губернии, поступившая в 1948 г. из Государственного музея народов СССР в Москве[29]. Возможность бытования в древности поневы на территории современной Тверской области подтверждают археологические изыскания последних лет[30].

В настоящее время не представляется возможным дать более или менее развернутое описание этого комплекса. В собраниях музеев не имеется (за исключением тверской поневы) предметов, входивших в его состав; изобразительные материалы пока не обнаружены, а свидетельства письменных источников довольно скудны. В большинстве из них дается лишь указание на бытование тех или иных предметов в какой-либо местности, однако без их описаний. Типичной в этом отношении является, например, статья В.И. Семевского, характеризующего русскую одежду второй половины XVIII в.: «В Бронницком уезде Московской губернии рядом с сарафаном впервые встречается нам женская одежда — понява»[31]. Более развернутое его описание обнаружено только в двух источниках. Автор одной из рукописей, датируемой 1784 г., характеризуя одежду крестьян Владимирской губернии, писал: «...живущие в Володимирской и Судогодской округах за рекою Клязьмою к Мурому женщины большей частию одеваются в поньки, кое весьма сходствуют с юбками, но только половина оных должна быть или синяя, или красная, а другая белая. На голове носят сороки двоякие: с двумя рогами или без рог»[32]. Другой источник отмечает, что во второй половине XIX в. в с. Кленово Подольского уезда Московской губернии «бабы — в поневах, сверх коих подпоясывались кушаками узлом. На шее имели ожерелья; подвязывались большею частию бумажными клетчатыми синими с красными полосками платками, концами назад. Обувались в лапти, а для праздников имели коты, т.е. башмаки из грубой кожи, подбитые гвоздями и прикрепляемые к ногам ремнями»[33].

Эти косвенные данные позволили исследователям если не воссоздать полный облик костюма с поневой, то, во всяком случае, обрисовать его отдельные части. Б.А. Куфтин предположил, что поневы из уездов Судогодского, Меленковского, Муромского, описанные в рукописи 1784 г., являются вариантом понев жителей Мещерского края. «Какая именно группа поневы проникла далеко на север в пределы Владимирской губернии до р. Клязьмы, — писал он, — сказать трудно. Возможно утверждать только то, что мы имеем там... какую-то мещерскую (поневу. — *И. Ш.*) из красной и синей шерстяной ткани и с белой полотняной прошвой»[34]. Он имел в виду красную полосатую поневу с посконной основой и шерстяным толстым утком, бытовавшую в отдельных селах Касимовского уезда Рязанской губернии, Темниковского — Тамбовской, Керенского Пензенской, а также в селах переселенцев из Мещеры в Аткарском уезде Саратовской губернии, и синюю поневу, вытканную на четырех подножках, с красным подольником, распространенную в селах по р. Оке в Касимовском уезде. Этой же точки зрения придерживались также Н.И. Лебедева и Г.С. Маслова[35].

Поневы, известные в некоторых селах Ардатовского и Лукояновского уездов Нижегородской губернии, по мнению Б.А. Куфтина, могли быть одним из вариантов понев, бытовавших в пограничных с Ардатовским селах Темниковского уезда Тамбовской губернии, т.е. судя по всему, аналогичные владимирским[36]. Тверская понева, хранящаяся в собрании Российского этнографического музея, относится к широко распространенному варианту распашных темно-синих понев с клетками, образованными узкими зелеными, красными, белыми полосками, пропущенными по утку и основе. Края пол и подол обшиты широкой (5 см) тесьмой из шерсти терракотового цвета, тканной на бердечке. Поневы Московской губернии, предположительно, были такими же, как и тверская понева из РЭМ[37].

В письменных источниках, к сожалению, нет указаний на другие предметы одежды, входившие в состав поневного комплекса Центрального региона, кроме одного упоминания в тексте 1784 г. об одежде и головных уборах жителей Владимирской губернии: «сороки без рог и с рогами». Можно предположить, что автор имел в виду копытообразные сороки повсеместно распространенные в первой половине XIX в. во Владимирской губернии, а под «сороками с рогами» — головные уборы с короткими рожками, направленными назад и слегка вверх, которые по материалам XIX в. были известны в Арзамасском, Горбатовском, Лукояновском, Нижегородском уездах Нижегородской губернии.

В костюм с поневой естественно входила рубаха, передник и вероятно нагрудная одежда типа шушуна. Е.В. Арсеньева предположила, что с поневой носили рубахи с прямыми поликами, пришитыми

параллельно основе переднего и заднего полотнища, с длинными зауженными рукавами, которые бытовали в Верейском уезде Московской губернии[38], т.е. там, где бытовала и понева. Такие рубахи входили в состав поневного комплекса одежды Рязанской, Калужской губерний, пограничных с Московской. Что касается передников, то можно предположить, что это был длинный передник на широких проймах или передник на кокетке с рукавами, широко распространенные в южнорусском регионе, а в Центральном регионе известные в местах бытования в прошлом поневы, т.е. в Меленковском уезде Владимирской губернии и Лукояновском Нижегородской. Однако там они уже надевались с сарафаном. В Меленковском же уезде бытовал и длинный, распашной нагрудник с короткими рукавами, также характерный для костюма с поневой.

МУЖСКОЙ КОСТЮМ

Мужской костюм Центрального региона был менее разнообразен, чем женский, и в основных своих чертах аналогичен костюму, известному в других регионах, населенных русскими. Его основу составляли рубаха, штаны, головной убор, пояс. Почти повсеместно носили рубахи туникообразного покроя с косым разрезом ворота и невысоким стоячим воротничком, реже без него, с застежкой пуговицами на левой стороне груди, с прямыми рукавами, пришитыми к центральному полотнищу и бочкам. Для парней и молодых мужчин рубаху шили чуть выше колена, для стариков — ниже колен. Длину рубахи можно было регулировать также с помощью пояса. В некоторых местностях были известны и рубахи с правосторонним и прямым разрезом ворота. Первые встречались в Гороховецком уезде Владимирской губернии, небольшими очагами в Меленковском уезде Московской губернии и в некоторых южных уездах Нижегородской. По мнению исследователей, эти нетипичные для русских рубахи явились «результатом культурных связей с народами Волго-Камья», в частности с марийцами, удмуртами и коми-пермяками, у которых были широко распространены[39]. Рубахи с прямым разрезом ворота, считающиеся древним вариантом восточнославянской одежды[40], сохранялись в середине XIX в. в Костромской губернии (Костромской и Нерехотский уезды), Нижегородской губернии (Княгининский, Макарьевский, Нижегородский, Семеновский уезды), а в трех уездах Московской губернии (Верейский, Звенигородский, Серпуховский) встречались небольшими очагами.

В последней трети XVIII — первой половине XIX в. для шитья будничных рубах использовали белый и серый холст домашнего изготов-

ления, а праздничных — белое полотно, холст, окрашенный в синий и красный цвет. По словам В.И. Семевского, во второй половине XVIII в. «в Тверской, Ярославской, Костромской губернии зажиточные крестьяне носили синие и красные рубахи, выложенные около воротника золотым позументом или плетешком. В подмосковных деревнях крестьяне побогаче носили и шелковые рубахи»[41]. Белые рубахи вышивали по подолу и концам рукавов розовыми и терракотовыми льняными нитками, а также шелком и шерстью.

Поясной мужской одеждой были *порты,* состоявшие из двух сравнительно узких штанин — *калош,* соединенных двумя клиньями, образовывавшими нешироким шаг. Они удерживались на бедрах с помощью *гашника* — тесемки, продетой в подгиб верхнего края. Нижнюю часть штанов закрывали до колен онучами или убирали в чулки. Летние порты, носимые в будни, шили из неотбеленного холста саржевого или простого полотняного переплетения, сине-белой полосатой пестряди и такой же полосатой набойки, в праздник — из холста, окрашенного в синий цвет, а в некоторых селах Нижегородской губернии в бордовый и ярко-красный. В зимнее время поверх них надевали порты из серого или черного домашнего сукна такого же покроя как и летние.

Рубаху, как и всюду у русских, обычно носили навыпуск и подпоясывали, считая, что «без пояса ходить грех». Пояса были плетеные, тканные «на дощечках» и «на ниту» из грубых шерстяных тканей, окрашенных в разные цвета, а также вязаные.

Основным головным убором мужчин в этот период времени была шляпа с высокой тульей, плоским верхом и неширокими полями, изготовленная из катаной овечьей шерсти коричневого или черного цвета. Ее называли обычно *грешневиком, гречушником.* В зависимости от местности шляпа могла немного менять свой облик и соответственно название. В Тверской губернии, например, носили *шляпок* — шляпу с низкой тульей, в Ярославской — *верховку* с тульей в виде раструба или *гречушник с подхватцем* — с пережимом посредине, в Московской губернии был распространен *шпилёк московский,* у которого высокая тулья расширялась вниз к узким полям. Молодые мужчины и парни украшали шляпы лентами, тесьмой, узкими позументами, пряжками. Второй по степени распространенности в Центральном регионе была шляпа с четырехугольным верхом. Ее шили из сукна, бархата или шелка, с меховой опушкой по краю и для холодного времени года набивали пухом набивались пухом, шерстяными очесами или ватой. Обычно ее называли *пуховой шляпой,* а в Ржевском уезде — *рогастой на четыре угла.* Этот старинный тип головного убора в середине XIX в. сохранялся местами во Владимирской, Московской, Нижегородской и Тверской губерниях. Очевидец из Владимирской губернии писал в 1784 г., что крестьяне

шапки носят из серого «сукна или другого цвета высокие, на верху коих четвероугольная площадка с небольшими рожками, а внизу опушенная или мерлушкою или для всегдашнего употребления черною овчиною, на коей два разреза с небольшими мысами»[42]. Мужской костюм конца XVIII — первой половины XIX в. выглядел так: «Мужчины ходили летом в холщовых белых или пестрых рубахах, в синих портах... подпоясывались поясом из шерстяной тесьмы с кистями на концах»[43].

С 40–50-х гг. XIX в. мужской костюм, так же как и женский, несколько изменил свой традиционный облик под влиянием городского стиля одежды. Прежде всего, изменениям подвергся состав костюма. Парни и молодые мужчины стали включать в праздничный костюм с косовороткой жилетки, шейные платки, надевать шаровары — штаны на поясе с более широкими штанинами, чем у традиционных *портов,* тканые, плетеные пояса заменять широкими шелковыми, а позднее кожаными ремнями с пряжкой, наряду со шляпами стали носить *хурашки* — картузы. Одежда стала изготавливаться, в основном, из тканей фабричного производства: рубахи из яркого ситца, сатина, шелка, штаны из красного, синего, черного плиса или нанки, платки на шею были шелковые, картузы предпочитали из сукна с лакированным или покрытым плюшем козырьком.

Пояса зачастую были украшены инициалами владельца, изречениями и молитвами и даже любовными заклятиями. На узком шерстяном пояске из Костромского уезда Костромской губернии, например, был выткан такой текст: «в Москве мы были сахару не ели сахару белому винограду спелому свету пересвету тайному совету имя то ему нету про имя твое знает сердце мое не сокрушался бы мил заочно обо мне побывал бы мил как можно скорее ко мне»[44].

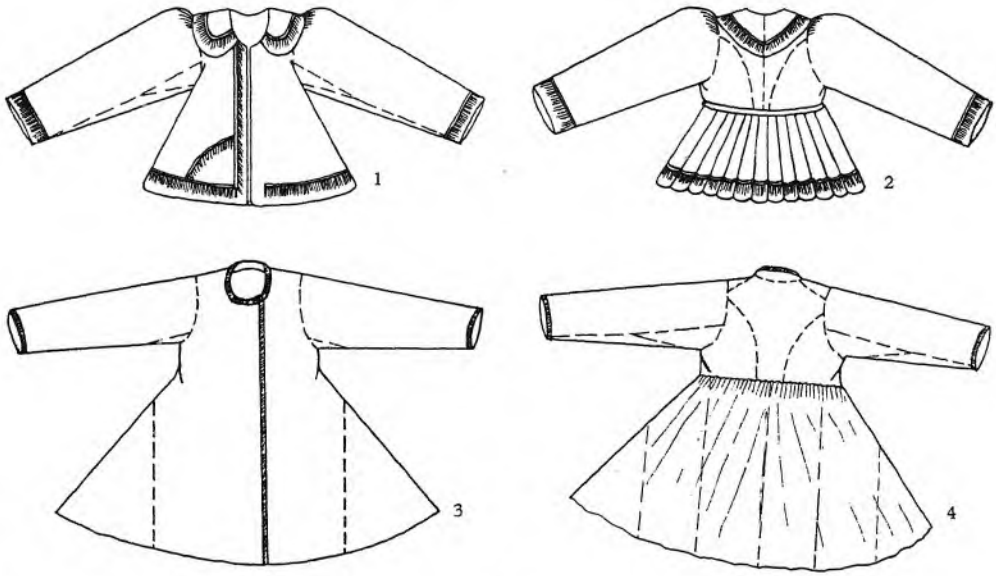
В 1851 г. в с. Богородском Горбатовского уезда Нижегородской губернии на летние гулянья мужчины выходили «в синих долгополых кафтанах, в плисовых штанах и в красных рубахах нередко шелковых; на голове поярковая или пуховая шляпа, ровная или московским шпильком»[45]. Деревенский щеголь из Костромской губернии в 60-е гг. XIX в., выглядел так: «...высокая черная шляпа с перехватом, перетянутая лентой или бархатом, со светлою пряжкою, из-за которой торчат несколько перьев павлинного хвоста. В шляпе платок ярко-красный или желтый; волосы зачесаны на правую бровь; на шее шелковый или бумажный яркого цвета платок, завязанный узлом; рубаха красной александрийки, подпоясанная шелковым так называемым персидским кушаком; зеленые перчатки; нанковые широкие шаровары, преимущественно желтого или зеленого цвета, надеваются под рубашку и уходят в сапоги, сделанные со скрипом и складками; на плечах надета сибирка»[46].

ВЕРХНЯЯ ОДЕЖДА

Верхняя одежда мужчин и женщин имела много общего. Одинаков был набор предметов, материал, из которого они изготавливались, покрой. Отличия проявлялись в основном в мелочах. Это свидетельствовали еще в XIX в. Автор «Статистического описания Любимского уезда Ярославской губернии» писал: «В простое время зимняя и летняя одежда у женщин такая же как и у мужчин». Другой автор отмечал, что жители с. Кленово Московской губернии «как мужчины, так и женщины и девицы летом по праздникам носили поддевки из домашнего сукна»[47]. Разница между мужскими и женскими поддевками заключалась лишь в том, что у мужской был стоячий воротник или ворот, а у женской ворота не было.

Весенне-осенняя одежда крестьян и небогатых горожан в последней трети XVIII — первой половине XIX в. шилась обычно из коричневого или серого сукна домашней выделки или полушерстяной толстой ткани — понитка. Богатые жители уездных городов или торгово-ремесленных сел праздничную одежду шили из русского или иностранного сукна фабричного производства, по преимуществу синего цвета. В этот период времени в Центральном регионе была наиболее распространена двубортная одежда, глубоко запахивавшаяся справа налево, с воротом по шее и длинными, прямыми рукавами. Застежка помещалась на левой стороне груди и состояла из металлических крючков или пуговиц. На рубеже XVIII–XIX вв. местами еще бытовала старинная двубортная одежда с прямой цельной спинкой, такими же полами и двумя узкими клиньями по бокам. В такой одежде талия обозначалась только при опоясывании кушаком[48]. Однако наиболее была распространена одежда с неотрезной спинкой, суживающейся в талии, с большим количеством вшивных клиньев с боков или сзади. В это время здесь была также известна двубортная одежда с цельными передними полами и подрезной по талии спинкой, украшенной *частыми борами*. В 1784 г. автор «Топографического описания Владимирской губернии» писал: «Одежду на себя крестьяне делают из своих домашних серых сукон, кафтаны до колена, назади с борами, сверху которых опоясываются кушаком. В летнее время для лучшей прохлады носят сделанные из холста легонькие понитки, такого же, как и серые кафтаны, покроя... Зажиточные же крестьяне для праздников и выездов одеваются в суконные синие и прочих цветов кафтаны...»[49].

Во второй половине XIX в. приталенная одежда с клиньями продолжала бытовать, однако ее ареал значительно сократился. Она уже полностью исчезла из обихода крестьян Московской, Ярославской губерний, изредка встречалась во Владимирской. Однако продолжала



Верхняя женская одежда. Нижегородская губ.:
1) *душегрейка* (вид спереди и сзади); 2) *кафтан* из домотканого сукна (вид спереди и сзади).
(ГИМ. Из кн.: Крестьянская одежда... Рис. 22, 27.)

использоваться местами в Тверской, Костромской, Нижегородской. Господствующей в это время стала одежда, отрезная по спинке или кругом по всей талии с частыми сборками.

Для обозначения двубортной одежды почти везде в Центральном регионе использовался термин *кафтан*. Однако наряду с ним употреблялись и другие названия: *чекмень, чапан, зипун, бешмет, армяк, пониток*. Кафтаны со сборами в Весьегонском уезде Тверской губернии, и Нерехотском Костромской называли *чекмень*, в Балахнинском и Васильсурском уездах Нижегородской губернии и в Кологривском Костромской, Верхневолоцком, Зубцовском, Ржевском Тверской — *зипуном*. В то же время в Нерехотском уезде Костромской губернии словом *зипун* обозначали одежду с клиньями. В Тверском уезде одежда с клиньями называлась *бешмет*, а в Кинешемском уезде Костромской губернии и Богородском Московской — *армяк*.

В середине — второй половине XIX в. распространение получили такие варианты кафтана как *поддевка, сибирка, казакин*. П. Мельников охарактеризовал в 1852 г. сибирку так: «Некоторые кафтаны заменяются сибиркою, т.е. длинополым сертуком со сборами на боках — переход от русского кафтана к немецкому костюму»[50]. Эти одежды шились в основном из фабричного сукна по преимуществу синего цвета. При этом

в Богородском уезде Московской губернии, как наверное и в других уездах, *сибирка, поддевка* были одеждой зажиточных людей, а «недостаточные ходили в сермяжных армяках»[51]. Дополнительной к основной верхней одежде в Центральном регионе, как и повсеместно у русских, была халатообразная одежда, т.е. однобортная, с запахом справа налево, без застежек, с большим воротником, подпоясывавшаяся кушаком или носившаяся нараспашку. В северных уездах Ярославской губернии она была известна под названием *пониток*, в остальных — *халат, армяк*. Эту одежду надевали в дорогу поверх кафтана или шубы.

Зимой мужчины и женщины носили шубы и полушубки, покрой которых был аналогичен покрою кафтана. Шубы были двубортными с цельной спинкой с перехватом в талии и клиньями, а также с отрезной спинкой или отрезной по талии с многочисленными сборками. Полушубком обычно называли короткую шубу с отрезной талией и сборками. Зимнюю одежду шили из овчины, особенно ценились романовские овчины, которые выделывали в Романово-Борисоглебском уезде Ярославской губернии. Шубы и полушубки шили мехом внутрь или нагольными белого или красновато-коричневого цвета, получавшегося после дубления, или покрытыми тканью. Шубы мужчин и женщин почти не отличались: «Мужчины всегда подпоясывались кушаками, по зимам носили полушубки, обыкновенно белые, из домашних овчин, такие же полушубки носили и женщины. Разница: у женских полушубков сзади ниже талии, по бокам делались ластовицы (вставки), чего у мужских полушубков не было»[52]. Богатые женщины и девушки носили шубы на заячьем меху, который считался девичьим и женским мехом, крытые сукном, плисом, китайкой, и даже атласом, иногда с воротником из меха куницы или выхухоля. Богатые мужчины из торгово-ремесленных сел надевали «шубы из мехов барашковых и лисьих, а некоторые, только очень немногие, энотовых, покрытых фабрикантскими сукнами»[53]. Шубы и полушубки обязательно подпоясывали широкими кушаками. Поверх шубы, отправляясь в дальний путь, надевали овчинный тулуп халатообразного покроя с большим воротником, подвязывая его на талии широким кушаком, а по шее шарфом, или накидывая на плечи.

ОБУВЬ

В селах Центрального региона была известна как кожаная обувь, так и плетенная из лыка, бересты или веревок. Крестьяне во второй половине XVIII в. носили большей частью плетеную обувь. Она была представлена в основном так называемыми, московскими лаптями из липовых лык косого плетения, с круглой головкой, высоким задником

и толстыми бортами, через отверстия в которых пропускались оборы. Московское плетение преобладало всюду, кроме юго-восточных уездов Ярославской губернии. Локальное распространение в Центральном регионе (Княгининский и Макарьевский уезды Нижегородской губернии) имели своеобразные лыковые лапти, подошва которых была косого плетения, а головка — прямого, которые принято называть чувашскими. По мнению исследователей, их приобретали на базарах, куда привозили из районов Волго-Камья, населенных тюркским и финно-угорскими народами[54]. В южных уездах (Муромском, Меленковском) Владимирской губернии и на севере этой губернии в Суздальском уезде бытовали лапти мордовского типа из липовых или вязовых лык косого плетения с трапециевидной головкой и петлями с каждого бока для продевания обор.

Наряду с лаптями из лыка имелись также лапти косого плетения из бересты с высоким задником, прямоугольной или треугольной головкой. Они бытовали, наряду с московским лаптем, в северных уездах Костромской губернии, в северо-западных Тверской и двух северных уездах Ярославской губернии.

Лапти носили обычно с серыми холщовыми или в зимнее время суконными онучами, закрепляя их на ноге оборами, плетенными или тканными из льняного волокна, шерсти. В некоторых селах Владимирской губернии вместо онуч надевали кожаные чулки — *бахилы*[55]. Способы обмотки ног были разными в зависимости от местности: крест-накрест, плотными или редкими рядами, сзади крест-накрест — спереди ровными рядами и т.д. Цвет обор различался по селам, при этом зачастую женщины заматывали ноги оборами одного цвета, а мужчины — другого[56].

Наряду с лаптями в отдельных селах северных уездов Тверской губернии и в Пошехонском Ярославской встречалась плетенная из бересты обувь типа глубоких туфель или с высоким голенищем, как у сапог. Обувь с голенищами надевали с шерстяными или портяными чулками, а берестяные туфли на босую ногу. Ее надевали, отправляясь на на лесные работы в болотистой местности или на покос.

В качестве домашней обуви или уличной для сухой погоды были распространены *шоптуны, шоптанники, крутеньки, чуни* — туфли, плетенные по типу лаптей из пеньковых веревок, очесов, тряпок, иногда на суконной или сыромятной подошве. Они изготавливались прямым переплетением с прямоугольной или круглой головкой с поднятым вверх носком и прикреплялись к ноге оборами.

Кожаная обувь была трех типов: поршни, башмаки и сапоги. Поршни в этом регионе называли *калишками*. Их шили из одного куска кожи со сборками по верхнему краю, закрепляя на ноге узкими кожаными ремешками. Эта обувь была зафиксирована отдельными очагами во всех губерниях Центрального региона, за исключением Нижегородской.

Калишки носили с онучами, но могли надевать и на голую ногу, прикрывая голень чулками без ступни.

Женские башмаки имели в разных деревнях различные названия: *чахчуры, черевики, кадеты, чурики*. Идентифицировать эту обувь с определенной моделью достаточно сложно, потому что в письменных материалах их описание встречается редко, а в музейных собраниях указание на местное название обуви имеется не всегда. Можно предполагать, что указанными терминами обозначалась обувь, достигавшая щиколотки, на жесткой подошве с широким каблуком с металлической подковкой, с красной суконной или серой холщовой обшивкой по верхнему краю, в которую продевалась тесьма, стягивавшая башмак сверху. Носок и задник башмаков украшали металлическими заклепками, кусками тисненой кожи, а также вышивкой шерстью.

Туфли — *босовики, коты, чарки* — шили из мягкой черной, красной и желтой кожи, на каблуке или без каблука, украшали шитьем золотной, шелковой или шерстяной нитью, цветной кожей, со скобками под каблуком.

Башмаки и туфли носили с так называемыми *русскими чулками*, которые вязали из шерсти одной иглой, без пяток, а также с *немецкими*, вязанными на спицах с пятками.

В некоторых губерниях, например во Владимирской девушки и молодые женщины по праздникам надевали легкие *сапожки-вязанки* из цветной шерсти с кожаной подошвой и подкладкой из шерстяной кудели, которые иногда называли *парижками*.

Мужской обувью были башмаки, называвшиеся *босовики,* и сапоги с длинным голенищем. Описаний мужских башмаков не сохранилось, вероятно, они имели такую же форму, как и женские. Сапоги шили на жесткой подошве с пришивным или вытяжным (цельным) голенищем, на невысоком широком каблуке с подковкой. Праздничные сапоги отличались высотой каблука, украшениями верхней части голенища — полосой черной лакированной кожи с дырочками, полосами красного, зеленого, желтого сафьяна, кисточками из гаруса, и задника — медными гвоздиками-шпилечками. Носили сапоги с чулками, которые нередко выпускали над голенищем. Рабочей и промысловой обувью были мягкие кожаные сапоги — *бродни, бахилы, осташи, ступни, уледи.*

Зимней обувью в центральных губерниях России, наряду с лаптями и сапогами, была обувь, валянная из овечьей шерсти. Она встречалась в двух вариантах. Старинным вариантом была короткая, до щиколотки, обувь с пришитым к верхнему краю куском сукна, меха или кожи. Такое «голенище» обматывали вокруг голени, закрепляя оборами. Более новым вариантом стали цельные *валяные сапоги, валенки* с высоким жестким голенищем, серого, черного, коричневого цвета, впервые проявившиеся

в начале XIX в. в Семеновском уезде Нижегородской губернии. Там же катали и белые валенки с закатанным или вышитым цветным узором.

Соотношение плетеной и кожаной обуви в губерниях Центрального региона установить довольно сложно. Большинство материалов, имеющихся в нашем распоряжении, дают возможность говорить о том, что до 50–60-х гг. XIX в. в большинстве сел лапти были будничной рабочей обувью всех крестьян, как зажиточных, так и бедных. Праздничной обувью зажиточных крестьян была кожаная обувь, а бедных — *писаные лапти*. В «Топографическом описании 1784 г. Владимирской губернии» говорится: «Обувь у крестьян обыкновенные онучи, тоже серого сукна длиною аршина в три, кое начинают увивать с пальцев ножных по самое колено, а после надев лапоть веревками оного укрепляют сие обернутое около ноги сукно. Зажиточные же крестьяне для праздников и выездов... надевают на ноги сапоги с медными скобками»[57]. В то же время очевидцы отмечали, что в некоторых уездах кожаная обувь была преобладающей. В.И. Семевский, ссылаясь на доступные ему рукописи XVIII в., писал: «В Московской губернии, в местности ближе к Москве, только у немногих были лапти, а то почти у всех была кожаная обувь... В Московской губернии некоторые женщины всегда ходили в башмаках, в других уездах кроме лаптей женскую обувь составляли коты и сапоги»[58].

Во второй половине XIX в. в большинстве сел, население которых занималось торгово-ремесленной деятельностью, праздничной, а зачастую и будничной, была кожаная обувь. Однако лапти продолжали существовать как обувь, в которой ходили в лес, на сенокос, пахоту, сев и жатву. Кожаная обувь была редка в праздничный день лишь у очень бедных крестьян, в деревнях, где почти не б\ыло ремесленной деятельности. Ап. Можаровśкий писал в 1894 г., что в с. Муратовка Сергачского уезда Нижегородской губернии даже в праздник у крестьян: «на ногах неизменные лапти и редко-редко у кого сапоги»[59].

* * *

Подводя итог, отметим, что традиционная одежда русских Центрального региона, сохраняя общность с одеждой на остальной территории расселения русского народа, обнаруживает ряд особенностей, вызванных историческими, географическими и экономическими обстоятельствами жизни людей.

Прежде всего, следует отметить, что собранный нами материал подтвердил распространенное среди исследователей мнение, что для Центрального региона характерно было наличие двух типов женского костюма: с сарафаном и с поневой[60]. Поневный комплекс был известен в конце XVIII — первой половине XIX в. лишь в некоторых селах южной части региона по границе с Калужской, Тульской, Рязанской,

Тамбовской губерниями. Сведений о том, что он имел в этот период времени более широкую территорию бытования обнаружено не было, за исключением поневы из Тверской губернии в фондах РЭМ. Однако правильность указания места ее бытования в научном паспорте вещи вызывает некоторое сомнение.

Комплекс одежды с сарафаном, широко распространенный на этой территории, включал в себя некоторые предметы одежды, более характерные для южнорусского костюма с поневой: туникообразный передник на широких проймах или с рукавами, рубаху с прямыми поликами, пришитыми по основе полотнищ стана, нагрудную одежду типа шушуна с короткими рукавами. Эти предметы в основном входили в состав костюма жителей южных уездов губерний Центрального региона. Кроме того, на большей части территории региона бытовала, наряду с кокошниками, сорока (кичка), характерная также в основном для комплекса одежды с поневой.

Костюм Центрального региона, как женский так и мужской, сохранял некоторые черты одежды жителей Московской Руси XVI–XVII вв. Это рубахи с длинными, ниже запястья, рукавами, собранными в горизонтальные складки, — необходимая принадлежность женского боярского костюма. На некоторых из них (рубахи из Верейского уезда Московской губернии) декор располагается так же, как и на средневековых рубахах — сверху вертикального шва рукава. В этом плане некоторый интерес вызывают тверские рубахи с воротушкой, напоминающей большой съемный воротник — необходимую принадлежность праздничного костюма средневековой женщины. Косоклинные сарафаны с широкими проймами и воротом по шее, зачастую с длинными ложными рукавами, с большим количеством пуговиц и украшением вдоль пол и подола, являлись фактически копией средневековой телогреи, представлявшей собой распашную одежду с длинными ложными рукавами, пуговицами и нашивками вдоль пол и по подолу. Глухой косоклинный сарафан, распространенный в некоторых уездах Тверской губернии, в какой-то степени повторяет накладную одежду русского средневековья.

Девичьи повязки и женские кокошники, особенно тверские кики, также имеют большое сходство с головными уборами XVI–XVII вв. Стоить также отметить, что в Центральном регионе сохранилась средневековая терминология предметов одежды: *сарафан, шубка, ферязь, саян, костыч, кафтан, кика, перевязка, венец и др.*

Характерной чертой являлось также довольно ранее, по сравнению с другими регионами, использование в костюме крестьян фабричных тканей. В конце XVIII — начале XIX в. даже не очень богатые крестьяне шили праздничные костюмы из кумача, китайки, а мужские рубахи — из хлопчатобумажной или шелковой ткани, носили шелковые пояса.

Во второй половине XIX в. фабричная ткань стала основным материалом для шитья одежды, не только праздничной, но и во многих случаях будничной.

Следует также отметить, что в Центральном регионе отказ от ношения традиционного костюма начался раньше, чем в других губерниях Европейской России. П. Сумароков, путешествовавший по России в 1838 г., заметил, что женщины г. Ярославля «носят шелковые, ситцевые, длинные платья, браслеты, заплетают волосы по моде или в шиньоны под гребнем», а ярославские деревни «кажутся местечками, крестьяне — купцами, а жены их провинциальными щеголихами»[61]. Переход крестьян на одежду европейского образца начался с населения торгово-ремесленных сел. Автор этнографического очерка, посвященного крестьянам Вязниковского уезда Владимирской губернии, «замечательного в торговом отношении селениями, в них ярмарками, базарами, рукомеслом местных жителей и их внутренней и внешнею промышленностью»[62], — писал в 1868 г., что одежда его жителей носит «характер более городской нежели сельский... Женщины одеваются в платья из бумажной, шерстяной, шелковой материи, карнолины (кринолины) и пр. Сарафаны считаются за будничный наряд и то только между беднейшими...»[63]. Однако уход традиционного костюма из быта как городского, так и сельского населения происходил достаточно медленно. В 1899 г. автор статьи о Москве и Московской промышленной области писал, что «в значительной части Московской губернии и наиболее промышленных областях Владимирской и Ярославской губерний... национальная одежда уже уступает международной... Отдаляясь от центра, мы находим смешение городского наряда с национальной одеждой... Местности, лежащие по Волге, вдали от городов, удержали почти в неприкосновенности великорусский сарафан с короткими и широкими рукавами (имеется в виду рубаха)... по верхнему течению Волги женщины носят красивые высокие кокошники... к кокошнику прикладывается покрывало»[64].

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Русские. М., 2003. С. 108, 109–110.

2 *Семенов-Тян-Шанский М.Д.* Экономическая жизнь Поволжья // Поволжье: Природа. Быт. Хозяйство. Л., 1925. С. 232–235, 257–268.

3 АГО. Разр. XXIII. Д. 138. Л. 10.

4 *Ханявина Л.С.* Художественные традиции народной одежды Центральных районов Европейской части России во второй половине XIX в. // Традиции народной одежды и искусство современного костюма: Сб. науч. тр. НИИХП. М., 1983. С. 87.

5 *Яковлева Е.Г.* Узорное ткачество в народной одежде Центральных районов Европейской части России во второй половине XIX в. // Традиции народной одежды и искусство современного костюма: Сб. науч. тр. НИИХП. М., 1983 С. 99.

6 Гринкова Н.П. Одежда «тудовлян» Ржевского уезда // СЭ. 1926. № 1–2. С. 87–88; *Тазихина Л.В.* Русский сарафан // КСИЭ. 1955. Т. XXII. С. 22.

7 *Маслова Г.С.* Народная одежда русских, украинцев, белорусов в XIX — начале XX в. // Восточнославянский Этнографический сборник М., 1956. С. 650.

8 *Семевский В.И.* Домашний быт и нравы крестьян второй половины XVIII в. // Устои 1882. № I. С. 128–129.

9 *Маслова Г.С.* Основные черты орнамента ярославской и костромской вышивки // Сообщения ГРМ. Вып. IX. 1976. С. 153–159.

10 *Семевский В.И.* Указ. соч. С. 128.

11 Б./а. Вязниковский уезд Владимирской губернии // Этнографический сборник / Труды Владимирского губернского статистического комитета. I868. Вып. VII. С. 69.

12 *Бабаянц Г.Н., Комлева Г.Н.* Женские и девичьи головные уборы Костромской губернии //Сообщения ГРМ. Вып. IX. 1976. С. 167.

13 Гринкова Н.П. Указ. соч. С. 93.

14 Топографическое описание Владимирской губернии, составленное в 1784 г. Владимир, 1906. С. 10; Краткое историческое известие о городе Костроме, собранное из разных древних летописей и исторических книг секунд-майором Н. Сумароковым в 1776 г. // АРЭМ. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 78, Рис. Табл. VI и др; *Федорова Г.А.* Из истории одежды жителей Гороховецкого уезда в контексте культуры России XVII — начала XX в. // Традиционная культура Гороховецкого края М., 2004 Т. 1. С. 342.

15 *Шибанов М.* «Крестьянский обед» 1774 и «Празднество свадебного договора» 1777, которые были написаны в имении Старое Татарово, недалеко от Мстеры Владимирского уезда, а также в иллюстрациях, приложенных к рукописи «Краткое историческое известие о городе Костроме; рисунки Е.М. Корнева, выполненные с натуры в 1803 г. и опубликованные в книге «Les peoples de la Russie» Paris, 1812–1813. Ч. 1. Ч. 2. Каталог выставки «Ярославские портреты» а также женские портреты художников конца XVIII — первой четверти XIX в. Д.Г. Левицкого, И.П. Аргунова, П. Барбье, А.Г. Венецианова, картины Ф. Алексеева «Красная площадь в Москве» 1801 г. «Вид Кремля у Спасских ворот», Ж. Делабарта «Вид на Москворецкий мост в Москве» 1790 г.

16 Топографическое описание Владимирской губернии. С. 10.

17 *Сумароков Н.* Указ. соч. Л. 9.

18 Там же.

19 *Доброзраков М.* Село Лукояновка Лукояновского уезда Нижегородской губернии // Этнографический сборник. 1853. Вып. I. С. 39.

20 Б./а. Мёжа // КГВ. I862. № I. С. 2.

21 *Маслова Г.С.* Опыт составления карт распространения русской народной одежды // КСИЭ. XXII. М., 1955. С. 14; *Гринкова Н.П.* Указ. соч. С. 86–92.

22 *Ханявина Л.С.* Указ. соч. С. 79; *Климова Н.Т.* Русский народный женский костюм Горьковской области // Народные основы искусства художественных промыслов. М., 1981. С. 71, 74 и др.; *Яковлева Е.Г.* Указ. соч. С. 93–107.)

23 *Янченко В.Л.* Набивные платки и шали в русском·народном костюме первой половины XIX в.// Традиции народной одежды и искусство современного костюма Сб. науч. тр. НИИХП. М., 1983. С. 125–125, 128.

24 *Засодимский П.В.* Галич Костромской губернии // Живописная Россия. Т. VI. Ч. 2. М., 1899. С. 211.

25 *Артынов А.Я.* Село Угодичи Ростовского уезда Ярославской губернии // ЯГВ. 1889. № 10. С. 3.

26 *Куфтин Б.А.* Материальная культура русской Мещеры. М., 1926. Ч. I. С. 72, 73, 78; *Маслова Г.С.* Опыт составления карт... С. 13, 14; *Она же.* Народная одежда русских украинцев... С. 627; Русские. Историко-этнографический атлас М., 1967. С. 213, 215–216, 257; *Арсеньева Е.В.* Центр Европейской части России // Крестьянская одежда населения Европейской России (XIX — начало XX в.). Определитель. М., 1971. С. 19.

27 Топографическое описание... С. 10; Ягодинская волость Судогодского уезда» (Особое приложение к Владимирскому земскому сборнику 1885). № 9–10 С. 10; *Чернышев В.* Несколько слов о быте и говоре «шуваликов» Верейского уезда // ИОРЯС СПб., 1905. Т. X. Кн. 2. С. 364; *Семевский В.И.* Указ. соч. С. 216; *Лавровский Е.М.* Очерк села Кленова Подольского уезда //Приложение к сборнику статей Сведения по Московской губернии. Отд. хоз. статис. Т. VI. Вып. I. М., 1879. С. 286.

28 *Чернышев В.* Указ. соч. С. 364.

29 Колл. 8364–2175. РЭМ. Более подробного указания на место ее бытования в научной документации Государственного Музея народов СССР не имелось.

30 *Степанова Ю.В.* Локальные варианты древнерусского женского погребального костюма Верхневолжья // КСИА М., 2008. № 222. С. 181. Костюм с поневой был реконструирован автором статьи на основании раскопок женского погребения кургана I09 Избрижского некрополя на территории Тверской области.

31 *Семевский В.И.* Указ. соч. С. 125.

32 Топографическое описание... С. 10.

33 *Лавровский Е.М.* Указ. соч. С. 286.

34 *Куфтин Б.А.* Указ. соч. С. 72.

35 *Лебедева Н.И., Маслова Г.С.* Русская крестьянская одежда XIX — начала XX в. // Русские: Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда. М., 1967. С. 216.

36 *Куфтин Б.А.* Указ. соч. С. 73.

37 Поневы, различные по расцветке и по технике выполнения (середина — вторая половина XIX в.). Карта 45 // Русские: Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда. М., 1967. Карты.

38 *Арсеньева Е.В.* Указ. соч. С. 19.

39 *Лебедева Н.И., Маслова Г.С.* Русская крестьянская... С. 238; *Маслова Г.С.* Народная одежда русских ... С. 581. Рис. 15.

40 *Лебедева Н.И., Маслова Г.С.* Русская крестьянская... С. 238; *Маслова Г.С.* Народная одежда русских... С. 581, Рис. 15.

41 *Семевский В.И.* Указ. соч. С. 121.

42 Топографическое описание... С. 9.

43 *Лавровский Е.М.* Ук. соч. С. 286.

44 Колл. РЭМ. № 347–36

45 *Мельников П.М.* Записки о Нижегородской губернии // Москвитянин. 1851. № 5. Март. Ч. 2. С. 17.

46 *Крживоблоцкий Я.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Костромская губерния. СПб., 1861. С. 499.

47 Статистическое описание Любимского уезда Ярославской губернии // ЯГВ. 1859. № 22. С. 156.

48 *Миллер В.Ф.* Систематическое описание коллекций Дашковского Этнографического музея. Вып. III. С. 64–65.

49 Топографическое описание. С. 9, 10.

50 *Мельников П.М.* Указ. соч. С. 17.

51 Б./а. Богородский уезд Московской губернии // МГВ. 1852. № 39. С. 366.

52 *Лавровский Е.М.* Указ. соч. С. 286.

53 Статистическое описание Любимского... С. 156.

54 *Лебедева Н.И. Маслова Г.С.* Русская крестьянская одежда... С. 254)

55 *Добрынкин Н.Г.* Вязниковский уезд Владимирской губернии. Этнографический очерк // Тр. Владимирского губ. Стат. ком. Владимир, 1868. Вып. VII. С. 68.

56 *Гринкова Н.П.* Указ. соч. С. 95.

57 Топографическое описание... С. 9, 10.

58 *Семевский В.И.* Указ. соч. С. 119.

59 *Можаровский Ап.* Село Муратовка Сергачского уезда Нижегородской губернии // НГВ. 1894. № 12. С. 1.

60 *Лебедева Н.И., Маслова Г.С.* Русская крестьянская... С. 257.

61 *Сумароков П.* Прогулка по 12 губерниям с историческими и статистическими замечаниями в 1838 году. СПб., 1839. С. 304.

62 Б./а. Вязниковский уезд Владимирской губернии... С. 68.

63 Там же.

64 *Исаев А.* Москва и Московская промышленная область: Тверская, Ярославская, Костромская, Нижегородская и Владимирская губернии.// Живописная Россия М., 1889. Т. VI. Ч. 2. С. 32.

Рис. 1. Посольство князя Сугорского к Максимилиану II в 1576 г.
(фрагмент гравюры) (МИМ).

Рис. 1. Одежда жителей Костромского у. в XVIII в.: 1) девушка из посада г. Костромы; 2) женщина из посада г. Костромы; 3) крестьянская девушка из Костромского у.; 4) крестьянка из Костромского уезда (1–4 – АРЭМ, Ф. 2. Оп. 2. Е.х. 78. Табл. III, VII, VIII).

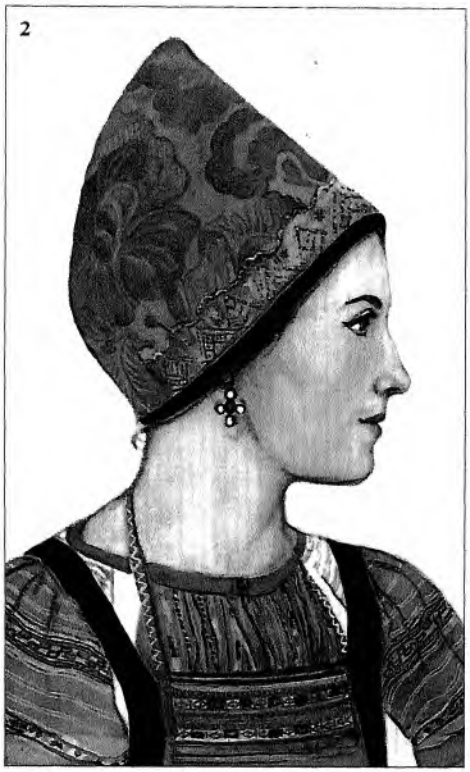


Рис. 2. Женские головные уборы — кокошники, XIX в. 1) Костромская губ.; 2) Московская губ., г. Верея; 3) Владимирская губ. (Буклет «Русский головной убор», «Изобразительное искусство», художник Н. Виноградова. М., 1971.)

Рис. 3. Костюм женщины из Костромской губ.:
1) вид спереди; 2) вид сзади.
(Из коллекции С.А. Глебушкина. 2007.)

Рис. 4. Костюм невесты: сарафан с рубахой-долгорукавкой, повязка, пушки, ленты, фата.
а – вид спереди, б – вид сзади. Нижегородская губ., Вознесенский р-н.
(Из коллекции С.А. Глебушкина. 2007.)

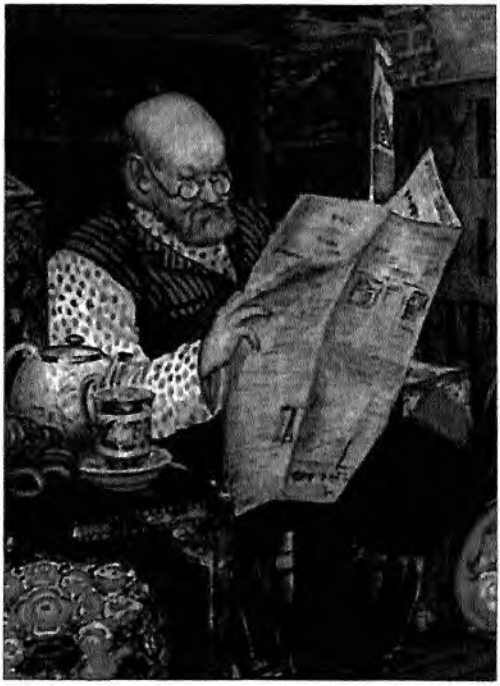
Рис. 5. Праздничный наряд девушки: сарафан, рубаха, душегрея. а – вид спереди, б – вид сбоку. Нижегородская губ., Кстовский р-н. с. Безводное. (Из коллекции С.А. Глебушкина, 2007.)

Рис. 6. Душегрея с золотым шитьем. Нижегородская губ., с. Безводное.
(Из коллекции С.А. Глебушкина, 2007.)

Рис. 1. Свадебное платье крестьянки Садовой Слободы:
шелк, кружево, пояс вышит бисером, нач. XX в. (коллекция МГОМЗ).

1а. Длинный купеческий сюртук.
Кустодиев Б.М. Купец. Серия «Русь».

1б. Купеческая верхняя одежда.
Кустодиев Б.М. Купец. Серия «Русь».



1в. Рубаха и жилет, брюки заправленные
в сапоги. Кустодиев Б.М. Купец. Серия «Русь».

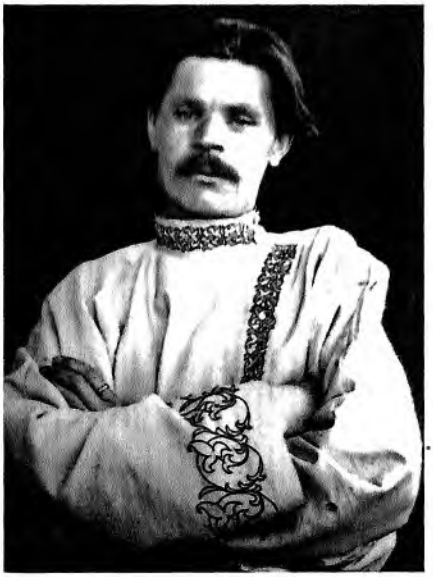
2. Купеческие шали, характерные прически.
Кустодиев Б.М. «Купчихи». Серия «Русь».

3. На даме — кружевная наколка,
парчовая накидка. Федотов П.А.
Портрет М.П. Дружининой. 1848 г.

4а. Белый китель студента.
Маковский В.Е.
«Объяснение».

4б. Клетчатый плед
и шапочка курсистки
Ярошенко Н.А.
«Курсистка». 1883 г.

4в. Широкополая шляпа
и плед на плечах.
Ярошенко Н.П.
«Студент». 1881 г.



5. Рубаха в русском стиле. М. Дмитриев.
М. Горький в рубашке, вышитой
его женой Е. Пешковой. 1899 г.

6. Женский городской костюм. 1900-е гг.
Пальто-сак. 1900-е гг. Г. Вейс.
По материалам публикаций журналов
«Модный свет», «Модный курьер»
и «Живописное обозрение»
конца XIX – начала XX в.

7. Шуба, меховая шапка
Кустодиев Б.М.
«Портрет Ф.И. Шаляпина». 1921 г.

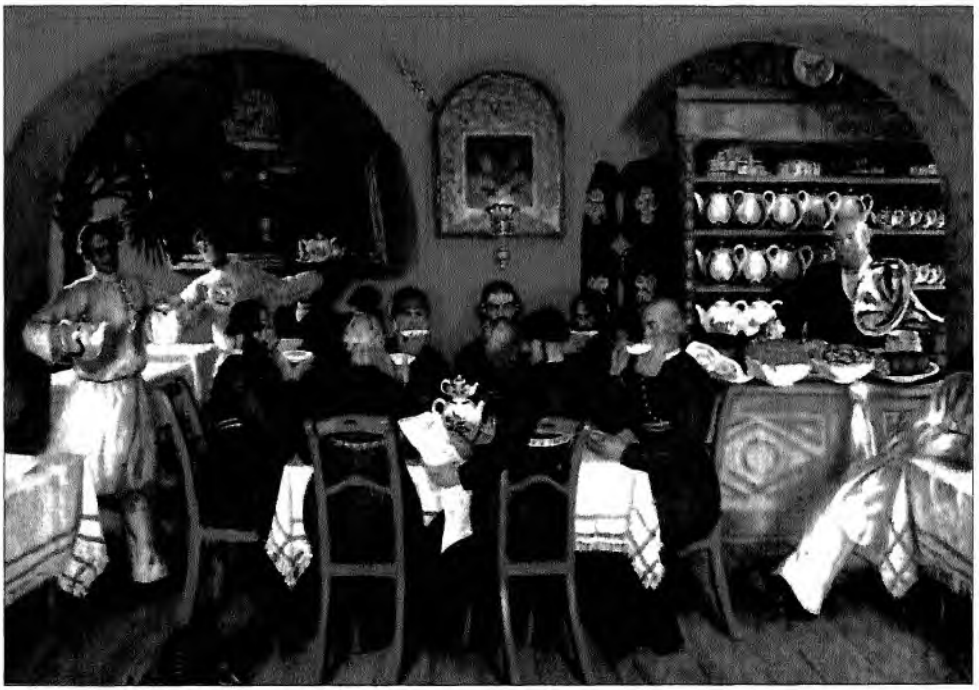
8. Фабричный рабочий в картузе, косоворотке, пиджаке, брюках, заправленных в сапоги
Маковский В.Е.
«На бульваре».
1886-1887 г.

9. Продавец одежды. Разносчик игрушек. Продавец ягод.
Альбом «Старая Москва».

10. Торговка платками. 1900-е гг.
Альбом «Старая Москва».

11. Картузы, армяки и поддевки. Коровин С.К. «На миру». 1893 г.

12. Костюм трактирного полового. Кустодиев Б.М. «Половой». 1903. Серия «Русь».



13. Костюм трактирного полового и извозчиков. Кустодиев Б.М. «Половой». 1903. Серия «Русь».

14. Униформа кучера.
Альбом «Российская империя
в фотографиях».
Конец XIX – начало XX вв.

15. Извозчики в чайной.
Русские типы. В. Каррик.
Начало 1870-х гг.

КОСТЮМ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ МОСКВИЧЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

История городского костюма начинается с реформ Петра I. До этого времени одежда городских и сельских жителей по покрою была сходна. Различия проявлялись лишь в количестве, качестве и стоимости материала.

Обычаи и традиции задавали бережное отношение к вещам. Традиционная одежда мало менялась на протяжении столетий. Резкие изменения произошли только в XVIII в., когда Петр I взял курс на сближение с Западом. Наглядным образом это проявилось в заботах царя о том, чтобы русские люди и внешним обликом напоминали жителей Европы. Специальным указом 1700 г. в России был введен городской костюм по западноевропейскому образцу, а именно — венгерское платье, а в следующем году вышел окончательный запрет на ношение русского кафтана. Его изготовление и продажа карались законом. Предписывалось носить немецкую обувь — сапоги и башмаки. Указ 1705 г. обязал мужское население страны за исключением священников, монахов и крестьян брить бороды и усы.

Налог за ношение бороды доходил до 100 рублей в год (в зависимости от сословной принадлежности и имущественного положения). Табель о рангах 1722 г. установила иерархию знати согласно положению на службе с соответствующей рангу униформой. Регламентация простиралась от белых до черных рейтуз, от красной до белой ленты, от серебряной до золотой нити. Простое добавление нашивок приобрело огромное значение. В таких мерах выражалось сознательное противопоставление нового, современного — традиционному, освященному временем и обычаем. Однако новые порядки приживались с трудом. Долгие годы только насилием можно было поддерживать введенные моды и нравы.

При Екатерине II европеизация городского костюма продолжилась. Но в это же время среди знати возникает и «мода на русское». Согласно придворному этикету 1782 г. в торжественные дни дамы должны были являться ко двору в «русском платье» — сарафане на корсаже и юбке. Новую волну популярности народного платья вызвала Отечественная война 1812 года, когда дамы высшего света в знак патриотизма появлялись на балах в украшенных традиционной вышивкой русских сарафанах. Николай I, классифицируя подданных вплоть до кухарок, вводил постоянные дополнения в уже существующие униформы. При нем в 1834 г. придворное женское платье дополнилось кокошником, а при Александре III у высших воинских чинов появилась униформа с элементами «русского» кроя.

На протяжении истории государственная власть в России стремилась закрепить порядок системой законов, устанавливающих четкие предписания в отношении элементов быта и костюма. Поэтому вопросы выбора той или иной формы одежды были тесно взаимосвязаны с проблемами самоутверждения, национальной и социальной самоидентификации. Противостояние европейской культуры высших классов и традиционной культуры русского крестьянства — в зримом воплощении на языке предметов свелось к соперничеству моды и обычая во внешних формах быта.

В настоящей статье будет рассмотрен повседневный московский костюм как источник информации об образе жизни различных социальных слоев населения пореформенной Москвы, то есть середины XIX — начала XX в. Источники для исследования можно условно разделить на три группы: художественная и мемуарная литература, архивный материал и данные переписей населения 1871, 1882, 1897 гг., произведения жанровой живописи и фотографии, представляющие интерес как самостоятельный носитель информации об одежде самых различных слоев населения.

КОСТЮМ «ДВОРЯНСКОЙ» МОСКВЫ

Вплоть до 60-х гг. XIX в. Москва «считалась, да и была столицей русского дворянства», остававшегося, несмотря на начавшийся процесс оскудения, «влиятельнейшей силой в Москве...»[1]. Хотя аристократия как социальный класс ориентировалась прежде всего на европейский стиль и моду, помимо западных влияний внешний облик аристократической Москвы зависел от принятых обычаев и бытовых условий московской среды.

В течение большей части XIX в. необходимые для костюма материалы приобретались в самой столице. Главная «расхожая» торговля Москвы была сосредоточена в Китай-городе, или по московской терминологии в «городе», состоящем из трех улиц: Никольской, Ильинки и Варварки. Тут можно было приобрести все, что нужно москвичу, по более низкой цене. Китай-город не терял своего значения и в 70–80-х гг. ввиду отсутствия на других московских улицах магазинов, за исключением булочных, овощных и табачных лавок.

Вся индустрия моды и роскоши сосредоточилась на Кузнецком мосту, Петровке, в Столешниковом и Газетном переулках и на Тверской. Светскость этих «районов» отражалась в использовании на вывесках галлицированных имен и присутствии многих зарубежных фирм. Популярны были характерные французские названия «Барон Шарль», «Шамбрун», «Гюго и Жозеф» и др. Стремясь привлечь посетителей, под французскими вывесками работали и русские мастера.

В начале XX в. торговая и промышленная Москва наводнилась массой новинок, предметами первой необходимости и роскоши заграничного производства, вытеснившими все «доморощенное и домодельное». Но в середине XIX в. на Кузнецком мосту открылся и русский магазин. Его прилавки заполнила продукция русских фабрик и заводов: хлопчатобумажные изделия фабрик Прохоровых, Титова, Матвеева, шелковые изделия фабрики Сапожниковых и др.

Число магазинов Кузнецкого моста все время умножалось. Так, в пределах его кварталов к концу XIX в. насчитывалось уже 52 заведения, продающих одежду, 30 магазинов ткани и др. текстильных товаров. Здесь было 26 портных и белошвеек, 108 торговых мастерских по пошиву модной одежды, включая торговлю тканями и необходимыми материалами, а также ювелирные, галантерейные и парфюмерные магазины, парикмахерские, мастерские чистки и окраски одежды. Однако продажи готового платья фабричного пошива не было. Первые фабрики появились лишь в XX в. перед Первой мировой войной, а до того готовое платье производилось кустарным способом в мастерских с невысоким техническим оснащением.

В модных магазинах известных модельеров Пакен, Дусе, Ворта торговали моделями костюмов, которые демонстрировали манекенщицы в уже готовых платьях. В начале 80-х гг. XIX в. цены на заграничную одежду сильно выросли и в Москве было налажено местное производство костюмов. Повсюду открылись швейные мастерские. Только на Большой Дмитровке их было несколько — «Ателье Паризьен» Аникеевой, «Клодин» мадам Веллинг, «Дамская мастерская» П. Сиже и др. Однако многие дворянские семьи не имели возможности постоянно приобретать новые дорогие эксклюзивные вещи, поэтому существовала система обмена. Даже богатые москвички не пренебрегали возможностью одеться в чужие платья и украшения.

Несмотря на общую ориентацию на европейский стиль и моду, своеобразие московскому дворянскому костюму придавал сезонный уклад жизни. Московская аристократия, все теплые месяцы проводившая в деревне, приезжала в столицу в октябре на осенне-зимний сезон балов и затем вновь возвращалась в свои имения, чуть только дороги начинали таять. Поэтому московский барин далеко не всегда носил платье с иголочки. Вне столицы допускались старые, вышедшие из моды вещи, потертые короткие куртки-камзолы и иная небрежность в костюме.

Кафтан, или халат, — вид домашнего одеяния, в котором москвич не только отдыхал, но и принимал гостей, — был широко распространен в быту дворянина. Он напоминал поддевку — русский кафтан, традиционно носимый крестьянами. Московские дворяне ходили дома без галстуков и без жилетов, в просторном восточном халате и широких туфлях. Уже в конце XIX в. Гиляровский отмечает, что турецкий халат с красными шнурами и ермолка с кисточкой продолжали украшать жизнь одинокого старого барина и после разорения его имения[2].

Мужчина в домашнем халате. Федотов П.А. «Молодой человек, играющий с собакой». (Из альбома: Государственная Третьяковская галерея.)

До отмены крепостного права дома московских господ были наполнены прислужниками, состоящими из крестьян, отпущенных в город по оброку. Огромная дворня числом до трехсот и даже пятисот человек, приставленная к различным должностям, выполняла прихоти своего барина. На празднике можно было увидеть целую стаю слуг всех наций, в пестрых национальных костюмах. Тем не менее до середины XIX в. и в последующее десятилетие продолжала

действовать «Табель экипажам и ливреям по различию чинов» с предписаниями по костюму. Одевавшим слуг «не по чину» грозил штраф или арест до трех месяцев[3]. Ливрейному слуге полагалось быть в французской ливрее голубого цвета, с золотым галуном, расшитой согласно «Табели», в палевом жилете, розовых кюлотах[4], белой рубашке с галстуком, белых чулках, черных туфлях с пряжками, в белом парике, белых нитяных перчатках, треугольной шляпе. На улице к ливрее любого типа полагалась ливрейная шинель, напоминавшая длинное двубортное пальто, обшитое галуном, а также войлочный цилиндр с кокардой или высокий картуз.

По мере того как жизнь дворянства теряла черты барственности, парадные французские ливреи сохранились только для торжественных случаев. Корректным платьем пореформенного времени стала скромная и строгая английская ливрея. К концу века чулки сменили длинные брюки навыпуск. Для выездных лакеев приличным костюмом оставалась ливрея с пуговицами, на которых был отчеканен герб хозяина. Слуги стриглись коротко, отпускать бороду и усы — атрибуты кучеров и дворников — ливрейным слугам запрещалось, разрешались только бакенбарды. К концу XIX в. «Табель экипажам и ливреям» потеряла свое значение и слуг стали наряжать в соответствии со вкусом и финансовым положением хозяина. Дольше всего ливрейное платье сохранилось как униформа швейцаров, стоящих у дверей.

Одежда для выхода. Анастасия Сергеевна и Степан Васильевич Перфильевы. Фото Ф. Вишневского, начало 1860-х гг. (Из альбома: Российская империя в фотографиях. Конец XIX — начало XX в.)

К концу века быт дворянских семей упростился, сократилось число прислуги. Характер одежды оставшихся наемных бонн, камеристок, горничных менялся мало. Скромные платья, сшитые близко к моде, с накрахмаленными нижними юбками, белый передник, чепец и наколка составляли костюм экономок, нянь. Особое положение занимала кормилица, поскольку считалось, что молоко деревенской женщины дарит ребенку долгую жизнь, здоровье и духовную чистоту. Соответственно этому костюм кормилицы состоял из традиционного русского сарафана, кокошника, белого фартука. Если ребенок — девочка, кормилица надевала парчовую блузку, пелеринку и розовый

Кормилица в русской одежде, няня и дети. Фотоархив РЭМ.

кокошник, если мальчик — кокошник был голубой. Летом кормилица носила яркие сарафаны с множеством маленьких золоченых или стеклянных пуговиц и муслиновые воздушные рукава[5]. Такой костюм встречался вплоть до 1914 г.

Дворянские дети, как считалось, должны были быть маленькими взрослыми, и детский костюм полностью отражал эти представления. Мальчики во все время обучения, как и чиновники, носили униформы. По фасонам взрослой шилась новая одежда подраставших детей. Ее перешивали из бережно хранимых экономками «взрослых вещей» — модных платьев, шалей, мундиров. На характер детской и подростковой одежды существенное влияние оказывал и русский стиль.

Особенности дворянского воспитания привели к складыванию своеобразного культа детства, тесно связанного с патриотическими настроениями. Расхождения в понимании исторической судьбы России, в трактовке идеи национальной идентичности на бытовом уровне выразились в обращении к разным «пластическим символам». Западники, в соответствии с прогрессивными представлениями Европы, в одежде выбрали сюртук и фрак, ботинки и кепи. Славянофилы, с их

Костюмы дам для выхода. Кринолин.
Журнал «Вестник моды», 1861 г. Кринолин.
Журнал «La mode illustrée», 1863 г.

Бальные платья дам:
1) шлейф-трен.
Журнал «Revue de la mode», 1870 г.
2) Бальные платья. Рис. Г. Вейса.
По материалам публикаций
журналов «Модный свет»,
«Модный курьер»
и «Живописное обозрение»
конца XIX — начала XX в.

неизменной «иконой» Старой Москвы — носительницы русского образа жизни, и крестьянина — выразителя «истинного русского самосознания», оделись в национальные одежды.

Честь первого «патриотического» переодевания приписывали К.С. Аксакову, который «расхаживает по Москве в старинном русском охабне[6], в мурмолке и с бородою»[7]. Отрицательное отношение к официальной моде, связанной с «тлетворным влиянием Европы», с праздностью, пустотой и порочностью светского общества», было характерно для многих представителей интеллигенции[8]. Однако основная масса московского «благородного» сословия, избегая эксцентризма, предпочитала ориентироваться на общеевропейский стиль и покрой.

Модные нормы задавала прежде всего Франция. Парижские художники диктовали портным и мастерам остальных стран свои идеи. Буржуазный идеал респектабельности реализовался в создании стандарта строгого и солидного мужского делового костюма с сюртуком или пиджаком, жилетом и брюками темной и неброской расцветки, ставшего фоном для красочного и пестрого женского костюма. В женской моде основными лейтмотивами стали чрезмерная декорация и роскошь. Широкие кринолины 60-х гг., громоздкие турнюры и длинные шлейфы 70-х гг. XIX в., узкие корсеты и всевозможные украшения из

тесьмы, кружев, лент, воланов, цветочных гирлянд и драгоценностей, бесконечное количество модных аксессуаров и платьев, разграниченных по сезонам и назначению и по времени суток, — все было рассчитано на броский эффект.

Дорогая одежда как важный показатель социального статуса издавна была предметом накопительства и дележа между потомками. Наследовались не только огромные гардеробы, числом до 5000 платьев, но и запасы материй[9]. Для дворянина второй половины XIX в. такой обширный гардероб уже стал редкостью. Быстрая смена мод, развитие текстильного производства приводили к упрощению костюма, изменяли отношение к пользованию одеждой. Тем не менее, и в начале XX в. одежда по-прежнему представляла собой значительную ценность и представитель дворянского общества стремился одеваться если небогато, то достойно, сохраняя отличительные манеры, присущие «благородному» сословию.

ОДЕЖДА КУПЕЧЕСТВА

В течение второй половины XIX в. Москва из дворянской перерождалась в Москву купеческую. Современники отмечали: «Теперь купец в моде... в Москве один знаменатель — купец. Он и круг, и центр московской жизни... Все, что есть в Москве выдающегося, в руках купца»[10], «купцы повсюду — и в амбаре, и в городской думе, и в университете, и в театре, без купца нельзя ничего сделать, своего рода диктатура прилавка»[11].

Купечество развилось путем, удивлявшим многих современников. Получив свободу, крестьяне направлялись в город, где благодаря упорству, цепкости, умению подладиться и стать нужными выбивались из низшего сословия на самый верх.

До реформы 1861 г. московское купечество заселяло преимущественно районы Замоскворечья. Оно мало участвовало в общественной жизни и вело замкнутый быт в кругу своих особых духовных и материальных интересов.

В купеческой среде модные правила долго не приживались. Хотя были отклонения как в сторону модной, так и крестьянской одежды, обычный купеческий костюм состоял из долгополого купеческого сюртука или кафтана темного сукна, брюк, заправленных в сапоги или навыпуск, богатого пестрого жилета или камзола, рубашки модной с галстуком или русской без ворота, шейного платка, цилиндра, картуза или зимней шапки. Из верхней одежды носили шинель с пелериной, чуйку или бекешу, пальто, шубу с большим меховым воротником, русский тулуп[12].

Подчеркивая свою народность русским стилем, даже достаточно консервативные купцы не возражали против модных нарядов своих жен и детей. Как писал мемуарист И.А. Белоусов, в театре «купчихи сверкали бриллиантами, купеческие сынки были одеты по-модному, дочки-невесты в выездных платьях, а сами купцы — по-старинному, в длиннополых сюртуках, в белых манишках, в мягких козловых сапогах с длинными голенищами»[13]. Таковы были характерные предпочтения в одежде различных членов купеческой семьи.

К началу XX в. разница в платье между старшими и младшими несколько сгладилась и многие купцы стали одеваться по моде. Кафтаны, поддевки, длиннополые сюртуки заменялись пиджаками, короткими сюртуками, фраками.

На смену старому консервативному купечеству к началу XX в. пришло поколение практически полностью европеизированное. Эти купцы стали носить сюртуки из темного сукна, однако чуть более длинные, чем требовала мода, брюки навыпуск, модные жилеты, рубашки, галстуки, полудлинные стрижки волос и бороды.

Для разного времени дня у таких купцов соответственно моде предназначалась особая одежда: для амбара и утренних деловых встреч — визитка, шелковый высокий цилиндр, для вечера — черный сюртук и поярковая шляпа с полями. Дома он принимает гостей «в коротком клетчатом пиджаке» — на вид скорее помещик, чем коммерсант»[14].

В целом в конце XIX в. костюмные традиции уже не сковывали личного вкуса, от которого зависел выбор того или иного вида костюма. В качестве верхней одежды купцы носили модные пальто, крылатки, шинели, а также чуйки, зимой енотовые и лисьи шубы, соболиные полушубки, поддевки. Разнообразны были и головные уборы. Носили высокие шелковые цилиндры, котелки, картузы, суконные, плисовые, меховые шапки, а под мундир надевали фуражки и треугольные шляпы.

Купец первой гильдии коммерции советник мог носить бобровую шапку, перчатки, стеганую шинель на атласе, с бобром, и калоши. Такой костюм, отличаясь добротностью, подчеркивал высокий статус своего хозяина и соответствовал образу купца-аристократа.

Богатые купцы старались не отставать от аристократии дворянской. Они сами носили модное платье, одевали как светских дам жен и дочерей. Однако несмотря на модный костюм отличить купчиху от элегантной аристократки было нетрудно. Стремясь следовать модным журналам, купчихи от себя добавляли к платьям банты, бахрому, кружева. К глубоко декольтированным бальным платьям, тесно облегавшим крупные фигуры, надевались жемчуга,

бриллианты, многоцветные перстни. Нарядный костюм дополняли белые перчатки, обильно украшенные туфельки или ботиночки. Костюмы могли быть куплены на Кузнецком мосту, в Гостином дворе или даже быть выписаны из Парижа, но в сундуках сохранялись старинные русские украшения.

Оставались неизменными и некоторые особенности московского купеческого стиля. По-прежнему бытовал обычай, запрещающий замужним женщинам появляться на люди простоволосой. Промасленные волосы, расчесанные на прямой пробор, оставались характерной купеческой прической. Волосы украшали сетки, вышедшие из моды наколки, у замужних их прикрывали золотошвейным платком, уложенным «головкой». Популярными дополнениями к костюму были косынки, накидки, мантильи, из-под которых выпускался белый кружевной воротничок. В теплое время года из дома выходили в шляпке, платке, повязанном «головкой», в холодное — сверх модной шляпки или меховой шапочки повязывали платок, концы которого опускали под верхнюю одежду, чаще всего под салоп[15].

Модные дополнения могли служить подарком. Перед свадьбой, накануне венчания жених привозил в подарок невесте свадебную шкатулку, где находились веер, перчатки, пудра, духи, мыло, помада, носовой платок, иногда бинокль и свадебные туфли.

В домашней обстановке купчихи предпочитали иметь не столько модный, сколько степенный вид. На закрытое платье, почти всегда без турнюра, но отделанное согласно моде, накидывали мантилью или дорогую шаль. Пожилые женщины по традиции повязывали голову шелковой или черной кружевной косынкой, надевали на голову сетку, наколку.

Сарафан «шубка»[16], рубахи старинного покроя, душегреи и другие элементы традиционного русского костюма частично сохранялись в низших и средних слоях купечества, в старообрядческих купеческих семьях. Но в целом женский городской купеческий костюм был менее верен традициям и более подвержен моде, чем мужской.

Хотя в 70–80-е гг. XIX в. московские купчихи почти не одевались в традиционно купеческой манере, экстрамодные платья с увеличенным турнюром, драпированные юбки с длинным шлейфом носили только жены и дочери крупных буржуа, банкиров и фабрикантов. Купчихи-аристократки, а в это понятие включалось представление о достаточно высокой культуре, старались одеваться элегантно, выбирая модные качественные вещи. Но купеческое желание выглядеть побогаче подводило в отделке бального наряда. На взгляд дворянина «платье — точно риза», «цветы нехорошо нашиты и слишком

Женская верхняя одежда. Бурнус. Журнал «Journal des Demoiselles». 1869 г.

много цветов, во всем облике видна купчиха: «лицо слишком строго, держится жестко, не знает, как опустить руки...»[17]. Таким образом, купеческие манеры и привычки выдавали сословие, к которому принадлежала женщина.

В начале XX в. отчетливо выявилось расслоение в купеческой среде. Появилась группа баснословно богатых купеческих династий, составивших конкуренцию дворянству. Они приобретали роскошные дворцы, перенимали европейские манеры и костюм и одевали своих жен по последним модам Парижа. Купеческая элита оберегала свою среду и не принимала в нее как третьегильдийцев и мещан, так и нуворишей, слишком быстро разбогатевших купцов.

В целом же в купеческой среде существовало осторожное отношение к моде. Степенные купцы не торопились ей следовать. Низшее и среднее купечество носило деревенское, мещанское, традиционно купеческое платье, но не модное. Манера одеваться зависела и от принятого в купеческом кругу отношения к старине, обычаям, от принадлежности к официальной или старообрядческой церкви. Влиял характер купеческого дела, возраст, личный вкус, а также костюмные традиции города. Таким образом, в московском купечестве второй половины XIX в. одновременно бытовали как модное платье или сочетающее в себе нечто от моды с традиционным купеческим костюмом, так и старинный русский наряд, одежда крестьянского типа.

ОДЕЖДА ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Начиная с эпохи реформ, одной из главных действующих сил русской истории становится интеллигенция. В России интеллигенция, в отличие от общепринятого в Западной Европе понимания термина — как группы людей, профессионально занимающихся умственным трудом, образовалась из разных социальных классов, сначала из более культурной части дворянства, позже — сыновей священников и диаконов, из мелких чиновников, мещан. Так складывалась разночинная интеллигенция, объединенная исключительно идеями социального характера[18].

Интеллигентский нигилизм ярко проявился в идеологии народничества, ставшей идейным знаменем радикальной молодежи, на рубеже 1860–1870-х гг. Вдохновленные идеей «нужности» народу, тысячи студентов 70-х гг. отправились в деревню, чтобы образовать народ и найти в крестьянине союзника демократических идей. В знак солидарности с народом и их гармоничным образом жизни в обиход интеллигенции вводились ситцевые или полотняные рубахи-косоворотки с узким поясом, брюки, заправленные в сапоги, поддевки.

При Николае I в 1834 г. студентам предписывалось «иметь мундир темно-зеленого сукна с темно-синим воротником, с золотыми или серебряными петлицами из галуна. Покрой мундиров... иметь ныне существующий. Носить фуражки суконные, темно-зеленые с околышем[19] по цвету воротника»[20]. К студенческой форме полагались также шпаги.

Масса приезжего студенчества снимала комнаты у квартирных хозяев. Форму студенты приобретали за свой счет и жили очень бедно: «одевалось студенчество кто во что, и нередко на четырех квартирантов было две пары сапог и две пары платья, что устанавливало очередь: сегодня двое идут на лекции, а двое других дома сидят, завтра они пойдут в университет»[21].

Когда в начале 60-х гг. форменная одежда для учащихся высших учебных заведений была отменена, костюм стал способом протеста. Красная «народническая» рубаха, блуза или темная косоворотка под пиджаком, широкополые черные шляпы, черное пальто, длинные до плеч волосы, борода и усы, синие или дымчатые очки, дубинки из можжевельника в руках и темный плед на плечах — таковы были атрибуты костюма студентов в период отмены формы между 1861 и 1885 гг.

Пледы были не просто элементом студенческого модного «шика», но помогали восполнять недостаток тепла от носимого зимою осеннего

А. Эйхенвальд. Портрет девушки в псевдорусском костюме.
Москва, 1880-е — начало 1890-х. Фотоархив РЭМ.

пальто. Верхняя одежда представляла серьезную проблему для ученика. М.П. Чехов вспоминал: «Зима была жестокая. Пальтишко на мне было плохонькое, и, отмеривая каждый день по три версты туда и по три обратно, я часто плакал на улице от невыносимого мороза...»[22].

После отмены формы многие студенты носили сюртуки, пиджаки, куртки, пальто и плащи любого покроя, картузы и фуражки. Некоторые добавили к своему костюму модные пенсне на черном шнурке, а еще лучше монокль — аксессуар дипломатов и офицеров. В целом каждый стремился одеваться по своему вкусу и возможностям. На экзамен прилично было прийти в черном сюртуке и брюках навыпуск, но поскольку такого костюма часто не было, его брали на время у знакомых.

Так могло одеваться студенчество до начала времени реакции 80-х гг. При Александре III появились строгие порядки, коснувшиеся и университета. М.П. Чехов вспоминал: «Я попал как раз под новый университетский устав с его формой, карцером, неделями и прочими „прелестями" победоносцевского режима»[23]. Новый устав 1884 г. удвоил плату за слушание лекций и предписал новую форму: мундиры, сюртуки и пальто с гербовыми пуговицами и фуражки с синими околышами. Как и в прежние времена, студенты должны были ходить при шпагах. М.П. Чехов писал: «Провожая меня... в университет, В.П. Бегичев достал из своей старой рухляди шпагу и преподнес ее мне»[24].

«Типичный облик студента» стал перерождаться. Мемуарист М.М. Богословский писал об изменениях в студенческом костюме: если в 70-х гг. в Латинском квартале «можно было часто встретить студентов... в широкополых шляпах, с длинными волосами, с неизбежным пледом на плечах... и непременно с толстенною дубиною в руках», то в 80-х и 90-х гг. студенты появлялись все больше «в форменных сюртуках или тужурках, в фуражках с синими околышами»[25].

С конца 60-х гг. XIX в. в Москве на Лубянке появились первые женские курсы. Скромные форменные платья благовоспитанных девушек были темных цветов с лифом более свободным, чем этого требовала мода, с обязательными фартучком и пелеринкой. Единственнм украшением этих платьев служили белоснежные воротники и манжеты.

Своеобразной «униформой» ученых женщин стали костюмы из блузы и юбки, мягко облегавшей фигуру и расклешенной внизу, в стиле «тайор». В обиход вошли широкие пояса-кушаки, суконные жакеты и пальто мужского покроя с большими отворотами и воротниками, а также мужские шляпы-канотье. Характерный облик девушки-курсистки дополнял плед на плечах и коротко подстриженные волосы.

Свобода в выборе костюма была равнозначна борьбе за право на образование, свободу от принудительных браков, поэтому внешний облик эмансипированных «новых женщин» стал вызовом обществу. «Новые

женщины» действительно отрезали волосы, вооружились очками взамен вееров, отвергли корсеты, претенциозные украшения, громоздкие платья с кринолинами и надели блузы «гарибальдийки» — рубашки красного цвета с отложным воротником, свободные куртки, жилеты и кофты с галстуком, платья с жесткими стойками, похожие на мужские. Из мужского костюма были заимствованы высокие сапожки, прямые неприталенные пальто и шляпы «амазонки».

Отличительной чертой костюма просвещенной интеллигенции стал сознательный аскетизм в одежде. Дворяне-интеллигенты одевались в строгие по силуэту, наглухо закрытые костюмы. Многие носили скромные рубахи и брюки или крестьянские костюмы. Так, Л.Н. Толстой работал в Ясной Поляне в характерной крестьянской одежде — рубахе, подпоясанной шнуром, штанах, лаптях, но, отправляясь в Москву, надевал приличный мужской костюм.

К концу XIX в. увеличилось количество разночинцев, появилось немало самоучек без образования из крестьян. Писатели из народа, объединенные в литературно-художественные кружки, продолжали работать в торговле, в мастерских, на фабриках и заводах и несли привычки к дешевой одежде.

Русская интеллигенция складывалась также из сыновей священников и дьяконов. В Москве, знаменитой своими монастырями, церквями и религиозными традициями, священнослужителей было много. В городе они ходили в строгих черных одеяниях, символизирующих мудрость, достоинство и спокойствие, верность традиции.

Таким образом, строгость и скромность наблюдались и в мужском и женском костюме интеллигенции. Разнообразие вносили лишь аксессуары — шляпы, зонтики и т.д. Даже славянофилы, появлявшиеся в ярких национальных одеждах, к концу века стали одеваться в костюмы, соответствующие сглаженному стилю московской городской среды. Слой образованной молодежи оставался незначительным и характеризовался своим особым стилем в одежде. Нигилизм интеллигенции в костюме проявился в бойкотировании моды, отрицании светских условностей, в стремлении к простоте и удобству, свойственным одежде рабочих, крестьян, ремесленников.

КОСТЮМ «САМОДЕЯТЕЛЬНОГО» НАСЕЛЕНИЯ

Ко второй половине XIX в. сословное деление уже не отражало действительной социальной структуры. Помимо сословий в московских переписях указывали «самодеятельное население», т.е. имеющее самостоятельные средства к существованию[26]. В это обобщенное определение

включены мелкие чиновники, служилая интеллигенция, ремесленники, кустари, фабричные рабочие, цеховые и т.д. В целом основную массу «самодеятельного населения» составили разнородные мелкие и средние слои города — выходцы из крестьян и мещан.

Прибывавшие в Москву из разных губерний крестьяне пристраивались к различным ремеслам. «У каждой местности были свои излюбленные промыслы. Так, тверитяне доставляли учеников в сапожные мастерские, ярославцы отчасти тоже шли в сапожники, но большей частью в трактирщики и мелкие торговцы, рязанцы — в портные и картузники, владимирцы в плотники и столяры»[27], — отмечал И.А. Белоусов.

Крестьяне приезжали в город в своем обычном деревенском костюме. В наиболее характерный комплекс мужского костюма входила рубаха-косоворотка с разрезом на левой стороне, которую носили навыпуск, и неширокие холстинные штаны со шнуром, а также определенные виды головных уборов. Распространены были черные войлочные шляпы, суженные в середине и расширяющиеся вверху. «Шляпы эти делались без полей, похожие на небольшие ведра, из какого-нибудь домашнего материала вроде легкого войлока»[28].

Более ловкие, например ярославцы, быстрее приобретали щеголеватый вид, надевали кафтан синего сукна, алый кушак и красную рубашку, поярковую шляпу набекрень, и козловые сапоги со скрипом. Большинство же выходцев из деревень на лето возвращались домой, поэтому от традиционной одежды не отказывались.

Некоторые хозяева держали рабочих с условием обеспечения одеждой. Хозяин ремесленной мастерской в Зарядье обязывался содержать ученика, давая ему в год одну пару сапог, две пары белья и какую-нибудь одежонку, да и то осеннюю, а зимнюю должен был справлять отец ученика. Чаще всего ученик во все время обучения обходился одним полушубком, в котором был привезен из деревни. По выходе из ученья хозяин обязывался наградить ученика пятнадцатью-двадцатью рублями и прилично одеть его[29].

На городскую форму одежды быстрее переходили фабричные рабочие. В 70–90-е гг. фабричный носил косоворотку навыпуск с воротником стойкой, подпоясанную ремешком, кушаком, холщовые полосатые или одноцветные темные брюки, заправленные в сапоги, жилет и пиджак, сапоги и картуз. Прочно вошел в быт рабочих так называемый «ватный пиджак» — суконное драповое или бобриковое полупальто на вате.

Хорошо зарабатывающие цеховые мастера одевались в мещанские платья, длиннополые кафтаны, галстук, высокие сапоги. На работу приходили в недорогих пиджаках или куртках, жилетах, застегнутых до горла, так что из-под ворота виднелась только косоворотка

или шейный платок. Простые рабочие работали в рубахе и штанах. Обязательной принадлежностью рабочего костюма были фартуки или халаты. Волосы стригли в кружок, иногда стягивали ремешком (рабочие у станков, столяры, каменщики, сапожники). Квалифицированные рабочие носили одежду из фабричных тканей, а простые из домотканых материй.

Особое значение придавалось хорошим сапогам, в которые по-крестьянски заправляли брюки. Приобретали и другие предметы щегольства — меховые шапки, часы с цепочкой, белые рубашки с накрахмаленной манишкой и манжетами, модные галстуки. К концу века в пиджачных костюмах ходили уже многие московские рабочие.

Фабричные работницы также постепенно заменяли крестьянский костюм на городской. Вместо лаптей надевали кожаные коты, вместо поневы — юбки, вместо домотканых сарафанов — ситцевые. К концу XIX в. многие перешли на костюмы из ситцевой сборенной юбки и кофты из одной ткани — «парочки». Некоторые носили и платья, но покрой их обязательно оставлял возможность для перешивания. Для праздничных костюмов тех же фасонов использовали шелк, полушелк, полушерстяные материи. Повседневный костюм работниц дополняли фартук, платок, повязанный на голову или накинутый на плечи. Обувь к таким «нарядам» носили соответствующую — коты, кожаные ботинки с резинками, грубые туфли на небольшом каблуке.

Женщины, принадлежащие к рабочей аристократии (жены привилегированных рабочих, крупных городских ремесленников), одевались ближе к моде. Их платья шились с модными рукавами, отделкой. Такой костюм дополняли шелковый платок на голове, шаль или тальма на плечах. К концу века в качестве верхней одежды, помимо салопов, шугаев, кацавеек, полушубков, стали носить двубортное пальто с карманами, соединявшее в себе черты народной женской одежды и модных городских пальто.

Значительную группу среди приезжих составляли половые — обслуживающий персонал в трактирах, ресторанах, кафе. Они одевались в зависимости от характера заведения, от принятой там кухни. Обычный костюм трактирного полового состоял из белой рубашки навыпуск, подпоясанной узким поясом, длинных белых штанов сверх сапог, иногда жилетки, волосы стриглись в кружок. Трактирные хозяева, любящие роскошь, наряжали персонал в синие кацавейки, блестящие шелковые рубахи, обшитые узким серебряным позументом. В некоторых ресторанах половые прислуживали во фраках с жестяным номером на руке.

Удачливые, закрепившиеся в городе наживали деньги и из простых мастеровых становились хозяевами, приписывались в мещане.

Мещанство по своему социальному положению было близко к мелкому купечеству, но купечество старалось отделить себя от этого сословия. Если в купечестве существовало сочетание модного платья и традиционного, отличительной чертой мещанского городского костюма являлось сочетание русского народного платья с европейским, но уже вышедшим из моды. Это проявлялось и в мужской, и в женской одежде.

Немногие женщины-мещанки могли носить модные платья сложных фасонов. Турнюры и шлейфы позволяли себе жены и дочери конторских служащих, «барышни» из модных мастерских, а основная масса мещанок носила отставшие от моды, скромные и простые платья с закрытым лифом и длинным нешироким подолом. Модными были только отделка платья, покрой рукавов, аксессуары, дешевые украшения.

Характерный костюм мещанки состоял из неподпоясанной вопреки моде кофты, длинной пышной юбки–баски со складками и типичной оборкой по низу, черной кружевной наколки на голове. В домашнем обиходе халаты, шлафроки были неудобны и горожанки носили простые свободные платья, поверх которых надевали фартуки; костюмы из юбок с кофтами, а также покрытые цветным ситцем или другой дешевой материей кацавейки, выполнявшие роль современных вязаных кофт. Зимой пожилые женщины надевали подбитые ватой юбки. В качестве верхнего платья в холодные дни носили салопы с пелериной, с меховым и плисовым воротником, широкие кацавейки, шуги[30] свободного покроя, тальмы, мантильи, приталенные по моде пальто до колен, но не отказывались и от русских душегреек. Кожаная обувь чаще была без каблуков. В мокрую погоду сверху на туфли надевали высокие галоши.

Головными уборами служили шляпки, накрахмаленные чепцы, капоры, платки и косынки. Почти обязательной принадлежностью костюма замужних мещанок был цветной платок в виде купеческой «головки». При нарядном туалете платок замещался кружевной или бархатной наколкой. Сохранилась в мещанской среде и привычка к шали, накинутой на плечи. Ею можно было прикрыть недостатки будничного наряда и выйти в теплое время года на улицу.

Мужской мещанский костюм состоял из русской рубашки навыпуск, подпоясанной ремешком или цветным шнурком, с воротником стойкой, из двубортного камзола, жилета, цветного шейного платка и брюк, заправленных в сапоги, картуза или шляпы. Сибирка — короткий кафтан или сюртук — была характерной верхней одеждой мещан, лавочников, мелких купцов.

В мещанской среде нередко сочетались, например, пиджачный костюм — с народной рубахой-косовороткой, сапогами-бутылками, чуйкой.

Это было связано с неоднородностью мещанского сословия, часть которого сравнялась со средним купечеством, а другая часть, напротив, разорилась и превратилась в фабричных. Мещане частично слились и с интеллигентскими слоями. Служащие, например, биржевой маклер мог быть одет в пиджак из английского шевиота, в темно-красный шарф, перехваченный матовым золотым кольцом, а адвокат — во фрак со значком «по вырезу жилета в виде сердца, широкий галстук с прямо обрезанными концами падал на грудь. В манжетах желтые круглые матовые шарики с жемчужиной»[31].

Хотя средние слои в подражание высшему обществу ориентировались на модный европейский костюм, несколько сглаживающий сословные различия, на взгляд купеческой аристократии, все эти «конторщики», «адвокатишки», прочая «мелюзга» «фраки натянули — обрадовались случаю, а всего-то в них и есть содержания, что жилеты от Бургеса да лаковые ботинки от Пироне»[32]. Основная стратегия этого социального слоя — подражание и копирование стиля высших классов. Отсюда понятие «мещанский вкус» — попытка не слишком состоятельных горожан дешевыми средствами подделаться под буржуазную роскошь.

Длительная экономия, преодоление многочисленных препятствий формировали особое отношение к вещам. Созданные вручную, перешитые и переделанные, такие вещи становились неотъемлемой частью жизни человека. Естественно, что при быстрой порче имущества расставание с вещами оборачивалось серьезной утратой для хозяина. Для возвращения вещи к жизни в XIX в. было открыто значительное количество специальных мастерских по ремонту одежды, обуви.

Распространенным способом преодоления короткого века вещи являлась штопка и штуковка, а также улучшение ее внешнего вида. «В домах мелких чиновников чернили парадные сапоги, белили рейтузы и приготовляли слежавшиеся и поточенные молью мундиры... Мундиры сначала провешивали в жаркий день на солнышке, раскидывая их на протянутых через двор веревках, что ко всяким воротам привлекало множество любопытных; потом мундиры выбивали прутьями, растянув на подушке или на войлочке; затем их трясли, еще позже их штопали, утюжили и, наконец, раскидывали на кресле в зале или другой парадной комнате. И в заключение всего — ...их втихомолку кропили из священных бутылочек богоявленскою водой, которая, если ее держать у образа в заткнутой воском посудине, не портится от одного крещенья дня до другого и нимало не утрачивает чудотворной силы, сообщаемой ей в момент погружения креста с пением „Спаси, господи, люди твоя и благослови достояние твое“»[33]. Если все-таки уже ничего нельзя было спасти, «дорогую сердцу» вещь не выбрасывали, а передавали старьевщикам, игравшим важную роль в ее дальнейшей биографии.

Для представителей низших и средних слоев модное платье открывало новые, неожиданные возможности. Платье европейского образца «поднимало» простолюдина не только в собственных глазах, но и в общественном сознании. Однако в большинстве случаев характер костюма «самодеятельного» населения определялся родом занятий.

Так, платье купеческого приказчика должно было соответствовать товару и месту торговли. В рядах Гостиного двора сидели «приказчики в длинных ваточных чуйках»[34], а иные в сибирках, подстриженные под скобку. Зато в магазине на Кузнецком мосту мог прислуживать «стройный брюнет, завитой, одетый по моде, с большой булавкой на галстуке[35]. То же относилось и к приказчикам из Ножовой линии. Они одевались по-модному: носили брюки навыпуск, шляпы «котелками» и в большие праздники даже надевали цилиндры.

«Профессиональный костюм кучера состоял из синего или голубого кафтана особого покроя с разрезами сзади, подпоясанного почти под мышками цветным кушаком, плисовой шапки с четырехугольной тульей голубого, зеленого и других цветов. Кучерская одежда имела назначение еще увеличивать естественную толщину кучера. На него надевались два кафтана, исподний и верхний, зимою еще полушубок и верхний кафтан с меховою опушкой, да еще на спину и на грудь подвязывались особые подушки для увеличения толщины, может быть, также для предохранения от аварий... на голову летом надевалась особого образца поярковая „кучерская“ шляпа, а зимою меховая шапка»[36].

Наемными кучерами на улице были извозчики. Правилами, утвержденными Городской управой, извозчикам строго предписывалось носить одежду определенного образца: летом — кафтан, а в зимнее время зипун (верхнее платье из грубого сукна) и поярковую шляпу с пряжкой. По издавна сложившейся традиции, извозчики, как и кучера, носили синие суконные кафтаны, подпоясанные красными или пестрыми кушаками. На спине, на месте правой лопатки, прикреплялся жестяной номер. Зимой на них яркие суконные или плисовые шапки с четырехугольной тульей и меховым околышем, летом — шляпы из лощеного войлока или поярковые[37].

Извозчики делились на две категории — извозчики «ваньки» и извозчики «лихачи». Ваньки, «враги всякой роскоши»[38], были не в состоянии справить себе синих кафтанов и одевались в простые армяки, рваные зипуны и полушубки, летом носили высокие поярковые шляпы «гречником». Лучше были одеты лихачи. «Хороша у лихача и суконная шапка, а еще лучше купить плисовую с мишурным галуном... полушубок — как следует полушубку, и под синим кафтаном не видать, романовский ли он или простой, а лихач постарается украсить его лисьей выпушкой...»[39].

Лихачи любили франтить, наряжаясь в зимнее время взамен обычной для профессии барашковой шапки в настоящую бобровую.

Вид грозных бородачей имели также дворники. Они по-крестьянски носили рубаху навыпуск, штаны заправляли в сапоги, надевали камзол, фартук, картуз. Для важной встречи дворник из очерка Г.И. Успенского «надел новую синюю чуйку, туго повязал галстук, примазал салом белобрысые волосы... и всю физиономию... на другой день он скинул свой праздничный костюм и шатался в одной распоясанной рубахе»[40]. Одежда сторожей и дворников практически не менялась с течением времени. Единственным новшеством стали специальные бляхи на шапки, выданные дворникам.

Так выглядели наиболее яркие московские обыватели второй половины XIX в. Как видно из приведенного материала, «самодеятельное население» Москвы одевалось соответственно своему общественному положению, статусу и профессиональной принадлежности. Вплоть до начала XX в. в этой среде сохранялась привычка к крестьянской одежде — рубахам-косовороткам, брюкам, заправленным в сапоги, армякам, поддевкам, чуйкам и сибиркам.

КОСТЮМ НИЩИХ, ЮРОДИВЫХ И ПОПРОШАЕК. ВОРЫ, ОБИТАТЕЛИ и ПОСЕТИТЕЛИ «ТОЛКУЧЕК»

Неотъемлемую часть повседневности большого города составляли нищие и маргинальные слои населения. Из этой среды выходили самые мятежные криминальные элементы общества, здесь рождалась и развивалась нетрудовая «босяцкая» культура. Нищими называлось сословие людей, ничего не делающих и промышляющих сбором подаяний Христа ради. Русский обычай, с виду благородный, но в сущности безжалостный и вредный: подавать всякому кто ни попросит, — породил массу профессиональных нищих, которые передавали свой промысел от поколения к поколению.

Юродивый или блаженный в русском сознании имел статус святого. Вера людей в сверхъестественные способности юродивого к прорицанию, ясновидению и врачеванию помогала везде найти приют и пищу. Суеверный страх внушали и необычные аскетические одеяния блаженных, надеваемые «ради умерщвления плоти», — железный колпак или упряжь на голове, тяжелые гремящие железные цепи с подвешенными крестами — вериги под рубахой. В сильные морозы, чтобы железо меньше жгло тело, на грудь подкладывался чулок или тряпка.

Древние святые люди, осознанно отрекшиеся от мира и богатств, уходили в монастыри и считались нищими. Однако вместе с монахами-отшельниками в положение нищенствующих попадали все праздношатающиеся, неимущие, бобыли, беглые, погорелые, ослепшие, спившиеся, воры и мошенники. Различные жизненные обстоятельства, войны, пожары, голодные времена плодили попрошаек.

В массе нищих попадались люди самых разнообразных занятий, чинов и званий: странник в скуфейке и с палкой, прогнанный кондуктор в картузе с красным околышком, поручик в форменной фуражке и сером пальто, отставной блюститель порядка в папахе, офицер с ленточкой в петлице, расстриженный дьякон, служка и т.д.[41]. Их костюм нес в себе отголоски прежней профессии и социального положения. Среди нищих было много женщин и детей. Ходили бабы с грудными младенцами и с поленами вместо детей.

Милостыня, шутовство, воровство и торговля на дешевых рынках были главными источниками дохода нищих, которые промышляли в разных местах Москвы, но более всего на таких рынках как Хитровка, Сухаревка и Толкучка на Старой площади у церкви Иоанна Богослова. Здесь «с самого раннего утра и до поздней ночи толпилось множество людей... представители всех сословий: тут были князья, графья, дворяне, разночинцы, беглые каторжники, воры, дезертиры, отставные солдаты, монахи, странники, пропившиеся купцы, приказчики, чиновники и мастеровые, тут же находились дамы самого низкого разряда, странницы, богомолки, нищенки с детьми, старухи и пр.»[42].

На Толкучке можно было найти все что угодно: сапоги, калоши, чулки, белье, платье, и вообще одеться с ног до головы. Торговки чулками, варежками, фуфайками ручной вязки тут же и изготовляли их, сидя за вязанием у своих палаток. Некоторые продавали свой товар с рук и ходили обвешанные чулками, шарфами, платками. Здесь же сновали барышники, скупающие у захмелевших мастеровых последнюю одежонку. На Старой площади торговали также готовым «русским» платьем — поддевками, чуйками, армяками, тулупами, длиннополыми сюртуками и казакинами[43].

Многие искали на этом рынке дешевые вещи, подходящие для переделки. Здесь было из чего выбрать, ведь на толкучку «сходились скупщики старого старья и разных домашних вещей, старьевщики, которые ходили по дворам, выкрикивая „старого старья продавать“.

На таком рынке могли оказаться старые вещи, претерпевшие значительные метаморфозы. Их совершали с вещами нищие-портные, называвшиеся „раками“, потому что, пропив последнюю рубаху, из своих нор они никогда и никуда не выходили. Вдруг в полночь вваливаются в „рачью“ квартиру воры с узлами... Из узлов вынимают дорогие шубы,

лисьи ротонды и гору разного платья. Сейчас начинается кройка и шитье, а утром являются барышники и охапками несут на базар меховые шапки, жилеты, картузы и штаны. Полиция ищет шубы и ротонды, а их уже нет: вместо них — шапки и картузы»[44].

Воровство в «босяцкой» среде было характерным социальным явлением. Гиляровский рассказывал: «С моим другом, актером Васей Григорьевым, мы были в дождливый сентябрьский вечер у знакомых на Покровском бульваре. Часов в одиннадцать ночи собрались уходить, и тут оказалось, что у Григорьева пропало с вешалки его летнее пальто. По следам оказалось, что вор влез в открытое окно, оделся и вышел в дверь... соседи сработали с Хитрова»[45].

Еще более «сильны и неуловимы» были банные воры. Кражи белья, обуви, а иногда и всего узла у моющихся были настоящим бичом бань, особенно «простонародных». «Моющийся сдавал платье в раздевальню, получал жестяной номерок на веревочке, иногда надевал его на шею или привязывал к руке, а то просто нацеплял на ручку шайки и шел мыться... Вор... ухитрялся подменить его номерок своим... получал платье и исчезал с ним. Моющийся вместо дорогой одежды получал рвань и опорки...»[46].

Грабеж был своего рода способом продления жизни вещей. Благодаря толкучкам, где продавалось много краденого, вещи быстро находили новых хозяев и таким образом начинали новую жизнь. Более всего краденым была знаменита Сухаревка, поскольку со времен послевоенных лет 1812 г. действовал приказ генерал-губернатора Ростопчина, в котором говорилось, что «все вещи, откуда бы они взяты ни были, являются неотъемлемой собственностью того, кто в данный момент ими владеет, и что всякий владелец может их продавать, но только один раз в неделю, в воскресенье, в одном только месте, а именно на площади против Сухаревой башни». Вещь на Сухаревке почти всегда уже имела «богатую» биографию, сменив не одного хозяина. Сюда «москвичи издавна ходили разыскивать украденные у них вещи, и не безуспешно...»[47].

В целом нищенство и «блошиные» рынки были характерными социальными явлениями Москвы. Различные социально-экономические факторы способствовали появлению неимущих людей. Костюм нищего и прежде всего нищего-«промышленника» представлял собой не просто живописные лохмотья, оставшиеся от прошлой жизни или добытые на дешевых московских рынках. Помимо утилитарной функции этот костюм имел свою эстетику и символическое значение, а также служил «профессиональной» одеждой, зависящей от создаваемого образа.

* * *

По экономическим показателям Москва вступила в XX в. как лидер капиталистического развития России. В течение шестидесяти лет до

революции произошли существенные изменения в материальной среде города и во внешнем облике москвичей. Москва стала крупным центром торговли и промышленности, при этом в московском образе жизни сохранились черты самобытности и провинциальности.

Несмотря на увеличение к началу XX в. количества модных магазинов и мастерских, возможностью пользоваться их услугами обладал немногочисленный слой обеспеченных людей. Мода оставалась прерогативой высших классов. Умение носить модный костюм, знание этикета, элегантные манеры определяли принадлежность человека к высшему обществу.

Хотя городской костюм постепенно вытеснял традиционную одежду из обихода средних и низших слоев города, правильнее говорить не о полной замене традиционных форм, а о разнообразных сочетаниях старого и нового в одном костюме. Например, городское платье сочеталось с отделкой вышивкой, повойником или сорокой, а пиджачный костюм — с брюками, заправленными в сапоги. Каждая социальная группа интерпретировала модный стандарт в соответствии с возможностями и ценностями своего сообщества. Оставались такие формы одежды, например фрак, которые никогда не надевались рабочими, хотя это не запрещалось законами. Формировались внутригрупповые стили, специфические особенности костюмов разных слоев, позволяющие отличить одну группу от другой.

Вопреки практическому подходу капиталистического общества потребления, подразумевающего утилитарное использование, постоянное обновление и легкую замену предметов, в Москве конца XIX — начала XX в. придерживались старых традиций бережного хранения и ремонта вещей, имеющих не только социально-статусное, но и морально-психологическое значение.

Развитие принципов западной культуры потребления и моды в России оказалось задержано социальными переворотами XX в., которые изменили взгляд на нормы внешнего облика человека. Начался период «модоборчества», борьбы с роскошью, «мещанством» и «вещизмом». Скромность, «простота», дешевизна одежды стали главными признаками хорошего вкуса. В народе широкое распространение получили различные способы комбинирования старой одежды, которая перешивалась и донашивалась. Практики ремонта вещей для их использования на долгие годы превратились в повседневную необходимость. Костюм городского населения нивелировался, на смену сословным особенностям пришли различия, обусловленные имущественным неравенством, индивидуальными вкусами и привычками. Русский народный костюм в значительной мере был вытеснен к началу XX в. общеевропейскими стандартами в одежде. Из повседневной реальности он перешел

в область искусства, превратившись в культурный символ, воссоздаваемый в многочисленных музейных реконструкциях, театральных постановках, кинематографических экранизациях.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Цит. по: *Нифонтов А.С.* Население Москвы во второй половине XIX века // Преподавание истории в школе. 1947. № 2. С. 34.

2 *Гиляровский В.А.* Москва и москвичи. М., 2004. С. 123.

3 Русский костюм. 1750–1917. Вып. 3. ВТО. М., 1963. С. 22.

4 Кюлоты — короткие штаны, носившиеся с шелковыми чулками.

5 *Добужинский М.В.* Воспоминания. М., 1976. С. 34.

6 Охабень — мужская верхняя просторная и длинная одежда в виде кафтана, с четырехугольным меховым воротником и длинными откидными рукавами, доходящими иногда до подола. На уровне локтя имелись прорези для рук.

7 *Никитенко А.В.* Записки и дневник. СПб., 1893. Т. I. С. 512.

8 *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. СПб., 1871. С. 289.

9 Гардероб вельможи конца XVIII–XIX вв. Записки историко-бытового отдела Государственного Русского музея. I, V. 1928.

10 *Боборыкин П.Д.* Новое время. Цит. по: *Бурышкин П.А.* Москва купеческая. М., 1991. С. 77.

11 *Бурышкин П.А.* Москва купеческая: Записки. М., 1991. С. 194.

12 Русский костюм. 1750–1917. Вып. 3. ВТО. М., 1963. С. 26.

13 *Белоусов И.А.* Ушедшая Москва: Воспоминания. М., 2002. С. 74.

14 *Боборыкин П.Д.* Китай-город. М., 1957. С. 75, 77.

15 Русский костюм. 1750–1917. Вып. 3. ВТО. М., 1963. С. 26.

16 Сарафан «шубка» — московский тип сарафана, в котором широкие полотнища ткани собирались мелкими складками (прищепом) на узком корсаже с бретельками.

17 *Боборыкин П.Д.* Указ. соч. С. 314, 312, 339.

18 *Бердяев Н.А.* Русская идея. Судьба России. М., 2000. С. 24, 25.

19 Околыш — обод головного убора, облегающий голову.

20 Положение о гражданском мундире. 1834 г. Цит. по: *Кирсанова Р.М.* Московский «Латинский квартал» // Родина, 1997. № 12. С. 52.

21 *Гиляровский В.А.* Указ. соч. С. 195.

22 *Чехов М.П.* Вокруг Чехова. М., 1980. С. 59.

23 *Чехов М.П.* Указ. соч. С. 1–25.

24 Там же. С. 126.

25 *Богословский М.М.* Москва в 1870–1890-х гг. // Московская старина. «Правда». 1989. С. 389.

26 *Нифонтов А.С.* Указ. соч. С. 36.

27 *Белоусов И.А.* Указ. соч. М., 2002. С. 25.

28 *Телешов Н.Д.* Москва прежде // Московская старина. М., 1989. С. 462, 463.
29 *Кокорев И.Т.* Ярославцы в Москве // Очерки о Москве. М., 1959, С. 25.
30 Шугай — род женской короткополой кофты или род сарафана для пожилых женщин.
31 *Боборыкин П.Д.* Указ. соч. С. 128.
32 Там же. С. 319.
33 *Лесков Н.С.* Однодум // Повести и рассказы. М., 1989. С. 107.
34 *Боборыкин П.Д.* Указ. соч. С. 53.
35 *Чехов А.П.* Поленька // Избранные произведения. М., 1969. С. 198.
36 *Богословский М.М.* Указ. соч. С. 397.
37 Русский костюм. 1750–1917. Вып. 3. ВТО. М., 1963. С. 30.
38 *Кокорев И.Т.* Извозчики — лихачи и Ваньки // Очерки о Москве. М., 1959. С. 19.
39 Там же. С. 19.
40 *Успенский Г.И.* Первая квартира. М. С. 613, 620.
41 *Прыжов И.* Указ. соч. С. 105–110.
42 *Слонов И.А.* Из жизни торговой Москвы // Московская старина. М., 1989. С. 227.
43 *Богатырев П.И.* Московская старина // Московская старина М., 1989. С. 101.
44 *Гиляровский В.А.* Указ. соч. С. 37.
45 Там же. С. 25.
46 Там же. С. 221.
47 Там же. С. 45.

ОСОБЕННОСТИ ОДЕЖДЫ КРЕСТЬЯН-СТАРООБРЯДЦЕВ НАГАТИНСКОЙ ВОЛОСТИ МОСКОВСКОГО УЕЗДА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

Села и деревни, располагавшиеся в юго-западной части Московского уезда Московской губернии, входили в состав Нагатинской и Царицынской волостей и относились в основном к Удельному ведомству. Исключение составляло село Коломенское Московской Дворцовой конторы, переведенное в удельное ведомство лишь в конце XIX в., что вызвало недовольство и выразилось в письменном обращении крестьян села Коломенского о возврате села в Дворцовое ведомство. К наиболее богатым селам Нагатинской и Царицынской волостей относились с. Коломенское, д. Новинки, д. Нагатино. Большинство коренного населения было старообрядцами. В середине XIX — начале XX в. наиболее многочисленными группами старообрядцев Нагатинской и Царицынской волостей были беглопоповцы и неокружники. Село Коломенское на протяжении XIX–XX вв. было центром для местных старообрядцев-беглопоповцев, деревня Новинки — старообрядцев поповцев-неокружников. В селе Коломенском в 1864 г. значилось 169 домохозяев[1]. Согласно Уставной грамоте государева села

Коломенского Царицынской волости Московского уезда 1864 г.[2] крестьяне должны были вносить выкупные платежи за полученные наделы в течение 49 лет на 487 душ мужского пола.

Крестьяне Нагатинской волости с. Коломенское, д. Новинки, д. Нагатино считались огородниками, вели оптовую торговлю овощами, овощеводство было поставлено крестьянами на промышленную основу. На коломенских землях выращивали наиболее распространенные овощи — огурцы, капусту, свеклу и картофель. Огромные урожаи овощей привлекали на сезонные работы в с. Коломенское и другие селения большое количество крестьян из других уездов Московской губернии на заработки. Приезжие работали по найму на сборе урожая, на рубке капусты, на подготовке тары — чистили и мыли окорёнки[3], бота[4], кадки, дошники[5]. Овощи и фрукты поставляли на рынки, в учреждения, фабрики и военные организации Москвы, отправляли в Санкт-Петербург, устанавливая связи с купечеством; некоторые из московских купцов, среди которых И.Д. Сливошников, помощник торгового смотрителя г. Москвы, И.Е. Лобанов, В.П. Баскаков и др., были постоянными кредиторами крестьянских обществ и давали ссуды на развитие крестьянского хозяйства, строительство домов, мирские надобности. Крестьяне села Коломенского, богатейшего села Нагатинской волости Московского уезда, по своему статусу считались крестьянами, но по сути являлись промышленниками.

Община старообрядцев-беглопоповцев («ветковского согласия») существовала в селе Коломенском с конца XVIII до середины XX в. В начале XX в. жители села Коломенского составляли половину численности Николо-Рогожской общины Москвы, насчитывавшей до 500 человек. Старообрядцы Белокриницкой иерархии — неокружники — объединились в 1909 г. в «Казанскую старообрядческую общину» с центром в д. Новинки, объединившей старообрядцев-неокружников Нагатинской волости из селений правобережья и левобережья Москвы-реки.

Крестьянская одежда отражает перемены, произошедшие во второй половине XIX — начале XX в. в крестьянской среде, отражает социальное положение и место, которое занимали представители старообрядческих общин беглопоповцев и неокружников в культуре данного региона в этот период.

Основным источником для написания статьи стал материал, собранный при опросе коренных жителей староверов (начиная с 1919 г. р.)[6] села Коломенского и Садовой слободы, а также фотографии из их семейных архивов и из фотофонда МГОМЗ. Собранные материалы охватывают период преимущественно с 1880-х по 1910-е гг. и позднее до 1930-х гг., документы ЦИАМ относятся ко второй половине XIX в.

В рапорте московского уездного исправника отмечено: «Близость столицы представляет крестьянам выгодный сбыт сельскохозяйствен-

Фото семьи Гаврилиных в праздничной одежде.
Москва, 1910-е гг. М.И. Гаврилин в косоворотке,
двубортном пиджаке и жилете с воротником-стойкой.
Жена в бархатном платье, отделанном жемчугом и кружевом.
(Из семейного архива Р.И. Зенковой.)

ных продуктов и ремесленных изделий, но, тем не менее, частое соприкосновение крестьян с городским населением и роскошь столичной жизни приучили крестьян к расточительности...»[7]. Крестьяне-старообрядцы стремились жить и выглядеть богато, но расточительность для их среды была нехарактерна. По словам крестьянина села Коломенского П.Л. Перетряхина, «в одежде все было одинаково, но насмешники были, особенно богатые любили насмехаться над бедными, поэтому все

старались, из кожи лезли, а чтоб было все как у богатых. Что богатые носят, то и бедные, особенно в праздники»[8].

Религиозная принадлежность определяла жизненный уклад, культуру, традиции коренных крестьян-старообрядцев и в частности отражалась в одежде. Эти особенности сохранялись вплоть до 60-х гг. XX в. Члены семей, которые переселялись из других регионов, отмечали особенную, самобытную культуру населения. «Они оправдывали свое наименование „царское село" своим отношением и поведением, ходили свободно, были тактичны, приятны. Бородатые старики-староверы, выходя из своих домов, снимали шапки, кланялись, признавая новых людей»[9].

В Коломенском и окрестных селениях были шорники, сапожники, портные и портнихи, которые шили предметы одежды по заказу крестьян, чаще мужская, женская и детская одежда шилась в домашних условиях. Шитьем занимались сами хозяйки или родственники. Женщины вязали скатерти, кружево для отделки платьев, носки, чулки, перчатки, варежки, шили платья и косоворотки. В семьях имели универсальные швейные машинки «Зингер». Богатые шили платье в Москве или покупали в известных магазинах, таких как Торговый дом «Мюр и Мерилиз». Легкое платье украшали драгоценностями: камнями, жемчугом, стеклярусом и кружевами, в том числе плетенными из золотых нитей, передававшимися по наследству.

У крестьян села Коломенского, староверов-беглопоповцев очень строгой веры, имелись отличительные особенности в одежде.

МУЖСКАЯ ОДЕЖДА[10]

Основу крестьянской одежды составляли *рубахи, штаны, портки, жилеты*. Прежде всего, это однотонные *рубахи-косоворотки*, голубые и синие, черные, коричневые с белыми пуговицами и белые; цветастые косоворотки надевали только приезжие. Рубахи-косоворотки были сатиновые, холщовые, из чесучи[11]. По словам А.Я. Кошкиной, на свадьбу дарили рубахи-косоворотки из чесучи — кремовые. Праздничные белые косоворотки украшали вышивкой по вороту и по краю рукава, в такой косоворотке сфотографирован священник о. Никола Сигов[12]. На праздник подпоясывались белым кушаком с белыми кисточками примерно 10 см длиной. Обычно мужчины-староверы носили сатиновые рубахи-косоворотки, подвязанные синим, черным поясом с маленькими кисточками. *Жилет* носили поверх рубахи, надетой навыпуск, они были однобортные и двубортные, с разными вырезами, были и с небольшим воротником-стойкой и разной длины.

Крестьяне села Коломенского из семьи Сидоровых.
(шапка: «москвичка» и две «хивинки»)
Начало XX в. (Из семейного архива Зайцевых-Сидоровых.)

У крестьян-старообрядцев с. Коломенского и других селений повседневной и рабочей одеждой были *портки* из сукна серого, черного, синего, коричневого цвета. Были также грубые холщовые и сатиновые портки. «Портки были без проймы, с веревочными завязками»[13], к ним полагались *подштанники* — белье из хлопковой ткани носили до 1930-х гг., они были на тесьме. Богатые крестьяне носили также *штаны* и *брюки* из шевиота (шерстяная ткань с добавлением хлопка) на пуговицах; их, как и портки, заправляли в сапоги. Ремень вставлялся через шлёвки.

Верхняя одежда покупалась в магазинах или шилась на заказ.

Распространены были мужские двубортные *пиджаки* теплые и легкие, которые застегивались на все пуговицы, с отложным воротником или воротником-стойкой. Праздничной считалась мужская одежда черного цвета.

Широко распространенной мужской одеждой были *поддевки*[14] черного и синего цвета. На фотографиях видно, что их носили и старые и молодые мужчины. Поддевки были легкие и теплые. Так, в договоре за 1879 г. крестьянин Полетаев при женитьбе получил «*армяк*[15], поддевку суконную теплую, поддевку холодную, *чуйку*[16]»[17].

Зимняя одежда — *пальто* длинные и короткие на меху, с карманами, с каракулевыми воротниками, местные жители называли их *шубняк*[18], использовали мех лисы и куницы. Для дороги были *тулупы*[19] из овчины. *Полушубки* овчинные, крытые сукном, считались выходными.

Вся верхняя мужская одежда застегивалась справа налево, в этом выражалось влияние старообрядческого конфессионального костюма.

Носили кожаные, замшевые, вязаные *перчатки, варежки* с одним пальцем. Рукавицы — *полицы* — рабочие были из кожи и сурового материала.

Мужчины носили *картузы*. «Григорий Иванович Перетряхин, — вспоминал внук П.Л. Перетряхин, — был „модный", аккуратный, с бородой, всегда в начищенных сапогах, рубашка холщовая, картуз на нем всегда новый, строгий был»[20]. Картузы были разной формы. Праздничные имели лаковый кожаный козырек и ремешок, их покупали в Москве, как говорили коломенские — «у Михайлыча». Повседневные были простые, из ткани.

Каракулевые шапки, так называемые *хивинки*, черные и серые, считались признаком достатка. Коломенские крестьяне вели торговлю в Москве и на вырученные деньги делали покупки, в том числе и в Рогожской части. Там на Вороньей улице и улице Хиве были лавки, где торговали шапками, ситцами, кушаками. Считалось, что название улицы Хива происходило оттого, что здесь останавливались приезжие из Хивы[21]. Возможно, отсюда произошло название шапки — «хивинка». Высокие хивинки приминали сверху «как ватрушку»[22], шапки в форме «пирожка» называли *москвичка*. Кроме того, носили шапки-*ушанки* из овчины или бобровые с ушами, которые завязывали наверху тесьмой. В начале XX в. Стали носить *башлыки*[23].

Основная обувь — *сапоги* и *валенки* с галошами. Носили хромовые и яловые сапоги, их мазали дегтем и ваксой. *Боты* из толстого сукна, с меховой опушкой, нижняя часть их была обшита кожей, *валенки-чёсанки* — тонкие мягкие валенки из чёсаной шерсти — одевали на праздник с галошами. Мужские *бурки* — белые фетровые, низ был отделан кожей, они были на подошве и каблуках.

Из рассказа жителя Л.Ф. Петушкова: «...обувь — сапожки и ботинки — шили у сапожников-частников. Сапожников было много в с. Коло-

менском, а лаптей у нас не было. Шили у нас обувь на заказ, популярны были галоши. Любая обувь — сапоги, ботинки, валенки, галоши — обязательно в каждой семье стояли в сенях по нескольку пар, в любую дождливую погоду надевали галоши»[24].

ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА

Обязательной частью женской одежды был платок — *шелет* и *повойник*[25]. Как рассказывала К.И. Гробова: «Одежда у мамы — юбка и кофта, шелет под булавку. Мама одевала повойник на лоб, шелет закалывала»[26]. Повойник шили сами, носили его постоянно и спали в нем. Шелетов у каждой женщины-старообрядки было много: для дома, для праздника, для похода в гости, сатиновые, шелковые шали с кистями, ковровые шерстяные, черные теплые и тонкие шелеты. В пост все независимо от возраста носили черные, темные шелеты. Зимой все носили теплые шерстяные шелеты темных тонов с широкой полосой по краю. По рассказу А.Я. Кошкиной, «в 1920-х годах шелеты, кружева, тесьму, ленты, пуговицы, иголки покупали на лотках у татарина, который приезжал в Коломенское и созывал всех, крича „шурум-бурум“... покупайте. Деньги, на которые покупали, выручали от продажи последних огурчиков — „собинки“»[27].

Повседневная одежда женщин-старообрядок — *юбка, сарафан* с кофтой из одного материала — парочка. По рассказу З.И. Гороховой-Гробовой, из семьи крестьян-беглопоповцев, женщины носили юбки, называемые *шубка*[28], были из ситца, праздничные юбки — черные и синие шерстяные с оборками, расклешенные, с разрезом для кармана. Длина юбок — до пола. Карманы были отдельно на тесьме под юбкой. Надевались черные передники, белые были праздничные. Обычно юбки шили из ситца, сатина, шерсти. На праздник надевали муаровые черные юбки; когда было холодно, надевали по две-три юбки. Эти сведения подтверждаются фотографиями семьи беглопоповцев Петушковых. Л.С. Шипкина вспоминает: «Моя бабушка Анна Васильевна носила сарафан-шубку, рубаху и платок, который назывался шелет. Такой же платок носила и жена ее сына Михаила Ивановича — Анна Яковлевна. Мама хорошо вязала красивые вещи: фартуки, подзоры, салфетки»[29]. Все перечисленные члены семьи Шипкиных были беглопоповцы. По рассказам жителей, женщин хоронили в сарафанах-шубках.

Кофты были приталенные, с большими воротниками, на застежке, с длинными рукавами, их обычно носили навыпуск, передник под кофтой. *Передники* были длиной почти до пола, в них ходили и в моленные. Белые, голубые, кремовые тона считались праздничными.

Девушки-подруги: Прасковья Ефимовна Петушкова (справа) и Елена Васильевна Перетряхина (слева). Москва, фотоателье А.Г. Бойко, 1910-е гг. (Из семейного архива Л.Ф. Петушкова.) Петушкова — в *парочке*: сарафане на широких бретелях под пояс и кофте из теплой ткани в клетку. Кофта с широкими рукавами, собранными по пройме и по нижнему краю, воротник-стойка. Юбка внизу отделана бархатной тесьмой. Украшения: серьги, брошь, цепочка, часы на цепочке, кольца. Перетряхина — в платье городского типа из темной ткани. Отделаны бархатом — кокетка, нижняя узкая часть рукавов и пояс. Украшения: серьги, брошь, цепочка, кольца.

Праздничную одежду обычно покупали или заказывали в Москве. Праздничные платья были из дорогих тканей: бархата, плюша, шелка, наиболее распространены были бордовые и синие тона. А.Я. Кошкина вспоминает: «Приданое мамы — красивые платья. Серое с красными

пуговицами и красными „крапонками“ по ткани, красный поясок, два платья сохранились до сегодняшнего дня, одно летнее и второе праздничное. Моя мама носила их в годы первой мировой войны, в 1915 г. Летнее платье делали на заказ — поплин светло-кремового цвета со вставками ткани с сиреневым узором, корсет на китовом усе и праздничное платье муаровое, цвета ближе к терракотовому, со шлейфом»[30]. Женщины из зажиточных семей одевались очень богато и красиво. Т.Ф. Цветкова рассказывала: «У мамы Анастасии Ивановны было бордовое бархатное платье, сзади два репсовых банта, в верхней части вставка из белой шерсти, отделана стеклярусом и бисером, еще был костюм из поплина зеленовато-голубоватый, платье сине-голубоватое переливалось с поясом на алом шелку, платье было красивое брусничное. Мама носила бархатное пальто, из темно-синей ткани с голубоватым отливом»[31]. Часто купленные в магазине платья украшались самодельным вязаным кружевом, кружевом украшали также передники, зонтики.

Теплая женская одежда была разнообразна. Распространены были бархатные и плюшевые *пальто* на меху. В свадебном договоре за 1885 г. записано: «исправить нам Кошкиным своей сестре Татьяне бархатное с куньей оправой пальто не менее чем за 85 рублей серебром»[32]. На праздник надевали *ротонды* до земли на меху — лиса, из шкурок сусликов, шкуры барашка. По словам З.И. Сидоровой-Жигаевой, «ротонды были у бабушек». У матери А.Я. Кошкиной была «ротонда из черного бархата с воротником-стойкой на круглой кокетке. Кокетка и воротник были украшены вышивкой граненым черным бисером и черными пришивными бусинами разной формы, выпуклыми и гранеными с одной стороны. Воротник был обшит мехом норки, а сама ротонда была на лисьем меху без рукавов. Внутри для рук были карманы как муфта. Ходить в ней было трудно, только ездили на выездных санях»[33]. Ротонды были бархатные и плюшевые, синие и бордовые. Женщины носили *шубейки* стеганые, *безрукавки* и *жакеты* с буфами на плечах, *сак* с пышными рукавами[34], коломенские называли их — «сачок подбитый ветром», и *полусак* из коричневой и черной ткани. По словам Ф.Л. Россинского, в детстве жившего в Курской губернии, там у женщин была стеганая утепленная одежда — сак и полусак, такая же одежда, как он сообщает, была и в Коломенском. Носили *пелерины* короткие без рукавов, *полушубки*. Обувь у женщин — *ботинки* высокие, с боков резинки, ушки, на шнурках, *бурки*, сшитые из фетра (нарядные — белые), кожа снизу, «обсоюзенные кожей», носили *боты* белые фетровые и резиновые с каблуками.

Рассказывает А.Я. Кошкина: «На Масленицу многие озорничали — переодевались, выворачивали тулупы, мазали сажей лицо, одевали рваньё... Во время ярмарок лазали за рубахой или сапогами, которые помещали вверху шеста... Мой дядя Алексей был очень сильным,

Три поколения семьи Сидоровых. Конец XIX — начало XX в.
(Из семейного архива Т.П. Зайцевой (Сидоровой).)

участвовал в кулачных боях на Москве-реке напротив Кремля и был победителем, специально для боя имел красную рубаху»[35].

Одежда, в которой прихожане ходили на богослужение, была простая и строгая, одевали чистую и новую одежду. Мужчины на молении на гражданскую одежду сверху надевали кафтан-поддевку. Некоторые выходили в них из дома на молебен, москвичи хранили в моленной. Поддевка была длинная, черная, сшита в талию, сзади со сборками, как говорит П.Л. Перетряхин, «внизу расклешенная», с высоким воротником. А.М. Ремнева вспоминает: «Отец в моленную на Овражной улице ходил в гражданской одежде в темной коричневой, серой, черной, косоворотке с белыми пуговицами и брюки холщовые, сапоги, а в моленной переодевался»[36].

Все старообрядки Центральной России носили платок под булавку; под шелетом обязательно был повойник, «узел не завязывали, считали, это грех». По полученным в беседах сведениям, различие в одежде женщин беглопоповского и поповского-неокружницкого направлений проявлялось в ношении платков на молении: способы ношения платков и их цвета были различны.

Семья Буровых в верхней одежде. Москва, 1914–1915 гг.
(Из семейного архива Сидоровых-Жигаевых.)

Женщины беглопоповского направления надевали темный шелет на угол или под кромку, «как на иконе». Носили шелеты, украшенные вышивкой гладью по краю и по углам цветочным узором, с узором «росток-тюльпан» или платки с турецким рисунком «огурчик» из легких тканей, праздничные теплые, вытканные шерстяными нитками ковровым узором или отделанные городочками. Чаще носили черные с вышивкой по краю, как говорит А.Я. Кошкина, «не наляпанные, не павлопосадские».

Женщины поповского неокружницкого направления, которые ходили в моленную в д. Новинки, носили павлопосадские шелеты с длинными кистями разных тонов, на праздник белые пикейные с кистями, применялся способ ношения платков только на угол.

Бабушка и внучка. А.И. Гробова (Карасева) (справа).
Начало XX в. (Из семейного архива Евсеевых.)

Женщины-прихожанки Чиминской и Овражной беглопоповских моленных села Коломенского носили черные широкие длинные юбки, темные длинные передники с оборкой внизу, на моление надевали нижнюю рубаху с поясом, наверх полукруглый карман (кошелек на тесьме) и юбку на тесьме, которая запахивалась вокруг стана. Кофты были с большим отложным воротником. Авдотья Петушкова в моленную на праздники надевала белый кружевной передник с вышивкой.

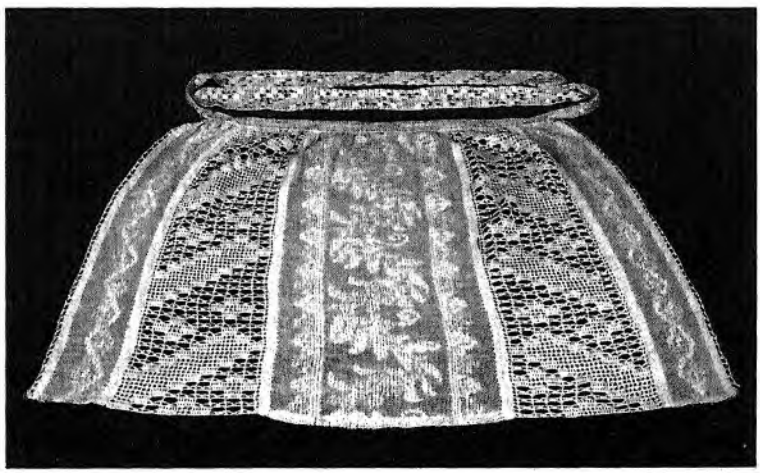
По словам П.Л. Перетряхина, «бабушка, когда молиться в моленную ходила, у нее была кофта прямая навыпуск, одна кофта была всего,

вроде жакета, и юбка длинная, иногда платье темное длинное. Платки обычные, украшения на них не было, она старая была уже»[37].

Особо красивыми были подвенечные платья. Их обычно заказывали или покупали в Москве. Платья украшали поясами, вышитыми бисером и стеклярусом, с правой стороны на лиф прикалывали букетик восковых цветов, на шелет надевали кокошник из восковых цветов. Т.И. Евсеева рассказывает: «Помню необыкновенно красивое бабушкино подвенечное платье из нежного кремового шелка, отделанное парчой»[38]. На венчании обязательной была нижняя рубашка с поясом, «без пояса не венчали». Сватам завязывали через плечо особые свадебные шелковые «полотенца», длинные, бордовые с зеленой полосой по краю и бахромой на концах, «такие полотенца на свадьбах носили до 30-х годов»[39].

ДЕТСКАЯ ОДЕЖДА

В селе Коломенском во второй половине XIX в. крестьянские дети — мальчики с 7 лет (младшие группы) и с 14 лет и старше могли обучаться в сельском училище ведомства Дворцовой конторы, где готовили писарей в волостные правления. Каждое семейство обязано было «снабдить мальчика приличною по времени года одеждою». Детей из бедных крестьянских семей и сирот обязано было «одевать мирское общество за свой счет»[40]. На семейных фотографиях мальчики из семей крестьян-старообрядцев одеты в косоворотки, подпоясанные



Праздничный передник (отсутствует оборка внизу).
Ручное кружево и вышивка. 20-е — 40-е гг. XX в.
(Из частной коллекции семьи Кошкиных.)

плетеным поясом с кисточками, жилеты, штаны, заправленные в сапоги. Мальчики носили пиджаки, верхняя одежда — теплые пальто с каракулевыми воротниками, полушубки, меховые и каракулевые шапки, валенки, одежда у подростков была почти такая же, как у взрослых. Мальчиков из новообрядческих семей одевали в модные в то время матросские костюмы.

Маленьких девочек одевали нарядно, они были «как куклы с локонами». Платья для девочек на кокетке, широкие, отделывались оборками и кружевом, были с большими белыми воротниками. Детям покупали туфли-баретки с ремешками на пуговице, короткие ботинки, на которые сверху одевали гамаши, дети носили вязаные чулки однотонные и в полоску. В детстве (1920-е гг.), рассказывала Т.Ф. Цветкова, «отец брал меня с собой, ботинки невысокие наденут, чулки, штаны, рейтуз не было тогда, пальто. Я ходила в бежевом пальто, котиковый воротник, фетровые валенки с галошами». Детские рубашки отделывались вышивкой и кружевом, пеленки были с кружевным краем, вышивкой, защипами, складками и другими строчными украшениями.

* * *

В заключении следует отметить, что, фотографируясь в московских фотоателье, крестьяне-старообрядцы надевали праздничную одежду, стремились показать достаток и подчеркнуть свое социальное положение. Мужчины фотографировались с церковными книгами в руках, женщины с маленькими букетиками цветов, молодые женщины с большим количеством украшений, а дети с куклами или среди игрушек. Жители села Коломенского являлись представителями зажиточного крестьянства и в быту и в одежде, подражали купечеству Москвы. Отход от традиционной крестьянской одежды прослеживается в основном в праздничной женской одежде — платьях. Мужской костюм сохраняет традиционную форму: косоворотка, штаны, заправленные в сапоги, поддевки. Старообрядцы-беглопоповцы бережно сохраняли старые правила в отношении одежды на молении, их более строгая вера предъявляла требования к повседневной одежде, которая была неяркой и простой, что характерно было и для детской одежды. Относились к костюму очень бережно, вещи хранили в сундуках, передавали их по наследству. В селе Коломенском и окрестных селах и деревнях Нагатинской волости, эти традиции, в отличие от других крестьянских поселений, где не было старообрядческого населения, сохранялись даже в советское время. В 1920–30-е гг. происходят резкие изменения в одежде крестьян, в этот период хранителями традиционной одежды старообрядцев-беглопоповцев становятся старики, которые передавали знания об одежде детям.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 ЦИАМ, Ф. 378. Оп. 1. Д. 10. Л. 37об.

2 ЦИАМ. Ф. 66. Оп. 3. Д. 2236. Л. 1–7.

3 Окорёнок — укороченная бочка для перевоза солений и рубки моркови (МГОМЗ, фонозапись беседы с З.И. Гороховой-Гробовой. 2009 г.).

4 Бота — (бочки) большие, объемом в 1 т 200 кг (Там же).

5 Дошник (мест. дошника́) — огромный врытый в землю дубовый чан, обтянутый коваными железными обручами (диаметр — 3 м, емкость — 14 т), использовался для заготовки квашеной капусты.

6 «Ветковское согласие — одно из названий беглопоповцев (Лица, события, предметы и символы. Старообрядчество (Опыт энциклопедического словаря). М., 1996. С. 64). «Неокружники — часть старообрядцев, приемлющих белокриницкую иерархию, но не приявших Окружного послания (Там же. С. 186).

7 ЦИАМ, Ф. 483. Оп. 3. Д. 1666. Л. 32, 75.

8 МГОМЗ, фонозапись беседы с П.Л. Перетряхиным. 2004–2005 гг.

9 МГОМЗ, фонозапись беседы с Р.И. Зеньковой (Чернышовой). 2005 г.

10 Публикация М.А. Зениной (*Зенина М.А.* Осчастливленные Стариной. М., 2004) содержит раздел, где рассматривается крестьянская одежда, однако в описании часто указываются сведения, которые сложно объяснить. Так, например, данные о том, что мальчики и юноши села Коломенского до 16 лет не носили штанов и портов и ходили в одних рубахах (с. 81), рубахи имели длинные, до колен рукава и крестьянин поддергивал их во время работы (с. 82). Указанные сведения не подтверждаются ни рассказами жителей, ни имеющимися фотографиями конца XIX — начала XX в. и киноматериалами 1920-х гг. Приведенный в работе пример из книги А. Корсакова о кафтане, подаренном садовнику, который автор относит к традиционной одежде крестьян села Коломенского, имеет отношение не к крестьянству, а к другой группе жителей села. Кафтан являлся одной из форм служебной одежды штатных садовников Дворцового ведомства, живших в селе Коломенском в Штатной слободе, где кроме садовников жили придворнослужители — истопники, лакеи, солдаты-инвалиды, состоявшие сторожами, и др.

11 Чесуча — плотная ткань полотняного переплетения из шелка дикого дубового шелкопряда, обычно имела естественный кремовый цвет (Терминологический словарь одежды Л.В. Орленко. М., 1996).

12 МГОМЗ. МФ. 1062.

13 МГОМЗ, фонозапись беседы с А.Я. Кошкиной. 2009 г.

14 Поддевка — верхняя мужская и женская одежда для холодного времени года из сукна, длиной ниже или до колен, отрезная сзади по талии, со сборками на спине, со стоячим или отложным воротником (Русский традиционный костюм. СПб., 2006. С. 227).

15 Армяк — верхняя мужская одежда, надевалась поверх кафтана, шубы и др. при плохой погоде или в дорогу. В конце XIX — начале XX в. изготавливалась из сукна. Халатообразная широкая одежда до щиколоток, однобортная с глубоким

запáхом справа налево, с широкими прямыми рукавами и большим воротником (Русский традиционный костюм. СПб., 2006. С. 21).

16 Чуйка — верхняя мужская осенняя и зимняя одежда, приталенная, длиной до щиколоток, зимняя чуйка шилась на лисьем или овечьем меху, покрывалась черным или синим сукном, застегивалась на крючки (Русский традиционный костюм. СПб., 2006. С. 352).

17 ЦИАМ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 19. Л. 155об.–156об.

18 МГОМЗ, фонозапись беседы с З.И. Гороховой-Гробовой. 2009 г.

19 Тулуп — верхняя мужская и женская одежда для поездки в санях на дальнее расстояние. Прямые, однобортные, с прямой спинкой, с глубоким запáхом справа налево. Тулупы были нагольные и крытые. Одевался поверх шубы, полушубка (Русский традиционный костюм. СПб., 2006. С. 322–324).

20 МГОМЗ, фонозапись беседы с П.Л. Перетряхиным. 2004–2005 гг.

21 Ушедшая Москва. М., 1964. С. 117.

22 МГОМЗ, фонозапись беседы с З.И. Гороховой-Гробовой. 2009 г.

23 Башлык — головной убор из сукна в виде капюшона с широкими длинными лопастями, выкроенными вместе с капюшоном. Надевался зимой поверх шапки (Русский традиционный костюм. СПб., 2006. С. 28).

24 МГОМЗ, фонозапись беседы с Л.Ф. Петушковым. 2006–2007 гг.

25 Шелет — местное название верхнего головного убора. Шелет надевали на повойник. Повойник — нижний головной убор женщин в виде мягкой шапочки, с круглым или овальным верхом и пришитым к нему околышем, собранным на шнурке и затягивавшимся на затылке (Русский традиционный костюм. СПб., 2006. С. 214–218, 221–223).

26 МГОМЗ, фонозапись беседы с К.И. Гробовой. 2004 г.

27 МГОМЗ, фонозапись беседы с А.Я. Кошкиной. 2009 г.

28 МГОМЗ, фонозапись беседы с З.И. Гороховой-Гробовой. 2009 г.

29 МГОМЗ, фонозапись беседы с Л.С. Шипкиной. 2002 и 2008, 2009 гг.

30 МГОМЗ, фонозапись беседы с А.Я. Кошкиной. 2009 г.

31 МГОМЗ, фонозапись беседы с Т.Ф. Цветковой. 2005 г.

32 ЦИАМ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 42. Л. 2–2об.

33 МГОМЗ, фонозапись беседы с А.Я. Кошкиной. 2009 г.

34 Сак — первоначально свободное женское пальто, затем свободное пальто как женское, так и мужское (*Рогожникова Р.П., Карская Т.С.* Словарь устаревших слов русского языка. По произведениям русских писателей XVIII–XX вв. М., 2005. С. 603).

35 МГОМЗ, фонозапись беседы с А.Я. Кошкиной. 2009 г.

36 МГОМЗ, фонозапись беседы с А.М. Ремневой. 2010 г.

37 МГОМЗ, фонозапись беседы с П.Л. Перетряхиным. 2004–2005 гг.

38 МГОМЗ, фонозапись беседы с Т.И. Евсеевой. 2005 г.

39 МГОМЗ, фонозапись беседы с А.Я. Кошкиной. 2009 г.

40 ПСЗ. Собр. 2. Дополнение. Ч. 1. СПб., 1855. С. 6–8. Л. 15317 от 21 февраля. Устав сельского училища, учреждаемого при Государевом селе Коломенском ведомства Московской Дворцовой конторы.

ГЛАВА II

ЮГ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ

РУССКАЯ НАРОДНАЯ ОДЕЖДА В СИСТЕМЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОРУССКОГО РЕГИОНА XIX–XX веков

В данной статье рассматривается развитие народной одежды на территории южнорусской историко-культурной зоны. Южнорусская историко-культурная зона выделяется по «акающему» диалекту и так называемым южнорусским чертам культуры, которые свойственны населению региона, простирающегося, грубо говоря, к югу от р. Оки до р. Хопра и среднего Дона, на западе от р. Десны до р. Суры на востоке (территория бывших Тульской, Орловской, Тамбовской, Курской, Воронежской, большей части Рязанской, Калужской, частично Пензенской губерний). Это обширное пространство (без Пензенской и Калужской губерний) географы и демографы определяют как Центрально-Черноземный (или Центрально-Земледельческий) регион.

Этническая история южнорусского населения необычайно сложна, запутанна и многовариативна, что явилось результатом длительных историко-политических и социально-экономических процессов, происходивших на данной территории. Здесь скрещивались различные потоки древнего славян-

ского населения между собой и с древним угро-финским этническим субстратом. Позднее после татаро-монгольских нашествий в этой зоне отмечалась повышенная интенсивность миграционных движений из соседних северных и западных районов России. Русские переселенцы вынуждены были адаптироваться к новой экологической и этнокультурной среде и вступать в этнические контакты с местным славянским и иноэтничным населением. Эти факторы способствовали формированию этнокультурных особенностей южнорусского населения, многообразию локальных вариантов культуры и особенно одежды. Поэтому считаю необходимым кратко остановиться на истории населения данного региона.

Заселению и хозяйственному освоению южнорусского региона способствовало выгодное географическое положение в пределах Восточно-Европейской равнины, благоприятные естественно-природные условия жизни. Вся западная половина его от Десны до Осетра и Дона занята Среднерусской возвышенностью, которая восточнее Дона переходит в Окско-Донскую и Цнинско-Воронежскую низменности.

Основная территория лежит в зоне лесостепи. Северо-западные, северные и северо-восточные окраины (бывшие западные уезды Орловской, северные Рязанской и Тамбовской губерний) заняты преимущественно хвойными лесами (брянские, мещерские, мокшанские леса), они растут на песчаных и суглинистых почвах, здесь много сфагновых болот. Южнее расположена зона лиственных лесов, ее южная граница проходит по верховьям Оки, верхнему течению Дона, на Сапожок и Пензу. До XVII в. здесь были почти сплошные дремучие леса, растущие на деградированном черноземе и суглинке. К XX в. большая часть лесов была вырублена. Еще южнее простирается типичная лесостепь с обыкновенными черноземными почвами, южная граница которой пролегает от устья р. Вороны, по верхнему течению р. Осередь, среднему течению Битюга, по Тихой Сосне, вплоть до устья рек Корочи и Корени. На протяжении XVII и особенно XVIII вв. леса активно расчищали под сельскохозяйственное пользование. На юго-востоке региона, в основном в южных уездах Воронежской и Тамбовской губерний, расстилались полосы ковыльной степи на тучных черноземах, которая была распахана.

Поверхность региона покрыта сложной системой извилистых рек, протекающих в разных направлениях. Здесь берут истоки многие крупные реки и их притоки в верхнем и среднем течении: Ока с притоками Зуша, Упа, Осетр, Проня, Пара, Пра, Мокша, Цна и др.; Дон с притоками Хопер, Ворона, Осередь, Битюг, Потудань, Сосна, Воронеж и др.; левобережные притоки Днепра — Десна, Сейм со Свапой, Псёл, Ворскла; Северский Донец и др. Богатейшая водная система, плодородные

черноземы, умеренный климат создавали благоприятные условия для заселения края, земледелия и путей сообщения.

Во второй половине I тыс. н.э., до ордынских завоеваний, на территории этих земель были известны союзы славянских племен: северяне — в бассейне Сейма, верховий Сулы, Ворсклы, Псёла, Северского Донца, своеобразная группа донских славян — в бассейне Дона, вятичи в бассейне Верхней и Средней Оки. Земли по среднему течению Оки в VIII–X вв. в основном принадлежали неславянским племенам, оставившим группу рязанско-окских могильников. В X–XII вв. вятичи, расселяясь по Оке, достигли р. Москвы и заселили берега по ее нижнему и среднему течению. Северные районы Рязанской земли заселялись кривичами. В результате массовых вторжений славян в приокские рязанские земли ими было частично ассимилировано, частично вытеснено аборигенное финно-угорское население, оставившее следы в антропологическом облике и в культуре славян, в их топонимии и гидронимии[1].

С XI в. на территории расселения древних славян известны русские княжества: Черниговское, из него выделились княжества Рязанское, Новгород-Северское и другие. Уже в XI–XII вв. были известны города Курск, Рыльск, Льгов, Путивль. В XI в. основана столица Рязанского княжества Старая Рязань, наиболее древние рязанские поселения располагались вокруг Старой Рязани в междуречье Ока — Проня — Осетр. Разнонаправленные славянские колонизационные потоки, смешиваясь в Волжско-Окском междуречье, способствовали созданию постоянного славянского населения, возникновению районов компактных поселений, образованию древних городов[2].

В результате золотоордынских нашествий XIII в. пострадала значительная часть Русской земли и особенно центрально-черноземная зона. В XIV–XV вв. территории южнее Оки, в бассейне Дона, верховий Оки, Сейма, назывались «Диким полем», однако полного запустения не произошло. Исторические источники свидетельствуют о том, что в отдельных местах этого обширного края существовали постоянные русские поселения (например, в Посеймье, в Полесье, в верховьях Оки, в Червленом Яру, в Хоперско-Донском междуречье и многих других районах)[3].

Повторное заселение южной окраины Русского государства и формирование этнокультурных особенностей ее населения относится к XVI–XVII вв. Организация оборонительной службы по южной границе, строительство укрепленных линий, сложный комплекс политических и социально-экономических факторов — все это способствовало активному процессу миграции населения из центральных районов в южнорусскую лесостепь. При этом заселение районов,

примыкающих к Оке, происходило быстрее, чем других, более южных лесостепных пространств. Важной особенностью заселения и хозяйственного освоения южной окраины России в XVI–XVII вв. было сложное сочетание народной, монастырской, помещичьей и правительственной колонизаций.

Заселение южных районов исследуемой территории значительно усилилось после сооружения в 1635–1658 гг. белгородской черты укреплений, протянувшейся на 798 км с запада на восток от р. Ворсклы до р. Челновой — притока Цны. Здесь было построено более 20 городов-крепостей. Возле них возникали пригородные слободы, села и деревни. Они заселялись служилыми людьми, беглыми крестьянами и холопами из других, ранее освоенных районов[4]. Территория будущей Курской губернии заселялась преимущественно выходцами из городов и уездов, расположенных в бассейне Верхней Оки, Десны, Сейма (из Орла, Черни, Крапивны, Мценска, Кром, Карачева, Мещовска, Мосальска, Путивля, Рыльска и др.)[5]. На земли будущей Воронежской губ. миграционные потоки чаще направлялись из восточных районов южной России, расположенных в бассейне среднего течения Оки и верховьев Дона, из городов и уездов рязанских, тульских, тамбовских и других земель. Водная система верховий Дона и его притоков способствовала продолжительным этническим связям населения среднего течения Оки и воронежского Подонья[6]. Особенности формирования населения восточных и западных районов южнорусского региона подтверждаются данными и диалектологии, и антропологии, и этнографии[7].

Под влиянием специфических исторических и социально-экономических условий жизни здесь сложились и особенности социального состава населения. В период феодализма одной из своеобразных и наиболее многочисленных сословных групп русских в исследуемых районах были однодворцы — потомки низших служилых людей, выполнявших в XVII в. сторожевую службу на южных окраинах государства. И хотя позднее, в период капиталистического развития сословные группы населения потеряли свое значение, прежние различия частично проявлялись в культурно-бытовой сфере[8].

В XVII в., когда границы Русского государства отодвинулись далеко на юг, создались благоприятные условия для освоения и заселения плодородных степных районов. В степных районах быстро распространялось феодальное землевладение. В XVII в. появляются села помещичьих и экономических крестьян на левобережье Дона и в других местах, заселенные выходцами из Московской, Владимирской, Ярославской, Нижегородской, Костромской и других губерний.

Во второй половине XVIII в. активно заселяются наименее освоенные южные уезды Тамбовской и Воронежской губерний[9].

Происходили на данной территории изменения и национального состава населения. На протяжении XVII–XVIII вв. в южных районах курских и воронежских земель — южнее Сейма, Тихой Сосны, по левобережным притокам Дона — возникает много украинских поселений, заселенных выходцами из Правобережной и Левобережной Украины. На юге Воронежской губ. сложились обширные компактные украинские зоны поселений, в других местах украинцы жили чересполосно с русскими поселенцами. Смешанное расселение русских и украинцев ярко проявилось в этнокультурных взаимовлияниях двух восточнославянских народов[10]. Большая часть мордвы на северо-востоке региона была ассимилирована русскими, меньшая часть переселилась в Саратовскую губ., к 1897 г. в Тамбовской губ. мордва составляла 3,34% всего населения[11]. В Рязанской и Тамбовской губерниях насчитывалось немного татар (менее 1% всего населения)[12].

В XIX — начале XX в. во всех губерниях изучаемого региона наблюдается обратный процесс — уход населения не только в более южные уезды этих губерний, но и за их пределы, в менее заселенные районы России — в область Войска Донского, на Северный Кавказ, в Нижнее Поволжье, в Сибирь.

Итак, исторические материалы свидетельствуют о сложной истории южнорусского региона, отразившейся в многообразии культурных традиций, сложившихся на основе напластований, восходящих к ранним и более поздним периодам исторического развития. В формировании русского населения здесь участвовали преимущественно южнорусские, а также средне- и западнорусские этнические компоненты. На их основе происходила этническая консолидация русских. Вместе с тем в пределах мелких и более крупных ареалов у них формировались локализмы в говорах, в одежде и в других компонентах культуры, вследствие чего появились локальные историко-культурные группы: горюны, саяны, цуканы, мамоны в Курской губ., цуканы, ягуны, талагаи в Воронежской губ., полехи — на западе Орловской и Калужской губ., мананки — в Тульской губ. и др.

На формирование этнокультурных особенностей рассматриваемого населения оказывали влияние и древние этнические связи с финноуграми и более поздние исторические связи с украинцами, а также с белорусами, народами Прибалтики и др.

Основой данной статьи послужили архивные документы, музейные коллекции, полевые этнографические материалы автора, а также этнографическая, краеведческая, историческая литература.

Интересные сведения о народной одежде данного региона извлечены из архивов: Архив Русского географического общества (далее АРГО), Архив Института этнологии и антропологии РАН (фонд Общества

любителей естествознания, антропологии и этнографии — далее АИЭА. Ф. ОЛЕА. Колл. 14, фонд Русского отряда Комплексной экспедиции (далее АИЭА. Ф. 47), материалы Южного отряда Комплексной экспедиции 1967 г. (далее АИЭА МЮОКЭ. 1967), материалы Южного отряда Восточнославянской экспедиции 1976–1980 гг. (далее АИЭА МЮОВЭ. 1976, 1977, 1978, 1980); Рукописный отдел Российского этнографического музея (далее АРЭМ) — фонды 2, 7 и иллюстративный; Научный архив Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника. Этнологический архив Общества исследователей Рязанского края (далее НА РИАМЗ ЭА ОИРК); Научный архив Курского областного краеведческого музея (далее НА КОКМ) и др.

Обширные материалы по заданной теме получены в результате обработки коллекций музеев. В Российском этнографическом музее изучены коллекции одежды, собранные в начале XX в., по Курской, Воронежской, Харьковской губерниям. Коллекции одежды обработаны в Курском, Белгородском, Воронежском, Тамбовском областных краеведческих музеях, в Рязанском историко-архитектурном музее-заповеднике, а также в сельских и районных музеях (в городах Рыльск, Суджа, Павловск, Острогожск, Моршанск и др.).

Большую ценность представляют этнографические полевые материалы, собранные автором и другими этнографами. В 1966–1980-е гг. под руководством автора проведено семь экспедиций Института этнографии АН СССР (теперь Институт этнологии и антропологии РАН) на территории Курской, Белгородской, Воронежской, Харьковской, Сумской областей, обследовано более 60 селений. В 1993 г. автор работал в составе тамбовской экспедиции под руководством С.А. Иниковой. В данной статье использованы также полевые материалы по одежде, собранные Г.С. Масловой в начале 1960-х гг. в составе Русского отряда Комплексной экспедиции, а также материалы, собранные в экспедициях и командировках в Рязанскую область в 2002–2006 гг. под руководством С.А. Иниковой. Автор широко использовал опубликованные статьи и книги краеведческого и этнографического профиля. В дореволюционные годы местными статистическими краеведческими организациями было опубликовано значительное число сборников, статей, книг. Но в них часто поверхностно освещены внешние черты сельской жизни. Более полно описан быт русского крестьянства, и в частности одежды, в работах местных краеведов И.С. Абрамова, Н.И. Второва, А. Дмитрюкова, Н. Добротворского, П. Малыхина, А.С. Машкина, Ф. Поликарпова, А.М. Путинцева, Д. Святского, А. Тарачкова и др. Ценна работа В.Ф. Миллера, систематизировавшего коллекции Дашковского этнографического музея и особенно уникальный труд Д.К. Зеленина,

в котором для решения лингвистических задач в различных губерниях России привлекаются массовые этнографические материалы. Интересны и более поздние работы Д.К. Зеленина о народной одежде. В 1920-е гг. активизируется изучение этнографии и особенно одежды в Рязанской (Н.И. Лебедева, А.А. Мансуров, А.Г. Данилин, М.Д. Малинина), Воронежской (Н.П. Гринкова), Калужской и Орловской (Н.И. Лебедева, М.Е. Шереметева) и др. областях.

Изучение различных аспектов народной культуры южнорусских районов продолжается в 1950–1970-х гг. Интересны работы Н.П. Гринковой, И.А. Поповой, И.П. Работновой, Л.А. Тазихиной и особенно Н.И. Лебедевой, много лет посвятившей изучению народной одежды и особенно одежды Рязанского края. В 1967 г. выходит ценный обобщающий труд в двух томах — «Русские. Историко-этнографический атлас», подытоживший многолетние исследования по проблемам этнографии русского народа. Один том составлен из текста статей, а другой — из карт. Карты, характеризующие компоненты одежды южнорусского населения, широко использованы автором. Автор данной статьи ссылается также и на материалы работ по изучаемой тематике, опубликованные им в 1980–1990-е гг.

Из последних публикаций хочется отметить хорошо изданные красочные альбомы, в которых представлены и изучены яркие по своей исторической и художественной ценности образцы народной одежды из музейных коллекций Санкт-Петербурга, Пензы, Воронежа, Белгорода (Русский народный костюм. Из собрания государственного музея этнографии народов СССР. Л., 1984; Народный костюм Пензенской губернии конца XIX — начала XX века. Федеральная целевая программа «Культура России». Б.м., Б.г.; *Толкачева С.* Народный костюм Воронежской губернии конца XIX — начала XX века. Воронеж, 2007; *Шатерникова Н.И., Кравченко О.А., Якубенко Л.В.* Женский народный костюм как часть регионального компонента. Белгород, б.г.).

С целью сравнительно-исторического изучения аспектов народной одежды привлекаются обобщающие труды этнографов: В.Н. Белицер, О.А. Ганцкой, Г.С. Масловой, Е.И. Матейко, Л.А. Молчановой, Т.А. Николаевой, М. Романюка, М.Г. Рабиновича и др., в которых исследуется одежда русских, украинцев, белорусов и других народов.

* * *

Одежда — важнейший компонент культуры народа — может рассматриваться как ценный исторический источник. Изменяясь с течением времени в зависимости от конкретных исторических условий, под влиянием социально-экономических и природных факторов,

традиционная одежда в то же время нередко на протяжении столетий сохраняла древние черты в покрое, украшениях, терминологии.

Исследование одежды особенно интересно на территории южнорусского этнографического региона, где в XIX в. прослеживалось необыкновенное разнообразие русской крестьянской одежды, особенно женской. Здесь обнаружены многие типы компонентов одежды, бытовавшие в центральных, южных и западных губерниях России. Расцветка клетчатых понев, рубах, нагрудников, формы кички или сороки, вариативные сочетания элементов в сложном головном уборе нередко поражали необыкновенным их разнообразием, прослеживаемым в пределах одного уезда или волости, служили признаком принадлежности женщин к определенной группе селений. Поражающее типологическое варьирование русской женской одежды у населения южнорусских губерний в значительной степени было связано с его сложной этнической историей. В процессе освоения этой территории формировалось население, неоднородное в этническом и социальном отношении (см. выше).

Поскольку женская крестьянская одежда в XIX в. была одним из наиболее устойчивых компонентов традиционной культуры, именно в ней наиболее ярко проявлялась этническая и локальная специфика различных групп населения этих районов, она отразила особенности, свидетельствующие об этническом и социальном своеобразии населения в прошлом.

Одежда была также знаком принадлежности к той или иной социальной, сословной или половозрастной группе населения. Стойко сохранялись различия в одежде детей, девушек и парней на выданье, замужних молодых и пожилых женщин и мужчин, праздничная одежда существенно отличалась от будничной. Костюм играл важную роль в сельских и семейных обрядах, зависел от материального положения семьи, был гарантом мастерства и умения женщин, а также моральных устоев населения.

В изучаемом регионе наиболее устойчивой и разнообразной была женская одежда, а мужской костюм под влиянием развития в деревне товарно-денежных отношений во второй половине XIX в. нивелировался быстрее, поэтому здесь характеристике женской традиционной одежды уделяется преимущественное внимание. Я стремилась проследить развитие и изменения в крестьянской одежде XIX–XX вв., выявить в ней наиболее древние черты и особенности, возникавшие сравнительно поздно, а также проследить локальную специфику одежды у отдельных групп населения и определить, по возможности, причины ее бытования, степень ее соотнесенности со сложной историей заселения отдельных районов.

ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА

Рубаха. В XIX в. на территории южнорусского региона бытовали все основные комплексы русской женской одежды, выделенные этнографией: с поневой, с сарафаном, с домотканой юбкой, с юбкой городского покроя[13].

Одним из основных компонентов женского костюма была длинная рубаха с рукавами, служившая в XIX в., а нередко и в начале XX в. нательной и одновременно выходной одеждой. В это время, как и повсюду у восточных славян, преобладала рубаха, состоявшая из двух частей: верхней и нижней, соединенных поперечным швом; верхняя часть обычно шилась из более хорошего материала, а нижняя, закрываемая поясной одеждой, из сравнительно грубого материала. Верхнюю часть в исследуемых районах называли *стан, станок, станушка, станина.* В некоторых селах известны названия более типичные для северных губерний России: *грудка, грудок, нагрудник* (с. Локоть Рыльского у., с. Старый Бузец Дмитриевского у. Курской губ.), а также *манишка* (с. Кустовое Белгородского у., с. Сагайдачное Корочанского у. Курской губ.). Нижнюю часть рубахи обычно называли *подстава, подставок, подставка,* иногда *надставка* (Кирсановский у. Тамбовской губ.), *пришва* (с. Виногробль Курского у., с. Девица Коротоякского у. Воронежской губ.)

В конце XIX — начале XX в. нередко стан и подставу шили и носили отдельно. В некоторых местах (Рязанская, Тамбовская, Тульская губернии) холщовая подстава издавна выполняла функцию юбки и называлась *подолом*[14]. Женщины иногда надевали подол под поневу, а девушки, у которых основной будничной, нередко и праздничной одеждой еще и в XIX в. служила рубаха, подол часто был праздничной одеждой.

Сравнительно реже встречались рубахи, сшитые из полотнищ ткани, идущих от ворота до подола, их называли *суцельными, одностенными, додольными.* В XIX в. их часто использовали в качестве обрядовых — смертных, свадебных, а также девичьих. Более всего таких рубах мы обнаружили в коллекциях одежды Российского этнографического музея (далее РЭМ), собранных в конце XIX — начале XX в. на территории Орловской губ.[15].

Основным материалом для рубахи служил домашнего производства льняной или конопляный (*посконь, замашка*) холст. Причем посевы конопли преобладали в южных уездах региона. Здесь льняные, или, как их еще называли, *алляные, аллейные,* рубахи часто отмечались краеведами в качестве праздничных[16]. Станок обычно шили из более тонкого льняного или конопляного холста. С распространением в деревне

фабричных тканей и нитей станок праздничной, а нередко и будничной рубахи в конце XIX в. стали шить из ситца, сатина, миткаля, коленкора, кисеи. В тканях домашнего производства частично использовались вместе с льняными покупные хлопчатобумажные нитки в утке или основе. В некоторых районах, особенно в Суджанском и Обоянском уездах Курской губ., Трубчевском, Карачевском, Брянском уездах Орловской губ., праздничные рубахи с кисейными и коленкоровыми рукавами отмечались еще в первой половине XIX в.[17]. О праздничных рубахах из хороших фабричных тканей сообщали в середине XIX в. многие корреспонденты Русского географического общества из Воронежской, Орловской, Рязанской и других губерний[18]. Однако из покупных тканей обычно шили рубахи праздничные, и при этом не все и не везде. Женщинам из бедных семей и в праздники обычно надевали рубахи из домотканого полотна. К тому же нам известны отдельные села и целые районы, например в бывших Бирючинском, Коротоякском, Павловском уездах, где вплоть до 20–30-х гг. XX в. наиболее нарядными считались рубахи из домотканого полотна, украшенные вышивкой, узорным тканьем и аппликацией.

Южнорусская праздничная рубаха богато украшалась ткаными узорами в сочетании с вышивкой, блестками, нашивками из тканей, кружева, лент, тесьмы, шнура, позумента и др. Акцент украшений приходился на плечевую часть и рукава. Обилие украшений зависело от назначения рубахи, от возраста и материальных возможностей их владелиц.

Наиболее распространенной и простейшей по технике изготовления узорной тканью была *перетыка* или *пестрядь* — с красными поперечными полосками на белом холсте, вытканная на двух подножках. Ее располагали на передних полотнищах рубахи, на плечевом поясе, на рукавах, на подоле. Перетыка дополнялась более сложным узором, часто в виде полос — *затканок, тканок*, выполненных браной или закладной техникой. Узорные полосы могли быть вытканы отдельно и нашиты на одежду, а могли выполняться на полотне рубахи в процессе тканья.

В южнорусских (как и в центральных) районах России господствовал линейно-геометрический орнамент узорного тканья и вышивок с преобладанием мотивов ромба, розетки, креста, свастики, восьмиконечной звезды, линейных композиций и др. Наиболее характерным было использование ярких звучных тонов с преобладанием красного цвета. Старинные вышивки и тканые узоры выполнялись льняными и конопляными нитями домашнего производства. Во второй половине XIX в. распространяется продажа шерстяной пряжи кустарного и промышленного производства (*шленка, гарус*), анилиновых красителей, покупных ниток и отделочных тканей, что значительно обогатило цветовую гамму декоративной отделки южнорусской одежды.

В разных районах южнорусского региона в процессе длительного развития сформировались локальные особенности в характере украшения разных типов рубахи, которые стали со временем устойчивыми типологическими признаками.

Покрой рубахи — важный устойчивый признак. В отдельных районах южнорусского региона формировались особенности в покрое женской рубахи, корни некоторых из них прослеживаются в далеком прошлом. Тип кроя определялся числом полотнищ, их расположением в стане рубахи, формой плечевых вставок, способом соединения рукавов с полотнищами стана либо с плечевыми вставками, формой рукавов, воротника и др. Покрой рубахи в некоторой степени зависел от ширины холста, последняя определялась длиной берда ткацкого стана. Ширина холста колебалась в пределах 36–42 см. Но и при одинаковых размерах холста покрой рубахи мог быть различным. Женская рубаха обычно кроилась из четырех, трех или трех с половиной полотнищ, расположение их в стане не было одинаковым. В южнорусских районах бытовали почти все типы женской рубахи, выделенные этнографами и известные у восточных славян.

1. В XIX — начале XX в. редко встречалась древняя туникообразная рубаха, скроенная из 3–4 полотнищ, перегнутых по утку, с вырезом для головы и рук. Покрой этот был распространен в римских туниках, в царских и первосвященнических облачениях, широко бытовал среди финноугров Поволжья, у русских же чаще встречался в мужских рубахах и в горничной нагрудной женской одежде; рубахи туникообразного покроя носили донские казачки. В русской крестьянской среде туникообразных женских рубах выявлено немного[19]. Н.И. Лебедева обнаружила туникообразную рубаху в с. Никольском Калужского у., в селениях Подхожее, Крапивны Веневского у. Тульской губ., в Неплюевке и Кубани Рыльского и Дмитриевского уездов Курской губ.[20]. В этих местах зафиксирован покрой туникообразной рубахи, близкий покрою мужской рубахи: полотнище холста перегнуто по утку, образуя центральные полотнища — переднее и заднее, они соединялись боковыми полотнищами, перегнутыми по основе ткани, рукав пришит непосредственно к центральным полотнищам и верхним кромкам боковых. Такие рубахи использовались в XIX в. в качестве венчальных и смертных. Исследования Н.И. Лебедевой опровергают высказанное Б.А. Куфтиным предположение об отсутствии этой рубахи у русских[21]. По-видимому, туникообразные рубахи, широко распространенные у финно-угров, бытовали у русских в древности.

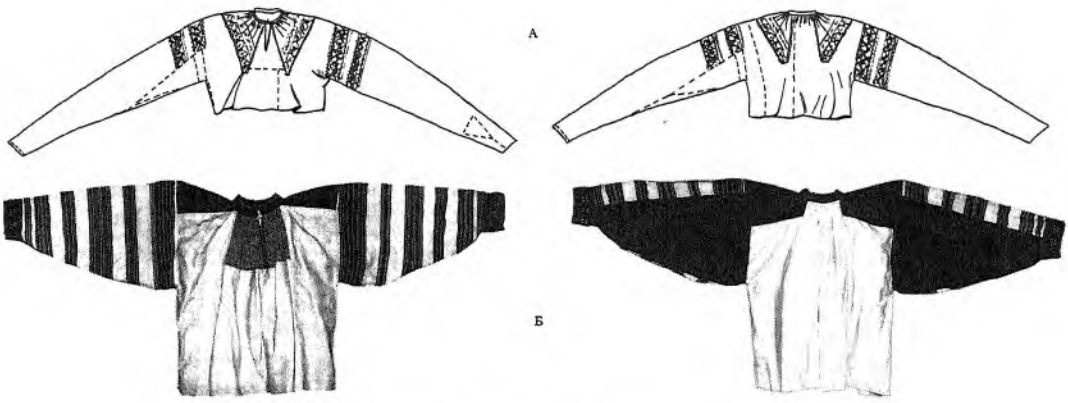
В южнорусском регионе, как и в других районах России, наиболее распространенным типом женской рубахи в XIX — начале XX в. была рубаха с плечевыми вставками — *поликами*, которая типична для

восточных славян, а также была известна у поляков, словаков, чехов, частично у сербов и хорватов. Появление такой рубахи исследователи относят к глубокой древности[22]. На изучаемой территории бытовали все основные типы поликовой рубахи, выделенные этнографами.

2. Наиболее характерной и старинной для населения южного региона была рубаха с так называемыми косыми трапециевидной формы поликами (ее обычно носили с поневой). Обширный ареал бытования рубахи с косыми поликами на южнорусской территории охватывал бассейны верхней и средней Оки, верховий Дона, значительной части Цны, частично Десны[23] и во многом совпадает с районами расселения древних племенных объединений вятичей и с путями продвижения русских на юг и юго-восток в XVI–XVII вв. В Рязанской губ. рубаха с косыми поликами отмечается во многих селениях государственных и монастырских крестьян: в Скопинском, Раненбургском, Рязанском, Ряжском, Пронском, Спасском, Михайловском, Касимовском, Зарайском, Егорьевском, Сапожковском уездах[24]. По данным источников и литературы, эта рубаха бытовала в губерниях: Тамбовской (Темниковский, Спасский, Елатомский, Шацкий, Моршанский, Тамбовский, Кирсановский, Козловский, Липецкий уезды)[25] и Тульской (Веневский, Епифановский, Богородицкий, Новосильский уезды)[26]. В Орловской и Калужской губерниях наиболее часто она отмечается в западных уездах — Брянском и Жиздринском, в бассейне Десны, Болвы, Снопоти, Навли, Ресети, верховий Оки[27]. Южнее, в Воронежской губ., рубахи с косыми поликами бытовали в основном в северо-западных уездах — Нижнедевицком, Воронежском и Коротоякском, а также была известна на северо-востоке Курской губ.[28].

Стан рубахи с косыми поликами кроился преимущественно из четырех или из трех полотнищ. Расположение полотнищ имело разные варианты.

А. Наиболее часто четыре полотнища располагали симметрично — два спереди и два сзади, швы приходились в центре спереди, сзади и по бокам. Так же как и в туникообразной рубахе, полотнища по линии плеча перегнуты по утку, но на плечах в середину полотнищ врезаны трапециевидной формы куски ткани (полики), длинная сторона их — около 60 см, короткая — около 35 см. Полики расширяли плечевой пояс рубахи и выглядели большими треугольными вставками. Они вклинивались острыми углами в стан и спускались нередко до талии. Верхние кромки полотнищ и полики у ворота собирались в сборку на узкую полоску ткани (*обшивка, вошивка, передня, ожерелок*). Рукава вшивались в боковые кромки полотнищ, они были широкими сверху и суживались к запястью. В XIX в. рукава нередко шили значительно длиннее руки и собирали горизонтальными сборками. Иногда в них прорезали



Рубахи: а) рубаха (*станушка*) с косыми поликами. Рязанская губ. Конец XIX в.; б) рубаха (*станушка*) с прямыми поликами, пришитыми по утку. Вид спереди и сзади. Начало XX в. (Из кн.: Русские Рязанского края. М., 2009. Т. 1. С. 432, 433.)

отверстие ниже локтя для того, чтобы женщина при необходимости могла освободить руки, а спускающиеся концы рукавов связывались узлом на спине[29]. Длинные узкие рукава известны и в других типах поликовой рубахи, они зафиксированы во многих южнорусских и центральных губерниях, бытовали и у других народов (карелы, эстонцы, сету). Традиции длинных рукавов, закрывающих кисти рук, восходят к древнерусской одежде. В XV–XVII вв. такие рукава носили и высшие сословия и крестьяне[30].

Б. В другом и, по-видимому, более позднем варианте рубахи с косыми поликами было также четыре полотнища: одно центральное полотнище, с вырезом для горловины, перегнуто по утку по линии плеч, по бокам к нему пришиты по одному боковому полотнищу, перегнутому на плечах по утку, на боках — по основе, таким образом, спереди и сзади получалось по два шва. На плечах, между этими швами, вставлены трапециевидные полики описанной выше формы. Рукава пришивали к боковым полотнищам. Этот вариант рубахи был известен в Касимовском, Сапожковском, Спасском, Скопинском, Раненбургском уездах Рязанской губ.[31], в Епифановском уезде Тульской губ.[32], в Спасском, Моршанском, Тамбовском, Кирсановском уездах Тамбовской губ.[33].

В. В рубахе, скроенной из трех или трех с половиной полотнищ, одно центральное полотнище перегибалось посередине по утку, образуя линию плеча (справа или слева). К центральному полотнищу пришивалось *боковое* полотнище, сверху оно перегибалось по утку, а сбоку по основе, несимметричный шов спереди и сзади проходил ближе к боковой части рубахи. Косые трапециевидные полики вставлялись между швом,

соединяющим центральное и боковое полотнища, а также в разрезы центрального полотнища. Такой покрой рубахи известен, по нашим данным, в Рязанской (Рязанский, Спасский, Касимовский, Ряжский уезды[34]), в Тамбовской (Моршанский, Спасский, Кирсановский уезды)[35] губерниях, а также в Епифановском у. Тульской губ.[36], в Перемышльском у. Калужской губ.[37] и частично в Орловской и Курской губерниях[38].

Таким образом, в представленных выше трех вариантах рубахи с косыми поликами основу покроя составляют полотнища перегнутые (так же как и в туникообразной рубахе) на линии плеча по утку; для расширения плечевого пояса в стан полотнищ или между их вертикально идущими швами вставлены косые полики трапециевидной формы. По-видимому, это один из древнейших типов рубахи, генетически он связан с туникообразным типом рубахи и является его дальнейшим развитием.

В украшении рубахи с косыми поликами доминировал красный цвет: красная перетыка сочеталась с красным узорным тканьем, с вышивкой и кумачом. Из кумача, а в старинных рубахах из холста, окрашенного в красный цвет, часто шили полики. Швы поликов обычно выделялись вышивкой, тесьмой, блестками. В Тульской и Рязанской губерниях края поликов, а также рукава и подол украшали также вышивкой белыми нитками по *вырези*. Вставки кумача нередко вшивали около ворота. В праздничных рубахах (особенно часто в Тамбовской губ.) все поле плеча и рукава покрывалось геометрическими узорами красного браного тканья, нередко чередующегося с вышивкой, с полосками красного кумача, шерсти или ситца. Подол в праздничных рубахах девушек и молодых женщин украшали узорными затканками[39].

Г. Рубаха с косыми поликами четвертого варианта отличалась от вышеописанных особым способом кроя плечевого пояса. Эта рубаха состояла из двух центральных полотнищ, переднего и заднего, положенных посередине груди и спины, по бокам к ним пришиты более короткие боковые полотнища, перегнутые по основе, они доходили только до рукавов. На плечах к центральным переднему и заднему полотнищам параллельно основе ткани пришиты косые трапециевидной формы полики. Полики кроились из двух кусков ткани, соединительный шов между ними проходил сзади на плечах. Верхние кромки центральных переднего и заднего полотнищ и полики у ворота собирались в сборки на узкую полоску ткани — *ожерелок*. Рукав вшивался в угол, образованный верхней кромкой бокового полотнища и внешним краем полика, чаще кроился широким, прямым, в 1,3 полотнища, присборенным у кисти на манжет; в праздничной рубахе манжет украшался оборкой из кумача (*брыжи*). В с. Новая Ольшанка Воронежской губ. старожилы в 1980 г. помнили старинные рубахи с узким, скошенным к кисти рукавом.

Рубаха такого покроя была выявлена нашей экспедицией в однодворческих селах по правому берегу р. Дон вплоть до реки Потудань (б. Нижнедевицкий, Коротоякский, Воронежский уезды Воронежской губ.). Она отмечена также Б.А. Куфтиным на северо-западе Рязанской губ. в Касимовском уезде[40]. Сам факт распространения в Воронежской губ. рубахи, аналогичной по покрою рубахе из северо-западной части Рязанской губ., свидетельствует об общих путях развития рубахи подобного покроя с косыми поликами в этих двух ареалах, довольно удаленных друг от друга. Эта общность в покрое рубахи может объясняться как более древними этническими связями населения Воронежской земли, входившей в XIV в. в состав Рязанского княжества, так и более поздними традициями, сложившимися в результате заселения воронежской территории русскими служилыми людьми, среди которых было немало выходцев из Рязанщины.

3. На территории южнорусского региона широко бытовала и рубаха с прямыми поликами, пришитыми по утку ткани. Этот тип рубахи был распространен в центральных и северных губерниях России, в Сибири, в восточных и северных районах Украины, на бóльшей части Белоруссии[41]. Такая рубаха бытовала во второй половине XIX — начале XX в. во всех южнорусских районах, но почти везде ей сопутствовали и другие типы поликовой рубахи. Бытование этой рубахи на широкой территории расселения восточных славян свидетельствует о ее древности. Распространение ее к югу от Оки, по всей вероятности, связано с массовым переселением населения из центральных русских районов. Еще в 1920-х гг. Н.И. Лебедева при обследовании Рязанской и Смоленской губерний, брянского Полесья наблюдала вытеснение рубахой с прямыми поликами старинной рубахи с косыми поликами или с прямыми поликами, пришитыми по основе[42]. По воспоминаниям старых жительниц с. Романовы Дарки Шацкого р-на Рязанской обл. (1902 и 1916 г.р.), их матери носили рубаху с косыми поликами, а сами они старинную рубаху надевать стыдились; они носили рубаху с прямыми поликами или более современную рубаху без рукавов, служившую в 1920-е гг. только нательной одеждой, поверх которой всегда надевали кофту[43].

Стан рубахи с прямыми поликами, пришитыми по утку, чаще кроился из четырех полотнищ холста, расположенных симметрично — два спереди и два сзади. К полотнищам стана сверху параллельно утку пришивали прямоугольные вставки — *полики, поляки*. Полики и верхние кромки полотнищ собирали в сборки у ворота. Рукава пришивали к полику и к верхним боковым кромкам полотнищ. В отдельных южнорусских селах рубахи этого типа кроились из трех или трех с половиной полотнищ[44]. Рубахи с прямыми поликами, пришитыми по утку из трех полотнищ более характерны были для украинцев.

Оформление воротника в рубахе с прямыми поликами весьма варьировало. Так же как и в рубахах с косыми поликами, широко бытовал ворот в виде невысокой обшивки ткани (*вошивка*, *ожерелок*). В некоторых селах делали воротник в виде невысокой стоячей планки высотой 2–3,5 см (по форме воротника мужской рубахи). Подобный воротник был распространен у украинцев, белорусов, латышей, литовцев и эстонцев. В однодворческих селах Бирючинского, частично Коротоякского и Острогожского уездов Воронежской губ., где носили рубахи с узорами из черной шерсти (см. ниже), в праздничном костюме было принято отдельно надевать стоячий воротник (*поддушник*, *галстук*), сшитый на твердой основе, украшенный лентами, блестками, цветным гарусом[45].

В бывших однодворческих селах были распространены рубахи с отложным воротником прямоугольной формы, шириной от 9 до 25 см. Отложной воротник бытовал у однодворцев Рязанской (Скопинский, Данковский, Сапожковский, Раненбургский уезды)[46], Орловской (Трубчевский, Севский уезды)[47], Тамбовской (Тамбовский, Липецкий, Козловский уезды)[48], Тульской (Одоевский, Богородицкий, Епифановский уезды)[49], Курской (Суджанский, Обоянский, Новооскольский уезды)[50], Воронежской (Воронежский, Задонский, Нижнедевицкий, Землянский, Коротоякский уезды)[51] губерний.

В калужском и брянском Полесье, в Курской губ. отложной воротник иногда называли *передня*. В Воронежской губ. его, как и ворот в виде узкой обшивки, называли *жарелок*, что, возможно, указывает на более позднее появление здесь отложного воротника. В северных уездах Воронежской губ. в праздничном костюме отложной воротник сравнительно большого размера (шириной 20–25 см) надевали отдельно (вместе с кокошником), поднятым вверх, повязывая его вокруг шеи[52].

Распространенный в однодворческих селах отложной воротник, однако, не был характерен для женской крестьянской одежды, но был типичен для одежды белорусов, северных украинцев, бытовал у литовцев, поляков[53]. Н.И. Лебедева (как и Д.К. Зеленин) связывает появление отложного воротника (и полосатой юбки) с польским влиянием[54]. Думаю, что этот сложный вопрос нельзя считать решенным. Рубахи с отложным воротником преимущественно связаны со служилым населением, переселявшимся в южные районы не только с запада, но чаще из центральных областей Московского государства. Аналогии отложным формам воротника, как и некоторым другим деталям местной однодворческой одежды, можно проследить в старинном костюме московских жителей XVI–XVII вв.[55].

В рубахе с прямыми поликами, пришитыми по утку, более разнообразным был и крой рукавов. Во второй половине XIX — начале XX в. наиболее распространены были прямые по форме рукава, скроенные из

полутора либо из одного и трети полотнищ. У запястья рукав собирали на узкую обшивку или манжет (*вошивка, чохлы*). В более нарядных рубахах из-под обшлага выпускали оборку (*брыжжи*), украшенную лентами, кружевом, блестками. В праздничном костюме брыжжи надевали иногда отдельно в форме манжеты. Широкие и прямые рукава были особенно характерны для одежды однодворческого населения. Кроме того в семьях помещичьих и монастырских крестьян довольно долго шили рубахи и со скошенными суживающимися к кисти рукавами, описанными выше и особенно характерными для рубах с косыми поликами.

В отделке рубахи с прямыми поликами во многих случаях прослеживаются черты, характерные и для других типов южнорусской рубахи. Вместе с тем на обширной территории распространения рубахи с прямыми поликами сложились своеобразные особенности в характере ее украшения, имевшие ареальную очерченность.

Так, специфично украшение рубахи (как и отделка поневы, см. ниже) на правобережье Дона, в междуречье его притоков Тихой Сосны и Потудани, в однодворческих селах Бирючинского уезда, расположенных к северу от р. Тихой Сосны (села Стрелецкое, Ездоцкое, Сорокино, Иловка, Глуховка, Афанасьевка, Подсереднее, Верхняя Покровка, Нижняя Покровка и др.), а также в ближайших районах Острожского (села Шубное, Русская Тростянка) и Коротоякского уездов по р. Потудань (села Лесное Уколово, Солдатское, Россошь, Прилепы, Песковатка, Девица и др.)[56].

В этих районах вплоть до 1930-х гг. наиболее нарядной считалась белая холщовая рубаха (*торговая, годовищная*), полики и рукава которой расшивались черной шерстью тонкими мелкими стежками техникой «набор» в виде плотного коврового геометрического орнамента, подобно узорному ткачеству. В конце XIX — начале XX в. нередко для вышивки использовали и хлопчатобумажные нити. Полосы вышивки, положенные поперек рукава, дополнялись продольными узкими черными полосками по швам рукава (*третка*). К концу полика и на рукаве (как и в других районах) нередко вшивали вставки из белых кружев (*хворботы*). В самых нарядных рубахах верхнюю часть рукава украшали вставками, расшитыми золотыми нитями (*рубаха «с золотым ремнем»*)[57]. Белую рубаху с нарядной черной вышивкой надевали в церковь, в *годовые* праздники, на гулянье, в хороводы. Такие рубахи носили девушки и молодые женщины. У пожилых женщин вышивки было меньше, нередко полики, верх рукавов и полотнищ, край разреза ворота рубах отделывали только белым кружевом и мережкой.

Украшение рубахи черным ковровым узором, по всей вероятности, является проявлением древних художественных традиций. Прямых аналогий этому явлению найти не удалось. На западе Украины — на

Волыни, в Карпатах, в Подолии — старинные рубахи украшались плотным ковровым геометрическим узором вышивки с преобладающим черным цветом, но все же они отличались от воронежских рубах композицией и орнаментикой узоров, их общим колоритом. Нитки черного цвета доминировали в вышивке рубах из Рязанской и Тамбовской губерний. Так, в рубахе из с. Дубровичи Рязанского у., сшитой в конце XIX в., края поликов, разрез ворота, рукав украшены полосками черной шерсти, выполненными техникой набора в виде очень плотного коврового геометрического орнамента, очень напоминающего вышивки черной шерстью воронежских рубах[58]. Черный цвет и ковровая фактура шитья преобладали в старинных вышивках Тамбовской губ., но здесь вышивки выполнялись шелком и отличались стилистикой геометрического орнамента. По мнению И.П. Работновой, тип тамбовских вышивок черным и цветным шелком с металлическими нитями чрезвычайно архаичен, он был занесен переселенцами из Рязанской земли, где сложился еще до монгольского нашествия[59]. Интересно и то, что украшение женской рубахи плотной вышивкой черной, темно-синей и коричневой шерстью было характерно для юго-западных групп мордвы (бывш. Чембарский у. Пензенской губ.)[60].

По левобережью Дона в бассейне р. Осередь с. Ерышевка, Ливенка, Пузево, Клеповка, Гвазда Павловского у. Воронежской губ. рубахи декорировались красочной многоцветной гаммой. Весь рукав от плеча до запястья заполнен многоцветным ковровым узором в виде чередующихся горизонтальных полос полихромного геометрического орнамента, орнаментальные полоски браного тканья дополняются полихромной вышивкой, выполненной гладью или набором[61].

В начале XX в. в бассейне среднего Дона распространяются рубахи с прямыми поликами, сшитые из красного сатина, атласа, шерсти с аппликацией из черной тесьмы, кружева, лент, блесток, а по левобережью Дона оттененных яркой полихромной вышивкой. Красная рубаха из фабричных тканей, а также белая, с небольшим узором вышивки, исполненной красными и черными нитками, в 1920–1930-е гг. постепенно вытесняют холщовую рубаху с трудоемкой вышивкой. Однако во многих селах современных Алексеевского и Красногвардейского районов Белгородской обл. (бывш. Бирючинский у.) полотняные рубахи с черной вышивкой сохранялись вплоть до последнего времени и широко использовались коллективами фольклорных ансамблей в селах Афанасьевка, Нижняя и Верхняя Покровка, Малобыково и др.

Во многих южнорусских районах в конце XIX — начале XX в. распространяются вышивки крестом или гладью (*настилью*) с мелким дробным растительно-геометрическим орнаментом, выполненным красными и черными хлопчатобумажными нитками. В русских селах

Грайворонского у. Курской губ., пограничных с Харьковской губ., с конца XIX в. входит в моду расшивка крестом всего поля широкого рукава букетами красных цветов с черными листьями, их название «рубахи украинского фасона»[62].

4. В западной части южнорусского региона бытовала рубаха с прямыми поликами, пришитыми по основе ткани. Районы бытования этой рубахи в значительной степени совпадают с распространением поневы-плахты и распашной поневы (см. ниже). На исследованной территории существовало несколько вариантов в покрое рубах этого типа.

А. Наиболее распространены были рубахи, сшитые из четырех полотнищ, расположенных симметрично — по два спереди и сзади. Так же как в туникообразной рубахе и в рубахе с косыми поликами, полотнище по линии плеча перегибались по утку, но на плечах полики в форме прямоугольных вставок (размером 16–25 × 35–37 см) как бы врезались в полотнище клиньями, подобно косым поликам, но не так глубоко. Рукава вшиты в боковые кромки полотнищ стана. Эта рубаха по способу вшивания поликов и конструкции плечевого пояса сходна с рубахой с косыми поликами в первом варианте, а по форме поликов — с рубахой с прямыми поликами, пришитыми по утку ткани.

У горюнов и саянов Курской губ. рукава шили из одного полотнища и длинного треугольного клина размером 18 × 33 × 44 см. Такие рукава скашивались к кисти, были длиннее рук и собирались на них горизонтальными сборками[63]. На длиных рукавах в Курской губернии был сосредоточен акцент украшений: большие *ластовицы* часто шили из кумача, ниже их узкая часть рукава расшивалась красным и разноцветным гарусом техникой мелкого креста, двусторонним швом и гладью; вышивка дополнялась нашивками полосок из красной и синей шерсти, лент, позумента, гарусной и серебряной бахромы.

В других районах наряду с рукавами, скошенными к кисти, были распространены и широкие прямые рукава, собираемые у запястья на обшлаг или узкую обшивку. Ворот большей частью был в виде узкой обшивки тканью, однако в некоторых селах встречался и отложной воротник, более характерный для русских однодворцев и украинцев.

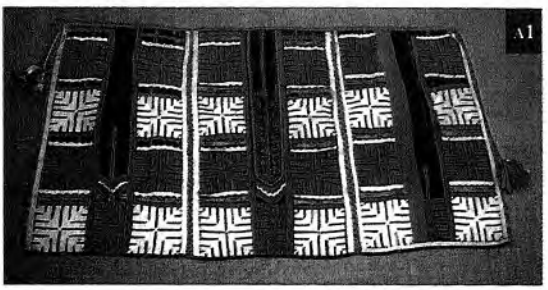
Данный вариант рубахи бытовал в Калужской (Мосальский, Жиздринский уезды)[64], Орловской (Брянский, Трубчевский, Карачевский, Севский, Дмитровский, частично Болховский и Мценский уезды)[65], на северо-западе Курской губернии, в местах наиболее старого заселения у горюнов Путивльского уезда (села Линово, Новая Слобода, Калищи и др.), у саянов Курского, Дмитриевского, Щигровского уездов (села Ясенки, Виногробль, Старый Бузец, Васильевка и др.)[66], в некоторых селах Новосильского, Епифановского и Богородицкого уездов Тульской губ.[67], а также на востоке Смоленкой губ.

Б. Несколько реже встречались рубахи данного типа, скроенные из трех полотнищ. Н.И. Лебедева, исследуя селения орловского Полесья, отмечает бытование рубах, сшитых из трех с половиной полотнищ с прямым поликом, пришитым по основе. Рукав вшит в угол, образованный внешним краем полика и станом. Такие рубахи она встречала по правому берегу Десны, в Новгород-Северском у. Черниговской губ., в районе Трубчевска[68]. Рубахи, сшитые из трех полотнищ с прямыми поликами, пришитыми по основе, более характерны были для украинцев. Однако в украинских рубахах этого варианта обычно полик, пришитый по основе, был длиннее, доходил до внешнего края полотнища; верхняя часть рукава пришивалась не к полотнищу, а к полику, а нижняя — к краю полотнища по его основе. Такие рубахи бытовали у украинцев Богучарского у. Воронежской губ. и были широко распространены в западных и центральных районах Украины[69].

Описанный вариант рубахи с прямыми поликами, пришитыми по основе ткани, так же как и рубаха с косыми поликами, по-видимому, генетически связан с туникообразной рубахой. Распространение ее в западных районах южнорусского региона, возможно, объясняется общими путями развития культуры древнего населения бассейнов Десны, Сейма и верховьев Оки.

В. Нами зафиксирован также вариант рубахи данного типа, в котором переднее и заднее полотнища, положенные посредине груди и спины, соединялись более короткими боковыми полотнищами. К переднему и заднему полотнищам параллельно основе ткани пришиты прямые полики размером 15 × 38 см, рукав вшит в угол, образованный поликом и боковым укороченным полотнищем. Рубаха этого варианта бытовала у цуканов по левобережью Дона в бассейне р. Хворостань (села Давыдовка, Почепское Коротоякского у. и др. Воронежской губ.), в однодворческих селах Теребрено, Почаево, Косилово, Смородино, Дроновка и др. Грайворонского у. Курской губ.[70], а также в Верейском у. Московской губ.[71]. Эта рубаха по особенностям покроя похожа на рубаху с косыми поликами четвертого варианта, бытовавшую у соседних с цуканами однодворцев по правобережью Дона, а также на северо-западе Рязанской губ. Подобный вариант рубахи с прямыми поликами, пришитыми по основе ткани, мог быть заимствован цуканами у соседних однодворцев, поселившихся здесь ранее (лишь косые полики были заменены более простыми по покрою прямыми). Поскольку цуканы переселялись в бассейн Дона в 1860-е гг. из Московской и других центральных губерний, нельзя исключать и путь проникновения этой рубахи из более северных губерний.

5. В отдельный тип нами выделена рубаха с цельнокроеным рукавом. На большей части исследованной территории она, по-видимому,

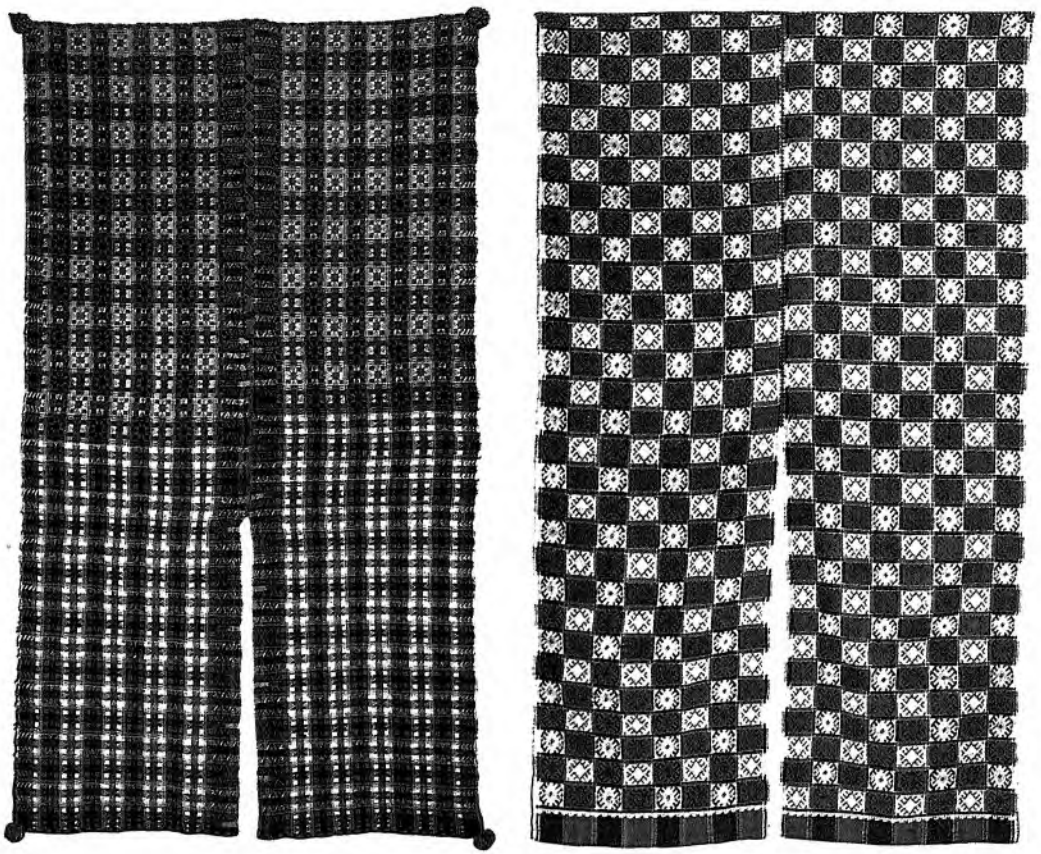


1. Распашные поневы а), а1). Курская губ., Дмитриевский у. Конец XIX в. (КОКМ. Фонды, колл. 26078, 27769). Фото Б.И. Смехова. 1976 г.
б), б1) Женский праздничный костюм Курской губ.: распашная понева, старинная рубаха и высокий передник, кокошник. Вид спереди и сзади; в) распашная понева, надетая кульком. Вид сзади. Конец XIX – начало XX в. (КОКМ. Фонды, колл. 26083, 27770, 20993). Фото Б.И. Смехова. 1976 г.

2. Праздничный комплекс одежды с распашной поневой. Вид спереди и сзади. Конец XIX — начало XX в.: а, б, в) Калужская губ., Козельский у., дер. Дешовка; г) Калужская губ., Жиздринский у.; д) Тульская губ., Новосильский у., с. Сороки. Из коллекции С.А. Глебушкина.

г

д



А Б

3. Понева-плахта: а) Харьковская губ., Ахтырский у.;
б) Курская губ., Путивльский у. Конец XIX – начало XX в.
(РЭМ. Фонды, колл. 196-25, 2408-138). Фото С.И. Иванова. 1987 г.

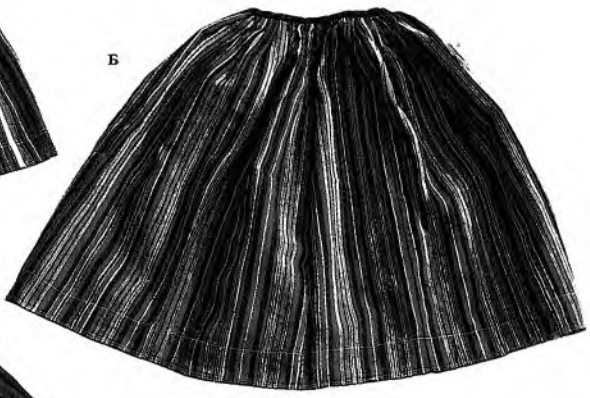
4. Понева глухая с прошвой, расшитая шерстью. Конец XIX – начало XX в.:
а) Белгородская обл., Алексеевский р-н (бывш. Воронежская губ., Бирючинский у.), с. Афанасьевка; б) Воронежская обл., Острогожский р-н (бывш. Коротоякский у.), с. Солдатское; в) Белгородская обл., Красногвардейский р-н (бывш. Воронежская губ., Бирючинский у.), с. Веселое; г) Воронежская обл., Острогожский р-н, с. Петропавловка. Фото Кирсанова. 1980 г. д) понева с *бедром*, украшенная аппликацией. Белгородская обл., Грайворонский р-н (бывш. Курская губ., Грайворонский у.), с. Почаево. Фото Б.И. Смехова. 1977 г. е) понева, украшенная *лампасами*. Курская губ. (РЭМ. Фонды, колл. 2080-Т). Фото С.Н. Иванова. 1987 г.

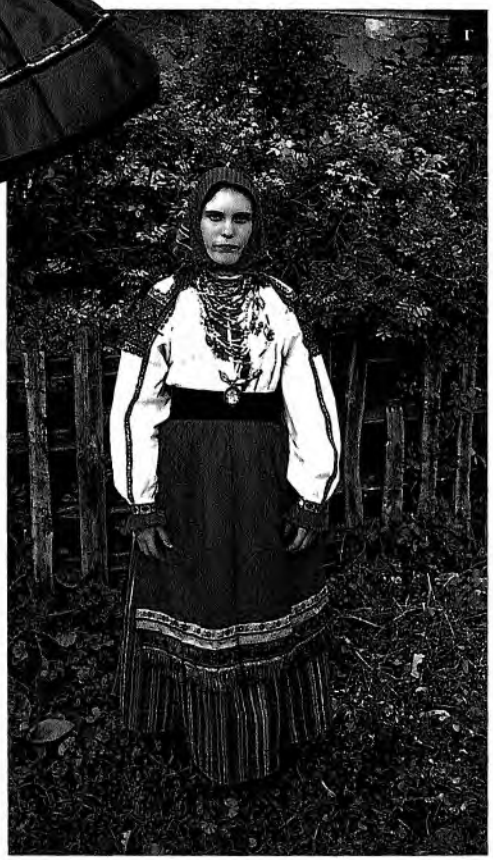
5. Женский традиционный праздничный костюм с поневой, исполненный в двух вариантах: а) полотняные рубаха и завеска, б) атласные рубаха и завеска.
Вид спереди и сзади. Белгородская обл., Алексеевский р-н (бывш. Воронежская губ., Бирючинский у.), с. Глуховка. Конец XIX – начало XX в. Фото Б.И. Смехова. 1977 г.

Б

Б

6. Старинный праздничный костюм: передник украшен узорным тканьем и вышивкой, подол поневы – лентами: вид спереди и сзади. Конец XIX в. Орловская губ., Мценский у., с. Черемошны. Из коллекции С.А. Глебушкина





7. Юбки домотканые шерстяные:
а) полосатая (*белополосная*);
б) полосатая (*хреськин узор*). Воронежская обл., Острогожский р-н, с. Шубное.;
в) одноцветная юбка. Белгородская обл., Новооскольский р-н (бывш. Новооскольский у. Курской губ.), с. Васильдол;
г) традиционный женский костюм с полосатой юбкой. Воронежская обл., Острогожский р-н, с. Шубное.
Начало XX в. Фото Г.В. Кирсанова, 1980 г. и Б.И. Смехова 1977 г.

8. Понева из шерстяной ткани сложной техники тканья:
а) Рязанская губ., Кадомский р-н (бывш. Тамбовская губ., Елатомский у.), с. Восход (бывш. Полтевы Пеньки);
б) фрагмент поневной ткани сложной техники тканья. Рязанская губ., Касимовский у. Конец XIX в.
(Из кн. «Русские Рязанского края». М., 2009. С. 439, 438).

9. Косоклинные сарафаны из домотканой материи: а) сарафан, украшенный полосами аппликации. Курская губ., Белгородский у. (РЭМ. Фонды, колл. 186-5);
б) сарафан, украшенный старинными лентами. Белгородская обл., Ракитянский р-н (бывш. Курская губ., Обоянский у.), с. Нижняя Пены;
в) сарафан, украшенный аппликацией. Белгородская обл., Яковлевский р-н (бывш. Курская губ., Грайворонский у.), с. Мощеное;
г) сарафан, вышитый по груди многоцветной шерстью. Белгородская обл., Шебекинский р-н (бывш. Курская губ., Белгородский у.), с. Муром.
Конец XIX – начало XX в. Фото С.Н. Иванова, 1987 г., Г.В. Кирсанова, 1980 г.

10. Сарафаны из фабричной ткани:
а) праздничный косоклинный сарафан из красного штофа (*шубка*).
Курская обл., Большесолдатский р-н (бывш. Суджинский у.), с. Будище;
б) сарафан с лифом. Белгородская обл., Яковлевский р-н
(бывш. Курская губ., Грайворонский у.), с. Кустовое.
Начало XX в. Фото Б.И. Смехова, 1976 г., Г.В. Кирсанова, 1978 г.

А

Б

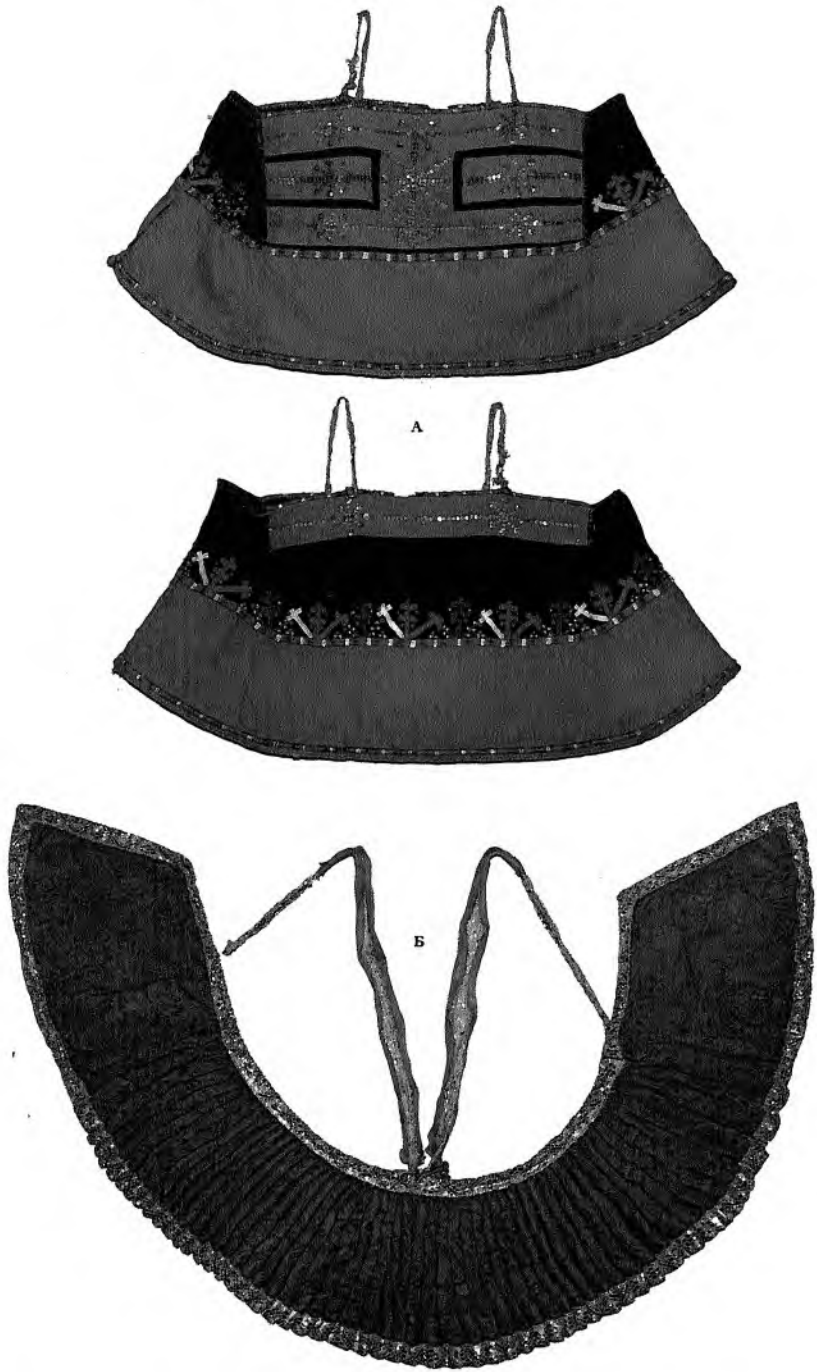
В

Г

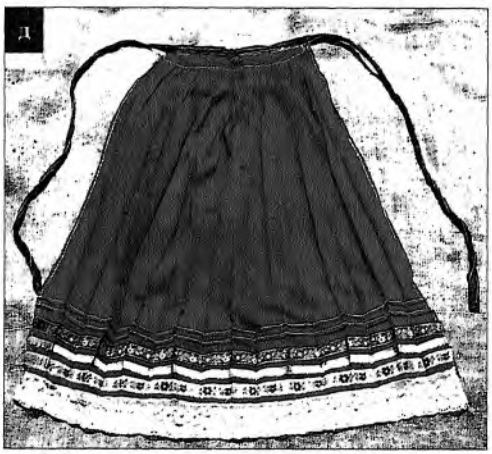
11. Праздничный комплекс одежды с сарафаном:
а, б) косоклинный сарафан из черной домотканой шерстяной материи, полотняная рубаха, полотняный передник, украшенный многоцветной домотканиной, шерстяной пояс, кокошник; в) косоклинный сарафан из лилового атласа, высокий шелковый передник, два пояса; г) девичий сарафан и рубаха. Курская губ. Конец XIX – начало XX в. (КОКМ. Фонды, колл. 25339, 13030, 27770, 25329/1, 25319, 25321, 25348, 25335, 21014, 25341). Фото Б.И. Смехова, 1976 г. д), е) использование комплекса одежды с сарафаном в выступлениях фольклорных коллективов. Белгородская обл, Ракитянский р-н, с. Нижние Пены; Яковлевский р-н, с. Мощеное. Фото Г.В. Кирсанова, 1978 г.

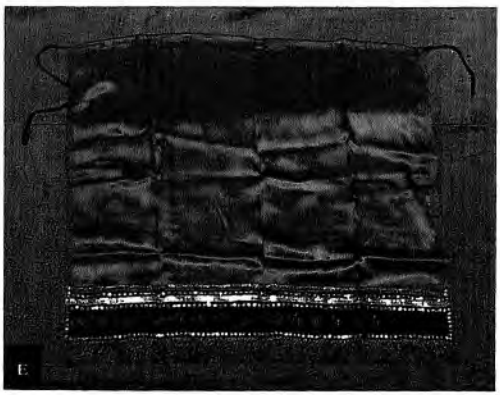
12. Праздничный костюм с сарафаном.
Белгородская обл., Борисовский р-н, с. Никитское (бывш. Курская губ.).
Из коллекции С.А. Глебушкина.

13. Навершник праздничный: вид спереди и сзади.
Рязанская губ., Кадомский р-н (бывш. Тамбовская губ., Темниковский у.), с. Кочемирово.
Начало XX в. (из кн. «Русские Рязанского края». М., 2009. Т. 1. С. 451)

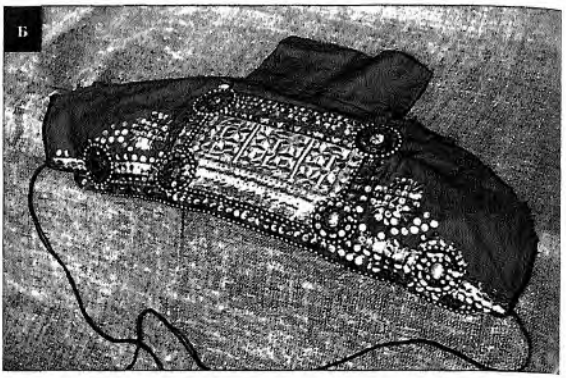


14. Душегреи: а) душегрейка из красной шерсти с черной отделкой: вид спереди и сзади; б) *епанечка* бархатная на вате, плиссированная. Рязанская губ., Данковский у. Конец XIX – начало XX в. (Из кн. «Русские Рязанского края». М., 2009. Т. 1. С. 453).

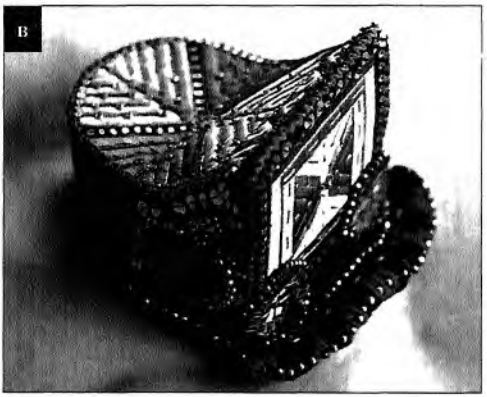


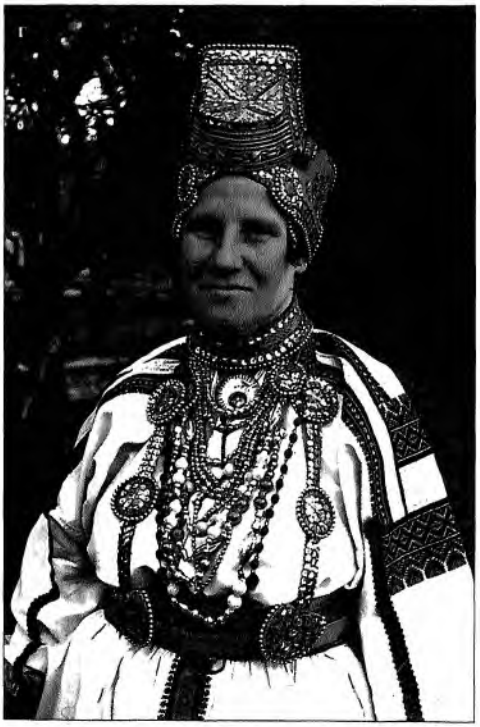


15. Передники:
а) передник туникообразный.
Воронежская обл., с. Бутурлиновка.
(ВОКМ. Фонды, колл. 4190);
б) передник высокий на лямках;
в) передник высокий с кокеткой
на шнурках. Курская обл.
(КОКМ. Фонды, колл. 13074, 27770);
г) передник высокий с кокеткой (*грудинкой*)
на лямках. Воронежская обл.,
Воронцовский р-н, с. Клеповка;
д) передник высокий на шнурках.
Белгородская обл., Ракитянский р-н,
с. Нижние Пены;
е) передник (*фартук*) короткий атласный.
Белгородская обл., Алексеевский р-н,
с. Глуховка.
Конец XIX – начало XX в.
Фото Г.В. Кирсанова, Б.И. Смехова,
вторая половина 1970-х – 1980 г.

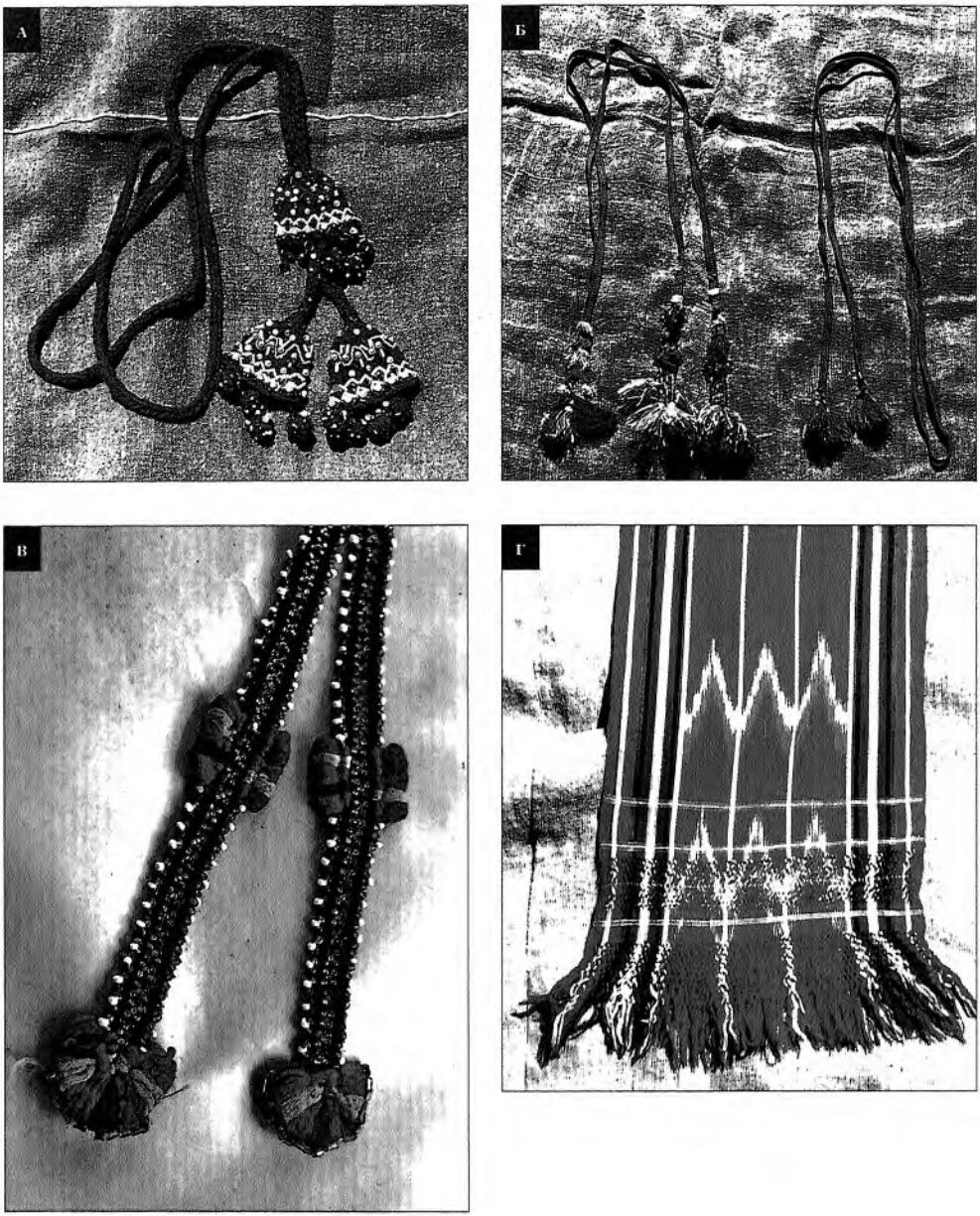


16. Комплекс головного убора:
а) рогатая кичка; б) мягкий позатыльник;
в) сорока в форме маленькой шапочки
с гребнем. Белгородская обл.,
Алексеевский р-н (бывш. Воронежская губ.,
Бирючинский у.), с. Глуховка;
г), д) головные уборы этого типа.
С. Глуховка и с. Афанасьевка
(указ. р-н и обл.). Конец XIX – начало XX в.
Фото Б.И. Смехова, 1977 г.

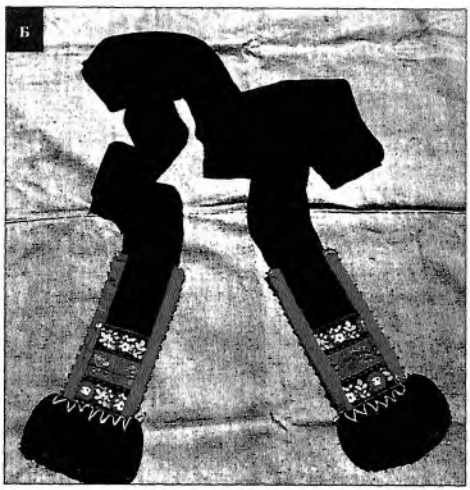


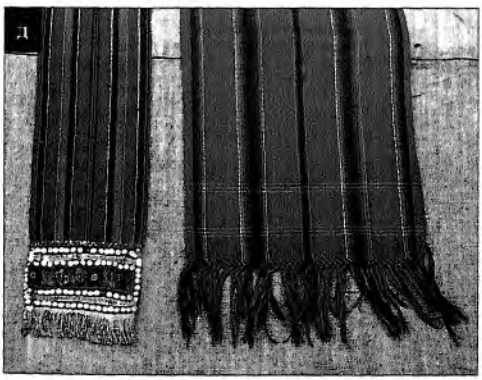


17. Праздничный женский костюм: понева, рубаха из красного ситца, передник, сложный головной убор (*обвязник*), близкий к полотенчатому головному убору. Воронежская обл., Павловский р-н, с. Ерышевка. Фото Г.В. Кирсанова, 1980 г.



18. Мужские пояса:
а) Воронежская обл., Острогожский р-н (бывш. Коротоякский у.), с. Солдатское;
б) Белгородская обл., Ракитянский р-н (бывш. Курская губ., Обоянский у.), с. Нижние Пены;
в), г) Белгородская обл., Алексеевский р-н (бывш. Воронежская губ., Бирючинский у.),
с. Афанасьевка. Фото Г.В. Кирсанова, Б.И. Смехова, 1977–1978 гг.





19. Женские пояса:
а) пояс *покромка* из черной волосени, концы (*лопасти*) украшены полосками из шерсти и каруса. Воронежская губ., Острогожский у., с. Русская Тростянка.
(ВОКМ. Фонды, колл. 2644-3);
б) пояс покромка. Белгородская обл., Новооскольский р-н (бывш. Курская губ., Новооскольский у.), с. Васильдол;
в), г) Курская губ. (КОКМ. Фонды, колл. 25332, 15740); д) шерстяные пояса *подпояски*. Белгородская обл., Алексеевский р-н, с. Глуховка (бывш. Воронежская губ., Бирючинский у.). Фото Б.И. Смехова, 1977 г.

20. Традиционный костюм жениха и невесты, который нередко использовали в свадебном обряде еще в конце XX в. Белгородская обл. Алексеевский р-н, с. Подсереднее (Воронежская губ., Бирючинский у.). Из коллекции С.А. Глебушкина.

появилась позднее рубахи с прямыми поликами и является модификацией рубахи с прямыми поликами, пришитыми по утку или по основе. Ее шили из четырех симметрично расположенных полотнищ или из трех полотнищ, верхние кромки рукава и полотнищ присбаривались у ворота, он мог быть отложным или в виде узкой обшивки, широкий прямой рукав у кисти собирался на манжет. Такую рубаху носили обычно с сарафаном или с юбкой. Она бытовала во многих южнорусских районах, но чаще встречалась на западе региона.

Существовало несколько вариантов покроя этого типа.

В первом варианте верхняя часть рукава выкраивалась в форме прямого полика и пришивалась по утку полотнища, а нижняя его часть — по основе полотнища. Подобные рубахи по музейным коллекциям отмечены лишь в Орловской и Калужской губерниях[72]. На основе полевых исследований известно, что данный вариант рубахи широко бытовал в однодворческих селах Суджанского и Обоянского уездов Курской губ.[73].

Во втором варианте верхняя часть рукава пришивалась к полотнищу от горловины сначала по основе, потом по утку ткани. Такой покрой рубахи фиксируется почти во всех южнорусских губерниях, но чаще встречался в Орловской губ.[74].

В третьем варианте широкий рукав в виде прямоугольного полотнища присбаривался по всей ширине вместе с горловиной и кромками стана и пришивался только по основе ткани. Такая рубаха нам известна в Новосильском у. Тульской губ. и у однодворцев Суджанского и Обоянского уездов, а также в Белгородском и Корочанском уездах Курской губ.[75]. В Суджанском у. эта рубаха фиксируется еще в начале XIX в.[76].

Все три варианта рубахи с цельнокроеным рукавом широко распространены были на Украине и, по-видимому, известны здесь издавна[77].

6. В отдельный тип исследователи обычно выделяют рубаху на кокетке. Эту рубаху чаще шили из фабричных материалов, носили с юбкой или с сарафаном. В южнорусском регионе эта рубаха не имела большого распространения. Рубаха на кокетке как поздняя форма покроя бытовала во многих русских губерниях, но чаще встречалась на северо-западе России, в Поволжье, в области Войска Донского, в Кубанской и Терской областях. В конце XIX — начале XX в. она распространяется на Украине, в Белоруссии, в Прибалтике[78].

В конце XIX — начале XX в. вместе с распространением в деревне фабричных тканей постепенно менялся крой старинной рубахи: уменьшается количество швов, число полотнищ в стане рубахи, увеличивается объем рукавов. Вместе с тем и в рубахе, сшитой из фабричных тканей, еще долго сохранялся ее традиционный покрой, к тому же во многих южнорусских селах вплоть до 1920-х гг. носили, а нередко и

шили, рубахи старого покроя из домотканого холста. Лишь постепенно на смену рубахе под влиянием города появляются кофты разнообразных фасонов, а рубахе отводится функция нижнего белья.

Таким образом, представленные материалы позволяют сделать следующие выводы:

На территории южнорусского региона бытовали все основные типы восточнославянской рубахи. В значительной степени это объясняется происходившими здесь сложными процессами формирования населения.

Выявленное на изучаемой территории небольшое число рубах древнего туникообразного покроя, свидетельствует о том, что в древности, по-видимому, они бытовали у русских более широко.

Наиболее характерной для населения южнорусского региона была рубаха с косыми поликами, малоизвестная в других районах России. Область ее бытования в бассейне средней и верхней Оки, верховьях Дона, частично Десны в основном совпадает с расселением древних племенных объединений вятичей и с путями продвижения великороссов на юг в XVI–XVII вв. На данной территории это один из древних покроев рубахи, генетически связанный с туникообразным типом рубахи. Здесь отмечены четыре варианта рубахи с косыми поликами. Рубаха с косыми поликами четвертого варианта выделялась особым покроем плечевого пояса. Бытование ее в однодворческих селах по правому берегу среднего Дона и на северо-западе Рязанской губ. объясняется, по всей вероятности, древними этническими связями населения Воронежской и Рязанской земель в период существования Рязанского княжества, а также более поздними переселениями русских служилых людей.

Распространение на территории южнорусского региона рубахи с прямыми поликами, пришитыми по утку ткани, характерной для всех восточных славян, по-видимому, связано с массовым переселением населения в XVI–XVII вв. к югу от Оки из центральных русских уездов; со временем она во многих районах заменила более древнюю рубаху с косыми поликами. Вместе с тем в отдельных районах, там, где рубаху с прямыми поликами носили с поневой (а не с сарафаном или юбкой), она могла быть и единственным известным здесь типом рубахи.

Рубаха с прямыми поликами, пришитыми по основе ткани, бытовала в западных районах южнорусского региона, в местах наиболее старого заселения, и считается здесь одной из древнейших. Так же, как и в рубахе с косыми поликами, по способу кроя полотнищ в ней заметны общие черты с туникообразной рубахой. Область бытования рубахи с прямыми поликами, пришитыми по основе, совпадает с районами бытования поневы-плахты и распашной поневы. Это одно из этнографических подтверждений исторических материалов о древности этничес-

ких связей населения бассейнов верховий Оки, Сейма и Десны. Рубахи этого типа (с некоторыми отличиями) широко бытовали на Украине, в том числе и в Днепровском бассейне.

Тип бесполиковой рубахи с цельнокроеным рукавом бытовал во многих южнорусских районах, но чаще встречался на западе региона. Особенности покроя выделенных вариантов этой рубахи свидетельствуют о генетической связи их с поликовыми рубахами. Этот тип рубахи был широко распространен на Украине.

Появление более поздней рубахи на кокетке объясняется городским влиянием.

ПОЯСНАЯ ОДЕЖДА

Понёва. К поясной женской одежде, надеваемой поверх рубахи, относятся понева, понева-плахта, юбка. Понева (*понева*, *понька*) — один из наиболее древних компонентов русской одежды, характерный в XIX в. преимущественно для южнорусских губерний. О древности поневы свидетельствуют многие факты: упоминание термина *понева* в древнерусских письменных источниках; находки фрагментов поневных тканей в славянских курганах X–XIII вв. на территории Московской, Владимирской, Калужской, Смоленской губерний, общность простейших форм несшитой поясной одежды у восточных, южных и западных славян, у народов Прибалтики, а также большое число древних обрядов, связанных с поневой, и др.[79].

По мнению исследователей, комплекс одежды с поневой (в сочетании с кичкообразными головными уборами и, по-видимому, с рубахой с косыми поликами) был распространен уже в X–XIII вв. Понева была воспринята ассимилированными финскими группами в период наиболее интенсивных славяно-финских взаимоотношений в бассейне средней Оки[80]. В XIX в. понева бытовала во всех южнорусских губерниях, а также в Смоленской, частично на юге Московской и Владимирской губерний, на востоке Пензенской губ. и кое-где в Поволжье[81]. В конце XVIII в. поневы отмечались и севернее — в Судогодском, Муромском уездах Владимирской губ.[82], в Бронницком, Серпуховском уезде Московской губ.[83].

О древности поневы отчасти свидетельствует тот факт, что понева была характерна для групп крестьян, более связанных с древним населением края, — монастырских, государственных, помещичьих, экономических. Бывшее служилое население — однодворцы — на большей части южнорусского региона поневы не носили, считая ее крестьянским костюмом. Однако в некоторых местах, например в Сапожковском у. Рязанской губ., в Грайворонском у. Курской губ., в Воронежской губ., понева была основной поясной одеждой у всех категорий крестьянства, в том числе и у однодворцев.

В большинстве южнорусских губерний поневу шили из домотканой легкой тонкой шерстяной ткани, вытканной на двух подножках; эта ткань во многих местах называлась *волосенью*. Ее ткали из самой длинной овечьей шерсти, которую также нередко называли *волосень*. Преобладала темно-синяя расцветка ткани, издавна связанная с употреблением краски индиго, известной в Индии около I в. н.э. Получению красителей способствовала оживленная торговля с Индией, осуществляемая по Волге и Оке. В некоторых районах фон поневы был черным или красным. Черные поневы известны в Тамбовской[84], Воронежской[85], на северо-западе Курской, в ряде районов Тульской[86], Рязанской[87] губерний и, по-видимому, в меньшей степени в Орловской и Калужской губерниях[88]. Судя по имеющимся у нас сведениям, черные поневы чаще встречались в бассейне р. Дон. Красные поневы также отмечаются в бассейне Дона: в Епифановском, Богородицком, Веневском, Каширском уездах Тульской губ.[89], в Нижнедевицком, Коротоякском, Задонском и Новохоперском уездах Воронежской губ.[90], а также по правому берегу р. Десны в Трубчевском и Севском уездах Орловской губ.[91]. Черные и красные поневы, возможно, были более древними, поскольку окрашивались местными красителями — мареной, ольхой, дубовой корой, позднее стали применять покупные анилиновые красители. Распространение черных понев в начале XX в. в военные и послереволюционные годы объяснялось также и недостатком анилиновых красок, они вновь стали заменяться природными красителями.

Для южнорусской поневы, сотканной из тонкой шерстяной ткани, был типичен клетчатый рисунок. Клетка образована полосами цветных нитей. В старину нити окрашивали растительными красителями собственного изготовления, позднее употребляли белую бумагу, *шленку*, *гарус*. Нередко поневы не только отдельных районов, но и ближайших сел отличались своеобразным сочетанием в клетке белых, красных, синих, зеленых, желтых нитей. Различались также размеры клеток — от 2–6, 8, 10 до 20 см. Крупнее клетки были в поневах Воронежской и Тамбовской губерний. Реже встречались однотонные и полосатые поневы.

Поневы были разнообразны по покрою и характеру украшений. Наиболее типичны для южнорусского региона поневы из нескольких продольных полотнищ ткани, сшитых или частично сшитых между собой, собранных у пояса на шнур. По степени и способу соединения полотнищ между собой выделяются два типа поневы: 1 — *распашная* понева, 2 — *глухая* понева. Наиболее архаична распашная понева, она состоит обычно из трех, иногда из двух полотнищ, не сшитых между собой спереди, при надевании поневы между боковыми полотнищами образуется щель, закрываемая передником.

Распашная понева была распространена в западной части южнорусского региона. Она бытовала в бассейне верховий Оки, ее притоков Угры и Жиздры, в бассейне Десны с притоками Сейм, Свапа, Болва, Навля, на западе Орловской (Брянский, Карачевский, Трубчевский, Дмитровский, Болховский уезды)[92], Калужской (Мосальский, Жиздринский, Перемышльский уезды)[93] губерний, на северо-западе Курской губ. у саянов в Дмитриевском у. (села Старый Бузец, Новый Бузец, Бычки, Кубань и др.), в Фатежском у. (села Верхнесмородино, Нижнесмородино и др.) и в с. Васильевка Щигровского у.[94]. Дмитриевский и Фатежский уезды, пограничные с Дмитровским и Севским уездами Орловской губ., были, по-видимому, южной границей контактной области бытования распашной поневы, сосредоточенной в пределах Орловской и Калужской губерний. В коллекции РЭМ имеется распашная понева из д. Ушинка Воронежской губ.[95]. Распашные поневы были известны в середине XIX в. в некоторых селах Белевского (Комаринская вол.) и Каширского (помещичьи села Липецы, Михайловка, Мещерино, Селино и др.) уездов Тульской губ.[96].

Распашные поневы различались по способу соединения полотнищ между собой. Поневы, бытовавшие на территории Орловской губ., хорошо исследованы Н.П. Гринковой. На основе анализа богатой коллекции орловских понев, хранящихся в фондах Российского этнографического музея, она выделяет пять вариантов распашной поневы с несколькими разновидностями[97]. В основу данной типологии положен способ соединения полотнищ между собой, автор показывает процесс развития и усложнения покроя от простейших форм к более сложным. Во многих орловских поневах при соединении боковых полотнищ (*полки*) с задним полотнищем (*кулек*), имеются вставки из другого материала (*бе́рдо*). Вставки могли вшиваться или с обеих сторон кулька или только с одной, например, вставка соединяла правое боковое полотнище с задним. Интересно, что в некоторых поневах узорные полосы вставок отогнуты у пояса на правую сторону на 5–10 см, отогнутые концы окаймлены бахромой из красных шерстяных нитей и стекляруса. Эти своеобразные поясные украшения напоминают поясные привески в мордовской женской одежде.

Понева могла быть без вставок, но со следами этих вставок в виде вышивки по продольным швам. Иногда правое полотнище не дошито сверху на 15 см, около образованной боковой прорешки на заднем полотнище нашита полоска кумача с украшением из металлического кружева. В другой разновидности поневы правое боковое полотнище не дошито с задним снизу, в образовавшуюся прорешку вставлен кумач или ситец. Эта вставка около швов, соединяющих полотнища, не пришита к ним, собрана в сборку, т.о. получается небольшое треугольное отверстие. Все

эти детали покроя распашной поневы, наличие вставок между основными полотнищами, позволяют высказать предположение о том, что в далеком прошлом полотнища или полоски ткани, укрепляемые на поясе, совсем не сшивались между собой или сшивались в меньшей степени, чем в распашной поневе, известной нам по образцам, датируемым XIX в.

Орловская распашная понева выделялась богатством и своеобразием украшений. Полихромная вышивка внастил сочеталась с разноцветными нашивками — с аппликацией. Узорные полосы плотной вышивки обычно расположены вдоль швов, соединяющих боковые полотнища с задним, иногда по подолу и по краю боковых полотнищ. Полихромная вышивка выполнена шерстью, в прошлом домашнего изготовления, позднее, во второй половине XIX в. — покупной. В основе орнамента — чередующиеся геометрические фигуры в виде разнообразных ромбов с отростками, полуромбов, крестов и пр. Пространство между ромбами заполнено цветной шерстью иного цвета. Во многих поневах доминируют украшения разноцветными нашивками из кумача и белого миткаля. Преобладающий мотив этих украшений — розетки, меандрообразные фигуры (*елочка*), расположенные стержнем по диагонали. Эти фигуры скомпонованы в квадраты, называемые *круги*. Полосы таких аппликаций расположены вдоль боковых швов, иногда и по подолу. Аппликации из разноцветных кусков материи, позумента, золотого кружева, блесток часто сочетаются в вышивкой. Поскольку распашную поневу нередко носили подоткнутой (*кульком*), когда одна или обе боковые полки затыкаются нижним углом у пояса, то украшалась также и изнанка боковых полок. Будничная понева обычно не украшалась. Все поневы оторачивались по краям красным тканым пояском, а нередко и полосками красного кумача[98].

На западе Калужской губернии в украшении праздничной распашной поневы доминировала аппликация. Полоса кумача шириной около 30 см располагалась по подолу и переходила на наружные края боковых полотнищ. Поверх кумача в различной последовательности нашивались разноцветные шелковые ленты, серебряный и золотой позумент, шнурки — черный шерстяной (*до́рганец*) и серебряный (*плетенек ясный*), тесьма в виде городков, блестки[99].

На северо-западе Курской губернии распашную поневу шили из черной волосени в клетку из красных, белых, желтых, зеленых нитей.

Будничные поневы, как и повсюду, оторачивались по краям красным тканым пояском и полосками красного кумача. Праздничные поневы богато украшались разнообразной аппликацией и гарусной вышивкой в виде звездообразных и меандрических фигур, отороченных металлическим кружевом и блестками. В украшениях прослеживались сходные черты с распашными поневами соседних районов Орловской губ.

В этих, как и многих других узорах линейно-геометрического орнамента, характерного для южнорусской браной и закладной техники тканья и вышивки, сохранялись многие древние сюжеты и композиции. По мнению исследователей, в своей древней основе многие элементы узоров были связаны с космической символикой; так, ромб, круг рассматривались как символ солнца, образ которого занимал важное место в верованиях восточных славян. Крестьяне давали узорам названия по принципу сходства с реальными предметами, которые, обычно под влиянием технических причин, со временем утрачивали это сходство, превращаясь в абстрактную декорировку.

В группе понев, полотнища которых не полностью сшиты между собой, выделяется понева-плахта. Она распространена в бассейне Десны, Сейма, в верховьях Днепра — в Севском и Трубчевском уездах Орловской губ., у горюнов в Путивльском у., на западе Рыльского у. Курской губ., а также на Смоленщине и Черниговщине[100].

Эта понева по покрою и характеру ткани более близка к украинским плахтам, но называлась в русских селах *поневой*. Она шилась из двух полотнищ домотканой шерсти длиной в 1–1,5 м, сшитых между собой до половины; перегнутая поперек, укреплялась на талии поясом. Сшитые полотнища обтягивали заднюю часть корпуса, а не сшитые заворачивались наперед и спускались спереди один на другой. Один из концов заднего сшитого полотнища приподнимался и затыкался на правом боку у талии — получался *кулек*, характерный и для других типов поневы. В некоторых поневах вдоль шва вставлялась неширокая (5–7 см) полоса кумача или узорного тканья. По материалам корреспонденции из Архива Русского географического общества, датируемой 1849 г., около г. Трубчевска бытовали поневы-плахты, у которых два длинных полотнища, сшитых не до конца, имели разную длину: одно — около 90 см, другое — около 2,31 м[101]. Поневу-плахту шили из плотной клетчатой ткани. В процессе тканья чередованием разноцветных шерстяных нитей основы и утка с применением нескольких подножек образуются разнообразные узоры, клетки ткани нередко более мелкие, чем в выше описанных поневах. Узорное тканье иногда дополнялось вышивкой разноцветным гарусом внастил, расположенной вдоль шва и на концах полотнищ.

Второй тип — глухая понева, известна в трех вариантах: 1 — понева с прошвой, 2 — понева с прошвой и вставкой, 3 — понева из нескольких одинаковых полотнищ без прошвы.

1. Понева с прошвой в XIX–XX вв. была самой распространенной; она преобладала в восточной части южнорусского региона — в Рязанской, Тульской, Тамбовской, Воронежской губерниях, на юге и востоке Курской, в восточных уездах Орловской и Калужской[102].

Поневу с прошвой шили из 3–4, реже из 5–6 полотнищ клетчатой домотканой волосени (шириной 40–48 см) и однотонного синего или черного полотнища — *прошвы* — из холстины или хлопчатобумажной материи. В Орловской губ. встречались прошвы красного цвета[103]. Все полотнища сшиты по основе ткани, на талии собраны на шнур. При надевании поневы прошва приходилась спереди слева или справа, она закрывалась передником. Понева с прошвой известна очень давно, во многих восточных районах предшествующий ей тип поневы не выявлен. О раннем развитии поневы с прошвой свидетельствует и обширный компактный район ее бытования. Наличие дополнительного полотнища — прошвы — по всей вероятности, свидетельствует о генетической связи глухой поневы с поневой распашной, о возможности развития глухой поневы из более древней поясной одежды из несшитых полотнищ. По данным Н.И. Лебедевой, в некоторых селах Калужской губ. прошва появилась на памяти живущего поколения (т.е. в конце XIX — начале XX в.) и заменила распашную поневу[104].

2. В глухой поневе кроме прошвы могла быть и другая вставка из домотканого, а чаще фабричного хлопчатобумажного материала, она вставлялась или между двумя задними полотнищами поневной ткани, или около прошвы с одной или двух сторон. Как мы уже отмечали, подобные вставки бытовали в распашных поневах в Орловской, Калужской губерниях и на северо-западе Курской. Глухие поневы с прошвой и вставкой нам известны в саянских селах Курского и Щигровского уездов, в однодворческих селах Грайворонского у. (села Теребрено, Мокрая Орловка, Никитское), в с. Коробково Старооскольского уезда, в с. Белый Колодезь Валуйского у. Воронежской губ., в д. Заболотье Рязанской губ.[105].

3. Понева без прошвы сшита из нескольких (от 5 до 7) прямых полотнищ поневной клетчатой ткани, присборенных у пояса. Прошва, характерная для южнорусских понев, отсутствует. Этот вариант глухой поневы во второй половине XIX — начале XX в. бытовал во многих северных и центральных уездах Воронежской губ., особенно в Нижнедевицком, Землянском, Воронежском, Бобровском, Павловском, встречался в Тамбовской и Рязанской губерниях[106]. Н.И. Второв глухую поневу без прошвы зафиксировал еще в середине XIX в. в селах Нижняя Ведуга и Киевка Землянского уезда[107]. По всей вероятности, это последняя стадия развития поневы, когда понева сближается с юбкой, отличаясь от нее лишь традиционной клетчатой тканью. И сам рисунок поневной ткани свидетельствует о постепенном сближении этого варианта поневы с юбкой: в подобных поневах из Воронежской и Тамбовской губерний клетка значительно крупнее (11 × 11, 12 × 15, 11 × 16, 17 × 21 см) и менее заметна. Украшения сосредоточены только на подоле в виде горизонтальных полос аппликации и вышивки, ткань часто гофрирована

Женский традиционный костюм: поневы без прошвы, жилетки, кокошник, платочек. Вид спереди и сзади. Воронежская обл., Острогожский р-н, с. Солдатское. Первая половина XX в. Фото Г.В. Кирсанова, 1980 г.

в крупную складку. Гофрировка встречалась и в других вариантах глухой поневы в некоторых районах Рязанской, Тамбовской, Курской, Калужской губерний. Гофрировка юбок бытовала у населения западных районов Украины и Белоруссии, у славян, а также у литовцев, латышей и эстонцев. Гофрирование поневы в южнорусских районах, по-видимому, было связано с западным влиянием.

Украшения глухой поневы были разнообразны по технике исполнения, композиционному расположению, колориту, являясь нередко устойчивыми ареальными признаками. Они свидетельствуют о высоком художественном вкусе крестьянских мастериц.

Своеобразны и художественно интересны украшения поневы, локализованные в междуречье правобережных притоков Дона — Тихой Сосны и Потудани в Бирючинском у. Воронежской губ. (теперь Алексеевский и Красногвардейский районы Белгородской обл.), в смежных селах Острогожского и Коротоякского уездов[108]. Район распространения понев этого вида совпадает с территорией бытования рубахи с прямыми поликами, расшитой черной шерстью (см. выше).

Местные поневы украшались плотным ковровым узором, расположенным по швам, соединяющим полотнища, в виде широких продольных полос, а также по бордюру подола. Плотная вышивка выполнялась техникой разнообразных настилов (*набор*), узоры набирались иглой

в пяльцах, имитируя узорное браное ткачество. Кроме того, клетку, вытканную разноцветными нитями, нередко добавочно расшивали иглой, благодаря чему получали выпуклый клетчатый узор, а черное поле поневной ткани терялось среди многоцветья вышивки. В яркой колористически насыщенной вышивке ведущими были красный и оранжевый цвета с их разнообразными оттенками, дополняемые сочными зелеными, желтыми, синими, белыми тонами.

Более ранние вышивки конца XVIII — начала XIX в. выполнялись некрученым шелком, позднее, со второй половины XIX в. — фабричным цветным гарусом. Возможно, одновременно с шитьем шелком бытовала и вышивка понев цветной шерстью домашнего производства. Один из корреспондентов РГО отмечал в 1850 г., что однодворцы Коротоякского у. носили поневы в семь полотнищ с прошвою, «будничные вышивают сами разноцветными шерстями, а праздничные — непременно шамаханскими красными и зелеными шелками, оторочивая по подолу красными лентами»[109]. Вместе с распространением в деревне фабричных ниток, шитье шелком, видимо, постепенно заменялось вышивкой более ярким гарусом, что способствовало появлению многоцветной звучной цветовой гаммы на поневах второй половины XIX — XX в. Различия в степени насыщенности поля поневы вышивкой, в орнаментальных узорах, в их цветовых сочетаниях создали большое разнообразие понев в разных селах этой местности.

Украшения рассматриваемых понев не имеют прямых аналогий в других районах России. Однако традиции подобного стиля восходят, по-видимому, к сравнительно раннему периоду. Сам принцип расположения плотной ковровой вышивки (так же как и аппликации) в виде продольных полос, закрывающих соединительные швы полотнищ (хотя другой орнаментации и цветовой гаммы), прослеживается в более древних распашных поневах Орловской и Калужской губерний. Соединительный шов нередко закрывали вышивкой и в украинских плахтах.

Своеобразно украшение глухой поневы, скроенной из двух полотнищ, вставки и прошвы в саянских селах Курского, Щигровского и Корочанского уездов. Вставка и соединительные швы украшены продольной полосой (шириной 20–25 см), отделанной вышивкой в сочетании с аппликацией в виде узких полосок, расшитых желтым и красным гарусом, нашивок из бархата, лент, позумента, галуна. Украшения широкого бордюра по подолу, имитирующие центральную широкую продольную полосу, завершаются цветным тканым поясом[110].

В некоторых южнорусских районах в украшении глухой (как и распашной) поневы преобладала аппликация. Так, во многих селах Грайворонского у. Курской губ. (села Мокрая Орловка, Теребрено, Никитское и др.) три полотнища поневной ткани, прошва слева и вставка справа

сплошь выложены красным штофом или кашемиром, поверх него нашиты долевые разноцветные ленты, полосы шелка, узоры квадратов, треугольников (*зубцы*, *косяки*), меандровых фигур (*крючья*), диагональных линий и пр., выложенные из разноцветных лент, бархата, позумента. Эти поневы ярки и нарядны, их нередко гофрировали в крупную складку и надевали по особым случаям: на Пасху, Троицу, годовые праздники[111].

В поневе из села Коробково Старооскольского у. Курской губ. заднее и боковые полотнища украшены узорами меандра, составленными из полосок красного и белого миткаля. Как мы видели выше, украшение аппликацией в виде меандровых фигур было распространено в распашных поневах Орловской губ., встречалось и на севере Курской губ.[112].

Аппликации доминировали в своеобразных праздничных поневах (понева «добрая») из Новосильского у. Тульской губ. Соединительные швы полотнищ здесь закрывались широкими продольными полосами (*лампасами*), выложенными из красного сукна или шелка, поверх которого нашивали ленты, галун, позумент или расшивали их гарусом. В Вяжской волости (села Вяжи, Березовец, Архангельское и др.) сзади к поясу прикрепляли наспинные свисающие полосы (*бердыши*) длиной 15–20 см из бумажной материи, обшитые кумачом и лентами, они заканчивались маленькими колокольчиками, позванивающими при ходьбе и пляске. Иногда на заднее полотнище поневы нашивали крупные розетки из ярких лент с бусами, шелковыми кистями и бубенцами. Подол оторачивали широкой полосой красного кумача или шерсти, выложенной зубцами[113].

Поясные украшения *подмахорники* в виде спускающихся с пояса полос известны также в поневном комплексе Рязанской и Воронежской губерний. Аналоги им прослеживаются в одежде финноугров Поволжья. Такой древний вид украшений поневы, как медные бубенчики, встречавшиеся в погребениях вятичей, отмечался исследователями также и в некоторых районах Калужской и Орловской губерний[114].

Украшение глухой поневы аппликацией в виде горизонтальных полос, расположенных по бордюру подола, было наиболее распространенным на территории южнорусских губерний, особенно в Рязанской, Тульской, Тамбовской и Воронежской[115]. В нарядных праздничных поневах ширина бордюра, выложенного лентами, полосками из ярких тканей, позумента, тесьмы, кружева, блесток (нередко дополненных вышивкой), достигали 40–50 см. Этот вид украшений, по-видимому, был более характерен для поясной одежды, переходной к юбке.

В особую группу, по моему мнению, следует выделить своеобразные поневы, бытовавшие на северо-востоке Рязанской губ. в Мещерском крае (Касимовский и Спасский уезды), а также частично на севере

Женский старинный костюм с поневой. Вид спереди и сзади:
а) Тульская губ., Новосильский у., с. Вяжи.;
б) Тульская губ., Новосильский у., с. Березовец;
в) девичий старинный костюм с сарафаном. Тульская губ., Новосильский у., с. Березовец. Середина XIX в. (АРГО. Ф. 42. Д. 48.)

Елатомского и Темниковского уездов Тамбовской губ. и в Керенском у. Пензенской губ.[116]. Здесь бытовали распашные и глухие поневы, сходные по покрою с вышеописанными южнорусскими поневами, но отличались от них по характеру ткани и орнаментике. Мещерские поневы были хорошо изучены Б.А. Куфтиным. Эти поневы шили из толстой тяжелой ткани сложной техники тканья преимущественно на четырех подножках с бральницами. Б.А. Куфтин выделяет два подтипа и несколько вариантов поневы из такой ткани: 1) Поневная ткань двойная, сверху шерстяная, снизу портяная, оба эти слоя соединяются между собой в процессе тканья сложным геометрическим узором (из портяных нитей), выступающим на лицевой (шерстяной) стороне ткани. 2) Поневная ткань тяжелая, толстая, ординарная с портяной, шерстяной основой и шерстяным утком. Уток прибивается так плотно, что нити основы не видны. Расцветка этих браных понев разнообразна: однотонная (синяя, красная, черная), полосатая (например, красная с синими поперечными полосами), шашечная (фон красный с синими полосами в основе и утке), узорная (в виде ромбов, розеток, меандра, креста, свастики и пр.).

Эта понева, мало распространенная в других русских районах, по-видимому, является местной особенностью. Появление данной поневы в Мещерской стороне Б.А. Куфтин относит к древним эпохам славянской колонизации. Изоляция в глухих местах способствовала сохранению древних самобытных черт культуры[117]. Сходные черты в технике выработки ткани прослеживаются в поневах калужского Полесья, в украинских полосатых запасках, в латышских юбках, а также в белорусских и шведских коврах. Ученые объясняют это сходство более древней славянской общностью, а возможно и древними культурными связями с другими народами Скандинавии и Прибалтики[118].

Существовали разные приемы надевания поневы. Поневу надевали либо как юбку — *распустивши* — повязывая ее вокруг талии и закрывая большую часть корпуса, либо полы поневы подтыкали. Последний прием был более связан с распашной поневой: нижний угол правой полы или обе полы затыкали за пояс, закрытой оставалась лишь задняя часть корпуса, рубаха открыта спереди и с боков. Такая понева называлась поневой с *кульком*. Нередко подоткнутой носили и глухую поневу с прошвой. Подтыкали поневу чаще во время работы, но распашную поневу нередко подтыкали и в праздники.

В XIX — начале XX в. понева во многих районах была одеждой замужних женщин. Однако первоначально надевание поневы символизировало совершеннолетие девушки. В старину девушки ходили в одной рубахе с поясом, позднее они стали носить передник, сарафан или юбку. При достижении девушкой 15–16 лет на нее торжественно надевали поневу, приурочивая этот обряд к какому-либо весеннему церковному

празднику или к именинам девушки. Этот старинный обряд, совершавшийся в присутствии близкой родни, проходил по сходному сценарию во многих южнорусских губерниях и был неоднократно описан и в литературе и в архивных источниках. Обычно мать, держа в руках поневу и следуя за дочерью, бегавшей по лавке, уговаривала ее: «Вскочи моя дитятка, вскочи моя ягодка», на что та отвечала: «хочу — вскочу, хочу — не вскочу». Заканчивалось это тем, что девушка вскакивала в поневу. После этого девушка считалась невестой, ее могли сватать[119]. Д.К. Зеленин видел в этом обряде пережитки половозрастной инициации[120]. Во второй половине XIX — начале XX в. ношение девушками поневы до свадьбы не везде соблюдалось, понева чаще считалась признаком замужества. Поэтому обряд надевания поневы стал совершаться в процессе свадебного ритуала: при сватовстве, а чаще на девичнике.

Эти разностадиальные варианты обряда, по-разному исполняемые в тех или иных селах, сохранялись на памяти информаторов старшего поколения даже в 1960-е гг. Так, в селениях Романовы Дарки Шацкого р-на и Пустотин Кораблинского р-на Рязанской обл. обряд с поневой совершался при исполнении девушке 15–16 лет, а в с. Новое Еголдаево Ряжского р-на — на девичнике перед венчанием[121]. Девушка с помощью матери заготавливала поневы для своего приданого. Число их зависело от зажиточности семьи, а также от мастерства и усидчивости девушки. В хорошей семье полагалось положить в приданое 6–7 богато украшенных понев, у сироты обычно было четыре поневы, у бедной девушки 2–4 поневы. Молодая во время свадьбы меняла несколько понев, их она надевала и в первые дни замужества. Яркость клеток и украшений в поневе зависела от возраста женщины. Старые женщины носили поневы с менее заметной клеткой и без украшений.

Если в XIX в. понева была самым распространенным видом поясной одежды, то в начале XX в. область ее бытования сокращалась, поневу стали заменять сарафаном и юбкой. Уже в 1890-е гг. многие корреспонденты ОЛЕАЭ из некоторых северных селений Егорьевского, Рязанского, Спасского уездов Рязанской губ., более других связанных с промышленной деятельностью и торговлей, считали поневу уходящей из быта крестьян. В одних селах ее плохо помнили, в других — она была одеждой бедняков и пожилых женщин или надевалась только в будни[122]. По воспоминаниям старожилов Кругловской вол. Егорьевского у., поневу перестали носить в 1850-е гг., тогда ее запретил надевать помещик Г. Ганибал. «Наши женщины очень жалели и даже плакали, бросая носить поневы», — рассказывали старики[123].

Вместе с тем в некоторых районах понева сохранялась сравнительно долго. Так, в междуречье притоков Дона — Тихой Сосны и Потудани в Алексеевском и Красногвардейском районах Белгородской обл.,

в Острогожском р-не Воронежской обл. дорогие праздничные поневы, расшитые плотным ковровым узором (вместе с рубахой, расшитой черной шерстью, см. выше), передаваясь из поколения в поколение, мало изменялись на протяжении последних десятилетий XX в. Еще в 1920-х и частично в 1930-х гг. понева в этих районах служила повседневной и праздничной одеждой. С 1960-х гг., вместе с возрождением традиционной одежды, стало модным, особенно среди молодежи, надевать в праздник и на свадьбу расшитые нарядные поневы. В них до последнего времени выступали и многочисленные коллективы народного самодеятельного творчества из сел этих районов. В с. Глуховка Алексеевского р-на еще и в 1970-е гг. молодые женщины в зимнее время расшивали в пяльцах новые поневы, подражая старой художественной традиции[124].

В 1920-х и в 1930-х гг. понева продолжала использоваться также и в южных земледельческих районах Рязанской обл., особенно в Милославском, Ряжском, Скопинском. По рассказам старожилов, в 1960–1963-х гг. в одних селах понева исчезала на памяти старшего поколения, в других (с. Чернава, Борщевое Милославского р-на, с. Новое Еголдаево Ряжского р-на, дер. Пустотин Кораблинского р-на) понева была рабочей и праздничной одеждой женщин среднего и пожилого возраста, а молодежь щеголяла в ней на свадьбах и праздниках еще и в 1960-е гг.[125]. В наши дни заповедным местом сохранения традиционного костюма стала Чернава, где в 2002 г. этнографы зафиксировали и приобрели полный комплекс традиционного костюма с поневой. Здесь поневы не только бережно хранятся, пожилые женщины их носят в будни и в праздники, а кто помоложе надевает на годовые праздники, в церковь, на свадьбу. С годами происходила модернизация традиционного костюма, более модной считается понева без прошвы в крупную клетку, нередко сотканная из покупных ниток[126].

Юбка. Юбка из домотканины, как элемент традиционной одежды, хотя и не была широко распространена у русских, в южнорусских губерниях бытовала во многих селениях. Преобладали юбки одного покроя: их шили из четырех–семи прямых полотнищ, сшитых между собой по основе ткани, собранных у пояса в сборку на узкой обшивке или на шнур, продетый в запошивку ткани. Юбки различались по характеру ткани и расцветке, их шили из домотканой шерсти и холста.

Шерстяные домотканые юбки были характерны для традиционных комплексов одежды однодворческого населения; преобладали полосатые и однотонные юбки. Они бытовали в Рязанской, Воронежской, Курской, Тамбовской, Орловской, Тульской губерниях[127]. В одних местах шерстяная юбка была распространена в пределах довольно крупных районов, в других встречалась более дисперсно, нередко в одном или нескольких селениях.

В Рязанской губ. наиболее значительный район бытования шерстяной полосатой юбки отмечается во всех однодворческих селах (Борец, Бычки, Высокое, Ягодное, Напольное, Телятники, Кривское и др.), расположенных между реками Верда и Пара на юге Сапожковского у. Многие из этих сел ведут свое начало с XVII в., они были пожалованы за службу солдатам, рейтарам и другим служилым людям. Юбки шили из шести полотнищ, преобладала красная тональность (в утке нити всегда были красными, а в основе — разноцветные), красные (*крась*) и бордовые (*полукрась*) полосы чередовались с желтыми, зелеными, белыми, голубыми, синими. В отдельных селах, а иногда и в пределах одного села отмечалось разнообразие в сочетании и ширине цветовых полос. Про эти юбки говорили: «от поясницы до ног семьдесят пять полос». Для тканья обычно использовали пряжу крученую в две нитки, красили ее мотками естественными, позднее анилиновыми красителями. Готовую ткань для праздничных юбок отдавали лощить в специальные печи, после чего юбки становились блестящими[128].

Шерстяные полосатые юбки бытовали также на юге Данковского у. в бассейне Дона в однодворческих слободах г. Данкова: Сторожевая, Стрельцы, Казаки, Пушкарская, Богословская и в селах Требунки, Сурки, Сугробы, Перехваль, Круглое, Ягодное, Кочуры, Долгое, Теплое, Малинки и Самодуровка. Полосатые юбки здесь, как и в Сапожковском у., долгое время составляли основу старинного женского костюма. Нередко их надевали и на девочек с 10 или с 16 лет. В будни, во время работы юбку носили *кульком*, т.е. поднимали спереди и затыкали за пояс. В Данковском у. полосатые юбки примерно с 1914 г. стали заменять домоткаными одноцветными юбками голубовато-серого цвета (*сизовки*), скроенными в 12–13 полотнищ[129]. Полосатые юбки, по данным полевых исследований, бытовали разрозненно и в других однодворческих селах Рязанской области[130]. В начале XX в. более широко, по-видимому, были распространены одноцветные домотканые шерстяные юбки — красного, бордового, оранжевого, зеленого цвета. Кое-где встречались и клетчатые юбки. Праздничные юбки украшали по подолу лентами, позументом, тесьмой. Одноцветные юбки иногда надевали под юбку, под поневу или сарафан. В некоторых селах эти юбки еще сохраняются и в наши дни, их используют в местной самодеятельности, надевают в праздники, на свадьбу.

Домотканые шерстяные полосатые юбки были распространены на территории Воронежской губ. у однодворцев Землянского, Задонского, Воронежского, Бобровского уездов. Здесь также преобладала красная тональность расцветки, продольные полосы — красные, зеленые, желтые, коричневые, черные — могли чередоваться в различных сочетаниях. В с. Чертовицкое Воронежского у. носили юбки не только в разноцветную,

но и бело-красную полоску шириной 7–10 см, их дополнительно украшали полихромной вышивкой в виде цветочных букетов и розеток. В праздничных юбках подол отделывали аппликациями из лент, бархата, позумента, кружева[131]. Полосатая юбка в качестве основной поясной одежды женщин бытовала также в некоторых селах Острогожского (Терновое, Березовое, Завершино, Богословка), Бирючинского (Репенка), Коротоякского уездов. В однодворческих селах Коротоякского у. полосатую юбку носили наряду с поневой[132]. В селах Шубное и Лесное Уколово бывш. Острогожского у. полосатые юбки распространились лишь в 1920–1930-е гг. и потеснили расшитые гарусом поневы. Появление юбок пожилые женщины объясняли отсутствием в эти годы хорошего гаруса, необходимого для расшивки понев. В начале 1930-х гг. в с. Шубное полосатых юбок сохранялось значительно больше чем понев.

В Нижнедевицком у. очерчивался крупный район бытования черной или темно-фиолетовой шерстяной домотканой юбки. Ее носили в однодворческих селах Першино, Кучугуры, Ясенки, Богородицкое, Ключи, Горшечное, где жили так называемые *ягуны*, а также в соседних селах Синие Липяги и Истобное[133]. Однотонные (черные, красные, коричневые) юбки носили и в отдельных селах Павловского (с. Верхний Мамон), Задонского (с. Черниговка), Бирючинского (с. Фощеватое), Нижнедевицкого (с. Шаталовка) уездов Воронежской губ.[134].

В Курской губ. домотканые шерстяные полосатые и однотонные юбки были известны во многих однодворческих селах, но здесь, судя по источникам, бытовали более дисперсно. Однотонные юбки (чаще красные) отмечаются в Тимском (села Плоское, Прилепы, Роговицы, Мантурово), Щигровском (села Моховое, Титово, Соловьевка, Б. Змеинец), Дмитриевском (с. Локтионово), Старооскольском (с. Коробково), Новооскольском (Русско-Халанская вол.) уездах[135]. Клетчатая шерстяная домотканая юбка нам известна лишь в Тимском и Щигровском уездах[136].

В Тамбовской губ. источники отмечают домотканые шерстяные полосатые юбки в однодворческих селах Кирсановского (села Петровка, Калаш, Арбеньевская вол.), Липецкого (селения Бол. Избердей, Шехмань, Озерки, Двойня), Козловского, Лебедянского и Борисоглебского уездов[137]. Здесь, как и в других местах, преобладала красная тональность юбки, перемежающаяся полосками голубыми, зелеными, коричневыми, черными. Подол праздничной юбки обкладывали плисом, лентами, серебряной тесьмой. Такую юбку называли *доброй*. Свадебные юбки в Липецком у. украшали полихромной гарусной вышивкой, расположенной вдоль разноцветных полос. Излюбленными сюжетами были розетки, звезды, кресты, растительные гирлянды, фигурки людей и пр.[138]. Юбки пожилых женщин и траурные не украшали, красный цвет заменяли темно-бордовым.

По данным наших полевых исследований, в Моршанском у. с конца XIX в. распространились одноцветные шерстяные домотканые юбки — бордовые, красные, оранжевые, фиолетовые. Где-то встречались клетчатые юбки. Под праздничную юбку надевали одну-две юбки будничные. В наши дни шерстяные домотканые юбки сохраняются у многих местных жителей, они используются в местной самодеятельности, их надевают в праздники, на свадьбу[139].

Одноцветные и полосатые шерстяные домотканые юбки бытовали у однодворцев в Елецком, Ливенском, Орловском, Кромском, Болховском, Малоархангельском, Трубчевском уездах Орловской губ. При этом корреспонденты Русского географического общества и местные краеведы (середина XIX в.) неоднократно подчеркивали различия в одежде местных однодворцев и помещичьих крестьян: «Однодворки в Елецком уезде все без исключения носят юбки, душегрейки и повойник, а помещичьи... поневы, занавески и кички[140], «В Орловском уезде однодворцы одеваются лучше, чем помещичьи, они носят юбки, а помещичьи крестьяне ходят в темносиних сарафанах и кичках»[141]. В некоторых однодворческих селах домотканые юбки служили будничной одеждой, а в праздник молодые женщины носили сарафаны и платья ситцевые и шелковые. Полосатые юбки здесь отмечаются сравнительно реже, чем однотонные[142].

В Тульской губ. шерстяные домотканые полосатые и однотонные (преимущественно красные) юбки источники отмечают в Крапивенском, Ефремовском, Новосильском, Одоевском уездах[143]. Местные краеведы здесь также неоднократно указывали на особенности одежды однодворцев: «...жены однодворцев одеваются как горожанки, в будни носят коломенковые юбки, пестрые, они не носят одежду помещичьих крестьян (поневы, кички, чупруны)», «жены бывших государственных крестьян, в отличие от бывших крепостных, не носят поневу, а носят желтоватые юбки»[144].

В России полосатые шерстяные юбки известны были и на севере, в центральных и западных районах Вологодской и примыкающих к ним районах Архангельской и Смоленской губерний. Однако, как свидетельствуют последние исследования И.С. Слепцовой, севернорусский тип полосатых юбок значительно отличался от южных однодворческих полосатых юбок по технологии, покрою и цветовой гамме[145].

Ареал шерстяной полосатой юбки в прошлом занимал обширную территорию. Важно иметь в виду, что юбка в качестве традиционной одежды была характерна для белорусов, западных славян, народов Прибалтики и зарубежной Европы. Юбки, близкие по покрою и расцветке к продольно-полосатым однодворческим юбкам, отмечались в некоторых районах Белоруссии, Украины, в Эстонии, Латвии и Литве[146]. Близость южнорусских юбок к некоторым образцам прибалтийских, белорусских

и украинских юбок позволяет сделать справедливое предположение, что южнорусский однодворческий комплекс костюма с продольно-полосатой домотканой юбкой и рубахой с отложным воротником, с прямыми поликами был занесен на юг служилыми людьми в XVI–XVII вв. из западных районов России.

Сравнительно реже в изучаемом регионе встречались юбки из домотканого холста (*подол, подстава*). В XIX в. холщовую юбку чаще носили девушки до того как на них надевали поневу. Позднее ее стали использовать девушки, иногда и женщины в качестве нижней юбки под сарафан или под поневу. Подол шили из четырех-пяти полотнищ холста, сверху собирали на шнур (*гашник*), нижнюю часть обычно украшали узорным тканьем. Холщовые юбки бытовали во многих селениях Рязанской губ.[147], встречались в отдельных районах Воронежской, Курской, Тамбовской, Тульской губерний[148]. Подолы носили женщины на Севере[149].

Юбка из фабричных тканей повсеместно распространялась в конце XIX — начале XX в. Она постепенно вытесняла традиционные виды одежды: поневу, домотканую юбку, сарафан. При этом в одних районах еще и в начале XX в. господствовала понева, которая могла заменяться домотканой юбкой, в других районах, особенно там, где было сильнее выражено влияние городской моды, постепенно распространялся костюм, состоявший из юбки с кофтой, сшитых из фабричных тканей.

Сарафан. В XIX — начале XX в. во многих районах южнорусского региона женщины и девушки носили сарафаны. Комплекс одежды с сарафаном, характерный первоначально для северных и центральных губерний России, с расширением территории Российского государства распространяется во многих южных и восточных районах расселения русских и становится общерусским костюмом. На южнорусской территории сарафан появился, по-видимому, вместе с переселениями русских служилых людей в XVI–XVII вв., а также в результате помещичьей и стихийной крестьянской колонизации в XVII — начале XIX в.

В изучаемых районах сарафаны распространены неравномерно, в одних местах, как, например, в южных и центральных уездах Курской губ., они преобладали, а о бытовании здесь поневы сведений нет, в других районах сарафан распространился лишь во второй половине XIX — начале XX в. и в значительной степени или вытеснил поневу или бытовал наряду с ней, являясь выходной, праздничной одеждой.

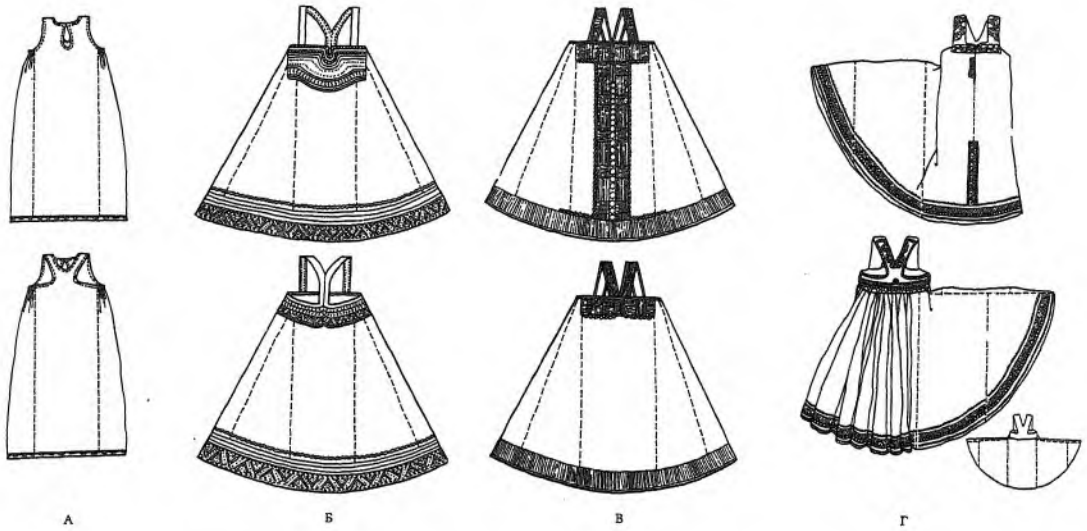
Сарафан бытовал у разных социальных и возрастных групп крестьянства. Если в Курской губернии сарафаны чаще носили однодворцы, то в Воронежской губ., наоборот, однодворцы и их потомки ходили в поневах и юбках, сарафан же известен преимущественно у экономических (бывших монастырских) и у помещичьих крестьян в Землянском,

Задонском, Коротоякском, Воронежском, Бобровском, Новохоперском и некоторых других уездах[150]. В Рязанской губ. однодворцы Данковского у. носили сарафаны и юбки, а однодворцы Сапожковского у. (вокруг г. Сапожка, а также села Песочное, Морозовы Борки, Самодуровка и др.) ходили в поневах и кичках. В помещичьих селах Салтыковской вол. Сапожковского у. (села Салтыково-Буты, Каменка, Покровское, Крутое), принадлежавших помещикам Салтыковым (жители этих селений именовались *москалями*), носили косоклинные сарафаны[151]. В сарафанах ходили и помещичьи крестьяне на юго-востоке Орловского у., принадлежавшие князу Куракину, переселенные из Тверской губ., а однодворки Ливенского и Елецкого уездов носили юбки[152]. В некоторых помещичьих селах появлению сарафана иногда содействовали помещики, считавшие неприличным старинный обычай, согласно которому девушки до замужества ходили в одних рубахах.

В южнорусских губерниях бытовали сарафаны разных покроев, сшитые из холста, домотканой шерсти, сукна, фабричных тканей. Различалась и терминология сарафана. Более старинными считаются разнообразные по покрою косоклинные сарафаны.

1. В качестве девичьей одежды известна древняя форма так называемого глухого *туникообразного* сарафана. Он сшит из перегнутого по утку на плечах шерстяного центрального полотнища, на сгибе сделаны вырезы для головы и для рук, по бокам вставлены один или два косых клина. Генетически этот сарафан восходит к старинной туникообразной одежде. На северо-западе Касимовского у. (в Курше, в Колесниковской и Полищинской волостях), в восточном углу Егорьевского у., в северной части Елатомского и Темниковского уездов под термином *сарахван, сарафанчик* издавна известна туникообразная белая короткая полотняная, реже шерстяная, верхняя узорная рубашка без рукавов, иногда с рукавами, надеваемая с поневой. В некоторых районах Мещерского края эту рубашку называли *навершником, носовником* и др. В девичьем костюме короткий сарафан заменялся таким же по покрою, но более длинным и назывался также сарафаном, в других местах — *шушкой, шушпаном*[153].

В Жиздринском у. Калужской губ. *сарахваном* также назывались короткие туникообразные нагрудники, надеваемые вместе с поневой[154]. Это, с одной стороны, свидетельствует о каких-то древних связях между мещерским и калужским Полесьем, а с другой стороны, наводит на мысль о происхождении глухого сарафана от древних форм туникообразной одежды. Русский глухой сарафан на северо-западе России называли *шушун, сукман*, он очень сходен по покрою с одеждой восточных болгар, также называемой *сукман*. Подобного покроя глухие сарафаны бытовали также у финноязычных народов: карел, води, эстонцев, сету.



Схемы покроя сарафанов разных типов. Вид спереди и сзади. Конец XIX — начало XX в.: а) глухой туникообразный сарафан; б) косоклинный сарафан на лямках, спереди и сзади по одному прямому полотнищу, соединенному на боках клиньями; в) косоклинный сарафан на лямках с двумя полотнищами спереди, передние и заднее полотнища соединены клиньями; г) косоклинный сарафан, в котором к двум передним и одному заднему прямым полотнищам боковые клинья и подклинья пришиваются по прямой нитке; по бокам они сшиты косым швом.
(Из кн.: *Чижикова Л.Н.* Русско-украинское пограничье. М., 1988. С. 170–173.)

Туникообразная одежда, датируемая XIV–XV вв., близкая к русским нагрудникам, была обнаружена археологами на территории Западной Эстонии[155]. Все эти факты свидетельствуют о значительной древности глухого сарафана.

Глухие девичьи сарафаны обычно шили из черной волосени, подол (как и в поневе) нередко обшивали узким плетеным пояском красных оттенков, проймы украшали вышивкой или аппликацией. Такие сарафаны выявлены в Бирючинском, Острогожском, Коротоякском уездах Воронежской губ. в районах бытования поневы, расшитой разноцветной шерстью, в Нижнедевицком у. у щекунов, в Павловском у. (с. Гвазда, Клеповка, Пузево, Ерышевка) и в некоторых других селах[156]. В Курской губ. глухой сарафан известен у саянов; похожие черные и красные сарафаны в с. Банище Льговского у. называли *сукней*, здесь их носили женщины[157]. Девичьи глухие туникообразные сарафаны бытовали также в Раненбургском, Данковском (назывались *сарахфан-перышко*), Скопинском, Касимовском уездах Рязанской губ., в с. Льгово Болховского у. Орловской губ.[158], в с. Иевлеве Богородицкого у. Тульской губ. В Епифановском у.

в долине рек Непрядва и Дон местным старинным нарядом девушек был глухой туникообразный сарафан из белой домотканой шерсти, историю его местные легенды относят ко времени крепостного права[159]. По данным Б.А. Куфтина, подобного покроя белые шерстяные сарафаны с красной или синей обшивкой ворота и подола известны в с. Инякине на самом юге Касимовского у.[160].

2. Более широко в южнорусских районах были распространены косоклинные открытые сверху сарафаны на лямках. Эти сарафаны, сшитые из нескольких полотнищ и боковых клиньев, различались по покрою.

Во многих районах Курской губ. бытовал сарафан на лямках, в котором спереди и сзади было по одному прямому полотнищу, на боках они соединены клиньями, доходящими до верхней проймы. Такие сарафаны шили из черной тонкой домотканой шерсти (волосени). В Белгородском и Корочанском уездах грудь праздничного сарафана расшивали разноцветным гарусом внастил плотными крупными стежками. Подол выкладывали лентами, полосками разноцветных тканей, затем гофрировали в складку. Такой сарафан носили без передника и подпоясывали широким шерстяным поясом[161]. В Грайворонском у. (в бассейне р. Ворсклица в селах Теребрено, Косилово, Почаево, Смородино, Дроновка, Мокрая Орловка, Доброе и др.) грудь и лямки сарафана украшали накладными широкими полосами разноцветной, чаще красной материи, отделанной бархатом, позументом, серебряным шнуром, подол выкладывали лентами, полосками бархата и пр. и гофрировали в складку. Сарафан и здесь надевали без передника и подпоясывали широким шерстяным поясом, который завязывали спереди. Будничные сарафаны не гофрировали и украшали мало. В этих селах сарафаны носили вплоть до 1930-х гг., в качестве праздничной одежды они использовались в 1950–1960-е гг., а позднее в них выступали участники фольклорных художественных коллективов в селах Мокрая Орловка, Теребрено и др.[162].

Сарафаны подобного покроя известны также во многих районах Рязанской губ., здесь их шили из шерсти и китайки. Они отмечены Н.И. Лебедевой в Сапожковском (села Самодуровка, Петино, Котловы Борки, Желобово), в Скопинском (села Вослебово, Липяги) и в Данковском уездах. В селах Липяги и Вослебово его называли *шубкой*, в дер. Павловка — *сукней*. В этих местах косоклинный сарафан появился в конце XIX в., частично заменил господствующую здесь поневу, его носили и девушки и женщины[163]. Сарафан нередко шили широким, вставляя с боков по три и более косых клина, длина подола в окружности могла быть до 2,5–3 м. Широкими и нарядными были свадебные сарафаны. В. с. Хитрово Данковского у. *балахон свадебный* шили из белой

домотканой шерсти, с боков у него вставлено по шесть косых клиньев, длина подола в окружности — около 4 м. Широкими нередко шили и сарафаны из покупной синей китайки, в Ряжском у. их называли *шубкой*, в Спасском у. Тамбовской губ. — *китайкой*[164].

Во многих южнорусских селах в косоклинном сарафане на лямках спереди было два прямых полотнища и одно заднее, прямые полотнища соединялись друг с другом при помощи клиньев и подклинков. Сарафаны этого покроя в Рязанской, Тульской, Калужской, Курской губерниях иногда украшались металлическими пуговками с петельками, нашитыми по шву, соединяющему два передних полотнища, они имитировали застежку распашной в прошлом одежды. Подобные сарафаны могли быть распашными, не сшитыми спереди. По мнению исследователей, они были сходны с верхней одеждой XVI–XVII вв. — *охабнем, опашнем, ферезью*. Генетическую связь с верхней распашной одеждой подтверждают и названия сарафана — *ферязь, кунтыш*, распространенные к северу от Москвы, *шубка* — в южнорусских районах.

Покрой этого сарафана сходен и с верхней одеждой XIX в. — *армяком, понитком, свиткой*. Эти одежды в распластанном виде образуют полукруг, иногда почти круг со сходным как у сарафана расположением швов. Центром распространения подобного сарафана были северо-восточные губернии: Московская, Ярославская, Владимирская, Костромская[165].

На исследуемой территории по способу кроя боковых клиньев выделяются два варианта сарафана со швом впереди.

Первый вариант: два передних и одно заднее прямые полотнища соединены на боках косыми клиньями, доходящими до проймы. Этот сарафан нам известен в более северных районах южнорусского региона, — в Рязанской, Тульской, Калужской, Тамбовской губерниях. Здесь его шили из холста, домотканой шерсти, из фабричной *китайки*.

В Калужской губ. в районе Гамаюнщины (так называли группу помещичьих селений Калужского и Перемышльского уездов, расположенных по правому берегу Оки, недалеко от Калуги) подобные сарафаны чаще шили из фабричной темно-синей материи — *китайки*, отчего и сами сарафаны назывались *китайками*. Китайка была широкая в окружности подола, потому что с каждого бока вшивались по два косых клина. Шов, соединяющий два передних полотнища, украшали шелковым цветным шнуром (*гитанчиком*) с рядом фальшивых петелек и мелких медных пуговиц, проймы отделывали кумачом или шелком, подол выкладывали лентами, позументом. Китайку подпоясывали широким зеленым или красным поясом, завязанным на правом боку. Обычно крестьяне отдавали шить китайку монахиням Казанского девичьего монастыря, отчасти это могло свидетельствовать, что сарафан здесь не был искони местной одеждой. Однако в районе Гамаюнщины

в 1920-е гг. 90-летние жительницы утверждали: «у нашего барина поневы ни в одной деревне не носили... у нашего барина носили сарафаны да кички»[166]. В Калужской губ. сарафан мог появиться вместе с появлением старообрядчества, которое было носителем московской культуры. В некоторых местах Калужского и Лихвинского уездов косоклинный сарафан существовал наряду с поневой[167]. По мнению Н.И. Лебедевой, граница его распространения совпадала с границей бытования среднерусского типа жилища. К северо-западу от Козельска, в Плахине и среди старообрядцев к югу от Плахина в 1920-е гг. еще сохранялись воспоминания об очень старой форме косоклинного сарафана с узкими рукавами, в пройме которых были отверстия для продевания руки, рукава же были ложные, они завязывались узлом на спине. Подобный, вероятно очень древний сарафан с ложными рукавами из Псковской губ. хранится в фондах РЭМ[168].

Косоклинный сарафан первого варианта был известен в некоторых селах Рязанской губ. Сарафаны из Раненбургского (с. Салтыки) и Касимовского уездов сшиты из домотканой тонкой шерстяной материи, прямые полотнища соединены двумя косыми клиньями. В с. Салтыки этот сарафан известен под названием *шугай*. Девичий сарафан (*шубка*) из с. Новое Еголдаево Рязанского у. отличается тем, что не только спереди, но и сзади имеются два прямых полотнища, с боков — по одному косому клину, длина окружности подола — 5,5 м, сшит из китайки на холщовой подкладке; изготовлен в начале XX в., его носили девушки вплоть до конца 1930-х гг. *Шубку* из китайки носили также девушки из бывших монастырских сел Попадьинской и Плахинской волостей Михайловского у. (в местности, известной под названием Богословщина). Подол *шубки* украшала полоса (*кладка*) из кумача, лент, позумента[169].

Косоклинные сарафаны первого варианта бытовали также в Шацком, Елатомском, Темниковском, Кирсановском уездах Тамбовской губ. Сарафан (*сукня*) из с. Золотовка Кирсановского у. интересен тем, что два передние прямые полотнища не сшиты между собой, они застегиваются на белые перламутровые пуговки. В той же Золотовской вол. известен сарафан (*сукня*), сходный с предыдущим по материалу и покрою, но с передними сшитыми между собой полотнищами. В Стрелецкой вол. Темниковского у. сарафан (*сукман*) шили из домотканой черной шерсти на холщовой подкладке, или из окрашенного холста на той же подкладке. Срединный шов, скрепляющий передние полотнища, украшен декоративной застежкой. В Карай-Салтыковской вол. того же уезда сарафан (*красик*) сшит из домотканой шерсти, покрашенной в бордовый цвет, с каждого бока вшито по четыре косых клина, длина подола по окружности — 4 м. Верх сарафана, помочи и срединный шов сверху до подола украшены полосками ситца, окаймленного черным плисом[170].

Подобного покроя сарафан (*сукман*) из черной домотканой шерсти бытовал в некоторых селах Епифановского у. Тульской губ. в районе рек Непрядва и Дон[171].

Второй вариант — косоклинный распашной сарафан более усложненного покроя — известен в Рязанской, Тамбовской, Воронежской, Курской губерниях. В нем к двум передним и одному заднему прямым полотнищам боковые клинья и подклинки пришиваются по прямой нитке последовательно один за другим, по бокам они сшиваются косым швом. Швы клиньев и подклинков по отношению к косому боковому шву образуют подобие елочки. Эти сарафаны были широкими и нарядными. Сарафаны подобного покроя во второй половине XIX в. были распространены во многих русских губерниях, наиболее широко известны в Центральном промышленном районе[172].

В Мещерском крае Рязанской губ. такой сарафан появился в конце XIX в., сначала он был девичьей одеждой, позднее значительно потеснил поневу и в женском костюме. Его носили и в помещичьих и в государственных селах. На северо-востоке в районе Касимова и Елатьмы бытовал холщовый подсиненный сарафан на холщовой же подкладке. На месте сшива двух передних полотнищ пришит гарусный шнурок с пуговками и петлями, по подолу нашита кайма из лент. В южных районах Касимовского и прилегающих к нему селах Спасского уезда сарафан такого покроя (*сукман*) шили из домотканой шерсти, окрашенной в черный или синий цвет. Сукман подпоясывали поясом, он считался здесь праздничным костюмом. Поверх его надевали *запан* — передник с рукавами. По рассказам местных жителей, появлению сарафана содействовали помещики, заставлявшие крестьян заменять поневу московским сарафаном с пуговицами[173].

В фондах РЭМ хранится экземпляр старинного косоклинного распашного сарафана из с. Пушкино Моршанского у. Тамбовской губ. Его два передних прямых полотнища не сшиты между собой, а застегиваются на пуговки. Сарафаны из китайки того же покроя, но обычно со швом спереди, нередко украшенным ложными пуговками с петлями, довольно широко были распространены в середине XIX — начале XX в. в Моршанском и Кирсановском уездах Тамбовской губ. Корреспонденты РГО сообщали, что в середине XIX в. девушки и женщины в помещичьем с. Матчерка Моршанского у. в праздник надевали сарафан из шерсти (*сукман*), а также из хлопчатобумажной ткани (*китайка*, *кумашник*), в будни носили поневу[174]. В результате полевого обследования, проведенного в Моршанском районе в 1993 г., мы выяснили, что большая часть пожилых женщин поневу не помнит. Лишь Л.Ф. Маркина 1910 г. рождения (с. Новотомниково) утверждала, что ее бабушка дома ходила в поневе, а выходя на улицу надевала сарафан. По воспоминаниям женщин 70–80 лет, китайку носили их бабушки, реже матери[175].

В Калужской губ. сарафан второго варианта бытовал в районах Гамаюнщины и Монастырщины (см. выше). Монастырщиной называли селения, которые до 1764 г. принадлежали группе монастырей, расположенных преимущественно по левому берегу Оки в междуречье низовий Жиздры и Пторы (Перемышльский, частично Лихвинский уезды). В Монастырщине косоклинный сарафан появился, по-видимому, еще в первой половине XIX в., в 1920-е гг. старожилы считали его местной старинной одеждой. Сарафан не вытеснил здесь поневу, а существовал вместе с ней, как дорогой праздничный наряд девушек и молодых женщин. Его шили из китайки, но, как и поневу, носили с кичкой и сорокой. Важно, что здесь сравнительно долго сохранялись сарафаны старинного покроя, у которых два передних полотнища не сшивали, а застегивали на медные пуговки. Подол украшали полосой красного штофа и лентами. Так же, как и в Гамаюнщине, сарафаны здесь шили специальные мастерицы[176].

Косоклинный распашной сарафан второго варианта бытовал в качестве девичьей одежды в некоторых селах Бирючинского и Коротоякского уездов Воронежской губ.; его носили и девушки и женщины в селах Бобровского и Валуйского уездов[177].

Но особенно широко этот тип сарафана распространился в Курской губ. — в Суджанском, Обоянском, Рыльском, Курском уездах[178]. Здесь он преобладал в однодворческих селах и, возможно, появился вместе со служилыми людьми, большинство которых были выходцами из центральных губерний России. Сарафан в этих местах обычно шили из домотканой черной или темно-синей тонкой шерсти, реже из сукна (сукни); использование китайки, распространенной в более северных южнорусских районах, нам неизвестно. Заднее полотнище и боковые клинья в курских праздничных сарафанах гофрировали, переднее полотнище закрывали длинным передником.

В Суджанском и частично в Обоянском уездах подол праздничных сарафанов украшали полосками позумента, парчи, бархата, золотым кружевом с бахромой. Верхнюю планку, на которую пришивали полотнища и лямки (*мышки*), выкладывали позументом, бархатным кантом и шнуром, свитым из золоченых нитей (*перевивкой*). Богатые крестьяне в XIX–XX вв. шили сарафан из красного атласа, штофа, украшенного позументом. Штофные сарафаны в Курской губ. называли шубкой. Первоначально этот термин применялся здесь и к более ранним шерстяным сарафанам[179]. Термин *шубка* как мы видели выше, был известен во многих южнорусских районах, а также в Московской и Владимирской губерниях. Возможно, этот термин распространялся в результате московской колонизации и первоначально мог указывать на связь с верхней распашной одеждой.

Широкие распашные сарафаны из волосени и штофные шубки во многих селах Суджанского, Обоянского, Беловского районов носили в праздник и повседневно вплоть до 1940-х гг. В 1960-е гг. молодые женщины и девушки еще водили в них праздничные *карагоды*. Позднее их использовали в местных фольклорных ансамблях, надевали на свадьбу. Своеобразный покрой косоклинного сарафана второго варианта зафиксирован нами в бывших однодворческих селах Грайворонского у. в бассейне р. Ворсклы (села Кустовое, Мощеное, Стрелецкое, Казацкое, Глинка, Отрожек, Карпово, Бутово, Ямное и др.). В нем к двум передним полотнищам с обеих сторон пришивалось по одному скошенному клину, доходящему до проймы, к косому клину по косой нитке пристрачивалось два клина, разрезанных по прямой нитке; они соединялись по прямой нитке с задним прямым полотнищем[180]. Грудь шерстяного сарафана украшалась аппликациями из парчи, лент, бархата, красного штофа, кумача. Богатые крестьянки в праздник надевали сарафан (*доподольник, окружной*), украшенный вертикальной полосой парчи, закрывающей передний серединный шов от груди до подола, от нее шли горизонтальные ряды лент, покрывающие большую часть площади сарафана — от подола до пояса. Нарядный сарафан носили без передника, подпоясывая широким ярким поясом. В этом районе домотканый сарафан активно бытовал до начала 1920-х гг. Позднее в селах Мощеное и Бутово его надевали на свадьбы, использовали в художественной самодеятельности.

3. Сарафан, сшитый из нескольких прямых (4–9) полотнищ фабричных тканей на лямках, назывался *прямым, круглым, московским*. Сравнительно редко этот сарафан шили из домотканого холста. Во время революции появление в некоторых местах холщового сарафана было связано с невозможностью приобрести фабричные ткани. Праздничные сарафаны были из более дорогих тканей ярких расцветок, их украшали по лямкам, верхнему пояску, по подолу лентами, бархатом, металлическим кружевом, тесьмой и пр. Во многих селах Суджанского у. Курской губ. заднее и боковые полотнища гофрировали, подобно черным шерстяным косоклинным сарафанам, а затем уже пришивали на обшивку. Этот сарафан бытовал во всех южнорусских районах, в одних местах он был уже известен в середине XIX в., в других распространился сравнительно поздно в конце XIX в., постепенно вытесняя поневу и косоклинный сарафан[181].

В некоторых селах Суджанского у. (Будище, Саморядово, Черный Олех и др.) прямые сарафаны появляются лишь в послереволюционные годы и первоначально служат будничной одеждой. Здесь традиции косоклинных сарафанов были стойкими. В тех районах, где сарафан наслаивался непосредственно на поневу, он первоначально был девичьей

одеждой. В этом случае прямой сарафан (как и косоклинный) в некоторых местах Калужского и Лихвинского уездов был введен по распоряжению помещиков и священников, считавших неприличным, чтобы девушки ходили в одних рубашках. Местные названия прямого сарафана разнообразны. В Калужском и некоторых других уездах его называли *шубкой*, в Рыльском и Льговском уездах Курской губ. — *зияткой*, *азияткой*, в Суджанском и Обоянском уездах — *саяном*, в с. Лазинки Жиздринского у. — *андараком*[182]. Помимо Курской губ. саянами называли сарафаны в Московской и Тверской губерниях. Поскольку саяном и андараком назывались юбки белорусов[183], распространение этих терминов в западных и юго-западных районах России, по-видимому, следует объяснить белорусско-литовскими связями отдельных групп служилого населения и более поздних переселенцев.

Сарафан прямого покроя бытовал почти повсеместно во всех русских губерниях, он распространялся вместе с движением русского населения в южнорусскую лесостепную зону, в Поволжье, Сибирь. Русские старообрядцы занесли этот тип сарафана на Украину, в Бессарабию[184].

4. Сарафан прямой с лифом состоял из юбки, скроенной из нескольких прямых полотнищ, присборенных и пришитых к облегающему лифу без рукавов. Его шили чаще из фабричных тканей, редко из домотканины. Подол сарафана, а нередко и вырез ворота украшали полосками из лент, тесьмы, бархата и пр. Этот сарафан распространился сравнительно поздно — в конце XIX — начале XX в. и был известен в основном в западных районах Калужской и Орловской губерний, а также в Грайворонском, Белгородском, Корочанском уездах Курской губ., в последней он появился лишь в начале XX в. В большинстве южнорусских районов этот сарафан называли полуплатьем, иногда саянчиком, под термином *саян* он был распространен в Ельнинском у. Смоленской губ. Исследователи связывают появление этого сарафана с одеждой, характерной для белорусов. По предположению Б.А. Куфтина, белорусский андарак с лифом в свою очередь генетически связан с западноевропейским костюмом, утвердившимся там с XV в. и занесенным на территорию Белоруссии во времена Литовского государства[185].

По мнению Н.И. Лебедевой, границей между территорией бытования андарака и поневы была р. Угра. Весь край за Угрой местное население называло «Польщиной». Река Угра с 1408 по 1503 г. была границей между Литовским и Московским государствами[186]. На русской территории сарафан с лифом первоначально, по-видимому, появился в западных русских губерниях — Смоленской, Псковской, в западных селениях Калужской и Орловской, позднее в центральных и северных губерниях России.

Таким образом, как показывают изложенные выше материалы, сарафан, хотя, по-видимому, и не являлся местной древней одеждой, как понева, в XIX — начале XX в. широко распространился во всех губерниях южнорусского региона, вытесняя поневу, или бытовал наряду с ней в качестве выходной одежды.

В южнорусских районах сарафаны различались по покрою, материалу, расцветке, украшениям и по названиям. По особенностям покроя выделяются четыре основных типа сарафана. Наиболее старинным справедливо считается глухой, преимущественно девичий сарафан, генетически связанный с со старинной туникообразной одеждой. В южнорусских, как и в других губерниях, наиболее распространен косоклинный сарафан, скроенный из одного заднего прямого полотнища и двух передних полотнищ, сшитых, а в более ранних сарафанах и не сшитых между собой, со вставленными на боках косыми или прямыми клиньями. Этот сарафан сходен по покрою с верхней одеждой XVI–XIX вв., центр его распространения — северо-восточные русские губернии. В одних южнорусских районах, как, например, в Курской губ., этот тип мог появиться вместе с поселениями служилых людей еще в XVI–XVIII вв., здесь о существовании поневы сведений у нас нет, в других он распространялся в связи с монастырской и помещичьей колонизацией в XVII–XIX вв.

Во второй половине XIX — начале XX в. постепенно распространяется сарафан, сшитый из нескольких прямых полотнищ, преимущественно из фабричных тканей. В одних районах он вытеснил поневу и косоклинный сарафан, в других (Суджанский у.) появился лишь в послереволюционные годы. Применяемые к нему термины: *саян* — в Суджанском и Обоянском уездах, *андарак* — в Жиздринском у. свидетельствуют о белорусско-литовских связях и влияниях. Сарафан прямой с лифом, бытовавший на западе южнорусского региона и известный под названием *полуплатье*, *саянчик*, появился здесь сравнительно поздно под влиянием одежды белорусов и, возможно, связан с западноевропейским костюмом.

НАГРУДНАЯ ОДЕЖДА

К нагрудной одежде относится сравнительно легкая одежда, надеваемая поверх рубахи (иногда сверху передника), прикрывающая верхнюю часть корпуса, это нагрудник, душегрейка, жилетка, корсетка, кофта.

Нагрудник — старинная туникообразная глухая или распашная одежда, распространенная в XIX — начале XX в. в Рязанской, Тамбовской, Тульской, Калужской губерниях, местами встречалась в Воронежской, Пензенской, Смоленской, Псковской[187]. Южнорусский нагрудник

был составной частью поневного комплекса одежды. Глухие туникообразные нагрудники имели много общего с аналогичной одеждой мордвы, мари, удмуртов и чувашей. Туникообразные нагрудники различались по покрою, по материалу, расцветке, украшениям, имели разнообразные названия.

Более древними считаются глухие нагрудники. Они были двух типов. Один тип сходен с мужской туникообразной рубахой: центральное полотнище перегнуто пополам по утку, в центре вырезан ворот, сверху пришиты рукава, под рукавами переднее и заднее полотнища соединены двумя прямыми боковыми полотнищами, перегнутыми по основе, либо косыми боковыми клиньями. В другом типе перегнуты по утку пополам два полотнища, швы проходят посредине спины и груди и по бокам, ворот вырезан посредине центрального соединительного шва, рукава пришиты к краю стана. Покрой этого нагрудника аналогичен рубахе *панар* мордвы эрзя. Распашной нагрудник отличался разрезом в центре. Нагрудники были с длинными и короткими рукавами, часто рукавов не имели, длиной — до пояса, до колен или ниже.

Нагрудники шили преимущественно из тонкой шерстяной или полушерстяной домотканой ткани — уток из шерсти, основа конопляная или льняная, на северо-востоке в Мещерском крае, а также на западе в Калужской губ. преобладали нагрудники, сшитые из холста[188]. В южнорусских губерниях наиболее распространены были нагрудники белого цвета, встречались нагрудники цвета овечьей шерсти — серые, коричневые. В бассейне верховий Дона — в Епифановском, Богородицком уездах Тульской губ., в Скопинском, Раненбургском, Данковском уездах Рязанской губ. — были распространены черные нагрудники, в некоторых селах — красные[189]. Наличие черных и красных нагрудников, как и красных понев, бытовавших в этих районах, дает основание некоторым исследователям предполагать о связях жителей этих районов с какими-то очень древними группами населения[190].

В Михайловском и Пронском уездах Рязанской губ., в Епифановском у. Тульской губ. бытовал желтый шерстяной нагрудник (*желтик*), окрашенный растительной краской. Желтые нагрудники встречались также в Псковской губ. Крашение одежды в желтый цвет было известно мордве уже в XVII в., а желтый цвет в одежде эстонцев издавна считали траурным, возможно предположить отражение здесь каких-то взаимосвязей русских с соседними финноязычными народами[191]. Шерстяные нагрудники, окрашенные в синий цвет, известны в некоторых селах Богородицкого, Епифановского, Алексинского, Новосильского уездов Тульской губ. Синие холщовые нагрудники встречались под названием *синяк* в Сапожковском у., *синюшка* — в с. Секирино Скопинского у. Рязанской губ.[192].

Терминология туникообразного нагрудника очень разнообразна. Часто встречались термины: *шушпан, шушун, шушка, нагрудник, нагрудень*. В Тамбовской губ. преобладали *шушпан, шушун* и *шушка*[193]. В Тульской губ. распространены были *нагрудник, нагрудень, шушпан, чупрун* или *серяк, катанка, коротышка*[194]. В Рязанской губ. почти во всех уездах встречались: *шушпан, шушун, сушун, шушка*[195]. В Касимовском и Темниковском уездах распространен был *навершник*, термин *нагрудник* известен в Сапожковском, Касимовском, Зарайском, Данковском, Раненбургском, Ряжском уездах. *Коротайкой* часто назывался нагрудник в Данковском у.[196]. Как указывалось выше, в некоторых районах (Касимовский, Темниковский, Данковский, Раненбургский уезды) туникообразный нагрудник называли *сарафан-перышко, сарахван, сарафанчик*. Термины *юпа, юпочка* известны в Раненбургском, Рязанском, Михайловском уездах, а *носовчик* — в Мещерском крае[197]. Термин *носовчик, носов*, как и *сарахван* для нагрудной одежды отмечены также на западе Калужской губ., что, по-видимому, свидетельствует, наряду с другими деталями одежды, о древних связях населения западных районов с рязанской мещерой.

Нагрудники были будничные и праздничные, будничные обычно украшались мало. Пожилые женщины в Касимовском у. носили белые нагрудники, нередко с белыми вытканными узорами и белым кружевом, ворот обшивали красной бумагой. Такие нагрудники считались также и траурными. В зависимости от характера использования нагрудник нередко имел разные обозначения. Так, в с. Сентово Касимовского у. самым нарядным навершником для молодых женщин считался *трочной* — безрукавный, расшитый шелком и блестками. Его надевали на невесту после венца, на второй день молодая выходила в *добром* навершнике. По праздникам молодые женщины и девушки надевали *посвятошный* навершник, в будни — *ходильный*, дома — *будневой*. Праздничный нагрудник называли добрым и во многих других южнорусских селах. В селениях Заулки, Сумерки, Чермные Кадомского р-на будничный холщовый нагрудник называли *навершником*, а *кружавник* — это нарядный нагрудник молодых женщин, в котором они щеголяли в большие праздники, на невесту его надевали (вместе с поневой) на девичнике[198].

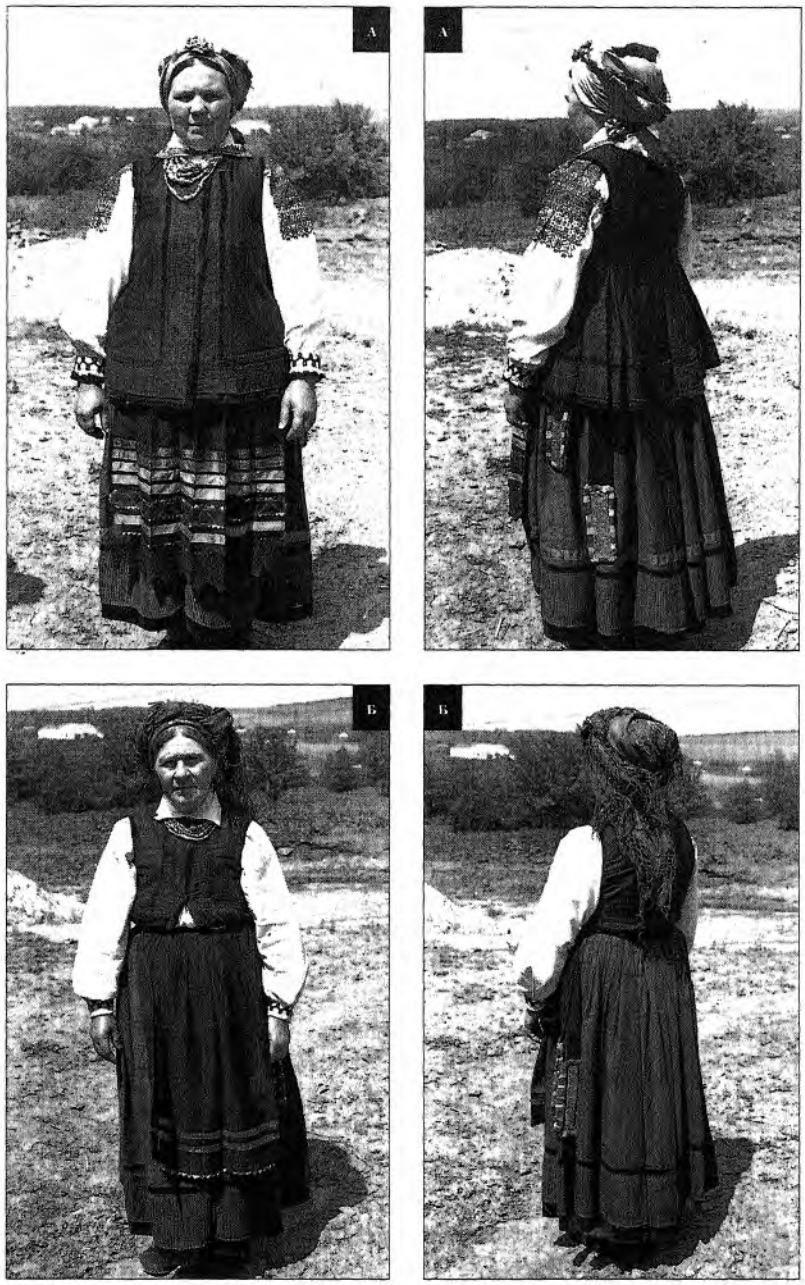
Праздничный нагрудник богато украшался аппликациями из кумача, красной, зеленой, синей, черной шерсти, позумента в сочетании с узорным тканым браньем, вышивкой, лентами, тесьмой, блестками, кружевом и пр. Повсюду доминировал красный цвет. Во многих нагрудниках, известных нам по коллекциям Российского этнографического музея, на белый фон спереди приходится лишь небольшая доля поля нагрудника[199].

В большинстве селений нагрудники давно уже вышли из употребления. Но в селах Чернава и Озерки Милославского р-на Рязанской обл. еще в 1960-е гг. сохранялась шушка — древний тип туникообразной глухой одежды, по покрою сходный с мужской туникообразной рубахой.

Душегрейка — короткая, до талии, расклешенная, гладкая спереди, со сборками сзади и на боках, на лямках. Душегрейка была широко распространена в северных и центральных губерниях России, ее носили с сарафаном. На южнорусской территории она бытовала в XIX–XX вв. преимущественно в однодворческих селах Землянского, Бобровского уездов Воронежской губ., в отдельных однодворческих селах Курской и Орловской губерний[200]. Интересно, что душегрейку в Воронежской губ. носили не только с сарафаном, но и с домотканой шерстяной юбкой и с поневой. Душегрейка под названием *бастрог* (*бастрок*) была известна в Раненбургском и Данковском уездах Рязанской губ., в Липецком у. Тамбовской губ., в Новосильском у. Тульской губ.[201]. Здесь ее носили и с сарафаном и с поневой. Появление душегрейки на южнорусской территории, по всей видимости, связано с перемещением служилого сословия из центральных районов России.

Жилетка — тоже короткая (до талии), но облегающая лиф безрукавка с застежкой спереди. В Воронежской губ. по р. Потудани ее называли *теплушкой*. Она кроилась из цельного прямого заднего полотнища и двух боковых полок, обычно ее шили из покупных тканей однотонного темного цвета, на подкладке из домашнего холста или ситца. Боковые полы и нижний край жилетки отделывали нашивками из узких полосок ярких тканей, лент, тесьмы и др. Жилетка бытовала в отдельных, преимущественно однодворческих селах Воронежской губ. В Воронежском, Задонском уездах ее носили с полосатой юбкой, в некоторых селах Коротоякского, Бирючинского, Землянского уездов — с поневой[202]. Она была известна также в некоторых украинских и русских селах Новооскольского у. Курской губ. и Острогожского у. Воронежской губ. В Рязанской губ. безрукавку, по покрою сходную с жилеткой, называли *подживотник, прижимка*; ее нередко подбивали ватой[203]. Жилетку чаще носили с домотканой юбкой и юбкой из фабричных тканей.

Безрукавка, облегающая грудь, под названием *шнуровка*, была известна на западе Смоленской губ. Здесь она входила в комплекс одежды с полосатой юбкой — андараком. По мнению исследователей, русская шнуровка сходна с характерной для белорусов короткой безрукавкой, называемой *шнуроўка, кабат, гарсет* и др. Белорусская короткая безрукавка в свою очередь связана по покрою с одеждой западных славян, народов Прибалтики, Западной Европы, где подобный костюм был известен в XV в. По материалам Е.И. Матейко, жилет в центральных областях Украины распространяется только в конце XIX — начале XX в.[204].



Традиционный комплекс одежды. Вид спереди и сзади:
а) с юбкой, корсеткой и сложно повязанным платком, под который сзади подложена палочка; б) с юбкой, жилетом, с платком сложной повязки. Белгородская обл., Новооскольский р-н (бывш. Курская губ., Новооскольский у.), с. Васильдол. Начало XX в. Фото Б.И. Смехова, 1977 г.

В южнорусских губерниях жилетка могла появиться в результате переселений разных групп населения из западных губерний России. Поскольку жилетку почти всегда шили из фабричных тканей, распространение ее в исследуемых районах, возможно, относится ко второй половине XIX в.

Корсетка (*безрукавка*) — также сравнительно поздняя безрукавная одежда. Корсетка состоит из лифа, облегающего грудь, и расширяющейся от талии нижней части, расклешенной, со вставленными клиньями, иногда с подрезной спинкой или пришитой в сборку юбкой, длиной до бедер или до колен. Застежка спереди или сбоку. Шили корсетку из покупных тканей — ситца, сатина, атласа, шерсти, сукна, плиса, бархата, подкладка — из холста или ситца, иногда — стеганная на вате. Передние полы и низ корсетки часто украшали пуговицами, нашивками из тесьмы, шнурков, лент. Корсетку обычно носили девушки и молодые женщины. Во второй половине XIX — начале XX в. она встречалась почти во всех южнорусских губерниях[205], но наиболее характерной была для традиционного женского крестьянского костюма центральных и восточных губерний Украины. Корсетка бытовала и в украинских воронежских и курских селах Бирючинского, Валуйского, Коротоякского, Богучарского, Землянского, Суджанского, Грайворонского, Белгородского уездов[206]. В украинских селах исследуемых районов корсетки бытовали, по-видимому, на протяжении XIX в. Но уже в 1890-е гг. некоторые современники указывали, что корсетки — это «одежда, вышедшая из употребления» или «встречаемая очень редко»[207].

Кофта — более поздняя легкая одежда из фабричных тканей, надеваемая поверх рубахи. Кофта в комплексе с юбкой из покупных тканей и коротким передником распространяется в южнорусских селах в конце XIX — начале XX в., когда постепенно происходила замена традиционного костюма новыми формами, связанными с влиянием города. Новые моды приносили в село отходники, уходящие на заработки в города и казачьи станицы. Через мелких торговцев и скупщиков село наводняли дешевые ситцы и другие ткани фабричного производства. Сначала кофты появляются в качестве праздничной одежды. В то же время в тех районах, где комплексы традиционной одежды с поневой, косоклинным сарафаном и туникообразным нагрудником сохранялись до 20–30-х гг. XX в., рубаха, как указывалось выше, служила не только нательной, но и выходной одеждой.

Кофту шили из ситца, шерсти, шелка, атласа. Разнообразны фасоны кофт: прямого покроя, расклешенные, иногда с круглой кокеткой (*холодайка*), приталенные, с выкройной спинкой и пришитой у талии косой оборкой (*карас, баска*), с отложным или стоячим воротником. Они украшались множеством втачных и декоративных швов, складочек, тесьмой

и пр. Ситцевая кофта прямого покроя с длинной присборенной юбкой длительное время остается излюбленным костюмом пожилых женщин.

Передник. Необходимой принадлежностью русского традиционного костюма был передник, его надевали поверх рубахи с поневой, сарафаном и юбкой. Не надевали передник с праздничными косоклинными сарафанами в Грайворонском, Белгородском, Корочанском уездах Курской губ., а также в некоторых селах Тамбовской и Рязанской губерний, где бытовал старинный распашной сарафан с застежкой спереди. Не всегда был передник и в комплексе девичьей праздничной одежды с глухим сарафаном.

По особенностям покроя известны два основных типа передника: высокий, укрепляемый на плечах, и короткий, повязываемый на талии. По способу укрепления высокого передника на плечах выделяются варианты, в них последовательно отразились изменявшиеся формы старинного покроя.

Первый тип. Во многих южнорусских селах в XIX — начале XX в. бытовал туникообразный передник с рукавами или без рукавов, он скроен из одного полотнища домашнего холста, перегнутого пополам по утку; в месте перегиба — вырез для головы и отверстие для рук, на спине — разрез вдоль полотнища. Сверху могли быть пришиты рукава, а с боков вставлено по половине прямого полотнища или по косому клину. Передник, скроенный из одного полотнища, — наиболее древняя форма, генетически связанная с туникообразным нагрудником, отличалась от него длиной и разрезом на спине. По наблюдениям Н.И. Лебедевой, в Жиздринском у. Калужской губ. был известен более примитивный передник — *шушман*: перегнутое на плечах полотнище не сшивалось на боках, а лишь слегка скреплялось в одном месте[208]. Он по названию и по покрою близок к нагруднику. Некоторые передники трудно отличить от нагрудника. Так, в некоторых селах Нижнедевицкого и Землянского уездов Воронежской губ., в Карловской вол. Сапожковского у. Рязанской губ. женщины работали в страдную пору в коротком туникообразном переднике с рукавами (*завеска*, *запан*),

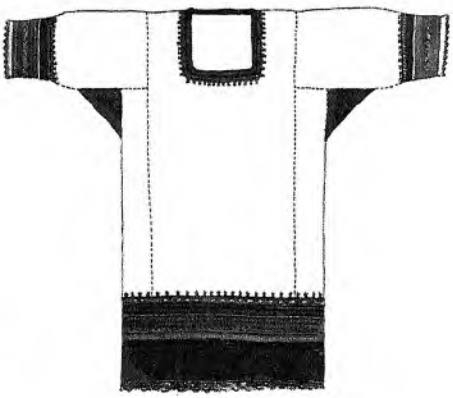


Схема покроя туникообразного передника с рукавами. Тамбовская губ., Елатомский у. (ныне Рязанская обл., Кадомский р-н). Конец XIX в. (Из кн.: Русские Рязанского края. М., 2009. Т. 1. С. 445.)

похожем на нагрудник[209]. Туникообразный передник нередко заменял нагрудник. В некоторых районах Калужской и Рязанской губерний, там, где бытовал нагрудник, передник не носили.

В ряде сел на западе Калужской губ. туникообразный передник считался новой модной одеждой, вытеснявшей в начале XX в. старинный нагрудник — *костолан*[210]. В большинстве южнорусских районов туникообразный нагрудник и передник бытовали одновременно. Более поздней формой был передник с кокеткой. Основой его служило перегнутое пополам по утку короткое полотнище, спереди к нему подшивали в сборку два других полотнища.

Туникообразный передник входил в комплекс одежды с поневой и сравнительно редко его надевали с сарафаном, преимущественно с косоклинным. Эти передники были характерны для южнорусских губерний, частично они бытовали и севернее — во Владимирской и Московской губерниях, там, где носили поневу, и лишь местами — на севере и северо-востоке[211]. Наиболее распространенными названиями для этого типа передника (как, впрочем, и для большинства других) были — *занавеска, завеска, запон, (запан)*, причем в одних и тех же уездах нередко соседствовали разные термины. И все же в отдельных районах, по нашим сведениям, можно проследить преобладание того или иного термина. В Тульской и Орловской губерниях туникообразный передник чаще называли занавеской, завеской. В с. Рейтеровка Севского у. Орловской губ. известен украинский термин *запаска*[212]. Занавеской называли передник в Калужском, Перемышльском, Мосальском, Жиздринском уездах Калужской губ.[213]. В Тамбовской губ. преобладал термин *запан*, хотя был известен и термин *занавеска*. В Сапожковском, Скопинском, Касимовском уездах Рязанской губ. передник чаще называли запон, в то же время встречались и термины *занавеска, завесы*[214]. В Данковском, Раненбургском, Михайловском, Рязанском уездах наиболее известны *занавеска, завесы*[215]. В Воронежской губ. туникообразный передник называли: в Коротоякском и Павловском уездах — *занавеска*, в Новохоперском — *запан, занавеска*[216].

В конце XIX — начале XX в. чаще встречался высокий передник, верхняя часть которого была открытой, на узких или широких лямках, выкроенных из переднего и заднего полотнищ холста, сшитых на боках. Заднее полотнище разрезано посередине на спине. На переднем полотнище могла выкраиваться грудинка, а заднее полотнище могло быть коротким. Этот вариант является упрощением туникообразного передника, позднейшей формой его развития. Он известен нам под теми же названиями (*завеска, занавеска, запан*): в селах Мечетка, Чуканка Бобровского у., в дер. Вертушка Коротоякского у., в селах Малышево, Каширское Воронежского у., в с. Клеповка Павловского у., а также на севере Курской губ.[217].

В 1900-е гг. широко распространяются еще более упрощенные формы высокого передника: верхняя часть передника, сшитого из двух полотнищ холста (или из одного и двух боковых), присборена на обшивку и укрепляется на шее и плечах при помощи шнурков. Нередко к обшивке пришит невысокий передок (*грудинка*), в последнем случае шнурки укреплялись на грудинке. Этот передник известен под теми же названиями, что и вышеуказанные варианты. Его носили с поневой, полосатой юбкой и с сарафаном, шили не только из холста, но и из фабричных тканей, постепенно распространяющихся в деревне.

Передники были повседневные, праздничные, траурные, имели возрастные различия. Праздничные занавески и запоны девушек и молодых женщин богато украшались. Холщовые передники покрывались ткаными многоцветными браными и закладными узорами, вышивками по выдерганному холсту, чередующимися с нашивками из лент, кумача, ситца, тесьмы, блесток, гарусной бахромы и кружева. Высокий запон на шнурках, сшитый из шелка, шерсти, ситца ярких расцветок, украшали аппликациями из лент, тесьмы, кумача, кружева и т.п. Так, особенно красочными были завески курских саянов. Они сшивались из множества шелковых и шерстяных лент, полосок кумача, красного узорного тканья, отделывались серебряной бахромой и кружевом[218]. Материал и украшение занавески строго соответствовали ансамблю костюма. С белой холщовой рубахой носили белый полотняный передник, с красной рубахой — красную занавеску из покупных тканей, с шелковым сарафаном чаще надевали шелковый запон. В Суджанском и Обоянском уездах Курской губ. яркий шелковый передник носили также с праздничными косоклинными сарафанами, сшитыми из черной домотканой шерсти. Там, где передник носили с нагрудником, украшения их были сходными, гармонично дополняя друг друга.

Второй тип — передник короткий, подвязываемый на талии, генетически восходит, по-видимому, к поясной одежде. Этот передник обычно носили с юбкой, хотя его надевали и с сарафаном; шили обычно из покупных тканей. Он является новой формой, постепенно вытеснившей в начале XX в. традиционный высокий передник.

Вместе с тем, в Бирючинском и Коротоякском уездах Воронежской губ., издавна носили короткий передник, сшитый из двух полотнищ белого холста, присборенных сверху на пояске с завязками (*завеска*). В праздничном костюме центральный шов и подол передника обычно расшивали плотным узором черной шерстью, что гармонировало с белой полотняной рубахой, украшенной в том же стиле, и черным полем поневы, расшитой яркой шерстью. Позднее, в начале XX в., с распространением моды на красные атласные рубахи, надевали передник из той же красной ткани, украшенной по подолу лентами, позументом, блестками, кружевом[219].

Появление в этих районах короткого полотняного передника, возможно, объясняется культурными связями с украинцами. Известно, что короткие домотканые передники были старинной поясной одеждой украинцев и белорусов. Эти передники, по-видимому, были дальнейшей стадией развития старинной несшитой поясной одежды типа украинской запаски. В соседних с русскими украинских селах Коротоякского, Бирючинского, а также Рыльского и Суджанского уездов Курской губ. в середине XIX в. женщины носили с плахтой и юбкой короткий домотканый передник, называемый здесь *запаской*. Интересно, что и в некоторых русских селах Коротоякского у. даже более поздний передник из фабричных тканей называли запаской[220].

С юбкой из фабричных тканей, распространившейся в конце XIX в., всегда надевали короткий передник из покупных тканей (*фартук*). В последнее десятилетие передник-фартук все чаще становится только рабочей повседневной одеждой, предохраняющей платье от загрязнения. В качестве праздничной одежды фартук частично сохраняется лишь в костюме женщин пожилого возраста.

ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ

Девичьи головные уборы. Головные уборы девушек издавна отличались от головных уборов замужних женщин, последние были обязаны всегда и везде полностью закрывать волосы. Формы головных уборов в значительной степени были связаны с прической. Русские девушки плели одну косу и выпускали ее на спину, реже укладывали косу вокруг головы. Обычно косу плели в три пряди, но в некоторых районах Воронежской, Калужской и Орловской губерний косу заплетали в четыре, семь и более прядок. Такая коса называлась — *писаная*. Более архаической прической были распущенные по плечам волосы, о чем свидетельствуют рисунки древних рукописей и иностранных путешественников, а также пережитки этой прически, сохранявшиеся еще в начале XX в. в свадебном, похоронном и в некоторых земледельческих магических обрядах[221]. С подобной архаической прической была связана и основная особенность девичьих уборов, предназначенных не закрывать волосы, а скреплять, перевязывать их. Поэтому для девушек были характерны головные уборы, охватывающие голову в виде обруча или перевязки и с открытой макушкой и шеей. Обруч как основа девичьего головного убора был известен славянским народам с древности. Головные венчики из золотой византийской ткани или пластинчатые металлические, завязывающиеся на затылке, зафиксированы археологами во многих курганах Волго-Окского междуречья. В земле северян известны венчики, сделанные из толстой проволоки[222]. Девичьи уборы

в XIX — начале XX в. имели ту же форму круга, что и в древности. В южнорусских губерниях в XIX в. отмечались разнообразные виды девичьих уборов, известные и в других русских районах России. Широко распространены были налобные повязки из ткани — холста, кумача, парчи, позумента, часто на подкладке, нередко с подложенной твердой основой (картон, простеганный или проклеенный холст, луб), шириной 4–15 см с широкими завязками сзади. Эти повязки имели разные названия: *перевязка, ленка, повязка, налобник, ширинка, теремок, связка, тканка, венец, коробка, клеенка, золотуха* и др. Праздничную повязку украшали золотой и серебряной вышивкой, блестками, каменьями, гарусной и бисерной бахромой, лентами. По бокам повязки прикрепляли кисти из разноцветного гаруса или шелка, сзади — длинные завязки из кумача, шелка, лент, спускающиеся на спину. В косу вплетали ленты или *косники*, из ткани, лент, сшитые в форме треугольника, сердечка, разукрашенные бисером, гарусной бахромой, блестками. В Орловской, Калужской, Тульской, Рязанской, Тамбовской губерниях налобник часто шили из позумента, который изготавливали местные монастыри. Техника вышивки золотой нитью и узоры были близки к вышивкам различных церковных предметов. Головной убор в форме обруча с основой из луба бытовал в калужском и орловском Полесье[223].

Древним головным убором девушек было домотканое полотенце, в XIX — начале XX в. оно бытовало преимущественно в Калужской и Орловской губерниях. Обычно это была полоса домотканины размером 17–20 × 150–170 см, концы ее украшены тканым узором, вышивкой или лентами. Полотенце складывали продольно сначала на лоб, концы заводили назад, переплетали на затылке, вели на перед и закладывали так, чтобы узорные части приходились надо лбом и по бокам. Полотенчатые головные уборы дольше сохранялись у украинцев и белорусов и потому известны в основном в пограничном русско-украинско-белорусском Полесье[224].

Повсюду полотенце служило свадебным головным убором, им покрывали невесту поверх головной повязки. После венца надевали кичку с сорокой, а поверх нее — полотенце. Свадебное полотенце шили из льняного тонкого разреженного холста размером 200–300 × 40–50 см. Его украшали узорным тканьем, вышивкой, кружевом, нашивками из лент. Позднее, с конца XIX в., распространилась венчальная фата из батиста, тюля, обшитая лентами, кружевом, блестками, вышивкой.

В качестве девичьей повязки более широко использовался платок сначала домотканый, позднее фабричный. Платок складывали на угол по диагонали и завертывали полосой, подобно обручу, шириной 15–18 см. Концы платка завязывали сзади, спуская по плечам, иногда обертывали ими виски наподобие чалмы или скрепляли их спереди на

лбу. Для придания платку твердой формы подкладывали полосу бумаги, картона или бересты.

Во многих южнорусских районах девушки носили венок из искусственных цветов, птичьих крашеных перьев, позумента, бисера, лент и других украшений. Обычно их шили из ткани с твердой основой в форме обруча. Венок из с. Липяги Скопинского у. Рязанской губ. убран пятью крупными розочками, составленными из петушиных перьев красного, синего и желтого цвета[225]. В некоторых венках из Тульской и Рязанской губерний разноцветные перья укрепляли на позументе венка вертикально[226]. В Шереметьевском у. Калужской губ. к мясоеду — сезону свадеб — девушки наряжались в красочные венки, сооруженные из искусственных цветов и разноцветных стеклянных бус на проволочной основе. Цветы делали из тонкой цветной бумаги и из пунцовой, зеленой, желтой и белой фольги. Венок надевали поверх красного шелкового платка, свернутого полосой, по лбу повязывали золотые мохры, а на висках укрепляли *крючки* из перьев селезня. Венки изготовляли особые мастерицы-веночницы или монашенки Девичьего монастыря в г. Калуге, уроженцы местных деревень[227]. К праздничному головному убору прикрепляли височные украшения — *пушки* в виде помпонов из пуха или кистей из разноцветных бисерных или гарусных нитей, *кудри*, *песики* из перьев. За перевязку затыкали крашеные перья, искусственные или живые цветы. Украшение головных уборов цветами и перьями особенно широко было распространено на Украине. Эта традиция сохранялась в украинских селах Острогожского у. Воронежской губ, где, по данным современника, «девушки квітчаются... различными цветами, как-то: рожей, гвоздикой и др.»[228]. Венки из искусственных цветов были распространены в украинских селах Валуйского, Бирючинского, Острогожского уездов, а также в русских селах Коротоякского и Павловского уездов Воронежской губ., что, несомненно, свидетельствует об активных этнокультурных взаимовлияниях[229].

Обычным девичьим головным убором был платок, покрывающий всю голову. В летнее время повседневно девушки ходили без головного убора или в простых повязках, а чаще повязывались дешевыми холщовыми, ситцевыми платками, в холодную погоду — более теплыми шалями. Платок завязывали под подбородком или сзади в виде косынки; теплыми шалями обматывали шею, завязывая концы сзади или спереди на темени. В начале XX в. фабричный платок становится основным головным убором как девушек, так и женщин (см. ниже). Различия в девичьих и женских головных уборах постепенно стираются.

В некоторых селах Воронежской, Тамбовской и Орловской губерний девушки носили колпак, вязанный в форме чулка из белой пряжи[230]. Частично этот головной убор бытовал в Вологодской, Вятской губерниях

и в Нижнем Поволжье. Его носили донские казачки. Вязаный колпак, не свойственный славянскому населению, более характерен для татар и удмуртов, от которых мог быть заимствован русскими[231].

Женские головные уборы. Женская прическа отличалась от девичьей. Женщины обычно заплетали волосы в две косы и укладывали их на голове, причем на темени или на висках делали из кос возвышения — *рога*. Укладывание волос в пучок на темени без плетения кос было известно в орловском и калужском Полесье, встречалось кое-где в Воронежской, Курской губерниях[232]. Эта более архаическая прическа чаще была распространена у украинцев и белорусов.

Описанию русских головных уборов посвящена большая литература. Поэтому здесь необходимо сосредоточить внимание на наиболее существенных местных особенностях головных уборов. В южнорусских районах были известны почти все компоненты русских, частично восточнославянских головных уборов; полотенце, платок, кичка, сорока, кокошник, повойник, сборник, колпак. Так же как и повсюду в России, большую часть их надевали вместе с другими, составляя сложный комплекс головного убора. Сочетания отдельных компонентов головного убора были весьма разнообразны. Так, полотенце или платок могли носить самостоятельно, но чаще они служили наружной, покрывной частью кички, сороки, кокошника, сборника, чепца. Поверх кички надевали сороку и платок либо только один платок. Кокошник был нарядным самостоятельным убором, но в некоторых районах его надевали на кичку, повойник, сборник, а также его могли покрывать сверху и платком. Подобные вариативные сочетания нередко возникали в отдельных районах, где у населения, смешанного в этническом отношении, складывались разнообразные традиции, которые, сплетаясь в сложные клубки взаимовлияний, порождали необыкновенное разнообразие местных головных уборов, нередко отличавшихся в пределах одного уезда, волости или соседних сел.

Для характеристики местных головных уборов мы выделяем несколько основных комплексов головных уборов, определяющим критерием которых был тот компонент сложного убора, который нес основную функциональную нагрузку в данном головном уборе. Но следует иметь в виду, что это выделение весьма условно. В одних районах одновременно могло бытовать несколько комплексов головных уборов и взаимное их сочетание также было вариативным. В других районах одни комплексы хронологически сменялись другими.

Комплекс головного убора с полотенцем, с платком. Полотенчатый головной убор, в котором полотнище ткани является основой, известен с древности всем славянским и многим другим народам. Он упоминается под названием *убрус*, *повой* в ранних русских письменных

памятниках и изображен на древних миниатюрах и иконах. Повой обвивался вокруг головы, закрывая целиком волосы женщины, спускался иногда на плечи, концы его могли свисать на грудь[233].

В XIX в. в качестве основного головного убора полотенчатый убор сохранялся в Смоленской, на западе Орловской (в бассейне р. Десны), кое-где в Курской и в Тульской губерниях, а более широко был распространен в Белоруссии и на северо-востоке Украины[234], что свидетельствует о древних культурных связях русских полещуков с соседними белорусами и украинцами. Полотенце (*ширинка*, *серпанка*, *убрус*, *наметка*, *хустка*, *фата*) представляло собой прямоугольный плат из белого толстого или тонкого холста либо из льняной кисеи редкого тканья (*сарпанок*) размером 170–180 × 20–40 см. Его надевали на мягкую основу типа повойника или чепца. Концы полотенца украшали узорными затканками, вышивкой, кружевом, лентами. Существовали разные способы повязывания полотенца на голове. Н.И. Лебедева зафиксировала полотенчатые головные уборы в нескольких селах (Ружное, Пластово и др.) Брянского у. под названием *головное* и *увязка*. Головное состоит из *кички* — мягкого чепца с завязками, в который убираются волосы, сверху надевается полотенце, которое средней своей частью закрывает макушку, правым концом, сложенным углом, вторично накрывает ее, левый конец, сложенный вчетверо, обходит вокруг головы и ложится спереди околышем под своим затканным концом[235]. К той же культурной общности относятся и полотенчатые уборы горюнов Путивльского у. Курской губ., живших на границе с Черниговской губ. Наши обследования показали, что в селах Линово, Новая Слобода, Калищи женщины укладывали волосы спереди таким образом, чтобы на висках были возвышения — *рога*, на них надевали мягкий чепец, а сверху обертывали голову длинным белым холстинным полотенцем — *наметкой*, украшенной на концах узорным тканьем и лентами.

В большинстве же южнорусских селений в XIX в. домотканое полотенце было наружной покрывной частью сложного головного убора. Такую же роль выполнял и платок, сначала белый домотканый (также древний головной убор), позднее сшитый из фабричных тканей, а чаще купленный готовым. Судя по описаниям корреспондентов Русского географического общества, известно много способов повязывания полотенца либо платка из домотканых или фабричных тканей поверх кички, сороки или кокошника. Так, например, в с. Матчеры Моршанского у. Тамбовской губ. поверх кички (здесь ее называли *калотовка*) и позатыльника с длинной нижней холщовой частью, украшенной лентами и разрезанной вдоль, надевали домотканый платок, поверх него накладывали белое кисейное полотенце (*дыринка*) длиной около 2 м. Дыринку перекрещивали под подбородком, концы ее обводили вокруг

шеи и завязывали на затылке. Таким образом, на спине у женщины висело шесть ярких концов — два от позатыльника, два от платка и два от дырinки. Край дырinки, обложенный лентами или кружевом, закрывал лоб, виски и щеки. В этом же селе рогатую кичку иногда покрывали двумя полотенцами, одно из них завязывали сзади, другое под подбородком[236]. В Карачевском у. Орловской губ. кичку покрывали холщовым полотенцем, обтягивая им голову в форме шапочки, а длинные крашеные концы завязывали на затылке, распуская их по спине. В праздники полотенцем обматывали голову в форме чалмы, концы его выпускали сбоку — до плеч[237]. Чалмообразная повязка встречалась и во многих других южнорусских селениях. Нередко полотенце, сложенное узкой полосой, накладывали на лоб, обводили концами затылок и завязывали их на лбу в форме рогов. В других случаях концы полотенца перекрещивали под подбородком, обводили вокруг шеи, завязывали на затылке. Эти и другие способы повязывания полотенца и платка были довольно распространены в исследуемом регионе[238]. Полотенце, надеваемое поверх сороки в с. Желтые Пески Липецкого у. Тамбовской губ., называли *дымкой*., в с. Коноплянка Кирсановского у. — *коноваткой*, в селах Семеновка и Хельмечи Севского у. Орловской губ. — *пояской* и *засновкой*[239].

В конце XIX — начале XX в. во многих южнорусских селах основным головным убором стал фабричный платок, часто заменяя собой другие старинные виды головных уборов. Большой популярностью пользовались платки из красного ситца с цветами — *французские*. Пожилые женщины носили белые ситцевые платки. Белые платки считались и траурными. Среди молодых женщин были популярны *накищоные* платки, т.е. сшитые из кумача, сатина, одноцветного шелка, украшенные бисером, бахромой, кистями из разноцветного гаруса. Наиболее нарядными во многих селах считались дорогие большие платки (шали) из шелка с золотым шитьем или из тонкой шерсти с цветочным орнаментом с бахромой или длинными кистями (*дорогой*, *раповый*, *золотой*, *бухарский*, *турецкий*, *персидский*, *разливной* и др.). Зимой покрывались большими шалями из грубой шерсти или сукна.

Способы повязывания платков также были разнообразны. Повсюду платок складывали на угол по диагонали, треугольником, его повязывали либо косынкой, завязывая концы сзади или спереди надо лбом, либо концы платка обматывали шею и завязывались сзади либо спереди на темени; последний способ, известный нам по материалам из некоторых селений Курской и Воронежской губерний, был широко распространен на Украине. Широко распространен был обычай покрывать голову двумя платками. Так, в Перемышльском и Козельском уездах Калужской губ. осенью и зимой один платок повязывали концами, заведенными

А

Б

Б

назад, а другой складывали *полосой* (*свиткой*), подкладывали под подбородок, делали узел на затылке, а концы вели наперед и завязывали узелком надо лбом (*па бабьи пад бараду, пад зябры*)[240]. В с. Будище Суджанского у. Курской губ. длительное время сохранялась повязка из двух платков (*покрытка*), сначала домотканых, позднее фабричных. Один платок, сложенный на угол, повязывали сначала концами, заведенными назад, потом наперед. Молодые подкладывали спереди под платок жгуты, скрученные из холста. Второй платок, сложенный на угол, повязывали под подбородком[241]; последний способ распространяется в начале XX в. Пожилые женщины так носят платки и в настоящее время. Сохраняются и некоторые другие способы повязывания платка: косынкой летом, закручивание концов вокруг шеи зимой.

Сложные повязки в форме чалмы или широкого обруча, накручиваемые из нарядных шелковых или шерстяных платков, зарегистрированы нами в бывших однодворческих селах Курской и Воронежской губерний. Их носили в качестве праздничных головных уборов во второй половине XIX — начале XX в. В чалмообразных повязках сказались традиции более древних полотенчатых головных уборов. Корни чалмообразной повязки, свойственной многим народам мира, уходят в глубокую древность[242].

Чалмообразная повязка из платка в качестве нарядного убора бытовала, например, в селениях Грайворонского у. Курской губ. в бассейне

Традиционные способы повязывания платка:
а), б) Белгородская обл., Новооскольский р-н, с. Васильдол; в), г) Белгородская обл., Яковлевский р-н, села Мощеное и Кустовое. Фото Б.И. Смехова, 1977 г., Г.В. Кирсанова, 1978 г.

верховий Ворсклицы — Мокрая Орловка, Теребрено, Косилово, Смородино и др. Здесь голову гладко обвивали сложенным на угол красочным платком с кистями (*бухарка*), а концы его, заведенные назад, затем закручивали спереди в форме чалмы, напуская кисти на лоб и виски[243]. В селах того же уезда, расположенных в бассейне верховий Ворсклы (Кустовое, Мощеное, Стрелецкое и др.), в праздник помимо кокошника молодые женщины носили повязку из бухарки — *кочеток*. Здесь платок складывали широкой полосой в виде обруча с подложенным картоном, а из длинных концов, зашпиленных на темени, выкладывали *рога*, торчащие надо лбом. Кочеток носили и девушки, но с открытой макушкой головы. Повязка из платка, похожая по форме на кочеток, была зафиксирована Н.И. Лебедевой в с. Льгово Орловской обл. (бывший Болховский у.).

Сложная повязка из платка известна в Нижнедевицком р-не Воронежской обл. (бывший Нижнедевицкий у.) у группы однодворческого населения, называемой «егунами» (села Першино, Ясенки и др.). Здесь праздничными считались темные платки, расшитые золотыми цветами (*золотой платок*). В чалмообразной повязке *рога* выкладывались на затылке, а концы закалывались на темени цветными булавками. Под платком носили кичку в форме твердого валика, на лбу повязывали *налобник* — полоску ткани с завязками, по краю которой, выпущенному из-под платка, нашивали ленту, разукрашенную тесьмой, блестками, бисером. Из-под налобника на виски выпускали *косицы* — кружки,

обшитые разнообразным гарусом, с бусинами и перышками селезня. Спереди и с боков за платок затыкали пучки петушиных (*кочетинки*) и индюшиных (*бабки*) перьев, окрашенных в голубой, зеленый и черный цвета[244]. Обычай украшать женские и девичьи головные уборы перьями, окрашенными в яркие тона или сохранявшими естественный цвет — селезневыми и павлиньими, — был распространен среди населения южнорусских губерний и украинцев[245].

Комплекс головного убора с кичкой и сорокой. Кичкообразные головные уборы, которые считаются общерусскими, были широко распространены в южнорусских губерниях в XIX, а в отдельных местах и в начале XX в.

Основные составные компоненты этого головного убора: собственно кичка (*волосник, рога*), часть убора с твердой основой, надевалась непосредственно на волосы; сорока, иногда с твердой основой, украшенная; позатыльник (*позатылень, затыльник*) — мягкий из ткани или с твердой основой, закрывающий волосы сзади; налобник — узкая полоса ткани с завязками, украшенный край его выпускали на лоб из-под сороки. Этот головной убор дополняли и другие детали, большая часть которых служила украшениями: шарики из гусиного пуха или разноцветного гаруса, бисерные подвески, перышки селезня или павлина, ленты, шнуры, кисти из разноцветного гаруса, шелка и многие другие красочные украшения и дополнения.

Отдельные компоненты сложного кичкообразного убора могли одеваться самостоятельно или в разных сочетаниях. Так, кичку в будни часто покрывали только платком, иногда ее, налобник, позатыльник надевали с кокошником, подвески, перья, кисти могли сопутствовать кокошнику или повязке из платка и т.д.

Кичка — один из наиболее древних головных уборов. Упоминание о кичке впервые встречается в русских письменных источниках XIV в., археологические источники отмечают уборы, схожие с кичкой, в слоях XII–XIII вв.[246].

Основу кички составляет передняя часть, укрепленная надо лбом или на макушке из твердой основы: луба, бересты, деревянной дощечки, проклеенного или простеганного холста, холщовых валиков, набитых соломой, куделью. К твердой основе прикрепляется ткань (повойник) со шнурками, обтягивающая голову. Бытовали также кички, состоявшие только из твердой основы со шнурками, без матерчатого (обычно холщового) повойника. Н.И. Лебедева считает их более древней формой. На территории калужского и орловского Полесья она обнаружила кички, плетенные из суровых ниток при помощи иглы, известные под названием *верховка*. Плетенные головные уборы известны у белорусов, украинцев Черниговской губ., у русинов и словаков[247].

Формы кички в южнорусском регионе были многообразны. Трудно определить ареальную очерченность таких кичек. В одном и том же уезде, волости и даже в соседних селах могли бытовать разные варианты кичек. Это отмечали местные исследователи и корреспонденты Русского географического общества в середине XIX в. Так, в XIX в. в Коротоякском у. Воронежской губ. однодворцы носили в одних селах плоские полукруглые кички, в других — кички в форме загнутых вперед четырехугольных дощечек, в третьих — рогатые[248]. Разнообразие кичек в Рязанской губ. подчеркивал М. Баранович: «Каждый приход отличался один от другого кичками. В Михайловском и Пронском уездах по правой стороне Прони кички низкие — камолые, на левой стороне Прони — рогатые, в Спасском уезде — остроконечные, близ Рязани — широкие, в Вышгороде (Рязанский у.) — троерогие, есть кички досчатые наподобие старинных кокошников, круглые, четырехугольные, прямые, в Раненбургском уезде перевязывают кички большим полотенцем и заботятся, чтобы концы его как можно длиннее висели. Кичка... начинает исчезать даже в степной стороне, в прочих местах выходит из моды и заменяется подвязками из платков»[249].

Широко бытовали древние рогатые кички. Рогатые головные уборы известны у многих народов Западной и Восточной Европы[250]. Они имели древние корни и в восточнославянской среде. По данным археологических раскопок, в XIII в. рогатые кички с золототканым шитьем носили зажиточные горожанки в Старой Рязани[251]. В XIX в. «рогатость» в той или иной степени была присуща головным уборам украинцев и белорусов, но более ярко была выражена в одежде южнорусского населения Окского и Донского бассейнов. Рогатая кичка в XIX в. отмечена во всех исследуемых нами губерниях[252], но судя по коллекциям Российского этнографического музея и архивным источникам дольше всего она сохранялась в Рязанской, Тульской, Тамбовской и Воронежской губерниях. Рогатые кички известны также в Калужской, Орловской, Курской, Пензенской, кое-где встречались также в Тверской и на юге Нижегородской губерний. Рогатые кички были разнообразны по форме. Наиблее древними считаются кички с высокими рогами, стоявшими вертикально, высотой от 12–15 до 20 см. Основанием рогов часто служила твердая холщовая пластина в форме подковы, облегающая лобную часть головы. Интересный экземпляр кички с высоко стоящими красными рогами хранится в фондах Пензенского государственного краеведческого музея. Такие кички носили в XIX в. женщины с. Ушинка Керенского у. Пензенской губ.[253]. На основании изученных нами источников можно предположить, что кички с высокими вертикально поставленными рогами дольше сохранялись в Тамбовской[254], Рязанской[255], Тульской[256] и Калужской[257] губерниях.

Повсюду бытовали кички в форме подковы или копыта, заканчивавшиеся рогами, обращенными назад. Они были известны в Воронежской, Курской и многих других южнорусских губерниях. Хотя известно, что в этих губерниях известны и более древние формы кичек с высокими рогами, торчавшими кверху[258]. Бытовали и более примитивные кички с рогами, сделанными из изогнутой полуовалом деревянной палочки или пластинки, с пришитым холщовым повойником. Если палочку ставили вертикально, ее концы изображали небольшие рожки, торчащие кверху; при горизонтальном положении палочки рожки были направлены назад или вперед. Такие кички чаще покрывались платком[259].

В исследуемом регионе бытовали также кички в форме конского копыта или подковы, котелкообразные и лопатообразные. По наблюдениям Н.И. Лебедевой, в бассейне Десны копытообразные кички нередко представляли более позднюю модификацию рогатой кички[260]. Но в других местах они могли развиваться и самостоятельно. Лопатообразные кички были в виде прямоугольника или трапеции, поставленных на темени, сделаны из холста, бересты, дощечки. Высота такой кички колебалась от 4 до 20 см. Более высокие кички нам известны из Воронежской, Тамбовской и Рязанской губерний[261]. «У женщин кички с высокой на макушке лопатою», — писал в середине XIX в. корреспондент из с. Кидусово Спасского у. Рязанской губ.[262]. В лопатообразной трапециевидной кичке острые боковые концы верхнего широкого края дощечки, направленные в противоположные стороны, напоминали рожки[263].

Котелкообразные кички в форме круга или полукруга, согнутого из луба, чаще носили на западе южнорусского региона — в орловском и калужском Полесье[264]. Здесь их называли *котелка*. Котелка сходна с украинской и белорусской *кибалкой*. Разница заключалась в том, что русские носили котелку под сороку, полотенце и платок, а белорусы и украинцы кибалку чаще покрывали полотенцем или платком.

К этому же типу целесообразно отнести кички в виде валика, в форме круга или полукруга, стеганного из холста, шерсти или набитого льняной куделью. Их надевали под сороку, повойник или под платок. Такие кички бытовали повсеместно[265].

В южнорусской среде кичку носили преимущественно в комплексе с поневой, в отдельных местах, в частности во многих уездах Курской губ., также и с сарафаном. Кичкообразный головной убор бытовал у всех групп крестьян, но в некоторых губерниях, например в Тульской, корреспонденты Русского географического общества неоднократно подчеркивали особенности в одежде однодворцев. По их сообщениям, однодворцы Новосильского, Крапивинского и Ефремовского уездов кичек не носили[266].

В конце XIX в. кички стали постепенно исчезать. Против рогатых кичек выступали помещики и священники. Известны случаи, когда священники не пускали в церковь женщин в рогатых уборах, считая их «уподоблением дьяволу»[267]. В 1890 г. учительница Н.В. Лершетова сообщала в ОЛЕАЭ: «Лет 30 или 40 назад священник отец Петр Вознесенский запретил носить рогатую кичку, а непослушных лишал исповеди и Святого Причащения. Горько было крестьянкам расставаться со своим освященным веками убором и покрываться платком»[268].

Однако в отдельных районах кички носили еще в 1920-х гг. По данным полевых обследований 1978–1980 гг. в Алексеевском и Красногвардейском р-нах Белгородской обл. (б. Бирючинской у. Воронежской губ.), рогатую кичку в комплексе сложного старинного головного убора местные жители использовали в качестве праздничной, обрядовой и театральной одежды. Вплоть до последнего времени традиции проявлялись и в модифицированной форме: под платок для придания ему более высокой формы подкладывали матерчатый тугой валик, на который укрепляли поднятые на макушку косы, имитируя в некоторых случаях небольшие рожки.

Сорока — верхняя часть головного убора, надевалась на кичку, обычно ее шили из двух или трех кусков холста, покрытого кумачом, шелком, бархатом: заднюю часть сороки составлял прямоугольный холст (*хвост*, *задок*, *назатылень*), спереди по лбу лежал удлиненный кусок холста (*очелье*, *чело*, *налобник*, *макушка*), с боков были крылья (*лопасни*, *наскульники*).

В южнорусских губерниях бытовали разнообразные виды сороки, они, так же как поневы и кички, служили маркером принадлежности женщины к определенной группе селений. Сороки варьировали по степени сшитости отдельных частей, по форме и способу украшений.

Наиболее примитивными и, видимо, более старинными были сороки, обнаруженные в Касимовском у. Рязанской губ. Сорока из с. Мелихово состояла из несшитых кусков холста: из квадрата, накладываемого на верхнюю часть головы, и продолговатого куска, который повязывали по очелью и завязывали сзади. Еще более архаичный тип сороки из с. Чучково — в виде прямоугольного куска холста с пришитыми по бокам широкими завязками (*крылышками*)[269]. Наличие подобных экземпляров указывает на связь сороки с полотенчатыми головными уборами.

Во многих южнорусских сороках, известных по музейным коллекциям начала XX в., отдельные их части сшиты лишь частично. Обычно задний кусок ткани или донышко было не до конца сшито с передней частью, боковые крылья и нижняя часть хвоста оставались свободными.

В числе таких сорок выделяется несколько форм: с верхом, вырезанным в виде рогов, с овальным верхом, с прямоугольным верхом. Обычно форма сороки связана с формой кички. Но нередки и сороки, скрывающие форму кички, например форму рогатой кички.

Более старинной формой, по-видимому, были сороки, не скрывающие форму рогов. Ярко выраженные рогатые сороки отмечены в Богословщине Михайловского у. и в дер. Александровка Сапожковского у. Рязанской губ., а также у русской мещеры Пензенской губ. и у некрасовских казаков. Н.И. Лебедева, изучая изменения сороки в с. Богдановичи, проследила превращение рогатой сороки в сороку с овальным верхом, скрывающую рогатость кички[270].

Сорока с овальным верхом обычно связана с рогатой, котелкообразной и копытообразной кичкой. Сороки с овальным верхом бытовали почти во всех южнорусских губерниях. Особенно много таких сорок хранится в фондах РЭМ из Рязанской губ.[271]. Они известны нам также в Тульской, Калужской, Тамбовской, Воронежской губерниях[272].

Сорока с прямоугольным верхом чаще связана с лопатообразной кичкой. Так же как и лопатообразная кичка, она была широко распространена в Тамбовской, Рязанской, Воронежской и др. губерниях[273]. В ряде мест Воронежского, Землянского, частично Нижнедевицкого уездов Воронежской губ. бытовала своеобразная форма сороки с высокой верхней частью в виде четырехгранника, который покрывал темя и макушку головы, и с длинным хвостом, украшенным полосами лент и позументом, спускающимся до талии[274]. Сороки с хвостом в виде длинной наспинной лопасти встречаются также в Усманском, Спасском уездах Тамбовской губ.[275]. Высокие головные уборы в форме прямоугольника, цилиндра или крупного четырехгранника, а также длинные расписные, богато украшенные лопасти были характерны для мордвы, встречались у марийцев и чувашей[276].

Праздничная женская одежда середины XIX в. Вид спереди и сзади: шушпан, понева, четырехгранной формы сорока с хвостом в виде длинной наспинной лопасти. Воронежская губ., Землянский у., с. Нижняя Ведуча
(РЭМ. Рукописный отдел. Фонд илл.)

В с. Исады Спасского у. Рязанской губ. бытовали также сороки с треугольным верхом и длинным хвостом (28 см). Сороки с треугольным верхом были известны также в Лебедянском у. Тамбовской губ.[277].

Во всех южнорусских губерниях широко распространена была сорока в форме шапочки, крылья которой сшиты с донышком (макушкой) и задней частью (хвостом). Эта форма, по-видимому, развивалась постепенно, из описанных выше, сорок, отдельные части которых сшиты лишь частично. Сороки в форме шапочки или чепца известны по данным музейных коллекций в Дмитровском, Севском, Трубчевском, Брянском уездах Орловской губ.[278], в Скопинском, Данковском, Раненбургском, Спасском, Касимовском уездах Рязанской губ.[279], Кирсановском, Козловском, Моршанском уездах Тамбовской губ.[280], в Коротоякском, Нижнедевицком, Волуйском, Бирючинском уездах Воронежской губ.[281]. Она бытовала также во всех саянских селах Курского, Щигровского, Дмитриевского уездов, у мамонов Корочанского уезда и во многих других селах Курской губ.[282].

В некоторых сороках, сшитых шапочкой, отдельные части ее укрепляли на твердой основе, тем самым постепенно приближая ее к форме кокошника. В отдельных селах Тамбовской и Рязанской губерний бытовали сороки с круглым (или овальным) плоским жестким дном, часто украшенным позументом или вышивкой, и мягким околышем[283].

Своеобразный головной убор с сорокой в форме шапочки зафиксирован в селах Алексеевского и Красногвардейского р-нов Белгородской обл. и Острогожского р-на Воронежской обл. (б. Бирючанский и Острогожский уезды Воронежской губ.) в зоне бытования расшитой гарусом глухой поневы и рубахи, вышитой черной шерстью (см. выше). Остов этого убора, как и многих других, составляла рогатая кичка, в подшитую к ней полосу кумача укладывали поднятые на темя косы. На затылок одевали позатылень — полосу позумента или бархата на подкладке — и затягивали его шнурками поверх кички (см. ниже). Сорока в виде небольшой шапочки на твердой основе с высоким гребнем сзади, обшитая позументом и парчой, не надевалась на голову, а прикреплялась сверху кички надо лбом (ее средние размеры: продольный диаметр околыша 10–12 см, высота очелья 4–5 см, высота заднего гребня 10–12 см). В альбоме С. Павлова, художника, оставившего зарисовки народной одежды с натуры, изображена сорока из тех же селений (Русская Тростянка, Верхососна, Шубное и др.), но более старинной формы, в которой на твердой основе было лишь узкое очелье, а остальная часть сороки — мягкая, надевалась она также поверх позатыльника низко на лоб[284]. Эти сороки были, по-видимому, предшествующей стадией развития сороки на твердой основе, широко бытовавшей в этих районах в конце XIX — начале XX в. По данным

корреспондента РГО, в с. Нижняя Покровка Бирючинского у. в середине XIX в. носили сороку, вышитую по канве золотом, или кокошник, обшитый золотым позументом[285]. По-видимому, сорокой в середине XIX в. называли мягкую шапочку, вышитую золотой нитью, а кокошником — шапочку на твердой основе, обшитую позументом, которая в наше время в этих селах называется сорокой. Описываемая форма сороки на твердой основе, которая до недавнего времени сохранялась в традиционном комплексе костюма этих сел, по форме и материалу напоминает одну из разновидностей курского кокошника (см. ниже), но отличается от него небольшим размером и способом ношения. Эта местная форма головного убора, по всей вероятности, образовалась в результате своеобразного скрещивания сороки, более старинного головного убора, и кокошника, принесенного однодворцами, сохранив свое старое название «сорока». Интересно, что в соседних уездах Воронежской губ. в XIX — начале XX в. бытовал кокошник, который был похож на сороку из Бирючинского у., но отличался от нее отсутствием сзади высокого гребня.

Праздничные сороки богато украшались вышивкой, позументом, парчой, нашивками из шелка, бархата, блесток, бисера, бахромы из галуна. Старинные сороки украшали вышивкой внастил разноцветными шелковыми, шерстяными и серебряными нитями. В Рязанской, Тамбовской губерниях и некоторых других районах преобладали сочетания цветовых композиций из черных, коричневых, желтых, темнокрасных нитей[286]. Повсюду широко бытовала вышивка золотыми и серебряными нитями, орнамент — геометрический, а также и стилизованный растительный. Украшали преимущественно налобную часть сороки, а нередко и хвост. Сороки, скроенные в форме шапочки, чаще покрывали позументом, парчой, вышивкой серебряными нитями, а также нашивками из лент, бархата, блесток. В Дмитровском у. Орловской губ. к макушке сороки с каждого бока прикрепляли *хохлы* — крупные шары из густо собранного красного галуна[287]. В Валуйском у. Воронежской губ. в сороке, покрытой снаружи позументом, боковые и задние части обшивали густой длинной бахромой в виде шнурков из красной шерсти. Подобной бахромой из яркого галуна украшали крылья сороки и в некоторых других районах Воронежской губ.[288].

Позатыльник (*позатылень*, *затыльник*, *задок*), входивший в комплекс кичкообразного головного убора, надевали на затылок под сороку (также местами и под кокошник). По покрою и способу ношения можно выделить два типа позатыльника.

Позатыльник первого типа свисал из-под сороки, закрывая часть затылка, шею и плечи. Верхняя часть позатыльника (*колодочка*), сшитая из холста, обтянутого ситцем и шерстью, была прямоугольной или трапециевидной формы, сбоку к ней пришивали завязки. Часть коло-

дочки, выступающую из-под сороки, украшали позументом, блестками, лентами. К колодочке прикрепляли нижнюю часть позатыльника, составленную преимущественно из спускающихся нитей с нанизанным бисером (*поднизь*), окаймленных рамками из плетеного разноцветного бисера. Поверх бисерной поднизи нередко спускался следующий слой бисерных нитей, оканчивающихся кисточками из бисера и гаруса. С боков колодочки около ушей нередко спускали длинные нити из бисера или гарусных шнурков, либо полоски из узорного бисера, украшенного позументом, шелковыми нитями или раковинами на концах[289].

В Курской губ. бытовала разновидность свисающего вниз позатыльника в форме сравнительно небольшого прямоугольника, закрывающего часть затылка и шею, на твердой подкладке из луба или картона. Наружная часть его богато украшалась золотым и серебряным шитьем, позументом, цветными камушками, иногда гарусной вышивкой и бисером. К верхней мягкой колодочке пришивались боковые лопасти с завязками. Позатыльник в форме твердого прямоугольника, по нашим данным, преимущественно известен у курских саянов, где его носили с сорокой, и у однодворцев в Суджанском, Рыльском, Обоянском, Белгородском уездах. Здесь его надевали с кокошником[290]. Он был известен и в некоторых районах Воронежской губ.[291].

Позатыльник второго типа представлял собой прямоугольную полосу золотого шитья или позумента с подкладкой из кумача или шелка размером 10–12 × 15–20 см; с боков к ней пришивали лопасти той же ширины со шнурками, а сверху — полосу ткани, которая, облегая голову, скрывалась под сорокой. Позатыльник этого типа не свисал с затылка, а как бы обертывал, обвязывал голову сзади и с боков, прикрывая уши. Эти мягкие позатыльники также богато украшались. В некоторых селах к позатыльнику пришивали ряды лент, свисающих по плечам. По нашим сведениям, подобные позатыльники бытовали преимущественно в Воронежской губ. Покрой его, плотно закрывающий голову сзади и с боков, был связан с местным своеобразным способом прикрепления сороки (или кокошника) надо лбом, при котором основная часть головы оставалась открытой. Поверх сороки иногда повязывали платок или полотенце[292].

Как указывалось выше, кичкообразный головной убор дополняли и многие другие более мелкие детали, обычно служившие украшениями. Спереди под сороку, а также под платок и кокошник нередко повязывали *налобник*, украшенный позументом, бисером, вышивкой и пр. Край его выпускали из-под верхней части головного убора. Налобник по своей функции и форме напоминал девичью повязку. Около ушей в височной части убора укрепляли шарики из гусиного пуха — *пушки́*, характерные для населения всех южнорусских и средневолжских губерний, позднее

их часто заменяли пушками из разноцветной шерсти. В Воронежской губ. около ушей укрепляли *серьги* в виде кругов из картона, обшитых тканью, разноцветным гарусом, бисером, блестками. В Коротоякском у. эти серьги иногда называли *пушками*, что, по-видимому, свидетельствует об их связи с височными украшениями из гусиного пуха, последние могли быть в этих районах более древними. Широко бытовали также височные бисерные снизки, а также *косицы*, *крючки*, *кудри* из птичьих перьев (селезневых, павлиньих). По бокам сороки часто свешивались *крылышки* или *наушники* — прямоугольники на твердой основе, обшитые тканью с позументом и бахромой из гаруса. Сороку, а также и позатыльник украшали *махрами* из галуна с густой бахромой из шелка, гаруса или золотых нитей, *бантами* из лент, нашитых розетками или петлями на полосу кумача или ситца, украшенную позументом, гарусом и многими другими деталями из лент, бисера, гаруса, позумента и пр. Поверх сороки нередко повязывали платок или полотенце.

Сложный кичкообразный головной убор состоял от 4–8 до 14 отдельных частей, был тяжелым, одевать его было так трудно, что некоторые женщины не снимали этот убор даже на ночь. Термины *кичка*, *сорока* могли относиться не только к отдельным компонентам убора, а и ко всему комплексу кичкообразного убора. Сложный комплекс убора называли также *головное*, *махренка*, *верхуша*, *збруга*, *сруза*, *наростилка* и др.[293].

Комплекс головного убора с кокошником. В южнорусском регионе в XIX — начале XX в. бытовал кокошник, нарядный, богато украшенный головной убор на твердой основе. В кокошнике соединялись в одно целое верхняя мягкая нарядная покровная ткань с твердой основой. Кокошник шили специальные мастера из парчи, позумента, бархата, шелка, на нижнюю подкладку шел холст, сатин, ситец, шелк, твердую основу делали из картона или холста, проклеенного тестом. Обычно кокошник служил праздничным головным убором молодых женщин, его надевали по большим праздником в первые годы после замужества.

По данным археологических исследований, головные уборы на жесткой основе, похожие на кокошник, были известны на территории Восточной Европы еще с глубокой древности[294]. После образования Русского централизованного государства в связи с расширением его территории и движением населения кокошник проникает в новые области и становится общерусским головным убором.

В южнорусских районах кокошник, так же как и сарафан, появился, по-видимому, вместе с массовыми переселениями русских служилых людей в XVI–XVII вв. (а позднее и других сословных категорий) из центральных и северных районов России.

В исследуемых районах кокошник подвергся влиянию местных форм кичкообразных головных уборов, многие из которых развивались на древней местной основе. В результате здесь сложились своеобразные местные типы кокошника, отличные от их более северных прототипов. Бытовали также переходные формы головных уборов между сорокой, кокошником и повойником. В некоторых селениях Скопинского и Данковского уездов Рязанской губ. головные уборы в форме мягкой шапки, покрытой шелком, считали *кокошником*[295]. Подобные головные уборы, называемые кокошниками, нам известны в Орловской губ.

В с. Полпино Брянского у. шапочку из золотой парчи на холщовой подкладке, по покрою сходную с сорокой, со слившимися крыльями, считали *кокошником*. В с. Ситное Севского у. кокошник, состоявший из верхней холщовой части с вышивкой по очелью и собранный на шнурок с тыльной стороны, надевали на холщовую кичку с распоркой из луба. В с. Речица Брянского у. сложный убор под названием *головное* состоял из кокошника в форме красной кумачовой шапочки, обшитой серебряным позументом, *подбрусника* в виде твердого валика, надеваемого под кокошник, налобника и позатыльника. Шапочку на твердой основе, покрытую снаружи бархатом, с расшивкой серебряной нитью и нижней кромкой обшивки из холста, также называли *головное* в с. Логаревка Севского у.[296].

Такие смешанные формы головных уборов под названием *кокошник* бытовали, по-видимому, и во многих других южнорусских селениях. К сожалению, южнорусские кокошники описаны в литературе весьма фрагментарно, в музейных коллекциях их также сравнительно немного. По нашим сведениям, типичные кокошники наиболее распространены были в Воронежской, Курской, Тамбовской и на юге Рязанской губернии.

Кокошники Курской и Воронежской губерний были описаны мною ранее[297], поэтому здесь эти материалы будут изложены кратко.

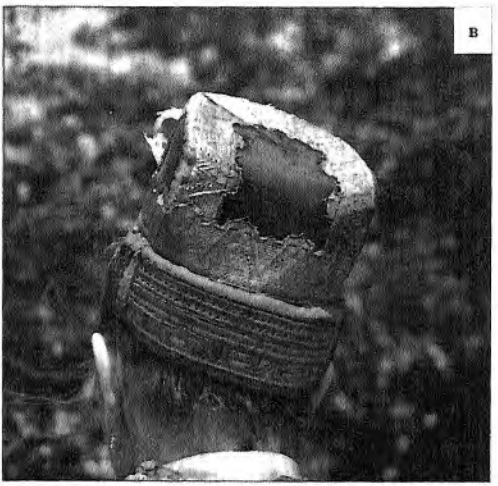
Южнорусские кокошники весьма разнообразны по их покрою, форме и материалу.

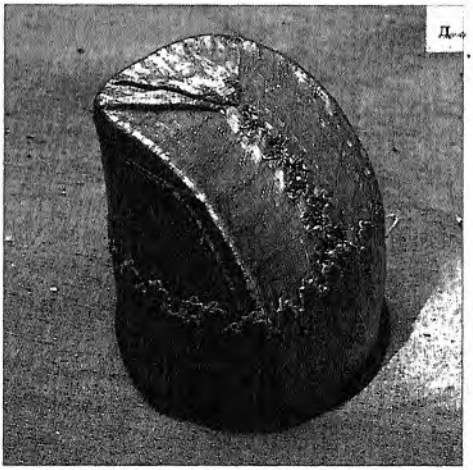
Своеобразной формой отличался седлообразный кокошник, он имел высокий округлый околыш и донышко в форме седла с немного поднятой передней частью и более высоким задним гребнем, изогнутым назад. Кокошник с прямым гребнем, расположенным поперек головы, Д.К. Зеленин считал древнейшей формой и связывал его происхождение с рогатой кичкой[298].

Седлообразный кокошник носили однодворцы в Суджанском и Обоянском уездах Курской губ. Здесь кокошник надевали в комплексе с прилобником, позатыльником, платком, а в XIX в. и с рогатой кичкой. Такой составной убор назывался головное. Его надевали с косоклинным

Типы кокошников:
а) седлообразный кокошник с твердым позатыльником и налобником;
б) кокошник с налобником. Курская губ. (КОКМ. Фонды, колл. 6852, 20993);
в) кокошник цилиндрической формы, украшенный перьями. Воронежская обл., Острогожский р-н (бывш. Коротоякский у.), с. Коротояк; г) кокошник цилиндрической формы со скошенной задней частью. Воронежская обл. Острогожский р-н, с. Шубное; д) кокошник цилиндрической формы со скошенной задней частью. Воронежская обл., Острогожский р-н, с. Шубное. Конец XIX — начало XX в. Фото Б.И. Смехова, 1976 г., Г.В. Кирсанова, 1980 г.

сарафаном[299]. Кокошник подобной формы с пунцовым атласным верхом был отмечен в Трубчевском у. Орловской губ., здесь он был известен под названием *шеломик*[300]. По материалам Г.С. Масловой, похожий кокошник встречался у южнорусских переселенцев в Харьковской и Днепропетровской областях. Эта форма кокошника сходна с украинским седлообразным очипком, последний известен только на востоке Украины. Такой кокошник изображен на одной из женских глиняных фигур, обнаруженной при раскопках в Киевщине. Его можно рассматривать как прототип русского седлообразного кокошника и украинского очипка[301]. По материалам Д.К. Зеленина, в Грайворонском у. Курской губ. (с. Солдатское) бытовал также и одногребенчатый кокошник (*златоглав*), у которого поперечный гребень был расположен не сзади, а в середине головы[302].





Седлообразный кокошник в некоторых селах современных Суджанского, Беловского, Обоянского районов до последнего времени нередко использовался в качестве одежды обрядовой и в фольклорных ансамблях.

В однодворческих селах в бассейне верховий Ворсклы и Ворсклицы Грайворонского у. кокошник бытовал в форме высокой (до 15–17 см) цилиндрической шапки с плоским донышком овальной формы, снаружи обшит парчой, позументом и бархатом. Этот кокошник тоже носили с косоклинным сарафаном. В селах Мокрая Орловка, Теребрено, Никитское, Почаево, Косилово, Смородино, Дроновка и др. такой кокошник называли *бархатником*, потому что заднюю часть его выкладывали бархатом, а перед — парчой, сбоку прикреплялись помпоны из разноцветных шерстяных ниток, сзади — позатыльник, из лент. Под бархатник надевали шапочку из ситца — *сборник*. Одновременно с кокошником здесь носили и кичку с сорокой, позднее платок, повязываемый в форме чалмы (см. выше). В других однодворческих селах (Кустовое, Мощеное, Карпово, Стрелецкое, Казацкое и др.) Грайворонского, а также Белгородского и Корочанского уездов подобный кокошник, но целиком покрытый парчой,

называли *чепцом*. Под него надевали простеганную на вате твердую шапочку (*повойник*)[303].

В старых коллекциях Курского областного краеведческого музея хранятся кокошники в форме цилиндрической шапки с лопастями, закрывавшими уши, напоминающие кокошники, бытовавшие в северо-западных губерниях России[304]. В Курскую губ. подобные кокошники могли быть занесены переселенцами с севера, здесь под влиянием местной сороки происходило изменение формы кокошника. Кокошники в форме цилиндрической шапки ученые называют однодворскими. Однако в Воронежской губ. такие кокошники носили не только однодворцы, но также бывшие помещичьи и экономические крестьяне, последние нередко были более поздними переселенцами из центральных губерний России. В этой губернии кокошник надевали не только с сарафаном, но также с поневой и домотканой юбкой.

Кокошник цилиндрической формы, но со скошенной покатой задней частью бытовал преимущественно в восточных районах южнорусского региона — в Воронежской, Тамбовской, Рязанской губерниях.

В северных уездах — Землянском и Задонском Воронежской губ. — были распространены кокошники этого варианта высотой до 15 см спереди, покрытые серебряным позументом. Под кокошник надевали мягкий позатыльник, а в XIX в. и кичку. Зимой под кокошник крепили *подбородень* — длинную полосу ткани шириной в 6 см, подвязанную под подбородком для защиты ушей от холода. Поверх кокошника накидывали мягкое тюлевое покрывало (*дымка*)[305]. В 1860-е гг. высокие кокошники отмечены и в более южном Богучарском у. Они были шиты крупным бисером, на висках свисали низанные бисером наушники или полосы материи с разноцветными кистями[306].

Интересен кокошник в форме маленькой цилиндрической шапки с сильно закругленной задней частью (высота околыша спереди 8–15 см, диаметр донышка 12–14 см), он бытовал в бассейне Дона в Коротоякском, Острогожском, Павловском, Воронежском уездах Воронежской губ. Этот кокошник, как и местную сороку, не надевали плотно на голову, а прикрепляли надо лбом поверх кички или собранных в пучок волос. Его носили с теми же дополнениями, что и сороку: мягким позатыльником, обертывающим затылок, нередко с кичкой и обязательно с пушка́ми в виде кружков на твердой основе, украшенных бисером, блестками, гарусом. Иногда кокошник обвязывали платком или тонким шарфом. В этом кокошнике взаимовлияние с сорокой выражено наиболее сильно. Надевали здесь кокошник с поневой и домотканой юбкой. В селах Павловского у. в бассейне р. Осередь такой кокошник отличался более острым верхом и сильно скошенной задней частью. Снаружи кокошник обвязывался лентой, за которую затыкали разноцветные перышки или искусственные цветы[307].

В Тамбовской и Рязанской губерниях преобладали сравнительно низкие кокошники цилиндрической формы со скошенной задней частью. В кокошниках из музейных коллекций высота околыша примерно 12–13 см[308].

В Липецком и Лебедянском уездах Тамбовской губ. встречались и более высокие кокошники[309]. Снаружи местные кокошники покрыты позументом или бархатом, задняя тыльная часть нередко расшита гладью золотой или серебряной нитью в виде рельефно выступающего растительного орнамента. В этих губерниях кокошники преобладали в однодворческих селах, их обычно носили в комплексе с сарафаном или с полосатой юбкой. Со временем подобные кокошники становились модной одеждой и в соседних селах государственных крестьян.

Комплекс головного убора с повойником, сборником. *Повойник, сборник,* также *чепец, шлык, почепушник, волосник* относятся к мягким головным уборам, сшитым в форме шапочки или чепца из легкой фабричной ткани с завязками сзади. Их обычно надевали на волосы под платок. Край повойника, спускаемый из-под платка, часто украшали лентой или полоской позумента с нашитыми на ней бусинами, бисером, блестками и др. Эти головные уборы повсеместно распространились в конце XIX — начале XX в., вытесняя во многих местах более сложные кичкообразные головные уборы. Вместе с тем, по мнению Д.К. Зеленина, уборы, похожие на повойник, были известны и в древности[310]. Мягкие головные уборы часто служили будничным головным убором, поэтому нередко бытовали одновременно с кичкой, сорокой или кокошником.

В некоторых южнорусских районах повойник являлся переходным головным убором от кички или сороки. В отдельных местах Калужской, Тульской, Орловской губерний повойники сохраняли выкройку носимой в этих местах сороки. В некоторые повойники вшивали тугой валик в виде изогнутого жгута или палочки[311]. Нередко повойник шили из шелка, бархата или парчи на подкладке, под него (так же как и в кичкообразном головном уборе) могли надевать кичку, иногда налобник или позатыльник. В этом случае повойник по традиции выполнял функцию праздничного головного убора[312]. В отдельных местах Курского, Обоянского уездов Курской губ., Мосальского и Жиздринского уездов Калужской губ., Севского у. Орловской губ. шили повойники на твердой основе, подкладывая картон или вату, покрывали их бархатом, шелком, парчой и использовали как кокошник[313]. В то же время мягкую ситцевую шапочку типа повойника по традиции могли называть кокошником (Нижнедевицкий у. Воронежской губ., Данковский у. Рязанской губ., Болховский у. Орловской губ.)[314].

Во многих рязанских селах повойник надевали на косы, из которых, как и прежде, на висках или на темени устраивали возвышения,

имитирующие рожки[315]. Эту необыкновенно устойчивую традицию этнографы наблюдали в отдельных селениях даже во второй половине XX в., а в с. Чернава Милославского р-на она сохранилась и в наши дни[316].

Комплекс головного убора с вязаным колпаком. Вязаный женский колпак, так же как и девичий (см. выше), не был характерен для восточных славян, по-видимому, он был заимствован у соседних народов. В изучаемом регионе он зарегистрирован в отдельных селах верховий Дона в Воронежской, Тульской губерниях, в бассейне Оскола в Новооскольском у. Курской губ., а также в Орловской и Тамбовской губерниях[317]. Колпак был длинным (40–90 см), конусообразной формы, связан из белой хлопчатобумажной пряжи. Его сначала закатывали и одевали поверх кос, уложенных на голове, закатанная часть колпака оставалась на затылке. Поверх колпака обычно повязывали платок.

Изучение женских головных уборов позволяет сделать основные выводы. В южнорусских районах были известны почти все компоненты русских (частично и восточнославянских) головных уборов: полотенце, платок, кичка, сорока, кокошник, повойник, колпак. Так же как и повсюду в России, большую часть этих компонентов надевали вместе с другими, составляя сложный комплекс разнообразных головных уборов, отличавшихся местным своеобразием.

Наиболее древний общеславянский полотенчатый головной убор как самостоятельный бытовал на западе Орловской и Калужской губерний, у горюнов Путивльского у. Курской губ., в основном в пограничном русско-украинско-белорусском Полесье, что свидетельствует о древних культурных связях русских полещуков с соседними белорусами и украинцами. В большинстве же южнорусских районов домотканое полотенце в XIX в. было составной наружной частью сложного головного убора. Во второй половине XIX в. (в некоторых селах и раньше) функции полотенца заменяет фабричный платок. Способы повязывания полотенца и платка были весьма разнообразны. Во многих южнорусских селениях встречались сложные повязки в форме чалмы или широкого обруча. В начале XX в. фабричный платок становится основным головным убором женщин и девушек.

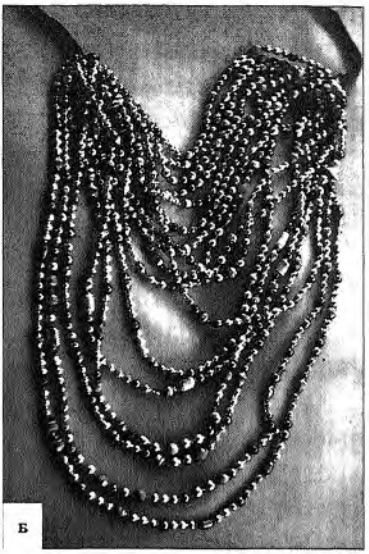
В XIX в. в южнорусских губерниях широко был распространен древний общерусский комплекс головного убора с кичкой и сорокой. Формы кички, как и сороки, были многообразны. Рогатые кички, имевшие древние корни в восточнославянской среде, наиболее характерны были для южнорусского населения Окского и Донского бассейнов. Наиболее древние кички с высокими, вертикально стоявшими рогами известны в Тамбовской, Пензенской, Тульской и Калужской губерниях. Лопатообразные кички известны почти во всех южнорусских губерниях, особенно высокими они были на востоке южнорусского региона —

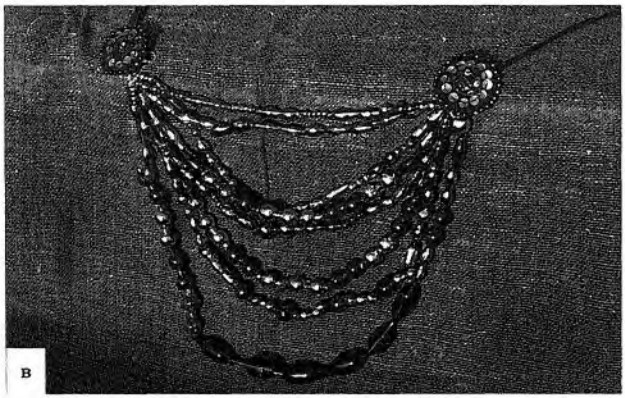
в Воронежской, Тамбовской и Рязанской губерниях. Бытование в западных районах Орловской и Калужской губерний котелкообразной кички вместе с плетенной из ниток верховкой, сходной с украинской и белорусской кибалкой, свидетельствует о древних этнических связях населения западнорусского, белорусского и украинского Полесья.

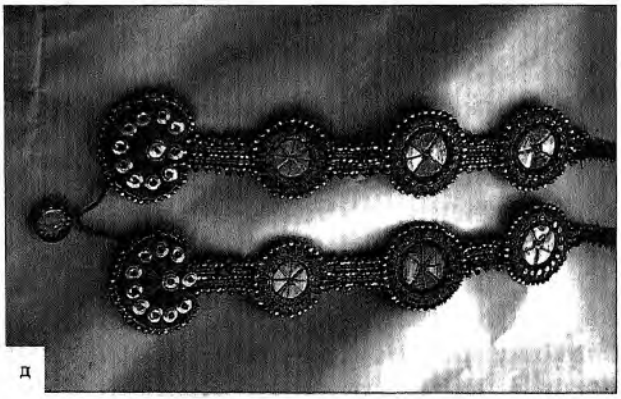
Сороки варьировали по степени сшитости ее отдельных частей, по форме и украшениям. Наличие в Касимовском у. Рязанской губ. примитивных сорок, составленных из нескольких кусков холста, по-видимому, указывает на связь сороки с полотенчатыми головными уборами. Сороки с длинным хвостом из шнуров и лент, распространенные в бассейне Рязанского и Воронежского Подонья, в Тамбовской губ. и характерные также для мордвы, марийцев, чувашей, подтверждают давние культурные связи русского населения восточной части южнорусского региона с соседними финноуграми.

В Воронежской губ. бытовала своеобразная сорока в виде небольшой шапочки на твердой основе с высоким гребнем сзади, обшитая позументом и парчой. Она не надевалась на голову, а прикреплялась поверх рогатой кички надо лбом. Эта местная форма головного убора, не имевшая аналогий в других русских губерниях, образовалась в результате своеобразного скрещивания сороки и кокошника, принесенного однодворцами.

Кокошник, как наиболее нарядный праздничный головной убор, распространился во многих районах южнорусской территории. Его появление здесь было связано с русскими переселенцами из центральных и северных районов России в XVI–XVIII вв. В южнорусских районах кокошник подвергался влиянию местных форм кичкообразных головных уборов, многие из которых развивались на древней местной основе. В результате здесь сложились своеобразные местные формы кокошника, отличные от их северных прототипов. Широко бытовали и переходные формы головных уборов между сорокой, кокошником и повойником. Форма седлообразного кокошника, известного в Курской и Орловской губерниях, была похожа на украинский седлообразный *очипок*, имевший свои прототипы в археологических древностях Киевщины. Кокошник в форме цилиндрической шапки со скошенной покатой задней частью был распространен в восточных районах южнорусского региона — в Воронежской, Тамбовской, Рязанской губерниях. Комплекс головного убора с кокошником, так же как и кичкообразный, во многих южнорусских районах был составным. Кокошник могли носить с позатыльником, налобником, нередко с кичкой или с повойником и с платком. В Курской и некоторых других губерниях кокошник надевали преимущественно с сарафаном (реже с домотканой юбкой). В Воронежской губ., где кокошник носили не только однодворцы, а также







Ожерелья: а,б) старинные ожерелья из мелкого бисера; в) ожерелье из стеклянных бусин старинной работы. Белгородская обл., Алексеевский р-н (бывш. Воронежская губ., Бирючинский у.), с. Афанасьевка; г) ожерелье, сплетенное из гаруса, спереди украшено иконкой. Белгородская обл., Алексеевский р-н, с. Глуховка. Конец XIX — начало XX в.; д) нагрудное украшение *грибатка*. Белгородская обл., Алексеевский р-н, с. Афанасьевка. Начало XX в.
Фото Б.И. Смехова, 1977 г.

помещичьи и экономические крестьяне, переселившиеся в XVIII в. из центральных губерний России, его надевали с сарафаном, с поневой и с домотканой юбкой.

Для населения южнорусских районов было характерно украшение девичьих и женских головных уборов вышивкой, бисером, парчой, позументом, разноцветным гарусом, птичьими перьями, шаровидными подвесками из пуха, искусственными цветами.

СЪЕМНЫЕ УКРАШЕНИЯ ОДЕЖДЫ

Украшения одежды — важный и необходимый элемент народного костюма, в далеком прошлом они играли также роль оберега, талисмана. В съемных украшениях широко использовали бисер, драгоценные камни, металл, стекло, многоцветный гарус, шелк, позумент и многое другое.

Древние бисерные и металлические украшения археологи находили во многих славянских курганных погребениях. Украшения из бисера особенно широко были распространены в южнорусских губерниях, они характерны также для финно-угров Поволжья, для болгар и украинцев[318].

В южнорусских губерниях наиболее многообразны были нагрудные, шейные, височные, наспинные и поясные украшения.

Группу нагрудных украшений составляли ожерелья, бусы, цепочки, ленты, полоски ткани. Повсюду бытовали бусы из дутых и граненых стеклянных бусин, из драгоценных камней, чаще из янтаря, реже из граната и так называемого горного жемчуга (т.е. из полевого шпата) и из посеребренных монет. Их надевали по нескольку ниток. Ожерелья из речных раковин-ужовок (*жуковок*) отмечены в дер. Рудовка Кирсановского у. Тамбовской губ. Раковины каури оттеняли шейные, нагрудные и наспинные цепочки и ожерелья женщин в дер. Вышенки Рудовского р-на Тамбовской обл. Подобные ожерелья известны у русской мещеры Пензенской губ., у народов Поволжья[319].

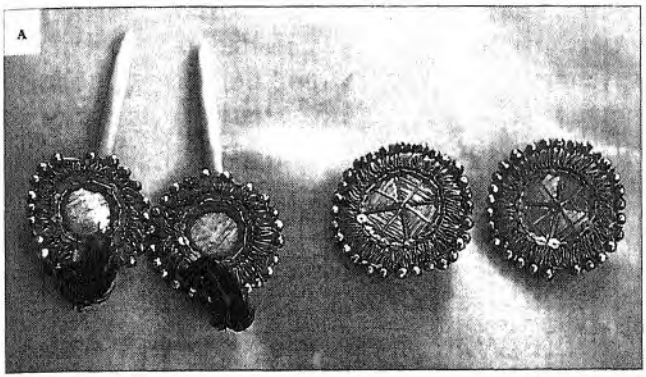
В съемных украшениях, так же как и при украшении женских головных уборов, широко использовали бисер. Повсюду бытовали цепочки из плетеного разноцветного бисера — плоские и в виде жгута. Плоские цепочки (длиной до 1,5 м и более, шириной 2–4 см) нередко спускались ниже талии, концы их соединяли крестик, образок или бисерные висюльки. Во многих селениях подобной формы цепочки были представлены в виде длинной полосы ткани, украшенной бисером, блестками, золотым шитьем, разноцветной шерстяной бахромой. Они назывались по-разному: *чепка*, *чапочка*, *цепочка*, *гайтан*, *четки*, *жерелики*, *хрестовка* и др.[320]. В Воронежской губ. бытовали ожерелья, сотканные на особых дощечках или сплетенные из гаруса с бисером

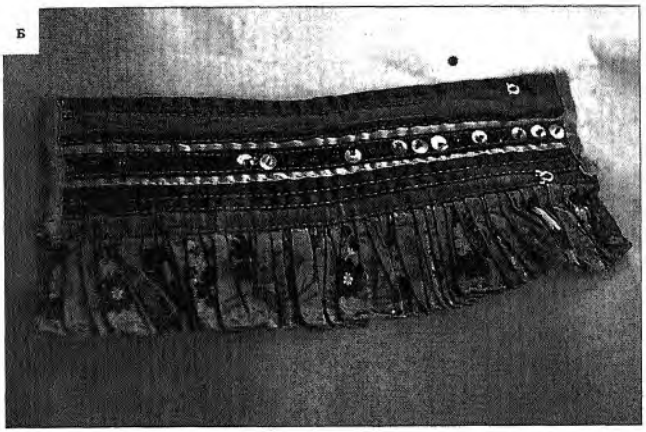
в форме двух длинных полос с крестиком и образком на конце (*монисто, намисто, гайтан, грибатка, гарус*). В районах бытования расшитых гарусом понев носили грибатку, свешивающуюся до пояса, ее украшали несколькими кружками (диаметром 6 см), обшитыми золотыми нитями, гарусом, блестками, бусинами. Подобными грибатками здесь украшали и праздничные рубахи молодых мужчин[321]. В некоторых местах вместо плоских бисерных полосок или совместно с ними носили черные плетенные из гаруса шнуры, отделанные бисером, также с крестиком на конце.

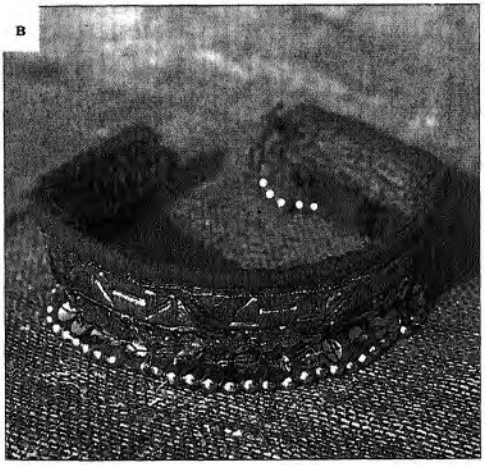
Во многих южнорусских селах самой нарядной была сплетенная из разноцветного бисера сетка в форме большого круглого воротника, украшавшего грудь и плечи (*бредень, монисто, манжет* в Воронежской губ., *борода* в Брянской губ., *поджерелок, ожерелье* в Калужской губ.)[322]. Встречались и шейные украшения, составленные из богато украшенной полосы ткани, оканчивающейся густой бахромой бисерных поднизей (длиной 20–25 см, шириной 30–35 см). В Скопинском у. Рязанской губ. его называли *нашейник*, в Землянском у. Воронежской губ. — *поддушник*. В Курском у. был известен другой вид шейного украшения (*ленты*) — это спускающиеся вниз заостренные полоски из красного штофа, пришитые на тесьму, отделанную металлическими пуговицами, золотым шитьем, шерстяной бахромой (длина 64 см, ширина 35 см)[323].

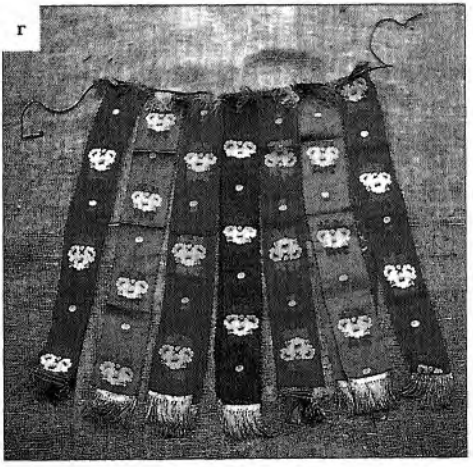
Шею и ворот рубахи часто закрывало особое украшение в виде приставного воротника на твердой основе, по разрезу рубахи спускалась полоска ткани с нашитыми блестками, розетками, бисерными бусинами, пуговицами, цветными камешками и пр. (*лента, язык, бантик, гитан*). Приставной стоячий воротник отделывали вышивкой, кружевом, бисером и в разных районах называли *нашейник, поддушник, подглотник, жерелок*. Эти украшения более всего были распространены на западе Орловской, в Калужской, Воронежской губерниях, в Михайловском у. Рязанской губ. В Воронежской губ. известны также приставные воротники, спускавшиеся на плечи, в виде широкой полосы, сшитой из ткани, лент, кружева, позументов (ширина 36 см, длина 57 см)[324].

Шнуры, ленты, бисерные цепочки нередко украшали также плечи и спину. Они могли составлять часть головного убора, а могли надеваться дополнительно к нему. В селениях Задонского и Землянского уездов Воронежской губ. отмечено наспинное украшение *гарус*, его составляли из черного шелкового шнура, который пришивали к тесьме длинными, спускающимися петлями, оканчивающимися кисточками из разноцветной шерсти[325]. Интересна деталь старинного головного убора курских саянов — увязка, изготовленная из 9–13 красных витых шнуров с кистями (*махрами*) на концах. Пучок шнуров прикрепляли









Украшения женской одежды:
а) височное украшение *косицы*, отделанное гарусом, бисером, перьями (слева); серьги, украшенные гарусом и бисером (справа);
б) нарукавники *брыжи*, понизу пришита *дорогая лента*. Белгородская обл., Алексеевский р-н (бывш. Воронежская губ., Бирючинский у.), с. Афанасьевка;
в) пристяжной воротник на женскую рубаху — *галстук*. Белгородская обл., Алексеевский р-н, с. Глуховка;
г) украшение из лент *заплечники*, надеваемое на плечи. Белгородская обл., Ракитянский р-н (Курская губ., Обоянский у.), с. Нижние Пены.
Конец XIX — начало XX в.
Фото Г.В. Кирсанова, 1978 г.

к кичке так, чтобы он падал на спину. В Михайловском у. Рязанской губ. вдоль спины спускали *крылышки*, прикрепляемые на шее к *вороту*. Крылышки — это две кумачовые на холстинной подкладке полосы размером 11 × 40 см, украшенные лентами, позументом, вышивкой, гарусом и бисером. Повсюду плечи и спину украшали пучками ниспадающих лент. Наспинные бисерные цепочки, гарусные и шелковые шнуры, полоски ткани и, по-видимому, более поздние ленты сходны по форме и назначению с отмеченными выше длинными хвостами старинных головных уборов, будь они в виде шнуров, длинных кистей, бисерных позатыльников или длинной наспинной лопасти в воронежских и тамбовских сороках[326].

К архаическим деталям женской одежды относятся и поясные подвески, подвешенные к поясу; они еще встречались в XIX — начале XX в. в Воронежской и Рязанской губерниях. Это одиночные, чаще парные полосы ткани длиной от 20 до 40 см, шириной от 7 до 16 см (*махры*, *подмахорники*, *назадники*). Они богато орнаментированы аппликацией, лентами, позументом, бисером, стеклярусом, гарусной бахромой, блестками. Поясные подвески такого вида ярко представлены в одежде мордвы, марийцев, чувашей[327].

Височные и ушные украшения непосредственно связаны с головными уборами и потому частично были описаны в предыдущем разделе. Наиболее старинными были шаровидные подвески из гусиного пуха — *пушки*, представленные почти на всей территории бытования комплекса одежды с поневой, а также у народов Поволжья. В XIX в. более широко были распространены шарики, шнурки или кисти из разноцветного гаруса — *пушки*, *пучки*, *пукли*, *песы*, *цветы*. Не менее архаичными были, по-видимому, и подвески из бисера. Повсюду бытовали металлические серьги. На пальцах носили медные, оловянные, реже серебряные кольца и перстни[328].

Таким образом, кратко рассмотренные разнообразные украшения женского костюма, бытовавшие в XIX — в начале XX в., — ожерелья, цепочки, шнуры из бисера, гаруса, стекла, нагрудные и поясные украшения в виде полосок ткани, пушки из птичьего пуха и гаруса, металлические серьги, кольца и перстни — были довольно древними, они широко распространились почти во всех южнорусских районах, многие их них, например, такие своеобразные украшения как плетенная из гаруса и бисера *грибатка* (*гайтан*), височные серьги в виде плоских кружков, наушники в форме лопастей, наспинные, поясные, нагрудные украшения в виде продольных полос ткани, разнообразные бисерные ожерелья, могли сложиться и в процессе местного творчества, и в то же время они отражают связи с народами Поволжья, в частности с мордвой.

МУЖСКАЯ ОДЕЖДА

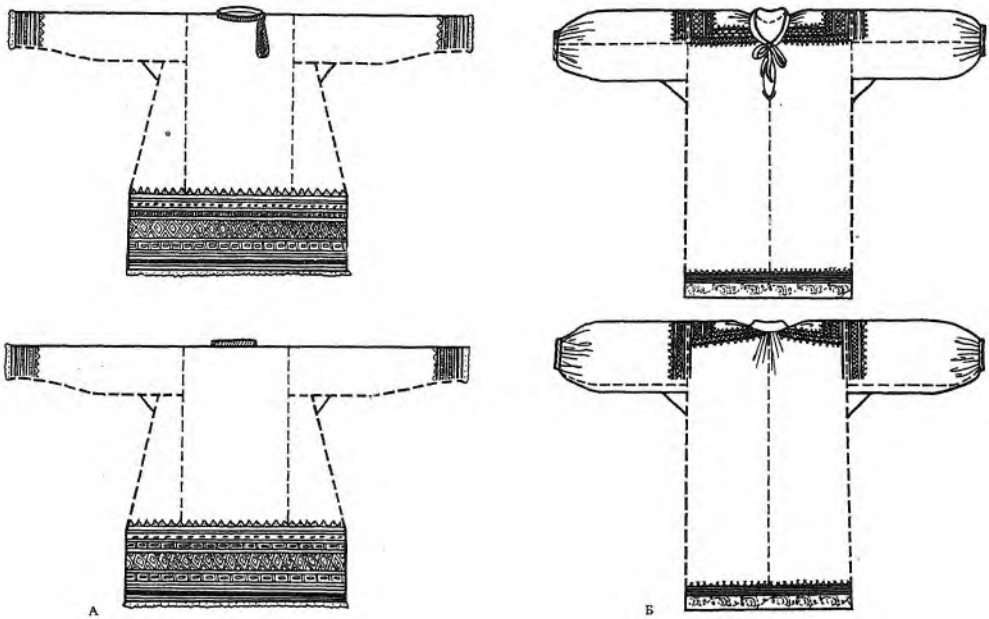
Мужской костюм значительно однообразнее по сравнению с женским. В южнорусских губерниях он, за небольшим исключением, был типично великорусским, хорошо описан в литературе и потому здесь будет рассмотрен кратко. Традиционная мужская одежда быстрее нивелировалась под влиянием городской моды.

Рубаха. В XIX — начале XX в. на большей части южнорусского региона бытовала туникообразная рубаха, известная всем восточным славянам с древности. Покрой ее был типичен и для других русских губерний. Основу покроя составляло центральное полотнище, перегнутое по утку; на месте сгиба сделан разрез ворота, сверху к полотнищу пришиты рукава. Под рукавами центральные полотнища соединялись боковыми полотнищами, перегнутыми по основе, нередко их скашивали. С конца XIX в. прямые боковые полотнища часто заменяли косыми клиньями. В русских рубахах разрез ворота (*пазуха, пелька*) делали не посередине груди, а на левой стороне груди, узкий стоячий воротничок застегивали на пуговицу, иногда отсутствовал воротник. Эта, типичная для русских, *косоворотка*, по мнению Д.К. Зеленина, появилась не ранее XV в., более древней считается рубаха с прямым разрезом ворота, расположенным посередине груди, типичная для украинцев и белорусов[329].

В XIX в. мужские рубахи шили преимущественно из холста льняного и посконного, из *пестряди*, или белого холста. Подол, ворот рубахи украшали красной перетыкой, вышивкой, нашивками из красного кумача, шнуром, тесьмой, кружевами[330]. Со второй половины XIX в. в деревне все шире применялись фабричные ткани, в то же время во многих селах холстинные рубахи носили вплоть до 1930-х гг.

Другой тип мужской рубахи бытовал в русских селах Бирючинского, частично Нижнедевицкого, Острогожского и Коротоякского уездов Воронежской губ. Здесь издавна носили рубаху с прямыми поликами, пришитыми по утку; с прямым разрезом посередине груди и со сборами у ворота, со стоячим или отложным воротником. Эту рубаху кроили наподобие женской — из четырех полотнищ со швами посередине груди, на спине и на боках. Она бытовала преимущественно в районах распространения глухой поневы, расшитой цветной шерстью, и женской рубахи, вышитой черной шерстью (см. выше). Так же как и в женской рубахе, полики, верхнюю часть рукава, а также воротник и подол мужской рубахи украшали плотным черным ковровым геометрическим узором.

Подобный покрой рубахи, был, по-видимому, в этих районах более древней формой, предшествовавшей туникообразной косоворотке, которая распространилась здесь в начале XX в. Рубаха с прямыми поликами,



Типы мужской рубахи. Вид спереди и сзади:
а) туникообразная рубаха-косоворотка; б) рубаха с прямыми поликами.
Воронежская губ., села Клеповка и Афанасьевка. Конец XIX в.
(Из кн.: *Чижикова Л.Н.* Русско-украинское пограничье. М., 1988. С. 216–217.)

пришитыми по утку, бытовала также в некоторых русских и украинских селах Богодуховского и Змиевского уездов Харьковской губ., в украинских селах Ендовище Землянского у. Воронежской губ., Шопино Белгородского у. Курской губ. В этих селах стан поликовой рубахи кроили из трех несимметрично расположенных полотнищ[331]. На территории южнорусского региона мужские рубахи с прямыми поликами нам известны лишь в воронежских селах, у русских она встречалась сравнительно редко, только в некоторых местах Смоленской и Псковской губернии, но бытовала у белорусов и украинцев Полесья, в Киевской, Екатеринославской губерниях, а также у поляков и чехов[332].

Штаны. В русских селах южнорусского региона в XIX — начале XX в. носили порты (*портки, шаровары*), скроенные по русскому типу, издавна распространенному в большинстве русских губерний. Эти штаны имели неширокие калоши, суживающиеся книзу, каждая из которых кроилась из перегнутого по основе полотнища холста (либо другой ткани) длиной до 1 м, калоши соединялись двумя длинными трапециевидными клиньями. В XVIII–XIX вв. такие штаны обычно шили из домотканой синей, иногда черной пестрядинной в полоску или

набойчатой ткани, реже носили белые полотняные порты. Старинные холщовые порты в западных районах региона были белого цвета. Зимние штаны шили из свойского сукна[333]. На самом западе изучаемого региона в Трубчевском и Карачевском уездах Орловской губ., в Рыльском у. Курской губ. встречались неширокие белые холщовые штаны с ромбовидной вставкой (*огузник*), аналогичные по покрою портам белорусов и *гачам* западных украинцев[334].

Штаны и брюки из фабричных тканей в южнорусских районах, как и повсюду, широко входят в быт деревни в конце XIX — начале XX в. Домотканые порты во многих местах стали служить рабочей, домашней или нижней одеждой, порой их носили лишь старики и дети.

Головные уборы. В XIX — начале XX в. в исследуемых районах бытовали такие древние головные уборы, как *шлык* и шапка-*валёнка*. Шлык в виде полусферической шапочки из холста был известен в Касимовском у. Рязанской губ. и в Спасском у. Тамбовской губ., также в Смоленской и Тверской губерниях[335]. Шапка-*валёнка* (*яломок, шлык, вязенка*) — валяный конической формы колпак с отогнутыми полями, плотно прилегающими к тулье, белого, серого или коричневого цвета. Валёнки чаще встречались в западных районах Орловской, Калужской, Курской, частично Воронежской губерний, они бытовали также в Смоленской и Тверской губерниях. Колпак — валёнка белого цвета — был распространен преимущественно в междуречье р. Жиздры и р. Десны, а также по Десне, Ветьме и Навле (т.е. в западной части Калужской и Орловской губерний)[336]. Такой же белый колпак был характерен для белорусов (*маргелка*) и северных украинцев (*магерка, шоломок*). Наличие данного типа головного убора на русско-белорусско-украинском пограничье свидетельствует о древних связях восточнославянских народов.

Более широко на исследуемой территории бытовал типично русский головной убор — *грешневик* или *черепенник* — валяная шапка цилиндрической формы с небольшими полями коричневого или черного цвета, также достаточно древний головной убор. Грешневик был неизвестен или мало известен лишь в Орловской и западных районах Курской губ., где была распространена шапка-валёнка[337].

Не получила широкого распространения шапка с четырехугольным донышком из сукна с меховым или матерчатым околышем. Она была известна в Белевском у. Тульской губ., в Воронежской губ., бытовала в Смоленской, Тверской, Ярославской, Архангельской губерниях[338], а также на Волыни и кое-где в Белоруссии. Лишь в Касимовском у. Рязанской и на юге Тульской губернии отмечен вязаный колпак[339].

Во многих южнорусских селах в XIX — начале XX в. носили шляпу с «большими» и «малыми» полями из войлока или из соломы, в

праздник их украшали по тулье лентой и павлиньим пером[340]. Широко бытовали различной формы зимние шапки: низкие круглые, высокие цилиндрические или суженные кверху, сшитые из меха, сукна или плиса, с околышем из меха. Популярностью пользовались зимние шапки с удлиненными наушниками и лопастью сзади — *треух*, *малахай*, распространенные во многих русских и украинских губерниях. В конце XIX — начале XX в. их заменяет шапка-ушанка, дожившия до настоящего времени.

В конце XIX — начале XX в. широко распространяются городской картуз, позднее кепка, постепенно вытеснившие старинные головные уборы.

ОБУВЬ

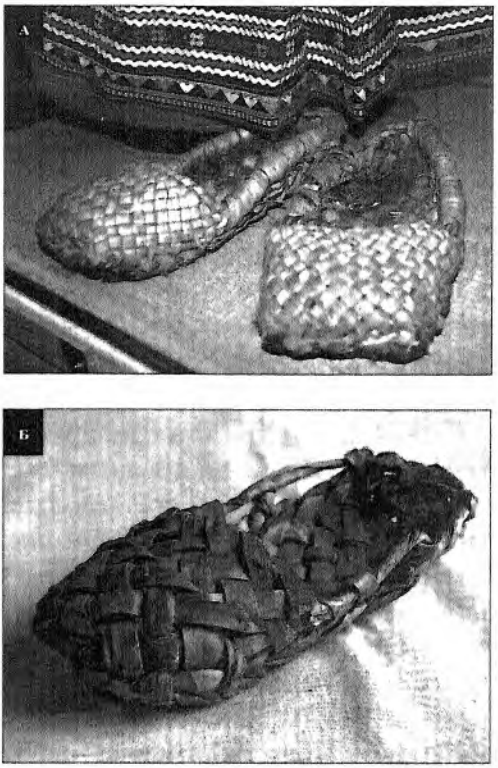
В южнорусском регионе, как и во многих других русских районах, сельские жители мужчины и женщины носили традиционную обувь, сплетенную из древесной коры, веревок, сшитую из кожи или войлока. Употребление того или иного вида обуви зависело от материального достатка крестьянина, от имеющегося в данной местности сырьевого материала, а также от этнических традиций, сложившихся в тех или иных районах.

В XIX в. наиболее распространенной мужской и женской обувью крестьян исследуемых губерний были лапти — древнейшая обувь, плетенная из древесной коры, известная северным украинцам, белорусам, западным славянам, народам Прибалтики и некоторым другим европейским народам[341].

Как уже приходилось писать, мало носили или совсем не носили лаптей русские на юге Воронежской губ. (Богучаровский, частично Павловский, Бобровский уезды). Это объяснялось и отсутствием липовых лык, и украинским культурным влиянием. Недостаток липовых лык был и в некоторых северных селах губернии, однако сила традиции вынуждала крестьян здесь покупать лапти или липовые лыки, привозимые с севера. Как и на большей части Украины, не было лаптей в украинских селах Воронежской и Курской губерний, и это было одним из ярко выраженных специфических признаков, отличавших одежду местных украинцев от русских[342].

В изучаемом регионе бытовало три типа лаптей. Преобладал «московский» тип лаптя, выполненный техникой косого плетения, преимущественно из липовых, иногда из вязовых лык. Лапти косого плетения изготовлялись на колодке, их начинали плести с пятки, полоски лык расположены друг к другу под тупым и острым углами. Эти лапти были с круглой головкой, высоким задником и толстыми

бортами, по бокам которых клали палочку, через которую переплетали лыко, за нее зацепляли оборы (петель, как у мордовского лаптя, здесь нет). Характерно наличие в праздничных лаптях «писаной», т.е. плетенной из мелких лык узорами головки. По данным исследователей, основная территория бытования московского или русского лаптя — бассейн р. Оки до р. Рановы, к югу — от р. Пры, а также бассейн р. Москвы, верховья Волги; на западе граница доходила до Десны. В прошлом это основная территория Рязанского княжества — треугольник между Проней и Окой, частично Московского княжества и верховья р. Оки; т.е. территории, связанные по археологическим данным с вятичами. В ходе Московской колонизации этот тип лаптя проник в более южные Орловскую, Курскую, Воронежскую, Тамбовскую губернии, а также на север, юг и запад[343].



Лапти: а) московского типа. Рязанская губ., Скопинский у., с. Ермолово; б) мордовского типа. Рязанская обл., Клепиковский р-н, д. Борисково. XX в. (Из кн.: Русские Рязанского края. М., 2009. Т. 1. С. 473.)

На востоке южнорусского региона бытовали лапти мордовского типа. Их также плели техникой косого плетения из липовых и вязовых лык. Они имели головку трапециевидной формы и специальные петли из лыка с боков и сзади для обор. Этот лапоть был характерен для мордвы и потому назван «мордовским». У русских он бытовал в Касимовском, Егорьевском, Сапожковском уездах Рязанской губ., в Елатомском, Темниковском, Спасском уездах Тамбовской губ., а также в Керенском у. Пензенской губ., в Муромском, Меленковском, Суздальском уездах Владимирской губ.[344]. Эта территория связана с древними финскими могильниками муромы и мещеры. Мордовский лапоть был одним из компонентов финноугорской культуры, вошедшим в состав материальной культуры русских в процессе ассимиляции финноугров со славянами и в результате их культурных взаимовлияний.

На западе южнорусского региона бытовали лапти прямого плетения, называемые *рачки* или *покосные*. Их плели без колодки, решетка состояла из перпендикулярно расположенных друг к другу липовых и вязовых лык. Лапти плели начиная с носка, боковые петли надевали на деревянные палочки, через петли протягивали веревочку для стягивания лаптя на ноге. Плетение этих лаптей очень редкое, всего в два лыка, они непрочные, их надевали на покос. Рачки бытовали в бассейнах рек Десны, Ветьмы, Болвы, Навли в основном на западе Орловской и Калужской губерний[345]. Лапти подобного типа были известны в Могилевщине по р. Сож, в минском Полесье, в черниговском Полесье. Территория их распространения охватывала всю западную часть Восточной Европы: бассейн Днепра, Одера, Вислы, Прибалтику, Финляндию и берега Швеции. Согласно археологическим древностям они были известны и славянам и древним балтам[346].

Лапти надевали с холщовыми, шерстяными и суконными обертками (*онучи*, *суконки*, *портянки*, *наголенники*, *завои*, *повилы*). Полотнища онуч были длиной до 2 и более метров, ими обертывали ногу вместе со ступней, в некоторых местах навивали на ногу две–четыре онучи — красивыми считались толстые ноги. Распространены были полотняные и суконные онучи белого цвета. В Рязанской, Тамбовской, Тульской, Калужской, в Рыльском у. Курской губ., а также у народов Поволжья известны также черные шерстяные онучи (*повилы*, *завои*)[347].

В некоторых южнорусских селениях существовал обычай обертывать икры ног до щиколотки кусками холста или сукна при хождении босиком. Этот обычай был распространен в Калужском, Лихвинском, Козельском, Жиздринском, Бежецком и частично в Ельницком уездах Калужской губ., известен в Касимовском и Сапожковском уездах Рязанской губ., а также в Белоруссии[348]. Онучи закреплялись на ноге длинными шнурками — *оборами*, *дорганцами*. Оборы делали из кожи, пеньки, льна и шерсти. Наиболее древними, по-видимому, были ременные оборы: находки медных колечек около колен (которыми закрепляли концы обор) во многих славянских погребениях свидетельствуют об их широком распространении. В конце XIX в. они сохранялись лишь в немногих местах калужского и орловского Полесья, в Касимовском у. Рязанской губ., на севере Воронежской губ., а также в Тверской и Нижегородской губерниях. Ременные оборы распространены у белорусов, украинцев, болгар, сербов, чехов, известны у латышей и мордвы[349].

В XIX — начале XX в. наиболее распространены были оборы, свитые из конопляных, льняных или хлопчатобумажных ниток. Шерстяные оборы — дерганые и тканые черного цвета — бытовали в калуж-

ском и орловском Полесье, известны в Сапожковском у. Рязанской губ., в Землянском, Задонском, Коротоякском уездах Воронежской губ.[350]. В Брянском у. Орловской губ., в Касимовском у. Рязанской губ. были известны красные шерстяные оборы[351]. Красные и черные шерстяные оборы носили с праздничной обувью белорусы Витебщины, а также мордва. Черные шерстяные оборы бытовали у белорусов, украинцев Черниговской губ., у русских Смоленской и Тверской губерний, а также в Латвии и Литве. Все это свидетельствует о древних культурных связях народов этих территорий.

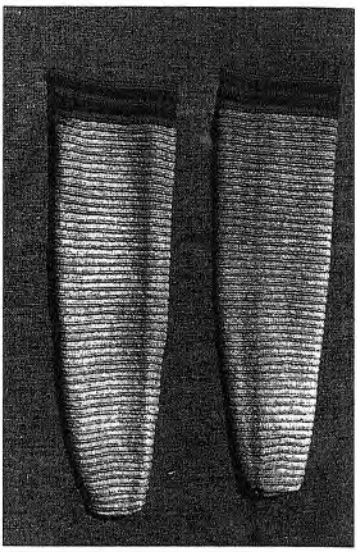
Помимо традиционных лаптей в некоторых южнорусских селениях носили плетенную из лык обувь в форме туфли или сапога с коротким голенищем, ее называли *бахилы, босовики, ступни*. Ученые считают эту обувь сравнительно поздним явлением, она служила домашней и промысловой обувью, известна в Калужской, Рязанской губерниях, в Брянском у. Орловской губ., но чаще встречалась в более северных русских губерниях[352].

Домашней или рабочей обувью были плетеные или связанные крючком из пеньки и шерстяных веревок или полосок ткани — туфли (*чуни, ходоки, бахилки*), известные во многих русских, в том числе и южнорусских губерниях[353].

Примитивная кожаная обувь — *поршни, постолы, чирики, кожницы*, сшитые из одного куска кожи со швом на носке и на пятке, на вздержке из ремня чаще встречалась в районах смешанного расселения русских с украинцами — в Воронежской и Курской губерниях. Подобные *поршни* (*постолы*) были более распространены на Украине, чем в России. Этот примитивный тип кожаной обуви, один из древнейших, был известен всем славянским народам и их соседям[354].

В конце XIX и особенно в начале XX в. во многих южнорусских районах большой популярностью стала пользоваться кожаная обувь. В одних селениях она еще долго оставалась лишь праздничной обувью, в других сапоги, туфли, башмаки вытесняют лапти. Последние становятся либо только домашней и рабочей обувью, либо обувью бедняков. Степень употребления кожаной обуви, качество ее изготовления и материала в значительной мере определялось материальными доходами крестьянских хозяйств.

Наиболее распространенной в это время мужской обувью летом и зимой были сапоги с высокими голенищами и пришивной кожаной подошвой. Во многих районах сапоги носили и женщины. Женские сапоги шили из черной кожи, верх отделывали цветным сафьяном, каблук был выше, чем в мужских сапогах, и с медной подковкой, сзади повыше каблука выбивали узор из медных пистонов, длинное голенище «набирали» в сборку — *гармошкой*[355]. Повсюду бытовали *коты* —



Туфли, чулки: а) туфли праздничные — черевики. Белгородская обл., Ракитянский р-н (Курская губ., Обоянский у.), с. Нижние Пены; б) чулки вязаные шерстяные. Белгородская обл., Алексеевский р-н, с. Афанасьевка. XX в. Фото Г.В. Кирсанова, 1978 г., Б.И. Смехова, 1977 г.

глухие туфли из грубой кожи, похожие на сапоги с отрезанными голенищами. Их чаще носили женщины, чем мужчины.

Праздничной женской обувью были открытые туфли из грубой кожи с небольшим каблуком и железными подковками на подошве, украшенные пистонами, пуговицами, строчкой из разнообразных ниток, бисера, кисточками из гаруса или аппликациями из цветного сафьяна[356]. По данным корреспондента Русского географического общества в 1856 г. в Вяжевской вол. Новосильского у. «к каблукам котов у крестьянок прикрепляются бубенчики и колокольчики, которые, соединяясь с бубенчиками на поневах, производят ужасную трескотню»[357]. Эта обувь имела разные наименования: *коты*, *ходоки*, *бахилки*, *тухли*, *башмаки*. В Воронежской и Курской губерниях их часто называли по-украински — *чирики*, *черевики*. Особенной популярностью черевики пользовались в однодворческих селах. С черевиками (котами) обычно носили толстые вязаные белые или пестрые чулки, которые доходили до колена и собирались на ноге в гармошку, нередко туфли привязывали к ноге оборами.

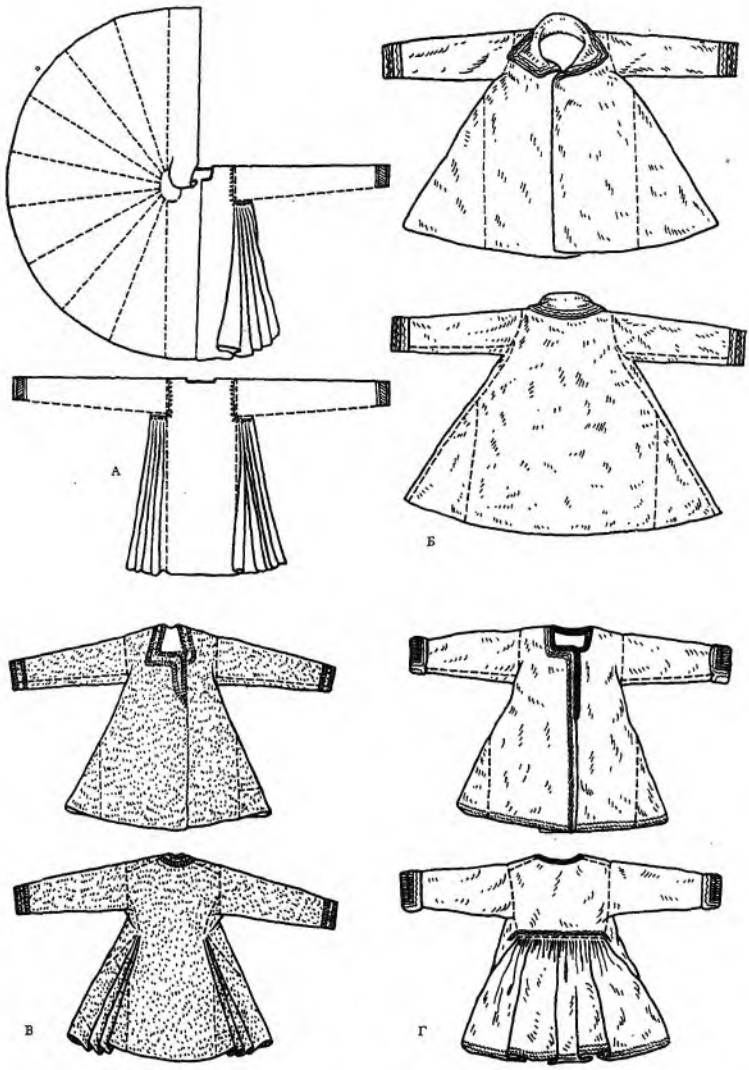
В конце XIX — начале XX в. под влиянием города распространяются женские башмаки на шнуровке, закрывающие щиколотку ноги, ботинки, полусапожки на шнуровке и резинке, мужские штиблеты. Однако повседневной кожаная обувь фабричного производства стала лишь в 1920–1930-е гг. Валенки, как и резиновые калоши, во многих селениях носили лишь более зажиточные крестьяне, широкое распространение они получили лишь в начале XX в.[358].

ВЕРХНЯЯ ОДЕЖДА

Верхняя одежда, надеваемая поверх комнатной, различалась по материалу, покрою, отделке, названиям и функциональному использованию — в качестве зимней, осенней, летней, будничной, праздничной, рабочей. На всей территории исследования в верхней одежде было много общих черт, она не отличалась существенно и от одежды русских центральных и северных губерний. Так же, как и повсюду, здесь сравнительно слабо были выражены и половозрастные различия. Верхняя одежда шилась из домотканого сукна, шерсти, холста, овчин, позднее из фабричных материалов. В связи с трудностью выделки сукна и овчин изготовлением этих материалов и шитьем верхней одежды из них в некоторых местах занимались специалисты кустари, кое-где существовали и мелкие кустарные производства.

Сукно и шерстяная ткань обычно сохраняли цвет овечьей шерсти: коричневый, черный, серый, реже белый. Белые зипуны были распространены на западе региона в бассейне Болвы, Десны и Жиздры, в основном в Жиздринском у. Калужской губ. Здесь южнорусская территория бытования белой и светло-серой шерстяной одежды смыкается с районами Смоленской, Псковской губерний, со значительной частью Белоруссии и восточной Украины. Белый зипун был известен также у литовцев, латышей, поляков, сербов, словаков, встречался в Вологодской губернии[359]. Белая суконная верхняя одежда, известная в Данковском у. Рязанской губ., имела сходные черты с одеждой народов Поволжья (мари и мордвы-терюхан). Цвет верхней одежды находился в прямой зависимости от породы разводимых овец. Но определенная расцветка одежды в XIX в. была традиционной особенностью отдельных групп населения. Во второй половине XIX в. белое сукно нередко окрашивали в черный и синий цвета. Овчинную одежду шили из дубленых овчин, преимущественно красных, реже черных. Недубленые белые овчины довольно древние, в конце XIX в. сохранялись преимущественно в бассейне Дона, начиная с его верхнего течения. Дубление с целью окраски и прочности овчин при помощи древесной коры получило широкое распространение лишь в XIX в.[360].

По покрою верхняя одежда была глухой и распашной. Более древняя глухая одежда в XIX в. отмечалась в немногих местах. В Скопинском и Данковском уездах Рязанской губ. бытовала верхняя женская одежда *кодман*, сшитая из черной шерсти, по покрою напоминающая мужскую туникообразную рубаху, но в ней не было разреза для ворота, а рукава оставались несшитыми. Кодман носили на плечах как накидку или плащ, перекидывая боковые полотнища через плечо наперед, его надевали в большие праздники, когда шли в церковь, завертывали в них ребят;



изношенный кодман служил рабочей одеждой, во время ненастья его накидывали на голову[361]. Одежда подобного типа была известна в середине XIX в. в Задонском у. Воронежской губ.: женский и девичий праздничный *сукман* (из темно-синей шерстяной материи) и *белик* из белого сукна накидывали как плащ и придерживали за рукава спереди[362].

Плащом служил иногда и распашной *шушпан*, который крестьянки накидывали в ненастье на голову, а также черный шерстяной *поniток* Михайловского и Скопинского уездов Рязанской губ. и Богородицкого у. Тульской губ.

Типы верхней одежды. Вид спереди и сзади:
а) шушпан туникообразного покроя. Воронежская губ., с. Байгора;
б) кирей халатообразного покроя. Курская губ., с. Линово;
в) зипун, зауженный в талии; г) зипун, зауженный в талии
с отрезной спинкой. Курская губ., с. Мокрая Орловка;
д) шуба женская халатообразного покроя. Воронежская губ.,
с. Фощеватово; е) шуба женская, отрезная в талии. Воронежская губ.,
с. Глуховка. Конец XIX — начало XX в. (Из кн.: *Чижикова Л.Н.*
Русско-украинское пограничье. М., 1988. С. 216–217.)

В конце XIX — начале XX в. повсюду бытовала преимущественно распашная верхняя одежда. Она различалась по особенностям покроя заднего полотнища, по способу соединения заднего и переднего полотнищ. Особо следует выделить одежду туникообразного покроя. Основу ее составляло одно цельное полотнище, перегнутое на плечах. К этому типу относятся шушпаны, отнесенные выше к нагрудной одежде. Но в Воронежской губ. бытовали распашные длинные суконные белые шушпаны, которые служили уличной летней выходной одеждой. Среди этой группы шушпанов следует выделить два варианта покроя. В селах Задонского, Коротоякского, Воронежского, Бирючинского уездов бытовал шушпан прямого покроя, сходный с покроем мужской туникообразной рубахи (но с разрезом переднего полотнища). Второй вариант шушпана, сильно расклешенный, отличался тем, что заднее и переднее полотнища соединены с каждого бока косыми клиньями (от 9 до 11 клиньев на каждом боку). Этот шушпан бытовал в Задонском и Воронежском уездах, а также в Тамбовской губ.[363].

Широко была распространена в крестьянском быту так называемая халатообразная одежда, расширяющаяся внизу, однобортная, запахивалась справа налево. Ее носили нараспашку или подпоясав кушаком, часто надевали в дорогу или в непогоду поверх другой верхней одежды. Она кроилась из одного или двух задних и двух передних прямых полотнищ, соединенных между собой швом на плечах, сбоку между полотнищами вставлены косые клинья. Ранее, по-видимому, была известна и более старая форма — без шва на плечах, по типу туникообразного покроя; она отмечена, например, Б. Познанским для украинской халатообразной одежды Воронежской губ.[364]. Эту одежду шили из сукна, овчины, реже из фабричных материалов.

В южнорусских селениях названия халатообразной одежды были весьма разнообразны.

Во многих селениях Курской, Тульской, Калужской, местами в Орловской и Рязанской губерниях эту одежду называли *армяк*. В Воронежской и Тамбовской губерниях распространен термин *халат*. Халатом ее называли также в Касимовском, Михайловском, Сапожковском и Скопинском уездах Рязанской губ., а также в отдельных селениях Курской губ. Во многих селениях Курской, иногда в Воронежской и Калужской губерниях эту одежду называли *зипун*. Термин *чекмень* применительно к халатообразной одежде был известен в Калужском и Перемышльском уездах Калужской губ., в Дмитриевском и Тимском уездах Курской губ., в Ливенском у. Орловской губ., в отдельных селениях Рязанской и Воронежской губерний. В Михайловском, Сапожковском, Скопинском и Ряжском уездах Рязанской губ. до конца XIX в. широкую суконную одежду называли *пониток,* в Данковском уезде — *тайник.* Пониток был известен также в Веневском у. Тульской губ. и в Кирсановском у.[365]

Распространена была также и одежда, зауженная в талии, спинка из цельного полотнища, выкроена по фигуре, ниже талии в нее вшиты клинья, из которых образуются объемные сборки или складки (*фалды, фанты, кастрецы, клинья*). Этот тип одежды был широко распространен у всех восточных славян. В конце XIX — начале XX в. в покрое происходили некоторые усовершенствования: на спинке появлялись вертикальные швы, доходящие до проймы, и соответственно им увеличивалось число клиньев, сборок и складок в нижней части. Эту одежду шили из домотканого сукна и полушерстяной ткани, с конца XIX в. — часто из фабричных тканей, цвет сукна преимущественно черный, коричневый, серый, на западе региона нередко и белый.

Эта одежда, так же как и халатообразная, имела разные названия. Здесь, как и в других регионах России, одним и тем же термином часто называли разную по покрою верхнюю одежду, что могло свидетельствовать о трансформации одного типа в другой. Для зауженной

в талии одежды, как и халатообразной, широко применялись такие общие названия как *зипун*, *кафтан*, *свита*, *чекмень*. Одежду с выкройной спинкой *зипуном* называли в Мосальском, Калужском, Козельском, Лихвинском уездах Калужской губернии, в Ливенском, Трубчевском, Брянском, Карачевском уездах Орловской губ., в Новосильском у. Тульской губ., в Елатомском у. Тамбовской губ., а также во многих селениях Рязанской, Воронежской и Курской губерний. Термин *кафтан* известен в Кирсановском у. Тамбовской губ. В некоторых селах Воронежской и Орловской губерний эту одежду называли *чекмень*. На западе региона в Орловской, Калужской, Курской губерниях часто употребляли термин *свита*, дольше сохранявшийся в украинских и белорусских губерниях. В Воронежской и Курской губерниях одежду с выкройной спинкой нередко называли *куцинкой* — термин, часто встречавшийся в Черниговской и Киевской губерниях. Известны были и такие сравнительно реже употребляемые названия: *коротыш* (Жиздринский у.), *коротчик* (Брянский у.), *бугай* (Касимовский у.), *балахон* и *казакин* (Новосильский у.), *пониток* (Богородицкий и Болховский уезды)[366].

Сравнительно поздней была приталенная верхняя одежда, у которой задние полотнища, а иногда и передние, перерезаны по линии талии, нижняя часть присборена или сшита из клиньев, двубортная, как и одежда приталенная с цельной спинкой. Ее шили из домотканого сукна, а чаще из фабричных тканей на подкладке, а порой и на вате. Этот тип одежды распространился сравнительно поздно — во второй половине XIX в., хотя он нередко отмечался и в середине XIX в. корреспондентами Русского географического общества. Одежда с отрезной спинкой, по-видимому, была видоизменением двух предшествующих типов. Во второй половине XIX — начале XX в. эта одежда бытовала почти во всех русских губерниях, реже встречалась в Украине и в Белоруссии. Во многих уездах почти всех южнорусских губерний ее называли *поддевкой*. Сохранялись для этой одежды и вышеуказанные традиционные термины: *зипун* и *кафтан*. Свитой одежду с отрезной спинкой, как и приталенную, чаще называли в некоторых селах Орловской, Курской и Тульской губерний. В Орловской и Калужской губерниях были известны термины *коротик*, *коротайка*, в Моршанском у. Тамбовской губ. — *бекеша*. Безрукавную одежду с отрезной спинкой называли *курточка*, *корсетка*[367].

В зимнее время наиболее характерной одеждой в русских губерниях, так же как и в изучаемом нами регионе, были общераспространенного покроя тулуп, шуба, полушубок, сшитые из овечьих шкур[368]. Тулуп обычно шили халатообразным, однобортным, длинным, с отложным высоким воротником, его надевали в дорогу поверх шубы. Шуба также была расклешена или прямого покроя, двубортная, нередко приталена,

но с цельной спинкой, реже с отрезной спинкой и со сборами. Более зажиточные крестьяне нагольную шубу сверху покрывали тканью. Богатые женщины носили шубы на лисьем и заячьем меху, покрытые нанкой или шерстью. Полушубок обычно был короче шубы, его кроили приталенным с клиньями или с отрезной спинкой и со сборками.

В конце XIX — начале XX в. в сельской местности наряду с прежними появляются и новые формы верхней одежды, сшитые из фабричных тканей прямого и приталенного покроя и с отрезной спинкой. Это сшитые в талию со вставными клиньями, заложенными в складки на спине, с цветной отделкой по бортам и вороту *куцинки, кохты* (Воронежская губ.), *коротайки* с пришивной спинкой и густыми сборами (Калужская губ.), плисовые безрукавки и т.д. Повсюду распространяются распашные однобортные, со скошенной спинкой, без застежек или двубортные с застежкой кофты на вате или только на подкладке — *холодайки, разлетайки, хлопалки, кохты*, прямоспинные *саки, сачки*, различного покроя пальто на вате или на меху, мужские пиджаки, сюртуки, жилеты и пр. Значительная часть традиционной верхней одежды исчезла из употребления в 1930-е гг. В последующие годы частично использовались в холодное время года тулупы, шубы, полушубки, зипуны, куцинки, поддевки и пр.

Таким образом, характеристика верхней одежды показывает, что основные ее типы, бытовавшие в XIX — начале XX в. на южнорусской территории, были известны и в других районах России. Повсюду преобладала верхняя распашная одежда. Туникообразная глухая одежда встречалась гораздо реже. Региональные отличия касались чаще терминологии, чем покроя верхней одежды. Термин *чекмень* более широко был распространен в южнорусском регионе, а также у донского и уральского казачества и в основном применительно к халатообразной одежде. В Московской и Владимирской губерниях чекменем называли лишь одежду с приталенной или отрезной спинкой. Более широко на всей русской территории был распространен термин *зипун*. Но халатообразную одежду зипуном называли преимущественно в южнорусской полосе России и в среде донского и кубанского казачества. Также повсюду употребляли термин *кафтан*, но применительно к халатообразной одежде он известен в основном в южнорусских губерниях и в Среднем Поволжье. В северных, центральных и восточных русских губерниях понитком называли в основном верхнюю одежду со сборами и приталенную. В южнорусском регионе термин *пониток* был известен преимущественно в Рязанской губ. и применительно к халатообразной одежде. Старославянское название *свита*, распространенное в Украине и Белоруссии, чаще встречалось на западе южнорусского региона. Широкий ареал бытования верхней одежды белого цвета на западных

территориях (русское, украинское, белорусское Полесье, Польша, Словакия, Сербия и др.), по-видимому, может свидетельствовать о древних связях их населения. В то же время белая суконная верхняя одежда на юге Рязанской губ. имела сходные черты с одеждой народов Поволжья.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как свидетельствуют материалы, изложенные в данной работе, типологическое разнообразие одежды на территории южнорусского региона, особенно ярко проявившееся в женской одежде, в значительной степени было обусловлено сложной историей формирования населения, отразившейся в многообразии культурных традиций, сложившихся на основе напластований, восходящих к ранним и более поздним периодам исторического развития. Особенности традиционной одежды формировались в процессе новых миграционных движений на основе древнего славянского субстрата. Русские переселенцы, вступавшие в этнические контакты с местным славянским и иноэтничным населением, приносили сюда разнохарактерные региональные и локальные традиции, которые накладывались на местные традиции. Этнокультурные особенности подкреплялись различиями, связанными с социальным статусом населения (однодворцы, экономические, помещичьи крестьяне и др.). В многообразии различных типов одежды отражалась этническая и социальная (сословная) неоднородность населения.

Исследование всех компонентов традиционной одежды населения южнорусских селений выявляет в ней наряду с общерусскими чертами (комплекс одежды с сарафаном, кокошник, сложный кичкообразный головной убор, покрой мужской рубахи и штанов, головных уборов, верхней одежды, обувь) особенности, более типичные для южнорусской одежды. Своеобразие русской одежды исследуемой территории заключается в том, что здесь бытовали все компоненты русской традиционной одежды, выделенные этнографами, они формировались в разное время, имели свои ареалы бытования, отражая зависимость костюма от сложных исторических и социальных процессов, протекавших в данной историко-культурной зоне.

Преобладал комплекс одежды с поневой, наиболее древний для данной территории, который включал в себя такие характерные особенности как: женская рубаха с косыми поликами, распашная и глухая поневы, туникообразные нагрудник и передник, сложный головной убор, состоявший из кички, сороки, позатыльника и платка, рогатая кичка, полотенчатый головной убор, украшения из бисера, разноцветного гаруса, из птичьих перьев и пуха; своеобразная яркая, построенная на контрастных сочетаниях цветовая гамма и др. Комплекс одежды

с поневой бытовал почти во всех южнорусских губерниях, о древности многих его компонентов, связанных с южнорусской средой, свидетельствуют исторические и археологические источники.

По мнению исследователей, область распространения поневы, как и рубахи с косыми поликами, совпадала с областью расселения древних племенных объединений вятичей и с путями продвижения великорусов на юг в XVI–XVII вв. Отдельные очаги бытования черных и красных понев, как и черных и красных нагрудников, в бассейне верховий Дона свидетельствуют о связях жителей этих районов с какими-то очень древними группами населения.

Такой старинный вид украшений поневы как медные бубенчики, позванивающие при ходьбе, бытовавший в Новосильском у. Тульской губ., на западе Калужской и Орловской губерний, был известен в погребениях вятичей. Древние корни в восточнославянской, особенно в южнорусской, среде имели рогатые кички, наиболее характерные для русского населения Окского и Донского бассейнов. По данным археологии, их носили в XIII в. богатые горожанки в Старой Рязани. Районы бытования разных типов старинной плетеной обуви — лаптей, по-видимому, связаны с территорией обитания древних племенных образований: в бассейне Оки бытовал московский или *вятичский* лапоть, в бассейне верхнего Днепра и Десны — белорусско-украинские *рачки*, на востоке — *мордовский* лапоть.

Пути формирования сложного состава населения отразились на необыкновенном разнообразии южнорусской одежды. Формы кички, сороки, клетчатая расцветка понев и многие другие детали одежды нередко различались в близлежащих селениях, служили признаком принадлежности женщин к определенной группе селений. Многообразные вариативные сочетания компонентов в сложных головных уборах, нередко сплетаясь в невероятные клубки взаимовлияний различных традиций, порождали необыкновенное разнообразие местных головных уборов, нередко отличавшихся в пределах одного уезда, волости или соседних сел. К местным формам одежды, мало известным в других районах, относятся, например, своеобразные типы головных уборов и съемные украшения Воронежской губ., специфичная расшивка поневы, женской и мужской рубахи в бассейне правобережных притоков Дона и пр.

Более поздний пласт составляли компоненты одежды, типичные в прошлом для средней полосы России и отчасти для ее западных районов: разные типы сарафанов, домотканых шерстяных юбок, головной убор с кокошником и др. Они появлялись вместе с переселенцами (однодворцами, помещичьими, монастырскими крестьянами) из центральных и западных районов России; в более южных уездах региона распространялись в процессе вторичной миграции однодворцев из более

северных губерний — Рязанской, Тульской, Калужской. Для большей части бывших однодворцев более характерны были сарафан с кокошником и домотканая юбка, а понева с кичкой и сорокой чаще бытовали у бывших помещичьих и монастырских крестьян. В Курской губ., например, сарафан и кокошник появились в XVI–XVII вв. вместе с переселением сюда служилых людей из центральных губерний России. Вместе с тем, специфичность развития местной одежды в Воронежской и отчасти в Рязанской губернии была в том, что понева служила основной поясной одеждой для всех категорий крестьянства, в том числе и для однодворцев, причем поневу однодворки носили не только с кичкой и сорокой, но и с кокошником; в то же время сарафан здесь чаще носили бывшие монастырские и помещичьи крестьяне, появившиеся в воронежских землях позднее служилых людей. Многие из них были выходцами из центральных губерний России. Они принесли с собой сарафан, кокошник и другие детали одежды, характерные для Московской, Ярославской губерний.

В результате исследования традиционной южнорусской одежды выявляются культурные особенности населения восточных и западных районов южнорусского региона. Эти особенности были связаны с историей освоения районов, а также влиянием местных иноэтничных групп населения. В заселении западных районов южнорусской зоны (орловских, калужских), западных районов курских и тульских земель (в бассейне Десны, Сейма, Болвы, Навли, Свапы, верхнего течения Оки, Угры, Жиздры) более активное участие принимали выходцы из соседних наиболее ранних по времени заселения южнорусских земель, расположенных в бассейне Десны и верховий Оки, впитавших в себя разные по происхождению и времени появления этнические компоненты. Здесь скрещивались между собой потомки древних славянских племенных объединений домонгольского периода с более поздними выходцами из центральных и южных районов России; происходили активные процессы культурных взаимовлияний с древним и более поздним населением соседнего Днепровского бассейна.

Заселение восточных, в частности тамбовских и воронежских земель происходило преимущественно из городов и уездов рязанских, тульских, орловских (Елец, реже Кромы, Мценск). Этнический состав переселенцев из этих среднеприокских и верхнедонских районов был сложный, будучи результатом взаимодействий раннего славянского населения, впитавшего древний угрофинский субстрат, с более поздними русскими мигрантами, среди которых было немало выходцев из московских и замосковных уездов. Водная система верховьев Дона и его притоков способствовала продолжительным этническим связям населения среднего течения Оки, воронежского Подонья и бассейна Цны[369].

Для западных районов исследуемой территории наиболее характерны такие компоненты традиционной одежды, как древнейший тип распашной поневы, туникообразный нагрудник, сшитый из холста, кичкообразный головной убор. Верхняя мужская одежда белого цвета. В этих районах были известны все типы женской рубахи, но только здесь получили распространение рубаха с прямым поликом, пришитым по основе, и рубаха с цельнокроеным рукавом, бытовавшие на Украине и в том числе в днепровском бассейне. Территория распространения рубахи с прямыми поликами, пришитыми по основе ткани, совпадала с районом бытования распашной поневы и поневы-плахты, близкой по покрою к украинской плахте. Понева-плахта, древний полотенчатый головной убор, котелкообразная кичка вместе с плетенной из ниток *верховкой* , сходной с украинско-белорусской *кибалкой*, женская прическа без заплетения кос, мужской колпак-валенка белого цвета, мужские неширокие штаны с ромбовидной вставкой, лапти-рачки, оборы черного цвета и другие детали одежды были характерны одновременно для населения русско-украинско-белорусского Полесья. Это одно из этнографических подтверждений исторических материалов о древности этнических связей населения бассейнов верховий Оки, Десны, Сейма и Днепра. Здесь дольше в одежде сохранялась общевосточнославянская основа, близкая по культуре к белорусам и украинцам.

Некоторые детали одежды населения западных районов свидетельствуют об его историко-культурных связях с народами Прибалтики. Одни из них относятся к глубокой древности — лапти-рачки, черные шерстяные оборы, сходство техники тканья и др. Другие особенности одежды относятся к более поздним культурным связям, обусловленным переселениями населения из-за литовского рубежа в XVI–XVII вв., польско-литовским культурным влиянием — прямой сарафан с лифом, шерстяная домотканая юбка, корсет-шнуровка и др.

Для традиционной одежды населения восточных районов южнорусской историко-культурной зоны характерна глухая понева с прошвой и без прошвы в виде юбки, на северо-востоке Рязанской губернии в Мещерском крае сохранялась своеобразная распашная понева, сшитая из толстой двойной ткани сложной техники тканья, аналогичная тяжелой синей поневе, бытовавшей в некоторых местах водораздела Угры и Болвы, а также близкая по технике тканья к латышским юбкам, что свидетельствует о каких-то очень древних этнокультурных контактах населения калужского Полесья с Мещерским краем. Составной частью поневного комплекса одежды был туникообразный шерстяной нагрудник, особенно характерный для населения Рязанской, Тамбовской, Тульской губерний. Такие названия нагрудника как *сарахван*, *носовчик*, известные в Мещерском крае и в Жиздрин-

ском и Мосальском уездах Калужской губ., также указывают, наряду с другими деталями одежды, на древние связи населения западных районов с рязанской мещерой. В восточных районах особенно широко была распространена рубаха с косыми поликами. Бытование рубахи с косыми поликами, отличавшейся характером кроя плечевого пояса, по правому берегу среднего Дона и на северо-западе Рязанской губ. объясняется, по-видимому, как древними историческими связями населения воронежской земли и Рязанского княжества, так и более поздними традициями, сложившимися в результате заселения воронежской территории служилыми людьми и крепостными крестьянами, среди которых было много выходцев из Рязанщины. Появление рубахи с прямыми поликами, пришитыми по утку, и частичная замена ею рубахи с косыми поликами объясняется массовыми переселениями населения в XVI–XVII вв. из центральных русских районов, хотя могли быть и более древние очаги бытования этого типа рубахи. Рогатые и лопатообразные кички, бытовавшие во многих южнорусских губерниях, особенно высокими были на востоке южнорусского региона в Рязанской, Воронежской и Тамбовской губерниях. Здесь была распространена и местная форма кокошника в форме цилиндрической шапки со скошенной покатой задней частью.

В восточных районах южнорусской зоны многие детали русской одежды указывали на древние связи с аборигенами финноугорского происхождения, частично ассимилированными славянами. Сходные черты в одежде могли сложиться как на базе культурной общности древних насельников этой территории, так и позднее в результате контактов и взаимовлияний русских с народами Поволжья. Культурная общность с финноуграми отразилась во многих компонентах русской одежды. Наиболее старинный покрой глухого туникообразного нагрудника был сходен с туникообразной одеждой финноугров, особенно для них характерной. Поясные наспинные парные подвески из полосок ткани, известные в костюме Рязанской и Воронежской губерний, ярко представлены в одежде мордвы и чувашей. Лапоть мордовского типа бытовал к востоку от рек Пра и Ранова на территории, связанной с древними финскими могильниками муромы и мещеры. Этот компонент финноугорской культуры (а возможно также черные онучи и оборы) мог войти в состав русской одежды и в процессе ассимиляции мещеры и мордвы славянами, а также и в результате культурных взаимовлияний. О связях с финноуграми свидетельствуют и многие старинные детали русских головных уборов и украшений: высокие лопатообразные кички, сороки с длинным хвостом из шнуров, кистей, лопастей, бытовавшие в бассейне рязанского и воронежского Подонья, в Тамбовской губ., характерные для мордвы, мари, чувашей; шелковая (или

шерстяная) бахрома на головных уборах в Рязанской и Воронежской губерниях, известная у мещеры Пензенской губ. и удмуртов; *крылышки* — парные полоски ткани, спускаемые по спине от ворота, ожерелья из речных раковин ужовок, птичьих перьев и др.

Развитие одежды в южных уездах Воронежской и Курской губерний, в районах смешанного чересполосного расселения русских с украинцами, также в значительной степени определялось историей формирования населения этих мест и этнокультурными взаимодействиями русских и украинцев. Многие черты сложившейся в этих районах культурной общности были свойственны всем восточным славянам и свидетельствуют об их общем происхождении. Эта общность восходит еще к раннему феодализму — приемы и способы тканья, вышивки, крашения тканей, мужская туникообразная рубаха с прямым разрезом ворота, женская рубаха с поликами и рукавами, типы девичьих и мужских головных уборов, украшений из бисера и птичьих перьев и др.

Некоторые традиции, общие для русских и украинцев, возникли сравнительно поздно и в значительной степени отражают процессы межэтнической интеграции и этнокультурных взаимовлияний (XVII–XVIII вв.) Они сильнее проявились в верхней одежде и ее терминологии, в безрукавной одежде (корсетка), в мужской рубахе с поликами и отложным воротником, в женской шерстяной домотканой юбке, в женской рубахе с цельнокроеным рукавом и отложным воротником и др.[370].

Со второй половины XIX — начала XX в. с развитием товарно-денежных отношений, отхожих промыслов, с активизацией в сельской местности торговых связей между населением ближних и более дальних районов, влиянием городской культуры постепенно усиливаются процессы унификации одежды. Все чаще трудоемкие домотканые материалы и самобытные детали украшений заменяются фабричными материалами, старинные покрои нередко сменяются новыми под влиянием городских форм одежды. Однако эти процессы, как мы видели выше, развивались с разной интенсивностью в южнорусских селениях. В глухих лесных районах Полесья, в деревнях, удаленных от города и удобных путей сообщения, а также во многих бывших однодворческих селах Курской и Воронежской губерний старинные компоненты одежды, характерные для второй половины XIX в., частично изменяясь, все же сохраняли свою типологическую основу вплоть до начала 30-х гг. XX в.

В течение XX в. в ходе общей урбанизации происходила нивелировка традиционных локальных особенностей в одежде, ее унификация и стандартизация. В результате распространения в сельской местности фабрично-заводских изделий, под воздействием городской моды одежда стала одним из наиболее изменчивых компонентов современной бытовой культуры.

Вместе с тем, по нашим сведениям, как указывалось выше, в некоторых, преимущественно бывших однодворческих селах Курской, Белгородской, Воронежской, Рязанской областей, а возможно и некоторых других районах еще в 1960–1980-е гг. сохранялись традиционные комплексы женской одежды с их оригинальными особенностями, характерными для них в прошлом.

В наше время во многих русских селах и городах наблюдается позитивное отношение к традиционной одежде, она рассматривается как один из источников сохранения национальной самобытности народа, как органичная часть русской народной культуры. С древнейшими истоками русской культуры связаны особенности многих компонентов народного южнорусского костюма. Красочное великолепие понев, сарафанов, навершников, головных уборов и пр., представленных выше, необходимо сохранять и пропагандировать. Отрадно, что отчасти это осуществляется и в особом отношении к старинной одежде в отдельных селах и городах, эта одежда сохраняется не только в городских и сельских музеях, но и активно используется в театрализованных костюмах фольклорных коллективов, а также в моделировании современной одежды.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Подробно об истории заселения изучаемого региона см.: *Чижикова Л.Н.* Этнокультурная история южнорусского населения // ЭО. 1998. № 5. С. 27–44.

2 *Сенаторский Н.П.* К истории заселения северо-западного района Курского края // Изв. Курского губернского о-ва краеведения. 1927. № 4. С. 47; *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города. М., 1956. С. 32–43; *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 498; *Даркевич В.П., Борисевич Г.В.* Древняя столица Рязанской земли. М., 1995. С. 24–26, 44–45.

3 *Шенников А.А.* Червленый Яр. Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV–XVI вв. Л., 1987. С. 4, 20, 33; *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь. Тверь; Москва, 1997. С. 216–217, 350–351.

4 *Загоровский В.П.* Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 20.

5 *Багалей Д.И.* Очерки по истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887. С. 237; *Миклашевский И.Н.* К истории хозяйственного быта Московского государства. М., 1894. Ч. I. С. 85, 144, 145, 149, 152, 159, 163.

6 *Второв Н.И.* О заселении Воронежской губернии // Воронежская беседа на 1861 г. Воронеж. 1861. С. 269; *Загоровский В.П.* Возникновение и развитие городов в Воронежском крае в XVII–XVIII вв. // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. Воронеж, 1987. С. 69–70: *Мизис Ю.А.* Заселение Тамбовского края в XVII–XVIII вв. Тамбов, 1990. С. 50–52, 75–77.

7 См.: *Чижикова Л.Н.* Указ. соч. С. 35–36.

8 *Важинский В.М.* Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII в. (по материалам южных уездов России). Воронеж, 1974.

9 Воронежский юбилейный сборник в память трехсотлетия г. Воронежа. Воронеж, 1886. Т. 2. С. 263; *Кабузан В.М.* Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М., 1990. С. 62, 94, 124.

10 Данная проблема разработана в работе: *Чижикова Л.Н.* Русско-украинское пограничье. История и судьбы традиционно-бытовой культуры. М., 1988.

11 Первая всеобщая перепись Российской империи 1897–1899 гг. Т. XLII. Тамбовская губ. СПб., 1904. С. X.

12 Там же. Т. XXXV. Рязанская губ. СПб., 1903. С. X; Т. XLII. Тамбовская губ. СПб., 1904. С. X.

13 См. *Лебедева Н.И., Маслова Г.С.* Русская крестьянская одежда XIX — начала XX в. // Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда. (Середина XIX — начало XX века.) М., 1967.

14 *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму Рязанской губернии // Рязанский этнографический вестник. Н.И. Лебедева. Научные труды. Рязань, 1996. Т. I. С. 108; *Нечаева А.Н.* Костюмы Тульского округа в районе рек Непрядва и Дон // Тульский край. Тула, 1929. № 2–3. С. 53.

15 РЭМ. Фонды. Колл. 152–21а (Здесь и далее указаны номер коллекции и единицы хранения. — *Л. Ч.*); 295–40 (Болховский у.); 337–48, 84 (Брянский у.); 126 (Карачевский у.); 1321–61–65 (Брянский у.);1840-Т, 1849-Т (Орловская губ., без указания уезда).

16 АРГО. Разряд (далее Р.) 9. Оп. 1. Д. 27. Л. 2; Р. 27. Оп. 1. Д. 18. Л. 13.

17 АРГО, Р. 27. Оп. 1. Д. 18. Л. 13; *Дмитрюков А.* Нравы, обычаи и образ жизни в Суджанском уезде Курской губернии // Московский телеграф. 1881. № 10. С. 255.

18 АРГО. Р. 9. Оп. 1. Д. 4. Л. 4; Д. 25 Л. 2; Д. 33 Л. 2; Р. 27. Оп. 1. Д. 7. Л. 2; Р. 33. Оп. 1. Д. 24. Л. 6; Р. 40. Оп. 1. Д. 30. Л. 7.

19 См.: Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие, крестьянское жилище. Крестьянская одежда. (Середина XIX — начало XX века). Карты. М., 1967. Карта 17.

20 *Лебедева Н.И.* Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки. М., 1927. С. 13; *Ганцкая О.А., Лебедева Н.И., Парникова А.С.* Материальная культура сельского населения южновеликорусских областей XIX — начала XX в. // Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР. М., 1960. С. 212 (ТИЭ. Т. 57).

21 *Куфтин Б.А.* Материальная культура русской Мещеры. М., 1926. Ч. I. С. 23.

22 *Куфтин Б.А.* Указ. соч. С. 25; *Лебедева Н.И., Маслова Г.С.* Указ. соч. С. 238.

23 Русские... карта 17.

24 РЭМ. Фонды. Колл. 200–70, 72; 209–79; 438–121, 122, 123, 200; 1125–52, 129, 132, 135, 137, 140, 142, 149, 152, 156, 159; 3691–8, 20; РИАМЗ. Фонды.

Колл. 2399, 2787, 2997, 3039, 3123, 7408, 9255; *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму... С. 108.

25 РЭМ. Фонды. Колл. 342–7, 8, 9, 10, 13, 60, 61; 370–22; 627–32; 628–12, 13, 17, 18; 813–1, 2; 10281–1, 3.

26 РЭМ. Фонды. Колл. 150–153, 155, 177; 191–40, 42; 2042–48; 10902–810; *Нечаева А.Н.* Указ. соч. С. 51.

27 РЭМ. Фонды. Колл. 1321–62, 63, 65; *Лебедева Н.И.* Народный быт... С. 16.

28 АИЭА МЮОВЭ. 1978. Л. 227, 1980. Л. 43, 47, 167; РЭМ. Фонды. Колл. 42–5, 67, 120, 121; *Гринкова Н.П.* Однодворческая одежда Коротоякского уезда Воронежской губернии // Изв. пед. ин-та им. А.И. Герцена, 1928. Вып. 1. С. 150–152.

29 АРГО. Р. 33. Оп. 1. Д. 24 (Рязанский у.); *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму... С. 108 (Пронский, Сапожковский уезды).

30 *Маслова Г.С.* Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 614 (ТИЭ. Т. XXXI); *Рабинович М.Г.* Древнерусская одежда IX–XIII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986. С. 43; *Он же.* Одежда русских XIII–XVII вв. // Там же. С. 67.

31 РЭМ. Фонды. Колл. 209–79; 1125–129, 149, 150.

32 РЭМ. Фонды. Колл. 2042–49, 1948–Т; 6062–1; *Нечаева А.Н.* Указ. соч. С. 51.

33 РЭМ. Фонды. Колл. 342–7, 8, 12, 132; 813–1, 2; 10259–1,3.

34 РИАМЗ. Фонды. Колл. 2399, 3039, 3123, 3192, 9255; РЭМ, Фонды, колл. 1125–131; 3691–8.

35 ТОКМ. Фонды. Колл. 906, 10156/10; РЭМ. Фонды. Колл. 312–9, 10; 342–61; 628–12, 13, 17; 10281–1.

36 РЭМ. Фонды. Колл. 2042–47–51.

37 РЭМ. Фонды. Колл. 336–57.

38 РЭМ. Фонды. Колл. Т-1846. *Чижикова Л.Н.* Русско-украинское пограничье... С. 40.

39 РЭМ. Фонды. Колл. 10281-1 (с. Вышинка Моршанского у.); ТОКМ. Фонды. Колл. 906 (Тамбовская губ.); РЭМ. Фонды. Колл. 1846-Т; 1847-Т (Орловская губ.); 2042–49, 51 (Епифановский у. Тульской губ.)

40 *Куфтин Б.А.* Указ. соч. С. 31–34; *Чижикова Л.Н.* Русско-украинское пограничье... С. 146–147.

41 См.: Русские... Карта 47.

42 *Лебедева Н.И.* Народный быт... С. 16, 17; *Она же.* Материалы по народному костюму... С. 108.

43 АИЭА. Ф. 47. Оп. 19, Д. 2360б. Л. 8, 29; См. также Д. 2356а. Л. 42 (дер. Пустотин Кораблинского р-на); Д. 2356. Л. 74 (с. Чернава Милославского р-на Рязанской обл.)

44 РЭМ. Фонды. Колл. 337–165–167 (Трубчевский у.); 342–11, 16 (с. Балаклей Кирсановского у.); 628–14, 16 (села Моршань и Серебрены Кирсановского у.);

628–175 (с. Двойня Козловского у.); 2037–20 (Моршанский у.); 2042–45, 46 (Епифановский у.) и др.

45 *Чижико́ва Л.Н.* Русско-украинское пограничье. С. 140.

46 РЭМ. Фонды. Колл. 1125–123, 127, 158, 159; *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму... С. 105, 114.

47 РЭМ. Фонды. Колл. 153–159; 165–167, 185; 337–204; 2012–283, 291; *Лебедева Н.И.* Народный быт... С. 22,23.

48 ТОКМ. Фонды. Колл. 15440–17; РЭМ. Фонды. Колл. 416–18; 627–23, 24, 25; 628–174, 175; 416–18.

49 РЭМ. Фонды. Колл. 160–61. 62, 63, 64; 2042–45.

50 АИЭА МЮОВЭ. 1976. Л. 268, 312; 1977. Л. 348.

51 РЭМ. Фонды. Колл. 587–23–29; 1365–40, 41, 43, 44; 4336–108; *Миллер В.Ф.* Систематическое описание коллекций Дашковского этнографического музея. М., 1893. Вып. 3. С. 104, 108.

52 *Гринкова Н.П.* Женская одежда в бывших однодворческих селах Задонского и Землянского районов Воронежской области // СЭ. 1937. № 1. С. 110.

53 Беларускае народнае адзенне. Мінск. 1975. С. 14; Историко-этнографический атлас Прибалтики. Одежда. Рига. 1986. С. 28–30.

54 *Лебедева Н.И.* Народный быт... С. 23.

55 *Савваитов П.* Описание старинной русской утвари, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное. СПб., 1896. С. 192; *Попова И.А.* Элементы древнерусского костюма в народной женской одежде Воронежской области в XIX — начале XX в. // Сборник трудов НИИХП. М., 1975. Вып. 8. С. 145.

56 АИЭА МЮОВЭ. 1977. Л. 23, 38, 77, 105; 1980. Л. 174, 176, 249, 259; ВОКМ. Фонды. Колл. 6032–7, 6033–7б.

57 Подробнее см.: *Чижикова Л.Н.* Русско-украинское пограничье... С. 142–145.

58 РЭМ. Фонды. Колл. 438–121 (с. Дубровичи Рязанского у.); РИАМЗ. Фонды. Колл. 7636/2 (с. Дубровичи Рязанского у.); 3039 (с. Марисево Касимовского у. Рязанской губ.)

59 *Работнова И.П.* Тамбовская вышивка. М., 1963. С. 3–5.

60 *Белицер В.Н.* Народная одежда мордвы. М., 1973. С. 57; *Артамошкина Л.Т., Прокина Т.П. Мордовский народный костюм // Народный костюм Пензенской губернии конца XIX — начала XX в. Федеральная целевая программа «Культура России» Б.м.*, Б.г. Рис. 22, 27, 28.1.

61 ВОКМ. Фонды. Колл. 4189–1 (с. Клеповка); *Каплан Н.И.* Народное узорное ткачество и вышивка на юге Воронежской области // Сборник трудрв НИИХП. М., 1966. Вып. 3. С. 69–71.

62 АИЭА МЮОКЭ. 1967. С. 131.

63 *Чижикова Л.Н.* Русско-украинское пограничье... С. 148.

64 РЭМ. Фонды. Колл.1813–Т; 1814–Т; 336–57; 4201–50, 52, 54; 4403–1; 10627–20, 35, 36.

65 Там же. Колл. 114–1а, 152–21а, 22, 23, 96; 295–32, 40; 337-48, 49, 50, 126, 127, 204; 2012-291; *Лебедева Н.И.* Народный быт... С. 17.

66 РЭМ. Фонды. Колл. 427–8; 728-29; 2409–42, 49; КОКМ. Фонды. Колл. 6628–6630, 13080, 26082, 30919.

67 РЭМ. Фонды. Колл. 191–41; 900–8; 1956–Т; 4235–3.

68 *Лебедева Н.И.* Народный быт... С. 17.

69 РЭМ. Фонды. Колл. 706–19; 957–22, 23; 1570–1367 и др.; *Николаева Т.А.* Украинская народная одежда. Киев, 1988. С. 34.

70 См.: *Чижикова Л.Н.* Русско-украинское пограничье... С. 149–150.

71 *Куфтин Б.А.* Указ. соч. С. 35–37.

72 РЭМ. Фонды. Колл. 1840–Т; 336–27.

73 См.: *Чижикова Л.Н.* Русско-украинское пограничье... С. 150–151; КОКМ. Фонды. Колл. 25317, 25327, 25338, 26801, 31418, 39450, 42554 и др.

74 РЭМ. Фонды. Колл. 1857–Т, 1862–Т (Рязанская губ.); 6754–91 (Тамбовская губ.); 7571–3 (Богородицкий у. Тульской губ.); 336–120 (Жиздринский у. Калужской губ.); 1845–Т (Орловская губ.); 114–1а (Мценский у. Орловской губ.); 295–40 и 7105–1, 2 (Болховский у. Орловской губ.); 152–181 (Дмитровский у. Орловской губ.); 7310–1 (Брянский у. Орловской губ.).

75 РЭМ. Фонды. Колл. 191–44; КОКМ. Фонды. Колл. 2917, 11543, 11544 и др.

76 *Дмитрюков А.* Указ. соч. С. 255.

77 *Николаева Т.А.* Указ. соч. С. 34-35.

78 Русские... Карта 47; Беларускае народнае адзенне... С. 9. Карта 1; *Николаева Т.А.* Указ. соч. С. 35.

79 *Гринкова Н.П.* Русская понева юго-западных районов РСФСР // Сборник МАЭ. М.; Л., 1949. Т.XII. С. 5; *Левинсон-Нечаева Н.П.* Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. // Труды ГИМ. 1959. Вып. 33. С. 12–18; *Слава М.К.* Культурно-исторические связи прибалтийских народов по данным одежды. М., 1964. С. 6–7.

80 *Лебедева Н.И., Маслова Г.С.* Указ. соч. С. 214.

81 Русские... Карта 44.

82 Топографическое описание Владимирской губернии, составленное в 1784 г. Владимир, 1906. С. 10.

83 Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. М., 1787. С. 181, 328.

84 РЭМ. Фонды. Колл. 628–162; (дер. Двойня Козловского у.); 2037–6 (Моршанский у.); ТОКМ. Фонды. Колл. 7622 (с. Рудовка Моршанского у.)

85 АИЭА МЮОВЭ. 1980. Л. 177, 251; РЭМ. Фонды. Колл. 424–231, 233, 234–241; *Путинцев А.М.* О говоре в местности Хворостань Воронежской губернии // ЖС. 1906. Год XV. Вып. 1. С. 95.

86 АРГО. Р. 42. оп. 1. Д. 13 (Веневский у.); Д 4. (Каширский у.); РЭМ. Фонды. Колл. 160–70 (Новосильский у.); *Нечаева А.Н.* Указ. соч. (Епифановский у.).

87 *Лебедева Н.И.* Изучение Рязанской области в этнографическом отношении после Октябрьской революции // Краеведческие записки. Рязань, 1959. С. 125 (Данковский у.).

88 *Лебедева Н.И.* Народный быт... С. 33; *Миллер В.Ф.* Указ. соч. С. 90, 91 (Лихвинский, Перемышльский уезды); АРГО. Р. 15. Оп. 1. Д. 54 (Мещовский у.)

89 РЭМ. Фонды. Колл. 150–157, 158; АРГО. Р. 42. Оп. 1. Д. 4, 22.

90 РЭМ. Фонды. Колл. 424–175; АРГО. Р. 9. Оп. 1. Д. 27. Л. 3; Толкачева С. Народный костюм Воронежсккой губернии конца XIX — начала XX века. Воронеж. 2007. С. 44, 166. Рис. 210.

91 *Лебедева Н.И.* Народный быт... С. 33.

92 *Святский Д.О.* Крестьянские костюмы в области соприкосновения Орловской, Курской и Черниговской губерний. Ж.С. СПб., 1910. Год XIX. Вып. 1–2. С. 10; *Гринкова Н.П.* Русская понева... С. 11–24; АРГО. Р. 27. Оп. 1. Д. 18. Л. 14; АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 957.

93 *Миллер В.Ф.* Указ. соч. С. 91; *Гринкова Н.П.* Одежда западной части Калужской губернии // Материалы по этнографии. Л., 1927. Т. III. Вып. 2. С. 20.

94 РЭМ. Фонды. Колл. 6632–27, 31, 33; КОКМ. Фонды. Колл. 26078, 27769; КОКМ. Научный архив. Д. 213, Л. 5–6; *Нижник Л.Д., Петрова Р.Н.* По следам этнографической экспедиции // Краеведческие записки. Воронеж, 1966. Вып. 3. С. 133.

95 РЭМ. Фонды. Колл. 5866–102.

96 АРГО. Р. 42. Оп. 1. Д. 18, 63.

97 См.: *Гринкова Н.П.* Русская понева... С. 11–24.

98 Там же. С. 14–38.

99 *Гринкова Н.П.* Одежда западной части Калужской губернии... С. 21; АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 508. (Грибовская вол. Жиздринского у.).

100 *Гринкова Н.П.* Русская понева... С. 25–34; *Святский Д.О.* Указ.соч. С. 5; *Горелов В.А.* Горюны // Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР. М., 1960. С. 273–274 (ТИЭ. Т. 57).

101 АРГО. Р. 27. Оп. 1. Д. 18.

102 Русские... Карта 44.

103 *Гринкова Н.П.* Русская понева... С. 25.

104 *Лебедева Н.И.* Народный быт... С. 44.

105 РЭМ. Фонды. Колл. 424–4, 402; 728–1; АИЭА МЮОВЭ, 1978. Л. 195, 229, 468; *Абрамов И.С.* О курских саянах // ЖС. 1906. Т. 3. С. 207; РИАМЗ. Фонды. Колл. 1125.

106 РЭМ. Фонды. Колл. 424–8, 242, 319; 587–114, 119; 2012–312 (Моршанский у.); ВОКМ. Фонды. Колл. 2625–1; РИАМЗ. Фонды. Колл. 2409 (Ряжский у.)

107 Воронежский юбилейный сборник... С. 275.

108 РЭМ. Фонды. Колл. 424–231, 233, 234–241; 5168–4; 6179–10, 11, 12, 13, 14; *Малыхин П.* Город Нижнедевицк и его уезд. Воронеж, 1861. С. 280; *Чижикова Л.Н.* Русско-украинское пограничье... С. 158–159.

109 АРГО. Р. 9. Оп. 1. Д. 27. Л. 3; Д. 4. Оп. 1. Л. 4.

110 РЭМ. Фонды. Колл. 427–4, 5, 118; КОКМ. Фонды. Колл. 13076, 24906, 25791.

111 АИЭА МЮОКЭ. 1967. Л. 112, 131; АИЭА МЮОВЭ. 1978. Л. 463, 468; БОКМ. Фонды. Колл. 3682–0.

112 РЭМ. Фонды. Колл. 728–III; КОКМ. Фонды. Колл. 26078.

113 АРГО. Р. 42. Оп. 1. Д. 33. Л. 3, 4; Д. 43. Л. 17, 20, 22, табл. IV, VI.

114 *Маслова Г.С.* Народная одежда русских, украинцев и белорусов... С. 626.

115 РЭМ. Фонды. Колл. 342–165, 291 (Кирсановский у.); 628–162, 163 (Козловский у.); 2037–6 (Моршанский у.); 150–157, 158 (Богородицкий у.); 330–3 (Белевский у.); ТОКМ. Фонды. Колл. 7691, 7692, 7698 (Моршанский у.); РИАМЗ. Фонды. Колл. 2071 (Данковский у.), 2409 (Ряжский у.); АРГО. Р. 9. Оп. 1. Д. 33. Л. 2 (Коротоякский у.); Д. 63 (Бобровский у.); А.Х. Наряды крестьян Воронежской губернии // Всемирное обозрение. Иллюстрация. 1860. Т. VI. № 137. С. 199.

116 *Куфтин Б.А.* Указ. соч. с. 53–100; *Жигулева В.М., Иванова Л.Н.* Русский народный костюм // Народный костюм Пензенской губернии конца XIX — начала XX в. Федеральная целевая программа «Культура России». Б.м., Б.г., С. 33. Рис. 22, 27.

117 *Куфтин Б.А.* Указ. соч. С. 70, 71, 73, 79.

118 *Лебедева Н.И., Маслова Г.С.* Указ. соч. С. 215-217.

119 АРГО. Р. 42. Оп. 1. Д. 45. Л. 1–3. 1839 г. (Богородицкий у. Тульской губернии); Р. 33 Оп. 1. Д. 19 (Рязанский у., с. Кузьминки); НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. 11. № 274. Л. 1 (Рязанский у., с. Богослово).

120 *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 234.

121 АИЭА. Ф. 47. Оп. 19. Д. 2360б. Л. 15; Д. 2356а. Л. 44; Д. 2356. Л. 33, 98.

122 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 111. Л. 11, 12, 21. (Спас-Клепиковская вол., села Ушмор и Кузьминское Рязанского у.); Л. 85об. (С. Сушки Спасского у.)

123 Там же. Л. 97об. 1890 г.

124 *Чижикова Л.Н.* Русско-украинское пограничье... С. 159.

125 АИЭА. Ф. 47. Оп. 19. Д. 2356. Л. 20, 32–34, 74, 83; Д. 2356а. Л. 44; Д. 2357. Л. 7.

126 Материалы Рязанской этнографической экспедиции 2002 г.

127 Русские... Карта 46.

128 *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму... С. 107–108; АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 6. Л. 6 (с. Бычки Сапожковского у.).

129 *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму... С. 114–115.

130 АИЭА. Ф. 47. Оп. 19. Д. 2356. Л. 21 (с. Дубки Милославского р-на); Д. 2356а. Л. 39 (сл. Пушкарская Кораблинского р-на); Д. 2360б. Л. 49 (села Караулово, Петино, Волковое Путятинского р-на).

131 АРГО. Р. 9. Оп. 1. Д. 66; РЭМ. Фонды. Колл. 587–1–13, 116; АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 119. Л. 16, 24; Воронежский юбилейный сборник... Т. 2. С. 278, 279; *Гринкова Н.П.* Женская одежда в бывших однодворческих селах... С. 140; Толкачева С. Указ. соч. С. 184.

132 АРГО. Р. 9. Оп. 1. Д. 27. Л. 3,4; РЭМ. Фонды. Колл. 5168–35–37; АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 119. Л. 21.

133 АИЭА МЮОВЭ. 1980. Л. 5, 10, 38; *Поликарпов Ф.* Бытовые черты из жизни крестьян села Истобного Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии // Памятная книжка Воронежской губернии на 1906 г. Воронеж, 1906. С. 9.

134 АРГО. Р. 9. Оп. 1. Д. 16. Л. 3. Д. 25 Л. 2; АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 119. Л. 12.

135 АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 10; Д. 15. Л. 4.; Д. 16. Л. 10; РЭМ. Фонды. Колл. 728–4, 113; КОКМ. Фонды. Колл. 378, 379, 26006; АИЭА. МЮОВЭ. 1977. Л. 241, 349, 469.

136 РЭМ. Фонды. Колл. 728–3; НА КОКМ. Д. 119. Л. 139.

137 АРГО. Р. 40. Д. 13; Д. 5; РЭМ. Фонды. Колл. 342–54; 416–4–12; 627–3–14, 16, 18, 19; 628–159, 160, 161; *Миллер В.Ф.* Указ. соч. С. 95, 102.

138 РЭМ. Фонды. Колл. 416–5, 6, 7, 9, 10, 11.

139 *Чижикова Л.Н.* Развитие народной одежды в селах Тамбовской области. XX в. // Итоги полевых исследований. М., 2000 С. 110.

140 *Стахович М.* История, этнография и статистика Елецкого уезда. М., 1858. С. 29.

141 *Тарачков А.* Путевые заметки по Орловской и соседним губерниям. Орел, 1861. С. 33.

142 АРГО. Р.27. Д. 7. Л. 2. 1850 г. (с. Гнилые плоты. Малоархангельского у.); Д. 6. Л. 3–4 (Ливенский у. и г. Ливны); АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1155. Л. 5 (Орловский у.); РЭМ. Фонды. Колл. 329–25 (с. Катупин Болховского у.); 337–140 (Трубчевский у.).

143 АРГО. Р. 42. Оп. 1. Д. 15 (Слобода около г. Ефремова); Д. 27 (с. Воскресенское Ефремовского у.); Д. 63; РЭМ. Фонды. Колл. 160–73, 74 (Новосильский у.); АИЭА. Ф. Атлас «Русские», Д. 5556. Л. 43. Материалы Н.И. Лебедевой, 1929 г. (Одоевский у.)

144 АРГО. Р. 42. Оп. 1. Д. 29 (Крапивинский у.); Нечаев Н. Производство колес в Одоевском уезде. // Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности.1882. VIII. С. 1310.

145 *Слепцова И.С.* Происхождение поясной одежды крестьянок Русского Севера // Русский Север. Этническая история и народная культура XII–XX века. М., 2001. С. 352–360.

146 Беларускае народнае адзенне. С. 16–18; *Романюк М.* Беларускае народнае адзенне. Мінск. 1981. Рис. 4, 60, 67–69, 176 и др.; Историко-этнографический атлас Прибалтики. Одежда. Рига, 1986. С. 39–40. Рис. 3ц, 4ц, 15ц, 19ц, 65ц и др.; *Маслова Г.С.* Народная одежда... С. 633; *Николаева Т.А.* Народное моделирование женской одежды и применение его традиций в современной практике // СЭ. 1977. № 3. С. 81.

147 Лебедева Н.И. Материалы по народному костюму... С. 105, 108 (Сапожковский у.); АИЭА. Ф. 47. Оп. 19 Д. 2356. Л. 93 (с. Чернава Милославского р-на); Д. 2356а. Л. 46. (дер. Пустотин Кораблинского р-на), Л. 98 (с. Нов. Еголдаево Ряжского р-на); Д. 2360б. Л. 239 (дер. Демидово Щацкого р-на).

148 АРГО. Р. 9. Оп. 1. Д. 27. Л. 3; Д. 22. Л. 2 (Коротоякский у.); РЭМ, Фонды. Колл. 427–111, 112, 113, 114, 115 (с. Сагайдачное Корочанского у.); 342–130. (с. Моршань, Кирсановского у.), 2037 (Моршанский у.); АИЭА. Ф. Атлас «Русские». Д. 5556. Л. 30 (с. Шатово Одоевского у.); Нечаева А.Н. Указ. соч. С. 55–56.

149 Русские ... Карта 46.

150 АРГО. Р. 9. Оп. 1. Д. 27. Л. 3; Д. 9. Л. 4.

151 *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму... С. 117.

152 *Тарачков А.* Указ. соч. С. 14, 137.

153 *Куфтин Б.А.* Материальная культура... С. 101, 102, 124, 126; АИЭА. Ф. 47, Оп. 19. Д. 2360б. Л. 268, 281 (дер. Заулки и с. Котелино Кадомского р-на Рязанской обл.)

154 *Куфтин Б.А.* Материальная культура... С. 101, 102, 124, 126.

155 Българска народна култура. Историко-этнографический очерк. София. 1981. С. 140; *Моора Х.А.* Из истории развития эстонской народной одежды // Эстонская народная одежда XIX — начала XX в. Таллин, 1960. С. 15–18; *Шлыгина Н.В.* Архаические формы женской одежды води и ижоры // Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986. С. 210–212.

156 АРГО. Р. 9. Оп. 1. Д. 16. Л. 4; РЭМ. Фонды. Колл. 424–339; 427–2; 7449–7; ВОКМ. Фонды. Колл. 4739, 6032–60.

157 КОКМ. Фонды. Колл. 25792; *Ганцкая О.А., Лебедева Н.И., Парникова А.С.* Указ. соч. С. 292.

158 РЭМ, Фонды. Колл. 260–64; 267–18; 1125–59; *Ганцкая О.А., Лебедева Н.И., Парникова А.С.* Указ. соч. С. 221.

159 РЭМ. Фонды. Колл. 150–166; *Нечаева А.Н.* Указ. соч. С. 55, 56.

160 *Куфтин Б.А.* Материальная культура... С. 124.

161 АИЭА МЮОКЭ. 1967. Л. 116, 142; АИЭА МЮОВЭ. 1978. Л. 2, 3, 7, 34, 330–333, 457; БОКМ. Фонды. Колл. 3679–0; КОКМ. Фонды. Колл. 21014.

162 *Чижикова Л.Н.* Русско-украинское пограничье... С. 170–174.

163 *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму... С. 110, 113, 117; РЭМ. Фонды. Колл. 1125–79.

164 РЭМ. Фонды. Колл. 200–64; 1125–55, 79, 81; 10263–20.

165 *Тазихина Л.В.* Русский сарафан // КСИЭ. М., 1955. Вып. XXII. С. 30; *Лебедева Н.И., Маслова Г.С.* Указ. соч. С. 207–208.

166 *Шереметева М.Е.* Крестьянская одежда Калужской Гамаюнщины. Калуга, 1925. С. 10.

167 Там же. С. 7–11; РЭМ. Фонды. Колл. 2074–Т.

168 *Лебедева Н.И.* Народный быт... С. 49, 50.

169 *Данилин А.Г.* Крестьянская одежда района Богословщины Рязанской губернии (Труды Об-ва исследователей Рязанского края). Рязань. 1927. Вып. IX. С. 14.

170 РЭМ. Фонды. Колл. 628–46; 342–17, 377, 378.

171 *Нечаева А.Н.* Указ. соч. С. 54.

172 *Тазихина Л.В.* Указ. соч. С. 26-28.

173 *Куфтин Б.А.* Материальная культура ... С. 119–124; РЭМ. Фонды. Колл. 1125–80; 9928–5.

174 РЭМ. Фонды. Колл. 671–11; Колл. 628–6; 671–3; АРГО. Р. 40. Оп. 1. Д. 31. Л. 17, 18.

175 *Чижикова Л.Н.* Развитие народной одежды... С. 108.

176 *Шереметева М.Е.* Крестьянская одежда...; *Она же.* Женская одежда в б. Перемышльском уезде Калужской губернии. Калуга, 1929. С. 3, 5, 26, 27.

177 РЭМ. Фонды. Колл. 424–250; *Тазихина Л.В.* Указ. соч. С. 30; *Толкачева С.* Указ. соч. С. 50.

178 РЭМ. Фонды. Колл. 427–56, 57; 6632–16, 38 и др.; КОКМ. Фонды. Колл. 16137, 23456, 25319, 26800 и др.; АИЭА, МЮОВЭ. 1976. Л. 5, 35, 47, 196 и др.; 1978. Л. 385, 406, 416, 431.

179 *Машкин А.С.* Быт крестьян Курской губернии Обоянского уезда // ЭС. 1862. Т. V. С. 11.

180 РЭМ. Фонды. Колл. 427–147; 2130–8; КОКМ. Фонды. Колл. 25937, 39706; БОКМ. Фонды. Колл. 2488–0; АИЭА МЮОВЭ. 1978. Л. 250, 259–260, 361–362.

181 Русские... Карта 41, 42; РЭМ. Фонды. Колл. 1125–77 (Данковский у. Рязанской губ.); 1321–51, 52 (Брянский у. Орловской губ.); 10902–15 (Белевский у. Тульской губ.); *Гринкова Н.П.* Одежда западной части Калужской губернии... С. 26; *Шереметева М.Е.* Женская одежда в б. Перемышльском уезде... С. 28.

182 *Лебедева Н.И.* Народный быт... С. 50–51; *Гринкова Н.П.* Одежда западной части Калужской губернии... С. 26; *Чижикова Л.Н.* Русско-украинское пограничье... С. 176.

183 *Молчанова Л.А.* Материальная культура белорусов. Минск, 1968. С. 136–137; *Она же.* Одежда // Белорусы. (Серия Народы и культуры) М., 1998. С. 292–293.

184 Русские... Карта 42; *Чижикова Л.Н.* Русско-украинские этнокультурные связи в южных районах Украины // Культурно-бытовые процессы на юге Украины. М., 1979. С. 49–50.

185 *Куфтин Б.А.* Указ. соч. С. 116; Русские... Карта 41, 42.

186 *Лебедева Н.И.* Народный быт... С. 51, 52.

187 Русские... Карта 48.

188 РЭМ. Фонды. Колл. 1125–121, 122; *Миллер В.Т. Указ. соч. С. 76, 84; 47; Лебедева Н.И.* Народный быт... С. 53, 54.

189 РЭМ. Фонды. Колл. 150–160, 209–18, 2042–27, 28; *Нечаева А.Н.* Указ. соч. С. 54; См. также Русские... Карта 51.

190 *Лебедева Н.И.* Вопросы этнологического изучения... С. 110, 112, 113.

191 РЭМ. Фонды. Колл. 2042–26 (Епифановский у.); *Данилин А.Г.* Указ. соч. С. 12–13.

192 РЭМ. Фонды. Колл. 150–161, 191–51; АРГО. Оп. 1. Р. 42. Д. 42. Л. 7, 16, 36, 49; Лебедева Н.И. Материалы по народному костюму... С. 106, 113.

193 РЭМ. Фонды. Колл. 342–14, 65, 66, 295; 628–1, 2 (Кирсановский у.); 627–2 (Липецкий у.); 813–5 (Тамбовский у.); 2037-14 (Моршанский у.); *Миллер В.Ф.* Указ. соч. С. 95, 96 (Борисоглебский у.); АРГО. Р. 9. Оп. 1. Д. 31. Л. 1; Д. 33. Л. 2.

194 РЭМ. Фонды. Колл.159–10; 2042–15–19, 24, 26, 30 (Епифановский у.); 150–160, 161, 163 (Богородицкий у.); 191–51 (Новосильский у.); АРГО. Р. 42, Оп. 1. Д. 7 (Алексинский у.); Д. 25; 26 (Ефремовский у.); Д. 31 (Каширский у.); Д. 29. Л. 12, 13 (Крапивенский у.); Д. 36 (Епифановский у.); Д. 16 (Богородицкий у.); Миллер В.Ф. Указ. соч. С. 88; Краснопевцев И. Очерки г. Одоева. Тула, 1896. С. 68 (Одоевский у.).

195 РЭМ. Фонды. Колл. 200–67; 209–13; 1125–12. 14 (Скопинский у.); 200–23; 438–166; 1125–17, 19 (Раненбургский у.); 209–7; 267–10; 438–204; 1125–1, 15, 18 (Данковский у.); 438–99 (Пронский у.); 438–124; 1125–5 (Рязанский у.); 1125–9 (Спасский у.); 1125–2 (Сапожковский у.); 1125-6 (Михайловский у.); 1125–4, 122 (Касимовский у.). и др.

196 РИАМЗ. Фонды. Колл. 2257; 2373, 2374, 2679, 2899 и др.; РЭМ. Фонды. Колл. 200–21; 209–83; 438–145–148; 1125–34, 35, 57, 132.

197 РЭМ. Фонды. Колл. 438–125; АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 111. Л. 99об., 104. РИАМЗ. Фонды. Колл. 2354; Малинина М.Д. Очерки рязанской мещеры // Вестник рязанских краеведов. Рязань. 1925. № 3. С. 15.

198 АИЭА. Ф. 47. Оп. 19. Д. 2360а. Л. 92. 115. 262. 265; *Мансуров А.А.* Описание рукописей этнологического архива общества исследователей Рязанского края. Рязань. 1929. Вып. 2. № 102. С. 5.

199 Русский народный костюм. Из собрания музея этнографии народов СССР. Л., 1984. Рис. 15, 55, 56, 60, 61 (Тамбовская губ.); рис. 10, 17, 18, 24 (Рязанская губ.).

200 РЭМ. Фонды. Колл. 465–30–32; 587–60; КОКМ. Фонды. Колл. 6625; АРГО. Р. 9. Оп. 1. Д. 27. Л. 3; Д. 66; *Стахович М.* Указ. соч. С. 29.

201 РЭМ. Фонды. Колл. 267–36; 1125–31–33; 160–49, 50; Лебедева Н.И. Материалы по народному костюму... С. 115, 117; *Миллер В.Ф.* Указ. соч. С. 103.

202 *Толкачева С.* Указ. соч. С. 59.

203 АИЭА МЮОВЭ. 1977. Л. 186, 347, 350, 372; *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму... С. 106.

204 *Молчанова Л.А.* Материальная культура... С. 135–140; *Матейко К.І.* Український народний одяг. Київ, 1977. С. 96.

205 РЭМ. Фонды. Колл. 267–37 (Данковский у.); 627–15 (Липецкий у.); 2042–25 (Епифанский у.); АРГО. Р. 42. Оп. 1. Д. 13 (Веневский у.); Д. 20. Л. 3, 4 (Каширский у.); *Гринкова Н.П.* Одежда западной части Калужской губернии... С. 27; *Данилин А.Г.* Указ. соч. С. 15.

206 АРГО. Р. 9. Оп. 1. Д. 11. Л. 3; Д. 27. Л. 3; Д. 54. Л. 3; АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 113. Л. 14, 16.

207 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 113. Л. 16.

208 *Лебедева Н.И.* Народный быт... С. 60.

209 *Гринкова Н.П.* Женская одежда в бывших однодворческих селах...С. 140; АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 111. Л. 80б.

210 *Гринкова Н.П.* Одежда западной части Калужской губернии... С. 25.

211 Русские... Карта 49.

212 АРГО. Р. 42. Оп. 1. Д. 7. (Алексинский у.); Д. 29 (Тульский у.); Д. 18, Д. 34 (Белевский у.); Д. 49 (Богородицкий у.); Д. 63 (Ефремовский у.); Д. 66 (Новосильский у.); РЭМ. Фонды. Колл. 160–68, 70; 191–45, 47 (Новосильский у.); 330–2 (Белевский у.); 750–173, 175; 751–22 (Богородицкий у.); 152–24, 25, 96, 97 (Дмитровский у.); 153–52 (Севский у.); 132–72 (Брянский у.).

213 *Шереметева М.Е.* Крестьянская одежда Калужской Гамаюнщины... С. 12; *Она же.* Женская одежда в б. Перемышльском уезде... С. 24, 25; *Гринкова Н.П.* Одежда западной части Калужской губернии... С. 25.

214 РЭМ. Фонды. Колл. 342–147; 628–25, 26, 27 (Кирсановский у.); 370–26 (Козловский у.); 627–97 (Липецкий у.); 813–3 (Тамбовский у.); НА РИАМЗ ЭА ОИРК. Кн. 15. № 362. С. 2.

215 РЭМ. Фонды. Колл. 200–12; 209–74, 211, 214, 215; 438–170; *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму... С. 115.

216 РЭМ. Фонды. Колл. 424–37, 186, 187, 199, 201; 587–14; 7449–14; ВОКМ. Колл. 4190; Воронежский юбилейный сборник... Т. 2. С. 287.

217 РЭМ. Фонды. Колл. 424–126, 186, 200, 266, 306, 308; ВОКМ. Фонды. Колл. 4180; КОКМ. Фонды. Колл. 13074.

218 КОКМ. Фонды. Колл. 13074, 21023, 23857, 24910, 25790, 40480; АИЭА МЮОВЭ. 1976. Л. 199, 208, 396; *Добротворский Н.* Указ. соч. С. 209.

219 *Чижикова Л.Н.* Русско-украинское пограничье... С. 179, 180.

220 АРГО. Р. 9. Оп. 1. Д. 19. Л. 5; Д. 54. Л. 3; Р. 19. Оп. 1. Д. 16 Л. 11; Д. 2. Л. 76–78.

221 *Зеленин Д.К.* Женские головные уборы восточных (русских) славян // Slavia. Прага, 1926–1927. Год V. Вып. 2,3. С. 304–312; АРЭМ. Отдел рукописей. Ф. 7. Оп. 1. Д. 923. Л. 16.

222 *Елизарова Н.А.* Шустинский курганный могильник // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1950. Т. 13 С. 173–177; *Сабурова М.А.* Женский головной убор у славян (по материалам Вологодской экспедиции) // СА, 1974. № 2. С. 90–94; *Седов В.В.* Очерки по археологии славян. М., 1994. С. 116–118.

223 РЭМ. Фонды. Колл. 160–15, 16; 295–5, 14; 424–42, 148; 427–119; 628–108; 3359-1; АРГО. Р. 9. Оп.1. Д. 4. Л. 6; Р. 19. Оп. 1. Д.16; АИЭА Ф. ОЛЕЭА. Колл. 14.. Д. 111. Л. 19.

224 *Лебедева Н.И.* Народный быт... С. 67; Русские... Карта 55.

225 РЭМ. Фонды. Колл. 1740–2, 3, 4; 2349–1.

226 Там же. Колл. 1740–1; Русский народный костюм... Илл. 30, 32, 33.

227 *Шереметева М.Е.* Женская одежда в б. Перемышльском уезде... С. 34, 35.

228 *Ригельман А.* Летописное повествование о Малой России. М., 1847. С. 87.

229 *Чижикова Л.Н.* Русско-украинское пограничье... С. 185; *Веселовский Г.М.* Город Острогожск (Воронежской губернии) и его уезд. Историко-статистический и этнографический очерк. Воронеж, 1867. С. 148; *Миллер В.Ф.* Систематическое описание... С. 182, 185, 186 (сл. Веселая, Бирючинского у., Валуйский у. — укр.).

230 АРГО. Р. 9. Оп. 1. Д. 23. Л. 23–24 (Воронежский у.); Воронежский юбилейный сборник... Т. 2. С. 280 (с. Пушкарская Землянского у.); РЭМ. Фонды. Колл. 628–158 (с. Золотовка Кирсановского у.); 153–58 (с. Кропотово Севского у. Орловской губ.); *Толкачсева С.* Указ. соч. С. 62. Рис. 63.

231 Русские... Карта 55; *Лебедева Н.И., Маслова Г.С.* Указ. соч. С. 227.

232 *Лебедева Н.И.* Народный быт... С. 72; АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 2; Воронежский юбилейный сборник... Т. 2.С. 276, 289.

233 *Рабинович М.Г.* Древнерусская одежда IX–XIII вв. ... С. 47.

234 Русские... карта 52.

235 *Лебедева Н.И.* Народный быт... С. 79.

236 АРГО. Р. 40. Оп. 1. Д. 31. Л. 19–20.

237 АРГО. Р. 27. Оп. 1. Д. 18.

238 АРГО. Р. 9. Оп. 1. Д. 4. Л. 5; Д. 25. Л. 2; Д. 66. Л. 7; *Машкин А.С.* Указ. соч. С. 10; *Ткачев Г.* Указ. соч. С. 171.

239 РЭМ. Фонды. Колл. 627–92; 628–134; 337–187, 228.

240 *Шереметева М.Е.* Женская одежда... С. 33, 34.

241 *Ганцкая О.А., Лебедева Н.И., Парникова А.С.* Указ. соч. С. 229, 230.

242 *Мешкерис В.А.* Женские чалмообразные головные уборы на кушанских статуэтках из Согда // Костюм народов Средней Азии. М., 1979.

243 АИЭ МЮОКЭ. 1967. Л. 112; МЮОВЭ. 1978. Л. 246, 303, 312, 461.

244 Подробнее см.: *Чижикова Л.Н.* Русско-украинское пограничье... С. 188–190.

245 *Маслова Г.С.* Народная одежда... С. 657.

246 Там же. С. 670; *Рабинович М.Г.* Древнерусская одежда... С. 48.

247 *Лебедева Н.И.* Народный быт... С. 75.

248 АРГО. Р. 9. Оп. 1. Д. 27. Л. 3.

249 *Баранович М.* Указ. соч. С. 395.

250 *Зеленин Д.К.* Женские головные уборы... С. 320–326.

251 *Даркевич В.П., Фролов В.П.* Указ. соч. С. 351.

252 Русские... Карта 52.

253 *Жигулева В.М., Иванова Л.Н.* Указ. соч. С. 39. Рис. 25.

254 АРГО. Р. 40. Оп. 1. Д. 30. Л. 6 (Борисоглебский у.); РЭМ. Фонды. Колл. 312–8, 13; 342–143, 145, 154; 628–115 (села Загорино, Балыклей, Моршань, Коноплянка, дер. Грушовка Кирсановского у.).

255 АРГО. Р. 33. Оп. 1. Д. 11. (с. Кончаково Зарайского у.); РЭМ. Фонды. Колл. 104–106; 209–81 (с. Долгое Скопинского у.); 438–85 (д. Лоша Пронского у.); 2351–2 (с. Асташево Михайловского у.); 2354–2 (дер. Кикино Ряжского у.); РИАМЗ. Фонды. Колл. 155, 6097 (села Высокое и Плахино Михайловского у.); *Миллер В.Ф.* Указ. соч. С. 83.

256 АРГО. Р. 42. Оп. 1. Д. 16 (Богородицкий у.), Д. 34 (с. Лободино Белевского у.), Д. 40 (с. Мясоедово Новосильского у.).

257 *Шереметева М.Е.* Женская одежда... С. 29.

258 АИЭА. МЮОВЭ. 1977. Л. 424; 1980. Л. 190; РЭМ. Фонды. Колл. 424–142, 171, 210, 286, 372; 427–61, 76, 77; Миллер В.Ф. Указ. соч. С. 106; АРЭМ. Отдел рукописей. Фонд илл. Колл. 2455. Рис. 9, 10.

259 РЭМ. Фонды. Колл. 200–11-а; 438–236, 248 (дер. Сухая Рожня, села Змиевка, Зверево Данковского у.); 342–142, 144, 148 (Вяжлинская вол. Кирсановского у.); 627–54 (с. Избердей Липецкого у.).

260 *Лебедева Н.И.* Народный быт... С. 74–75.

261 РЭМ. Фонды. Колл. 424–91 (с. Вязноватовка Нижнедевицкого у. Воронежской губ); 628–107а (с. Коноплянка Кирсановского у. Тамбовской губ.); 2349–38 (с. Ольхи Данковского у. Рязанской губ.); РИАМЗ. Фонды. Колл. 2354 (с. Кикино Ряжского у. Рязанской губ)); Воронежской юбилейный сборник... Т. 2. С. 288 (с. Копанище Коротоякского у.).

262 АРГО. Р. 33. Оп. 1. Д. 22.

263 РЭМ. Фонды. Колл. 209–81 (с. Долгое, Данковского у.); 2356–5 (с. Самодуровка Сапожковского у. Рязанской губ).

264 *Лебедева Н.И.* Народный быт... С. 75, 95, 96, 97; РЭМ. Фонды. Колл. 336–149 (с. Подбужье Жиздринского у. Калужской губ.), 337–187 (д. Хельмечи Севского у. Орловской губ.).

265 РЭМ. Фонды. Колл. 150–88 (с. Малевка Богородицкого у. Тульской губ..); 330–5 (д. Сальницы Белевского у. Тульской губ.); 1740–7 (д. Петрушино Скопинского у. Рязанской губ.); АРГО. Р. 40. Оп. 1. Д. 19 (Моршанский у. Тамбовской губ.).

266 АРГО. Р. 42. Оп. 1. Д. 40; Д. 34; Д. 29. Л. 12, 13; Д. 27.

267 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 111. Л. 68 (Сапожковский у.); Тургенев И.С. Два помещика // Собр. соч. М., 1953. Т. 1. С. 243; Зеленин. Д.К. Женские головные уборы... С. 322.

268 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 6. Л. 9 и 9 об. (с. Бычки Сапожковского у. Рязанской губ.).

269 *Маслова Г.С.* Народная одежда... С. 668.

270 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 111. Л. 109–110; *Лебедева Н.И.* Народный быт... С. 76.

271 РЭМ. Фонды. Колл. 104–105; 2000–53, 54, 58, 60 (с. Курбатово, Дегтярка, Марчук Скопинского у.); 438–103 (дер. Толкачево Ряжского у.); 438–241 (с. Воейково Данковского у.); 1740–10 (с. Князево займище Скопинского у.); 2350–9 (с. Пекселы Касимовского у.); 2352–1 (дер. Лоша Пронского у.); 2355–6 (дер. Папашево Спасского у.).

272 РЭМ. Фонды. Колл. 336–149, 151, 178 (села Подбужье, Слобода Жиздринского у. Калужской губ.); 370–36, 38 (с. Чулкино Козловского у.), 628–57, 117 (села Мосоловка, Пущино Кирсановского у. Тамбовской губ.); 5500–40 (с. Урыв Коротоякского у. Воронежской губ.).

273 РЭМ. Фонды. Колл. 312–8, 13 (с. Загарино Кирсановского у.); 342–107в, 154а, 155, 157 (с. Коноплянка Кирсановского у.); 200–62 (Скопинский у.); 438–85а (дер. Лоша Пронского у.); 438–244 (с. Змиевка Данковского у.); *Шереметева М.Е.* Крестьянская одежда Калужской Гамаюнщины. С. 13; Воронежский юбилейный сборник... Т. 2. С. 288 (Коротоякский у.).

274 АРЭМ. Отдел рукописей. Фонд иллюстраций. Колл. 2449, 2450 (с. Турово Нижнедевицкого у., с. Нижняя Ведуга Землянского у.); Воронежский юбилейный сборник. Т. 2. С. 273 (с. Пригореловка Нижнедевицкого у.).

275 Этнографические рисунки Тамбовской и Воронежской губерний, писанные с натуры С.П. Павловым // День. № 31. С. 747; Народы Европейской части СССР. Т. 2. М., 1964. С. 618.

276 *Белицер В.Н.* Указ. соч. С. 158, 159–167; *Артамошкина Л.Т., Прокина Г.П.* Указ. соч. С. 221, 222, 235. Рис. 21–21.1, 22–22.1.

277 РЭМ. Фонды. Колл. 2355–1; 342–433а.

278 РЭМ. Фонды. Колл. 152–32в (с. Столбище Дмитровского у.); 153–3, 96, 98; 202–204, 209–213 (села Петричево, Логаревка Севского у.); 2012–48, 58, 73, 85, 107 (села Рейтаровка, Ивачево, Лукинка Севского у.); 337–27, 197а, 258 (с. Ямская Слобода, с. Негино Трубчевского у.); 337–11–18, 20 (с. Полпино Брянского у.).

279 РЭМ. Фонды. Колл. 438–174, 175 (с. Кавердяки Раненбургского у.); 1740–11 (с. Князево-Займище Скопинского у.); 2349–4 (с. Хитрово Спасского у.); НА РИАМЗ ЭА ОИРК. Кн. 18 № 434.

280 РЭМ. Фонды. Колл. 342–42, 45, 76, 77, 79 (Перевская вол., с. Караул Кирсановского у.); 370–34 (д. Новиково Козловского у.); АРГО. Р. 40. Оп. 1. Д. 31. Л. 19 (Моршанский у.)

281 РЭМ. Фонды. Колл. 424–210в, 286 (села Почепское, Мечетка Коротоякского у.); 424–396 (с. Белый Колодезь Валуйского у.); 424–357 (с. Верхососна Бирючинского у.) и др.

282 *Абрамов И.С.* Указ. соч. С. 208; *Булгаков Г.И.* К вопросу об изучении саянских сел Курского края // Изв. Курского об-ва краеведения. 1928. Май–июнь. № 3. С. 40; *Добротворский Н.* Указ.соч. С. 209; РЭМ. Фонды. Колл. 427–226 (с. Долгое Курского у.) 43–55 (с. Жерновец Курского у.); 728–160–168 (д. Балановка Новооскольского у.).

283 РЭМ. Фонды. Колл. 342–42, 45, 76, 79, 167, 168 (Паревская вол. Кирсановского у.); 370–34 (д. Новиково Козловского у.); 438–175 (с. Кавердяки Раненбургского у.); 2349–4 (с. Хитрово Данковского у.).

284 АРЭМ. Отдел рукописей. Фонд илл. Колл. 2455. Рис. 1–4.

285 АРГО. Р. 9. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.

286 РЭМ. Фонды. Колл. 2355–1 (с. Исады Спасского у. Рязанской губ.); 2352–1 (д. Лоша Пронского у. Рязанской губ.); 370–36 (с. Чуликово Козловского у. Тамбовской губ.); 628–117 (с. Пущино Кирсановского у. Тамбовской губ.).

287 РЭМ. Фонды. Колл. 152–200, 211, 221, 222.

288 РЭМ. Фонды. Колл. 424-396; 5168–11, 15; Гринкова Н.П. Однодворческая одежда Коротоякского уезда... С. 159–160.

289 РЭМ. Фонды. Колл. 104–102 (Скопинский у. Рязанской губ.); 209–80, 81 (села Долгое, Аста́пово Данковского у. Рязанской губ.); 267–40 (с. Карповка Раненбургского у. Рязанской губ); 312–8, 10; 628–123, 124, 125 (села Загарино, Золотовка Кирсановского у. Тамбовской губ.); 370–46 (дер. Новиково Козловского у. Тамбовской губ.); 2037–3 (Моршанский у. Тамбовской губ.); 152–200а (дер. Лубенское Дмитровского у. Орловской губ.); 336–149 (с. Подбужье Жиздринского у. Калужской губ.); АРЭМ. Отдел рукописей. Фонд иллюстраций. Колл. 2448 (с. Монастырщина Богучарского у.); Воронежский юбилейный сборник... Т. 2. С. 278 (с. Ключи Нижнедевицкого у.); С. 287 (села Каменка и Садовка Новохоперского у.); С. 289 (с. Копанище Коротоякского у.); АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 2. С. 74–76 (Суджанский у. Курской губ.).

290 РЭМ. Фонды. Колл. 2130–2 и др. АИЭА МЮОВЭ. 1976. Л. 197, 235; *Добротворский Н.* Указ. соч. С. 209; *Булгаков Г.И.* Указ. соч. С. 40.

291 РЭМ. Фонды. Колл. 424–210, 21 (Коротоякский у.).

292 *Гринкова Н.П.* Однодворческая одежда... С. 163–165; *Чижикова Л.Н.* Русско-украинское пограничье... С. 196–197.

293 РЭМ. Фонды. Колл. 339–149 (с. Подбужье Жиздринского у. Калужской губ); 342–296 (дер. Рузовка Кирсановского у. Тамбовской губ.); 424–210, 396, 5866–87

(села Почепское, Тресоруково Коротоякского у. Воронежской губ.); *Зеленин Д.К.* Женские головные уборы... С. 331–332; *Лебедева Н.И.* Народный быт... С. 81, 82, 87, 92, 98; *Шереметева М.Е.* Женская одежда... С. 29–31 и др.

294 *Сабурова М.А.* О женских головных уборах с жесткой основой в памятниках домонгольской Руси // Краткие сообщения Института археологии. 1975. Вып. 144. С. 18, 19.

295 *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму... С. 114, 116.

296 РЭМ. Фонды. Колл. 337–11, 12, 14, 15, 16, 18, 20; 2012–202, 207, 209, 210; 153–203.

297 *Чижикова Л.Н.* Русско-украинское пограничье... С. 198–201.

298 *Зеленин Д.К.* Женские головные уборы... С. 535–536.

299 КОКМ. Фонды. Колл. 25316, 23486; АИЭА МЮОВЭ. 1976. Л. 197, 235, 268; 1978. Л. 397, 416.

300 *Святский Д.* Указ. соч. С. 13.

301 *Маслова Г.С.* Народная одежда... С. 677–678.

302 *Зеленин Д.К.* Женские головные уборы... С. 537. Рис. 26.

303 АИЭА. МЮОКЭ. 1967. Л. 131; МЮОВЭ. 1978. Л. 2, 3, 7, 245, 316.

304 КОКМ. Фонды. Колл. 12204, 13022.

305 *Гринкова Н.П.* Женская одежда... С. 146–147; АИЭА Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14, Д. 119. Л. 25.

306 *А.Х.* Наряды крестьян Воронежской губернии // Всемирное обозрение. Иллюстрация. 1860. Т. VI. № 137. С. 202.

307 АИЭА МЮОВЭ. 1980. 220, 250, 421, 432; ВОКМ. Фонды. Колл. 1265, 4889–1087.

308 РЭМ. Фонды. Колл. 342–431, 432, 432 (Лебедянский у. Тамбовской губ.); 209–9; 438–249, 250, 251 (села Астапово, Долгое, Ягодное Данковского у. Рязанской губ.); 2349–2, 3 (г. Данков); 267–41 (с. Топки Раненбургского у.).

309 РЭМ. Фонды. Колл. 416–17 (с. Б.Избердей Липецкого у. Тамбовской губ.).

310 *Зеленин Д.К.* Женские головные уборы... С. 545–548.

311 РЭМ. Фонды. Колл. 153–3; 337–169 (с. Петричево Севского у., дер. Любовка, Сосновка Трубчевского у. Орловской губ.); *Лебедева Н.И.* Народный быт... С. 78; *Нечаева А.Н.* Костюмы Тульского округа... С. 57.

312 РЭМ. Фонды. Колл. 337–178 (дер. Кокаревка Трубчевского у.); АИЭА. Ф. 47 Оп. 19. Д. 2356. Л. 69, 99; Д. 2360б. Л. 250.

313 *Машкин А.С.* Быт крестьян... С. 12; АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 12. Л. 2; *Гринкова Н.П.* Одежда западной части Калужской губернии... С. 28; РЭМ. Фонды. Колл. 153–83.

314 РЭМ. Фонды. Колл. 295–4; *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму... С. 115.

315 АИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Колл. 14. Д. 111. Л. 72 (Карловская вол. Сапожковского у.); *Мансуров А.А.* Описание рукописей... 1923 г. Вып. 1 № 49; 1929 г. Вып. 2. № 137 (с. Богослов Михайловского у.). № 174 (С. Новоселки Рязанского у.).

316 АИЭА. Ф. 47. Оп. 19. Д. 2356. Л. 11, 69 (с. Чернава Милославского р-на и с . Нов. Еголдаево Ряжского р-на); Д. 2356а. Л. 49 (дер. Пустотин Кораблинского р-на).

317 Русские... Карта 52; *Лебедева Н.И., Маслова Г.С.* Указ. соч. С. 235–236; РЭМ. Фонды. Колл. 337-179 (дер. Кокоревка Трубчевского у. Орловской губ.); 628–158 (с. Золотовка Кирсановского у. Тамбовской губ.).

318 См.: Русские... Карта 56; *Лебедева Н.И., Маслова Г.С.* Указ. соч. С. 233.

319 РЭМ. Фонды. Колл. 342–297; Русский народный костюм... Илл. 3. С. 207; *Жигулева В.М., Иванова Л.Н.* Указ. соч. Рис. 63; *Артамошкина Л.Т., Пронина Г.П.* Указ. соч. С. 171, 212.

320 РЭМ. Фонды. Колл. 148–7, 8, 9 (Богородицкий у. Тульской губ.); 160–39, 40 и 191–20, 21 (села Вышняя Залегощь и Моховое Новосильского у. Тульской губ.); *Лебедева Н.И.* Народный быт ... С. 107; *Она же.* Материалы по народному костюму... С. 112; *Шереметева М.Е.* Женская одежда... С. 37; Русский народный костюм... Илл. 34–36, 42, 70–71. С. 209–21.

321 РЭМ. Фонды. Колл. 424– 48, 49; 427–124; 7788–6 и др.; Воронежский юбилейный сборник... Т. 2. С. 275, 277, 283, 290.

322 *Лебедева Н.И.* Народный быт... С. 107; *Шереметева М.Е.* Крестьянская одежда... С. 16. Рис. 6; РЭМ. Фонды. Колл. 342–183 (Кирсановский у. Тамбовской губ.).

323 Русский народный костюм... Рис. 33, 59. С. 211, 213.

324 *Лебедева Н.И.* Народный быт.... С. 107; *Шереметева М.Е.* Крестьянская одежда... С. 16; *Данилин А.Г.* Указ. соч. С. 17; *Чижикова Л.Н.* Русско-украинское пограничье... С. 205; Русский народный костюм... Илл. 93. С. 213.

325 *Гринкова Н.П.* Женская одежда... С. 151.

326 *Булгаков Г.И.* Указ. соч. С. 41. Рис. 3; *Данилин А.Г.* Указ. соч. С. 17; Русский народный костюм... Илл. 47. С. 210.

327 РЭМ. Фонды. Колл. 424–93, 116 (села Ольшанка и Вязноватка Нижнедевицкого у. Воронежской губ.); 1110–77, 78, 79, 80 (с. Ермолово Скопинского у. Рязанской губ.); *Гринкова Н.П.* Височные украшения... С. 30; Русский народный костюм... Илл. 38; *Белицер В.Н.* Указ. соч. С. 105–107, 195; *Артамошкина Л.Т., Прокина Т.П.* Указ. соч. С. 171, 212.

328 *Гринкова Н.П.* Височные украшения... С. 26–28; РЭМ. Фонды. Колл. 150–93, 94, 95; 160–31 а, б; 424–21; 427–103; 728–153, 154.

329 *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 224.

330 РЭМ. Фонды. Колл. 150–180, 181, 182 (с. Ивлево Богородицкого у. Тульской губ.); 152–89 (с. Морево Дмитровского у. Орловской губ.); 329–22 (с. Катупина Болховского у. Орловской губ.); 337–9, 102 (села Б. Полегино и Часома Брянского у. Орловской губ.); 2012–290 (с. Сетное Севского у. Орловской губ.); 438–146, 195 (села Избицы и Ольхи Данковского у. Рязанской губ.); 1125–165 (с. Гремяки Скопинского у. Рязанской губ.); 1125–172 (Касимовский у. Рязанской губ.); 628–20, 21 (с. Моршань и Балыклей Кирсановского у. Тамбовской губ.); КОКМ. Фонды. Колл. 16114, 26095, 31416 и др. (Курская губ.); ВОКМ. Фонды. Колл. 2642, 4186 (Воронежская губ.).

331 АИЭА МЮОВЭ. 1977. Л. 42, 81, 82; 1980. Л. 251; РЭМ. Фонды. Колл. 3484–25, 26; 3485–1,2; АРГО. Р. 9. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.

332 Русские... Карта 59; Беларускае народнае адзенне... С. 46–47; РЭМ. Фонды. Колл. 161–39, 41; 1388–47, 51; 1726–10; 2148–93.

333 РЭМ. Фонды. Колл. 150–179, 183, 184 (с. Молевка Богородицкого у. Тульской губ.; 191–61 (с. Моховое Новосильского у. Тульской губ.); 438–202; 1125-178 (Рязан-

ская губ.); 627–36; 2037–28 (Тамбовская губ.); КОКМ. Фонды. Колл. 21534, 23471, 25345, 31398 (Курская губ.).

334 АРГО. Р. 27. Оп. 1. Д. 18. Л. 109 (Трубчевский, Карачевский уезды Орловской губ.); *Ганцкая О.А., Лебедева Н.И., Парникова А.С.* Указ. соч. С. 240.

335 Русские... Карта 60; *Лебедева Н.И.* По Касимовскому уезду. 1922 г.; НА РИАМЗ. ЭА ОИРК. Кн. 18. № 434. Л. 14.

336 РЭМ. Фонды. Колл. 337–156 (с. Рябчевск Трубчевского у. Орловской губ.); 1321–2 (Дятьковская вол. Брянского у. Орловской губ.); АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 16 (Курская губ.); Р. 9. Оп. 1. Д. 19, Л. 4; Д. 16. Л. 3. (Воронежская губ.); Р. 42. Оп. 1. Д. 53 (Новосильский у. Тульской губ.); *Лебедева Н.И.* Народный быт... С. 121, 122, 123.

337 Русские... Карта 60; РЭМ. Фонды. Колл. 267–13 (Раненбургский у. Рязанской губ.); АРГО. Р. 33. Оп. 1. Д. 24. Л. 3 (Рязанский у.); Р. 40, Оп. 1. Д. 30. Л. 2 (Борисоглебский у. Тамбовской губ.); *Малинина М.Д.* Указ. соч. С. 15; *Мансуров А.А.* Описание рукописей... Рязань, 1929. Вып. 1. С. 29 (Рязанская губ.); *Миллер В.Ф.* Указ. соч. С. 88. (Тульская губ.) и др.

338 АРГО. Р. 42. Оп. 1. Д. 18; Русские... Карта 60.

339 РЭМ. Фонды. Колл. 3325–7 (с. Ерахтур Касимовского у. Рязанской губ.); Русские... Карта 60.

340 РЭМ. Фонды. Колл. 2012–64, 152 (Севский у. Орловской губ.); АРГО. Р. 27. Оп. 1. Д. 7. Л. 3 (Малоархангельский у. Орловской губ.); Р. 33. Оп. 1. Д. 24. (Рязанский у.); *Мансуров А.А.* Описание рукописей... Рязань. 1929. Вып. 1. С. 29.

341 Русские... Карта 70; *Лебедева Н.И., Маслова Г.С.* Указ. соч. С. 252–252.

342 См.: *Чижикова Л.Н.* Русско-украинское пограничье... С. 212.

343 Русские... Карта 70; *Лебедева Н.И., Маслова Г.С.* Указ. соч. С. 254; РЭМ. Фонды. Колл. 438–140 (Рязанский у.); 628–176 (Козловский у. Тамбовской губ.); Т–9330 (Белевский у. Тульской губ.); 153–61 (Севский у. Орловской губ.); 1321–134, 135, 137 (Брянский у.); АРГО. Р. 19. Оп. 1. Д. 2. Л. 71 (Курская губ.); Р. 9. Оп. 1. Д. 23, 27, 33 (Воронежская губ.); НА РИАМЗ ЭА ОИРК. Кн. 18. № 238 (Пронский у. Рязанской губ.).

344 Русские... Карта 70; РЭМ. Фонды. Колл. 95–11; 628–183 (Темниковский у. Тамбовской губ.); 6183–11а (г. Кирсанов Тамбовской губ.); 104–101; 3691–22 (Касимовский у. Рязанской губ.); 438–256 (Данковский у. Рязанской губ.).

345 Русские... Карта 70; *Лебедева Н.И.* Народный быт... С. 111–112; РЭМ. Фонды. Колл. 153–60; 337–192 (Севский у. Орловской губ.).

346 *Лебедева Н.И., Маслова Г.С.* Указ. соч. С. 252–253.

347 *Гринкова Н.П.* Одежда западной части Калужской губ... С. 30; *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму Рязанской губернии... С. 111, 113, 116; РЭМ. Фонды. Колл. 150–215 (Богородицкий у. Тульской губ.); НА РИАМЗ. ЭА. ОИРК. Кн. 18. № 434 (Касимовский у. Рязанской губ.); АИЭА МЮОВЭ. 1976. Л. 7 (Рыльский у. Курской губ.).

348 *Лебедева Н.И.* Народный быт... С. 110, 111.

349 Там же. С. 116; *Маслова Г.С.* Народная одежда... С. 717; *Белицер В.Н.* Указ. соч. С. 176; АРГО. Р. 9. Оп. 1. Д. 27. Л. 3.

350 *Лебедева Н.И.* Народный быт... С. 116, 117; *Гринкова Н.П.* Однодворческая одежда Коротоякского уезда... С. 168; Она же. Одежда западной части Калужской губернии... С. 30; *Она же.* Женская одежда в бывших однодворческих селах... С. 152.

351 РЭМ. Фонды. Колл. 337–79; 1321–157 (Брянский у.); НА РИАМЗ ЭА ОИРК. Кн. 18. №. 434 (Касимовский у.).

352 Русские... Карта 70; *Лебедева Н.И.* Народный быт... С. 114–115. РЭМ. Фонды. Колл. 1321–138а (Брянский у.).

353 Русские... Карта 70; РЭМ. Фонды. Колл. 149–3; 150–201, 202, 204 (Богородицкий у. Тульской губ.); АРГО. Р. 42. ОП. 1. Д. 48 (Тульская губ.).

354 *Чижикова Л.Н.* Русско-украинское пограничье..С. 212, 213.

355 АРГО. Р. 42. Оп. 1. Д. 62 (Богородицкий у. Тульской губ.); Д. 48. Л. 32–33 (Тульская губ.); РЭМ. Фонды. Колл. 160–93 (Новосильский у. Тульской губ.); 342–174 (Кирсановский у. Тамбовской губ.); *Гринкова Н.П.* Одежда западной части Калужской губ... С. 30; *Лебедева Н.И.* Народный быт... С. 117; *Она же.* Материалы по народному костюму... С. 111, 114.

356 РЭМ. Фонды. Колл. 95–13а (Тамбовская губ.); 160–91а, б; 191–58 (Новосильский у. Тульской губ.); 295–47; 1321–130 (Орловская губ.).

357 АРГО. Р. 42. Оп. 1. Д. 48. Л. 32–33.

358 АРГО. Р. 9. Оп. 1.Д. 31. Л. 1.; Д. 33. Л. 2 (Воронежская губ.); Р. 42. Оп. 1. Д. 4. Л. 2–3 (Каширский у. Тульской губ.); АРЭМ. Отдел рукописей. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1067. Л. 14, 15 (Орловский у.); КОКМ. Архив. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1401. Л. 21 (Курская губ.).

359 *Лебедева Н.И.* Народный быт... С. 129–130.

360 *Лебедева Н.И., Маслова Г.С.* Указ. соч. С. 242.

361 РЭМ. Фонды. Колл. 1125–29, 30; *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму... С. 113, 115.

362 АРГО. Р. 9. Оп. 1. Д. 70. Л. 10.

363 *Толкачева С.* Указ. соч. С. 77–89. Рис. 84–87; РЭМ. Фонды. Колл. 627–2. (Липецкий у.).

364 *Познанский Б.* Одежда малороссов // Труды XII археологического съезда в Харькове. М., 1905. Т. III. С. 194–195.

365 АРГО. Р. 9. Оп. 1. Д. 16. Л. 3; Д. 19. Л. 3; Д. 23 Л. 22; Р. 27. Оп. 1. Д. 6; Д. 18; Р. 42. Оп. 1. Д. 16; Д. 21; Д. 22; Д. 48; КОКМ Научный архив. Д. 119. Л. 139; Д. 220. Л. 20; АИЭА МЮОВЭ. 1976. Л. 8, 159, 219, 465; 1977. Л. 82, 184, 211; РЭМ. Фонды. Колл. 150–196, 198; 160–80, 81, 94; 425–28; 822–26; 1125–28; РИАМЗ ЭА ОИРК. Кн. 10. № 238; кн. 18. № 434; *Шереметева М.Е.* Крестьянская одежда Калужской Гамаюнщины... С. 7; Она же. Материалы по народному костюму... С. 113, 115; *Данилин А.Г.* Указ. соч. С. 5–7; Русские... Карты 65–69.

366 АРГО. Р. 27. Оп. 1. Д. 6. Л. 3; Д. 18; Р. 33. Оп. 1. Д. 24; Р. 42. Оп. 1. Д. 33; АИЭА МЮОВЭ. 1977. Л. 67, 82, 185, 211, 430; 1978. Л. 4., 69, 90, 145; 1980. Л. 220, 240; РЭМ. Фонды. Колл. 150–196; 153–191; 191–55, 56; 295–45; 342–162; 1125–27; 1321–47; *Малинина М.Д.* Очерки рязанской мещеры... № 3; *Лебедева Н.И.* Народный быт... С. 128–129; *Николаева Т.А.* Народные конструктивные приемы в традиционной и современной весенне-осенней верхней одежде украинцев // СЭ. 1984. № 3.

[367] АРГО. Р. 9. Оп. 1. Д. 4. Л. 5; Р. 42. Оп. 1. Д. 2, 29, 48; АИЭА МЮОВЭ. 1977 Л. 98, 251; 1978. Л. 91, 133, 364, 382, 459; РЭМ. Фонды. Колл. 150–197; 160–81, 82; 438–261; 1125–23, 25, 26; 1321–49; 2037–13; *Троицкий П.* Село Липцы и его окрестности Тульской губернии, Каширского уезда // Этнографический сборник. 1854. Т. II. С. 86; *Шереметева М.Е.* Крестьянская одежда Калужской Гамаюнщины... С. 18, 19; *Лебедева Н.И.* Народный быт... С. 129; *Гринкова Н.П.* Одежда западной части Калужской губернии... С. 27; Ганцкая О.А., Лебедева Н.И., Парникова А.С. Указ. соч. С. 244, 245.

[368] См.: Русские... Карта 64.

[369] См.: *Чижикова Л.Н.* Этнокультурная история... С. 36.

[370] Подробнее о русско-украинских культурных взаимовлияниях см.: *Чижикова Л.Н.* Русско-украинское пограничье...

ГЛАВА III

СЕВЕР ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ XII–XX ВЕКОВ

Север европейской части России постепенно заселялся славянами в процессе формирования этнической общности — русский народ. Восточнославянская равнина, на которой были первоначально расселены восточнославянские племена, имеет различные природные условия, определяющие хозяйственную деятельность и быт ее населения. Со временем на этой территории сложились две основные историко-культурные группы: южнорусская и севернорусская.

Северная часть, была расположена в зоне так называемого рискованного земледелия. Это побуждало население к перемене мест проживания в поисках дополнительных источников жизнеобеспечения. Начиная примерно с X в. словене новгородские стали активно расселяться к северу и востоку. На северном направлении они вышли в Обонежье и на побережье Кольского полуострова (XI–XII вв.). От Прионежья через Заволочье новгородцы перешли к рекам бассейна Баренцева моря, достигая берегов «Моря Студеного». Освоение течения Северной Двины открывало им путь к рекам Волго-Камской системы. К XII в. славян из Новгорода и Ростово-Суздальских земель (XII–XIV вв.) формировалась северно-русская культура на территории от Заонежья до Уральских гор.

В XVI веке на север стало продвигаться крестьянское население из центральной части

Восточно-Европейской равнины. Эти переселенцы, так называемые низовские, оседали преимущественно в верхней и средней части бассейна Северной Двины, в Белозерье и бассейне Сухоны. Таким образом в северном регионе вступали в контакт представители основных групп русского народа. В XVII в. на север двинулась новая волна мигрантов из центра страны, вызванная церковными реформами. Этими переселенцами были созданы локальные районы сосредоточения приверженцев отдельных вероисповедальных течений в старообрядчестве.

Земли северного региона до прихода славян заселяли народности, относившиеся к балто-, финно-, самодийским языковым семьям. Они имели отличное от славян направление хозяйственной деятельности, что давало возможность русским переселенцам просачиваться и оседать на постоянное жительство между массивами, обжитыми коренным населением. Перемежающееся дисперсное расселение позволяло безболезненно наладить обмен продукцией хозяйственной деятельности, закрепить бытовые общения.

Коренное население северной полосы европейской части страны, со своей стороны, также не находилось в стабильном положении. Его миграционные передвижения усложняли этническую ситуацию, а вместе с тем активизировали межэтническое общение и связанное с этим взаимовлияние. В ходе этих процессов малочисленные и разбросанные на огромной территории небольшие племена частично и постепенно втягивались в орбиту более высокой русской культуры и ассимилировались. Некоторые из них потеряли самостоятельность уже в X–XI вв., у других этот процесс растянулся на столетия.

Наряду с этим в северном регионе развивались процессы консолидации, в итоге которых возникли местные крупные этнические образования, такие как карелы и саамы (лопари) в западной части, ненцы — на севере, коми — на востоке. Соседствуя с русскими, они образовывали в составе российского государства отдельные историко-этнографические области и территориально-административные единицы.

Степень взаимодействия севернорусского населения с этнически различными соседями зависела не только от необходимости хозяйственно-производственных контактов, но и от характера расселения (дисперсного, замкнутого, чересполосного), а также длительности соседских связей[1]. Непосредственную и важную роль в этом играли различия в условиях природной среды. В южной части региона, где было возможно пашенное земледелие, складывался единый хозяйственно-культурный тип, близкий к русскому традиционному, что облегчало взаимодействие русских, карел и коми. Это вовсе не исключало осо-

бенностей их культурного облика, в своей совокупности обусловивших наличие внутри этнически единого населения этнографических групп, отличавшихся местным диалектом и особенностями духовной и материальной культуры[2].

Севернее, на берегах Белого и Баренцева морей, природные условия требовали изменения традиционного хозяйства русских в сторону промыслового типа (промысел морского зверя, рыболовство), под влиянием которого сложился иной хозяйственно-культурный быт, приведший к более жесткой акклиматизации и обращению к опыту коренного населения. В этих местностях суровость климата побуждала к поиску средств для усиленной защиты тела человека. Это могло осуществляться за счет изменений традиционного костюма, а также путем его пополнения из ассортимента вещей, используемых коренными жителями.

Успехи хозяйственной деятельности русских в северном регионе способствовали не только укреплению этнокультурных связей местных жителей, но и налаживанию межгосударственных торгово-экономических отношений со странами Скандинавии и Англией. Расширение межэтнических контактов также находило отражение в бытовой культуре северян, и в частности в одежде. Указания на это встречаются в публикациях XIX — начала XX в., содержащих описания некоторых местностей региона[3]. Более широко сведения о быте крестьян, в том числе севера страны, собирались по программам, разработанным Русским географическим обществом и Этнографическим бюро кн. В.Н. Тенишева[4]. Однако только после создания Института этнографии в системе АН СССР началось планомерное изучение русской культуры. Материалы об одежде, в частности, фиксировались с использованием анкет-«вопросников», применением фотографирования и зарисовок, выполнялись также чертежи кроя. На Европейский Север было направлено около десяти экспедиций (с 1947 г. по начало XXI в.) из Московского и Ленинградского (в настоящее время — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого) отделений.

Одновременно в Институте этнографии велись работы по обобщению ранее накопленных материалов. Это дало возможность провести картографирование основных типов одежды[5]. Оно выявило значимость севернорусского костюма как наиболее распространенного в составе комплексов традиционной одежды. Вместе с тем обнаружились большие различия в степени его изученности: лучше были исследованы южная зона и центральная часть региона. Хотя в последние годы (с конца XX в.) стали выходить в свет региональные публикации об одежде, они пока не создают полной картины[6].

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют представить севернорусский костюм в двух частях региона: северо-западной части (Республика Карелия, Новгородская, Архангельская, Мурманская обл. (Кольский п-ов)) и центральной и южной части (юг Архангельской обл., Вологодская обл.). Это, в общих чертах, соответствует характеристике местных особенностей культуры, выделяемых представителями смежных специальностей: антропологами, диалектологами, фольклористами[7].

В настоящей статье мы ставим задачей дать характеристику севернорусского костюма как части традиционной одежды русского народа, проследить изменения в составе носившихся предметов в соответствии с последовательным ходом расселения, отметить наличие локальных комплексов. Специальное внимание уделяется при этом роли адаптации в формировании специфических особенностей северного костюма. Она рассматривается в двух планах: а) приспособление исконно традиционного комплекса к новым условиям и б) его пополнение вследствие заимствований. Отчетливо осознавая длительность этого процесса, мы постараемся отразить и его последовательность.

СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ ЧАСТЬ. XIX – НАЧАЛО XX ВЕКОВ

К началу миграции словен, которую историки относят к X–XI вв., одежда восточных славян, как выявлено археологическими и этнологическими исследованиями, была весьма единообразна и довольно скудна по составу вещей[8].

Хозяйство восточных славян, основанное на полеводстве и животноводстве, давало возможность получать ткани из растительных волокон — *холст* из льна или конопли, а также — из шерстяной пряжи от овец: тонкое — *волосень* и более плотное — *сукно*.

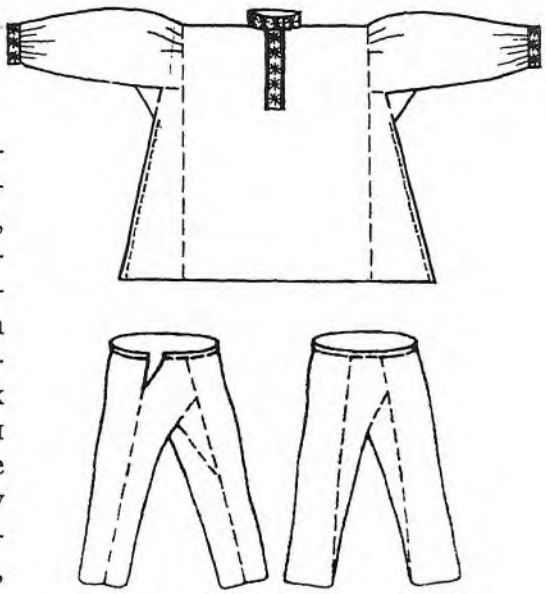
Основным элементом одежды являлась рубаха у женщин длиной до щиколоток, у мужчин — ниже колен (*срачица, рубаха, кошуля*), не имевшая воротника (*голошейка*), с длинными узкими рукавами. Носили ее обязательно с поясом.

У разных групп восточных славян рубахи различались по покрою: количеству используемых полотнищ, приемам создания объема, способам сочленения деталей.

Более древним считается покрой туникообразной рубахи. Ее основную часть составляло перегнутое пополам полотнище, в котором прорезалось отверстие для горловины, дополнявшееся разрезом спереди. Необходимая ширина достигалась с помощью боковых полотнищ, к которым пришивали рукава, в месте состыковки под мышками вшивали

ластовицы. Этот покрой был типичен для мужских рубах, а также и женских в северо-западном регионе, где были расселены словене.

Покрой женских рубах был разнообразнее. Широкое распространение в зоне расселения восточных, а также западных славян имела рубаха с плечевыми вставками — *поликами*. Наиболее характерна она была для русских северных и центральных областей. Ее шили из двух основных полотнищ, к которым сверху пришивали прямоугольные вставки, что придавало готовому изделию пышность, ширина достигалась боковыми полотнищами, в которые вшивали рукава.



Мужская одежда:
1) рубаха с отделкой. Петроградская губ., Лужский у., д. Овинец (ГМЭ. Крестьянская одежда... С. 121, рис. 93);
2) покрой мужских штанов. Архангельская губ. Начало XX в.
(Из серии: Северный русский народный костюм конца XIX — начала XX века из Собрания АГМ. 1993.)

Поверх рубахи мужчины и женщины надевали одежду, державшуюся на поясе или на плечах.

Мужские штаны (*порты,ноговицы*) были узкими с нешироким шагом. Они состояли из двух согнутых по длине полотнищ (*калош*), соединенных вставкой (*огузком, ширинкой*). Верхний край загибали внутрь, в него вставляли вздержку (*гашник*), завязывавшуюся на поясе. Штаны носили, заправляя в сапоги, сверху на них спускалась подпоясанная рубаха.

Женщины в центре и на юге расселения восточных славян закрывали нижнюю часть рубахи *поневой*. Это древняя общеславянская одежда. Русская понева представляла собой широкое полотнище из одного или нескольких кусков ткани. Ею обертывали стан, закрепляя на *гашнике*. В раннем варианте этой одежды отдельные куски были слабо скреплены или вовсе не соединялись, оставляя щель, открывавшую рубашку. Такая понева получила название *распашная понева*. Более поздний вариант — *глухая понева* имела вставку спереди — *прошву*. Все ее части сшивались, образуя как бы широкую юбку. Понева была обязательной частью одежды замужней женщины. Она сохранялась до XX в. на юге России, северная граница ее бытования не была установлена исследователями.

Женская наплечная одежда длиной ниже щиколоток, надевавшаяся на рубашку, известна под названием *горбач*. Женский костюм дополнял *передник* — полотнище, крепившееся тесемками на талии, на груди или на шее. При выходе на улицу надевали холщовый просторный *летник* — длинную одежду прямого покроя, с большим отложным воротником и длинными рукавами, закрывавшими кисти. Для сырой погоды имелись покровы, которые можно отнести к плащевидным. *Вотола* (или *волота*) — кусок толстой льняной или посконной ткани, который накидывали на плечи. Халатообразный покрой был присущ дорожной одежде (*охабень*, *ферезь*, *епанча*). Фасон рубашки сохраняла рабочая верхняя одежда для обоих полов, шившаяся из холста, — *верховица*, *кабат*, *шушун*, *балахон*, или из сукна — *сукня*, *сукман*.

Не столь разнообразна была верхняя одежда из шкур и меха, имевшая воротник и рукава. Ее шили распашной, одно- или двубортной, мехом внутрь, нагольной или крытой тканью (*кожух, шуба, полушубок, тулуп*).

Обувь изготавливали из растительных волокон (*луба*), плетеную (*лапти*) и из кожи, выкроенной так, чтобы огибалась стопа (*поршни*), или сшитой из нескольких кусков (*сапоги, полусапожки*).

Головные уборы были не обязательны для девушек. Они могли ходить с непокрытой головой, обхватывали ее полоской ткани, или надевали металлический венец (*коруну*). Замужние женщины закрывали волосы полотняным *повоем* (*убрусом*) или более сложными головными уборами с твердой основой, покрытой яркой тканью. Поверх них надевали *платок* или *шапку*, смотря по времени года.

Мужские шапки катали из войлока или плели из тонких кореньев. Они имели округлый верх и небольшие поля. Зимой носили меховые шапки конической формы с невысоким околышем.

Таков, в основных чертах, был состав одежды русского народа перед началом его активных миграций к северу. Одежда была довольно единообразна, маловариативна, различия по полу и возрасту незначительны. Зажиточные слои населения могли шить одежду из более дорогих тканей, в том числе привозных, и имели в своем гардеробе больше вещей. С таким снаряжением словене новгородские начали покорение северных широт.

Расселение новгородцев первоначально проходило в зоне смешанных лесов, то есть в местности, близкой по природно-климатическим условиям к основной территории, что не требовало существенных перемен в одежде, но лишь ее приспособления к конкретным ситуациям.

Тем не менее к XVIII–XIX вв., когда стали появляться в публикациях сведения об одежде северян, выяснилось, что сформировался северно-русский комплекс костюма, содержащий немалое число предметов,

и практически каждый из них имел варианты, присущие отдельным местностям обширного северного региона[9].

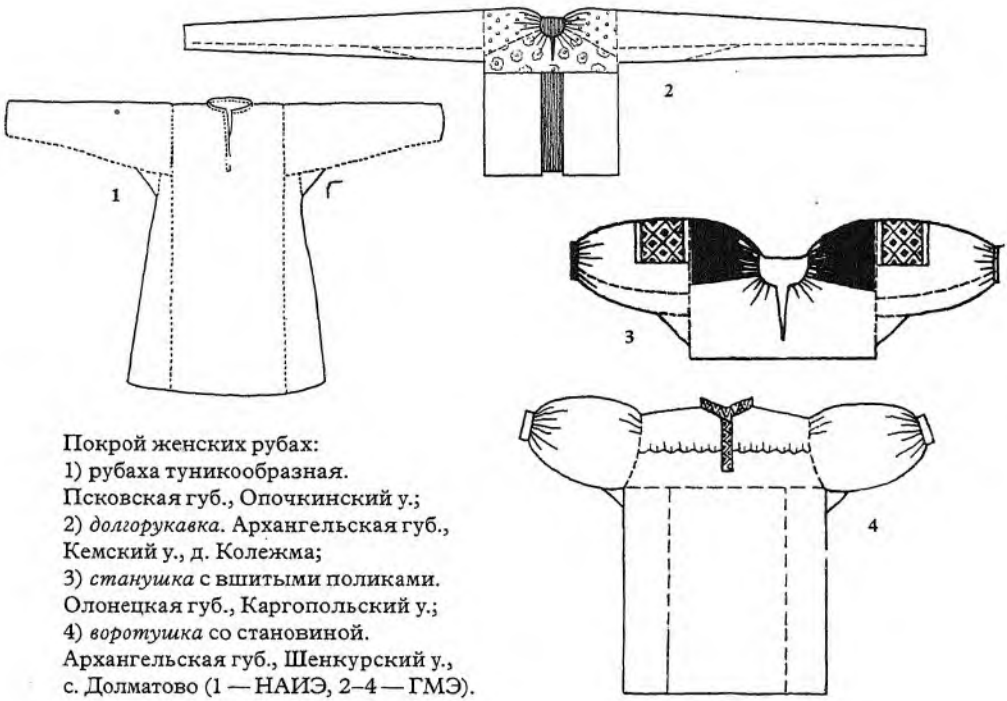
В этот период женщины и мужчины носили по две рубашки: нижнюю из холста — *исподнюю* и *верхнюю (верхница)*, шившуюся из более хороших материалов, как домашнего производства, так и покупных. Название рубахи *верхница* было широко распространено в Российском государстве. В одних местностях она шилась из грубого холста и использовалась для работы, в других — служила нарядной одеждой для дома и улицы[10].

Восточнославянские женщины шили рубахи *цельные* и *составные*. Цельные — из одного перегнутого полотнища с пришитыми рукавами — были первой одеждой ребенка, девочки могли ходить в них до самой свадьбы. Составные рубахи, разделенные на верхнюю и нижнюю части, носили женщины. Название частей отражает неоднородность состава населения региона. Наименования: *рукава* для верха и *становина* для низа указывают на новгородские источники, а *воротушка* и *подстава* связывают с более южным, центральным регионом.

Различался покрой верхней части и способ прикрепления рукавов. Наиболее типична для русского Севера была рубаха с *прямыми поликами*. В Олонецкой и Архангельской губ. обрядовые рубахи (*плакальные, махальные*) имели очень длинные рукава. В некоторых местностях невесты надевали их даже в XX в. В Архангельской губ. рукава с поликами и без них пришивали, сосбаривая, к вороту. Этот покрой получил наименование «новгородского». В Псковской и Новгородской губ. такие же цельнокроеные рукава заканчивались за локтем, где собирались на манжет (рубашки *станушки, воротушки*). В Заонежье такие пышные рукава называли «польскими». Рубашка же с такими рукавами имела второе название *рядчин*, которое исследователь К.К. Логинов сопоставляет с карельским rädcin, или вепским räcin (юбка, подол). Однако очевидно, что оба наименования указывают на межэтнические контакты. Отметим, что в этой же местности рубашку с прямыми поликами считали сшитой «московским покроем»[11].

Рубахи в верхней части, по рукавам и по подолу украшали вышивкой, нашивкой яркой ткани, позумента. Когда в обиход сельских жителей вошли пестрые фабричные ткани, из них начали выкраивать полики, ластовицы, полоски для отделки, а затем и всю верхнюю часть, к которой пришивали холщовую подставу.

Поверх рубахи в XVIII–XIX вв. женщины надевали наплечную одежду, глухую или распашную, с рукавами или без них. Старинный общерусский *летник* выходил из употребления. Его сменила глухая одежда рубашечного покроя — *шушун (шушпан)*, которую шили из холста или из шерстяной такни. Возможно, она образовалась из летника[12],

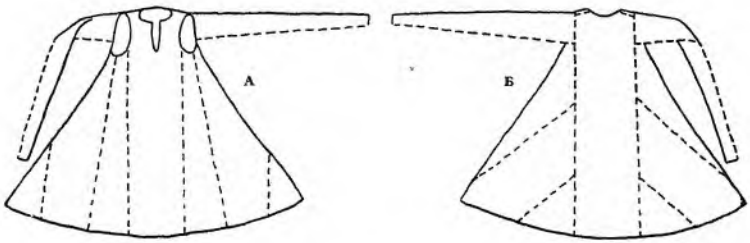


Покрой женских рубах:
1) рубаха туникообразная. Псковская губ., Опочкинский у.;
2) *долгорукавка*. Архангельская губ., Кемский у., д. Колежма;
3) *станушка* с вшитыми поликами. Олонецкая губ., Каргопольский у.;
4) *воротушка* со становиной. Архангельская губ., Шенкурский у., с. Долматово (1 — НАИЭ, 2–4 — ГМЭ).

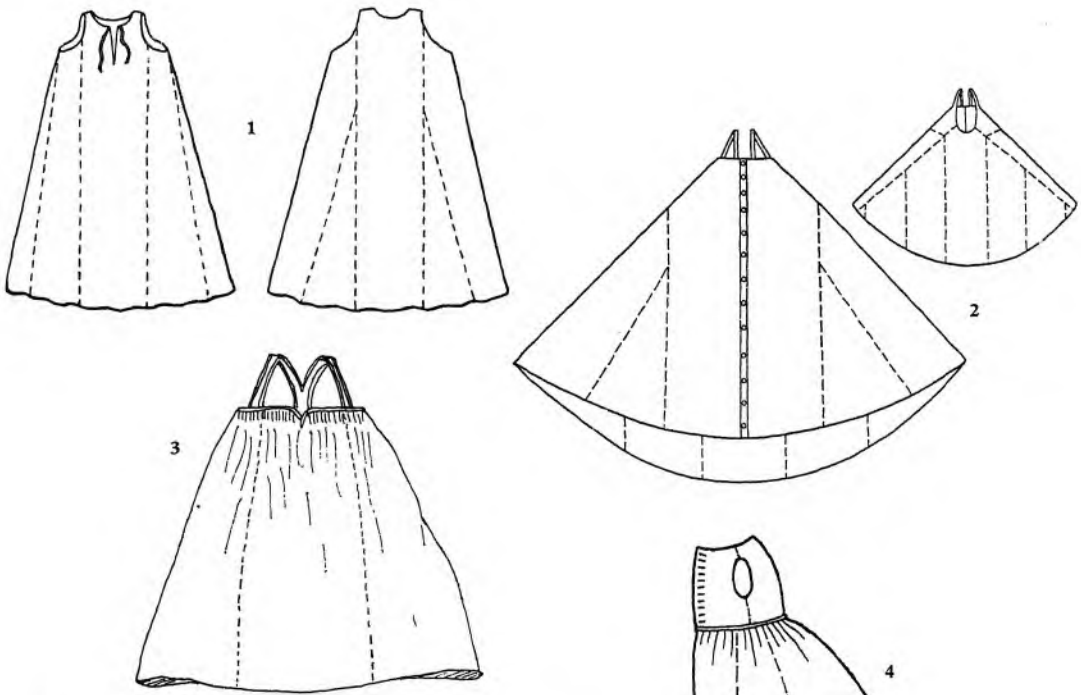
а в дальнейшем, в свою очередь, могла быть преобразована в сарафан, который в этот период начал распространяться в России.

В покрое сарафанов и их названиях также прослеживается историческая сменяемость во времени и веяния моды, идущие, как правило, из центра страны. Старинную наплечную одежду без рукавов обозначали обычно по ткани: *синяк*, *набивник*, *кумашник* и т.п., а слово *сарафан* относилось к более поздней одежде из ситца или другого дорогого материала[13].

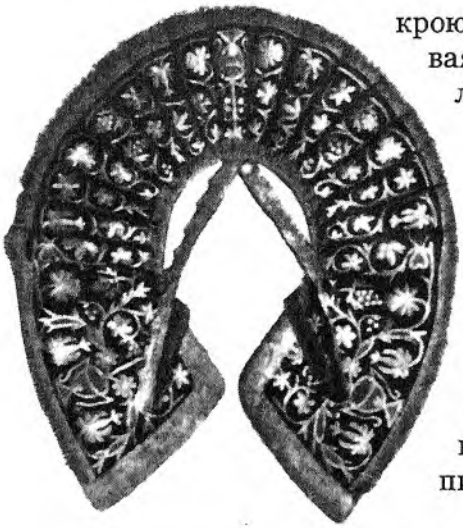
Наиболее типичными для северного региона считаются сарафаны косоклинные, имвшие различный и весьма сложный покрой. Более древними являлись так называемые глухие с цельными передним и задним полотнищами, с вырезной горловиной и ложными рукавами. Их сменили глухие сарафаны без рукавов. Большее распространение получили *клинники* с двумя передними полотнищами, которые сшивались или соединялись при помощи пуговиц (*распашные сарафаны*). Заднее прямое полотнище нередко присбаривали. По бокам спереди и сзади вшивали клинья, соединявшиеся по боковому шву. На плечах сарафан удерживался лямками (*лямки*, *проймы*, *помочи*). Спереди вдоль центрального шва, а также по верхнему и нижнему краю нашивали тесьму, позумент, кружево и другие украшения. Благодаря сложному



Покрой северного глухого сарафана с ложными рукавами:
а,б — вид спереди и сзади. Псковская губ., 1887 г.
(Из ст.: *Маслова Г.С.* Народная одежда русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский сборник. М., 1963. С. 638.)



Покрой сарафанов:
1) косоклинный с цельным передним полотнищем:
а,б — вид спереди и сзади. Олонецкая губ.,
Каргопольский у., с. Б. Холуй.
2) косоклинный с двумя передними полотнищами:
а,б — вид спереди и сзади;
3) *прямой*. Псковская губ.;
4) с лифом, Петроградская губ., д. Бор)
(1,2 — *Маслова Г.С.* Указ. соч. С. 638–641;
3 — НАИЭ, 4 — ГМЭ).



Душегрея, вышитая золотой нитью. Архангельская губ., Пинежский у. (*Маслова Г.С.* Указ. соч. С. 648. Рис. 51.)

крою сарафан сильно расширялся книзу, создавая красивый силуэт, а его зрелищность усиливалась яркостью отделки.

Эта красивая одежда с середины XIX в. начала сменяться сарафаном *круглым*, или *московским*. Оба наименования указывают на центр страны, где впервые появился новый фасон и откуда он, вместе с его наименованиями, быстро распространился по другим регионам. Московский сарафан шили из нескольких прямых полотнищ, сосборенных вверху, подшитых к неширокой полоске ткани, к ней же крепились узкие лямки.

Позднее появились сарафаны с лифом, к которому пришивалась сосборенная нижняя часть. В нем, можно считать, сочетались древнейший покрой сарафана глухого (в верхней части) и позднейшего — прямого (в нижней части).

Поверх сарафана надевали *передник* или *фартук* — полотнище ткани, закрывающее переднюю часть одежды. Слово передник восточнославянского происхождения, известное повсеместно. Передник крепился завязками на теле повыше груди. Его более поздний вариант шили с грудкой, несколько у́же основной части. К ней сверху пришивали лямку в виде петли, перекидывающейся на шею. Боковые завязки у основной широкой части крепились на уровне талии. Фартук представлял собой упрощенный вариант передника. Он закрывал только нижнюю часть одежды. Само слово заимствовано из польского, но это западное влияние, скорее всего, пришло на север из центра страны, где фартуки стали носить с XIX в. В Олонецком крае бытовали также фартуки-*нарукавники*, закрывавшие переднюю часть корпуса, а сзади — только лопатки.

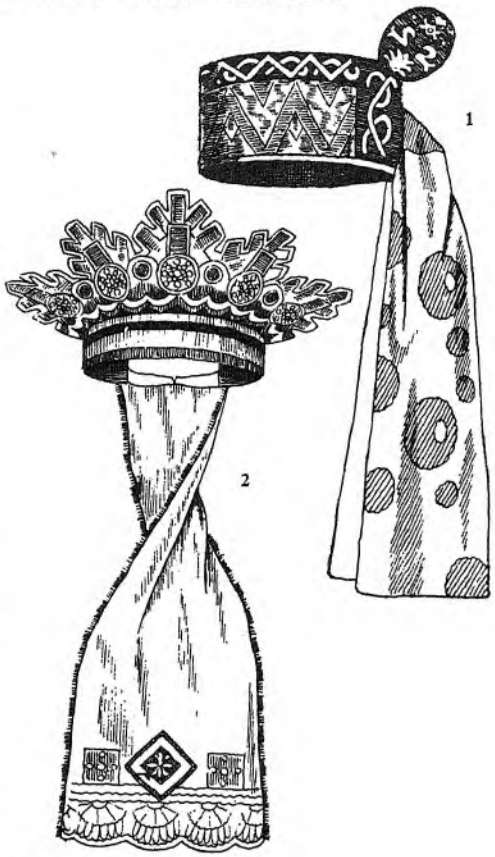
Юбка с браным узором и шитьем. Олонецкая губ., Каргопольский у., д. Михеево (*Маслова Г.С.* Указ. соч. С. 603. Рис. 26).

Со второй половины XIX в. появились платья, шившиеся в основном из ситца, не длинные, с довольно ши-

рокими рукавами, суживающимися к кисти. К платьям нередко добавляли новый элемент в женской одежде — вшивной карман сбоку[14]. К концу XIX в. вошли в обиход кофты. Особенно популярен был удлиненный *казачок*, приталенный по фигуре, с небольшим стоячим воротничком. Его надевали с юбкой или сарафаном.

Наряду с сарафанным комплексом одежды в состав женского гардероба входил комплекс с юбкой и кофтой. Юбки носили широкие, сосборенные по талии. Легкие юбки шили из платяной ткани, для зимы — шерстяные и стеженые на кудели, носившиеся под сарафаном.

Помимо этого, во второй половине XIX в. юбки начали шить из покупных тканей по городским фасонам. Как и в других местностях страны, получили распространение так называемые *парочки*: юбка и кофта, шившиеся из одинаковой материи. Юбки делали широкими, а кофты — прилегающими.



Головные уборы девушек:
1) перевязка с темником; 2) корона. Архангельская губ. (ГМЭ. Из кн.: Крестьянская одежда населения Европейской России. М., 1971. Рис. 141, 151.)

Важным элементом женского костюма является головной убор. Он наглядно характеризовал физический и социальный статус владелицы. Девушки, как и повсюду у русского народа, охватывали голову повязкой из ленты или особым образом свернутого платка. Надевали также обруч, обшитый тканью (*повязочка, перевязочка*), украшенный *поднизью* из бус или жемчуга.

Типичным женским головным убором северянок считается *кокошник*. Формы его разнообразны, но основные из них довольно четко локализованы. Так, на северо-западе региона носили *кику*, известную в древнем Новгороде, а также и в древней Москве. Она имела вид шапочки на твердой основе с плоским верхом. В Олонецкой губернии такие шапочки называли *кика поморская*. Праздничным женским головным убором был *однорогий кокошник* на твердой основе, с плоской верхней

Женские головные уборы. 1) Повойник высокий. Петроградская губ.;
2) кокошник с распоркой. Архангельская губ.; 3) кичка поморская. Олонецкая губ., Поморье (ГМЭ. Из кн.: Крестьянская одежда... С. 145, 146, 156.)

частью, выдающейся надо лбом вперед в виде тупого рога. Украшение кокошника составляли речной жемчуг, бисер, плашки из перламутра и золотой галун. От нижнего края на лоб спускались несколько воланов *решеток* «одна над другой» из мелкого речного жемчуга или бисера. Эти кокошники носили с шелковыми сарафанами и при выходе из дома на них накидывали платки из шелка или из белого миткаля с редким мелким узором, вышитым зелеными нитями. Кокошники и кичкообразные головные уборы выполняли из дорогих тканей, расшивали узорами из золотых и серебряных нитей, украшали жемчугом и каменьями. Их сменили более простые в исполнении *сборники*, *повойники* — мягкие шапочки из сосборенной, бархатной, шелковой, ситцевой ткани, с плотной вставкой спереди, на вздержке, завязывавшейся на затылке. Носили различные *чепчики* с вшивным донышком. Их форма различалась: в Заонежье — яйцевидная, у выгозерок — лавролистная, у пудовжанок и вытегорок — эллипсоидная. Поверх чепчика повязывали платок, который молодые женщины завязывали на затылке, а пожилые — под подбородком. Старые женщины накрывали голову двумя платками, с узлом под подбородком.

Во второй половине XIX в. в моду вошли шелковые косынки, которые складывали в оригинальный колпачок, завязывая все три конца надо лбом. Зачастую девушки и женщины повязывали косынки на шею, накидывали на плечи, дополняя ими праздничный костюм.

Традиционны были украшения из металлических или серебряных колец, сережек, брошей, браслетов. Особую местную ценность составляли изделия из жемчуга. Добывали его сами женщины в северных каменистых реках из раковин моллюсков. Жемчужины просверливали и распиливали на половинки. Их нашивали на головные повязки — *чельники* и девичьи *короны*. Из жемчужин низали *бусы*, *поднизи* к головным

Мезенские коновалы с рабочими инструментами в сумках. 1890-е гг.
(Фото Я.И. Лейцингера. АОКМ, № 8120. Там же. С. 48.)

уборам, подвески к серьгам[15]. Они являлись достоянием семьи и передавались по наследству.

В мужской одежде при продвижении к северу также появилось некоторое разнообразие и некоторые новшества. Основной комплекс одежды по-прежнему составляли рубаха и порты. *Рубахи* шили из холста, а более теплые из «толстого» полотна с включением конопли или из крестьянского серого сукна. Старики донашивали рубашки с прямым разрезом, которые в Олонецкой губ. называли *с «немецким» воротом*[16]. Большинство носило рубашки-*косоворотки*, спускавшиеся на штаны ниже колен.

Портки называли также и подштанниками. Их шили русским довольно узким кроем или более широким, с отвислым огузьем, крепили на гашнике. В прохладное время на них надевали *штаны* из толстого холста, пестряди и даже матрацного тика или с середины XIX в. из фабричного сукна. Для праздничного наряда к штанам пришивали пояс, пуговицы и боковые карманы. Рубашку выпускали сверху, а штаны заправляли в сапоги.

Одежду подпоясывали домотканными опоясками, их плели различными способами — на пальцах или вилках, ткали на специальных дощечках или на ткацких станках. Пояса украшали узорами или

вытканными надписями, а также кистями, свисавшими по краям. Для повседневного платья использовали узкие опояски в 1,5–2 см и в 2–3 м длиной, чтобы дважды обвить корпус. Опояски для верхней одежды ткали более широкими из грубых шерстяных или протяных нитей. Ходить без пояса у русского народа считалось грехом. Опоясывались также разноцветными кушаками из ткани и кожаными своедельными или покупными ремнями.

В XIX в. появились новые предметы в одежде. Одни из них стали необходимы в северных климатических условиях, другие предлагались модными веяниями, приходившими из центрального региона. Так, при выполнении некоторых работ в лесу и на воде мужчины стали надевать передники из холста или кожи, которые крепились тесемками на шее и талии, закрывая переднюю часть тела. Рыбаки при ловле рыбы с лодки неводом надевали два передника: спереди нагрудный, сзади — поясной, что позволяло садиться на мокрую скамью, не замочив одежды. В сырых местах накидывали на голову *комарник* — сетку, защищавшую лицо.

В обиход мужчин вошли теплые рубашки, которые вязали женщины из цветной пряжи. Они более плотно облегали тело, чем тканые. Помогали сохранять тепло и новые роскошные вещи, появившиеся у богатых крестьян: двубортные *жилеты* со стоячим воротником (из плиса, бархата, сукна) и *казакины* — двубортные, утепленные, приталенные жакеты, которые шили на заказ из самого лучшего сукна.

Традиционная верхняя одежда мало различалась у мужчин и женщин, при этом ею в большей мере пользовались мужчины. На Севере нашли применение многие вещи, известные в разных местностях. Основным сезонным верхним платьем стал кафтан, имевший несколько вариантов кроя. Их называли, в основном, по использованному материалу: *сермяга* (из своедельного сукна), *серяк* (из грубого сукна), *понитоk* (из полусукна) и т.п. Преобладали традиционные распашные формы: *зипун* — прямого покроя, *шабуры*, *понитки*, *сукманы* — в талию и с клиньями. Сохранилось древнее название *свита*, означавшее распашную одежду с клиньями или сборками на спине. Халатообразный покрой имели *шубы*, а также *тулупы*.

В северном регионе русские крестьяне получили возможность использовать больше меха, который ценился как самый теплый и как очень красивый материал. Весьма популярна стала верхняя меховая одежда различного качества и оформления. Так, шубы различали *белые* (полушубок из отбеленной овчины), *нагольные* (из продубленных овчин), *дубленки* (из хорошо продубленных овчин от овец лучшей породы), *синие* (покроя кафтана или казакина, крытые синим или черным сукном). Эти одежды носили поверх повседневного платья, а также как рабочую

и дорожную одежду. В холода и в дорогу нередко надевали несколько одежд, например — *зипун* поверх *понитка*. Двойную одежду называли *сниз*, например, кафтан и шубу поверх него, армяк и тулуп сверху.

Женщины проявляли щегольство в пользовании мехами. Для них шили короткие, до талии, *шубки* с широкими рукавами, а также — *легкие шубейки* и *шубы* были заячьи, песцовые, крытые тканью, длиною до колен, сосборенные в талии. Шубы замужних женщин со многими складками, узкой талией, воротником-шалью и пышными рукавами шили из разных мехов длиной до пола и покрывали черным или синим сукном[17].

Ценились меховые зимние мужские головные уборы. В Архангельской губернии люди старшего возраста, как почетные представители семей, носили очень высокие шапки с широкой тульей из ценного меха и с бархатной макушкой[18]. Обычно шапки шили из овчины: треухи и с длинными ушами. В теплое время закрывали голову шляпами или валяными шапками с небольшими полями. Для летнего времени многие мужчины имели колпаки, вязанные из бумажной пряжи, вытканные или сшитые из сукна. Местной особенностью являлись *пуховые шапки* из шкурок гагар, которых добывали охотники. Шкурки птиц шли также для пошива теплой зимней домашней обуви типа тапочек. Их название *куйка* было произведено от карело-финского kuikan (гагара)[19].

Повседневной обувью служили *сапоги* из дубленой кожи с каблуками. Для праздничных сапог окрашивали в черный цвет кожу теленка. И только зажиточные крестьяне приобретали выходные хромовые сапоги. Промысловые сапоги — *бахилы*, *бродни* — из грубой кожи доходили по высоте до середины голени. Рыбаки вбивали в их подошвы железные шипы, чтобы уменьшить скольжение по мокрым доскам. В некоторых местностях мастерили из бересты сапоги, удобные для пастухов[20].

Легкая кожаная обувь из куска сосборенной кожи, крепившегося на ноге завязками, имела общерусское наименование *моршни* или *поршни*. Шитые невысокие башмаки *коты* также были широко распространены на севере, но, возможно, являлись заимствованной обувью (кöт — обувь коми)[21]. Такие же башмаки мехом внутрь назывались *уледи*.

Большим разнообразием отличалась плетеная обувь, которую, как обычно, изготавливали из лыка и использовали в качестве рабочей и домашней. Лапти северного новгородского плетения мастерили повсюду, а косого, московского плетения — в южной части региона. Беднейшее население плело из пеньковых веревок и кромок сукна *чуни* или *шоптанники*. Они были известны в юго-западной части региона, где могли быть восприняты от финноязычных коренных жителей. Слово

чуни Д.К. Зеленин считал возможным производить от названия древнего племени чухни, то есть — финская обувь[22].

Зимой носили валяные сапоги в разных вариантах (длинные — *катанки*, покороче — *валенки*). Руки согревали, как и повсюду у русских, *вязаные рукавицы*. Поверх них на промысловые работы надевали *меховые рукавицы* (*шубные*). Для работы с неводами в рукавицы ввязывали конский волос. Они были теплее и меньше намокали. Конский волос использовали также для плетения сеток, которыми в летнее время закрывали лицо от комаров. Носки и варежки для промыслов, а иногда и рубахи вязали сами мужчины специальной одной иглой.

Архангельская губерния, а также Карелия находились в природной зоне рискованного земледелия. Продвигаясь далее к северу, русские переходили в зону лесотундры и тундры, более суровую по климатическим условиям и неблагоприятную для земледелия. Местное население вело иную хозяйственную деятельность, чем полеводы-славяне, и соответственно имело иные материалы для пошива одежды.

В западной части региона к северу от карел русские встретились с саамами на Кольском полуострове и с ненцами, основная территория расселения которых охватывала европейскую и часть азиатской тундры. В восточной части региона русские соседствовали с коми-пермяками. Местные народы занимались тундровым оленеводством, рыболовством, охотой на континентальных и морских животных. Охотились на дикого оленя и пушного зверя на суше, на нерпу, тюленя, моржа и других водоплавающих — в море.

Основным материалом для пошива одежды являлись шкуры животных, в первую очередь — оленя. Использовали цельные шкуры и мех оленя, *ровдугу*, похожую на замшу, и плотные *камусы* — шкуры с ног.

Во время расселения русских на Кольском полуострове одежда мужчин и женщин саами (лопарей) имела одинаковый покрой, различаясь лишь деталями и размером. Рубаха из сукна называлась *юпа*. Она была глухого туникообразного покроя с небольшим разрезом для головы спереди и длинными неширокими рукавами. Стоячий воротник с закругленными углами застегивали на медную пуговицу. По вороту, подолу, обшлагам шла отделка из кусочков цветного сукна, тесьмы, бисера.

Верхнее платье называлось *печок*. Его шили из двух прямых полотнищ выделанных шкур оленя мехом наружу, с боковыми клиньями от пройм и с длинными рукавами. Мужской печок был немного ниже колен, женский — до щиколоток. Одежду подпоясывали: мужчины — кожаным ремнем, к которому прикрепляли некоторые необходимые вещи, а женщины — плетеным поясом. Обувь — *яры* и *каньги* — шили из оленьих камусов мехом наружу, их украшали, выпуская по швам цветные вставки.

Русских эта одежда привлекала своей красочностью, но главное — хорошей защитой от северной стужи. Ее покупали в готовом виде или заказывали у местных мастеров. В конце XIX в. с появлением на полуострове ненцев и коми традиционная одежда саамов начала вытесняться. Ей на смену пришли *лузан, малица, совик, пимы*, меховые *чулки* и пр.[23]. Таким образом, русским переселенцам была предоставлена возможность выбора из традиционной теплой одежды разных народов. Из этих вещей более других вошел в быт примитивный *лузан* для охотников. Он представлял собой верхний глухой безрукавный жилет туникообразного покроя, прикрывающий грудь и спину, шился из плотного сукна с отверстием для головы. Внизу боковины скреплялись завязками, что позволяло закладывать за полотнище охотничью добычу. На спине делали петлю или пришивали кольцо, куда вставляли топор при лесных работах. Это было отлично от русской традиции, в соответствии с которой топор держали за голенищем или за поясом. Примитивность лузана позволяла шить его в домашних условиях. Он стал удобным элементом промысловой одежды в северной неземледельческой зоне.

Ненецкая *малица* имела глухой мешкообразный покрой, слегка расширяющийся книзу, длиною — за колени. Ее шили мехом внутрь, а двойной капюшон — мехом наружу. К рукавам пришивали камусные рукавицы с разрезом для вынимания рук. Сверху надевали *совик*, такого же покроя, с воротником и пришитыми рукавицами. Для теплого времени года совик шили из сукна. Эту одежду красиво оформляли нашивками меха и полосок цветного сукна[24].

Русское население, заселив тундру, активно стало развивать промысловое хозяйство, постепенно осваивая промысловые угодья вдоль берегов Баренцева и Белого морей, на Кольском полуострове и на севере материка. В этой зоне пришлось практически отказаться от полеводства. Основными занятиями русских стали рыболовство, охота на морского и пушного зверя, оленеводство. В соответствии с направленностью хозяйства для изготовления одежды требовалось использовать много шкур животных, кожи и меха, как это было принято у коренных жителей. Тем не менее и в этих условиях русские стремились сохранить домашнее ткачество. Оно давало в небольших количествах холсты, шерстяные ткани, пониток, сукно. Холщовые, бумажные, шелковые ткани покупали[25].

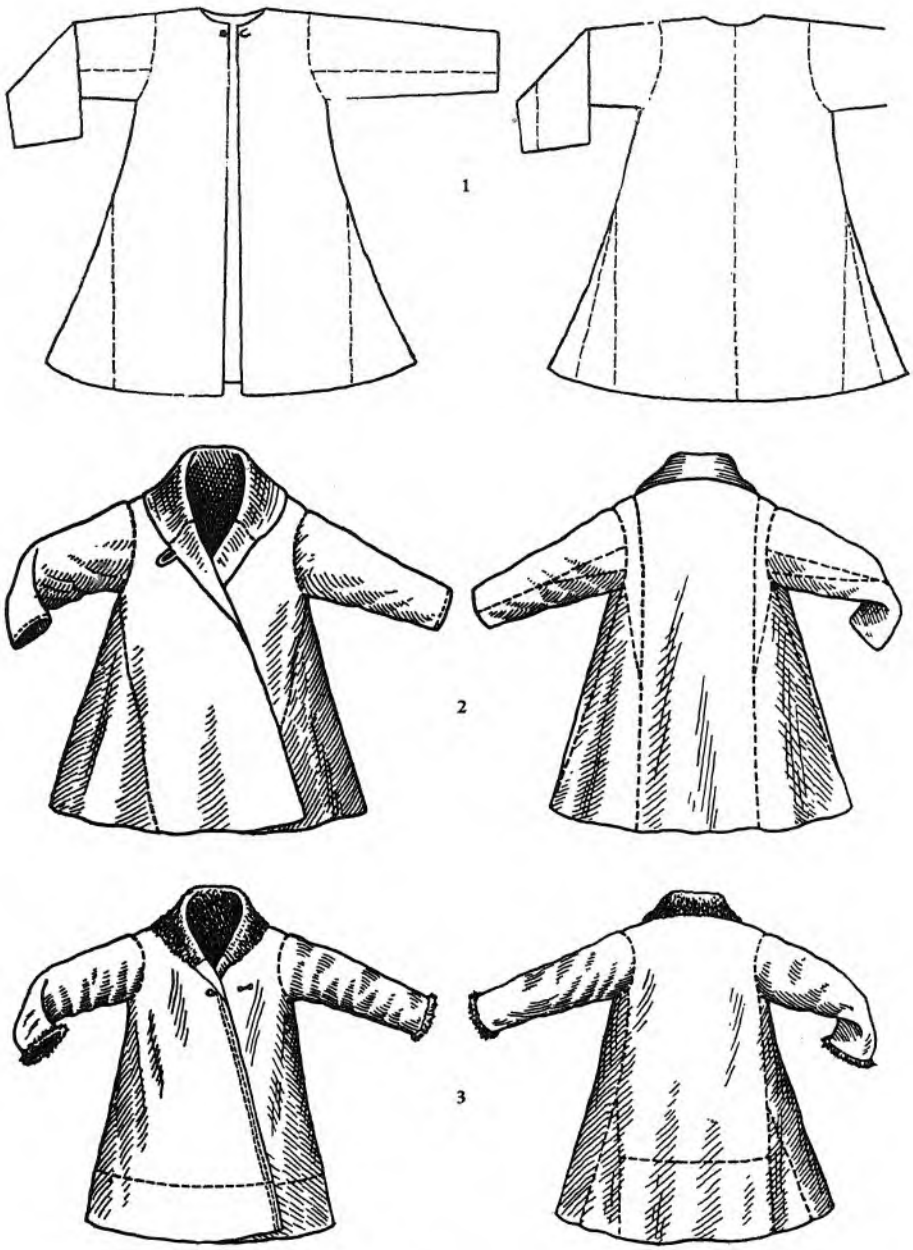
Комплекс русского традиционного костюма оказался в основном пригодным для проживания в северном полярном регионе. Он включал повседневную домашнюю одежду (рубаха и порты для мужчин, сарафан и рубаха для женщин), суконное или полусуконное верхнее платье, утепленные зимние, в том числе меховые изделия. Поскольку хозяйственная деятельность была изменена, потребовалось создание специализированной промысловой одежды, а традиционная одежда

Одежда сельских жителей начала XX в.: крестьяне с. Несь Архангельской обл., Мезенского р-на. (Фото Я.И. Лейцингера. АОКМ, № 3468/19.
Из кн.: Мезенский костюм. Архангельск, 2003. С. 41.)

в местных условиях приобрела некоторые особенности. Полевые наблюдения, в том числе проводившиеся и автором в конце 1950-х гг., выявили сохранение сарафанов косоклинных и круглых. Они входили в состав одежды пожилых женщин. По материалам, собранным Т.А. Бернштам, косоклинные сарафаны имели центральный шов спереди с более или менее большим разрезом и с традиционной отделкой лентами, галуном, шнурками.

На Кольском полуострове старейшим считался сарафан-*костыч* темного цвета с проймами. Его носили женщины, придерживавшиеся дониконовского вероисповедания. В комплекс старообрядческой одежды входили также белая рубаха и темный платок, спускавшийся по плечам и сколотый под подбородком.

Более поздний по времени сарафан с лифом на Кольском полуострове получил своеобразное развитие кроя. К лифу, как обычно, пришивали длинную юбку, слегка присборенную у талии, а на нее стали нашивать оборки (*уборки*) различной ширины, или ленты в несколько рядов по подолу, что соответствовало традиции. Подобным образом украшали саяны в южнорусских губерниях. Весьма интересно, что на Кольском полуострове выявлялись предпочтения не только по покрою, но и по цветовой гамме. Там, где среди населения было много староверов, сарафаны были темных или приглушенных тонов.



Верхняя одежда. Начало XX в.:
1) балахон мужской. Олонецкая губ., Петрозаводский у.,
с. Великая губа (ГМЭ. Из кн.: Крестьянская одежда… С. 124, рис. 98);
2) армяк. Великолукская обл., Себежский р-н, д. Жуки;
3) шуба. Псковская обл., Середкинский р-н, д. Заболотье
(2,3 — *Ганцкая О.А.* Материальная культура русского населения
в XIX — начале XX вв. // КСИЭ. Вып. 22. М., 1955. С. 47, рис. 4.)

1

В XIX–XX вв. сарафаны носили с традиционными рубахами, составленными из двух частей: верхней — *рукава* (*нарукавники*) и нижней (*стан*, *станушка*). Название и покрой рубах отражают новгородскую традицию. Верх рубахи часто шили из фабричной ткани, что в тот период было принято в России повсеместно.

Широкое использование дорогого покупного материала вызвало появление на Севере особого рода одежды — *нарукавника*, *нагрудника* в виде короткой кофточки с рукавами. Еще менее расхода ткани требовали отдельные *рукава*, не пришивавшиеся к кофточке. Их скрепляли воротником или связывали шнурками. Можно высказать предположение, что подобные слабо скрепленные формы, вызванные к жизни

Одежда жителей Кольского полуострова:
1) молодые пары в зимней одежде. Кольский п-ов. Поморский берег. (АОКМ. № 886.)
2) молодые мужчины в праздничной одежде. Кольский п-ов. Летний берег (ГМЭ, № 2638-23);
(1,2 — из кн.: *Бернштам Т.А.* Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX в. Л., 1983. С. 43. Рис. 12; С. 54, Рис. 15.)

экономическими причинами, являются как бы возвратом к несшитой одежде, память о которой могла храниться в сознании народа (полотенчатые и многоэлементные головные уборы, наплечные накидки, несшитые юбки и пр.). Короткие *нарукавники* носили или поверх рубахи, или поверх сарафана.

На Кольском полуострове появилось оригинальное сочетание этих двух основных одежд. В конце XIX в. девушки в праздничном костюме надевали вместо нательной холщовой рубахи тонкий ситцевый сарафан. Поверх него — белую крахмальную короткую кофточку *полсорочки* из тонкого покупного материала. Затем — один на другой несколько нарядных сарафанов (*атласники, кашемирники* и др.). Сверху накидывали шаль с кистями, скрепляя ее на груди брошью. В этом костюме усматривается одновременно влияние города, стремление к щегольству, демонстрирование состоятельности его владелицы.

Многоярусность нашла место и в мужской одежде. В зимнее время мужчины надевали от трех до семи рубашек. Возможно, это делали не для тепла, а для выявления зажиточности. В конце XIX — начале XX в.

Женская одежда: 1) девушка в праздничной одежде. Онежский берег;
2) женщина в промысловом костюме. Летний берег.
(*Бернштам Т.А.* Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX в. Л., 1983. Рис. 17, АОКМ № 3468(8); Рис. 20, АОКМ. № 877).

в промысловых зонах удачливые добытчики показом излишеств обозначали свой успех. Например, в Сибири на золотых приисках, сбыв с выгодой золотой песок, ездили по городу на нескольких экипажах, везли на них по нескольку шапок, ходили в трактир в нескольких жилетах, покупали на портянки большие отрезы дорогих тканей и т.п. В повседневном быту мужчины Поморья носили традиционные косоворотки, подпоясанные плетеным поясом или кожаным ремнем, а верхней одеждой служили *кафтаны*. Они были короткие и длинные (*долгие*), прямые и отрезные по талии, запахивавшиеся или застегивавшиеся. Среди названий сохранялось старинное общеславянское — *свита*, и появились местные — *дача* (Терский берег), *бострюк* (Поморский, Онежский берега).

Еще большее разнообразие терминов наблюдалось в женском верхнем платье, где локальные варианты имели каждый особое обозначение. Так, длинная распашная одежда со стоячим воротником, зауженной талией, со складками сзади и с узкими длинными рукавами называлась

на Онежском берегу *горбушкой* (вариант названия глухого сарафана). Кафтан, стеганный на вате под ситцевым верхом, обшитый ленточками и шнурочками, именовался *бекешей*. В центральной части России слово *бекеша* обозначало мужскую одежду. На Зимнем и Поморском берегах подобная одежда с шелковым верхом, подбитая мехом или утепленная ватой, называлась старинным общерусским термином *шугай*. Слово это известно с древней Руси. Оно равнозначно душегрее и означало нарядную женскую короткую кофту, иногда на лямках[26].

В зимнее время мужчины и женщины носили традиционные полушубки, шубы, тулупы, шившиеся из овчины, как и на большей части территории страны. Зажиточные северяне могли позволить себе более редкие и дорогие меха: бобра, медведя и даже нерпы, соболя.

В некоторых селениях на полуострове русские начали использовать в холодное время одежду коренных жителей, вепсов и ненцев: печок и юпу (Кандалакшский, Терский берега), малицу и совик (Зимний берег). Более широко вошли в русский обиход отдельные предметы обуви и головных уборов местного населения.

Как известно, головные уборы женщин-северянок красивы, сложны и состоят из нескольких элементов. На полуострове, на разных его берегах и даже в различных селениях одного берега зафиксирован значительный разброс терминов.

Девушки, как принято в русской традиции, волосы не закрывали, но носили обруч с твердой основой или повязку, изготовленные из разных материалов, различающиеся по высоте и декоративному оформлению (шитье шелком, золотой или серебряной нитью, жемчугом и пр.): *повязки, повязки с лопастями* (подвески из лент сзади, типа северно-русского позатыльника), *перевязки, чёлки, косынки*.

Кичка и кокошник имели твердую основу и верх из дорогих тканей, расшитых золотом, серебром, жемчугом. На Кольском полуострове появились смешанные варианты. Так, на Онежском берегу праздничный повойник, под названием *светлый круг,* имел форму кокошника с высоким гребнем; на Кандалакшском и Терском берегах — под названием *латушка* — имел сходство с однорогим кокошником, известным в Каргополье Олонецкой губернии. В некоторых селениях на Терском берегу женщины носили *сороки* — шапочки с твердой передней частью и с рожками. Они были широко распространены в южной России. Передняя часть вышивалась, а верхняя закрывалась платком. Платки выполняли особую роль, выделяя женщин-молодушек. Они повязывали платок или косынку концами вперед, делая бантики, похожие на рожки. Сверху покрывали голову еще одним платком, но уже концами назад.

Зимой женщины, как и мужчины, носили меховые шапки или суконные с опушкой из меха (околышем), в том числе треухи с местным

наименованием *подкаты*. Кроме того, иногда укрывали голову меховыми капюшонами, составлявшими элемент одежды коренных жителей.

Больше заимствований отмечено в обуви. Она, как и повсюду на русском Севере, была преимущественно кожаной. Помимо традиционных сапог, в обиход русских вошла обувь, сшитая из шкур оленя, под местными заимствованными названиями: *пяккой, каньги, кеньги, пимы* (от финноугорской основы). Зимние валяные сапоги имели русские названия *катанцы, катанки* и изготавливались по соответственной технологии.

В промысловой одежде также сочетались элементы традиционного костюма и заимствований. Состав одежды различался в зависимости от местности. На Онежском и Летнем берегах на зимний промысел ходили в полушубке, поверх которого надевали белый сукман как маскировочный покров. Также и меховую шапку закрывали полотняным чехлом (*куколем*), аналогичным куколю-башлыку карел. Наряд дополняли белые вязаные рукавицы. Промысловые сапоги-бахилы шили с верхом из коровьей кожи, а подошвы пришивали из тюленьей кожи, более влагостойкой.

На Зимнем берегу — северной оконечности русского расселения — вся промысловая одежда была заимствована у местного населения: малица с капюшоном или с пыжиковой (из молодого оленя) шапкой и совика поверх малицы. Бахилы шили целиком из шкур морского зверя (тюленя, нерпы). Промышленники Поморского и Терского берегов, выходившие на мурманский, западный участок, включали в промысловую одежду норвежские фуфайки и свитеры, а их кафтан из грубого сукна (рокан) был сходен с роуканом карельского населения[27].

Таким образом, в промысловой деятельности в суровых климатических условиях Севера русские поморы активно использовали элементы костюма местных жителей (саамов, ненцев, карел), а также и жителей соседнего государства (Норвегия). Повседневный костюм оставался в своей основе традиционным, но с включением новых элементов, из которых некоторые были заимствованы.

Необходимо подчеркнуть, что заимствованные элементы костюма лишь дополняли традиционный комплекс, но не изменяли его. Изменения в традиционном комплексе определялись иными процессами. Расселение русских в северном регионе проходило в течение длительного времени. В соответствии с историческими путями миграции костюм северян формировался на основе общерусского, первоначально в его новгородском (словен новгородских) варианте, затем с включением центрально- и западнорусских вариантов, что имело следствием появление локальных различий. В дальнейшем прослеживается два направления: а) следование общим тенденциям развития русской народной одежды, формировавшимся на центральной территории

расселения и передававшимся на периферию (сарафанный комплекс, парочка и т.д.) и б) появление местных вариантов отдельных элементов традиционного комплекса (разнообразие головных уборов, деталей покроя сарафанов, верхней одежды). При этом наблюдался переход терминов с древних элементов одежды на вновь возникавшие, а также творчество новых терминов по отношению к вариантам того или иного элемента традиционного костюма. Эти явления придавали некоторую специфичность одежде северян, оставляя ее в рамках традиционного севернорусского комплекса.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Александров В.А.* Введение // На путях из земли Пермской в Сибирь. Очерки этнографии северноуральского крестьянства XVII–XX вв. М., 1989. С. 3–7.

2 *Власова И.В.* Введение // Русский Север. Этническая история и народная культура XII–XX вв. М., 2001. С. 4.

3 *Иваницкий Н.А.* Сольвычегодский крестьянин, его обстановка, жизнь и деятельность // ЖС. 1898. № 1; *Савватеев П.Н.* Сговорная роспись приданого // Изв. АО. 1863. Т. 4. Вып. 3 и др.

4 Эти материалы частично опубликованы: *Зеленин Д.К.* Описание рукописей Ученого архива Русского Географического общества. Пг. Вып. 1–3. 1915–1916; Русские крестьяне. Жизнь, быт, нравы. Материалы «Этнографического Бюро кн. В.Н. Тенишева». Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 1–2. СПб., 2007–2008.

5 Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда (Середина XIX — начало XX в.). М., 1967.

6 *Быков А.В.* Народный костюм Вологодской области. Вологда, 1990; Народный костюм и современная молодежная культура. Архангельск, 1999; *Пашкова З.Г.* Пинежский народный костюм XVIII — начала XX в. Каргополь, 2008; Костюм и праздник. Карелия. Петрозаводск, 2008.

7 *Алексеева Т.И.* Региональные антропологические типы русских // Русские. Серия «Народы и культуры». М., 1997. С. 61–63; *Касаткин Л.Л.* Лингвистическая география // Там же. С. 90–96.

8 *Нидерле Л.* Славянские древности. М., 1956. С. 225–230; *Рабинович М.Г.* Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988. С. 139.

9 *Шмелева М.Н.* Русские // Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М., 1987. С. 56–57.

10 *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 245.

11 *Логинов К.К.* Материальная культура и производственно-бытовая магия русского населения Заонежья. СПб., 1993. С. 102; *Он же.* Традиционная одежда народов Карелии // Костюм и праздник. Петрозаводск, 2008.

12 *Зеленин Д.К.* Указ. соч. С. 244.

13 *Ефименко П.С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии // Изв. ОЛЕА. Т. 30. М., 1878. С. 53–54.

14 Там же. С. 53.

15 *Дашков В.* Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношении. СПб., 1842. С. 171.

16 *Зеленин Д.К.* Описание рукописей Ученого архива Русского географического общества. СПб., 1916. Т. 3. С. 901. Олонецкая губ., д. Остров.

17 *Ефименко П.С.* Указ. соч. С. 54–55.

18 Там же. С. 57.

19 *Логинов К.К.* Указ. соч. С. 103.

20 Там же.

21 *Кривощекова-Гантман. А.Г.* Коми-пермяцкие заимствования в русских говорах Верхнего Прикамья // Этимологические исследования. Свердловск, 1981. С. 46–55.

22 *Зеленин Д.К.* Указ. соч. С. 269.

23 *Лукьянченко Т.В.* Материальная культура Кольского полуострова. Конец XIX–XX в. М., 1971. С. 132–133.

24 Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961. С. 227.

25 *Бернштам Т.А.* Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX в. Л., 1985.

26 *Зеленин Д.К.* Указ. соч. С. 244.

27 Промысловая одежда описана на основании сведений, опубликованных Т.А. Бернштам. Указ. соч. С. 61–62.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ и ЮЖНАЯ ЧАСТИ*

Развитие северного комплекса народной одежды (XII–XVIII вв.). Многочисленными археологическими и этнографическими исследованиями доказано, что формирование основных элементов русского народного костюма, известного по материалам XIX — начала XX в., относится ко времени существования восточнославянского единства и Киевской Руси[1]. К XIV в., когда произошло разделение восточных славян на три ветви и сформировался сам русский народ, его одежда оставалась такой же, какой она сложилась в предыдущую эпоху[2]. Правда, судить о ней можно лишь ретроспективно при рассмотрении костюма более поздних времен, поскольку данные о нем скудны и фрагментарны.

О севернорусской одежде ранней поры известно очень мало. По-видимому, как и у всех славян-земледельцев, одежда северян, обувь, головные уборы

---

* Раздел опубликован под названием «Севернорусский костюм» в монографии «Русский север. Этническая история и народная культура. XII–XX века». М., 2001. С. 301–366.

изготовлялись из материалов, производимых в своем хозяйстве, — из растительных волокон, кожи, меха и шерсти домашних животных и в незначительной степени меха диких зверей (у охотников). По археологическим данным, на изготовление одежды шли ткани, особенно шерстяные, но очень рано в XI–XII вв. славянам были известны лен и конопля, и у них появились ткани из волокон этих растений (Новгородская земля)[3].

Самые ранние археологические известия о северном костюме (в частности в Белозерье) относятся к древнему периоду — 2-й половине I тыс. — началу II тыс. н.э. и содержат данные о женском и мужском уборе не славянского, а финноугорского населения — веси. Славяне еще только начали проникать на эту территорию и не оставили следа в находках той поры. Характер вещей племени весь свидетельствует о том, что оно было связующим звеном между прибалтийскими, поволжскими и камско-вычегодскими финнами. Именно на земле белозерской веси находился центр «финской непрерывности» цепи Прибалтика–Приладожье–Белозерье–Волго-Окское междуречье–Прикамье. Появление вещей другого происхождения стало заметным при последующей славянской колонизации Севера[4].

Более поздние находки X–XII вв. дают основание судить о славянском производстве тканей для одежды. Распространение найденных в раскопках шиферных пряслиц на всей территории Древней Руси (на Русском Севере — в XII–XIII вв.) говорит о существовании прядения и ткачества. И снова эти находки в вологодских землях найдены в основном в Белозерско-Шекснинском районе (еще начала X–XI в.). В большом числе они известны по Кеми, на Волоке Словенском, по Шексне, на р. Юг, а единичные — в Вологде, на селище Гостинском в верховьях Северной Двины и на Выми[5]. Нужно заметить, что находки вещей, в том числе относящихся к элементам костюма — тканям, украшениям и предметам для их производства — пряслицам, тяготеют к водно-волоковым магистралям — путям проникновения славян на Север (особенно по Шексне, Сухоне, Сев. Двине, Вычегде, Выми)[6]. Таким образом, археологический материал — древние вещевые находки, как и другие источники, подтверждают известный ход местной этнической истории.

Полные описания севернорусского костюма появляются в различных исторических документах XVI–XVII вв. Так, об одежде крестьян Великоустюжского края содержатся данные в материалах «Русской исторической библиотеки» (т. XII, XIV, XV), в документах по Устюжской епархии, подаваемых по случаю грабежей, — в «явках» с перечнем украденного имущества, в закладных, вкладных, в завещаниях и т.п. Встречаются данные о великоустюжском наряде и в расходных книгах монастырских вотчин (Акты Великоустюжского Михайло-Архангельского монастыря), в описаниях, помещенных в «Чтениях в Обществе истории и древнос-

Рис. 1. Праздничный костюм девушки, XIX в. Архангельская губ.
(Из коллекции С.А. Глебушкина, 2007.)

Рис. 2. Праздничная одежда девушки из Архангельской обл.
1) Летний берег; 2) Шенкурский р-н, костюм невесты.
(Из коллекции С.А. Глебушкина, 2007.)

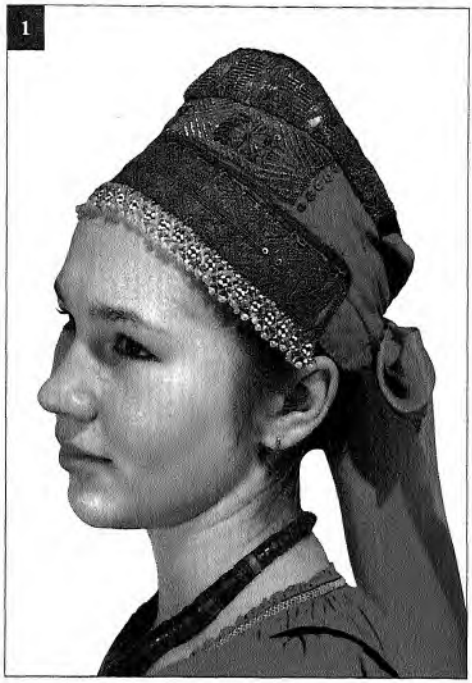
Рис. 3. Костюм с душегреей и душегрея.
(Из коллекции С.А. Глебушкина, 2007.)

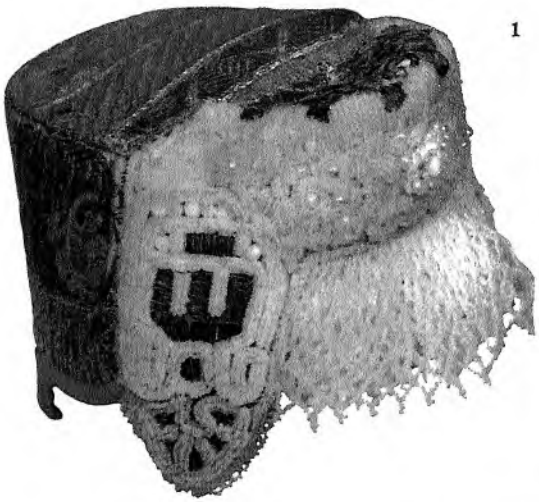
Рис. 4. Костюм молодой женщины (вид спереди и сзади). Новгородская обл. (Из коллекции С.А. Глебушкина, 2007.)

Рис. 5. Костюм молодой женщины из Архангельской обл. Пинежский р-н (вид спереди и сзади). (Из коллекции С.А. Глебушкина, 2007.)

Рис. 6. Девичьи головные уборы, XIX в.
1) Повязка с галуном, жемчужным узором «окошки» и жемчужной поднизью.
С. Осипово Новгородской обл. (Из коллекции С.А. Глебушкина, 2007.);
2) венец из Архангельской губ.
(буклет «Русский головной убор», худ. Н. Виноградова. М., 1978).

Рис. 7. Женские головные уборы XIX в. — кокошники.
1) из парчи с галуном и жемчужной поднизью, Новгородская губ., с. Осипово. (Из коллекции С.А. Глебушкина, 2007.);
2) с жемчужным украшением спереди и с золотным шитьем по ткани. Олонецкая губ., Каргопольский у.;
3) с жемчужными шишечками и с жемчужной поднизью. Псковская губ.
(2,3 – из буклета «Русский головной убор…»).





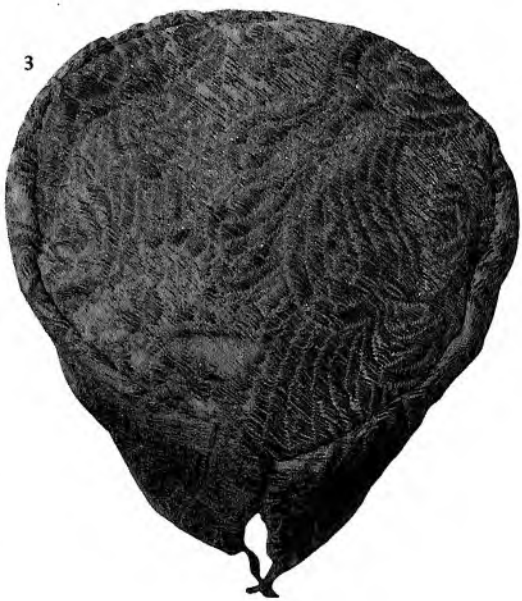
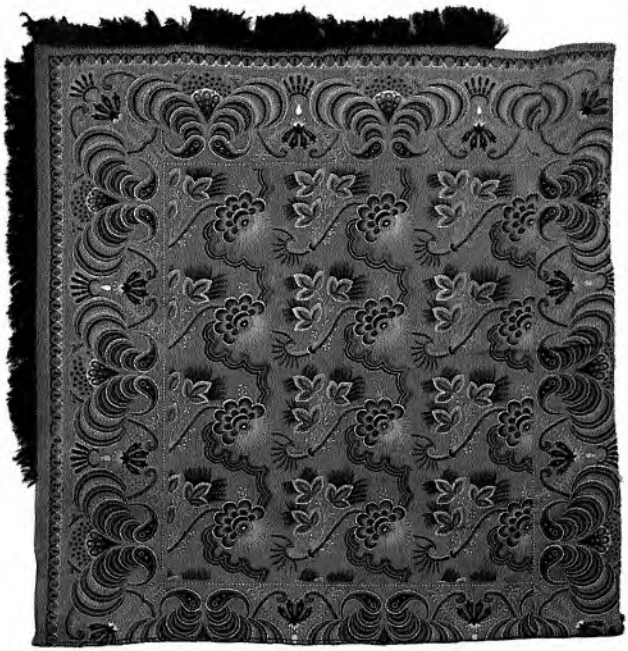


Рис. 8. Женские головные уборы, XIX в.
1) кокошник с жемчужным украшением спереди и отделкой из жемчуга, бисера, золотным шитьем по ткани, Архангельская обл., Каргопольский у.;
2) повойник мезенский с орнаментом на донце «медной»
(из кн. «Народный костюм и современная молодежная культура». Архангельск, 1999. С. 91);
3) повойник архангельский из парчи. (Из коллекции С.А. Глебушкина, 2007.)



1

3

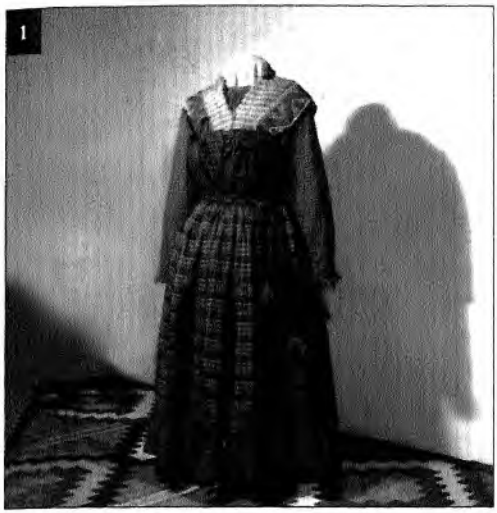
2

Рис. 9. Дополняющие элементы костюма.
1) шаль репсовая каргопольская;
2) платок хлопчатобумажный «барановский»;
3) носки праздничные.
(Из коллекции С.А. Глебушкина, 2007.)

Рис. 10. Верхняя одежда женщины
для холодного времени года, Архангельская обл.
(Из коллекции С.А. Глебушкина, 2007.)

Рис. 1. Женские костюмы:
1) повседневный костюм из д. Холка Кичменьско-Городецкого р-на:
рубаха и сарафан из набойки (ВГМЗ. 11418);
2) сарафан и жакетка из сукна из д. Горы Тотемского р-на (ВУМЗ. 17719/2);
3) праздничный костюм из Великоустюгского у.:
сарафан, пестрядинная рубаха, фартук, косынка, пояс (ВУМЗ. 8053);
4) праздничный костюм из Каргополья:
душегрея, сарафан, рубаха (ВГМЗ, 3421, 3420, 3743).

Рис. 2. Женские праздничные костюмы из Великоустюжского у. конца XIX – начала XX в.:
1) сарафан, рубаха, косынка, белый фартук — сенокосный
(ВУМЗ, 231 8948, 23327/17, 8074, 8053);
2) сарафан, рубаха (стан и вороток), пояс, фартук (ВУМЗ, 23161/33, 28);
3) сарафан, рубаха с *запясьями* (манжетами), фартук, косынка
(ВУМЗ, 8948, 23327/17, 8074, 8053).



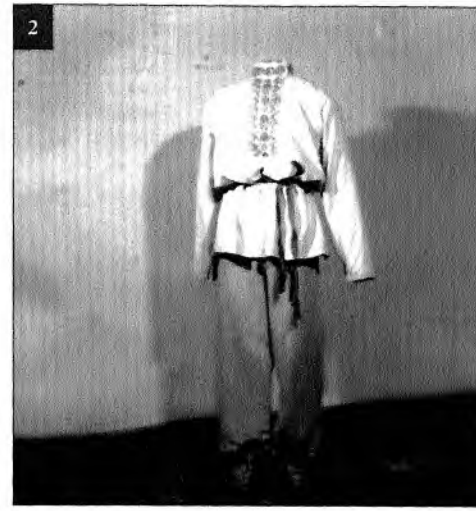


Рис. 3. Мужской и женский костюм и пояса Вологодской губ.:
1) повседневный женский костюм из Великоустюжского у.:
сарафан, рубаха, косынка, пояс (ВУМЗ, 23270);
2) мужской костюм для сенокоса: рубаха, штаны, пояс, ступни (ВУМЗ, б/н);
3) красноборские тканые пояса (ВУМЗ, 12974, 8250, 15805);
4) женские пояса-покромки: слева — из д. Полюдово Бабушкинского р-на,
в середине – из д. Анохино Грязовецкого р-на, справа — из Кичменьско-Городецкого р-на
(ВГМЗ, 30030/30, 18129, 25029).

Рис. 4. Мужские и женские рубахи Вологодской губ.:
1) мужская рубаха — *косоворотка* из д. Чернецово Никольского р-на (ВГМЗ, 13857);
2) мужская рубаха-*косоворотка* из г. Никольска (ВГМЗ, 24986);
3,4) женские рубахи из Сокольского р-на (ВГМЗ, 9402, 20ВР).

Рис. 1. Праздничный девичий головной убор – повязка. С. Нёнокса Архангельской губ. Конец XIX в. (ККМ).

Рис. 2. Праздничный женский головной убор — кокошник с золотным платком. Г. Каргополь Архангельской губ. Кон. XIX в. (ККМ).

Рис. 3. Праздничный девичий головной убор – повязка. Г. Пинега Архангельской губ. Кон. XIX в. (ККМ).

Рис. 4. Свадебный венец. Г. Пинега Архангельской губ. Кон. XIX в. (ККМ).

Рис. 5. Праздничный девичий головной убор Каргополья – перевязка. Г. Каргополь Архангельской губ. Кон. XIX в. (ККМ).

Рис. 6. Сарафаны: 1) Синяк с рубахой «мышницей»;
2) Синяк с пестрыми «рукавами»»; 3) Спинка синяка, вышитые бретели сарафана.
Пинежский у. Начало XX в. Фото А.В. Фроловой, 2004 г.

тей российских» (М., 1872. Кн. XII), есть указания, прежде всего, на ткани, из которых шили одежду. Это были домашнего производства сукна, холсты (льняные, пеньковые, бумажные), использовали и *крашенину*, а среди них и ту, что шла на изготовление холста-*пестряди* (в полоску, в клетку). Применяли и холст с набивным узором — *выбойку*, шерстяную некрашеную ткань — *сермягу*, шерстяную и полушерстяную с льняной или пеньковой основой *сукманину*. Известны были разновидности сукна — *летчина, настрафиль*. На рынках приобретали восточные ткани: *атлас* (с глянцем), *объярь* (с золотыми и серебряными узорами), *хамьян* (для подпушки, обшивки одежд), *дороги* (полосатая камчатая ткань), *тафта, зендень, китайка* (разновидности шелка), *бархат* (с ворсом), *трип* (шерстяная ворсистая ткань). Привозными были хлопчатобумажные *миткаль, киндяк* (желтый, кубовой), *кумач* (красный), *мухояръ* (бухарская бумажная с шелком или шерстью), *бумазея* (ворсистая). Цвета тканей были разные, но любили *черевчатые, лазоревые, зеленые*. Использовали в одежде мех и кожу[7].

Костюм устюжанок, описанный в этих материалах, состоял из нижней рубахи-*исподки*, туникообразной, с перегнутым на плечах полотнищем, длиной до ступней. По описанию путешественника-голландца Корнелия де Брюина, рукава этих рубах были «до того широки и собраны в складки», что на них уходило до 16–17 аршин полотна[8]. Кроме исподниц, носили верхние рубахи — *кошули, верхницы, навершники*. Поверх рубахи надевали сарафан, он был с рукавами и без них. Это была накладная (через голову) или распашная (с застежкой спереди) одежда. Разные по времени происхождения виды сарафана могли сосуществовать: более ранний *глухой* сарафан (*шушун, сушпан, сукман)* и появившийся позже него *косоклинный распашной (ферязь, саян, шубка)* — с разрезом спереди и на пуговицах, с клиньями, с широкими проймами, он мог быть на подкладке, а зимой на меху. Были и холодные сарафаны без меха — *шупка*. Поверх сорочки и сарафана могли надевать легкий с рукавами *летник*. Уличной и мужской, и женской одеждой была *однорядка*, шерстяная, распашная, без воротника, с длинными рукавами и прорехами для рук у пройм. У женщин были *опашни*, свободного покроя из шелка, на подкладке, с рукавами, носившиеся внакидку. Верхнее платье у крестьянок было одинаковое с мужским: накидки — *сукни* на подкладке, *япанчи* (безрукавые шубейки). Женские шубки шились из соболя, овчины, белки, покрывались тканью (*кошули*). На головах девушки-устюжанки носили *короны* или *перевязки*, украшенные жемчугом и бисером, а женщины — *волосники* (сетки с околышами), *подубрусники* (чепцы). Поверх этих уборов зимой надевали меховые шапки. Обувью женщинам служили башмаки и очень редко — сапоги из цветной кожи, вышитые жемчугом.

Мужчины-устюжане носили рубахи, которые и в XVII в. оставались еще туникообразными и без ворота, поверх нижней рубахи надевали *верхницу* с подшивкой-*подоплёкой,* которая спускалась спереди и сзади треугольным выступом, рубахи носились навыпуск, подпоясывались поясами[9]. Нательные мужские *порты* шились из холста-крашенины, подвязывались шнурком (*гашником*), поверх них зимой надевали *штаны* из сукманины. На рубаху надевали *зипун* (вид куртки), на него *кафтан*. Существовали местные их разновидности, шились из сукна, а полукафтанья — из тафты и бумазеи, зимой на меху. Из головных уборов той поры известны были меховые шапки, *треухи* (с тремя лопастями). Обувью крестьянам служили сапоги с короткими голенищами, башмаки — *моршни, коты, поршни,* доходившие до голени и повязывавшиеся оборами поверх онучей. Рабочей обувью были лапти и *уледи* (меховые сапоги).

Древние элементы местного костюма, и мужского, и женского, частично сохранились в крестьянской одежде конца XIX — начала XX в. в районах Устюга, Сольвычегодска и в верхнедвинских деревнях, но в основном уже в первой половине XIX в. не было полного комплекта одежды, известного в XVII в.[10].

Аналогичные данные по народному костюму находим в «Известиях Археологического общества», поместивших на своих страницах документы и материалы, собранные вологодским историком Н.И. Суворовым. В них имеются описания костюмов XVII в. богатого посадского человека из Вологды, крестьянина и вологодского архиепископа.

Костюм богатого горожанина Ивана Скрябина, судя по этим описаниям, отличался от простонародного лишь разнообразием и использованием дорогих материалов. У этого горожанина хранились «бумазея разных цветов, четыре кумача черчатые, сукна одинцововo зеленово половина целая... яренку мурам зеленово... девять лап волчьих на рукавишное дело...»[11]. Его костюм составляли «...полукафтанье... у него тринадцать пуговиц серебряных, решетчатое дело... кафтан кострожной темно-серой с нашивкой шелковой, кошуля заячинная под вишнёвым кумачем, полукафтанье суконное... кафтанишко суконное... две шапки... у обеих тульи собольи, у одной окол лисей, у другой с пухом... Шапка мужская вершок белой суконной испод и окол соболей... другая шапка вершок черчатой суконной испод овчинка ординская... штаны полотно астрадамское...»[12]. В этом описании указана в основном верхняя одежда — кафтан, кошуля, полукафтанье и некоторые головные уборы — разного вида шапки.

Богаче и разнообразнее был наряд богатой горожанки, описание которого приведено в этих же материалах. Судя по нему, верхнюю одежду жительницы города составляла «...однорятка женская сукно карамзин

малиновый цвет, у ней двенадцать пуговиц серебрянных большие сканное дело, плетень золотной, да однорятка женская ж вишнёвая, пуговицы оловянные... шубка дорогильная, желтая, нашивка шелковая с золотом, круживо мишурное с пухом у него ж четыре пуговицы серебрянные, шушун суконный черчатой, нашивка шелковая с золотом, круживо мишурное с пухом, у него ж десять пуговиц серебрянных... шубка киндяшная, черчатая, с пухом... юфть кож красных... Кошуля заячинная... другая овчинная... два кафтана шубные нагольные... шушун суконный... воротовой... сукно анбургское зипун сермяжный, япанча белая валеная — ожерелье жемчужное... перевязка жемчужная. Шапка женская пух бобровый вершек золотной на вершке круживо и опутины жемчужные...»[13]. В этом описании перечислена женская нагрудная и верхняя (мужская и женская) одежда, указаны разнообразные украшения костюма, а из головных уборов — перевязка и шапка.

Еще богаче была одежда архиепископа, на которую шли дорогие материалы — «тавта двоеличная», песцы на шубу; «сафьян лазоревый» на сапоги, а из более простых тканей шились «свиточки» (из «суконци черного»), подкладка под рясу (из холста-«крашенины») [14].

В описании и мужского, и женского наряда не говорится о том, как сшита та или иная вещь, ее покрой остается неизвестен, а между тем этот признак народного костюма оставался устойчивым на протяжении веков, играл знаковую роль, становился традиционным и воспроизводился всегда, когда шился тот или иной предмет одежды. Последнее относится и к крестьянскому костюму, наиболее и дольше всех сохранявшему традиционные черты. Этому находим подтверждение в описании «старинного крестьянского имения» XVII в. — *по́рты* (одежды) и украшений: «Над воротами в клети подголовок, а в нем оклады образов... женская цепочка ... с крестом... два портища пуговиц серебрянных мужских незолоченых... да портище женское серебряное ж... серьги да чюсы женские с жемчуги, чюсы золоченые... десять персней женских серебряных... кокошник женский жемчужный... В чюлане кафтан холодной кострешной пуговицы обшиты шелком; шуба овчинная крыта крашениной у нее двенадцать пуговиц медных... шубка женская под крашениной, испод заечинной воротовой у нее две пуговицы оловянные; шубка кумашная холодная, уложена холстом, пуговицы оловянные мелкие; треух — испод лапки куньи, покрыт китайкой красный, обложен пухом бобровым. Да лоскутье исподенка белья ... пряжи льняной... чюлки вязаные из шерсти овечьей... четыре овчины деланые перенишко да две подушки...Кафтан сукна одинцововo васильковый... подложен холстом, полы и кругом подложен кумачем, пуговицы шелковые... два очелья новые кокошников... местами шито золотом, кокошник дирчатой, восемьнадцать очелий убрусных... скуфья суконная...

шапка вершок суконный испод и околыш куней... портки ребячьи пестрядиновые»[15]. Как видно, элементы одежды те же, что и у городского костюма: из верхней одежды — *кафтаны* (мужской и женский), *шубки, скуфья*; из нижнего белья — *исподенки* льняные (рубахи), из головных уборов — мужские *треух* и шапка-*вершок*, женские *очелья, кокошник*; шерстяные чулки, детские *портки* (штаны). Сведения о покрое отдельных вещей и в этом описании отсутствуют.

Такой примерно была одежда на всём Севере, лишь в некоторых местах на её изготовление шло много меха (в северных таёжных районах у промыслового охотничьего населения). Меховая одежда изготовлялась и продавалась в центральных и северо-восточных вологодских районах (Устюг, Сольвычегодск). В XVII в. на рынках этих городов можно было увидеть «собольи околы, исподы, подскоры, собольи шубы и кафтаны, шапки-треухи, рукавицы»[16].

По документам XVI–XVII вв. известна и рабочая одежда крестьян, состоявшая в основном из тех же предметов, что и обыденная, но имевшая различные локальные особенности в зависимости от того, на каких работах в той или другой местности она применялась. Ее разнообразие отражалось в многочисленных названиях, бытовавших у крестьян и ставших этнотерминами. Так, например, рабочие рукавицы у севернорусских крестьян — «вологоцкие рукавицы дубленые на страду» (овчинные), «ловецкие рукавицы» (на охоте) имели 37 вариантов названий: среди них — *рукавицы, вязанцы, голицы (общерусск.); варенги* (Устюг, Тотьма, Сольвычегодск, Вага); суконные *вачеги* (севернорусск.); нижние рукавицы-*исподки (*названы, как и нательные рубахи — олонецк., устюг., сольвычегодск, важск. и до Зауралья) и т.д.[17].

Из приведенных кратких описаний видно, что уже в этот ранний период существовало большое разнообразие народного костюма, а следовательно, были известны и многочисленные наименования отдельных его элементов, что удается проследить по более поздним свидетельствам. Только по одним выше приведенным наименованиям рукавиц, если их «положить» на картографическую основу, можно уловить существование ареалов на территории Севера, точно так же, как и по распространённому там всему комплексу одежды.

В целом, одежда в XVI–XVII вв., сохраняя общерусские черты, шла в своём развитии по пути дифференциации. Это относится и к севернорусскому костюму. Существовали его локальные варианты, в них прослеживались социальные различия, выражавшиеся не только в применении определенных материалов для изготовления, но и отличавшиеся характером — убранством, иногда покроем, составом отдельных частей. Крестьянская одежда сохраняла традиционность, обладая устойчивостью форм, ярко выраженным своеобразием, так называемой

этнической спецификой. Иногда в костюмном комплексе наличествовали некоторые архаические виды крестьянской одежды, он был недорогой, нарядность была присуща праздничному костюму. Но со временем одежда сельских жителей стала испытывать влияние городской культуры[18]. В XVIII–XIX вв. шел далее процесс социальной дифференциации костюма. Городская одежда всё более уходила от традиционных норм, крестьянская же — еще долго сохраняла свою устойчивость, хотя и в ней появлялись различные новшества.

Севернорусский костюм XIX — начала XX в. О севернорусском костюме этого периода есть многочисленные свидетельства в материалах, описаниях и этнографических обследованиях народной культуры северян. Как и в предшествующее время, в домашнем хозяйстве производились ткани и другие материалы, которые шли на изготовление одежды. Основными из них были холст, сукно, полусукно. Холст получали из волокон льна и конопли: *хрящем* называли грубый холст, *портном* — холст средних и лучших сортов. Сукно изготавливали из шерстяных овечьих ниток, а полусукно — на основе льняной или конопляной пряжи с шерстью. Сукно было *сермяжным* (грубое) и *пониточным* (средних сортов). Обработка растительных волокон и шерсти, прядение и ткачество, были однотипными на всем Севере: сходны орудия труда и их терминология. Холсты были однотонными и узорными-*пестрядинными* в полоску и клетку. Пестрядь отличалась сочетанием красного, зеленого, жёлтого и синего цветов. Крестьяне использовали природные красители — от настоя коры ольхи, ивы, берёзы, травы зеленицы и даже настоя железных предметов. Процесс крашения природными красителями был длительный, требовал паренья пряжи в русской печи. С конца XIX в. этот процесс ускорился с применением анилиновых красок. Сотканные шерстяные ткани обрабатывали еще дополнительно: их замачивали в кипятке и мяли, пока они не становились мягкими, и шерстяная пряжа равномерно затягивала холщовую основу. Обработка кожи, меха и производство тканей существовали повсеместно в вологодских и олонецких деревнях. Производство *сукманины* и её реализация были статьями дохода крестьян, особенно в Устюгском, Сольвычегодском, Яренском у.[19]

Еще с XVII в. крестьяне производили набивные ткани. Способ *набивки* рано вышел из домашнего производства, в отличие от ткачества, и сосредоточился в ремесленных мастерских-*красильнях (синильнях).* Последние были нередки в волостных центрах и в начале XX в. Ткани-*набойки* шли на праздничную одежду. Их рисунки и расцветка были одинаковыми на всем Русском Севере[20]. В различных исследованиях высказывалось мнение, что Русскому Северу не присуще многоцветье

и яркость красок тканей (южнорусская черта), что основными цветами там были красный и белый. Если же встречалось многоцветье, то его относили к «нерусским истокам» на Севере. Но, как было выяснено, существовали «гнёзда» северного многоцветья, и именно в пределах вологодских земель, особенно в Великом Устюге и прилегающих к нему районах. Из других земель к этому ареалу можно отнести архангельский Приозерный (сельсоветы Архангельский и Чурьега) и Каргопольский (Ошевенский сельсовет) районы. Происхождение многоцветья в северном ткачестве Г.С. Маслова отнесла к позднему времени, когда русское население здесь сформировалось окончательно и стало превалирующим во всех районах, то есть эта черта не могла быть древним «нерусским истоком»[21].

Кроме тканей своего производства, на Русском Севере издавна распространялись привозные ткани, даже заграничные. С XVI–XVII вв. иностранные купцы имели свои «резиденции» в Архангельске, Вологде, Великом Устюге и через рынки этих городов шли их товары, в том числе и ткани. Для шитья одежды здесь рано начали применять шелковые атлас, тафту, камку, хлопчатобумажные киндяк, зеньдень, кумач, шерстяные — амбургское (гамбургское) сукно, мухояр, летчины и др. Эти ткани шли как на одежду горожан, так и на костюм зажиточных крестьян близгородских селений. Крестьяне широко использовали, особенно со второй половины XIX в. фабричные ситец, сатин, сукно, батист, миткаль, китайку, кисею, грезет. Они покупали не только ткани, но и фабричную пряжу и применяли ее в домашнем производстве праздничной одежды и нарядных поясов.

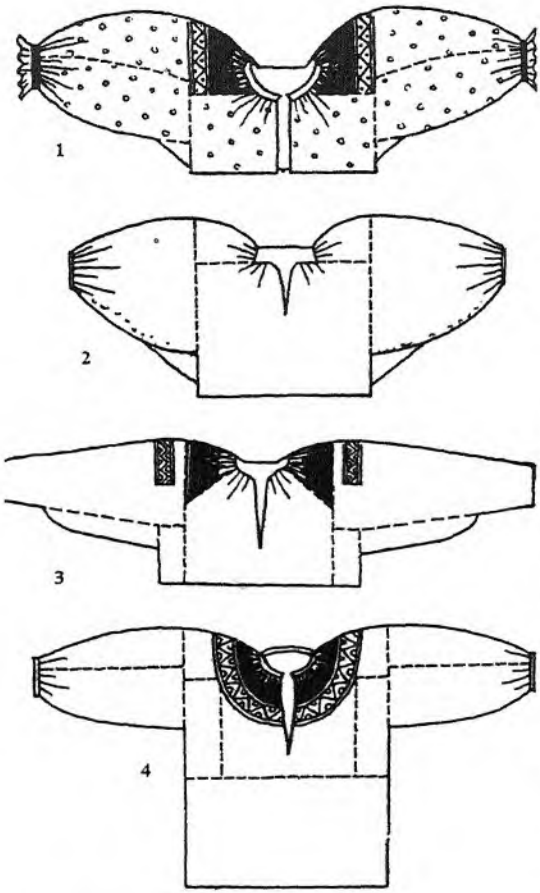
Помимо производства тканей, на Севере существовали различные ремёсла по изготовлению украшений для костюма. Само узорное ткачество можно отнести к таким ремеслам, а также широко распространённый в северных деревнях *кушачий* промысел (из вологодских районов — особенно в Красноборске Сольвычегодского у.). Наряду с ними, широко бытовала вышивка на различных изделиях. Ткачество и вышивание было постоянным занятием женщин и девушек в зимний период. Для некоторых вологодских районов было характерно вышивание золотыми нитками — *золотое шитье*. «Мастерские» золотого шитья издавна существовали в Сольвычегодске в имении Строгановых, в деревнях по Сухоне (Тотемский, Устюгский уу.), где в крестьянских избах и монастырских кельях шили золотом пелены, покровы, плащаницы, украшения для крестьянской и городской одежды и головных уборов[22].

Костюм северян в XIX в. сохранял свои единые для всех мест традиционные формы, многие из которых вели свое начало с глубокой древ-

Одежда сельских жителей начала XX в.:
дети и подростки в будничной одежде в д. Княжиха Тотемского у. 1924 г.
(ВОКМ. 1001/18. Ф. 927.)

ности. В то же время северная одежда отличалась местным разнообразием видов, сложившихся в процессе исторического развития населения отдельных регионов. В ней подчас были уловимы сочетания различных элементов, которые были свойственны костюму разных местностей или групп народа. «Не обошли стороной» народную одежду и новые веяния в социально-экономическом развитии русской деревни, особенно второй половины XIX — начала XX в. Это привело не только к использованию фабричных материалов, но и к сочетаниям нового и старого как во всем крестьянском быту, так и в отдельных формах народной культуры, в одежде в том числе.

Севернорусский комплекс женской одежды, каким он стал известен по материалам XIX в., составляли рубахи, сарафаны, передники, высокие головные уборы, нагрудная одежда (душегреи и др.)[23]. Нательная рубаха из белого холста-*исподка* состояла из двух частей: верхней — *рукавов* и нижней — *становины* (или: верхней — *воротушки* и нижней — *подставы, станушки* — Белозерский, Грязовецкий уу.). Если ранние формы рубахи, известные с XVI–XVII вв., имели туникообразный покрой, прямые рукава со скошенными клиньями и



Покрой женских рубах:
1) *вороток* с узорным тканьем.
С. Кокшеньга Никольского у.;
2) *вороток* из белого миткаля.
г. Сольвычегодск;
3) *станушка*. Г. Каргополь;
4) девичья рубаха — *круглолица*,
украшенная кумачом и узорным тканьем.
Д. Степашинская Вельского у.
(Из кн.: Крестьянская одежда населения Европейской России (XIX — начало XX в.) М., 1971. С. 115, 117, 119, 123.)

прямоугольными вставками-*ластовицами*, то в XIX в. стан рубахи сшивали из нескольких продольных полотнищ, она имела наплечные прямые вставки-*полики* (*наплечники* — Великокоустюжский у.), пришитые по утку, или цельный безполиковый рукав, а также сборки у ворота. Еще более поздний вариант северной рубахи имел так называемые *слитные полики*, выкраиваемые вместе с рукавами. Но это уже достигалось путем кроя из широкой покупной ткани, а не из домашнего холста. Девичьи рубахи конца XIX — начала XX в. могли иметь кокетку без прорези спереди. Этот вариант рубахи «пришел» в деревню из города (северо-запад и северо-восток Вологодчины). Обычно рубахи богато украшались. Вышивку, а иногда и тканый узор наносили на плечевые полики (*наплечники*), подолы, кокетки (Сольвычегодский, Белозерский, Вытегорский, Тотемский, Устюгский, Череповецкий уу.). Рукава у запястья собирали в сборку, а иногда пришивали к ним оборку (Устьсысольский, Кадниковский уу.), рукава с *обшлагами* оставались у рубах пожилых женщин. В начале XX в. рукава нередко шились из ситца, а станина — из домотканины (Сольвычегодский, Белозерский, Вытегорский, Череповецкий, Устьсысольский уу.). Известен еще вариант рабочей женской рубахи у населения Устьсысольского у. — *дудник*, который шился как длинная мужская рубаха из грубого жёлтого сукна.

В Вологодском крае можно выделить разные типы рубах, существовавшие во второй половине XIX — начала XX в.[24]: 1) с прямыми

поликами (северо-запад — Вытегра и Вельск), 2) с цельным рукавом (запад — Череповец, Кириллов; центр — Вологда, Кадников, Вельск, Тотьма; юго-восток — Никольск), 3) с кокеткой (северо-запад — Кириллов-Белозерье); юго-запад — Устюжна, Череповец; центр — Кадников; северо-восток — Великий Устюг), 4) с круглой вставкой у ворота (северо-запад — Кириллов, Белозерск).

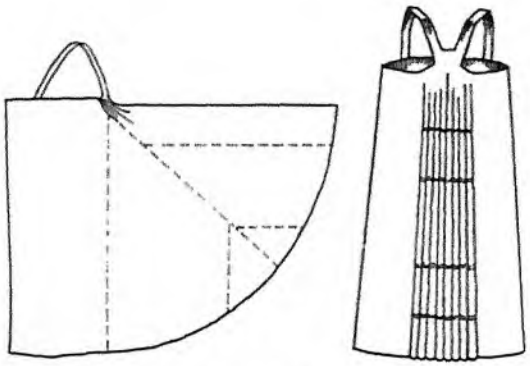
Рубаху с прямыми поликами, пришитыми по утку, на Севере носили с *сарафаном*. Этот комплекс одежды стал общерусским. Сарафан, появившийся еще в древнерусское время как одежда феодальной знати, постепенно распространился у всех слоёв населения. В петровское время с переходом знати к западноевропейским формам одежды сарафан продолжал быть принадлежностью убора крестьян и части горожан. Его носили и на Севере, и в средней полосе России, и на юге. В течение XVII–XIX вв. повлялись различные его модификации, иногда существовавшие одновременно, а в XIX — начале XX в. отдельные его виды различались по покрою, ткани, расцветке, названиям[25]. На Севере в XIX в. еще встречался архаический вид сарафана — *глухой*, сшитый из шерстяной домотканины белого или темного цвета, с цельным центральным полотнищем, перегнутым на плечах. Он назывался *шушуном* (Череповецкий, Каргопольский,

Женские рубахи — *исподки*:
1) со сборкой у ворота и тканым украшением подола.
Фото Т.А. Ворониной, 1986 г.;
2) на кокетке и с браным украшением стана.
Д. Семеновская. Вожегодского р-на.
Фото С.Н. Иванова, 1986 г.

Устьсысольский уу.), *сушуном* (Белозерский у.), *шушпаном* (Кадниковский, Вельский уу.) и был частью костюма старых женщин, иногда девиц. Древний *шушун* существовал еще в новгородское время и распространился во многих землях новгородского влияния. Сохранялись в XIX в. свадебные и праздничные шушуны-*атласники* у крестьянок Кадниковского и Устюженского уу.: «...на ее могучих плечах дорогой-от атласничек»[26].

Глухой сарафан уступил место *косоклинному*, широкому, распашному, просуществовавшему до середины XIX в., когда он почти повсеместно стал вытесняться *круглым* или *московским* сарафаном, прямого покроя из нескольких полотнищ (до 5–6 — у сарафанов из вельских, устюгских, устьсысольских деревень), на лямках или с *лифом* (*намыш-*

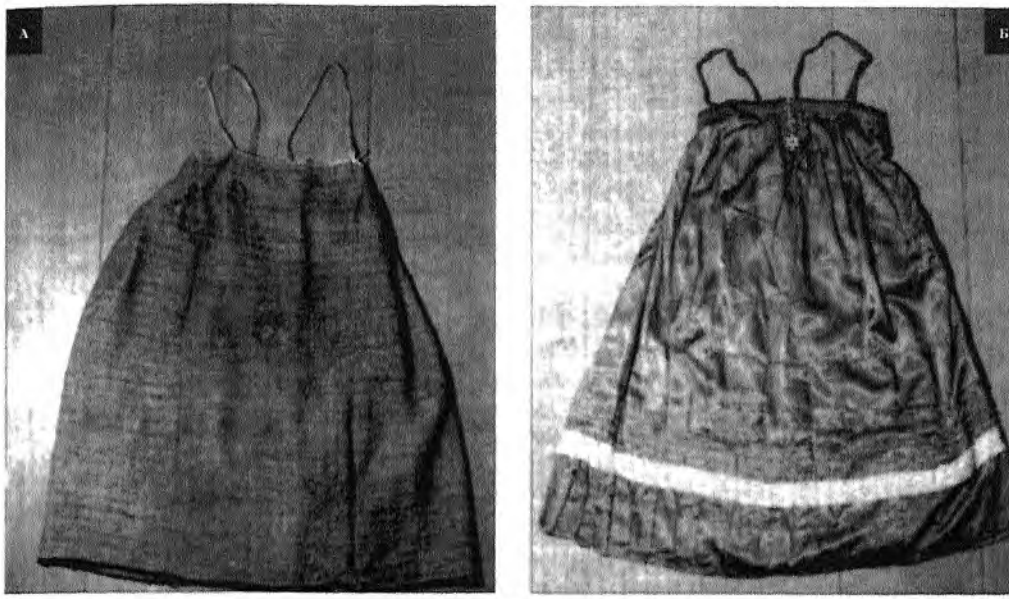
Сарафан-*пестряк*. д. Мигуевская Вожегодского р-на. 1926 г. (НАИЭА).



Покрой и вид сарафанов с клиньями и подклинками из д. Б. Двор и Крылоско Великоустюжского у. (Из кн.: Крестьянская одежда... Рис. 129, 130.)

ники, нарушники — в Вельском и Кадниковском уу., *накапники* — в Кадниковском, *нарукавники, сажёнки* — в Белозерском)[27]. Северные сарафаны имели разные названия в зависимости от материала, расцветок, покроя: *пестрядинники* (Вытегорский, Каргопольский уу.), *крашенинники* (Тотемский), *с намышниками* (Вельский, Кадниковский), *ситцевик* (Каргопольский), *набивник* (Каргопольский).

Если повседневные сарафаны были шерстяными или холщёвыми, то праздничные — шились из дорогих шелковых или ситцевых тканей и богато украшались парчовыми лентами, позументами, иногда пуговицами (олонецкие, череповецкие, белозерские, кирилловские, вельские, кадниковские). О праздничных нарядах вспоминали деревенские жители-герои повести Ф. Абрамова «Мамониха»:



Сарафаны, называвшиеся по материалу: а) *шерстянник*; б) *атласник*.
Д. Черняково Тарногского р-на; 1-я пол. XX в. (НАИЭА).

«...в старом-престаром сарафанишке аглицкого ситца, какой, бывало, надевала ко великим праздникам»[28]. О нарядных сарафанах есть упоминания и в местном фольклоре. В игровой песне крестьян Кадниковского у. говорилось:

Сошьем Дуне сарафан...
Сарафанцик со пером,
Со широким кружевом,
Коробейкю запирай,
По праздницькям надевай[29].

В конце XIX — начале XX в. на Вологодчине встречались сарафаны разных типов[30]: 1) прямой на лямках (повсеместно, кроме Грязовецкого у.), 2) распашной косоклинный (северо-запад, кроме Кириллова и Белозерска; северо-восток — Великий Устюг), 3) прямой с лифом (центр, юго-запад, север и северо-восток), 4) глухой косоклинный, архаичный (Устюжна Железнопольская).

Поверх сарафана надевался передник. Ранний его вид — на завязках, крепился выше груди, иногда к нему пришивалась *грудка* с тесемками, завязывавшимися на шее. С конца XIX — начала XX в. существовали *фартуки* новых покроев, закрывавшие перед сарафана от талии вниз. Само название *фартук* прижилось в Никольском и Устюженском уу. («...кажнёй праздник фартук разной...»), в остальных уездах его называли по-старому — передник. Праздничные фартуки украшались

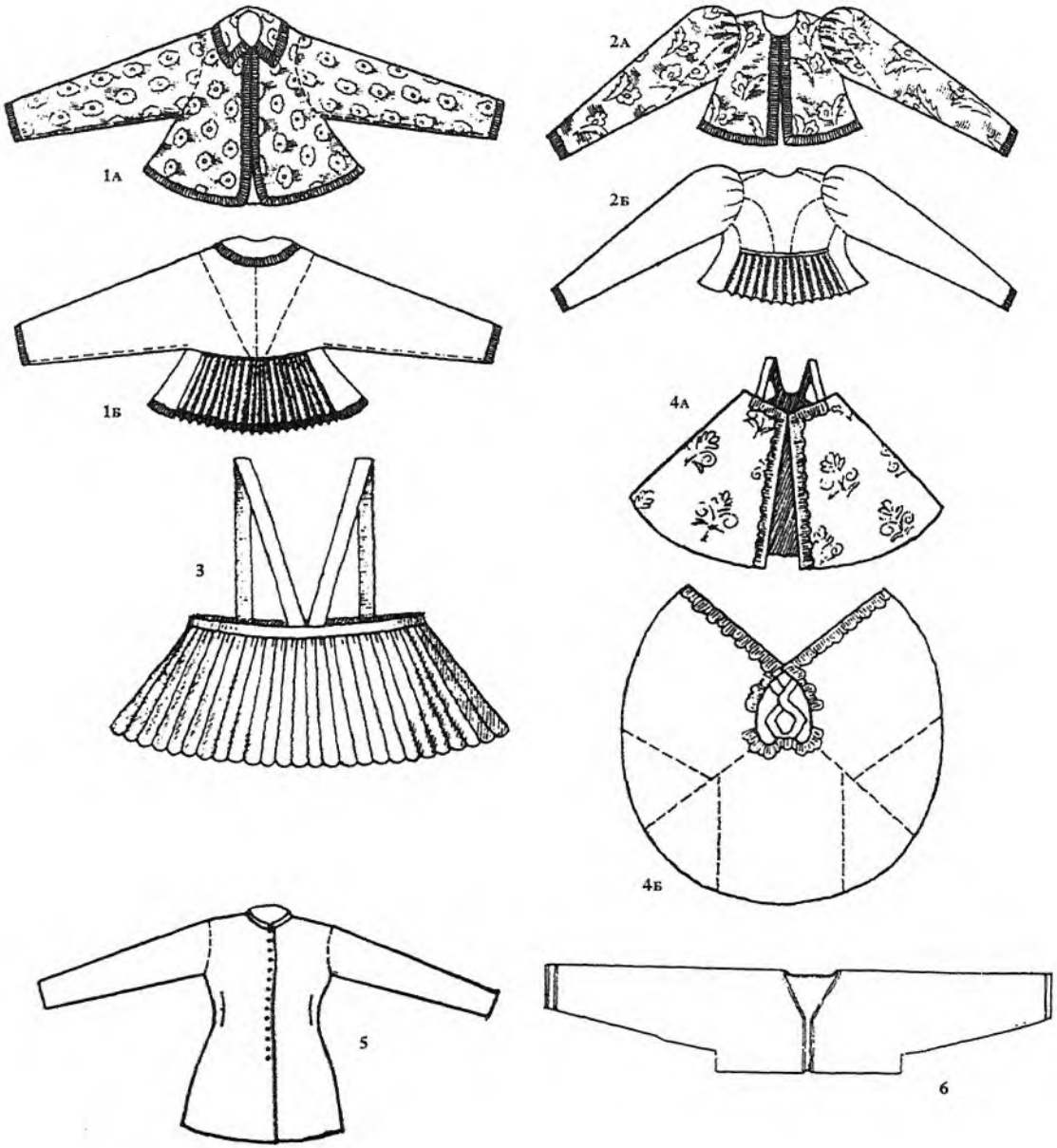


Рис. 7. Вид и покрой женской нагрудной одежды:
1, 2) *щугаи* из северных губерний — на подкладке из кудели и без подкладки;
а, б — вид спереди и сзади; 3) *душегрея-перо* на подкладке с раструбами на спине.
Г. Великий Устюг; 4) *душегрея-коротенькое* без прокладки: а — вид спереди, б — раскрой.
С. Кобылье Никольского у.; 5) *казачок* из штофа. Каргополье;
6) *нарукавники* — кофточка из набойки. Сольвычегодский у.
(1–6 — из кн.: Крестьянская одежда... Рис. 134, 135, 136, 137, 138, 140.)

кружевами, прошвами, лентами. Различные типы передников были выявлены во второй половине XIX-начале XX в. в Вологодском крае: 1) туникообразный (запад — Устюжна, Кириллов), 2) длиный, укреплённый выше груди (центр — Вологда, Кадников, Тотьма; север — Вельск; северо-восток — Устюг), короткий по талии (повсеместно, кроме Грязовца)[31].

На сарафаны надевали нагрудную одежду. Из таких предметов в вологодских уездах в конце XIX в. встречались: *душегреи и свитки (*Белозерский, Череповецкий, Кирилловский, Великоустюжский уу.), *шугаи* (Вытегорский, Вельский уу.). По покрою душегреи напоминали куртку, шились из дорогих тканей, расшивались золотом, выстёгивались на вате или кудели. Носили их в основном горожане или зажиточные крестьяне. Шугаи кроились, как кофты, но на лямках, носились еще с косоклинным сарафаном в XVIII в. Плисовые шугаи встречались в Вельском у. и в конце XIX в. К нагрудной одежде относились и *нарукавники* в виде прямой куртки с рукавами и являлись принадлежностью северного *сарафанного комплекса.* До конца XIX в. бытовали нарукавники из сукманины со сборками ниже талии у крестьянок Вельского у. По нагрудной одежде в вологодских районах выделяются некоторые ареалы: 1) нарукавники (центр — Вологда, Кадников, Тотьма; север — Вельск; северо-запад — Кириллов, Белозерск, Вытегра; юго-восток — Никольск), 2) душегрейки на лямках (центр — Вологда, Кадников, Тотьма; север — Вельск; северо-восток — В. Устюг; северо-запад — Белозерск; юго-восток — Никольск)[32].

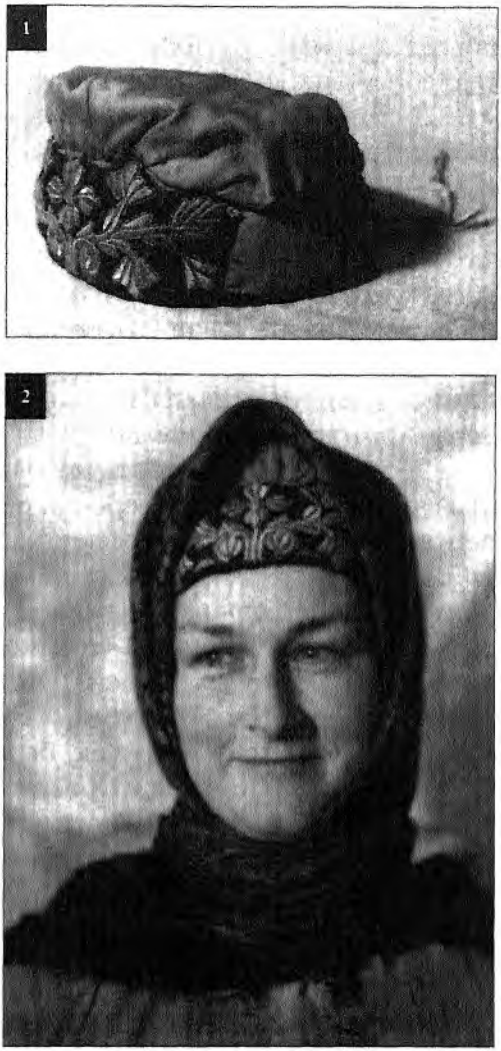


Рис. 8. Головной убор *борушка*;
1) — внешний вид; 2) — способ ношения.
Д. Черепаниха Тарногского р-на.
Фото С.Н. Иванова, 1981 г.

В гардеробе женщин, особенно девушек, были три вида одежды: повседневная («платьицё ежедённоё»), праздничная («воскресённоё»), свадебное («подвиняшноё»).

Принадлежностью сарафанного комплекса являлись северные головные уборы — *кокошники*. Первые упоминания о них относятся к XVII в. Они делались из твёрдой основы, украшались вышивками, парчой и особенно жемчугом, которым изобиловали северные реки. Формы кокошников были многообразны. Они происходили от более ранних уборов *кичкообразного вида* (*кика* — в Грязовецком, Тотемском, Яренском уу.), бытовавших почти везде. Свадебные кокошники иногда имели особые формы. Так, у вытегорских крестьянок они были в виде клинообразных шапочек из позумента с приподнятыми передами, к которым пришивали *поднизи*.

Выделяются ареалы отдельных видов кокошников. Для Севера — это *новгородская кика* (на северо-западе), известная ещё в древнем Новгороде и землях, ему принадлежащих. Северо-восточные районы были зоной других форм головных уборов — своеобразных шапочек — *шамшур, повойников (наборников* — вельск., *дерушек* — устьсысольск., *самшур* — сольвычегодск., *борушек* — тотемск., устюгск.). Повойники и шамшуры шились из шёлковых тканей, у шамшур был стеганый верх, праздничные — украшались золотыми и серебряными узорами. Эти уборы шились в виде круглых шапочек, были и повойники-*колпаки* (Кокшеньга, Сольвычегодск). В конце XIX в. они заменились *сборниками-волосниками (Белозерье, Кадников)* и носились уже с другим комплексом одежды — с юбкой и кофтой. Сборники шили из ситца (редко из шелка), на вздержке со шнурком, спереди собирали сборки. Этот убор носился в основном на работу. Встречались и *зборники*, шитые золотом, спереди к ним пришивалась бисерная поднизка, а сзади — ленты до колен.

Из ранних форм северных головных уборов известны еще женские шапки — *кораблики, чебаки, треухи,* носимые в сельской местности. Девичьими уборами были *коруны* или *венцы,* богато украшенные и входившие в свадебный убор (женская *корона* с оборкой и поднизью у олонецких и белозерских крестьянок). Девушки повсеместно носили *повязки* из парчовой ленты или сложенного платка (*чельники* — олонецк., *почелок*.- вельск.), заменившие древние полотенчатые уборы. У зажиточных олонецких крестьянок имелись такие жемчужные повязки-*чельники*. Существовала и *перевязочка*-обруч на твёрдой основе, обшитый пестрядью или парчой. Спереди у него была *поднизь* из бус (олонецк.). В косы девушки вплетали ленты.

Девичьими и женскими уборами были и *фаты* (платки). Фаты были известны и как предмет свадебного костюма и ритуала. Особенным изяществом они отличались у устюжанок. В Белозерье фату носи-

Рис. 10. Виды женских головных уборов:
1,2) уборы невест из Каргопольского и Сольвычегодского уу.; 3) девичья *коруна* (*конура*) из г. Сольвычегодска; 4) *повойник* из Великоустюжского у.; 5) *сборник* из Алексеевской вол. Сольвычегодского у.; 6) *сорока со сдерихой* из Каргопольского у. (1–6 — из кн.: Крестьянская одежда... Рис. 142, 143, 149, 150, 153, 154.)

ли с другими уборами. Зимнюю шапку-*чебак* с ушками, шитую золотом и серебром по шёлку или бархату, опушенную мехом, с пришитыми сзади лентами, надевали поверх фаты. Летний сборник (повойник) покрывали фатой. Так обычно ходили в церковь: «... без сборничка — нехорошо под образа вставать».

Все эти уборы со второй половины XIX в. стали заменяться платками, шалями, косынками, а в середине XIX в. в вологодских районах выделялись следующие их типы. Повсеместно носили кокошники, более древние кички сохранялись на севере (Вельск), в центре (Кадников, Тотьма), на северо-западе (Кириллов, Белозерск, Вытегра). Колпаки ещё бытовали в Вельском у., а самшуры с твердым дном — на юго-востоке

(Никольск). Разнообразны были типы самих кокошников: 1) *моршень* (тип сборника) на юго-западе (Череповец), в центре (Вологда, Кадников, Тотьма), на севере (Вельск), юго-востоке (В.Устюг, Никольск), 2) *шапочка белозерская*, 3) *кокошник однорогий* с кичкой (Устюжна), 4) твердый повойник (северо-запад — Кириллов, Белозерск), 5) владимирско-ярославский с круглым верхом (Кириллов), 6) каргопольский (Кириллов), 7) сольвычегодский (В. Устюг). Типы девичьх уборов были также разнообразны. Венец или коруна были известны в северо-западных, центральных, северных, юго-западных и юго-восточных районах, образуя небольшие очаги в них. Точно так же перевязки и ленты бытовали на юго-западе, северо-западе, севере, в центре, на северо-востоке Вологодчины. Обруч носили в северо-западных Вытегорском и Кирилловском уу., вязаный колпак — в юго-восточном Никольском у., платок — на юге и в центре — в Вологодском и Грязовецком уу.[33].

Во второй половине XIX в. одежда с сарафаном стала вытесняться новым видом — юбкой с кофтой [34], появившимся в деревне под влиянием городского костюма. Юбки и кофты стали носить, наряду с сарафаном. В пределах Вологодчины при повсеместном распространении сарафанного комплекса в середине XIX в. появились очаги комплекса с юбкой: в центральных районах края — Кадников, Тотьма (особенно Кокшеньга), Вельск. При сопоставлении различных ареалов в вологодских землях можно заметить совпадение одного из очагов комплекса — юбка и кофта — с ареалом, выявляемым по данными антропологии о распространении верхневолжского антропологического типа у населения Кокшеньги.

Ранее всего юбки и кофты появились в местах, близких к городам, и постепенно стали бытовать во всех северных уездах Сначала это была принадлежность девичьего костюма: лёгкие кофты-*оттянушки* надевали с юбками девушки-сольвычегодки. Эта одежда стала и будничной, и праздничной. Последняя была более нарядной. Юбки шили из однотонной или пестрой домотканины, но чаще из клетчатой. Первые юбки (*подол* — Череповецкий, Кирилловский, Белозерский, Тотемский уу.) по покрою были прямыми, позднее их стали шить с косыми клиньями, нашитыми по подолу под углом. Подолы юбок могли украшать лентами. С конца XIX в. юбки шились из фабричных тканей, их покрой был аналогичен покрою прямых холщовых юбок. Существовали и шерстяные полосатые юбки-*сукманки*, происхождение которых на Севере до сих пор окончательно не выяснено, но преобладает мнение о их западном происхождении из Белоруссии, Смоленщины[35]. (О их появлении на Севере см. раздел в настоящей главе). Их ареал в пределах Вологодской земли находится в Верхнедвинском бассейне. Именно сюда в сплошную зону сарафанного комплекса одежды проник комплекс с юбкой (Вологодский, Кадниковский, Тотемский, Вельский уу.).

Рис. 11. Женские косюмы:
1) девичий и женский праздничные костюмы из д. Кононово Каргопольского у. 1925 г. (ВОКМ. 1001/53. Ф-961); 2) девичий и женский праздничные костюмы из д. Княжево Тотемского у. 1924 г. (ВОКМ. 1001/40. Ф-49); 3) женский и девичий зимние наряды из д. Кононово Каргопольского у. 1924 г. (ВОКМ. 1001/53. Ф-961); 4) женщины в костюмах-*парочках* из Хотеновской вол. Каргопольского у. 1920-е гг. (ВОКМ. 1001/85. Ф-993).

Наряду с юбкой и кофтой, появились в деревне и платья городского вида. Их носили девушки и молодые женщины. Сначала эту одежду «занесли» в крупные села и в близлежащие к городам деревни. В бывших помещичьих имениях они были известны и ранее, т.к. дворовые женщины и горничные их носили давно, а деревенская молодежь стала перенимать эту «моду». В таких селениях на посиделки девицы из помещичьих имений приходили в кисейных и ситцевых платьях с фартучками, в коленкоровых юбках, шелковых мантильях, а крестьянки «брали с них пример», так что иногда их трудно было отличить по одежде от дворовых девиц. В кадниковских деревнях «форсистые девицы» (*славнухи*-модницы — Вологодский и западные уу.) стали носить «платьица цветные» в «тороцьки» (в строчку) да «на завязоцьки» (со шнурками)[36]. Появление платья сразу нашло отражение в фольклоре[37]:

...во всю скруту (одежду. — *И.В.*) добрую,
Добрую, самолутшую...
...мое платьё цветное...
(Кадниковский у.)

Я гуляла в Раменье
В сарафане малине...
Бело платьице одену,
Опояшу ремешок...
(Устюжна)

Юбки, кофты и платья не вытеснили старый костюм с сарафаном. Его продолжали носить на Севере до 1930-х гг.

Северный мужской костюм был менее разнообразным, чем женский. Он отличался сравнительным единством везде у русских. Нивелировка и выработка общих форм мужской одежды протекала довольно быстро в связи с большой подвижностью мужского населения (уход на заработки, отходничество и т.п.). Костюм мужчин составляли рубахи, штаны, различного вида головные уборы, нагрудная одежда[38]. Почти повсеместно носили рубахи-*косоворотки*, прямого покроя (древние — туникообразного) со стоячим воротом (*каблуком*-тотемск., а прямой ворот — *наполок*) или без него и с застежкой пуговицами на левой стороне груди (в старину — на шнурке — сольвычегодск., тотемск., устьсысольск.). Их шили из белого холста, первоначально с перегибом центрального полотнища на плечах, позднее — со срезом на них, со скошенными бочками, округлыми проймами для рукавов.

Рубахи XIX в. были менее длинные, чем в предшествующее время, к рукавам пришивали обшлага с пуговицами, применяли ситцы, кумач, цветной кашемир; подолы рубах выпускались поверх штанов и подпоясывались поясом. У поздних рубах исчезли вставки на рукавах-*ластовицы* (Череповецкий, Белозерский, Устьсысольский уу.). В некоторых местах еще встречался род рубахи без ворота — *шабур* (устьсысольск.)

и исползовался как рабочая одежда. Нередко рубахи украшались вышивкой (*кондырь* на вороте, *нахлестка* на груди — Никольский у.).

Штаны или *порты* к XIX в. «потеряли» свой *широкий шаг*. Они шились из холста (летние) и из овечьей шерсти-*сукманины* (зимние) и имели две трапециевидные вставки в шагу, на теле удерживались шнурком или застегивались на пуговицы, а в середине XIX в. к ним пришивали пояса с застежкой. В конце XIX — XX в. для шитья штанов стали использовать фабричные ткани. В вологодских районах выделялись следующие ареалы мужского костюма: 1) с косовороткой (разрез слева) и неширокими штанами (повсеместно), 2) с туникообразной рубахой (разрез посередине) и неширокими штанами (с двумя клиньями) — в центральных Вологодском, Кадниковском, Тотемском уу., в северо-западном — Белозерском, в восточных — Устюгском, Никольском, 3) то же и штаны с ромбовидной вставкой (в центральном Кадниковском у.)[39].

Уже с середины XIX в. и молодые, и мужчины старших возрастов носили городского вида пиджаки, а иногда и жилеты, поддёвки с рукавами и без них (Череповецкий, Кадниковский, Тотемский уу.).

Мужские головные уборы обладали большой устойчивостью во всех русских районах. В Вологодской земле повсеместно носили

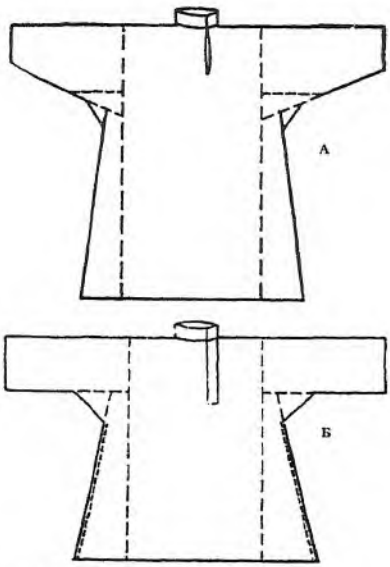


Рис. 12. Покрой мужских рубах-косовороток: а) с разрезом ворота. Д. Красный Бор Сольвычегодского у.; б) с планкой по разрезу. С. Ивачино Кадниковского у. (Из кн.: Крестьянская одежда... Рис. 91, 92.)

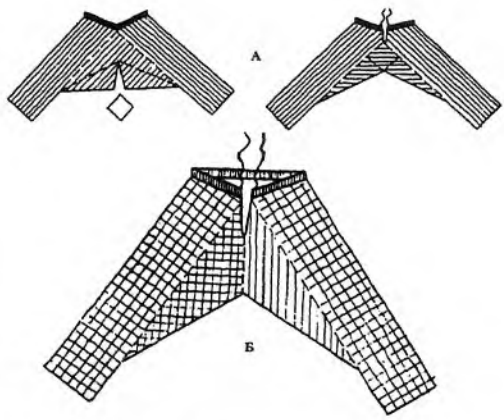
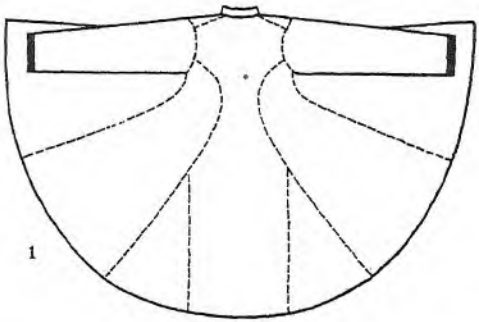
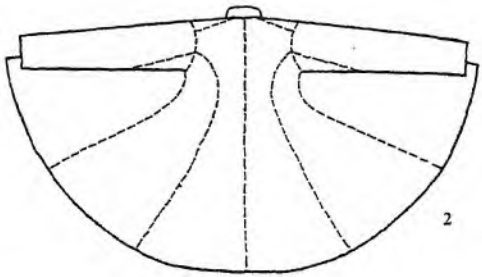
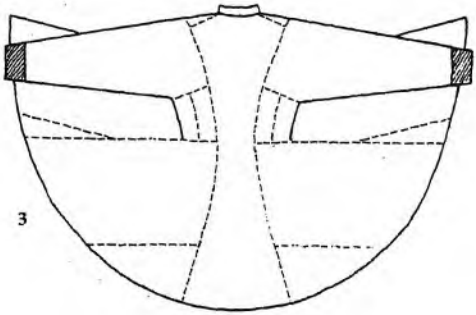
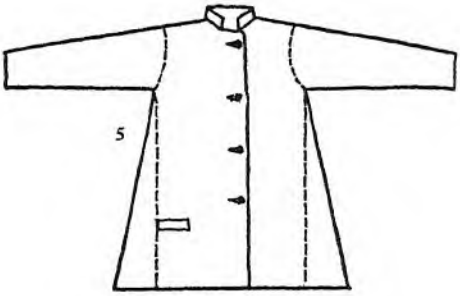


Рис. 13. Покрой мужских штанов: а) с одним треугольным отрезком ткани, вшитым в середину. Д. Красный Бор Сольвычегодского у.; б) с треугольным отрезком ткани, пришитым к каждой штанине. С. Черевково Сольвычегорского у. (Из кн.: Крестьянская одежда... Рис. 96, 97).

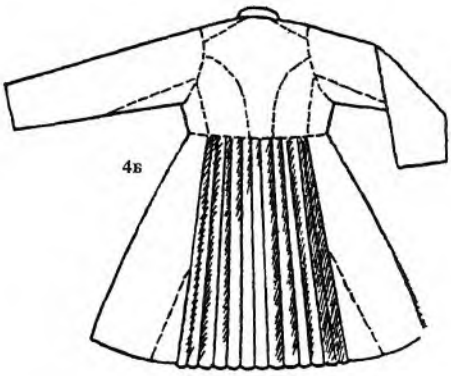

1

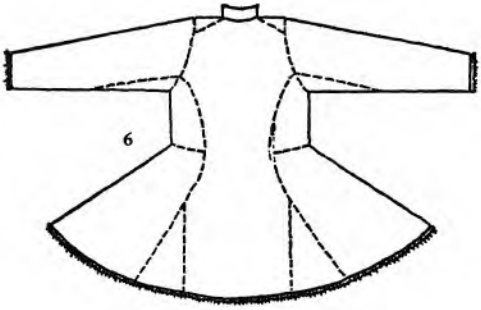

2

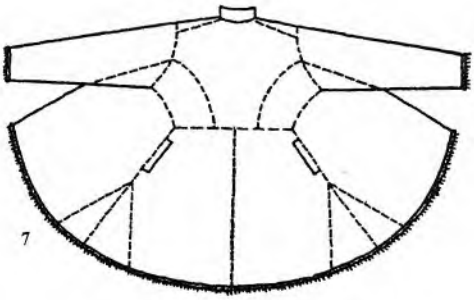

3


5

4а


4б


6


7

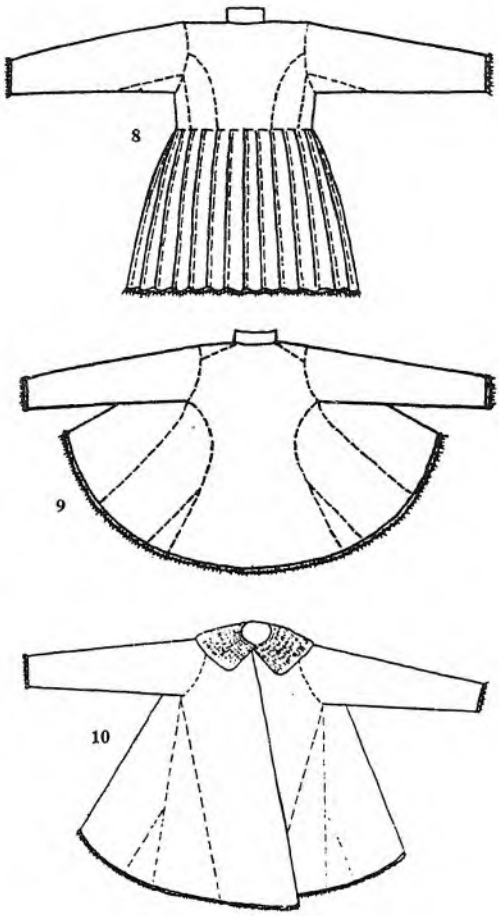


Рис. 14. Покрой мужской и женской верхней одежды:
1) охотничий *шойданник*. Д. Никольская гора Никольского у.;
2) *троеклинник — шойданник* из понитчины. С. Черевково Сольвычегодского у.;
3) шерстяной *азям* с плисовой отделкой. Д. Стешинская Вельского у.;
4) *кафтан* отрезной по талии и со сборками (а, б — вид спереди и сзади). Д. Падьозеро Сольвычегодского у;
5) *пинжак* из сукманины. Д. Ивачино Кадниковского у.;
6) *шуба* дубленая с цельной спинкой. Д. Ивачино;
7) шуба с отрезной спиной, крытая крашениной. Д. Ивачино;
8) *сибирка*. Д. Ивачино;
9) *двоеклинок*. Д. Ивачино;
10) тулуп, крытый крашениной. Д. Ивачино
(1–10 — из кн.: Крестьянская одежда... Рис. 99, 100, 101, 102, 104, 106, 107, 108, 109, 110.)

грешневики (известны и в XVIII в.) — валяные из шерсти высокие цилиндрические шапки, изготовленные ремесленниками. Зимой надевали шапки из овчины — *треухи, малахаи* (северо-запад, север), меховые шапки с *наушниками* (белозерск.), *папахи, ушанки* (никольск.), *долгоушки* из оленьего меха (север Вельского у.), летом — полотняные головные уборы — *кукель* (олонецк.) для лесных и полевых работ, а в конце XIX в. появились городские фуражки, кепи (в центральных, южных и северо-западных вологодских районах), с середины XIX в. были в употреблении и *картузы*[40].

Верхняя одежда, и мужская, и женская, мало различалась между собой, т.к. одинаков в основном был набор и покрой многих вещей, носимых на улицу[41]. Повседневной верхней одеждой были *зипуны* и *понитки* из домашнего сукна и легкие холщовые *шабуры*. Они шились двубортными, в талию с перехватом и боковыми клиньями. Такими

же были *балахоны, сермяки* (без талии), *бекеши* (зипуны в талию) у тотемских и вельских крестьян. Носили в вологодских деревнях и *кафтаны*, иначе *камзолы*, сшитые в талию (никольск., тотемск.) и *сибирки* (устюгск., никольск.) — тужурки типа жилета, у вытегорских мужчин они называ́лись *пятишёвки*. Кафтан-*дукёс*, и мужской, и женский (он же -*зипун*), носили в Устьсысольском у., а устюжане его называли *казачиной*.

У женщин еще были покупные *кофты* на вате, длинные до колен (Сольвычегодский, Тотемский, Яренский, Устюгский, Вельский уу., Кокшеньга), они же назывались *пальтюшками* у вытегорских крестьянок, *жакетками* у белозерских и устьсысольских, *гейшами* у белозерских. Зимой носили полупальто на вате или на меху, сшитые без талии (сольвычегодск.), овчинные шубы со сборками по талии, длинные до колен, крытые материалом и называвшиеся *казакином* (сольвычегодск.), *кошулей* (тотемск.); шубы, крытые бархатом или сукном (вологодск.), впрочем, в тотемской Кокшеньге и в Никольском у. казакин-кошуля был кафтаном. Девицы носили пальто-*сак*, городского вида, без талии, на вате, крытый материей (Вытегорский, Устьсысольский, Вологодский, Грязовецкий, Яренский уу.).

У мужчин, кроме общих с женщинами предметов верхней одежды, были *рядовки*, сшитые без пол, как рубахи, надевавшиеся через голову (сольвычегодс.), *педжаки*, крытые сукном (сольвычегодс., устьсысольск.), поддевки-*оболочки* с рукавами типа жилета (сольвыч., каргопольск., белозерск., череповецк.); пальто-*визитки* из сукманины (сольвыч., тотемск, устюгск.), полупальто, прямые, без талии (вытегорск.), длиной выше колен; они, как и пальто, вытесняли кафтаны, которые теперь носили только старики. Мужские шубы и тулупы были одинакового покроя с женскими. О некоторых видах верхней одежды есть свидетельства в местном фольклоре. В припевах крестьян Кадниковского у. говорилось:

Как по тропке, по тропинке бежав легонькой детинка
Не в тулупе, не в кафтане, бежав в нанковой сибирке...

Или в частушках Устюженского у.:

...Попросила я у батюшки... У меня сударушка богата,
Суконного пальта... Носит в талию пальто...

Рабочей одеждой были холщовые или суконные *армяки (азямы)* в Устьсысольском, Тотемском, Устюгском, Яренском уу., а жители Вельского у. азямом называли халатообразную одежду; рабочими были и зырянские *совики, малицы, лузаны*. Поверх полушубка надевали

совик из оленьей шкуры, сшит он был шерстью вверх, без талии, без застежек, к воротнику пришивалась шапка, а рукавицы были продолжением рукавов. *Малицы* шились мехом внутрь, без талии, длиной ниже колен. Защитой от дождя служили *лузаны* (*лазы*), бывшие одеждой лесовиков, напоминали плащи или широкие жилетки, шились из грубого сукна, без рукавов с отверстиями для головы, иногда их шили из кожи или нашивали кожу на плечи, за спиной приделывали петлю для топора.

Существовала и специальная рабочая одежда, которую надевали на сенокос. У девушек таковыми были *чекмени* (вид шерстяного кафтана), у парней — нанковые или суконные *сюртуки* (Кадниковский у.), у женщин — сарафаны и рубахи-*покосницы*; голову девушки покрывали платками, женщины надевали *сборники-волосники*, мужчины — *картузы*.

Таким образом, верхняя одежда вологодских крестьян, и мужская, и женская, так же, как и другая одежда, отличалась большим разнообразием. По отдельным вещам и их элементам выделяются многочисленные очаги-ареалы верхнего костюма в Вологодской земле во второй половине XIX — начале XX в.: 1) понитки из сукна, кроенные с клиньями, носили в центральных Вологодском и Кадниковском уу., 2) вариант понитка со сборками — на северо-западе и севере земли (Кириллов, Белозерск, Вельск), 3) свита неизвестного покроя — на северо-западе (Кириллов, Белозерск), 4) халат существовал в нескольких местах — в центральных Вологодском и Кадниковском уу., в северном Вельском, в юго-восточном — Никольском, 5) армяк халатообразного покроя известен в центре, на северо-востоке, на западе и юге губернии, 6) армяк неизвестного покроя — на юго-западе в Череповецком у., в центральном Тотемском и северном Вельском, 7) армяк с клиньями — на северо-западе в Кирилловском и Белозерском уу.

Жители вологодских уездов знали несколько типов меховой одежды: 1) повсеместны были полушубки, 2) шубы шили везде, кроме Вытегры и Никольска, 3) тулупы также везде, кроме Вытегры, 4) малицы из оленьего меха носили в северном Вельском и центральном Кадниковском уу., 5) шубы, крытые тканью, были у крестьян на северо-западе, в центре и на юго-востоке и, наконец, 6) совики из оленьего меха — в Вельском и Кадниковском уу.[42].

Обязательной принадлежностью женского и мужского костюма были пояса. У севернорусских крестьян они различались на *кушаки, покромки, тельники*. В XVII–XVIII вв. все они назывались *опоясками*. В основном пользовались поясами собственного изготовления, а в начале XX в. и покупными (*гарусными*). Кушаками подпоясывали верхнюю одежду: мужчины завязывали их на любой стороне, женщины —

на левой. Покромки (*покромочки* — тотемск.) носились с сарафанами, тельниками подпоясывали мужские рубахи. Обычно кушаки ткали на *кроснах* (ткацком стане) или при помощи *бердечка*, покромки — на специальном приспособлении — *ниченках* (нитках) с помощью швейки; тельники плели вручную. Существовали и так называемые *выкладные пояса*, которые, в отличие от покромок, ткались на *тапочках*-дощечках, и чем больше было дощечек, тем сложнее узоры.

Пояса имели сложные узоры: рельефными геометрическими отличались кушаки и тельники. Мотивы орнамента были общими для поясов Севера. Узоры выкладных поясов отличались от тех, что были на покромках: они были гладкими в виде прямоугольных и треугольных фигур. Выкладные пояса долго бытовали у старообрядцев, иногда на них были вытканы имена или надписи-пожелания. Из поясов у жителей вологодских районов большой известностью пользовались *красноборские кушаки*. Это был промысел, продукция которого реализовалась далеко за пределы Красноборска (Сольвычегодский у.). Другим таким центром был Череповец, где *дёрганьем, бердечком, на нитку, на кружках* (дощечках) ткали разнообразные пояса. Дольше всего до 1930-х гг. не выходили из употребления полосатые пояса[43].

Крестьяне носили кожаную, валяную, плетёную обувь. В вологодских деревнях кожаные сапоги-*кожаники (бахилы* — сольвыч., каргопол., белозерск., яренск.), валяные-*катаники* (*напаголенки* — сольвыч., каргоп., *чупаки* — устюг.) носили с *онучами* (портянками), иногда со *скутами*-чулками из шерстяных лоскутков (Никольский у.). Пользовались и *пимами* (меховыми сапогами), заимствованными у финноугорского населения, их делали выше колен (Сольвычегодский, Устьсысольский, Яренский уу.); *тобаками* — тоже меховыми сапогами, но ниже колен (Устьсысольский у.); валенками-*тюнями*, у которых голенища из сукна подвязывались ремнями (Устьсысольский у.).

Из плетеной обуви здесь были известны лапти из бересты, реже — из липы. Здешние лапти-*питерики* с большой выемкой привязывались *оборами*-шнурками. Носили и *ступни* — род галош из берестяного лыка, надевали их с портяными или шерстяными чулками. Лапти были рабочей обувью.

И мужчины, и женщины имели кожаные башмаки — *чарки* в виде галош (Устьсысольский, Яренский уу.), *коты* (летние — с портяными голенищами — сольвыч.), *чушни*, плетёные из суконных покромок (кадниковск.), *шоптаники* (плетеные из веревок — кадник., вологодск., устюгск.), *моршни* или *поршни* (тотемск.), рабочие *уледи* (то же, что и чарки, но из белой кожи с суконной опушкой или с холщовыми голенищами — устюгск., грязовецк.), *бранченые катаники* с кожаным верхом (сольвыч.), они же — *упаки* или *чупаки* (череповецк.), *тюфни*-холщовые туфли

(устюгск.), *штиблеты* — башмаки с галошами, городского образца (усть-сысольск.), *щеблеты* — праздничные полусапожки с резинками на боках (вытегорск.), сапоги *на подборах* (на высоких каблуках у жительниц Тотемского у.), свадебные сафьяновые сапожки (Грязовецкий у.).

Все разнообразие обуви, носимой крестьянами в Вологодской земле с середины XIX в., можно представить следующим образом. Северные лапти *прямого плетения* носили повсеместно. Лапти *московские (косого плетения)* появились в центре (Вологда, Кадников, Тотьма), на севере (Вельск) и на юго-востоке (Никольск). *Шоптаники (чуни)*, плетеные из веревок были на юго-западе (Череповец) и юге (Грязовец). Ступни лыченые и берестяные бытовали в центральных Кадниковском и Тотемском уу. и восточных — Никольском и Устюгском. Сапоги плетеные носили в северо-западном Кирилловском и центральном Тотемском уу. Распределение остальной обуви в крае выглядело таким образом: валяную обувь имели везде, башмаки-*коты* и кожаные сапоги — везде, кроме Устюжны и Тотьмы, башмаки — *поршни* или *моршни* — в Кадникове и Тотьме[44].

Рассмотрение народного костюма в Вологодской земле XIX — начала XX в. выявило большое разнообразие местных вариантов, а также названий отдельных предметов одежды, обуви и головных уборов. При этом, крестьянский костюм стойко держался при различных нововведениях и сохранял основные общие черты на всем Русском Севере: набор вещей, составлявших комплекс одежды, их вид, материал, из которого его делали, оставалось прежним и функционирование костюма — разделение на повседневную, обрядовую (свадебную, крестильную, похоронную и др.), праздничную, рабочую одежду.

Много общего у крестьянской одежды было с костюмом мещанского населения. В основном эта общность наблюдалась в наличии одинаковых вещей. Мещане, как и крестьяне, в XIX — начале XX в. носили кафтаны, армяки, дублёные шубы или шубы, крытые (*подетые*) сукном. У мещанок были платья, салопы, капоты, шубы, платки, некоторые виды которых распространились в деревне. Обувь горожан, кожаную и валяную, составляли сапоги, полусапожки, башмаки, коты, катаные сапоги и т.д.[45]. Конечно, отдельные городские вещи могли быть лучшего качества, более нарядные, в некоторых особых случаях предназначенные для более изощренного применения. Например, как говорилось в одной народной песне из Кириллова, повествующей о неверной жене, для сапожек которой ковали специальные скобки (по ним ее и отличали)[46]:

...Скуём, скуём
Под сапожки скобоцьки.
Шо молода жена попортилася
Що на этих на скобоцьках
Ко своему дружку ушла,
Що сфатил, как ветвину...

В целом же, в этот период городская культура с многообразием черт начинала сильно влиять на деревенскую жизнь и в частности ускоряла переход к новым видам одежды. В 1920-е гг., например, в деревне распространились некоторые вещи военного периода. В эти годы у крестьян, оторванных от деревни, видевших жизнь в других местах России и за границей (пленные в войну 1914–1918 гг.), появились новые потребности, особенно в жизни «по-походному», они довольствовались и в мирное время вещами и предметами военного быта. Так, в некоторых деревнях распространилась военная одежда — брюки, гимнастерки, а шинель стала рабочей одеждой даже и у женщин (Вологда, Череповецкий край). Менялись прически, и в деревне у людей появились короткая стрижка и ношение красных платков. Дети стали играть в новые игры с применением военных предметов[47].

Общее и различия в севернорусском костюме можно ещё выявить, если рассматривать одежду старообрядцев, а также финноугорского населения, в тесном соседстве с которым русские крестьяне жили много веков.

Старообрядческую одежду в конце XIX — начале XX в. составляли те же предметы, что и крестьянскую: армяк, тулуп, по праздникам синий суконный кафтан, из обуви — кожаные сапоги, коты-калоши, из головных уборов — поярковые шапки, меховые треухи. Женщины-старообрядки носили сарафаны из крашенины (праздничные с золотыми и серебряными позументами), шушуны из кумача и китайки (а у богатых из шелка), на голове — сборники или повойники, по праздникам кокошники, зимой треухи и чебаки. Правда, яркие («цветистые») костюмы и особенно платья, как считалось, носить было грехом. Покрой их одежды сохранял много архаичных черт (туникообразные рубахи, глухие сарафаны и др.), тёмные цвета («честное платье»), старые конструкции головных уборов (шапки без козырька), не прижилась застежка на левой или на правой стороне одежды, ибо была, по их понятию, грехом[48].

Сарафаны из Воже-Каргопольско-Вельского края были типичными для старообрядцев. Это были *тесёмошники* из полос-тесемок шерсти красного, синего или белого цвета, либо синие сарафаны из холста-*кундыши* (буднишные), праздничные *салтовники* из тонкой шерсти, окрашенные в разные цвета, в конце XIX в. шитые на лямках. Сохранили старообрядцы и *сушуны* (здесь — это у богатых сарафаны с парчовыми полосами). Мужчины-старообрядцы носили штаны-*подштанники*, белые с вышивкой на штанинах. Обувью им служили, как и крестьянам, плетеные лапти, кожаные поршни с опушкой из холста; молодёжь приобретала сапоги на деньги, заработанные от своих лесных занятий[49]. Таким образом, старообрядческая одежда отличалась от обычной крестьянской сохранением некоторых древних черт и использованием недорогих материалов.

В различных этнографических работах есть описание одежды проживавших в соседстве или в пределах вологодских районов карел (запад края) и коми-зырян (восток его). Подчеркивалось, что в костюме этих народов было мало отличий от одежды русских. Зырянки носили сарафаны-*китайники* из ткани-*китайки*, рубахи (верхняя часть — *рукава*, но нижняя — *юбка*, в отличие от русской *становины*), на голову надевали повойники, а поверх их платки. Их кафтан-*дукэс* шился, как и у русских, из домотканного сукна с перехватом в талии. Их обувью были *пимы*-сапоги из кожи оленя, сшитые шерстью вверх, *катаники*-валяные сапоги с суконными голенищами, *коты*-башмаки из кожи.

Специфической была рабочая одежда зырян, которую заимствовали русские крестьяне-промысловики. Её составляли *малица* и *совик* из оленьих шкур (совик — шерстью вверх), охотничий *лузан, накомарник* (женский капор из холста, с волосяной сеткой для лица)[50].

Обычный русский костюм был заимствован карелами и вепсами и так же, как и у русских, в конце XIX — начале XX в. вытеснялся городскими модами. В «чистоте» народная одежда сохранялась лишь в глухих карельских деревнях . Это штофные сарафаны, парчовые душегрейки, головные жемчужные повязки у девиц, а кокошники и повойники уже исчезали. Еще встречалась некоторая верхняя одежда — балахоны, сибирки, чуйки, поддевки, понитки, армяки, но и там не гнушались городского пальто или женского платья, если «наживали капиталы». Сохранением своих исконных черт в одежде считалось наличие у мужчин белых рубах и портов («следы чуди»), у женщин оставались некоторые старинные головные уборы, исчезнувшие у русских, — короны (верх ее — *подзор*, низ — *поднизь* или *сетка*), кокошники с жемчугом, а вообще везде носили повойники, некоторые из них были с жемчугом. Правда, свой кокошник у карел — *подзор* напоминал шлем и носился еще и в конце XIX в., впрочем, и он был «славянского происхождения». Влияние города у карел сказывалось на появлении городского платья: рукавов с буфами, кофт, иногда принадлежностью костюма становился зонтик. Особенности нового костюма, появлявшиеся в результате городских веяний, даются в одном из этнографических описаний начала XX в. Олончане — «...удалы добры молодцы носят поддевочку дорогих сукон, на ноженьках сапоженьки козловые, круг сердечка — кушачики шелковые, на головушке шляпоньки пуховые, на белой груди цепочки золочёные...»; «удалой добрый молодец каленой гребеночкой учесывает свои жемчужные кудёрушки и завивает их в колечка золоченые»; а красны девицы носят «цветное басистое платьице — сарафаны новомодные раструбистые, на головушку жемчужную подвесочку, на подвесочке розову косыночку; в завивную свою косу русую вплетают дорогие золотые ленточки; по русой косе

кладут цветы алые; во ушеньки — сережки бриллиантовые; на белу грудь цепочку золоченую; на плечики — шубу соболиную». Женщины и в будни стали носить шерстяные или штофные сарафаны. Кафтаны из тонкого сукна и сапоги из белой кожи сохранились у мужчин в праздничном гардеробе[51].

Как видно, народная одежда финноугорского населения на Севере развивалась в том же направлении, что и одежда русских северян.

При рассмотрении материалов по традиционному костюму вологодских крестьян можно сделать следующее заключение. До середины XIX в. среди сплошного массива сарафанного комплекса женской одежды, ставшего принадлежностью северных областей, существовал очаг, в котором получил распространение комплекс одежды с юбкой (Сухона, Кокшеньга), не характерный для северных районов и развившийся у южного и западнорусского населения. Причем по Сухоне наблюдалось распространение полосатой шерстяной юбки, а на западе губернии и также на Сухоне — холщовой, нехарактерных для костюма других районов Севера. Этот очаг с юбкой сопоставим с антропологическим ареалом верхневолжского типа у населения Вологодчины и с лингвистическими данными по диалектологии. О проникновении населения из средней полосы и западных областей на Север в различные исторические периоды есть свидетельства в разных источниках.

В зоне повсеместного бытования сарафана прямого покроя во второй половине XIX в. в вологодских деревнях ещё встречался архаичный *глухой* косоклинный сарафан (Устюжна) и распашной (северо-восток и северо-запад).

Есть локальные варианты типов женских рубах на северо-западе края (с прямыми поликами, с цельным рукавом, с кокеткой, с круглой вставкой у ворота), на юго-западе (с цельным рукавом и кокеткой), в центре и на востоке (вариант с цельным рукавом и вариант с цельным рукавом и кокеткой). Такие же местные ареалы выявляются по распространению женской нагрудной одежды и по женским головным уборам, на основании которых уловима связь между вологжанами и населением других районов Севера и средней полосы России.

Рассмотрение локальных вариантов можно продолжить и на примере других элементов костюма и женского, и мужского, по которым четко выявляются «культурные зоны» в пределах Вологодской земли, — запад (северо-запад и юго-запад), центр и север (особенно бассейн Ваги-Кокшеньги), восток (северо-восток и юго-восток). Население этих зон имело некоторые отличительные моменты в этнической истории, что привело к культурному своеобразию некоторых групп населения. Так, специфические черты в народной культуре

сохранялись у жителей районов Белозерья, связанных с Северо-Западом и Западом России, у населения Вельско-Важского района, в формировании которого принимали участие разные этнокомпоненты (новгородцы, низовцы и местные финноугры), у населения восточных вологодских районов (Сольвычегодск, Великий Устюг), связанного как с жителями других северных земель, так и с жителями Верхневолжского бассейна.

* * *

Последующее развитие костюма с 1930-х гг. шло по пути «слияния» одежды городского и сельского населения, причем влияние городской моды сильно увеличилось. Народный костюм «сходил на нет», ибо началось массовое промышленное производство и материалов, и готового платья. В одежде русских, и севернорусских в том числе, развивались формы, которые становились не только общерусскими, но и международными. Из старых же форм сохранялись некоторые местные виды одежды, применявшиеся как рабочая (платки, косоворотки, тулупы, валенки) или праздничная одежда (на Севере она «жила» у пожилых, а у молодых как свадебная).

С урбанизацией всей культуры традиционная одежда, хотя и ушла на периферию быта, не утратила своего значения этнической ценности[52]. Она как часть народной культуры связана с историческими представлениями народа и с его самосознанием.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Шмелева М.Н.* Русская одежда // Русские (серия «Народы культуры»). М., 1997. С. 316.

2 *Арциховский А.В.* Одежда // История культуры Древней Руси. М.; Л., 1948. Т. I. С. 277.

3 *Арциховский А.В.* Одежда // Очерки русской культуры XIII–XV вв. М., 1969. Ч. I. С. 292; *Маслова Г.С.* Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956 (ТИЭ. Т. XXXI). С. 568.

4 *Башенькин А.Н.* Юго-западное Белозерье во второй половине I — начале II-го тыс. н.э. Л., 1986. С. 14–15.

5 *Макаров Н.А.* Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М., 1997. С. 39.

6 Там же. С. 47.

7 *Просужих С.Б.* Одежда населения Великоустюжского края в XVII в. // Вологодская старина. Быт на Устюге. Историко-краеведческий сборник. Вологда, 1993. С. 76–78.

8 Там же. С. 78–88; Путешествие Корнелия де-Бруина через Московию // ЧОИДР. М., 1872. Кн. II. С. 95–96.

9 *Маслова Г.С.* Указ. соч. С. 571.

10 *Быков А.В.* Народный костюм Вологодской области. Вологда, 1990; Русский традиционный костюм. Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 1998.

11 Опись имения богатого вологжанина, посадского человека Ивана Скрябина, составленная Н.И. Суворовым // Изв. АО. СПб., 1861. Т. III. Вып.1. С. 58.

12 Там же. С. 58–59.

13 Там же.

14 *Суворов Н.И.* О гардеробе и столе вологодских архиепископов в начале XVII в. и о некоторых других домашних принадлежностях // Изв. АО. СПб., 1861. Т. III. Вып. 1. С. 219–220.

15 Опись старинного крестьянского имения в XVII столетии // Там же. С. 61–63.

16 *Макаров И.С.* Пушной рынок Соли Вычегодской в XVII в. // Ист. зап. М., 1945. Кн. 14. С. 154.

17 *Судаков Г.В.* Лексические диалектизмы в севернорусских актах XVI–XVII вв. // Севернорусские говоры. Л., 1984. Вып. 4. С. 75–79.

18 *Шмелёва М.Н.* Указ. соч. С. 328.

19 *Чагин Г.Н.* Одежда XVII — начала XX в. // На путях из земли Пермской в Сибирь. Очерки этнографии северноуральского крестьянства XVII–XX вв. М., 1989. С. 145; Хозяйственное обозрение Северного края России // ЖМГИ. 1841. Ч. III. Кн. 5–6. С. 64.

20 *Кожевникова Л.А.* Особенности узорного народного ткачества некоторых районов Севера // Русское народное искусство Севера. Л., 1968. С. 107–121.

21 *Маслова Г.С.* Узорное тканьё на Русском Севере // КСИЭ. 1950. XI. С.10.

22 *Макаренко Н.* Искусство Древней Руси. У Соли Вычегодской. Пг., 1918. С. 94–96; *Маслова Г.С.* Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978.

23 АРГО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2. Л. 4–17; Д. 105. Л. 10–1480б.; Р. 7. Оп.1. Д. 69. Л. 13; Русский традиционный костюм...

24 Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967. Карта 47.

25 *Шмелёва М.Н.* Указ. соч. С. 339.

26 АРГО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 105. Л. 32–350б., 92; *Протопопов М.* Свадебные песни Вологодской губернии // ЖС. 1903. Вып. IV. С. 511.

27 АРГО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 105. Л. 10–1480б.; Д. 2. Л. 4–17; Р. 7. Оп. 1. Д. 69. Л. 13; Р. 24. Оп. 1. Д. 25. Л. 74; Р. 27. Оп. 1. Д. 27. Л. 1 об.; *Дашков В.* Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношениях. СПб., 1842. С. 171; *Пушкарёв И.* Описание Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношении. Т. I. Кн. 1 — Новгородская губ. СПб., 1844. С. 71; *Шевырёв С.* Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь в 1847 г. М. 1850. Ч. I. С. 132; *Макарий, архимандрит.* Описание Ферапонтовской волости. СПб., 1854. С. 18–19; ГАВО. Ф. 652. Оп. 1. Д. 67. Л. 4; *Маслова Г.С.* Старинная одежда и гончарное производство Каргопольщины // КСИЭ. 1949. VI. С.4–5.

28 *Абрамов Ф.А.* Собр. соч. в 3 томах. Т. 3. Л., 1991. С. 265.

29 *Попов Н.* Народные предания жителей Вологодской губернии Кадниковского у. // ЖС. 1903. Вып. III. С. 384.

30 Русские. Историко-этнографический атлас... Карта 42.

31 Там же. Карта 49.

32 Там же. Карта 48.

33 Там же. Карта 52, 54, 55; *Шевырёв С.* Указ. соч. С. 132; АРГО. Р. 27. Оп. 1. Д. 27. Л. 159; ВГВ. 1853. № 37. С. 321; ГАВО. Ф. 4389. Оп. 1. Д. 147. Л. 26; Ф. 652. Оп. 1. Д. 122. Л. 1; *Макарий, архимандрит.* Указ соч. С. 18–19; ЖС. 1903. Вып. I–II. С. 212; Вып. IV. С. 450 и др.; *Иваницкий Н.А.* Материалы по этнографии Вологодской губернии // Изв. ОЛЕАЭ. Т. LXIX. Тр. Этн.отд. Т. XI. Вып. I–II. М., 1890. С. 16–19.

34 АРГО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2. Л. 4–17; Д. 105. Л. 10–148 об.; Р. 7. Оп. 1. Д. 69. Л. 13; *Фортунатов Ф.Н.* О старинных русских костюмах в Грязовецком и Сольвычегодском уу. Вологодской губернии // Тр. I-го Археолог. съезда 1869 г. М., 1871. С. 195–196; *Шустиков А.А.* Тавреньга Вельского у. Этнографический очерк // ЖС. 1895. Вып. III–IV. С.361–362; Русские. Историко-этнографический атлас... Карта 40.

35 *Маслова Г.С.* Об особенностях народного костюма населения Верхнедвинского бассейна в XIX — начале XX в. // Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973. С. 78–85.

36 ГАВО. Ф. 652. Оп. 1. Д. 65. Л. 5; Ф. 4389. Оп. 1. Д. 173. Л. 6; Д. 147. Л. 26.

37 ЖС. 1903. Вып. I–II. С. 211; Вып. IV. С. 444.

38 АРГО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2. Л. 3–36; Д. 105. Л. Л. 15–144об.; Д. 13. Л. 3–4; ГАВО. Ф. 652. Оп. 1. Д. 67. Л. 4; ВГВ. 1866. № 31. С. 304.

39 Там же; Русские. Историко-этнографический атлас... Карта 59.

40 Там же. Карта 60; *Дмитровская Е.* Русские крестьяне Олонецкой губернии // ЖС. 1902. Вып. II. С. 132–133.

41 Русский традиционный костюм...; АРГО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2. Л. 4–17; Д. 105. Л. 10–148об.; Р. 7. Оп. 1. Д. 69. Л. 13; *Пушкарёв И.* Указ. соч. С. 71; *Шевырёв С.* Указ. соч. С. 132; ВГВ. 1853. № 37. С.321; 1866. № 31. С. 304; *Макарий, архимандрит.* Указ. соч. С. 18–19; ЖС. 1903. Вып. I–II. С. 366; Вып. IV. С.444, 457; *Иваницкий Н.А.* Указ. соч. С. 16–19.

42 Русские. Историко-этнографический атлас... Карты 64, 65, 66; *Арсеньев Ф.А.* Крестьянские игры и свадьбы в Янгосоре Вологодского у. (Бытовой этюд) // Вологодский сб. Вологда, 1879. Т. I. С. 3–5; *Шустиков А.А.* Указ. соч. С. 361–362.

43 *Чагин Г.Н.* Указ. соч. С. 169–170; Хозяйственное обозрение Северного края России // ЖМГИ. 1841. Ч. III. Кн. 5–6. С.64.; *Маслова Г.С.* Узорное тканьё... С. 17.

44 *Иваницкий Н.А.* Указ. соч. С. 19; АРГО. Ф. 24. Оп. 1 Д. 2. Л. 13, 105; Р. 27. Оп. 1. Д. 27. Л. 1об.; ГАВО. Ф. 4389. Оп. 1. Д. 171. Л. 2; Русские. Историко-этнографический атлас... Карты 70, 71.

45 *Воронов П.* Верховажский посад (Вельского у.) // Вестник РГО. 1860. Ч. 29. С. 132.

46 *Шевырёв С.* Указ. соч. Ч. II. С. 109.

47 *Золотарёв Д.А.* Этнографические наблюдения в деревне РСФСР (1919–1925) // Русский музей. Материалы по этнографии Этнографического отдела музея. Л., 1926. Т. III. Вып. 1. С. 145.

48 АРГО. Р. 1. Оп. 1. Д. 100. Л. 71–71об.; *Ефименко П.С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии // Изв. ОЛЕАЭ. Т. XXX. Тр. Этн. отд. Кн. V. Вып. I–II. М., 1877–1878. С. 217.

49 *Шустиков А.А.* По деревням Олонецкого края. (Поездка в Каргопольский у.) // Изв. ВОИСК. Вып. II. Вологода, 1915. С. 115.

50 *Волков Н.Д.* Удорский край. Этнографический очерк // Вологодский сб. Вологда, 1879. Т. I. С. 28–29.

51 Россия. Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1900. Т. 3 — Озёрный край. С. 113; *Поляков И.С.* Этнографические наблюдения во время поездки на юго-восток Олонецкой губернии // Зап. РГО. Отд. этн., СПб., 1873. Т. III. С. 164; *Круковский М.А.* Олонецкий край. Путевые очерки. СПб., 1904. С. 34–36; Олонецкий край. СПб., 1910. С.33.

52 *Шмелева М.Н.* Указ. соч. С. 352–353.

ПОЯСНАЯ ОДЕЖДА КРЕСТЬЯНОК

Многообразие форм народной одежды Вологодчины свидетельствует о сложной этнокультурной истории края. Хотя изучение особенностей народного костюма для решения вопросов этнической истории традиционно для этнографии, однако Русский Север, долго считавшийся единым в этнографическом отношении, в этом плане привлекал внимание исследователей мало.

Как известно, для женской одежды русских северян наиболее характерен комплекс с сарафаном из набойки, пестряди или покупных тканей. Наряду с ним в некоторых районах бытовали юбки и сарафаны из характерной яркой полосатой ткани. Этот факт отмечен Г.С. Масловой в «Восточнославянском этнографическом сборнике», историко-этнографическом атласе «Русские»,[1] а позже специально рассмотрен ею в статье «Об особенностях народного костюма населения Верхнедвинского бассейна в XIX — начале XX в.», в которой она более подробно, чем в предыдущих работах, обосновывает появление полосатых юбок в севернорусском женском костюме[2].

Г.С. Маслова исходит из того, что полосатые юбки — явление в целом не характерное для русского традиционного костюма, поэтому связывает их появление на Севере с активными миграционными процессами, происходившими в Московском государстве в XVI–XVII вв. Она выделяет два потока, в состав которых, по ее мнению, входило население, несущее полосатые юбки: первый — из Замосковного края, второй — непосредственно из западных земель[3]. Однако предложенное ею объяснение вызывает серьезные возражения и заставляет вернуться к этой проблеме вновь.

Во-первых, мы не располагаем данными о столь массовых переселениях с Запада, в результате которых мог бы измениться традиционный костюм на огромной территории от Череповца до Сольвычегодска. Напротив, переселенцы непосредственно из западных земель были сравнительно немногочисленны (об этом см. ниже). Во-вторых, изучение миграции из Замосковного края тоже заставляет усомниться в возможности появления данного вида юбок с этой волной.

Замосковный край, т.е. центральные районы Московского государства, был сильно разорен и обезлюдел в период русско-польских войн XVII в. На эти земли московское правительство сажало военнопленных и добровольных выходцев из-за литовского рубежа, который проходил в районе Смоленска. Особенно усилился приток людей из Великого княжества Литовского в эпоху войн царя Алексея Михайловича, т.е. в 1650–1660 гг. Ю.В. Готье определяет их численность примерно в 10 тысяч. Пленные и добровольные переселенцы из тяглых слоев населения были в основном белорусами, а среди шляхты могли быть представители всех народов, входивших в состав польско-литовского государства — поляки, белорусы, литовцы, украинцы[4]. Из этих районов в XVI–XVII вв. шел усиленный приток населения в бассейн Сухоны, Вычегды и верхней Ваги — в Тотемский, Устюгский, Сольвычегодский уу.[5]. Этот факт не вызывает сомнения. Но связано ли с ним появление полосатых юбок у северных русских, как это считает Г.С. Маслова? На этот вопрос, думается, надо ответить отрицательно.

Кратко попытаемся охарактеризовать население Замосковного края «западного происхождения». По материалам XIX в. известно, что в Ярославской, Владимирской, Нижегородской губ. существовали отдельные группы населения, выделявшиеся особенностями говора (удвоение согласных, дзеканье), свойственными белорусскому языку. Отличались они также и костюмом: женщины носили «поньки», а в одежде преобладал белый цвет, за что соседнее население называло их «березником». Д.К. Зеленин считает эти группы потомками белорусов — выходцев из-за литовского рубежа[6]. Приведенное Д.К. Зелениным описание костюма белорусов Замосковного края позволяет утверждать, что

у них не было полосатых юбок или, по крайней мере, они были распространены незначительно. Одежде белорусов вообще свойственно преобладание белого цвета. Такие части костюма, как рубахи, портки, юбки, платки, онучи у жителей Гродненской, Витебской, Полоцкой и других губерний, называют «бялизной». К «бялизне» также относятся простыни, скатерти, убрусы, полотенца[7]. Соседи белорусов — «малороссияне полагают отличительными чертами белорусов д з е к а н ь е, а в одежде б е л ы й цвет и л а п т и»[8] (разрядка автора). Белый цвет доминировал в одежде белорусов еще в начале XX в.[9]. Заметим, что в Белоруссии комплекс с полосатой юбкой не был исконной крестьянской одеждой, а появился в костюме белорусок под влиянием шляхты и мещанства в период вхождения в польско-литовское государство[10].

Значительную часть вывозимого из-за литовского рубежа населения составляли ремесленники и мещане, которые поселялись в Москве и других городах. Впоследствии многие из них получили возможность вернуться на родину[11]. Переселенцы из тяглых слоев населения оседали в основном в западных пограничных районах Русского государства, реже их распоряжались «устроити на пашне в государевых дворцовых селех в замосковных дальнех городах»[12]. Шляхту же предпочитали ссылать в отдаленные места, например в Поволжье[13].

Все сказанное не дает оснований полагать, что в исходном районе колонизации, т.е. на территории Замосковного края, в XVII в. существовали значительные группы населения, для костюма которых были бы характерны полосатые юбки.

Кроме того, в бассейне Сухоны и верхней Ваги, где осело население из Замосковного края, не зафиксировано каких-либо особенностей в языке, свидетельствующих о наличии здесь белорусского населения, что говорит о незначительном числе переселенцев в эти районы и о их быстром «растворении» в русской среде[14]. Показательно, что западные переселенцы в Ярославской, Владимирской и в некоторых других губерниях, расселенные даже небольшими группами, сохранили особенности своего говора и в XIX в.[15].

Таким образом, по всей вероятности, нельзя связывать появление полосатых юбок на Русском Севере с миграцией белорусских крестьян в XVI–XVII вв. из Замосковного края или непосредственно из западных земель.

Гораздо более продуктивным представляется другое предположение, высказанное Г.С. Масловой, о размещении на Севере служилых людей, для женского костюма которых были характерны полосатые юбки. Постараемся рассмотреть эту гипотезу подробнее.

Решение поставленной проблемы требует прежде всего детального описания типов севернорусских полосатых юбок и сравнения их с аналогичной одеждой других народов.

У русского населения Севера мы встречаем две разновидности юбок: с вертикальным и горизонтальным расположением полос. Они значительно отличаются друг от друга и по технике изготовления ткани, и по покрою, и по цветовой гамме. Отмеченные признаки являются этнознаковыми и могут способствовать решению вопроса о происхождении того или иного элемента народной культуры, в данном случае — поясной одежды северянок.

Тип I — продольнополосатые юбки с вертикальным расположением полос. Впервые бытование таких юбок у северных русских было зафиксировано в середине XIX в. Однако эти сведения можно несомненно отнести и к более раннему периоду, по крайней мере ко второй четверти XIX века, поскольку авторы рукописей, присланных в Русское географическое общество, описывали полосатые юбки в качестве повседневной зимней одежды, а не как новую, только что вошедшую в обиход. Так, в Верховажском Посаде будничная зимняя одежда женщин состояла из «суконной полосатой юбки, сукманного крашеного шугая, передника браного или ситцевого»[16]. Крестьянки Кадниковского у. носили «шерстяной сарафан из разноцветных полос — красной, зеленой, голубой, желтой, черной и белой, из шерсти овечьей или коровьей, основа льняная, а уток шерстяной; на спине пришивается „спинка“ или „выёмка“, „лягушка“, в длину и ширину около вершка, к коей пришиваются „проймы“ или „накапки“; они, лежа на плечах, держат сарафан». Кроме того, там же носили «юбку такой же материи и цвета, отличается от сарафана тем, что покрывает стан только до половины тела, не имея ни спинки, ни накапок; сверху она оторочена крашеною синею холстиной вершка в два шириной, внутри этой оторочки продернут пояс, который стягивается и завязывается на животе»[17].

Отметим, что в тех районах, где были распространены полосатые юбки, из такой же ткани шили и сарафаны. Причем, видимо, в какой-то период полосатая ткань была настолько модной, что ее пытались имитировать. Например, в Фатьяновской волости Каргопольского у. для этого нашивали на сарафан ленты, вследствие чего его называли *тесемочником*. К концу XIX века это был уже вышедший из употребления сарафан из черного или желтого холста с лифом. На весь сарафан нашивались сверху вниз ленты красного цвета, на расстоянии около 3-х вершков друг от друга. Сзади к плечам пришивались две ленты, называемые рукавами, достигавшие подола. Спереди по всей длине располагались в два ряда пуговицы, на которые накладывались шнурки с петлями[18]. Очевидно, что этот покрой подражал старинной форме распашного сарафана с рукавами. Под тем же названием в Мехреньге Воезерской волости Каргопольского у. были известны и сарафаны из полосатой ткани. «Сарафаны носят зимою — „тесомошники“; они ткутся из шерстяной

пряжи, окрашенной в красный, синий и белый цвета полосами, почему и напоминают собою „тесьму“»[19].

Судя по полевым материалам, собранным мною в Вашкинском р-не Вологодской обл. в 1996 г., в 20-е гг. XX в. полосатые сарафаны и юбки начали выходить из моды. В настоящее время их еще хорошо помнят пожилые женщины, которые однако сами такую одежду уже не носили; это был костюм более старшего поколения. В то время *суконник* или *дольник* считался нарядной и добротной одеждой, хотя и не парадной: в ней ходили на погост зимой в воскресенье, в гости или на беседу. В 30-е гг. в западных районах Вологодчины стали модны юбки *с каймами*, поэтому старые полосатые юбки распускали, чтобы из полученной пряжи изготовить ткань для юбки с каймой, в силу чего они теперь встречаются очень редко.

Музейные коллекции и мои полевые материалы позволяют дать подробное описание ткани и особенностей покроя юбок и сарафанов[20]. Ткань изготовлялась на стане с широким бердом — от 70 до 90 см, в зависимости от необходимой длины. Основой служили льняные нити, иногда окрашенные в красноватый цвет, утком — всегда довольно толстая домашняя шерстяная пряжа (из овечьей или коровьей шерсти) самых разных цветов — красного, фиолетового, синего, зеленого, желтого, коричневого и др. Переплетение нитей репсовое (так называемый *уточный репс*, при котором нити основы натягивались редко и уток их перекрывал практически полностью, отчего ткань казалась чисто шерстяной). Имеющиеся материалы недостаточны, чтобы выдвинуть какие-либо предположения об особенностях цветовой гаммы или орнамента, присущих костюму того или иного района. Вероятнее всего орнаментация ткани зависела от фантазии мастерицы и наличия красителей. Обычно группа узких симметрично расположенных полосок перемежалась более широкой полосой, чаще всего красной, которая служила как бы фоном. Характерным для этой ткани является преобладание полос, фон может совсем отсутствовать, поэтому некоторые юбки кажутся очень пестрыми и яркими. Причем этот эффект часто достигался не за счет многокрасочности, а благодаря умелому сочетанию трех-четырех цветов. Например, раппорт состоял из полос красного, зеленого и фиолетового цвета, по середине которых проходили узкие полоски тех же цветов: по зеленой — фиолетового, по красной — фиолетового и желтого, по фиолетовой — желтого и красного. Или разной ширины полосы серого, розового и фиолетового цвета разделялись узкими (в 2-3 нити) белыми полосками.

В большинстве своем юбки имели очень простой покрой: горизонтально положенное полотнище сшивалось по утку целиком, сзади и с боков закладывались складки глубиной 3–4 см и пришивалась холщовая обшивка, внутри которой пропускалась вздержка, прореха не

оставлялась. Иногда пришивали помочи, которые перекрещивались на спине. В Российском Этнографическом музее есть только два экземпляра юбок, покрой которых отличен от описанного — мелкие складки заложены кругом, а сбоку имеется разрез для застежки[21].

Сарафаны из полосатой ткани встречались нескольких разновидностей: прямые на лямках, с грудкой или небольшим лифом из прямого куска ткани на лямках. Грудку или лиф часто делали из кумача или другой фабричной ткани на подкладке из холста. Лиф имел небольшой разрез впереди, который застегивался на крючки или пуговицы. Имелись сарафаны с лифом-жилеткой, сшитой из другой ткани. Как и у юбок, у сарафанов сзади закладывались неглубокие складки со встречной складкой в центре.

Названия сарафанов и юбок у населения Вологодского края[22] чаще всего происходят от наименования ткани — *сукман*, *сукманка* (Вожегодский, Кирилловский, Тотемский р-ны), *сукманчик* (Кирилловский, Череповецкий, Вашкинский р-ны), *суконник* (Вашкинский р-н), *шерстяник* (Сокольский р-н); ее расцветки — *пестряк* (Вожегодский р-н), *дольник*[23] (Кирилловский, Вожегодский, Харовский, Сямженский р-ны, бывш. Кадниковский у.), *тесёмочник* (бывш. Каргопольский у.); от назначения сшитой из нее вещи (для ношения зимой) — *зимник* (Харовский, Нюксенский р-ны).

Установить границы региона, где распространен описанный тип юбок и сарафанов, довольно сложно из-за недостатка материала. Существующие данные скорее отражают степень обследованности территории, чем реальную картину бытования. Г.С. Маслова указывает следующий ареал: наиболее часто полосатые юбки или сарафаны встречались в центральных районах Вологодчины и в примыкающих к ним районах Архангельской области. Юго-восточная граница комплекса с полосатой юбкой отчетливо устанавливается на стыке Тотемского и Никольского уу. Севернее и западнее он был отмечен в Шенкурском у. Архангельской губернии и в Сольвычегодском, Вельском, Кадниковском, Тотемском уу. Вологодской губернии. Нечеткие следы бытования этого комплекса прослеживаются в некоторых селениях Грязовецкого у. Кроме того, полосатые юбки были известны в одежде населения по Пинеге, Вашке и Мезени[24].

В результате полевых исследований, а также изучения новых поступлений в Вологодский историко-художественный музей-заповедник и коллекций Череповецкого музейного объединения стало возможным расширить этот ареал прежде всего к западу. Сарафаны и юбки из полосатой ткани бытовали в районах: Усть-Кубенском (Верхнераменский и Богородицкий с/с), Харовском (Шапшинский, Кумзерский с/с), Вожегодском (Раменский, Бекетовский, Огибаловский, Явенгский, Тавенгский, Нижнеслободский, Марьинский с/с), Кирилловском (Чарозерский,

Печенгский, Талицкий с/с), Вашкинском (Липино-Борский, Васильевский, Андреевский, Ивановский, Островский, Киснемский, Шалго-Будуновский с/с), Шекснинском (Сиземский с/с), Череповецком (Абакановский или Дмитриевский с/с[25]). По другим западным районам данных не имеется, поэтому граница устанавливается пока условно.

В некоторых местах для шитья юбок и сарафанов употребляли полосатую холщовую ткань. В Харовском (Кумзерский и Шапшенский с/с) и Сокольском (Биряковский и Чучковский с/с) р-нах носили полосатые сарафаны-*портяники* на лямках или с лифом, сшитые из 4-5 полос домашнего холста, очень близкие по расцветке к шерстяным. Юбки из подобной ткани были распространены в Белозерском районе[26]. По воспоминаниям старожилов, в Грязовецком р-не (местности Катково и Лежа) также шили юбки из холщовой полосатой домотканины, объясняя это тем, что раньше держали мало овец и шерстяная ткань шла только на верхнюю одежду. В Череповецком р-не, судя по коллекции тканей Российского Этнографического музея, вырабатывали полосатый холст, напоминающий по орнаменту и расцветке шерстяную ткань[27].

Аналогичные виды одежды были распространены на территории Восточной и Центральной Европы довольно широко.

Наибольшее сходство с севернорусскими имеют полосатые юбки и сарафаны из ряда районов Польши (в основном это мазовские и подляшские комплексы). Ткань изготавливали на стане с широким бердом (70–80 см) в технике уточного или полотняного репса (*ryps plocienny*), используя для основы льняную нить, а для утка — домашнюю шерстяную пряжу. Традиция изготовления ткани на широком стане в Польше весьма давняя. Таким способом вырабатывали ткань по крайней мере с XVI в., а возможно и в XV в.[28]. Орнаментация ткани и ее расцветка идентичны севернорусским: группы симметричных разноцветных полосок разделялись более широкой, обычно красной полосой. Юбку шили из одного полотнища, сшивая его по утку. В комплекс с полосатой юбкой входила безрукавка, которая могла составлять с ней одно целое[29]. Одежда из полосатых тканей известна в Польше, судя по археологическим материалам, не позднее XIII в.[30]. Одним из названий полосатой юбки было *inderak*, этот термин зафиксирован в письменных источниках уже в XVI в.[31].

Продольнополосатые юбки были распространены также у крестьянок Литвы, Белоруссии, Украины, западной Смоленщины[32]. Ряд признаков позволяет объединить их в один тип. Ткань вырабатывали на стане с обычным размером берда[33]. И на основу, и на уток шла домашняя шерстяная пряжа, только иногда в утке заменявшаяся льняной. Разноцветные полоски образовывались нитями основы. Переплетение нитей полотняное. Юбку шили из 4-5 полотнищ ткани, оставляя на боку или впереди прореху для застежки. Неглубокие складки закладывали сзади

и с боков. Кроме того, в некоторых районах Белоруссии существовал и другой покрой — ткань располагали горизонтально, а для того, чтобы получить необходимую длину, сверху к ней пришивали еще одну полосу ткани[34]. Совершенно неизвестен такой покрой в восточных районах Могилевской, Витебской и Гомельской областей, непосредственно примыкающих к западной Смоленщине.

Характерной чертой смоленских и белорусских юбок является преобладание оттенков красного цвета — от алого до вишневого, сочетающегося с неширокими зелеными, желтыми, белыми, синими, розовыми полосками. В Литве и на западе Белоруссии чаще встречаются юбки с зеленым, коричневым или другим цветом фона и менее яркими, чем на востоке Белоруссии, полосками.

Таким образом, наблюдаются значительные различия в технологии, цветовой гамме и покрое с севернорусским типом юбок. Указанное обстоятельство может служить еще одним аргументом в пользу того, что распространение полосатых юбок у северных русских непосредственно не было связано с массовым перемещением населения из западных земель. Особенно подчеркнем разницу в технике ткачества, которая в условиях феодального хозяйства передавалась напрямую от учителя к ученику и поэтому являлась весьма устойчивым элементом культуры.

Области бытования юбок смоленско-белорусского типа в течение длительного периода были связаны общностью исторических судеб их населения. Эти земли входили в состав польско-литовского государства (сначала Великого княжества Литовского, а с 1569 г. — Речи Посполитой). Обращает на себя внимание тот факт, что повсюду в этих районах они имеют близкие названия: в Литве *индарокс, андерокас*[35], *андарак* в Поречском, Краснинском у. Смоленской губ.[36]. В Сувалкийской губ. полосатую юбку *ундерак* называли также *саяном*[37]. В Белоруссии чаще встречается термин *андарак*, только в северо-восточных районах Витебщины, в Могилевской и Гомельской губ. распространен термин *саян*[38]. На западной Смоленщине саян также обозначал полосатую юбку[39]. Термин саян, таким образом, распространен на довольно ограниченной территории, охватывающей западную часть Смоленщины и примыкающую к ней восточную часть Белоруссии. Оба термина имеют городское происхождение и первоначально обозначали одежду крупного духовенства и феодальной знати, культура которых находилась под сильным влиянием польского дворянства[40]. Э.А. Вольтер, посвятивший специальную работу происхождению саяна, считает, что он представлял собой юбку с коротким лифом и двумя помочами. Его шили из сукна, в том числе «фая каразиевого»[41]. Покрой андарака неизвестен, хотя некоторые косвенные данные позволяют предположить, что это была юбка с лифом. Так, Л.А. Молчанова приводит слова старинной песни, в которой упоми-

нается андарак: «Лучше, когда девка ездит на коне с сайдаком (колчаном. — *И.С.*), нежели когда обтянется тесным андараком»[42]. Единственно «тесным» элементом костюма в то время был лиф; ни юбки, ни верхняя одежда никак не попадают под это определение.

Полосатые юбки были частью костюма малороссийской шляхты и мещан еще в 80-е гг. XVIII в.[43]. Следует обратить внимание на то, что шляхтичка, изображенная на рисунке, приведенном в книге А. Ригельмана, вероятно, относится к мелкой, небогатой шляхте. Об этом свидетельствуют некоторые детали одежды, например передник, который в этот период не был характерен для одежды высших слоев.

В крестьянском костюме андарак распространился, по-видимому, не ранее XVII в. В русских письменных памятниках он впервые упомянут в начале XVIII в. в перечне имущества, награбленного у крестьян с. Катынь Смоленского у.[44].

Итак, на территории польско-литовского государства устанавливается бытование полосатых юбок в XV–XVIII вв. в среде служилого сословия и мещанства.

Продольнополосатые юбки встречаются на юге России у потомков военно-служилого сословия, бывших однодворцев Рязанской, Тамбовской, Воронежской, Курской, Орловской, Тульской и Калужской губерний. В этом регионе ткань для юбок изготавливали на стане с обычным размером берда (ок. 46 см). Переплетение нитей гладкое саржевое (т.е. при ткань употребляли три подножки, из которых две соседние были связаны и ходили вместе, поэтому уточная нить перекрывала две нити основы). Как для основы, так и для утка использовали очень тонкую шерстяную домашнюю пряжу. Полоски образовывались разноцветными нитями основы, уток же всегда был красным. Характерно преобладание красного неяркого фона, на котором выделялись неширокие группы полос. Ткань часто лощили, отчего она становилась блестящей. Юбку шили из 4-6 полотнищ ткани, вверху их собирали в сборки и пришивали обшивку, концы которой завязывали[45]. Происхождение полосатой юбки в южнорусском костюме исследователи связывают с выходцами из-за литовского рубежа, которые составляли немалую часть военно-служилого сословия[46].

Отметим, что описанный тип юбок по ряду существенных признаков отличается от севернорусского. Особенно важны различия в технике ткачества: в южнорусских юбках полосы образуются нитями основы, в северных — утка.

Значительное сходство с севернорусскими обнаруживают также юбки жителей Эстонии, Финляндии, Карелии и той части Латвии, где раньше обитали ливы — в Курземе и северной Видземе. Совпадают технология, орнамент, различия существуют только в цветовой гамме. Юбки северной и западной Эстонии гораздо светлее, чем севернорусские; в южной же

Эстонии сходна даже расцветка: там так же, как и у русских, излюбленным цветом для фона является красный[47]. Финские и карельские юбки практически ничем не отличаются от эстонских[48]. На севере Карелии носили и сарафаны из ткани с цветными продольными полосами. Очевидно, это финское влияние: в книге Д.А. Золотарева изображена карельская девушка «в финляндском костюме» — полосатом сарафане с лифом[49]. Латышские юбки очень темные. Фон черного, серого, темно-зеленого цвета, на нем резко выделяются узкие и очень яркие разноцветные полоски[50].

Переходя теперь непосредственно к проблеме появления продольнополосатых юбок на Севере, необходимо рассмотреть два возможных решения: или эта часть костюма является наследием дославянского финноугорского населения, или же она была принесена русским населением, пришедшим с одной из миграционных волн.

Первая гипотеза может возникнуть по причине существования в костюме ряда финноугорских народов (финнов, эстонцев, карел) полосатых юбок и тождества типов севернорусских и финских юбок, а также бытования этих юбок у русских на территории, ранее заселенной финноязычными племенами. Однако принять такое решение вопроса не позволяет позднее появление полосатой ткани в крестьянском костюме Эстонии и Финляндии, которое бесспорно относится к середине XVIII в.[51]. Полосатые ткани вошли в моду ранее у господствующих слоев населения, постепенно через мызных служащих и прислугу они проникли и в крестьянский костюм. Наиболее старые экземпляры полосатых юбок, датируемые концом XVIII в., сшиты из фабричной ткани. В Этнографическом музее Эстонии хранится несколько юбок из домашней полосатой ткани, которая полностью копирует фабричную. Характерно, что полосатые юбки больше распространены в северной и западной Эстонии и южной Финляндии, в областях, экономически более развитых. На юге Эстонии они появились позже: в конце XVIII — первой половине XIX в. и встречались реже, в некоторых местах (например, Халлисте) их совсем не было. На севере Финляндии они также не зафиксированы. Вероятно, распространение полосатой ткани в Прибалтике и Финляндии произошло под влиянием Германии. В Германии, а также в Швеции и Дании полосатые юбки известны в крестьянском костюме по крайней мере с XVII в.[52].

Таким образом, остается установить тот миграционный поток, в составе которого пришло на Север население, имевшее в своем костюме продольнополосатые юбки. Есть все основания искать эти группы среди переселенцев XVI–XVII вв., т.е. в период, когда полосатые ткани широко распространились в костюме ряда западноевропейских народов, а также у некоторой части населения западно- и южнорусских земель. В это время на Русском Севере возобладала колонизация из центральных районов Московского государства.

Во второй половине XVI в. северные уезды были сильно разорены и обезлюдели в результате войн и политики опричнины. Особенно пострадали их западные районы. Начало XVII в. принесло еще большее разорение. В течение почти десятка лет они подвергались частым грабежам со стороны польских и казачьих отрядов.

По окончании Смуты в северных уездах произошли резкие перемены в землевладении и общем строе управления. В 1613–1615 гг. московское правительство осуществило обширные раздачи земель в Белозерье служилым людям, в результате чего практически весь уезд, за исключением ранее сложившегося монастырского вотчинного землевладения, перешел в руки новых владельцев. Так, в 1612–1613 гг. на черных волостях было посажено «более 500 владельцев очень пестрого состава и очень демократического происхождения»[53]. Земли получили прежде всего те, кто в результате войны с Речью Посполитой потерял свои поместья в западных регионах государства. Новых землевладельцев по происхождению и прежнему месту жительства можно условно разделить на следующие группы.

Во-первых, это служилые люди, приписанные к городам западной окраины государства, которые или оказались захваченными поляками, или сильно пострадали от военных действий. Прежде всего смоляне, лишившиеся поместий, но оставшиеся верными Московскому князю («были за ними поместья в Смоленске и теми де их поместьями владеют литовские люди»[54]), затем разорившиеся служилые люди из Можайска, Волока (Волоколамска), Вереи, Рузы, Звенигорода, Клина, Новгорода.

Во-вторых, наиболее преданная часть казачества, оставшегося под Москвой, а также государевы люди: «кречетники, сокольники, ястребетники». Несколько позже «испомещаются сытного, кормового и хлебного дворца дворовые люди».

В-третьих, большое количество иноземцев: «немцы», «литва», «угрены», «волошеняне», нанятые на службу правительством[55].

Для нас наиболее важно упоминание в числе служилых людей «смольнян», для женского костюма которых, как было показано выше, очень характерны полосатые юбки. Например, «в Южской волости[56] за смолянином за Михайлом Мешковым сыном Юрьевым село Никольское на реке на Югу... а в дву потому ж за смолянином за Невежею Дмитриевым сыном Самариным село Воскресенское а и Никольское тож на реке на Югу да на реке на Саре»[57]. В соседней волости Усть-Угольской на р. Угле и Шексне «за смолнянином Федором Федоровичем сыном Патрекеевым сельцо Братач»[58]. В Черномотомской волости по р. Мотоме д. Трофимовская за смолянином Василием Николаевичем Воробьевым[59]. В Шухтовской волости названы смоляне Максимка Васильев сын Моложенинов и Василий Дернов[60]. В г. Белозерске, согласно Дозорной книге 1617–1618 гг., упомянуты в числе домовладельцев литвины

Матфей Яковлев и Захарий Ананьев, смоляне Севрин Уваров, Андрей Карсаков и др. — всего более двадцати человек. Многие из помещиков владели землями в Озатской (Азатской) волости[61].

Кроме Белозерского многие смоляне получили поместья в Вологодском у. В Писцовой книге 7135 (1627) г. по Вологде большинство вологодских помещиков называлось смолянами, всего за ними числилось 142 двора. Некоторые из них проживали в поместьях, другие же находились на службе[62].

В документах Поместного приказа по Вологодскому уезду, относящихся к тому же времени, по разным поводам (обычно дела о наследстве или споры из-за поместий) упоминаются многочисленные смоляне, поляки, литвины, иноземцы и иноземцы «старого выезда»[63].

Поместья новых владельцев располагались практически по всему Вологодскому у.

Обращает на себя внимание, что часть владельцев названы «иноземцами старого выезда», то есть получившими свои оклады в предшествующий период. Так, вдова Ульяна Мишевская в челобитной пишет: «Выехал, государь, муж мой Иван из Литвы блаженной памяти при государе, царе и великом князе Иване Васильевиче Всея Руси; а оклад, государь, мужу моему был поместный 500 четей... и муж, государь, владел и служил с того поместейца 30 лет». После гибели мужа под Козельском «служил с того поместейца» ее сын Михалко[64]. Такие примеры можно умножить.

Водворение новых владельцев на пожалованных землях происходило непросто. Многих пугала отдаленность полученного надела и связанные с этим трудности приезда на службу, других — необжитость и малолюдность края и сложность ведения хозяйства из-за длительных отлучек. Поэтому часть служилых людей не являлась в пожалованные поместья, а старалась каким-нибудь образом получить земли в центральных уездах Правительство стремилось воспрепятствовать этому, неоднократно издавая указы, в силу которых земли, оставляемые смолянами, могли переходить тоже только к смолянам, в первую очередь к их родственникам[65].

Вероятно, все же большая часть служилых людей осела у себя в поместьях. Об этом свидетельствует ряд документов. Например, в 1615 г. воеводой князем Лыковым была послана «отписка» Белозерскому воеводе Чихачеву об отправленном на Белоозеро сборщике, который должен был составить именной список «дворяном и детем боярским, Смолняном и иных розных городов, и атаманом и казаком, Белозерским помещиком», собрать их «со всею службою и с запасом» и ждать дальнейших распоряжений[66]. Спустя двадцать лет, в 1635 г., белозерский пушкарь Пинай Горбушин получил «память», по которой «ехать ему в Белозерский у. в Заозерской стан в поместья и вотчины иноземцев; и приехав в Шубацкия

волости в Черную, в поместье Андрея Радилова, и выслал яз при собе Андрея Радилова к Москве по государевой грамоте...». Тогда же Пинай Горбушин приезжал еще за помещиками Яковом Станицким и Тимофеем Клюковским[67]. Вероятно, по поводу призыва на службу между властями и помещиками не раз возникали конфликты. В частности, в том же году жители Белозерска «старого выезду иноземцы поместной Захарей Сломинский да кормовой Борис Сломинский» били челом царю на притеснение местных властей[68]. Сохранились и другие документы, подтверждающие проживание в уезде смолян. Так, в купчей 1634 г. говорится: «Се яз Василий Севринов сын Уваров, смольнянин, белозерский помещик продал есми на Беле-озере на посаде поварню отца своего Севрина Уварова...»[69]. В 1646–1647 гг. в Белозерской съезжей избе рассматривался спор между смолянами Василием Челищевым и Иваном Федоровым сыном Ашишковым о пустошах в Белозерском у.[70]. Земельные споры между смолянами Ф.А. Моложениновым, И. и Л.Н. Лениными, М.Я. Сназиным, Ф.Д. Моклоковым и другими и их соседями неоднократно отмечались в середине и второй половине XVII в.[71].

О доле служилых людей-смолян в общем числе белозерских и вологодских землевладельцев свидетельствует челобитная 1639 г., поданная помещиками Белоозера, Вологды, Галича, Пошехонья, Костромы, об отсрочке им явки на службу. Они просят разрешения приезжать к месту службы — в Тулу, Одоев, Крапивну — позже, чем помещики из центральных уездов, мотивируя это тем, что «в большую воду по распуте, в зажерах и в водяных заливах ... в то время на реках перевозов нет». Так, из 116 человек, приписанных к Белоозеру, смолян 78, белозерцев 13, белян 5, «можаич» 20 человек. Из 290 служилых людей-вологжан смолян 112, дорогобужан 8, белян 21, белозерцев 23 человека. Для сравнения укажем, что из 541 галицкого помещика только 1 смолянин, из 77 пошехонцев 4 смолянина[72]. В писцовой книге 1677 г. по г. Белоозеру из 27 дворов помещиков за смолянами и иноземцами числилось 16 дворов[73].

В Белозерье были также размещены драгуны (конница) и солдаты (пехота), которые первоначально при организации войска набирались только из иноземных наемников. В 1668 г. в Белозерск воеводе Петру Моложенинову была послана грамота, чтобы он «драгунов и салдат отпускных и беглых, старых и даточных на Белеозере и в уезде всех велел переписать имяны, с отцы и прозвищи, из которых сел и деревень, и с кого имяны взяты, и в которых полкех были, и переписав велел им жить по домам до нашего великого государя указу беспенно, а переписные имянные росписи прислать к нам великому государю к Москве тотчас ... в Иноземческом Приказе боярину нашему князю Никите Ивановичу Одоевскому»[74].

Сравнение фамилий помещиков Вологодского у. конца XVII в. с упомянутыми в документах Поместного приказа фамилиями земле-

владельцев также свидетельствует о том, что среди них были потомки смолян[75]. Причем все они были мелкими помещиками, владея от 1-3 до 20 дворов и редко больше.

Весьма ценным источником для исследуемого вопроса являются данные антропонимии о распространении на изучаемой территории фамилий с формантом *-ичев* (напр., Лукичев, Фомичев). Область их скопления находится севернее, северо-западнее и северо-восточнее Белого озера (здесь они составляют местами более 150 человек на 1 тысячу, тогда как обычно несколько человек на тысячу) с постепенным уменьшением частотности в окружающих районах. На юго-восток от Белого озера фамилии по модели *-ичевы* составляют от 45 чел. на 1 тыс. в средней части Шекснинского р-на до 6 чел. на 1 тыс. на границе с Ярославской обл. Восточнее — в Усть-Кубенском р-не — около 80 чел. на 1 тыс., а еще восточнее, около Харовска, их становится меньше. На юге Вологодчины они встречаются в Грязовецком р-не[76]. В.А. Никонов, исследовавший эту модель образования фамилий, указывает, что формант *-ичев* в XVIII в. был характерен для дворян, и считает вероятным его распространение из Белоруссии[77]. Приводимая им карта распространения фамилий с формантом *-ичев* практически полностью совпадает с западной частью ареала продольнополосатых юбок и сарафанов.

Второе скопление таких фамилий находится в Верхнем Поочье, на стыке Тульской и Орловской областей. Известно, что здесь были поселены служилые люди для охраны южных границ. Как в северном, и в южном регионе встречаются одни и те же фамилии[78], что позволяет предположить участие в заселении Вологодчины и Поочья родственных семей.

Кроме служилых, в Вологодский у. переселяют и различные категории зависимых людей. Например, в грамоте вологодского архиепископа Сильвестра говорится: «От великого господина преосвященного Селивестра, архиепископа вологоцкого и великоперьмского, в Вологоцкой уезд в Тошенскую волость, в Верховскую треть, Архангелскому попу Варфоломею: в нынешнем 121 [1613] году июня в 4 день, бил нам еси челом и докладывал, что в Архангилском приходе у дворян и у детей боярских служат многие иноземцы, поляки и литва и немцы некрещены, и они де их велят тебе крестити в нашу православную истинную крестьянскую веру»[79].

Во второй половине XVII в. в Вологодском у. поселяются крестьяне-полоняники — «деловые люди», выведенные во время войн царя Алексея из западных районов. Согласно переписи 1678 г., «редкое имение обходится без деловых людей польского полону»[80]. О каких-то присланных в Вологду белорусах идет речь в грамоте 1655 г. вологодского архиепископа Маркела вологодскому протопопу с братией о совершении церковных обрядов относительно белорусов: «Присланы на Вологду жить, до

государеву указу, белорусцы... Буде кто не истино крещен, обливан, и тех крестить снова»[81].

Таким образом, существование в Вологодском крае различных групп населения (служилые люди, крестьяне), связанных по своему происхождению со смоленскими землями и польско-литовским государством, хорошо прослеживается по источникам и не вызывает сомнения. Очевидно, именно с этой волной миграции (в первую очередь со служилыми людьми) и надо связывать появление продольнополосатых юбок и сарафанов на Севере. В пользу такого решения проблемы говорит и совпадение типов севернорусских юбок и сарафанов с аналогичной одеждой, характерной для выходцев из западных земель.

Проникновение одежды из полосатой ткани в севернорусский крестьянский костюм могло происходить, по-видимому, довольно легко и многими путями. Во-первых, существовало зависимое и свободное крестьянское население, переселенное из западных земель, которому этот костюм был хорошо известен и для которого он был признаком принадлежности к более высокому социальному классу. Во-вторых, многие из служилых людей получали очень маленькие наделы и со временем практически сливались с крестьянством. Пример такого рода приводит в своей монографии А.И. Копанев[82]. И в-третьих, в XVII в. в западных районах Вологодчины, безусловно, существовали еще достаточно большие массивы «чудского» населения (отдельные его группы отмечались и в конце XIX века)[83], для которого поясная одежда была элементом традиционного костюма (об этом см. ниже), что могло стать причиной быстрого распространения полосатых юбок среди местных жителей. Видимо, последнее обстоятельство объясняет и отсутствие специального наименования этой части костюма; в дошедших до нас письменных источниках XVII–XVIII вв., а также в современных вологодских и архангельских говорах не встречается терминов (андарак или саян), обозначавших полосатую юбку в западном регионе Восточной Европы.

Определенное влияние на распространение одежды из полосатой ткани имели торговые связи. Так, например, известно, что в середине XVIII в. холмогорские обывательницы носили юбки из светлой каразеи — «материи полосатой»[84]. Каразея — грубая шерстяная ткань, одноцветная или, как видим, полосатая, составляла одну из статей русского импорта с XVI в. и, благодаря своей дешевизне, была доступна широким слоям населения. Ее доставляли из польских земель белорусские купцы или же она поступала через Архангельск[85]. Название *каразейник* или *карасейник* для сарафана из шерстяной ткани широко распространенно в Архангельской и Вологодской губ.[86].

В XIX в. торговля велась с Финляндией через посредничество карельских перекупщиков. «Кореляк закупает у финляндских поселян

несколько сот шерстяных юбок, называемых датскими, и перепродает их русским поморам»[87]. Подчеркнем, что сбыт какого-либо продукта возможен при наличии спроса.

В Вологодском крае зафиксированы и другие элементы народного костюма, связанные по происхождению с польско-белорусскими и смоленскими переселенцами. Кроме отмеченных Г.С. Масловой[88], укажем еще следующие. Так, в Троичине Кадниковского у. встречалось название сарафана *кундыш* (польск. *kontusz*)[89]. В Кирилловском у. в конце XIX в. носили *коломентовые* сарафаны, сделанные из домотканой пестрой шерстяной материи[90]. В Белоруссии в XVI–XVIII вв. *каламайкой* называлась светлая полосатая шерстяная ткань, из которой сначала шили шлафроки у знати, а затем женские юбки и пояса у мужчин[91]. Льняная полосатая домотканина (*канифас, канафас*), которая шла на изготовление матрасов и из которой шили юбки и сарафаны в некоторых районах Вологодчины (см. выше), очень сходна с польской. Причем в Польше эта ткань издавна вырабатывалась на мануфактурах[92].

Дальнейшее проникновение полосатых юбок на восток — в бассейн Двины и Ваги — связано с миграцией населения из Вологодского и Белозерского уу., о чем имеется достаточно сведений. Однако и здесь, вероятно, надо видеть более сложный процесс: столь широкое бытование полосатых юбок трудно объяснить только одним переселением. Скорее всего, в данном случае также был усвоен культурный импульс, полученный от переселенцев, принесших костюм с полосатой юбкой, местным финноугорским населением. Причем двинско-важские земли являлись одним из районов, где русские встретились и смешались с прибалтийско-финскими группами, родственными вепсско-карельским[93]. Такое понимание появления полосатых юбок у северных русских объясняет, почему они не встречаются в юго-восточных районах Вологодчины, где предшественниками русских были поволжско-финские и пермские группы, у которых не зафиксированы подобные формы костюма.

С более поздней миграцией появление продольнополосатых юбок маловероятно, поскольку к концу XVII в. заканчивается приток населения извне в северные уезды. Те переселения белорусов, которые отмечаются в XIX в., слишком малы, чтобы повлиять на изменение традиционного женского костюма, и кроме того, сгруппированы всего лишь в нескольких волостях Кадниковского и Сольвычегодского уу.[94]. Хотя вполне возможно, что благодаря этим поздним белорусским миграциям уже существовавший комплекс женской одежды с полосатой юбкой получил новую подпитку.

Рассмотрение истории заселения других районов поздней русской колонизации, где существовал подобный тип юбок, обнаруживает присутствие там также выходцев из польско-литовского государства. Так, в

Прикамье, где отмечено бытование описанного типа юбок[95], в числе служилых людей неоднократно упоминаются «литвины»[96]. В Нижнем Поволжье распространение продольнополосатых юбок обычно связывают с расселением здесь белорусских и украинских крестьян в XVIII в. Не отрицая такой возможности, укажем, что в Астраханской губ. в середине XVII в. были поселены ссыльные выходцы из Речи Посполитой, о чем свидетельствуют две царские грамоты Астраханским воеводам князю Черкасскому, Волынскому и Дашкову «о присылке имянной росписи ссыльным литовцам, полякам и другим иноземцам, которые посланы в Астрахань и Терек из Москвы и Царских походов» и челобитная царю астраханских дворян и детей боярских «о разверстании их с литовскими гайдуцкими и мещанскими детьми, которые сравнены с ними по городовой службе»[97]. Примечательно, что последнее челобитье было написано под влиянием служивших в Астрахани иноземцев шляхтичей, от которых дети боярские узнали о низком происхождении высланных к ним литовцев.

Другая разновидность полосатых юбок встречается реже и пока не описывалась в этнографической литературе. К сожалению, она плохо представлена и в музейных собраниях.

Тип II — поперечнополосатые юбки с горизонтальным расположением полос. Ткань для этих юбок изготавливалась на стане с обычным размером берда (ок. 40 см). Основой служили льняные нити, окрашенные в темно-красный цвет, утком — очень толстая домашняя шерстяная пряжа. Переплетение нитей репсовое (так называемый «уточный репс»). В расцветке преобладают синие, фиолетовые, лиловые, лилово-розовые, коричневые, серые тона. В заонежских юбках больше розовых, охристых, табачно-бурых, коричневых и зеленобирюзовых оттенков[98].

Юбки шили из 4–5 полотнищ, по бокам и сзади закладывая неглубокие складки, которые сверху укреплялись холщовой обшивкой-поясом. Застежку делали слева. Наиболее характерным для этой ткани является неравномерное расположение полос по длине юбки. Нижняя часть (примерно треть длины) была более пестрой, чередовались довольно широкие (3–4 см) полосы нескольких цветов, в средней оставались полоски только двух цветов и они становились уже (1–1,5 см), верхняя часть была однотонной. Иногда встречаются юбки с одинаковыми полосками по всей длине, однако и здесь подол оформлялся ярче.

Этот тип юбок более распространен в западных районах Вологодской и смежных районах Архангельской области: Усть-Кубенском (д. Конь-Гора Богородского с/с), западной части Харовского (д. Давыдовская Кумзерского с/с, д. Машутиха Шапшинского с/с) и Вожегодского (д. Заберезник Тавенгского с/с, д. Бухара Огибаловского с/с,

д. Мигуевская Бекетовского с/с), Вашкинском (д. Остров Островского с/с, д. Задняя Слободка Киснемского с/с, д. Парфеново Роксомского с/с), Бабаевском (д. Шугино Волоковского с/с, местность Хилька), Череповецком (д. Борковская бывш. Мегринской волости). Известны такие юбки и на Онеге, в Каргополье, Пудоже, Заонежье, Кириллове[99]. Из центральных вологодских районов они зафиксированы в Сямженском (д. Яковлевская Житьевского с/с, д. Зайцево и Гора Коробицынского с/с, д. Путково Двиницкого с/с). Очень редки сарафаны из такой ткани, они отмечены только в Сямженском и центральных и западных сельсоветах Вожегодского р-на. Сарафан-*простовик* имел такой же покрой, как и сарафан из ткани с продольными полосками.

Ближайшие аналогии данному типу юбок находим в костюме финноугорских народов Северо-Запада: у карел Петрозаводского у., ижоры Кингисепского у. и финнов из Койвисто[100]. У ижоры такие юбки шили из чистошерстяной или полушерстяной (основа бумажная, а уток шерстяной) ткани «черного, красного, зеленого и синего цвета со всевозможных цветов узкими или широкими полосами, расположенными у одних юбок в вертикальном, а у других в горизонтальном направлениях. По словам старожилов, то или иное расположение полос связано с районом. Так, например, ижоры, живущие по р. Луге, в прежнее время имели на юбках исключительно вертикальные полосы, в то время как у ижоры Кургаловского полуострова полосы всегда располагались в горизонтальном направлении. Эти юбки в настоящее время (т.е. в 20-е гг. XX в. — *И.С.*) во всех указанных районах являются нижней одеждой, но лет 40–50 тому назад девицы носили их как верхние»[101]. К ним близки также и юбки вепсов: «У средних вепсов была распространена шерстяная или полушерстяная юбка с расцветкой поперечными полосами тканого орнамента»[102]. В отличие от описанных, вепсские юбки иногда состояли из двух сшитых между собой кусков ткани, причем верхняя часть бывала из льняной домотканины, а нижняя, как правило, полушерстяной, с горизонтальным или вертикальным расположением полос[103]. У сегозерских карел (Медвежьегорский р-н Карелии) юбки шили из полосатой многоцветной ткани — полушерстяной, конопляной, льняной или из тряпичных лент. В зависимости от сшивания полотнищ юбка имела рисунок в вертикальную или горизонтальную полоску[104].

Таким образом, поперечнополосатые юбки распространены на довольно компактной территории — у южных финнов, ижоры, карел-ливвиков, карел-людиков, вепсов и у русских преимущественно в западных районах Вологодской и Архангельской областей.

Наряду с юбками для многих прибалтийско-финских народов характерна несшитая набедренная одежда, для обозначения которой существуют близкие названия: *hurstut*, *hurstukset*, *ursk* и др.[105]. Карельскую

несшитую юбку *hurstut* изготовляли из трех полотнищ грубого полосатого полусукна, ширина среднего равнялась примерно 50 см, а боковые были вполовину уже и расширялись книзу. По подолу нашивалась полоса другой ткани[106]. Ижорскую *hurstut* шили из двух полотнищ тяжелой шерстяной ткани со свастическим узором, соединенных вставкой из другой ткани. У средней ижоры *hurstut* представлял из себя полотнище полосатой ткани, по низу которого были нашиты маленькие треугольные кусочки сукна самых различных цветов[107]. Ижорский *hurstut* ткался поперечнополосатым[108]. Вепсское *hursti* означало домотканый половик, из этой же ткани шили одеяльные юбки для работы зимой[109]. У води *ursk* изготовляли из двух кусков коричневой с неяркой клеткой ткани, которая прикреплялась к поясу спереди и сзади[110].

Кроме набедренной одежды, этот термин обозначал еще один ее вид — своеобразную накидку из прямоугольного куска ткани с пришитой к нему лямкой. Ее набрасывали на руку, когда хотели спрятать то, что несли в руке, или накидывали на голову во время дождя[111].

У прибалтийско-финских народов набедренная одежда является весьма архаичным элементом традиционного костюма. Об этом свидетельствует существование близких терминов для наименования сходных форм одежды в ряде прибалтийско-финских языков, употребление этого слова в значении куска ткани, грубой льняной домотканины и т.п.[112]. По археологическим материалам, в Эстонии набедренная одежда, вероятно, была известна уже в XI–XIII вв.[113].

Вероятно, довольно старой в традиционном костюме прибалтийско-финских народов является также и сшитая юбка. Так, у вепсов «смертная» одежда, «в комплексе которой особенно долго сохраняются традиционные особенности, повсюду включает именно юбку»[114]. В костюме карел юбка является более ранним элементом, чем сарафан, который появился у них под русским влиянием[115].

Бытование поперечнополосатых юбок у русских в районах, пограничных с прибалтийско-финскими племенами, а в прошлом и занятых ими, позволяет предположить, что они являются частью костюма дорусского населения. По данным антропологии, современное население бассейна Верхней Онеги и части западных районов Вологодчины в значительной степени сформировалось на местной финноугорской основе[116]. Существенное включение в местную топонимию и лексику финских терминов также свидетельствует о том, что этнический процесс в этих районах шел именно этим путем.

В материальной и духовной культуре русского населения западных районов Вологодчины и смежных районов Архангельской области ясно проступают черты, связанные по происхождению с местным прибалтийско-финским населением. К ним, например, относятся отдельные

элементы орнамента[117], названия некоторых мифологических персонажей[118], легенда о жертвоприношении каких-либо животных, чаще всего оленей[119], а также другие легенды топонимического характера, содержащие объяснение местных топонимов из «чудского» языка[120], сходство напевов[121] и др. По всей видимости, поперечнополосатые юбки также следует связывать с финноязычной этнической группой (древняя весь?), вошедшей в состав северных русских и названных выше прибалтийско-финских народов.

Итак, приведенные материалы еще раз свидетельствуют о сложности культуры севернорусского населения, которая представляет собой синтез различных этнических и социальных компонентов. Именно под этим углом зрения может быть понято многообразие ее форм. При этом определяющее значение играл характер межэтнических контактов: преобладание ассимиляционных или аккультурационных процессов в значительной степени определяло своеобразие культурного облика той или иной локальной группы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Маслова Г.С.* Народная одежда русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник. ТИЭ. Т. 31. М.; Л., 1956. С. 635; *Лебедева Н.И., Маслова Г.С.* Русская крестьянская одежда XIX — начала XX в. // Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967.

2 *Маслова Г.С.* Об особенностях народного костюма населения Верхнедвинского бассейна в XIX — начале XX в. // Фольклор и этнография Русского Севера. М., 1973. С. 66–86.

3 Там же. С. 84.

4 *Готье Ю.В.* Замосковный край в XVII веке. М., 1937. С. 188–189.

5 *Зеленин Д.К.* Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб., 1913. С. 441; *Витов М.В.* Этнические компоненты русского населения Севера (в связи с историей колонизации XII–XVII вв). М., 1964. С. 7.

6 *Зеленин Д.К.* Великорусские говоры... С. 495.

7 *Шейн П.В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края. Т. 3. СПб., 1902. С. 51.

8 *Карский Е.Ф.* Белорусы. Т. 1. Варшава, 1903. С.13.

9 *Маслова Г.С.* Народная одежда... С. 555.

10 *Молчанова Л.А.* Очерки материальной культуры белорусов XVI–XVIII вв. Минск, 1981. С. 65-69.

11 *Абецедарский Л.С.* Белорусы в Москве XVII века. Минск, 1957; *Мальцев А.Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII века. М., 1974.

12 Русско-белорусские связи. Сборник документов (1570–1667). Минск., 1963, №№ 86, 118, 169, 348.

13 *Мальцев А.Н.* Указ. соч. С. 146-147.

14 Материалы для изучения великорусских говоров. Вып. III. СПб., 1896. С. 47, 58, 75; вып. IV. СПб., 1897. С. 134; Вып. V. СПб., 1898. С. 168 и др.; Программа для собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка. Вып. II. Севернорусские и среднерусские говоры // Русский филологический вестник. Т. 66. СПб., 1911, № 3–4; Труды московской диалектологической комиссии. Вып. 3. М., 1914.

15 *Зеленин Д.К.* Указ. соч. С. 464, 488 и др.; *Ляпунов Б.* Несколько слов о говорах Лукояновского у. Нижегородской губернии // ЖС. 1894. Вып. 2. С. 156–161.

16 *Шайтанов А.* Верховажский Посад. 1848-1849 гг. // АРГО. Р. 7. Оп. 1. Д. 62. С. 36.

17 *Попов Н.* О наряде женского пола, живущего в Кадниковском у. 1856 г. // *Зеленин Д.К.* Описание рукописей ученого архива ИРГО. Вып. I. СПб., 1914. С. 108.

18 *Куликовский Г.И.* Дополнение к «Словарю областного Олонецкого наречия». СПб., 1899. С. 7–8. В данном случае возможна имитация полосатой шелковой ткани «дороги» — см. *Савваитов П.* Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора в азбучном порядке расположенное. СПб., 1896. С. 33.

19 *Шустиков А.А.* По деревням Олонецкого края. (Поездка в Каргопольский у.) // Изв. ВОИСК. Вып. 2. Вологда, 1915. С.115.

20 Для описания юбок использовались коллекции Российского этнографического музея (РЭМ), Вологодского государственного историко-художественного музея-заповедника (ВГМЗ), Череповецкого музейного объединения (ЧерМО), а также полевые материалы, собиравшиеся автором в Тотемском, Сямженском, Вожегодском, Харовском, Вашкинском, Грязовецком р-нах в 1990-е гг.

21 РЭМ, инв. № 660-57; «Т» 2040.

22 Нами используется административное деление (уезд или район), которое содержится в источниках.

23 От «доля», «часть».

24 *Лебедева Н.И., Маслова Г.С.* Русская крестьянская одежда... С. 201; *Маслова Г.С.* Об особенностях...С. 78–79.

25 В описи Череповецкого музея приведено только название деревни — Лаптево. Такие деревни существуют в двух указанных сельсоветах. Установить, в каком из них собиралась коллекция, не представляется возможным.

26 Собрание Белозерского историко-художественного музея.

27 РЭМ, колл. 1141, № 15–18, 38–44, 46.

28 Zaris historii wlokiennictwa na ziemiach polskich do konca XVIII wieku. Wroclaw; Warszawa; Krakow, 1966. S. 121–126.

29 *Hermanowicz-Novak K.* Odziez // Etnografia Polski: Przemany kultury ludowej. T. I. Wr Wroclaw; Warszawa; Krakow, 1976. S. 400–401; Atlas jezika i kultury ludowej

Wielkopolski. T. VI. Wlokiennictwo — odziez — obuwie. C. 2. Wroclaw; Warszawa; Krakow, 1990. S. 34–35, 49–54.

30 Zaris historii... S. 86–87; *Ганцкая О.А.* Народное искусство Польши. М., 1970. С. 59–60.

31 *Gloger Z.* Encyklopedia staropolska ilustrowana. Warszawa, 1972. T. 2. S. 269.

32 *Ганцкая О.А., Лебедева Н.И., Чижикова Л.Н.* Материальная культура русского сельского населения Западных областей (во второй половине XIX — начале XX в.) // Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР. ТИЭ. Т. 57. М., 1960; *Мастоните М.* Литовская народная женская одежда в XIX — начале XX в. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Вильнюс, 1967.

33 Только кое-где в Литве (преимущественно на западе) встречается ткань, изготовленная на стане с широким бердом. Этот тип юбок очень близок к севернорусскому, отличаясь от него расположением полос: они составляют произвольные, несимметричные группы. Фон юбок всегда ярко-красный, полосы — черного, желтого и зеленого цветов.

34 *Молчанова Л.А.* Материальная культура белорусов. Минск, 1968. С. 140.

35 *Миллер В.Ф.* Систематическое описание коллекций Дашковского музея. Вып. II. М., 1893. С. 18, 20, 21.

36 Там же. Вып. III. М., 1893. С. 128–134.

37 АРЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 81. Л. 28.

38 *Молчанова Л.А.* Материальная культура... С. 136.

39 ГИМ. Коллекция Погодина. Инв. № 98052-127-130, А-40923 и др.

40 *Вольтер Э.А.* К вопросу о саянах // Изв. ОРЯС. Т. XXII. Кн. I. СПб., 1917. С. 117–126; *Молчанова Л.А.* Очерки материальной культуры... С. 67–69.

41 *Вольтер Э.А.* Указ. соч. С. 123.

42 *Молчанова Л.А.* Очерки материальной культуры... С. 70.

43 *Ригельман А.* Летописное повествование о малой России. М., 1847. Рис. 18, 19.

44 Доклады и приговоры, состоявшиеся при Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Т. 5. СПб., 1906. С. 650.

45 Русские... С. 201; карта 46; *Лебедева Н.И.* Прядение и ткачество восточных славян в XIX—начале XX в. // Восточнославянский этнографический сборник... С. 523–524; *Ганцкая О.А., Лебедева Н.И., Парникова А.С.* Материальная культура сельского населения южновеликорусских областей (XIX — начало XX в.) // Материалы и исследования по этнографии... С. 253.

46 *Лебедева Н.И., Маслова Г.С.* Русская крестьянская... С. 200–201.

47 Эстонская народная одежда XIX–XX вв. Таллинн, 1960; *Линевский А.М.* Карелы // Советская этнография. Сб. статей. 5. М.; Л., 1941. С. 89–109; Историко-этнографический атлас Прибалтики. Одежда. Рига, 1986. С. 39–40.

48 *Sirelius U.T.* Suomen kansanpukujen historia // Journal de la societe Finno-Ougrienne. 31. Helsinki, 1916.

49 *Линевский А.М.* Указ. соч. С. 96; *Золотарев Д.А.* В северо-западной Карелии // Карельский сборник. Труды КИПС. № 16. Л., 1929. С. 13.

50 Женские народные костюмы Латвии по районам. Рига, 1960; *Slava M.K.* Latviesu tautas terpi. Riga, 1966.

51 *Leinbock F.* Die materielle Kultur der Esten. Tartu, 1932. S. 57; *Voolmaa A.* Eesti rahvaroivaseelikud // Etnografiamuuseumi aastaraamat. XXV. Tallinn, 1971. S. 145; *Sirelius U.T.* Op. cit. S. 103.

52 *Rylkanen R.* Säätiläispuku Suomessa vanhemalla Vaasaajalla 1550-1620 // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakaus. № 55. Helsinki, 1955; *Ее же.* Barokin Pykumuoti suomessa // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakaus. № 71. Helsinki, 1970.

53 *Новосельский А.А.* Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. С. 142.

54 *Копанев А.И.* История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. М.;Л., 1951. С. 73.

55 *Новосельский А.А.* Указ. соч. С. 142–143; *Копанев А.А.* История землевладения... С.73. Иноземцами называли выходцев из-за западного рубежа из пределов польско-литовского государства; служилые «немчины», «фрянцюженины» или «иноземцы шкотцие земли» упоминаются особо.

56 Южская волость была расположена на реке Большой Юг, левом притоке Шексны, в современном Череповецком р-не.

57 Сборник материалов по Вологодскому краю. XVIII в. // РНБ ОР. F. XVII. 57. № 198. Л. 170б.–18. Сборник содержит описание земель Вологодского у., относящееся, вероятно, к 30-м гг. XVII в., т.к. в тексте указаны 136, 137, 138 гг.

58 *Замысловский Е.Е.* Извлечения из переписных книг. Вып. 1. СПб., 1888. С. 266. Сведения относятся к 1678–1679 гг. Отметим, что в этот период уже редко называется прежняя приписка помещика к тому или иному городу. Например, владельцы сел Семеновского и Братовец (или Братач) Шишкин и Патракеев, упомянутые в 1677 г. в других документах, не названы смолянами — см.: Новгородский сборник. Т. 5. Новгород, 1866. С. 80, 211.

59 *Замысловский Е.Е.* Указ. соч. С. 241.

60 Описание столбцов Воскресенского Череповецкого монастыря // *Пушкин Б.С.* Описание принадлежащих Л.М. Савелову документов. М., 1912. С. 30–31.

61 Дозорная книга города Белоозера «письма и дозору» Г.И. Квашнина и подъячего П. Дементьева / Публ. Ю.С. Васильева // Белозерье. Историко-литературный альманах. I. Вологда, 1994. С. 41–48.

62 *Мерцалов А.Е.* Вологодская старина. Материалы для истории Северной России. СПб., 1889. С. 52.

63 *Сторожев В.Н.* Материалы для истории делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII веке. Вып. 1. СПб., 1906. С. 95–101, 103, 112, 113, 115, 118; Вып. 2. С. 43–44, 156, 158, 201–293, 351, 352, 353, 437, 447, 461, 463; Сборник материалов по Вологодскому краю. XVIII в. // РНБ ОР. F. XVII. № 200. Л. 180б.; Указная книга Поместного приказа. Вып. I // Историко-юридические материалы, издаваемые Московским архивом министерства юстиции. М., 1889. С. 68.

64 *Сторожев В.Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 118.

65 Указная книга Поместного приказа. Вып. I. С. 43, 44, 113, 118, 135.

66 АЮБ. Т.3. СПб., 1857. С. 44-45.

67 АЮБ. Т.1. СПб., 1857. С. 526.

68 АИ. Т. 3. СПб., 1842. С. 335, № 183. Поместными назывались иноземцы, которые отличились на службе и прижились в России, они получали поместье на условиях службы с него. Кормовыми — те, которые отсылались «на корм» в города. См.: *Беляев И.* О русском войске в царствование Михаила Федоровича и после его, до преобразований, сделанных Петром Великим. М., 1846. С. 31.

69 *Успенский Н.П.* Белозерская старина. Материалы для истории Бела-озера посада и уезда в XVII веке // Пямятная книжка Новгородской губернии на 1894 год. Новгород, 1894. С. 6.

70 Краткая опись древнерусских грамот, хранящихся в Отделе рукописей Гос. Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. 1630–1646 гг. Вып. 4. Л., 1953. С. 126. № 368.

71 *Шумаков С.А.* Обзор грамот Коллегии Экономии. Вып. 2. Тексты и обзор Белозерских грамот // ЧОИДР. Кн. 3. М., 1900. С. 19, 35, 36, 60, 70–71.

72 Акты Московского государства, изданные Императорскою Академиею наук. Т. II. СПб., 1894. С. 106–197.

73 Белозерские писцовые книги 1677 г. // Новгородский сборник. Вып. I. Новгород, 1865. С. 12-13.

74 АЮБ. Т.1. С. 287.

75 *Водарский Я.Е.* Вологодский уезд в XVII в. (К истории сельских поселений) // Аграрная история Европейского Севера СССР. Т. 3. Вологда, 1970. С. 269–296.

76 *Никонов В.А.* География фамилий. М., 1988. С. 80–81.

77 Там же. С. 45.

78 Там же. С. 80.

79 *Суворов Н.И.* Вологодские акты 1613–1672 г. // Летопись занятий Археографической комиссии. Вып. 2. СПб., 1862. С. 63–64.

80 *Готье Ю.В.* Указ. соч. С. 180, 187. См. также: *Дьяконов М.А.* Очерки из истории сельского населения в Московском государстве (XVI–XVII вв.). СПб., 1898. С. 256–261.

81 АЮБ. Т. 1. СПб., 1857. С. 274.

82 *Копанев А.И.* Указ. соч. С. 178–179.

83 Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Т. 27. Олонецкая губерния. Список населенных мест по сведениям 1873г. СПб., 1879. С. LXXXII, 59–61.

84 *Хоревич Ф.* О местной народной мужской и женской одежде, ремесленных и других принадлежностях и проч. прошлых времен. Сборник актов Холмогорского Спасопреображенского собора // АГВ. 1869. № 12.

85 Русско-белорусские связи... С. 38, № 30 (1593 г.); *Молчанова Л.А.* Очерки материальной культуры... С. 62; Русская историческая библиотека. Т. 2. СПб., 1875. С. 565, № 162 (1636 г.). В XVI–XVII вв. на русском рынке преобладали ткани из

западно-славянских земель. См. *Флоря Б.Н.* Из истории экономических связей России с западно-славянскими землями Габсбургской монархии в XVI в. (Чешские, моравские и силезские сукна на русском рынке) // Австро-Венгрия и славяно-германские отношения. М., 1965. С. 3–15.

86 *Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия. СПб., 1885. С. 63; Словарь русских народных говоров. Вып. 13. Л., 1977. С. 70.

87 *Верещагин В.* Очерки Архангельской губернии. СПб., 1849. С. 172. Хотя в данном случае и нельзя с полной уверенностью утверждать, что речь идет именно о полосатых юбках, но это очень вероятно: в датском народном костюме они были широко распространены.

88 *Маслова Г.С.* Об особенности... С. 80–81.

89 *Шайтанов.* Особенности говора Кадниковского уезда Вологодской губ. // ЖС. 1895. № 3. С. 391.

90 Словарь русских... Вып. 14. Л., 1978. С. 169.

91 *Молчанова Л.А.* Очерки материальной... С. 62.

92 *Staronkova Z.* Kanafasy — goralskie pasiaki // Polska sztuka ludowa. 1950. Rok 4, № 7–12. С. 122–125.

93 *Герд А.С., Лутовинова И.С., Михайлова Л.П., Рождественская Т.В.* Этническая история Русского Севера в трудах языковедов и некоторые вопросы теории этногенеза // СЭ. 1985. № 3. С. 31; *Рябинин Е.А.* К этнической истории Русского Севера (чудь заволочская и славяне) // Русский Север: К проблеме локальных групп. СПб., 1995. С. 32.

94 Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. VII. Вологодская губерния. Тетр. 2. СПб., 1904. С. 66–67; Анкетные сведения по исследованию крестьянского хозяйства и землевладения после 9/XI 1906 г. по Вологодской губ. 1906 г. // РГИА. Ф. 91. Оп. 2. Д. 815. Л. 115, 117, 125, 154.

95 *Чагин Г.Н.* Одежда XVII–XX в. // На путях из Земли Пермской в Сибирь. Очерки этнографии северноуральского крестьянства XVII–XX вв. М., 1989. С. 158–163.

96 Верхотурские грамоты конца XVI — начала XVII вв. М., 1982. С. 15, 16, 28, 31 и др.

97 Акты писцового дела 60–80-х гг. XVII в. М., 1990. С. 303, 438.

98 *Кожевникова Л.А.* Особенности народного узорного ткачества некоторых районов Севера // Русское народное искусство Севера. Л., 1968. С. 119.

99 Там же. С. 118–119; *Логинов К.К.* Материальная культура и производственная магия русских Заонежья. СПб., 1993. С. 106.

100 См.: РЭМ, инв. № 3946-89, 91, 87; 4460-45; 6588-3 и др.; *Прыткова Н.Ф.* Одежда ижор и води // Западнофинский сборник. Труды КИПС. Вып. 16. Л., 1930; *Тарова Р.Ф.* Материальная культура карел. М.; Л., 1965; *Sirelius U.T.* Op. cit. Цв. табл. II, рис. 3. На этом рисунке изображена женщина в поперечнополосатой юбке, нижняя часть которой состоит из сочетания довольно широких зеленых, розовых и коричневых полос, а верхняя — из узких коричневых и розовых.

101 *Прыткова Н.Ф.* Указ. соч. С. 316.

102 *Пименов В.В.* Вепсы. М.; Л., 1965. С. 148.

103 *Костыгова А.* Народная одежда прионежских вепсов // Сборник научных работ студентов Петрозаводского университета. Вып. 5. Петрозаводск, 1958; *Пименов В.В.* Указ. соч. С. 108, 148–149, табл. 37.

104 *Косменко А.П.* Одежда и украшения // Материальная культура и декоративно-прикладное искусство сегозерских карел. Л., 1981. С. 123.

105 Nykysuomen sanakirja. Porvoo-Helsinki, 1951. S. 545; Inkeroismurteiden sanakirja. Helsinki, 1971. S. 74; *Voolmaa A.* Tahelepanekuid vepslaste roivastusest ja naiste kasitoodest // Etnografiamuuseumi aastaraamat. XXII. Tallinn, 1967. S. 228–229; *Зайцева М.И., Муллонен М.И.* Словарь вепсского языка. Л., 1972. С. 135.

106 *Тароева Р.Ф.* Указ. соч. С. 159.

107 *Manninen I.* Die Kleidung... Taf. III. S. 120.

108 *Шлыгина Н.В.* Архаические формы женской одежды води и ижоры // Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986. С. 221.

109 *Пименов В.В.* Указ. соч. С. 108.

110 *Slava M.* Latviesu tautas terpi. Табл. 4, рис. 2.

111 АРЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 587. Л. 34; *Sirelius U.T.* Op. cit. S. 92.

112 *Toivonen Y.H.* Suomen kieien etymologinen sanakirja. Helsinki. B. 1. 1955. S. 90–91; Nykysuomen sanakirja. Porvoo; Helsinki, 1951. S. 545; Inkeroismurteiden sanakirja. Helsinki, 1971. S. 74; *Зайцева М.И., Муллонен М.И.* Указ. соч. С. 135.

113 *Лаул С.К.* Одежда эстонцев I–XVII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986. С. 193–194.

114 *Пименов В.В.* К вопросу о карельско-вепских культурных связях // СЭ. 1960. № 5. С. 37.

115 *Тароева Р.Ф.* Указ. соч. С. 159; *Sirelius U.T.* Op. cit. S. 103.

116 *Алексеева Т.И., Федосова В.Н.* Ранние этапы славянской колонизации Русского Севера // Вопросы антропологии. Вып. 86. М., 1992. С. 8–23; *Зубов А.А.* О финском компоненте в антропологическом типе населения Вологодской области (по данным Российско-Финляндской экспедиции 1991 г.) // ЭО. 1995. № 2. С. 90–96.

117 *Маслова Г.С.* Узорное тканье на Русском Севере // КСИЭ. Вып. XI. С. 17.

118 *Черепанова О.А.* Иноязычные элементы в мифологической лексике Русского Севера // Системные отношения в лексике севернорусских говоров. Вологда, 1982. С. 33–40.

119 *Шаповалова Г.Г.* Севернорусская легенда об олене // Фольклор и этнография Русского Севера. С. 215–216; *Пименов В.В.* Указ. соч. С. 243.

120 *Шустиков А.А.* Указ. соч. С. 122 и след.

121 *Лапин В.А.* Русский музыкальный фольклор и история (к феноменологии локальных традиций). М., 1995. Анализ концепций см. в статье: *Кастров А.Ю.* Вопросы структурной типологии Олонецких нарративных напевов («вепская мелострофа» и «рунический ритм») // Русский фольклор. XXVII. СПб., 1993. С. 113–135.

ПРАЗДНИЧНАЯ ОДЕЖДА СЕВЕРЯН АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ НАЧАЛА XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПИНЕЖСКОГО УЕЗДА)

Пинежье — историко-культурная область Архангельского Севера, стабильный интерес к которой со стороны ученых наблюдается в течение нескольких последних столетий. Яркость, самобытность и своеобразие культуры пинежского населения выразились в сложившемся здесь уникальном комплексе праздничной и повседневной одежды. Характер северного костюма, соответствовавший крестьянской эстетике, формировался и видоизменялся на протяжении многих веков. К началу XX в. он имел множество вариантов. Неписаными законами было установлено, какую одежду носить в будни, какую по воскресным дням, в престольные праздники, на свадьбу, по случаю траура.

Любой праздник сопровождался преображением и улучшением внешнего облика людей. Праздничный костюм отличался от будничного бóльшим количеством предметов, его составляющих, лучшим качеством материалов, из которых он был изготовлен, большей декоративностью всех предметов одежды, головного убора, обуви.

Для молодежи значение праздничной одежды было огромным. Юноши и девушки к 15–17-ти годам обретали новый социальный статус. Приближение возраста совершеннолетия было важным событием: появлялся новый взрослый член трудового коллектива и продолжатель рода. Первой общественной демонстрацией этого статуса было изменение в одежде. «При достижении половой зрелости начинают прилично одевать»[1]. Молодежь пела об этом в частушках, истинно народном творчестве, отражавшем многие аспекты праздничной жизни северян.

Пляши, Матвей,
Не жалей лаптей,
Папка новы заведет,
Босиком не поведет[2].

Народная психология сформировала определенный образ парня-жениха, в котором наравне с силой ценилось умение наряжаться — быть щеголем.

На всем Архангельском Севере наличие только одного праздничного комплекта одежды у молодых людей брачного возраста считалось верхом неприличия. Парень-жених старался готовить новую одежду и головной убор к каждому общественному празднику. В первую очередь это носило социально-престижный характер, хваление одежды входило в систему приветствий молодежи[3].

Дроля в беленькой рубашке,
А когда и в голубой.
Как ему не задаваться
Перед девушкой любой.

В промысловых и отходнических районах юноши имели свой заработок[4], часть которого тратили на праздничный комплект одежды. Например, сплавляли лес в Архангельск, занимались «нищенством» и др. Подобный обычай встречался на всем Архангельском Севере, но особенно «нищенство» было развито в районах верхней Пинеги, бывших Торковской и Гавриловской волостях. Население этих волостей подчас большими партиями, целыми семьями отправлялось за милостыней, называя это ремесло «наживой»[5].

Для девушки значимость праздничной одежды была гораздо выше, чем для юноши, последние годы перед замужеством она занималась изготовлением в основном праздничной одежды.

Традиционный (крестьянский) праздничный костюм являлся обязательным для молодежи в дни больших православных и съезжих

праздников. Девушки брачного возраста «выставлялись на смотры», показывая себя и свою одежду потенциальным женихам и их родителям. Кроме того, праздничный костюм был обязателен во время свадеб. По наблюдениям М.Б. Едемского, в деревнях на Пинеге в начале XX в. невеста всегда была одета в традиционный костюм, даже если вся деревенская молодежь надевала по праздникам модные костюмы[6].

Северный праздничный костюм как замужней женщины, так и девушки составлял сарафанный комплекс, который включал в себя рубаху, сарафан, передник, пояс и многочисленные дополнительные детали, главным образом украшения. Отдельно необходимо сказать о женских и девичьих головных уборах, которые придавали неповторимый колорит северорусскому праздничному костюму и долгое время сохраняли свою сакральность.

На Архангельском Севере праздничный головной убор являлся одной из самых ярких и важных деталей народного костюма. Женские головные уборы северянок отличались большим разнообразием. По ним даже в начале XX столетия можно было определить социальный статус женщины, достаток семьи, районы проживания.

Все головные уборы имели плотную круглую основу, независимо от их конструктивных особенностей. Характерной особенностью девичьих головных уборов был открытый верх. Названия уборов различны: *повязка, перевязка, лента, почелок, венец, коруна* и др. Высокие девичьи *повязки* носили практически во всех уездах Архангельской губ. и во многих уездах Вологодской губ. Лишь в Кемском и Александровском уу. Архангельской губернии девушки в качестве праздничного убора носили своеобразную широкую ленту, сложенную из шелкового платка и украшенную по очелью рядами из жемчуга и бисера, впрочем, ее тоже называли повязкой. Большинство повязок представляло собой широкую полосу ткани на твердой основе, высотой 20–25 см, обшитую позументом, галуном фабричного производства. Этот материал на Пинеге называли «хазом». Нижняя лицевая часть повязки заканчивалась изящной поднизью из жемчужных или бисерных фестонов. Завязывалась она на затылке широкими лентами с позументом, чаще красного цвета, в Пинежском у. предпочтение отдавали голубым и синим лентам. В зависимости от того, каким материалом была покрыта повязка, такое название у нее и было: парчовая, кумачная, хазовая серебряная, хазовая золотая или медная.

В Каргопольском у. праздничным девичьим головным убором помимо повязки служила *перевязка*. Это, по сути, та же лента на твердой основе в виде обруча шириной около 10 см, с лицевой стороны обшитая красным кумачом. На лобные и боковые части перевязки пришивалась полоса фабричного галуна и перламутровые плашки. Надо лбом шла густая поднизь из бисера.

В Шенкурском и Кемском уу. девушки носили головной убор в виде короны. В литературе этот убор называется венец, местное его название *почелок, подчелок* (от слова очелье, очелок). А. Шадрин в своей работе «Летние и зимние гулянья шенкурского народа и окологородных крестьян», описывая гулянья девиц в г. Шенкурске, отмечал, что такой головной убор надевали на праздник все девушки. «На голове почелки, похожие на кокошники, украшенные жемчугом, разных цветов камешками и медными, наподобие сердечек, тонкими плашками, которые при повороте головы издают тихий шум»[7].

В музейных коллекциях Архангельска и Вологды хранятся редкие свадебные головные уборы: *плачеи, коруны, головодцы,* бытовавшие ранее как праздничные головные уборы, а к концу XIX — началу XX в. их стали надевать только на свадьбы невесты, на что указывала Г.С. Маслова в своем исследовании[8].

Женщины в праздничные дни надевали *сороки*, разного типа *кокошники, повойники*. К концу XIX в. большое распространение на Архангельском Севере получили *повойники*. Это мягкий головной убор в виде небольшой шапочки-чепца из легкой, в основном фабричной ткани. Повойники постепенно заменяли собой более сложные головные уборы — *кокошники*, которые делались на твердой основе и были не очень удобны при ношении. В разных местностях повойники назывались по-разному — *сборник, очапок, волосник, колпак, чехлик, борушка* и др. Они различались по уездам, иногда и по волостям размерами, формой донца, использованными материалами, цветом, орнаментом. В Архангельском, Пинежском, Мезенском уу. повойники повязывали сверху сложенной в ленту шелковой косынкой, оставляя спереди торчащие концы — *кустышки, кусты*, которые в разных местностях делали по-своему, придавая костюму своеобразный локальный колорит.

На Пинежье были распространены самые разнообразные платки (платы) и шали: бумажные, кисейные, шелковые, персидские, кашемировые, «аглицкие» и др. Все непременно с широкой каймой и бахромой. В каждом уезде, деревне платки повязывали по-своему. На Пинеге завязывали под подбородком или закалывали у горла булавками, концы платков могли пропускать под подбородком через кольцо и таким образом закреплять. Большие шали накладывали на плечи, а концы заправляли за пояс или перекрещивали их на груди и также заправляли за пояс. Платком лицо выделяли, повязывали его за щеки и *домик* — острый уголок платка сверху — делали строгим и четким.

В Устьянском у., наоборот, его повязывали как бы небрежно, «домик» вытягивали и придавали ему кособокость, лицо при этом напо-

ловину закрывали платком. В Каргополе плат закалывали под подбородком, он ложился плотно вокруг головы или кокошника. На Виледи девушки концы платка завязывали на затылке.

Исследователи выделяют две большие группы *кокошников — каргопольские* и *шенкурские*, которые различаются по форме и орнаментации. Каргопольские кокошники бытовали в одноименном Каргопольском у. и в прилегающих к нему уездах Олонецкой губ. Они представляли собой облегающую шапочку на твердой основе с ушками и выдающимся вперед очельем. Центральная часть всех кокошников украшена густой поднизью. Поверх кокошника надевали миткалевый плат, большой угол которого был украшен крупным золотным узором.

Шенкурские кокошники называли по-разному: *копытце, кокошник, самшура, колпак*. По форме они близки уборам Сольвычегодского у. Вологодской губ. Шенкурский кокошник представляет собой мягкую трапециевидную шапочку, орнаментированную золотным шитьем, с узким твердым выступом по верхнему краю очелья — *копытцем*. Особенностью этого убора является соединение вместе твердой и мягкой частей. Поверх кокошника надевали дополнительно яркий дорогой платок.

Повойники из Кемского и Онежского уездов оформлены овальным донцем с золотным шитьем. Повойники с Зимнего берега Белого моря, из Архангельского и Мезенского уу. имели круглые донца, украшенные цветочными узорами золотого шитья, настолько плотным и объемным, что их называли *кованные кустышки* или *кованы*. Большинство повойников из Мезенского уезда сшиты из парчовых тканей, из Койнасской волости — расшиты бисером. Пинежские повойники сшиты из шелковых тканей, чаще всего красного цвета.

Сарафан был главной составляющей праздничного женского и девичьего костюма. Бытовало большое количество видов и соответственно названий сарафанов в разных местностях, которые в основном отражали название тканей, из которых они были сшиты: *штофник* — из штофа, *гарнитурник** — из гродетура, плотного шелка, *кашемирник* — из кашемира, *синяк* или *косоклинник* (косоклинный сарафан) — из домашнего холста, окрашенного кубовой синей краской**, также домашнего

* Для местного населения французское название ткани «гродетур» было сложно произносить. Поэтому в разных местностях Архангельского Севера этот материл и, соответственно, сарафан, сшитый из него, называли по-своему: *гарнитурник, гранитурник, гранитура*.

** Холст окрашивали в большом чане — кубе, так называли его местные набойщики, отсюда и название краски. Интересно, что основой красящего состава была местная глина, в которую добавляли медный купорос и топленый воск.

производства. Косоклинники как правило были повседневной одеждой. Праздничный *синяк* шили из более тонкого холста и украшали по верхней кромке и переднему полотнищу *строками* — вертикально нашитыми двумя полосами цветной широкой тесьмы. *Набиванник* — косоклинный сарафан из холста, с набивным сложным рисунком. *Пестрядинник* — прямой сарафан из домашнего холста в белую, красную и синюю клетку — считался в основном будничным, а более нарядный, из клетчатой покупной ткани, носили по праздникам. Однако девушки из бедных семей часто надевали на праздники пестрядники и синяки из домотканины.

Зажиточные же крестьянки имели парчовые, шелковые, атласные сарафаны — прямого покроя и самых ярких цветов. Комплект из шелкового или атласного сарафана с *коротеной* и повязкой на Пинеге назывался *большим нарядом* и считался самым богатым костюмом. Коротена на Пинеге по своему крою была близка к косоклинному сарафану, но была намного короче. Шили ее из парчи и украшали по линии застежки галуном — *хазом*. Кашемировые, канифасовые, гарусные, тканевые сарафаны считались также дорогими, но, по мнению пинежанок, занимали второе место по богатству и престижности после *большого наряда*.

На Рождество, Крещенье, Пасху, Троицу, Духов, Иванов, Петров дни и все съезжие праздники, которые считались *большими* у пинежан, девушкам принято было надевать *большие наряды*. Застенки, так назывались хороводы в деревнях Пинежья, Мезени, Лешуконья, водили в гранитуре и шелковых сарафанах. А вот плясали в простых. На Благовещенье, например, во многих деревнях Пинежского и Холмогорского уу. было принято надевать сатиновые сарафаны.

Лысцев Евгений Степанович 1929 г. р. из деревни Ваймуша Пинежского района вспоминал одно из *метищ* (игрищ): «Все наряжаются, нарядно все. Раньше было не то, чтобы однотонно, раньше были сарафаны, у-у, всяки были, больше голубые были. Еще старинны, ихних матерей, у самих не было. Мужских-то костюмов меньше было, вот женских больше было нарядов, материал-то нетеперешный, хороший материал был. Юбка одета, сарафан, да еще то нижнее платье. Да еще платки, платки рипсовые, да шелковые, бумазейные, названия я уже не помню. Сарафаны широкие, красивые, голубые, красные там, всякие цвета там, сиреневые, желтые, зеленые. Не придет какая-нибудь женшына или две, три в одном наряде. У каждой свой наряд, свои головные уборы, свои пояса, своя обувь»[9].

Сарафаны носили с рубахами. Рубахи разных видов и названий шили также из домашнего холста. Наиболее распространенными были короткие праздничные рубашки — *полурубашье*, их длина

была настолько маленькой, что рукава соединялись лишь небольшими вставками на спине и груди. Наряд с подобной рубахой так и называли — *сарафан с рукавами*. Длинную рубаху называли *станушкой*, ее низ украшался браным узором или коклюшным кружевом. Среди длинных рубах наиболее распространена была рубаха пестрядинная или, как ее называли в пинежских деревнях, *стан с рукавами*, рукава которой шили из материала в пеструю клетку или в мелкую рябенькую полоску-крапинку и нашивали красные полики-вставки. Рубаха *намышница* имела рукава белого цвета и могла быть как длинной, так и короткой. Главное ее отличие — красные вставки на плечах или под мышками, а также наличие на плечах и по краям рукавов тканого узора.

Рубаха *коклюшница* изготавливалась только длинной, по подолу стана и низу рукавов, по вырезу груди украшалась коклюшным кружевом, за что и получила свое название[10]. Надевали ее как с простыми сарафанами *набиванником, пестрядником, синяком,* так и с дорогими.

В праздничные дни крестьянки стремились выглядеть в своих нарядах дороднее, поэтому одновременно надевали несколько рубах и сарафанов. В народе это считалось красивым. Когда девушка шла на праздник, то из-под подобранного яркого верхнего сарафана должен был выглядывать другой. Многие худенькие девушки, чтобы казаться более дородными, надевали под сарафан еще по нескольку нижних юбок.

Обязательной деталью костюма был пояс, без него не выходили даже за порог избы. Пояс завязывался сложным галстучным узлом, концы его должны были оставаться на одном уровне. Длинный пояс — около трех метров — обматывали вокруг талии дважды, а пышные кисти перекидывали на левую сторону. Все сарафаны, независимо от материала, опоясывали тканными поясами, а с шелковыми сарафанами носили покупные пояса, на концах которых были кисти. К *гранитуру* — обязательно широкий, а шелковому и ситцевому можно было и поуже, но не менее двух пальцев и в три-четыре цвета.

Кушак отличался от пояса шириной (от 5 до 15 см). Как правило, они были покупными и ими очень дорожили, носили только на верхней одежде. Щеголи любили пестрые и полосатые кушаки.

Зимняя праздничная одежда русских Архангельского Севера сохранилась гораздо хуже летней. До нас дошли только некоторые предметы мужских и женских зимних нарядов конца XIX — начала XX в. Зимние женские и девичьи головные уборы редко встречались у крестьян в середине XIX в. и в какой-то степени повторяли городские фасоны головных уборов[11]. Зимой девичьим праздничным головным

убором служила теплая меховая *шапочка*. Передняя часть шапочки шилась в виде большого мехового валика, который изящно обрамлял лицо и напоминал меховую корону. Затылочная часть выкраивалась из парчи, меховые детали шили из куницы. Обладательниц такого головного убора, который имели только богатые крестьянки, называли *шапочницами*. Носили шапочку с длинными шелковыми лентами, закрепленными на затылочной части головного убора. Лент могло быть от трех до пяти, верхнюю ленту, как правило самую красивую, складывали бантиком — *ушками*, оставляя при этом два длинных конца. Под шапочку, как и под повязку (летний девичий головной убор), надевали по нескольку белых и красных ситцевых платков так, чтобы виднелась только небольшая кромка белого и красного цветов.

В холодное время года поверх шубки девушки на плечи накидывали шали, а сверху — еще три алых шелковых платка, уложенных в строго определенном порядке. Богатые крестьянки добавляли к этому наряду рипсовую шаль, которую держали в левой руке. Завершали такое убранство нагрудные украшения.

Украшений носили много и очень разнообразных. Серьги у зажиточных женщин были из жемчужных нитей, у тех, кто победнее — из серебра и меди в виде колечек или пуговок. Жемчужные браслеты в несколько ниток могли позволить себе дочери богатых родителей. Обязательно было ношение носовых платков, которые считались украшением праздничного костюма. Такие кружевные платки девушки на гуляньях держали в руках в свернутом виде. Шейными украшениями были *наборошники* — жемчужные ожерелья, укрепленные вместе на ленте, причем середина оставалась незакрепленной и нити свисали полукругом; *перлышко, перло* — также узкая полоска льняной ткани, расшитая бисером или речным жемчугом, украшенная перламутровыми плашками. Такое украшение плотно закрывало шею девушки и застегивалось сзади. Девушка могла надеть одновременно пять серебряных цепочек с крестами. Одна располагалась посередине, остальные — по бокам. Цепочки переплетали вместе с янтарными бусами. Количество янтарей также могло доходить до пяти. Янтарные бусы были самым любимым женским украшением на Пинежье. С «необутой шеей», т.е. без бус, на люди могла выйти только вдова. Грудь девушки в таком убранстве выглядела массивной, как в кольчуге. Зимой подобное украшение надевали непосредственно на шубку. Интересным женским зимним украшением на Пинеге был так называемый *ошейник*, который шили из беличьих хвостов и надевали как воротник поверх шубы[12].

Необходимо сказать, что в деревнях Архангельского Севера корреспонденты ИОЛЕАЭ отмечали, что в праздничный костюм ста-

ли включать городскую одежду европейского образца уже с 80-х гг. XIX в., причем новшества появлялись прежде всего в костюмах молодежи. Особенно щеголяли юноши, занимавшиеся отхожими промыслами в Санкт-Петербурге. Их называли «петенбурами» и считали людьми образованными. Они являлись законодателями моды в деревнях и пользовались большим авторитетом среди местных девушек, носили городские жилеты и брюки на подтяжках, рубахи в отличие от деревенских, заправляли в брюки. Большое внимание уделяли украшениям, носили шелковые галстуки, шейные платки, носовые платки, часы. Особым шиком было приходить на летние гуляния в калошах.

Все хороши при калошах,
А форсисты при часах,
Моё хлопало притопало
В большущих сапогах[13].

В Олонецкой губ., как писал современник, «во многих местностях, особенно в Вытегорском у. и близ города Каргополя, появляются совершенно городские костюмы: девушки носят платья, сшитые иногда даже по журнальным картинкам, иногда носят шляпки и зонтики»[14]. В деревне Куростров Холмогорского у. Архангельской губ. девушки на праздник «непременно облачались в несколько юбок и кофт, сверху одевали пальто, на руки — перчатки, на ноги — ботинки и непременно резиновые калоши, через руки перекидывали большой платок, сверху того маленький, а летом вооружаются зонтиками»[15].

Однако переход парней и девушек на городской тип одежды совершенно не означал исчезновение из их гардероба традиционного костюма, новая мода уживалась со старинными костюмами[16]. Парни одевались в «александрийские рубахи» — рубахи-косоворотки из красного шелка или сатина, в кафтаны из казинета — фабричного сукна синего цвета. Вот как, например, описывалась сватами родителям невесты одежда жениха: «А хоть из платья-то: шуб белых, сукманин, кафтан у парня, рубаха дорогого кумачу, тяжевые штаны, пояс из дорогого прядена шленской шерсти, и кисти какие наведены! Не то, что кисти, да и концы то у пояса разве на два вершка, да что — на два! Чуть не на три — вышиты золотом!»[17]

Молодежь выделялась также манерой ношения праздничной одежды, обуви, головного убора. Парни надевали украшенную лентами, пряжками шляпу, слегка сдвинув ее набок, мужчины натягивали ее на голову прямо. Парни иначе, чем мужчины, носили пояс. Они опоясывали им рубаху летом, а верхнюю одежду зимой, мужики

же подпоясывали только рубаху. Пояса парней часто были украшены надписями любовного характера: «Кого люблю, того дарю». На летние гуляния парни специально сдвигали вниз голенища сапог («голяшки сморщены»[18]), чтобы была видна полоса цветных узорных высоких носков. Девушки, конечно же, завязывали платок иначе, чем женщины. Часто девушки складывали платок в ленту и обвязывали его вокруг головы, опуская концы на спину, женщинам так носить платок не полагалось. Девушки накидывали поверх костюма на плечи до пяти платков разного размера и цвета, закладывая их концы за лямки сарафана, женщины накидывали один большой платок, скрепив его на груди булавкой. Девушки, надевая сарафан или платье, туго затягивались поясом, подчеркивая талию, замужние женщины, наоборот, одевались таким образом, чтобы скрыть, сгладить изгибы фигуры.

Распространение городской моды отчетливо проявилось во многих областях. Например, на Мезени, не только в городах, но также и в селах и деревнях, девушки и молодухи шили новомодную одежду — ансамбли *парочки,* состоящие из юбки и кофты, как правило выкроенных из одной ткани, и *гарнитуры* — платья, изготовленные из покупного материала (кашемира, тафты, штофа). В отделке этой одежды использовались как традиционные элементы — широкие полосы плетеного или машинного кружева, нашитого на подоле, так и новые городские — защипы ткани на лифе и по талии, декоративная строчка, пышная оборка на лифе из широкого кружева.

Кофты ала, голубая —
Самые красивые.
Мы с тобой не занятые
Две подруги милые.

Сошью кофточку по моде,
На груди четыре шва.
Я иду, а мне злодеечка
Дорогу перешла[19].

Праздничный костюм традиционного покроя и городского стиля обязательно дополняли шелковые платки, шали, кружевные косынки. На Пинеге юбки шили из дорогих тканей — бархата, кашемира, рипса, и крой их был таким же широким, как и у сарафана. Юбки надевали только по праздникам с большим количеством нижних юбок, сшитых из более простых тканей. Это придавало более пышную форму девушке и считалось очень красивым.

Другой вариант городской моды был принят в Мелентьевской волости Олонецкой губ., где из покупных тканей шили *казачок* — распашную приталенную кофту городского покроя. Рукава у кофты были отрезными, пышными у плеч и заканчивались широкими манжетами. Приталенный силуэт создавался за счет вытачек и мелких складочек. Надевался казачок поверх традиционного сарафана.

* * *

Пинежская праздничная одежда, уникальная по своему характеру и содержанию, впитала в себя многовековой опыт севернорусского населения. Пинежане увековечили мастерство, продемонстрировав в полной мере свои уникальные творческие способности. Красотой и роскошью тканей и аксессуаров мудрость народа позволяла демонстрировать экономическое состояние семьи, а изяществом кроя и вышивки — мастерство и душевные качества создателей. Вбирая все самое лучшее и интересное из городского наследия, северяне создавали новые шедевры и в то же время сохраняли традиции и устои, ценные качества своего душевного склада.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Бернштам Т.А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в. Л., 1988. С. 78.

2 *Дранникова Н.В.* Фольклор Архангельского края. Архангельск: ПГУ, 2001. С. 56.

3 РЭМ. Ф. 7. Д. 301. Л. 1.; ГААО. Ф. 5239. Оп. 1. Д. 33. Л. 1–2 *Ефименко П.С.* Исследования народной жизни. Вып. 1. Обычное право. М., 1884. С. 11; *Приклонский С.А.* Народная жизнь на Севере. М., 1884. С. 256–257.

4 ГААО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 150. Л. 20; *Бернштам Т.А.* Указ. соч. С. 71; *Приклонский С.А.* Указ. соч. С. 338–340

5 ГААО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 150. Л. 19. *Тихомиров Н.А.* Особая форма нищенства // ЖС. 1895. Вып. 1. С .122.

6 *Едемский М.Б.* Этнологические наблюдения в Пинежском крае Архангельской губернии в 1921 году // Север. 1923. Т. 3. С. 205.

7 *Шадрин Ап.* Летние и зимние гуляния Шенкурского народа и окологородных крестьян // Труды Архангельского статистического комитета за 1865 г. Кн. 1. Отделы — История и Этнография. Архангельск, 1866. С. 64.

8 *Маслова Г.С.* Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в. М., 1984. С. 159–170.

9 ПМА. 2004 г. Записано от Лысцева Е.С. 1929 г. р., д. Ваймуша Пинежского р-на.

10 *Пашкова З.Г.* Пинежский женский костюм начала XX века // Народный костюм и современная молодежная культура. Архангельск, 1999. С. 68–69.

11 *Лебедева Н.И., Маслова Г.С.* Русская крестьянская одежда XIX — начала XX века // Русские: Историко-этнографический атлас. М., 1967. С. 235.

12 Пинежский народный костюм XVIII — начала XX века. Карпогоры, 2008. С. 91.

13 *Тунгусов А.А.* Кабы не Арза — не река... Заметки о фольклоре и его сборе. Архангельск, 2006. С. 154.

14 *Миллер В.Ф.* Системаятическое описание коллекций Дашковского этнографического музея. М., 1893. Т. 3. С. 26.

15 АРГО. Р. 1. Оп. 1. Д. 64. Л. 23.

16 *Миллер В.Ф.* Указ. соч. С. 26.

17 *Ефименко А.Я.* Исследования народной жизни. Вып. 1. Обычное право. М., 1884. С. 11.

18 Пинежский народный костюм... С. 123.

19 *Тунгусов А.А.* Указ. соч. С. 62.

ГЛАВА IV

ЮЖНОЕ ПОГРАНИЧЬЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ

Южная приграничная территории Российской Федерации в европейской части страны простирается от бассейна Дона до бассейна Волги. Эта местность заселялась сравнительно поздно добровольными переселенцами или правительственными переведенцами из внутренних губерний страны. Сложности процесса заселения обусловили пестроту состава жителей в этнографическом и социальном отношениях. Однако в составе населения на протяжении всей пограничной линии есть общая составляющая: казаки — защитники пограничных рубежей, отдельная сословная и этнографическая группа, начавшая свое формирование на берегах Дона в безлюдных степях между владениями Русского государства и Крымского ханства. Там сложилась своеобразная община военизированного характера, управлявшаяся выборным атаманом и старшинами под контролем общего собрания — круга.

В народной среде объединения казаков именовались «донская вольница», туда устремлялись беглые крепостные, городские рабочие, «разного звания» люди, вытеснявшиеся социальными условиями с основной территории страны. Правительство, оценив военную мощь вольного казачества, стало использовать его для защиты границ, снабжая военным снаряжением и необходимыми жизненными припасами, что еще более повысило значение территории как «народной вольницы».

По мере увеличения населения шло расселение на восток — к Волге, на юг — к Кубани и Кавказу, на запад — за пределы страны. К XVI в. относится возникновение запорожских, донских, гребенских, терских казачьих объединений. Одновременно правительство вовлекало казаков в государственные вооруженные силы, а с XVIII в. приступило к образованию специального замкнутого военного сословия, обязанностью которого являлось несение военной службы в общей системе вооруженных сил Российской империи. При этом казаки неизменно использовались на пограничных участках при расширении границ государства. Часть отрядов с Дона последовательно переселяли к Уралу, на юг Западной Сибири, оттуда в Восточную Сибирь. Донская вольница была тем постоянно пополнявшимся резервом, на базе которого создавались новые казачьи войска: волжское, оренбургское, азовское, амурское, семиреченское, уссурийское и др.

Введение вольного казачества в систему государственного управления вызвало бегство казаков из области Войска Донского «на разные безвестные места». Ответом правительства было ограничение передвижения. Указом Сената от 1742 г. вольный переход «позволен был только в Малой России одному посполитому народу, а слободским казакам чтобы побегу за границу не было...». Указ предписывал: «Полковнику и старшинам отыскивать беглецов, чтобы они на подводах, с женами, детьми и пожитками, вывозили их на прежние жилища»[1]. Однако на слабо контролируемой территории невозможно было ограничить перемещения людей, и движение из внутренних губерний на Дон практически не прекращалось, вовлекая в состав казачества не только русских, но и представителей соседних народов.

По современным данным, основу казачества составили выходцы из центральных и южных уездов России, но в его формировании принимали участие украинцы, поляки, литовцы, турки, татары, калмыки и горцы Кавказа. До конца XVIII в. прибывавшие пополняли ряды казачества. Среди них было немало приходивших из ближней Малороссии, после 1782 г. их поселяли уже в качестве крестьян. Затем, указом 1826 г. перевод на Дон крестьян был запрещен, а ранее поселившиеся в станицах были переведены в казаки. На Дону в ходе расселения сложились две различающиеся по составу населения области: 1) заселенная по нижнему и среднему течению коренными жителями — казаками и 2) верховые станицы со значительным числом крестьянского населения. В XVIII в. часть местных жителей, принимавших участие в крестьянско-казачьем восстании под командованием атаманов Булавина, а затем Некрасова, ушли на запад за пределы России. Спустя два века часть из них отдельными группами возвращалась на родину под теми наименованиями, которые были

ими получены за рубежом (некрасовцы, липоване), но сохранив при этом самосознание русских людей.

НИЗОВЬЯ ДОНА. XV – НАЧАЛО XX ВЕКОВ

Донское казачество низовых станиц. Среди казаков Дона бытовало предание, что первое место для поселения нашел охотник, промышляя зверя. Он пробрался на реку Дон и остановился у устья. Подселившиеся к нему люди составили первое население. Им приходилось обороняться от набегов татар, образуя отряды. В настоящее время подтверждается народное представление о первоначальном заселении южного пограничья так называемыми бродильниками — вольными искателями свободных земель.

Ранние поселения на Дону представляли мужские сообщества, в которых новую одежду приобретали в ходе набегов[2]. Поэтому одеяния казаков представляли собой пеструю смесь как по составу предметов, так и по качеству вещей. По сведениям историка казачества В.Д. Сухорукова, в походы казаки обычно отправлялись в самой дряхлой ветоши, а вернуться могли с богатой добычей. В повседневном быту они не придавали значения внешнему виду. Однако при случае могли предстать перед приезжими в дорогом и ярком костюме. Например: «Один являлся в лазоревом атласном кафтане с частыми серебряными нашивками и с жемчужным ожерельем; другой — в камчатном или бархатном полукафтане без рукавов и в темногвоздичном суконном зипуне, опушенном голубою камкою, с шелковой гвоздичного цвета нашивкою; третий — в камчатном или парчовом кафтане, с золотыми турецкими пуговками, с серебряными позлащенными застежками и в лазоревом настрафильном зипуне. У всех шелковые турецкие кушаки, и на них булатные ножи с черенками рыбьего зуба, в черных ножнах, оправленных серебром; красные или желтые сафьянные сапоги и кунья шапка с бархатным верхом. Многие одевались в богатые турецкие, черкесские или калмыцкие платья, украшая себя оружием, оправленным с азиатскою роскошью серебром и золотом под чернию»[3].

С конца XVIII в. морское пиратство казаков совершенно прекратилось, новая «азиатская» одежда не поступала и стала выходить из употребления, а оставшаяся сочеталась с традиционной русской, которую приносили вновь прибывавшие.

В начале XVIII в., когда Петр I решительными мерами изменил одежду и облик россиян, реформа распространилась на стрельцов, которых принудили надеть «немецкое платье», но казакам были оставлены их свободная одежда и право носить бороду. Внешний вид донцов

производил сильное впечатление на посещавших их, о чем было оставлено несколько описаний. Этнограф И.Г. Георги отметил сохранившуюся пестроту их костюмов: «...все казаки одеваются на польский образец, или паче татарский и восточный, и в рассуждении цвета сукна, часто по произволению, большею, однако ж, частию в кафтаны и полукафтанья синего цвета суконные, волосы стригут в кружок. На голове носят шапки с круглыми, из овчинок, высокими околышами. По кафтану подпоясываются рядовым сабельным опоясьем или же поясом камлотовым и других материй; но старшины сверх опоясья сабельного имеют шелковые персидские или польские поясы, сабли носят на полукафтанье. Некоторые, а особливо рядовые, имеют одни только усы, а некоторые и бороды. Носят суконные шаровары цвету красного или по произволению и полусапоги черного сафьяну или простой кожи, но старшины часто красные или желтые, штаны такого же цвета, редко имеют черного. Шаровары у казаков походят на турецкие, только гораздо поуже, почти полушаровары»[4].

К концу XVIII в. мужской казачий костюм сложился уже более определенно, но к этому времени в нем наблюдались не только разнородные этнические элементы, но и социальные различия. Об этом можно судить по описям имущества, встречающимся в документах из фондов Ростовского областного архива.

Так, из «Росписи покраденной с бахчи старшины Ефима Кутейникова посуды и прочего» среди различных предметов значится и одежда: «Шаровары белого тонкого сукна стоимостью 3 рубля, бурка новая индийская — 10 рублей, синий новый чекмень, кафтан, шапка новая зеленого сукна с черным околышем — 13 рублей, треух зеленого сукна, опушенный волком, стоимостью 50 коп., сапоги новые юфтовые — 4 пары, каждая по 1 руб. 50 коп.». По описи имения полкового есаула А. Рящина (1789 г.) ему принадлежало: «Три чекменя: один сталевого сукна и два обложенных золотой тесьмой, четыре кафтана — лазоревый, атласный, желтый и плисовый, шаровары ветхие, четыре шапки: бархатная, две суконных с серым курпяком и зеленая с сайгаком, рубашка белая, халат зеленый и шуба красного сукна»[5].

Самое подробное описание одежды казаков этого времени оставил историк А. Ригельман, долгое время находившийся на Дону по долгу военно-инженерной службы и заинтересовавшийся историей казачества[6].

В XVIII в. Дон хорошо снабжался товарами, столица казаков Черкасск стала крупным торговым центром, в который съезжались купцы из России и с Востока, сукно для обмундирования поступало из казны, а кроме того женщины изготавливали его сами для домашних нужд. Ригельман писал: «Платья носят почти совсем татарское, парчовое,

штофное и суконное, кафтан и полукафтанье или бешмет и штаны широкие, сапоги и шапка черкесские, опоясываются кушаками».

Кафтаны — одежда тюркского происхождения — получили в России широкое распространение. Длинные кафтаны носили стрельцы. По распоряжению Петра I они были заменены на короткое полукафтанье. На Дону носили, как видно, оба варианта этого покроя. Бешмет, по-видимому, заимствован от кавказских народов, хотя он был в употреблении также у тюркских и монгольских. Эта недлинная распашная одежда (пониже колен) имела складки по талии, широкие длинные рукава, невысокий воротник-стойку. Ее запахивали и подпоясывали. Бешмет был сходен с кафтаном или зипуном. Его надевали на белую рубаху.

Основной комплекс мужской одежды — рубаха и штаны — одинаков у всех восточных славян, а также у соседних народов. Однако покрой, название предметов и их деталей различаются.

Казаки носили традиционную русскую полотняную рубаху с разрезом спереди посередине груди, с небольшим воротником-стойкой и длинными прямыми рукавами. Рубаха по русскому обычаю выпускалась поверх штанов, доходя почти до колен, и подпоясывалась.

Штаны (*портки́*) называли также и шароварами. Они были у́же татарских шаровар, но шире русских портков, для чего их покрой был усложнен. В основе кроя лежал традиционный русский вариант из трех полос ткани: две из них шли на калоши (штанины), и один, перекошенный на «уголок» — для средней части. Чтобы увеличить ширину, вшивали в каждую калошу по дополнительному длинному клину широкой стороной кверху. Это обеспечивало свободу движений в верхней части и было удобно при ношении заправленными в сапоги. На поясе штаны держались при помощи *ошкура* — шнура, продернутого в подгиб. Он мог пружинить и не стеснял всадника при скачках. В летнее время носили штаны полотняные, а зимой поверх них надевали суконные.

Голову летом покрывали *рогожечной шляпой* (из овсяной или другой соломы), зимой — *платком* или барашковой *шапкой*.

В XVIII в. централизованно устанавливали форменную одежду для отдельных казачьих полков. Она состояла из верхнего кафтана с цветным кушаком, бешмета и суконных шаровар, заправленных в сапоги. Шапка полагалась высокая из смушки с суконным верхом. С 1801 г. была предписана обязательная военная форма всему Войску Донскому, а позже и другим частям. Она приближалась к общевойсковой, с кивером, султанами, петлицами, эполетами[7]. Полки различались по цветам, как прежде стрелецкие отряды.

Форменные шаровары донских казаков были синими с вшитыми по бокам красными лампасами. Бытовала народная легенда, объяснявшая появление лампасов. Материал для обмундирования поступал к казакам как жалование за военную службу вместе с оружием и хлебным провиантом. Однажды станичники, вернувшись из Москвы, привезли жалование. Все казаки собрались на Круг, чтобы поделить его поровну. Когда очередь дошла до сукна, то выяснилось, что синего сукна привезли в достаточном количестве, а красного совсем мало. Нахмурился атаман, зашумел Круг, но, как и в прежние времена, все решили делить поровну и когда поделили, то синего сукна всем досталось по большому куску, а красного — по небольшой ленточке, которой хватило для того, чтобы синие штаны отделать красными лампасами.

Для самих казаков лампас означал свободное состояние донцов, их принадлежность к казачьему сословию, а по цвету — к Востоку.

По военному мундиру можно было узнать о казаке почти все: какого войска, сколько служит, в каком чине.

Имел значение цвет мундира и приклада: лампасов, околыша, погона и выпушки на нем. Донские, уральские и астраханские казаки имели синий цвет мундиров и чекменей, казаки остальных войск — темно-зеленые. Весь металлический прибор в казачьих войсках был серебряным.

Донские казаки носили алые лампасы и синие погоны с красной выпушкой. Уральское войско имело малиновые лампасы и образованное от него Семиреченское — тоже. Оренбургское единственное из всех войск имело светло-синие лампасы и околыши, того же цвета был верх папах. Все остальные поселенные войска: Астраханское, Забайкальское, Амурское, Уссурийское, Якутский полк, Иркутское и Красноярская сотни — носили желтые лампасы. Горные войска на шароварах носили кант: кубанцы — малиновый, терцы — голубой. Черкески были разных цветов, а вот цвет башлыков, бешметов и верха папах был традиционным: у кубанцев — малиновый, у терцев — голубой[8].

Для XVIII в. Ригельман дал описание внешнего облика казака и казачки. Мужчины: «почти все смуглого и румяного лица, волосом черные и черноусые, острого взгляда, смелы, хитры, остроумны, храбры, горды, самолюбивы, пронырливы и насмешливы. Оружие их: ружья, пистолеты, копья, шашки и сабли.

Волосы на голове вокруг подстригают, ходят с бородами, а некоторые, оставляя усы, бреют. Жены их лица круглого и румяного, глаза темные большие, собою плотные и черноволосые же».

Автор весьма красочно описал одежду женщин-казачек, подчеркивая ее яркость и богатство. Однако он не смог отметить некоторые детали и тонкости, поэтому в настоящей статье мы будем сочетать ци-

таты из книги Ригельмана и материалы Ростовского и Старочеркасского музеев[9].

Основу женского костюма составляла нательная длинная рубашка из цветного шелка. Она имела длинные и довольно широкие рукава по русской традиции с прямыми поликами. Ригельман отметил изменение фасона: «рукава оной, по нынешнему обычаю, с обшивкой, как у мужчин, а по старому висят широкие». Рукава и подол рубашки вышивали. На рубашку надевали разные варианты платья, как считает Ригельман, кафтанообразного покроя: «Каврак или саян и кобилеки, парчевые, штофные и прочей материи, то есть, кафтан долгий или полукафтанье, который только ниже колен длиною».

Богатые казачки Нижнего Дона носили *кубелек* (*кобелек*) — распашную приталенную недлинную одежду[10]. В ее верхней части шли два ряда серебряных или позолоченных пуговиц, из них один служил для застегивания на петли, а другой для украшения. Ворот обшивали полосками цветной ткани. Из-под коротких, до локтя, рукавов и подола была видна рубашка. Полы кубелека запахивались и подпоясывались «поясами с чепраками, то есть, с золотыми, серебряными, а иные и с дорогими каменьями, и с медными по ремню бляшками, разными узорами сделанными, и на переди с замочной пряжкой».

В летнее время, выходя из дома, поверх рубахи надевали *каврак* халатообразного покроя из шелка или парчи. К этому надевали на ноги *ичиги* — мягкие сапожки из цветной кожи или туфли.

Девушки носили такую же одежду, но по славянской традиции их головной убор отличался от более сложного женского. Они «заплетают волосы с косником в одну косу, и носят повязки, что вообще называют челауч; богатые — жемчужные с висящими чикиликами, как у женщин по обеим щекам, жемчужными же; также повязываются лентами и платками, называемыми таркич, укрывая голову, одним углом назади».

Челауч (*челоуч*, *челоух*) — повязка, которая использовалась у многих народов для поддерживания волос. У казачек она служила для демонстрации богатства ее владелицы. Широкую ленту из красного

Костюм замужней казачки (конец XVIII — начало XIX в.). (Из кн.: *Попов И.П.* Историческое сведение о Верхне-Курмоярской станице 1818 г. Новочеркасск, 1886. С. 36. Вклейка. Копия с рисунка Евлампия Котельникова.)

Головной убор: сорока — кичка.
1) донской казачки; 2) «некрасовской» казачки.
(По ст.: *Зеленин Д.К.* Женские головные уборы // Slavia, 1927. № 5. С. 527.)

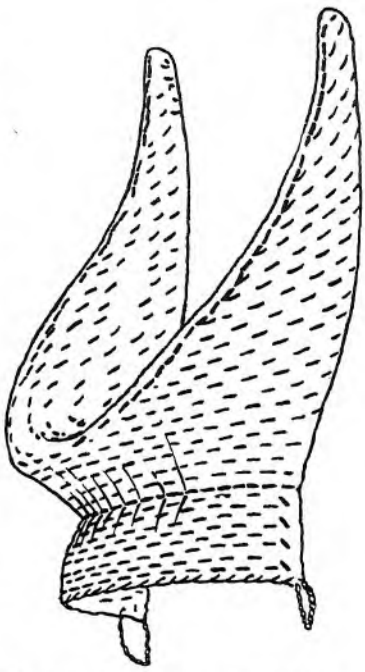
бархата зашивали жемчугом и украшали по краям нашивкой из золотых цепочек и мелких монет. А поверх девушка надевала шелковый или бумажный платок, при этом одним концом платка обертывала косу. Носили девушки и шапку с медными позолоченными пряжками и сверкающими серебряными украшениями.

Любимым украшением казачек были *чикилики* — мелкие подвески, крепившиеся на ленте, охватывающей голову. К ленте прикреплялась густая сетка из крупного жемчуга, которая свисала из-под головного убора, частично прикрывая щеки. Жемчужные украшения, прикрепленные на плечах и спускавшиеся до пояса, назывались *перла*, *капчак* или *борок*, или просто *нитки жемчужные*, «а на руках, при самой ручной кисти, кольца нарочитой толщины, золотые и серебряные, называемые *бизили́ки*».

Женский головной убор состоял из нескольких последовательно накладываемых предметов. В отличие от девичьих лент он закрывал всю голову целиком, но включал и ленты с чикиликами и повязки с жемчугами. Поверх них надевали *кичку* и *сороку*. Этот сложный головной убор был характерен для ближайших к Дону русских деревень. Кичка составляла плотную основу в виде шапочки, имевшей выступ спереди, поднимавшийся по углам двумя довольно высокими рожками. На кичку натягивали мягкий чехол — сороку, богато украшенную спереди и со многими подвесками. Ригельман нашел, что весь убор имеет «вид стоячей большой трехугольной лопаты, выши-

той спереди золотом, серебром и шелками в узор, а иные унизаны дорогими каменьями и жемчугом, с накрытым белым тонким салником, то есть, кисейною или флеровою фатою, с распущенными назади концами».

В XVIII в. жены богатых казаков стали носить «с черкесского обычая» круглые шапки из соболя, унизанные жемчугом и драгоценными камнями, а менее зажиточные — шапки с плоским верхом из парчи и бархата, расшитые золотом и серебром.



Рогатая кичка донской казачки, некрасовской и южнорусской женщины (Там же. С. 324).

Помимо обилия украшений Ригельман указал на особенность костюма казачек, существенно отличающую их от русских на основной территории: «все без изъятия ходят в портках, а по их — в штанах». Судя по приведенному рисунку, штаны были длинными и широкими, похожими на шаровары. Это сообщение подтвердил и Георги, также указавший: «женщины одеваются в длинные и широкие штаны, большей частию бумажные»[11]. Их появление, возможно, было вызвано особенностями степного климата с резкими ветрами. Поэтому, в частности, в зимнее время носили крытые тулупы, считавшиеся у русских самой теплой одеждой. На Дону их шили мехом внутрь, покрывали дорогими тканями и отделывали мехом куницы, лисы и пр. В таком варианте зимняя одежда казачек позднее получила наименование *донская шуба*.

От роскошного сверкающего юга резко отличался костюм женщин верховых станиц по качеству материала, покрою, составу предметов. Ригельман писал, что они одеваются «так точно как в Русии деревенские бабы, и также — в поневах, в мужниных кафтанах, в лаптях, поршнях и кожаных сапогах, а летом босиком». Описание соответствует поневному комплексу костюма южнорусского населения. Распашную *поневу* шили из нескольких кусков ткани, соответственно обхвату корпуса женщины, оставляя передние полотна несшитыми. Ее надевали на длинную *рубаху* с прямым разрезом спереди для головы, с длинными рукавами и с вышивкой по подолу, вокруг горловины и на рукавах. В южнорусских губерниях рубаху шили с косыми поликами — вставками на плечах, но на рисунках

Ригельмана они не обозначены. Девушки ходили в одних рубашках, подпоясанных красным пояском.

Женский поневный наряд донских казачек сочетался с головным убором из кички и сороки, но они были беднее и меньше по размерам, чем у низовых казачек. Сотрудники местных музеев выяснили, что эти предметы шили из холста. Спереди к кичке пришивали бархатный лобок с жемчугом и блестками, а сзади привязывали на шнурках позатыльник. Такие элементы присутствуют и в южнорусском головном уборе. Донские казачки дополнительно на рожки кички наматывали миткалевый рушник, концы которого сначала проводили поверх кички, затем под подбородок и, наконец, подтыкали сзади за ухом. В северных округах бытовал и другой оригинальный способ тщательного укрывания головы в зимнее время. Сначала на узел волос надевали *шлычку*, туго затягивали ее тесемкой. Затем повязывали *колотовочку* — четырехугольный платок с мелким рисунком. Один угол колотовочки загибался и закрывал рот, а два другие туго натягивали и завязывали сзади узлом. На колотовочку надевалась теплая *шаль*, сверх которой повязывали *знуздалку*. Так назывался платочек, свернутый узкой полоской, который проходил под подбородком и завязывался на макушке. Знуздалка хорошо выделялась на шали, ее делали из платочка контрастного цвета[12]. Обматывание головы тканью напоминает об общеславянских традиционных полотенчатых головных уборах. В прошлом они были широко представлены у многих народов. Среди восточных славян дольше сохранили их и больше вариантов повязывания имели украинцы и белорусы.

В некоторых верховых станицах бытовала одежда сарафанного типа. Более древний покрой имел *сукман*. На Дону его шили из четырех полотен домотканой шерсти черного или синего цвета с короткими рукавами и небольшим разрезом спереди. Сукман относится к так называемым глухим сарафанам, имевшим в древности туникообразный покрой. Сукманы носили в ряде мест Воронежской и Тульской губерний, он был известен также финноугорским народам. У донских казачек разрез на груди, называвшийся пазухой, окаймляли лентой, нашивали медные пуговицы и петли из цветного шнура. Ленты и пуговицы иногда шили по всей длине до подола, вдоль которого также были проложены красные или синие шелковые ленты, а по самому краю — плетеная тесьма. Подпоясывали сукман плетеным широким кушаком такого же красного или синего цвета. На Дону сукман являлся одеждой замужних женщин, а в российских губерниях его носили и девушки[13].

Сарафан (*саян*) шили из 4–5 прямых полос ткани разной длины. Из них две длинных шли на перед, а три коротких собирали сзади по талии как бы в юбку и соединяли проймами с передней

частью. Подобный покрой бытовал в западнорусских губерниях (Смоленская). Он был отмечен нами у русского населения Одесской области Украины.

Для молодых женщин шили сарафаны из тканей ярких тонов — *кумашники*, украшали нашивными лентами по подолу, груди и сзади — по сборкам, а пожилые носили их черные или синие и без украшений. Подпоясывали сарафан широкими плисовыми опоясками. К этому костюму полагался фартук-*запон* с небольшой грудкой и завязками по талии.

Каждый набор женского платья был присущ определенным станицам. Соответственно этому местные жительницы получали свои прозвища: «кубелеки», «сукманники», «кумашники»[14].

Обувь жителей верховых станиц была традиционных простых образцов, ее выполняли непосредственно в семьях из местных материалов.

Самой распространенной повседневной обувью служили *поршни* одинакового покроя для мужчин, женщин и детей. Их изготавливали из куска кожи, обертывая стопу и подрезая по ее форме. Поршни крепились ремешком, продернутым по верхнему краю и стянутым на голени. На ноги в таком случае надевали шерстяные чулки или онучи. Поршни с онучами носили местами в южнорусских губерниях, но более распространены были там онучи с лаптями, плетенными из лыка. А. Ригельман в своем описании одежды казаков упоминает лапти вместе с поневой, что составляло характерный комплекс костюма южнорусского региона[15].

В середине XIX в. еще сохранялись различия в одежде женщин низовых и верховых станиц, но в той и другой местности были заметны перемены. Так, есаул Жиров, корреспондент Статистического комитета Войска Донского, отметил *кубелеки* двух вариантов: старинный, с гладкой юбкой и ровными рукавами, а также новый — со сборчатой юбкой и широкими рукавами «как у женского платья европейского покроя». Пояса на кубелек некоторые богатые украшали низаным жемчугом, застегивали золотым крючком, другие, победнее — серебряным, а бедные — бисерным. Девушки по-прежнему на голову повязывали *торпич*, так, чтобы сложенный вдвое угол платка обертывал значительную часть косы с вплетенным в нее *косником*. Для украшений еще пользовались старинными *билизиками*. Есаул указал, что эта старинная одежда казачек уже выходила из употребления женщин высшего круга и молодых, а входит в моду одежда и украшения европейского образца. Относительно верховых станиц есаул упомянул, что у простых казачек одежда похожа на крестьянскую великорусскую[16], но и в ней несомненно наблюдались перемены.

При переселении из южной России в местности, где носили кожаные сапоги и более современное платье, женщины отказывались от лаптей и начинали шить сарафаны. Традиционная южнорусская одежда быстро выходила из употребления. В области Войска Донского первыми сменили крестьянскую одежду мужчины, стремившиеся записаться в казаки и получить форму. Быстро исчезали из употребления лапти, но поршни продержались до начала XX в. Их заменили башмаки с резинками, пуговицами и шнурками, какие носили в Центральной России. Шили и самодельные мягкие башмаки — *чирики*, на подошве с широкими каблуками. Их носили с шерстяными чулками. Традиционная обувь донашивалась в течение последующего века, постепенно выходя из употребления. Ее замещали кожаные ботинки и сапоги на теплое время года, а также валенки и бурки (шитые из войлока) на зиму.

В начале XIX в. стали интенсивно распространяться из Центральной России новые фабричные ткани, а с ними и новые моды. Особенно изменился женский головной убор, который стал проще и легче. В моду вошла *шлычка* — вариант чепчика, шившаяся как детская шапочка с полукруглым задником и продолговатыми бочками. Она закрывала волосы и удерживалась завязками, обвивавшими голову. Затем появилась *шлычка на шиш* — небольшого размера, с круглым донцем и бортиком. Она закрывала только пучок. Для пошива этих головных уборов не требовалось много труда и много материала. На повседневные шлычки использовали дешевые ткани, а для праздничных — дорогой материал, ленты, кружева. Молодые казачки покупали кружевные *файшонки*, плетенные на коклюшках. Их широкая средняя часть закрывала прическу, а длинные узкие концы завязывались сзади бантом. Повседневным головным убором стал *платок*. Сделанный из ситца или холста, он носил название *серяк*. В холодное время года голову, как и раньше, укрывали шалями.

В повседневной женской одежде первой ушла из быта понева. Сарафан к началу XX в. встречался уже только у старых женщин, преимущественно старообрядцев. Сарафаны нового покроя шили с более открытыми проймами.

В мужской одежде в начале XX в. внедрялось единообразие. Рубашки с прямым разрезом уступали место *косоворотка*м, подпоясанным ремнем. Их носили с брюками городского фасона. Продолжали сохраняться форменные штаны казачества, позже стали шить галифе.

К верхней одежде женщин добавилась теплая *кохта* на вате, простеганная насквозь вместе с подкладкой, длиной до колен с прямой спинкой, расширяющейся книзу, без воротника, с широкими полами,

боковыми клиньями и с длинными рукавами. Фасон назывался «колоколом». Женщина могла завернуться в кохту вместе с ребенком, так как пуговица была только одна у горловины. Праздничные варианты украшали лентами, бахромой, делали манжеты с небольшими кармашками для носового платка. Донскую шубу шили также большой ширины, позволявшей спрятать в нее ребенка. Дорогие меха, из которых прежде состоял подклад шубы, сменили на шкурки молодого ягненка, шелковый верх — на гарус (*гарусная шуба*), а отделочный мех на воротничке и рукавах иногда заменяли имитацией.

На вате же делали *шубку* — осенне-зимнюю праздничную одежду для девушек и молодых женщин. Покрой был общий с кохтой, но оформление разное. Ворот, рукава, подол и правый борт шубки опушали полосками меха или его имитацией. Эта нарядная одежда обычно входила в состав приданого девушки. Женщины носили шубку внакидку, укрывая ее полами ребенка.

Модной зимней одеждой у женщин неказачьего сословия была *шуба белая*, из недубленой овчины, повторявшая покрой кохты. Парадным считался и *бурнус* — женское пальто с расшивками, а также плюшевое ватное пальто — *плиска*, отделанная черными лентами и кружевами. В качестве повседневных носили *холодайки* — теплые *кофты*, *жупейки* — пальто на вате с небольшим воротником и овчинные *некрытые шубы*.

В XX в. стали типичными для повседневной женской одежды *юбка* и *кофта*. Причем в начале века считались красивыми женщины пышных форм, поэтому в состав костюма вошли нижние сосборенные юбки из белой ткани — *зоновая юбка* (по названию материала). Их надевали по нескольку штук, а одну еще и подворачивали кверху для большей пышности. Кофты имели как прямой, так и приталенный покрой, но особую популярность приобрели два фасона. *Матене* называли кофту прямого покроя, распашную, с длинными рукавами и небольшим воротником-стойкой. *Кираса* — приталенная кофта, с баской, подчеркивающей пышность нижней части. Воротник небольшой, стоячий, по разрезу густо посажены пуговицы. Длинные рукава имели вверху буфы — *дули*.

Вошли в моду кофты (прямые или приталенные) с юбкой, сшитые из одного материала. Как и в других местностях страны, их называли *парочками*. Со временем парочка стала излюбленной одеждой казачек.

С праздничным и будничным костюмом носили *фартуки* с грудкой или без нее, завязывавшиеся на талии. Для праздничного костюма фартуки шили не только из дорогих тканей, но и с разнообразными отделками (рюши, ленты, кружева). С особым искусством

расшивали фартуки под народный стиль, их образцы приходили из города. В таком фартуке чередовались полоски кружева и полоски ткани с вышитыми или вытканными узорами. Поверх фартука надевали пояса, как прежние — тканые или плетеные, так и нового образца — черные лаковые. Дополнительным элементом костюма являлись *карманы*, которые носили на талии, прикрепив к длинному поясу (*ладанка*, *чемезин*, *зеп*). Даже кожаный кошелек (*букчушка*) тоже привязывали к поясу[17].

Таким образом, в южной пограничной зоне России, в бассейне Дона, сложилось русское население, составившее группу донских казаков, в которой создались самобытные комплексы костюма (с кубелеком, с сукманом), более ярко выраженные в женской одежде, а вместе с ними присутствовали традиционные: с сарафаном, с поневой, с парочкой. Из них основной (с кубелеком) своим появлением обязан сложным условиям формирования населения. Первыми поселенцами были одинокие мужчины, которые носили случайные вещи, захваченные ими в набегах. Первыми женщинами также были случайно захваченные пленницы из южных стран, приносившие, соответственно, костюмы своей родины. В эту среду попадали русские женщины, которых стали привлекать после основания постоянных селений. Поэтому можно утверждать, что оригинальный комплекс костюма в низовьях Дона был создан женщинами.

В новых условиях они сохранили основные элементы традиционного костюма: длинная рубаха, пояс, головной убор кичка-сорока. Кубелек был заимствован. Вместе с ним появился приталенный силуэт корпуса, что не свойственно русской традиции. Последующее развитие комплекса шло по пути нарастания броской расцветки, восточной пестроты, численности декоративных элементов. Так, рожки традиционной сороки украшали подвесками, обматывали полотенчатым покровом, прикрепляли к ним прозрачное покрывало. Другой традиционный элемент, пояс, приобрел украшения в виде восточной чеканки, драгоценных металлов и камней. С этим пестрым нарядом гармонировали мягкие турецкие многокрасочные сапожки и шаровары. Таким образом, первоначальный русский комплекс костюма сохранялся, но был наполнен заимствованными восточными элементами.

Комплексы с сарафаном и поневой появились в верховых станицах, заселявшихся позднее, из близлежащих местностей России. Они, не смешиваясь, сохранились местами до начала XX в., уступая место городской одежде из юбки и кофты и воспринимая последующие модные течения, которые совершенно сгладили прежние различия между станицами верховыми и низовыми.

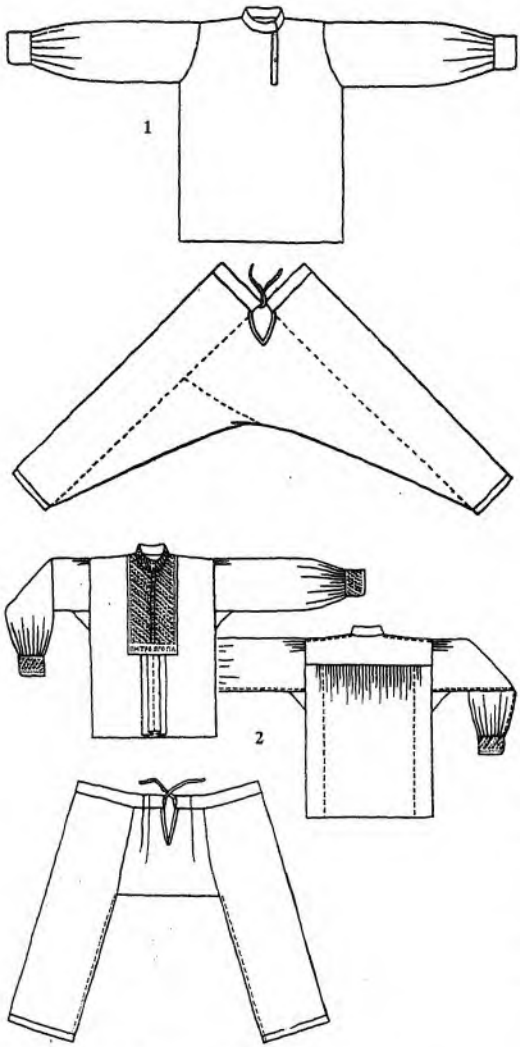
БАССЕЙН КУБАНИ. XIX – НАЧАЛО XXI ВЕКА

Казаки и иногородние. Заселение Кубанской земли началось лишь в конце XVIII в. после официального присоединения к России степных пространств правобережной Кубани. В 1783 г. река Кубань официально была признана границей русского государства. С целью закрепления за Россией огромных пространств от Азова до Моздока с 1777 г. стала создаваться кавказская линия укреплений, где были размещены русские регулярные войска.

Первостепенное значение в освоении края царское правительство придавало государственной военно-казачьей колонизации и заселяло территорию Кубани украинскими и русскими казаками. Все земли, расположенные по Таманскому полуострову и правобережью Кубани от ее устья до впадения реки Лабы, были пожалованы правительством Екатерины II в 1788 г. казакам Черноморского войска, переселение которого на Кубань началось осенью 1792 г. Черноморское войско формировалось из остатков запорожских казаков и представителей различных социальных слоев, преимущественно украинского народа, но также встречались молдаване, болгары, сербы, поляки и др.

В дальнейшем состав Черноморского войска пополнялся в результате организованных правительством в 1809–1849 гг. переселений украинских казаков из малоземельных губерний — Полтавской, Черниговской, Харьковской, а также за счет стихийного переселения на Кубань беглых крестьян и других представителей неимущих слоев населения из различных регионов России.

С 1860-х гг. усилилась вольная колонизация. Она стимулировалась законами правительства, официально разрешавшими в условиях многоземелья Кубанской области и Северного Кавказа переселение в край, русских подданных «невойскового сословия». Из разных районов России устремлялись тысячи переселенцев, среди которых было много крестьян, а также мещан, ремесленников, торговцев, отставных солдат, стремившихся осесть в крае на постоянное жительство. Переселенцы переселенцы получили название *иногородние выходцы*. Это наименование среди коренных русских жителей приобрело уничижительный оттенок. Поэтому правительством в 1872 г. был издан указ о замене его на «лица невойскового сословия». Однако в быту оно не прижилось[18]. Большинство иногородних составляли выходцы из южнорусских и восточных левобережных губерний Украины. Таким образом, при большой пестроте этнического состава переселявшихся в приграничные районы, основу постоянного населения составили украинцы и русские. Так, по данным 1897 г. людей, пользующихся



Одежда казаков Кубани:
1) рубашка и штаны русского покроя,
2) рубашка и штаны украинского покроя.
(Из кн.: Кубанские станицы.
М., 1967. С. 151.)

украинским языком, на Кубани было несколько больше, чем русских, но в дальнейшем значительная часть Украинцев вошла в состав русского народа[19].

Восточная часть казачьей пограничной линии по реке Терек заселялась, согласно бытовавшей легенде, как и река Дон, не без участия вольных бродников. По мнению большинства отечественных ученых, первые казаки пришли с Волги, Дона и из других районов России. Имело место также переселение административным путем присланных из Москвы стрельцов, переведение донских и уральских казаков. Терское казачество с XVI в. постепенно осваивало земли сначала по левому, а к XVIII в. и по правому берегу реки Терек. В дальнейшем местность заселялась выходцами из различных губерний, преимущественно Южной России.

В соответствии с историческими путями заселения в одежде русских жителей проявлялось влияние соседних народов: на западе — украинцев, на юге и востоке — кавказцев. Переселенцы второй половины XIX в., как и в других местностях, сохраняли первое время одежду мест выхода, но в течение XIX — начала XX в. они утрачивали специфику костюма.

Мужская одежда местных казаков сочетала черты костюма донских и запорожских казаков, отчасти и кавказских горцев. Мужчины предпочитали ходить в форменной одежде, за исключением полевых работ, рыболовства и прочих хозяйственных дел. Мальчики-подростки лет с 16 начинали носить в праздники казачий костюм. В его состав входили: *черкеска* из серого или темно-синего сукна без воротника, под ней *беш-*

мет с высоким стоячим воротником и на подкладке, штаны-*шаровары*, шапка-*папаха* из барашка с суконным верхом, сапоги с *онучами*, *чувяки* с ноговицами, *пояс* с набором и поверх черкески укреплялось оружие (шашка, револьвер в кобуре, кинжал в ножнах). В холодное время года одежду дополняли *бурка* и *башлык*[20]. Покрой бурки и название ее сходны с подобной одеждой кавказских горцев, она даже покупалась у них. Шили бурку в виде длинной и широкой накидки из толстого ворсистого домашнего сукна с застежкой или завязкой у горла. Башлык выкраивали из сукна белого или красного цвета в виде длинного шарфа, сшитого в средней части так, что получался капюшон. Башлык брали в дорогу и носили, откинув на плечи, а при непогоде укрывали им голову.

Неслужилое население, иногородние и другие переселенцы носили *рубаху* и *шаровары*. Как и повсюду по казачьей линии более ранние рубахи были туникообразными с разрезом посередине груди, с длинными рукавами на обшлаге и ластовицей. В начале XX в. стала появляться рубаха с *талийкой* (кокеткой) украинского типа, с небольшим воротником-стойкой и с вышивкой на груди. Такой покрой имел большое распространение в западных станицах, как и штаны-*шаровары* с широкой вставкой (*мотней*) в виде квадрата. Шаровары были и русского покроя, как и у донских казаков, расширенные при помощи дополнительных клиньев. Носили одежду в западных станицах по украинской традиции, заправив рубаху в шаровары, а также по-русски — с выпуском рубахи поверх штанов.

Верхняя одежда имела разные названия и шилась иногда на подкладке, иногда стеганая на вате. Старинный *чекмень* был с прямой спинкой длиною по щиколотку и с небольшими клиньями по бокам, с прямыми полами, с застежкой на крючках и с длинными прямыми рукавами. Эта одежда соответствовала русскому зипуну или кафтану. С конца XIX в. покрой усложнился за счет подреза по талии и фалд сзади. К этой удобной одежде иногда добавляли капюшон. К концу XIX в. бешмет служил рабочей одеждой для беднейшего населения (в юго-восточных районах, например в станицах Родниковской, Бесскорбной). Такая одежда называлась еще *кирея* — подобно украинской кирее, схожей с ней по форме. Более короткая называлась *сиряк* — термин этот также был широко распространен на Украине.

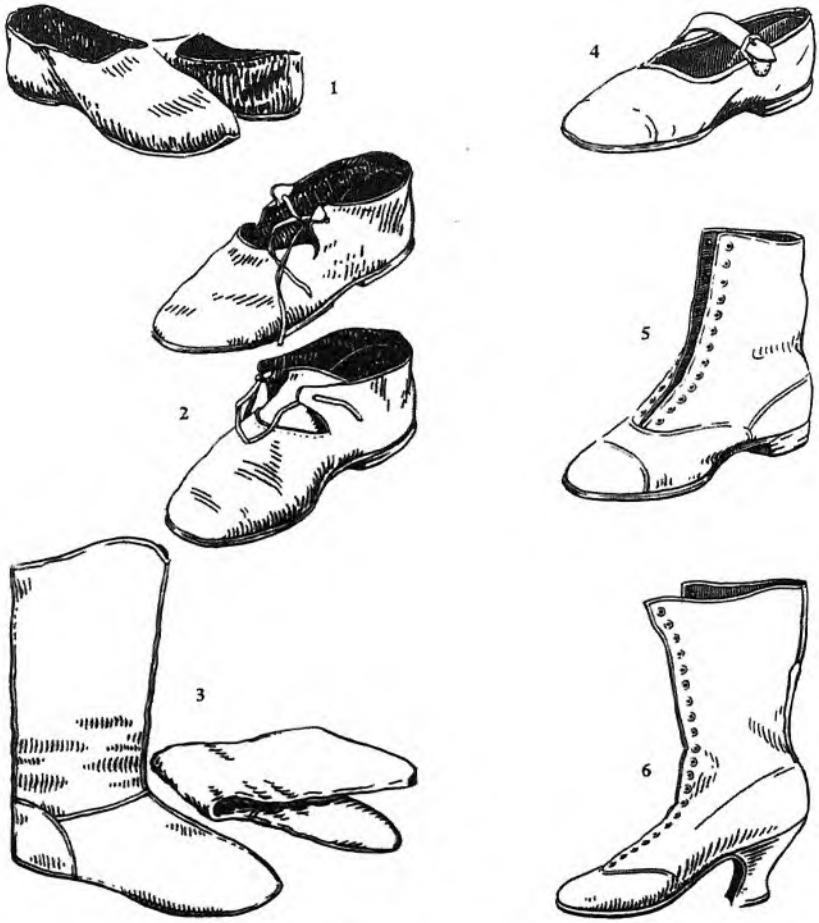
В западных станицах до конца XIX в. продолжали носить верхнюю одежду, похожую на жупан или свиту, называя ее, однако, *бешметом*. Некоторые иногородние шили себе пиджак городского покроя, но пришивали к нему два ряда белых металлических пуговиц и красные петлицы, тем самым стараясь хоть чем-нибудь приблизить свою одежду к красочному военизированному костюму казаков. В восточных районах употреблялись названия *халат* и *балахон*[21]. Они имели аналогичный

покрой, но халат шили из сукна и с большим воротником, а балахон — из грубой ткани. Эти названия были широко распространены на юге России.

Зимнюю одежду делали в основном из овчины и шили разных фасонов. Нередко казаки надевали под бурку шубу покроя бешмета. Переселенцы из южнорусских губерний носили русские овчинные полушубки. Более ценилась *шуба колоколом*, с расширяющимися полами, с нешироким воротником без застежек и с глубоким запахом. Ее шили из дубленых и черненых овчин и в восточных районах называли по-украински — *кожухом*. Зажиточные казаки носили шубы с суконным верхом на енотовом или хорьковом меху. Как и повсюду в России, для зимних поездок имелись овчинные тулупы, надевавшиеся поверх шубы. В качестве дополнительной верхней одежды служили *плащи* из парусины с капюшоном. Их шили из двух-трех слоев парусины, проклеенных вареным растительным маслом. Надетый поверх какой-либо теплой одежды и подпоясанный старой сетью, плащ являлся необходимой и надежной защитой от непогоды особенно для рыбаков[22].

Для хозяйственных работ шили самодельную обувь. Для рыболовов наиболее удобны были *бродни* — высокие сапоги из коровьей кожи. Такие сапоги, нередко подвязываемые к поясу, использовали по всей России для работы в лесу и на воде. Для полевых работ более подходили невысокие *башмаки* из свиной кожи с пришивной подошвой, которые в разных местах назывались по-русски — *ходаки*, *поршни* или по-украински — *черевики*, *постолы*. Их обычно надевали на шерстяные носки, в которые казаки заправляли шаровары, а иногородние — штаны или брюки. У казаков-кавалеристов были *чирики*, *чувяки* или *поршни*, сделанные из одного куска кожи. Во второй половине XIX в. они входили в обязательное обмундирование. Их шили точно по ноге и надевали на носок из мягкой кожи или тонкого войлока или же на кожаные *наговицы*, в которые заправлялись шаровары почти до колен. Эта удобная обувь была заимствована у горцев и очень нравилась казакам.

Соседство с горцами привело к появлению разнообразных сапог, носившихся с праздничным костюмом. «На вытяж» шили легкие выворотные сапоги, подобные адыгейским. Показателем зажиточности служила обувь из хромовой или шагреневой кожи. Ее делали на низком каблуке с острым носком. Особенно модными стали в начале XX в. сапоги лакированные и «со скрипом». Их носили парни и молодые мужчины из богатых семей. Казаки постарше обувались в «лавочные» сапоги из юфтевой кожи. В зимнее время все надевали валенки. При низкой обуви полагалось обматывать ноги *онучами*, которые делали из белого сукна домашнего тканья в виде нешироко полотенца. Сверху их оплетали *уматками* — узкими (в два пальца) кожаными



Обувь мужская: 1) башмаки с ушками,
2) башмаки с ушками и язычками, 3) сапоги.
Обувь женская: 4) туфли, 5) башмаки, 6) ботинок.
(Из кн.: Кубанские станицы. М., 1967. С. 155, 161.)

ремешками более метра длиной. С сапогами и поршнями обматывали ноги *портянками* из суконной или холщовой ткани.

С форменным платьем казаки носили праздничный головной убор — высокую меховую шапку-*папаху* из овчины с суконным верхом красного цвета (у пластунов — черного), с кантом по цвету полка. В начале XX в. стали шить низкие шапки — *кубанки*. Их носили даже летом, хотя дома и на полевые работы иногда надевали тонкие валянные из белой или серой овечьей шерсти шляпы с конической тульей и довольно широкими полями — *холодком*. Этот вид головного убора был заимствован у горцев и обычно покупался у них же, хотя в некоторых

Головные уборы: 1) мужская шапка — бриль, 2) кубанка, 3) женская шлычка. (Из кн.: Кубанские станицы... С. 155, 161.)

станицах их выделывали сами. У горцев же был заимствован форменный башлык. Обычно он шился из черного сукна на красной подкладке и составлял комплект с буркой.

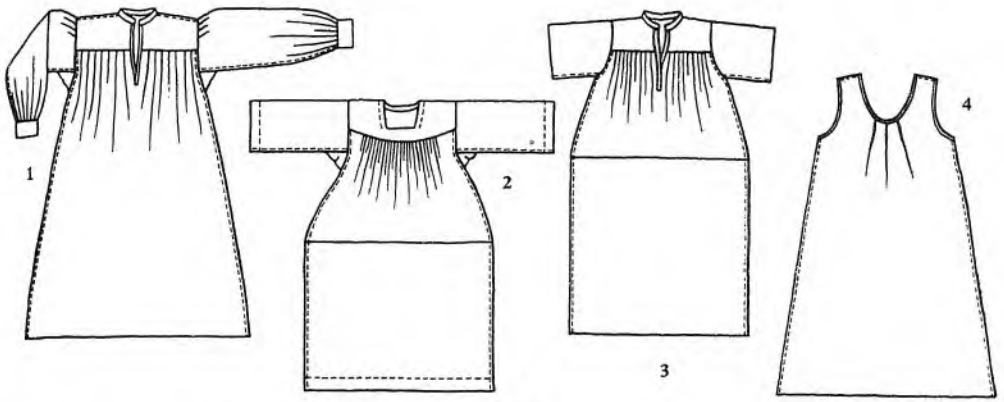
Иногородние, не имея права носить форменный головной убор, надевали меховую шапку такой же формы, как и казачья, только с меховым верхом и без канта. Кроме того, они носили валяные и барашковые шапки или треухи, такие же, какие носили украинцы и русские в других губерниях России. Однако все эти головные уборы быстро вытеснялись меховой шапкой, сходной с кубанкой. Во второй половине XIX в. у иногородних, как и везде в России, получил широкое распространение *картуз* из фабричной ткани. Казаки также носили картузы синего или черного сукна с красным околышем.

Женскую одежду XIX — начала XX в. составляли нижняя *рубаха*, полотняная и верхняя рубаха (она же сорочка по-украински), *нижняя юбка*, *верхние* ситцевые *юбки* и ситцевый *платок* на голове.

Почти до 30-х гг. XX в. рубаха была основной одеждой казачек и иногородних. Девочки в одной рубашке, подпоясанной поясом или бечевой, ходили до 10–12 лет, а в старину — до самого замужества. Девичьи рубахи по русскому обычаю были , как правило, из белого домотканого холста длинными, цельнокроеными и с пришитыми рукавами. Женские рубахи, как и у всех восточных славян, состояли из двух частей: *стан* — верхняя и *подстава* или *подол* — нижняя, но употреблялось и украинское название *пидтичка*. На верхнюю часть рубахи выбирали обычно фабричные ткани — ситец, сатин и др., а иногда даже — шелка; при этом часто нижняя часть рубахи была холщовой — из трех полотнищ домотканого холста.

Как и в мужской одежде, старинные рубахи шили туникообразным покроем с прямым разрезом спереди, с небольшим стоячим воротничком и с длинными рукавами, пришивавшимися с ластовицей.

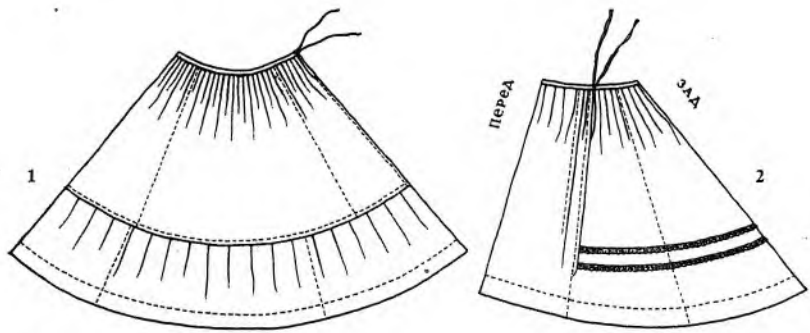
В восточных районах Кубани бытовал еще и другой способ вшивания рукавов, встречавшийся также в южнорусских губерниях, при котором рукав срезался острым углом и этот угол вшивался в плечевой



Покрой женских рубах. Конец XIX — начало XX в.:
1) с ластовицами и на кокетке; 2) с ластовицами и подставом; 3) с выкройным рукавом и подставом; 4) с «выкатом». (Из кн.: Кубанские станицы... С. 156.)

шов кокетки. Рубаху на кокетке в более раннем варианте шили с туникообразным верхом и с ластовицей, рукав присборивали на манжете; в позднем варианте — с *талейкой* (*блюзом*). Кокетка имела плечевые швы, а ластовицы могли отсутствовать и тогда пройму скругляли. Рукав присборивали в плечевом шве (*с грибами*), а талейку собирали складочками по линии пришива. С начала XX в. стали шить рубашки с полудлинными «косыми» рукавами.

Старинной женской одеждой, надеваемой на рубаху, как у казачек, так и у женщин из иногородних семей была *юбка* — более характерная для народного костюма украинцев и белорусов, чем для русских. Употреблялось и ее украинское название — *спидница*. Юбки шили из покупного материала, широкою в 5–6 полотнищ, сосборенною на шнурке — *очкуре*.



Покрой женских юбок.
1) со сборками по талии; 2) с прямым передом и со сборенной спинкой. Конец XIX — начало XX в. (Из кн.: Кубанские станицы... С. 157.)

Со второй половины XIX в., как и в других местностях страны, стали носить комплекты из юбки и кофты городского покроя, сшитые из одного материала, получившие названия *парочка*. Она вытеснила прежнюю народную одежду. Однако до начала XX в. население вспоминало полотняные рубашки с вышивкой, домотканые плахты и свитки (безрукавки), пояса из тканей и из крашеной шерсти с длинными кистями[23].

Передник, фартук, завеска не был для казачек обязательной частью костюма, как у женщин других районов России. Его надевали главным образом для работы. У населения сохранилось воспоминание о старинных передниках с грудинкой, характерных главным образом для южных великорусов. К концу XIX — началу XX в. распространился передник из холста или других хлопчатобумажных тканей, укреплявшийся на талии. Праздничные передники имели такой же покрой, но их шили из более дорогих материалов, украшали тканными узорами, нашивкой лент. Под фартуком женщины в XIX в. носили карман, подвешенный на поясе, как и у донских казачек. Его собирали из кусочков ткани одного или разных цветов. Поверх передника, рубахи, юбки повязывали пояс. Мягкие удобные пояса ткали в семьях из шерстяной пряжи: для девушек узкие, для взрослых пошире (3–4 см), с длинной бахромой на концах. Для праздничного платья с начала XX в. вошел в моду черный лаковый пояс. Его носили девушки при заправленной под юбку кофте.

Своеобразием отличалась ранняя одежда гребенских казачек, которые нередко сами происходили от коренных кавказских народов. Они могли надеть длинное, до пят, платье типа архалука, с широкими рукавами, с металлическими застежками, на голову шапочку-«кавказку» (адыгейская, осетинская и т.п.), поверх — большой, спадающий на спину платок, спереди — широкий фартук. Однако их одежда была свободнее, чем узкая одежда горских женщин[24]. В начале XVIII в. гребенские казачки носили традиционный русский головной убор — рогатую кичку.

Старинной и общераспространенной верхней женской одеждой был зипун, по покрою такой же, как и мужской. Однако во второй половине XIX в. казачки носили его уже сравнительно редко. Как и в других местностях по казачьей линии, на смену пришла *кохта* длиной немного ниже колен, с широкими скошенными полами, образующими глубокий запах, без воротника, с застежкой на одну пуговицу у горла. Ее шили на стеганой подкладке из различных материалов, в зависимости от достатка семьи.

Женщины из иногородних семей такие кохты тоже носили, однако они первыми перешли к ношению различных пальто, называвшихся *саками, полусаками, жакетами*. Это была одежда городского покроя, получившая широкое распространение в сельской местности. Жакетом

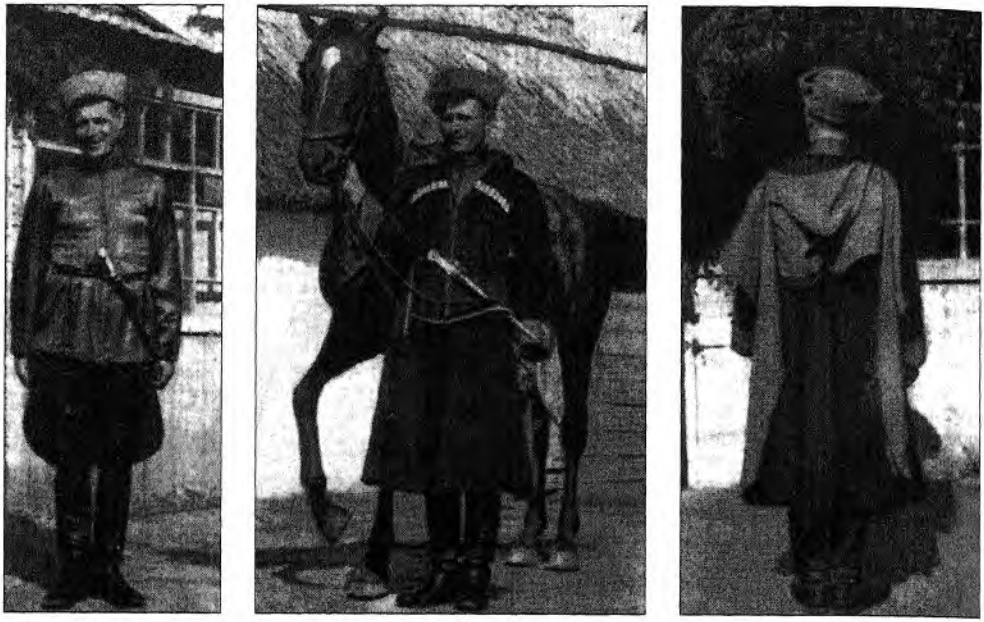
пользовались в межсезонье. Его шили из сукна на ситцевой или шелковой подкладке, длиною до колен или несколько выше, с прямыми полами и спинкой, с застежкой посередине. Прямые длинные рукава могли иметь вверху буфы, а внизу манжеты. Воротник жакета обычно был небольшим стоячим или с отворотом. Сак считался праздничной одеждой. Это однобортное пальто на вате делали на сатиновой подкладке длиною до икр, из темных, преимущественно ворсистых тканей. Чаще надевали полусак — черный плюшевый жакет на вате. Он был короче сака и удобнее, так как не стеснял движений. Различные варианты верхней одежды удерживались в пользовании практически до второй половины XX в.

Верхняя женская одежда на меху отличалась от такой же мужской в основном не покроем, а отделкой, поэтому женщины часто надевали мужскую одежду, а мужчины — женскую.

В самом начале XX в. богатые казачки стали носить так называемые *шубки* на лисьем или другом меху, крытые бархатом (часто цветным), шелком или атласом. Они тоже были с прямой спинкой и большим запахом, но с воротником. По покрою они являлись вариантом донских шуб.

Головные уборы в этой местности не отличались разнообразием, а народные традиции больше поддерживали девушки. Они могли ходить с распущенными волосами, заплетали их в одну косу, которую украшали лентами. В летнее время девушки плели венки из живых или искусственных цветов и не только гуляли по станице, но даже ходили с ними в церковь. В отдаленных селениях до начала XX в. сохранялись единичные кокошники, которые надевали в особо чтимые праздники. Уже к середине XIX в. не удержался древний обычай замужних женщин тщательно закрывать все волосы на голове. Как и в городском быту этого периода, сельские женщины стали закрывать лишь часть головы и особенно — пучок. Для этого служил *чепчик*, а с начала XX в. — *шлычка*. Она представляла собой чепчик, сшитый из разных кусков ткани с округлым задником и пришивными бочками. Внизу пришивали завязки (*мотузочки*) или продергивали тесьму, охватывая ими шею. Еще менее закрывала волосы *шлычка на шиш*, имевшая небольшое круглое донышко и невысокие бортики. Ее прикалывали к пучку булавками и шпильками или затягивали шнурком.

В западных районах бассейнов Кубани и Лабы, в местах, где сильнее прослеживались украинские традиции, был известен и другой покрой шлычки — маленький украинский *очипок*, надевавшийся совершенно так же, как и шлычка. В этих местах бытовал и украинский очипок, но носили его сравнительно немногие. На шлычку женщины летом надевали легкие ситцевые или шелковые платки, зимой — теплые вязаные платки или шали.



Форменная одежда кубанских казаков. 1958 г. (Из кн.: Кубанские станицы... С. 152.)

Семья кубанских казаков. 1892 г. (Из кн.: Кубанские станицы... С. 154.)

Рис. 1. Костюм казачки XVIII в. Сарафанный комплекс, жилет, шаровары (из кн.: *Георги И.Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов. СПб., 1776. Ч. 4. С. 210, вставка).

Рис. 2. Повседневная одежда девушки (Из кн. А. Ригельмана «История или повествование о донских казаках. М., 1846.)

Рис. 3. Девушка-казачка из богатой семьи (рубаха с рукавами нового образца) (по Ригельману).

Рис. 4. Богатая казачка Нижнего Дона в домашнем наряде XX в. (по Ригельману).

Рис. 5. Богатая Казачка в кубелеке. Рубашка старинного фасона с широкими рукавами (по Ригельману).

Рис. 6. Казачка верховых станиц, Поневный комплекс одежды (по Ригельману).

Рис. 7. Рабочая одежда казачки. Понева, рубаха, шаровары, передник (по Ригельману).

Рис. 8. Войсковая одежда казаков XVIII в.: а) войскового атамана, б) есаула, в) казака (по Ригельману)

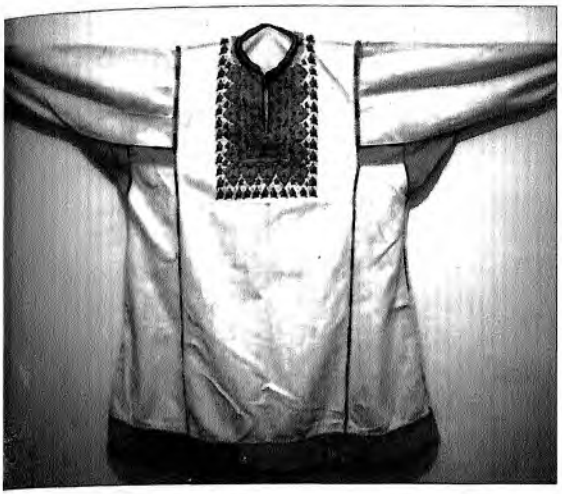


Рис. 10. Казачья праздничная рубашка.
XIX в. (РОМК 385/1).

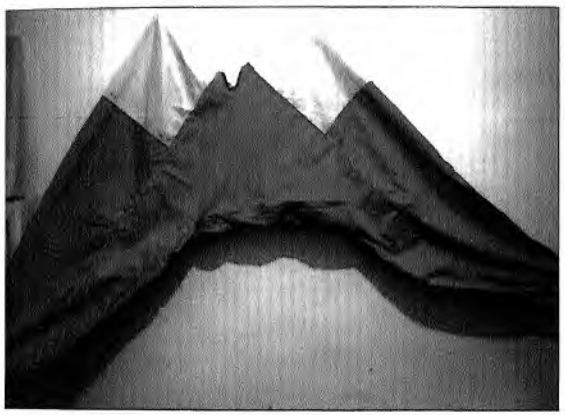


Рис. 9. Казачьи шаровары.
XIX в. (РОМК 385/2).

Рис. 11. Казачий костюм
(СИАМЗ. Экспозиция).

Рис. 3. Девушка в балахоне: а) вид спереди, б) вид сзади.
(СИАМЗ. №11852)

Рис. 4. Девушка в балахоне и фартуке — зависке.
(СИАМЗ. №4183)

Рис. 5. Костюм с украшениями на поясе — вид сзади.
(Из коллекции С.А. Глебушкина, 2007.)

Рис. 6. Женщина в платке «обкищенном» — вид сзади.
(СИАМЗ. №3658).

Рис. 7. Женщина в кухаенке: а) закрытой (СИАМЗ. №1722); б) распахнутой (СИАМЗ. № 11722).

Рис. 8. Женщина в сарафане с короткими рукавами (СИАМЗ. № 3658).

Рис. 9. Головной убор некрасовок с «булафками». (Из коллекции С.А. Глебушкина, 2007.)

Рис. 10. Части головного убора: сорока, позатыльник, подвеска (экспозиция).

Рис. 11. Молодежь в традиционной одежде. Фото Т.Ю. Власкиной, 2008 г.

Рис. 1. Липовинка хут. Ново-покровского в традиционной одежде. Фото Т.Ю. Власкиной, 2008 г.

Рис. 2. Способ повязывания косяка. Фото Т.Ю. Власкиной, 2008 г.

Рис. 1. Женщина в традиционной «парочке» (юбка и кофта).
Фото Е.В. Арслановой, 1997 г.

Рис. 2. Женщина в сарафане, кофте, платке.
Фото Е.В. Арсланова, 1997 г.

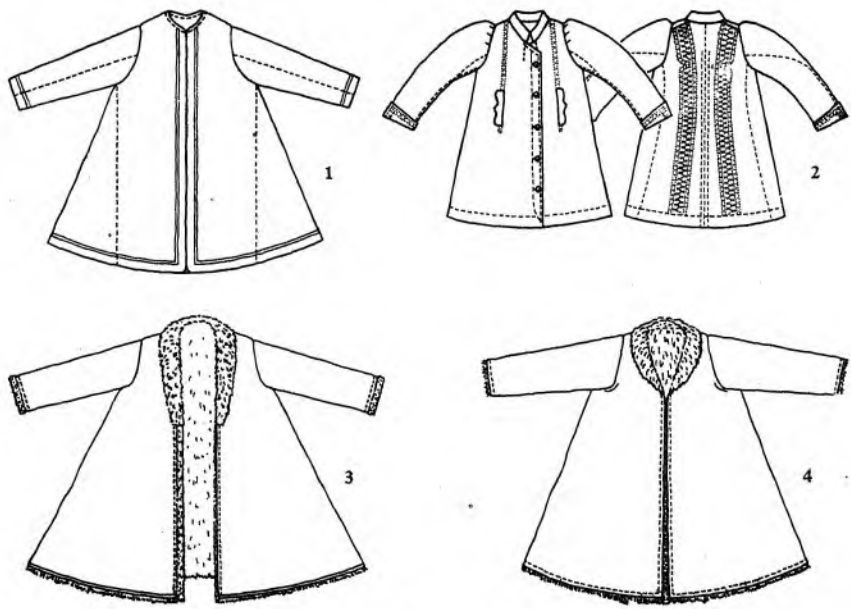
Рис. 3. Участницы народного хора в сарафанах и парочках.
Фото Е.В. Арслановой, 1997 г.

В конце XIX — начале XX в. праздничным головным убором замужних женщин Кубани и Дона стал колпак. Его вязали из шелковых или бумажных нитей чулочной вязкой с округлым верхом. Украшали колпак вставками пестрой ткани и махрами. При выходе на улицу поверх колпака повязывали платок, который снимали в помещении[25].

В самом конце XIX в. и в начале XX в. в связи с проникновением в сельский быт промышленных товаров и городских мод старые головные уборы стали уступать место новым, особенно у женщин из зажиточных семей: различные шарфы, наколки, фальшенки. Особенно ценились изделия из кружева в форме треугольника (*косынки, наколки*) или фигурные повязки с длинными концами, которые сзади завязывали бантом.

Из украшений самыми распространенными были дешевые бусы и, особенно, серьги и кольца. В западных районах бусы называли по-украински *намисто*.

Рабочая обувь у женщин была одинаковой с мужской — *чирики, башмаки, башмаки с ушками*; в западных районах — *черевики*; в горах — *чувяки*. В Ставропольской губернии вязали крючком из шерстяной пряжи *колишки* по форме поршней, привязывая их шнурком, носили с суконными чулками в сухую погоду. Престижно было носить сапоги, особенно ценились сшитые из цветного сафьяна на каблучках, как у украинок.



Верхняя женская одежда конца XIX — начала XX в.:
1) кохта, 2) пальто короткое, 3) шуба овчинная, 4) кожух овчинный.
(Из кн.: Кубанские станицы... С. 160.)

Все вышеизложенное позволяет заключить, что в одежде жителей южной приграничной части страны сохранялись русские традиции, но с заметным присутствием украинских и горских народов. В форменном платье казаков традиции донского казачества были усилены влиянием горцев (различные пояса, сапоги, рубашки, верхняя одежда). Это объясняется спецификой военизированного быта мужчин-казаков, традиционный костюм которых почти не изменился. В женской одежде сохранилось меньше традиционных черт, а новое городское влияние раньше и активнее воспринимали переселенцы из внутренних русских губерний.

РЕЭМИГРАНТЫ

В XVIII в. народные волнения охватили южную часть России. Восстание возглавили казачьи атаманы Булавин, затем — Некрасов. После разгрома регулярной армией отрядов восставших, им пришлось отступить к Кубани, потом в дельту Дуная. Относительно малая группа казаков переселилась на турецкие земли в Малой Азии. Все русские разных вероисповедальных течений, обосновавшиеся в этот период на юге Европы, составили единую диаспору, получившую наименование *липоване*, переселившиеся в Малую Азию стали называться *некрасовцы*. В XX в. эмигранты начали возвращатся на родину.

Казаки-некрасовцы. Наиболее ревностно сберегала русские традиции небольшая община обосновавшаяся в Турции у оз. Майнос. Жизнь вдали от родины небольших общин грозила утратой национальной культуры, поэтому некрасовцы предпринимали попытки обратного переселения. В 1912 г. сначала небольшая группа, а через 50 лет и остальные возвратились на родину, поселившись в хуторе Некрасовском Краснодарского края и в Левокумском р-не Ставропольского края.

В костюме некрасовцев, вернувшихся на родину, заметно было сохранение архаических элементов. Однако их традиционную одежду нельзя рассматривать как возвращение костюма донских казаков XVIII в. Прежде всего следует учитывать, что вместе с казаками уходили из России восставшие крестьяне из нескольких южнорусских губерний.

Во-вторых, при остановке на Кубани Некрасов рассылал «подговорщиков» в различные губернии и прежде всего в ближайшую Воронежскую. Затем — нельзя исключать изменений в костюме за два века пребывания в Турции. Поэтому в традициях некрасовцев следует искать комплексности.

Для того чтобы выяснить условия, в которых проходило формирование культуры этой группы, в том числе и костюма, следует обратиться к описаниям людей, посещавших казаков в Малой Азии. Они немногочисленны, и два из них приводятся в книге В. Ламанского. Самое раннее

относится к 1837т г., Оно составлено английским путешественником Гамильтоном, который отметил, что жители сохраняют свой язык и свой наряд, лишь немногие из них умеют говорить по-турецки[26]. Одежда, которую удалось увидеть путешественнику на мальчике и мужчине, состояла из длинного белого кафтана, вышитого по вороту и подолу, а также черной бараньей шапки.

Следующее описание было сделано Мак-Фарленом, посетившим с. Кизакли в 1850 г. Он отметил, что жители чрезвычайно трудолюбивы, расторопны и ловки, крепкого сложения, несколько нелюдимы. С соседними местными жителями общаются мало, только по делам и свое село не оставляют без присмотра. Они не пьют из стакана или рюмки, если прежде них пил кто-нибудь чужой. Мужчины воздерживаются от курения табака. На заявление, что табак полезен, ответили: «Если и полезен телу, то он расстраивает и губит душу, кто курит, тот уже не христианин»[27]. Мак-Фарлен видел в селении мало людей, так как большинство находилось на рыбной ловле. Женщины все были босоноги и в коротких юбках, едва доставáвших до икр. «Впрочем, — отмечал автор, — одежда их из бумажной ткани очень красива и опрятна. На голове они носят яркого цвета бумажный платок, повязанный не в виде чалмы, а просто как платок. Одежда детей более чем красива, она изящна и живописна. Мальчики носят род кафтанчика, спускающегося несколько ниже колен, и шаровары. То и другое из крепкой, толстой бумажной материи, покупаемой в довольно отдаленном городе Балук-Гисаре, где ежегодно бывает важная для этой части Анатолии ярмарка. Кафтанчик красиво окаймлен вокруг шеи и вниз по груди разными яркими тесьмами. Одежда старшего бея (хозяина дома. — *В.Л.*) была такая же точно, как и у мальчиков, за исключением красивых кайм. Толстая бумажная материя кафтана такая же теплая, как сукно. Мужчины все носили меховую или кожаную шапочку, плотно прилегающую к голове»[28].

Следующее описание относится к 1895 г. Оно сделано Я.И. Смирновым также во время посещения «по случаю» деревни на оз. Маде, по словам жителей — первого за время существования там небольшой русской общины[29]. Приехавшие встретили первым мальчика, ворот бешмета которого был обшит русскими серебряными монетами XVII в., и трех мужчин в коротких шубах с меховой опушкой, крытых малиновым и красным сукном, в цветных же шароварах. На головах у двух из них были надеты высокие черные барашковые шапки. При входе в дом приезжие увидели хозяйку со скуластым лицом, «толсто обернутым платком». Женщина была «одета поверх длинной, до колен, ситцевой стеганной на вате кофты с рукавами до локтей, в короткую безрукавную баранью шубку, в роде кацавейки, полушубок, и передник; длинные, расширяющиеся к низу, ситцевые рукава, выходящие из-под коротких

рукавов кофты, во время работы, — сообщал автор, — приходится или связывать около кисти, или завертывать на плечах. На ногах большие кундры (турецкие туфли — кундуре)».

Я.И. Смирнов пригласил женщин и девушек сфотографироваться. Одна из них надела праздничный наряд, поразив приезжих своим головным убором: «На голове высокая кичка о двух рогах золотной парчи под желтым шелковым прозрачным покрывалом, накинутым поверх рогов, волоса надо лбом и на висках подвиты; с кички около ушей спускаются подвески из серебряных цепочек с разнообразными подвесками; на шее мониста; борта ватной кофты с короткими рукавами, обшиты тонкими серебряными монетами, с большими дутыми пуговицами по средине. Три больших выпуклых серебряных бляхи: круглая, средняя и две заостренные к концам, украшают пояс, к средней бляхе приделаны еще привески из монет. Из-под коротких рукавов ватной кофты спадают непомерно длинные рукава нижней одежды, расширяющиеся на концах; полосатый передник и новые красные сапоги заключали этот оригинальный наряд»[30].

Этнографическое описание традиционного костюма некрасовцев удалось сделать уже после их возвращения на родину в XX в. Мужская и женская одежда сохраняли свою живописность.

Повседневную мужскую одежду — комплекс из рубашки и штанов — шили преимущественно из домотканого холста и сукна. Рубахи имели старинный туникообразный покрой с прямым разрезом спереди, без воротника, с длинными прямыми рукавами, внизу сосборенными под манжет. Верхняя часть по обычаю имела *подоплеку* (подшивку снизу), под рукавами ластовицу, и кроме того — прямоугольные вставки. Манжеты и подол отделывались красной каймой. Праздничные рубахи вышивали. Их названия указывали на расположение декора. На *воротной рубахе* вышивка в виде квадрата занимала центральную часть под воротом, покрывая ее очень плотным ковровым геометрическим орнаментом. На *круговых рубахах* вышивали грудь, рукава и подол. Для соединения деталей кроя применялся *плетеный шов*, как бы имитировавший кружево. Он встречался у русских разных местностей также в праздничной одежде. *Свезенным* швом соединяли детали как рубах, так и штанов.

Штаны (*портки, парки*) носили синего цвета (*киндячные*) и красного (*кырмыховые*), летом — холщовые, зимой — суконные. По русскому обычаю их надевали с выпуском рубахи. Нередко для экономии верхнюю закрытую часть шили из более дешевого белого материала.

Покрой портов соответствовал русскому, но с расширяющимися вставками, как у донских казаков. В подгиб верхнего края продергивали вздержку, завязывая ее спереди. Мужской пояс плели «на дощечках», что в России считалось более примитивным способом: узкие покромки в 1,5–2 см и широкие пояса для верхнего платья.

Казаки-некрасовцы в Турции, на о-ве Мада.
(Из ст.: *Смирнов Я.И.* Из поездки по Малой Азии // Живая старина. 1896. Вып. 1. С. 3, вклейка.)

Поверх основной одежды надевали верхнюю холщовую одежду — *балахоник, камышейку* (рубаха с карманами) или суконную — *бешмет, чекмень*, а зимой — *шубы*. Бешметы шили из покупной ткани прямого покроя со стоячим воротником и длинными узкими рукавами на подкладке, длиной ниже пояса. В XIX в. их стали шить более длинными и свободными и называли *балахонами*[31]. На большей части России балахоны являлись верхней одеждой из грубой ткани свободного покроя, которые надевали в непогоду поверх другого платья. В западных русских губерниях балахоны стали верхней летней одеждой. Например, в Смоленской губ. их шили из белого холста длиной ниже колен, верхнюю полу, рукава и подол обшивали кумачом или набивным ситцем[32]. У некрасовцев эту роль выполнял чекмень. Его шили из домашнего сукна, серого, черного или бурого цвета, с прямой спинкой, прямыми же полами и с двумя клиньями по бокам от подмышек, с длинными рукавами и стоячим воротником. Полы запахивали без застежки.

Традиционная одежда после 1930 — 40-х гг. сохранялась как ритуальная, а в быту стали носить городской костюм. Женский комплекс

составляли *рубашка*, *балахон* и *завеска*. Рубашка сохраняла русский покрой из двух частей, но распределение материала по качеству отличалось. Если в России верх традиционно шили из лучшей ткани, то у некрасовцев — из простой, так как эта часть закрывалась балахоном. На подол и рукава, напротив, использовали яркие шелка. Для нижней части рубахи выкраивали два прямоугольника, как обычно, но с боковыми клиньями (в русских селах — преимущественно два, иногда три куска ткани). Низ подола отделывали красной каймой, как и на мужских рубашках. Рукава с прямой проймой и ластовицами также сшивали из кусков разного цвета.

Поверх рубахи надевали балахон, шившийся из яркого полосатого шелка, распашной, прямого покроя, на подкладке, с прямыми недлинными рукавами. Покрой балахона был туникообразным. По бокам вшивали два клина, а на полы в их средней части вставляли по куску дешевого простого материала прямоугольной формы в целях экономии, так как они закрывались передником. В качестве украшения на рукава, сшитые из простого материала, нашивали поперечно лежащие разноцветные шелковые ленты (*наставки*). Горловина обшивалась тонким шнуром, который переходил на переднюю часть полочек до пояса. К нему на одной поле крепили пуговицы, а на другой из него же делали петли. Пуговиц нашивали больше, чем петель, так как они служили одновременно и украшением. В прошлом, как и у донских казаков, пуговицы стремились делать из драгоценных материалов. Казачки при проживании в Турции нашивали по краю еще и серебряные монеты. После переезда в Советский Союз этих украшений уже не было.

Таким образом, балахон сохранял традиционное значение верхнего платья, однако, став обязательным элементом женской одежды, он изменился, приобретя восточную яркость, благодаря особому лоскутному крою. Грубая ткань оставалась только на закрытых участках, а все видимые расцвечивались шелками. Балахон — одежда для взрослых. Его надевали на девочку лет в 12, что, по-видимому, означало наступление зрелости. Этот обычай можно сопоставить с надеванием поневы в южнорусских селениях.

Завеска — фартук, элемент одежды русских и украинцев, носившаяся в некоторых станицах на Кубани. У некрасовских женщин завески как будничные, так и праздничные были не сшиты. Поясок состоял из двух половин, скреплявшихся узлом спереди и сзади. За него затыкали собственно полотно фартука, подрубленного только с трех сторон. Для повседневных завесок выбирали однотонные ткани с красной каймой по низу, а для невесты полагалась яркая цветастая — *канчатая* ткань. Фартук с пояском-завязкой на талии является поздним элементом

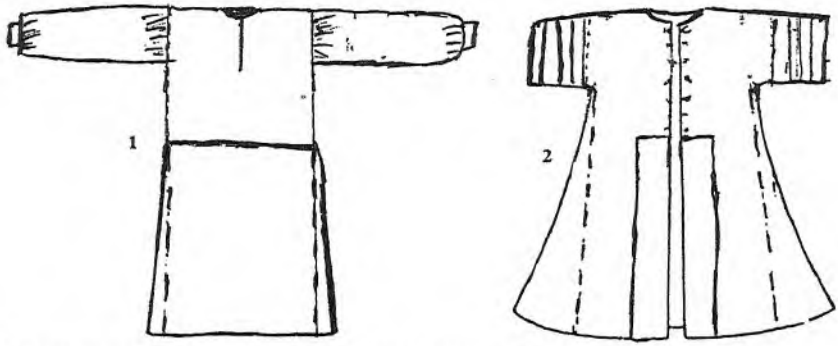


Схема раскроя одежды казачек-некрасовцев: 1) рубашка; 2) балдахон (Из коллекции С.А. Глебушкина)

в одежде русских женщин. У некрасовских казачек его пошив по каким-то причинам не получил завершения.

К нарядной завеске сзади подвешивали *мутозики* — длинные пояса (до 2,5 м). Их составляли из небольших кусочков разноцветной ткани с кистями на концах. Украшение задней стороны платья нетипично для русских, но оно встречалось в некоторых уездах Пензенской и Воронежской губерний в соседстве с финноугорскими народами[33]. Подвески к поясу имели различную длину, ширину и способы крепления, заканчивались кистями или помпонами. Особой величины эти детали костюма достигали у мордвы эрзи. Они были довольно тяжелы и держались на талии специальным поясом, были украшены бисером, раковинами каури, бахромой и выполняли роль не только украшения, но и оберега. У казачек некрасовской группы украшения на поясе сзади костюма не мордовского, а русского варианта, но еще легче и проще.

В холодное время казачки-некрасовки поверх балахона носили *кухаенки* (*куфаенки*) — это верхняя распашная одежда с расклешенными полочками, стоячим воротником и короткими рукавами, стеганная на шерсти или на вате с опушкой. *Кухайкой* (*куфайка*) называли густо стеганное пальто также черного цвета. В качестве рабочей одежды служила короткая *куцевейка*.

Легкой утепленной верхней одеждой являлся *сарафан* из шелковой ткани, простеганный по тонкому слою шерсти. Он имел покрой, аналогичный балахону, но впереди пришивались две косые полки. На основной территории страны слово сарафан стало нарицательным, обозначая одежду без рукавов различного покроя. Сам термин появился в России как заимствованный примерно в XIV в. Первоначально так называлась женская и мужская одежда кафтанообразного покроя с рукавами, носившаяся князьями и боярами. Предполагается, что название

произошло от иранского «сарапа» (с ног до головы)[34]. Возможно, сарафан некрасовских женщин является вариантом заимствованной одежды, но не исключен переход термина на измененную традиционную одежду, хотя бы на улучшенный балахон.

Меховую одежду составляли безрукавки — *полушубки* и длинные, во весь рост, *шубы* с длинными же рукавами. Безрукавки были распространенной одеждой в Кубанской области, особенно в западной части, заселявшейся из Украины. Шубы же бытовали повсеместно.

Особого внимания заслуживают головные уборы некрасовских женщин. Они включают как старинные, так и оригинальные элементы.

Девочки и девушки постоянно носили *связку* — сложенную в несколько раз полоску материи (на три пальца ширины). Женский обычный головной убор состоял из четырех предметов: *каука*, *шлычки*, *связки* и *платка*.

Каук представлял собой небольшой валик из шерсти или ваты, обшитый тканью, который накладывали на затылок к ушам под шлычку. Ею повязывали волосы. *Шлычка* — фигурный кусок ткани с выступом и завязками в форме распластанной птицы без головы. Завязками удерживали каук, концы которого выступали из-под шлычки, как бы рожками. Сверху накладывали платок, сложенный углом, его концы перекрещивали под подбородком. Вся эта конструкция напоминает разобранную на части русскую традиционную кичку-сороку, которую также покрывали платком.

Праздничный вариант головного убора некрасовки составляли *кичка*, *сорока*, *позатыльник* и *покрывало* из тонкого шелка. Этот нарядный головной убор входил в комплекс свадебной одежды и в настоящее время используется как ритуальный[35].

Традиционная кичка с рогами состояла, как и в России, из плотной шапочки, на которую с боков нашивались выступы, наполненные ватой (высотой до 10 см). Сверху надевали соответствующей формы чехол из красивой ткани — сороку. Снизу к чехлу прикрепляли околыш, расшитый металлической нитью, жемчугом, украшенный драгоценными камнями. К околышу подвешивали длинные металлические цепочки с украшениями на концах. Сзади привязывался позатыльник прямоугольной формы и, как обычно у русских, зашитый галуном, но украшали его не бисерными или жемчужными поднизями, а различными монетами.

Сорока и кичка были известны во многих местностях европейской части страны как праздничный головной убор. Он считался более типичным для южнорусской этнографической группы, что указывает на связь исторических судеб населения южной пограничной территории. Наряду с сорокой-кичкой в свадебном обряде некрасовцев находил место и *кокошник* (*кукошник*), более распространенный в севернорусском регионе.

Кокошник некрасовских женщин имел круглую форму и украшался бисером, жемчугом и даже звенящими *шаркунцами* (*шаргунсами*).

Разнообразен был набор используемых платков. Простейший из них — *ширинка* — небольшой по размерам хлопчатобумажный квадрат широкого назначения — был в употреблении даже у мужчин. Красивые ширинки с каймой и кистями девушки брали на танцы, затыкая их за пояс, дарили жениху на свадьбу. Особенно нарядным считался *урменский* цветной платок с мелким рисунком красного тона и с кистями. Платки большого размера использовались в разные времена года.

Общий комплекс костюма казачек-некрасовок трудно соотнести с известными устойчивыми комплексами одежды русских женщин, хотя он бесспорно строился на традиционной основе. В нем можно отметить черты примитивности и незавершенности (лоскутный покрой, несшитая завеска, слабо структурированный будничный головной убор). В одежде некрасовских женщин меньше заимствований, меньше иноязычных названий, чем у донских казаков, в общем потоке с которыми они уходили из страны. Мы считаем, что их собственный вариант комплекса костюма не успел получить завершения, однако его уже можно обозначить как комплекс с балахоном. Сами некрасовцы считают свою одежду чисто русской: «Двести лет в Турции прожили, а туркам мы не прилучилися. Мы платью свою не сменили и язык не поломали», — с гордостью говорят они[36].

Липоване Краснодарского края. Русские люди, обосновавшиеся в Румынии, хорошо знали о тех местностях, откуда старообрядцы уходили за рубеж. Память о родине никогда не угасала, а пребывание в другой стране даже в течение нескольких веков не вытеснило надежды вернуться на «свою землю».

После окончания Второй Мировой войны жители русских сел Сарикёй и Каменка Тульчинского у. по их просьбам были доставлены в Одессу, а оттуда — в Краснодарский край и в Поволжье.

В Румынии среди липован не было единства в отношении вероисповедания. Часть из них сохраняла приверженность беглопоповству, с которым уходила из России. Многие, после создания Белокриницкой иерархии, приняли новое вероучение. Различия в духовных воззрениях определили выбор места поселения после переезда в Советский Союз. Выходцы из с. Сарикёй были, в основном, беглопоповцами. Они поселились в Краснодарском крае, где уже проживали их одноверцы, приемлющие новозыбковскую древлеправославную иерархию.

Прибывшие из Румынии обосновались в хуторе Новопокровском Приморско-Ахтарского района невдалеке от хутора Некрасовский, основанного казаками-некрасовцами. Однако проживание в одной местности

не привело к слиянию старообрядцев в единую общность вследствие различия в вероисповедании. Хотя имело место некоторое нивелирование культурных различий, но разное восприятие современности в этих группах проявлялось весьма наглядно, в частности, в одежде[37].

В XX в. быстрыми темпами шло распространение одежды городского типа. В Румынии к 1947 г. носили ее в качестве повседневной. Традиционный костюм использовался как молельный. Старообрядцы беглопоповского согласия сохраняли *комплекс русской женской одежды сарафанного типа*, в отличие от представителей белокриницкого согласия, сменивших его на более современный — *с парочкой*.

Основу женского костюма составляла туникообразная *рубаха*. В старину ее шили из прямых полос ткани с разрезом для головы спереди посередине и с длинными рукавами. В конце XIX в. это была одежда детей и девушек. Замужние женщины носили рубахи, составленные из двух частей примерно равной длины. Верхняя из них называлась *чехлик*, а нижняя — подстава. Такой покрой присущ всем восточнославянским народам. Верхнюю часть шили как правило из хорошего, преимущественно покупного материала, а для нижней обычно использовали домотканину. Это удобно в бытовом плане, так как позволяет легко сменить нижнюю, быстрее изнашивающуюся половину. Однако старообрядцы давали еще иное, более существенное объяснение. Верхняя часть тела считается «чистой» в духовном плане, так как в ней находится душа.

Липоване в прошлом шили рубашку с прямыми вставками на плечах — прямыми поликами, которые пришивали по утку к переднему и заднему полотнищу и уже к поликам пришивали слегка присборенный рукав. Такой покрой присущ русскому населению России в северных и центральных областях, где верхнюю часть называли *рукава*, а нижнюю — *стан*. Термины чехлик и подстава употребляли русские западных областей и белорусы.

Поверх рубахи женщины надевали *шубку*. В настоящее время ее стали называть сарафаном. В то время, когда липоване уходили из страны на запад, слово сарафан еще лишь начинало употребляться, а слово шубка было широко распространено в южной России и означало красивую женскую наплечную одежду с широкими проймами и с разрезом спереди.

Крупнейший специалист по этнографии восточных славян Д.К. Зеленин считал, что термин шубка имеет западное происхождение[38]. Другой специалист, Б.А. Куфтин, полагал, что это одежда местного происхождения и могла развиться через эволюцию поневы[39]. Однако поневы липоване не носили, но старинную шубку они могли знать и перенести ее в Румынию с первыми волнами миграции.

Создается впечатление, что группы староверов уходили из Южной России еще до того, как в народную одежду проник термин сарафан. Известное на родине наименование одежды без рукавов шубка было перенесено ими на появившийся новый модный покрой одежды из прямых полос, имеющий сходство с так называемым «круглым» или «прямым» сарафаном. Он приобрел популярность в центре России лишь в середине XIX в., а к его концу распространился и на окраинах и даже проник за рубеж к липованам.

Под шубку в прошлом липоване надевали *подъюбник* — нижнюю юбку, которая также вошла в употребление во второй половине XIX в. и получила распространение в России в южных губерниях. Иногда юбок надевали по нескольку штук для придания фигуре пышности. Подъюбник шили обычно из белой ткани, окаймляя понизу прошвой или кружевом. Эта часть могла слегка выступать из-под подола. В конце XIX — начале XX в. в Румынии вошли в моду юбки. Их тоже называли «шубки» и носили с подъюбником. Поверх шубки-сарафана повязывали пояс с кистями, без которого костюм старообрядца считается неполным, как и в России. Пояса были достаточно длинны, чтобы ими можно было обвить стан дважды, а концы свешивались почти до пола. В русской традиции пояс считался оберегом, символом силы, знаком доброжелательства, также считали и липоване.

Особое значение у старообрядцев придавалось женскому головному убору. Девушки могли ходить с непокрытой головой, повязать ленту или покрыться косынкой. Женщина же, в соответствии с христианской традицией, должна тщательно укрывать волосы. Специальный обряд покрывания головы совершается во время венчания. По его ходу во всем православном мире заменяют девичью прическу с распущенными волосами на женскую — с двумя косами. Женский головной убор состоит из нескольких предметов, последовательно накладываемых один на другой. При этом нередко в обособленных группах вводятся некоторые детали, отличающие ее одежду. Для всех липован такой деталью является *косяк*. Это символ принадлежности именно к данной группе старообрядчества. Однако порядок покрывания новобрачной не однообразен. В Румынии после заплетания кос «по-бабьи» надевают кичку или чепчик, на него — косяк. Он имеет вид косынки, но не завязывается, а укрепляется на голове с помощью ленты, так, чтобы концы свисали по спине. Поверх косяка женщину покрывают большим платком, который зашпиливают под подбородком[40]. В России многие старообрядцы верхний платок не завязывают, так как считалось, что связать грехи человека узлом может лишь сам Господь. Липоване Новопокровского хутора на кичку надевают косяк, а чепчик сверху. Большие платки — *атласы*, *шумовые*, носившиеся в Турции, в России не сохранились. При венчании на кичку и очипок стали

надевать фату и венок[41]. Очипок и фата — предметы городской культуры, которая в настоящее время отчасти проникает даже в обрядовую жизнь староверов.

Мужская одежда, как и женская, сохраняет традиционный комплекс: рубаха, штаны, поддевка — и используется в основном в качестве моленной. В повседневной жизни носят городской костюм, но при этом рубашку могут выпустить поверх брюк, в особенности люди старшего возраста. Покрой рубах сохраняет русские традиционные элементы: ластовицы под рукавом, косой разрез, но при этом имеются и признаки украинского кроя: обшивка горловины блестками вместо стоячего воротника с тремя пуговицами, на груди широкая вышивка и планка, сдвинутая к середине, на спине — кокетка со сборкой под нею. Эти особенности отличают рубахи кубанских липован от тех, которые носили в Румынии, и тех, которые имелись у липован Астраханской области. Следовательно, новый покрой появился уже в России.

Верхняя одежда мужчин — *поддевка* кафтанообразного покроя — надевается для посещения храма без опояски, как и в других группах староверов. В России эту традицию строго сохраняют только беспоповцы. Поддевка липован позднего приталенного варианта с подрезной спинкой и со складками. Прямые полы запахиваются справа налево.

Традиционная обувь у мужчин и женщин в прошлом была однотипна. Из куска кожи, скроенного на ноге, шили *чувяки* (иногда с каблучками) и называли — *тухли* или по-украински — *постолы*. Теплой верхней одеждой служила простеганная на вате *куцавейка*. В прошлом ее носили и мужчины и женщины, но до сего времени она удерживается лишь в одежде мальчиков.

В целом следует отметить, что традиционный костюм неплохо сохранился за полвека, после возвращения. Изменения одежды в сторону обновления имели место еще в Румынии и продолжались в Советском Союзе, где источником новых веяний служила традиционная одежда местных русских и украинцев, а также — городской костюм. Хранителями традиционной основы являются, как обычно, люди старшего возраста.

ЮЖНОЕ ПОВОЛЖЬЕ. XVI – НАЧАЛО XXI ВЕКА

Астраханские казаки. Русское население в Южном Поволжье появилось в середине XVI в. в силу важных исторических причин, имевших общегосударственное значение. Присоединение Поволжья диктовалось необходимостью обезопасить страну от набегов кочевников. В 1552 г. Россия завладела Казанским ханством, в 1556 г. было ликвидировано Астраханское ханство, затем приняла подданство Большая

ногайская орда. Для защиты присоединенной территории возвели ряд крепостей, куда переселили около 1000 семей казаков с Дона. Для пополнения отрядов астраханских казаков к ним были присоединены переселенцы из Нижегородской и Оренбургской губ., а в 1731 г. в отряды были введены местные жители из «перекрещенных» татар и калмыков, а также ссыльные. До 1750 г. служилое население размещалось в крепостях, затем начало расселяться вдоль Московского тракта.

Первыми насельниками укреплений были люди ратные, служилые и стрельцы, которые в большинстве являлись выходцами из Центральной России. Ратные люди, стрельцы и казаки не только были заняты обороной местности, но и осваивали ее в хозяйственном отношении вокруг крепостей и станиц. Природа края предоставляла большие возможности для рыболовства и огородничества, но хлеб в период освоения был привозным.

Неоднородность состава населения при его формировании отражалась в быту и, прежде всего, в одежде. Жители северных слобод были носителями средне- и севернорусских традиций. В северных станицах носили одежду старинного покроя: *рубаху нательную* и *верхницу*. Верхнее платье составляли кафтаны разного покроя, епанчи, ферязи. На учужные (рыболовные) работы надевали кафтаны с запáхом влево, кожаные сапоги выше колен, шапки с оторочкой. У простого люда кафтаны были сермяжные (из грубой ткани), у высших чинов — из дорогих тканей. Такое платье могли подарить вождям местных племен для налаживания дипломатических отношений. Так, воевода Н.С. Прозоровский дал мурзе Келебету Тикбаеву «2 кафтана атласных с серебряными пуговицами.., да шапку лисью, и 4 аршина сукна гамбургского»[42].

Костюм казачьей вольницы включал рубаху и широкие *шаровары*. Если учесть, что кроме переводимого на свободные земли служилого населения стекались «пришлецы» и «бродяги», то картина складывалась весьма пестрая. Местный исследователь Рыбушкин отмечал: «Непостоянство было в их одежде: один носил чекмень армянского покроя, другие — архалуки разных цветов; калмыки и татары сохраняли свой наряд»[43].

Одежда была неоднородна в этническом отношении, но «своя» народная в социальном плане. Попытки правительства Петра I ввести изменения для сближения с западноевропейским костюмом имели серьезные последствия. После обнародования царского указа о запрещении носить русское платье и иметь небритые бороды в Астрахани вспыхнуло восстание (1705–1706 гг.), позднее объединившие сторонников старой веры от Волги до Дона. Оно закончилось массовым уходом казаков и крестьян за западные рубежи на территории подвластные Турции и Польше. В их исторических, преданиях сохранились воспоминания, в частности о выходе от реки Волги[44].

Крестьяне. Правительство было заинтересовано не только в обороне присоединенных земель Нижнего Поволжья, но не менее — в их заселении и освоении. С этой целью начали продавать земли желающим по льготным ценам. С 1765 г. была разрешена продажа государственных земель дворянам, что открыло так называемую помещичью колонизацию.

В местных архивах имеются материалы о переселенцах XVIII — начала XIX в., содержащиеся в списках населенных мест. В середине XIX в. учет населенных пунктов проводил губернский Статистический комитет. В «Вопросные листы» был включен пункт о времени заселения по воспоминаниям жителей. Согласно полученным сведениям, с. Началово, например, появившееся в 1750 г., считалось первым, начальным русским селением под Астраханью. Село Никольское населили крестьяне, «вывезенные из верховых губерний примерно 160 лет назад», по определению жителей. Село Чаган было основано около 200 лет назад, заселено ссыльнопоселенцами и выходцами из «верховых губерний»[45].

Одежда прибывавших заметно отличалась от той, которую носили в Астраханской губернии в XVI — начале XVIII в. Местные исследователи — историки и краеведы по архивным документам попытались выяснить, во что одевались астраханские женщины. Их одеяния сохраняли еще элементы старинной русской традиционной одежды, но для ее пошива использовались дорогие покупные материалы. Астрахань вскоре после основания стала важным пунктом торговых связей со странами Центральной и Средней Азии. В самом городе было налажено производство шелка на основе привозного сырья. Благодаря дешевизне тканей женскую одежду шили из дорогих материалов, а поскольку в местном хозяйстве значительную роль играло скотоводство, то выделывали кожи хорошего качества и продавали обувь по невысоким ценам.

Астраханки могли надевать с рубашкой шелковый *сарафан*, а поверх него еще распашную одежду, возможно *епанчу*. Зимой носили теплый *кожух* (из овчины) или *шубы*, крытые яркой тканью с преобладанием красного цвета. Обувью служили сафьяновые *полусапожки* или *сапоги*. Шапки с черным бархатным верхом оторачивали мехом, отделывали кружевами, бахромой, жемчугом или драгоценными камнями[46].

Одежда выходцев из казачьих селений Придонья включала элементы южнорусского и украинского костюма. Зона сосредоточения казачьей вольницы находилась в пограничье нескольких государств, границы которых были неустойчивы, а контакты разноэтничного населения складывались весьма тесные, как в мирной, так и в военной ситуациях. В одежде населения юго-западной пограничной зоны заметны элементы польского костюма, в частности женские рубахи — верхницы с широким цельным рукавом и *юбки*, которые, как считается, были

Жители с. Началово. Начало XX в. (Из местных фондов.)

принесены в Россию из польско-литовских земель[47]. В дальнейшем костюм казачек южных регионов страны на пространстве от западных границ до Восточной Сибири составляли юбки и кофты. В Астраханской губернии, по опросным сведениям, кофты шили с воротником-стойкой, распашные, с застрочкой на полочках, приталенные, с длинным рукавом. Кофта была длинная, типа казакина, почти до колен, сзади сильно присборенная по талии. Юбки носили длинные (в пол) и очень широкие — из 5–6 полос, с оборкой. Костюм обильно украшался полосками восточных тканей, парчой, бахромой. На кофте отделка проходила по полочкам и по подолу, окружала ворот и манжеты[48].

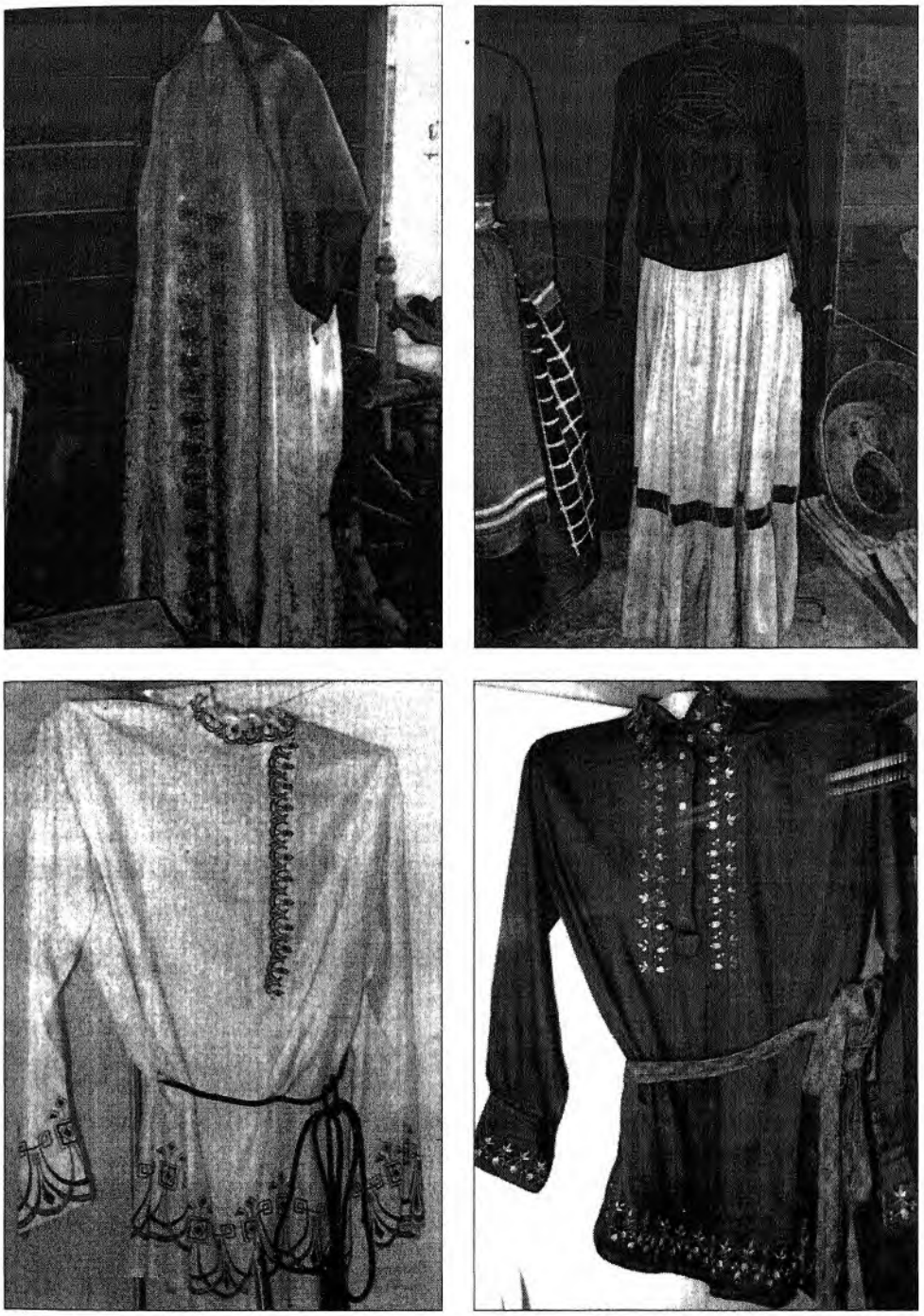
Местные фольклористы выявили у казачек еще и комплекс с сарафаном, который считался более ранним. Косоклинный сарафан длиной в пол имел центральный шов и разрез спереди на груди, отделанный позументом. Под разрезом ткань присборивали. Тонкие шлейки, перекинутые через плечи, были соединены сзади. По подолу шла оборка с нашитым темным бархатом. Сарафан был сшит из красного ситца шириной в пять полотен. К нему имелась розовая ситцевая рубаха, сосборенная по вороту. Рубаха была туникообразного покроя с широким рукавом, пришитым по краю полотнища и сосборенным у манжета (местное название — с «калмыцким рукавом»). Костюм дополняла нижняя юбка с кружевами и прошвами и белый фартук с завязками под грудью[49].

Одежда мужчины-казаков, как писал Л.И. Небольсин в начале XIX в., — «обыкновенный казачий *чекмень*, *шальвары* и казачья шапка с выпусками... В домашнем быту мужчины-казаки носят ситцевые архалуки, бумажные хивинские халаты, а также простые армяки, а зимой — овчинные тулупы»[50]. Верхнюю одежду подпоясывали кожаным ремнем с серебряными и оловянными бляшками и даже с подвесками. Местный исследователь П.В. Казаков считает эту деталь специфичной для костюма астраханского казачества, отличную от поясов горцев Кавказа и окрестных кочевых народов[51]. Как видно из этих описаний, гардероб русских казаков заметно пополнила яркая одежда разноэтничных местных жителей, создав вместе с собственными находками весьма самобытный костюм.

В XIX в. в стране началась унификация форменного платья разного рода войск. Астраханские казаки выбрали для себя мундиры Донского войска, но они были запрещены в 1817 г., а вместо них введены специальные. Астраханским казакам полагался мундир темно-зеленого сукна с обшивкой бортов лимонной каймой, кивер с черным околышем и также с лимонного цвета выпусками, и к этому — дополняющие детали[52].

Переселение крестьян на свободные земли Нижнего Поволжья предполагалось для занятий сельским хозяйством. Однако природные условия сухой степи оказались для этого неблагоприятны. Переселенцы в большей мере занялись промыслами: соледобывающим на оз. Эльтон и рыболовным. Речное и морское рыболовство были начаты еще первонасельниками-стрельцами[53]. Условия рыбацкого труда требовали особой одежды, защищающей от влаги, ветров, непогоды.

В качестве рыбацкой одежды И. Михайлов указал кожаные штаны — *бахилы*. Однако название дано неточно. Повсеместно в России бахилами называли высокие кожаные сапоги. Другой обувью названы *поршни* — башмаки. Эта короткая обувь закрывала ногу лишь по щиколотку. Автор отметил, что поршни промокали, отчего рыбаки болели лихорадками[54].



Одежда крестьян. (АГОИАМЗ. Экзпозиция)

По современным опросам, в с. Старорус Наримановского р-на рабочий костюм рыбака был специфичен. Он состоял из *стеганых штанов* и *косоворотки,* подпоясанной шнуровым поясом. Поверх них надевали *стеганый жилет*. Голову укрывала круглая *соломенная шляпа*, которую просмаливали или обшивали парусиной, чтобы предохранить от промоканий. В иллюстрациях некоторых публикаций показаны также круглые *шапки с околышем*. Обувью служили кожаные бахилы из коровьей кожи, которые ремнями пристегивались к поясу. В непогоду надевали *плащи с капюшоном*[55].

Рыбацкий промысел вовлекал в трудовую деятельность не только мужчин, но и женщин. Они обычно занимались разборкой, очисткой, пластовкой рыбы. Этот труд также потребовал специальной одежды. Костюм женщин в публикациях не описан, но на фотографиях того времени запечатлены два его варианта: один составляли холщовая *белая рубаха* и *длинные штаны* прямого покроя, а другой — *белая кофта* с белой присборенной *юбкой* ниже колен и темный *жилет*. Голову в том и другом варианте покрывал *платок*, который завязывали под подбородком или, обвив шею, сзади. Ноги женщины утепляли шерстяными чулками, связанными в цветную полоску[56].

Миграции в Нижнее Поволжье в XVIII–XIX вв., а также и последующие перемещения внутри региона, соответственно условиям развивавшихся промыслов, определили некоторую локализацию групп переселенцев. Она заметно отражалась в особенностях одежды и проявлялась в говорах. На это обратил внимание, в частности, В.И. Даль: «Об Астраханском крае надо сказать... тут население набродное, со всей России, не слившееся в одно целое. Замечательно, — писал он, — что, хотя главные ловцы и промышленники в Астрахани — нижегородцы, не менее того, — общая часть говоров осталась рязанскою»[57].

Заново начали изучение местных говоров сотрудники кафедры русского языка Астраханского педагогического университета, поставив задачей создание карты местных диалектов. По их материалам определено, что в юго-восточной части области (Володарский р-н) говор в основе севернорусский, в Красноярском районе преобладает среднерусский, в северной части области господствуют южнорусские говоры[58].

Одежда крестьян переселенцев из разных губерний различалась в первое время по прибытии и соответствовала местам выхода. Со временем появлялись некоторые новые элементы, например, у мужчин — теплые стеганые брюки и жилеты. По-видимому, этого требовали местные природные условия с сильными степными ветрами. Переселенцы отказались от лаптей, как и местные жители, они стали носить сапоги. И. Михайлов в «Очерках Астраханской губ.» отметил различия в одежде крестьян. Так, государственные крестьяне носили *бешметы* или

Костюм мужчин и женщин рыбопромыслового предприятия.
Начало XX в. (Из местных фондов.)

Бригада на рыбопромысловом предприятии. Начало XX в. (Из местных фондов.)

Одежда разделочниц рыбы. Начало XX в. (Из местных фондов.)

сюртуки, иногда — *жилеты*, женщины — *платья* и на голове — *повязки*. Помещичьи крестьяне ходили в *азямах*, а в праздники — в *хивинских халатах*. Женщины в будни надевали *сорочки* и *одноюбки* из материи, называемой *суконка*. «Эта суконка, — пишет автор, — составляет отличие Воронежской и Тамбовской губерний». Платье и белье у этих крестьян были покупные. Их одежда отличалась наклонностью к роскоши, в надежде на прибыль от улова рыбы[59].

По сведениям И.В. Равинского, щегольство было присуще всем местным женщинам, особенно горожанкам любого сословия: «Всех состояний женщины имеют одежды из шелка, полушелка и бумажных материй», которые часто переменяются по моде[60]. Из дорогих парчи, штофа, персидской изарбаты, китаи, дыбы, тарлатана, дымки шили юбки

и кофты, телогреи, епанчу короткую, а для зимы — шубу короткую. Этот перечень материалов и предметов выявляет яркую смесь из народного и иностранного, чем мог одарить женщин южный портовый город.

В таких условиях одежда приобретала знаковые социальные черты, олицетворяющие успешность. Автор приводит два примера. 1-й — достаточно высокий социальный слой — купцы. «Вся пышность русского купца, — пишет И.В. Равинский, — по большей части состоит в нарядах жены, кои имеют одежды на старинный вкус... дорогих прочных и блестящих тканей, во множестве жемчуга, коим унизывают всю свою шею до грудей и навязывают на руках...». 2-й — торговки. «Женщины, даже раками торгующие, имеют жемчуг, по крайней мере епанчу парчовую или штофную... Одежда, называемая шугай...принадлежит торговкам для еженедельного наряда, а в праздник наряжаются как купчихи»[61].

Таким образом, одежда русского населения в низовьях Волги в общих чертах соответствовала характеристикам, присущим населению кубанского регионов. Костюм первопоселенцев из служилого сословия был представлен северно- и среднерусским комплексом. Крестьяне-переселенцы приносили одежду своих родных мест из южнорусских губерний.

Изменения, которые претерпевал традиционный костюм в новых условиях, проявлялись в трех направлениях; а) адаптация к местным природным условиям (жилеты, женские шаровары и пр.), б) адаптация к иноэтничной среде (включение элементов кавказского и калмыцкого традиционного комплекса, в) использование экономической ситуации и богатств южной пограничной зоны (импортные ткани, элементы восточного костюма, изобилие украшений). Так же как в области Войска Донского и на Кубани, переселенцы более позднего времени стремились соответствовать внешнему виду старожилов. Они в связи с этим перенимали севернорусские элементы, отказываясь от южнорусских (замена лаптей на кожаную обувь, поневы на сарафан и пр.), а также и те новшества, которые вошли в комплекс костюма старожилов. Различия нивелировались весьма быстро.

Липоване — старообрядцы, вернувшиеся из Румынии в Россию в 1947 г. После переезда они были разделены на две группы в соответствии с их вероисповеданием (см. с. 401–404 настоящей главы). В Астраханской области поселились поповцы белокриницкого вероисповедания. Их привлекало наличие в г. Астрахани действующей старообрядческой церкви Белокриницкой митрополии. Большинство приехавших являлись выходцами из с. Каменки Тульчинского у. Румынии. По местной легенде, ее жители считались потомками казаков, участников восстания XVIII в. Прибывшие в Астраханскую область были поселены в двух поселках: Успех и Речное.

Одежда липован к середине XX в., когда часть из них решила переселиться в Советский Союз, включала два исторических пласта. В повседневном быту носили вещи, составлявшие комплекс общеевропейского костюма в его локальном варианте, включавшем отдельные элементы, традиционные для румын. В качестве праздничной и ритуальной сохраняли русскую одежду, в которой находили место предметы, присущие разным периодам времени и специфичные для различных этнографических групп на основной территории расселения в России, а также отдельные детали костюмов других восточнославянских народов.

Женская одежда более ярко характеризует локальные особенности традиционного костюма. Липоване, возвратившиеся на родину, привезли одежду, в прошлом широко распространенную в России. Она состояла из двух наборов вещей, именуемых комплексами с юбкой и с сарафаном.

Оба комплекса сложились сравнительно поздно на основе более ранних форм. Появление и распространение каждого из них исследователи относят к XVI–XVII вв., то есть к началу движения старообрядцев на окраины государства.

Основным элементом женской одежды исстари являлась рубаха. В XX в. липованские женщины шили рубахи из покупных материалов, поэтому строгого соответствия традициям уже не наблюдалось. Рубахи выкраивали из двух полотнищ с разрезом спереди у шеи. Рукава кроили цельными по всей длине, пришивали к основным полотнищам, сосбаривая у ворота на обшивку. Этот покрой соответствует рубахам из западных губерний России, но развился ли он из русского или украинского варианта, определить уже не представляется возможным.

В прошлом восточные славяне шили женские рубахи из двух частей, примерно равных по длине: верхнюю — из материала хорошего качества, предпочтительно покупного, а нижнюю — из домотканой или более грубой ткани. У старообрядцев это разделение объяснялось понятиями «чистый — нечистый».

Липованки называли верхнюю часть рубахи *чехлик*, в западных русских местностях, а нижнюю часть — термином *подстава*, употреблявшимся как белорусами, так и русскими.

Поверх рубахи липоване в Астраханской обл. надевали два варианта одежды: *сарафан* и *парочку*. Переселенцы из с. Сарикёй, по вероисповеданию относившиеся к беглопоповцам, привезли одежду сарафанного типа, которую они в Румынии называли *шубка*. В Советском Союзе переселенцы из с. Сарикёй быстро усвоили новое название одежды — сарафан, но сами в Астраханской области не задержались. Большинство из них переехало в Краснодарский край, к своим одноверцам, небольшая часть расселилась по стране.

Липоване с. Успех, вернувшиеся из Румынии в 1947 г. (Из местных фондов.)

Липоване, переселившиеся в Советский Союз из с. Каменка, уже в Румынии носили *парочки*. В России комплекс костюма с парочкой вошел в моду в конце XIX — начале XX в. сначала в городах, затем в сельской местности. В отличие от городской одежды, в которой фасоны разнообразились и довольно часто сменялись, для сельской местности характерной стала юбка из прямых полос, присборенных на вздержке или пришитых к пояску. Кофты — прямые или прилегающие в талии, распашные, с довольно пышными рукавами, сужающимися книзу, с воротником или без него. Юбку и кофту шили из одного материала, отчего костюм получил наименование *парочка*. В России он со временем стал как бы знаковой формой казачек. В Румынии костюм из широкой (5–6 полос ткани) юбки с кофтой также называли *парочка*, даже если его шили не из одного материала. Парочки носили в большей мере женщины в селениях, основанных казаками. Комплексы одежды с юбкой или с сарафаном в Румынии как бы сопоставлялись с группами населения, различавшимися по вероисповеданию[62].

Липоване, вернувшиеся в Россию в середине XX в., уже не застали у представителей местного населения прежнего костюма с длинной юбкой и приталенной кофтой. Переселенцы, таким образом, привезли более ранние варианты городской одежды, сохранявшиеся отчасти в XIX — начале XX в. у кубанских казаков.

В Астраханской области одежда липован воспринималась как старомодная. Поскольку задача реэмигрантов заключалась в том, чтобы скорее адаптироваться к новым условиям, то в первую очередь потребовалось изменение внешнего вида. Молодежь быстро переключилась на платье покроя 1950-х гг. XX в., люди преклонного возраста дольше сохраняли привычную одежду, а традиционный костюм до настоящего времени используют в качестве моленного. В этой одежде сохраняется декоративное оформление: на юбку по подолу нашивают два-три ряда горизонтально расположенных лент, а на кофте разнообразные отделки (ленты, кружево, тесьма) идут по вертикали, вдоль разреза, и по горизонтали у нижнего края. Характерный декор объединяет одежду липован Астраханской области и липован Румынии с костюмом казачек Дона.

У всех восточнославянских народов различались головные уборы девушек и женщин. Девушки закрывали лишь часть головы, оставляя волосы более или менее открытыми. Женщины обязаны были скрывать свои волосы. «Засветить волосом» (показать их) считалось позором. Однако вторая половина XX в. внесла в этот обычай большие изменения, что связано, в значительной мере, с заменой традиционной прически (косы) на разнообразные современные короткие стрижки. Этот общемировой процесс затронул как Румынию, где жили липоване, так и Россию, куда они вернулись. И в той и в другой стране на смену традиционным головным уборам пришел головной платок, сложенный углом, или треугольная косынка. В торжественных случаях голову покрывали большим шелковым платком — *шалью*, предпочтительно с восточными узорами, а в холодное время года — теплой шерстяной шалью.

Сшитый женский головной убор в Румынии был представлен в двух видах: а) на твердой основе — кичкообразный, традиционно присущий русским, особенно в южных областях, и б) мягкая шапочка-волосник, широко распространившаяся в XIX в. Под различными названиями волосники носили женщины всех восточнославянских народов. Липованки называли их старинным общеславянским термином *кичка* или как в городах — *чепчик*. В общих чертах головной убор липованок соответствует южно-русско-украинскому.

Особого внимания заслуживают сложные головные уборы — из двух или трех предметов. Двухчастный головной убор составляют чепчик и поверх него *сборник* — шапочка на твердой основе. Ее шьют из шелка, украшают блестками, бисером, бусинками. Передняя плотная часть — *лобик* имеет прямоугольную форму, его продолжают боковинки, верх пришивают мягкий с подкладкой. Эта конструкция сходна с южнорусской *сорокой*.

Трехчастный головной убор состоит из *чепчика*, *косяка* и *платка*. Им покрывают новобрачную после венчания. Сначала волосы закрывают чепчиком, на него накладывают косяк, а сверху — платок, который завя-

зывают или закалывают под подбородком. Косяк — небольшую треугольную косынку с кисточками на концах — подвязывают на затылке тесемками (или закалывают заколками) так, чтобы все три конца свисали на спине и были равной длины. Косяк — специфичен для липован. Сами они связывают ношение косяка с христианской традицией: три ровно свисающие конца этого головного убора символизируют святое триединство (Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой). В повседневном обиходе косяк не носят, он — элемент одежды для церкви, надевается на службы, во время свадьбы и при погребении.

Несравненно меньше традиционности сохранилось в мужской одежде. Издавна ее основу составляли два элемента: *рубаха* и *штаны-портки*.

Мужские рубашки различались в прошлом у восточных славян по положению разреза, наличию воротника и манере ношения: поверх штанов или внутрь. Липоване, живущие в Румынии, считают традиционной рубаху-*косоворотку (камушейка),* типичную в прошлом для русских мужчин на основной территории расселения этноса. Украинцам и белорусам такой покрой не свойственен. Д.К. Зеленин полагал, что косоворотка появилась в России с XV в.[63], следовательно, ее покрой мог быть принесен старообрядцами за рубеж.

Вместе с тем в течение XX в. традиционную мужскую одежду интенсивно начал вытеснять городской костюм стандартного фабричного пошива, состоявший из брюк и рубашки с пиджаком или курткой. Он был легко воспринят старообрядцами, так как рубаха, выпущенная поверх брюк и подпоясанная традиционным плетеным пояском, символизировала сохранение традиции. Такая повседневная мужская одежда липован, вернувшихся из Румынии в Советский Союз, практически не отличалась от носившейся местными жителями.

Верхняя одежда была распашная прямого халатообразного покроя или приталенная с вставками клиньев. Одежду весенне-осеннего периода шили из сукна. Ее называли русским термином *поддевка* или заимствованным *бекеша*. Зимняя одежда из овчины *шуба* соответствовала восточнославянским образцам. Однако зимний головной убор мужчин *шапка* из овчины имела специфичный покрой. Она была высокая, как папаха, а верхний гребень ее приходился поперек головы, как носили румыны. Эти отличия были отмечены жителями Астраханской области, иронично поименовавшими липованских мужчин «румынами рогатыми».

Проведенный анализ показал, что в костюме реэмигрантов-липован сохранялся, в качестве традиционного, поздний комплекс русской одежды, бытовавший в период конца XIX — первой половины XX в. Женский костюм сходен с локально-групповым донских казачек. В нем, как и в мужском, присутствуют элементы традиционной одежды соседних восточнославянских народов (украинцев и белорусов), а также

специфические элементы, созданные в зарубежье. В настоящее время липоване носят общеевропейский костюм второй половины XX — начала XXI в., как и большинство жителей Российской Федерации.

Сложная структура народной одежды липован соответствует истории формирования диаспоры и условиям ее жизни за рубежом. Превалирование русской традиции, по нашему мнению, обеспечивалось самосознанием. Липоване четко определяют себя как часть русского народа. При этом, на наш взгляд, сохранение за рубежом традиционной одежды, со своей стороны, способствовало поддержанию их самосознания как русских старообрядцев.

* * *

Подводя итоги рассмотрению одежды русского населения Южного пограничного региона, следует отметить ее неоднородность. Ввиду сравнительно позднего заселения местностипереселенцами из разных внутренних губерний до настоящего времени сохраняются локальные группы.

Ранние переселенцы — казаки развили товарообмен со странами Азии, обогатив традиционную одежду дорогими тканями и восточными украшениями. Уже это выделяло местных жителей на фоне русских внутренних губерний.

Пограничное расселение давало возможность воспринимать отдельные вещи из гардероба соседствующих народов. Некоторые из них покупали, более востребованные начинали воспроизводить своими силами и включали в постоянное пользование. Так, в мужской костюм вошли элементы одежды кавказских горцев, с которыми установились более тесные и продолжительные взаимосвязи. Частичное использование образцов кроя женского платья соседних народов привело к появлению приталенного силуэта, нехарактерного для русской традиции. Значительно возросло количество дополнительных элементов, увеличивающих красочность костюма: к излюбленному русскими жемчугу добавились драгоценные камни и изделия из металла, в том числе монеты.

Наряду с этим сохранялись весьма архаичные элементы русской и общеславянской традиции (распространенность туникообразного покроя, плащевидной одежды). Они были ярче выражены у эмигрантов, длительное время находившихся в изоляции (не полностью сшитая одежда, не полностью сложившийся головной убор).

Сравнение одежды локальных групп, сложившихся в южном порубежье, показывает, что в исторической сменяемости костюмов каждая группа находила свои позиции и выделяла особые знаковые элементы. Вместе с тем, обосновавшись на постоянное жительство в регионе, находясь в сходных условиях, население выработало общие специфические

элементы костюма, благоприятствующие адаптации к экологической среде. Сюда относятся предметы одежды, воспринятые казачеством (бешмет, бурка, башлык, папаха), снаряжение рыбаков (сапоги-бродни, непромокаемые плащи и шляпы), а также штаны-шаровары женщин, наконец, защищающая от ветров стеганая и меховая одежда (безрукавки, полушубки, жилеты, стеганые сарафаны, кофты и пр.).

Основные составляющие костюма (нательная и верхняя одежда) строились на русских традициях, преимущественно южнорусских. При этом в одежде группы донских казаков, рано начавших свое формирование, в большей мере, сравнительно с другими, заметно включение иноэтничных элементов в мужском и особенно в женском костюме. У групп поздних переселенцев, оседавших преимущественно в северной части рассматриваемого региона (верховые, иногородние), присутствовали традиционные комплексы крестьянской одежды. Доля носителей этих традиций постоянно возрастала за счет притока нового населения. В некоторых местностях переселенцы привносили также традиции украинцев и некоторых других близко расселенных народов. Однако поздние переселенцы стремились изменить свою одежду, адаптируясь к русскому коренному населению региона. При этом они же являлись проводниками новых веяний и первыми переходили к одежде городского стиля.

На протяжении XVI–XX вв. на юге России активно протекали непрерывные процессы взаимовлияния с соседними народами, адаптации, трансформации, автохтонного развития. В результате в регионе сконцентрировались различные комплексы женской и мужской одежды, как традиционные, исстари сложившиеся на основной территории (женская одежда с сарафаном и с поневой), так и специфичные для данной местности (комплекс с кубелеком, с сукманом, с балахоном, мужской казачий костюм). Каждый из них заслуживает дальнейшего специального исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 ПСЗРИ. Т. XIII. № 9592 (30 марта 1749 г.).

2 Историческое описание земли Войска Донского. Изд. 2 Статистического комитета. СПб., 1902. С. 387.

3 *Сухоруков В.Д.* Статистическое описание земли донских казаков, составленное в 1822–32 годах. Издание областного правления Войска Донского. Новочеркасск, 1891. С. 114–115.

4 *Георги И.Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов. СПб., 1776. Ч. IV. С. 210.

5 ГАРО. Ф. 338. Оп. 1. Ед. хр. 428. Св. 11.; Оп. 1. Ед. хр. 1028. Л. 202об. Цит. по кн.: *Астапенко Г.Д.* Быт и обычаи, обряды и праздники донских казаков XVII–XX вв. Ростов-на-Дону, 2006. С. 84–85.

6 *Ригельман А.* История или повествование о донских казаках. М., 1846. С. 137–138.

7 *Потапов И.П.* Военная одежда донских казаков // Донской народный костюм. О создании сценического костюма на основе донской народной одежды. Ростов-на-Дону, 1986. С. 50–55.

8 *Астапенко Г.Д.* Быт и обычаи... С. 87–88.

9 Реликвии Донского казачества из собраний музеев Ростовской области. Ростов-на-Дону, 2003.

10 Есть мнение, что покрой кубелека и название заимствованы от татар (*Соловьев В.Ф.* Особенности говора донских казаков // Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. 68. № 2. СПб., 1900. С. 35).

11 *Георги И.Г.* Указ. соч. С. 210.

12 *Фрадкина Н.Г., Новак Л.А.* Старинный донской казачий костюм XVII–XX веков // Донской народный костюм... С. 40.

13 *Лебедева А.А.* Дон и Северный Кавказ // Крестьянская одежда населения Европейской России. М., 1971. С. 245.

14 *Яковлев Н.Ф.* Материалы по одежде донских казаков // Этнографическое обозрение. М., 1916, № 1–2. С. 43.

15 *Маслова Г.С.* Одежда // Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М., 1987. С. 287–288.

16 ГАРО. Ф. 353. Оп. 1. Ед. хр. 59. Л. 90об.–110об.

17 Там же. С. 43.

18 *Заседателева Л.Б.* Терское войсковое казачье общество. Из истории терских казаков // Российское казачество. Научно-справочное издание. М., 2003. С. 194.

19 *Чижикова Л.Н.* Заселение Кубани и современные этнические процессы // СЭ. 1963. № 6. С. 25–28; *Короленко П.П.* Первоначальное заселение черноморскими казаками Кубанской земли // ИОЛИКО. Вып. 1. 1895. С. 53–63; Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска / Собр. и изд. И.И. Дмитриенко. Т. 1. СПб., С. 198–199.

20 *Сошин А.* Этнографические материалы, собранные в Кубанской обл., в 1913 г. (рукопись АИЭ). С. 79.

21 *Дворникова Н.Н.* Одежда // Кубанские станицы: Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. М., 1967. С. 152.

22 Там же. С. 153.

23 *Сошин С.А.* Указ. соч. С. 79.

24 *Заседателева Л.Б.* Указ. соч. С. 191.

25 *Лебедева А.А.* Указ. соч. С. 256.

26 *Ламанский В.* О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. СПб., 1859. С. 25.

27 Там же. С. 29.

28 Там же. С. 34.

29 *Смирнов Я.И.* Из поездки по малой Азии // Живая старина. Отделение этнографии. Вып. 1. СПб., 1896. С. 3–31.

30 Там же. С. 25.

31 *Лебедева А.А.* Указ. соч. С. 237.

32 *Лебедева А.А.* Женская одежда Смоленской губернии // Крестьянская одежда... С. 75.

33 *Жигулева В.М., Иванова Л.Н.* Русский народный костюм // Народный костюм Пензенской губернии конца XIX — начала XX в. Пенза, б./г. Рис. 17; *Артамошкина Л.Т., Прокина Т.П.* Мордовский народный костюм. Пенза, б./г. См.: Гл. 4: *Чижикова Л.Н.* Южная Русь, табл. 31.

34 *Маслова Г.С.* Указ. соч. С. 636.

35 *Абрамова А.* Традиционный комплекс женской одежды в свадебном обряде казаков-некрасовцев // Известия Ростовского областного музея краеведения. Ростов-на-Дону, 1989. С. 116–125; *Она же.* Некрасовские рогатые кички (к проблеме идентификации одежды казаков-некрасовцев) // Сб. «Памяти А.М. Листоподова» Ростовской государственной консерватории им. С.В. Рахманинова. Ростов-на-Дону, 1997. С. 82–90.

36 *Сердюкова О.К.* Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону, 2005. С. 10.

37 *Зудин А.Н.* Липоване: исторические пути русского старообрядчества. Община старообрядцев-липован Приморско-Ахтарского района: история и культура. Краснодар, 2006. С. 16.

38 *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. Перевод с нем. М, 1991. С. 243.

39 *Куфтин Б.А.* Материальная культура русской мещеры. М., 1926. Ч. I. С. 110–120.

40 *Липинская В.А.* Культурно-бытовые традиции русских липован в Румынии // Русские в современном мире. М., 1998. С. 323.

41 *Ляшенко М.А.* Хозяйство и материальная культура // Община старообрядцев... С. 38.

42 *Марков А.* Забытые страницы. М., 1984. С. 9.

43 *Рыбушкин.* Записки об Астрахани. Астрахань... С. 128.

44 *Липинская В.А.* ПМЛ. 1995 г., Румыния, г. Тульча.

45 Вопросные листы Астраханского губернского статистического комитета № 15606-68/Д-2239; 15606-74/Д-2244; 15606-70/Д-2240; 15606-14/Д-2247; 15606-79/Д-2249; 15606-72/Д-2239. Астраханский государственный историко-культурный музей-заповедник. Отдел редких книг.

46 Природа и история Астраханского края / Гл. ред. В.В. Пятин. Астрахань, 1996. С. 340–341.

47 *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 239.

48 Из местных фондов. Фиксация покроя костюмов, собранных у населения для самодеятельных коллективов. Астрахань, 2007.

49 Там же.

50 *Небольсин П.И.* Очерки Волжского Низовья. СПб., 1852. С. 25.

51 *Казаков П.В.* Бытовые особенности астраханских казаков // Очерки этнохудожественной культуры Астраханского края. Астрахань, 1998. С. 47.

52 Астрахань и Астраханская губерния. Описание края и общественной и частной жизни его. М., 1852. С. 140.

53 *Равинский И.В.* Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний по гражданскому и естественному их состоянию в отношении к земледелию, промышленности и домоводству. СПб., 1809.

54 *Михайлов И.* Хозяйственно-статистические очерки Астраханской губернии. СПб., 1857. С. 164.

55 Из местных архивов. Описание костюмов, полученное со слов населения. Астрахань, 2007.

56 Достояние губернии. Из истории астраханских рыбных промыслов. Астрахань, 2003. Иллюстрации. С.XXIV; Рисунки к исследованию каспийского рыболовства. СПб., 1861. Ил. № 15, 16, 57; *Марков А., Львов С.* Астрахань на старинных открытках. Астрахань, 1999. С. 153.

57 *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. С. LXVI–LXVII.

58 Природа и история Астраханского края... С. 341–342.

59 *Михайлов И.* Указ. соч. С. 162–163.

60 *Равинский И.В.* Указ. соч. С. 231.

61 Там же. С. 319–320.

62 Полевые наблюдения автора. г. Тульча, с. Сарикей, 1995 г.

63 *Зеленин Д.К.* Указ. соч. С. 223.

ГЛАВА V

СРЕДНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА

Рассматриваемая территория (Казанская, Симбирская, Самарская, Уфимская и Оренбургская губ.), за исключением восточных частей Уфимской и Оренбургской губ., входит в состав обширного средневолжского историко-этнографического района. Русское население имеет здесь целый ряд культурно-бытовых особенностей, связанных с историей заселения края, влиянием местных народов, а также природно-географическими условиями. Все эти факторы оказали определенное влияние на общий облик материальной культуры народа, в том числе и на его одежду. Русские люди пришли на территорию Среднего Поволжья в основной своей массе во второй половине XVI и в XVII в., после присоединения Казанского и Астраханского ханств к Русскому государству. Это были служилые люди, посланные правительством для охраны вновь присоединенного края, крепостные крестьяне, переселяемые помещиками на полученные ими земли, свободолюбивый «охочий» народ из различных концов Руси, искавший счастья на огромных волжских просторах, и др.

Придя в Поволжье из различных частей государства, русские принесли с собой то, что характерно для культуры и быта определенной местности. В результате того, что они жили длительное время

---

* Статья Е.П. Бусыгина опубликована в сб.: Крестьянская одежда населения Европейской России (XIX — начало XX века). М., 1971. С. 194–231.

рядом, находясь в непрерывном общении, культурно-бытовые, языковые и другие особенности передавались друг другу, что накладывало отпечаток на общий облик поволжского великоруса.

Другой важный фактор, который воздействовал на бытовой уклад русского населения края, — это длительное общение с коренным населением Поволжья — татарами, чувашами, марийцами, мордвой. Русские с давних времен жили в непосредственной близости с местным населением, а подчас и в одних деревнях, лишь в разных концах их. На всей территории, как в прошлом, так и в настоящем, очень много смешанных поселений, где живут совместно русские, татары, чуваши и другие национальности. Известно, что русские трудовые люди, придя в Поволжье, оказали большое влияние на культуру и быт живущих здесь народов, способствовали развитию производительных сил края. Однако имел место и обратный процесс — влияние местных народов на русских. Известный исследователь края Г.В. Фирсов писал: «Наш народ переимчив, любопытен, никогда не прочь от хорошего и вовсе не так привязан к старине, чтобы жертвовать из-за нее своими выгодами»[1].

Важным фактором, способствовавшим формированию бытовых особенностей поволжского великоруса, следует считать и природно-географические условия, от северных границ Казанской губ. и до юга Самарской более 600 километров по меридиану. На этой территории ярко выражены три ландшафтные зоны: лесная на севере, лесостепная в центре и степная на юге. По всей территории с севера на юг протекает река Волга и ее главный приток — Кама, связывающие Поволжье с русским севером, густонаселенным западом, Уралом, Кавказом, Средней Азией. Все это с давних времен способствовало установлению связи Среднего Поволжья с многочисленными районами нашей страны, наложило некоторый отпечаток на культуру и быт русского населения Среднего Поволжья, обусловило ряд своеобразных особенностей в его хозяйстве, одежде, жилище и др. сторонах материальной и духовной культуры.

В настоящей работе мы остановимся на рассмотрении крестьянской одежды русского населения указанных губерний XIX и начала XX в.

ТРАДИЦИОННАЯ ОДЕЖДА

Материал для изготовления одежды. В первой половине XIX в. русские крестьяне рассматриваемой территории шили одежду преимущественно из холстов и сукон собственного изготовления. Для

пошива верхней зимней одежды применялись овчины, для изготовления обуви — лыко, шерсть, кожа. Определенное значение, особенно в северных районах Казанской губ., имели меха пушных зверей (белок, лисиц, куниц и др.). Ими отделывали головные уборы, а иногда и части верхней одежды.

Основным сырьем для изготовления домашнего холста, из которого шили преимущественно нательную одежду, служили конопля и лен. Они были широко распространены во всех рассматриваемых губерниях. При этом в Казанской губ., особенно ее северных частях, нательную одежду изготовляли главным образом из льна, а в южных, наоборот, значительно шире были распространены конопляные ткани.

В середине XIX в. почти в каждом доме имелся стан и другие необходимые приспособления для ткачества. В отдельных селах прядение и ткачество принимало характер промысла. Продукция сбывалась на окрестных базарах, ярмарках, попадая далеко за пределы своей округи. Например, в с. Сюкеево (Тетюшский у. Казанской губ.), с. Кувакино (Алатырский у. Симбирской губ.) тканьем холстов занималось почти все население, причем качество продукции было очень высоким. Про сюкеевские холсты говорили, что они «по доброте своей нисколько не уступают ярославским»[2], как известно, славившимся очень высоким качеством. Много ткачих было в Спасском, Чистопольском уу. Казанской губ., в большинстве уездов Симбирской губ. В селе Болгары, например (Спасский у.), до 100 женщин, девушек и подростков занималось тканьем особого полотна для полотенец, очень тонкого и тщательно отделанного[3].

Кроме белых холстов, которые шли главным образом на шитье нижней одежды, изготовляли пестрядь и крашенину различных расцветок и рисунков. Изготовляли ткани из заранее окрашенных ниток или окрашивали уже готовую продукцию.

Окраска производилась непосредственно в каждом хозяйстве, кроме того, существовали и специальные красильные заведения. Красильный промысел часто сочетался с набивным (нанесение на ткань разнообразных рисунков с помощью особых инструментов «манер» или «цветок»).

В домашних условиях для окраски тканей применяли преимущественно естественные красители. Широко употреблялась кора дуба, березы, ивы, ольхи, дававших возможность получать желтые, коричневые, серые, черные и другие цвета. Использовались полевые цветы, травы, например пушица, подмаренник, душистая ромашка и др. С помощью их получали алые, бордовые, зеленые и другие цвета и оттенки.

В красильных заведениях наряду с естественными красками используются и химические красители, которые во второй половине XIX в. широко применялись в крестьянском быту. Для крашения в синий цвет, например, широко употреблялась индиго (кубовая краска).

Верхнюю зимнюю одежду, полушубки, шубы, тулупы, а также рукавицы, шапки в середине прошлого века шили преимущественно из овчин. Выделкой овчин занимались в очень многих деревнях как отдельные крестьяне непосредственно для своих нужд, так и специальные овчинники, поставлявшие свою продукцию на продажу. Многие села в Лаишевском, Спасском и других уездах Казанской губ., а также в Симбирской и Самарской губ. почти целиком специализировались на обработке овчин.

Во второй половине XIX в. самобытные способы изготовления тканей для шитья одежды в значительной степени сокращаются. В связи с развитием капиталистических мануфактур обработка овчин, например, домашним способом становится невыгодной. Появляются кожевенные заводы, куда крестьяне отдают сырье и получают готовую продукцию.

В конце XIX в. кожевенные заводы были широко распространены по всем средневолжским губерниям. Особенно много было их в Казанской губ.

Широко стали применяться химические красители, дубильные вещества.

Несколько сократилось прядение и ткачество. Во второй половине XIX в. широко стали входить в быт готовые, фабричные ткани: ситец, сатин, плис, кашемир, шелк и др. Они употреблялись и раньше, в середине и даже первой половине XIX в., но в крайне ограниченных количествах — почти исключительно на обшивку старинной домотканой одежды, украшений, для изготовления отдельных деталей костюма. Богатые крестьяне из покупных тканей шили праздничную одежду: сарафаны, запоны, рубашки. Постепенно все увеличивающееся поступление фабричных товаров в деревню привело к тому, что в конце XIX в. в основном из фабричных тканей стали шить большинство одежд, особенно мужских. Это больше касалось южных районов средневолжских губерний, которые в конце XIX в. превратились в крупные районы капиталистического земледелия. В северных же лесных районах (Царевококшайский, Козьмодемьянский, Ядринский), где больше всего сохранились пережитки старого патриархального хозяйства, продолжали широко бытовать домотканые материалы.

В изготовлении одежды существовало резкое разграничение. Нательную одежду шили женщины непосредственно дома. Хозяйка обычно обшивала всю семью. Верхнюю одежду с давних времен шили мужчины. Почти в каждой деревне был портной, который шил одежду на всех односельчан. Было много и бродячих портных — они путе-

шествовали по деревням, переходя из дома в дом или останавливаясь на длительное время в какой-нибудь избе, куда крестьяне приносили свои заказы.

Мужская одежда. Мужская одежда в середине прошлого столетия у основной массы крестьян была очень простой. По описанию П. Белоусова[4], в комплекс мужской одежды входило: «сине-пестрядинная, самодельная, льняная рубаха, штаны из самодельной полосушки, полукафтанье самодельного сукна, шляпа или картуз, на ногах лапти, зимой полушубок, азям из самодельного сукна, рукавицы и теплая шапка». Так же примерно одевались крестьяне и в других районах Среднего Поволжья.

Рубаха. Непосредственно на тело надевали рубаху и порты. Рубаху шили из домотканого белого или окрашенного в синий цвет холста. Реже встречались розовая и красная рубахи.

Рубахи шили длинными, почти до середины бедер, а иногда и до колен. Носили навыпуск и подпоясывали «под живот» *пояской* — тканым или плетеным поясом. Часто поясом служили сплетенная из лыка *плетенка* или просто веревка. Отмечены случаи (в северных уездах Казанской губ.), когда рубахи носили неподпоясанными, что, видимо, связано с влиянием соседних народов, в частности татар, которые носили рубашки «только навыпуск и всегда без пояса»[5], а также и марийцев[6].

Рубаху кроили из одного куска холста, перегнутого по утку, с боков вшивали два клина, увеличивающие ширину ее, и пришивали прямые рукава с ластовицами того же цвета, дающие возможность свободно поднимать руки. В некоторых деревнях ластовицы делали другого цвета. Так, по описанию Т.А. Земляницкого, «сорочка шилась из белого холста с кумачными «ластовицами»[7]. Ворот рубашки делался прямым, без приполка и застегивался на пуговицу, крючок или завязывался двумя тесемками. Бытовали и косоворотки с разрезом обычно с левой стороны. Однако были и рубашки с разрезом с правой стороны (с. Нерядово, Ураково Чебоксарского у. Казанской губ.). Разрез ворота на правой стороне, как отмечает Г.С. Маслова, характерен для марийцев, удмуртов, коми-пермяков, у русских он редкое явление[8].

На старинную мужскую рубаху уходило до 6 аршин холста. Праздничные рубахи шили из холста — красного (кумачные рубахи) и синего цвета, набойчатой ткани.

Рубахи из покупных материалов (ситца, сатина, шелка) в первой половине XIX в. шили очень редко. Носили их лишь купцы, сельские старосты, попы. Часто праздничные рубашки украшали вышивкой. Узором красного и черного цвета расшивали ворот, подол, рукава. Иногда на груди рубахи делали прямоугольную вставку —

нагруздник, который расшивался узором растительного или геометрического орнамента. Под плечи и спинку праздничных рубах обычно подшивали *подоплеку* — кусок холста для прочности. Вышитые мужские рубахи, относящиеся к середине XIX в., обнаружены в Чебоксарском, Козьмодемьянском, Бугульминском и других уездах Казанской и Самарской губ.

Штаны (порты). *Порты* или *портки* шили узкими, плотно облегающими ноги, без карманов; завязывали их на поясе шнурком или веревкой (*гашником*). Во многих уездах Самарской губ. отмечено бытование широких штанов. Об этом свидетельствует и Т.А. Земляницкий, который писал, что русские «шаровары шили короткие и широкие»[9].

Материал — домотканина, окрашенная в синий цвет, или пестрядь и полоску синюю с белой. Кроили порты из двух прямоугольных кусков холста длиной в зависимости от роста (80–90 см) и шириной около 30 см, которые служили штанинами. Между ними вшивали прямоугольные вставки (переднюю и заднюю) и четыре клина для увеличения ширины штанин в верхней части и облегчения движения.

Верхняя одежда. Верхней мужской одеждой, которую носили весной, осенью, а также летом при отправлении в дальнюю дорогу, являлся *кафтан*, или *зипун*. Шили кафтан из домотканого сукна, обычно темно-коричневого цвета. В южных районах Казанской, Симбирской и Самарской губ. чаще встречался термин *зипун* или *трехклинник*. Он шился в талию, но без *боров* (сборок), длиной до колен (в приказанских районах бытовали зипуны с борами сзади). В северных уездах Казанской губ. носили кафтаны, которые кроились по-разному. У некоторых перед кроили из двух прямых полос длиной (примерно) 1 м 20 см, шириной 50 см, а зад — из спинки и полукруглой оборки — шириной в 60 см, которая сшивалась со спинкой и с передними полами через вставленные в бока клинья. На талии собирались боры. Другие кафтаны кроили также из двух прямых полос, но до талии; такой же длины выкраивали и спинку, а снизу пришивали оборку из 4 скошенных полос: две, более широкие сзади, две спереди. Сзади на талии собирались *боры*. Воротник у кафтана и зипуна делался невысоким, стоячим. В некоторых деревнях Казанской и Симбирской губ. отмечено бытование кафтанов с отложным шалевым воротником. Рукав прямой, без обшлага, несколько суженный книзу. Обычно до пояса кафтан шился на холщовой подкладке, с прорезными карманами. Кафтан застегивали на крючки с левой стороны и подпоясывали кушаком, который изготовлялся из куска какой-либо ткани, большей частью цветной — красной или синей.

В северных уездах Казанской и Уфимской губ. старинной крестьянской одеждой такого же примерно покроя, как и кафтан, являясь

пониток, который шили из домотканого материала (нитка шерстяная и нитка портяная). Застегивали пониток на деревянные пуговицы — *кляпышки* и носили с поясом-*подпояской*.

Зимней мужской одеждой в середине прошлого века были шубы, полушубки, азямы, чапаны, тулупы.

Шубы и *полушубки* кроили точно так же, как и кафтаны, с вырезной спинкой, с борами сзади или просто в талию. Их шили из дубленых овчин (дубленок), окрашенных в черный или желтый цвет. Такие шубы и полушубки назывались *нагольными* в отличие от покрытых какой-либо тканью (китайкой, сукном и т.п.). Покрытые шубы носили лишь зажиточные крестьяне, а для основной массы крестьян они составляли праздничную одежду, которую имели далеко не многие.

Шубы и *полушубки* шили с небольшим стоячим воротником, прорезными карманами и застежками на левой стороне. Праздничные шубы обшивали мехом, сафьяном, гарусным шнуром или украшали вышитым рисунком.

Расшитые шубы (или упоминание о них) мы встречали почти во всех районах Среднего Поволжья.

Весной и осенью при отправлении в дорогу на лошади обычно надевался *чапан* или *азям* — халатообразная одежда без застежек с огромным отложным простроченным воротником, на холщовой подкладке. Некоторые чапаны застегивались у ворота на одну пуговицу. Зимой чапаны надевали на шубу, полушубок, а иногда и тулуп. Термин «чапан» имел более широкое распространение. Он встречался во всех рассматриваемых губерниях, тогда как «азям» преимущественно в восточных районах Среднего Поволжья. Шили чапаны из плотного домотканого сукна, выкрашенного в темно-коричневый цвет. Кроили обычно из 4 прямых полос, между которыми по бокам вставляли один-два клина, доходящих до пройм. В этом случае чапан получался очень широким и его можно было надевать на тулуп. Часто чапан кроили из 4 полотнищ — двух передних и двух задних, несколько расширяющихся книзу.

В некоторых деревнях Казанского у. (Тура, Верхняя Ия и др.) бытовали чапаны, сшитые примерно так же, как и косоклинный сарафан, — в распластанном виде задняя половина чапана представляла собой полукруг, а швы по бокам сходились елочкой. Подпоясывали чапан и азям большим кушаком.

Такого же покроя, как и чапаны, были сшитые из овчин *тулупы*, широко бытующие в деревне и в настоящее время. Разница заключалась лишь в том, что прямые полосы и клинья были составными (это зависит от размеров овчин). Тулупы надевали в дальнюю дорогу, при перевозке зимой сена с лугов, дров из леса, при несении караульной службы и т.п.

Возрастных различий в мужской одежде в середине XIX в. по существу не было. Молодежь одевалась так же, как и взрослые, придерживаясь лишь более светлых тонов. Подростки обычно носили старую, перешитую одежду.

Юноши до 14–15 лет, как правило, ходили без портов, в одной рубашке, подпоясавшись. «За два года до женитьбы только шили штаны»[10]. Какого-либо отличия в покрое будничной и праздничной одежды раньше не было. Праздничная одежда обыкновенно была новее и шилась из материала более высокого качества.

Одежда зажиточной части крестьян отличалась добротностью, количеством украшений, качеством материала, более частым применением фабричных тканей, дорогих мехов и т. п. В покрое одежды каких-либо отличительных особенностей не было.

Развитие капитализма в России во второй половине XIX в. оказало сильное влияние на изменение мужской одежды. Это связано с тем, что в основном мужчины уходили в город на заработки, работали на фабриках, заводах, занимались торговлей. Особенно это касалось поволжских губерний. Волга влекла к себе массу людей, на Волге обездоленный люд искал себе счастья, удачи в жизни. Возвращаясь в родные села, крестьяне приносили с собой новые виды одежды, связанные с городом, фабричной городской культурой, купечеством. В.И. Ленин писал: «После падения крепостного права в России все быстрее и быстрее развивались города, росли фабрики и заводы, строились железные дороги. На смену крепостной России шла Россия капиталистическая. На смену оседлому, забитому, приросшему к своей деревне, верившему попам, боявшемуся „начальства“ крепостному крестьянину вырастало новое поколение крестьян, побывавших в отхожих промыслах, в городах, научившихся кой-чему из горького опыта бродячей жизни и наемной работы»[11]. В этот период намечается резкое классовое расслоение деревни, что достаточно ярко отразилось на одежде. В деревне получают распространение кумачные и других ярких цветов *рубахи-косоворотки*. Их шьют из сатина, а иногда и шелка. Рубахи из тонкого холста украшаются вышивкой. Богатые носят плисовые шаровары, заправленные в сапоги с высокими голенищами, собранными в «гармошку», и легкую стеганую суконную *поддевку* с большим количеством боров сзади. Рубаха подпоясывалась крученым шелковым поясом с кистями. Поверх рубахи надевалась *жилетка* с суконными полами и сатиновой спинкой и *пинджак*. Жилетку застегивали на пуговицы и на ней делали небольшие карманы для часов. Появляются в деревне и *городские пальто*. Вначале их носят немногочисленные представители сельской интеллигенции (учителя, фельдшеры), а потом и богатые крестьяне, главным образом торговцы.

Однако наряду с большими изменениями в мужской одежде и конце XIX и начале XX в. продолжают широко бытовать холщовые рубашки и порты. Их носит преимущественно старшее поколение, а у молодежи и людей среднего возраста они постепенно превращаются в нательное белье.

Комплекс верхней одежды долго сохраняется почти без изменений (кафтаны, шубы, полушубки, чапаны, тулупы).

Пояса. Большое значение в украшении мужской одежды имели *пояса, опояски*. Высоко ценились шелковые «крученые» пояса, украшенные кистями и бахромой (*махрами*). Широко были распространены шерстяные тканные шелком кушаки длиною до трех метров, которыми подпоясывали кафтаны, чапаны, шубы. Пояс делал одежду подтянутой, удобной для работы, служил для хранения инструментов (топоры, кнутовища и т.п.). Он играл также существенную роль при совершении различных ритуальных церемоний. Так, например, при крещении ребенка среди вещей, подаренных новорожденному, непременным являлся пояс; на свадьбе дружку подпоясывали полотенцем, умерших хоронили подпоясанными, при гадании обязательно снимали крест и пояс и т.д.

В южных районах Среднего Поволжья к поясу непременно прикрепляли *ножну* с ножом — без ножа было нельзя, он всегда требовался в хозяйстве[12]. В северных и центральных районах каких-либо дополнений к мужскому поясу не делалось.

Головные уборы. Наиболее широко распространенным головным убором, отмеченным нами почти во всех средневолжских губерниях в середине XIX в., была коричневая *катаная шляпа* с небольшими полями. В некоторых деревнях такие шляпы называли *грешневиками*. В других селениях это название, очевидно, забыто[13]. Иногда шляпы украшали лентами[14].

По рассказам местных жителей, в северных районах Казанской губ. крестьяне очень давно носили *холщовые колпаки*, аналогичные холщовым головным уборам марийцев.

Зимой мужчины надевали *шапки*, изготовленные из овчинного околыша, сверху обтянутого тканью, а также высокие барашковые шапки (*папахи*).

Во второй половине XIX в. головные уборы заметно изменились. Широкое распространение повсеместно получил *картуз*. «На головах мужчины носили „картузы", „курпяйчатые", *овчинные* и *вязаные* шапки, *меховые шапки — конусообразные, татарские*»[15]. Упоминание о том, что русские носили войлочные шляпы, напоминающие татарские, мы слышали в правобережных районах современной Татарии (Свияжский у. Казанской губ. и Буинский у. Симбирской губ.). Однако встретить или получить более подробные сведения об этом головном

уборе не удалось. В начале XX в. в употребление входит *фуражка*, которая постепенно вытесняет прежние головные уборы.

В зимнее время на шею поверх шубы повязывали *шарфы*, которые в южных уездах Самарской губ. искусно изготовляли казахские женщины из козьего пуха и шерсти. Шарфы были обычно белого и дымчатого цвета.

Обувь. Основной обувью в XIX в. были лапти. «Для большинства великорусского крестьянства с глубокой древности и до сих пор лапоть служит главной или даже единственной обувью»[16]. Как рассказывают старики, раньше носили лапти русского образца — косого плетения, с тупой головкой и высокими бортами. Плели русские лапти обычно из трех лык в три ряда. Плести начинали с пятки, потом заплетали подошву и *головяшку* (носок), после чего вставляли колодку — каждую на отдельную ногу, загибали головку и заделывали *ушки* для продевания *обор*.

С середины прошлого века стали применяться более практичные и удобные лапти местных поволжских народов — татар, марийцев, чувашей, мордвы, отличавшиеся друг от друга формой и техникой плетения, но имевшие низкие борта и носившиеся на любую ногу. Последнее обстоятельство, видимо, и обусловило очень широкое распространение у русских лаптей местных народов. При износе одного лаптя не нужно было выбрасывать другой, еще годный к употреблению. Несомненно, с этим экономическим фактором не могло не считаться население старой дореволюционной деревни, еле сводившее концы с концами.

В районах, где русские живут рядом с татарами, они носили татарские лапти, с марийцами — марийские, с чувашами — чувашские и т.д.

Как правило, русские лапти носили лишь при отправлении каких-либо ритуальных церемоний (свадьбы и проч.), на праздниках. Хоронили также в русских лаптях. *Праздничные лапти*, особенно женские, отличались лишь тем, что их плели более тщательно, украшали *бортиками* — верхняя часть окантовывалась цветным лыком. Иногда цветные лычки вплетали и в *голову* лаптя для украшения. Лапти надевали на ноги летом с холщовыми портянками, а зимой еще и с суконными онучами, которыми ноги обертывались до колен. Онучи были преимущественно белого цвета. Но в ряде населенных пунктов, по сообщению крестьян, носили коричневые и даже черные онучи.

Закрепляли лапти на ноге с помощью *оборок*, *обор* — лычных или сплетенных из шерстяной пряжи веревочек разной длины. Оборы завязывали, как правило, на высоте щиколоток. Однако в ряде селений русские, живя по соседству с мордвой, носили мордовские лапти, черные онучи и завязывали оборы у колен[17].

Широко распространенной обувью, особенно в северных уездах Казанской и Симбирской губ., являлись *ступни* — плетеная обувь наподобие галош с высокими бортами, которые носили без обор. Ступни надевали преимущественно весной и осенью для работы по хозяйству, чтобы не тратить времени на обувание лаптей. Ступни всегда стояли у порога в избу.

В Самарской, Оренбургской, а также южных уездах Казанской, Симбирской губ. были распространены *поршни, бахилы*. Поршни шили из одного куска кожи, с одним передним швом и держали на ноге с помощью ремешка, вставленного в их верхние края.

В сырое время года надевали бахилы, по форме напоминающие чулки без пяток. Их шили из мягкой кожи с двумя швами по бокам. Бахилы надевали на лапти и завязывали под коленкой ремнем. В некоторых деревнях (например, д. Сосновка Бугурусланского у. Самарской губ.) в ненастную погоду к лаптям приделывали деревянные колодки, которые защищали ноги от сырости.

Широко бытовала короткая *валяная обувь* (типа *валяных галош*).

Теплые сапоги (валенки с голенищами) были лишь на зажиточных крестьянах, которые покупали их главным образом на ярмарке в Казани. Валенки носили преимущественно кукморские — белые голенища их расписывались разнообразным узором (часто розового цвета). Основная масса крестьян валенок не имела. В конце XIX в. они стоили очень дорого, и даже крестьянин среднего достатка не всегда имел возможность их приобрести. Поэтому купленные с большим трудом валенки берегли, надевали их лишь по праздникам, несколько раз в год. «Валенки портились лишь от моли, говорят крестьяне, так как их надевали 2–3 раза в год»[18].

Во второй половине XIX в. в деревне получают распространение кожаные *сапоги* с низким каблуком и большим числом *бориков* на нижней части голенища («как гармонь» или «сапоги в гармошку»). Богатые крестьяне носили хромовые и даже лаковые сапоги. Основной массе крестьян они были недоступны. Часто на всю деревню была лишь одна пара сапог, которую выдавал ее владелец за особую плату женихам на день свадьбы. Если же рядовой крестьянин после работы в городе на отхожих промыслах покупал сапоги, то относился к ним очень бережно. В некоторых деревнях у стариков сохранились еще довольно хорошие сапоги, купленные их отцами и даже дедами.

В конце XIX в. в деревне появляются резиновые галоши. Галоши расценивались как очень дорогая праздничная обувь, и если их приобретали, то носили даже летом, только в сухую погоду, ради щегольства.

На руки надевали *варежки* или *рукавицы*. В конце XIX в. изготовлением рукавиц было занято население ряда деревень во всех поволжских

губерниях. Особенно славились астрадамовские рукавицы, изготовленные в с. Астрадамовка Алатырского у. Симбирской губ. Рукавицы приобретались крестьянами на многочисленных базарах и ярмарках. Варежки обычно вязали в каждой крестьянской семье, что было заботой женщин старшего поколения.

Украшения. Как и все славяне, русские крестьяне средневолжских губерний употребляли разнообразные украшения. Правда, у мужчин их было сравнительно немного. Некоторые украшения имели ритуальный характер. Например, кольца или перстни, которыми обменивались во время венчания будущие муж и жена. Они носили их до конца жизни. Мужчины носили *кольца* без всяких *украшений*, литые, сделанные из серебра, меди, олова. Золотые кольца были большой редкостью и имелись только у очень богатых крестьян. Распространены были *кольца* с *печатями* — небольшим припаянным к кольцу кружком, на котором делалась именная или дарственная надпись, а иногда и несложный рисунок. Для Самарской губ. характерно то, о чем писал Т.А. Земляницкий: «На руках два или три перстня с печатями в двухкопеечную монету»[19].

В ряде районов получены данные, что мужчины «ходили с серьгой в ухе». Этот факт осмысливался как оберегание от «дурного глаза», защита от болезней (д. Шимшурга Козьмодемьянского у.; с. Утяково Свияжского у. и др.).

Мужские головные уборы обычно не украшали, за исключением ритуальных празднеств (свадьбы), когда катаные валяные шапки украшали гусиными перьями и цветными лентами.

Женская одежда. На всей рассматриваемой территории в прошлом веке был распространен комплекс женской одежды с сарафаном.

Имеются данные о бытовании поневы в первой половине XIX в. в отдельных деревнях Самарской и Симбирской губ. (например, с. Кинель-Черкасы, Семеновка, Тамды). Однако каких-либо воспоминаний о поневе в этих населенных пунктах не сохранилось. Старинным костюмом, давно вышедшим из употребления, население считает не поневу, о которой даже не слыхали, а сарафан. В ряде населенных пунктов Бугульминского у. Самарской губ. живут курчане, переселившиеся сюда во второй половине XVIII в. из Курской губ. Хорошо сохранив свои диалектные особенности и некоторые детали прошлого южновеликорусского быта, они в основном восприняли средневолжский культурно-бытовой комплекс, в том числе и одежду. О поневе в этих селениях тоже не осталось никаких воспоминаний. В ряде селений Уфимской губ. (с. Николаевка, д. Сергеевка, д. Михайловка Стерлитамакского у.), переселившихся из Курской и Тамбовской губ. во второй половине XIX в.,

бытование поневы сохранилось в памяти старшего поколения до настоящего времени. Ее перестали носить в конце XIX в.

Рубаха. Основной частью женского костюма на всей рассматриваемой территории являлась длинная *рубаха*, которую надевали непосредственно на тело. Рубаха состояла из двух различных частей, сшитых вместе на уровне груди: *рукавов* — верхняя часть и *стана* (*становка*, *станушка*) — нижняя часть.

Рукава шили обычно из хорошего тонкого холста или, позднее, из покупной материи, преимущественно ситца. Стан — всегда из домотканины более грубых сортов. Часто для станушки употреблялась набойчатая ткань.

По внешнему виду все женские рубахи мало отличались друг от друга. В каждой рубахе выдерживалось одинаковое соотношение между длиной стана и «рукавами», вокруг шейного выреза делали большое количество *бориков*, собственно рукава шили широкими, пышными и т.д. Отличие заключалось в принципе кройки собственно рукавов с остовом рубахи. По этому признаку можно выделить следующие типы рубашек:

Рубаха с поликами — небольшими прямоугольными плечевыми вставками. Такую рубаху (*рукава*) шили из двух полотнищ (*приставок*) — переднего и заднего. Между приставками на плечах вшивали по утку прямоугольные вставки *полики*, *ластовки*, иногда их называли *верхними ластовками*. Рукав прямой, широкий, представляющий собой прямоугольный кусок ткани, перегнутый пополам и вшитый в пройму. Полики увеличивали ширину шейного выреза, который до нужных размеров собирался в мелкие *борики*. В месте сшива рукава с остовом рубахи делали небольшую квадратную вставку *ластовку* или *нижнюю ластовку*. В некоторых селениях она была другого цвета, чем цвет всей рубахи; например, рубаха — белая, а ластовицы — красные. Ластовица давала возможность свободно поднимать руки, не подтягивая за собой всю рубаху. Данный тип рубахи с поликами отмечен нами в Мензелинском у. Уфимской губ., Бугульминском и Бугурусланском уу. Самарской губ. В других уездах поволжских губерний он встречался сравнительно редко, как исключение в отдельных деревнях (д. Кольцовка Цивильского у.).

Рубаха с «ложными поликами». В этом случае плечевые вставки и рукав выкраиваются вместе. Для этого в прямоугольном рукаве делался небольшой Г-образный выступ, который и вшивался в плечевую часть между передней и задней приставками. Этот тип рубахи был широко распространен по всему Среднему Поволжью, но преимущественно в северной части Казанской губ. (к северу от Казани).

Бесполиковая рубаха. Она кроилась также из двух приставок (передней и задней), к которым, отступя несколько кверху, пришивали рукава.

Рукава обычно делали косыми, состоящими из двух клиньев — большого и малого. Большой клин пришивали к задней приставке не полностью, свободный его конец перегибали вперед и пришивали к малому клину, который, в свою очередь, пришивали к передней приставке. В этом случае ворот получался очень широким. Бесполиковые рубахи бытовали в приказанских селах (Куюки, Собакино, Макаровка и др.), Ядринском, Цивильском уу. Казанской губ., а также в старинных русских селах Рус, Шуган и Чекан Бугульминского у. Самарской губ.

Рубаха с лифом. В конце XIX и начале XX в. под влиянием города во многих селах стали шить рубахи с лифом (*лифтом*), представляющим собой кусок ткани, перегнутый по утку с вырезом в месте сгиба для головы. К лифу сборками пришивали переднюю и заднюю подставки, а к ним, как обычно, на уровне груди — стан. Собственно рукава были косые, суживающиеся к кисти, с ластовицами или без них.

В большинстве случаев женские рубахи не имели украшений. Лишь в южных левобережных районах (Самарской губ.), где русские живут по соседству с украинцами, в прошлом бытовали украинские женские рубахи. Так, в с. Успенка (Николаевского у. Самарской губ.), по рассказам женщин старшего поколения, раньше носили праздничные рубахи, грудь, ворот и рукава которых богато украшали вышивками. Однако встретить в настоящее время украшенные женские рубахи нам не удалось. Лишь иногда несложные украшения выполнялись красными нитками в месте сшива поликов с собственно рукавами (д. Поповка, д. Фоминовка Бугульминского у. Самарской губ.).

Все типы рубах имели ворот в виде узкой полоски ткани — «обшивки», которая иногда покрывалась мелким вышитым рисунком или тесьмой красного цвета.

Концы собственно рукавов оставляли свободными или собирали в сборки; иногда рукава обшивали оборками, кружевами, расшивали гладью или крестом, как правило, в два цвета: черный и красный.

Длина собственно рукавов была различной. Обычно они спускались до кисти, но бытовали и короткие рукава — до локтя.

На верхнюю часть рубахи уходило обычно 3–4 аршина ситца. Спереди, на вороте делали небольшой прямой разрез, без приполка, который застегивался на одну пуговицу и нитяную петлю.

На уровне груди к рукавам пришивали станушку. Ее обычно шили из 4 полотнищ (*точей*) холста шириной примерно 40 см. В месте соединения с рукавами полосы собирали в борики. Станушку шили без всяких украшений, редко подол праздничной рубахи обшивали оборками (*брыжами*), делали вставки из кружев, кисеи. Длина всей рубахи доходила до щиколоток или была несколько выше их. Одну рубаху, как правило, никогда не носили и дома, и на улице. На рубаху надевали

сарафан, а позднее юбку. Лишь в страдную пору женщины носили одну рубаху, подпоясав ее и сделав небольшой напуск. Таким образом, мы видим, что на рассматриваемой территории бытовали рубахи, характерные для северных и средних великорусов. Южные разновидности женских рубах с косыми поликами не встречались.

Белые холщовые женские рубахи имели ритуальное значение. В них обычно девушки, распустив волосы, опахивали деревню с целью предотвратить различные заболевания, получившие распространение в селе. Обряд опахивания широко бытовал во всех рассматриваемых губерниях в первой половине и середине XIX в. и известен как по рассказам стариков, так и по архивным данным[20].

Сарафаны. Наиболее древним типом сарафана, по рассказам местных жителей и отдельным оставшимся экземплярам, являлся косоклинный сарафан, который обычно назывался русским (*клинник, клинчатник, сукман*). Его шили из трех прямых полотнищ (двух спереди и одного сзади) и косых клиньев между ними. В большинстве случаев было 4 косых клина, которые вшивались в бока. Однако в некоторых уездах Казанской и Симбирской губ. (Ядринском, Алатырском) нами отмечены сарафаны, сшитые из трех прямых и 8 скошенных полос[21]. В этом случае подол сарафана оказывался очень широким (иногда длина его доходила до 6 и более метров). Так, сарафан из с. Белавки Ядринского у. Казанской губ. был сшит из 11 полос. Задняя часть сарафана в разложенном виде представляет собой полукруг, состоящий из 5 полос шириной по 40 см каждая. Сарафан покрывал тело женщины, по выражению старух, «с головы до ног». Спереди сарафан почти облегал шею. Сзади верхний край прямого полотнища доходил до талии, а иногда и ниже. На плечах он держался на *мышках* (*промцах, гривенках, лямках*), которые сзади пришивались рядом, а спереди на расстоянии 20–25 см друг от друга. Передние прямые полотнища сшивали и шов украшали полосами «галунных лент» и медными дутыми или обшитыми позументом пуговицами. Позументной лентой обшивали и верх сарафана, а также часть прилегающих мышек. Такой сарафан в с. Рус. Шуган назывался *сарафаном с плетнями*. Низ сарафана, чтобы он не обивался, обшивали *щеткой* — тканью такого же цвета, что и сарафан, иногда с бахромой или просто тесьмой.

В некоторых деревнях нами отмечено бытование *распашных сарафанов*, но они и в середине XIX в. были, по-видимому, исчезающей формой одежды. О наличии распашных сарафанов в Самарской губ. середины XIX в. пишет Т.А. Земляницкий: «Сарафаны были у них тяжелые, из китайки, на своей суровой подкладке, выкрашенные березовой корой. Спереди такие сарафаны не сшивались, а застегивались оловянными или медными пуговицами»[22].

Косоклинные сарафаны шили как из домотканины, так и из покупных тканей. На шитье будничных сарафанов употреблялся домотканый материал, окрашенный в синий, иногда зеленый, желтый и другие цвета.

Праздничные сарафаны шили из ситца, сатина, китайки и других материалов различных расцветок на холщовой подкладке.

Богатые крестьянки имели сарафаны, сшитые из атласа, шелка, парчи. Материал, из которого шили сарафаны, иногда давал название всему сарафану (*штофник*, *атласник*, *китаечник* и т.д.). К праздничным сарафанам крестьяне относились очень бережно, их тщательно и искусно складывали, завязывали в холстину и хранили в сундуках или в больших липовых коробах. При укладывании сарафана его выворачивали наизнанку и раскладывали на полу передним полотнищем книзу. Затем, начиная с середины, складывали в мелкие складки, накладывая их одна на другую. Всего получалось свыше 30 складок. Сложенный таким образом сарафан перегибался по длине и связывался по краям специальными тесемками, пришитыми к сарафану.

В середине XIX в. косоклинные сарафаны бытовали почти во всех средневолжских губерниях. Не было их лишь в некоторых селениях восточных уездов Самарской и Уфимской губ. (Бугульминском, Бугурусланском, Белебеевском, Уфимском). Это связано с тем, что русские, жившие в этих селениях, были выходцами из южновеликорусских деревень, где косоклинный сарафан не был распространен. Переселившись в Поволжье с южновеликорусским комплексом одежды и попав в преимущественное окружение средних великорусов, они постепенно восприняли прямой или московский сарафан, получивший широкое распространение с середины XIX в.

С начала второй половины XIX в. повсеместно косоклинные сарафаны стали исчезать и заменяться прямыми сарафанами на лямках, или *московскими*. Исключение составляют лишь присурские районы (Казанской губ.), где косоклинные сарафаны бытовали вплоть до начала XX в., когда стали заменяться кофтой и юбкой. Этим объясняется тот факт, что косоклинные сарафаны сохранились в этих районах до настоящего времени[23].

Прямой сарафан (*московский*, *круглый*) шили преимущественно из покупных тканей, хотя были распространены сарафаны и из домотканых холстов различных расцветок.

Прямой сарафан шили из пяти-девяти полос ткани одинаковой длины, которые наверху собирались в боры и обшивались тесьмой. Спереди или сбоку делался небольшой разрез, который застегивался на пуговицу или крючок. Сарафан держался на плечах — с помощью *лямок* (*мышек*). Подол московского сарафана обычно украшали 2–3 тесемками другого цвета, которые нашивали параллельно друг другу. Иногда

низ сарафана отделывали небольшими оборками — *воланами* (Козьмодемьянский у. Казанской губ.) или коленкоровой *подбойкой* шириной 8–10 см (Самарская губ.).

Молодежь носила сарафаны ярких расцветок — голубые, алые, розовые; старухи — темных тонов (черные, синие, коричневые).

Кроме указанных типов сарафана, во второй половине XIX в. во всех районах Среднего Поволжья широко был распространен сарафан с лифом (*лифтом*). Он, видимо, являлся одной из переходных форм от сарафана к юбке. Так, в Новоузенском у. Самарской губ. «сарафаны носили только русские, да и то в 90-х гг. их почти перестали носить. Обычно сарафан с лифом шили с пуговицами на груди»[24]. В дальнейшем стали шить одну юбку (без лифа и мышек), а называть ее продолжали сарафаном (с. Чекан Бугульминского у., с. Исаково Бугурусланского у. Самарской губ.).

Сарафан с *лифтом* имел две разновидности:

Сарафан, напоминающий круглый. Его шили из 4–6 точей, которые на лифе собирали в сборку. К лифу пришивали лямки, с помощью которых сарафан держался на плечах. Такого покроя сарафан с лифом, сшитый из зеленого шелка (с. Кувакино Алатырского у. Симбирской губ.) имеется в коллекции этнографического музея Казанского государственного университета (КГУ). Данный тип сарафана широко бытовал и в южных районах Среднего Поволжья. Например, в Новоузенском у. Самарской губ. носили сарафан *прямой на лямках*. Верхний край лифа выше груди. Лиф на пуговицах. Этот тип сарафана носили в 90-х гг. только пожилые женщины[25].

Сарафан с лифом, напоминающий платье, только без рукавов. Носили преимущественно пожилые женщины. Сарафан кроили из пяти прямых полос (4 сзади и 1 спереди), которые пришивали к лифу. Задние полосы собирались в *борики* (сборки).

По бокам сарафана прорезали карманы. Одежда аналогичного покроя под названием *мисинер* отмечена Т.А. Земляницким[26]. Он пишет: «На холстовую нижнюю рубаху женщины надевали длинные, широкие платья, так называемые „мисинеры". Перед делался с прямыми полами, а зад с глухим лифом... В некоторых местах (с. Валуйка Новоузенский у.) под названием „мисинер" фигурировало платье без рукавов». Подобная одежда несомненно являлась переходной от сарафана к платью и кофте с юбкой. В фондах Государственного музея ТАССР имеется сарафан с лифом из д. Заовражье Чебоксарского у. Казанской губ.[27]. Он сшит из тонкого шелка в клетку с коричневыми и синими тонами. Лиф сшит из старого коленкора. Сарафан носили с кофтой, сшитой из точно такого же материала, что и сарафан. Кофта закрывала коленкоровый лиф. Как известно, платье не получило широкого

распространения в деревне (более удобной формой оказалась кофта и юбка), поэтому сарафан с лифом быстро исчез.

Сарафаны как косоклинные, так и прямые непременно носили с поясом шириной 4–5 см, в большинстве случаев покупным. Пояс был совершенно необходимой частью как мужской, так и женской одежды. Праздничные пояса украшали яркими узорами и покрывали разнообразными надписями, главным образом религиозного содержания. Такие пояса в основном изготовляли в монастырях. В одном только Казáнском девичьем монастыре около 1000 мастериц («беличек») работало над изготовлением вышивок и ткало специальные пояса[28]. Ткали пояса и сами крестьяне, украшая их несложным прямолинейно-геометрическим орнаментом. Узоры поясов — прямые линии, ромбы, звездочки и пр. с чередованием ярких тонов.

Пояс завязывали сбоку прямым узлом и спускали два конца, украшенные кистями из разноцветной шерсти или цветными шерстяными шариками.

Фартуки. На сарафан, как правило, надевали фартук (запон), который подвязывался под мышками или на талии и спускался ниже колен. Запоны вначале изготовляли из двух точей холста, позднее — из ситца, коленкора, а богатые — из шелка разнообразных расцветок.

И. Сенгилевский[29] отмечает: «По праздникам молодые женщины подвязывают ситцевый запон ярких цветов... а девушки носят запоны домашней хорошей пестряди, обшитые внизу и вверху ситцевого бахромою». В северных районах Среднего Поволжья (Казанская губ.) носили запоны, почти сплошь покрытые вышивкой, разноцветным тканым узором, лентами, оборками. В д. Куржам (Козьмодемьянский у. Казанской губ.) праздничный запон обычно называли коленкоровым. Шили его с многочисленными оборками на подоле — *чикосами*, подпоясывали по талии[30]. В южных районах Самарской и Уфимской губ. широко бытовал другой вид запона — *с грудинкой*. В этом случае нижнюю часть запона завязывали на поясе двумя лямками, а к верхним углам более узкой части (*нагрудника*) пришивали тесьму, которая перекидывалась через голову и держалась на шее. Такие запоны носили женщины старшего поколения, тогда как молодежь предпочитала запоны *без грудинки*, укрепленные на поясе.

В других районах запоны подобного типа распространились позднее и заменили запоны с завязкой под мышками. Такие запоны применялись лишь хозяйкой дома во время приготовления пищи или каких-либо других работ. При выходе из дома надевали запон с завязками на поясе.

В некоторых деревнях Вятской губ. (Свиногорье, Лекарево) отмечено бытование прямой, туникообразной одежды без рукавов, одеваемой на сарафан под названием *чины*. Чины шили из двух полотнищ, причем заднее покрывало спину только до поясницы[31]. Возможно, что здесь мы

имеем некоторую аналогию с южновеликорусской *занавеской*. «Передник, укрепленный на плечах,— пишет Г.С. Маслова[32],— по происхождению связан с туникообразной одеждой и распространен главным образом у южновеликорусов».

Верхняя одежда. Верхняя женская одежда, которую надевали в прошлом веке при выходе из дома, при работе на усадьбе, зимой, в дождливую погоду и т.д., состояла из различных *круток* (курток), кафтанов, шуб, чапанов, тулупов. Покрой был преимущественно в талию, со сборками сзади, хотя широко бытовала одежда прямого, халатообразного покроя.

Распространенной женской одеждой во всех средневолжских губерниях были куртки (*холодники, монарки, ватошники, душегреи, стуколки*) примерно одинакового покроя. Это короткая, длиной до середины бедер одежда, которую шили из домотканого сукна и покупных тканей (сатина), в талию, с прямым или отложным воротником и большим количеством боров сзади. В некоторых деревнях куртки были значительно короче. Так, в с. Рус. Шуган (Бугульминский у.) куртка доходила лишь до пояса. Она была стеганная на вате, с небольшим прямым воротником и застежкой на левой стороне. Эту удобную, легкую и в то же время достаточно теплую одежду надевали женщины при молотьбе, разнообразной работе по дому. Праздничные куртки шили из цветных тканей, иногда шелка и отделывали бархатом или парчой. В некоторых селениях такая одежда называлась *холодником*. Так, в с. Троицкий Посад (Козьмодемьянский у. Казанской губ.) нами обнаружен холодник из красного штофа, отделанный золотым галуном, с длинными рукавами и большим отложным воротником. Точно такие же холодники из быв. Макарьевского у. Нижегородской губ. (смежный с Козьмодемьянским) имеются в коллекции этнографического музея КГУ[33]. Однако такие холодники в Среднем Поволжье имели ограниченное распространение и встречались лишь в больших, главным образом торговых селах северной части Казанской губ.

В конце XIX в. широко были распространены *ватошники* или *телогрейки*, которые носили преимущественно старухи. Они были несколько длиннее холодников и шились обычно из черного сатина на ватной подкладке. Характерно, что рукава ватошников и праздничных холодников были очень длинными, закрывающими кисти рук. Ношение русскими крестьянами Среднего Поволжья подобной одежды свидетельствует о тесной связи их с северными великорусами, среди которых она была распространена. Г.С. Маслова отмечает[34] бытование холодников, телогреек, душегреек и т. п. одежды в городской и купеческой среде XVIII и XIX вв. Известно, что долгорукавная одежда была характерна для московского боярства XVI–XVII вв.

Все это указывает на пути, по которым шло проникновение данного вида одежды на территорию Среднего Поволжья.

В южных районах бытовала халатообразная одежда, длиною ниже колен, под названием *бедуим*[35]. Ее носили женщины и девушки весной и осенью. Бедуим выкраивали из 3 полотнищ (спина и две полы), несколько расширяющихся книзу, с отложным воротником и широкими, длинными и прямыми рукавами. Рукава вшивали в проймы сильно сборенными, что обуславливало некоторый выступ их над плечами (*рукав с грибом*). Бедуим шили из покупных тканей темного цвета на простеганной ватной подкладке. Воротник украшали бисером, кистями из шелка, бархатной обшивкой. Бедуим не застегивали и не подпоясывали, поэтому, чтобы полы не распахивались при носке, их придерживали рукой.

В Казанской и Симбирской губ. вместо бедуима носили *кафтаны*. Раньше их шили из домотканого сукна в талию, без боров, длиной ниже колен, а позднее из покупных тканей, преимущественно сатина, сукна черного цвета. Застегивали кафтаны на три крючка с левой стороны. Кафтан имел небольшой стоячий воротник и прорезные карманы. У праздничных кафтанов сзади делали боры, а правую полу, ворот и карманы обшивали бархатом.

В южных районах Бугульминского и Бугурусланского уу. женщины носили в прошлом *чекмени* — одежду прямого покроя из домотканого сукна синего цвета, подбитого овчиной. Чекмень не имел воротника и застежек. Его длина была ниже колен. Возможно, здесь мы имеем некоторую аналогию с башкирским «сэкмэн» не только по названию (чекмень), но и по покрою[36].

Отмечено также бытование *гуни*. Она, по нашим наблюдениям, вышла из употребления, видимо, в середине XIX в., и поэтому воспоминания о ней очень неполны. Известно, что это была верхняя одежда, которая надевалась на рубаху и сарафан. Гуня напоминала «вид распашного сарафана с длинными рукавами с застежкой спереди»[37]. Имеются данные, что гуни носили русские и мордва, «разница в том, что у мордвы они были из белого холста, а у русских из крашеного синего»[38]. Более подробных данных об этом виде одежды мы не имеем. Возможно, что здесь мы встречаемся лишь с фактами сохранения древнего общеславянского термина «гуня» в применении к верхней одежде. В с. Васильевка (Ставропольский у.) гуней называют тряпье, рвань. Аналогичное объяснение этому слову мы находим и в толковом словаре В. Даля[39].

В ряде сел нами отмечено бытование безрукавной одежды, которую одевали поверх сарафана и рукавов. В южных районах Самарской губ. были распространены *корсетки*. Т.А. Земляницкий отмечает, что «в некоторых селах (Васильевка, Хмелевка Ставропольского у.) стали вводиться так называемые *телогрейки* — кофты без рукавов, с широ-

кими мышками, сзади густые сборки, а спереди, как у кофты, прямые полы на пуговицы»[40]. В другом месте он пишет: «Летом употребляли „крутку“ — одежда, похожая на жилет с рукавами, если же она шилась без рукавов, то называлась „корсеткой“»[41].

По рассказам крестьян, корсетку носили во многих селах Самарской губ., особенно в ее южной части (Николаевский, Новоузенский уу.).

Известно, что корсетка (кирсетка) являлась непременной принадлежностью одежды украинских женщин. Широко бытовала она и у поволжских украинцев. Очевидно, это и является причиной появления корсетки у русских, живших в Поволжье.

В северных уездах Казанской и Симбирской губ. (Козьмодемьянский, Алатырский) были распространены кафтанчики или душегрейки. Они представляли собой короткую одежду на лямках — *мышках*, шились из шелковой или бархатной ткани шириной 20–25 см и длиной в охват груди, с ватной подкладкой (зимние) или без нее (летние). Кафтанчик обхватывал спину и грудь и застегивался спереди на крючок. Сзади кафтанчик был собран в крупные складки. Подобные кафтанчики из Нижегородской губ. в большом количестве находятся в коллекциях этнографического музея КГУ. Некоторые из них богато украшены, расшиты золотой нитью и отделаны позументной бахромой. Кафтанчики, как отмечает Г.С. Маслова, входили в состав комплекса одежды бояр в допетровской Руси, в XIX в. их носили в «купеческой и мещанской среде, а в качестве праздничной девичьей одежды, поверх сарафана, и в великорусской, преимущественно в северной деревне»[42].

Зимней одеждой женщин повсеместно были шубы, которые шили из дубленых овчин, окрашенных в желтый или черный цвет. Иногда их покрывали тканями, и они назывались суконными шубами. Покрой шубы аналогичен кафтану — в талию, с небольшим стоячим воротником, с застежкой на левой стороне. Рабочие шубы шились без боров и каких-либо украшений. Такие шубы носили большинство крестьян. Богатые крестьяне шили шубы с большим количеством боров сзади, а полы и грудь были украшены вышивкой, нашитыми полосками сафьяна или оторочены дорогим мехом.

Описанный нами комплекс женской одежды широко бытовал на территории Среднего Поволжья на всем протяжении XIX в. с той лишь разницей, что чем позднее, тем больше появлялось покупных тканей, которые постепенно вытесняли домотканину.

Развитие капитализма и связанное с ним усиление классового расслоения деревни обусловило проникновение в крестьянскую среду, в ее быт влияния города. Это сказалось и на женской одежде. Вначале новые формы воспринимались, главным образом, зажиточной верхушкой крестьян, но постепенно, претерпевая некоторые изменения, они

входили в быт массы крестьян. Старинный русский костюм под влиянием городской моды в условиях развивающегося капитализма стал изменяться как по материалу, так и по покрою.

В этот период (конец XIX в.) появляются различные переходные формы от сарафана к платью и юбке, разнообразные жакеты городского, мещанского покроя; стали входить в быт нижние рубашки, сшитые без рукавов, с большим шейным вырезом и широкими проймами.

Повсеместно стали распространяться кофты и юбки. В отдельных районах Среднего Поволжья, а иногда и в отдельных селениях кофты различались по покрою, материалу, расцветкам и украшениям. Шили их из ситца, шелка, преимущественно ярких расцветок. Распространены были красные, голубые, желтые, зеленые кофты, украшенные белыми или черными кружевами, цветными шелковыми лентами.

По покрою *кофты* были с разрезом спереди, сбоку, а также и *нараспашные*, которые надевали через голову. В Казанской губ., особенно в ее северных уездах, были распространены преимущественно кофты с разрезом спереди, застежкой на пуговицы и отложным воротником. Рукава у кисти часто собирались в складки и были украшены кружевами. Грудь, ворот, низ кофты также обшивали цветными лентами, тесьмой. Кофты были обычно прямого покроя и носили их, не заправляя в юбку. Во многих селах носили кофты *казачки* — в талию, с большой оборкой ниже талии.

В Мензелинском у. (Уфимская губ.), Бугульминском и Бугурусланском уу. (Самарская губ.) широкое распространение получили кофты красного и синего цвета с застежкой на боку или спине, с глухим стоячим воротником. Грудь и рукава обычно отделывались полосками разнообразных тканей, собранных в небольшие складки — *защипки*.

Зажиточные крестьянки носили бархатные кофты, широкие, отделанные атласом и кружевами. В ряде селений (с. Поповка, д. Фоминовка) были распространены теплые кофты из черного сатина, на вате, с отложным воротником, расклешенные книзу, отделанные полосками черного или синего бархата. Такие кофты носили осенью и весной.

Вместе с кофтой носили *юбку*. Вначале ее шили как сарафан и надевали на рубашку с рукавами. Отмечены случаи (Чебоксарский у. Казанской губ.), когда юбки были очень длинными и прикреплялись к «рукавам» на уровне груди в том месте, где к сарафану раньше прикреплялись *мышки*[43]. Подобная юбка была, очевидно, переходной формой к юбке другого вида, значительно короче и укреплявшейся на талии. Юбки шили преимущественно из покупных тканей, но в конце XIX в. было еще много юбок из домотканины. Такие юбки часто называли сарафанами. Шили юбки очень широкими, из 5–7 полотнищ, которые сзади на обшивке собирались в многочисленные боры. Низ окаймлялся 2–3 цветными тесемками — *биями* (Казанский у.) шириной 1,5–2 см, нашитыми на расстоя-

нии между собой 2–3 см и от низа юбки на 5–10 см. В некоторых деревнях к подолу юбки пришивали оборку шириной 5–10 см, иногда по цвету отличающуюся от юбки, или цветную тесьму (*подбойку*). Низ праздничных шелковых юбок, как и сарафанов, обшивали *щеткой*.

По рассказам старух, раньше в праздничные дни девушки надевали на себя по нескольку юбок — «чтобы толще казаться». Зимой для тепла надевали нижнюю юбку — *сподню*, стеганную на вате. На поясе юбку укрепляли двумя тесемками, пришитыми к краям небольшого разреза, сделанного сзади или спереди. Тесемки обхватывали талию женщины два раза и завязывались спереди. У более поздних юбок разрез стали делать сбоку и застегивать на пуговицу и крючок.

С кофтой и юбкой носили *фартук*. Шили его из покупной ткани и украшали оборками или цветными лентами, тесьмой.

В начале XX в. в деревню стали проникать *платья*. Но их носили преимущественно представители сельской интеллигенции, главным образом учительницы. Среди крестьян, считавших платье «городской одеждой», оно не получило широкого распространения.

В качестве верхней одежды в этот период появляются разнообразные жакеты, сшитые из сукна, драпа, шерсти — *пальто* и *шубы городского покроя*. Все это носили главным образом жены зажиточных крестьян, торговцев, служителей культа. Основная масса крестьян сохранила традиционную одежду и некоторые отмеченные нами переходные формы, появившиеся в этот период.

Головные уборы. Женские головные уборы на рассматриваемой территории были разнообразны, ярко отражали возрастные особенности, классовую и социальную принадлежность населения.

Девушки до замужества ходили с открытой головой (летом), заплетая волосы в одну косу, либо надевали головные уборы в виде лент, венков, которые также оставляли темя открытым. Зимой непосредственно на волосы надевали *косынки*, *платки*, *шали*.

В косу девушки вплетали *косоплетку*, а к ней привязывали длинную цветную шелковую ленту, завязанную бантом. «Девичья коса — всему миру краса»,— говорили крестьяне. В некоторых деревнях (Царевококшайский у. Казанской губ.) к ленте привязывали небольшой вышитый или парчовый треугольник — *косник*[44]. Упоминание о косниках имеется в рукописных материалах прошлого века. Так, Сенгилевский пишет[45]: «Девушки ходят с одной косою, в которую вплетают ленты взамен прежних косников сердцевидного покроя». Косник из с. Жемкова (Сызранский у. Симбирской губ.) имеется в коллекции Музея этнографии народов СССР[46]. В южных уездах Самарской губ. в праздники девушки на голову надевали венки из ромашек, васильков и др. полевых цветов, привязывая к ним сзади ленты, которые свободно ниспадали по спине.

Во всех средневолжских губерниях в прошлом веке широко бытовали налобные повязки, представляющие собой прямоугольный кусок картона или простроченного холста, обтянутый позументной лентой с бисерной поднизью. Эту повязку накладывали на лоб и двумя тесемками завязывали сзади под косой. О наличии подобного девичьего головного убора мы слышали во многих деревнях. Кроме того, они имеются в большом количестве в фондах этнографического музея КГУ и Государственного музея ТАССР, но, к сожалению, не датированные.

Распространенным девичьим праздничным головным убором была *фатка*, которую носили повсеместно. Она представляла собой шелковый, обычно красный платок, сложенный на угол и заложенный в виде полосы шириной 7–9 см, который надевали на теменную часть головы, завязывая прямым узлом или бантом под косой. В приказанских деревнях (Казанский у.) девушки надевали фатки еще лет 20 тому назад, водили в них на праздниках хороводы (д. Макаровка и др.).

В Сызранском у. (с. Паншино, Кашпир и др.), по сообщению старожилов, девушки носили *девичью повязку*, состоящую из двух частей: сначала на голову надевали *бархотку* шириной в два пальца, богато украшенную бусами, а затем шелковый платок, сложенный в полосу шириной в ладонь, который надевали на теменную часть головы. Бархотка окаймляла низ платка.

В некоторых районах подобный головной убор называли *пошиши*. Это тот же шелковый платок, сложенный широкой лентой и обвитый кругом головы девушки. Девичий головной убор *пошиши* из сел Самойкино и Новоспасское (Сызранский у.) имеется в коллекции Музея этнографии народов СССР[47]. Это повязка, сложенная из двух платков — белого бумажного и лилового шелкового. Завязывалась на затылке. С боков на узкой тесьме прикреплены *кудерки* — кисточки из черного конского волоса, которые спускаются на виски.

Все эти головные уборы (налобные повязки, фатки и др.) девушки начинали носить по достижении ими половой зрелости, когда они становились «девками на выданье». В этом головном уборе они были на праздниках и водили хоровод. Видя девушку в первый раз в хороводе наряженную в фатку, крестьяне говорили: «Марья-то в хороводе играт, убрана (т. е. одета в сарафан, рукава, фатку) — сватать пора» (д. Макаровка, Казанский у.),

Перед венцом косу у девушек расплетали. Этот обряд расценивался как прощание с девичеством, вольной, свободной жизнью. Девушка уходила в чужую семью, под неограниченную власть мужа и его родителей. Расплетание косы считалось важным моментом при совершении свадебного ритуала. Накануне свадьбы подруги невесты расплетали ей косу, а невеста причитала, что ее «руса косынька не дорощена, ала ленточка не

доплетена» (с. Биябаш, Тетюшский у., Казанская губ.). В процессе венчания девушка-невеста стояла с распущенными волосами, после чего, не выходя из церкви, свахи заплетали ей две косы, укладывали их вокруг головы и завязывали на затылке. Затем прическу закрывали чехлом или *волосником* (повойником). Перемена прически свидетельствовала о переходе девушки в число замужних женщин.

Волосник, называемый иногда *повойником*, *кичкой* или *чехлом*, представлял собой холщовую, бумажную или вязаную шапочку с небольшим обручиком на темени (или без него). Богатые крестьянки шили волосники из бархата, а иногда и парчи. Волосник сзади под затылком завязывали шнурком, продетым в его края. В некоторых селениях Козьмодемьянского у. Казанской губ. чехол назывался *наколкой*. Спереди его собирали в складки «елочкой» наподобие украинской хустки и носили часто без платка[48]. Наколку носили и в Самарской губ. Так, Т.А. Земляницкий отмечает[49]: «Носили также *чепец*, *наколку* (род чепца), *сетки-волосники* или повойники».

Среди праздничных женских головных уборов на территории средневолжских губерний употреблялись разнообразные *кокошники*. Термин «кокошник» бытовал на всей рассматриваемой территории, за исключением южных левобережных районов, а также отдельных населенных пунктов в различных местах Казанской, Симбирской и Самарской губ. Это вызвано, видимо, с одной стороны, отсутствием в прошлом кокошников в тех или иных деревнях вследствие того, что население пришло из южновеликорусских районов, где кокошники не были распространены, а с другой — настолько давним исчезновением данного головного убора, что население его не помнит.

Наиболее широко был распространен кокошник с закругленным верхом, имеющий вид полумесяца. Его носили на севере Среднего Поволжья (Ядринский, Козьмодемьянский уу.); на востоке (Бугульминский, Бугурусланский уу.), в центре (Симбирская губ.) и в очень многих других населенных пунктах, о чем свидетельствуют рассказы местных жителей. Широкое географическое распространение данного вида кокошника несомненно связано с основной колонизационной волной, шедшей в Поволжье из Владимиро-Суздальской Руси, для которой он был характерен[50]. Закругленную часть кокошника делали из картона, обтягивали бархатом, шелком или парчой и расшивали разнообразными узорами или украшали бисером и позументом. Так, кокошник, находящийся в Ульяновском областном музее, обтянут красным бархатом, на котором серебром нашиты цветы, листья и грозди винограда[51].

Второй вид кокошника, обнаруженный нами в присурских районах Казанской и Симбирской губ. (Алатырский у.), имел вид бархатной или парчовой шапочки, расшитой золотой и серебряной нитью.

Кокошники по богатству и назначению делились на четыре типа:

Кокошник «обручальный» — сплошь зашитый золотом. Его надевали только на свадьбы. По рассказам крестьян, такой кокошник стоил 25–30 рублей (один воз хлеба).

Праздничный кокошник. Он также был расшит золотом, но золотое шитье покрывало не всю поверхность бархатной основы. Носили эти кокошники только по большим праздникам.

Кокошник, который носили в обычные воскресные дни. Его шили из бархата и украшали золотым шитьем. Золотого шитья было значительно меньше по площади, чем бархатной основы.

Кокошник будничный — из одного бархата, а иногда и менее дорогого материала.

В ряде деревень Казанского у. (с. Куюки, Клыки и др.) бытовали *лопатообразные кокошники.* Они состояли из передней налобной части — *очелья*, почти прямоугольной формы холщового верха и пришитого к нему *хвоста* — картонного прямоугольника, покрытого парчой таких же размеров, как и налобная часть. Очелье с помощью двух холщовых тесемок завязывалось под затылком. Три таких кокошника имеются в коллекции этнографического музея КГУ. Два из них покрыты парчой и расшиты золотым узором сильно стилизованного животного орнамента, напоминающего творчество северных великорусов. Верхняя часть очелья имеет небольшой наклон к краям. Другой кокошник имеет налобную часть прямоугольной формы, обшит бордовым шелком и покрыт вышивкой, близкой по расцветке и по орнаментике к марийской[52], форма его близка к марийской сороке. Скорее всего эти кокошники являются видоизмененной сорокой — частью сложного кичкообразного головного убора. Носили эти кокошники, видимо, с платком, который закрывал холщовый, ничем не украшенный верх и боковые тесемки. Открытыми в этом случае оставались налобник и хвост.

В северных уездах Казанской губ. в первой половине XIX в. бытовали *островерхие кокошники.* Так, в Царевококшайском у. женщины «на головах носят бумажные и шелковые платки, и удельные — кокошники широкие, высокие, кверху острые, вперед наклонные, кои покрывают шелковыми большими платками или фатами...»[53]. Такие кокошники, как отмечает Г.С. Маслова, носили в конце XVIII и начале XIX в. в среде костромского и ярославского купечества и мещанства. «Иногда это были широкие кокошники, но также заостренные кверху, поражающие своими размерами»[54].

В некоторых населенных пунктах, по рассказам местных жителей, носили кокошник *с рогами.* Он имел вид шапочки, в передней части которой укреплялась небольшая дощечка или кусок картона,

обшитый тканью, с небольшим овальным выемом в верхней части. Выделяющиеся острые края кокошника напоминали рога, да и сами крестьяне, описывая кокошник, говорили об их наличии: «на голову надевалась шапочка, а к ней дощечка с рогами по краям» (с. Майдан, Тетюшский у.).

Рогообразные головные уборы *волосники* встречались в с. Рус. Алгаши (Алатырский у. Симбирской губ.). Они шились из ярких цветных тканей или парчи и имели спереди небольшой изогнутый валик, создающий впечатление рогов[55].

Рогатые головные уборы под названием *кичка* имели место и в северных левобережных районах Казанской губ. (Козьмодемьянский у.). По рассказам жителей, основой кички служил картон, обшитый тканью. Перед кички украшали вышивкой и бисером. Надевали кичку на голову очень плотно, до бровей. Наличие рогатой кички в этом районе связано с ее южным происхождением, так как жители многих сел являются выходцами из Тульской губ., где носили рогатые головные уборы.

Кокошники надевали лишь молодые женщины — «молодушки», только что вышедшие замуж, или на масленицу. В рукописях Русского географического общества по Свияжскому у. (Казанской губ.) указывается, что женщины носили на голове платки, молодушки — кокошники, шитые по малиновому бархату золотом, а девицы — ленты из широкого позумента[56]. Имеются данные, что в некоторых районах (Царевококшайский у.) кокошники носили три года после замужества, а после этого на женщину надевали волосник[57]. Каких-либо данных о том, что кокошники носили пожилые женщины на рассматриваемой территории, не отмечено.

Таким образом, говоря о возрастных различиях в ношении головных уборов, можно сказать следующее: до замужества девушки носили головной убор, не закрывавший полностью волосы. Во время свадьбы девичий головной убор заменялся кокошником — головным убором женщины, жены, имевшим различную форму. Кокошник носили, возможно, до рождения первого ребенка, т. е. до перехода женщины в следующую возрастную группу — женщины-матери. Затем кокошник заменялся волосником (чехлом) и платком. Этот головной убор не изменялся до конца жизни.

Головные уборы ярко подчеркивали степень обеспеченности крестьян. Богатые крестьянки носили дорогие кокошники на бархатной основе, отделанные золотом, серебром, парчой, бисером, богато украшенные вышивкой. Все это было недоступно массе крестьянок, которые, сохраняя форму головного убора, обтягивали верх кокошника кумачом, ситцем или покрывали несложным вышитым рисунком, а иногда и просто блестящими пуговицами.

Во второй половине XIX в. кокошник являлся исчезающим голсвным убором. Его надевали лишь на свадьбах, народных гуляниях, праздниках. Так, К.Г. Евлантьев пишет (по Тетюшскому у. Казанской губ.), что женщины носили крашенинные сарафаны, называемые московскими, на голове ситцевый платок, а в праздники — кокошник[58].

В некоторых уездах средневолжских губерний кокошник давно вышел из быта, так что современное старшее поколение его не помнит даже по рассказам своих отцов и матерей. Однако женщины долго продолжают носить разнообразные чехлы, повойники, волосники, сборники. Широко в быт входят разнообразные платки, шали. В конце XIX в. Тенишев писал, имея в виду Спасский у. Казанской губ.: «Замужние женщины носят на голове сборник, подобрав под него косы, платок или шаль... девушки носят то же, что и женщины, но не носят сборника, а только платки, шали...»[59].

Богатые крестьянки (пожилые и средних лет) носили шелковые платки различных расцветок преимущественно темных тонов, расшитые по углам и в центре золотом. Такие платки изготовляли в монастырях Среднего Поволжья. Молодежь в будни носила ситцевые, а в праздники шелковые платки больших размеров, ярких расцветок с разнообразными узорами.

Способы завязки платков были разнообразны. Обычно при повседневной носке платок складывали на угол и двумя свободными концами завязывали под подбородком. В более торжественных случаях под подбородком платок закалывали булавкой — «носили под булавочку».

Во время исполнения сельскохозяйственных работ платок для удобства завязывали двумя концами сзади. Во многих селах (например, Рус. Шуган Бугульминского у.) замужние женщины после того, как надевали платок, оттягивали верхнюю часть платка несколько кверху. Вследствие этого в области темени получался небольшой «носик», как говорят крестьяне, «для красоты»[60]. Очевидно, это отражает традицию ношения кокошника.

В ряде деревень (Козьмодемьянский у.) платки носили «роспуском»— распущенные кромкой. Это характерно для старообрядческого населения. Г.С. Маслова отмечает, что такой способ был распространен у старообрядок Нижегородской, Костромской, а также Владимирской губ.[61]. Не возражая против этого, я хочу одновременно отметить, что местное население называет такой способ ношения платков «по-татарски»[62]. Во всяком случае, современное осмысливание этого способа повязывания платков указывает на очевидную связь с татарским населением.

Широко бытовали огромные шерстяные шали с кистями, которые носили зимой. Их концы обертывали вокруг шеи и завязывали прямым узлом сзади.

В конце XIX и начале XX в. сохраняется различие в прическах девушек и замужних женщин, но замужние женщины в ряде мест уже полностью не покрывают волосы головным убором — это не является строго обязательным. Если раньше замужняя женщина с непокрытой головой не имела права «показываться на людях», выходить в сени, на усадьбу и т.п., то позднее эти обычаи соблюдались только старухами. Молодые женщины, меняя прическу, прикрывали волосы чехлом, но чехол надевали не на всю голову, а только на затылочную часть, чтобы волосы не распадались.

Некоторые виды женского костюма в конце XIX и начале XX в. становятся обрядовой одеждой. Так, женщины-старообрядки посещали церковь одетыми в сарафан, рукава, волосник и повязанные большой шалью, забулавленной под подбородком. В других случаях этот костюм не носили. Косоклинные сарафаны долгое время сохранялись только для того, «чтобы надеть в церковь». Хоронили женщин обязательно в сарафане, у некоторых старух и сейчас еще хранятся сарафаны «на смерть».

Обувь. Основной женской обувью в середине XIX в. были *лапти*, но надевали их не с портянками и онучами, как мужчины, а с шерстяными чулками длиной до колен. Лапти оборами укреплялись у щиколоток. На праздник женщины надевали высокие глухие или с небольшим разрезом спереди ботинки с кожаными союзками и вязаным узорчатым верхом. На территории Казанской губ. они назывались преимущественно *карпетки*, в Самарской и Симбирской губ. — *вязанки*. Верх изготовляли обычно из ярких цветов шерсти и под него для тепла подкладывали войлок. Узоры были разнообразны. В большинстве случаев это симметрично расположенные несложные геометрические и растительные мотивы. Верх некоторых вязанок расшивали гарусом, мишурой. Карпетки стали выходить из употребления в конце XIX в. Сохранившиеся экземпляры нами обнаружены в с. Рождествено (Лаишевский у. Казанской губ.), с. Маткауш (Мензелинский у. Уфимской губ.), с. Рус. Алгаши и Кувакино (Алатырский у. Симбирской губ.). Вязанки обычно покупали в городе, и они являлись одним из предметов *кладки*, которую жених должен был купить невесте.

Праздничной обувью со второй половины XIX в. повсеместно были *полсапожки* или ботинки с резинками, на небольшом каблуке. Ботинки являлись большой ценностью, а потому «надевали их только в церкви, а до нее шли босиком или в лаптях». Зимой носили валенки. Наиболее дорогими считались «писаные» валенки или «с мушками» (на белом фоне рисунок наносился красным цветом — они назывались кукморскими), а также «комаровские», голенища которых были украшены вышивкой. В Самарской губ. женщины носили валяные туфли — *чунки*[63].

Женщины носили шерстяные чулки, которые вязали главным образом из черной и белой шерсти. В Самарской губ. (Бугульминский, Бугурусланский уу.) и Уфимской губ. (Белебевский, Уфимский, Стерлитамакский уу.) в прошлом бытовали чулки, которые вязали из разноцветной шерсти с различными узорами. В Самарской губ. население называло их «писаные чулки», «в змейку», «цветочками», «репьями». Особенно разнообразны были узоры чулок в Уфимской губ. Здесь существовало до 12 различных узоров, каждый из которых имел свое название — «куколки», «вороба», «подбодрящие паны», «восьминожка», «царские кудри», «ободья» и др. В селах Баскаково, Терабердино и др. (Бирский у. Уфимской губ.) такие чулки местное население изготовляет и сейчас.

В целом, несмотря на весьма сильное проникновение в деревню в конце XIX и начале XX в. валяной и кожаной обуви, в связи с усилившимся классовым расслоением основная масса крестьянства продолжала носить плетеную обувь, всю жизнь мечтая о приобретении кожаных сапог или ботинок.

Украшения. Украшения достаточно отчетливо можно разделить на четыре группы: 1) ушные украшения, 2) шейные украшения, 3) украшения рук, 4) украшение одежды.

Непременным украшением ушей девушек и женщин являлись *серьги*. Они в большинстве случаев представляли собой медные или серебряные подвески разнообразной формы со вставленными в них гранеными цветными стекляшками. Были и золотые серьги, но их носили лишь богатые крестьянки. Широкое распространение получили серьги рыбно-слободских ювелиров (Лаишевский у. Казанской губ.), продукция которых расходилась по всему Среднему Поволжью[64].

Во многих деревнях в качестве ушных украшений применялись гусиные пушки́. Их вставляли в уши вместе с серьгами. В некоторых деревнях Бугульминского и Бугурусланского уу. пушки окрашивали в различные цвета. Этот вид украшений характерен преимущественно для южных великорусов. Аналогичные украшения носят в ряде селений Рязанской губ., где шарики из гусиного пуха надеваются на уши вместе с металлическими серьгами[65]. Применение гусиного пуха в качестве украшений отмечается Н.П. Гринковой (в Курской и Воронежской губ.)[66] и Н.И. Лебедевой (в Рязанской)[67].

В качестве шейных украшений девушек и женщин применялись различные бусы, ожерелья, монеты, кружево, причем девушки носили украшений значительно больше и ярче по окраске.

Бусы были дутые стеклянные, а также янтарные, надевавшиеся на шею в несколько рядов.

Любимыми были бисерные борки, представлявшие собой узкую полоску холста с нашитым на нее бисером. Сзади к борку пришивали цветные ленты, которые опускались по спине.

Бисером украшали девичьи налобные повязки, кокошники. Иногда в качестве украшений применяли пуговицы. В коллекции этнографического музея КГУ имеется кокошник, на красном холщовом фоне которого плотно нашиты белые блестящие пуговицы[68].

Распространенным девичьим украшением в селениях под Казанью были *кружевные воротники*, которые состояли из нескольких рядов кружев, полукругом нашитых на какую-либо легкую ткань (например, марлю). Кружевной воротник надевали через голову. Поверх кружевного воротника надевали разнообразные цветные бусы, борки из бисера.

Из поясных украшений следует отметить упоминавшиеся нами пояса — *опояски*. В южных уездах Самарской губ. (Николаевский, Новоузенский) женщины к поясу пришивали *карманки* или *лакомки* — небольшие мешочки, богато украшенные ярким разноцветным вышитым рисунком. Карманки служили не только для украшений, но и чисто практических целей. В них обычно держали иголку с ниткой, деньги, а иногда при уходе на работу в поле — небольшой завтрак.

Украшениями рук служили *кольца* и *перстни*. Девушки носили кольца, украшенные дешевыми камнями различных цветов, а замужние женщины — оловянные, серебряные, а иногда и золотые без всяких дополнений.

В качестве украшений одежды применялись *кружева* и *вышивки*, а из кружев —*вязаные* и *плетеные*. Кружевное дело было широко распространено на территории Среднего Поволжья в прошлом веке. Изготовлять кружева умели все девушки и женщины. Некоторые деревни целиком специализировались на изготовлении плетеных кружев, продукция которых шла в Москву, Петербург и др. города. Изделия кружевниц Среднего Поволжья в начале XX в. экспонировались на Всемирной выставке в Чикаго (США), где были премированы.

Кружевное дело в Среднем Поволжье появилось очень давно и принесено сюда, видимо, первыми переселенцами. Так, например, высказывается предположение, что кружевной промысел в Рыбной Слободе (Казанская губерния), пользовавшийся в прошлом очень большой известностью, принесен сюда в конце XVI столетия выходцами из Новгородской губ.[69]. В конце XIX и начале XX в. значительное место заняли кружева, вязанные крючком.

Кружева шли на украшение девичьих и женских рубах, где ими обшивали рукава и подол. Кружевами украшали также края запона, юбки, кофты. Они шли, кроме того, на отделку полотенец (рушников), скатертей (столешников).

Отдельные детали костюма покрывали *вышивкой*, которую делали *крестом, гладью, тамбуром*, преимущественно в сочетании красного

и черного цветов. Наиболее распространенной являлась вышивка крестом. Ею украшали концы рушников, скатерти, рукава и порог рубашек, иногда разрез на груди.

Широко применялся тамбурный шов, которым также расшивались полотенца и скатерти.

В богатой крестьянской среде в конце XIX и начале XX в. распространение получила вышивка однотонной гладью. Ею занимались преимущественно в монастырях, поэтому она и получила название «монастырской».

Гладью расшивали белье для приданого богатым невестам.

Наиболее распространенные в крестьянской среде узоры вышивок — это мотивы геометрического, животного и растительного орнамента: разнообразные ромбы, стилизованные фигуры людей, петушки, коньки, тюльпаны, цветы с виноградными листьями.

На некоторых полотенцах вышивали различные бытовые сцены и дарственные надписи.

Своей большой разреженностью вышивка напоминает творчество северных великорусов. Однако в ряде районов (Казанский у.) нами отмечено бытование вышивок, по своему общему характеру (насыщенности рисунка, подбору цветов, орнаменту) напоминающих марийскую. Сюда относится вышивка некоторых мужских рубах, фартуков, кокошников из д. Куюки (Казанский у.) и др.

Кроме указанных украшений, русские Среднего Поволжья, как мы отмечали, широко употребляли разнообразные дутые и простые пуговицы, бисер, позументные ленты, тесьму, которые нашивали на одежду. Одним из видов украшений являлась и нашивка полосок тканей. Тканями яркой расцветки отделывали юбки, кофты, запоны, фартуки и другие детали одежды.

* * *

Изложенный материал позволяет сделать следующие выводы.

Одежда русского (сельского) населения Казанской, Симбирской, Самарской и западных уездов Уфимской и Оренбургской губ. представлена в основном средневеликорусским комплексом. Это бесполиковые и с прямыми поликами рубашки, косоклинные сарафаны, сменившиеся во второй половине XIX в. прямыми «московскими», кокошники с закругленным верхом. Все это несомненно указывает на основной колонизационный поток, шедший в Поволжье со второй половины XVI в. преимущественно из центральных районов нашей страны. Однако в отдельных местах Среднего Поволжья мы встречаемся с элементами одежды, типичными для северновеликорусских и южновеликорусских областей. О северновеликорусском и верхневолжском влиянии говорит бытование в прошлом термина «сукман», конусообразных кокошников,

кафтанчиков, душегреек, вышивок с северновеликорусским орнаментом и т.д. О связи с южными великорусами свидетельствует наличие в прошлом рогообразных головных уборов, бытование в некоторых деревнях в первой половине XIX в. поневы, чинов, распространение вплоть до последнего времени клетчатых тканей.

Однако южновеликорусское влияние сейчас выявляется очень слабо. В большинстве случаев крестьяне, которые даже по историческим данным являются выходцами из южновеликорусских областей, совершенно не помнят о костюме, который носили в их местности. В этих деревнях наиболее древней одеждой старики и старухи считают не поневу и кичку (которых даже не помнят), а сарафан и кокошник. Северновеликорусские элементы встречаются преимущественно в северных, северо-западных, частично центральных районах Среднего Поволжья, а также в прибрежных поволжских селениях вплоть до Саратова; южновеликорусские — главным образом в западных, юго-восточных и частично южных.

Определенное влияние на одежду русского населения оказали соседние народы, живущие в Поволжье. Это влияние, в силу сравнительной устойчивости данного элемента материальной культуры, было менее ощутимо. Однако, как указывает Г.С. Маслова[70], говоря о русских вообще, русская одежда «испытала влияние одежды народов как славянских, так и неславянских, с которыми славяне были связаны исторически». Тем более это относится к многонациональному Поволжью. Русские крестьяне еще в прошлом веке, а возможно и ранее, восприняли от своих соседей главным образом то, что имело практический смысл, было более удобным. Этим объясняется широкое распространение у русских лаптей местных народов, которые можно было надевать на любую ногу (левую или правую), запонов с «грудью», а в районах со смешанным татарским населением — халатообразной и безрукавной одежды и др. Отмеченные нами тамбурные вышивки, марийские орнаментальные мотивы, платки, повязанные «по-татарски», застежка мужской рубахи на правую сторону, черные онучи, бисерные украшения и украшения из пуха говорят о заимствовании русскими данных элементов одежды от местных, соседних народов. Это свидетельствует о тесных взаимовлияниях различных народов Среднего Поволжья и передаче ими друг другу отдельных элементов культуры.

Рассмотренный материал позволяет выделить на территории Среднего Поволжья этнографические районы, обусловленные преобладанием различных великорусских элементов в комплексах одежды:

а) Северный район. Южная граница его идет по реке Каме до устья, затем на Буинск и Алатырь. Здесь в комплексе одежды значительное место занимают северновеликорусские элементы, что указывает на

преимущественное заселение данной части территории с севера и Верхней Волги;

б) Центральный район. Он начинается от границ первого района на севере и примерно до линии, идущей от Бугульмы на Куйбышев и по Волге до Саратова, охватывая правобережные, близко расположенные к Волге территории. Здесь в основном преобладает центральновеликорусский комплекс одежды, что указывает на основной колонизационный поток, шедший из центральных районов России;

в) Юго-восточный район, расположенный к югу и юго-востоку от второго района. Он характеризуется наличием здесь южновеликорусских элементов, свидетельствующих о заселении данных районов в значительной степени с запада, из южновеликорусских областей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Фирсов Г.В.* Земледельческие орудия восточной полосы России. Казань, 1854. С. 117.

2 Памятная книжка Казанской губернии. 1866 г. С. 24.

3 *Косолапов В.Н.* Кустарные промыслы в Казанской губернии. Вып. VIII. Казань, 1905.

4 *Белоусов П.* О жителях села Майдан Свияжского уезда Казанской губернии. Рукопись. РГО XIV. № 69. 1848 г.

5 *Воробьев Н.И.* Казанские татары. Казань, 1953. С. 225.

6 См. рисунок в кн.: *Крюкова Т.А.* «Материальная культура марийцев в XIX в. Йошкар-Ола, 1956. С. 145.

7 *Земляницкий Т.А.* Русские Самарского края по неизданным материалам XIX и XX вв. Самара, 1929. С. 11. (Рукопись).

8 *Маслова Г.С.* Народная одежда русских, украинцев, белорусов в XIX — начале XX в. Восточно-славянский сборник. М., 1956. С. 581.

9 *Земляницкий Т.А.* Указ. соч. С. 11.

10 Материалы этнографической экспедиции Казанского государственного университета (КГУ). 1954 г. Николаевский у. Самарской губернии, село Преображенка. То же самое отмечено и по другим районам Среднего Поволжья.

11 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 141.

12 Материалы этнографической экспедиции КГУ. 1954 г. Николаевский у. Самарской губернии.

13 О том, что русские носили шляпы, отмечается в рукописных материалах Архива Географического общества, относящихся к середине XIX в.

14 *Земляницкий Т.А.* Указ. соч. С. 12.

15 Мелкая кустарная промышленность Казанской губернии. Казань, 1911. С. 144.

16 Там же.

17 Материалы этнографической экспедиции КГУ 1957 г. Правобережный отряд.

18 Материалы этнографической экспедиции КГУ. 1954 г.

19 *Земляницкий Т.А.* Указ. соч. С. 15.
20 Рукописи по Казанской губернии. Материалы этнографических экспедиций.
21 *Бусыгин Е.П., Зорин Н.В.* Материальная культура русского населения Чувашской АССР. Чебоксары, 1960. С. 152.
22 *Земляницкий Т.А.* Указ. соч. С. 8.
23 Из присурских районов (Алатырский у. Симбирской губернии) нами для этнографического музея КГУ приобретено несколько косоклинных сарафанов.
24 Материалы этнографической экспедиции КГУ. 1958 г.
25 Материалы этнографической экспедиции КГУ. 1958 г. Нижне-Волжский отряд.
26 *Земляницкий Т.А.* Указ. соч. С. 13.
27 Инв. № 75-1, 74-4.
28 *Воробьев Н.И., Бусыгин Е.П.* Художественные промыслы в Татарии в прошлом и настоящем. Казань, 1957. С. 28.
29 *Сенгилевский И.* Краткий очерк Закамского края Казанской губернии. Рукопись. АГО. XIV-83. 1850. С. 15.
30 Материалы этнографической экспедиции КГУ. 1956 г.
31 Наличие «чинов» в с. Свиногорье отмечено участниками лингвистической экспедиции КГУ и КФАН СССР в 1947 г.
32 *Маслова Г.С.* Указ. соч. С. 650.
33 Инв. № 20-1.
34 *Маслова Г.С.* Указ. соч. С. 707.
35 В южных частях Самарской губернии «бедуим» нередко называли «широкоспинкой».
36 *Руденко С.И.* Башкиры. М.; Л., 1955. С. 175.
37 Материалы этнографической экспедиции КГУ. 1956 г. Левобережный отряд.
38 Там же.
39 *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М, 1955. С. 419.
40 *Земляницкий Т.А.* Указ. соч. С. 8.
41 Там же. С. 13.
42 *Маслова Г.С.* Указ. соч. С. 650.
43 *Бусыгин Е.П., Зорин Н.В.* Русское население Чувашской АССР. Материальная культура. Чебоксары, 1960. С. 155.
44 Казанские губернские ведомости. 1853 г. № 37.
45 *Сенгилевский И.* Указ. соч. С. 18.
46 Инв. № 831-50.
47 Инв. № 831057, 831-58.
48 Материалы этнографической экспедиции КГУ. 1956 г.
49 *Земляницкий Т.А.* Указ. соч. С. 15.
50 *Маслова Г.С.* Указ. соч. С. 679.
51 Инв. № 6867.
52 Инв. № 200-12.
53 Казанские губернские ведомости. 1853 г. № 37.
54 *Маслова Г.С.* Указ. соч. С. 679.

55 *Бусыгин Е.П., Зорин Н.В.* Русские коллекции в этнографическом музее КГУ // Советская этнография. № 5. 1956. Рис. 56. С. 111.

56 *Зеленин Д.К.* Описание рукописей ученого архива РГО. Пг., 1915. С. 561.

57 Советская этнография. № 2. 1936. С. 46.

58 *Евлантьев К.Г.* Краткое описание Тетюшского уезда. РГО. XIV. № 17. Рукопись. 1859 год. С. 15.

59 Государственный музей этнографии народов СССР. Ленинград. Архив Тенишева. 1899 г. Д. 458.

60 Нередко «носик» называли «скворешником».

61 *Маслова Г.С.* Указ. соч. С. 719.

62 Материалы этнографической экспедиции КГУ. 1956 г.

63 *Земляницкий Т.А.* Указ. соч. С. 15.

64 *Воробьев Н.И., Бусыгин Е.П.* Указ. соч. С. 17–22.

65 *Данилин А.Г.* Крестьянская одежда района Богословщины Рязанской губернии. Рязань, 1927. С. 16.

66 *Гринкова Н.П.* Однодворческая одежда Коротоякского уезда Воронежской губернии // Известия Ленинградского педагогического института. Вып. 1. 1928. С. 16.

67 *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму Рязанской губернии. Рязань, 1929. С. 23.

68 Инв. № 200-1.

69 *Косолапов В.Н.* Указ. соч. Вып. VI. С. 21.

70 *Маслова Г.С.* Указ. соч. С. 751.

ГЛАВА VI

ПРИУРАЛЬЕ
XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА

Перемещения славянского населения на Урал начинались в XIII в. Но активное заселение русскими пошло после вхождения верхнекамских земель в состав Русского государства в 1472 г. Событие это явилось началом важнейшего этапа в расширении русской этнической общности на восток. Еще более интенсивным стало освоение русскими камских земель с 1558 г., когда по жалованной грамоте Ивана IV образовалась вотчина Строгановых. Уральские земли активно заселялись выходцами из Северо-Двинского бассейна и Заонежья. Поход Ермака в Сибирь в 1581 г. ознаменовал новый этап заселения русскими Урала в восточной его части.

Характерной особенностью заселения русскими Урала явилось их постепенное переселение из северных территорий в южные. Освоение новых земель сопровождалось естественной ассимиляцией местного населения и его внутренними миграциями. Русские новопоселенцы приходили на Урал исключительно в потоке стихийного переселения, сначала из районов Европейского Севера, а затем из Вятской земли и Среднего Поволжья. Поэтому этнические традиции хозяйства, культуры, быта и языка сложились на Урале под сильным влиянием двух историко-культурных территорий — северно-русской и среднерусской.

Наиболее активно заселение Урала велось в XVI — начале XVIII в. Рано и достаточно быстро русские заселили Северное Прикамье — Чердынский,

Соликамский уу., вотчину Строгановых, а с середины XVII в. — Кунгурский у. в Приуралье и Верхотурский в Зауралье. Южные земли Среднего Урала осваивались значительно слабее из-за противодействия со стороны башкир, калмыков, казахов. Основной этап русского расселения на Урале завершился к середине XVIII в. В дальнейшем новые территории осваивались за счет внутренних миграций и естественного прироста населения. Кроме того, горнозаводские хозяйства пополнялись частновладельческим населением из среднерусских губерний.

В данной главе будет обращено внимание на этнические аспекты одежды, поскольку они дают возможность глубже увидеть особенности этнокультурного развития русских крестьян Среднего Урала. Достоверные выводы могут быть сделаны на основе выявления типов, ареалов и времени бытования одежды.

Изучить одежду при отсутствии подлинных ее образцов и их изображения достаточно сложно. Для нас основным источником по раннему периоду явились документы, в подавляющем большинстве официальные, составленные по случаю уничтожения одежды от краж, пожаров, при оформлении завещаний и договоров о купле и продаже, а также при сборе приданого. Однако в этих материалах чаще всего приводятся лишь названия тканей и предметов костюма и отсутствуют их описание, указание социальной принадлежности владельцев, также допускается разнобой в терминологии, и порой невозможно определить, к какой одежде относится то или иное название.

Наиболее полные сведения об одежде русских крестьян Урала сообщили корреспонденты Русского Географического общества в 1840–50-е гг. Они характеризуют костюм первой половины XIX в. Последующий период, по начало XX в., освещают материалы, полученные автором в ходе многолетних полевых исследований.

ТРАДИЦИОННАЯ ОДЕЖДА

Материал одежды и обуви. Письменные источники XVII в. уделяют достаточно много внимания одежде русских крестьян. Данные их разнообразны и во многом уникальны, но не дают возможности судить о таком важном показателе типологизации одежды, как ее покрой. Крестьяне широко использовали ткани из растительных волокон льна, конопли и шерсти, изготовленные в домашних условиях. Как свидетельствуют дела о краже имущества, у крестьян принято было измерять ткани «концами»: «...а в тех коробьях 20 концов холстов конопляных и льняных» (Невьянская слобода Верхотурского у., 1696 г.)[1].

Обработка льна, конопли, шерсти выполнялась приемами, известными населению Европейского Севера и Сибири. При этом сохранялась идентичность орудий труда и их терминологии[2]. Прядение производилось с помощью веретена и прялки (корневой и составной), которую на Среднем Урале называли по-севернорусски пресницей, прясницей или прешницей[3]. Для изготовления ткани употребляли ткацкий станок — кросна, основу которого составляла брусчатая рама на ножках с пришвицей спереди (вал, на который по мере выработки наматывался холст) и двумя задними стояками с навоем (вал, на который наматывались нитки для основы ткани) и два понебника, к которым подвешивались ниченицы и набелки с бердом. У ранних станков-кросен стояки и понебники вырезались из ствола дерева и корневища, а у поздних — делались составными. На севере Чердынского у. бытовал более архаичный ткацкий станок — из двух колов, прибитых к полу, или коротких клюшек-загибов, вырезанных из копани и прибитых к лавке. Колы или клюшки удерживали пришвицу-вал. Противоположный конец основы, собранный в косу, надевался на третий кол, прибитый всегда к полу. Набелки с бердом в свободном положении удерживались в основе, а ниченицы на блоках-векошках подвешивались к потолку. Исследователи склонны считать такой станок самым древнейшим во времена Киевской Руси[4]. Его использование ни в ранний, ни в поздний период в других районах Среднего Урала нами не установлено. Прядением и ткачеством русские крестьяне занимались в основном для обеспечения потребностей своей семьи. Поэтому при характеристике занятий крестьян в «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию 1820-х гг. встречается постоянно одна и та же фраза: «Главный промысел крестьян состоит в хлебопашестве и скотоводстве, а женщины сверх полевых работ занимаются домашним рукоделием, прядут лен, посконь, шерсть, ткут холсты и сукна для себя и частично на продажу, зажиток их посредственный» (д. Сим Соликамского у.)[5].

В описаниях источников XVII в. определено качество пряжи и тканей. Материалом для одежды служили *холст*, *сукно* и *полусукно*. Лучшие сорта льна и конопли назывались волоконными, средние — пачесными (*пачесь*), грубые — изгребными. Для обозначения качества материала пользовались и такими выражениями: холст средней руки (с. Лялинское Верхотурского у., 1777 г.)[6], «тонкий холст, холст толстый рядной» (Верх-Язьвинская вол. Соликамского у., 1811 г.)[7]. Бытовали еще понятия *хрящ* и *портно*. Первое обозначало грубый холст, а второе — холст средних и лучших сортов. В крестьянском хозяйстве, как указывают документы, обязательно был полный набор возможных сортов холста: льняной, пачесный, изгребный, отрепный, крашеный (Юрлинская вол. Чердынского у., 1826 г.)[8].

Самое широкое распространение имели однотонные белые и серые холсты, узорные в клетку и полоску пестряди. Вытканный серый холст подвергался обработке. Его вымачивали, мяли деревянными пестами и, чтобы он стал белым, парили в растворе золы в русской печи. Крестьяне старожильческих районов Приуралья и верховьев р. Туры на протяжении длительного периода предпочитали пестряди красной, желтой, зеленой, оранжевой, синей расцветки. По сведениям Н.С. Попова, среднеуральские крестьяне в начале XIX в. повсеместно пользовались природными красителями[9]. Корреспондент Русского Географического общества из с. Песчанского Шадринского у. И. Сминов писал в 1848 г.: «Женщины... красят шерсть и пряжу большей частью сами — мареной, сандалом, березовой корой, зеленикой и др.»[10]. От отвара коры ольхи, березы, ивы пряжа получала красный, зеленый, оранжевый, коричневый цвета, от настоя травы зеленицы — зеленый, от отвара ольхи и настоя железного предмета — черный[11].

Пряжу длительное время держали в настое и обязательно парили в русской печи. Холст, вытканный из крашеной однотонной пряжи, назывался *крашениной*, а холст в клетку — *пестрядью*, в полоску — *кежью* (или *кежей*). Холст с узорами, нанесенными резными деревянными досками, именовался набивным (набойкой) или выбойчатым (выбойкой). Среди профессий местных ремесленников в XVII в. были красильщики, работавшие по заказам населения своей округи. В первой половине XIX в. в крупных селах и слободах Среднего Урала действовали синильные заведения, где ткани окрашивали кубовой, сандальной краской. Состоятельные крестьяне отдавали в них холст и сукно для окраски и набойки. Из набивных тканей шилась праздничная одежда. Бывали случаи, когда один и тот же предмет одежды был приготовлен из пряжи, окрашенной фабричными и домашними растительными красителями. Например, корреспондент Русского Географического общества А.Н. Зырянов видел в 1850-е гг. в праздничном наряде девочек Петропавловской вол. Шадринского у. пояса-*покромки* из домашнего сукна, окрашенного в пряже (в «жичках») в разные цвета сандальные и травные[12].

Ручное узорное ткачество, набойка и выбойка на Среднем Урале относятся к кругу характерного украшения тканей на Русском Севере[13]. В тканях обоих регионов присутствовали яркое равномерное заполнение фона, строгая симметричность рисунка, сочетание красного, белого, зеленого, синего цвета[14]. Одежда, сшитая из таких тканей, вносила в жизнь крестьянина эмоциональность.

Как на Европейском Севере, так и на Среднем Урале крестьяне занимались браным ткачеством. Рисунок получался рельефным, поскольку уток из цветных нитей пропускался в той части основы,

где должен быть узор. Об этом очевидец из с. Песчанского Шадринского у. в 1848 г. писал: «Женщины ткут браные полотна для скатертей, салфеток и себе на рукава (название верхней части женской рубахи. — *Г. Ч.*)»[15].

Русские крестьяне широко использовали и шерстяные ткани. Некрашеное полотно на конопляной основе называлось *сермягой*. Из него шили зипуны — дорожную верхнюю одежду, в описаниях XVII в. они назывались сермяжными. Впоследствии это название в ряде мест Среднего Урала закрепилось за всей верхней дорожной одеждой, сшитой даже из фабричных тканей. Сукно могло быть изготовлено целиком из шерстяной пряжи или на льняной основе. В документах XVII в. оно именовалось *пониточным* и *пониченным*, а одежда, сшитая из него, — *понитком*. Эти названия сохранялись и в XX в. Технология производства сукна и полусукна на Среднем Урале была такой же, как и в районах Европейской России. Сотканные шерстяные и полушерстяные ткани подвергались дополнительной обработке. Их замачивали в кипятке и парили в русской печи, затем мяли до тех пор, пока они не становились мягкими и ровными, так как шерсть затягивала холщовую основу. По словам учителя А.И. Устинова, собиравшего материалы для Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки в с. Юрла Чердынского у. в 1886 г., «сукно это приобретает настоящий вид после валяния, по местному выражению — топтания, которое производится особыми мастерами с помощью ног в корыте. Употребляется оно на зипуны, онучи, скуты, на опушни к лаптям для зимнего времени»[16].

Зимние шубы и полушубки, тулупы, шапки-ушанки шили из овчин домашней выработки. В севернорусских говорах *овчиной* называли как овечью шкуру, так и одежду из нее. Использовали также мех белки, куницы, соболя, лисицы, бобра. Из шкур домашних животных — коров, быков, телят, козлов, лошадей — и диких животных — лосей, оленей — изготовляли сыромятные и дубленые кожи для обуви, рукавиц, ремней. На Среднем Урале долго применялся архаический способ обработки шкур с помощью хлебной (овсяной) закваски и дубителя из ивы.

Кроме материалов домашнего изготовления некоторые крестьяне покупали привозные и даже импортные ткани и украшения. В документах XVII — первой половины XIX в. встречается много фактов их распространения. По таможенным книгам XVII — начала XVIII в. видно, что на рынки Среднего Урала поступали перевозимые через Великий Устюг, Сольвычегодск, Соликамск, Верхотурье, Кунгур, Ирбит ткани шелковые — атлас, тафта, камка, шерстяные — амбурское (гамбургское) сукно, мухояр, летчины, хлопчатобумажные — кумач, зеньдень, киндяк, а также

кожи и украшения[17]. Торговцы Вятской земли поставляли в Соликамск местную пестрядь, пониточное и сермяжное сукно[18]. Большим спросом у состоятельных крестьян пользовались ситец, сатин, сукно, китайка, кумач, гарус, грезет, миткаль, батист, которые поступали с крупнейших российских ярмарок — Ирбитской и Макарьевской[19].

Актовые материалы XVII — начала XVIII в. показывают, что привозные ткани и одежду из них имели в основном крестьяне, проживавшие возле городов, слобод и острожков. Так, крестьянин И. Проскуряков Кунгурского у. в 1688 г. продавал ткани не только местного изготовления, но и кумач, шелк разного цвета, китайку, гарус[20].

Документы конца XVIII — первой половины XIX в. все чаще свидетельствуют о приобретении крестьянами фабричной пряжи, из которой они изготавливали ткани для праздничной одежды и поясов. У крестьян наибольшее распространение получили ткани «уточенные бумагою», т.е. с холщовой основой и купленным хлопчатобумажным утком[21]. В Юрлинской вол. Чердынского у. в середине XIX в. все чаще можно было увидеть одежду из «пестряди волоконной с синими нитками между белыми в основе и с красною бумагой и синими нитками в утке» или из «пестряди волоконной с красной бумагой между белыми нитками в основе и утке»[22].

Помимо одежды, изготовленной в домашних условиях, состоятельные крестьяне носили одежду, сшитую мастерами, проживавшими в городах, слободах, а позднее — и в горнозаводских центрах. В XVIII в., по словам очевидцев, особой популярностью пользовались мастера, которые «лучше умели шить платье, вышивать шелком и золотом, приготовлять кокошники на Невьянском и Нижне-Тагильском заводах, а также в Екатеринбурге, так как эти селения служили образцами моды»[23]. Прибегали и к услугам «бродячих мастеров». Так, в Верхотурском у., по материалам приказной избы, «Васка Субботин... в нынешнем 1695 году в осени был в Арамашевской слободе и ходил по деревням для шитья всякого крестьянского платья»[24].

Некоторые источники дают повод считать, что русские крестьяне Урала наряду с собственными и покупными материалами пользовались материалами и изделиями других народов.

В 1698 г. пашенный крестьянин Любимко Трофимов привез вещи из Поморья и был ограблен. Он писал об этом: «В прошлых годах... волокся я сирота... из русских поморских городов для хлебной скудости Верхотурского уезду в выше писанную Арамашевскую слободу с семьею своею... И будучи я сирота... в Чусовской слободе... прикащик... меня сироту... насильством своим ограбил, а грабежом он... взял у меня... женской суконной сарафан да кумашник (сарафан из кумача. — *Г. Ч.*), серьги серебряные позолоченые... десять аршин сукна сермяжного... пятнадцать рубашек мужских и женских тонких, четверы портки суконные

сукна сермяжного, пятеры портки холщовы, двести аршин холсту тонково, сумка нерпичья, зипун белой сермяжной, шесть платков шитых воклоняных... двои чулки сермяжные, пояс шелковой, кафтан шубной новой, четыре кокошника женских, два золотых, кумашные, треух женской песцовой, верх зеленой киндяшной»[25].

Среди имущества крестьянки М.И. Тулянкиной, предназначенного для продажи, опись называет: «тулуп, мех под оным мерлушатой черной, крытой вишневой китайкой, тулуп суконной синей под кои мех овчинной, женская шубка крыта вишневой китайкой, а мех мерлушатой белой, таковая же пушеная котиком, полушубков крытых китайкой и дабой, кафтанов — суконной темно-зеленой, вишневой китайчатой, полукафтанье суконное малиновое, сарафан гарнитуровой двоелишневой с золотыми сетками вокруг, китаешных разных цветов с шелковыми кружевами, пять разных кокошников матерьев и бархатных с позументами, бархатной шитой золотом очелье низаное жемчюгом китайским... рубашек женских — тафтяная, фанзовая, кисейная, китайчатая белая, бахтовая, белых холщовых и выбойчатых... лент девичьих — одна бархатная, одна шитая золотом, лопаски штофные; фат шелковых, тальянской... поясьев шелковых; чебак женской верх бархатной, пушен куницей... пестряди портошной, в основе с красной бумагой, уток синей рядной — 20 аршин; рядной синей одноутошной — 20 аршин; кафтан кожаной дорожной...»[26]. В описи названы преимущественно дорогие ткани и предметы, которые, судя по разным другим источникам, приобретались в основном состоятельными крестьянами.

Нательная мужская и женская одежда. В ранний период истории Среднего Урала нательной одеждой были туникообразные рубахи, у мужчин — длиной почти до колен, у женщин — до ступней. С конца XVIII в. допускалось ношение рубах намного короче и с измененным покроем. Старообрядцы Осинского, Оханского, Чердынского уу. повседневно носили рубахи туникообразного покроя еще на рубеже XIX–XX вв. и обязательно включали их в состав «смертного» комплекса[27]. Основу таких рубах составляло перегнутое по утку цельное полотнище с вырезом на месте сгиба для воротника. Сверху к нему под прямыми линиями пришивались рукава, а по бокам — дополнительные полосы холста. Обшивка шейного выреза образовывала стоячий воротник. Мужские рубахи отличались местом разреза ворота и застежкой на левой стороне. В описаниях середины XIX в. они названы *косоворотками*.

Было принято шить их из пестряди в мелкую клетку. У состоятельных крестьян, судя по документам, праздничными считались рубахи *сатинетовые* (из сатина), *атласные* (из атласа), *кашемировые* (из кашемира)[28], которые отличались кроем от туникообразных. Их шили

Семейная пара, начало XX в.,
пос. Очерского металлургического завода.
(Из собрания Очерского краеведческого музея Пермского края.
Фотокопия Г.Н. Чагина.)

обычно с разрезом на середине груди и снизу подшивали для прочности ткань в форме кокетки, которая называлась *подоплечьем, подоплекой*, позднее — *подкладом*[29]. Боковые полосы дополняли раскошенными книзу клиньями, рукава кроили зауженными и с обшлагами. Подпоясывали рубахи узким поясом — *тельником*, завязываемым на левом боку.

Традиционные мужские штаны — *порты* — шили из кежевого холста в мелкую полоску. Их крой был у среднеуральских крестьян таким же, как у большинства русских крестьян. Зауженные книзу штанины соединялись вверху косыми вставками. В начале XX в. состоятельные мужчины вместо домотканых портов стали носить штаны без соединительной вставки. Новый крой был заимствован от городских портных.

Женские рубахи повсеместно называли *становинами*. С начала XVIII в. рубахи туникообразного покроя все чаще заменялись сшитыми из двух частей: *рукавов* (верхняя часть) и *стана* (нижняя часть). На рукава шли белый холст и пестрядь из качественной льняной пряжи, а на стан — холст только белого или серого цвета и не всегда лучших сортов. Во второй половине XVIII в. рукава стали шить из покупных фабричных тканей — сатина, ситца, кумача, коленкора, миткаля. По сведениям очевидцев, корреспондентов Русского географического общества, русские женщины в первой половине XIX в. носили рубахи с рукавами «из чистого белого холста или из какой-нибудь цветной материи, в особенности из кумача» (с. Большие Ключи Красноуфимского у., 1848 г.)[30]; «из миткаля, ситцу или простой пестряди» (с. Покровское Ирбитского у., 1849 г.)[31], а также рубахи, у которых «становина шилась из холста белого и рукава (их было видно) из синего самодельного, иногда пестрого, а праздничные — из ситца, кумача, полотна и т.п., при концах рукава с кружевами» (с. Серегово Чердынского у., 1865–1880 гг.)[32].

Письменные сведения первой половины XIX в. и рубахи, сохранившиеся в музейных собраниях и у старообрядческого населения, позволяют сделать вывод о том, что крестьянки Среднего Урала знали все виды бесполиковых и поликовых рубах, широко известных русскому населению. Для прочности под верхнюю часть рубах пришивали подставку, которую называли еще *перелинкой*. Как новый вид одежды появились рубахи со сборенными рукавами.

Цельнокроеные бесполиковые женские рубахи, шившиеся без плечевого шва, перестали носить уже в XVIII в. Позднее они оставались только у некоторых старообрядцев как часть «смертного» (погребального) комплекса.

Рубахи с прямыми плечевыми вставками-поликами, пришитыми по утку и по основе (ранний вариант), дольше сохранялись в среде крестьян-старожилов в Кунгурском, Соликамском, Чердынском, северной части Верхотурского у. Под рукава вшивались квадратные ластовицы. Стан рубах этого вида состоял из четырех полотнищ — переднего, заднего и двух боковых. Рукава пришивали по прямой линии. Они имели чаще всего скошенную форму и обшивку у запястья. Ворот обшивали узкой тканью. Эти рубахи до сих пор носят соборные старообрядцы-поморцы Верхокамья (бывший Оханский и Глазовский уу.)[33]. Рубахи с косыми вставками-поликами на плечах и на кокетке явились поздним вариантом. Они отличались тем, что рукава имели сборки у ворота и запястья. На Среднем Урале такие рубахи в первой половине XIX в. носили в основном крестьяне, чья жизнь была тесно связана с торгово-ремесленной деятельностью (Екатеринбургский, Кунгурский, Пермский уу.). На рубахах состоятельных крестьян полики украшались затканными узорами, вышивкой, а у бедных — вставными тканями, отличавшимися по цвету от материала самих рукавов. На эту особенность, например, еще в 1645 г. обращал внимание крестьянин Белослудской слободы Верхотурского у., у которого «из коробки была украдена рубаха женская полотняная... шелкова, а... клин у той рубахи на плечах из холста»[34].

Русские крестьянки исследуемой территории поверх рубахи-*становины* надевали сарафан. Комплекс одежды с сарафаном, характерный для северно-среднерусского населения, преобладал в женском традиционном костюме до конца XIX в. Этнографы считают, что комплекс с сарафаном на Среднем Урале появился с момента переселения русских крестьян в XV–XVI вв., так как он упоминается среди вещей, принесенных из Поморья[35]. Имеются многочисленные документальные источники, по которым можно судить о материале, покрое, расцветке, украшениях и среде бытования сарафанов. Документы XVII — начала XVIII в. приводят такие названия сарафанов: *дубас красный, синий, сарафан кумашный, крашенинный, китайный (китайчатый), ситцевый, нанковый, зенденой, киндяшный,*

тафтяной, дорогильный. В ряде письменных источников сарафан называется *верхницей* (холщовый, крашеный и др.).

Старообрядцы Среднего Урала продолжают называть *дубасом* сарафаны двух старых видов, которые бытуют в наши дни. В Верхокамье соборные старообрядцы (члены общины-собора) носят косоклинные дубасы однотонного синего или черного цвета, с лямками-проймами, из трех цельных полотнищ с боковыми клиньями. Два передних полотнища сшивались так, что шов приходился на середину. Заднее полотнище выкраивалось по-старинному: сверху с большим фигурным выступом-*лапочкой*, к которой пришивались лямки-проймы. Верх дубаса и края лямок иногда обшивались красным материалом. Верхний край спинки собирался складками-*пластиками*.

Дубас более древнего, туникообразного, покроя бытовал у старообрядцев Верхокамья и под г. Лысьвой (бывший Пермский у.). Длинное холщовое полотнище перегибали пополам с вырезом для головы и рук, к нему пришивали боковые вставки-клинья.

Дубас такого покроя из фабричного материала часовенные старообрядцы, живущие возле г. Лысьвы, надевают только на моление, а старообрядцы-поморцы Верхокамья включают его в состав «смертной» (погребальной) одежды[36]. Упоминание о глухом дубасе, т.е. туникообразного покроя, встречаем в челобитной крестьянина Чердынского у. 1645 г.[37]. Как показывают приведенные примеры, название *дубас* дольше удерживалось за сарафаном туникообразного и косоклинного покроя, с архаическими деталями — широкими лапочками для пришивания лямок-пройм, пластиками по талии, а также сшитыми из однотонного материала.

С большой вероятностью можно допустить, что ношение обоих видов дубаса — глухого и косоклинного — в период заселения и освоения русскими Среднего Урала было явлением обыденным. На это обращает внимание ответ А. Лепоринского в 1849 г. на вопрос анкеты Русского Географического общества: «Женщин и девиц праздничный наряд состоит из шелкового, ситцевого или китайного сарафана с клиньями, ибо круглый почитают носить за грех» (с. Черновское Оханского у.)[38]. Иными словами, косоклинному, а не новому круглому сарафану отдавалось предпочтение как праздничному, и шили его из дорогих материалов.

Круглые сарафаны входили в употребление во многих уездах Пермской губ. с начала XIX в. Сарафан шили из 6-8 полос материи. На спинке полосы собирались в сборку, а спереди укладывались пластиками. На задней полосе сверху выступала маленькая лапочка для закрепления узких лямок-пройм. Будничный круглый сарафан шили из домотканого холста, а праздничный — из набивного, а в местах, приближенных к городским и горнозаводским центрам, — исключительно из покупных и чаще всего из дорогих материалов. Допускалось варьи-

рование украшений круглых сарафанов. По сведениям корреспондентов Русского Географического общества, в первой половине XIX в. в одних и тех же местах Среднего Урала круглые сарафаны служили праздничной одеждой, а косоклинные — будничной. Так, в с. Спасбардинском Кунгурского у., по наблюдению И. Бердникова в 1848 г., «женщины в праздники носили шелковые, ситцовые и китайные сарафаны обложенные через плечи и около ворота позументом... а в домах своих и в теплую погоду по селению ходят в простое время в рубашках с синими из толстого холста рукавами и в таком же дубасе с поясом из русских шерстей»[39]. Из этого же описания видно, что круглый сарафан надевался на рубаху, сшитую из покупных фабричных тканей, а косоклинный — на рубаху из домотканых. Об этом же сообщал в 1850 г. В. Прибылев из Камышловского у.: женщины ходили в гости в «шелковых сарафанах, кисейных белых рубашках... а дома в простую пору ходят очень просто: пестрая или белая рубашка, синего холста дубас или верхница называемая»[40]. Богатые крестьяне украшали сарафаны парчовыми, атласными лентами, на шов спереди пришивали серебряные пуговицы[41]. Непременной принадлежностью сарафанов являлись пояса, повязываемые на талии.

У состоятельных крестьян комплекс с сарафаном дополняла нагрудная одежда: *шугаи, душегреи* (душегрейки). По покрою шугаи напоминали кофту. В письменных источниках они описываются «короткими», «с холщовой синею подкладкою, с шелковою опояскою» (с. Ляминское Верхотурского у., 1849 г.; Кунгурский у., 1858 г.)[42]. Душегреи, также короткие, не имели рукавов, на плечах держались на лямках и спереди оставались распашными. Их шили из дорогих тканей, изнутри нередко стежили, отделывали мехом и даже расшивали золотом. Подобная душегрея из д. Попово (Останино) Соликамского у. сохранилась в собрании Соликамского краеведческого музея[43]. Однако, описывая одежду русских крестьян Пермской губ., Н.С. Попов в 1804 г. счел необходимым отметить, что «в немногих местах носят душегрейки, шугаи»[44].

С конца XVIII в. в одежде крестьян появилась юбка. Первое упоминание о ней нам встретилось в характеристике быта жителей с. Ляминского Верхотурского у. за 1777 г.: «...у них юпки китайные, из оных одна синяя, другая алая»[45]. Юбку надевали поверх рубахи-становины и обязательно, как часто сообщают корреспонденты Русского Географического общества, с кофтой-шугаем[46]. По письменным источникам первой половины XIX в. можно установить, что новый комплекс одежды, названный позднее крестьянами *парочкой*, сначала распространился вблизи городских и заводских центров культуры, а позднее — в тех сельских районах, где ремесленно-торговая деятельность крестьян являлась преобладающей. Первыми стали носить юбки зажиточные крестьянки,

Семья священника Оханского уезда Пермской губ., начало XX в.
(Из собрания Очерского краеведческого музея. Фотокопия Г.Н. Чагина.)

причем из дорогих тканей. Как показали поздние материалы, парочки стали распространяться с 1870-х гг.[47]. Крестьяне чаще всего шили юбки из клетчатого льняного материала и полосатого шерстяного. Первые назывались юбками-*тканками*, а вторые — юбками-*сукманками*. Подол и оборки праздничных домотканых юбок обшивали цветными лентами. Носили юбки на плетеном пояске-*гаснике*.

Аналогичный покрой был распространен в Северодвинском бассейне (Архангельская, Вологодская губ.), откуда их могли занести в Прикамье первые русские переселенцы. Существование таких юбок зафиксировано еще и в южных лесостепных уездах Западной Сибири, заселенных также севернорусскими крестьянами, то есть ареал их бытования совпадает с территорией старожильческого русского заселения.

Женский костюм дополнялся передником, будничным или праздничным, который называли *запоном*. Будничные и праздничные запоны-передники различались по материалу, первые шили из холста, а вторые — из фабричной ткани. Кроме того, различия проявлялись в покрое и отделке. Будничные запоны делали из цельных или сшивных домотканых холстин, присборенных на пояске. Этнографы считают их старой формой[48]. В праздничный костюм включали запоны

с нагрудником (с. Большие Ключи Красноуфимского у., 1849 г.)[49]. По подолу праздничные запоны-передники украшались лентами, кружевами, тканными узорами. Оба вида запонов-передников являлись популярными у русского населения Европейской России и Сибири.

Нательную мужскую и женскую одежду обязательно подпоясывали не только из практических соображений, но и в силу сакрального свойства поясов. Среднеуральские крестьяне знали разные виды поясов. Узкие пояса, которые плели на руках, назывались тельниками. Их носили преимущественно мужчины поверх рубах. Пояса с геометрическим орнаментом ткали на маленьких *ниченках* и на квадратных *дощечках-тапках*. На ниченках («на ниту») орнамент по поверхности пояса получался рельефным, а на тапках — гладким. Пояса, изготовленные на ниту, именовались *покромками*. Они считались женскими для подпоясывания сарафанов. На тапках ткали так называемые выкладные (с крупным узором в виде ромбов, треугольников) и именные (со словами-пожеланиями) пояса. Техника изготовления, названия и функции поясов были известны всему севернорусскому населению.

В некоторых случаях при выполнении хозяйственных работ мужчины подпоясывались кожаными ремнями, на которые с левой стороны вешали небольшую сумку с огнивом (кремнистые гальки), железное кольцо и трут для высекания огня. Рядом с огнивом прикреплялся нож[50].

Верхняя мужская и женская одежда. На Среднем Урале преобладала известная в Европейской России и в Сибири распашная одежда. Многие ее виды были для мужчин и женщин общими, различавшимися только размерами и материалом. В зимнее время носили овчинные *шубы* и *полушубки*, «крытые у зажиточных фабричным сукном или нанкою, а у прочих — синим крестьянским сукном или просто дубленые» (с. Спасбардинское Кунгурского у., 1848 г.)[51]. У состоятельных крестьян к праздничным шубам, крытым чаще зеленой нанкой, китайкой, пришивали «мерлушчатые или белковые воротники»[52]. По разным сведениям, на Среднем Урале чрезвычайным многообразием отличались женские шубы. Очевидцы оставили такие их характеристики. В д. Шубинцы Кунгурского у. в 1720 г. «носили шубы крытые крашениной и бобром пушенные»[53]. В с. Серегово Чердынского у., по сведениям 1860-х гг., «женщины носили меховые шубы, крытые синим холстом или базарной материей, с узким меховым воротником, часто лисьим, с борами сзади... при поездке в гости, в деревни, в Чердынь надевали широкие шубы наподобие ротонды, но только с рукавами, с широким воротником, с беличьими хвостиками, крытые базарной материей»[54].

Многие подробности покроя и отделки шуб находим в этнографическом описании с. Верхне-Чусовские Городки за 1848 г.: «В зимнее

время в простые дни одежду составляет короткая до колен шубейка на белом овечьем меху, крытая по большей части черным плисом с большим *крагеном* — воротником из белок и широкою выпушкою из тех же белок кругом рукавов, полах и подолу. В праздничное время шубейка заменяется эпанчею на бельем или лисьем меху, а иногда и ватошною крытою парчою или шелковою материей с собольем крагеном — воротником, так же с широкою выпушкою по краям из того же соболя, юбки и кофты тогда бывают из хорошего ситцу, а чаще шелковой материи»[55]. Подгородные крестьяне Ирбита, как пишет очевидец в 1849 г., «надевают шубу, покрытую драдедамом или нанкою с беличьим или лисьим воротником»[56].

Повседневной крестьянской одеждой были суконные *понитки* и холщовые *шабуры*. У понитка спинка выкраивалась из цельного полотнища приталенной. К ней пришивали две полы и воротник-стойку, а ниже талии между спинкой и полами вшивались клинья. На спинке и груди пониток имел холщовую подкладку. Понитки, крытые синим или серым холстом, назывались повсеместно *гуней*, а в Красноуфимском и Пермском у. — *тяжелко*[57]. Гуни и тяжелки являлись рабочей одеждой. Если пониток покрывали фабричными тканями, то его надевали по праздникам.

Холщовые шабуры шили с отрезной талией, нижнее полотнище собирали в глубокие складки-*пластики*, а в позднее — в *борки* (сосбаривали). Воротник имел форму стойки. Дольше всего шабуры носили старообрядцы. В качестве повседневной, а чаще — моленной одежды они бытуют и в наши дни, причем у соборных старообрядцев Верхокамья (бывшие Оханский и Глазовский уу.) они сохранили старый покрой[58].

У крестьян Среднего Урала шабур трансформировался в некоторые другие типы верхней одежды, имевшие разные названия. В старообрядческой среде долго носили *сибирки*, имевшие в отличие от шабура лацканы, пышные борки по талии. Состоятельные крестьяне шили их из тонкого сукна (Оханский у.). В Южном Прикамье и Зауралье одежду типа сибирки называли *азям* и *армяк* (Камышловский и Оханский уу.)[59]. Сибирки в наши дни донашивают старообрядцы-поморцы Верхокамья[60]. *Чекмень* выделялся более приталенной формой, отложным воротником, его шили из фабричного, а менее состоятельные люди — из «синего крестьянского сукна» (Кунгурский у., 1848 г.)[61]. В южных местах Среднего Урала повседневно носили халаты «нанковые», «китайные», «с широким воротником», в с. Покровском Ирбитского у. некоторые крестьяне кроме халатов имели кафтаны (1849 г.)[62]. В с. Частинском Оханского у. корреспондент Русского Географического общества увидел женский холщовый *шушпан*[63], носившийся в районах Русского Севера как распашная одежда туникообразного покроя.

Рыболовная артель на р. Колве. (Из кн.: *Charles Rabot.* À Travers la Russie Boréale. Paris. 1894).

Распространенной мужской верхней одеждой длительное время являлись *зипуны*. О покрое и назначении зипунов более точную информацию сообщает в 1849 г. корреспондент Русского Географического общества В.Ф. Бурдин из с. Большие Ключи Красноуфимского у.: «...носят синие и серые зипуны (их еще называют чепанами), то же понитки и тяжелки, только покрыты понаряднее»[64]. Зипуны из сермяжного холста и сукна надевали поверх шубы или понитка в дорогу, а в других ходили по праздникам[65].

Исключительно дорожной одеждой были *бешмети, яги, совики*. Бешмети шили из сукна или холста прямого покроя, с воротником и капюшоном (*башлыком*). У населения Среднего Урала бешметь появилась ближе к середине XIX в. в результате заимствований у населения Западной Сибири и Нижнего Прикамья. Ягу шили из конских, собачьих и козлиных шкур мехом наружу, с суконным капюшоном (*кашпою*). Она распространилась также и в Зауралье[66]. В Верхотурском у. были известны яги с высокими воротниками из медвежьих шкур (с. Красная Гора, д. Корчемкина).

Охотники Верхотурского, Соликамского, Чердынского уу. носили длинные совики широкого покроя, с капюшоном, сшитые из оленьих шкур мехом наружу. Их надевали через голову. Некоторые крестьяне знали *малицу* — тоже глухую меховую одежду из шкур оленей, но мехом внутрь. В 1826 г. поношенную малицу имел крестьянин Мошевской вол. Чердынского у.[67]. Совики и малицы крестьяне покупали или выменивали у северных манси.

Одежда охотника с жилетом-*лузаном*. 1983 г. Д. Курья Троице-Печорский район Коми АССР (НАИЭ).

Помимо описанных традиционных видов верхней одежды русские крестьяне Среднего Урала широко использовали при выполнении хозяйственных работ *глухие запоны* и *лузаны*. Запоны надевали поверх понитка, шабура, гуни, тяжелка, когда отправлялись обрабатывать пашню, осваивать подсеку, возить навоз, рубить дрова, убирать урожай, молотить зерно и др. Шили их туникообразными из синего холста. Перегнутое по плечам полотнище спереди оставлялось длиннее заднего. Боковые вставки и рукава с составными клиньями, ластовицы прямоугольной или квадратной формы пришивались по прямым линиям. Ворот овальной формы обшивался холстом. В позднем варианте вместо ластовиц делали разрез.

Надевали запон через голову и при отсутствии застежек подпоясывали широким поясом. Сохранялись запоны даже в 1950-е гг. В ряде уездов — Верхотурском, Кунгурском, Осинском, Чердынском — запон называли *балахоном*. В белых холщовых запонах ездили на городские ярмарки (с. Половодово Соликамского у., 1830 г.)[68].

Лузан был рабочей одеждой на охоте и при рыбной ловле. Его шили из специально сотканного толстого, мягкого, широкого и обязательно поперечно-полосатого сукна (серого или коричневого с белым) длиною ниже пояса. Полотнище перегибали по плечам и в середине вырезали овальное отверстие, через которое лузан надевали, закрывая грудь и спину, а внизу веревочками привязывали к туловищу.

Чтобы придать лузану прочность, в плечах его покрывали кожей или холстом, а снизу пришивался холст, так, что образовывались мешки-карманы, которые использовали во время переходов для хранения шкурок зверей, продуктов, дичи, а также необходимых охотнику принадлежностей. По наблюдению П.Н. Крылова, побывавшего у охотников верховьев Вишеры (Чердынский у.) в 1870-е гг., «в мешки лузанов складывали дичи до 30 штук»[69]. Об универсальности лузана свидетельствуют и другие его детали: кожаные карманы на груди для компаса

(*матки*), железная петля на спине для подвешивания топора. Такой лузан был известен во всей лесной полосе. Охотники и рыбаки используют лузаны до сих пор.

Верхняя одежда стягивалась по талии широкими поясами-*опоясками*. В Кунгурском у., по наблюдению С. Буевского в 1850-х гг., крестьяне «опояску... употребляют по большей части тканую из красных, черных, белых, желтых и синих шерстяных либо из синих, белых, холщовых ниток»[70]. На основании этих данных можно полагать, что у крестьян были пояса из домашней пряжи и покупного гаруса, украшенные полосатым и геометрическим узорами.

Подобные пояса нам известны в большом количестве по позднему периоду. Крестьяне называли их *кушаками*. Опояски-кушаки для верхней одежды ткали на обычных станках-кроснах или при помощи бердечек — прямоугольных деревянных дощечек с прорезями и сквозными отверстиями для нитей основы.

О связи населения Урала и Северо-Двинского бассейна свидетельствуют бытовавшие у русских крестьян Северного Прикамья пояса, которые в документальных источниках названы *красноборскими* (Бондюжская и Мошевская вол. Чердынского у., 1826 г.)[71]. Эти пояса изготовляли в Сольвычегодском у., в г. Красноборске и его округе, и распространяли через ярмарки по всему Европейскому Северу. В XVII — начале XVIII в. в Красноборск доставлялись товары из многих мест Северо-Двинского бассейна и изделия местных промыслов занимали в обороте Красноборской ярмарки ведущее место (95). Основа красноборских поясов делалась из однотонной льняной пряжи, а уток — из цветных льняных и шерстяных ниток. Путем чередования цветных нитей в утке образовывались широкие поперечные полосы. Концы поясов украшали кистями и изображениями людей. Мужские фигуры называли *попы*, *попи*, а женские — *панки*. Аналогичные пояса производились в Велико-Устюжском и Никольском уу. Вологодской губ.[72].

Головные уборы. Мужчины повсеместно носили овчинные шапки, так называемые *малахаи*, с ушами и четырехугольным верхом — *верховищем*, покрытым сукном, нанкой, плисом. С исподней стороны вшивался *подскорь шапошной* (Белоярская слобода Верхотурского у., 1696 г.)[73].

Мужчины пожилого возраста в первой половине XIX в. носили «треухи... из овчин с ушами вниз опущенными по обе стороны и назад» (с. Частинское Оханского у., 1850 г.)[74]. Выражение *треух бобровый* нам впервые встретилось в судном деле Кунгурского у. 1710 г.[75].

В летнее будничное время надевали чрезвычайно устойчивой формы валяные *колпаки*, с цилиндрической или полусферической тульей, поднятыми вверх или откинутыми наружу полями. Верхотурские и чердынские

охотники носили шапки из оленьего меха. В первой половине XIX в. среди молодежи получили распространение заимствованные в городе картузы — *фуражки* из сукна, плиса, с плоским цельным верхом, высоким околышем, а также *шляпы* плисовые, поярковые, с выемкой впереди (*чубак*), сначала привозимые из Вятской земли, а затем и сшитые на месте (Кунгурский у., 1858 г.). Картузы постепенно вытесняли колпаки.

Женские головные уборы имели отчетливо выраженную этническую специфику. Девушкам в отличие от женщин разрешалось ходить в уборах, не закрывавших волос. Они носили налобные повязки, бедные — из льняной пестряди, однотонного холста, а богатые — из шелка, парчи. По письменным источникам и наблюдениям очевидцев, девичьи головные уборы отличались разнообразием. В документах XVII в. налобные повязки чаще всего называются *перевязками* (д. Средняя Мечка Кунгурского у., 1685 г.). Иногда перевязку делали из платка. Например, учитель Кунгурского у. в этнографических заметках 1858 г. писал: «Девки... на головах... носят бумажный платок, а богатые шелковый платок, который повязывают как ленту, оставляя открытою верхнюю часть головы и распустив назади концы платка»[76].

В XVII в. девушки Верхотурского у. часто носили «венцы мишурные и с кистями мишурными». В первой половине XIX в. по праздникам, особенно на хороводы, девушки надевали матерчатые *венки* с лентами или «кисточку из бисера» (с. Покровское Ирбитского у., 1849 г.)[77]. Своей формой перевязки венки и венцы, отмеченные в районах раннего русского заселения на Среднем Урале, оставались близкими круговым девичьим головным уборам, которые были известны во многих районах Русского Севера[78] и в других местностях страны. Венки символизировали молодость, девичество и поэтому служили материальным воплощением *дивьей красоты*.

Женщины заплетали волосы в две косы, укладывали их вокруг темени и надевали уборы, из-под которых никогда не было видно волос. Документальные и вещественные источники показывают, что на Среднем Урале женщины носили почти все известные севернорусскому и южнорусскому населению головные уборы: *полотенце, кокошник, чепец, сороку, убрус, подубрусник, подзатыльник, повойник, шамшуру (шашмуру), волосник, очелок, сборник, моршень, наколку, плат (платок), шаль, подшалок*.

Платы надевали самостоятельно и в составе других головных уборов. В челобитной из д. Средняя Мечка Кунгурского у. за 1686 г. назван «плат шапошной», т.е. платок, которым закрывали головной убор в виде шапочки на макушке. Ранние платы изготовляли из белого однотонного холста, а поздние — из пестряди. Старообрядцы некоторых согласий включали белые платы в состав повседневного, моленного и погребаль-

ного комплексов. В Верхокамье старообрядцы-поморцы до сих пор надевают с дубасом на время моления, а также и на умершего человека не платок, а *платик* прямоугольной формы, напоминавший полотенце. Повязывание платика отличается от способов ношения обычного платка. Полотнищем покрывают голову, концы под подбородком сводят в пучок и завязывают узким пояском. На умершем человеке платик завязывали так называемой светильной ниткой, которую специально готовили из кудели для погребальной одежды. Отличающийся по форме, способу повязывания и использованию платик, по-видимому, являлся одним из вариантов древнего полотенчатого головного убора.

В Кунгурских актах 1688 г. встречается название древнего полотенчатого головного убора — *убруса с подубрусником*[79], которые обвивали голову и спускались на плечи и спину. В этих же актах упомянуты *очелки* (передняя часть) и *подзатыльники* (ленты, закрепленные на затылке под очелками и спускающиеся на спину), которые этнографами признаются частями сложных кичкообразных головных уборов[80]. К сожалению, у нас нет других источников, позволяющих составить представление о распространении древних полотенчатых и кичкообразных головных уборов среди старожильческих русских крестьян Среднего Урала в ранний и поздний период. Имеется лишь заключение В.И. Семевского 1880-х гг. без ссылок на источники, согласно которому крестьянки, переселившиеся с мужьями из Тульской губ. на уральские заводы Демидова, сохранили прежние головные уборы: «...невысокие кички, загибавшиеся впереди и оканчивавшиеся наверху почти острием, по лбу подвязывали шитую золотом сороку, а сзади простой кумашный подзатыльник с узким позументом без кистей. Сверху накидывалась полотняная наметка и укреплялась пришитым к ней шнурком»[81].

По некоторым документам таможенного делопроизводства XVII — начала XVIII в. видно, что часть древних женских головных уборов привозилась из русских городов Европейского Севера и продавалась на Среднем Урале. Согласно наблюдениям корреспондентов Русского Географического общества, в первой половине XIX в. допускалось ношение наряду со сложными традиционными головными уборами разных платков, шалей, полушалков. По праздникам надевали «шелковый или батистовый большой платок назад концами», а в будни — «холщовый платок концами вперед» (с. Покровское Ирбитского у., 1849 г.)[82]. Ближе к городским и заводским центрам носили «бумажный платок, надеваемый на шею, и шелковые косинки, которою увивается голова» (с. Верхне-Чусовские Городки Пермского у., 1848 г.)[83], «в храмовые праздники и воскресные дни в церковь ходили накрывшись ситцевым, с крупным цветным рисунком платком, настолько большим, что были закрыты руки» (с. Серегово Чердынского у., 1865 г.)[84].

В XVII веке русским крестьянам Среднего Урала были хорошо известны *кокошники*. В документах различаются кокошники по способу изготовления: шитые шелком, серебром, золотом — и по материалу: кумашные (кумачные), атласные, красные, золотые, жемчужные, шелковые, белые. Они появились вместе с сарафаном в период первоначального заселения русскими среднеуральских территорий и сохранялись до тех пор, пока существовал сарафанный комплекс.

В Верхотурском и Соликамском уу. новобрачная до рождения первого ребенка носила кокошник с налобной принизкой — полоской холста, украшенной бисером, жемчугом и спускающейся на лоб, т.е. почти что с налобной повязкой, но без лент, опоясывающих голову.

Форма ранних кокошников остается неизвестной, поскольку в источниках не обнаружено их описания. В собраниях Кунгурского, Пермского, Чердынского краеведческих музеев хранится большое число кокошников середины XIX — начала XX в. и несколько образцов XVIII в. Ранние кокошники относятся к типу однорогих. Тыльная часть таких кокошников шилась в виде мягкой шапочки из ярких дорогих тканей, а полукруглый лицевой околыш — очелье — на твердой основе делился на квадраты и сплошь покрывался золотошвейной вышивкой. Возможно, это и есть старинный вид кокошников, так как украшение головных уборов золотым шитьем является давней традицией. К тому же «кокошник золотой» чаще всего называется в документах XVII в. (Верхотурский и Кунгурский уу.)[85].

Поздние кокошники имели более пологий околыш с острыми концами и украшениями из жемчуга, бисера, крученой золотой и серебряной нити, позумента и даже фольги и пуговиц. Тыльная часть закрывалась платком, а лицевая всегда оставалась открытой. Описанный вид кокошников широко бытовал в северных и центральных губерниях России[86]. Появление его на Среднем Урале следует связывать с заселением теми русскими из Европейской России, которые ведут происхождение от выходцев Владимиро-Суздальской земли (так называемый низовский поток колонизации).

На Среднем Урале выделяется устойчивый район бытования однорогих кокошников с заостренным очельем — нижегородского типа. В середине XVIII в. их носили жители заводских поселков Невьянск и Нижний Тагил, а затем и сельские жители округи. Для них характерно широкое с приподнятым верхом очелье, украшенное серебряным и золотым шитьем по сложному рисунку. О мастерицах этого района в середине XIX в. отзывались как о лучших на Среднем Урале. Этот тип кокошника был занесен сюда крестьянами Балахонского у. Нижегородской губ. (села Семеново, Хохлома), которых в XVIII в. переселяли на Урал на постоянное жительство и заводские работы[87].

У старообрядцев Верхокамья архаическим головным убором являлся *рогатый колпачок* с налобным выступом. Из повседневного употреб-

ления он вышел в середине XIX в. и использовался только в свадебном костюме. Его шили в виде мягкой шапочки из однотонного материала. Спереди пришивали рога из куска липы с выступом, обшитые материей. В позднем варианте рога заменили выступом из туго свернутой кудели или лыка. Сзади колпачок стягивали тесьмой. Описанный головной убор следует считать традиционным, поскольку наличие зооморфных мотивов служит показателем его древности.

Широко использовались на Среднем Урале мягкие *повойники*, *сборники*, *чепцы*, сшитые из шелковых тканей в виде шапочки на ситцевой или холщовой подкладке, неоднократно называемые в документах XVII в.[88]. Тыльную часть их украшали пышными растительными узорами, вышитыми золотыми, реже — серебряными нитями. Поэтому в документах им давалась такая характеристика: «Повойник тафтяной по самому верху шит золотом» (с. Лялинское Верхотурского у., 1777 г.)[89]. Сюжеты вышивки на сохранившихся повойниках рубежа XVIII–XIX вв. из Чердынского и Соликамского уу. имеют аналогии с северодвинскими.

Повойники на затылке стягивали в сборки тесьмой, вставленной в подшивку нижнего края. Носили их под платками. Один из способов покрытия таких головных уборов описал очевидец: «На голове повязан по самым бровям бумажный платок с опущенными концами по затылку, который покрывает сверх того повойник или кокошник» (Петропавловская вол. Шадринского у., 1852 г.)[90].

Среднеуральским крестьянам было известно несколько видов *шамшур* (шашмура — второй вариант названия), которые женщины по традиции тоже носили под платком. Основу их составлял твердый верх (на простеганном и клееном холсте с берестой) округлой, квадратной или трапециевидной формы, к которому по окружности пришивалась мягкая красивая ткань (яркая однотонная или цветная) с завязками на затылке. Праздничные шамшуры украшались полосками лент, позументом, золотыми и серебряными вышивками, также схожими с северодвинскими. В некоторых отдаленных местах Среднего Урала шамшуры носили на рубеже XIX–XX вв., их украшали не только вышивками, но и бисером (д. Бахари Чердынского у., 1917 г.)[91].

Более подробные сведения о шамшурах сообщил в Русское Географическое общество из с. Песчанское Шадринского у. И. Смирнов в 1848 г.: «Женщины на голове носят шамшуру, которая имеет верх кругообразный, крытый красным бархатом или полубархатом и вышитый золотою мишурою около 4-х вершков. На голове шамшура привязывается шелковым или бумажным платком, концы которого завязываются на затылке»[92]. Некоторые женщины под шамшуры надевали *волосники* — сплетенные из холщовых ниток полусферические каркасы, обшитые холстом.

К середине XIX в. во многих местах Среднего Урала распространились *моршни*, *наколки*, вытесняя более сложные древние головные уборы. Носили их под платком и преимущественно в составе нового костюма — юбки и кофты. Моршень и наколка обладали одинаковой формой. Моршень шили из ситца, сатина, шелка, бархата без подклада, спереди слегка присборенным, сзади на вздержке. Сшитую из дорогих тканей наколку натягивали на проклеенный холщовый каркас с внутренней обтяжкой из ситца или сатина. По наружной стороне пришивали до 7 цветных лент, кружева, банты.

О стадиальности в развитии головных уборов русских крестьян свидетельствуют наблюдения жителя пригородного с. Серегово Чердынского у. И.К. Бахарева, относящиеся к 1860–80-м гг.: «Замужние женщины носили шамшуры, а в позднейшее время наколки. Все более молодые женщины носили шамшуры, но старухи, которые были налицо в это время, носили кокошники. У меня в д. Юрино была тетка, она носила кокошник. Кокошники носили не вполне старые женщины, лет на десять старше моей матери»[93].

Моршень имел повсеместное распространение у крестьян, а наколка — только у проживавших возле городских и заводских центров культуры. Часто носили наколку в деревнях по нижней Чусовой. Наколку закрывали красивым платком и фатой — светлым тонким платком или кружевной косынкой.

Украшения. Помимо узорного тканья, вышивки, цветных фабричных материалов, лент и бумажных цветов костюм русских крестьян дополнялся стеклянными и металлическими украшениями. Женщины носили разноцветные стеклянные бусы, серебряные и медные цепочки, перстни и кольца. В судном деле крестьянина Бондюжской вол. Чердынского у. за 1686 г. называются старинные серьги — *пелкиши*[94]. «Девичий красный косник» упоминается в челобитной крестьянина Арамашевской слободы Верхотурского у. от 1695 г.[95]. По сведениям 1667 г. в Верхотурском у. в богатых семьях к праздничным сарафанам и шубам пришивались «пуговицы серебряные позолоченные и петли мушурные»[96].

В середине XIX в. девушки Петропавловской вол. Шадринского у. продолжали носить, по словам очевидца, «серьги серебряные со стеклянными вставками в два ряда», которые в прошлом были широко известны крестьянам других уездов. В этнографическом описании с. Большие Ключи Красноуфимского у. за 1849 г. не только приведены названия украшений, но и указаны особенности их ношения: «В праздничное время... на шее носят буски, металличекие цепочки и бархатинки. Первое украшение венчает шею, концы двух последних опускаются, обогнувшись вокруг шеи, под нагрудником запона, украшающего перед»[97].

Обувь. Основными видами ранней обуви у русских крестьян были *лапти*, кожаные *коты, бахилы,* а также *валенки*. Можно полагать, что на Среднем Урале лапти носили не все крестьяне, так как в документах, относящихся к некоторым территориям, они не называются. Этот древний вид обуви не являлся повсеместно распространенным и в XIX в. У многих крестьян была возможность шить кожаную обувь.

Русские крестьяне Среднего Урала знали *лапти* только одного способа плетения — с прямой головкой (*носком*). Поэтому лапти можно было надевать на любую ногу. Плели их из бересты и лыка. Старообрядцы некоторых согласий (поморцы Верхокамья, часовенные горнозаводских центров) предпочитали носить лыковые (*лыченные*) лапти, а приверженцы официального православия — лапти из лыка и бересты (*выковорены*). Старообрядцы плели еще лапти *одноковырки* — в один слой, которые предназначались для умерших. Представление о кожаной обуви дают материалы раскопок ранних русских поселений, описания середины XIX в. и образцы, изготовленные в XX в.

Коты и *бахилы* являлись мягкой бескаблучной обувью со внутренними швами. Подошвы имели закругленные носки и пятку. Коты шились низкими, не выше щиколотки, а бахилы — с голенищами, поднимающимися до колен. По краю котов пришивали обычно красные опушни. Их стягивали вокруг ноги плетеным шерстяным пояском, вставленным во внутреннюю складку. Коты плотно облегали ногу. Бахилы с помощью кожаных ремешков, вставленных во вшитые петли, закреплялись вокруг голени. Бахилы в некоторых районах Среднего Урала называли *выворотными*, так как сложенные края кожи сначала прошивались, а потом выворачивались вовнутрь. Коты и бахилы носили мужчины и женщины в будни и праздники. Охотники пользовались *броднями*. Это были те же бахилы, но с голенищами выше колен. Чтобы предотвратить возможное попадание воды внутрь, в швах между краями прокладывалась узкая полоска кожи.

Охотники и рыбаки носили весьма архаический вид обуви — *уледи* и *порубни* (*порубенные обутки*), отличавшиеся низкими разрезными голенищами. При надевании на чулок одна сторона голенища накладывалась на другую и сверху обматывалась ремнями. Различие уледей и порубней состояло в том, что первые имели голенище из кожи, а вторые — из грубого домашнего сукна. Уледи и порубни использовали преимущественно для ходьбы на лыжах. Кожа, заготовленная для шитья уледей, называлась «уледницей» (Цидвенская вол. Чердынского у., 1826 г.)[98].

С конца XVIII в. состоятельные крестьяне все чаще начинали носить новые виды обуви: в будни — *башмаки*, а в праздники — *ботинки* и *сапоги*. В Кунгурском у., по наблюдению И. Бердникова в 1848 г., «женщины зимой в праздники обувались в коты или обутки с опушкою

красного цвета, а девицы в башмаки с белыми шерстяными или холщовыми чулками». В с. Черновском Оханского у. праздничный наряд женщин и девиц дополняли «красные или голубые башмаки» (1849 г.). В Пермском у., по описанию корреспондента Русского Географического общества П. Первушина 1848 г., «мужчины повседневно зимой и летом носили сапоги, а женщины в летнее время в простые дни башмаки, в праздничные — сафьяновые башмаки, а в зимнее время — вязаные из разноцветных шерстей ботинки». В с. Верхне-Чусовские Городки Пермского у. у крестьян, занимавшихся на рубеже XVIII–XIX вв. торговлей, встречались женские башмаки разных видов: павловские, черные суконные, плисовые и даже вышитые золотом.

В середине XIX в. более разнообразную обувь имели крестьяне южных уездов. В этнографическом описании Петропавловской вол. Шадринского у., составленном корреспондентом Русского Географического общества А.Н. Зыряновым в 1852–1860 гг., находим в связи со сказанным такое наблюдение: мужчины «зимой употребляют в носке бахилы, головка их из яловой мериной кожи, подошвы и голяшки из конской, не очерненые, в оригинальном белом или желтом виде, носят выше колен», а женщины — «башмаки сверх нитяных белых чулок из сафьяновой кожи, употребляемые только в большой праздник». Сафьяновая кожа являлась давним предметом заимствования у степных кочевых народов. В разных уездах Урала были известны «сапоги кожаные кунгурской работы» (Половодовская вол. Соликамского у., 1830 г.)[99].

Валяная обувь называлась по-разному: *пимы* или *валяные сапоги, тюни* — валенки (Екатеринбургский, Осинский, Оханский уу.). В с. Песчанском Шадринского у. крестьяне в 1840-е гг. носили пимы, «у которых нижняя часть из кожи, а верх катан из шерсти, обтянуты холстом».

Рукавицы, чулки. В источниках рукавицы описывались как в составе комплекса одежды, так и отдельно. Ранние и поздние документы содержат такие характеристики рукавиц: «рукавицы овчинные долгие и под сукном зеленым, опушены бобром» (Новопышминская слобода Верхотурского у., 1695 г.)[100]; «рукавицы телятинные» (Верхотурский у., 1700 г.)[101]; «рукавицы шубницы под сукном темнозеленые» (Арамашевкая слобода Верхотурского у., 1695 г.)[102]; «рукавицы кожаные с вязаными исподками» (с. Покровское Ирбитского у., 1849 г.)[103]; «оленьи рукавицы с одноигольными исподками» (с. Ляминское Верхотурского у., 1849 г.)[104]; «кожаные, чаще выворотные рукавицы (шубницы) с овчинной шерстью внутрь» (Кунгурский у., 1858 г.)[105].

В художественном отношении своеобразием выделяются вязаные изделия русских крестьян верховьев Колвы и соседней верхней Печоры (Чердынский у.). Здесь рукавицы и чулки для охотников украшались

традиционными северными узорами — сорочья лапа, пила, елочка, зубчик, мусник (мучник) разных вариантов (простой, рогатый, в ящике). Старинная форма узоров повторяется в вязаных изделиях наших дней. Орнаментацию и терминологию узорного вязания следует считать частью единого художественного направления, известного населению Северной Двины, Пинеги, Мезени, Печоры. Подобное узорное вязание знало русское крестьянство других старожильческих мест Среднего Урала. Но во второй половине XIX в. оно оказалось забытым.

Комплексы одежды, их этнические и региональные признаки. Приведенный материал позволяет раскрыть многообразие одежды русских крестьян Среднего Урала. На раннем этапе — в конце XVI — начале XVIII в. — одежда обладала устойчивыми северно-среднерусскими признаками и этнически связывала русское население Среднего Урала с Европейским Севером. С середины XVIII в. под воздействием расширяющихся связей крестьянства с городскими и заводскими центрами во многих районах Среднего Урала начинается процесс нивелирования старых видов костюма. В большой степени он охватил территории, на которых проживали крестьяне, ставшие состоятельными благодаря торговле, ремеслу, извозу. В центральных и южных уездах быстрей, чем в северных, домотканина заменялась фабричными тканями. Естественно, изменения эти касались в первую очередь праздничного костюма.

На Среднем Урале широко использовалась на раннем этапе одежда наиболее простого туникообразного покроя — мужские и женские рубахи, дубасы, рабочие запоны. Характерные черты этого покроя дольше всего сохранялись в погребальном комплексе старообрядческого населения. Многие рубахи в середне XVIII — первой половине XIX в. уже отличались прямой кокеткой, боковыми клинообразными вставками, зауженными рукавами. Такую рубаху носили со штанами, имющими широкий шаг. У женщин в более позднее время преобладающими стали рубахи с прямыми поликами. Аналогичные рубахи были известны многим русским Европейской России и Сибири. Женские рубахи с косыми поликами в первой половине XIX в. еще имели ограниченное распространение.

Женские рубахи носили с сарафаном, вместе они составляли сарафанный комплекс, хорошо известный северно-среднерусскому населению. У среднеуральских крестьян были распространены три типа сарафанов — туникообразные, косоклинные, круглые (прямые). В середине XVIII — первой половине XIX в. в районах с патриархальным укладом жизни большой популярностью пользовались косоклинные сарафаны, а в остальных — круглые (прямые). Как и на Русском Севере, непременной принадлежностью сарафанного комплекса являлись кокошники, повойники, шамшуры, чепцы, а в более раннее время — полотенчатые

и кичкообразные головные уборы: платы, убрусы с подубрусниками, очелки с позатыльниками, украшенные по-севернорусски золотым и серебряным шитьем, позументом, жемчугом, бисером. Формы головных уборов и способы их ношения также соответствовали тем, которые знали русские Европейского Севера. Источники с середины XVIII в. гораздо реже содержат сведения о полотенчатых и кичкообразных головных уборах, что позволяет судить об их редком использовании.

Сарафанный комплекс со старинными головными уборами начинает исчезать с середины XIX в. Вначале его стали заменять юбкой и кофтой (парочкой) молодые женщины. В отдаленных местах Среднего Урала (Верхотурский, Оханский, Соликамский, Чердынский уу.) пожилые женщины носили сарафаны, сборники, кокошники, моршни еще в первой четверти XX в.

Девушки с сарафанами в качестве головных уборов использовали платки, налобные повязки, венцы, украшенные для праздников золотым шитьем, бисером, стеклярусом. Сюжеты и техника исполнения узоров оставались типично северными.

Обычной обувью издавна служили кожаные коты, бахилы и лапти русского плетения.

С конца XVIII в. в деревню все шире проникают фабричные ткани, украшения и покупная обувь, которые сначала применяются в праздничном, а позднее в будничном костюме. С этого времени приобретает особенности, связанные с материалом и кроем, одежда некоторых социальных категорий крестьянства и отдельных территорий Среднего Урала.

В торгово-ремесленных селах и деревнях, поселениях близ городов и заводов в мужской одежде наблюдались варианты: ситцевые или нанковые рубахи на кокетке с прямым разрезом на груди, штаны брючного покроя из плиса, нанки, кафтан — халат из голубой нанки, суконная фуражка или шляпа, сапоги. Зимой поверх такого костюма надевалась шуба с борами на спине, покрытая фабричной тканью или сукном, шапка — малахай, гарусная опояска.

Женский костюм был более разнообразным: рубахи из ситца, миткаля, сарафан из китайки или ситца, шелковый или батистовый платок; зимой кафтан с борами из сукна или шуба с борами, покрытая китайкой или нанкой с лисьим воротником. В южных уездах наряду с опояской стали раньше носить пояса из гаруса, купленного на базаре.

Однако, несмотря на восприятие новых элементов одежды, в развитии русского народного костюма долго прослеживались ранние традиции. Это касалось верхней повседневной одежды, а также — предназначенной для хозяйственных дел. Понитки, шабуры, зипуны, лузаны, запоны не изменяли старый покрой, лишь иногда понитки покрывались фабричными тканями.

Рис. 1. Нарядный костюм дочери вятского купца, конец XIX в.
(из собрания КОКМ, фото Л.Ю. Трушковой).

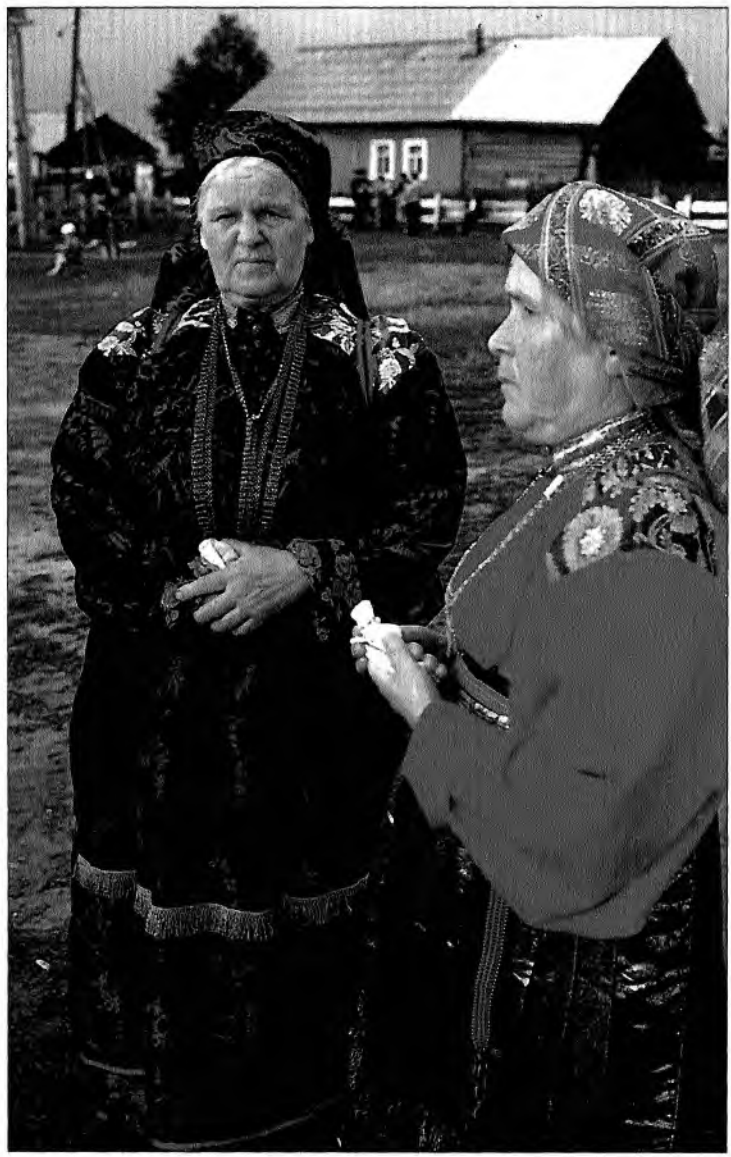


Рис. 2. Женщины в традиционных костюмах-парочках нач. XX в. на празднике в день Ивана Купалы. Фото Г.Н. Чагина, 2003 г.

Рис. 3. Женская одежда:
1) комплекс с парочкой (юбка, кофта) и платком, 1920-е гг.
Алапаевский район Свердловской обл. Фото Г.Н. Чагина, 2003 г.;
2) моленный костюм старообрядки — парочка и платок.
Пермский край, Чердынский р-н, д. Усть-Уролка.
Фото В.Е. Заровнянных, 2007 г.

Рис. 4. Костюм уральской казачки (рис. Н. Виноградовой из серии «Русский народный костюм». М., 1969).

Рис. 5. Девушка и девочка в традиционных сарафанах в г. Чернушка и на «Празднике земли». Фото В.Е. Заровнянных, 2004 г.

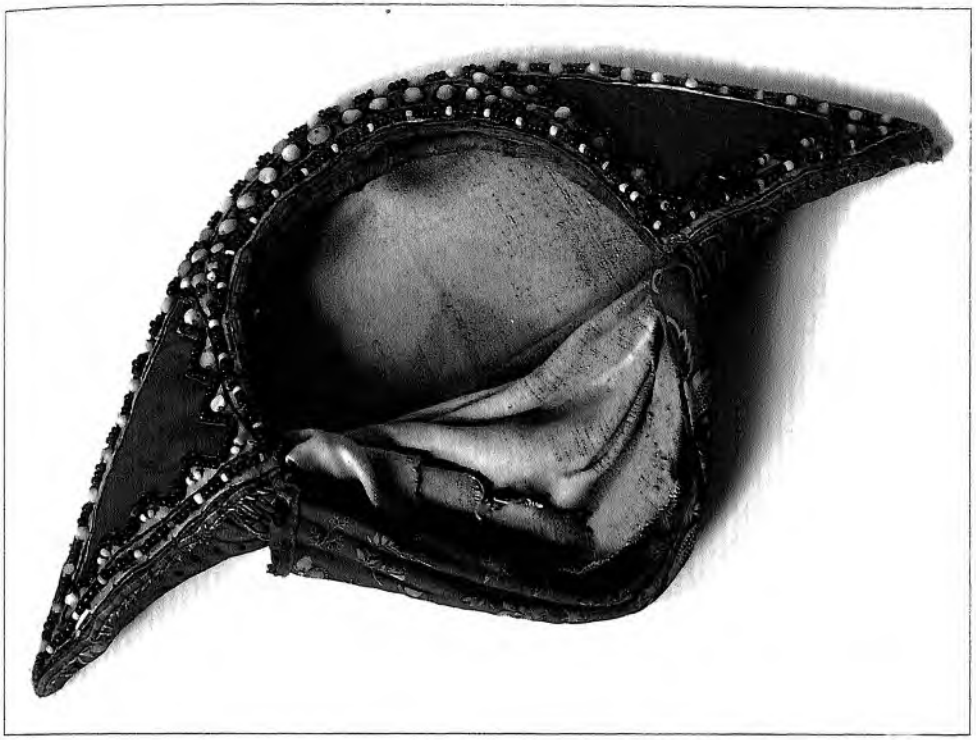


Рис. 6. Кокошник — головной убор замужней женщины, втор. пол. XIX в.
(из собрания Чердынского краеведческого музея Пермского края).
Фото В.Е. Заровнянных, 2007 г.

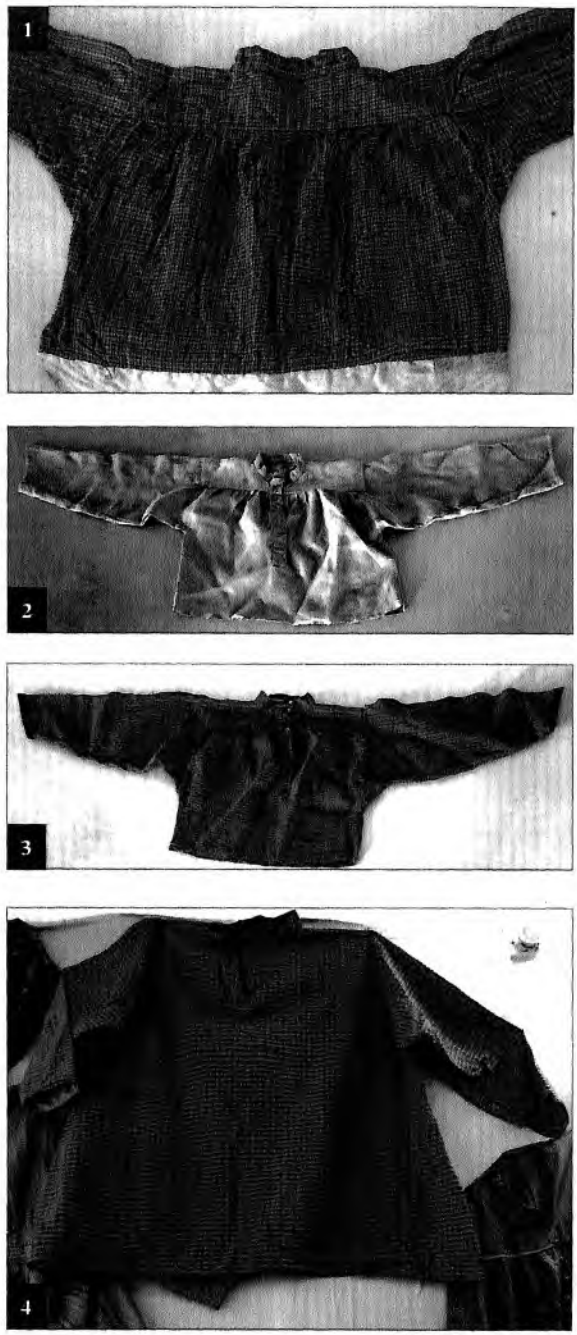


Рис. 7. Мужские и женские рубашки нач. XX в.:
1) *рукава* – верхняя часть женской рубахи из пестряди;
2) *рукава* из серого холста; 3,4) мужские рубашки из пестряди.

Рис. 8. Вязаные узорные изделия: варежки и деталь орнамента.

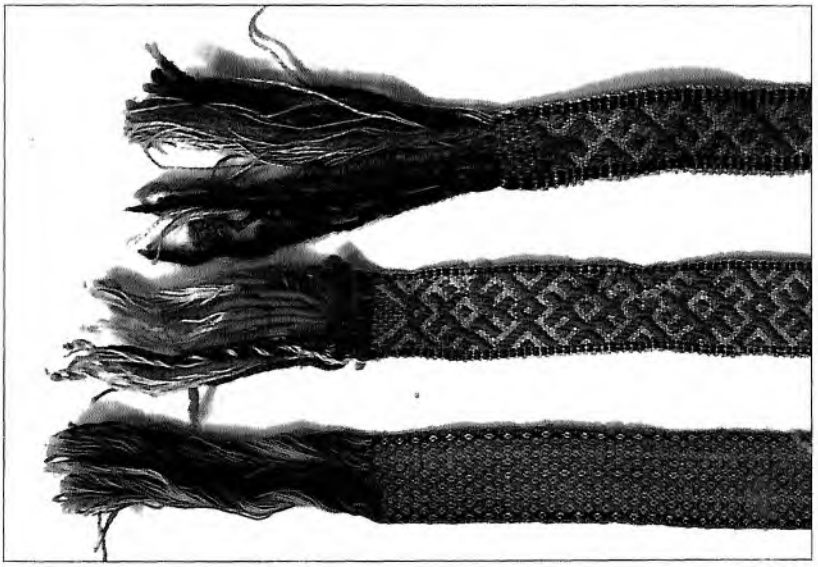


Рис. 9. Узоры плетеных поясов.

Рис. 10. Крестьяне д. Фадино в г. Чердынь, 1915 г.
(из собрания ПКМ, фотокопия Г.Н. Чагина).

Этнокультурные процессы на Среднем Урале отражены в народной терминологии — названиях одежды и орудий труда, необходимых для ее изготовления. В Прикамье и Верхотурском у. она исключительно севернорусского происхождения — дубас, сарафан, пониток, зипун, становина, шабур, кокошник, моршень, шамшура, покромка, тельник, опояска и др. В Южном Прикамье и особенно в Южном Зауралье употреблялись названия, заимствованные у населения более южных, лесостепных районов. Кафтаны из покупных материалов называли сибирками, азямами, халатами, штаны — шароварами. В северных уездах зипун именовали только сермягой, а в южных — кафтаном, так как шили его из фабричного материала. В юго-восточных уездах кафтаны из верблюжьей шерсти называли только армяками.

Архаические элементы и единообразие одежды как в покрое, так и в материале дольше сохраняло старообрядческое население, особенно в более изолированных группах. Наиболее строгие одежды, старинного покроя, и неяркого цвета, носили старообрядцы, приобщенные к соборам-общинам в Верхокамье и поддерживавшие духовные связи с Выговской поморской пустынью в Заонежье (Оханский, Пермский, Глазовский уу.). Своей скромностью эта одежда удивляла многих путешественников середины XIX в.

Ряд региональных отличий в одежде возник под влиянием природных факторов. На севере одежду шили целиком из мехов, она дольше сохранялась как праздничная и особенно как промысловая (совики, малицы, уледи, порубни). На юге преимущественно использовались меха для отделки верхней одежды.

Имела специфику и дорожная одежда: бешметь, яга на юге и в Зауралье.

По одежде можно было судить о социальном положении крестьян. Покупные дорогие ткани, украшения, головные уборы с золотым и серебряным шитьем приобретали состоятельные крестьяне, занимавшиеся торговлей, ремеслом, отходничеством в караваны и на заводы.

Городская и заводская культура по-разному влияла на крестьянский быт. На раннем этапе — в XVII — первой половине XVIII в., когда в самой городской культуре господствовали севернорусские традиции, — связи крестьян с городским и заводским населением имели результатом не только заимствование, но и упрочение в среде крестьян традиционных видов одежды. После того как городская и заводская культуры с конца XVIII в. стали значительно различаться, они начали способствовать внедрению в крестьянский мир совершенно новых видов одежды. Городские и заводские фасоны активнее проникали в южные и среднеуральские уезды, где сосредоточивались производственные поселки. В целом же крестьянская одежда Урала сохраняла северно-среднерусские традиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 36. Л. 201.

2 ВГМЗ. Колл. 13807, 16043, 22573, 24823, 27082/20; ВУГМЗ. Колл. 15124, 15150; ГАВО. Ф. 4389. Оп. 1. Д. 144. Л. 25–27; СИХМ. Колл.

3 ВУГМЗ. Колл. 23065, 23274; *Бежкович А.С.* и др. Хозяйство и быт русских крестьян: Памятники материальной культуры. М., 1959. С. 35; *Круглова О.В.* Русская народная резьба и роспись по дереву. М., 1974. С. 11.

4 *Левинсон-Нечаева М.Н.* Ткачество // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М., 1953. С. 18–19.

5 РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1122. Л. 113.

6 Там же. Ф. 1398. Оп. 1. Д. 281. Л. 3.

7 ГАПО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 710. Л. 10.

8 Там же. Ф. 15. Оп. 1. Д. 220. Л. 377.

9 *Попов Н.С.* Хозяйственное описание Пермской губернии. Пермь, 1804. Т. 2. С. 145.

10 АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 12. Л. 9

11 Полевые материалы, собранные автором в Алапаевском, Верхотурском, Осинском, Соликамском районах в 1976–1989 гг.

12 АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 102. Л. 30об.

13 ВГМЗ. Колл. 20101, 24926; ВУГМУ. Колл. 8948, 23161, 23270.

14 *Кожевникова Л.А.* Особенности народного узорного ткачества некоторых районов Севера // Русское народное искусство Севера. Л., 1968. С. 107–121.

15 АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 12. Л. 9.

16 ЧКМ. Ф. 4. Оп. 17. Д. 65. Л. 44.

17 Таможенные книги Московского государства XVII в. М., 1951. Т. 2. С. 112, 346; Т. 3. С. 18–152, 269–348.

18 РГАДА. Ф. 829. Оп. 1. Д. 1707. Л. 385–490.

19 Там же. Д. 1685. Л. 3–13. Д. 1702. Л. 13; Ф. 1111. Оп. 1. Д. 144. Л. 379.

20 Кунгурские акты XVII в. (1668-1699 гг.). СПб., 1888. С. 160, 241.

21 АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 12. Л. 4.

22 ЧКМ. Ф. 4. Оп. 17. Д. 65. Л. 44.

23 *Семевский В.И.* Домашний быт и нравы крестьян во второй половине XVIII века // Устои. СПб., 1882. № 1. С. 123.

24 РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 144. Л. 377.

25 Там же. Д. 105. Л. 17.

26 Там же. Л. 35–36об.

27 Полевые материалы, собранные автором в Сивинском, Чайковском, Чердынском районах в 1983–1989 гг.

28 АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 96. Л. 60об.

29 Полевые материалы, собранные автором в Красновишерском, Соликамском, Чердынском районах в 1975–1981 гг.

30 АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 89. Л. 9.

31 Там же. Д. 18. Л. 2.
32 ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 180. Л. 24об.
33 Полевые материалы, собранные автором в Верещагинском, Кезском, Сивинском районах в 1984–1993 гг.
34 РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 43. Л. 176.
35 Там же. Д. 105. Л. 17.
36 ПМЧ, собранные в Лысьвенском, Верещагинском, Кезском, Сивинском районах в 1984–1990 гг.
37 ЧКМ. Колл. 2561. Л. 1.
38 АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 24. Л. 4об.
39 Там же. Д. 75. Л. 4.
40 Там же. Д. 56. Л. 13.
41 ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 180. Л. 24об.
42 АГО. Р.29. Оп. 1. Д. 22. Л. 10б; *Буевский С.* Жители Кунгурского уезда // Ученые записки, издаваемые имп. Казанским университетом. Казань, 1858. Кн. 1. С. 149.
43 СКМ. Колл. 2097.
44 *Почов Н.С.* Указ. соч. С. 226.
45 РГАДА. Ф. 1398. Оп. 1. Д. 281. Л. 9.
46 АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 75. Л. 4; Д. 22. Л. 10б; Д. 23. Л. 4; Д. 93. Л. 4.
47 На путях из земли Пермской в Сибирь: Очерки этнографии северноуральского крестьянства. М., 1989. С. 160–161.
48 Русские: Историко-этнографический атлас. М., 1967. С. 35.
49 АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 31. Л. 9.
50 ЧКМ. Ф. 4. Оп. 17. Д. 65. Л. 38.
51 АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 75. Л. 30б.
52 Там же. Д. 22. Л. 10б.
53 РГАДА. Ф. 1015. Оп. 1. Д. 1624. Л. 1-2.
54 ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 180. Л. 26.
55 АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 96. Л. 7.
56 Там же. Д. 23. Л. 4.
57 Там же. Д. 89. Л. 8; Д. 56. Л. 13.
58 ПМЧ, собранные в Верещагинском, Кезском, Сивинском районах в 1984–1990 гг.
59 АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 31. Л. 10б; д.56. Л. 13.
60 ПМЧ, собранные в Верещагинском, Кезском районах в 1987–1991 гг.
61 АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 75. Л. 30б.
62 Там же. Д. 18. Л. 20б.
63 Там же. Д. 31. Л. 10б.
64 АГО. Р.29. Оп. 1. Д. 89. Л. 8.
65 Там же. Д. 22. Л. 10б; Д. 93. Л. 4.
66 Там же. Д. 12. Л. 20б; Д. 102. Л. 1.
67 ГАПО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 220. Л. 183.
68 ГАПО. Ф. 297. Оп. 3. Д. 7. Л. 129–130об.

69 *Крылов П.Н.* Вишерский край: Исторический и бытовой очерк Северного Приуралья. Заметки из путешествия по Пермской губернии в 1870–1878 гг. Свердловск, 1926. С. 18.

70 *Буевский С.* Указ. соч. С. 149.

71 ГАПО. Ф.15. Оп. 1. Д. 220. Л. 479–485.

72 Там же. Колл. 8250; *Сафьянова А.В.* Народное крестьянское жилище Вологодской области (по материалам экспедиции 1966 г.) // Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973. С. 69–70.

73 РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 455. Л. 59.

74 АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 31. Л. 10об.

75 РГАДА. Ф. 1015. Оп. 1. Д. 841. Л. 1–2.

76 *Буевский С.* Указ. соч. С. 149.

77 АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 18. Л. 20об.

78 Крестьянская одежда населения Европейской России (XIX — начало XX в.). М., 1971. С. 151.

79 Кунгурские акты XVII в... С.160.

80 Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры. М., 1987. С.276–277.

81 *Семевский В.И.* Указ. соч. С. 129–130.

82 АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 18. Л. 20об.

83 Там же. Д. 96. Л. 60об.

84 ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 180. Л. 26.

85 РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 36. Л. 258, 260; Кунгурские акты XVII в. ... С.241.

86 Русские: Историко-этнографический атлас... Карта 54.

87 РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 622, 623.

88 Там же. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 455. Л. 59; Кунгурские акты XVII в. ... С. 160–241.

89 РГАДА. Ф. 1398. Оп. 1. Д. 281. Л. 9.

90 АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 102. Л. 30об.

91 ГАПО. Ф. 973. Оп. 1. Д. 1121. Л. 60об.

92 Там же. Д. 12. Л. 4.

93 ГАПО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 180. Л. 24–250об.

94 РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 8. Л. 340об.

95 Там же. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 144. Л. 384, 386.

96 Там же. Д. 102. Л. 6.

97 Там же. Д. 89. Л. 9.

98 ГАПО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 220. Л. 411.

99 ГАПО. Ф. 297. Оп. 3. Д. 7. Л. 1290об.

100 РГАДА. Ф.1111. Оп. 1. Д. 144. Л. 378.

101 Там же. Оп. 2. Д. 693. Л. 10об.

102 Там же. Оп. 1. Д. 144. Л. 373.

103 АГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 18. Л. 20об.

104 Там же. Д. 22. Л. 10об.

105 *Буевский С.* Указ. соч. С. 149.

ГЛАВА VII

ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ XIX — НАЧАЛО XXI ВЕКА

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ГРУППЫ РУССКИХ КРЕСТЬЯН ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Исследовать традиционную одежду русских крестьян Сибири, не принимая во внимание культурное разнообразие этого региона, бесперспективно для решения этнографических проблем. Характерная особенность формирования сибирского земледельческого населения заключалась в том, что в него были вовлечены представители разных социальных групп — собственно крестьянства, посадских и служилых людей[1]. Великая сибирская река Обь, разрезающая территорию Западной Сибири с юга на север, соответственно делила старожильческое население на две большие, отличавшиеся в этнокультурном отношении части. В правобережном Приобье, Притомье, Прииртышье имело место не только распространение названия старожилов «чалдоны» («челдоны»), но и мифологический сюжет об их происхождении «с Дона». Далее на восток, за Енисеем, этот термин также встречается, но с другим мифологическим содержанием. Кроме того, в старожильческих массивах вкраплены локальные этнокультурные группы разного проис-

хождения. В отношении исследуемого региона под старожильческим населением логично понимать первопоселенцев, которые поселились здесь в XVII — первой половине XIX в., до массовой миграции крестьян из Европейской России, и являлись носителями фамилий, выявленных в качестве старожильческих. Рассмотрим некоторые этнокультурные группы Южной Сибири подробнее.

Чалдоны. В настоящее время в среде ученых-сибиреведов имеются работы, в которых авторы говорят о севернорусской основе старожильческого, в их числе служилого, населения либо об его достаточно сложном составе[2]. Ис-

Мужская и женская одежда чалдонов:
1) для повседневных молений. Фото Е.Ф. Фурсовой. 2000 г.;
2) женские моленные костюмы. Фото Е.Ф. Фурсовой. 1980 г.

торик Н.И. Никитин показал, что основателями первых западносибирских городов, наряду с выходцами из северных и центральных губерний, были донские, терские казаки[3]. На протяжении XVII и первой половины XVIII в., после укрепления южных границ, имело место смещение населения Среднего Приобья в более южные районы, вследствие переведения крестьян из Богородской, Уртамской волостей Томского округа на территорию Барабинской низменности, Приобского плато[4]. Разные группы сибирского населения, в той или иной степени занимавшиеся земледелием, крестьяне, служилые и посадские люди постепенно сливались в единое крестьянское сословие. Проблемы формирования крестьянства за Уралом рассматривались рядом сибирских этнографов, работающих на основе полевых материалов (Е.Ф. Фурсова, 1992, 1993, 1998; П.А. Бардина, 1995; В.М. Кимеев, 1997; Г.В. Любимова, 2004; М.А. Жигунова, 1999, 2004; Т.Н. Золотова, 2002; М.Л. Бережнова, 2007, и др.)[5]. Независимо от историков и этнографов к выводам о сложном составе первых насельников Приобского региона пришли диалектологи, которые старожильческие говоры относят к «старомосковским нормам», а в составе первых жителей г. Томска, изолированных групп старожильческого населения р. Кеть выделяют значительное количество выходцев из центральных районов России (О.И. Блинова, 1971; В.В. Палагина, 1971; Л.А. Захарова, 1979)[6].

Старожилы, относившие себя к чалдонам, утверждали, а их потомки и сегодня считают себя живущими в Сибири с незапамятных времен, почему среди них распространены такие категоричные высказывания о себе, как-то: «мы — закорененные сибиряки», «чистые сибиряки», «чалдоны — вековечные сибиряки», «нация была русские чалдоны» и т.д.

По вероисповеданию чалдоны Новосибирской, Кемеровской, Омской, Томской, Тюменской областей и Алтайского, Красноярского краев являлись чаще православными или «мирскими», то есть не-старообрядцами, чем отличались от старожилов-старообрядцев. Чалдоны имели ранее и имеют в настоящее время русское этническое сознание; таковыми они выглядели и в глазах российских переселенцев на рубеже XIX–XX вв.

Сибиряки. Значительная часть старожильческого населения Южной Сибири, не называвшая себя чалдонами и не связывавшая происхождение с Доном, для изучаемого времени была известна как «сибиряки». Таким образом, чалдоны могли одновременно считать себя также сибиряками, а сибиряки лишь в конкретных районах называли себя чалдонами; и те, и другие для начала XX в. являлись старожилами. О себе представители этой группы обычно говорят, что они и их прадеды «коренные сибиряки», «вечные сибиряки», «настоящие русские сибиряки».

На протяжении XVII и первой половины XVIII в., после ликвидации набегов южных кочевников, имело место смещение населения

Среднего Приобья в более южные районы путем переведения крестьян из Томского у. в Барабу[7]. В.А. Липинской, а впоследствии Т.С. Мамсик методом сопоставления фамилий первопоселенцев прослежено продвижение сибиряков из северных районов Западной Сибири в Горный Алтай[8]. Согласно архивным документам XVIII в., Кузнецкий, Барнаульский уу. Томской губ. также заселялись преимущественно выходцами из более северных мест Западной Сибири: Тобольского, Верхотурского, Тюменского, Тарского уу.[9]. Если до 1760 г. делались попытки заселить Барабу крестьянами Тарского, Томского ведомств, Тобольского, Самарского ямов, то, начиная с этого времени, здесь стали почти ежегодно появляться партии крестьян из Центральной России.

Двадцать пять деревень западной Барабы сформировались за счет сосланных помещиками или беглых крестьян; одна из деревень состояла целиком из орловских помещичьих крестьян (возможно д. Орлово — *Е.Ф.*)[10]. В дальнейшем приток населения продолжался: в Барабу водворяли переселенцев из Воронежской, Смоленской, Курской, Тамбовской, Калужской, Орловской и других южнорусских губерний[11].

Этимология слова «сибиряк» означает «коренной житель Сибири», «человек, проживающий в Сибири». Естественно, при этом необходимо принимать во внимание многозначность самого топонима Сибирь, встречающегося еще в древних русских летописях (Сибирью обозначалась столица Сибирского ханства, Себуром назывались Уральские горы, сыбырью — древние местные племена)[12].

Российские переселенцы. Для российского крестьянства часто единственной надеждой уйти от малоземелья и бедности было переселение на свободные земли Зауралья. Наиболее популярны были степные и лесостепные районы вдоль Сибирской железной дороги, где имелись чрезвычайно плодородные черноземные почвы[13]. Из сведений переселенческих управлений следует, что распределение переселенческих потоков не было равномерным, наиболее привлекательной была Томская губерния, куда «прошло в среднем за один год десятилетия 1894–1903 гг. — 45,6% всего числа переселенцев»[14].

Выходцы с Русского Севера были представлены в основном Архангельской, Вологодской, Костромской губерниями. По данным сельскохозяйственных анкет 1916–1917 гг. и согласно полевым материалам, переселенцы из севернорусских губерний проживали «вкраплениями» на территории Барнаульского, Каинского, Томского уу. Томской губ. (например, в Бугринской, Николаевской, Ординской волостях Барнаульского округа, Шипицынской вол. Каинского округа Томской губ.). Особых общегрупповых названий и самоназваний в среде севернорусских переселенцев не зафиксировано.

Выходцы из северо-восточных земель России, прежде всего *Вятской губ.*, по данным П.А. Голубева и П.М. Головачева, в 1860–1870-х гг. составляли основной контингент мигрантов в сибирский край[15]. По данным Н.М. Ядринцева, вятские переселенцы с 1870 по 1879 г. по количеству переселившихся в Томскую губернию занимали первое место[16].

Анализ современных этнографических материалов подтверждает исторические сведения о приоритетном направлении в заселении вятскими переселенцами Алтайского горного округа. Н.А. Ваганов сообщал, что в большинстве своем эти переселенцы представляли собой мигрантов из Котельнического (Гвоздевской, Игуменовской волостей), Сарапульского (Ижевско-Нагорной вол.), Орловского уу. Вятской губ.[17]. Данные сельскохозяйственных анкет 1916–1917 гг. свидетельствуют как о фамилиях отдельных переселенцев, так и целых фамильных «гнездах» на территории правобережья р. Оби. Этимология этнотопонимов «вятские», «вятчане» прозрачна — выходцы с соответствующих территорий северо-востока России.

Переселенцы из *Пермской губ.* с 1850 г. занимали по численности второе место, а в начале XX в. двадцатое место[18]. В отличие от вятчан, выходцы из Пермской губ. плохо хранили семейные предания о малой прародине, довольно быстро забывали свою «пермскую» идентичность, вследствие чего быстро растворялись в среде старожильческого населения.

Калужские переселенцы по массовости входили в первую тройку в 1850–60 гг.[19]. Они и их потомки встречались в Верхне-Тарской, Шипицынской (д. Кордон), Тарсминской, Кауракской (д. Лебедево, Каурак), Гондатьевской (д. Зудово), Кайлинской (пос. Инской) волостях Каинского и Томского уу. Томской губ. «Калужане» редко представляли собой компактные территориально-этнографические группы: так, в д. Пеньково Николаевской вол. Барнаульского у. они были третьей по численности частью населения. Для них достаточно характерно отсутствие названий и самоназваний за исключением «российские». В среде калужан в Сибирь заехали также старообрядческие группы.

Переселенцы из *поволжских губерний* по количеству прибывших с 1852 по 1863 г. стояли на третьем месте[20], а в последующие годы входили в десятку наиболее массовых потоков[21]. По данным анкет сельскохозяйственной переписи 1917 г., поволжские переселенцы образовывали группы в селениях, реже основывали самостоятельные населенные пункты, однако в целом общее количество поволжских переселенцев в изучаемом регионе было невелико.

Переселенцы из южнорусских селений с 1852 по 1863 г. составляли на юге Томской губ. абсолютное большинство[22]. Значительная часть их осела в волостях Каинского у. (Усть-Тартасской, Нижне-Каинской и пр.). Вне зависимости от мест выхода они нередко получали новое имя «хохлы».

В отличие от выходцев с Европейского Севера и Поволжья, южнорусские крестьяне расселялись обычно довольно многочисленными группами.

Курская губерния занимала в переселенческом движении в 1885–1889 гг. первое место, дав 43% общего числа переселенцев. У большинства курских переселенцев маршрут передвижения включал два этапа, первый из которых представлял проезд в Томскую губернию на переселенческий пункт, а по прошествии двух и более лет — обоснование в более южных селениях Верхнего Приобья и Алтая.

Воронежцы получили в Сибири название *российских* или *«хохлов»*. Согласно экспедиционным материалам довольно много потомков воронежских переселенцев проживают на землях бывшей Бурлинской вол. (дд. Прыганка, Долганка и пр.), а также в Причумышье.

Выходцы из Тамбовской губ. проживали как в южных районах Приобья (Ординская, Чингинская вол.), так и в более северных, например, Чаусской вол.[23]. Компактные группы *тамбашей* проживали в Томской губ.: в с. Скалинское Чаусской вол. Томского у., с. Чулым Иткульской вол. Каинского у., с. Чингисы Верх-Чингисской вол. Барнаульского и пр.

Переселенцы из Рязанской губ. уже накануне Первой мировой войны составляли значительный процент населения и были известны под именем *рязаны*[24]. Более или менее крупные группы проживали в Бийском (с. Шубенское Шубенской вол.), Томском (с. Большое Оешинское, Скалинское Чаусской вол.), Каинском (с. Чулымское Иткульской вол.) уездах Томской губ., где до сих пор память жителей хранит название края «Рязань» (ПМФ 1981–1986).

Орловские переселенцы, согласно сельскохозяйственной переписи населения 1917 г., проживали компактными группами в Кайлинской (пос. Иркутский), Гондатьевской (пос. Собиновский, пос. Рыбкинский, пос. Овражный) волостях Томского у. Из более крупных населенных пунктов можно назвать с. Чулым Каинского у., где они составляли 11% населения. В процессе полевой работы «островки» орловских крестьян встречались в Черно-Курьинской, Верх-Чингисской волостях Барнаульского у. (с. Новая Курья, Чингисы), Чаусской вол. Томского у. (с. Скалинское) и пр. В Николаевской вол. за выходцами из Орловской губ. закрепилось гордое название *орлы*.

О численности и местах выхода переселенцев из Смоленской губ. в опубликованных обзорах было известно мало, по нашим данным, они проживали в д. Ваничкиной, Лаптёвке и др. Иткульской вол. Каинского у. *Смоляне* продолжали прибывать и в конце 1920-х гг.[25].

Старообрядческие группы (кержаки, двоеданы, курганы, белорусские москали). Особое место среди русского населения Сибири занимали старообрядческие группы, представлявшие собой как старо-

жилов («кержаки», «поляки», «семейские»), так и поздних переселенцев начала XX в., в основном, с Урала и Поволжья («двоеданы», «курганы»)*. В конце XIX — начале XX в. вне зависимости от времени прибытия на сибирские земли, вероисповедания и культурных особенностей представители старообрядчества были известны здесь под именем *кержаки*. Народная молва без оснований связывала происхождение всех старообрядцев с р. Керженец (по-народному «р. Кержой») Нижегородской губ., где в прошлом было их многочисленное и компактное поселение. Слово «кержак» было отмечено В.И. Далем в качестве сибирского названия старообрядцев[26]. Сибиряки обычно говорят: «Кто не пошел в новую веру, стали называться староверами и кержаками». Как следует из полевых материалов, термин «кержаки» реально применим лишь к незначительной части старообрядцев, которые действительно связывали свое происхождение с р. Керженец в Нижегородской губ. (Керженскими скитами, основанными во второй половине XVII в.).

Для пополнения гарнизонов южных сибирских крепостей в 1763–1764 гг. в Барабинскую лесостепь были водворены старообрядцы, насильственно перевезенные с районов Стародубья и Польской Ветки[27]. Полевые этнографические материалы показали, что в районах Барабинской низменности, Васюганской равнины, Кулунды обосновались в основном старообрядцы-беспоповцы — поморцы и федосеевцы.

Многие данные говорят в пользу того, что в лесистом районе, где на многие десятки километров протянулся Сузунский бор и р. Обь делает крутой поворот, старообрядцы жили давно. По местной легенде, которая дожила до наших дней, старообрядцы прибыли в эти края, гонимые официальной государственной церковью и долго сохраняли традиции русской старообрядческой старины. Согласно экспедиционным материалам, большинство проживавших здесь старообрядцев относились к беспоповскому поморскому согласию.

О старообрядцах-*двоеданах* Приобского плато (Барнаульского у. Томской губ.) семейные предания сообщают об их переселении во второй половине XIX — первой трети XX в. из районов Южного Приуралья и Курганского у. Тобольской губ. Нередко потомки первопоселенцев указывают прародину лишь обобщенно — Приисетье, «из Кургана близ Челябинска», «с Челябы». Еще в 1960–1970-х гг. двоеданы довольно многочисленной группой проживали в д. Романово, Луковка Панкру-

---

* Исследования последних лет показали, что в иерархии этнографических общностей старообрядчества верхние слои самосознания обозначались как «христиане», «старообрядцы», «русские», а таксономические низшие слои были известны под рядом локальных названий, отражавших особенности традиционной культуры.

шихинского района Алтайского края, д. Пушкарево, Средний Алеус Ордынского района Новосибирской области и т.д.

Рассматриваемая группа старообрядцев имела достаточно определенное представление о себе как последователях поморского согласия («русская вера»), что, по их мнению, синонимично двоеданам и противоположно сторонникам официальной церкви, так называемым «церьковным».

Старообрядцы по р. Малые Изылы (д. Доронино, Желтоногино, Новоабышево), считая себя этнически русскими, носили экзоним и самоназвание *курганы*, которое стало настолько привычным, что даже свою «веру» беспоповского толка они называли «курганской»[28]. В настоящее время многие из числа этих старообрядцев не в состоянии идентифицировать согласие. Родители современных информаторов приехали в эти места в 1907–1908 гг. из Среднего Поволжья: Самарской (упоминается д. Шелимистр) и Пензенской (д. Озёрки и др.) губерний Европейской России. На прежней родине курганов звали, как и прочих старообрядцев в Поволжье (например, в Семеновском у. Нижегородской губ.), «калагурами». Однако это название считается «внешним» и, в отличие от «курганов», не идентифицируется со «своим». Поскольку среди курганов могли быть люди мордовской национальности, то некоторые фамилии встречались и в русских, и в мордовских семьях, иные же — только у курганов-мордвы.

Более 100 лет прошло с тех пор, когда компактная группа старообрядцев-*москалей* подселилась или основала ряд сел вблизи болотистых дебрей Васюганской равнины и прилегающих районов Барабинской низменности. Не так давно эти старообрядцы, не обладавшие особым названием, были выявлены как конфессионально-этнографическая группа[29].

По рассказам стариков, группа мигрировала в Сибирь в 1903–1919 гг. с территорий, относящихся ныне к Белоруссии, Литве и Латвии, из-за недостатка земель в поисках лучшей доли. Как вспоминали информаторы, переселения старообрядцев из западных губерний России осуществлялись также в последующие годы (1919–1929 гг.), что подтверждается архивными материалами[30]. Поборники «истинной христианской веры», стремясь сохранить целостность культурных традиций, селились в отдаленных и труднодоступных местах. Не случайно по р. Таре были избраны места ближе к Васюганью. Основная масса переселенцев и их потомков с верховьев р. Тары связывала свое происхождение с г. Глубоким и селами Глубоковского у., входившими на момент переселения в состав Виленской губ. (д. Апидомы, Ластовичи). Часть пришельцев выехали из Дриссенского, Полоцкого уу. Витебской губ. Эти сведения полностью подтверждаются современными полевыми материалами, собранными среди жителей покинутых некогда старообрядцами деревень Белоруссии (ПМФ, 2007–2009).

Информаторы называли родиной дедов Ригу, около которой, как известно, в окрестностях Режицкого, Динабургского и других уездов проживал значительный массив староверов-федосеевцев[31]. Хорошо проработанные и проверенные архивные данные позволяют видеть в качестве предков основных этнографических групп старообрядцев Витебской губ. — северных русских из Новгород-Псковского края, Москвы, мигрировавших сюда в начале второй половины XVIII в. [32]. Возможно, часть их продвинулась западнее, на территорию бывшей Виленской губ.

В местах прежнего места жительства в Белоруссии их мужчин звали «москалями», а женщин «московками». Прибывшим, а затем и последующим поколениям старообрядцев пришлось смириться с полученным в Западной Сибири новым названием — «кержаки». Выделяя себя из окружающего населения, в настоящее время васюганцы не в состоянии идентифицировать дедовскую, обозначаемую ими как «русская», веру с конкретным согласием. Известно, что часть их относилась к «безбрачникам», к сторонникам федосеевского согласия, но в их состав могли входить и поморцы.

Предки известных в Сибири старообрядческих групп под именами *поляки* почти сто лет укрывались от религиозных преследований на территории Речи Посполитой в районах Стародубья, Гомеля, Ветки, Бердичева, Горохова и пр.[33]. Контингент беглых в эти края крестьян, согласно архивным данным, складывался из выходцев конца XVII — начала XVIII в. с северных, центральных и южных губерний Российской империи (Московская, Новгородская, Белгородская, Воронежская, Смоленская, Нижегородская и пр.)[34]. В 60-е гг. XVIII в. беглецы были насильственно переселены в указанные им районы Западной и Восточной Сибири — в Забайкалье и на Алтай (ведомство Усть-Каменогорской крепости, впоследствии Риддерская, Владимирская, Александровская, Бобровская вол. Бийского у. Алтайского горного округа Томской губ.). «Поляки» образовывали новые поселки либо подселялись к старым, где уже проживали сибиряки и старообрядцы-кержаки[35].

Среди прочих старообрядцев исследователями традиционно выделялись этнокультурные группы *бухтарминских и аргутских* (*уймонских*) *каменщиков* — жителей гор, или, по-местному, «камня». Поскольку в горы уходили жители разных местностей Алтая, то можно предположить в их составе наличие тех этнокультурных групп населения, которые проживали в этих районах [36]. По свидетельству С.И. Гуляева, среди бухтарминцев были выходцы непосредственно из районов Европейской России: Архангельской, Олонецкой, Новгородской, Вологодской, Пермской губ. и Соликамских лесов[37].

В конце XIX — начале XX в. старообрядцев Бухтарминской долины и Уймонской котловины, как и всех прочих сторонников древнего благочестия в Сибири, именовали кержаками.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 2. Крестьянство в период раннего и развитого феодализма. М., 1990. С. 478.

2 *Бояршинова З.Я.* Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды Томского ун-та. Т. 112. 1950; *Колесников А.Д.* Русское население Западной Сибири в XVIII — начале XIX в. Омск, 1973. С. 273; *Люцидарская А.А.* Старожилы Сибири. Историко-этнографические очерки. XVII — начало XVIII в. Новосибирск, 1992. С. 38, 54.

3 *Никитин Н.И.* Служилые люди в Западной Сибири. Новосибирск, 1988. С. 26–27, 31.

4 *Емельянов Н.Ф.* Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск, 1981. 111, 120.

5 *Бардина П.А.* Быт русских сибиряков Томского края. Томск, 1995; *Фурсова Е.Ф.* Новогодние праздники и обряды чалдонов Чаусской вол. Томского округа (с. Середино, Кандаурово) // Населенные пункты Сибири: опыт исторического развития. Новосибирск, 1992. С. 102–119; *Она же.* Историческая память и национальный менталитет старожилов и переселенцев Приобья // Всероссийская научно-практическая конференция «Русский вопрос и современность». Омск, 1994. С. 18–21; *Она же.* Чалдоны - этнокультурная группа старожилов Новосибирского Приобья // Страницы истории Новосибирской области. М., 1995. С. 129–133; *Она же.* Этнографические группы восточных славян в Западной Сибири: типология, идентичность, межкультурные взаимодействия // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Кн. 1. М., 2006. С. 427–441 и др.; *Кимеев В.М.* Касьминские чалдоны. Быт и культура русских старожилов Касьминской вол. Кемерово, 1997. С. 129; *Любимова Г.В.* Возрастной символизм в культуре календарного праздника русского населения Сибири. XIX — начало XX в. Новосибирск, 2004; *Жигунова М.А.* Об этнических группах русского этноса в Сибири // Народная культура Сибири. Омск, 1999. С. 198–202; *Она же.* Этнокультурные процессы и контакты у русских Среднего Прииртышья во второй половине XX в. Омск, 2004 и др.; *Золотова Т.Н.* Русские календарные праздники в Западной Сибири (конец XIX — XX в.). Омск, 2002; *Бережнова М.Л.* Загадка челдонов. История формирования и особенности культуры старожильческого населения Сибири. Омск, 2007; и пр.

6 *Блинова О.И.* О термине «старожильческий говор Сибири»//Ученые Записки ТГУ. № 74. 1971; *Палагина В.В.* Диалектный состав первых жителей Томска// Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Вып. 2. № 74. Томск, 1971. С. 100–105; *Захарова Л.А.* Данные современного диалекта как источник реконструкции говоров XVII в.//Русские говоры в Сибири. Томск, 1979. С. 19–23.

7 *Емельянов Н.Ф.* Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск, 1981. С. 111, 120.

8 *Липинская В.А.* Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае. XVIII — начало XX века. М., 1996. С. 7; *Мамсик Т.С.* Хозяйственное освоение южной Сибири. Механизмы формирования и функционирования агропромысловой структуры. Новосибирск, 1989. С. 156–157.

9 *Беликов Д.Н.* Первые русские крестьяне-насельники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта (общий очерк за XVII-XVIII столетия). Томск, 1898. С. 27–30; *Булыгин Ю.С.* Первые крестьяне на Алтае. Барнаул, 1974. С. 32; *Липинская В.А.* Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае XVIII — начало XX века. М., 1996. С. 16.

10 История Сибири. Сибирь в составе феодальной..., С. 191; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 164.

11 *Миненко Н.А.* По старому Московскому тракту. О первых населенных пунктах на территории Новосибирской области. Новосибирск, 1986; переизд.: 1990. С. 87.

12 *Соколова З.П.* На просторах Сибири. М., 1986. С. 14.

13 *Большаков М.А.* Современное переселение. М., 1924. С. 7.

14 Переселение в Сибирь. Прямое и обратное движение переселенцев семейных, одиноких, на заработки и ходоков. — СПб., 1906. Вып. XVIII. С. 41.

15 *Головачев П.М.* Заметки о русской колонизации Сибири // Землеведение. 1894. Т. 1. Ч. IV. С. 31–59; *Голубев П.А.* Очерки сибирской жизни и положение переселенцев на Алтае // Юридический вестник. 1892. Т. II. Кн. 1– 2.

16 *Ядринцев Н.М.* Поездка по Западной Сибири и в Горный Алтайский округ// Записки ЗСО ИРГО. Кн. II. 1880. С. 129.

17 *Ваганов Н.А.* Хозяйственно-статистическое описание Алтайского горного округа. СПб., 1883. С. 97, 314об.

18 Переселение в Сибирь. Прямое и обратное движение переселенцев семейных, одиноких, на заработки и ходоков. — СПб., 1906. Вып. XVIII. С. 16.

19 *Ядринцев, Н.М.* Поездка по Западной Сибири..., С. 125.

20 Там же. С. 125.

21 Там же. С. 129.

22 Там же. С. 125, 129.

23 *Ваганов Н.А.* Хозяйственно-статистическое описание..., С. 29, 116.

24 Там же. С. 82.

25 Список лиц, самовольно прибывших на территорию Подволошенского, Федосихинского, Ермиловского и пр. сельсоветов, 1929 г. ОАСТА Коченевского р-на НСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 30, 60, 78.

26 *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1989. Т. 2. С. 105.

27 *Потанин Г.Н.* Материалы для истории Сибири//Чтения в Обществе истории и древностей российских. Кн. 4. М., 1866. С. 103, 108; История Сибири. Сибирь в составе феодальной России. Т. 2. Л., 1968. С. 185, 191.

28 *Фурсова Е.Ф.* Старообрядцы-«курганы»: к вопросу об микроэтнических общностях // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. T.V. Новосибирск, 1999. С. 653–658.

29 *Фурсова Е.Ф.* Старообрядцы-«курганы»..., С. 653–658.

30 Дело Томской Казенной палаты по отделению со списками переселенцев пос. Бергульского, Пустоваловского Кыштовской вол. Каинского у., получивших ссуды. ГАТО. Ф. 196. Оп. 19. Д. 227. Л. 1–22.

31 *Сементовский А.М.* Этнографический обзор Витебской губернии. СПб., 1872. С. 14–19.

32 Там же. С. 14; Исторический очерк о трех уездах Витебской губернии. 1900 г. РО РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 451. Л. 36; *Заварина А.А.* Русское население в восточной Латвии во второй половине XIX — начале XX в. Историко-этнографический очерк. Рига, 1986. С. 15–19.

33 *Шмулевич М.М.* Очерки истории Западного Забайкалья XVII — середина XIX в. Новосибирск, 1985. С. 57; *Болонев Ф.Ф.* Семейские. Историко-этнографические очерки. Улан-Удэ, 1992. С. 32–55.

34 ЦГАДА. Ф. 288. Д. 555. Л. 1–5. 1736 г.; *Лебедева А.А.* К истории формирования русского населения Забайкалья, его хозяйственного и семейного быта (XIX – начало XX в.) // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969. С. 114; *Болонев Ф.Ф.* Семейские... С. 32–55; *Тарусская М.Г.* Коллекция расписной утвари и одежды семейского населения//Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. 2. Забайкалье. Новосибирск, 1975. С. 71; *Маслова Г.С.* Русская народная одежда Забайкалья // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. 2. Забайкалье. Новосибирск, 1975. С. 48; *Власова И.В.* Поселения Забайкалья // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. 2. Забайкалье. Новосибирск, 1975. С. 21–22 и др.

35 *Алексеенко Н.В.* Русская крестьянская колонизация Рудного Алтая в XVII–XIX вв. // Сибирь периода феодализма. Вып. 2: Экономика, управление и культура Сибири XVI–XIX вв. Новосибирск, 1965. С. 143.

36 *Лукичев С.С.* К истории бухтарминских каменщиков // Из истории Алтая. Томск, 1978. С. 231.

37 *Гуляев С.И.* Алтайские каменщики // Санкт-Петербургские губ. вед. 1854. № 21.

ОБЬ-ИРТЫШСКИЙ БАССЕЙН

Чалдоны-старожилы. Материалы для одежды. Широкий ассортимент покупных тканей, особенно китайского производства, придавал своеобразие старожильческой одежде русского населения, давал повод исследователям говорить о склонности сибиряков к красочным нарядам, об их зажиточности[1]. А.Н. Радищев сожалел по поводу того, что «низкая цена китаек, а паче даб и фанз изгонит из употребления в Сибири многие рукодельные и мануфактурные товары»[2]. В обзорах за 1899 г. говорится о мануфактуре, проложившей себе путь из Китая в Кяхту и далее в Сибирь (упоминается далямба, представлявшая собой английский дрилинг, окрашенный китайскими ремесленниками)[3]. Очень широкое распространение шелковые ткани имели у населения Южного Алтая, где старожилы на границе выменивали их на продукты своего труда или охоты[4].

В конце XIX — начале XX в. чалдоны, как достаточно обеспеченная группа сибирского населения, заметно меньше российских переселенцев использовали для

изготовления одежды льняные домотканые полотна, считая домотканину пригодной лишь для рабочих, повседневных костюмов.

Повседневную одежду в конце XIX — начале XX в. шили как из отбеленного, так и из крашеного холста. Для праздничных рубах основу делали льняную, а уток — из покупных хлопчатобумажных нитей (ПМФ). В с. Кандаурово Чаусской вол. Томского у. и губ. окрашивали домотканину «солнышками», для чего на ней предварительно завязывали узелки.

Для изготовления праздничного, а у богатых крестьян и будничного платья обычно подбирали покупные ткани, или, по-местному, «товары»: шерстяные — гарус и кашемир, шелковые — атлас, камку, фанзу, газ, хлопчатобумажные — китайку, киндяк, кумач, ситец, сатин и пр.

Общие сведения об одежде чалдонов. Костюмы старожилов характеризовались очевидцами как добротные и опрятные в сравнении с одеждой не только российских переселенцев, но и крестьян Европейской России. Высокое качество старожильческой одежды вне зависимости от социального положения поражали иностранцев. «Вы не увидите нигде оборванного и грязно одетого человека, — писал неизвестный путешественник в 1881 г., — на крестьянах и крестьянках чистое, хлощевое, самодельное платье, белое, или же окрашенное в общеупотребительный здесь, синий цвет»[5]. Действительно, многие сибиряки обладали достаточно обширным гардеробом одежды, за что более поздние переселенцы конца XIX — начала XX в. нередко называли их «сундучниками». Это впечатление подтверждается также публикациями очевидцев — исследователей, путешественников конца XIX — начала XX в. Ф.Н. Белявский писал по поводу русского старожильческого населения Западной Сибири следующее: «Одевается сибиряк с претензией на франтовство; лаптей он не знает. Мужчины щеголяют в пиджаках, а женщины — в ситцевых и шерстяных платьях. Кокошников не носят... не любят русских костюмов: и сарафанов на них не увидите, не увидите и вообще одежды, сшитой из домашнего полотна»[6].

Ношению праздничных нарядов отводилось лишь дневное время — к вечеру их снимали и надевали повседневный костюм. Столь бережный подход поясняет обычай не стирать праздничную одежду, которая при соответствующем использовании не успевала загрязниться на протяжении жизни своей обладательницы. Старую одежду штопали, подновляли и передавали по наследству детям и внукам. Сохранилось много рассказов наших информаторов о том, как берегли самодельную, а тем более покупную обувь (например, в церковь шли босыми, а обувались лишь в помещении; разувались, чтобы перебежать через грязь, лужи).

Женский костюм. В изучаемое время женщины-чалдонки в большинстве случаев не знали традиционные русские комплексы одежды «с сарафаном», «с поневой». Пожилые информаторы утверждают, что

сарафаны не носили ни матери, ни бабушки. Это свидетельствует о том, что и в 1880–1890-х гг. сарафанный комплекс в этой группе населения уже не бытовал. Подтверждение этому находим и в исследованиях, описаниях путешественников того времени. Другие этнокультурные группы населения, которые не использовали юбки и кофты в качестве традиционного костюма (это старообрядки, часть православных сибирячек, российских), называли такой комплекс «модой по-сибирски». Чалдонки мало украшали одежду вышивкой, объясняя это использованием красивых покупных тканей и нежеланием портить неэстетическими рукоделиями модные фасоны (ср. «вышивать, всякую ерунду нести». ПМФ, П.М. Антипина, с. Северное НСО).

По сведениям, полученным в ходе этнографических экспедиций, женский костюм зажиточных чалдонок конца XIX — начала XX в. представлял собой комплекс с облегающей кофтой и сбористой юбкой, фартуком, головным убором, обувью. В качестве нижнего белья использовалась рубаха. Вместе с тем, можно отметить, что при домашнем хозяйствовании крестьянки могли не надевать кофту; роль плечевой одежды в этом случае выполняла заправленная под юбку рубаха. Если кофту все же надевали, то она была значительно проще по покрою, чем в праздничном костюме. Если кофту и юбку подбирали с учетом расцветок тканей, т.е. делали «парными», то костюм называли соответственно *парочкой*.

Праздничной считалась одежда, в которой ходили на службу в церковь, на свадьбы и гулянья, надевали по случаю съезжих праздников, на крестные ходы — что называлось «ходить в добром». В повседневной одежде женщины среднего достатка управлялись по хозяйству дома, в рабочей ездили на покос, жатву. Домотканые, в клетку или полоску, юбки в будние дни надевали поверх туникообразных или на кокетке рубах, а по праздникам с кофтами *в серпинку* (клетку). Повседневная юбка, шилась ли она из холщовых или покупных материалов, была менее бористой, чем праздничная. При изготовлении повседневного костюма, таким образом, женщины старались сэкономить на качестве и количестве тканей. Экономные крестьянки в качестве повседневного могли использовать поношенный праздничный костюм. На сельскохозяйственные работы, покос ездили в парочках, но на месте уже раздевались и работали в одних рубахах и головных платках.

Нижние рубахи, которые служили также повседневными и рабочими, по традиции шили прямого покроя, длиной до середины икр. Изготавливали рубахи как с плечевыми швами, так и более архаичные туникообразного покроя, то есть без швов на плечах. Полевые этнографические материалы и музейные коллекции свидетельствуют о том, что рубахи состояли из двух частей: верхней — *базарных рукавов* и нижней — *станинки* из отбеленного или окрашенного холста.

Кофты имели рельефные швы, которые расходились книзу, образуя баску. Рукава по моде того времени делали сложной формы — объемные у плеча (*грибом*) и суживающиеся к запястью. Внизу они заканчивались резинкой или манжетой. Воротник-*ошейник* по сибирской традиции делали обычно стоячим. Воротник, как и кофта в целом, застегивались на ряд мелких пуговиц. Поскольку пуговицы считались довольно дорогим отделочным материалом, то их обилие также подчеркивало состоятельность носительницы. Примерно в 1910–1915-х гг. сменился силуэт кофт: их стали шить прямого покроя, нередко с кокеткой *(перелинкой)* и заправлять в юбки. Расположение разрезов в кофтах служило показателем состоятельности: обычно разрез-застежку помещали спереди, те же, кто мог позволить себе обратиться к швеям-модисткам — сзади.

Юбки по традиции делали очень *бористыми*, для чего выделяли на это 3–5–6 прямых полотен, которые могли удлиняться в сторону спинки. Верх при этом подгибали и вставляли завязку-*гашник*. Чалдонки могли носить их одновременно по 3–5 штук с подтыком подола верхней юбки. Старожилы Алтая называли такие юбки *в борик*. По воспоминаниям чалдонки Н.А. Кантаевой, наряды в старину выглядели так: «Юбки были до-олгие, когда пойдут, захватят справа подол рукой...». Случалось, при выходе такой «барыни»-крестьянки в церковь, в присутственные места, на праздник удлиненный, подобно шлейфу, подол юбки придерживала и сохраняла от загрязнения горничная девушка-работница. «В церковь снаряжаются — ног не видать. Это каторые богатые были. Идет в церкву, а сзади работница дёржит хвост ей. Если подол пустишь, он будет дорогу подметать».

Юбки бывали настолько широкими еще в 1910–1920-х гг., что впоследствии, рассказывают информаторы, в голодные годы революции и гражданской войны, эту старую одежду женщины перешивали своим дочерям. Из одной юбки могло выйти две рубахи или две менее пышных юбки.

Как это принято повсеместно у русских, девушки-чалдонки заплетали одну косу и ходили с непокрытой головой, женщинам полагалось две косы и обязательно головной убор. В конце XIX — начале XX в. у чалдонок в Северном Алтае было распространено украшение косы одной или несколькими лентами, прикрепленными к первой ленте, повязывание платочка *по-девичьи* — под подбородком[7]. Старинный способ — обертывание головы шалью, сложенной в виде ленты, — в указанное время использовался уже мало. Девушки украшали голову гребешками, втыкавшимися на затылке или на темени. Особенно нарядно убирали прическу просватанной девушки: в волосы вставлялось до пяти гребней. Как рассказывала Е.П. Казанцева из д. Базой Северного района

НСО, один гребень помещали спереди, на темени, два других — по бокам, по одному на затылке и у основания косы.

Окручивали, т.е. меняли головной убор с девичьего на женский, за свадебным столом после обряда венчания (при отсутствии церкви и обряда венчания по приезде в дом жениха): «Принародно ее завешивают и там снаряжают» (ПМФ). Перекрутив две косы сзади, их располагали вокруг головы, поддерживая мягкой шапочкой (*повойник* — в селах Приобья, *наколок* — на Алтае) и парой платков. Нижний при этом должен был завязываться назад (при отсутствии повойника он мог заменить его), а верхний вперед, под подбородком. Сшитый из нарядных тканей и обшитый кружевом повойник могли носить в качестве самостоятельного убора. В северной Барабе после окручивания на голову молодухи надевали тряпочный обруч (*обручик*, *рубец*), а поверх повязывали кружевную *файшонку*, которую покупали в местных лавках. Появиться женщине в обществе или даже в своей семье без платка считалось большим позором: «А с голой головой уже не ходили, нельзя женщине. Не разрешали старые люди» (ПМФ). Интересно, что пожилые чалдонки и сегодня, чтобы подчеркнуть благопристойность своего поведения, упоминают в разговоре: «Не размазни какие — в платках ходили» (ПМФ). В праздничные дни, при выходе на службу в церковь верхний платок заменялся шалью, которую подкалывали булавкой. В качестве головного убора замужней женщины встречается упоминание о *колпаках*. При выходе на улицу поверх повязывали платок, который в помещении снимали. После Первой мировой войны распространились плетеные на коклюшках косынки и шарфы (*кокетки*), которые пришли в деревню из городской среды.

У чалдонок было принято и праздничный, и повседневный костюмы дополнять *фартуками*. Этот вид поясной одежды представлял собой передник без грудки, который повязывался сзади. Праздничные фартуки шили обычно из белого хлопчатобумажного *коленкора*, их нередко украшали несложными вышивками и оборками-*фанборами*, повседневные делали без излишеств из куска домотканины.

Когда крестьянки собирались на покос или жатву, то надевали специальные чехлы для рук *(нарукавники)* и для ног *(поголенки)*. Эта удобная рабочая одежда предохраняла руки и ноги от колючих трав, а также защищала от грязи рукава рубахи и чулки. Материалом для нарукавников и поголенок служил холст.

Праздничный костюм дополнялся навесными украшениями. Если серьги носили не все, то бусы являлись желанными для женщины любого возраста. Бисерные, стеклянные бусы покупали в местных лавках, одновременно надевали по 2–3 низки. В зависимости от состоятельности руки украшали золотыми или серебряными кольцами.

* * *

Исследование традиционной одежды старожилов Сибири православного вероисповедания конца XIX — начала XX в. показало близость традициям костюма донского казачества. Чалдонки, как и казачки, не являлись носительницами комплексов одежды с сарафанами. В процессе ретроспективного обзора обнаруживается, что в Западной Сибири комплекс юбки с кофтой не отмечался историками в качестве основного, у чалдонок оказался не «поздним явлением» в отличие от других этнокультурных групп[8]. Если просмотреть хронологически более ранний материал, то выявляются интересные факты бытования подобной одежды. Так, Т.С. Мамсик в реестрах утраченного имущества XIX в. была отмечена частота упоминания юбок в три раза больше, чем сарафанов[9]. Аналогично В.А. Липинская обнаружила в среде казачества Алтая начала XIX в. бытование юбок «китаешных тафтяных», «гранитуровых», «атласных», «тафтяных», «барситовых»[10]. К первой половине XVIII в. относит бытование «юпки» в Чаусской вол. Томского у. историк О.Н. Шелегина[11]. Однако и это еще оказалось не самым нижним пределом, поскольку по материалам XVII в. комплекс с юбкой бытовал в качестве «нового типа» комнатной и уличной одежды[12]. Если, практически, каждый исследователь-сибиревед в пределах изучаемого периода предполагает, что на фоне старых традиционных костюмов с сарафаном появляется «новый» с юбкой, то закономерен вопрос: может быть, и для XVII в. юбочный комплекс также не был новацией?

Этнографы считают комплекс кофты с юбкой из домотканины характерным для сформировавшегося в XVI–XVII вв. военно-служилого сословия, контингент которого непрерывно пополнялся казаками[13]. Следовательно, комплекс женской одежды с кофтой и сборчатой юбкой можно считать традиционным для этнокультурной группы старожилок-чалдонок.

Мужской костюм у чалдонов составлял комплекс общерусского типа, включавший рубаху, штаны, пояса, головной убор и обувь. Традиционный повседневный мужской костюм во второй половине XIX в. включал белую льняную (встречалось, с кумачовыми вставками-ластовицами под мышками) или пестрядинную рубаху. *Рубахи* делали традиционного для русских крестьян прямого покроя, со стоячим воротником-*ошейником* и расположением разреза ворота почти по центру переднего полотна (в отличие от российских косовороток). Мужские рубахи вышивали по воротнику и нагрудной нашивке. Их было принято носить навыпуск, поверх штанов, низ которых заправляли в обувь. Рубахи подпоясывали ремешком, а в праздничные дни узорнотканым поясом, которые завязывали на узел слева. В конце XIX — начале XX в.

праздничные рубахи надевали с широкими, как юбки, *шароварами* из плиса, сукна, сатина.

Нижние штаны шили в основном из отбеленного или пестротканого (в полоску, клетку) льна и называли в начале XX в. *кальсонами*. Штанины выкраивали как кошеными, так и прямыми. Взрослым мужчинам полагалось иметь двое штанов: по праздникам — *шаровары, брюки*, а в будние дни и на различные сельскохозяйственные работы — *чембары*. Шаровары и брюки шили из покупных хлопчатобумажных тканей темных расцветок. Одно время, примерно в конце первого десятилетия XX в., были очень популярны фактурные ворсовые товары «в рубчик», плис. Шаровары кроили широкими («как юбки»), с прямыми штанинами и квадратной вставкой. Они держались на бедрах при помощи кулиски-*ошкура* или резинки. Брюки с поясом и гульфиком фабричного производства или изготовленные местными портными были достоянием обеспеченных людей.

Чембары из грубого льняного полотна можно считать типичной чалдонской рабочей и дорожной одеждой. Их надевали летом на полевые работы, а зимой — при поездках в дальнюю дорогу поверх прочей одежды. Раскраивались чамбары с прямыми, широкими внизу, чтобы имелась возможность натягивать их поверх пимов. Чембары держалися на бедрах *на вздержке* в подгибе края полотна. Когда мужчина выполнял какие-то хозяйственные работы, то рубаху заправлял, но при выходе на улицу обязательно «выпускал, под ремень».

Одежда прочих групп сельского населения типологически не отличалась от крестьянской. Например, костюм пастуха, на должность которого нанимались материально необеспеченные люди, выглядел скромно. В силу скудности средств его одежда сохраняла также немало архаических черт. Приведем устное сообщение информатора из с. Середино Чаусской вол. Томского у. об облике старика-пастуха: «Пастух в шабуре, лаптях или обутках, с сумкой через плечо. В сумке — хлеб, молоко, шапка-треух на случай похолодания. Бич заткнут за пояс или закинут через плечо. В пастухи бедные шли, не богатые...».

Молодые мужчины предпочитали короткие стрижки, а пожилые «под кружок», так как боялись, по словам информаторов, умереть «с голой головой». Мужчины носили бороды, брить которые считалось греховным делом. Летом и в межсезонье головы покрывали валяными шляпами, которые в праздник заменялись поярковыми, зимой меховыми шапками с длинными ушами — *долгоушками*. Эти головные уборы из овчины, каракуля, медвежьих, заячьих, телячьих, бобровых, волчьих мехов носили в холод, пургу, когда они хорошо защищали не только голову, но и грудь, шею. Их носили мужчины и женщины.

Молодые люди летом носили картузы, зимой — овчинные, собачьи шапки-*ушанки*. Нарядным убором считались также кубанки или

папахи, сшитые из мерлушки или каракуля. Донышки кубанок делались из сукна, а папах — из того же меха, что и околыш. Распространение папах и кубанок из черных, белых, рыжих мерлушек и прочих мехов имело место, вероятно, под влиянием сибирского казачества.

Вместе с тем, наблюдался интересный, не раз отмечавшийся в рассказах сибиряков, парадокс: в то время как в летнюю жару старожилы носили валянные из шерсти шляпы, зимой, в 40-градусные морозы, могли ходить без шапок. Население, занимавшееся извозом, можно было определить по шапкам типа польских конфедераток, которые назывались по-местному *четыре беды* или *четыре апостола*.

Детская одежда изменялась по мере взросления ребенка. В Приобье и других местах Сибири новорожденных детей пеленали в узкие пеленки, на которые шли отрезанные куски из старой, поношенной одежды. Пеленали так, чтобы можно было периодически менять нижнюю подстилку в колыбели, не перепеленывая всего ребенка. Пеленку складывали в несколько слоев и покрывали ею спину, далее, оставив открытыми ягодицы, повязывали крест-накрест ноги. Узкой полоской ткани или сплетенной веревочкой-*пеленашником* обвивали и повязывали ноги. После обряда крещения на младенца надевали крест.

До 5–6 лет мальчиков и девочек одевали одинаково в холщовые рубахи-*станинки*, которые по обычаю подпоясывались тканными поясами или плетеными веревочками. Матери следили за тем, чтобы дети были подпоясаны. Станинки шили прямого покроя, длиной до колен и ниже. Рукава делали длинными, а для теплого времени года покороче, до локтей. Зимой поверх рубахи надевали шабур или шубу, летом же этот вид одежды был основным. Обувь для малышей шили мягкую: для этих целей брали кожу с половых органов баранов. Башмаки формировали на колодках, затем обваливали для придания мягкости в муке и обшивали по верху полоской ткани.

Примерно с шести-семилетнего возраста детские костюмы различались по полу: у девочек рубаха становилась нижним бельем и появлялось платье с оборкой (или оборками) по подолу, у мальчиков — штаны. При изготовлении детской одежды хозяйственные крестьянки руководствовались соображениями удобства и экономии. Детям младшего возраста оставляли между штанин прореху. С этими же целями на штаны использовали грубые холсты, настолько прочные и крепкие, что, по воспоминаниям наших информаторов, «за гвоздь запепишься и висишь, пока не снимут».

Подростковая одежда во многом напоминала взрослую, лишь в самых бедных семьях подростки в 11–12 лет были вынуждены ходить в одних рубахах. Для праздников девичьи платья и мальчишечьи рубахи шили из хлопчатобумажных тканей, а при достатке покупные ткани использовались и для повседневного костюма. Кроме того, в начале XX в. в

гардеробе юношей появился новый вид одежды в виде кортки, который называли *визиткой*. В послевоенные 1920-е гг., когда люди терпели нужду, распространились холщовые визитки в комплексе с холщовыми же штанами, окрашенными различными растительными красителями.

Верхняя одежда. Одной из примечательностей костюма чалдонов, как и других старожилов, было разнообразие верхней одежды, предусмотренной на все случаи жизни. Принципиально не отличавшаяся мужская и женская верхняя одежда для конца XIX — начала XX в. насчитывала до тридцати наименований. Нередко виды одежды, не имевшие принципиальных отличий в использовавшихся материалах, покрое и способах ношения, имели разные названия. Алтайский крестьянин П. Школдин в 1861 г. писал про селян с. Крутиха Бурлинской вол. Барнаульского у.: «Азям коркового сукна, шаровары суконныя, пеньково-триковыя, халат термалама, триковый, казинетовый и др. материй; опояска крученого шелку, гарусная, бумажная; картуз суконный, триковый, шляпа поярковая, перчатки замшевыя зеленыя, сапоги вытяжныя; многие носят сюртуки, пальто и проч.»[14]. Он также представил перечень зимней мужской одежды своих односельчан: «Тулуп овчинный мерлушчатый, крытый сукном, с воротником крымской или русской мерлушки; бродни тюменские, либо сапоги кунгурские, шапка бархатная, суконная с белковым, выхухлевым, бобровым и др. околом, а обыденная одежда — шуба или полушубок дубленая, дымленая и белая, своей работы, черный зипун, бродни, большей части тюменския и своеделыщины, шапка какая случится, малахай треполой, рукавицы, для езды козловая или лошадиная доха, а на руки мохнашки овчиныя или из заячьих лап»[15].

В конце XIX — начале XX в. в среде старожилов-чалдонов бытовала верхняя одежда различного назначения в зависимости от времени года и назначения в быту. Поскольку рабочую одежду изготавливали из домотканины, овчин своей выделки, она считалась недорогой и доступной всем. Праздничные виды верхней одежды стоили уже немало денег и по этой причине были менее распространены у бедных слоев населения.

Одежда различалась способами ношения: внакидку на голову, плечи, с продеванием рук в рукава. Способ ношения одежды в накинутом на голову виде, без использования рукавов, был в свое время описан С.И. Гуляевым[16]. В накинутом виде носили не только на голове, но и на плечах, т.е. *на опаш*, как говорили в Древней Руси, называя соответственно такую одежду *опашницей*. О бытовании в прошлом на Алтае опашниц свидетельствует «словарь провинциализмов» С.И. Гуляева[17].

Русскими старожилами гораздо в большей степени использовалась плечевая одежда с продеванием рук в рукава. По материалам Верхнего и Среднего Приобья, Барабы и Алтая, верхняя одежда классифицируется

в зависимости от конструкции: однобортная с центральной прямой застежкой (*зипуны, балахоны, однорядки, подоболочки, шубы, дохи* и пр.), однобортная с запахом налево (*шабуры, понитки, азямы, армяки, халаты, лабошаки, сермяги, бешметы, поддевки, чекмени* и пр.), двубортная с запахом налево (*кафтаны, подоболочки, поддевки, зипуны*)[18]. С учетом вертикальных и горизонтальных членений виды верхней одежды сводятся к трем основным типам: кафтанообразный, халатообразный без плечевых швов, халатообразный с плечевыми швами. Горизонтальные подрезы по талии для одежды русских крестьян-старожилов не были характерны. Подрезать спинку и собирать складками подол стали не ранее начала XX в. под влиянием воронежских, курских и других южнорусских переселенцев, украинцев, белорусов.

При выполнении хозяйственных работ в межсезонье мужчины и женщины надевали *шабуры*, или *зипуны*. Повсеместно в Верхнем Приобье, Барабе, Алтае этот вид одежды имел халатообразный покрой с плечевыми швами, шился из достаточно грубого полушерстяного полотна (основа льняная, уток шерстяной). Из-за неоднородного волокнистого состава, когда шерсть шла через нитку *портяной*, эту ткань называли в народе в шутку «через нитку проклятой». Одежда из *понитчины*, имея одинаковый покрой, различалась локальными названиями: например, в Северном и Центральном Алтае — *пониток*, в Южном Алтае, северном Нарымском крае, в районах Салаирского кряжа, Буготакских сопок — *шабур*, что подтверждается данными по Томскому Приобью[19]. Шили из трех или четырех прямых полотен и двух-трех или четырех боковых косин. Рукава раскраивали кошеными с клиньями. Халатообразная одежда из понитчины была известна у русских Европейской России под названием пониток — в южных и юго-восточных районах, а шабур — в северных[20].

Верхнюю одежду запахивали и подпоясывали широкими *опоясками*, *кушаками*. Расцветки шабуров и зипунов в той или иной семье зависели от шерсти домашних овец с преобладанием черного, коричневого, серого. В сырую холодную погоду эти одежды надевали поверх шуб или полушубков, чтобы защитить мех.

Как повседневная и праздничная одежда использовались суконные *зипуны*, которые бытовали у старожилов как исключительная принадлежность мужского костюма. В отличие от понитков и шабуров, зипуны изготавливались полностью из шерсти без добавления льняных нитей и могли быть коричневого, светло-серого (у стариков) цветов. Во второй половине XIX в. зипуны носили длинными, до колен и ниже, из-за чего российские называли старожилов «долгоспинными»[21]. В начале XX в. зипуны стали шить короче, отрезными по талии, с большим числом расширяющих подол клиньев.

Армяки считались более теплой одеждой, так как на них шло чисто шерстяное сукно. По покрою они также представляли собой длинные халаты, с большим отложным воротником, которые носили запахнув, с поясом. В отличие от шабура, продукта домашнего труда, армяки чаще приобретались у кустарей и были светлее — от светло-коричневого до бежевого и желтого. В силу этого армяк был более дорогой одеждой, которую одевали в качестве праздничной. По воспоминаниям очевидцев, именно в этот наряд прихорашивались парни для гуляний на «лугу», на «полянке».

В холодной Сибири с резко континентальным климатом была необходима зимняя меховая одежда. В каждой старожильческой семье имелась овчинная *шуба*, которая в зависимости от качества меха и сроков использования могла быть повседневной или праздничной. В малообеспеченных семьях эти функции совмещала одна шуба. Шубы обычно имели темный цвет (*черненые шубы*), что было обусловлено способом обработки овчин — чернением. Конструктивно они представляли собой халатообразную одежду, достаточно просторную и длинную (*долгую*), мехом внутрь. Если шуба изнашивалась, то, при желании, ее не выбрасывали, а отдавали портному *на перетяжку*, сверху покрывали тканью.

Более короткого вида меховую одежду *полушубки* шили длиной чуть выше колен или до середины бедра. Прослеживаются и некоторые отличия в назначении: короткая одежда была удобнее для работы в домашнем хозяйстве. По сибирскому обычаю, в морозные дни или при долговременных работах вне дома (на охоте, поездках за сеном, дровами) полушубки заправляли в кожаные или холщовые штаны — чембары и подпоясывали опоясками.

Самой теплой зимней одеждой служили *тулупы, дохи, яги* с высокими меховыми воротниками для защиты от сильных ветров и метелей. Их шили шире и длиннее шуб из овчин мехом внутрь. На случай особо сильных морозов при дальних поездках на лошадях (в лес, в город и пр.) имелись *дохи* из лохматых собачьих шкур. Они бывали настолько широки, что в большие холода могли надеваться поверх шабуров и даже шуб. При этом дохи не подпоясывали, но запахивали или застегивали их на верхний крючок. Сибирские дохи шили из 4–7 овечьих или нескольких собачьих (до 10–12) шкур, а также из шкур диких коз, маралов. При соединении шкур три основных конструктивных шва получались по бокам и на спине; имелись швы и на плечах. Прямые или кошеные рукава вшивали в вырезные проймы. Круглый воротник до 30 см высотой в поднятом состоянии практически полностью закрывал голову.

В 1920–1930-х гг. гардероб верхней одежды значительно обновился. Под влиянием городской моды появились пальтообразные *маринаки*, которые утепляли льняными волокнами («на льняной кудели»). Они

характеризовались полуприлегающим силуэтом и длиной до середины бедер. Обеспеченные девушки и молодые женщины старались приобрести себе европейского покроя полуприлегающее или прямое *пальто*. У сибиряков Алтая пальто называли *касавейка*. От маринаков *пальто-касавейка* отличалось большей длиной — до щиколоток или немного выше. Первые пальто, которые распространились в деревенской среде, имели стяганную прокладку из льняной кудели. Меховой воротник мог быть пристежным.

Сибиряки-старожилы хорошо утепляли руки: в холода носили вязанные шерстяные *исподки* и меховые рукавицы *мохнашки* или *шубейки*, сшитые мехом наружу.

Обувь. Крестьяне-старожилы носили кожную и войлочную обувь, плетеные лапти считались обувью российских переселенцев. Несмотря на то, что в конце XIX — начале XX в. в Западной Сибири было налажено промышленное производство обуви (обувные и кожевенные фабрики работали в Барнауле, при Локтевском и Змеиногорском заводах и пр.), в большинстве крестьянских семей все операции делали мужчины или заказывали какому-либо мастеру в селе.

Основной обувью, которую чалдоны носили повседневно, были самодельные кожаные *обутки*, или *чарки* — названия, обозначавшие один вид обуви в разных районах Сибири. Мужские обутки отличались от женских наличием голенища. В женской обуви верхний срез обшивали неширокой полоской холста (*опушкой*), в которые вставляли завязки. В мужских обутках голенища из холста или кожи доходили до колен. При работе на пашне, на уборке снопов сибирские крестьянки защищали ноги *поголешками*, которые имели вид холщовых гетр. У щиколотки и у колен поголешки прикреплялись к ноге завязками из конопли.

Обувь с кожаным голенищем выше колен называлась *бродни*. Мужские обутки или бродни крепились на ноге при помощи ремешков, продетых в три петли. Привозные бродни тюменской работы могли надевать и в качестве дополнения зимнего праздничного костюма. Рабочая обувь на толстой подошве *бутылы* доходила до середины бедра с расширением кверху. Носили в зависимости от сезона с холщовыми портянками или войлочными чулками. Начищенные до блеска новые бутылы обували и по праздникам, не подвязывая, отчего голенища спускались по ноге поперечными складками. Если голяшки изготавливали из кожи, а подошву толстой, с каблуком, то такую обувь называли *сапоги*; их также подвязывали под коленями веревками или ремешками.

В праздничные дни надевали обувь фабричного производства: женщины — ботинки на невысоких каблуках, мужчины — хромовые сапоги также с невысокими каблуками кунгурской, тюменской работы. Особенно престижными считались кунгурские сапоги с каблуками, подбитыми

в три-четыре ряда медными шпильками. Некоторые молодые люди отделывали праздничные сапоги весьма декоративно: по верхнему краю пришивали бахрому. Зимой под самодельные сапоги с длинными голенищами пододевали вязаные или валяные (*качемные*) чулки и суконные онучи.

У чалдонов Чаусской вол. Томского у. и губ. своеобразием отличались очень дорогие так называемые *бизоновые сапоги*. Их покупали в г. Колывани. Бизоновые сапоги выглядели очень претенциозно, поскольку имели острый носок и изогнутый каблук и сильно лакированную поверхность («блестели как стекло»).

Зимняя валянная из шерсти обувь по-чалдонски называлась *пимы, пимишки*, реже *катанки*. Повседневные пимы катали из темной шерсти, праздничные — из более светлой; по желанию заказчика их перетягивали холстом. Занимались этим делом несколько мужчин на село или на группу семейств; собирались работать, как правило, в банях. На зимние праздники обували покупные пимы с вкатанными узорами, называвшиеся *крашеными пимами*: «как будто веником снег смахнули». Их производство было налажено с 60–70-х гг. XIX в. вятскими и другими российскими переселенцами (по-российски *валенок*, украшенный узорами). Белые валенки, расшитые розовой и белой шерстью, с каблуками, привозили из Пермской губ. и называли *кунгурскими* или *поярковыми* валенками. Отличие мужских валенок от женских заключалось в высоте: мужские катали во всю длину ноги, женские — до колена.

В сильные морозы в ряде районов под сапоги и пимы сибиряки носили длинные сапоги из козлиных и собачьих шкур (*лунты, кысы*). В лунтах шерсть располагалась внутрь, а в кысах наружу. Их надевали во время дальних поездок зимой.

Обрядовая одежда. Наряды для выхода в церковь, на престольные и съезжие праздники, когда собирались родственники и знакомые, шили из лучших покупных тканей: хлопчатобумажных (китайки, ситца, сатина), шелковых, полушелковых (камки, фанзы), шерстяных (кашемира, шелона) тканей. Особое внимание уделяли свадебному костюму. В конце XIX в. свадебным нарядом чалдонок была парочка, представлявшая собой комплекс кофты и юбки. По внешнему виду она соответствовала традиционным костюмам чалдонских женщин. Свадебные парочки шили обычно из наиболее дорогих однотонных тканей пастельных и ярких цветов (розового, голубого, малинового, василькового). Однако уже к первому десятилетию XX в. влияние городских мод на свадебную одежду ощущалось более, чем в других видах костюмов. Об этом свидетельствуют сохранившиеся у пожилых информаторов подвенечные платья. С их появлением начала уходить из быта традиционная одежда, состоявшая из двух элементов, и начался переход к европейским моделям того времени. Эти платья имели усложненный крой

со слегка завышенной кокеткой или ее имитацией, изломанной линией застежки вдоль левого плеча, проймы и бокового шва. В духе времени выглядели и декоративные отделки в виде множества строчек, кружев, бантов, обернутых тканью пуговиц.

Основной костюм дополняли венком из искусственных, бумажных цветов. Этот головной убор надевали перед приездом жениха в день свадьбы (перед обрядом *бранья*). Венок обычно делали подруги, и от их уменья и старанья зависел внешний вид невесты.

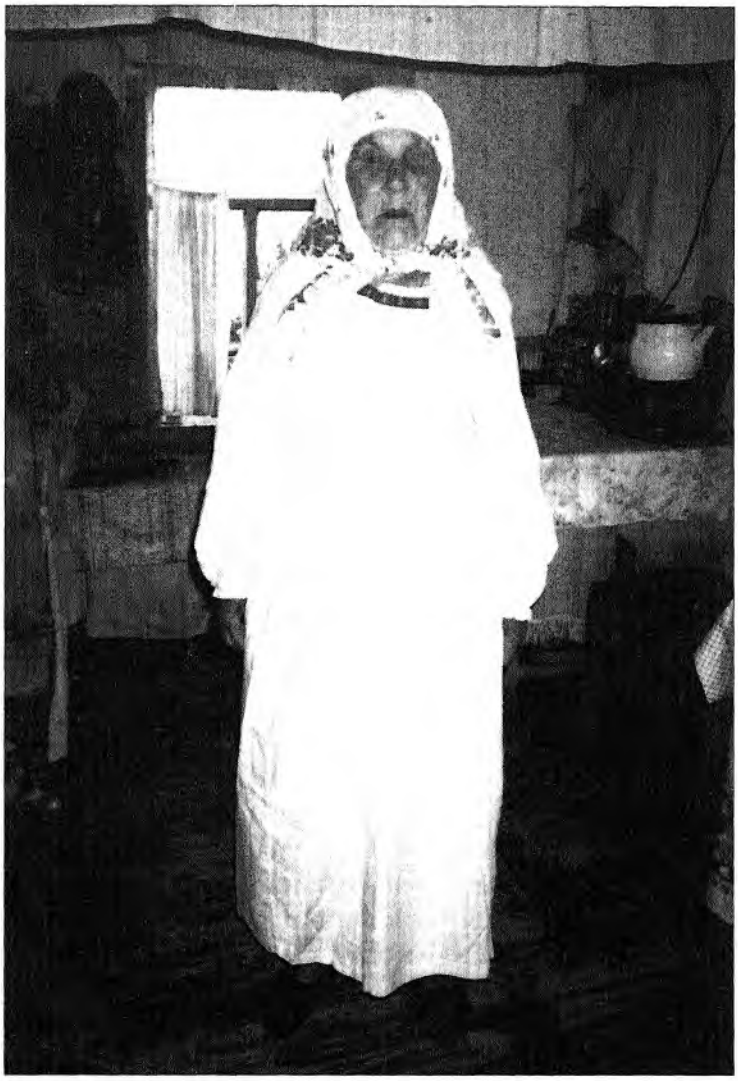
У чалдонов, как и у прочих православных россиян, было принято хранить венчальное платье, которое, как считалось — и это мнение бытует до сих пор — обладает исцеляющей и усмиряющей силой. Свадебные парочку или платье использовали при оказании помощи больным с нервно-психическими заболеваниями: набрасывали на больного родимчиком и эпилепсией.

Отдельное место в гардеробе занимала одежда для посещения церковных служб. В храм мужчины и женщины надевали чистые, обычно никогда не стиранные, костюмы. В начале XX в. мужчины с достатком позволяли себе иметь для этой цели *пиньжаки* европейского покроя. Девушки могли идти без головного убора, а женщины покрывали свои косы сначала повойником или наколком, а затем платками — один завязывали назад и другой — под подбородком. Верхний платок или *шаль* (*подшалок*) закалывали под подбородком. В 1930–е гг. женский убор упростился даже в церковном костюме и мог включать нижнюю шапочку и платок или только один платок.

Венчальный костюм хранили до конца жизни, т.к. он же должен быть впоследствии погребальным, *смертным*. И сейчас среди информаторов можно встретить твердо убежденных в необходимости хоронить человека в той одежде, в которой он ранее стоял перед Божьим престолом. Если случалось погребение девушки или незамужней, «старой девы», то на них надевали новую одежду и меняли прическу. Одну косу, свойственную девушке, расплетали и закручивали волосы узлом (*шишкой*). Подобные последовательные действия заставляют думать, что замужество предполагалось в ином мире.

Промысловые костюмы. Обычай заправлять полушубки в чембары в промысловых костюмах зимнего времени оказался настолько целесообразным и практичным, что кое-где, в таежных районах, дожил среди селян до настоящего времени.

Старожилы, занимавшиеся зимней охотой, обязательно делали себе теплые лисьи шапки-ушанки. Отправляясь на промысел, поверх меховых уборов накидывали суконные *башлыки*-капюшоны с длинными ушами, которые, как и в меховых шапках, заматывали и завязывали на шее.



Погребальная одежда Ф.К. Пудовой. Д. Макаровка Новосибирской обл. Фото Е.Ф. Фурсовой. 1993 г.

На охоту или рыбалку обували самодельные бродни. Недубленая кожа, разбухая в воде, не пропускала влагу. Об этом виде промысловой обуви писал в середине XIX в. Г.Н. Потанин: «...чтобы бродить по воде, на ноги надевали бродни из сыромятной или вовсе невыделанной кожи, сшитой шерстью внутрь; бродни завязываются выше и ниже колен, доходят до лядвей и подвязываются к поясу»[22]. В холодную погоду бродни носили с суконными онучами, подкладывая соломенные стельки. Если

заниматься промысловой деятельностью приходилось женщине, то ее костюм мало отличался от мужского.

Таким образом, чалдоны Сибири, считающие себя потомками казаков, имели особенности культуры, выражавшиеся, в частности, в длительном сохранении компонентов позднефеодального элитарного костюма XVI–XVII вв. Нацеленность на элитарность и городские формы получила дальнейшее подтверждение в XIX — начале XX в., когда одеждой подчеркивалось особое социальное положение, отличное от крестьянства. Заметим, что служилые люди, первопроходцы Сибири, и считавшие себя потомками казаков чалдоны, обнаруживают и в других элементах традиционно-бытовой культуры сходные черты с коренными донскими казаками.

Старообрядцы-москали. Общие сведения о материалах и традиционной одежде. На первых порах освоения Сибири старообрядцы из северо-западных губерний Российской империи (сейчас территория Белоруссии) в плане материального благополучия значительно проигрывали старожилам — чалдонам. Меньшая зажиточность проявлялась, прежде всего, в качестве одежды, шившейся из холстины, а также в количестве вещей. Однако старообрядцы не считали это недостатком. Они говорили: *«Жили хорошо, хоть и холщовое все носили, одних подушек штук пятнадцать было!»*.

Москали выделялись особенностями костюма на фоне прочих конфессиональных групп Западной Сибири, например, кержаков. Специфика проявилась в видах одежды, покрое, терминологии, а также сохранении традиционных обрядовых костюмов. Праздничный костюм из более дорогих, покупных тканей хранился в сундуках всегда отдельно от будничного. Одеться нарядно в начале XX в. означало надеть чистую одежду: у молодых это могли быть юбка с кофтой, а у пожилых — комплекс с сарафаном-*шубейкой*. Еще в первые годы переселения в Сибирь девушки надевали на вечерки смешанный вариант старого и нового костюмов: шубейки с кофтами и накинутой поверх шубой. Очень оживляли внешний вид яркие платки и шали, надетые зимой поверх шуб и полушубков. После 1930-х гг. комплекс с шубейкой можно считать бытовавшим в качестве моленного и погребального костюмов, а также старушечьей одежды. В 1980-е гг. этот костюм фиксировался нами только в погребальном комплексе.

Женская одежда. В начале XX в. среди женщин был распространен комплекс одежды, который в этнографической литературе определен как *комплекс с сарафаном*. В отличие от старообрядок соседних селений, которые знали сарафаны закрытого типа (горбачи, горбуны), западные переселенки носили сарафаны-*шубейки* с цельным передним полотном на узких лямках-*проймах*. Переднее полотно продолжалось немного вверх

и образовывало квадратную деталь, которая называлась *огрудья, грудина*. В типологически более ранних вариантах лямки могли пришиваться к фигурно выкроенной детали — *спинке* либо соединяться вместе *мысиком*. Сарафаны шили как из кошеных, так и прямых полотен, собранных вверху боров и складок. Старообрядческие наставники рекомендовали, где и как делать складки, что было особенно актуальным в отношении погребальной одежды: полагалось укладывать три складки под проймами и вокруг спинки-*ремня*. С изнанки в боковые швы вшивали тесемки, которые завязывали под грудью. Традиция требовала, чтобы шубейки по своей длине были не выше щиколоток ног («никто не носил поджаро»).

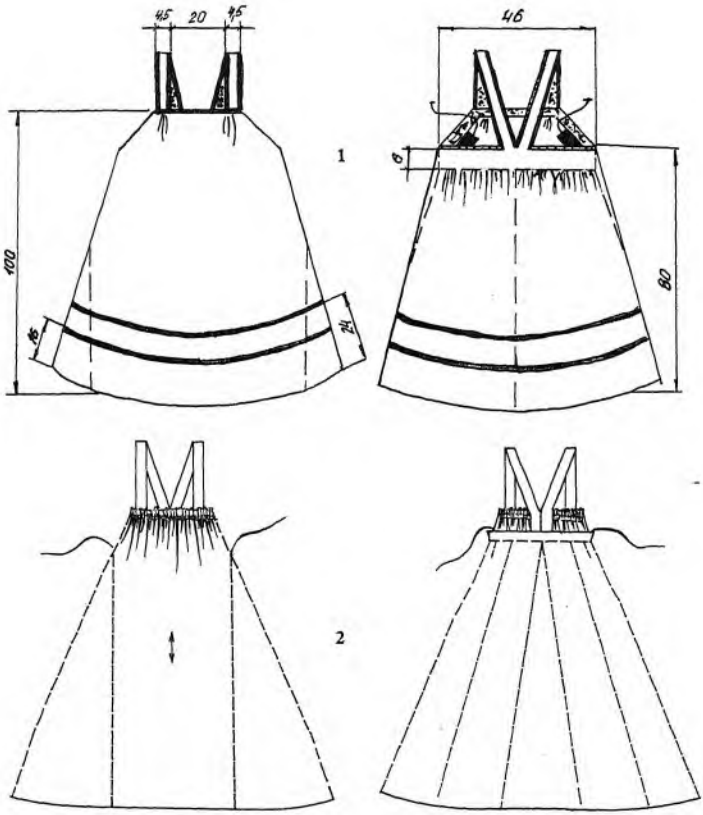
Одеждой, надевавшейся под сарафан, была рубаха. По своему покрою она относилась к общеславянским рубахам со вставками-*прорамками* на плечах и сосборенным воротом. Прорамки вставлялись по утку полотен рубахи, что типично для севернорусской этнокультурной группы и белорусов[23]. Повседневные и праздничные шили из двух частей: верхней, *подставы* или *оплечья*, на которую использовали покупные, узорчатые ткани, и нижней, обычно холщовой, *станушки*. Рубахи имели одношовные рукава — скошенные книзу, без клиньев и слегка сосборенные у запястья. Под мышками вшивались небольшие по размерам квадратные *ластовки* (5 × 5 см). В праздничных костюмах низ рукавов отделывали *фанборами* (оборками). Ворот застегивался спереди на одну пуговицу и обшивался невысоким стоячим воротником–*воротком*. Нами зафиксированы также рубахи с отложными воротниками, которые, как известно, более характерны для белорусов и части украинцев. Кроме того, у старообрядок Васюганья сохранялись и рубахи туникообразные, которые сохранились в погребальных костюмах.

Дополнительной деталью женского костюма являлся передник, называвшийся обычно *фартуком*. В изучаемое время он был известен как более старого вида — *с грудкой*, так и нового — *без грудки*, распространившийся, видимо, под влиянием городской моды. Фартуки не позволялось надевать не только во время общественных молений, но и даже при чтении молитв в домашней обстановке.

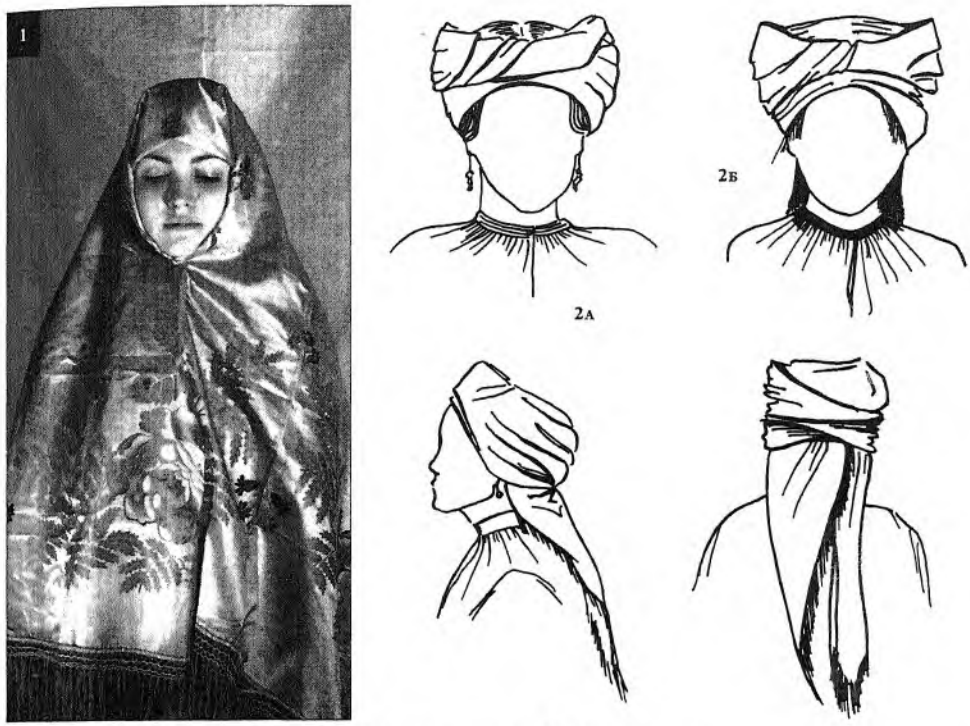
Девушки как обычно заплетали одну косу, а из головных уборов носили платок, повязывавшийся под подбородком. Типичных для сибирских кержачек головных уборов в виде шапочек-шашмур западные старообрядки не знали. Некоторые пожилые женщины Бергуля вспоминают о *капшуках*, а Козловки о *кокошниках* как уборах своих бабушек. И те и другие представляли собой мягкие шапочки, собиравшиеся вокруг головы, которые носили дома и при выходе за пределы двора покрывали платками.

Основными женскими уборами для 1920-х гг. считались один или два платка. Управляться по хозяйству надевали один платок, если

Покрой праздничного костюма:
1) рубаха составная; 2) сарафан; 3) карман.
Рис. Е.Ф. Фурсовой.



Покрой сарафанов:
1) косоклинный, со сборенным передним полотнищем;
2) с прямым полотнищем (а — спереди, б — сзади).
Рис. Е.Ф. Фурсовой.



Способы повязывания шали и платка у «полячек» Ануйской вол.:
1) повязывание шали для молений; 2) бытовое повязывание:
а — повязка «коруной», б — женская повязка спереди, сбоку и сзади. Рис. Е.Ф. Фурсовой.

собирались выйти на улицу — два платка. При посещении моленной женщина обязана была покрыться большим верхним платком темного цвета. У старообрядок федосеевского согласия, в отличие от поморок, платки подкалывали под подбородком не сложенными, а развернутыми.

Стремлением держать дочерей и жен в «христианском смирении» можно объяснить запреты отцов семейств на ношение украшений. Однако до настоящего времени сохранились воспоминания о стеклянных бусах-*патерках,* когда-то украшавших шею и грудь женщин. Серьги стали носить после событий 1917 г. и развернувшейся критики «устаревших народных традиций».

Нижнего белья в современном понимании этого слова у крестьянок не существовало. Даже такая принадлежность женского туалета как штаны распространилась под влиянием города лишь в 1930–1940-х гг. Вспоминают, что еще и в довоенное время в колхозах метали стога, завязав полы рубашек между ног. Характерно, что многие пожилые женщины говорили нам об этой традиции с большим достоинством, что объяснялось ими «соблюдением закона». В годы тяжелых испытаний Гражданской

войны трудящимся женщинам, вдовам пришлось многое заимствовать из мужского гардероба, в том числе холщовые штаны — *чембары*.

Западные старообрядки в холодное время года дополняли свой костюм вязаными *чулками до колен*. Для этого подбирали не слишком скрученную пряжу, которую пряли с помощью веретен. Наиболее мастеровые переселенки вязали чулки с разноцветными, вертикальными и горизонтальными полосками. Носили их подвязанными под коленями не только в зимнюю пору, но и летом для защиты «от гнуса и от гада» (змей, ужей. — *Е.Ф.*).

Мужская одежда. Мужские рубахи, служившие нательной и одновременно уличной одеждой, кроили обычно с плечевыми швами, с разрезом и застежкой с левого бока. Воротник-стойка своими размерами был аналогичен известным вариантам в одежде сибирских кержаков-поморцев. Под мышками вшивали квадратные ластовицы 10х10 см. Праздничную одежду украшали вышивками по груди, низу подола и старались шить из фабричных материалов. *«Парню сшили рубаху из покупного. О! Богатый парень!»*, — вспоминал о детстве П.К. Иванов из д. Козловка Болотнинского р-на НСО. В качестве рабочей одежды бытовали рубахи из толстого изгребного холста *верхницы, верховья*. По общеславянской традиции юноши подпоясывали рубахи тканными узорными *опоясками*. Пожилые мужчины мало использовали яркие узорные пояса, но считали для себя уместными витые либо ремни.

В качестве поясной одежды служили штаны-*порты* из отбеленного холста, которые выполняли функции домашних и нижнего белья. Для выполнения хозяйственных работ на открытом воздухе старообрядцы переняли у местных старожилов широкие штаны-*чембары*. Их шили из окрашенного в темные цвета холста и носили по-сибирски, натягивая штанины поверх пимов. Чембары раскраивали по общерусской традиции кошеными, т.е. суживающимися книзу. В начале XX в. в праздники было принято наряжаться в брюки фабричного или кустарного производства. Нижнее белье в современном понимании появилось в мужском костюме так же, как и в женском, с 1950-х гг.

Одежда детей и подростков. Мальчики и девочки до 5–6 лет, по воспоминаниям информаторов, в будние дни бегали в одних холщовых рубахах-*станухах* прямого покроя, рукава которых достигали запястья или локтя. Их перешивали из старой, поношенной одежды взрослых. В эту традицию вкладывался особый смысл. Считалось, что использование перешитой одежды взрослых впоследствии хорошо скажется на характере ребенка. В многодетных крестьянских семьях нередко обуви не хватало на всех детей, поэтому устраивали очередность на обувание.

Одежда юношей и девушек отличалась добротностью не только в сравнении с детской, но и взрослой. В 1910–1920-е гг., чтобы не отста-

вать от сверстниц, девушки переходили на комплекс с юбкой и кофтой, которые несли в себе черты старожильческой чалдонской одежды, а также городской мещанской моды того времени. Необходимым дополнением праздничного костюма были ботинки фабричной или кустарной работы, приобретенные в Томске, Барнауле, Новониколаевске, Каинске. Юноши имели в своем гардеробе праздничную рубаху, тканый пояс и штаны из окрашенной домотканины.

Верхняя одежда и обувь. Верхняя одежда, как и всюду в Сибири, была достаточно разнообразна. Одежда из полушерстяной домотканины (*шабур)* использовалась для выполнения хозяйственных работ. По покрою она повторяла халатообразные формы одежды. Специфичная, неизвестная для сибиряков одежда — *ангерка* — считалася у старообрядцев рабочей, повседневной. Она имела вид жакета прямого покроя из шерстяной домотканины, плюша или *чертовой кожи* (блестящая плотная ткань. — *Е.Ф.*), не доходила до колен; могла подпоясываться или застегиваться. В первые годы проживания в Сибири ангерки на подкладке заменяли шубы у людей, не имевших возможности их приобретения.

Другой одеждой межсезонья были привезенные из Белоруссии *сачики.* Их шили длиннее ангерок прямого покроя, с отложным воротником. Внешним видом они напоминали городское пальто, предтечей которого и явились.

Зимние меховые шубы и более короткие полушубки были аналогичны старожильческим. Шились они из овчин мехом внутрь, как и *тулупы,* которые служили для продолжительных отлучек из дома.

Головными уборами мужчин были валянные из шерсти шляпы. Зимними уборами служили также овчинные шапки-ушанки.

В терминологии нижних, вязанных из шерсти рукавиц — *дзянок* — сохранилась северо-западная, белорусская специфика. Наоборот, в названии верхних рукавиц — *лохматок,* которые по-сибирски изготавливали из собачьей шерсти, отразилась местная традиция.

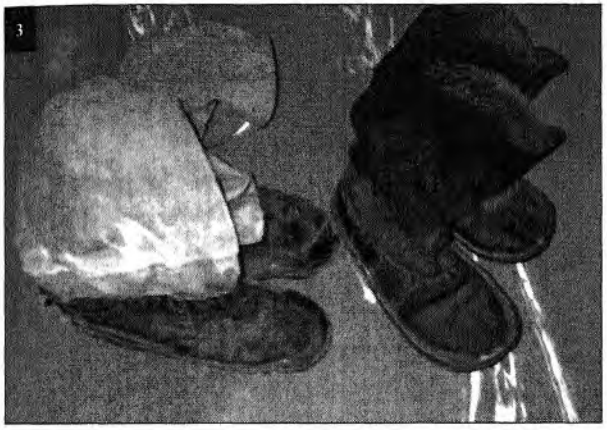
Западные старообрядцы в отличие от этнических белорусов-переселенцев не носили *лаптей* в качестве повседневной обуви (за исключением жителей Платоновки, выделявшихся и другими чертами культуры). Однако в 1980-х гг. многие селяне вспоминали, что лапти служили покосной обувью. Их обували на покос пожилые мужчины. Молодые отказывались их носить из-за явной «непристижности». В д. Козловка Гондатьевской вол. рабочей обувью являлись вязанные из веревок *рычки.*

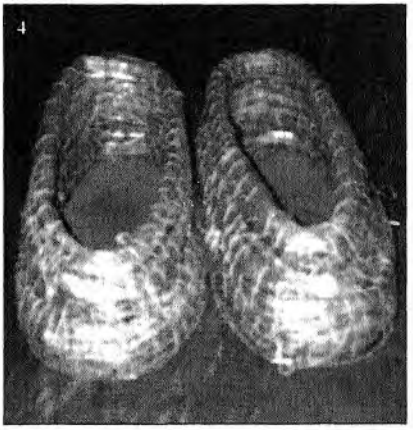
Особо отметим изменения плетеной обуви в соответствии с местными условиями. В болотистой местности с высоким уровнем снегов русские переселенцы начали плести большие *снегоходы,* которые значительно увеличивали площадь опоры. Снегоходы, или *снегоступы,* надевали на *чарки, пимы* и прочую обувь.

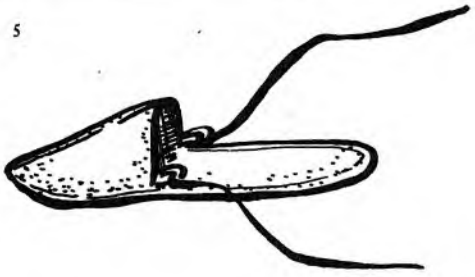
Старообрядцы-федосеевцы Барабы. Начало XX в.
Фото из семейного альбома Ивановых.

В то же время сохранялись *поршни,* которые не только названием, но и покроем напоминали древнерусские, выкроенные из одного куска кожи. Основной обувью к 1920-1930-м гг. стали сибирские *чарки,* которые шили также из кожи и опушали по верху полоской холста для женщин, а для мужчин к кожаным головкам обычно пришивали холщовые голяшки, достигавшие колен.

Крестьяне достаточно активно занимались охотой, почему им требовались особые промысловые сапоги — *бродни.* Они имели высокие, выше колен, *голяшки,* одевались вместе с валяными шерстяными носками –







Обувь:
1) женские «обутки»-*коты*;
2) сапоги мужские;
3) чарки;
4) снегоходы;
5) сачики для рыбалки.
Фото Е.Ф. Фурсовой.

потниками и не промокали в отличие от валенок. Для сбора ягод, особенно любимой клюквы, имелись *болотные сапоги*. Их делали длиной по всей ноге и пристегивали кожаными ремешками к поясу. Праздничной мужской обувью считались сапоги, которые имели кожаные голяшки и небольшие каблуки. Что касается девушек и молодых женщин, то в соответствии с бытовавшими нормами приличия каждая приберегала себе к празднику пару ботинок с невысокими каблуками и шнуровкой.

Пимы, или по-российски *валенки*, были необходимы в Сибири. Их катали приходившие на заработки мастера или выучившиеся у них свои сельчане. Лишь на обеспеченных крестьянах можно было увидеть «купленные белые пимы с красным рисунком». В холодное время года юношам и девушкам допускалось появляться на вечерках в валяной обуви, но не в валенках, а в мягких и тонких *чесанках* с галошами.

Обрядовая одежда. Характер и внешний вид *моленного костюма* были во многом определены поучениями «духовных отцов» иметь скромную долгополую одежду. В хранившемся у одной из семей учебном руководстве «По закону Божію» указывалось, как должен выглядеть старообрядец или старообрядка: «Мужчины носят кафтаны, женщины сарафан (русская одежда). Головы женщины покрывают платками. Не должно приходить в христианский храм в пышных модных одеждах с различными украшениями. Женщины не должны ходить в храм с завитыми волосами. Мужчинам запрещается бриться и стричься наголо»[24].

Женщинам на моления обязательно требовались большие платки, напоминавшие византийский амофорий, который закрывал плечи и руки. Платок «в разворот» застегивали булавкой, оборачивая одним его краем лицо. Этим федосеевки отличались от других беспоповцев края, например поморок, которые застегивали булавкой косо сложенный платок. Тщательно следили за тем, чтобы платок закрывал щеки. Подходящими для молений считались праздничные головные уборы не только темных расцветок, но и достаточно цветастые (*с цветами набиванными*). Для молений старообрядцы должны были иметь лестовки для счета молитв и подручник для земных поклонов (по их объяснениям: «чтобы сохранять руки в чистоте»). В 1920-х гг. женский моленный костюм включал поликовую рубаху, *сарафан* или сарафан-*шубейку* и *кофту*. Для девушек и молодых женщин ткани подбирались светлых, но неярких расцветок, для пожилых — однотонные темные. Обычай требовал обязательного опоясывания, ведь, как говорилось в духовных книгах, «облачеся господь в силе и препоясася» (см. «Чин вечерни»). В изучаемое время таким пояском служила плетенная из трех шерстяных нитей *косичка*, повязывавшаяся поверх сарафана.

Мужской моленный костюм состоял из рубахи, штанов и пояса, дополняясь *кафтаном*. Кафтан полагалось шить из шерстяных тканей домашнего производства. По своему силуэту старинные кафтаны выглядели столбообразными, без боров по талии, как в старинной славянской одежде, по длине достигали колен[25]. Полы с большим запахом застегивались крючками на левом боку.

После Великой Отечественной войны и до настоящего времени для шитья кафтанов используют хлопчатобумажные ткани темных расцветок. По-иному стал выглядеть и крой — с отрезной талией и борами,

застежкой на ряд пуговиц. Согласно соборному установлению «молиться должно в кафтанах муже, по три борка на стороне в посатках»[26].

В моленной мужчины и женщины стояли раздельно, поэтому верхнюю одежду развешивали порознь — женщины в одном углу, мужчины — в другом. Если пожилые люди старались носить традиционные костюмы постоянно, то молодежь по окончании общественных молений сменяла их на более современные наряды.

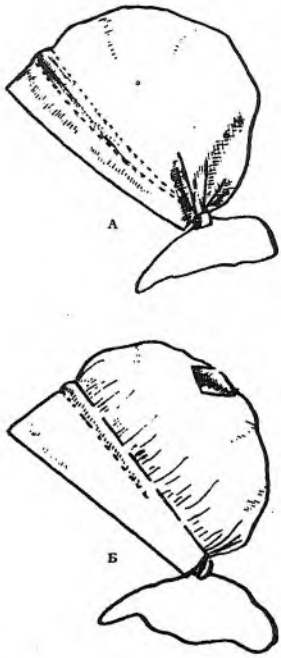
Поскольку федосеевцы относились к безбрачникам, у них не было принято таинство венчания, а также тщательная подготовка приданого и некоторые другие обычаи и обряды, бытовавшие у православных, посещающих церковь. Хотя свадебные костюмы, как и погребальные, относились к обрядовым, требования к ним не были столь категоричны, как у сторонников официального православия. Надевали праздничные, часто новые одежды из недорогих по стоимости хлопчатобумажных тканей. Костюм невесты включал рубаху, шубейку, кофту; жениха — рубаху и штаны. Свадебные наряды не всегда отличались следованием традиции: невеста могла наряжаться в модные для того времени кофту с юбкой, жених — в брюки с надевавшейся навыпуск рубахой. Центром композиции свадебного наряда невесты был ее головной убор — обруч, увитый бантами из лент или из искусственных цветов. Украшением жениха служил цветок в картузе или другом головном уборе.

Смена «девичьего» головного убора на «женский» совершалась в ходе специального обряда, называвшегося *садить на кадку* или *ставить квашню*. В доме жениха на второй день свадьбы заплетали две косы и укладывали их вокруг головы. Эта процедура называлась *закрутить по-бабьи*. Особое значение придавалось перекрещиванию волос на затылке, чему следовали затем в течение всей жизни и рассматривали, по-видимому, в качестве оберега.

Сверху покрывали голову мягким чепцом (*капшуком, кокошником*) с амшурой, а в 1920–1930-х гг. чаще повязывали платок узлом назад или под подбородком. Жених держал его наготове и подавал в нужный момент. Покрывание платом невест и традиция его обязательного ношения соблюдались древними славянами[27].

Изучение комплекса *погребальных костюмов*, т.е. одежды «на тот свет», может помочь в выяснении архаичных форм и, следовательно, культурной специфики носителей традиций. У старообрядцев Васюганья до настоящего времени принято каждому крещеному человеку готовить специальный погребальный костюм еще в сравнительно молодом возрасте.

При изготовлении одежды этого назначения больше, чем какой-либо другой, соблюдались разного рода требования и запреты, которые, с одной стороны, передавались как «завещания родителей», с другой — поддерживались наставниками.



Самшуры:
а — из хлопчатобумажной ткани с закрытым верхом. С. Туманово Олонешенского р-на; б — из синего сатина с открытым верхом. С. Карагайка Красногорского р-на.

Погребальный костюм западных переселенцев в сибирский период жизни представлял собой традиционный для северо-западных районов Европейской России комплекс с прямым сарафаном-шубейкой[28]. Однако у старообрядцев по р. Иксе, посещенных нами в 1980-х, смертным сарафаном считалась не шубейка, а кошеный сарафан без боров на спине.

Ограничения касались цветовой гаммы: «смертное» должно быть белым либо темным, категорически отвергались цветастые материалы. У старообрядцев-федосеевцев при раскрое избегают поперечных швов в нательных рубахах, поэтому отсутствуют полики и деление погребальных рубах на две части — верхнюю и нижнюю.

Кроме того, погребальный костюм каждый должен готовить сам, без посторонней помощи, «уделывая» на руках. Лет 20–30 назад не составляло труда увидеть в крестьянских сундуках *смертное*, приготовленное из льняной домотканины, вытканной для этого в светлое время суток при особенном избегании святочных вечеров. Распространенный прием шитья «вперед иголку», или «живулька», объясняется пожилыми информаторами как необходимая предосторожность — «чтоб с того света покойник не ворачивался».

Современное бытование обрядовой одежды. Моленный дом старообрядцев-федосеевцев в г. Новосибирске посещали потомки васюганских старообрядцев. Сюда они приезжали исповедаться, помянуть родителей и совершить прочие требы. Приведем описание бытования традиционного костюма в конце XX в., наблюдаемого автором во время Всенощной пасхальной службы. Накануне старицы переоделись в установленную для таких служб одежду, включавшую сарафан, головной платок и лестовку. Черные и коричневые головные платки повязали по старинке: вокруг лица с закрыванием лба и покрыванием плеч и спины. Платки, сливавшиеся с широкими сарафанами, делали внешний вид женщин статичным, торжественным. У пожилых мужчин костюм состоял из традиционного покроя рубахи, пояса, штанов и лестовки. Мужские рубахи были позднего покроя, с плечевыми швами. Однако они сохранили и немало архаичных элементов, из которых можно

указать на высокий воротник-стойку, разрез-застежку посредине полотен стана, кошеные рукава.

Каждый из молящихся приготовил себе сшитые из лоскутов моленные коврики-*подручники*, их положили на табуретки. После двенадцати часов, т.е. после Кануна Великой субботы, женщины нарядились в новые праздничные сарафаны более светлых тонов и цветастые головные платки, а мужчины в белые вышитые рубахи. Толпа молящихся как бы чудесным образом преобразилась — группа темных фигур «расцвела», чему особенно способствовало повязывание белых головных платков с цветочными орнаментами.

Таким образом, особенности костюма и связанной с ним терминологии старообрядцев р. Тары (Верхне-Тарской вол. Каинского у. Томской губ.) и р. Иксы (Ояшинской вол. Томского у. и губ.) позволяют считать их группами, вышедшими из одних и тех же мест Российской империи в начале XX в. Материал по народной одежде ясно указывает на соответствующие традиции западных и северо-западных губерний России (Смоленской, Псковской, Новгородской, Олонецкой и пр.), Белоруссии (Витебской), на особую близость со старообрядцами Латгалии, Причудья[29], т.е. позволяет привязать их культурный комплекс к северно- и центральнорусской группе русских крестьян Европейской России второй половины XIX в.

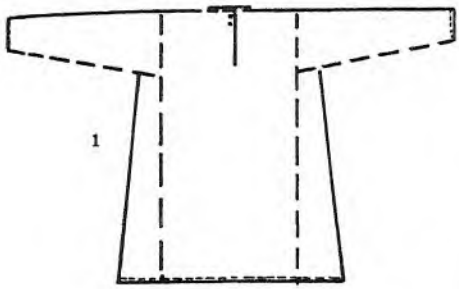
У старообрядцев по р. Иксе, у которых фиксируется рубаха с прямыми поликами, пришитыми по основе, можно предположить присутствие москалей — выходцев из Московской губ.[30]. Роднит с москвичами и то, что в описанных рубахах погребального комплекса рукава выкраивались много длиннее кистей рук. Это позволяет сделать вывод об их северном и отчасти московском происхождении[31]: как известно, федосеевское, поморское беспоповские согласия сложились первоначально в Новогородско-Псковском крае и лишь затем постепенно распространились в Петербургской, Ярославской, Московской, Витебской и прочих губерниях.

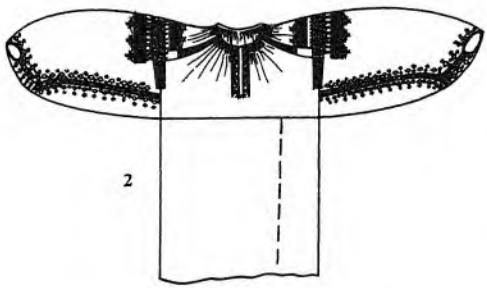
Условия жизни в Сибири видоизменили одежду и частично сохранили старые и восприняли новые ее виды. Так, русская плетеная обувь лапти сохранила свою актуальность в качестве рыболовного, покосного варианта. Усвоение нового было определено несколькими факторами, как-то: климатическими и природными условиями, влиянием города и старожилов, многие черты культуры которых казались привлекательными. От сибиряков были заимствованы штаны (чембары), валенки (пимы), меховые рукавицы (лохматки). Таким образом, костюм старообрядцев из Белоруссии представлял собой один из образцов приспособляемости русских к местным условиям. В изучаемой группе, таким образом, бытовал комплекс одежды, имевший в основе севернорусские традиции.

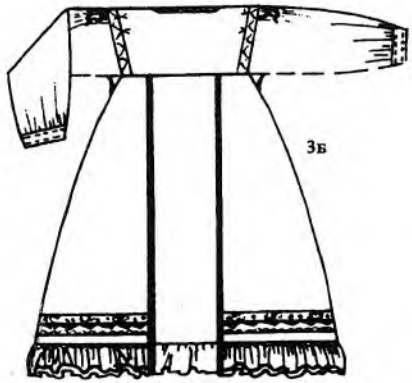
Старообрядцы-«поляки». Женская одежда. Основную нательную одежду — поликовые рубахи — старообрядки-«полячки» называли по наименованию прямоугольных вставок — *рубахами с поликами*. Их верхние части шили из более качественных материалов и называли специфически *чехликом, кулями*. Нижняя часть, для изготовления которой использовались ткани более низкого качества, называлась *стан, станушка*. Соединения предварительно погнутых частей рубахи делало возможным смену нескольких станушек с верхней частью и наоборот. Рубахи отличались принципом соединения поликов со станом — по утку или основе последнего — и конструкциями рукавов.

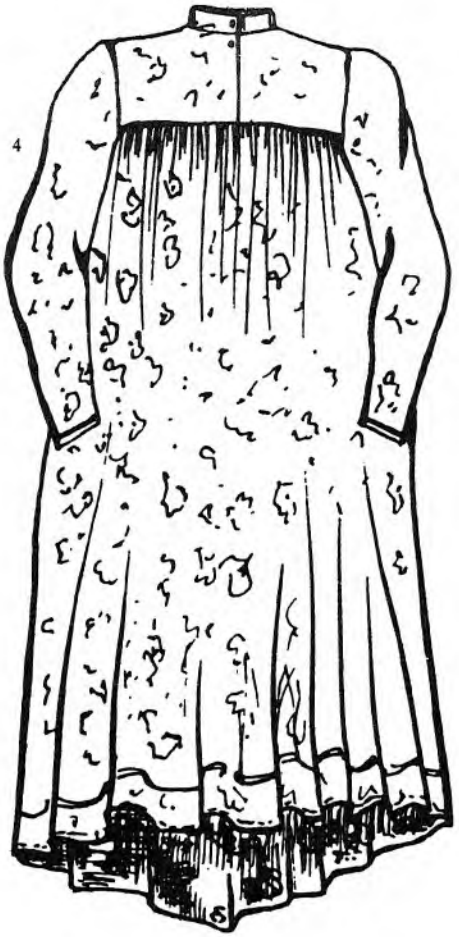
Наиболее архаичными для «полячек» следует признать холщовые рубахи с пришитыми по основе стана поликами и рукавами из двух полотен разной длины. В таких рубахах рукава, называвшиеся *кулями*, оформлены в виде кулей или конвертов: уголки большего из полотен укладывали кульком и в образовавшуюся прямоугольную конфигурацию вшивали меньшее по размерам полотно. Уголки длинного полотна сшивали наполовину, оставляя таким образом отверстия для рук. Меньшее полотно соединяли прямыми срезами по нити основы с большим полотном, а затем поперечным срезом с загнутыми уголками последнего. Соединение рукавов также необычно: обметанные швом «замок» (петельными стежками) края скреплялись через вязанные крючком или плетенные на коклюшках кружева[32]. Таким же образом скреплялись рукава с поликами, частью полотен чехлика, что было характерно для рубах этнографически родственной полякам группы семейских Забайкалья[33].

Особенность конструкции этих рубах заключалась в том, что верхняя часть *чехлик* кроилась по утку, для чего полотно разрезали посредине, вдоль нити основы. Так как в этом случае ширина чехлика не ограничивалась размером тканого полотна, то описанные рубахи были очень широкими в подоле (80 см и более) и объемными в плечевой области. На полики отрезали куски, равные ширине целого полотна, которые пришивали к чехлику по его нити основы. Ткань поликов окрашивали в красный цвет, и по ним в технике «роспись», «набор» выполняли вышивки бумажными или шелковыми нитками. В рубахе из Омского государственного историко-краеведческого музея между полотнами чехлика и поликами вставлены куски кумача. С аналогичными вставками-*пельками* этнограф Н.П. Гринкова столкнулась в Воронежской губ., где установила их причастность к возрастному делению — такие знаки были присущи рубахам молодых женщин[34]. Можно предположить, что и на Алтае кумачовые надставки несли ту же символическую нагрузку. Нижнюю часть рубах шили из трех полотен холста грубой выделки и располагали по нити утка чехлика.









Предметы женской одежды
из Южной Сибири:
1) холщовая рубаха *поморник*.
С. Язовое Язовской вол. Начало XX в.;
2) холщовая рубаха с рукавом «кулем».
С. Быструха Владимирской вол.
Середина XIX в.;
3) нарукавники. С. Сажевка
Бухтарминской вол.: а — спереди, б – - сзади;
4) праздничный сибирский холодай
из дабы, конец XIX в.
(Рис. 1–3 Е.Ф. Фурсовой,
рис. 4 — КМКО.)

Старинные кули бытовали у «полячек» по рекам Убе, Ульбе (Владимирской, Риддерской, Ануйской, Бухтарминской волостей Бийского округа Томской губ.) и других районов Южного Алтая[35]. Вероятно, именно эту одежду наблюдали в конце XIX — начале XX в. М.Н. Соболев, А.Е. Новоселов, которые заметили на «поляцких» женщинах «белые холщевые рубахи, богато расшитые на плечах и по вороту»[36].

В начале XX в. рубахи этого типа покроя шили из фабричных материалов (кашемира, шелковых и полушелковых тканей), сосбаривая ткань возле треугольной вставки, что создавало объем внизу рукава. Для первой трети XX в. прослеживается несколько вариантов покроя рукавов с использованием треугольной вставки, которые можно рассматривать как переходные варианты от кулей — к кошеным. Такие поликовые рубахи бытовали по рекам Убе, Ульбе; встречались они и у старообрядок Бухтарминской, Верх-Бухтарминской волостей Бийского округа.

Рубахи из покупных тканей характеризовались многими общими с холщовыми кулями элементами шитья: выделение швов разноцветными стежками, окаймление рукавов у запястья плетеными косичками — *плетешками*. Высокие воротники составляли в них важную и отличительную от прочих старообрядцев Алтая деталь и носились как стойкой, так и перегнутыми. Перегнутые воротники с застежкой на запонку можно рассматривать в качестве традиции, которая была известна полякам, белорусам, украинцам, литовцам, а также южнорусским однодворцам[37].

Рубахи с относительно поздними прямыми рукавами из одного продольного полотна в Южном и Юго-Восточном Алтае (Риддерская, Владимирская, Верх-Бухтарминская вол. Бийского округа) получили распространение благодаря российским, особенно украинским и белорусским переселенцам. Отличительной чертой рукавов этих рубах было то, что у запястья они собирались в сборки. При этом ткань собирали на поясок, а также на пришивные манжеты-*обшлага* или бантами (*складками*), или сборками (*уборками*). Вдоль швов соединения рукавов с чехликом эти рубахи украшались различными отделками: тесьмой — *вьюнчиком, сутажинками, прозументом*, кружевом-*связью*, вшивными оборками-*крылышками* и пр. Вдоль разреза ворота прокладывался декоративный *столбик*.

В погребальном костюме «полячек» присутствовали рубахи со слитными поликами, известные в этнографической литературе как «бесполиковые». Стан выкраивали *цельным* из 2–3 полотен холста, ворот завязывали на тесемки. Рукава пришивали непосредственно к вороту.

Рубахи на кокетке появились у «полячек» в 1930-е гг., т.е. позднее, чем в других старообрядческих группах. На эти рубахи были перенесены своеобразные вышивки, отделка тесьмой, фигурно уложенной тканью —

куколками, позументом с более ранних поликовых рубах. Прямой разрез ворота «полячки» оформляли декоративным *столбиком*.

К 1930–1940-м гг. в молодежной среде рубахи на кокетке начали шить с плечевыми швами. Отказ от разделения рубахи на стан и чехлик означал полный переход к новому виду одежды — кофтам.

Рубахи поликового покроя и на кокетке носили в комплексе с *сарафанами*, которые в зависимости от конструкции и используемой ткани могли называться *атласниками, шалонниками, моркашниками, клиниками* и пр.[38]. Наиболее старинными следует признать сарафаны туникообразного покроя с выкроенными заодно с полотнами стана лямками. Образец такого *дабенника* (сшитого из хлопчатобумажной дабы) с цельным передним полотном и *клиньшками* на спине хранится в РЭМ[39]. Сшитые из покупных тканей, эти сарафаны еще в конце XIX — начале XX в. встречались у «полячек» Владимирской, Риддерской волостей в качестве праздничной одежды, а изготовленные из холста носили повседневно.

Типологически более поздними, хотя и бытовавшими одновременно, выглядят косоклинные сарафаны с цельным передним полотном и отдельно скроенными лямками, в которых лишь рудиментарно сохранилась цельнокроеная с задним полотном спинка — *задушка*. Основным материалом для их изготовления служили китайские переливчатые шелка, кашемиры, сатины и пр. Косоклинные сарафаны без переднего продольного шва были известны в севернорусских землях, а также в Вятской, Нижегородской, Ярославской губерниях, т.е. там, где и отмеченные ранее туникообразные сарафаны[40]. Бытовали они и в более северных районах Западной Сибири — у старообрядок Среднего Приобья[41].

Наиболее распространенными сарафанами «полячек» для конца XIX — начала XX в. являлись косоклинные сарафаны со швом спереди и спинкой из скошенного полотна. В центральных передних и одном заднем полотнах вырезали мысики для пришивания лямок и фигурную спинку. Для раскроя использовали от трех до семи отрезов ткани, при этом на перед шло четное число отрезов, на спинку — нечетное. С каждого из боковых полотен срезали уголки, которые при соединении всех частей сарафана вшивали вниз подола. Детали сарафанов иногда соединяли через вязанное иглой или крючком разноцветное кружево, подобно носимым с ними рубахам-*кулям*. В двух местах над грудью, а также по обе стороны от спинки-*задушки* ткань присобирали в мелкие складки или «брали боры кругом». В более старых сарафанах, изготовленных во второй половине XIX в., сборки по груди отсутствовали — традиция, вероятно, восходящая к одежде более закрытой конструкции. Люди старшего возраста отмечали: «борить и грешить начали не так давно». Передний шов в таких сарафанах оставляли незашитым наверху и оформляли в виде застежки на пуговицы и петли из гарусных

косичек-*плетешков*. По лямкам, задушке, верху сарафанов прокладывали полоски позумента, разнообразную тесьму, по подолу простраивали фигурные строчки — *вилюшки, венцы*. Аналогичные косоклинные сарафаны со швом спереди и короткой украшенной застежкой были известны у русских однодворцев юга Европейской России[42].

Сарафаны прямой конструкции *(круглые)* на узких лямках были известны в начале XX в. в качестве одежды молодых женщин и девушек. Появление таких сарафанов, видимо, было обусловлено влиянием российских переселенок, которые завезли новые «моды». В целом же эти изменения протекали в общем русле развития русской одежды конца XIX — начала XX в.

В 1920-1930-х гг., когда у населения ощущалась острая нехватка тканей, появились сарафаны оригинальной конструкции: на перед отрезали одно-два прямых, а на спинку четыре раскошенных полотна, получавшихся разрезанием по диагонали двух целых. Кошеные полотна сходились на спине косыми срезами, из-за чего в народе такие сарафаны называли «косоклинными», хотя, конечно, никакой связи с старыми косоклинными они не имели.

Поверх сарафанов надевали передники, наиболее старинными из которых являлись туникообразного покроя, связанные своим происхождением с плечевой туникообразной одеждой с рукавами. Туникообразные *нарукавни* известны не только по сохранившимся экземплярам одежды и старинным фотографиям, но и по сообщениям информаторов в 1970–1980-х гг. По покрою они близки к южнорусским запонам, занавескам, а своим названием, наоборот, повторяют название наплечной одежды северных русских. По стилю и характеру орнаментации эти *нарукавни* соответствуют рубахам-*кулями*, мужским свадебным рубахам «поляков», отражая, таким образом, устоявшуюся традицию костюма. Подол в старинных холщовых нарукавнях представлял собой динамичное чередование полос тканья (браного), вышивок (цветная перевить), вязаных кружев, кумачовых *приставок*, расшитых тамбуром *(киргизским швом)* и пр. До 1920-х гг. нарукавни с открытой спинкой носили только беременные женщины. В 1970-х гг. в некоторых селах информаторы даже свидетельствовали о запретах в годы их молодости носить нарукавни девушкам до замужества.

Для изучаемого времени наиболее популярными являлись передники на кокетке — *нарукавни, нарукавник*. Они фиксировались в тех же районах, что и туникообразные, вытесняя последние. Конструкция нарукавней включала прямоугольной формы кокетку, к которой пришивались два полотна, собранных в сборку или уложенных складками. Спина оставалась открытой, так как сзади полотна не сходились на 22–25 см. Под прямым углом к кокетке пришивали длинные кошеные рукава. Форма выреза горловины чаще встречалась V-образная. Многие характерные

элементы украшений нарукавников на кокетке в своей основе восходят к таковым в туникообразных передниках, сарафанах (аппликации в виде лент — *блонды*, аппликации зубчиками — *пилы*, оборки, позумент и пр.). В конце XIX — начале XX в. «полячки», как и другие старообрядки Южного Алтая, стали постепенно переходить на безрукавные передники в виде коротких сарафанов — *крылатики*, названные так по пришиваемым к лямкам оборкам-*крылышкам*. Молодые женщины, *молодухи* одевали их по праздникам, *на полянку, на лужок*, пожилые предпочитали носить нарукавни с рукавами и в первом десятилетии XX в. Позднее, с 1930-х гг., распространились передники в виде поясной одежды. Без запонов и фартуков в конце XX в. невозможно было представить повседневный костюм, однако эта одежда совершенно исключалась из моленной.

Девичьей прической была, как и повсеместно, заплетенная тремя прядями вверх коса. Девушкам разрешалось в обществе ходить с непокрытой головой, в отличие от замужних женщин, для которых это считалось большим грехом. В изучаемое время девушки складывали платки или шали в складку в виде более или менее широкой полосы и повязывали ее на голове. Повязывавшиеся подобным образом шали девушки носили на праздники, на масленичные, троицкие гуляния, на полянку.

Помимо украшений кос лентами, «поляцкие» девушки вплетали в косы бисерные *кисти, подкосники*, которые состояли из плетеного шнура, концы которого заканчивались бисерными *поднизями*. Все низки соединялись между собой так, что поднизь напоминала маленькую бисерную юбочку. «Полячки» убо-ульбинских сел помимо кистей вплетали в косы небольшие шерстяные полоски, а также тесемки, расшитые блестками, бахромой, пуговицами. Такие нарядные уборы носили так называемые «большие девушки», «на выданье», т.е. 15–17 лет. Те девушки, которые по возрасту вышли из невест («старые девы»), хотя и заплетали одну косу, но носили ее не на спине, а вокруг головы. Платок при этом продолжали повязывать по-девичьи. Завязать девушке самой платок «по-бабьи», т.е. концами назад, считалось одной из примет пришествия антихриста, когда «бабы будут простоволоски, а девки самокрутки». Отцы патриархальных семей не допускали никаких вольностей в отношении причесок, например, выстригать модные в начале XX в. пряди волос у висков — *кудельки, баки*. Умерших девушек поверх расчесанных и сколотых «кустиком» волос накрывали одним платком или легким покрывалом с венчиком на очелье, концы которого не скреплялись.

Смена девичьего убора на женский сопровождалась обычными обрядами (*окручением, окручиванием*). Если «полячка» выходила замуж за старообрядца не из своей этнокультурной группы, то, невзирая на недовольство родственников с ее стороны, невесту окручивали головным убором, принятым в семье жениха.

В качестве нарядного носили кичкообразный головной убор, твердую основу в котором составляла *кичка*. Кичка представляла собой мягкую шапочку с твердым, поперек головы, гребнем высотой 4–7 см, который получался вследствие простегивания кудельки из льна, шерсти или смазанной в тесте бумаги. Хотя внешне гребень мало походил на рога, такие кички называли в народе *рогатыми* или *с двумя рогами*. Кички являлись характерной принадлежностью костюма «полячек», почему их называли *польскими кичками*. Надевавшиеся поверх кокошники повторяли форму кички и изготавливались из дорогих тканей — бархата, шелков и полушелков, расшивались по очелью золотой и серебряной нитями, галуном, позументом, тесьмой и пр. С тыльной стороны волосы закрывал *позатыльник (подзатыльник)*. *Позатыльник* представлял собой прямоугольную полоску ткани, нашитую на простеженную основу. К верхнему краю пришивали тесемки, которыми позатыльник прикреплялся к кичке. На полоску нашивали позументную тесьму, цветной бисер, расшивали золотой, серебряной и металлической нитями и т.д. По нижнему краю выполнялась поднизь из низок стекляруса-*резунца*, бисера, мишуры, гаруса, которые могли свисать в виде бахромы или переплетаться в ажурную сетку.

Особого мастерства требовало повязывание головы большими шалями, которые складывали полосками подобно девичьим повязкам. Недавно вышедшие замуж женщины — молодухи обильно украшали свои «чалмы» цветами, брошками и другими декоративными деталями. У пожилых головы убирались проще: скрученную жгутом шаль переводили с очелья на спину, где ее свободные концы завязывали узлом. Такие чалмообразные повязки известны в некоторых южнорусских губерниях, а также в Белоруссии [43].

Еще одной характерной деталью убора «полячек» были *привески*, имевшие вид шнуров с петельками вверху, при помощи которых они прикреплялись к позатыльнику. К шнуркам крепились узорные низки из разноцветного бисера, вверху и внизу от которого нанизывались помпончики из разноцветного гаруса; заканчивались привески бисерными кистями. Как и аналогичные украшения из Брянской, Калужской губ., привески носили свободно висящими на груди[44]. Эти украшения также связывают костюм поляков с южнорусским регионом.

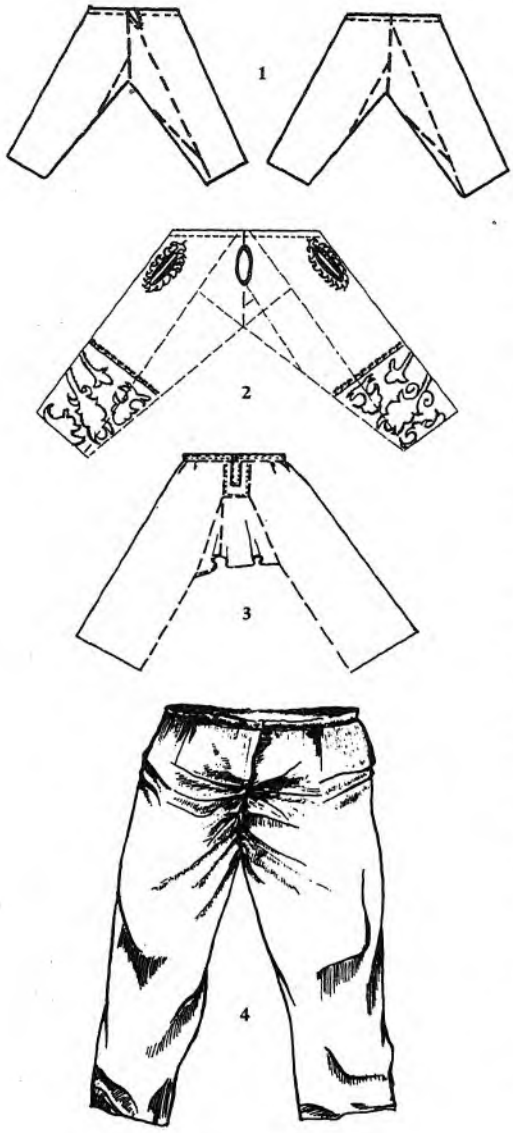
Мужская одежда. Мужской костюм «поляков» включал рубаху с поясом, носившуюся поверх штанов, верхнюю или присутственную одежду — зипуны, кафтаны, подоболочки и пр. Голову покрывали валяными шляпами домашнего изготовления разнообразной формы. Кожаная бескаблучная обувь была повседневной, а зимняя валяная обувь хорошо согревала в сибирские морозы.

Мужские рубахи туникообразного покроя сохранили многие архаичные элементы, прежде всего это касается прямого столбообразного силуэта. К центральному полотну пришивались боковины из прямых полотен, которые могли собираться в районе пройм бориками, в том числе *куколками*. Кулевидные (подобно таковым в женских рубахах) или прямые рукава имели под мышками вставку-*ластовку*. Рубахи характеризовались горизонтальной горловиной с косым левым разрезом ворота. Горловину и ворот обшивали кантом из кумача или косичками-*плетешками*.

Особенностью оформления «поляцких» рубах являлась богатая вышивка на левой стороне груди. Она представляла собой различные композиции из квадратов, которые образовывали крестовидную фигуру. Еще одна особенность заключалась в наличии двух вертикальных полосок кумача, нашитых вдоль швов, соединяющих центральное и боковые полотна. Эти полоски украшались крестами, меандрами (орнамент в виде непрерывно повторяющихся закрученных спиралей), вышитыми нитками белого и голубого цвета, контрастными по отношению к кумачу. Подобные мотивы вышивки напоминают традиционную одежду крестьян Черниговщины, Брянщины, Гомельщины. Живописно отделывали подол и низ рукавов: полоски кумача, кружева, вышивки геометрических и растительных узоров в технике «роспись», «крест», «цветная перевить».

Появление в мужской праздничной одежде рубах с подрезанным по груди, на 10–12 см с каждой стороны, станом было связано с использованием широких покупных материалов. Позднее появились рубахи на кокетке *(перелинке, пералинке)*. Соответственно произошли изменения и в местах расположения орнаментаций: по груди, вдоль швов кокеток. Рубахи с плечевыми швами вошли в быт «поляков» позднее, чем в других этнокультурных группах Алтая, примерно в 1930-х гг. и позднее. До настоящего времени пожилые женщины перешивают мужьям современные мужские сорочки фабричного производства, умело преобразовывая их в косоворотки.

Поясная мужская одежда была известна под названиями *штаны, порты, гачи, чембары, шаровары*. Штаны из прямых и кошеных полотен с асимметричным расположением швов входили как в повседневный, рабочий, так и праздничный комплексы. Их носили под рубахами на бедрах, заправляя низ в сапоги или обутки. Штаны указанного покроя определялись Г.С. Масловой как общерусские и рассматривались ею как старинная одежда[45]. У «поляков» Риддерской, Владимирской волостей Бийского округа, наряду с описанными штанами бытовали и иные, которые в готовом виде имели симметричную конструкцию: прямые, перегнутые по нити основы штанины соединялись с двумя клиньями по линии шага. Верхний край подгибался по-старинному рубцом, куда продергивали



Мужские штаны:
1) покрой штанов из белого холста. С. Быструха Владимирской вол.: а — спереди, б — сзади;
2) штаны из черного плиса с вышивкой тамбурным швом;
3) холщевые *чембары;*
4) штаны кожаные из с. Верх-Уймон Усть-Коксинского р-на Алтайского края. Начало XX в. (Рис. 1–4 — Е.Ф. Фурсовой.)

гашник или обшивали «по-городскому» пояском. Праздничные плисовые штаны расшивали тамбурными вышивками разноцветного шелка по боковым карманам и по низу, так как носили поверх обуток. Если один из карманов был непрорезным, то его имитировали кантами и вышивкой. Подобный вариант покроя мужской поясной одежды был зафиксирован и у семейских Забайкалья (ПМФ, 1977)

Головные уборы в зависимости от используемых материалов можно подразделить на войлочные, с меховой опушкой по околышу и полностью меховые. В период межсезонья и летом крестьяне носили валянные из шерсти шляпы, которые катали сами или заказывали мастерам. Они были разнообразными по форме: с округлой, горшкообразной, цилиндрической тульей, без полей, а также с узкими или широкими полями. Стариковскими считались шапки с высокой и сложной по форме тульей — усеченной конусообразной, расширяющейся кверху, в виде песочных часов, и пр. Тульи шляп молодых людей, особенно женихов, было принято украшать пуговицами, лентами, гарусом, позументом, перьями, полевыми или садовыми цветами[46]. Высокие столбообразные шапки сохранились у «поляков», видимо, как пережиток старорусских головных уборов XVI–XVII вв.[47]. В XIX в. уборы рассматриваемого вида бытовали также в белорусских, западноукраинских костюмах[48].

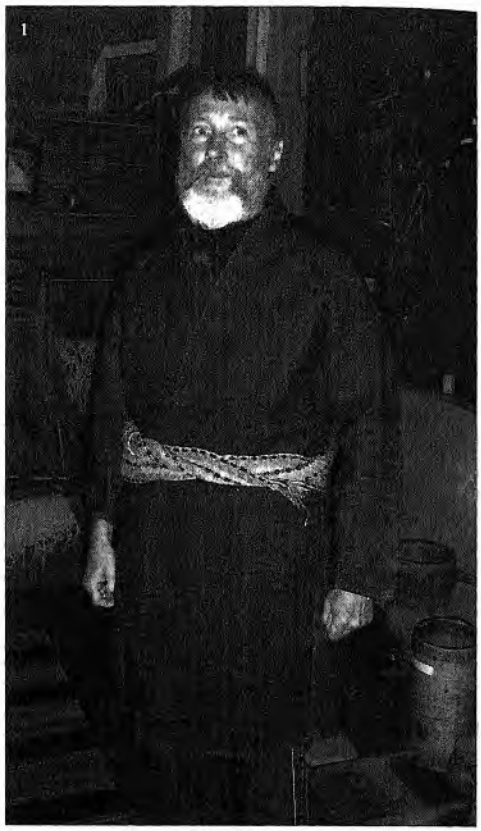
Зимние головные уборы соответствовали природно-климатическим условиям Сибири. Помимо известных у чалдонов *долгоушек, ушанок* здесь носили *малахаи*, или *треухи*. Этот головной убор шили с цилиндрообразной тульей из сукна и лопастями из меха, которые в опущенном положении закрывали лоб, уши и затылок.

Уборы, напоминавшие польские конфедератки, носили пожилые крестьяне. Они имели высокий околыш из бараньих или лисьих лапок, каракуля и четырехугольное плисовое дно. Четырехугольные шапки бытовали на прежней территории обитания «поляков» — в Белоруссии, откуда, вероятно, они и были завезены на Алтай. Примечательно, что аналогичного вида шапки были известны и у русских по р. Туда Тверской губ. — местности, называемой в народе «Польшей»[49].

Рубахи, сарафаны, верхнюю одежду обязательно подпоясывали. Бытовало мнение, что ходить без пояса так же грешно, как и без креста. Пояса считались ценными подарками, как и полотенца, их дарили родственникам, особенно по духовной линии — крестникам, кумовьям, а также при заключении брачных союзов. В конце XIX — начале XX в. пояса были, в основном, собственного изготовления: плетеные, тканые, вязаные. В зависимости от материала, способа выполнения, длины и ширины различали *покромки* (плетеные или вязаные, шириной 2–4 см), *пояса* (узкие 1–2 см, длиной до 2,5 м) и *опояски* (широкие, тканные на ткацком стане)[50]. Особо ценились опояски со словесами — со словами молитвы, дарственные с посвящениями, заказные с именем заказчика.

Верхняя одежда. Большое влияние на верхнюю одежду старообрядцев оказали указы Петра I, особенно суровые в отношении присутственного платья: «...платье самое старинное, долгое, с долгим ожерельем». Совершенно очевидно, что эти постановления способствовали консервации у поляков, как и у других старообрядцев, старорусской одежды XVI–XVII вв., поскольку на местах прежнего жительства начальство Стародубской канцелярии старалось следовать им как можно точнее [51].

В начале XX в. для верхней одежды парней и молодых мужчин были характерны вышивки, что не было принято в костюме пожилых и стариков. Кроме того, пожилые люди надевали поверх кафтанов халатообразные виды одежды, а парни щеголяли в одних кафтанах. *Моленные халаты, однорядки* входили в праздничные и моленные комплексы «поляков». Для рассматриваемого времени эта одежда была известна исключительно как принадлежность мужского костюма. Женщины-старообрядки стали носить кафтаны с тех пор, когда им пришлось из-за отсутствия мужчин выполнять функции «духовных отцов» («наставников», «стариков»). На фоне прочих старообрядцев «поляки» выделялись употреблением в качестве верхней одежды *балахонов* из синего крашеного холста, украшенных вышивками по проймам, плечам, стоячему воротнику. В дождливую



Верхняя одежда мужчин — *шабуры*:
1) с опояской;
2) с опояской и пестерями для сбора грибов.

погоду одевали сходного покроя и украшения (вышивкой, шнурами) короткие *куртки, курточки.*

В конце XIX — начале XX в. в качестве рабочей и повседневной одежды «поляки» носили халатообразные *зипуны, шабуры, понитки* без плечевых швов. Для лучшей посадки делали плечевые вытачки, которые в надетом виде смещались на спину. Однако основным видом верхней одежды, как и у других старожилов, были халатообразные с плечевыми швами. Повседневные *шубы, полушубки,* тулупы и пр. у «поляков» не отличались от остальных сибирских старожилов: мерлушковые или овчинные шубы крылись китайкой, дабой, мелестином, сукном, бархатом, опушались по бортам мехом выдры. У женщин, кроме того, имелись шубы с лисьими воротниками и с двумя шелковыми лентами на концах[52]. Особенно красивыми считались шубы и полушубки, расшитые вдоль краев пол и по подолу вышивками, шнурами, тесьмами. Во время зимних выездов укутывались в *тулупы, дохи.*

Для зимы шили также стеганные на шерсти и крытые шелком *халаты, чапаны,* у которых ворот, края бортов, а также низ обшивали полосками плиса или бархата. Эти аппликации обычно украшали вышивками, выстрачивали узорными строчками. Женщины-«полячки» шили халаты и целиком из бархата, расшивая их разноцветной тесьмой. Старики же в конце XIX в., по свидетельству М.В. Швецовой, носили наиболее старинные простеганные халаты — с высоким воротником и *наплечниками,* вышитыми разноцветными нитками[53]. Сохраняли они и такую традицию старинной русской одежды как длинные рукава, которые присутствовали как в крытых, так и нагольных шубах, защищали руки в морозные дни.

Навесные украшения. Шнуры *гайтаны* из разноцветного бисера или плетеной тесьмы с висящим на них крестом, *ушекопкой* носили и мужчины, и женщины. Во второй половине XIX в. в среде «поляков» еще встречался архаичный способ ношения гайтанов поверх рубах, но все же более распространенным был обычай прятать их за пазуху. Основными мотивами узоров гайтанов являлись кресты, свастика, ромбы. Края обшивали *плетешками* из шерсти, шелка.

«Полячки» имели большую склонность к богатым нагрудным украшениям. М.В. Швецова писала об этих украшениях так: «*Бисера*, т.е. ожерелья, очень разнообразны, начиная от золотых и серебряных монет до дешевеньких стеклянных бус...»[54]. Большое количество поднизей считалось красивым: на праздники иные любительницы украшений надевали по 5–8 штук *бисеров, янтарей*, которые, случалось, доходили до самого пояса. Несмотря на сложившуюся издавна традицию, старики смотрели на бисера как на греховное искушение, которому не следовало поддаваться. Нагрудные украшения были

характерны для молодых женщин, более скромные надевали девушки, а пожилые не носили их совсем.

Во второй половине XIX в. «полячки» носили старинную форму нагрудных украшений поверх рубахи — *ряски*. Она представляла собой низку бисером или стеклярусом в виде круглой пелерины, закрывавшей плечи и верхнюю часть груди. Разноцветный стеклярус, бисер собирали сеточкой, образовывая геометрические узоры — ромбы, кресты и их сочетания. Подобные украшения свидетельствуют о наличии в костюме южнорусских традиций, для которых характерен поневный комплекс одежды.

Негативное отношение прослеживалось к серьгам из драгоценных (золото, серебро) и прочих (медь) металлов, которые были привезены с прежних мест жительства и передавались в семье по наследству или изготавливались местными мастерами. Молодые женщины и в отношении этого украшения отступали от запретов духовных наставников и носили, бывало, по двое серег разной формы. Распространены были серьги в виде крупных колец (*дутые, плескатные, с гребешком*) или продолговатые с длинными подвесками, с использованием цветных стекол.

Еще в конце XIX — начале XX в. сохранялись старинные славянские украшения птичьим пухом, перьями, живыми или, за недостатком их, искусственными цветами. Гусиные пушки просушивали и, надевая на иглу, прикрепляли к серьгам, однако могли носить и одни на нитке. Перья домашней птицы, обычно селезня (*косички, кудри*), девушки подтыкали спереди под шаль, называя это чёлкой. Украшения цветами живописно описаны М.В. Швецовой: «Главным украшением являются цветы, преимущественно живые... и искусственные. Их носят и мужчины, и женщины на головных уборах и поясках, благодаря чему „хоровод", как здесь называют собирающуюся на игрища толпу молодежи, парней и девушек, кажется живым, движущимся цветником: цветы на головах, миловидные цветущие лица девушек, яркие колеры одежды — все это гармонирует одно с другим и не режет глаз, составляя художественное целое с зеленой лужайкой, залитой горячим светом почти южного солнца»[55]. Молодые женщины накалывали на шали *броши*, которые в этом случае совмещались с цветами или заменяли их. Украшения выделяли костюм молодых мужчин, которые во время прогулок, в свободное от работы время втыкали за околыш шляпы перья, цветок или яркую конфетную бумажку.

Не только гайтаны и цветы служили общим дополнением костюма мужчин и женщин, но и кольца. На полянку молодые люди старались надеть по нескольку колец — «разве какая из бедных решится выйти на игрище без колец на пальцах». Смысл этой традиции был аналогичен украшениям несколькими поясами, шалями, т.е. информировать о чувствах, свидетельствовать о состоятельности и т.п. Обязательно носили колечки замужние женщины. Поверхность колец была гладкой

или с узорными насечками, перстни — медными или железными с серебряными накладками.

Обувь «поляков», наряду с общими для старожилов *чарками* (*обутками*) и *пимами*, включала плетеные *лапти*. Во Владимирской, Риддерской волостях лапти обували при выполнении ряда работ во влажных местах, например, на сплаве леса, на моле. При неблагоприятных условиях эксплуатации этой обуви хватало на неделю. Различие повседневной и праздничной обуви заключалось в степени изношенности — новую надевали в праздники, на моления, поношенную носили в будни, в ней управлялись по хозяйству.

В мужских чирках кожаные или холщовые голенища подхватывались тканными поясками или кожаными ремешками с металлическими наконечниками. Для удобства обувь также подвязывали в петли у щиколотки. Такие пояски с узорами ткались просватанными девушками, наряду с собственно поясами, для своих женихов. Молодые щеголи могли украшать чарки (обутки) по верхнему краю бахромой.

С женскими вариантами чирков, т.е. без голенищ, надевали шитые или вязанные из отбеленного льна чулки, которые подвязывали под коленями веревочками. Отличительной чертой рабочей обуви женщины-«полячки» было ношение чарков с *голяшками* (голенищами). Раньше, по рассказам, не только женщины, но и мужчины носили узорчатые чулки из разноцветной шерсти, обшитые по краю бахромой, которую выпускали поверх сапог. Зимой под высокие сапоги *бутылы* мужчины надевали мягкие валяные чулки-*потники*, которые расшивали розовой и белой шерстью.

Старинную невыворотную обувь *чоботы* шили из жестких бычьих или коровьих кож, подбивая подошвы деревянными гвоздями. В чоботах хозяйничали во дворе, ухаживали за скотом, обували в дождливую погоду (сыромятная кожа не пропускала воду).

Помимо пимов мужской зимней обувью были *ичиги*, конструктивно не отличавшиеся от чирков, но изготавливались из овчины шерстью внутрь (перед и голенище) и кожи (носок, задник, подошва, кайма по краю голенища).

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Поликовые рубахи с кошеными рукавами, бытовавшие в праздничной и повседневной одежде «полячек» Алтая, были широко распространены и у семейских Забайкалья, что позволяет рассматривать их в качестве исходных для этих родственных в этнокультурном отношении групп русских старообрядцев. Праздничные рубахи со специфической кулеобразной конструкцией рукавов оказались наиболее близкими рубахам крестьянок Русского Севера (Каргопольский у. Олонецкой губ.). В них, однако, можно отметить некоторые южнорусские и украинские элементы (терминология, расположение поликов по основе стана, обильные украшения вышивками, кружевом, бисером и пр.)[56]. Бытование в погребальных костюмах

бесполиковых и кроенных по типу «в замок» рубах дает основание предположить в одежде «полячек» севернорусские, северо-восточные, поволжские и приуральские традиции[57]. Столь же разнообразные традиции можно наблюдать в повседневных и праздничных сарафанах, в которых обнаруживаются как севернорусские (туникообразный крой, конструкции с одним цельным полотном), так и южнорусские (многоцветные украшения по груди, лямкам, подолу) элементы.

Виды головных уборов и верхней одежды, а также детали кроя, отделок, украшений позволяют сблизить эту группу с населением севернорусских и белорусских губерний России. Значительное количество видов верхней одежды обнаруживает сходство с одеждой семейских Забайкалья.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Костров Н.Н.* Томский округ по описанию Фалька в 1771–1772 гг. // Томские губ. ведомости. 1875. № 4, 5.

2 *Радищев А.Н.* Письмо о китайском торге // *Радищев А.Н.* Собр. соч. М., 1907. Т. 2. С. 98.

3 *Дигамма.* Торговля с Китаем. Изд-е Ф.П. Романова. Томск: тип. П.И. Макушина, 1899. С. 38.

4 *Гуляев С.И.* Алтайские каменщики // Санкт-Петербургские губ. вед. 1845. № 30.

5 С Барнаульского тракта // Сибирская газета. 1881. № 21, 23.

6 *Белявский Ф.Н.* Распределение населения Западной Сибири по территории, его этнографический состав, быт и культура // Россия: Полное географическое описание нашего отечества (Настольная и дорожная книга для русских людей). СПб., 1907. Т. XVI. С. 238.

7 *Фурсова Е.Ф.* Традиционная одежда русских крестьян-старожилов Верхнего Приобья (конец XIX — начало XX в.). Новосибирск, 1997. С. 21.

8 Там же. С. 129.

9 *Мамсик Т.С.* К характеристике быта крестьянской буржуазии Сибири первой трети XIX в. (По материалам росписей утраченного имущества ГАКК) // Русские Сибири: культура, обычаи, обряды. Новосибирск, 1998. С. 45.

10 *Липинская В.А.* Русское население Алтайского края. Народные традиции в материальной культуре (XVIII — XX вв.). М., 1987. С. 141.

11 *Шелегина О.Н.* Очерки материальной культуры русских крестьян... С. 157.

12 *Вилков О.Н.* Ремесло и торговля в Западной Сибири в XVII в. М., 1967. С. 102–105.

13 *Лебедева Н.И., Маслова Г.С.* Русская крестьянская одежда XIX — начала XX в. // Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967. С. 201; Русские. М., 1997. С. 118–119.

14 *Школдин П.* Хозяйственно-статистическое описание Бурлинской вол. // Журнал заседаний Московского общества сельского хозяйства. 1863. Кн. 1. С. 46.

15 Там же.

16 ЦХАФ АК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 214. Л. 87.

17 Там же. Д. 297. Л. 6.

18 *Фурсова Е.Ф.* Традиционная одежда русских крестьян-старожилов... С. 99.

19 *Бардина П.Е.* Быт и хозяйство русских сибиряков Томского края. Северск, 2009. С. 169–176.

20 *Лебедева Н.И., Маслова Г.С.* Русская крестьянская одежда... С. 249.

21 *Фурсова Е.Ф.* Традиционная одежда русских крестьян-старожилов... С. 106–107.

22 *Потанин Г.Н.* Полгода на Алтае // Русское слово. 1859. С. 129.

23 *Маслова Г.С.* Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 607.

24 *Худошин Т.А., Яксанов В.З.* Учебное руководство..., с. 28.

25 Костюм в русской художественной культуре. М., 1995. С. 251.

26 *Фурсова Е.Ф.* Традиционная одежда русских... С. 103.

27 *Сабурова М.А.* Женский головной убор у славян по материалам Вологодской экспедиции // Советская археология. 1974. № 2. С. 97.

28 Крестьянская одежда населения Европейской России (XIX — начало XX в.). Определитель. М., 1971. — С. 59.

29 *Ганцкая О.А., Лебедева Н.И., Чижикова Л.Н.* Материальная культура русского сельского населения западных областей Европейской части СССР // Труды Института этнографии. 1960. Т. LVII. С. 6–69; *Рихтер Е.В.* Русское население Западного Причудья. Таллин, 1976. С. 159; *Заварина А.А.* Русское население Восточной Латвии во второй половине XIX — начале XX века. Рига, 1986. С. 191–215.

30 Крестьянская одежда населения... С. 22.

31 *Заварина А.А.* Русское население Восточной Латвии... С. 21.

32 *Липинская В.А.* Русское население Алтайского края... С. 133.

33 РГО. Р. 27. Оп. 1. Д. 18. Л. 132; *Чижикова Л.Н.* Традиционная женская одежда русских по материалам Нижнедевицкого района Воронежской области // Полевые исследования института этнографии. 1980–1981. М., 1984; Білецька В. Українські сорочки, їх типи, еволюція й орнаментація // Матеріяли до етнології й антропології. Етнографічна комісія наукового т-ва ім. Шевченка у Львові. Львів, 1929. Т. XXI–XXII. Ч. 1. С. 53.

34 *Гринкова Н.П.* Однодворческая одежда Коротоякского уезда Воронежской губернии (Из материалов Юго-Восточной экспедиции ГАИМК) // Известия Ленинградского гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена. 1928. Вып. 1. С. 152.

35 *Фурсова Е.Ф.* Традиционная одежда русских крестьян-старожилов Верхнего Приобья. Новосибирск, 1997. С. 37.

36 *Соболев М.Н.* Русский Алтай. Из путешествия на Алтай в 1895 г. // Землеведение. 1896. Т. III. Кн. III–IV. С. 60; *Новоселов А.Е.* У старообрядцев Алтая // Беловодье. Иркутск. 1981. С. 394.

37 *Молчанова Л.А.* Производственная деятельность и материальная культура белорусского крестьянства XIX — начала XX в. Минск, 1969. С. 129.

38 *Фурсова Е.Ф.* Традиционная одежда русских крестьян-старожилов... С. 49.

39 *Гринкова Н.П.* Одежда бухтарминских старообрядцев // *Бломквист Е.В., Гринкова Н.П.* Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. С. 331.

40 *Бусыгин Е.П., Зорин Н.В.* Русские коллекции в Этнографическом музее Казанского университета // Советская этнография. 1958. № 5. С. 110.

41 *Бардина П.Е.* Быт и хозяйство русских сибиряков Томского края. Северск, 2009. С. 138–139.

42 Крестьянская одежда населения Европейской России (XIX — начало XX в.). Определитель. М., 1971; Русский народный костюм. Государственный исторический музей. М., 1989. С. 194.

43 *Ганцкая О.А., Лебедева Н.И., Парникова А.С.* Материальная культура сельского населения южновеликорусских областей (XIX — начало XX в.) // Труды института этнографии. 1960. Т. LVII. С. 227.

44 *Лебедева Н.И.* Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки. Этнологическая экспедиция в Брянской и Калужской губерниях в 1925–1926 гг. М., 1927. Ч. 1. С. 93, 101.

45 *Маслова Г.С.* Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. // Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. М., 1956. С. 592.

46 *Лебедева А.А.* Мужская одежда русского населения Западной Сибири (XIX — начало XX в.) // Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. М., 1974. С. 217.

47 *Громов Г.Г.* Одежда // Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 1. С. 209.

48 *Раманюк М.* Беларускае народнае адзенне. Мінск, 1981. С. 217.

49 *Гринкова Н.П.* Одежда «тудовлян» Ржевского уезда // Этнография. 1926. № 1, 2. С. 85.

50 *Липинская В.А.* Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае (XVIII — начало XX века). М., 1996. С. 126.

51 *Лилеев М.И.* Новые материалы для истории раскола на Ветке и Стародубье (XVII–XVIII вв). Киев, 1893. С. 127.

52 *Ядринцев Н.М.* Раскольничьи общины на границе Китая // Сибирский сборник. 1886. С. 44.

53 *Швецова М.В.* «Поляки» Змеиногорского округа // Зап. Западно-Сибирского отдела РГО. 1899. Кн. XXVI. С. 30.

54 ЦХАФ АК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 61. Л. 57.

55 *Швецова М.В.* «Поляки» Змеиногорского округа... С. 33.

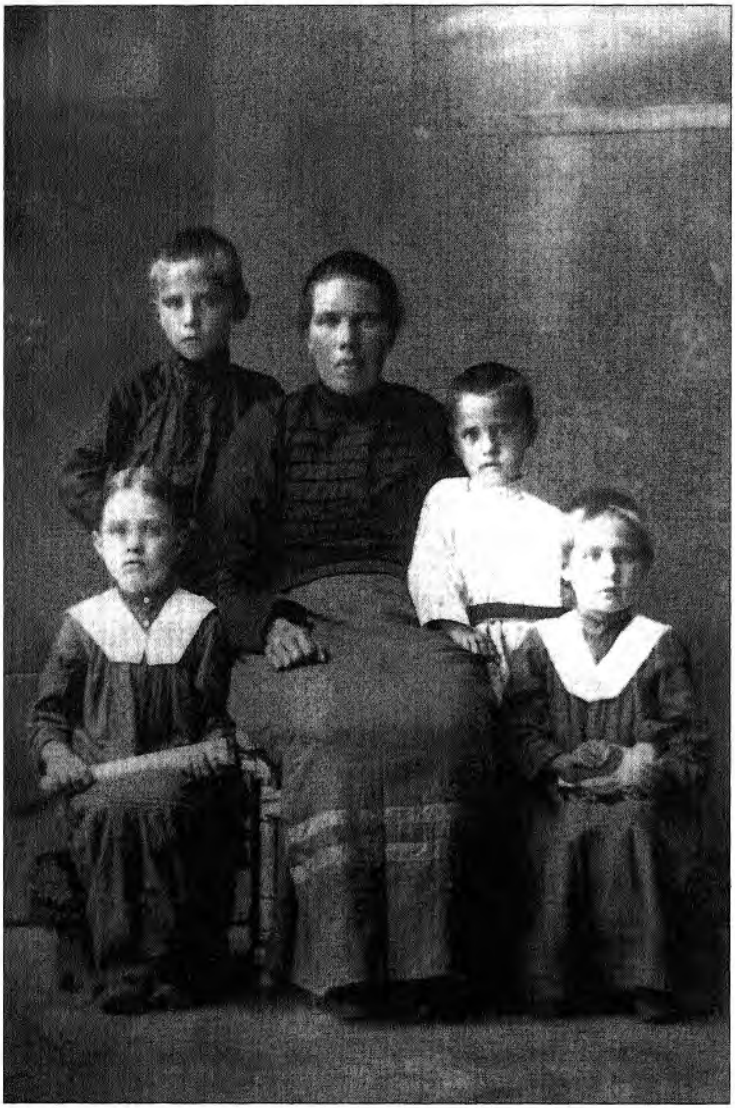
56 *Лебедева Н.И., Маслова Г.С.* Русская крестьянская одежда... С. 218, 257.

57 *Маслова Г.С.* Народная одежда русских, украинцев и белорусов... С. 607, 609.

ТОМСКО-НАРЫМСКОЕ ПРИОБЬЕ

В освоении русскими Сибири важную роль играли реки. Обь и Иртыш, пересекая Западную Сибирь в меридиональном направлении, способствовали продвижению к югу. Путь на восток открывали правобережные притоки. В их устьях в конце XVI — начале XVII в. были основаны Нарымский и Кетский остроги, Томский город и возникли многие селения. В Томско-Нарымском крае сформировался старожильческий состав населения, состоявший в основном из служилых людей и их потомков, которые, по подсчетам Н.Ф. Емельянова, даже в феодальную эпоху представляли больше половины всего населения[1]. Из-за нехватки хлеба служилые люди уже в XVII в. переводились «на пашню» и со временем зачислялись в государственные крестьяне. Служилые люди, конные и пешие казаки стали основателями многих томских селений, в названиях которых до сих пор сохранились их имена и фамилии, а среди жителей — прямые потомки.

Основная масса первопоселенцев, как выяснено исследователями, была из северных и северо-восточ-



Семья старожилов из с. Нелюбино Томской обл. Фото 1914 г.

ных уездов, откуда и шли пути в Сибирь. Однако уже среди первых поселенцев были выходцы из центральных и южных губерний, например, в составе первых жителей Томска, по подсчетам З.Я. Бояршиновой[2], были выходцы из Великого Новгорода, Москвы, Устюга, Соликамска, Сольвычегодска, Холмогор, Костромы, Галича, Ярославля и других мест, в том числе крестьяне-переселенцы, ссыльные и пр. Потомков старожилов по всей Сибири называют *чалдоны*. Это слово, судя по словарям, скорее

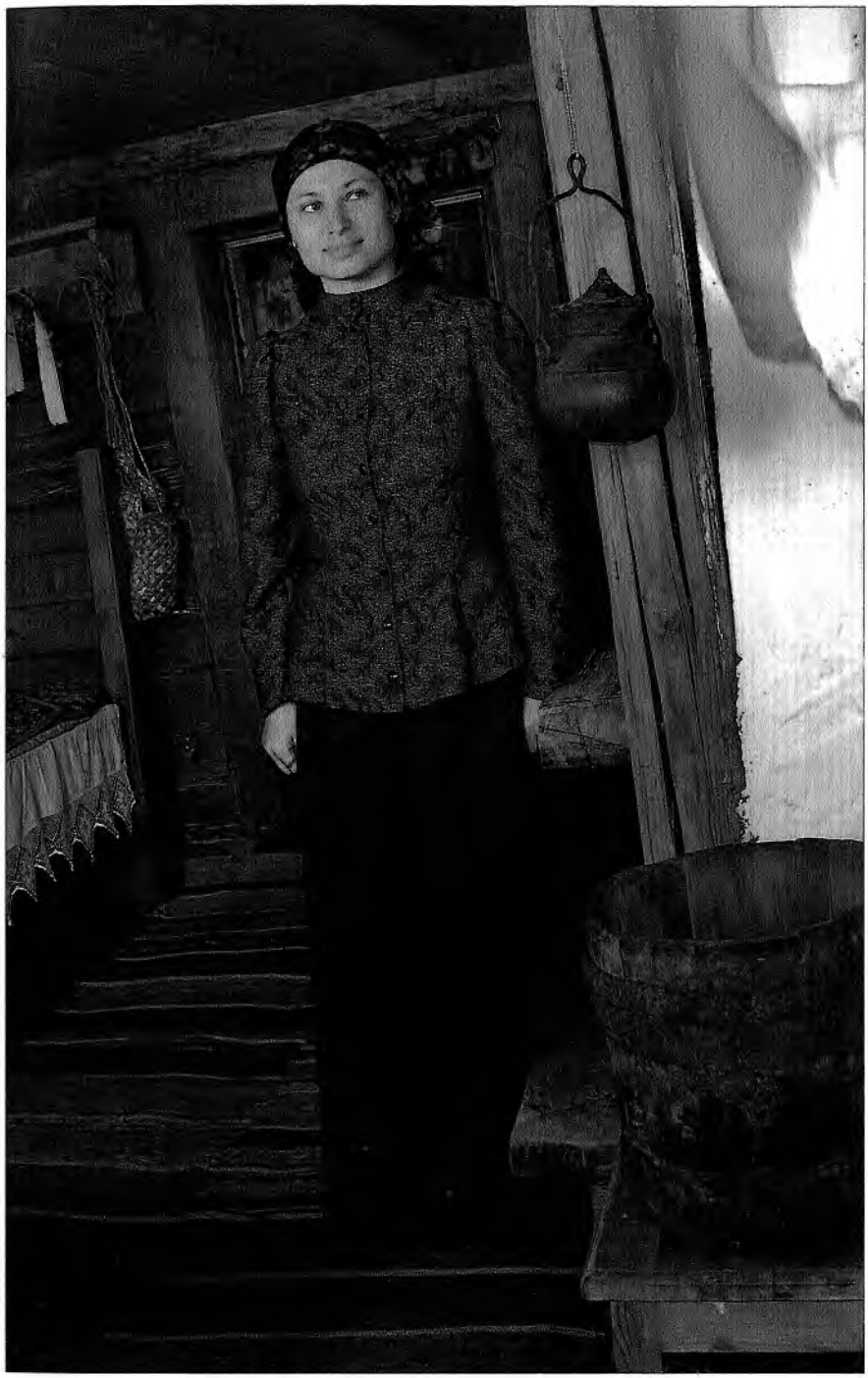


Рис. 1. Праздничный женский костюм чалдонки, д. Вагащино Омской обл.
Фото Е.Ф. Фурсовой, 1996 г.

Рис. 2. Элементы праздничного костюма: 1) кофта на кокетке; 2) парочка с меховой отделкой. Фото Е.Ф. Фурсовой, 1990 г.

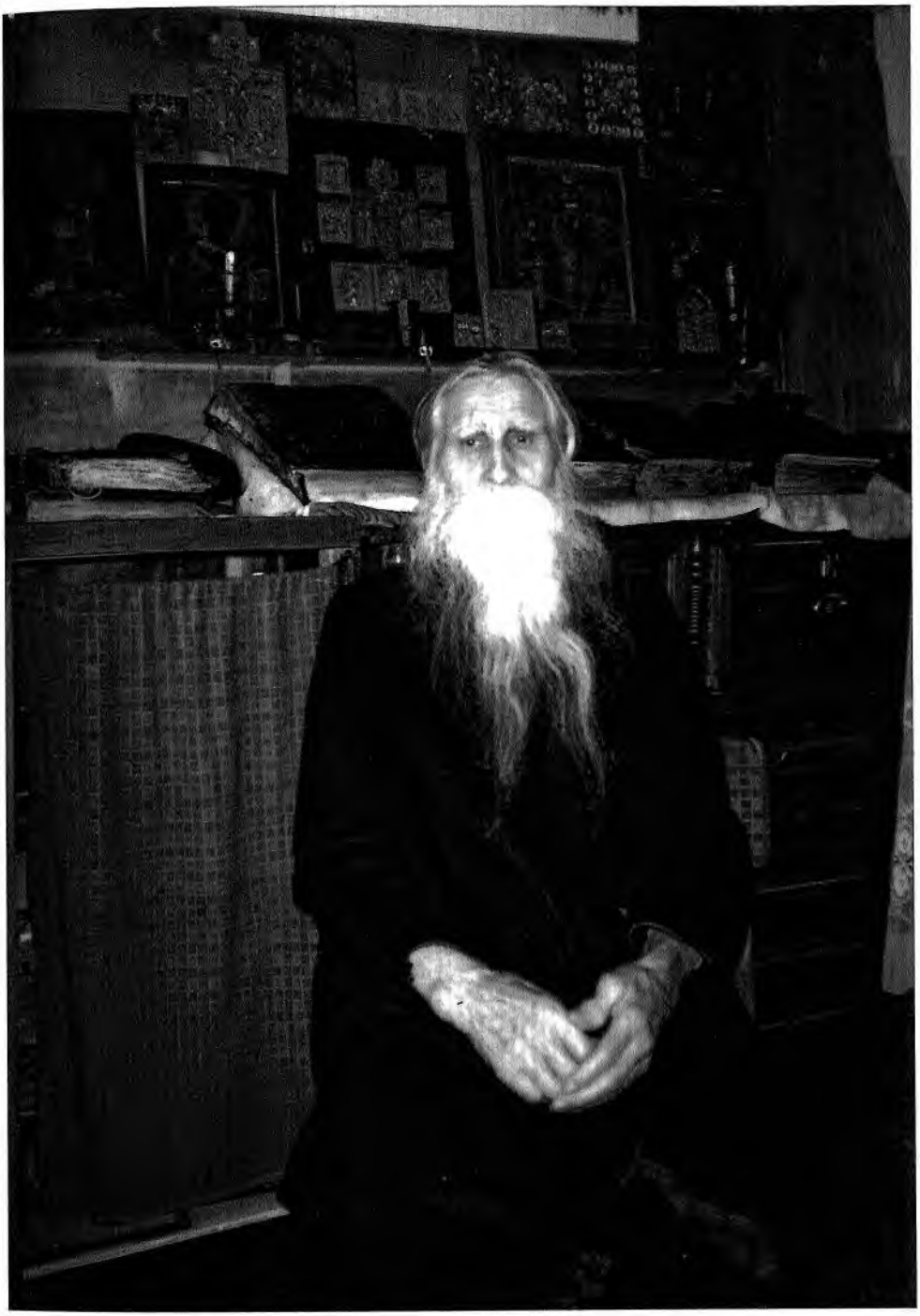


Рис. 3. Духовный наставник общин федосеевцев в Васюганье.
Фото Е.Ф. Фурсовой, 1991 г.

Рис. 4. Костюм невесты из д. Макаровки Каинского уезда Томской губ., нач. XX в. Фото Е.Ф. Фурсовой, 1991 г.

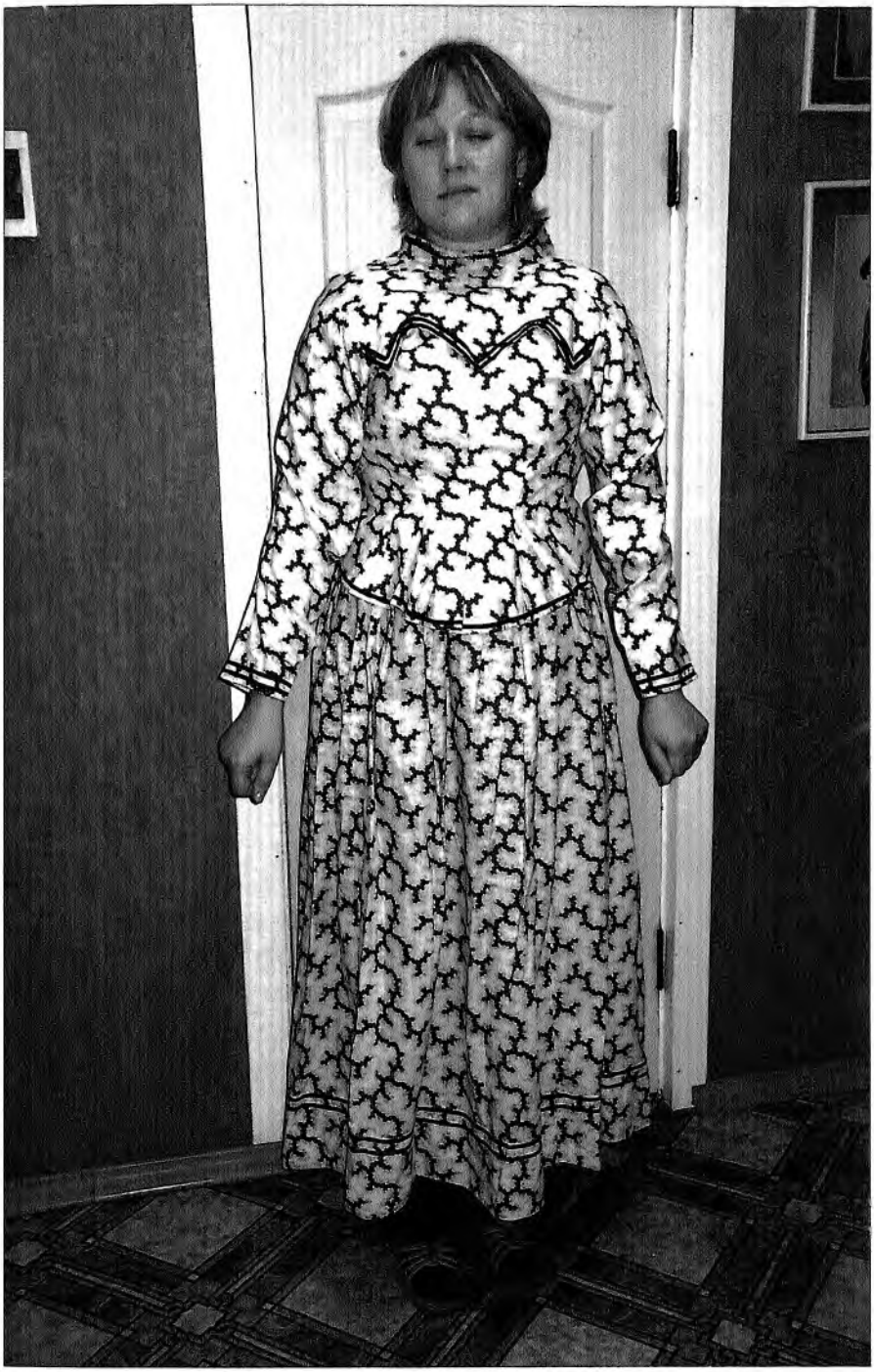


Рис. 5. Женский костюм *парочка*.
Фото Е.Ф. Фурсовой, 1990 г.

Рис. 6. Передник-нарукавник «поляков».
Фото Е.Ф. Фурсовой, 1990 г.

Рис. 7. Рубахи мужские свадебные:
1) «поляков»; 2) крестьян Омской обл.
Фото Е.Ф. Фурсовой, 1990 г.

Рис. 8. Семья «поляков». Фото Е.Ф. Фурсовой, 1990 г.

Рис. 1. Пожилая женщина в народном костюме
с внуком в современной одежде.
Фото П.Е. Бардиной, 1980 г.

всего монгольского происхождения и имеет значение «бродяга», «каторжник», «варнак», что вполне соответствует устойчиво бытовавшим в Европейской части России представлениям о Сибири как месте каторги и ссылки. В настоящее время название «чалдон» обозначает, что предки этого человека уже много поколений живут в Сибири.

С проведением в XVIII в. сухопутной дороги — Московского тракта, который прошел через город Томск, северные нарымские селения оказались в стороне от новых путей, что помогло сохранить старинные традиции старожилов Сибири. Население сформировалось в довольно однородную группу со своими языковыми и культурно-бытовыми особенностями. Как выяснилось во время сбора полевых этнографических материалов, потомки старожилов четко отличали себя от «россейских». Так поименовали в Сибири переселенцев, прибывавших со второй половины XIX в. в томские селения.

По данным историков, среди переселявшихся преобладали выходцы из Южной России (свыше 80%)[3], а именно из Курской, Тамбовской, Орловской, Тульской, Рязанской, Полтавской, Черниговской, Харьковской, Воронежской и других губерний[4]. В числе переселенцев были украинцы и белорусы, ныне обрусевшие и внесшие свою лепту в формирование облика сибиряков. Основная часть прибывших осела в центральной части края, где население в начале XX в. на 70–90% состояло из переселенцев[5], тогда как некоторые селения вблизи Томска и тем более северные нарымские сохранили старожильческий состав жителей.

При всей пестроте переселяющихся они нередко составляли компактные группы выходцев из одних мест, например, в с. Баткат Шегарского района наряду со старожилами жили тамбовские, курские, смоленские и витебские переселенцы[6]. В то же время в соседних селениях жили выходцы из разных мест: в с. Ново-Кусково и Митрофановке Зырянского района жили воронежские переселенцы, а в Дубровке — калужские, в Мишутино — пензенские, а в Казанке — казанские[7]. В зависимости от мест выхода и некоторых языковых и бытовых особенностей в ходу были взаимные прозвища — *вороны, хохлы, кацапы, лапотники, вятские синекафтанники, цовокалки* и др. Кроме того, как и по всей Сибири, старожилы называли переселенцев *новиками* и *россейскими*. Взаимная настороженность проходила при более длительных контактах, при отсутствии конфликтов из-за земли. Быстрее всего начинала общаться молодежь, собираясь на вечерки, перенимая новые песни и фасоны нарядов и т.д.

Длительное время особняком держались старообрядцы. Они появились на томской земле, по-видимому, вскоре после раскола русской православной церкви, об этом упоминается в работе С.П. Крашенинникова[8]. Однако при сборе полевых материалов потомков этих старообрядцев выявить не удалось. По нашим полевым материалам, во многих,

особенно северных, селениях Томской области живут потомки староверов, прибывших сюда начиная с конца XIX в. из соседних регионов Сибири — с Алтая, из Тюменской, Новосибирской, Курганской областей, а также из Пермской области и других мест. Старообрядцы Томского края не составляли единой компактной группы и относились к различным религиозным согласиям и толкам — *поповцы и беспоповцы, часовенные, поморские, федосеевские, бегуны, безденежные* и др.

В силу своих религиозных убеждений староверы сохранили вплоть до середины XX в. многие традиционные виды одежды (сарафаны, головные уборы и пр.) и традиции их изготовления.

Полевые этнографические сборы автора на территории Томской области в 1974–2003 гг., а также немногочисленные материалы местных музеев, сведения из архивов и литературы позволяют реконструировать особенности одежды и ее изготовление у русских сибиряков Томско-Нарымского Приобья для конца XIX — первой четверти XX в.

В условиях Сибири, при длительной и суровой зиме, у русских сибиряков Томско-Нарымского Приобья, при сохранении, главным образом, севернорусских традиций, сформировались некоторые особенности в одежде. В частности, это проявилось в широком использовании материалов животного происхождения, в ношении нескольких слоев одежды и пр. Традиционный материал — волокна льна и конопли разными группами сибиряков использовался с разной степенью интенсивности. Старожилы пригородных томских и северных нарымских селений в конце XIX в. уже практически не занимались домашним ткачеством, так как имели возможность приобрести покупные ткани за продукты своего хозяйства (на севере это пушнина и рыба). Однако у них сохранялось прядение ниток на ручной прялке (при отсутствии самопрялок) для изготовления орудий рыболовства, а на севере и ткачество полушерстяных тканей.

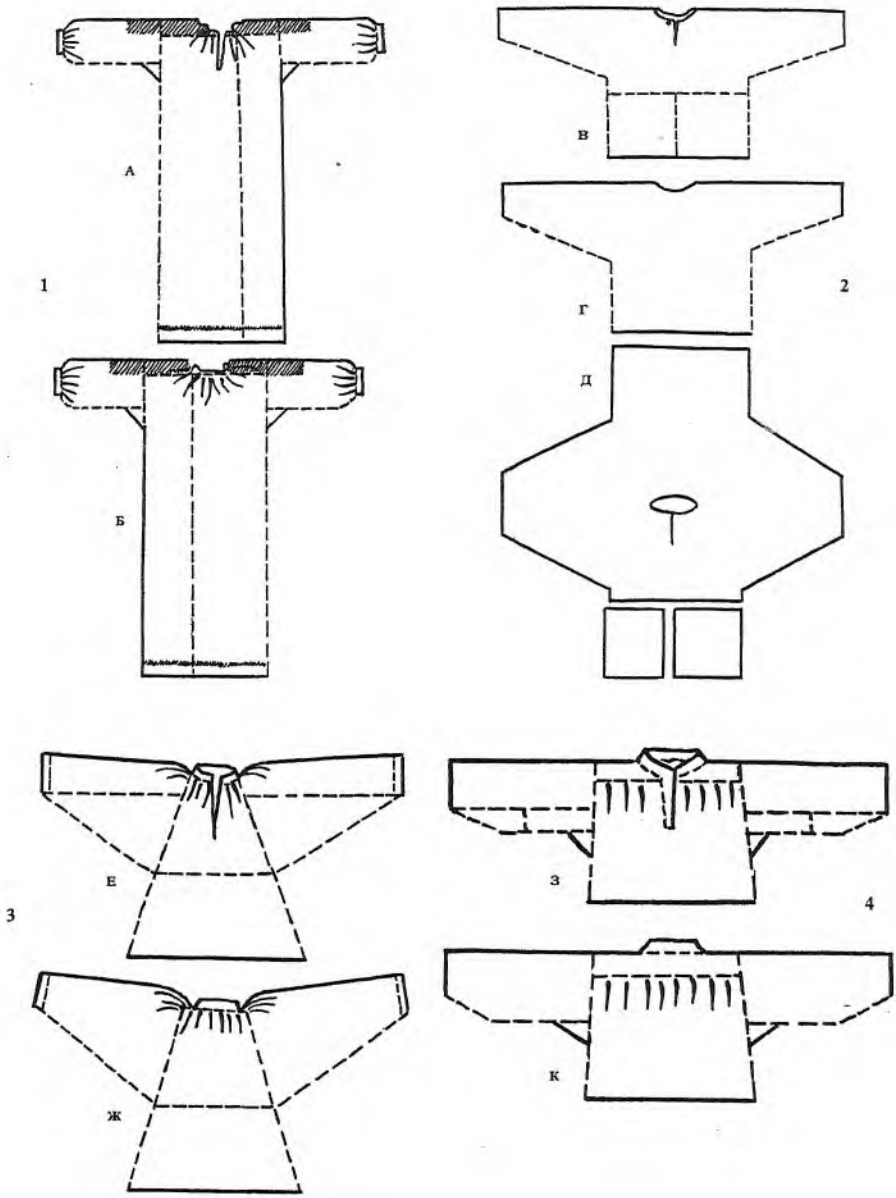
Орудия труда для обработки волокнистых растений в целом аналогичны севернорусским, но с некоторыми архаичными элементами, возможно заимствованными. Например, сохранялось изготовление ниток-*постегунок* без каких-либо орудий, путем сучения на бедре, использование вместо веретена крючка из ветки с отходящим сучком, изготовление ниток из волокон крапивы, использование травы (нерезучей осоки) в качестве оберток для ног и прокладок в обувь. Прокладки в обувь из сена и соломы были известны русским в европейской части страны, однако в данном случае более вероятно заимствование от коренных сибирских народов — нарымских селькупов. Интересным моментом являлось то, что у старожилов по сравнению с переселенцами были более длинные мотовила для наматывания ниток. Как выяснилось, это связано с отсутствием в Сибири крепостного права. Длина мотовила определяла коли-

чество пряжи в мотке и в европейских губерниях строго регламентировалась помещиками[9]. В Сибири длина мотовила определялась индивидуально, по размаху рук хозяйки. Специфичными архаичными элементами являлись также использование вертикального станка с грузиками для изготовления циновок, традиция вымачивания конопли подо льдом, отбеливание с помощью вымораживания и др.[10].

Для изготовления одежды и обуви использовали много материалов животного происхождения (шкуры и шерсть), и не только домашних животных, но также и охотничью добычу — в основном шкурки с ног лося или оленя — *камусы*, шкурки лисы и зайца. Однако широкого применения в одежде шкурок пушных зверей — белок, соболей и пр. — у русских сибиряков не было. В этом отношении они даже противопоставляли себя коренным народам, говоря: «У нас не было заведено носить меха, как у остяков или тунгусов». Однако иногда меховую обувь и одежду из оленьих шкур приобретали в готовом виде у местных народов. У русских сибиряков пушнина была объектом торговли и основным источником благосостояния. В своем хозяйстве для изготовления меховой одежды выделывали овчины, а старожилы использовали кроме того шкуры собак. Для шитья меховой обуви и обшивки лыж старожилы, по рассказам, неоднократно пытались употреблять, как и сибирские народы, сухожильные нитки с теми же способами их обработки. Однако эта традиция не прижилась, и старожилы предпочитали нитки из волокон конопли — *посконные*.

Из пряденой овечьей шерсти ткали полусукно — *понитчину* и вязали чулки, носки и варежки — *исподки*. У старожилов сохранялся очень древний способ вязания на одной игле в виде узкой медной пластинки с отверстием, смещенным к одному концу. Такое вязание в прошлом было известно в Европейской России, и даже одноигольные чулки назывались «русскими» в противоположность пятиигольным[11]. В Томском крае переселенцы такую иглу называли *чалдонской* и учились вязать у старожилов. Способ вязания освоен был также нарымскими селькупами.

Город Томск был крупным центром всей сибирской торговли и в полной мере обеспечивал тканями и готовой одеждой не только горожан, но и сельчан. Жители многих селений, в том числе с севера, везли в город по *зимнику* свои товары — пушнину, рыбу, орехи, ягоду и пр. А обратно везли не только сахар, чай и муку, но и мануфактуру — различные ткани, шали, готовую одежду и обувь, украшения, кружева, ленты и пр. Особой популярностью пользовались покупные *азямы* — мужская верхняя одежда из верблюжьего сукна, а также мужские пимы с узорами, женские ботинки на подборе, полушубки, шапки-татарки и пр. Из города приходили новые виды одежды и новые покрои, поскольку Томск славился своими магазинами, в которые поступали товары «самой последней



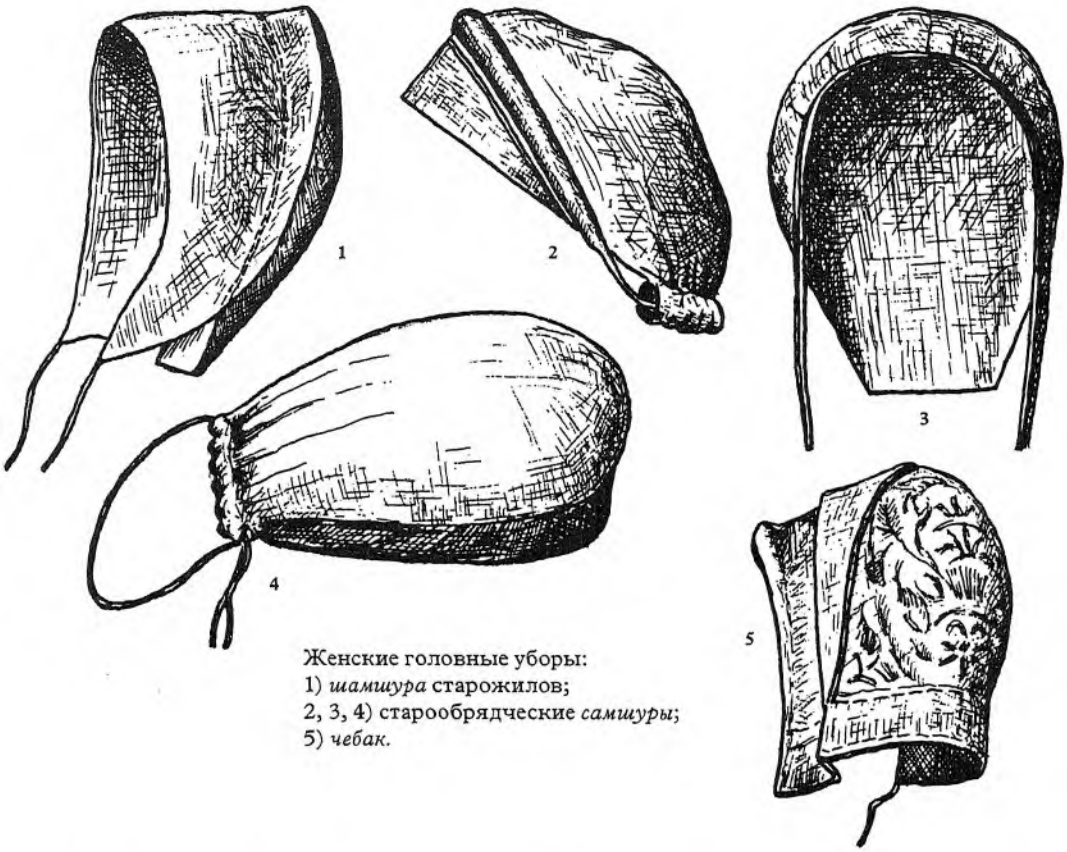
Покрой женских рубах:
1) пропускная рубаха переселенцев (а, б — вид спереди и сзади). С. Нарым;
2) туникообразная рубаха (в,г,д — раскрой туникообразной рубахи); 3) бесполиковая рубаха (е,ж — вид спереди и сзади), старообрядцы. Д. Чумакаевка;
4) рубаха на кокетке без плечевых швов (з,к — вид спереди и сзади), старообрядцы. С. Парабель.

моды», которые носят не только в столице, но и за границей. В пригородных селах иногда даже заказывали наряды у известных томских портних. В городе Томске и некоторых пригородных селениях были развиты промыслы по изготовлению одежды, например, портновский и шапочный. Шили также полушубки, азямы, рукавицы, шапки-татарки «на весь сибирский рынок», а среди портных, судя по фамильному составу, было немало местных татар[12]. По-видимому, они внесли свои традиции в формирование одежды сибиряков. Товары и одежду приобретали не только в городе, но и на нескольких сезонных ярмарках — в с. Тогурском, Богородском, г. Нарыме и др.

Повседневную одежду из холста и дешевых покупных тканей женщины шили сами для всей семьи. Праздничную одежду заказывали шить «модисткам». Для старинной одежды была характерна экономичность покроев: все разрезы делали по прямым линиям, без выкроек, по готовым образцам. Находили свое место в покрое и срезаемые клинья, как, например, при раскрое косоклинного сарафана у старообрядцев, или при раскрое мужских рубах и штанов. Большое значение в передаче трудовых навыков изготовления одежды и других предметов домашнего обихода имела традиция подготовки приданого. С 7–8 лет девочки учились прясть, а потом — ткать, шить, вышивать и готовить себе приданое, которое складывали в сундук. Например, в с. Каргале (Шегарский р-н) в нач. XX в. в приданое невесты входило 17 парочек, 6 шалей, 10 рубах, 15 полотенец, шуба, кашемировое пальто. В другом случае приданое невесты состояло из 25 сатиновых костюмов (юбок с кофтами) различной расцветки, с 2–3 оборками на юбках[13].

Женская повседневная одежда. В конце XIX — начале XX в. в одежде сибирячек Томско-Нарымского Приобья преобладал так называемый городской комплекс из *юбки* и *кофты*. Традиционный костюм из сарафана и рубахи сохранялся только у старообрядцев, поздних переселенцев, принесших его с собой, и был известен части старожилов в качестве одежды старух и в погребальном комплексе. Наиболее старинные косоклинные сарафаны на широких и узких лямках, с лягушкой — цельнокроеными лямками сзади сохранялись у старообрядцев. Кроме того, были известны сарафаны прямого покроя, с лифом и на кокетке. С сарафанами носили рубахи сплошные — *пропускные* и с отрезным станом, у которых верхнюю часть — *рукава* — шили из покупной ткани, а *становину* — из холста. Покрой рубах был преимущественно туникообразным, а также с прямыми поликами по утку и на кокетке.

Комплекс из рубахи и *поневы* был принесен переселенцами из южнорусских губерний, но в отличие от сарафанов быстро исчез. Сам термин «понева» у старожилов Томского края был известен не только как



Женские головные уборы:
1) *шамшура* старожилов;
2, 3, 4) старообрядческие *самшуры*;
5) *чебак*.

название юбки, но и в качестве бранного слова[14]. Шерстяные домотканые юбки *сукманки* с клетчатым узором бытовали у старожилок Нарымского края[15]. Вероятно, они были занесены женами первопоселенцев из служилого населения и устойчиво бытовали в дальнейшем из-за суровых климатических условий края.

Городской комплекс из юбки и кофты, чаще всего сшитых из одной ткани, называли *парой*, *парочкой*. Юбки шили из хорошей покупной ткани, на подкладке, широкие и длинные, прямого, кошеного или комбинированного покроя. К подолу иногда нашивали оборку, а также ленты в тон, но светлее тона юбки. Было принято надевать несколько юбок одновременно, не только для тепла, но и для демонстрации своего богатства. Популярными были нижние белые юбки — *низики* с кружевами по подолу. Зимой надевали несколько юбок для тепла, так как по старинной традиции русские женщины не носили штаны. Если женщинам по необходимости приходилось ездить в лес за дровами или в город с обозом, они обвязывали колени платками, и только самые смелые отваживались

надеть «мужиковы» штаны, рискуя подвергнуться насмешкам. Ношение женщинами штанов, а также чулок выше колен считалось грехом, тем более, что «штаны носят только татарки». Даже позднее, в середине XX в., пожилые женщины, готовя себе погребальную одежду, просили родных ни в коем случае не надевать на них штаны.

С юбками надевали приталенные *кофты* навыпуск, с длинными, пышными у плеча рукавами, с глухо закрытым воротом, украшенные на груди вставками из гипюра, бархата, кружев. Старинная нагрудная одежда — *шушуны, душегрейки, шугаи* — к концу XIX в. вышли из употребления, но по нашим материалам, женщины еще помнили эти названия. По данным М.М. Громыко[16], в Западной Сибири в середине XIX в. шушуном называли кофту в отличие от шушуна-безрукавки, описанной для Приангарья. Переселенцы в письмах своим родственникам давали рекомендации, что нужно брать в Сибирь: «...сощуны не нужны здесь, их не носят, запанья тоже. Юбки по две возьмите, а остальные, какие получше, продавайте; башмаки свои захватывайти; аршин по 5 сукна...»[17].

Старинный обычай, связанный с обязательным ношением замужними женщинами головного убора, полностью закрывающего волосы, в Сибири довольно устойчиво сохранялся вплоть до начала XX в., а у старообрядцев и позднее. Бытовавшие повойники, сашмуры, кокошники, чехлики и пр. были в виде мягких шапочек из ткани, на вздержке или на завязках, то есть позднего покроя. Если были плохие косы, то в верхнюю часть шапочки вшивали твердый жгут из кудели. Поверх шапочек надевали *платки, шали* и *полушалки* различных размеров и расцветок. Популярными были небольшие платки с яркими цветами — *кокетки* и черные кружевные косынки — *файшонки*. В зимнее время большая клетчатая шаль с кистями, скрывающая всю фигуру, служила дополнительной верхней одеждой. Старинный способ ношения платка в развернутом виде сохранялся у староверок для совершения молений.

Мужская одежда. Повседневные мужские *рубахи* из белого или синего холста, пестряди, покупных однотонных тканей были в виде косовороток, с разрезом на левой стороне груди, реже — с прямым разрезом. Наиболее старинные рубахи с прямым разрезом были туникообразного покроя, с косыми клиньями в боках и с ластовицами под мышками. Они бытовали у части старожилов и у старообрядцев. Рубахи носили навыпуск, подвязывая тканым, узорным поясом с кистями. Попытки заправлять рубаху в штаны «летом от овода, зимой от холода» неизменно вызывали осуждение стариков, следивших за соблюдением обычаев и считавших, что «ходить без пояса грешно». Недопустимым считалось ходить с расстегнутым воротом — «душа нараспашку», так как именно в ямочке на шее, по поверьям, находилась душа человека.

Мужские *штаны* были довольно разнообразны по покрою и качеству, что отразилось в их названиях — *шаровары, портки, чембары.* Термин «чембары» заимствован из тюркского языка[18]. Эти широкие штаны носили, «подчембарившись», заправляя в них полы верхней одежды, а внизу они натягивались поверх обуви. Такой способ ношения был очень удобным в снежные зимы. В праздники надевали широкие шаровары из покупного сукна или плиса, заправляя их в сапоги или чирки, с напуском по краям голенищ.

В зажиточных семьях, особенно в пригородных селениях, в начале XX в. были известны покупные или шитые штаны городского брючного покроя, а также костюмы из пиджака и брюк. Например, в рассказе крестьянина Тюрина из д. Просекиной, что около г. Томска, говорится: «...бывало надену сорочку, пиньжак, брючки, — так и нисколечко не схож с крестьянами»[19].

Наиболее популярным летним головным убором сибиряков был картуз с лаковым козырьком. У старожилов бытовали валянные из шерсти колпаки полуконической формы, с отогнутыми наверх в виде тульи полями. Шляпы с полями считались головным убором «хохлов», а также священников. Зимой носили шапки меховые или из ткани с меховой отделкой — *ушанки, папахи, треухи, татарки, бобровки, малахаи.* Шапки-*татарки* полусферической формы с верхом из сукна и опушкой из меха были в употреблении преимущественно в пригородных селениях и в городе. Их обычно покупали готовыми у местных кустарей, среди которых было много татар. Популярностью пользовались папахи, а сам термин употребляли для названия и других головных уборов, что, по-видимому, связано с памятью о предках из служилого населения. В зажиточных семьях хозяин непременно заводил себе высокую шапку — *бобровку,* а также пимы с узорами.

Верхняя одежда и обувь. Поскольку в Сибири, согласно поговорке, «девять месяцев — зима, остальное — лето», там большое значение имела верхняя одежда и обувь, весьма разнообразная и имевшая нередко различные обозначения. Одним из старинных видов верхней одежды у старожилов был *пониток* или *однорядка* (в нарымских селениях — *шабур)* из полушерстяной домотканины прямого халатообразного покроя, с клиньями в боках, без подкладки, чаще всего без воротника и без застежки, длиной до колен. Они запахивались правой полой наверх и подвязывались опояской. Женские понитки были короче и меньше по размерам. Часто, особенно на севере, это была дополнительная одежда, иногда с *башлыком* — капюшоном, надеваемая поверх основной верхней одежды для поездок и работ на холоде. О широкой, плохо сшитой одежде говорили так: «*шабурный покрой*», что свидетельствовало о непрестижности этого вида одежды, которая уже вышла из употребления и сохранялась только в силу необходимости

в холодные зимы. Не зря здесь бытовали поговорки: «Надел семь шабурей с печи, да все горячи, где ж он замерзнет»; «Надел семь шабурей да восемь шуб».

Верхней одеждой служили также *зипуны* — халатообразная однобортная одежда с некоторыми усложнениями в покрое, с отложным воротником, подкладкой, с прорезными карманами и застежкой. Они шились из домашнего или покупного сукна и служили показателем благосостояния. «Которые и шабуру рады, а которые зипун сделают», — говорили по этому поводу. В начале XX в. в томских селениях популярной — «фасонистой» одеждой мужчин были *азямы* из верблюжьего сукна, с усложненными деталями покроя — фигурной кокеткой, прорезными карманами, отделкой и пр. Азямы покупали в городе, часто в лавках местных татар, которые их и шили.

У старообрядцев бытовали *кафтаны* в качестве обрядовой, молельной одежды мужчин. У части старообрядцев были известны *армяки*, которые у старожилов не сохранились. Отсутствовали у старожилов и кафтаны, а наличие их, например, у вятских переселенцев дало повод для прозвища «синекафтанники». У переселенцев была известна также такая верхняя одежда как *свита, поддевка, чапан, казакин* и пр. Суровые природные условия края способствовали распространению верхней одежды из ткани с утепленной подкладкой, простеганной на кудели или на шерсти. Такой одеждой были популярные женские *маринаки,* а также *курма* и мужские *стежонки.* Новым видом одежды на утепленной прокладке была сшитая по заказу у портних праздничная верхняя одежда (*пальто, саки*) из сукна или плиса, с отделкой.

Незаменимой в условиях Сибири была верхняя одежда из меха или с меховой подкладкой. Мужские и женские шубы и полушубки шили из дубленых и черненых овчин, из меха зайца и лисы. Крытые тканью шубы считались богаче по сравнению с нагольными шубами — *голухами*, которые носили только бедняки. У мужчин были популярны полушубки — *барнаулки*, которые приобретали в соседнем Барнаульском у., где был развит шубный промысел. Были известны также привозные *киргизские полушубки.* В противоположность им шубы из овчин своей выделки называли «*русскими*» или «из русских овчин». По покрою шубы были нескольких видов — прямые, с цельной спинкой, отрезные по талии, с клиньями или со сборками. Одежда сборенная считалась новым покроем, и в Сибири она бытовала в основном у переселенцев[20]. В томских селениях популярными были шубы — *борчатки* с отрезной спинкой и с борами по талии, от которых и получили свое название. Они были характерны для переселенцев, а со временем распространились и у старожилов. Это была достаточно дорогая одежда, о бедняцких селениях даже говорили так: «У них одна борчатка на 40 дворов».

Мужской одеждой были также *бешметы* приталенного покроя, из ворсистого черного сукна с подкладкой «на барашковом меху». Мужчина в бобровой шапке да в бешмете, подвязанном широким цветным кушаком, — это уже богач, мечта каждой невесты в пригородных томских селениях.

У старожилов нарымских селений распространенной верхней одеждой мужчин в зимнее время были *дохи* и *полудошки* из собачьих шкур мехом наружу, с подкладкой из ткани. На р. Кети старожилы такие дохи называли иногда *корняжками*, по аналогии с верхней одеждой из шкур у местных селькупов. Название «доха» считается монгольским заимствованием сибирского периода[21]. Для шитья большой дохи требовалось 10–12 собачьих шкур. Более всего ценились дохи из одинаковых шкур черного цвета. Нарымские старожилы не без основания считали собачьи дохи теплее овчинных тулупов. Даже в середине XX в. наблюдатели отмечали, что зимний базар, например, в с. Каргасокском, отличается от любого другого одеждой жителей из пестрых собачьих дох[22].

Из собачьих шкур шили также *рукавицы-лохмашки, шапки* и *носки*. У старообрядцев ношение одежды из собачьих шкур считалось за грех, так как собака, по поверьям, была поганым животным; ее нельзя было впускать в дом, а шерсть при линьке закапывали в землю. По рассказам старожилов, кержаки в одежде или даже только в рукавицах из собачьих шкур «в избу не пустят». Само снятие шкур считалось очень неприятным занятием, которое выполнял обычно «собачий капрал» или психически больной человек. Снятую шкуру выворачивали мехом внутрь, набивали сеном и вывешивали зимой возле дома на высоком шесте на 1-2 месяца, чтобы шкура выветривалась, вымораживалась, а птицы склевали остатки жира.

Изредка шили дохи из медвежьих или оленьих шкур, но они менее ценились, считались грубыми, так как шкуры плохо поддавались выделке. В южных, притомских селениях бытовали козьи (яманные и барловые) дохи и овчинные тулупы. Тулупы шили из длинноворсных овчин мехом внутрь, длиной до пят, с большим воротником и обычно с застежкой на одну пуговицу у ворота.

Количество верхней одежды было довольно значительным из-за длительной и суровой зимы. Например, в семье среднего достатка в с. Батурино Спасской вол. в середине XIX в. было: «...две козьих дохи, три овчинных полушубка, однорядка, азям верблюжьей шерсти, женская шуба, крытая нанкой»[23]. Не зря бытовала поговорка: «Сибиряк не тот, кто не мерзнет, а тот, кто тепло одевается». Зимой некоторые виды осенне-весенней одежды использовали в качестве дополнительной. Сохранению тепла способствовало также обязательное подпоясывание одежды широкой *опояской* или *кушаком* с яркими продольными полосами и с кистями на концах. Длина опояски составляла 2,5–3 м, ее два раза обматывали

Доха и треух из собачьих шкур нарымского старожила.
С. Вороново Томской губ. Начало XX в. Фото П.Е. Бардиной, 1979 г.

вокруг талии, а концы подтыкали сбоку. Ширина служила показателем благосостояния владельца. Такие опояски носили в основном старожилы и особенно ямщики. Бытовали пояса тканные на ткацком стане и на дощечках, а также плетеные, сшитые из ткани или кожи.

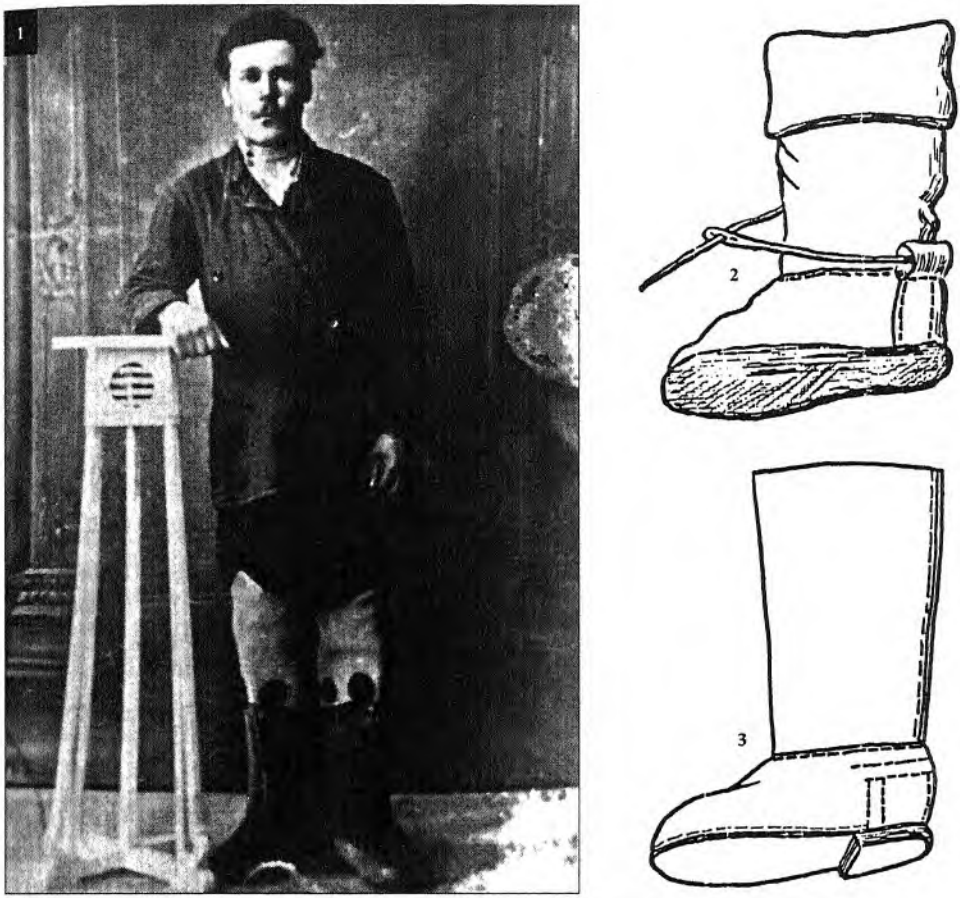
С ношением пояса были связаны древние поверья о его защитной функции, особенно устойчиво хранившиеся у старообрядцев. «Крест и пояс — заповедь Божья», — говорили они. Первый поясок подвязывали ребенку

Шляпа скатанная из овечьей шерсти.
С. Вороново Томской обл.
Фото П.Е. Бардиной, 1979 г.

после крещения одновременно с крестом и рубашкой. Пришивной пояс мужских штанов — *ошкур,* а также и съемный пояс выполняли обрядовые функции не только для хозяина, но и для всего хозяйства. Через расстеленную в воротах опояску вводили во двор купленную скотину. Ошкуром подвязывалась беременная женщина для защиты ребенка, а также вдова от тоски по умершему мужу. Термин «распоясался» служил осуждением для человека, нарушавшего общепринятые нормы поведения.

Обувь у русских старожилов Томско-Нарымского Приобья, как и по всей Сибири, была преимущественно кожаная: *чарки, бродни, бахилы, обутки* и пр. Плетеную обувь типа российских лаптей сибиряки не носили, чем немало гордились и даже называли переселенцев «лапотниками». Однако некоторые виды плетеной обуви были известны и у старожилов. Это плетенные из бересты сапоги с голенищами, которые использовались для рыбной ловли. Подобная обувь была известна на Европейском Севере, в западных губерниях и в Приуралье[24], откуда и была, вероятно, занесена в Сибирь. Отсутствие плетенной из лыка обуви в Сибири исследователи объясняют рядом причин, в том числе сравнительной состоятельностью населения, а также отсутствием материала[25]. Действительно, отсутствие липы, на наш взгляд, являлось наиболее существенной причиной, так как были неоднократные попытки найти заменитель липового лыка — из тальника, бересты, конопли.

Универсальной обувью сибиряков были кожаные *чарки.* Женские шили без голенищ, с опушкой из ткани и со вздержкой. В притомских селениях такая обувь называлась не только чарками, но и *обутками* или *ичигами.* На зимних чарках в нарымских селениях иногда делали опушку из меха зайца, как и местные селькупки. Мужские чарки были с голенищами из кожи, реже — из ткани или замши, длиной до колен или чуть выше, охотничьи — с длинными голенищами из домотканого сукна, позднее — из брезента, так как этот материал, в отличие от кожи, не замерзает и хорошо гнется при ходьбе. Верхний край голенищ привязывали к поясу, а под коленями и на щиколотках подвязывали завязками.



Мужская обувь: 1) мужчина в праздничных пимах с узорами; 2) *чирки*; 3) *бахилы*.

Мягкие, без каблуков, подошвы чарков обеспечивали бесшумное передвижение по тайге. У нарымских старожилов подобная обувь с сермяжными голенищами назывались *пакалжи*[26]. Это название, а также способ подвязывания голенищ под коленом, по словам старожилов, были заимствованы у местных селькупов, которые всегда носили обувь подвязанной. Обычай подвязывания обуви был известен и на Русском Севере, однако в распространении его сказались и местные традиции. К такому же влиянию можно отнести изготовление голенищ из ткани и замши. По наблюдениям старожилов, у селькупов были такие же чарки, но «наметы» — выкройки для них у селькупов были шире, за счет чего обувь была просторнее, так как селькупы носили ее, обернув травой. Старожилы, подчеркивая отличия своей обуви от подобной же обуви местных народов, иногда употребляли название «русские чарки».

Покрой чарков, включавший три элемента (подошва, головка и голенище), довольно широко распространен у многих народов и был известен русским до прихода в Сибирь. Лингвисты относят термины «чирки» и «пимы» к словам, занесенным в Сибирь из северных и северо-восточных губерний России[27]. Нашими материалами не подтверждается наблюдение Ф.П. Ивановой[28], что в Среднем Приобье русское слово «обутки» вытесняло тюркский термин «чарки», который она считает сибирским заимствованием. Мы отметили локализацию терминов в определенных районах: обутки в южных, притомских селениях, а чарки — в северных. Подобная же локализация наблюдалась в названии верхней одежды: пониток — в южных районах, шабур — в северных. По-видимому, эти и некоторые другие бытовые различия южной и северной групп старожилов Томско-Нарымского Приобья сформировались из-за разного состава первопоселенцев, а также некоторого влияния местных народов на севере.

Другая мужская обувь — *бродни* — отличалась от чарков более высокими и всегда кожаными голенищами с ремешками для подвязывания. В северных селениях ее использовали при рыбной ловле. В южных, земледельческих районах бродни были с короткими голенищами, без ремешков, их надевали для работы в полях. Как и чарки, бродни были принесены в Сибирь с Европейского Севера, и, по мнению некоторых исследователей, местные народы заимствовали их у русских[29].

Бахилы отличались от чарков и бродней наличием каблука. Это была более дорогостоящая обувь, сшитая чаще всего специалистами сапожниками, с прошвами в швах, с каблуками из нескольких слоев кожи. Бахилы использовались для всех видов работ, кроме охоты, так как каблуки производили много шума. Кожаные *сапоги* раньше мужчины носили только по праздникам, их приобретали или шили по заказу, чаще всего один раз в жизни, и очень берегли. По справедливому замечанию Л.Г. Панина[30], на сибирской почве произошло сужение значения термина «сапоги» до обозначения только праздничной обуви. Сапоги отличались от чирков как материалом (покупная кожа хорошей выделки, хром), так и покроем. В зависимости от качества материала или места изготовления были сапоги *бизоновые, бизонки* (от качества кожи), *кунгурские*, а также яловые, хромовые и пр. Голенища сапог было принято осаживать гармошкой, над ними нависали широкие шаровары, заправленные в голенища. Праздничной женской обувью были покупные кожаные ботинки и полусапожки на высоком «подборе» — наборных каблуках.

Меховая обувь типа *унтов* в томских селениях, в отличие от северных районов Сибири, не была широко распространена. Однако некоторые виды этой обуви были известны и здесь, особенно в Нарымском крае. Обычно эту обувь или приобретали, или заказывали, или получали

в подарок от своих соседей из коренных народов — селькупов, эвенков, хантов. Такая обувь была изготовлена полностью по традициям коренных народов: из камусов с ног лося или оленя, сшита сухожильными нитками, с цветными прошвами из полосок сукна в швах и т.д. Некоторые старожилы — охотники научились сами изготавливать удобную и теплую меховую обувь. Так, в Каргасокском районе русский охотник из старожилов В.С. Суханов научился от эвенков шить короткую меховую обувь, внеся свои детали — шил нитками, а не сухожилиями, вместе с камусами использовал шкуру лошади и теленка, а также дал свое название — *калоши*. Заимствован был и способ ношения этой обуви — в сочетании с длинными сшитыми из сукна чулками[31]. Другим видом меховой обуви, изготавливаемой русскими старожилами, были *унты*, сшитые из камусов по типу чирков. Кроме меховой обуви русские шили *чулки* и *носки* из собачьих или телячьих шкур мехом внутрь. Их надевали внутрь кожаной обуви при дальних поездках или на охоте.

Валяная обувь называлась, как и по всей Сибири, *пимы*, а название *валенки* считалось «по-рассейски». Валяная обувь, по мнению исследователей[32], появилась у русских сравнительно поздно, и была наиболее распространена в центральных губерниях Европейской России. В Сибири пимокатание возникло с появлением пореформенных переселенцев[33]. Старожилы быстро оценили и охотно приобретали валяную обувь, особенно пимы с узорами, однако использовали их лишь в качестве праздничной обуви. Валенки не смогли вытеснить кожаную обувь даже в зимнее время. Она с 2-3 парами чулок и носков была гораздо теплее, мягче, прочнее и удобнее для многих видов местных работ — охоты, рыбной ловли, извоза.

У сибиряков выработалась традиция ношения нескольких видов обуви одновременно. Зимой на ноги надевали сначала 1-2 пары шерстяных пятиигольных носков, поверх них — длинные одноигольные чулки — *прикопотки* или чулки из кошмы, или носки из собачьей шкуры. Затем ноги обертывали шерстяными или холщовыми портянками и только тогда надевали кожаную обувь. Внутрь обуви клали стельки из кошмы, сукна или травы, которая хорошо впитывала влагу. Некоторые охотники использовали вместо портянок обертки из травы, как и местные народы. Процесс обувания был своего рода ритуалом. Вот как его описал один из наблюдателей — писатель В. Матов: «Чирок выполняет лишь роль чехла. Раньше, чем надеть его, нарымские охотники с большим искусством укутывают ногу, точно портянкой, толстым слоем «остяцкой травы», напоминающей по внешнему виду кудель или паклю. Селькупы и ханты изготавливают ее из волокон одной из разновидностей осоки, начесывая при помощи щеточек из стальных игл. Под слой травы — еще шерстяную портянку, или шерстяной носок, или, наконец,

носок из прославленного собачьего меха, одного из самых теплых»[34]. Определенный порядок надевания одежды указывается в поверье о необходимости обувать первой правую ногу, а разувать — левую. Считалось, что у человека, который следует этому нехитрому правилу, никогда не болят зубы и он сам не болеет. Данное поверье связано, по-видимому, с представлениями восточных славян о приоритете правой руки и правой ноги, в которых больше силы и уверенности[35].

В Нарымском крае необходимым элементом снаряжения охотника, рыболова или ямщика были теплые, длиной до колен чулки, связанные из овечьей шерсти на одной игле. Таким же способом вязали рукавицы — *исподки*. Для рыбаков вязали рукавицы и нарукавники с добавлением конского волоса или полностью из него, так как они меньше впитывали влагу и скрывали запах человека. Большое разнообразие названий рукавиц (*исподки, верхонки, лохмашки, кожанки, шубенки, вареги, вязанки, лосинки* и пр.) отражало их немаловажное значение в одежде сибиряков, а также материал и назначение. Нарымские старожилы, например, надевали одноигольные исподки внутрь огромных лохмашек из собачьих шкур, мехом наружу. Кожаные рукавицы надевали поверх вязаных исподок для выполнения различных работ — выдалбливания льда, уборки снега и пр. Некоторые виды кожаных рукавиц, например «тунгусские копченые верхонки» или «остяцкие оленьи рукавицы», были заимствованы у местных народов. У старожилов, например в Причулымье, бытовали летние рукавицы, сшитые из холста. Их надевали для работы на покосе, а также в баню. Последнее вызывало шутки переселенцев: «чалдоны в рукавицах и шапке парятся», однако сибиряки считали это весьма целесообразным, чтобы не обжечься горячим паром.

Верхняя зимняя одежда, в которой проводили большую часть года на виду односельчан и при поездках в город, наиболее колоритно характеризовала разные местные группы сибиряков. Нарымчанина можно было узнать по пестрой собачьей дохе, огромным рукавицам-лохмашкам и шапке, а также добротным кожаным чаркам. На томиче-старожиле, по описанию наблюдателя начала XX в., типичной была такая одежда: «... черная овчинная шуба-барнаулка, серая шапка-татарка, бледно-розовые пимы с кирпично-красной зубчатой каемкой»[36]. У переселенцев свое своеобразие: «...мелькают пестрые паневы и вышитые рубахи из-под желтых дубленых полушубков. Это не сибирская серость — пензенские переселяются»[37]. Известный писатель Г.И. Успенский, занятый в конце XIX в. делами переселенцев, отмечал различия во внешнем облике томских сибиряков и курских переселенцев: «...если вы видите на работе человека высокого роста, в картузе, красной рубахе, черных плисовых или розовых ситцевых штанах и кожаной обуви — это сибиряк. Если же перед вами... маленький человечек, всегда без шапки, всегда в белой

домотканой рубахе и вообще весь одетый, обутый и обмотанный в продукты всякого рода растительности: лык, мочал, пеньки, то это — наш курский»[38]. В наших материалах неоднократно зафиксировано, что при первых же контактах между старожилами и переселенцами обращалось внимание на отличия в одежде и говоре. При дальнейшем совместном проживании отличия в одежде довольно быстро сглаживались, причем чаще всего переселенцы переходили на сибирскую одежду. Более устойчиво сохранялось своеобразие в одежде у старообрядцев.

Таким образом, в конце XIX — первой четверти XX в. в томских селениях по внешнему облику жителей можно было изучать историю формирования русского населения в крае. У старожилов и старообрядцев, несмотря на разное время поселения в крае, имелось немало общих черт, восходящих к северу и северо-востоку России. У старожилов, кроме того, выявляются некоторые западнорусские элементы одежды. Южнорусские традиции, занесенные переселенцами, частично исчезали, а частично сохранялись, оказывая свое влияние на одежду старожилов. У старожилов архаичные элементы в обработке материалов для одежды сочетались с ранним распространением городского костюма. При этом определенное влияние на зимнюю промысловую одежду и обувь старожилов, главным образом в Нарымском крае, оказали коренные сибирские народы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Емельянов Н.Ф.* Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск, 1981. С. 57.

2 *Бояршинова З.Я.* Основание русского города на Томи (к 375-летию г. Томска) // Томску 375 лет. Томск, 1979. С. 16.

3 История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л., 1968. Т. 3. С. 23.

4 *Соловьева Е.И.* Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период. Новосибирск, 1981. С. 84.

5 *Александровский М.Г.* Волостное районирование Томской губернии // Экономические очерки Томской губернии. Томск, 1925. С. 72–85.

6 *Сафьянова А.В.* Этнографическое изучение русского населения Томской области // ПННЭ. М., 1979. С. 28–37.

7 Там же. С. 28.

8 *Крашенинников С.П.* В Сибири. Неопубликованные материалы. М.; Л., 1966. С. 46–54.

9 *Лебедева Н.И.* Прядение и ткачество восточных славян в XIX — начале XX в. // Восточнославянский этнографический сборник. ТИЭ, н.с. М., 1956. Т. 31. С. 491.

10 *Бардина П.Е.* Быт русских сибиряков Томского края. Томск, 1995. С. 109.

11 *Маслова Г.С.* Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. // Восточнославянский... С. 716.

12 Город Томск. 1912. С. 62.

13 ГИМ. Ф. 475. Оп. 1. Д. 1. Л. 6, 13.

14 Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. (Доп.). Ч. 2. Томск, 1975. С. 105–106.

15 *Григоровский Н.П.* Крестьяне-старожилы Нарымского края // Записки ЗСОРГО, 1879. Кн. 1. С. 16–26.

16 *Громыко М.М.* Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975. С. 263.

17 *Григорьев В.Н.* Переселение крестьян Рязанской губернии. М., 1885. С. 189.

18 *Иванова Ф.П.* Названия одежды и обуви в говорах старожильческих районов Томской области, расположенных по реке Оби и ее притокам // Уч. зап. Том. ун-та. 1957. № 30. С. 133, 137.

19 АГО. Р. 62. Оп. 1. № 34, л. 4.

20 Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983. С. 313.

21 *Панин Л.Г.* Лексика западносибирской деловой письменности XVII — первой половины XVIII в. Новосибирск, 1985. С. 49, 182.

22 *Матов В.Н.* В Нарымской тайге. Очерк // *Матов В.* По просторам родины. Очерки и рассказы. М., 1951. С. 32.

23 ГАТО. Ф. 57. Оп. 1. Д. 143. Л. 5.

24 *Лебедева Н.И., Маслова Г.С.* Русская крестьянская одежда XIX — начала XX в. // Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967. С. 255.

25 Там же. С. 252.

26 Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982. С. 206; *Костров Н.* Нарымский край шестьдесят лет тому назад // Памятная книжка Томской губернии на 1871 г. Томск, 1871. С. 256.

27 *Панин Л.Г.* Указ. соч. С. 90, 93.

28 *Иванова Ф.П.* Указ. соч. С. 133, 139.

29 *Прыткова Н.Ф.* Одежда хантов // Сборник МАЭ. 1953. Т. XV. С. 165; *Плотников А.Ф.* Нарымский край. СПб., 1901. С. 73.

30 *Панин Л.Г.* Указ. соч. С. 92.

31 Материалы этнографических экспедиций ТГУ под рук. П.Е. Бардиной. 1982. Каргасокский район.

32 *Маслова Г.С.* Народная одежда... С. 723.

33 *Соловьева Е.И.* Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период. Новосибирск:, 1981. С. 279.

34 *Матов В.Н.* Указ. соч. С. 91–92.

35 *Маслова Г.С.* Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в. М., 1984. С. 67.

36 *Алтайский Б.* В царстве черняди // Сибирские вопросы. 1906. № 6. С. 64.

37 *Орлова Е.Н.* По Нарымскому краю // Сибирские огни. 1926. № 1–2. С. 202.

38 *Успенский Г.И.* Поездки к переселенцам// Собр. соч. М.,1952. Т. XI. С. 81.

ГЛАВА VIII

ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ и ДАЛЬНИЙ ВОСТОК. XVII – НАЧАЛО XXI ВЕКА

ГРУППЫ НАСЕЛЕНИЯ

Два региона рассматриваются в настоящей главе вместе, поскольку исторические судьбы их русского населения тесно взаимосвязаны, географические границы между ними оценивались неоднозначно, а административные границы неоднократно изменялись.

Появление русских в Восточной Сибири определялось продолжением движения на восток, которое привело к заселению и освоению Западной Сибири. Соответственно этому в путях и способах расселения наблюдалось много общего. Так, участниками начала движения на новые земли были, как и раньше, представители разных слоев общества и выходцы из различных местностей страны. В последующем к переселенцам из Европейского региона присоединялись и новоселы из Западной Сибири.

На переселенцев XVII–XVIII вв., как и в Западной Сибири, распространилось собирательное наименование «старожилы». В их среде выделялись локальные группы, различавшиеся по времени заселения, социальным и этнографическим показателям. При этом

в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке более отчетливо были выражены миграционные потоки, формировавшие местные группы, и иначе складывалась сеть русского расселения.

Первенство выхода в восточносибирский регион принадлежало русским северным мореходам. Продвигаясь каботажным плаванием от европейского Поморья, они еще в XVI в. миновали Енисей и основали поселения в устьях далее лежащих рек. Редкие русские населенные пункты были разбросаны на огромных просторах тундры и тайги и находились в окружении местных коренных жителей. Основной деятельностью русских в этом регионе стали промыслы на морского и пушного зверя.

Закрепление земель по Енисею и восточнее его осуществлялось, как и в Западной Сибири, основанием острогов, крепостей, городков. В начале XVII в. казаки и промышленники из Тобольска и Мангазеи построили в низовьях Енисея Туруханское зимовье. Продвигаясь к югу, они в 1619 г. основали Енисейский острог, выросший в крупнейший административный центр Сибири. Строительство Красноярского острога в 1628 г. и ряда других крепостей обеспечило закрепление территории за Россией и открыло пути на восток.

Пополнение казачьих отрядов осуществлялось переведением из гарнизонов Западной Сибири и отчасти — из Европейской России. Так, в источниках имеется упоминание о прибытии в конце XVII в. донских казаков, а также стрельцов из Москвы[1]. Кроме того, в начале XVIII в. перевели в казачество часть местных русских крестьян и создали отряды из коренных жителей, что еще более усложняло этнический состав.

На дальневосточные земли первыми прибыли конные казаки из Забайкалья[2]. Последующие перемещения в течение 1855–1862 гг. были связаны с основанием поселков на Амуре и Уссури. В конце XIX — начале XX в. на Дальний Восток были переведены отряды оренбургских, кубанских и донских казаков, размещенные в Южно-Уссурийском крае. Всего в этом регионе было основано соответственно 67 казачьих поселений в Амурской и 29 — в Приморской областях[3]. Таким образом, сибирские казаки, появившись сначала на севере Восточной Сибири, продвинулись к верховьям Енисея, а оттуда — к берегам Тихого океана, осваивая различные экологические зоны восточного региона.

Крестьяне-земледельцы Западной Сибири начали прокладывать пути на восточные земли сразу же после появления линии крепостей по Енисею: сначала от р. Оби — на средний Енисей, затем — от верховьев Иртыша к верховьям Енисея, далее в Прибайкалье и бассейн р. Лены, где сложился Ангаро-Ленский земледельческий район[4]. С этого времени определяющим стало южное направление русского расселения.

Создание Нерчинского заводского округа в Восточной Сибири побудило правительство предпринять ряд решительных мер для скорей-

шего заселения территории. В округ были переселены партии крестьян из Западной Сибири и Приуралья. К заводам направляли пойманных беглых, ссыльных и осужденных помещичьих крестьян.

Среди ссыльных особое место занимали крупные партии выведенных в 1730-х — 1760-х гг. из Могилевской, Черниговской, Брянской и других пограничных с Польшей губерний. Несколько тысяч их жителей подверглись гонениям за приверженность к старой вере. В Сибири ссыльные были разделены на две партии и направлены в Западную Сибирь *(поляки)* и в Восточную, где получили наименование *семейские.* Прибывших поселили в Селенгинском у., где уже имелись деревни старожилов.

Численность семейских быстро возрастала за счет подселения старообрядцев, прибывавших из разных местностей. В Селенгинском у. сформировался крупный центр сторонников дониконовского вероисповедания, по данным 1890 г. семейские составляли в нем около 7% православного населения[5]. Однако к концу XVIII в. возникла перенаселенность и напряженность в землепользовании, вследствие чего старообрядцы стали расселяться вдоль близлежащих рек.

Другой существенной причиной ухода из уже обжитых мест явилось массовое движение переселенцев из Европейской части страны, которые после отмены крепостного права устремились за Урал и, пройдя Западную Сибирь, начали проникать в Восточную. Стремясь обособиться от новоселов, старообрядцы удалялись в еще не обжитые места. В этом движении они принимали участие в мероприятиях правительства по заселению восточного региона, иногда следуя им, иногда опережая их.

Так, старообрядцы участвовали в строительстве и заселении Читинского, Аянского и Московского трактов, они следовали за отрядами казаков в Приамурье и Приморье. Однако по мере увеличения российских переселенцев староверы снова уходили в более глухие районы, к рекам, впадающим в Японское море. При этом родные места покидались не полностью, на поиски новых участков уходила часть жителей селения или несколько представителей от семьи. Поэтому на Дальнем Востоке появилось немало населенных пунктов, одноименных имевшимся в Забайкалье, а старообрядческое население Амурской и Приморской областей было в немалой мере объединено семейно-родственными связями.

Задачи хозяйственного освоения восточной окраины требовали более плотного заселения, чем то, какое могли создать казаки и старообрядцы. Поэтому местная администрация и правительство страны ввели специальные «Правила» для добровольцев, обеспечивавшие льготные условия выезда, передвижения и обустройства по прибытии. Первыми переселенцами на Дальний Восток были государственные крестьяне Восточной Сибири, выехавшие к среднему течению Амура.

С 1859 г. действие «Правил» было распространено на Западную Сибирь, а с 1861 г. к переселению в Амурскую и Приморскую области приглашали не только жителей всей империи, но и русских, находившихся за ее пределами. Кампания по заселению Дальнего Востока широко рекламировалась через прессу, в различных губерниях публиковались «Памятки» для желающих отправиться в путь[6].

Принятые меры активизировали крестьянство Европейской части России. За период с 1861 по 1881 г. на Дальний Восток прибыло более 11 тыс. человек, поселившихся большей частью в Амурской обл. Добровольное переселение охватывало как сибирские губернии, так и ближайшие европейские — Пермскую, Вятскую, Саратовскую, Самарскую, Нижегородскую. Прибывали крестьяне также из Центральной и Северной России. Уезжая, забирали наиболее ценное имущество, хозяйственный инвентарь и всю одежду. В архивах сохранились некоторые списки регистрации перевозимых вещей. Они свидетельствуют о весьма невысоком уровне обеспеченности. Например, у переселенцев из Пермской губернии предметов одежды, особенно кожаной обуви, было меньше, чем членов семьи[7].

Заселение Приморской области шло медленнее. Поэтому правительство издало дополнительные постановления о льготах. Как выяснилось, это вызвало в первую очередь внутреннюю миграцию: ранее пришедшие на Амур крестьяне, в частности сибирские старообрядцы, получили возможность дальнейшего продвижения на восток.

В южной части Приморской обл. сложилось несколько центров русских поселений, куда более интенсивно стали прибывать новоселы в конце XIX — начале XX в., особенно после открытия транссибирского железнодорожного сообщения и морского пути (Одесса — Владивосток). Только в Южно-Уссурийский край морем переселилось за 1883–1901 гг. более 5000 человек[8].

Расширение возможностей передвижения на восток усложнило этнический состав мигрантов: к русским присоединились украинцы и белорусы, а в начале XX в. также и старообрядцы из-за рубежа (из Австрии, Румынии, Болгарии прибыло около 3000 человек). По подсчетам Ю.В. Аргудяевой, выходцы из Украины составили 46,5% всех осевших в Амурской обл., на втором месте были переселенцы из Центрально-земледельческого района (29,7%), сибиряков насчитывалось 15,5% (в основном — из Забайкалья)[9]. Большая плотность русского населения сложилась по течению Амура и особенно на участке от Хабаровска до Николаева. По мере увеличения заселенности начали появляться деревни со сложным этническим составом, включавшим восточных славян и коренных жителей.

В Приморский край, заселявшийся позднее, по полевым наблюдениям В.В. Кобко, в первую очередь прибывали русские крестьяне из

Волго-Вятского региона и старообрядцы из Забайкалья. Значительную группу составили выходцы из Томской губ. (Бийский и Барнаульский уу.) и сравнительно немного — из Енисейской губ. При этом большая часть старообрядцев сконцентрировалась по долинам рек Уссури, Улахе, Судзухе.

Стремясь обособиться от патриаршей церкви, старообрядцы удалялись к границе государства. В 1920–1930-е гг. к этой причине добавилось их нежелание объединяться в колхозы, в связи с чем вдоль южной границы от Западной Сибири и до океанского побережья Дальнего Востока отдельные семьи начали уходить в Маньчжурию. Там появились островки русской оседлости.

Однако после окончания Второй мировой войны китайское правительство создало неблагоприятные условия для жизни русских, и им снова пришлось эмигрировать. Часть семей из Китая переправилась в Канаду, где их стали называть по местам выхода *харбинские* и *синьцзянские*. В 1960–1970-е гг. началось возвращение эмигрантов в Советский Союз. На Дальнем Востоке приходившие семьи постепенно сосредоточились в двух районах: харбинские — в Хабаровском крае (Солнцевский р-н), синьцзянские — в Приморье, в верховьях р. Улахе (Ковалеровский, Чугаевский р-ны). Реэмигранты сохранили полученные в Канаде наименования и до настоящего времени поддерживают родственные и дружественные связи с зарубежными староверами.

Как показал приведенный обзор, заселенность Восточной Сибири и Дальнего Востока была крайне неравномерной. В зоне неблагоприятной для земледелия сложились лишь островки русской оседлости с единичными селениями. В зоне благоприятной для ведения сельского хозяйства обосновалась большая часть русских переселенцев. При этом плотность населения уменьшалась в направлении от Енисея к тихоокеанскому побережью, в то время как этнографическая составляющая усложнялась. В настоящем издании мы постарались представить локальные группы в составе русских с тем, чтобы возможно полнее отобразить одежду, которую носили в XVIII–XX вв. Нетрудно представить, что в наиболее сложном положении находились первые поселенцы, особенно жители Северного Поморья.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Георги И.И.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов... Ч. 4. СПб., 1799. С. 299.

2 Казачество. Энциклопедия. М., 2003. С. 13–14.

3 *Аргудяева Ю.В.* Русские старообрядцы в Маньчжурии. Владивосток, 2008. С. 16–19.

4 Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 50.

5 *Болонев Ф.Ф.* Семейские. Историко-этнографические очерки. Улан-Удэ, 1992. С. 48–72; *Он же.* Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. Новосибирск, 1994.

6 Сборник законов и распоряжений по переселенческому делу и по поземельному устройству в губерниях и областях Азиатской России. СПб., 1909; Извещение // Церковь. 1911. № 15; *Крюков Н.А.* Приамурский край. Нижний Новгород, 1896; Описание Приморского переселенческого района. СПб., 1911; и др.

7 Приведу опись одежды родственного коллектива, выезжавшего из Пермской губ. в Приамурскую обл. Поскольку главы семьи были плотниками, а один из них — еще и охотником (имелось ружье), эта группа могла бы считаться зажиточной. Из мужской одежды указано в семье старшего брата (10 душ): 9 мужских рубах с портами, шаровары, 18 женских рубах, 6 сарафанов, 2 детские рубахи, 6 платков, пояс, опояска, 3 пары чулок, кожаные сапоги, ботинки, тулуп, 4 полушубка, 5 понитков, 2 курточки, 14 халатов; у другого брата (5 душ): 8 мужских рубах, 10 портков, 30 женских рубах, 2 сарафана, верхний пояс, 2 шали, 6 платков, 3 пары кожаных сапог, 2 пары ботинок, курточка, 4 полушубка, халат, зипун, 10 понитков, тулуп, 3 опояски, 15 рубах: мать братьев везла: 15 рубах, 4 верхних, 2 запона, 2 платка, 2 пары чулок (См кн.: *Аргудяева Ю.В.* Этническая и этнокультурная история русских на юге Дальнего Востока России. Кн. 1. Крестьяне. Владивосток, 2006. С. 275).

8 Там же. С. 20–29.

9 Там же. С. 31; *Липинская В.А.* Из Румынии в Амурию (в печати).

ОДЕЖДА РУССКИХ В ПРОМЫСЛОВОЙ ЗОНЕ

Особенность быта первопроходцев заключается в том, что, удаляясь от основной территории расселения, они отрываются и от хозяйственно-экономической базы жизнеобеспечения. Вступая в новый регион на свой страх и риск, первонасельники должны обеспечивать бытовые потребности в основном за счет принесенных запасов, а также из местных ресурсов.

В северном регионе невозможно было наладить производство традиционного холста, поэтому привозившиеся из России ткани очень ценились и закупались в большом количестве. Как показали актовые материалы, промышленники, отправляясь в тайгу, брали с собой солидный запас, например, сукна грубого сермяжного аршин по десять на человека, холста толстого (хряп) и тонкого, крашенину и ситца также немало. Одежда рядового промысловика не отличалась от крестьянской, но удачливые со временем могли приобрести нарядные рубашки, «золотом шитые», штаны выбойчатые, холщовые «строчены шелком»[1].

Верхней одеждой обычно служили кафтаны: у бедных рядовых охотников — *сермяга* из грубого сукна. У удачливых охотников накапливались со временем и дорогие вещи. Например, у Семена Горохова, проведшего в XVII в. на соболиных промыслах на Таймыре 15 лет, при описи имущества были указаны: кафтан бархат рытый, и другой кафтан из молодых соболей (недособолей) покрытый желтой камкой, ферязи собольи крытые лазоревой камкой. Такой гардероб соответствовал одежде знати, а вещи, разумеется, надевались не в тайге, а при выездах в городки.

При работе на промыслах более всего заботились о сохранении тепла и защите от снега и воды. Археологические находки дали основание предположить, что русские, как и местные жители в арктической зоне, смазывали себя рыбьим жиром и надевали суконные вещи прямо на тело[2]. Верхней одеждой, судя по частым упоминаниям в документах архивов, служили *шубы бараньи одевальные, кафтаны шубные*, в том числе бараньи или овчинные, *зипуны* промышленные, обычно сермяжные белые.

Промышленники отправлялись в путь, укрытые тремя или четырьмя шубами. Головным убором, помимо русской шапки с округлым верхом и меховым околышем, стал туземный *малахай*.

Разнообразны были рукавицы: вязаные, меховые из шкур мехом внутрь или мехом наружу, ровдужные, подбитые мехом или опушенные собольими хвостами и в разнообразных других сочетаниях, в том числе имелись рукавицы с отдельным пальцем для удобства при стрельбе.

Большого внимания требовала обувь. На промыслы ее брали нескольких видов и в немалом количестве. Например, по четыре пары *чирков, коты, сапоги*. Кроме того, в пути мог потребоваться ремонт, поэтому промышленники несли с собой и заготовки. На зимних промыслах нужны были лыжи. На них ходили в *улезях*, особой обуви, у которой носки были с крючками, передок и подошва скроены из одной кожи, а на месте пальцев нашит утолщенный слой.

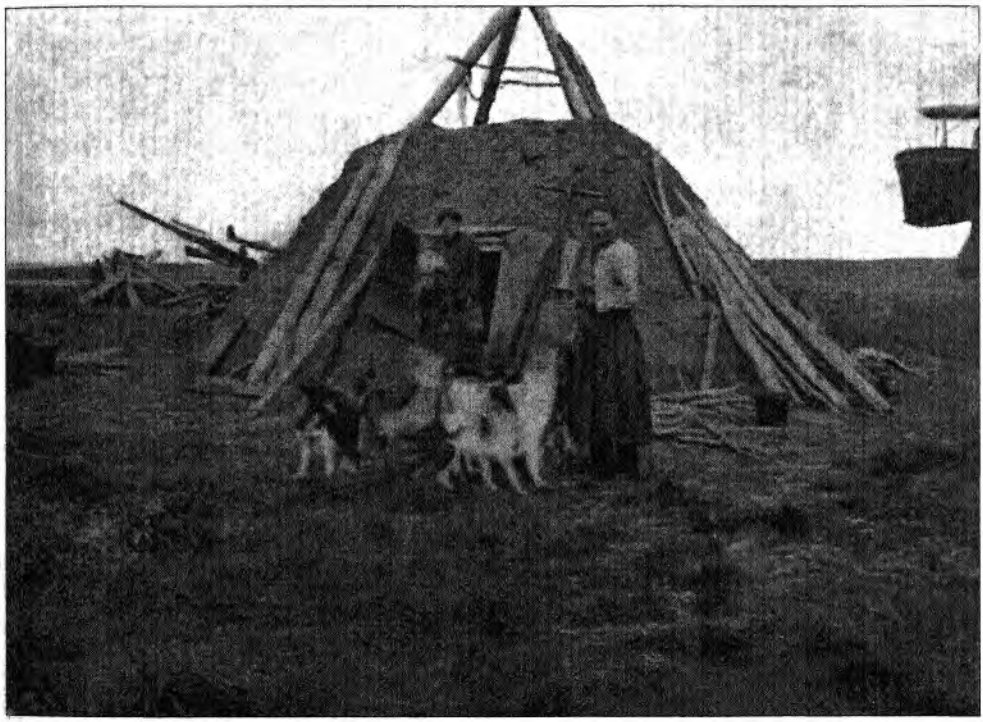
Для охоты в тайге надевали дополнительные одежды, защищавшие от снега. От местных жителей был заимствован *лузан* — глухой жилет не сшитый по бокам. В XVIII в. на него указывал С.П. Крашенинников как на предмет, который «надобен всем»[3].

Кроме того, промысловики надевали под кафтан овчинные *нарукавники* (*налокотники*) и овчинные опушки (*накочетники*), носившиеся шерстью вверх на рукавах, чтобы снег не попадал за рукавицы. Голову закрывали высокой меховой шапкой, к которой добавляли *налобник, набородник, наносник, наушник,* пополнявшие головной убор.

Сибирский регион предоставлял для пошива одежды материалы преимущественно животного происхождения. Коренные жители исполь-

зовали мех и шкуры различных одомашненных и диких животных, но более всего — оленя. Находясь с ними в одинаковых природных условиях, русские стали перенимать некоторые элементы теплого местного костюма для промысловой деятельности и отчасти — для домашнего быта. Так, ненецкая *малица* вошла в промысловый костюм еще на Европейском Поморье. В Восточной Сибири ее шили по местному покрою мехом внутрь с капюшоном и пришивными рукавицами. До прихода русских коренное население надевало малицу прямо на тело, но русские предпочитали иметь традиционную рубашку. Сверху малицу укрывали матерчатым чехлом, а в сильные морозы другой меховой одеждой — *совиком*. Его шили мехом наружу, с капюшоном, но без рукавиц. Этот верхний чехол был так же, как малица, известен по всему Приморью, где имел различные наименования: *гусь*, *сокуй*, *кумыш*.

На Севере в отдельных островках русского расселения складывались свои комплексы костюма. Одежду, носившуюся в старейших полярных селениях на р. Индигирке в конце XIX — начале XX в., описал местный уроженец и исследователь А.Г. Чикачев: «Рубаха русского покроя со стоячим воротником, подвязывалась кушаком и напускалась на



Семья в тундре. С. Русское Устье.
(Из кн.: *Зензинов Л.М.* Старинные люди у холодного океана. М., 1914. Рис. 9.)

Женская одежда. С. Русское Устье. Начало XX в. (Там же. Рис. 56.)

брюки. Поверх носили песцовый *жилет*, крытый материей. Меховое полупальто, крытое сукном или вельветом, с маленьким стоячим воротником из меха бобра или росомахи. Головным убором мужчин был *малахай* — капор из пыжика чукотского покроя. По переднему краю опушался бобром или мехом росомахи и украшался разноцветными кожаными или суконными полосками. Изнутри подбивался песцовым мехом или пыжиком. Летом наушники малахая не опускались вниз, а, наоборот, поднимались и при помощи тесемок завязывались на темени. Зимой при сильных морозах сверх обычного надевали дорожный малахай, сшитый из волчьей шкуры»[4].

От местных жителей была заимствована верхняя нераспашная одежда — *дундук* — меховая рубашка, сшитая из летних оленьих шкур мехом наружу, длиной до колен, и *паровой дундук* — то есть две меховые рубашки, надетые одна на другую. Внутренняя рубашка носилась мехом внутрь, а наружная — наоборот. К нижнему дундуку пришивали большой отложной воротник из волчьего меха, который выпускался поверх верхнего дундука. Сверху дундука для предохранения его от влаги надевали *камлейку* — широкую матерчатую рубаху с капюшоном. Была еще к*ухлянка* — большая меховая рубаха длиной ниже колен, с капюшоном или без него, сшитая из оленьих шкур. Ее надевали поверх пальто или дундука вне помещения.

Штаны мужчины носили полотняные, ровдужные и ватные. Зимой в дорогу надевали *шаровары* чукотского покроя, сшитые из оленьих лап — камусов, длиной до щиколотки. Шаровары крепились ремешком, надевались навыпуск поверх меховых ботинок и по низу стягивались на вздержке. В осеннее и весеннее время носили также шаровары из нерпичьих шкур. В дорогу под шаровары мужчины надевали *плеки* — меховые ботинки, сшитые из оленьих лап. Их утепляли меховые чулки — *чажи*.

Одежда женщин в этом регионе была севернорусского типа традиционного покроя, то есть косоклинный сарафан и рубаха. К XIX в. получили распространение более поздние и сложные формы их покроя, как и в Западной Сибири. Рубаху шили на кокетке, верх ее делали из покупного материала, а ниже пояса пришивали холщовую ткань. Сарафаны были двух вариантов: с лифом на лямках и лифом, выкроенным по фигуре *(с выкройной талией)*. Однако термины иногда «смещались»: с одного типа одежды переходили на другой. Так, женщины на Индигирке называли платье *капотом*. Его шили такой длины, чтобы прикрывать икры ног, с длинными рукавами и закрытым воротником. Платье застегивалось спереди. Поверх него надевали передник, по-местному — *сарафан*. Он застегивался на спине, имел два накладных кармана и надплечные крылья — *буфы*. Носили также длинную, до пят, широкую сборчатую юбку. На нее выпускалась кофта с длинными рукавами и стоячим воротником. Местной особенностью являлось то, что женщины носили полотняные или ровдужные штаны. Их заправляли в меховые, сафьяновые или замшевые сапожки, причем юбка или платье должны были иметь такую длину, чтобы из-под них не было видно штанов. Это обстоятельство указывает, по нашему мнению, на сравнительно позднее заимствование нового предмета костюма.

Голову повязывали платком или шалью обычным русским способом, то есть углом на спину и узлом под подбородком. Замужние женщины носили *наколку*: плотно обтягивали голову платком, оставляя

лоб и часть волос спереди открытыми, а концы платка связывали надо лбом. Пожилые женщины носили *чепчики*[5].

В Анадырском округе русские пользовались чукотской меховой одеждой, которую шили из шкур молодых оленей или нерпы. Так, в с. Марково Нижнеколымского округа мужчины носили двойную меховую *кухлянку* (*кукашку*), имевшую покрой балахона, и такие же штаны. В дорогу надевали более длинную *парку*. Летом и в помещении мужчины и женщины надевали более легкую *кухлянку*, сшитую из замши или американской белой ткани — дрели. Американские товары с конца XVIII в. привозили на Чукотку китобойные суда. Из синей дрели или привозного ситца женщины шили платья. С пароходами прибывали головные уборы: картузы для мужчин и платки для женщин. Местными мужскими головными уборами были как русские шапки с меховым околом, так и чукотские меховые шапки, облегающие голову. Из обуви у мужчин имелись привозные кожаные *сапоги* или местного пошива мягкие меховые *торбаза*. Мужчины и женщины носили также *сары*, которые для выхода в тундру шили из шкур оленя, а для дома — из замши. Женщины украшали их цветными оборочками «чукотского образца». По наблюдениям А.В. Олсуфьева, подобный костюм, включающий большое число заимствованных предметов, составлял «почти полное подобие чукотского, перенятого у них всеми жителями северо-востока Сибири»[6].

Русские, поселившиеся на Колыме и в Ленском крае, заимствовали у тунгусов, якутов, юкагиров тип зимней одежды мехом внутрь — нательную глухую *парку* и верхнюю *камлею* из оленьей шкуры, надеваемую поверх ровдужной рубахи. Зажиточные жители носили дома *китайчатую камлею* из недорогой ткани. Одежду подпоясывали ремнем, к которому привешивали нож, кисет и кое какие другие предметы.

Для промыслов в трудных условиях и для занятий извозом мужчины имели камлею, сшитую из рыбьих или китовых кишок, достаточно просторную и длинную, предохранявшую от сырости и ветра. Эту заимствованную одежду украшали тонкими ремешками из оленьей или лосиной кожи[7].

Дополнительные нетрадиционные элементы костюма постепенно включались в гардероб русских по мере расселения. Их использование облегчало закрепление в новом регионе на начальном этапе его освоения. После установления прочных хозяйственно-экономических связей с основной территорией надобность во многих из них отпадала. И в дальнейшем уже местные жители осваивали в своем быту русскую народную одежду.

Костюм казаков. На ранних этапах освоения Восточной Сибири условия быта казаков и промысловиков были сходны. Казаки всегда

Зимняя мужская одежда. Сенной базар в Восточной Сибири.
(Красноярский краевой краеведческий музей. Фото начала XX в.)

находились на передовых рубежах русского расселения. В необжитых местах они возводили остроги и были их первыми насельниками. Однако казаки находились на службе у государства. Оно организовывало их деятельность и в какой-то мере — их содержание на казенный счет.

Казаки приходили в Сибирь в русской традиционной одежде. Не имея своего хозяйства для обновления костюма, они вынуждены были довольствоваться поставками казенного товара. Холст и сукно выдавали им в качестве жалования, что было установлено еще для донских казаков. Дополнительно, как поощрение за службу, иногда награждали сукном для кафтана или холстом на рубаху. Помимо этого была возможность покупать ткани или готовые вещи у торговцев, обычно сопровождающих отряды, или приобрести одежду у местных обитателей.

В среде казачества имелись социальные различия, что отражалось в одежде. Зажиточный слой представляли дети боярские и другие родовитые служащие. В их гардероб входили дорогие бархатные кафтаны, шелковые рубахи, шитые золотом, шубы из ценного меха.

Обычной повседневной одеждой служилого люда являлись традиционная рубаха старинного туникообразного покроя с разрезом посередине и шаровары, скорее всего также старинного казачьего донского покроя. В качестве верхнего платья носили суконные кафтаны или полукафтанья, шабуры, зипуны, которые называли по-старинному *чуга*.

На ногах — кожаные сапоги, на голове — шапка с суконным верхом, глубокая и широкая, чтобы закрывать лоб и уши. По сукну нашивали тесьму или шнуры, служившие знаками для обозначения различных отрядов[8].

Казаки, как и другие первонасельники, использовали традиционную одежду местных жителей, что было вызвано суровостью климата и плохим снабжением. «Износив свое русское платье, — писал этнограф С.В. Максимов, — казаки вынуждены были одеваться как коренные сибиряки»[9]. В результате многие заимствованные элементы входили в повседневную одежду.

Ф.П. Врангель во время плавания вдоль северного побережья наблюдал быт казаков в Нижнеколымске. Он писал, что русские ходят в рубахах из мягких оленьих шкур шерстью внутрь, которые называют *парка*. Она сверху окрашена в красный цвет и опушена мехом. Из оленьих шкур шьют и нижнее платье (штаны. — *В.Л.*). Сверх рубахи надевают камлею из ровдуги желтого цвета от задымления. Ее капюшон накидывают на голову при выходе на улицу. Богатые носят дома камлеи из китайки. Сапоги шьют из темной юфти с голенищами из жесткой оленьей кожи, по которой вышивают шелками. Сапоги крепятся на ногах ремнями, идущими от каблука. На голову, кроме меховой шапки, надевают *налобники*, *наушники*, *наносники* и *набородники*. Их также вышивают шелками. Во время поездок поверх этого платья накидывается *кухлянка* с капюшоном и пришитыми рукавицами. На ноги надевают *чижи* из кожи молодого оленя, а сверху — *торбасы* или теплые сапоги. «В такой одежде, — заключал Ф.П. Врангель, — можно долго выносить самый сильный мороз»[10].

Одежда женщин, как заметил автор, отличалась от мужской только более легкой кожей и бóльшим употреблением ткани. Как, писал Ф.П. Врангель, богатые носят рубахи из бумажных материй. Они же покупают для праздников шелковые платья у купцов, которые сбывают в Сибирь устаревшие фасоны[11].

Казаки в южных сибирских уездах были намного лучше обеспечены тканями, так как в земледельческой зоне крестьянами была налажена выделка домашнего холста. Кроме того, в эту местность поступало много тканей по установившимся торговым путям, как из России, так и из Китая. Поэтому в южных отрядах имели возможность носить холщовое белье, а в зимнее время надевали его по две пары.

В южных уездах появились новые виды верхней одежды. Так, зимой в теплые дни здесь носили шинели из своедельного катаного серого или черного сукна, а в морозы надевали нагольные дубленые овчинные шубы прямого покроя с широкими полами, длиной до колен или ниже их.

Праздничной одеждой молодых мужчин были *куртики* длиной до колен, застегивавшиеся на пуговицы по борту. Шили их из покупного или «своедельского сукна». Летние куртики шили без подкладки, а осенние — стеганные на ветоши или (в более состоятельных семьях) на подкладке из овечьей или верблюжьей шерсти, простеганной с ситцем или сатином. Как и в Западной Сибири, в XVIII в. в мужской костюм вошли бухарские халаты.

В холодное время и в этом регионе, так же как на Севере, использовали одежду местного населения. Так, теплые рабочие штаны шили из черненых остриженных бараньих шкур шерстью внутрь. Пожилые мужчины носили овчинные штаны не только зимой, но и осенью и весной.

В зимнее время надевали овчинные шубы. При этом у ононских, аргунских и нерчинских казаков шубы были бурятского покроя, с низким воротником и с плисовой оторочкой вокруг подола, груди и обшлагов. Праздничные шубы у зажиточных были не нагольные, а крытые дабой, плисом, тонким сукном. Шубы опоясывали кушаком. Женщины носили бурятского покроя козлиные шубы — *ергачи*, расшитые на груди цветным шелком[12].

В южной части Восточной Сибири, где казаки жили рядом с сельскохозяйственным населением, их одежда мало отличалась от крестьянской. Это не удивительно, так как сибирское казачество частично пополнялось за счет местного населения.

Воинская форма появилась первоначально у донских казаков. По ее образцу делали форму для различных других казачьих отрядов. Сибирское казачество носило форму темно-зеленого цвета: куртку, чекмень и шаровары с лампасами. К этому полагались кушак, смушковая шапка с суконным верхом, а также соответствующее вооружение[13]. Форму приобретали на свои средства, а потому ее использовали и в повседневном быту.

Одежда женщин отличалась от крестьянской использованием преимущественно покупных тканей и почти совершенным отказом от тканей домашнего производства[14].

Выделяя себя из окружающей крестьянской среды, казачки рано стали носить юбки и кофты, комплекты-«парочки» (из одной ткани), что было характерно для всего казачьего населения страны. В качестве головных уборов женщин преобладали платки и шали, в некоторых местностях длительное время сохранялись вязаные льняные колпаки. Девичьи головные уборы соответствовали бытовавшим в прошлом у всех сословий.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Бахрушин С.В.* Снаряжение русских промышленников в XVII веке // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Л.; М., 1951. С. 87–92.

2 *Якунина Л.И.* Фрагменты одежды и обуви // Исторический памятник... С. 180–183.
3 *Крашенинников С.П.* Описание земли Камчатки. Ч. 2. С. 139-140.
4 *Чикачев А.Г.* Русские на Индигирке. Новосибирск, 1990. С. 95–97.
5 Там же. С. 95.
6 *Олсуфьев А.В.* Общий очерк Анадырской округи. СПб., 1896. С. 39-40.
7 *Лебедева А.А.* Крестьянская одежда русского населения Сибири // Этнография русского крестьянства Сибири. XVII — середина XIX в. М., 1981. С. 157.
8 *Леонтьева Г.А.* Служилые люди в Восточной Сибири XVII — первой половины XVIII в. (в печати).
9 *Максимов С.В.* Собр. соч. Т. 2.: Сибирь и каторга. СПб., б/г. С. 267–268.
10 *Врангель Ф.П.* Путешествие по северным берегам Сибири. Л., 1948. С. 138–139.
11 Там же. С. 139.
12 *Лебедева А.А.* Указ. соч. С. 174.
13 Казачество. Энциклопедия. М., 2003. С. 347.
14 *Маслова Г.С.* Одежда русских казаков Забайкалья // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1975. С. 64.

ОДЕЖДА РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАБАЙКАЛЬЯ

Семейские. О семейских упоминали многие из путешественников, посетивших их. Писали о них и декабристы. Одежда семейских оставляла большое впечатление своей яркостью, опрятностью, своими расшитыми головными уборами и сарафанами, сходными с одеждой русских крестьянок средней полосы России[1]. Подробных же описаний одежды семейских того и более позднего времени нет. Семейские бывшего Верхнеудинского у. (современных Улан-Удэнского, Мухор-Шибирского, Бичурского аймаков Бурятской АССР) в середине XIX в. шили одежду преимущественно из покупных тканей. Старые колхозники 90 и 100 лет (такие старики нередки в Забайкалье) в Тарбагатае, Бичуре не помнят широкого распространения домашних тканей. «Мы не ткали — это российские ткали», — говорили они.

---

* Статья опубликована в книге «Быт и искусство русского населения Восточной Сибири». Ч. 2. Забайкалье. Новосибирск, 1975. Печатается в сокращении.

У семейских более, чем у других, нашли применение китайские ткани: *даба, далемба*, шелка — *бурс, канфа, чесуча* и др. И если в Приангарье в конце XIX в. *шелковье* вышло из моды и его распродавали и жертвовали в церковь, то здесь старинные шелковые ткани использовались для праздничной одежды и после Октябрьской революции. Бумажные ткани, шелковые платки — *атласы* и тонкие шерстяные кашемировые *шали* — изделия русских фабрик — также находили здесь широкий сбыт.

Ткачество, конечно, существовало в семейских селах этих районов, но главным материалом для него была шерсть. Ткали сукно для верхней одежды (иногда даже на продажу), пояса, шерстяные скатерти-сукманки и пр. Коноплю всюду сеяли на огородах, но она шла главным образом на нитки, веревки, вожжи и лишь частично на ткань. Льна, по словам наших информаторов, здесь не было. «Мы лен узнали только в советское время», — говорили колхозники. Коноплю пряли на гребне с донцем и с самопряхой, а шерсть — на прялке с самопряхой[2]. Из пряденой шерсти вязали чулки, носки, варежки *(варьги)* и пр. Шерсть предварительно разбивали на гребне (в отличие от сибиряков, которые применяли лучок). Точеная раскрашенная самопряха, гребень и расписная прялка давались в приданое каждой девушке.

Следует отметить, что виденные нами холщовые полотенца в Бичуре и Никольском, как оказалось, происходили из районов по р. Чикою, где ткачество сохранялось до 30-х гг. XX в. Там, по-видимому, знали культуру льна. Так, в «Статистическом обозрении Сибири» за 1854 г. говорится: «Льну производится в достаточном количестве по Чикою»[3]. Г.М. Осокин писал, что грубые холсты вырабатывают почти исключительно семейские. Думается, что он имел в виду население, жившее по Чикою. «Бараньи сукна, — писал он, — в некоторых деревнях по Чикою и Хилку вырабатываются довольно порядочного качества, но в небольшом количестве, сами используют, на рынок не поступает»[4].

Семейские из Урлука, Албитуя, Кочона, Красного Чикоя Читинской области хорошо помнят домотканые холщовые рубахи и штаны, суконные зипуны (они еще кое у кого есть); в бытовом обиходе до сих пор употребляются полотенца из тонкой холщовой ткани со *строченными* концами, т. е. вышитыми красной нитью техникой набора. Узоры их с мотивом гребенчатого ромба сходны с узорами браных поясов из селений Бурятии. Характерно, что технику тканья набором в селах Читинской области мы не встретили.

Скатерти-сукманки, которые мы видели в Бичуре, Окино-Ключах, вытканы пожилыми колхозницами лет 30–40 и более тому назад. Ими покрывали столы в праздники. Четыре-пять скатертей-сукманок давали дочери в приданое крестьяне средней состоятельности. Сукманка сши-

валась из двух полотнищ шерстяной, большей частью клетчатой, ткани простого переплетения (выполненные на *кроснах* при двух подножках) и сшитых при помощи *расшивки* — соединительного шва, сделанного разноцветным гарусом. Расцветка разнообразна: имеются красные, голубые, желтые, а иногда и многоцветные клетчатые сукманки. Они напоминают украинские плахты, которые также сшивались из двух клетчатых шерстяных полотнищ; применялась и сходная *расшивка*.

Основными частями наряда *(обряды)* семейской замужней женщины были рубаха, сарафан, пояс, запон, кичка и платок.

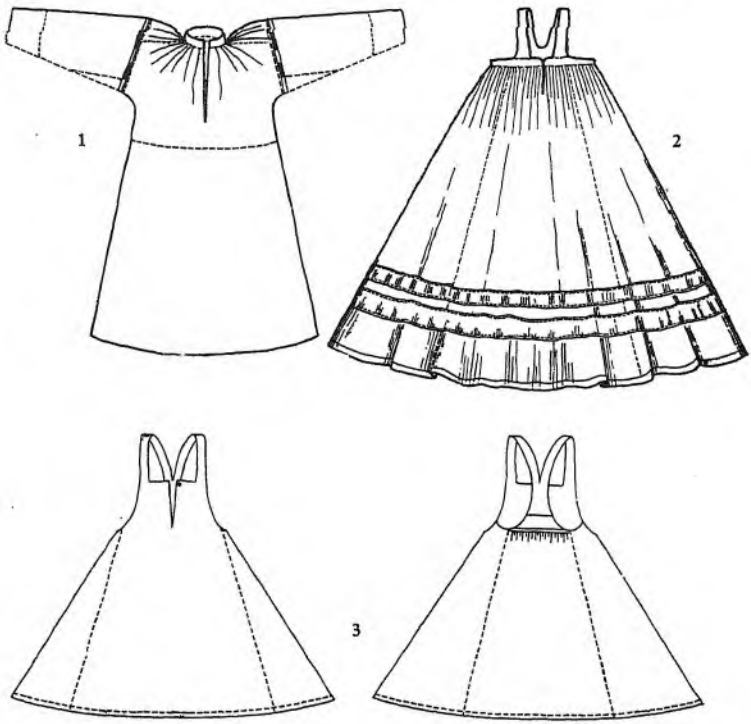
Женская рубаха у семейских — с прямыми поликами, со слегка скошенными к запястью рукавами и собранным воротом. К нему пришивался высокий воротник, наполовину отогнутый вниз, который выглядел как отложной. Рубаха застегивалась запонкой при помощи двух петель, прометанных в ткани у ворота. Рубахи всегда составные: верхняя часть — *чехлик*, нижняя — *стан, становина, станушка*. Чехлик шили из гладких, без узора, тканей — дабы, далембы, а праздничный — из кашемира, бурса (с *бурсу)*, чесучи *(чечуи)* ярких цветов. Стан делали из миткаля, ситца, дабы, бумазеи другого цвета, чем чехлик. В конце XIX — начале XX в. в состав одежды входила нижняя юбка из цветастой ситцевой или бумазейной ткани, которая надевалась поверх рубахи и была видна, так как обычай затыкать за пояс переднюю полу сарафана очень распространен был у семейских женщин. Надевали и по две рубахи, особенно в праздники: сверху более новую, нарядную, вниз — поношенную.

Рукава у запястья украшали полосками, иногда зубцами — аппликацией из тканей другого цвета, причем нашивались они нитками тонов, контрастирующих с полем ткани — белыми, черными или цветными. В центре украшения запястья нередко помещалась *строченая* розетка с шестью лепестками, окруженная волнистыми линиями. Строчили узоры на руках, а в начале XX в. — уже при помощи швейной машины. Так украшают рубахи и теперь.

Характерно соединение рукавов рубахи, поликов с основным полотнищем посредством *расшивки* — соединительного шва цветными нитками, который подчеркивал конструкцию рубахи — ее полики, клинья рукавов и т. д.

У семейских бытовала туникообразная рубаха как *смерётная*. Сейчас ее шьют из бумажной ткани (Большой Куналей, Бичура).

Основной тип сарафана *сарахван* у семейских — прямой на лямках[5]. У богатых невест было до семи шелковых и кашемировых праздничных сарафанов, не считая будничных (Большой Куналей). Бедные девушки шили сарафаны из бумажной ткани, а для праздников — из кашемира. Несомненно, что у семейских когда-то бытовал и косоклинный сарафан. В Окино-Ключах сарафаны шили (шьют и сейчас)



Семейская женская одежда:
1) рубашка; 2) прямой сарафан (Улан-Удэ. Краеведческий музей);
3) раскошенный сарафан (спереди и сзади; Новосалия. АИЭА МЗО.)

со слегка скошенными полотнищами. Е.И. Коноваленкова (75 лет) рассказала, что ее мать носила широкий раскошенный с клиньями сарафан. В с. Кочон (Архангельское) до сих пор семейские носят сарафаны, сшитые из трех полотнищ: двух спереди, одного сзади и с клиньями по бокам. Такой сарафан входил в комплекс женской *смерётной* одежды в больших *коренных* семейских селах — Большой Куналей и Бичура. Сарафаны обычно имели спереди шов. Лишь в одной выкройке сарафана, сделанной для нас У.Е. Кушнаревой в Большом Куналее, переднее полотнище — цельное. Но кроится этот сарафан из фабричной ткани более широкой, чем холст, что могло повлиять на изменение количества полотнищ.

Все виденные нами косоклинные сарафаны со швом спереди приближаются по характеру продольных боковых клиньев к глухим сарафанам более, чем к широким распашным *китайкам* со швами, сходящимися на боках *елочкой*[6]. Бытование глухого сарафана у семейских вполне вероятно: этот наиболее древний вид сарафана в XIX в. чаще всего сохра-

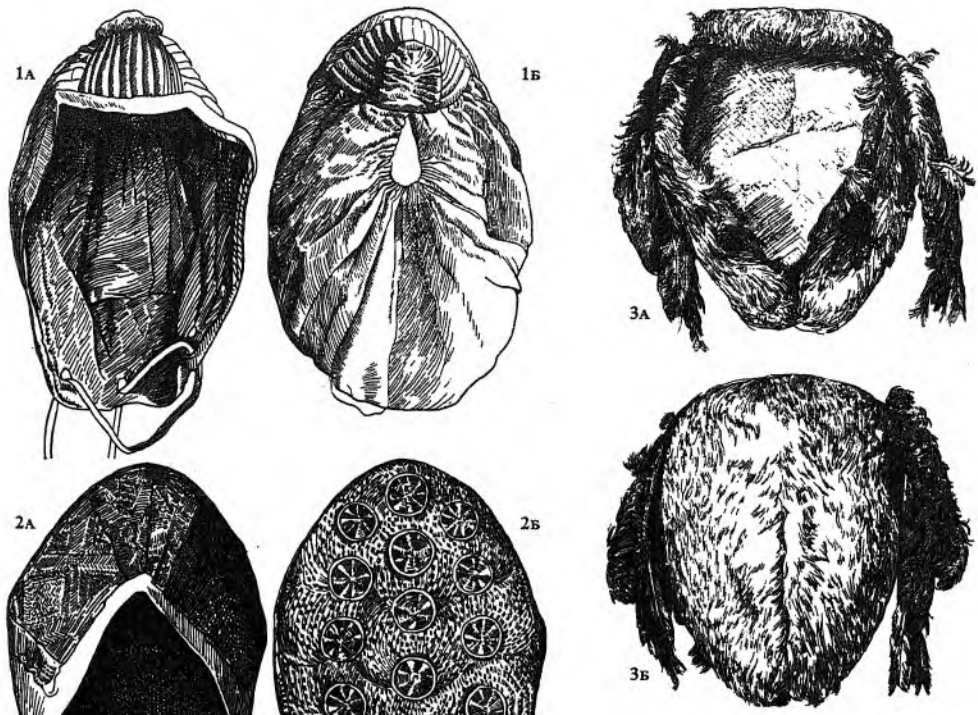
нялся у старообрядцев. Был он и у бухтарминцев на Алтае[7]. Сарафан непременно подпоясывался. Поверх сарафана надевали *запон* — передник из яркой или темной, часто цветастой шелковой ткани или кашемира. Шили его обязательно с *грудкой,* как и в Приангарье. Будничный запон в селах Читинской области шили *сукманным* — шерстяным; на талии вшивался шерстяной плетеный пояс, которым несколько раз опоясывались. Семейские носили кички с кокошником и позатыльником. Без кички замужняя женщина не только не могла показаться «на люди», но «ее бы из избы выгнали». «Стыдно было, — рассказывает К.И. Калашникова (90 лет) из Тарбагатая. — Бывало, ждешь, когда свекор ляжет, свет потушит в избе, только тогда и скинешь кичку».

Волосы, заплетенные в две косы, укладывали под кичку. Кичка в селах Улан-Удэнского, Мухор-Шибирского, Бичурского аймаков, а также в с. Харауз одного типа — в форме небольшого копытца. Кичка по очелью украшалась *пояской* — полоской ткани с поднизью из бисера и селезневыми перышками (они назывались *кучери).* Кокошник, составлявший праздничный убор, надевался поверх кички, соответствуя ей по форме; шили его с небольшим закругленным *очельем.* Позатыльник подвязывали сзади на кичку под кокошник, шили его из бархата, парчи, шелка, украшали *позументами* или вышивали золотой нитью. Кокошник сплошь покрывали узором из серебряной или золотой нити или вышивали, оставляя просветы фона; делали их особые мастерицы. Кокошник богато украшали. Поверх кокошника повязывался шелковый платок — *атлас* — или тонкая кашемировая шаль, причем так, чтобы было видно расшитое дно кокошника. В обычные дни ходили в одной кичке, повязывая поверх нее шаль или платок.

Кичка (или *кича)* в Красночикойском районе Читинской области (начиная от Урлука и далее на восток) делалась с полукруглым более широким очельем. Соответственно кичке и кокошник был с более широким передком, немного наклонный вперед. Любопытно, что так называемые смерётные кички из Тарбагатая, Большого Куналея и Бичуры имеют ту же подковообразную форму, что и чикойские кички, и что для этих кичек шили не кокошник, а *сорочку* (сороку) из холста или покупной ткани. Таким образом, здесь сохранились древнейшие русские головные уборы.

Способ повязывания платков был разный: в селах Улан-Удэнского, Мухор-Шибирского, Бичурского районов тонкая большая шаль (или *атлас)* повязывалась по кичке в виде чалмы. Нередко дополнительно для тепла надевали платок по подбородку, завязывая концы на затылке. В Читинской области (Урлук, Кочон, Красный Чикой, Новосалия и др.) повязывали небольшой сложенный платок по очелью кокошника.

Необходимо упомянуть и о своеобразном семейском головном уборе, хранящемся в краеведческом музее г. Улан-Удэ. Он сделан целиком



Женские головные уборы:
1) *самшура*: а — вид снизу,
б — вид сверху; 2) кокошник:
а — вид снизу, б — вид сверху;
3) головной убор из шкурок
селезня: а — вид снизу,
б — вид сверху (АИЭА МЗО)

из шкурки селезня. Черты сходства древних русских головных уборов с птицей отмечались много раз в этнографической литературе. Возможно, что убор из музея — не случайное явление, а пережиток какого-то древнего, имевшего особое назначение убора[8].

Девушки повязывали свернутый платок с вложенной внутрь *гумашкой* (твердой бумагой); его украшали *святками* — цветами, живыми или искусственными. В таком уборе девушки ходили гулять на Троицу, на Рождество, Новый год, Крещенье и другие большие праздники. Был он и головным убором невесты. В старину на лоб спускались бисерные поднизи: в Новых Ключах под *барсовый* платок (из бурса) девушки надевали *пояску* с поднизью из *корольков*. Головную девичью повязку с *рясами* — бисерной поднизью — видел И.А. Ровинский в 70-х гг. XIX в., а Ю.Д. Талько-Гринцевич отметил бытование повязки с жемчужными привесками в 90-х гг. XIX в. на юге Бурятии. Поднизи, ряски в деви-

чьих уборах исчезли к началу XX в. В косу в старину девушки вплетали бисерную *кись* в виде *куколки* — колоколообразную кисть из ткани, украшенную бисером, о которой еще и сейчас вспоминают в Большом Куналее и селениях Читинской области.

Для семейских характерно изобилие украшений. Они оригинальны, так как большей частью изготовлялись своими деревенскими мастерами и лишь частично покупались в городе. Излюбленные украшения — ожерелья и ювелирные изделия: запонки, булавки, серьги, кольца и перстни. Запонками скреплялась женская рубашка, а иногда и сарафан. Их делали круглыми, в середине с цветным стеклом и с узорным окаймлением из металла. Так называемые *булавки,* напоминавшие брошь, молодухи прикалывали к *атласу* по нескольку штук. В центр булавки вставлялось цветное стекло, внизу были подвески из стеклянных бусин продолговатой бочкообразной формы. Ношение колец, перстней было широко распространено. Иногда оно было даже обязательным. По словам колхозницы М.Г. Ковалевой (67 лет) из Большого Куналея, было «корову грех доить без колечка», а А.М. Иванова (80 лет) из того же села носила перстень-печатку, чтобы при дойке коровы «рука лучше владела». Перстни отличались от колец массивностью и наличием вставки из цветного стекла. Перстни-печатки имели квадратную плоскость — *печатку* из того же металла, на которой были выгравированы буквы или слова. Браслеты *(брушлеты)* были менее распространены. У одной старой колхозницы мы видели серебряный браслет овальной формы, с несомкнутыми концами, с черненым узором. Старухи носили браслеты, которые якобы облегчали работу при жатве[9].

Серьги были обычным украшением. В зависимости от состоятельности крестьянки приобретали медные, серебряные и даже золотые серьги; форма их довольно разнообразна. Особенно характерны серьги с *лапками;* они состоят из двух металлических частей — верхней и нижней, в каждой — вставка из стеклышка одинакового или разного цвета, внизу подвески из того же металла в виде птичьих лапок, так называемые *трипятушки,* их обычно 5–7 штук на каждой серьге. К серьгам прикрепляли пушки́ из селезневого пуха.

Мастера, умевшие изготовлять ювелирные украшения, были в селах и городах. В Бичуре помнят мастера Ивана Васильевича, в Большом Куналее — Андрея Марковича Ивлева, умершего в 1940 г. в 75-летнем возрасте. О последнем колхозницы рассказывали, что он «колечки, крестики лил, печатки делал». За полтину «лил печатки бравые», делал булавки, запонки, сережки. Старик этот — из коренных семейских — был умелым мастером. Вся его родня умела делать украшения. Племянник А.М. Ивлева поселился в Улан-Удэ и продолжал заниматься ювелирным делом.

Бусы носили в большом количестве и молодые и старые женщины, особенно в праздник (в 5–6, иногда до 20 нитей). Ожерелье из бус называлось *монисто, корольки.* Особенно ценилось ожерелье из 2–3 ниток янтарей *(антари).* Крупные янтари назывались *добрые,* или *хунтовые* (в фунт весом). Как говорили старые колхозницы из Большого Куналея, янтарь «лехкой» и носили его раньше не только как украшение, но и «от болезней». Покупали янтарные бусы в городе. Украшения крестьянки тщательно берегли и передавали из поколения в поколение. У семейских Читинской области ожерелье называлось еще *земчуг.* Оно состояло из двух ниток перламутровых бус (очевидно, имитация жемчуга). Особое украшение — *жерёлок, ожерёлок* — низалось из *земчуга* и пришивалось к ткани в виде воротника (Кочон, Новые Ключи). Жемчуг (большею частью имитированный) покупали в лавках и у торговцев, разносивших товар по деревням. В конце XIX — начале XX в. к семейским проникают разнообразные стеклянные бусы фабричного изделия, в том числе елочные, так называемые *светлые.* В Большом Куналее сохранились воспоминания о *низаных* плетенных из бисера цепочках.

На металлической цепочке, или гайтане, носили медный или серебряный крест (поверх рубахи, но под запоном); крест со вставкой из кипариса носили «от болезни».

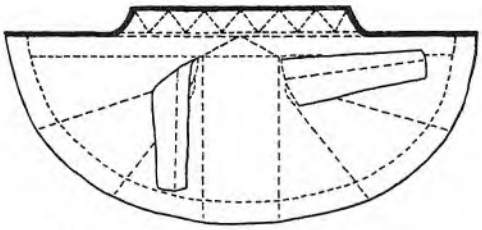
В старину женщины к поясу прикрепляли матерчатые карманы для мелочи (размером 12 × 10, 15 × 12 см). Карман из Читинской области украшен растительным узором, выполненным гладью, карман из Бичуры вышит строчкой с розеткой посередине, сходной с узорами на рубахах. Этот карман недавнего происхождения, выстрочен на машинке. Некоторые старухи пользуются подобными карманами и сейчас.

Очень оригинальны настенные карманы (в семейских селах Бурятской АССР (примерные размеры — 75 × 27–30; 50 × 20; 40 × 15 см и т.д.) в виде продолговатой полосы или овала. Сшиты они из разных кусков ткани и нередко окаймлены яркой оборкой, иногда кружевами. В прошлом, по рассказам, они действительно служили настенными карманами, но уже давно имеют лишь декоративное значение. Все поле кармана разделено по горизонтали на несколько ярусов, отделанных цветными полосками. Карманы украшались аппликацией и строчкой — прошивались подобно рукавам рубахи; более старинные имели богатую вышивку гладью разноцветными шелковыми нитками или золотой нитью. Золотошвейную вышивку выполняли те же мастерицы, которые шили кокошники. Прослеживается сходство узора карманов с узорами кокошников, особенно выполненных техникой высокой глади, однако нередко орнамент карманов оригинален и отличается от растительных узоров кокошника. Возможно, что в орнамент карманов вошли мотивы орнамента местного нерусского населения.

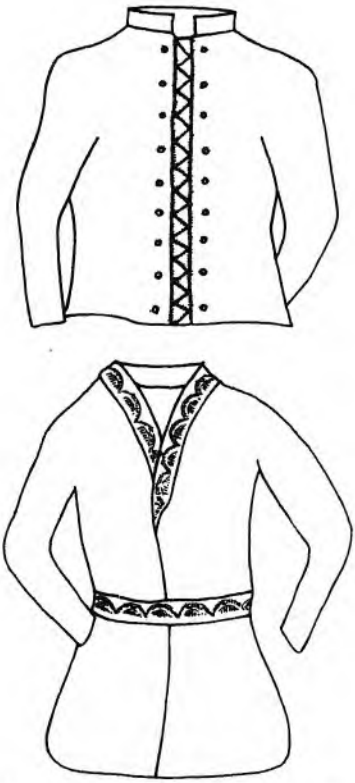
Вышивки, украшения тканей головных уборов у семейских были разнообразней, богаче, чем у соседей-сибиряков.

Мужской костюм семейских состоял из рубахи-косоворотки и штанов с широким шагом.

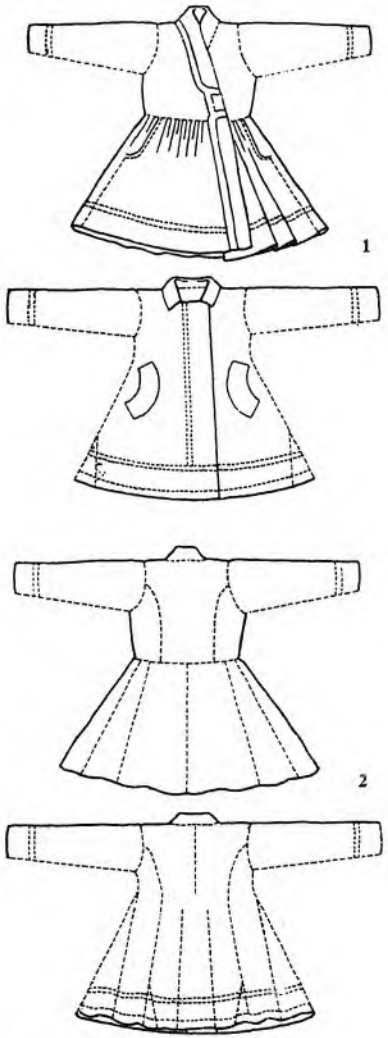
Рубаха-косоворотка шилась *долгой,* со скошенными бочками и рукавами из дабы, далембы, праздничная — из китайской *чечуи* красного, синего, зеленого и желтого цветов. По-старинному шили ее *голошейкой*, т.е. без воротника, обшивая ворот и разрез шнурком и застегивая на узелок, игравший



Покрой халатика.



Мужская одежда — *куртики* (Кяхтинский краеведческий музей). АИЭА МЗО



Женская одежда с перехватом: 1) *поддевка*; 2) *перехватка (*АИЭА МЗО)

роль пуговицы. С начала XIX в. рубахи стали шить более короткими и с небольшим стоячим воротником. Шить рубаху с разрезом посередине груди считалось «за грех». Рубаху носили навыпуск, подпоясывая широким узорным поясом, реже — узким пояском или тесьмой.

Штаны шили с широким шагом. «Стары люди пошто-то за грех считали шить узкие штаны», — говорили в с. Харауз. Старинные *шаровары* собирались у пояса на шнуре; такое устройство их у семейских сохранялось дольше, чем у других русских, так как шить на пояске с застежкой (на пуговицу) тоже долгое время считалось грехом.

Шаровары шили обычно из дабы, далембы, для праздника — из кашемира, а зажиточные крестьяне — из плиса. Кроились шаровары с *круглым огузьем* — четырехугольной вставкой между штанинами *(калошами)* или же с *ластовицей* — ромбовидной вставкой (перегнутой пополам).

Для мужчин семейских характерны были длинные волосы, ношение бороды и усов; брадобритие преследовалось, как и курение табака.

Старинными головными уборами были валянные из овечьей шерсти *колпаки,* а также шляпы с широкими полями, катанные из верблюжьей шерсти, привозившейся из Монголии. Зимой носили меховые шапки — овчинные, волчьи, заячьи, а наиболее зажиточные в праздники надевали лисьи шапки. В Большом Куналее вспоминают и о старинных шапках с квадратным плисовым верхом. Охотничьи шапки были того же типа, что и в Приангарье[10]. Круглую шапку — *татарку* — носили не все, многие считали ее ношение грехом.

Пояса семейских отличались от поясов окружающего русского населения. Известны пояса широкие и узкие. Широкие оригинальные узорные пояса носили на территории современной Бурятской АССР и в некоторых селениях Петровозаводского района Читинской области (Харауз, Новая Брянь и др.). Пояса были *суконные,* т. е. шерстяные, из гаруса яркой расцветки или шелковые с узором — *выбранные, в перебор.* Их ткали на небольших кроснах — станочках, без берда, с одними ниченками, в которые протягивали нити основы. Пояса в 8–15 см шириною ткали в 40–50 *парочек* (парочка — 3 нити основы). Бывали пояса, вытканные в 85 парочек. Основу большинства геометрических узоров составляли ромбические фигуры, так называемые *круги, шагаечка* и пр. Пояса были многоцветными, в 6-7 цветов: фон разбивался на продольные цветные полосы, по которым располагался браный узор. Пояса (женские — длиною 2,5 м, а мужские — длиннее) два раза обертывались вокруг талии. Женщины носили пояса поверх сарафана, концы затыкали за пояс или же, сложив вдвое, скалывали впереди *пиночкой* — булавкой. Мужчины носили пояс поверх рубахи, иногда тоже скалывая спереди или сбоку. Более короткие пояса назывались *пряжки.*

Узкие мужские и женские пояски шириной до 2 см ткались на бердечке с браным узором — *перебором*. По фону — *землице* — пояска располагали несложные геометрические узоры — косые кресты, крючки и т. д. Так же ткали *оборки* к ичагам.

Опояску — пояс из куска бумажной материи — носили поверх сарафана (носят и сейчас) в селах Читинской области (Урлук, Альбитуй, Красный Чикой, Кочон и др.), а пояс плетеный шерстяной *(суконник)* с характерным ромбическим орнаментом вшивали в запон — передник.

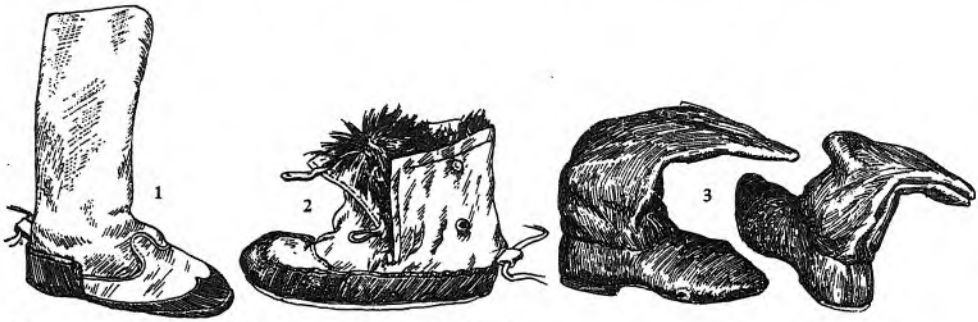
Кушаки (шириной иногда до 45 см, длиной 2,5 м), служившие для подпоясывания верхней одежды, были шерстяные с цветными продольными полосами; общераспространенные в России, в том числе и в Сибири, они часто делались из *товару*, были фабричного или кустарного производства.

Преобладание халатообразного покроя в верхней одежде из ткани и из овчин, меха характерно и для семейских, и для сибиряков Забайкалья. Но кроме общераспространенного зипуна из домотканой коричневой шерстяной материи (тканной на четырех подножках) и нагольной шубы, известных всему русскому населению Забайкалья, характерной одеждой для семейских был халат — мужская и женская одежда, надевавшаяся в холодное время, составлявшая также парадную, праздничную и *моленную* одежду, *халатик* — точно такая же, но более короткая и только женская одежда. Халатик накидывали на плечи, завертывались в него и закрывали ребенка, сидевшего на руках. Халат и халатик, разложенные на плоскости, представляют полукруг, подобно крестьянской *свите* из бывшей Орловской или понтику из бывшей Рязанской губ.[11]. Они не имели застежки, запахивались на левую сторону. Обычай ношения *на опашку* (внакидку) верхней одежды у семейских сохранялся до начала XX в. включительно, в то время как в других местах он существовал только в глубокую старину. Отправляясь в церковь, халаты надевали обязательно в рукава.

Крытая шелком шуба с беличьим воротником — *тулуп с белками*, — которую имели в старину богатые невесты и жены зажиточных крестьян в Сибири, сейчас не сохранилась. Но шубы, крытые красной канфой на овчине, с овчинным или котиковым (крашенным под котик) воротником можно найти у старых колхозниц, хотя они их уже носят редко.

Одежда, сшитая в талию *(с перехватом)*, — короткая, двубортная, с застежкой на левой стороне *(курмушка, перехватка)*, с отрезной спинкой и со сборками от талии *(поддевка, бекешка, борчатка)* — мало чем отличалась от такой же одежды сибиряков Забайкалья и Приангарья.

В южных районах Бурятии (по р. Чикой) носили *куртики*, плотно облегавшие корпус, сшитые в талию или доходившие до талии, их украшали вышивкой[12]. Очень любопытна вышивка разноцветными



Обувь: 1) унты; 2) пимы; 3) сапоги (АИЭА МЗО)

нитками — шерстью и шелком — груди, бортов и особенно лацканов куртиков. В узорах встречаются излюбленные семейские круги-розетки, различные растительные и геометрические узоры (полосы, городки и др.), которые часто встречались на рубахах, в росписи изб, потолков, опечков и мебели.

Кожаная и меховая обувь семейских мало чем отличалась от общесибирской, в частности от обуви сибиряков Забайкалья.

Характерны широко распространенные у семейских шерстяные чулки, носки, вязанные одной *иглой* вкруговую, без пятки. Вязанные на нескольких спицах чулки с пяткой появились позднее, чем у других представителей населения, и не имели большого распространения. Распространенные у сибиряков Приангарья сшитые из ткани чулки для семейских нехарактерны.

Сибиряки. В селениях сибиряков-крестьян основным материалом для самотканых изделий были конопля и шерсть (Хонхолой, Тарбагатай, Малый Куналой, Тамир, Сухой Ручей и др.). Холст шел на *утиральники*-полотенца, рабочие мужские штаны; сукно — на куртики, зипуны; ткали шерстяные запоны, охотничьи штаны, скатерти-сукманки (Сухой Ручей, Тамир, Ара-Киреть). Покупные русские и китайские ткани использовались для праздничной одежды, по-видимому, меньше, чем семейскими (о них меньше рассказывают).

Женский костюм сибирячек отличался от одежды семейских женщин покроем рубахи, сарафана, а особенно головным убором. Сибирячки носили сарафан прямой, но с *тальей*, т.е. с лифом; подол был *без лендов* — нашитых полос ткани. Рубашку шили с *перелинкой*, т.е. на кокетке, застегивалась она на две пуговицы, а рукава шили с *манжетами* — обшлагами — или с оборкой. Эта сравнительно поздняя рубаха повсюду бытовала у сибиряков (Сухой Ручей, Малый Куналей, Урлук, Старое Доронинское, Старая Кука, Черемхово, Хонхолой, Тарбагатай, Бичура). Рубаха более

старого типа — с прямыми поликами (Тамир) — отличалась от семейской рубахи покроем воротника и рукавов. Рубахи сибирячек составные, названия частей сходны с приангарскими: верх — *рукава,* низ — *станушка.* Рукава праздничной рубахи шили из цветной однотонной бумажной или кашемировой ткани, стан — из белой хлопчатобумажной материи. Для рукавов более богатые использовали бурс, чесучу.

По-видимому, бытовала у сибиряков Забайкалья и женская туникообразная рубаха, обнаруженная в качестве нижней в комплексе современной старушечьей одежды у сибирячек (Улеты, Хонхолой). Видимо, эту же рубаху имеет в виду Н. Удимова, описывая старушечий костюм 20-х гг. в Тункинском крае[13]; ее бытование, хотя и единичное, отмечается на большой территории Восточной Сибири, а то, что она была одеждой старух и смертной одеждой, позволяет считать ее старинной традиционной формой.

Кое-где поверх рубахи носили юбку, сшитую из нескольких полотнищ покупной ткани; у пояса юбки имелась опушка, куда продергивался гашник, или же юбка имела поясок и завязывалась на завязки. Но чаще носили сарафан. Его шили так же, как и в Приангарье, с выкройным лифом или с *грудинкой* — прямой полосой на лямках[14]. Другие типы сарафанов не обнаружены. *Запон* с *нагрудкой,* или *грудинкой,* из холста, шерстяной или хлопчатобумажной ткани аналогичен по покрою запону семейских и жителей Приангарья. Кроме этого общераспространенного типа в Тамире найден *запон* с *проймами,* сшитый на кокетке, напоминающей южнорусскую *занавеску.* Этот запон колхозницы Р.С. Агафоновой (68 лет) сшит из яркого цветастого кашемира, она надевала его в молодости в праздничные дни на сарафан с лифом, сшитым из того же кашемира.

Головные уборы сибирячек особенно отличались от уборов семейских женщин. Кичек и кокошников они не помнят. Основным убором замужней женщины повсюду были косынка и платок, а в некоторых местах еще сохранился повойник (Урлук). Косынку из шелка розового, зеленого или другого цвета повязывали концами назад *(калмычкой),* а сверху надевали платок, завязывая его под подбородком. «Бывало, как приедут от венца, посадят в передний угол избы под иконами, так и наденут этот убор», — рассказывали женщины. Девушки ходили в платках, иногда и с открытой головой. Старинные девичьи уборы исчезли, видимо, очень давно, и о них не помнят.

Украшения — сережки, кольца, перстеньки, бусы, браслеты (*брусле-ты*) — носили более богатые сибирячки. Бусы — *корольки, земчуг* — надевали на шею, но такого их обилия, как у семейских, не было. Здесь так же, как в Приангарье, было в обычае носить на сережках *пушки.* «В серьгах носили курьчьи и гусиные пушки» — вспоминают старые женщины Тамира. Утиные пушки помнят сибирячки из Бичуры, Тарбагатая. Но

сибирячки давно уже оставили пушки, в то время как семейские женщины продолжали носить, некоторые и сейчас их надевают.

Мужская одежда сибиряков отличалась тем, что старинные туникообразные *долгие* рубахи шили с небольшим стоячим воротником и разрезом посередине груди. Более поздними были рубахи с *перелинкой* — на кокетке, известные здесь повсюду. Что касается косоворотки, то, как и в Приангарье, у сибиряков она позднее явление — самого конца XIX, а чаще только начала XX в. Носили рубаху навыпуск. В большом употреблении были *пряжки* — ременные пояса. Известны были и узкие тканые пояса, вытканные на бердечке, а для верхней одежды — широкие кушаки.

Мужская рубашка с прямыми поликами обнаружена лишь в с. Николаевском Улетовского района Читинской области — старом селе, заселенном *хохлами* — жителями русско-украинского происхождения. Вопрос о бытовании этого рода рубахи среди других групп сибиряков нуждается в дальнейшем исследовании.

Мужские штаны у сибиряков шили с широким шагом (об этом рассказывали повсюду), обычно на поясе (опушке или ошкуре; Малый Куналей)[15]. На гашнике шили только нижние штаны.

Некоторые мужские головные уборы сибиряков и семейских сходны: валяные колпаки, меховые шапки с ушами из овчины, волчьих, лисьих шкур, из соболя. Носили и шапки с четырехугольным верхом. Сибиряки, как и семейские, надевали на охоту шапки из камусов косули, которые шили обычно буряты. Отличным от семейских головным убором был *чебак* или *хургашка* (из молодого барашка), о котором вспоминают в некоторых сибирских селах. У сибиряков, больше чем у семейских, распространилась шапка-*татарка* и особенно был характерен картуз, вытеснивший многие виды головных уборов к концу XIX в.

В верхней одежде у сибиряков Забайкалья много общего с сибиряками Приангарья и с семейскими. Суконный зипун того же покроя, как у семейских, был общераспространенным. В начале XX в. он служил в основном рабочей одеждой. Сходна с зипуном и халатообразная *шанель* (Старо-Доронинское). Название *шанель, шанелька* особенно распространено в Читинской области (Николаевское, Черемхово, Старо-Доронинское), где оно нередко обозначало одежду не только в виде суконного халата, но и другого покроя — короткую, сшитую в талию женскую одежду. Шанелькой называлась и длинная шубка, крытая шелком или красным сукном, с воротником из беличьих хвостов (Черемхово). Распространены были и так называемые *курточки, куртики, курмы и поддевки*. Курмы (курмушки) были двух покроев: прямоспинные, свободного покроя (подобно приангарским) и с перехватом в талии

(с курдючком), которые в начале XX в. считались более модными. Будничные курмы шили из дабы, далембы, диагонали, а праздничные — из шерстяной покупной материи, сатина, чесучи, на подкладке из ситца. Для тепла курмы делали с *подложкой* из овечьей или верблюжьей шерсти (Малый Куналей).

Овчинная нагольная или крытая *шуба, доха*, реже *тулуп* с большим воротником — основные виды зимней одежды сибиряков Забайкалья.

Характерной обувью (как и у семейских) были *чирки, ичиги, унты* (близкие к бурятским) из шкуры ямана, гурана (домашних и диких коз), которые шили мехом внутрь. Праздничной обувью были *сапоги, башмаки*; валенки в прошлом не были широко распространены. Кое-где носили *моршни* (сделанные из одного куска кожи) и *пимы*.

Различия в одежде сибиряков и семейских становятся сильнее в XIX — начале XX в., когда сибиряки все более и более переходят к одежде городского типа того времени. Поверх рубахи и сарафана сибирячки стали надевать *кофту*; появились, как и везде, *парочки* из фабричной ткани, фартуки, повязанные по талии, и т. д. К более зажиточным слоям деревни проникает *наколок* из шелка, отделанный кружевами и лентами, называвшийся еще *чепцом*, по покрою аналогичный наколку и повойнику жительниц Приангарья. В мужской одежде сибиряков Забайкалья широко распространяются *брюки, пиджак*.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Мартос А.* Письмо о Восточной Сибири. М., 1827. С. III; Из записок декабриста Якушкина // Русский архив. 1870. № 8–9. С. 1613–1614.

2 Характерна была самопряха — *лежак*.

3 Статистическое обозрение Сибири. Ч. II. СПб., 1854. С. 390.

4 *Осокин Г.М.* На границе Монголии. СПб., 1906. С. 67.

5 Подробнее о сарафане у семейских см.: *Тарусская М.Г.* Коллекция расписной утвари и одежды семейского населения // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. II.: Забайкалье. Новосибирск, 1975.

6 Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. М., 1956. С. 637–642.

7 *Дабинник* — см.: *Гринкова Н.П.* Одежда бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930 С. 328.

8 Нам не удалось уделить внимания исследованию происхождения этого убора. Будущие исследователи семейского быта, возможно, смогут это сделать.

9 *Селищев А.М.* Забайкальские старообрядцы (семейские). Иркутск, 1921. С. 7.

10 *Маслова Г.С.* Русский народный костюм Приангарья // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. I.: Приангарье. Новосибирск, 1971. С. 167.

11 Восточнославянский этнографический сборник. С. 710. Рис. 82, *2*.

12 Зарисовки сделаны Ю.Д. Талько-Гринцевичем в конце XIX в. Трудно судить, была ли это двубортная или однобортная одежда.

13 *Удимова Н.* К изучению одежды русских тункинцев // Сибирская живая старина. Иркутск, 1926. Вып. V–VI. С. 205.

14 *Маслова Г.С.* Указ. соч. С. 153.

15 В Тункинском крае старики тоже носили штаны с широким шагом. Названия частей старинные — гачи, ошкур (см.: *Удимова Н.* Указ. соч. С. 204, 206).

ТРАДИЦИОННАЯ ОДЕЖДА СТАРООБРЯДЦЕВ ПРИМОРЬЯ

Крестьянская колонизация Дальнего Востока, начавшаяся с конца 50-х гг. XIX в., стала завершающим этапом продвижения России к берегам Тихого океана. Старообрядцы сыграли в этом процессе роль первопроходцев.

Период массового заселения и хозяйственного освоения Дальнего Востока был относительно кратким, но в нем как в капле воды отразилась двухвековая история предыдущих миграций старообрядцев по территории России. Все известные старообрядческие центры были представлены в региональном составе старообрядцев Приморья: Ветка, Стародубье, Волго-Вятский регион, Урал, Сибирь, Алтай, Забайкалье.

Переселенцы неоднократно меняли места жительства, продвигаясь вглубь региона. Тем не менее, в составе населения Приморья до сих пор прослеживаются группы, сложившиеся в ходе последовательного его заселения.

С середины XIX в. начинается колонизация Южно-Уссурийского края старообрядцами. Почти одновременно, с разницей в несколько лет, переселяются

сюда две группы старообрядцев, осваивавшие южные и юго-западные районы края: 1 — из Волго-Вятского региона (Самарской, Саратовской и Вятской губерний), 2 — семейские из Забайкалья и Якутии.

В 80-90- е гг. XIX в. старообрядцы Волго-Вятской группы покидают уже освоенные ими земли и заселяют труднодоступные таежные районы по р. Даубихе (приток р. Уссури, ныне р. Арсеньевка): с. Петропавловка, х. Халаза, с. Виноградовка.

Вместе с ними в заселении и хозяйственном освоении центральной части Приморья по долинам рек Уссури, Улахе (ныне Уссури), Судзухе (ныне р. Киевка) принимают участие старообрядцы переселенцы из Урало-Сибирского региона России (Пермской, Томской, Енисейской губ.). Их трудами были застроены самые крупные старообрядческие поселения: Варпаховка, Каменка, Кокшаровка, Архиповка.

С начала XX в. и до 30-х гг. старообрядцы-старожилы (Волго-Вятской и Урало-Сибирской групп) расселяются вдоль береговой черты Приморья по долинам рек с юга на север (долины рек Кхуцин (ныне р. Максимовка), Тахобе (ныне р. Соболевка), Кузнецова, Единка, Самарга). Это было вызвано хлынувшим на Дальний Восток потоком крестьян из южных и центральных губерний Европейской части России, в большинстве придерживающихся православия. Новый район компактного расселения забайкальских старообрядцев появился к этому времени в районе бухты Джигит.

В 1930-е гг. во время массовой и насильственной коллективизации произошел массовый исход старообрядцев из Приморья в Китай, на территории которого с 1936–1945 гг. существовало японское марионеточное государство Манчжоу-Го. Там старообрядцы основали несколько поселений (Силиньхэ, Коломбо, Романовка, Медяны, Ивановка, Семеновка, Чапигоу, Баринхэ, Татинцван).

Иноязычное и иноконфессиональное окружение их в Китае способствовало ускорению начавшейся еще в Приморье ассимиляции разных региональных групп, поселившихся на Дальнем Востоке. После окончания Второй мировой войны часть старообрядческих семей из Китая была насильственно возвращена в СССР. Со временем большая часть их обосновалась на постоянное место жительства в Хабаровском крае (п. Березовый, Тавлинка). Другая часть старообрядцев из Китая предпочла эмигрировать, положив тем самым начало расселению диаспоры приморских старообрядцев по всему миру: Южная Америка, США, Канада, Австралия. Впоследствии за выходцами из Маньчжурии закрепилось название «харбинцы», по главному городу этой области Китая — Харбину. Однако пожилые старообрядцы, мигранты из Приморья, живущие сегодня за рубежом, продолжают называть себя и своих земляков «приморцами».

В 2009 г. несколько старообрядческих семей из Южной Америки вернулось в Приморье, поселившись в таежном Красноармейском районе с. Дерсу (быв. Лаулю).

Еще одна небольшая группа старообрядцев из китайской провинции Западный Синьцзян в 70-е гг. XX в. переселилась в верховья р. Уссури (п. Ясное, п. Тополевый). Родиной большинства из них были старообрядческие села на самом юго-западе Томской губ., в Рудном Алтае. Уходя от религиозных преследований советской власти, старообрядческие семьи бежали в Китай, обосновавшись в провинции Западный Синьцзян. После эмиграции из Китая эта группа старообрядцев получила название синьцзянцы.

Сложные миграционные процессы, имевшие место при формировании русского населения на Дальнем Востоке, не могли не сказаться на традиционной культуре. Особенно ярко специфика отдельных групп проявляются в одежде.

Материал одежды. Об одежде старообрядцев начального периода заселения известно чрезвычайно мало. По отрывочным воспоминаниям наших информаторов и архивным документам, возможно лишь в общих чертах восстановить картину утраченного.

По рассказам наших информаторов, вплоть до конца 20-х гг. XX в. ткацкие станы продолжали каждую зиму устанавливать в крестьянских домах. Для праздничной одежды полотно отбеливали зимой на снегу. «Трубок потом накрутишь — и в яшшык. Много холстов держали». Тонкое отбеленное полотно использовалось для шитья нарядной одежды. Оно получалось в результате более тщательной обработки. Отходы производства тоже шли в дело. По сообщению А.А. Комова, из очесов льна делали подклад для шабуров или зипунов[1]. В с. Усть-Соболевка в доме замечательного мастера В.И. Деминова мы увидели до сих пор действующий станок для изготовления стеганых деталей одежды, одеял. Очески льна раскладывались на станке между двумя слоями холста и простегивались вручную. По рассказам женщин, домотканину часто окрашивали в разные цвета. Использовали для этого кору, различные травы. «Есть трава такая, серпуха, она желтый цвет дает. Нужно в баке напарить травы побольше, убрать ее, потом туда холст бросить, соли немного, чтоб укрепить. Хороший желтый получался. Еще ольховой корой красили, она желтоватенькая получалась. А синюю краску в магазине покупали, ей нитки красили, ткали вперемежку с белыми, делали пестрые скатерти — сарпинка или сарапинка в клеточку. Мужчинам рубахи шили из них, себе — платки, — вспоминала Х.Е. Поварницына. — Клали холст с корой лиственницы. Нарубленную кору бросают в чугун с водой. Долго варят, потом бросают холст и кипятят не так долго. Но зачем нам красить-то было? В лавке в Кхуцине ткань любого цвета»[2].

Фабричные ткани довольно быстро вошли в крестьянский обиход: в крупных населенных пунктах, особенно в портовых городах, прибрежных населенных пунктах, рынок очень быстро наполнялся фабричными тканями, в том числе иностранного производства. Так, крестьянам-старообрядцам, живущим по побережью Японского моря, гораздо проще и дешевле было приобрести товары в Китае или Японии. Уже в 80-х гг. XIX в. торговые компании предлагали покупателям довольно богатый ассортимент тканей. Можно было приобрести бриллиантин стоимостью за аршин 25 коп., бязь белую за 30 коп., дабу (китайскую) 1 кусок за 3 рубля 60 коп., миткаль за 15 коп., малестин за 80 коп., нанку за 35 коп., русанет за 25 коп., сукно крестьянское за 35 коп., сарпинку за 25 коп., ситец за 18 коп.[3]

Среди старообрядческого населения было много крестьян, занимающихся охотой, пантовкой, различными ремеслами. Это позволяло зарабатывать неплохие деньги, поэтому и покупательская способность старообрядческого населения была высока. М.П. Деминова рассказывала: «Кто побогаче, покупал одежду в лавке. Брат Филипп продал корову как-то, собрал всех нас младших и повел к Пронину в лавку: „Сейчас всем вам куплю ботинки и чулки... У Фунтиковых вон все девки в ботинках, а наши девки босиком“»[4]. В с. Кхуцин (ныне с. Максимовка) было две лавки. Одну содержали китайцы, другую — известный по всему побережью купец Пронин. «Этот Пронин и в Японию плавал, и в Америку, американские товары у него были». Из тканей, которые шли на изготовление одежды, наши информаторы называли: бязь, грубую хлопчатобумажную ткань любого цвета. Она шла на изготовление рабочей одежды. Из молескина шили нарядную мужскую и женскую одежду. В обмен на сданные сельхозпродукты можно было также получить деньги и приобрести необходимый товар: «Мама поехала в Самаргу, сдала лен и привезла на него 10 шалей. Папа повез овес сдавать на мануфактуру. Привез всем материал, шибко красивую ткань на положок у зыбки»[5].

Широко использовалась для изготовления одежды овечья шерсть. Из нее катали валенки, сучили нитки для изготовления шерстяной ткани. Для шитья верхней одежды шло полусукно (так называемая *поniточина*). «Это тоже свойская ткань, основа — холщовая, уток — шерстяной»[6]. Из овечьей шерсти изготавливали также и сукно, из которого шили рубахи, охотничью одежду. К.Ф. Рыжакова: «На свадьбу муж был в суконном пинжаке покупном. А вообще сами били сукно. Шили из него рубахи без ворота, ходили зимой». Сукном покрывали также и шубы, полушубки.

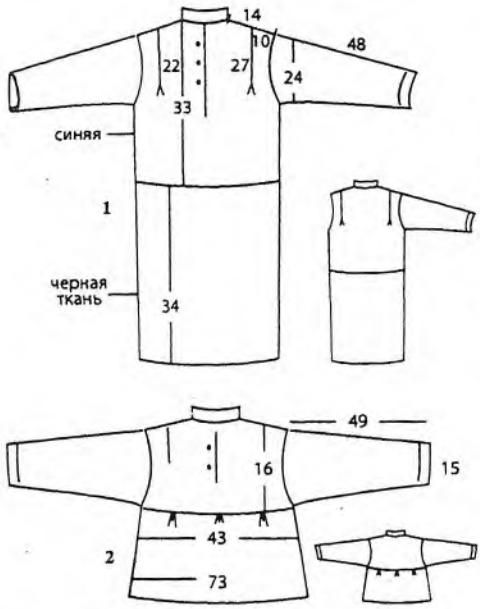
В качестве материала для зимней одежды использовали шкуры и мех диких и домашних животных. Естественно, что наиболее доступна в крестьянской среде была овчина. У старообрядцев овчина и мерлушка не подвергались запретам. Мех же диких животных, все более входивший в жизнь крестьянства, особенно на Дальнем Востоке с его

богатейшими охотничьими угодьями, вызывал наибольшее количество споров и запретов. Использование меха диких животных строго регламентировалось соборными уложениями. Так, одна из статей Бикинского соборного уложения гласила: «Шапки из поганого зверя не носить, а кто будет носить — отлучать...»[7]. К поганому зверю, по рассказам наших информаторов, относили «лапчатых» (рысь, енот, медведь, барсук, выдра, соболь, волк), непарнокопытных животных и некоторых птиц (лебеди, голуби, воробьи). Мех «поганых» зверей продавали, обменивали, но для шитья зимней одежды и обуви для себя использовали только мех дикой козы, пятнистых оленей, изюбря.

Женская одежда. Вплоть до начала XX в. самой распространенной женской одеждой были рубаха и сарафан. Такую одежду носили в качестве повседневной, праздничной и обрядовой одежды, начиная от девочек и до пожилых женщин, независимо от региона выхода. Традиционный комплекс из сарафана и рубахи дополнялся поясом, передником и головными уборами. Региональные особенности проявлялись в крое одежды, в украшениях, в способах ношения.

Рубаха. Основной частью традиционного женского комплекса одежды являлась рубаха. Она была цельной или составной из двух частей — верхней (до пояса) и нижней. Наиболее распространенными в Приморье были рубахи составные. У переселенцев из Житомирской губ. они сохранялись даже в качестве погребальной одежды.[8] Рубаха шилась из двух частей. Если обе части рубахи были холщовыми, то, как правило, верхняя часть шилась из тонкого холста, нижняя — из более грубого. В конце XIX — начале XX в. верхнюю часть шили уже из покупной ткани, а нижнюю по-прежнему из холста или поношенной фабричной ткани. По мере изнашивания нижнюю часть заменяли другой. Таким образом, за время жизни рубахи можно было сменить 2-3 стана. Нижняя часть рубахи у подавляющего большинства переселенцев называлась *стан, станушка, становина*. Длина стана была различной. Чаще всего нам рассказывали и показывали рубахи с короткой станушкой, которую длинной не делали. Верхнюю часть называли *рукавами*. Зачастую это название используется для обозначения рубахи в целом. С рукавами обязательно носили нижнюю юбку — *сподницу*. Переселенцы из Житомирской губ. называли такую юбку *спидница*. К.К. Плешкова (родители-выходцы из южного Урала): «У нас длинные рубахи были. Но под низ тоже надевали нижние юбки — *поднизки* на резинке или на поясе».[9]

Туникообразные рубахи сохраняются лишь в погребальном женском костюме да в воспоминаниях старообрядцев. Почти забыто и название этого древнейшего вида женской одежды. Рубахи шили из перегнутого пополам полотнища без плечевых швов, с двумя или четырьмя



Покрой женских рубашек:
1) рубашка начала XX в. С. Тополевое;
2) рубашка *рукава* на кокетке (плеринке). С. Кузин. 30-е гг. XX в., сшита переселенкой из Колыванского р-на Томской обл. (Из фондом ПКМ)

бочка́ми и втачными рукавами. Алтайские, переселенцы называли такие рубахи (с четырьмя кошеными бочками) *пропускнухами*, уральские *сквознухами*[10]. Такой вид одежды, по словам некоторых информаторов, в миру уже не носили. «У нас девица жила на Пее в сопках с монахинями. Так у нее рубаха — сквознуха была». В музейной коллекции есть лишь одна сатиновая женская туникообразная рубаха с подоплекой, сшитая в Приморье переселенцами с Урала в 60-е гг. XX в.

Традиционной для восточных славян являлась женская *рубаха с прямыми поликами* Полики — плечевые вставки, приморские старообрядцы (выходцы с Урала, южного Алтая) называли их *ластовки*. Их пришивали по утку или по основе. Ворот, таким образом, расширялся, и его можно было присобрать. «Ластовки делаем, чтобы ворот насобрать. Переднее и заднее полотнище пришиваем к ластовкам»[11]. Наиболее распространенным местным вариантом была рубаха с присборенными поликами и воротом — невысоким воротником-стойкой с застежкой на одну пуговицу. Пожилые старообрядки чаще пришивали к воротнику *обшивку*. Такой воротник бытовал и в повседневной одежде, так как носили рукава чаще с сарафанами-*горбунами*, у которых также были воротники, поэтому второй воротник был не нужен. У синьцзянцев бытовали высокие воротники. «У нас воротник был такой высоты, чтоб загибался, сантиметров пять. У мушшин не загибался воротник»[12]. Низ рукава *ошлага* с изнанки обтачивали широкой полосой другой ткани. Разрез по центру рубахи делали длинный, доходивший почти до стана. «Разрез большой на рубахе делался, потому что все время дети грудные были», — объясняла нам такую величину разрезов Т.П. Зинюхина[13].

Праздничные рубахи украшались скромной вышивкой по воротнику, поликам и обшлагам. Этот же вид рубах, по сообщениям информаторов, сохранялся без изменений в период проживания приморцев в Маньчжурии. В более поздних рубахах, сшитых мигрантами-приморцами

в США или Австралии в 70–90-х гг. XX в., появился более высокий воротник-стойка, множество мелких боров по поликам и вороту, собранных на несколько нитей. Нижний край широких рукавов заложен в мелкие складки, обшит лентами, украшен декоративной строчкой или собран на резинку с оборкой. Однако пожилые женщины-харбинки (приморская диаспора) в США, Австралии предпочитают шить традиционные рубахи из гладкой материи, с чуть присборенным воротом и поликами, небольшим разрезом ворота по центру и узким воротником-обшивкой.

На фоне очень простой по крою и сдержанной по цветовой гамме одежды приморцев женский костюм небольшой группы семей, переселившихся в Приморье из провинции Западный Синьцзян в 60-х гг. XX в., выделялся своей яркостью, пышностью, многообразием и сложностью декоративных приемов. Синьцзянские поликовые рубахи сшиты из китайского сатина с тканым рисунком или двухстороннего китайского шелка с тканым рисунком, стан — из хлопчатобумажной ткани. Особенностью кроя этих рубах, как мы уже отмечали, был очень высокий воротник-стойка, закрывающий шею. Застегивался он на крючок или маленькую пуговицу только у основания. Таким образом, воротник мог отгибаться. В более поздних образцах кофт, виденных нами за рубежом, где проживает сегодня диаспора синьцзянцев, верхний край воротника даже оторачивается узкой оборкой и внешне выглядит как отложной. Особенностью рубах этой группы является также большая присборенность ворота и поликов. Рукава широкие с небольшими ластовицами. По-особому оформлены запястья рукавов синьцзянских рубах: широкие обшлага рубахи собираются в мелкую складку. Поверх складок нашиваются либо два широких канта, либо атласные ленты, либо широкая вышитая полоска такой же ткани, что и рубаха, имитирующая манжеты.

Яркие сарафаны и рубахи, присланные приморским старообрядцам зарубежными родственниками, хранятся скорее как диковинные подарки, которые время от времени вынимаются из сундуков лишь для того, чтобы полюбоваться ими. Рубахи «американских» старообрядцев из яркой и цветастой ткани дополнительно украшены нашитой блестящей тесьмой. Нарядный вид им придает декорировка ворота большим количеством мелких боров — мельчайших складок, собранных на несколько ниток. Чем больше рядов ниток, чем шире боры, тем искуснее в шитье считалась девушка. Старики советовали молодым парням: «Вот у которой бор на 8 ниток, на той и женись». Рукава рубах соединялись с поликами с помощью *куколок* — особым образом собранной ткани. Старообрядцы вспоминают, что старики особенно возражали против украшения одежды этими куколками. Рубахи синьцзянцев, сшитые из одноцветной ткани, украшали вышивкой с преобладанием геометрических мотивов, отражающих древние символы плодородия. Отметим,

что в вышивке использовался традиционный для «бухтарминцев» Алтая декоративный шов — *счетная гладь.*

Более поздний вариант рубахи — *с плечевыми швами и вытачками*, направленными вниз от плечевого шва, шили в Приморье уральские старообрядки в конце 50–80-х гг. XX в. Они принадлежали пожилым женщинам. Для шитья использовали гладкий сатин разных цветов. Крой рубах соответствует старинным образцам: прямое полотнище с плечевым швом и вытачками, рукава кошеные из одного полотнища либо полотнища с клином. На одной из рубах две вытачки заложены по центру спинки бантовой простроченной складкой. Стан у одной из рубах очень короткий, доходящий до линии бедер, у другой — он отсутствует совсем. Одна из рубах имеет невысокий воротник-стойку, у другой воротник отсутствует. Скорее всего, эти рубахи можно отнести к переходному типу кроя рубах: от прямого традиционного народного кроя к вырезному, городскому. Появившиеся складки-вытачки, плечевые швы способствовали лучшему облеганию ткани по фигуре, но в то же время еще сохранялся традиционный крой.[14]

По мнению одних исследователей, *бесполиковые рубахи* являются более поздними, а другие считают их старинным видом одежды: подобного кроя рубахи встречались в смертной одежде «полячек» Бийского округа Западной Сибири[15]. О бытовании в Приморье подобной одежды нами зафиксированы воспоминания старообрядцев. И.И. Кочева (уральские переселенцы): «Рубахи шили бесполиковые, рукав кроили от ворота»[16]. Недавно в музейной коллекции появилась рубаха, изготовленная в 80-е гг. XX в Аксиньей Федоровной Малаховой, живущей в Австралии (приморская диаспора). Рубаха сшита из современной белой шелковой ткани, короткая, без подставы, цельнокроеная, с центральным швом на переднем полотнище, неглубоким разрезом, невысоким воротником-стойкой. В плечевой области рукава четыре ряда сборок на тонкой резинке внешне выглядят как присборенные полики.

К наиболее поздним относятся *рубахи на кокетке.* Они встречаются у старообрядцев-старожилов из разных регионов выхода: с Волги, Урала, Алтая. Рубахи сшиты из фабричной ткани, с плечевыми швами, с кокеткой-*пелеринкой* и невысоким воротником-стойкой, имеют очень короткие станушки. Они использовались как моленная одежда и, по словам информаторов, сшиты ими в 30–40-х и 60-х гг. XX в. по образцу родительских.[17].

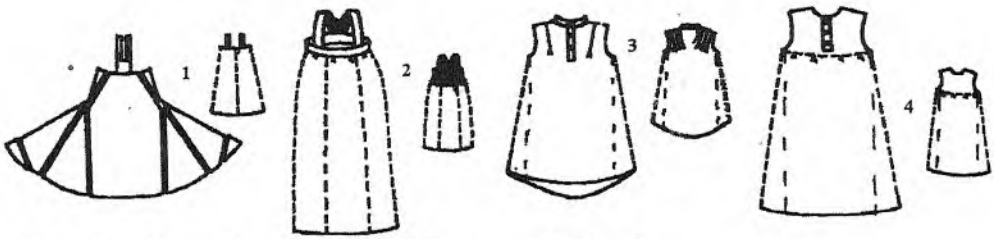
Совершенно особый тип одежды — *платье,* весьма древнего покроя. Сообщения о них единичны. Одна информация записана от переселенцев на Дальний Восток из алтайского села Корчино Барнаульского у. в начале 30-х гг. XX в. «На праздники мама надевала платья, кашемировые, красивые. Мама такие платья кашемирниками называла. Но на

моленье ходила в сарафане. Мне такое же платье сшила родственница в 60-х гг. из простого уже материала»[18]. Одежда по крою напоминает старинное городское платье. О такой разновидности рубашкообразных платьев упоминает в своей монографии Е.Ф. Фурсова. Кержачки Северного Алтая носили так называемые *поморники* и *холодаи* туникообразного покроя, с рукавами, невысоким воротником-ошейником, с застежкой на 3–4 пуговицы. К.К. Пугина (переселенка из Барнаульского у.) вспоминала, что ее мама носила *кашемирник* сходного покроя с небольшим отложным воротником как праздничную одежду, а в будни — такое же платье, но с небольшим воротником-ошейником. Кокетка, по свидетельству информатора, была только на спинке. Термин «поморник» Е.Ф. Фурсова связывает с возможным местом выхода старообрядцев — Поморьем. Наша следующая информация косвенно подтверждает это предположение. О подобном платье рассказывала нам З.Л. Сандалова: «У бабушки нашей платье было с пелеринкой и бориками»[19]. Родители Зинаиды Лукиничны принадлежали к одному из толков поморского согласия, родились на Алтае, прадеды — переселенцы из Вятской губ., куда они пришли из северных губерний России.

Одно из поздних вариантов такого платья передала в музей Мария Яковлевна Бакулева (родилась под Тугулымом, недалеко от Тюмени). Оно было сшито ее матерью, Марфой Григорьевной, в с. Кеушки Ханты-Мансийского округа в конце 40-х гг. XX в. Сама Марфа Григорьевна, по словам ее дочери, называла его «сарафан»: он сшит как «горбун», на спинке «посредине шов и складочки, кошеный, без боров — не положено. Носила его на службы в моленную. В Кеушках община была маленькая, но там тоже все такие носили. Когда переехали в Томскую область, мама тоже его носила в моленную. Он фигуру хорошо скрывает».[20] Платье сшито из трех полотнищ цветного сатина с центральным швом на спинке и пятью складками, заложенных от линии плеча к шву на спинке, без воротника, длинные кошеные рукава с обшлагами из другой ткани.

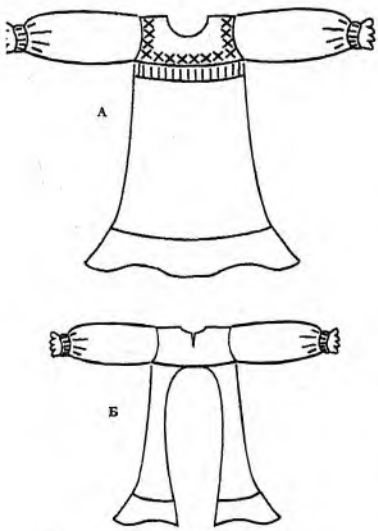
Сарафаны. Не менее важной частью женского комплекса одежды был сарафан. В Приморье бытовало несколько типов сарафанов, которые различались между собой прежде всего по крою: косоклинный сарафан (распашной и глухой), прямой (круглый), сарафан на кокетке. *Косоклинный сарафан* в настоящее время почти не встречается в Приморье. Воспоминания и редкие образцы таких сарафанов зафиксированы нами преимущественно у старообрядцев, переселявшихся из Приуралья (а также из Екатеринбургской губ.) и Алтайского округа.

Основным центром, откуда распространялся этот тип сарафанов, по мнению Г.С. Масловой, была северо-восточная Русь и особенно Москва времен складывания централизованного государства. Позднее он



Покрой сарафанов: 1) косоклинный; 2) круглый; 3–4) *горбачи.*

стал общерусской одеждой[21]. Этот тип сарафана единодушно признается и приморскими старообрядцами наиболее архаичным типом одежды. Сегодня он уже совершенно вышел из употребления. А.П. Калугина вспоминала, что в годы ее молодости «такой сарафан носили только старухи на моленье...»[22]. Люди среднего возраста либо вообще не видели таких сарафанов, либо сохранили о них смутные воспоминания. Среди забайкальских старообрядцев упоминаний о таком типе сарафанов чрезвычайно мало. «В Улунге (побережье р. Бикин) жили крепкие староверы. Они косоклинные сарафаны носили, нас они не принимали», — вспоминает Е.Т. Шарыпова[23]. В среде алтайских старообрядцев нами зафиксировано только одно упоминание об одежде такого типа. Переселенка из с. Большой Ануй М.М. Бессонова рассказала, что на родине она видела такие сарафаны-косоклинники только у чалдонов-поморцев, тогда как они предпочитали носить «круглые» и «горбуны»[24].



Передник *нарукавник* с туникообразной кокеткой (а, б — вид спереди и сзади). 50-е гг. XX в., сшит в Китае, провинция Западный Синцзян.

В музейной коллекции имеются два косоклинных сарафана *с передним продольным швом.* Один из сарафанов такого типа принадлежал переселенцам из Пермской губ. Сшит в 20-е гг. XX в. Переднее полотнище имеет центральный продольный шов с незашитой верхней частью-прорехой, застегивающейся на одну пуговицу с воздушной петлей. Лямки очень узкие с небольшой оторочкой. Верхняя часть полотнищ не имеет сборок и складок, но центральная часть заднего полотнища дополнительно присобрана на резинку. По мнению Е.Ф. Фурсовой, застежка на продольном шве могла свидетельствовать о происхождении подобных сарафанов от распашных

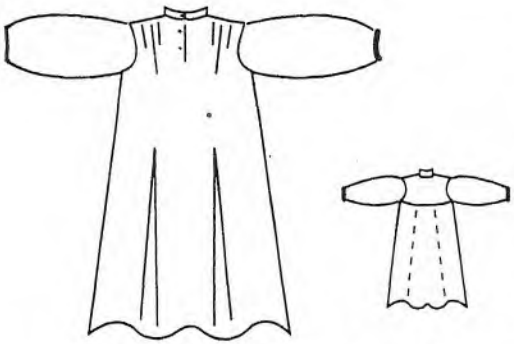
видов одежды[25] .Такие архаичные особенности зафиксированы в погребальной одежде у бухтарминских кержачек[26].

Другой сарафан, принадлежащий переселенцам из Екатеринбургской губ., можно отнести к типу *кошеных сарафанов с продольным швом*. Сарафан сшит в последней трети XIX в. из шелковой китайской ткани коричневого цвета. Он имеет два задних полотнища, два передних и два боковых, пришитых к более узким передним полотнищам. Центральный шов от груди до подола украшен двумя широкими золотистыми позументными фестончатыми лентами, в центре которых по шву пришит ряд пуговиц из хрустального стекла с воздушными петлями, имитирующих застежку. На самом деле шов глухой, функционального значения не имел. К.К. Плешкова (выходцы из Южного Урала): «Раньше у нас и молитвенные и носильные все косоклинные были, в центре — обязательно шов на пуговицах»[27]. Исследователи полагают, что сарафаны такого типа с продольным швом восходят к распашной одежде Московской Руси[28].

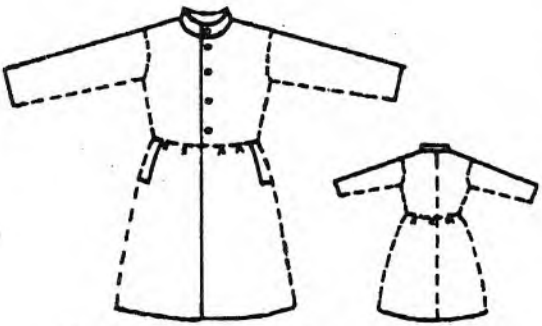
Наиболее распространенными типами сарафанов в Приморье стали *круглый прямой сарафан и сарафан-горбач (горбун).*

По мнению исследователей, *круглые, или прямые,* сарафаны по крою сопоставимы с западнославянскими рубахами на бретелях или с юбками на лямках, бытовавшими на севере Европы в древности[29]. Такая форма сарафана распространилась за время колонизации в Приуралье, а затем в Сибири и на Дальнем Востоке. В немалой степени этому способствовали старообрядцы. Прямые сарафаны шились из пяти-шести полотнищ, собранных в верхней части под узкую обшивку. Круглые, прямые, лямошные сарафаны носили в Приморье все группы старообрядцев: старожилов и новоселов. Его использовали и как повседневную, и как праздничную, и как моленную одежду вплоть до 30-х гг. XX в. Круглые сарафаны как наиболее ранний для них вид одежды сохранен в погребальном комплексе старообрядцев-переселенцев из Житомирской губ., но совершенно не используется ими в повседневном быту[30]. Круглые сарафаны в настоящее время в Приморье молодым поколением надеваются только на время праздникаили службы. Исключение составляют несколько семей с. Усть-Соболевки. Девушки в это приморское село были взяты из с. Тавлинка Хабаровского края, где компактно проживают репатрианты харбинцы из Китая, у которых и сегодня традиционная одежда используется как повседневная.

В некоторых селениях старообрядцы считают круглые сарафаны наиболее ранней формой и единственно «праведной»: «ведь даже лямки на плечах у него там, куда крест кладем...»[31]. М.С. Суковатицына, жительница с. Перетычиха, объясняла: «Горбуны презираю, их носят больше сибиряки, те, кто выехал оттуда. А в Приморье все носят



Покрой платья *кашемирника* (холодай), сшит переселенкой из Колыванского р-на Томской обл.



Покрой моленного кафтана начало XX в. (а, б — вид спереди и сзади).

круглые, я не видела горбуны до приезда в Перетычиху» (родители Марфы Семеновны по женской линии переселились из Поволжья в 1920 г.). Исследователи считают, что круглые сарафаны в Сибири появились с начала XX в., и распространение их связывают с приездом российских переселенок[32]. Однако переселенцы из Алтая вспоминали об отрицательном отношении стариков к круглым сарафанам: «Все больше горбачи носили... Помню, выбирали нашему Лариону невесту. А она вышла к гостям в круглом сарафане. Дядя как увидел ее, заругался, что вышла она, как распутная, гулящая девка, и ушел. Свадьба расстроилась. А потом мы все стали носить сарафаны и бореные, и горбуны»[33].

Музейная коллекция насчитывает уже около шестидесяти старообрядческих сарафанов: тринадцать из них принадлежали старожильческим семьям Приморья, выходцам из Волго-Вятского района, Урала, Алтая и старообрядцам семейским. Все это круглые сарафаны, лишь два из них горбачи. Преобладающее число круглых сарафанов сшито из четырех одинаковых полотнищ (переднее, заднее, два боковых); два сарафана сшиты из шести полотнищ неодинаковой ширины (принадлежали переселенцам из Алтая и семейским). По воспоминаниям забайкальцев, они шили широкие сарафаны, до восьми полос. Семейским принадлежит и сарафан-горбач из музейной коллекции.

Сарафаны из другой части музейной коллекции были сшиты в разное время старообрядками зарубежной приморской диаспоры. Так, те, что были сшиты в 30–40-е гг. XX в. в Маньчжурии, имеют по четыре полотнища. Исключение составляет один, сшитый из семи полотнищ фабричного корейского шелка, ширина которого около 60 см. Круглые сарафаны, сшитые харбинками (приморская

Рис. 1. Женщины в нарядных костюмах: сарафаны с рубахами, фартуки, на головах шамшуры, кокошник, плат. с. Бичура, респ. Бурятия. 1970-е гг. Фото Афанасьевой.

Рис. 2. Головной убор: шамшура, покрытая платком. с. Бичура, Бурятия. Фото Е.Ф. Фурсовой, 1977 г.

Рис. 3. Костюм молодой семейской женщины. д. Большой Куналей, Бурятия.
(Из коллекции С.А. Глебушкина.)

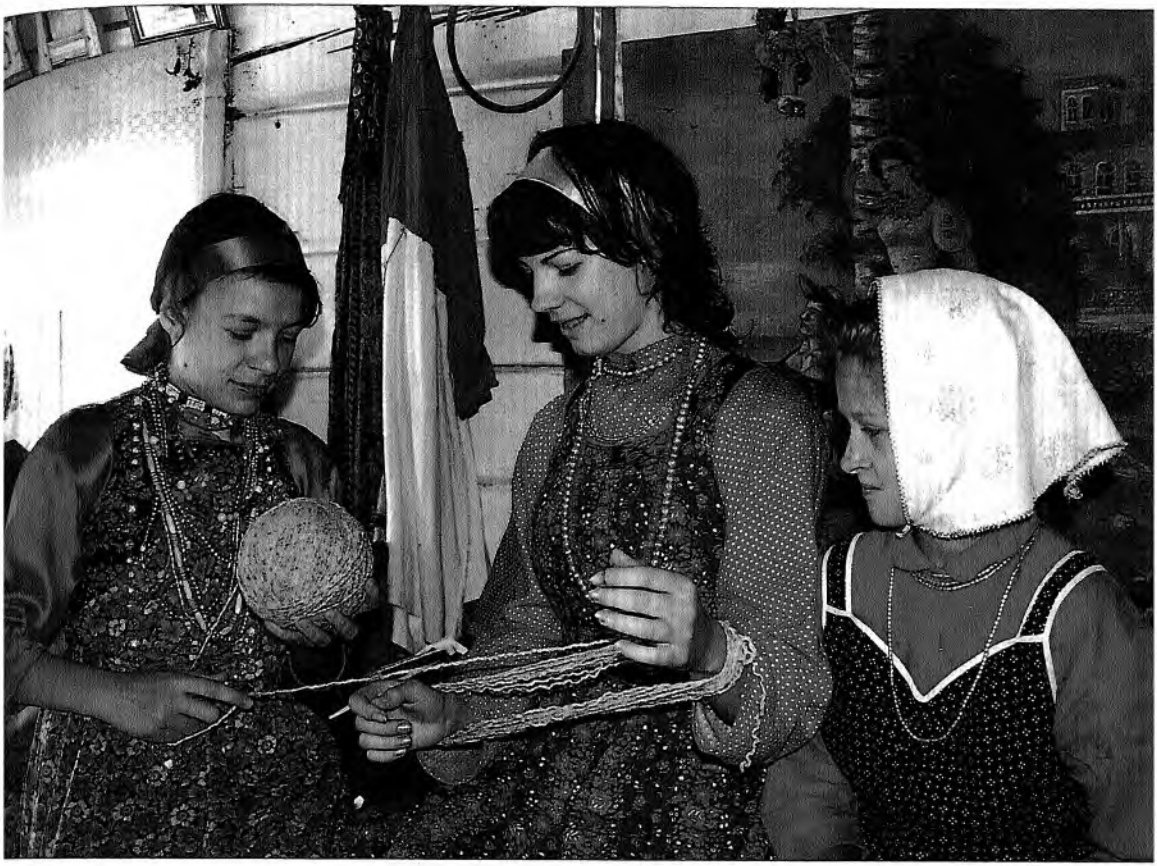


Рис. 4. Девочки за разматыванием пряжи. Фото Е.Ф. Фурсовой, 1977 г.

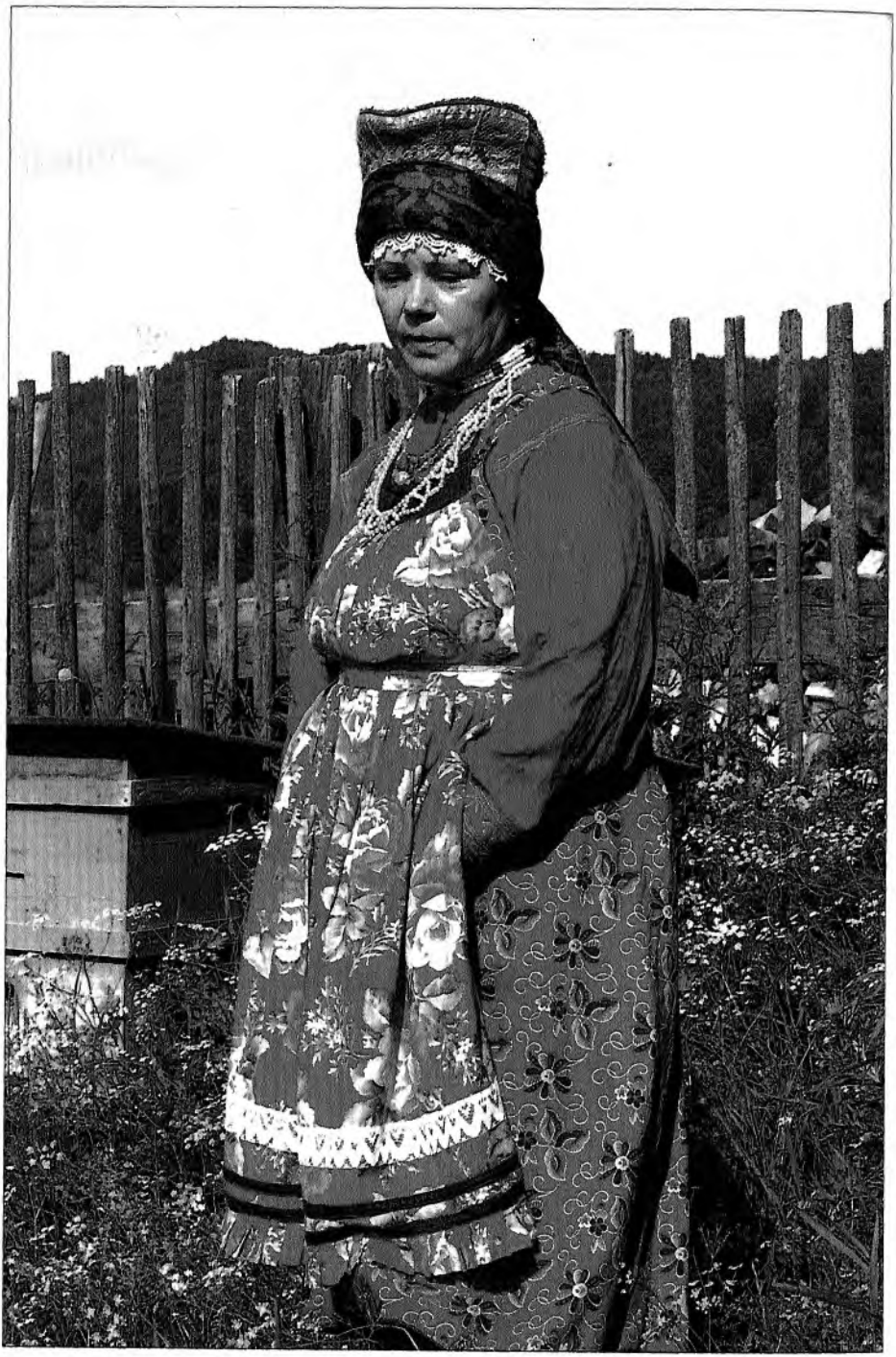


Рис. 5. Женщины в повседневном костюме: сарафан, фартук, кокошник.
Фото Е.Ф. Фурсовой, 1977 г.

Рис. 6. Хоровод в традиционных костюмах. Фото Е.Ф. Фурсовой, 1977 г.

Рис. 1. Рубашка из двух частей с прямыми поликами (вид спереди и сзади).
Фото В.В. Кобко (из фондов ПГМ).

Рис. 2. Сарафаны косоклинные (вид спереди и сзади).
Фото В.В. Кобко (из фондов ПГМ).

Рис. 3. Женщина в традиционной одежде. Фото В.В. Кобко (из фондов ПГМ).

Рис. 4. Прямой сарафан (вид спереди и сзади).
Фото В.В. Кобко (из фондов ПГМ).

Рис. 5. Сарафан-горбач. Фото В.В. Кобко (из фондов ПГМ).

Рис. 6. Платье кашемировое *холодай* (вид спереди и сзади).
Фото В.В. Кобко (из фондов ПГМ).

Рис. 7. Таличка (вид спереди и сзади).
Фото В.В. Кобко (из фондов ПГМ).

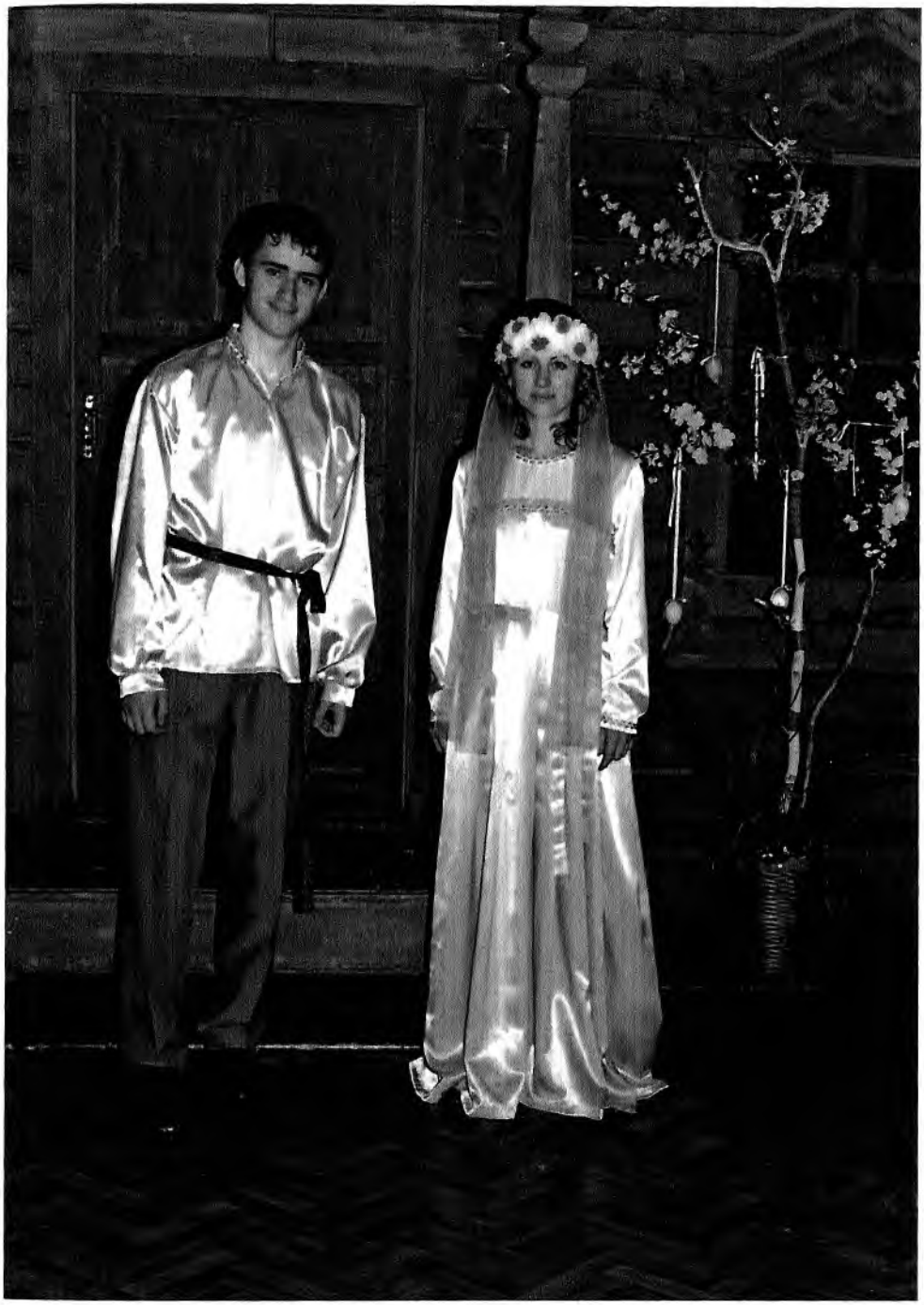


Рис. 8. Современные свадебные костюмы. Фото В.В. Кобко.

Рис. 9. Мужская праздничная рубашка (вид спереди и сзади).
Фото В.В. Кобко (из фондов ПГМ).

Рис. 10. Лосиные штаны для охоты.
Фото В.В. Кобко (из фондов ПГМ).

Рис. 1. Молодая семья. Фото Ю.В. Аргудяевой 2008 г.

Рис. 2. Группа в современной одежде. Фото Ю.В. Аргудяевой 2008 г.

Рис. 3. Женщина в таличке и ребенок в школьной форме.
Фото Ю.В. Аргудяевой 2008 г.

Рис. 4. Группа молодежи: женщины в таличках, мужчины в косоворотках.
Фото Ю.В. Аргудяевой 2008 г.

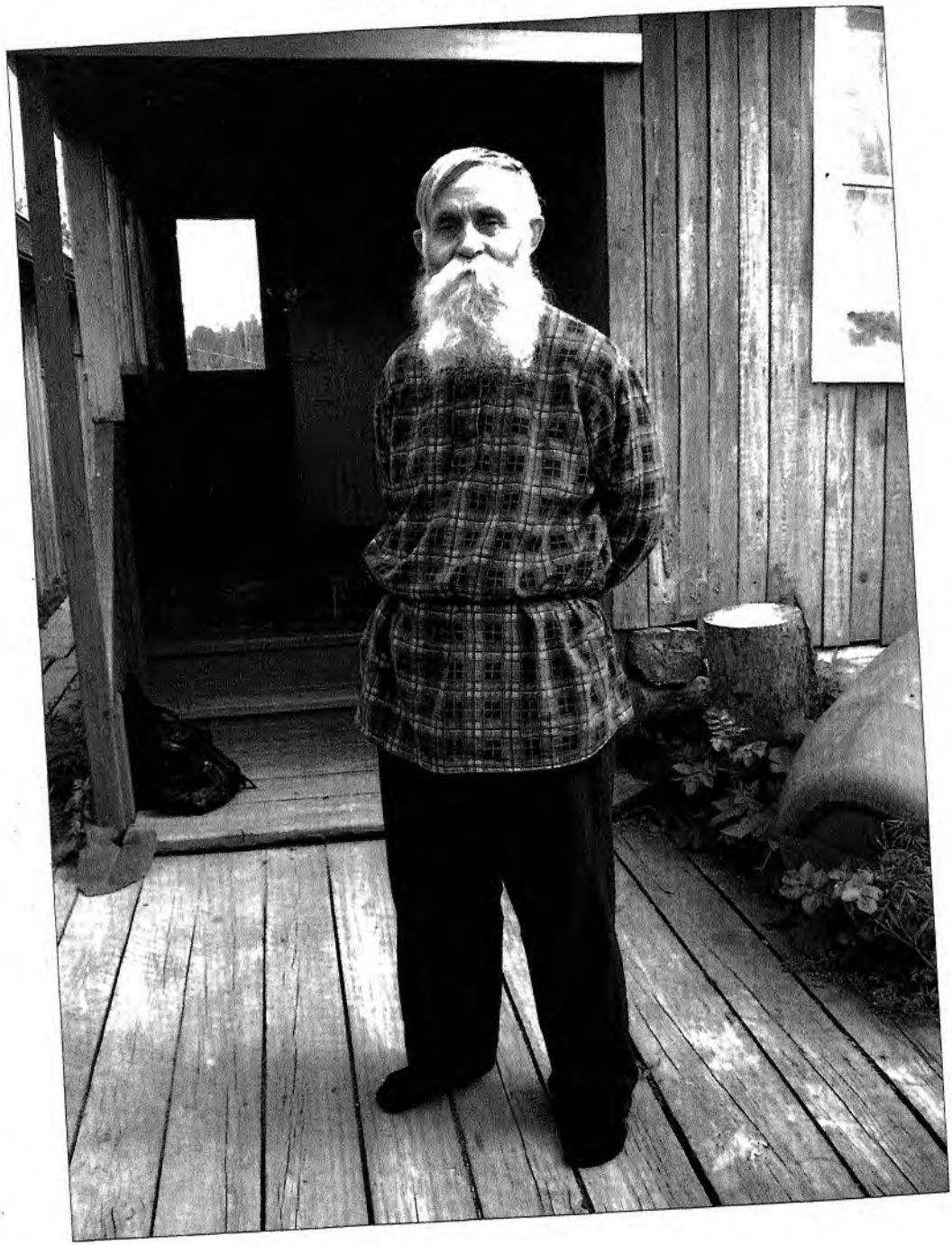


Рис. 5. Мужчина в повседневной одежде. Фото Ю.В. Аргудяевой 2008 г.

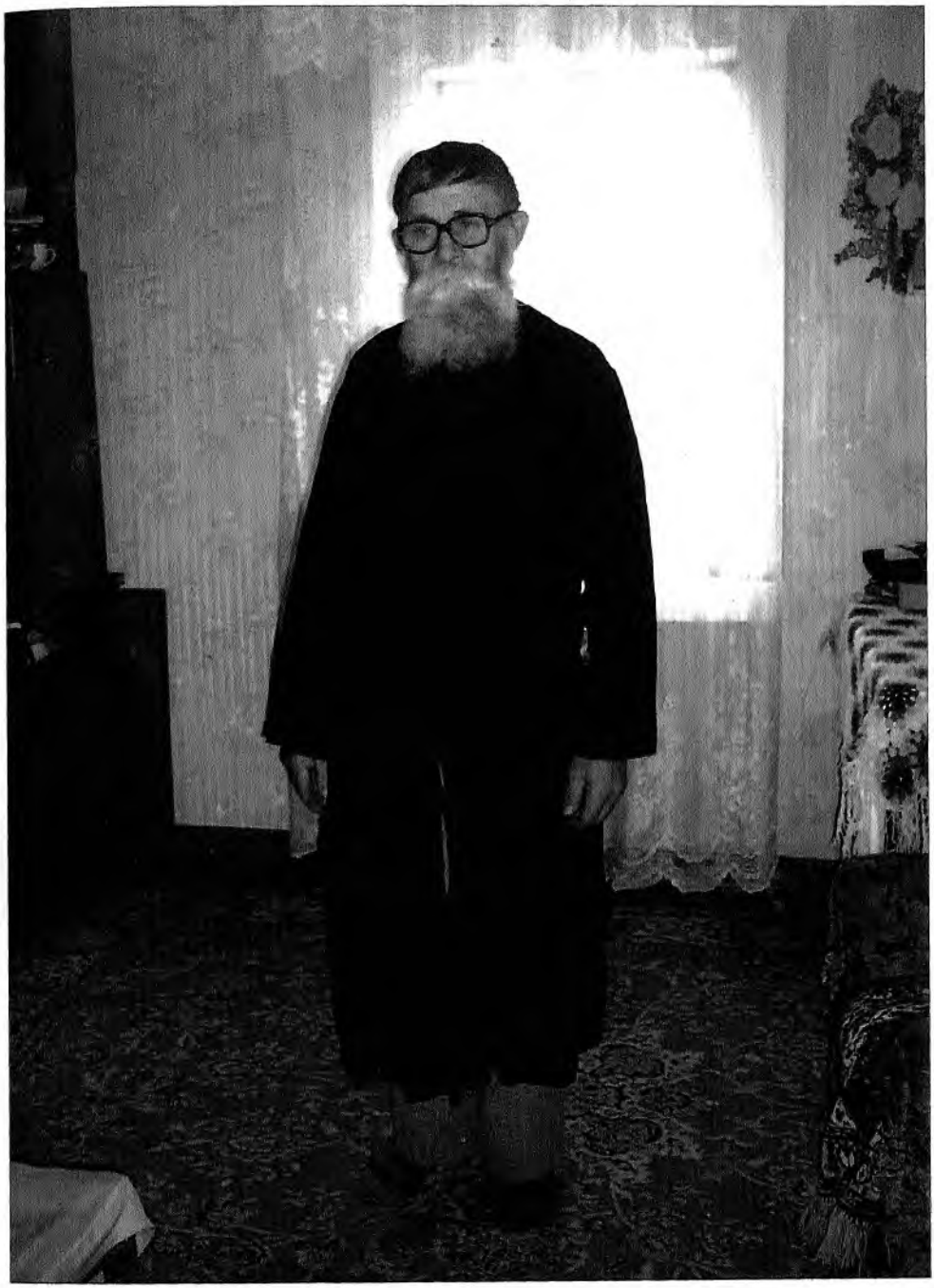


Рис. 6. Мужчина в моленном кафтане. Фото Ю.В. Аргудяевой 2008 г.

Рис. 7. Пожилая женщина в традиционном костюме (сарафанный комплекс) и этнографы в Приамурье. Фото Ю.В. Аргудяевой 2008 г.

Рис. 8. Пожилая женщина в сарафане, рубахе, фартуке и платке, завязаном узлом.
Фото Ю.В. Аргудяевой 2008 г.

Рис. 9. Свадебное фото: женщины в таличке, сарафане и платье. Фото Ю.В. Аргудяевой 2008 г.

Рис. 10. Гости на свадьбе в современной одежде. Фото Ю.В. Аргудяевой 2008 г.

диаспора) в 60–90-е гг. XX в. в США (шт. Аляска, шт. Орегон) и в Австралии, имеют по три полотнища фабричной ткани. Сарафаны синьцзянских старообрядцев сшиты из шести и девяти полотнищ.

Верхняя часть полотнищ круглых сарафанов собиралась в складки (мелкие и более широкие) и закладывалась под *поясок, грудку*. Старожилы Приморья собирали задние полотнища на одну-две нитки, иногда украшали их одним-двумя узкими кантами. Такая же традиция украшения спинки прослеживается в сарафанах, сшитых приморцами еще на территории Китая, а в сарафанах, сшитых харбинцами в США и Австралии, заднее полотнище собиралось уже на пять-шесть ниток, как у синьцзянцев, и украшалось кантами, тесьмой, атласными лентами. Чтобы закрепить боры, женщины пришивают поверх их несколько рядов красивой тесьмы, «вьюнчиков» или кантов.

Способы присоединения лямок сарафанов довольно разнообразны и различаются у переселенцев из разных местностей:

1 — спинка имеет прямоугольную или трапециевидную форму, сшита из двух кусков ткани и выкроена отдельно от лямок. Лямки вшиваются в нее. Такое соединение бытовало в одежде выходцев из Архангельской и Вятской губ.; 2 — лямки выкроены вместе со спинкой. Такой способ крепления пройм нами зафиксирован на территории края у старожильческого населения, переселенцев с Волги, из Томской губ., а также у синьцзянцев; 3 — лямки выкроены каждая по отдельности, соединяются в одну под углом, лишние уголки загибаются, образуя с изнанки равнобедренный треугольник. Линия соединения лямок прострачивается. Этот способ самый распространенный. Он встречается у старожильческого населения края, выходцев из Волго-Вятского региона, Алтая, Урала, а также в сарафанах, сшитыми приморцами этих же регионов в Китае; 4 — лямки сшиваются вместе по краям. Такой вид соединения зафиксирован у харбинцев, переселенцев из Вятской губ., в период проживания их в Китае и в США (шт. Аляска); 5 — лямки перекрещиваются сзади, в месте их соединения с лицевой стороны прошиваются декоративной строчкой. Это наиболее поздний вид соединения, и естественно, что он зафиксирован на всех сарафанах, сшитых харбинцами в США (шт. Орегон), Боливии.

Все сарафаны старожильческого населения Приморья отличает сдержанность цветовой гаммы. Одежда из ярких тканей, по словам информаторов, открыто подвергалась осуждению. «У мамы нашей, — рассказывала М.Г. Пугина, — сарафан был желтого цвета, она его еще из Сибири привезла. Как-то она его дома надела, а Фунтиков (наставник. — *В.К.*) увидел ее и отцу пригрозил: отлучу тебя от собора. Тогда отец маме тоже пригрозил: еще раз наденешь, изрублю его на пороге. Так мама его больше и не одела. Потом отдала его мне и Уле. Уля наволочку сделала,

а я юбку»[34]. Приморские старожильческие сарафаны в очень редких случаях украшались кружевом или каймой по подолу, в противоположность этому — синьцзянские сарафаны имеют широкую оборку, канты, кружево, украшены аппликацией.

Также широко распространен в Приморье и другой тип сарафана — *горбун или горбач*. Его носят, как правило, люди пожилого возраста, молодежь предпочитает круглые. А.А. Комов: «Молодежь носила на лямках, а женщины пожилые — горбачи. Такой сарафан считался предметом моленной одежды.

Одинаково часто встречаются в Приморье сарафаны-горбачи двух типов: с кокеткой — *пелеринкой* и туникообразные.

Зафиксированные нами сарафаны-горбачи с пелеринкой были сшиты пятнадцать-двадцать лет назад, но по старым образцам. Они имели плечевые швы, невысокий воротник-стойку или же были без воротника. Спереди — неглубокий разрез, застегивающийся на ряд пуговиц.

Туникообразные сарафаны-горбачи обычно имели воротники-стойки. Спереди от каждого плеча делали две-три складки, такие же складки закладывались на спинке. Иногда горбачи шили с неровным подолом — как бы с небольшими *хвостами*.

Женщины упоминали также и о горбунах-косоклинниках. «Мама носила горбун косоклинный. А в лямошном ходили молиться. Главное, чтобы он был кошеный», — рассказывала Х.Е. Поварницына. Не следует смешивать настоящие косоклинные сарафаны с кошеными горбунами или круглыми. Такая «косина» достигалась разрезанием сложенных вдвое полотнищ ткани по косой, после чего кромка сшивалась с косиной[35]. Сарафаны-горбачи обоих типов зафиксированы нами у всех групп старообрядцев, но наиболее распространены они были у алтайских переселенцев.

Своеобразной одеждой, которая начала появляться у приморских старообрядок совсем недавно, стали *талички, талики*. Харбинцы и синьцзянцы познакомились с этой одеждой в начале 60-х гг. XX в. в США, куда ее принесли турчане (потомки казаков-некрасовцев, обосновавшихся в Турции). Этот вид одежды проделал длинный путь во времени и пространстве, пока не достиг тихоокеанского побережья России. Их более массовое распространение в Приморье началось в 80-е гг. XX в., когда стала возможна более или менее регулярная связь между старообрядцами-россиянами и их родственниками, волей судьбы оказавшимися за рубежом. По внешнему виду талички кажется, что она состоит из двух предметов одежды — сарафана-горбуна с кокеткой, поясом и рубахи-рукавов, что подчеркивалось также различной фактурой и цветом самих тканей. На самом деле — это комбинированное платье. Удобство талички было залогом ее быстрого распространения среди

зарубежной диаспоры старообрядцев. Девушки и молодые женщины предпочитают такое платье старомодному сарафану. Таличка служит повседневной, праздничной, свадебной одеждой.

Старшее поколение харбинцев и синьцзянцев по-прежнему предпочитают сарафаны, считая их «христианской одеждой», и на молитву в таличке не ходят. Е.М. Фролова, вспоминая о жизни в Маньчжурии, говорит: «Таличек в Романовке не было. Двадцать семь лет назад познакомились с ними в Америке. А они взяли эту моду у турчанов. Не завиняем мы эту одежду, но молиться — в сарафане. Вышитые воротники у кофточек поверх сарафана — тоже не для молитвы»[36]. За время бытования внешний вид талички постоянно менялся: исчезла *фамбора*– оборка по подолу платья, кокетка шилась разными стилями, воротники могли быть не только разного покроя, но вообще отсутствовать, а вырез ворота становился открытым, изменилась даже длина рукавов (короткий, до локтя). Таличка все менее становилась христианской одеждой. Нужен был компромиссный вариант, не вызывающий особых нареканий старшего поколения. И он был найден. Теперь верхнюю часть рубахи-рукавов сшивают с лямочным сарафаном. «У нас так счас стали делать: рубашку, ее пришьют к сарафанчику. Ворот на пуговицу, если без воротника... но опять же говорят, больно полорото...»[37]. Старообрядцы считают, что в такой одежде много удобств: меньше ткани, очень

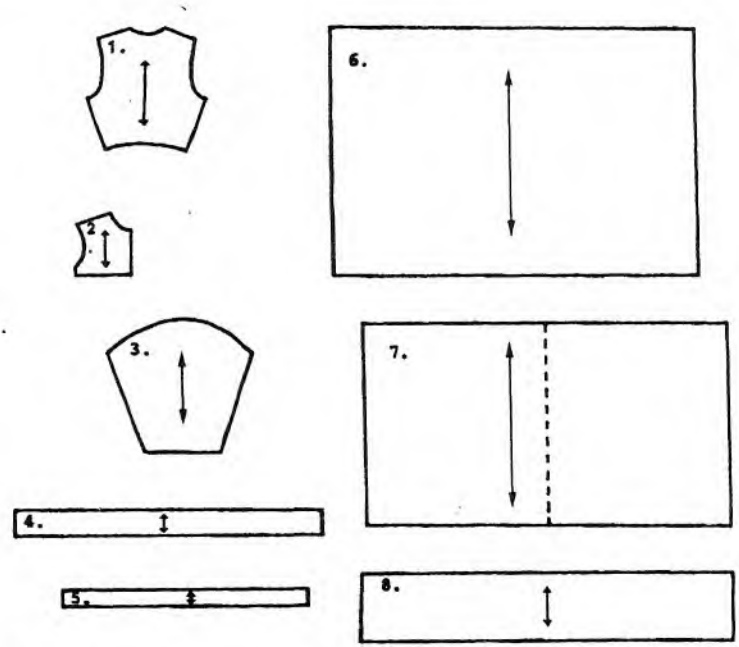


Схема-покрой *талички*.

быстро шьется, нарядно, можно и на моленье надеть, можно и повседневно носить. Однако пожилые люди по-прежнему предпочитают носить сарафан и рубаху, сшитые по отдельности.

Пояс. Обязательным элементом женской и мужской одежды был пояс. Пояса для старообрядцев представляют особую ценность, так как с древнейших времен пояс известен как оберег, и с ним связаны представления славян о непрерывном круге жизни. Крест и пояс надеваются ребенку во время крещения, они сопровождают человека всю его жизнь. Пояс был одним из обязательных подарков жениху. Поясом для новорожденного во время крещения служит, как правило, обычная льняная нить или плетешок из нити — *светиленка*. Не менее важен материал пояса во время обрядов крещения и похорон. Растительное, животное сырье, широко используемое в обрядах, осознавалось как природный материал — символ близости к природе, недаром именно новорожденному и умершему повязывали *светильно*. Символично завязывание и развязывание узлов на поясе. Первое символизировало жизненную силу, крепость. На одежде покойника узлы развязывали.

Цветные пояса использовали для украшения дома. «Мама полотенца вышивала очень красивые, крестом. Повесит их на палочке в простенок, палочку обовьет поясом, и концы с кистями вниз свисают. Это было единственным украшением в доме. У нас под таким полотенцем с поясом иконы висели»[38]. С особым благоговением показывали нам пояса, подаренные родителями как благословение.

В современных общинах часовенных старообрядцев строго соблюдается религиозное правило обязательного ношения пояса, однако повязывают его по-разному. Уральские старообрядки больше привычны обвивать рубаху под сарафаном, выходцы из других регионов предпочитают носить пояс поверх сарафана, сохраняя обычаи предков, существовавшие, по их мнению, испокон веку. Так, старообрядцы-токаревцы считают необходимым соблюдение главного правила: христианин должен быть подпоясан, но если нет традиционного пояса, его может заменить ремень, пояс юбки, платья, брюк.

Мужские и женские пояса различались по ширине, орнаменту. Узким пояском подпоясывали рубаху, сарафан, более широкие, *опояски*, носили поверх зимней верхней одежды. Матерчатые пояса также известны с древнейших времен.

У старообрядцев распространены пояса-именники, пояса с дарственными надписями, нередко весьма обширными. Так, Г.К. Зайцев (переселенцы из Синьцзяна) показал пояс жены, вытканный ею еще в Китае, на кроснах: «Веселие есть юности премудрость, в ней пребывает, не приемлет скудость». Среди других надписей: «Сей пояс ткан на имя многоуважаемому племяннику Ивану Ефимовичу на память тети Глафиры

поздравляю с праздником Хр(истовым)»; «Сей пояс следует носить, не терять тому, кто мил сердцу моему»; «Сей пояс следует носить Марфе Федотовне госпоже Сотниковой»; «Крест хранитель всей Вселенной, крест красота Церковная, крест верным утверждение, крест царям держава, крест ангелам слава, крест бесам язва. Носить АГ СЕ».

В Приморье ткали пояса на «дощечках», на «карточках», на «топках» и на «ниченках». Основывают нитки обычно на длинной лавке. В прежние времена для изготовления поясов использовали гарусные нитки. Этими тонкими нитками можно было выткать любые тончайшие узоры и надписи. «Карточки» или «дощечки» изготавливали из очень плотного картона или дерева. От их количества зависела ширина пояса. Плетение «на ниченках» являлось прототипом тканья на стане. Основанные нити прикрепляли к стене, другой конец закрепляли на поясе ткачихи. Для тканья необходим «навой» — круглая деревянная палочка, на которую наматываются нити, одна сверху, другая снизу. «Ниченки» представляют собой две металлические или деревянные палочки с двумя рядами нитяных петель, продетых одна в другую. Для прибивания нитей необходимо трепало, похожее на небольшой деревянный нож. Нити на поясе крепятся с помощью деревянных рогулек.

Немалую часть в коллекции составляют пояса, изготовленные приморскими старообрядками, живущими сегодня в Америке, Австралии, Боливии, и синьцзянскими старообрядками. Эти две группы поясов различаются, прежде всего, по колористическому решению. Яркие краски харбинских, синьцзянских поясов режут глаз. Излюбленные сочетания цветов: ярко-розовый с ярко-зеленым, ярко-желтый с красным и т.д. Цветовая гамма старожильческих приморских поясов приглушенных, мягких тонов. Отчасти это можно объяснить скудным ассортиментом ниток в советской торговле в это время, но скорее всего, такое цветовое решение поясов и костюма в целом является местной особенностью. Орнамент приморских поясов исключительно геометрический, симметричный, повторяющийся: линейный, крестовый, ромб с крючками и т.д.

Передники. Передник входил в состав повседневного и праздничного женского костюма, но исключался из моленного. В конце XX в. в Приморском крае бытовало три типа передников: запон с грудкой, фартук-нагрудник и фартук на поясе. Судя по воспоминаниям старообрядцев, в прежние времена покрой их был разнообразнее. Так, туникообразный *передник-запон,* сохранился лишь в воспоминаниях старообрядцев, переселившихся от Волги. Х.А. Давыдова (Приморский край, с. Единка): «Детьми мы носили накидной запон». М.С. Суковатицына (Приморский край, с. Перетычиха): «Фартук носили — перекидной запон, без рукавов»[39].

Редкий для Приморья покрой — *передник-нарукавник* — привезли поздние переселенцы — небольшая группа синьцзянских старообрядцев, выходцев из юго-западных районов Алтая (р. Бухтарма, Уймон). Передник имел туникообразную кокетку с вырезанным отверстием для головы. Широкий подол, заложенный в мелкие складки, пришит спереди к кокетке, стыковочный шов пелеринки и подола закрыт пояском, украшенным вышивкой и кантами. Переднее полотнище заходит на спинку, оставляя большую ее часть открытой. Прямые рукава вшиты в образовавшиеся проймы, головка рукава собрана в мелкие складки. Нижняя, сосборенная, часть обшита сверху двумя широкими шелковыми кантами — имитациями манжет. По подолу — широкая оборка. Короткая спинка, по мнению Е.Ф. Фурсовой[40], имела функциональное значение, поскольку такие передники предназначены для беременных женщин. Такой крой обеспечивал максимально свободную форму. Наша полевая информация полностью подтверждает сведения Е.Ф. Фурсовой. Е.С. Ошлакова (синьцзянские старообрядцы), Х.Е. Поварницына (переселенцы из Пермской губ.) вспоминали, что такие «нарукавники» носили как праздничную одежду молодые беременные женщины[41].

У алтайских старообрядцев (п. Белый Ануй) сохранились воспоминания о ношении на родине передников с лямками. «Нарукавники носили бухтарминцы, а мы — рубаху-рукава *с лямками*»[42]. Этот же тип передника в виде короткого сарафана с лямками известен переселенцам из Поволжья, Пермской губ. «Мы девками носили такие фартуки, на плече с крылышками-уборками, без рукавин. Не перекидной. У него был вырез для головы полукруглый, на лямках — уборки (оборки), спереди прямой. Мы их тоже называли нарукавником»[43].

Передники с отрезной верхней частью — *запон с грудкой (нагрудкой)*, распространены среди старообрядцев волжского и урало-сибирского происхождения. К.К. Пугина, переселенка из Томской губ. с. Корчино: «У нас носили фартуки — передник и запон с нагрудкой. Девушки фартуков не носили»[44]. Грудка в таких передниках в верхней части украшалась полосами кружева.

Поясные фартуки, как поздний тип, в немалой степени испытавший влияние городской моды, в Приморье сохраняют название запон. А вот для старообрядцев-переселенцев с Украины из Житомирской губ. такой вид фартуков является традиционным. Он продолжает присутствовать у людей старшего поколения даже среди городского населения.

Самым распространенным видом передников в период от начала XX в. по 60-е гг. XX в. (и у старожильческого населения Приморья, и у приморской диаспоры) был запон с грудкой. Можно отметить особенность приморских передников — особое оформление верхнего края грудки: он обязательно закладывался в мелкие складки, кото-

рые укреплялись оторочкой, переходящей в шейные завязки. У более ранних передников подол подшивался широкой полосой другой ткани, т.е. сохранялась традиция обработки подолов сарафанов, платьев. Украшением праздничных передников были узкие канты или поперечные неглубокие складочки. Праздничные запоны, сшитые из белой ткани, украшали вышивкой: растительные, зооморфные мотивы, вышитые крестиком или гладью. Накладные карманы начали появляться, видимо, позднее, уже в китайский период жизни приморской диаспоры.

Головные уборы. Полевые материалы показывают, что на территории Приморского края сохранились только поздние виды женских головных уборов. Женские и девичьи головные уборы отличаются друг от друга соответственно народной традиции. До сих пор сохраняется вера в магическую силу женских волос. Некоторые пожилые старообрядки рассказывали о том, что, расчесываясь, женщина не может бросать свои волосы, даже сжигать в огне не позволяется. Очески собирают всю жизнь. После смерти женщины ее волосами набивают подушку и кладут в гроб или в могилу[45].

По рассказам старообрядцев-переселенцев из различных регионов России, девушки обычно заплетали косу из трех прядей волос, укладывая каждую снизу наверх, вплетая цветную ленту. О каких-то специальных девичьих головных уборах нам долгое время не удавалось записать никакой информации, так как их уже не носили. Лишь одна пожилая женщина И.И. Кочева (переселенка из Пермской губ.), не выходившая замуж, показала нам девичий головной убор — повязку. Ирина Иосифовна рассказала нам, что девушке было положено носить такой головной убор до замужества. *Девственник* (так называют его уральцы и сибиряки) представлял собой широкую ленту из синего бархата с подкладом. Повязка охватывала голову и спускалась с затылка тремя широкими лентами (две — на грудь, одна — на спину). Ленты украшены парчовой каймой и тесьмой с позументом[46]. Подобные головные уборы были известны в севернорусских губерниях — Архангельской, Вологодской, Олонецкой. Хоронили девушек в девственниках или в платках.

Женские головные уборы были весьма разнообразны. Наиболее распространен в Приморье поздний вид головных уборов, сшитых в виде шапочек-повойников, облегающих голову, которые переселенцы из Алтая, Забайкалья называют *сашмуры, шашмуры, чечмуры*, переселенцы из Уфимской, Пермской губ. — *волосники, чехлы или чехлики, чепчики*. Так, переселенка из Сибири А.М. Савина вспоминала: «Как шашмуру одели, когда брачили, так все и ношу не снимая, без нее как голая»[47]. Е.А. Сальникова (переселенцы из Уфимской губ.) объяснила: «Мама носила на косах, заплетенных и уложенных короной — чехол, чехлик, а у меня нет, я

не браченная, не венчанная. Первый раз сама замуж выходила, никого не спрашивала, а во второй только мама благословила, вот и хожу простоволосая»[48]. Переселенцы из Житомирской губ. называют такие головные уборы *чепцами*. П.К. Черняева: «Мама и свекровь еще носили чепец, мы уже нет. По дому носили чепец и платок. Платок завязываем так: сначала один платок завязываем назад, сверху другой под подбородок»[49].

Такие головные уборы широко бытовали в Вятской, Пермской губ. Сашмуры шили из мягкой ткани — ситца, штапеля, праздничные — из шелка. По крою, они состояли из двух частей: налобника, прямоугольного куска ткани, сложенного вдвое или на подкладе, иногда простеганного, и донышка, овальной или трапециевидной формы. Донышко обшивалось с трех сторон налобником и присбаривалось. В лобную часть головного убора вшивается *рубечик*, валик из материи, или только ниточки, льняные или суровые. Христинья Ермиловна Поварницына особо отмечала важность вшивания нитей: «Хоть три ниточки, но нужно вшить. Когда брачат, у тебя обязательно спрашивают, вшиты ли нити?»[50]. О том, как было принято носить сашмуры, вспоминает М.А. Зинюхин: «Сашмуры носят сейчас женщины, но не так, как у нас носили. Щас-то они как-то на верхушке носят совсем, а у нас женшины волос чуть-чуть оставляли. Ну, молодые женшины, че не показать красивые волосы? Но всегда на прямой ряд и гладко причесанные. Коровьим маслом ишо мазали. Девки идут, коровами пахнут»[51].

Повседневно по дому носили сашмуру и сверху платок, завязанный сзади. Для молений должно быть три покрова. Как объясняли нам старообрядки, поэтому поверх сашмуры и платка голову покрывали еще одним большим платком, не завязывая его. У алтайских, уральских старообрядок платок повязывали «на роспуск»: подгибалась одна сторона платка, надевалась на голову и закалывалась булавкой. У алтайских старообрядок (токаревцы, поморское согласие) платок складывали на угол и закалывали также булавкой под подбородком[52].

О редком виде женских головных уборов рассказала нам переселенка из Уфимской губ. Е.К. Стулова: «У мамы был такой волосник, с дырочкой на голове, который затягивался веревочкой. Я такого ни у кого здесь не видела»[53]. Возможно, такой головной убор относится к сашмурообразным. Он бытовал в прошлом в Западной Сибири, где долго сохранялся в комплексе погребальных головных уборов Прибердья, Причумышья на Алтае[54]. По мнению Х.Е. Поварницыной, такие головные уборы носят вдовы. «Волосники с дыркой вдовы носили. Мама как овдовела, пошила себе такой. Донышко не пришивают, а стягивают лоскут с двух сторон».[55] О таком же виде головных уборов, которые носили их бабушки, вспоминают и жители США (шт. Орегон), переселенцы из Китая провинции Западный Синьцзян.

О сложном головном уборе с кокошником припомнила только К.К. Плешкова, переселенка из Южного Урала: «Мама на праздники носила волосник, кокошник и платок»[56].

Кичкообразные сложные головные уборы с твердой основой характерны для великорусов. Такой головной убор состоял из нескольких частей: собственно кички, позатыльника, налобника и большого платка. Одну из таких кичек подарила музею Лилиана Михайловна Островская (семейские старообрядцы). Кичка принадлежала ее маме, Федосье Ивановне Спиридоновой. Кичка сшита в виде шапочки из ситцевой ткани. Передняя часть с высоким твердым гребнем копытообразной формы, сшита из простеганного холста и обтянута таким же ситцем, из которого сшита шапочка. По мнению Н.И. Лебедевой, кички такой формы представляли позднейшую модификацию рогатых кичек[57]. По рассказам Л.М. Островской, сзади на кичку надевали позатыльник в виде узких полосок 24 × 10 см, расшитых золотными нитями. Он крепился на головном уборе с помощью завязок. По нижнему краю пришивали поднизь из цветного бисера. Подобные позатыльники характерны для севернорусских губерний[58]. По краю кички спереди пришивали узкую полоску — *поляску*, обычно расшитую цветным бисером. Платок надевался непосредственно на саму кичку, два конца перекрещивались на очелье, завязывались сзади, третий конец спускался на плечи. Подобные головные уборы в Приморье известны только забайкальским семейским и по воспоминаниям переселенцев из Алтая (п. Белый Ануй): «Кичку носили бухтарминские с шалями, концы перевиты на лбу и прячут их на затылке, сзади конец платка закрывает плечи, называется хлыст[59].

Украшения. Об украшениях старообрядок сведений сохранилось чрезвычайно мало, как и самих предметов. «Украшения носить грех, не по-христиански. Только кольца». Большинство наших собеседников вспоминало лишь о наличии обручальных колец. Изготавливались они из различного металла, но чаще из серебра, серебряных двадцатикопеечных монет. В Приморье в районе р. Халазы были месторождения рассыпного золота. «В двенадцати верстах отсюда (от х. Халаза. — *В.К.*) была даже деревня Золотой прийск. Наводнением ее смыло... Многие здесь золото мыли...»[60]. Поэтому в крестьянских семьях в этих местах нередки были обручальные золотые кольца. В.И. Деминов рассказывал, что кольца многие делали сами или заказывали. Ему, как кузнецу, часто приходилось выполнять такие заказы. Изготавливал он их способом выколотки. Такое кольцо и для жены своей из золота сделал.

Единственным украшением женской одежды были ажурные воротники, широко бытовавшие у старообрядок Приморья вплоть до 30-х гг. XX в. Забайкальские семейские и выходцы с Алтая (п. Белый

Ануй) называли такие воротники *ряска, монисто*. М.М. Бессонова вспоминала: «Много бус носили молодые, жемчуг мелкий черный, много ниток, сережки. Из жемчуга низали воротники-ряски, на позатыльник нашивали... Пожилые украшений не одевали»; А.Т. Николаева (забайкальские семейские): «Мама говорила, что у нее раньше много бус было, монисто называлось, они из мелкого бисера были». Особая любовь семейских к украшениям не однажды отмечалась многими информаторами: «Семейские бабы все в бусах и сапогах...»[61]. Выходцы из Волго-Вятского региона такие воротники называли *перединками*. Е.Р. Шишкова: «На груди у женщин бисерный воротник, называли его перединкой».[62] По мнению исследователей, подобные нагрудные украшения свидетельствуют о наличии в культуре старообрядцев Приморья южнорусских черт[63].

С начала XX в. традиционный костюм начал быстро изменяться Сарафанный комплекс некоторое время продолжал бытовать не только в качестве праздничной и обрядовой одежды, но и повседневной. Носили сарафаны преимущественно уже только с поликовыми рубахами. Выбор типа сарафана определялся, прежде всего, региональной принадлежностью старообрядцев. Быстрее всего вышли из употребления косоклинные сарафаны. В качестве домашней одежды юбки и кофты наряду с сарафаном носили переселенцы с Украины[64]. Только у них сохраняется название нижней юбки спидница, характерное для украинского населения.

Край развивался стремительно. Быстро утверждались в быту юбки и кофты, сшитые из одинакового, контрастного или сочетающегося по цвету материала, которые стали называть *парочкой*. Эта городская одежда по причине относительной дешевизны, практичности, удобства распространилась вначале среди городского, а затем и сельского населения. По новой моде кофты шили прямого или чуть расширенного книзу кроя, с длинным втачным рукавом и воротником-стойкой. Короткие кофты какое-то время носили, надевая поверх сарафана, но такой вариант все же был быстро вытеснен более практичными парочками. В.И. Деминов вспоминал, что его мама в 30-х гг. XX в. в с. Усть-Соболевка носила юбку с кофтой. «Кофта поверх юбки, украшена складочками, воротник-стойка, а по центру мелкие пуговицы»[65].

Одной из первых перемен в женских рубахах и кофтах стал воротник: его все чаще шили отложным. «Раньше рубахи не шили с отложным воротником, грех было! Отец, если видел на нас такую рубаху, сильно ругался на маму: «Ты чего нашила? Хочешь, чтобы Фунтиков от собора отлучил?», — вспоминала М.Е. Деминова[66]. Запреты мало помогали, и единственное, что примиряло стариков с новомодными парочками, так это длинные рукава, воротник-стойка. Еще одним новшеством стало

быстрое распространение юбки. Молодые девушки, женщины из крестьянских, зажиточных семей, живущих в городе, ни за что не хотели носить сарафаны. Юбки шили из самодельного сукна, шерсти. «Мама носила юбки суконные и шерстяные с уборкой[67]

Платье гораздо дольше завоевывало жизненное пространство в старообрядческой среде. Вытеснение традиционной одежды в старообрядческих общинах происходило с разной скоростью. «В 1936 г., — вспоминает Х.Е. Поварницына, — тятя сам купил мне платье в татьянку»[68]. Старинная одежда, состоящая из сарафана и рубахи, стала со временем знаком, маркирующим конфессиональную старообрядческую группу, поэтому ношение такого костюма стало опасным. «Когда я стала носить городскую одежду, отец (настоятель общины) уже не возражал, — вспоминала А.Т. Николаева (жительница с. Красный Яр), — Он не хотел, чтобы нас замечали как староверов. Единственное просил, чтоб рукава длинные были»[69].

В Китае, где старообрядцы долгое время жили компактно и более или менее изолированно, традиционная одежда сохранялась дольше. По рассказам Т.М. Выходцевой, репатриантки из Западного Синьцзяна, «платья в 50-х гг. в моду только начинали входить. Я тайно сговорилась со старшей замужней сестрой и сшила себе платье длинное, рукава длинные, ворот глухой. Так хотелось показать его подружкам. Как старухи отмолятся, молодые гулять шли. Я платье тайно одену в сарае и иду гулять. Темно было, не видно... Ничего! Зато в платье. Кто-то, видно, сказал старикам, что я ношу платье „антихристское". Матери молиться со всеми не разрешили и епитимью наложили суровую»[70]. Фотографии китайского периода жизни приморцев ярко иллюстрируют степень сохранности традиционной одежды до начала 60-х гг. XX в. У старшего и младшего поколения продолжал сохраняться традиционный комплекс одежды — круглый сарафан, рубаха, запон. Неженатая молодежь и молодые семейные пары носили как традиционную одежду, так и кофты поверх сарафанов. Единственным, пожалуй, новшеством в нарядной одежде можно считать шерстяные фабричной вязки кофты, надеваемые поверх рубахи или кофты с отложным воротником.

Мужская одежда. Как известно, мужская одежда сохраняется гораздо хуже женской. О старинных мужских рубахах удержались воспоминания лишь у пожилых старообрядцев. Х.А. Давыдова (с. Единка): «Штаны мужчины носили изо льна. Дед Григорий рассказывал, что жениться пошел, так и штаны надел, а так рубаху длинную носил»[71].

Материалом для мужских рабочих рубах была домотканина, льняная, конопляная. В зажиточных семьях этот материал быстро вышел из употребления. Самым распространенным материалом стал фабрич-

ный ситец, сатин, кашемир. Из домашнего сукна шили мужские рубахи без воротников и носили зимой. К.Т. Коробейникова (с. Красный Яр): «У отца кашемировые рубахи были, линяли очень. Женщины их стирали в кислом молоке»[72]. Еще до начала 30-х гг. XX в. в Приморье (это практиковалось в России повсеместно) мужские рубахи шили с подоплекой-подкладом в верхней части рубахи, которая предохраняла ее от быстрого изнашивания.

Наиболее архаичным кроем мужской одежды считается *туникообразный*. Такой крой нами зафиксирован только в погребальной одежде переселенцев из Западного Синьцзяна (выходцев из юго-западной части Алтая). Рубаха была сшита из цельного перегнутого по плечам полотнища (домотканое полотно), без боковых клиньев. Вырез ворота — круглый, без воротника, с небольшой прорезью. Рукава прямые, без ластовиц.

В музейной коллекции есть еще одна туникообразная рубаха из семьи старообрядцев Кайгородовых-Спиридоновых, жителей с. Красный Яр и г. Владивостока, забайкальских семейских. Она была сшита в начале XX в. из шелковой кремовой ткани фабричного производства. К центральному полотнищу пришиты четыре кошеных бочка: по два спереди и сзади. Кошеные рукава вшиты в образовавшиеся отверстия. Рукава без манжет. Воротник-стойка с косым левым разрезом, с вышитым *приполком*.

Появление фабричной ткани большой ширины способствовало быстрой унификации кроя одежды. Самым распространенным у приморских старообрядцев был поздний тип мужской рубахи — *с плечевыми швами*, воротником-стойкой и застежкой на левую сторону. Такой тип бытовал у старообрядцев всех регионов: Алтая, Забайкалья, Сибири, Урала. Судя по рассказам старообрядцев, по старым фотографиям, праздничные, свадебные рубахи украшали вышивкой. Располагали вышивку на воротнике-стойке, приполке, нахлестке, облагах и по подолу. Орнамент растительный: цветы, листья, виноградные гроздья. Нитки традиционно черного и красного цветов. Чаще всего вышивали мелким крестиком.

Такой тип рубах сохранялся у старообрядцев и в Китае (приморская диаспора) до 60-х гг. XX в. Единственным новшеством в повседневных рубахах стали накладные нагрудные карманы с клапанами в сочетании с отложным воротником, тогда как в одежде старожильческого населения других групп они не встречались.

С начала XX в. в зажиточных семьях приморских старообрядцев в качестве праздничной мужской одежды быстро стали входить в моду *пиджаки*. Это вызывало обеспокоенность старшего поколения, появилась на этот счет даже особая статья в Бикинских соборных уложениях:

«Пинжаки и сапоги со скрипом... не носить, а носить обычную христианскую одежду»[73]. Однако это не останавливало молодежь. Поначалу новую одежду шили из сукна домашней работы, позднее из фабричного. К.Ф. Рыжакова: «На свадьбу муж был в суконном пиджаке, покупном. А вообще сами били сукно». В конце 50-х гг. XX в. у приморских старообрядцев в Китае пиджаки стали очень распространены в качестве праздничной одежды.

Обычной набедренной мужской одеждой были *штаны* из льняного холста, белого или крашеного. К началу XX в. такая одежда сохранялась в старообрядческих семьях в основном как рабочая. Зажиточные семьи покупали фабричную ткань. Говорить о региональных особенностях кроя мужской поясной одежды не приходится, поскольку образцов ее не сохранилось. Единственный экземпляр штанов из холста был выявлен в комплексе погребальной одежды у синьцзянских старообрядцев. Они рассказывали также о бытовавших у них на родине холщовых штанов — *чембар*. К. Зайцев (родился в Восточном Казахстане, с. Погуляйка): «Штаны холшовые — чембары. Одеваешь их, потом сапоги. Гачи заворачивашь до колена, подвязкой перетягашь вместе с голенищем обуток. Вверху „гасник", веревка по-вашему»[74]. Недавно появился в музейной коллекции образец мужских охотничьих штанов из кожи изюбря — *лосинки*. Штанины скроены из двух прямых кусков кожи, соединенных небольшими клиньями-вставками.

Головные уборы. Основным летним, сезонным мужским головным убором остается традиционная шляпа. Материалом для ее изготовления служила овечья шерсть, которую сами катали на болванку. Летом носили «самошитые» холщовые шляпы. Довольно быстро в Приморье вошли в обиход покупные шляпы. *Картуз*, по мнению исследователей, вошел в состав русского костюма в первой половине XIX в. Особенно широко он был известен в губерниях центральной части Европейской России. В середине XIX в. он бытовал уже в уральских и сибирских губерниях России[75]. Старообрядцы-переселенцы из Житомирской губ. считают этот вид головных уборов традиционным для себя. А.А. Готовская (с. Ивановичи): «Наши мужчины носили на голове картуз»; П.К. Черняева: «У нас мужчины ходили в фуражках, и в старые времена тоже»[76]. Приморские старожилы-старообрядцы долго сопротивлялись новой моде. Запрет на ношение такой одежды специально оговаривался в соборных уложениях: «...кепки и картузы не носить...»[77]. Так, семье Деминовых, приехавшей по столыпинскому переселению в с. Кхуцин, не разрешили там остаться только по той причине, что мужчины приехали в картузах.

Традиционной и христианской одеждой считалась зимняя шапка-папаха, сшитая из овчины или шкур диких коз: «Мама рассказывала,

в Сибири еще папахи были, а здесь уже больше шапки-ушанки»; А.А. Комов: «Шапки носили из мерлушки, типа „папахи", без ушей, книзу расширенная». К.К. Плешкова: «Зимой мужики носили шапки из яманов-горалов в форме папахи»[78]. *Шапке-ушанке (треуху),* как нехристианской и греховной одежде, пришлось перенести немало гонений, прежде чем занять крепкие позиции у старообрядцев на Дальнем Востоке. Такие качества как удобство, простота изготовления решили исход спора в пользу шапок. Их делали целиком из меха, но чаще тулью шапки делали из сукна. О том, какие головные уборы носили приморцы в Китае, вспоминал Н.И. Селетков: «Шапки китайские готовые покупали. А так фабричную одежду носить можно было. Но шапки и сами шили, с козырьком. Из овечки, дикой козы. А из собачьего меха, барсука нельзя. Мама моя все шила. Из козьих шкур выделывали шкуру наподобие жамши»; «Шапки шили кубанки с кожаным или суконным верхом или круглые»[79].

Верхняя одежда. Верхняя одежда защищает человека от воздействия внешней среды: ветра, холода. Ее надевали поверх домашней при выходе на улицу. Известно, что верхняя женская и мужская одежда различались, не кроем, а некоторыми деталями или украшениями.

Особым разнообразием верхняя одежда приморских старообрядцев не отличалась. Информаторами были названы следующие: *шуба, полушубок, тулуп, зипун, шабур, пониток, доха.* За время полевой работы мы неоднократно замечали, что зачастую региональные названия одного и того же вида одежды не совпадали. Х.Е. Поварницына (выходцы из Пермской губ.) рассказала: «Иногда до того доходило, что совсем не понимали, о чем речь. Знакомая наша из Кошкаровых, из Сибири, ночевала раз в доме сестры моей. Ночью-то ей холодно стало. Она кричит: „Закройте меня лопотиной" (общее название одежды, распространенное на Алтае, в Сибири. — *В.К.*). Муж сестры ничего не поймет, будит жену: „Галя, проснись, чем ее закрыть-то, она просит?"[80]. М.Е. Деминова (переселенцы из Енисейской губ.) вспоминала: «У нас жили в селе Мокроусовы (более раннее место выхода Мокроусовых — Самарская губ.), всё не так, как мы называли. Чай по-ихнему шабаган. Мы — шабур, а они говорят: Надевай зипун. А они такие же, как наши шабуры. Вот и пойми их. Да-а. Это уж, какой у кого обычай был, так и называли»[81]. Шабур, зипун, пониток как верхняя одежда были известны и использовались выходцами из всех регионов России.

Шабур в качестве мужской и женской верхней одежды бытовал в Приморье у переселенцев с Урала, из Енисейской и Томской губ. Материалом для их изготовления служила *пониточина* (основная нитка — холщовая, уточная — шерстяная), а также сукно. «Кто побогаче, суконные шабуры носил, кто победнее — из понитчины». О шабурах из

холщовой ткани упоминает М.Е. Пугина (более раннее место выхода семьи Пугиных — Урал, Невьянский завод). По ее воспоминаниям, шабур преимущественно использовался как сезонная одежда, весенне-осеннего периодов, а также летом. Крой шабура был халатообразный, распашной, прямой, длина до колена. Рукав втачной. Без воротника или с небольшой стойкой. Застежка на пуговицах. Пуговицы делали из небольших деревянных палочек[82]. Для осени шабуры шили на подкладке из оческов льна. Использовали шабуры в качестве повседневной и рабочей одежды[83].

Пониток имел аналогичный халатообразный распашной крой. Шили его разной длины, до колен или более коротким, «как пинжак». Рукав втачной. Известны варианты без воротника и с воротником-стойкой. «Короткие понитки, как пинжаки с пуговицами, а то еще без пуговиц, запахиваться надо, а сверху опояской подвязываться. Опоясок — широкий пять-семь сантиметров. Это мужчины так носили»[84]. Основным материалом для изготовления понитка выходцы из сибирского региона называли сукно и понитчину.

Зипун в качестве зимней одежды носили мужчины-переселенцы из урало-сибирского региона. Алтайские переселенцы из Барнаульского и Бийского уу. говорили, что зипуны использовались мужчинами как рабочая одежда и изготавливались из толстого сукна. Уральские же переселенцы рассказывали, что изготавливали их из полусуконной ткани, одна нитка холщовая, другая шерстяная. «Мы звали такую одежду зипун, а другие — пониток, понитчина, — недоумевают уральские переселенцы. Крой, по свидетельству информаторов, преимущественно был кафтанообразный, отрезной по талии, «бореный спереди и сзади», рукава втачные, длина до колен и ниже. Без воротника, с воротником-стойкой и даже с отложным воротником[85]. В музейной коллекции есть поздний вариант женского зипуна, сшитого из плотной стеганой хлопчатобумажной ткани с наполнителем из льняной кудели и ваты. Стеганая часть покрыта сверху черной диагональю. Крой халатообразный, распашной, с застежкой по центру на пуговицы, рукава втачные, узкий отложной воротник. Хозяйка пояснила, что зипун был сшит ее мамой в начале 30-х гг. XX в. В это время только начали появляться у старообрядцев отложные воротники, и зипун у мамы был таким первым в селе. Подобную одежду называли еще и *пальтушка*[86].

Не менее распространенной зимней одеждой в самое холодное время года были *шуба* и *полушубок*, носившиеся как мужчинами, так и женщинами. Вспоминает К.К. Пугина (переселенцы из Томской губ.): «У нас все дубленки носили, наших барнаульских узнавали по этим шубам. Когда ехали сюда, во Владивостоке мужчина подошел из земляков, по шубам нас узнал»[87]. По рассказам Ксении Калистратовны, шубы

на ее родине и в Приморье алтайцы носили отрезные по талии, «сильно бореные». Бореная одежда появилась в Приморье не ранее начала XX в. Столь позднее ее появление исследователи объясняют активным сопротивлением старообрядцев таким нововведениям[88]. Нужно заметить, что в распашной верхней одежде приморских старообрядцев также преобладал прямой крой, и только шубы шили преимущественно отрезные бореные[89]. Основным материалом для шубы служила овчина мехом внутрь.

Кожу для шитья одежды крестьяне выделывали сами, дубили, а вот шитьем и выкраиванием занимались люди, обученные этому ремеслу. «Шкуру для шубы нужно продубить обязательно, чтоб она воду не пропускала. Мы дымом дубили. Подвешиваем в бане шкуру мехом вниз к потолку, пускаем древесный дым. Шкура желтая делается. 3–4 раза за неделю так топят, дерево таловое берем, чтоб не было пламени и жару. За неделю шкура коричневой делается». Шубы шили нагольные и крытые сукном. Крытые сукном шубы носили и переселенцы из Житомирской губ. Мужчины подпоясывались широкими опоясками. «У нас шубы отрезные были, спереди и сзади. У кого крытые, у кого крашеные, черные или коричневые. Были шубы рабочие и выходные». Наличие шубы считалось признаком семейного достатка. «У нас считали, если у жениха нет шубы и шапки — это не жених», — рассказывала М.Е. Пугина[90]. Тулупы шили также из овчины, надевали их только в тех случаях, когда отправлялись в поездку на санях. Воротники у тулупов делали большие отложные.

Сходна с тулупом была доха. Ее шили из шкур диких коз, мехом наружу, длинной, до пят, с высоким отложным воротником, иногда овчинным. Надевали доху обычно поверх шабура или куртки. Из шкур лося, изюбря, пятнистого оленя шили куртки. Носили их мужчины-охотники[91].

Обувь. Основным материалом для обуви были кожа и войлок. Обувь из лыка — лапти, — была большой редкостью для приморских старообрядцев. «Лаптей не нашивали», — с гордостью говорили они. Исключение представляли старообрядцы, переселившиеся из Житомирской губ. Для них такая обувь была традиционной, наиболее удобной и привычной. Л. Бернатович: «Отец очень любил в лаптях ходить с травой. Лапти сам плел из липы. Летом намотает круги из липы, потом размачивает и плетет из них».

Для изготовления летней и зимней обуви использовалась сыромятная или дубленая кожа крупного рогатого скота. Самой распространенной женской и мужской обувью были *обутки*. Женщины носили их дома, по хозяйству, в поле. Такую обувь также называли *головками*. Ее сшивали из подошвы и верхней части, которая по краю обшивалась

сложенной вдвое полоской холста — *опушкой*. В опушку продергивали *гасник* — ремешок или веревка, с помощью которого обувь удерживалась на ноге. К.Ф. Рыжакова: «По дому ходили в головках, зимой вниз надевали вязаные или кошмяные чулки»[92]. В мужской обуви такого типа пришивали к головкам голенища из холста или кожи. А.А. Комов: «Обутки носили все. Их шили из коровьих шкур. Подошва у них выкраивается отдельно. Голяшка короткая. В оборку или петельки вставлялась веревочка из льна или кожи. Ею голяшка обматывалась два раза вокруг ноги»[93].

Другим, пожалуй, самым распространенным видом мужской обуви были *ичиги*, которые шили из лосиной, изюбриной кожи. Для шитья обуви использовали дратву. «Нитку плетут из конопля. Берешь в кожу (прихватываешь куском кожи. — *В.К.*) кусок вара (вареная смола. — *В.К.*) и шеркашь ниткой об него. Нитка пропитывается смолой, воду не пропускает, сама долго не гниет»[94]. Другие сапожники использовали скрученные провощенные льняные нити. В Приморье еще до недавнего времени сохранялся почти исчезнувший к концу XIX в. способ шитья выворотных ичигов[95]. О нем рассказал В.И. Деминов: «Сперва выкраиваешь передок и подошву. Сшиваем передок и задок. Сначала все на левую сторону. Задок одинарный сшить сначала с передом. Потом второй кусок, задник, для прочности прошивают двумя швами и закрывают по длине первый шов. Подошва выкраивается по длине выкройки, но длиннее и шире. Сшиваем все. Перед натягиваем на колодку, наживлим подошву к переду, чтоб она огибала колодку. В вывернутом состоянии шов не должен быть под низом, надо сбоку чтоб был. Ремешок-прошва вшивается по всей подошве с передом и задком, потом выворачивается и обрезается прошва под самый корень. Это чтобы обувь воду не пропускала. А с внещней стороны рубца не будет видно, как приклеено вроде. Шов нужно молотком на колодке по прошве побить, потом скалкой прогладить. Выкроить голяшку, сшить с прошвой. В нижней части голяшки — петельки, их вместе с голяшкой сшиваем с передком и задком. Три петельки сзади, две сбоку. Обулся, притянул веревкой — и дуй, куда хошь»[96]. Ичиги носили все группы старообрядцев, независимо от региона выхода, в том числе и переселенцы из Житомирской губ. А.А. Готовская (с. Ивановичи): «Во все времена все носили ичиги, шитые из кожи. Носили их на охоте, на покосе. Кто побогаче, у того целиком из кожи»[97].

Для покосных работ самой распространенной обувью были *моршни*. Для их изготовления использовалась сыромятина. Н. Кушнарев: «Моршни шили из сыромятной кожи, телячьей, коровьей. Выкраивали овальной формы кожу, пробивали дырочки и собирали на кожаный ремешок». Х.Е. Поварницына рассказала, как однажды подвела ее на

покосе сыромятная кожа, которая в жаркий день начала сжиматься: «Я на покос моршни одела. Ну, вот, покосили мы, пришли на обед. Я думаю, дай-ка, сниму моршни, ноги подсохнут, а то от росы совсем мокрые. После обеда на работу идти. Кинулась я туда-сюда, а моршней моих нет. Все помогали искать. Потом женщина одна кричит: „А это что за шишечки тут лежат?“. Так это же мои моршни высохли так и съежились до комочка кожи. Размочила я их — и на работу». Алтайские переселенцы называли моршни *журками*[98].

В холодный зимний период крестьян выручали *валенки*. Только называли их по-разному. П.Г. Мартюшев (выходцы из Вятской губ.) объяснил: «Мы называли катанки, а сибиряки — пимы». М.Г. Пугина, переселенка из Енисейской губ.: «Зимой носили валенки-пимы»[99]. Катание валенок было одним из самых востребованных ремесел. Мастера-пимокаты были уважаемыми людьми, имена многих помнят до сих пор: Сандаловы, Копытовы в Чугуевской вол., Полонянкин Фока в Тахобе. Катали валенки из овечьей шерсти. З.Л. Сандалова (переселенцы из Алтая): «Шерсть от поярок на валенки не годится, не катается. Только из летней шерсти нужно».

Повседневные валенки были коричневого и черного цветов, а цветные — праздничными. Вспоминает К.К. Пугина (с. Максимовка): «Носили валенки до глубокой весны, а деды так и в сухую погоду. Валенки разноцветные — шик! Один дед их на моленье все носил. Придет заранее и сидит на лавочке, чтоб все любовались красотой этой»[100].

Сапоги с начала XX в. быстро входили в деревенскую жизнь, несмотря на сопротивление стариков. Со временем появились и свои мастера. *Жимики* — так назывались особо модные сапоги. Рассказывает Ф.М. Казанцев: «Отец сапожничал, начал еще в Красном Яре. Шил сапоги — жимики называли. Они как чулок на ногу натягивались, кожаная подошва, каблук. Кожу делали из телят до года. Заказывали богатые для форса перед дамами». В.И. Деминов вспомнил другого известного сапожника: «В Кхуцине Пьянков Денис знатным сапожником был. Шил сапоги, ботинки, джимики тоже шил. Надо тебе со скрипом сапоги, сделает со скрипом. А секрет-то простой в этом: подложь под стельку бересто, и будет скрипеть»[101].

Женской обувью уже в начале XX в. были высокие *ботинки* со шнуровкой. Старые фотографии и воспоминания староверов свидетельствуют, что к началу 30-х гг. XX в. они стали распространенной женской обувью и в деревне. Приобретенной покупной вещью дорожили, берегли ее. Так, М.А. Савина рассказывала, что один мужчина за всю жизнь не сносил и одних хромовых сапог: «В праздник он садился на завалинку, ему подавали сапоги в окошко. Он сидит весь день, потом снимает и до следующего раза». Также и девушки покупную обувь надевали лишь по праздникам.

«Бывало, ботиночки поносишь — и в свой сундучок. У меня свой сундучок маленький, у сестры — свой», — вспоминала М.Е. Деминова[102].

Одежда различного назначения. В одежде старообрядческого населения Приморья можно выделить несколько комплексов: повседневная одежда, в том числе рабочая, промысловая, праздничная и обрядовая (свадебная, погребальная, моленная).

Повседневная одежда состояла из самых необходимых основных элементов традиционного костюма. Ее шили из домотканого холста или из наиболее дешевой фабричной ткани — сатина, ситца — и, как правило, не украшали вышивкой. В обычный женский комплект входили рубаха, сарафан, нижняя юбка, пояс, передник, сашмура, платок, обувь. У мужчин: рубаха, штаны, пояс, обувь. «Главное, — рассказывают женщины, — чтобы все чистое было. Наша бабушка на каждый день надевала сарафан лямошный, под сарафан-рубаху, на голову — шашмуру, а платок всегда повязывала назад. Дед не любил, когда одежда в заплатках. Увидит — сразу порвет. У нас соседка была, такая грязнуля. Так дед ей подарил сарафан, рубаху, белые платки»[103].

Праздничную одежду составляли те же элементы костюма, что и повседневную, но шили ее из лучшего тонкого холста. Начиная с конца XIX в. для праздничной одежды стали покупать готовые ткани. Особенно престижной была одежда из тонкого яркого кашемира. Ее очень берегли и даже передавали по наследству.

Молодежь в качестве праздничной одежды шила комплект из юбки и кофты, в 30-х гг. XX в. — нарядные парочки. Украшениями служили кашемировые платки, бисерные плетеные воротники, бусы, броши, искусственные цветы. Вышивкой или полосой пришивного кружева оформляли край нижней юбки. Верхнюю юбку или сарафан подтыкали таким образом, чтобы была видна эта нарядная полоска.

Праздничные мужские рубахи шили из однотонных кашемировых и шелковых тканей. В семьях победнее — из сатина, ситца, молескина. Традиционно вышивкой украшали воротник-стойку, приполок.

Рабочая одежда была такой же, как и повседневная. Сведений о какой-то специальной одежде, в которой выходят в первый день уборки урожая или на пахоту, сенокос, нами не зафиксировано. Однако все информаторы подчеркивали обязательное условие — чистота тела и одежды. Этот обычай поддерживался и в колхозные времена. М.Ф. Семенихина рассказала: «В первый день, как на поле выезжать, обязательно перед этим в баню идем, а на поле — в белой рубахе»[104].

Особые требования предъявлялись к *промысловой одежде* приморских старообрядцев. Она должна быть максимально удобной и теплой, не сдерживать движений, а швы не должны натирать тело. Для

северного побережья Приморья, где часты холодные пронизывающие ветра, туманы, дожди, очень важно, чтобы материал использовали непродуваемый и непромокаемый. За годы жизни на Дальнем Востоке охотники выработали оптимальный вариант одежды, сохранявшейся длительное время, вплоть до 30-х гг. XX в. Костюм охотника состоял из теплой суконной рубахи, холщовых штанов. Поверх них надевали другие штаны и распашную куртку из изюбриной кожи. Ф.М. Нагорнов рассказал: «Одежда у охотников специальная, из шкуры сохатого — лосинки. Белая, легкая, теплая. Из шкуры шьют рубаху и штаны, вниз теплую рубаху, вязанную из шерсти. Такая одежда не рвется, на всю зиму хватало, а то и больше».[105] Полный комплект костюма из кожи и даже штаны-*лосинки* могли себе позволить те, кто сам мог выделать кожу. Охотник А.И. Малютин брал для этого изюбриную шкуру — *половинку*: «Берешь кожу, где потолще. Сначала ее вымачивают, шерсть слезет, соскабливают, просушивают, промазывают жиром и в теплое место на двое суток, потом хорошо выстирать от жира и вынести на мороз. Кожа делается мягкой. На штаны идет кожа только молодых изюбрей»[106]. В более простой набор охотничьего костюма входили суконные штаны, рубаха и куртка. Охотничья куртка была распашная, прямого покроя, ниже бедер, но не длинная, чтобы не мешать движениям. Воротника либо не было, либо пришивали небольшую стойку. Отложной воротник появился в 20–30-х гг. XX в. Куртку часто заменял овчинный полушубок, длина которого не должна была опускаться ниже колена.

Шапки-папахи у охотников быстро вытеснялись шапками-*треухами* из сукна и мерлушки. Иногда шапки шили целиком из холста, обшивали их сукном — *шапки из тряпок*[107].

Дополнительным элементом охотничьей одежды были *нарукавники* — короткие, вязанные из овечьей шерсти, в виде трубы. Они надевались на рукав и прижимали рукавицу, чтобы не попадал снег[108].

Рукавицы шили из сукна или вязали из шерсти. Также шили рукавицы из кожи крупного рогатого скота или диких коз: без меха *голенки, верхонки* — под них надевали вязаные шерстяные рукавицы. Пользовались для раскроя как обуви, так и рукавиц особыми лекалами[109].

На северном побережье староверы жили рядом с коренным населением края: удэгейцами, нанайцами, орочами — «первейшими охотниками». Их одежда и обувь максимально соответствовала природным, климатическим условиям Приморья. *Унты,* амурский вариант традиционной обуви, шили как из кожи рыбы, так и из звериных кож. Отличительной особенностью такой обуви была высокая головка, густо присборенная в передней верхней части стопы с треугольной вставкой, короткая голяшка, имеющая разрез спереди. Такая обувь со стелькой из травы была очень удобна, легка. Охотники-староверы

сразу оценили эти ее достоинства, называя уже по-своему: *улы, олочки, ольчи*. Я.Л. Чужеумов: «Улы орочонские, шили из лосиной кожи. Такие сначала орочонам заказывали, потом сами научились. Стелька из травы, она на болоте растет. Ее собирали, мяли, укладывали. Носили даже на босу ногу. Я делал стельку из шкуры изюбря и носил с шерстяным носком». Когда обувь шили сами, то из экономии верхнюю часть сапога — *голяшку* — делали из грубой льняной ткани или сукна, называя ее *ковриком, ковром*, подвязывали веревками из льна — *оборками, оборами*[110].

Переселенцы из Забайкалья вспоминают еще об одном виде обуви, который в прошлом носили охотники, — *бурки*, валянные из овечьей шерсти и в нижней части обшитые кожей[111].

Как и во многих охотничьих угодьях страны, на Дальнем Востоке охотники использовали конский волос, отбивающий запах человека, и вязали *чуни*, похожие на галоши. Их надевали поверх другой обуви. Подобную обувь использовали и охотники на Алтае.

Обрядовая одежда, помимо своей основной функции — предохранять человека от воздействий негативной среды, служит также и для передачи информации. Особую знаковость приобретает в традиционных обществах ритуальная обрядовая одежда

Свадебная одежда. Во время свадьбы все участники являлись в нарядной одежде. При этом как в предсвадебный период, так и во время свадебного торжества привычные в обиходе предметы одежды меняли свое назначение. Так, во время рукобитья у алтайских старообрядцев, когда подводились окончательные итоги всем торгам о выплате денег за невесту, договор скрепляли перевиванием рук договаривающихся сторон поясом, что символизировало нерасторжимость просватанья девушки. Такое же значение имели дары, которыми обменивались юноша и девушка. По словам Т.М. Выходцевой, «невеста дарит жениху опояску как задаток, он ей — шаль, парочку (сарафан, рукава). Опояску и шаль надевали жениху через плечо, или две наперекрест»[112]. По мнению исследователей, подобный обычай, сохраняющийся у старообрядцев Поволжья, можно рассматривать как пережиток традиции надевания особой плащевидной одежды. А дарение платка или шали — как пережиток древнеславянского обычая «покрытия»[113].

В приготовлении даров и одежды невесты принимали участие ее подруги, собиравшиеся на девичники. По рассказам старообрядцев, это время занимало от двух до трех недель. Е.Л. Кирьянова вспоминала: «Я выткала своему жениху пояс с древочками. А еще сшила ему рубашку алую. Узор на машинке выстрачивала. Брюки у него были, помню, черные в полоску, сапоги хромовые. Как все приготовят, девки крепко зашивают в узел»[114].

Одним из знаков перехода девушки в иной статус являлась смена прически и смена головных уборов. Об особом, последнем девичьем головном уборе вспоминали старообрядки Урала, Сибири (Енисейская губ.) и Забайкалья. Головным убором невесты в этих местностях была *красота*. По рассказам переселенцев с Южного Урала, *девью красоту* надевала невеста на девичниках перед свадьбой. В основе этого убора — узкая полоска из плотной ткани, охватывающая лобную часть головы и сшитая сзади, к верхней ее части крестообразно пришиты еще две тканевые полоски. Вся основа (полоски ткани) убора украшается крупными розетками-цветами из атласных лент. По внешнему виду готовый головной убор невесты напоминает шапочку полусферической формы. Сзади к основанию шапочки, чуть перекрывая друг друга, пришиваются длинные ленты[115]. Подобные головные уборы надевали невесты в Архангельской губ. Также распространен в среде зарубежной диаспоры и репатриантов головной убор невесты в виде венца — широкой ленты, идущей по лбу и украшенной искусственными цветами из лент. К затылочной части головного убора пришивали длинные ленты. Этот вид головного убора имеет то же название — красота.

Одежда невесты, по рассказам старообрядцев, отличалась от обычной тем, что была новая и из более дорогой ткани. Как правило, это новая одежда более яркой расцветки. Вспоминает А.П. Калугина: «Мне было шестнадцать, а жениху моему восемнадцать. Меня из Колумбе (село. — *В.К.*) сосватали, брачили нас тоже там. Мне свекровь подарила рукава из кашемира малинового цвета, сарафан — поле черное, по нему алые розы с листьями, тоже кашемировый. Передник кашемировый коричневого цвета с вишенками, полушалок шерстяной, белый»[116].

Вместе с головным убором менялась прическа девушки: вместо одной косы ей заплетали две косы (их стало двое) прядями вниз. Косы укладывали обычно короной вокруг головы. На голову надевали женский головной убор, символизирующий ее переход в иной статус.

Во время бракосочетания особое значение придавали платку или полотенцу. «Во время брачения жених с невестой становятся на шаль, меняются кольцами».[117] Платок в данном случае символизировал некое возвышение, престол, на который становятся брачующиеся. Кроме того, на время всей свадебной церемонии руки молодых, свашки и дружки связывают платками во избежание всякого злого умысла. Платок в данной ситуации выступает как оберег, не позволяя никому пройти между женихом и невестой. Платком также оповещали о невинности, чистоте невесты. Если невеста была «честной», то ее матери повязывали красный платок. Таким образом, красный цвет в одежде сопровождал проведение свадебного ритуала.

Погребальная одежда или смертная шилась заранее. По рассказам, в старину принимались готовить ее вскоре после свадьбы. Как отмечала К.С. Примачева, «рубаха шьется втайне заранее, чтоб никто не видел. Из свойского полотна. У кого нет своего холста, покупают его»; И.И. Мокроусова смертную одежду для мужа шила сразу, как поженились, из домотканого полотна...»[118].

Обычный погребальный комплекс для женщин включал: рубаху (рукава), сарафан, головной убор шашмуру, два платка — для женщин, рубаху и штаны — для мужчин, а также требовались чулки, поясок, обувь, подстилка, саван, венчик, подручник, лестовка. Каждый предмет в этом обряде по-своему символизировал близость умершего к природе. Важнейшее значение имел материал. По рассказам старших, «смертное полотно, льняное, конопляное, ткали на двух подножках, называлось „однозубка", самое простое, реденькое полотно»[119]. Поверх одежды на покойника надевали саван, который перевивали крестообразно трижды вокруг тела «светильном» (льняная пряденная вручную нить для свечей). Таким образом, внешний вид покойника напоминал спеленутого младенца. Это символизировало чистоту души покойника, также как и белый цвет одеяний, савана. Изготовление ткани с помощью прялки, веретена, а не самопрялки, выкраивание одежды без помощи ножниц (ткань рвали руками, «урывали») символизировали «инакость» покойника, его близость к первоматериалу. Однако домотканое полотно даже в старообрядческих семьях давно стало редкостью, поэтому в настоящее время хоронят зачастую в одежде, сшитой из фабричной ткани, но сохраняя архаичный туникообразный крой[120]. Шил погребальную одежду человек специально благословленный. Одежду шили без узлов «на живую нитку», держа иголку от себя. По-иному и одевали покойника. Некоторые детали одежды надевали не так, как на живого: чулки закручивали на другую сторону, в руку умершего вкладывали лестовку, но без «бобочков», «ведь душа-то покинула тело». Вместо застежки пришивали завязки. К.К. Плешкова (переселенцы с Южного Урала) сообщила: «Женские рубахи шили прямые, без шва на плече. Рукава сшивались с основной частью швом „живулька", вырез для ворота, разрез по центру. Полотнище, если хватает материала, то без клиньев. Рукава без ластовиц. Сарафан-горбач, без пелерины, по плечу швы. Чулки. Саван из трех полотнищ. Левая сторона — кошеная, правая — прямая. Пояс — просто нитка»[121].

В женский комплекс смертной одежды входили сарафаны различного типа. Есть свидетельства о косоклинном, круглом, горбаче. В то же время от уральских и сибирских старообрядцев нами записаны сведения о том, что сарафан вообще не входит в комплекс похоронной одежды. Женщин хоронили в длинной, до пят, рубахе. И.И. Кочева

(уральские переселенцы): «Рубаха длинная, до пола. Бывает, что хоронят без сарафана. Рукава длинные, без шва на плечах»; М.Г. Пугина (переселенцы из Енисейской губ.): «Женскую смертную рубаху шьют до самых пят, на шее разрез с веревочками»[122]. Умершую девушку хоронили в рубахе-*девственнике* из цельного полотнища и платке. Женские сашмуры в смертном наборе имели простейший крой в виде повойника с отрезным налобником либо с подрезом на лобной части. Чулки, возможно, были более поздним элементом такой одежды. Обувью как мужской, так и женской служили неглубокие тапочки, шившиеся из домотканины или сплетенные из кудели. В XX в. этот традиционный материал заменили бинты, вата, шнуры, тесьма. Об этом сообщила А.К. Гордеева: «На ноги одевали тапочки, плетенные изо льна, из веревок или шерсти. На худой конец из бинтов. Надевали на босу ногу...»[123]. Переселенцы из Житомирской губ., напротив, обувь изготавливали из черной ткани. Так, П.К. Черняева вспомнила и об особой обуви для детей: «Обувь так делали: портянки из полотна и в тапки. Тапки из черного сукна, подошва кроится отдельно, шов только сзади. При сшивании подошвы — по краю бейка из любой ткани. Если умер ребенок, то украшают букетиками цветов из ткани. К заднику две веревочки и запутывают ногу так, чтоб три креста до колена»[124].

Мужчин, как и женщин, в прошлом также могли хоронить в одних рубахах. «Родился мужик без штанов, без штанов и умереть должен, в рубахе и саване хоронили»[125]. Об этом сообщали переселенцы из Енисейской губ. (более раннее место выхода — Урал). Старинные русские традиции сохраняли также ушедшие в Китай мигранты. Так, репатриант из провинции Западный Синьцзян (Китай) Г.К. Зайцев (житель с. Ясное Приморского края) рассказал, что готовить смертную одежду ему и себе его жена начала сразу после свадьбы. Хранилось «смертное» всегда в специальном сундучке, отдельно от остальной одежды. Там же находились подушка под голову, сшитая из домотканого полотна, размер 26 × 18 см, подручник 15 × 15 см, мешочек с фимиамом (из кипарисовой смолы, куплен еще в Китае), подставка для свечи из жести, пучки льняных ниток для шитья смертной одежды, «светильно» для пеленания покойника, лестовки. Для зажигания свеч при обряде захоронения были приготовлены кресало с кремнем. Добытый таким старинным способом огонь называют «добрый огонь». В сундучке лежали: покрывало на саван и подстилка из холста, обметанная через край косым стежком, чулки, саван, рубаха, чашка, ложка для обмывания покойника (приморцы используют для этих целей иногда тыкву, которую потом сжигают в печке), штаны (штаны сшиты из двух полотнищ домотканого холста, перегнутых, вдоль между ними — вставка ромбовидной формы, длина штанов 100 см), рубаха (рубаха сшита из одного полотнища домотканого

полотна, крой туникообразный, длина рубахи 75 см, вырез ворота круглый с разрезом по центру, завязки из льняных нитей, рукав прямой, без ластовиц). Умершего поверх смертной одежды заворачивали в саван мешкообразной формы. В мужском погребальном комплекте из с. Ясное саван был сшит из цельного куска домотканого полотна в рост человека и сложенного вдоль 1/3:2/3. Согнутые полосы сшиты в верхней части в виде капюшона, у несшитой стороны вырезан прямоугольный кусок ткани, по высоте равный расстоянию от макушки до плеч. Тело оборачивают саваном, правая пола сверху, перевязывают покойника в саване светильном так, чтобы на теле нить перекрещивалась трижды: на персях, на пупе, на коленях. Такой крой саванов встречается у большинства старообрядцев Приморья. У переселенцев из Житомирской губ. нами зафиксированы саваны цельнокроеные и с пришивными капюшонами. Правое и левое полотнища в таком саване одинакового размера, все полотнище присобрано по линии соединения с капюшоном. Края капюшона украшены полоской фабричного кружева[126].

А.А. Комов (переселенцы из Алтая, Солонешенская вол.) сообщил, что саван шили по росту (с головой) и его надевали на лицо человека. Руки покойника складываются под мышками. Тесемками пеленают покойника «в три креста». Когда кладут в гроб, все узелки развязывают[127]. В с. Усть-Соболевка от переселенцев из Енисейской губ. нами записана информация о том, что подушку в гроб для умершей женщины набивали ее же волосами. В течение всей жизни волосы и ногти человека должны были собираться, после его смерти их кладут в гроб умершего[128].

Моленная одежда наделялась особым значением. В молитве для старообрядца заложен весь смысл жизни. Все житейское, мирское должно отступить там, где происходит диалог с Богом. Мы наблюдали, как совершенно преображаются лица, взгляды, стать, походка, жесты людей, надевших моленную одежду. Несмотря на долгие годы нашего знакомства, у нас, присутствующих на службе, сразу появлялось ощущение границы, мы становились «чужими».

Вещи, предназначенные для богослужения, происходит ли оно в доме или в моленной, назывались моленной одеждой. Цвет и покрой должны подчеркивать высокую духовность общения с Богом и смирения мирского начала в человеке. Нарочитое украшательство строго пресекалось старейшинами старообрядческих общин. Соборные уложения старообрядцев часовенного согласия неоднократно призывали верующих одеваться сообразно облику христианина. Так, наставники приморских общин постановили: «Одежду носить обычную христианскую... женам и девицам также с нашивками и с многообразными борами и горбами одежду не делать, и не шить и не носить и особенно к моленью ходить в простой и смиренной одежде... так как это

не по-христиански — снаряжаться девицам многообразною красотою и ходить на моленье, на прельщение юных неутвержденных в разуме»[129]. Предпочтительны для одежды были темные тона, предпочтительным кроем — свободный, трапециевидный, скрывающий женскую фигуру. В женский моленный комплекс входят: сарафан, рубаха-рукава, пояс, сашмура, платок и верхний платок «на роспуск». Некоторые отличия в моленной одежде различных групп приморских старообрядцев проявлялись в выборе покроя сарафана, способе повязывания платка и пояса. Так, для уральских старообрядцев в XIX в. наиболее предпочтителен был косоклинный сарафан, а пояс повязывали под сарафаном. Позже в других группах старообрядцев появились прямые (круглые) формы, шили круглые сарафаны и сарафаны-горбуны, их опоясывали сверху. В настоящее время традиции поддерживают пожилые женщины. К.К. Пугина (переселенцы из Томской губ., Барнаульского у.) вспоминала: «На моленье мама одевала рубаху-рукава и горбун»; И. Храмова (забайкальские семейские): «Мама одевала на моленье лямочный сарафан, рубаху»; П.П. Некрасова (Алтай, с. Шарчино): «На моленье одевали горбун на кокетке, рукава со станушкой»[130].

Некоторую региональную разницу можно отметить в том, как повязывали верхний платок представительницы разных регионов. Так, выходцы из Поволжья, Урала, Сибири, Алтая носили платок «на роспуск», переселенки из Житомирской губ. — «на угол». А.А. Готовская (с. Ивановичи) отметила возрастные различия: «На моленье ходили в платке, свернутом на угол, старушки закалывали под подбородком, а помоложе — завязывали. Все, даже девочки были с покрытой головой. Старушки все в сарафанах»[131]. П.К. Черняева (переселенцы из Житомирской губ.): «Девушки на службу надевали платок на угол, узла под шеей нельзя (завязывать, закалывать. — *В.К.*), булавку нельзя, так сшивали иголкой, ниточку отрывали... В часовню носили чепец и платок. В часовню украшения нельзя. Грех даже гребешок с собой брать».[132] По рассказам большинства приморских старообрядцев, мы видели это и сами, девушек на службу с непокрытой головой не допускают. На голове должен быть платок, который либо повязывался под подбородком, либо закалывался на булавку. Нужно отметить, что старообрядки, носившие кичку (забайкальские семейские), исключают ее как моленный головной убор. К.Т. Коробейникова, с. Красный Яр: «На моленье мама носила шашмуру и платок на роспуск. Кичка — это праздничная одежда, в церковь не носили»[133].

Особо нужно сказать о старообрядцах-токаревцах (один из толков поморского согласия), переселенцах из алтайского села Боронча. У этой группы почти не сохранилась к настоящему времени традиционная моленная одежда, хотя они прекрасно знают и помнят ее.

Верующим дозволяется приходить на службу в современной одежде (платье, кофта с юбкой), но обязательно с длинными рукавами, покрытой головой (женщинам). Обязательным элементом одежды для них остается также и пояс. Им может быть ремень, пояс от платья, даже просто веревочка.

Традиционной мужской моленной одеждой в Приморье были рубаха-косоворотка, брюки, пояс, подоболочка или кафтан. Термин «подоболочка» употребляется синьцзянскими старообрядцами, остальные группы называют такую одежду кафтаном. Эту одежду шили из хлопчатобумажной ткани черного цвета. Кафтаны в большинстве — отрезные по талии, распашные, сшитые с «перехватом». Рукава прямые без манжет. Такой покрой был принесен уральскими переселенцами. Некоторые старожильческие семьи Приморья, а также приморских мигрантов (потомки выходцев из Вятской губ. и Поволжья) и в Маньчжурии сохраняли (сохраняют и по сегодняшний день) привычную мужскую моленную одежду халатообразной формы с застежкой на левую сторону, 4–5 пуговиц, рукав с обшлагом, воротник-стойка. Подобный покрой до настоящего времени сохраняется на юге Алтая. Л.И. Селетков сообщил: «Кафтан у нас прямой, отрезные не разрешали. Ризой называем. И в Романовке (в Маньчжурии. — *В.К.*) такие носили. А в Тавлинке (Хабаровский край. — *В.К.*) носят отрезные. Это Басаргины завели такой обычай. Старики говорили: на иконах у всех только прямые ризы. Кафтан — простонародное название. Его мама моя шила в 1968 г. Карманы на ризе делали только на правой стороне, сбоку, внутренний. Туда ложили подручник, лестовку. В Приморье у нас моленна была до 1933 г., и ризы у всех были прямые»[134]. Единоверцы Л.И. Селеткова из той же общины возражают: «Молимся мы в кафтанах, в Бирикчуле (духовный центр приморских старообрядцев) тоже такие отрезные кафтаны... прямые ризы только для накрытых»[135]. Моленные кафтаны застегивали по-старинному на левую сторону. Сами старообрядцы объясняли это особым отношением к правой руке как к более чистой. Известно, что у многих народов правая рука считалась «рукой благодати», поэтому ею можно приветствовать человека, молиться, касаться чистых частей тела. Правая рука обслуживала чистый верх, левая — нечистый низ.

* * *

Подводя итог сказанному, можно отметить, что старообрядцы принесли в Приморский край традиционную для своих родных мест одежду, ее покрой и обычаи ее ношения.

Одежда приморских старообрядцев свидетельствует об их неоднородном этническом составе и сохраняет как севернорусские, среднерусские, так и южнорусские черты, с явным преобладанием первых.

Такая архаичная одежда, как туникообразные женские и мужские рубахи, косоклинные сарафаны, в XX в. сохранялась в смертной одежде отдельных групп населения. В редких случаях пожилые люди носили ее как моленную. На территории края до начала XX в. в женской одежде был распространен сарафанный комплекс. При этом выходцы из европейской части России отдавали предпочтение круглым сарафанам, а сибиряки, алтайцы — горбунам. Женские поликовые рубахи с неширокими кошеными рукавами бытовали у переселенцев с территории Урала, Сибири, Алтая. У забайкальцев и выходцев с юга Алтая (бухтарминцев) шили рубахи с широким рукавом и манжетой (особенность южнорусского костюма). У старообрядцев Приморья встречался такой древний вид женской одежды как платья — поморники, привезенные переселенцами из северного Алтая, Вятской губ., Зауралья. Они свидетельствуют о наличии севернорусских традиций в одежде. Южнорусские традиции прослеживаются в обычае украшать одежду всевозможными сборками, вышивкой, что характерно для старообрядцев-забайкальцев, украинских переселенцев, а также бухтарминцев. Традиционный для южных и среднерусских костюмов женский головной убор — кичку носили только забайкальские старообрядцы.

Приспосабливаясь к новым условиям жизни, старообрядцы, несомненно, приглядывались к образу жизни, быту народов, живущих здесь с древнейших времен — удэгейцев, нанайцев, орочей. В результате появилась более приспособленная к приморскому климату и ландшафту промысловая обувь, верхняя одежда, нарукавники и пр.

С начала XX в. стало ощущаться размывание традиций и утрата региональных особенностей в костюме старообрядцев под усиливающимся городским влиянием. Этому способствовала также хорошая покупательская способность зажиточного старообрядческого населения. У молодежи в начале 20-х гг. XX в. распространенным становится комплект из кофты и сарафана, кофты и юбки. Разрушение традиционного костюма старожильческого населения довершили революционные преобразования в России, вызвавшие к тому же эмиграцию в Китай.

Особые условия жизни старообрядческой приморской диаспоры (иноязычное, иноконфессиональное окружение, компактное проживание) в Китае до начала 60-х гг. XX в. законсервировали то состояние традиционного костюма, который бытовал в Приморье к моменту исхода в начале 30-х гг. XX в. Как поясняли старообрядцы: «Кто откуль приехал, тот и носил ту одежу. А потом потихоньку все смешалися, и роднилися, изрождалися... Христианину нельзя чужу одежу перенимать. Вот где, кто как одевался, тот должон сохранить»[136]. Возвращение

эмигрантов на родину продлило жизнь старинных форм одежды в их разнообразии. На этой основе стали создаваться новые варианты, в частности заимствованные от зарубежных групп старообрядцев.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 ПД № 1. С. 10; ПД № 19. С. 67.
2 ПД № 19. С. 68.
3 РГИА ДВ Ф. 704. Оп. 1. Д. 190. Л. 3.
4 ПД № 19. С. 66.
5 ПД № 19. С. 80.
6 ПД 31. С. 42.
7 ГАПК. Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Л.41.
8 ПД № 14. С. 46.
9 ПД. № 5. С. 9; ПД № 19. С. 83; ПД № 14. С. 35.
10 ПД № 19. С. 84; Текущий архив ПГОМ (анкета-вопросник Кирьяновой Е.Л.)
11 ПД № 19. С. 85.
12 ПД № 24. С. 52.
13 ПД № 24. С. 53.
14 *Фурсова Е.Ф.* Традиционная одежда русских крестьян-старожилов Верхнего Приобья (конец XIX — начало XX в.) Новосибирск, 1997. С. 47.
15 *Черных А.В.* Традиционный костюм старообрядческого населения юго-западного Прикамья в конце XIX–XX вв. // Старообрядческий мир Волго-Камья. Пермь, 2001. С. 195; *Фурсова Е.Ф.* Традиционная одежда русских крестьян... С. 45.
16 ПД № 8. С. 4.
17 ПД № 17. ч.1. С. 46.
18 ПД № 17. ч.1. С. 46.
19 ПД № 16. С. 27.
20 ПД № 22. С. 62.
21 Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 642.
22 ПД № 5. С. 9; ПД № 8. С. 19.
23 ПД № 7 С. 7.
24 ПД № 8. С. 69.
25 *Фурсова Е.Ф.* Традиционная одежда русских крестьян... С. 57.
26 Там же.
27 ПД № 2. С. 42.
28 *Шитова Н.И.* Традиционная одежда уймонских старообрядцев. Горно-Алтайск, 2005. С. 75.
29 *Фурсова Е.Ф.* Традиционная одежда русских крестьян... С. 59.
30 ПД № 14. С. 35, 36.
31 ПД № 4. С. 36.

32 *Фурсова Е.Ф.* Традиционная одежда русских крестьян... С. 59.
33 ПД № 8. С. 69.
34 ПД № 19. С. 68.
35 ПД № 18. С. 85.
36 ПД № 22 С. 53–54.
37 ПД № 24. С. 54.
38 ПД № 17. Ч. 1. С. 12.
39 ПД № 12. С. 40, 54.
40 *Фурсова Е.Ф.* Традиционная одежда русских крестьян... С. 61.
41 ПД № 8. С. 68.
42 ПД № 19. С. 90; ПД № 8. С. 68.
43 ПД № 24. С. 33.
44 ПД № 17. Ч. 1. С. 47.
45 ПД № 19. С. 65.
46 ПД № 4. С. 15.
47 ПД № 18. С. 31.
48 ПД № 17. Ч. 1. С. 56–57.
49 ПД № 14. С. 49.
50 ПД № 19. С. 89.
51 ПД № 24.С. 33.
52 ПД № 16. С. 112.
53 ПД № 17. Ч. 2. С. 70.
54 *Фурсова Е.Ф.* Традиционная одежда русских крестьян... С.71.
55 ПД № 19. С. 91.
56 ПД № 2. С. 42.
57 Восточнославянский этнографический сборник... С.674.
58 Там же. С. 667
59 ПД № 8. С. 68.
60 ПД № 20. С. 112.
61 ПД № 19. С. 50; ПД № 8. С. 68; ПД № 14. С. 78.
62 ПД № 13. С. 59.
63 *Фурсова Е.Ф.* Традиционная одежда русских крестьян... С. 113.
64 ПД № 14. С. 34; ПД № 19. С. 86.
65 ПД № 19. С. 70.
66 ПД № 19. С. 67.
67 ПД № 19. С. 86.
68 ПД № 19. С. 86.
69 ПД № 14. С. 81.
70 ПД № 9. С. 18.
71 ПД № 12. С. 40; ПД № 19. С. 69.
72 ПД № 15. С. 65.
73 ГАПК Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Л. 63.

74 ПД № 8. С. 50.
75 Русский традиционный костюм. СПб., 1998. С. 104.
76 ПД № 14. С. 36,49.
77 ГАПК Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Л.63.
78 ПД № 1. С. 10,42; ПД № 19. С. 69.
79 ПД № 21. С. 10; ПД № 22 .С. 49.
80 ПД № 19. С. 82.
81 ПД № 19. С. 68.
82 На путях из земли Пермской в Сибирь: очерки этнографии североуральского крестьянства XVII-XX вв. М., 1989. С. 152.
83 ПД № 1. С. 10, 42,74; ПД № 19. С. 68.
84 ПД № 18. С. 42; ПД № 18. С. 36; ПД № 19. С. 67.
85 ПД № 13. С. 65; ПД № 17. Ч. 1. С. 48; ПД № 18. С. 36; ПД № 19. С. 81.
86 ПД № 19. С. 82; ПД № 13. С. 65.
87 ПД № 17.ч.1. С. 48
88 *Фурсова Е.Ф.* Традиционная одежда русских крестьян... С.100.
89 ПД № 8.С.3; ПД № 14. С. 80.
90 ПД № 19. С. 68, 69; ПД № 18. С. 37, 42; ПД № 1. С. 10; ПД № 14. С. 36.
91 ПД № 19. С. 82; ПД № 13. С. 65; ПД № 19. С. 69.
92 ПД № 7. С. 38.
93 ПД № 1. С. 11.
94 ПД № 19. С. 32
95 Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 722
96 ПД № 19. С. 33-34.
97 ПД № 14. С. 34.
98 ПД № 16. С. 83; ПД № 18. С. 49.
99 ПД № 9. С. 31; ПД № 19. С. 72.
100 ПД № 19. С. 72; ПД № 16. С. 29; ПД № 17. ч.1. С. 50.
101 ПД № 19. С. 33; ПД № 14. С. 69.
102 ПД № 18. С. 37; ПД № 19. С. 66.
103 ПД № 15. С. 102.
104 ПД № 5. С. 102.
105 ПД № 17. Ч. 2. С. 14-15; ПД № 7. С. 85.
106 ПД № 7. С. 45.
107 ПД «13. С. 127; ПД № 14.С. 34.
108 ПД «15. С. 63.
109 ПД № 1. С. 10; ПД № 13. С. 127.
110 ПД № 17. Ч. 2. С. 14–15; ПД № 13. С. 127.
111 ПД № 14. С. 81.
112 ПД № 9. С. 17; ПД № 7. С. 29.
113 *Фурсова Е.Ф.* Традиционная одежда русских крестьян... С.118.
114 ПД № 7. С. 30.

115 ПД № 6. С. 32; ПД № 8. С. 18.
116 ПД № 7. С. 49.
117 ПД № 7. С. 31.
118 ПД № 4. С. 6–7; ПД № 1. С. 36–37.
119 ПД № 19. С. 64.
120 ПД № 19. С. 64.
121 ПД № 5. С. 10.
122 ПД. № 6. С. 35; ПД № 5. С. 15; ПД № 19. С. 64.
123 ПД № 6. С. 35.
124 ПД № 14. С. 46.
125 ПД № 19. С. 64.
126 ПД № 14. С. 27.
127 ПД № 1. С. 11-12.
128 ПД № 19. С. 93, 65; *Байбурин А.К.* Ритуал... С. 108.
129 ГАПК Ф. 1588. Оп. 3. Д. ПУ-7048. Л. 36.
130 ПД № 17. Ч. 1. С. 46; ПД № 17. Ч. 2. С. 33, 52.
131 ПД № 14. С. 36.
132 ПД № 14. С. 49.
133 ПД № 15. С. 64.
134 ПД № 21. С. 23
135 ПД № 21. С. 57.
136 ПД № 24. С. 59.

ОДЕЖДА СТАРООБРЯДЦЕВ ПРИАМУРЬЯ. XIX — НАЧАЛО XXI ВЕКА

Сравнительно небольшая по численности группа старообрядцев Приамурья весьма интересна в этнографическом отношении. На ее примере можно наблюдать, как исторические судьбы небольшого коллектива и даже судьбы отдельных семей оказывают существенное влияние на формирование традиций локальной группы. В настоящей статье эти процессы будут рассмотрены на материалах об одежде как одном из самых выразительных элементах культуры.

Судьба сибирских старообрядцев была драматична, а иногда и трагична. Она была связана с упорной борьбой народа за свободу вероисповедания и хозяйственной самостоятельности. Из европейской части России сторонников дониконовского вероисповедания начали выселять в Сибирь в XVIII в., а некоторые, не дожидаясь этого, уходили туда же самостоятельно из различных местностей страны. В Сибири старообрядцы поселились вблизи южной границы, где обустроились и стали успешно развивать хозяйство. Однако с середины XIX в. началось движение

в Сибирь крестьян из Европейской части страны, получивших освобождение от крепостного права. Они в своем большинстве являлись сторонниками патриаршей церкви.

Стремясь сохранить в чистоте свою веру, старообрядцы покидали селения и уходили к югу и востоку в более отдаленные еще не обжитые местности. На земли дальневосточного региона они вселились в 60-е гг. XIX в. В этом регионе староверы надеялись найти такие глухие места, где бы можно было меньше сталкиваться с местными чиновниками, священниками и «мирскими» и обрести религиозную свободу[1].

Их привлекали также хорошие условия для хозяйствования — земельный простор, таежные и водные угодья, дававшие возможность добывать зверя и рыбу, а также — отсутствие податей и опеки со стороны местных властей.

Первыми в Приамурье переселились старообрядцы-беглопоповцы, прибывшие из Забайкалья (так называемые «семейские»)[2]. За ними начали прибывать другие группы старообрядцев — поповцы из Поволжья, Западной Сибири, Алтая и разные толки беспоповцев — из Забайкалья, Томской, Енисейской, Пермской губерний.

В первые годы жизни на Дальнем Востоке переселенцы сохраняли особенности культуры родных мест, северно-, южнорусские и сибирские традиции. В течение XIX — нач. XX в. территориальные, соседские, брачные контакты между представителями разных региональных групп восточных славян, в том числе старообрядцев, способствовали выработке определенных элементов быта, характерных для дальневосточного региона. Это отразилось на материальной культуре, в том числе на одежде.

В советской России введенные в 30-е гг. XX в. немалые налоги и навязанные твердые задания для крестьян по хозяйству, а особенно начавшееся затем раскулачивание и коллективизация послужили причиной взрывоопасной ситуации, вылившейся в так называемое Кхуцинское старообрядческое восстание. И вновь старообрядцы обратились к прежнему способу протеста: из Приморья и Приамурья они перебирались в более глухие таежные места и тайно уходили за рубеж, в частности в соседнюю Восточную Маньчжурию[3]. Там, а также в Трехречье еще в дореволюционный период уже существовали несколько крестьянских и казацких старообрядческих поселений. В Восточной Маньчжурии вновь пришедшие селились недалеко от Харбина и Китайской Восточной железной дороги (КВЖД). Прибывавшие староверы — это были в основном староверы-часовенные — присоединялись к старообрядцам, осевшим под Харбином и в Харбине в 1920-е гг. (преимущественно старообрядцы-поповцы), но не слились с ними. Вблизи Харбина, недалеко от КВЖД, семьи дальневосточных староверов

основали деревни Массаловку (Чипигу), Медяны, Коломбо, Силинхэ, Романовку[4], куда стали стекаться дальневосточные староверы, поселившиеся ранее отдельными семьями в разных уголках Маньчжурии и отчасти в Синьцзяне, куда эмигрировали в основном раскольники из Алтая.

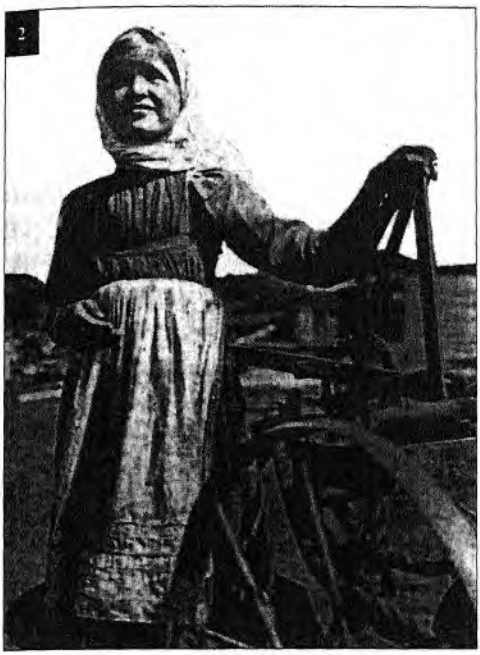
В Маньчжурии, как и на российском Дальнем Востоке, в хозяйственной деятельности, семейно-брачных отношениях, материальной и духовной культуре придерживались традиций русских крестьян. Каких-либо сложностей в китайском окружении старообрядцы не испытывали. Культурного интегрирования русских в иноэтничную среду не произошло.

Так протекала жизнь дальневосточных старообрядцев в Маньчжурии до августа 1945 г. — до прихода туда отрядов Красной Армии. С этого времени жизнь местных старообрядцев круто изменилась. Среди взрослых мужчин-староверов начались аресты. Все арестованные были отправлены в СССР, а там — в лагеря разных регионов страны. Так было разрушено немало семей. Часть из них после смерти И.В. Сталина перебралась в Россию, некоторые, наоборот, были тверды в своих намерениях уйти от нее подальше. В результате перестали существовать ряд старообрядческих поселений в Маньчжурии. Этому способствовала и общая социально-экономическая ситуация, сложившаяся в Китае после образования в 1949 г. Китайской Народной Республики (КНР), направленная на кооперирование частных хозяйств. Все эти обстоятельства привели к тому, что так называемые «харбинцы» в 1955–1960 гг. и «синьцзянцы» в 1956–1961 и 1965 гг. стали покидать Китай через Гонконг при помощи Толстовского фонда и Всемирного совета церквей. Большинство из них переселилось вначале в Южную, а затем и в Северную Америку, где к ним в 1963 г. присоединились старообрядцы, которых стали называть «турчане». Эта группа также имела сложную миграционную историю. В XVIII в. их предки ушли из России в Румынию, а оттуда переселились в Турцию. В 1967 г. часть харбинцев, стремясь сохранить в неприкосновенности свои традиционные устои и удалиться от цивилизации, начала перебираться на Аляску, а другая в 1974 г. — на берега р. Плат в провинции Альберта в Канаде[5]. В настоящее время самые крупные группы харбинцев, синьцзянцев и турчан проживают в штатах Орегон и Аляска США. Российские старообрядцы поддерживают с ними дружественные, родственные, а иногда и брачные контакты.

Вернувшиеся в СССР и репрессированные советской властью староверы-харбинцы отбыли сроки в течение 6–10 лет в советских лагерях, преимущественно в Магадане. Реабилитированные после смерти И.В. Сталина, некоторые их них вместе с подъехавшими к ним из

Маньчжурии семьями жили какое-то время в Сибири, в Красноярском крае. В начале 1960-х гг. они потянулись на свою родину — на Дальний Восток. Однако мало кто из них вернулся в Приморье, где запасы некогда богатой зверем и растительностью уссурийской тайги к тому времени были истощены. Старообрядцы снова начали осваивать малообжитые места. В 1956–1957 гг. в Солнечном районе Хабаровского края, недалеко от станции Дуки и Амгинского тракта поселились семьи бывших приморских эмигрантов, живших в 1930–1940-е гг. в Маньчжурии, — Кондратия Басаргина, Демьяна Шеина, Маркела Бобыльского. Так, преимущественно харбинцами было положено начало старообрядческому пос. Амгунь, переименованному впоследствии в пос. Тавлинка. Постепенно сюда переселились многочисленные родственники основателей староверческого поселка и старообрядцы из других мест Дальнего Востока и Сибири — Селетковы, Гуськовы, Пугины и др., среди которых было немало старообрядцев — харбинцев, синьцзянцев и их потомков[6].

Вновь прибывшие стали оседать, помимо Тавлинки, и в соседних с нею поселках, расположенных друг от друга в пределах 1–8 км. Из них Тавлинка и Гусевка заселены исключительно староверами, а пос. Березовый и Дуки — как старообрядцами, так и мирскими — атеистами, отрицающими религию. В настоящее время хозяйственная



Женская молодежная одежда начала XX в:
1) девушки в праздничных костюмах на девичнике; в центре — невеста с *красотой* на голове;
2) девочка в повседневной одежде
(1,2 — из кн.: *Аргудяева Ю.В.* Русские старообрядцы в Маньчжурии. Владивосток, 2008. С. 329, 245.)

деятельность, материальная и духовная культура этой группы так называемых «амгуньских» старообрядцев продолжают сохранять многие традиционные черты, родственные и брачные контакты со старообрядцами других населенных пунктов Хабаровского и Красноярского краев, Еврейской автономной области и родственные — с потомками харбинцев, проживающими в США, Канаде, Австралии, Бразилии. Эти взаимосвязи нашли определенное отражение в одежде, сохраняющей, особенно у старшего поколения, черты того народного костюма, который был привнесен старообрядцами еще в период освоения ими дальневосточного региона.

В конце XIX — начале XX в., несмотря на то, что на Дальнем Востоке различные локальные группы старообрядцев попали в иные социально-экономические и природные условия, иное этническое окружение, они стойко придерживались основных традиций в одежде, хотя именно в ней у дальневосточных староверов происходили наиболее существенные изменения, отражающие особенности заселения региона и этнокультурные контакты с разными народами на всем протяжении их миграционного пути из Центральной России через сибирские просторы на Дальний Восток. Установлено, что при стойком сохранении знаковых функций одежды в ее покрое и деталях отделки удерживались как очень древние формы и стадиальные варианты

русского костюма, так и складывались, на основе локальных различий и заимствований у аборигенных народов, местные комплексы, характерные для культуры региона освоения.

В XIX в. крестьянам дальневосточного региона необходимые материалы для изготовления одежды поставляла окружающая среда (мех, шерсть и шкуры диких животных), собственное хозяйство (волокна льна и конопли, овечья шерсть, шкуры домашних животных) и обменно-торговые операции (покупная ткань и обувь). По сведениям информаторов, домотканой одеждой из волокон льна и конопли на Дальнем Востоке пользовались лишь в первые десятилетия жизни в крае, т.к. прибывшие сюда из Урала, Сибири и Забайкалья старообрядцы уже там имели, начиная с XVIII в., опыт использования тканей ремесленного, а затем фабричного и зарубежного производства — шерсть, ситцы, дабу, а также ленты, тесьму, гарус, бисер, позумент, золотые и серебряные нити. Широкое бытование покупных тканей у сибиряков возросло в дальневосточном регионе, где ощущался дефицит женщин, в обязанности которых традиционно входило изготовление материалов для одежды. Ткани фабричного производства из России поступали в восточный регион через Сибирь, из Китая и Маньчжурии — через сухопутную границу, из других стран азиатско-тихоокеанского региона — через порты Николаевск и Владивосток. Их широкий ассортимент и сравнительная дешевизна привели к значительному сокращению домотканой одежды, а имевшаяся употреблялась преимущественно как рабочая. Ткань собственного изготовления использовали в основном для рядна, портянок, палаток, полотенец (рукотеров), мешков и др. хозяйственных нужд.

Анализ полевых материалов показывает, что в одежде дальневосточных старообрядцев прослеживается преимущественно севернорусская традиция, хотя присутствуют и южнорусские черты, характерные, в частности, для старообрядцев-семейских, а также — для выходцев с Алтая. Традиции русских лучше всего сохранились в женской повседневной одежде, основу которой составлял сарафанный комплекс. Сарафан, бытующий до настоящего времени, является своеобразным маркером принадлежности к этой конфессиональной группе русских. Он был распространен во всех районах расселения староверов. По полевым материалам выявлено нескольких типов кроя. Наиболее распространены *лямошные* сарафаны (*прямой круглый, московский*), иногда с разрезом и застежкой спереди. Более ранними по происхождению являются *косоклинные* сарафаны и глухие — *горбуны* (*горбачи*). Если первые два типа были характерны для всех групп старообрядцев, то сарафан-горбун отмечен нами только у выходцев с Алтая.

В комплекс женского костюма входила и рубаха с поликами, а иногда и с ластовицами, традиционно разделявшаяся на верхнюю (*чехлик*) и нижнюю (*станушка*) части, с длинными скошенными к запястью рукавами и воротом, собранным на обшивку (вариант северно- и среднерусских губерний), или с широкими рукавами, воротником-стоечкой или отложным (вариант южнорусский и распространенный на Украине и в Белоруссии).

В начале XX в. в женской традиционной одежде стали появляться нововведения. Так, переселенцами с Алтая была завезена мода на юбки с кофтами (*парочки*), которые в это время стали носить в Западной Сибири. Позднее прибывшие переселенцы из Тюмени привезли фасоны закрытых платьев с длинными рукавами. Однако новшества пробивали себе дорогу с большими трудностями. Как показали полевые наблюдения, в некоторых таежных дальневосточных селах старики запрещали носить такую одежду и женщины вновь надевали сарафаны.

Непременной частью женской одежды был фартук — *полузапон* (до пояса) или *запон* с нагрудником *(грудкой)*, пояса *(поясья)* женский и мужской — различной техники исполнения и цветовой гаммы, выполнявшие функцию оберега и игравшие важную роль в семейных и календарных обрядах.

Как и в других местностях Сибири, на Дальнем Востоке женщины носили сложный головной убор. Он включал мягкую шапочку — *шашмуру (чин, кичку), позатыльник, пояску, налобник*, легкий *платок (сорочку)* и большой тяжелый платок *(плат, шаль)*. По свидетельству информаторов, в дальневосточном регионе вплоть до начала XX в. в обиходе сохранялись яркие и сложные головные уборы старообрядцев-семейских — с использованием атласа, бисера, «кучерей» из хвоста селезня, накручиванием сверху больших кашемировых платков.

Полевые материалы свидетельствуют о бытовании в прошлом различных приемов повязывания, свертывания и покрытия головы платками, что являлось маркером локальных, конфессиональных и возрастных групп женщин. Бытовали платки яркой цветовой гаммы, разнообразной орнаментации и материала изготовления, ручной и фабричной выделки.

Специальная свадебная одежда отсутствовала. Ее покрой был традиционным, но использовалась непременно новая ткань и обычно яркой цветовой гаммы. Местную особенность составляло своеобразное дополнение к женскому свадебному наряду *красота* — отлитый из воска венок, со множеством прикрепленных к нему разноцветных лент.

Отдельный комплекс составляла женская моленная одежда. Она по покрою не отличалась от повседневной, но надевалась исключительно на моления. В этот комплекс входили большие платки, покрывавшие не только головы, но и плечи молящихся.

Мужскую одежду, как и на основной территории расселения, составлял комплекс: рубаха, штаны, головной убор, обувь. Шапки-ушанки — *трехухья* («собачьи уши»), так же как и кепки, дальневосточные старообрядцы не носили, считая греховной одеждой.

Комплекс верхней мужской одежды в дальневосточном регионе, как и у русских основной территории России, имел два типа покроя: халатообразный (*зипуны, шубы, тулупы*) и кафтанообразный (*кафтан, однорядка*). Распашная одежда в изначальных вариантах была цельнокроеной, хотя изредка встречались и отрезные по линии талии *борчатки*. Непопулярность отрезной одежды у старообрядцев Алтая, Сибири и некоторых других районов России в XVIII–XIX вв. была связана с тем, что всякая боренная одежда у старообрядцев считалась «греховной». Кафтанообразная одежда использовалась как обиходная, а также была характерна для мужского моленного старообрядческого костюма.

Традиционную меховую одежду (шубы, полушубки, тулупы) шили из овчины мехом внутрь. Кроме этой общевосточнославянской формы зимней одежды, широко распространены были принесенные из сибирско-алтайского региона *дохи* и *яги*, шившиеся из шкур диких животных мехом наружу. Такую одежду использовали в основном во время дальних поездок. Верхняя женская одежда старообрядок в основном была такой же, как и мужская, но меньших размеров и с украшениями.

Полевые материалы позволили выявить разную по материалу и внешнему виду обувь, практически не имевшую различий по признаку пола (*моршни, обутки, ичиги, бродни, чарочки, чирки, сапоги* и др.). Материалом для изготовления служили выделанные шкуры как домашних (лошадь, корова), так и диких (лось, изюбрь, кабан) животных. Длительное время обувь сохраняла особенности разных регионов первоначального расселения, но приобрела и некоторые местные особенности. Так, длинные, до колен и выше, сапоги, характерные для севернорусского и сибирского регионов, на Дальнем Востоке получили название по своеобразному способу изготовления — *вытяжки*. Старообрядцы, жившие в близком соседстве с украинцами и белорусами, носили лапти, которые плели из лыка липы и маньчжурского ореха. Их использовали исключительно на покосе.

В зимнее время носили соответственно местному климату валяные (катанные) из овечьей шерсти (*катанки, валенки, пимы*). Сапоги, бродни, ичиги утепляли портянками и носками, вывязанными из овечьей шерсти или пуха кабана, последние из-за своих свойств не воспринимать влагу считались наиболее ценными. Как и в сибирско-алтайском регионе зимой надевали по двое рукавиц — вязаные и овчинные *(шубинки)*, в том числе и местного происхождения — *верхонки* из шкуры изюбря.

Охотничья одежда и обувь были в основном традиционными, принесенными из лесных регионов России, но использовались также и местные, заимствованные у аборигенных народов. Многие охотники сами вывязывали носки одной иглой из конского волоса. Они скрывали запах человека, что необходимо было при подкрадывании к зверю. Таким же способом и из аналогичного материала вязали непромокаемые рукавицы для рыбной ловли в холодное время года. С этой целью в Приамурье для изготовления моршней стали использовать шкуру кеты, а в качестве пошивочного материала, наряду с традиционными нитями из льна и конопли — кабанью щетинку и сухожилия.

С таким набором одежды в начале XX в. уходили в Маньчжурию сибирские и дальневосточные крестьяне. Об их пребывании в этой стране опубликовали свои наблюдения японские ученые, изучавшие культуру и быт русских старообрядцев. Они отмечали сохранение традиции и поражавшую их красоту одежды, яркую вышивку на мужских рубашках и общую красочность и многоцветие как женского, так и мужского костюма[7].

«Их одежда, — писал С. Ямадзоэ, — красива, а особенно своеобразна женская одежда. Думаю, что пасторальное и экзотическое ощущение этой деревни в основном возникает от оригинальной одежды женщин. Если посетить деревню в воскресенье или в праздник, то уже издалека можно заметить, как прогуливаются небольшими группами молодые женщины в ярких красных, зеленых, желтых и синих платьях. В такой момент невольно начинаешь чувствовать, что попал в сказочный мир или в страну снов. В воскресенье и мужчины, и женщины отдыхают от работы, надевают праздничную одежду и развлекаются весь день... Кажется, такую красоту невозможно увидеть нигде в Маньчжурии»[8].

Однако японцы считали женскую одежду довольно усложненной. По их мнению, слишком длинный сарафан и его пышность (множество сборок) мешали женщине в выполнении хозяйственных и домашних работ. В то же время они отмечали, что в период зимних холодов длинная одежда полезнее, чем короткая[9].

Сообщения японских исследователей подтверждают сведения, полученные от бывших жителей маньчжурской д. Романовки. По свидетельству реэмигрантов, женская и мужская одежда крестьян-старообрядцев Маньчжурии по покрою, назначению и по орнаментике совершенно не отличалась от той, которую носили в России: у мужчин *рубаха, штаны, пояс,* у женщин *рубаха, сарафан, запон, пояс, шашмура, платок.* Так же на голову романовские замужние женщины надевали шашмуру; девушки могли ходить с непокрытой головой, с одной заплетенной сзади косой, украшенной лентой[10].

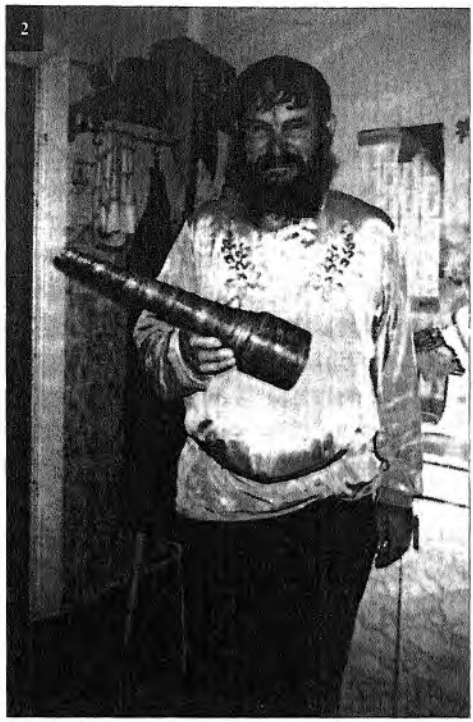
Одежду шили сами из покупной ткани. У некоторых семей были швейные машинки фирмы «Зингер», известные многим еще по Дальнему Востоку. Коноплю сеяли лишь для изготовления веревок, лен — для полотенец (*утиральников, рукотеров*), скатертей, «палаток» для покрытия убранного хлеба и других хозяйственных нужд; льняные нитки использовали в похоронных обрядах при обвязывании усопшего, завернутого в саван)[11].

Обувь старообрядцы Маньчжурии носили как покупную, так и самодельную. Лапти в Китае староверы почти не носили, но все же некоторые жители их плели. Из луба молодого орехового дерева получали «скороходные, легонькие» лапти, из липы — более тяжелые. Для летнего времени шили обычно самодельные кожаные сандалии. На подошву для них шла кожа толстая, с хребта дикого кабана — «хребтовая». Из шкуры этого животного делали и основную часть сандалий. В другое время года надевали самодельные *обутки, ичиги, олочи* (нижняя часть обуви из кожи самодельной выделки, верхняя — брезентовые или кожаные голенища; внутри — стелька из осоки). Обувь, изготовленная из козлиной и изюбриной кожи, не только была удобна при ходьбе, но и бесшумна на охоте[12]. Из синего пуха *ямана* (горного козла) вязали красивые треугольные шали.

Верхнюю теплую одежду — тулупы, шубы, шапки, валенки, как правило, покупали. На охоту ходили в коротких куртках, сшитых из шкур дикой козы домашней выделки. Кожи дубили, обычно сами. Приемы выделки кожи, конструктивные особенности одежды и обуви, материал для их изготовления практически были теми же, что и в России[13].

В настоящее время в Приамурье, в частности у амгуньских старообрядцев, отдельные элементы традиционной одежды и обуви сохранились преимущественно у реэмигрантов из Маньчжурии — староверов преклонных лет и отчасти у их потомков среднего и молодого возраста. В частности, женщины старшего поколения повседневно носят горбач (горбун) или сарафаны с широкими либо узкими лямками, фартуки-запоны и полузапоны, голову поверх шашмуры покрывают легким платком. Ношение старшим поколением женщин с. Тавлинка сарафана-горбача, привнесенного на Дальний Восток выходцами с Алтая, возможно связано с тем, что многие пожилые женщины являются сами потомками алтайских старообрядок (Басаргины) или жили со свекровями и другими родственниками из числа алтайских переселенцев (Калугины, Гуськовы и др.).

Женщины среднего возраста в повседневной жизни могут ходить как в общераспространенной одежде городского типа, так и в особого покроя *таличках*. Причем женщины в таличках чаще ходят дома, а



Мужская одежда начала XX в. (Алтай, Маньчжурия, Дальний Восток):
1) Одежда охотника с курткой из шкуры дикой козы
(из кн.: *Аргудяева Ю.В.* Русские старообрядцы... С. 248);
2) М.А. Басаргин в повседневной одежде с манком для охоты на изюбря.
Фото Ю.В. Аргудяевой, 2005 г.

«на людях» — в цивильной одежде, но непременно в шашмуре, покрытой сверху легкой косынкой. Этот головной убор остается обязательным атрибутом костюма замужней женщины у старообрядок. Его надевают и с более современным костюмом, состоящим из юбки и кофты.

Особо следует сказать о *таличке*. Ее можно считать новым современным элементом традиционного костюма, вошедшим в быт русских женщин на рубеже XX–XXI вв. Историю его появления удалось выяснить в 2010 г. при этнографическом изучении русских старообрядцев в Америке, в штатах Орегон и Аляска. По сообщениям местных жителей, эту одежду завезли старообрядки-«турчане» — русские эмигранты из Турции. Как нам рассказывали, вначале женщины пришивали лямки сарафана к рубахе, укорачивая ее, потом стали пришивать к рубахе всю верхнюю часть сарафана, затем лямки были убраны и получилось свободное платье на кокетке с длинными рукавами, по внешнему виду напоминающее рубаху с сарафаном.

Название «таличка», по мнению В.А. Липинской, изучающей развитие и трансформацию традиционной одежды, произошло от наименования рубахи, которую носили казачки в южном регионе Европейской России[14]. Рубаха имела кокетку, к которой пришивали *талейку* — сосборенную нижнюю часть — и длинные прямые рукава. Рубахи на кокетке с талейкой шили цельными или составными. Таличка американских старообрядцев, как и рубаха на кокетке донских и кубанских казачек, сходна по покрою со старинной одеждой старообрядцев юга Западной Сибири — *холодаем*[15]. В этом регионе было известно также и слово *талийка*. Оно относилось к одной детали кроя прямого сарафана — пояску охватывавшему грудь. К талийке снизу пришивали сосборенные основные полотнища сарафана, а сверху — лямки. Так шили в Сибири и в частности на Алтае, откуда старообрядцы уходили в Маньчжурию[16].

В настоящее время таличка на Дальнем Востоке, как и в Америке, распространена у старообрядок повсеместно, в том числе среди «харбинцев» и «синьцзянцев». Таличку в прошлом для взрослых и для детей присылали в Приамурье родственники из Америки. Местные женщины по этим фасонам в настоящее время уже сами шьют полюбившуюся новую одежду.

Мужчины старшего поколения надевают рубахи традиционного фасона — с воротником-стойкой и разрезом спереди, нередко обрамленным вышивкой в виде цветочного орнамента, носят их навыпуск. Однако нередко в повседневной жизни могут надеть общераспространенные по материалу и расцветке рубахи, например «в клеточку» и т.п. Мужчины среднего возраста и молодые повседневно носят одежду городского типа, в том числе не только брюки, но и рубахи, сшитые из еще модной сегодня джинсовой ткани. Мужчины подпоясывают рубахи, а женщины — сарафаны и платья-талички вытканными или вывязанными вручную поясками.

Непременным атрибутом моленной одежды остается у женщин сарафан (отрезной и неотрезной по талии) и рубаха или кофта, у мужчин — присборенный по талии кафтан черного цвета, одеваемый поверх вышитой рубахи, обязательны пояса ручной работы и лестовки.

Дети как в школу, так и в повседневной жизни ходят преимущественно в общераспространенной детской одежде. Иногда можно увидеть девочек в длинных платьях, присланных из Америки.

Традиционной остается свадебная одежда — у женщин сарафаны с рубахами, у мужчин — вышитые по разрезу и вороту рубахи. И те и другие поверх одежды обязательно надевают пояс ручной выделки. От американских старообрядцев амгуньские староверы восприняли обычай каждой из сторон («жениховой» и «невестиной») надевать одежду одного тона. Например, невеста, ее дружка и прочая свита —

в одеяниях голубо-синего цвета непременно нежных тонов или белые. Сохраняется и *красота* — свадебный головной убор невесты, оформленный в виде венка, изготовленного из лент, и украшенного длинными лентами сзади.

Что касается промыслового охотничьего и рыболовного костюма, то в настоящее время используют, как и у «мирских», общераспространенные, фабричного производства одежды. В отдельных случаях надевают зимние мужские меховые сапоги, заимствованные у местных коренных народов.

Таким образом, у современных амгуньских старообрядцев Приамурья — маньчжурских реэмигрантов и их потомков — в настоящее время сосуществуют различные комплексы женской традиционной одежды. Из них старейшим является комплекс — рубаха с сарафаном, и в частности в нем сохраняется очень древний сарафан-горбач. Во многих местностях России в течение XIX–XX вв. сарафанный комплекс постепенно вытеснился юбкой с кофтой — комплексом «парочка», но на Дальнем Востоке он был малоизвестен. Третьим, созданным в новейшее время, стал комплекс с таличкой, который получает все большее распространение. Благодаря родственным связям со старообрядцами Южной и Северной Америки, амгуньские староверы восприняли некоторые элементы одежды, бытовавшие у зарубежных русских в странах азиатско-тихоокеанского региона. При этом оставались неизменными моленная одежда и свадебная (несколько модифицированная по ткани). Традиционную одежду повседневного употребления носят представители старшего поколения, а люди среднего возраста и молодежь пользуются некоторыми ее элементами. Существенно, что старообрядцы собрали рассмотренные в настоящей статье комплексы одежды, разные по времени их появления, при самых широких межгрупповых контактах как внутри страны, так и за рубежом, и сохраняют их в настоящее время.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Обзор земледельческой колонизации Амурской области. Благовещенск, 1913. С. 116.

2 РГИА ДВ. Ф.704, оп. 4, д. 695, л. 3.

3 *Аргудяева Ю.В.* Русские старообрядцы в Маньчжурии. Владивосток, 2008. С. 8.

4 *Накамура Е.* Романовка — поселок староверов в Маньчжурии // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 247–253.

5 *Федорова С.Г.* Семья у русских староверов на Аляске // Семья у народов Америки. М., 1991. С. 299.

6 *Аргудяева Ю.В.* Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е гг. XIX в. — начало XX в.). М., 1997. С. 43.

7 *Тэруока Г.* Сельское хозяйство и жизнь беглых русских. Токио, 1942. С.46, 47; Ямадзоэ С. Рассказы о Романовке. Чаньчунь, 1941.С.30.

8 *Ямадзоэ С.* Рассказы о Романовке. Чаньчунь, 1941. С. 27.

9 Там же. С.31.

10 ПМА. Информация А.И. Гуськовой, 1925 г. рожд., пос. Тавлинка Солнечного р-на Хабаровского края.

11 ПМА. Информация П.Г. Мартюшева, 1923 г. рожд. (проживает в США; информация записана в г.Владивостоке).

12 ПМА. Информация П.Г. Мартюшева, 1923 г. рожд. (проживает в США; информация записана в г. Владивостоке); Н.И. Селеткова , 1921 г. рожд., пос. Березовый Солнечного р-на Хабаровского края.

13 ПМА. Информация М.И. Басаргиной, 1929 г. рожд., пос. Тавлинка Солнечного р-на Хабаровского края.

14 *Лебедева А.А.* Дон и Северный Кавказ // Крестьянская одежда... С. 243.

15 *Фурсова Е.Ф.* Традиционная одежда... С. 49.

16 *Липинская В.А.* Русское население Алтайского края. М., 1987. С. 135.

ГЛАВА IX

ВЛИЯНИЕ ОДЕЖДЫ СОСЕДНИХ ЭТНОСОВ НА РУССКУЮ НАРОДНУЮ ОДЕЖДУ (ЗАИМСТВОВАНИЕ, ТРАНСФОРМАЦИЯ)

В настоящее время в повседневном быту используются только отдельные предметы из традиционной одежды, к тому же – в современных их вариантах.

Как было выяснено исследователями, в первую очередь археологами и этнографами, ранний комплекс одежды славян был весьма ограничен предметно, но в дальнейшем, за исторически обозримое время значительно расширился у каждого из славянских народов. Так, если в VI–IX вв. одежда восточных славян рассматривалась как единый комплекс, то в XIII–XVII вв. в русской одежде выделились уже сословные комплексы и сформировались комплексы костюмов основных этнографических групп: севернорусской и южнорусской[1]. В дальнейшем появились еще иные комплексы, но одновременно шел процесс нивелирования и выработки общенациональных форм. Ряд предметов в комплексе традиционной одежды являлись общими не только для этнографических групп русских, но также для некоторых славянских и неславянских народов. Причины сходства далеко не всегда объяснимы. Предположительно считается, что это могут быть отзвуки общеславянского наследия, или последствия взаимовлияния в условиях многовековых этнокультурных контактов, или, наконец, результаты действия общих типологических закономерностей в этнически родственных средах[2].

В этнографических публикациях имеется немало примеров сходства отдельных элементов одежды

у народов, длительное время живших в близком соседстве с русскими, а даже – с имевшими эпизодические, кратковременные контакты. Среди исследователей нет единого мнения по поводу происхождения, наименования, покроя, вариативности отдельных предметов одежды, носимой русскими. Даже нательная рубашка, славянское происхождение которой, казалось бы, не подлежит сомнению, может быть соотнесена с римской, а форма косоворотки вызывает вопросы. Разнились мнения ученых, придерживавшихся взглядов славянофилов или западников, сторонников патриархальности или зарубежной прогрессивности. Разброс мнений бывал весьма широк. Так, относительно сарафана известно, что название имело восточную основу. Одежду, по ее форме, производили из отечественной поневы, западной юбки с проймами, из архаической древнерусской верхней одежды с ложными рукавами и, наконец, из восточного мужского сарафана (предположительно иранского, персидского). Высказывались мнения, что весь русский старинный костюм был заимствован у татар, а в отдельных группах носят одежду татарскую или польскую и т.п.[3]. С другой стороны, находили, что, «немалая доля нашего старинного костюма была заимствована у византийских греков и принадлежала в свое время к общим для всей Европы формам одежды»...[4].

Из сказанного ясно, что проблема этнокультурных контактов должна иметь первостепенное значение при изучении одежды.

Задачей настоящей статьи является выяснение действительной роли иноэтнического влияния на костюм в целом и на отдельные его составляющие. Костюм в данном контексте понимается как комплекс используемых одеяний в составе горничного и верхнего платья, праздничной и рабочей одежды, обуви и головных уборов, а также – украшений и различных дополнительных деталей. При такой постановке вопроса необходимо учитывать стадиальность и автохтонность развития, возможности конвергенции и дивергенции, особенности эстетического восприятия, подражательности и заимствования.

Не подлежит сомнению, что этноконтактные ситуации, неизбежные для каждого государства, в быту проявлялись неоднозначно для разных слоев общества. Они отличались у населения внутренних и окраинных местностей, у крестьянства, казачества, знати. В настоящей статье этнические контакты будут рассматриваться в соответствии с возможностями и условиями быта сословных, социальных, этнографических групп и слоев общества в изменяющихся исторических ситуациях.

Проблема этнокультурных взаимосвязей является одной из существенных в рассмотрении процессов развития русской культуры. Однако в отношении одежды подход к ней был ограничен, поскольк-

ку носителем традиций считалось крестьянство, одежда этого класса определялась как эталон традиционности. Иноэтничное влияние признавалось, но в основном для тех слоев соседних этносов, которые вовлекались в среду крестьянства при расширении территории. Костюм других слоев общества мало затрагивался исследованиями этнографов, поскольку он считался как бы утратившим традиционные корни после реформ XVIII в. Такое же отношение сложилось и к так называемым районам позднего заселения, где традиционализм нарушался.

Для нашей темы наибольший интерес представляют работы, выполнявшиеся в Институте этнографии РАН в 1950–1960-е гг. по составлению этнографических атласов народов страны. Материалы собирались по единой программе и учитывали практически все из ранее известных сообщений. Хотя не ставилось вопросов о заимствованиях и взаимосвязях с другими народами, карты, посвященные одежде русских (середина XIX – начало XX в.), отразили как локализацию основных традиционных элементов и их вариантов, так и наличие местностей, где в одежде русских присутствуют элементы костюма соседних народов[5].

С того времени в течение конца XX – начала XXI в. значительно расширилась территория изучения русской одежды. Были проведены специальные наблюдения в периферийных и контактных зонах. Появились исследования местных специалистов, особенно значительным был вклад ученых-сибиреведов. Однако вопросу межэтнических взаимосвязей и их отражения в русском костюме по-прежнему уделялось мало места.

Обращаясь к традиционной одежде, необходимо в первую очередь сказать, что каждый народ шил ее из материалов местного производства. Для русских это были ткани изо льна и конопли, кожи от местного скота и, а также шкуры животных среднеевропейской природной зоны. Все иные материалы могли быть получены при установлении межэтнических связей с другими народами и государствами. При этом следует различать взаимоотношения, устанавливавшиеся на государственном уровне, и те, которые завязывались при бытовом общении населения. Это имеет особое значение для России, древняя территория которой расширялась в течение долгого времени путем вольного продвижения части жителей в новые местности.

Природные условия страны благоприятствовали тому, что по водной системе было возможно переправлять товары от севера до юга. Издавна были налажены на государственном уровне связи с Византией, в XVI в. появилась возможность по морским путям завязать торговлю с южными странами: Турцией, Персией, Индией и даже Китаем[6].

Торговая сеть значительно расширилась с присоединением Сибири. Она действовала в иных условиях. По всей пограничной зоне первоначально началась произвольная меновая торговля. Затем строительство южных крепостей в Западной Сибири связали Россию со странами Средней Азии. Один за другим были проложены Чуйский, затем Кяхтинский тракт, выходившие на центральный Московский тракт, пересекавший всю Сибирь и соединявший ее с Москвой.

По южному торговому пути поступали китайские и среднеазиатские бумажные и шелковые ткани, сукна, войлоки, кожа и шкуры животных. Основным товаром из Сибири были меха, которые добывали местные и русские охотники[7].

Следует отметить, что при расширении территории страны внешнеполитические и внешнеэкономические связи с соседями переходили во внутригосударственные межэтнические взаимоотношения. Так, сибирские меха, получавшиеся первоначально путем меновой торговли, стали обязательными поставками подданных. Присоединение территории Поволжья пополнило ассортимент внутренних товаров верблюжьей шерстью, сукном (армячина), местными кожами, которые могли получать путем обмена и покупки жители местностей, соседствующих с Казанским и Астраханским ханствами еще до второй половины XVI в.

Распространение к побережьям северных морей и основание там постоянных населенных пунктов познакомило русских с выделкой шкур местных оленей и морского зверя, с мехами, с кожей, в частности и с рыбьей. Лучшая добыча от местных промыслов, даже из самых отдаленных мест достигала Москвы и непосредственно царского дворца. Так, в описях имущества цариц в XVII в. указывались шкуры нерпы (ворвань), которые «пошли в дело»[8].

Все привозившееся из других стран и поступавшее от местных промыслов тщательно учитывали и регистрировали, осматривали представители царского двора и лучшее отбирали для нужд дворца. Оставшееся поступало в продажу и в основном приобреталось боярством. Специальные указы запрещали низшим сословиям использовать те же ткани и цвета одежды, которыми пользовались господствующие слои общества[9]. Контроль велся повсеместно. В Сибири охотники, промышлявшие ценного зверя, и казаки, собиравшие ясак, не имели права оставлять ценную пушнину для себя под угрозой смертной казни.

Однако скрытая торговля, особенно меновая, имела место. В Центральной России разбогатевшие горожане и даже крестьяне, несмотря на запреты, покупали дорогие ткани небольшими кусочками и вставляли их как аппликации в одежду. В Сибири, где крестьянское хозяйство

налаживалось медленно, обмен играл важную роль и местные русские жители использовали китайские и азиатские ткани, войлоки и меха в повседневном быту.

Из местных, обменных, покупных и привозных материалов одежду изготавливали в различных слоях общества соответственно положению на сословной лестнице и с учетом используемых средств. В крестьянских хозяйствах все производство осуществлялось преимущественно в домашних условиях от получения сырья, тканья холстов, сукон, выделки шкур и кож до выполнения готовых изделий. В городах, а частично и в селениях эти функции распределялись среди ремесленников.

Некоторые ткани и предметы украшения поступали в готовом виде из других государств в качестве подарков для знати. Так, для царя Ивана Васильевича были присланы от турецкого султана шелковые ткани и два кафтана камчатые мисюренные с золотом. Борису Годунову было прислано платно – очень ценная верхняя парадная одежда[10]. Привезенные одежды использовали в готовом виде или перешивали и подгоняли по местным обычаям.

В этом отношении весьма показательна история появления шапки Мономаха и барм. По древней легенде, содержание которой выгравировано на тронном месте в Архангельском соборе, царские регалии были подарены киевскому князю Владимиру от Константина Мономаха, который снял со своей головы венец, достал из ларца ожерелье или «святые бармы», носившиеся им на плечах, цепь из аравийского золота и переслал с епископом как знак венчания на царство. По другим сведениям, в XIV в. московский князь получил в подарок золотую восьмиклинную тюбетейку бухарской работы и велел украсить ее собольей опушкой для сходства с традиционной княжеской шапкой. Таким образом шапка стала великокняжеским, а затем и царским венцом[11].

ОДЕЖДА ЗНАТИ

В допетровский период традиционная одежда русского народа, как выяснили историки, была одинакова по покрою как у царей, так и у крестьян, а отличалась только качеством, количеством и убранством. Нательная одежда – *сорочка (рубашка)* и верхнее платье были сходны у мужчин и женщин, но имели различные отделки, а у знатных и богатых выделялись дорогими тканями, кружевами, золотыми и серебряными накладками, драгоценными камнями[12].

В покрой русской традиционной рубашки были внесены изменения, как считается, в период татарского нашествия. В частности, длинные сорочки стали короче, появился разрез на левой стороне груди[13].

В этот же период увеличилось количество верхних одежд. На рубаху и платье надевали *зипун* (от тат. зубун). Крестьяне шили его из сермяги – грубой ткани, люди состоятельные – из шелка, знать – из объяри, тафты и на шелковой подкладке. Иногда к нему пристегивали стоячее ожерелье, украшенное жемчугом и камнями.

На зипун надевали верхнюю одежду, обычно называвшуюся *кафтан*, также воспринятую у татар[14]. Эта одежда, носившаяся мужчинами и женщинами, у русских получила большое распространение и различные варианты покроя: однобортный или с запахом налево, с клинями или со складками сзади, длинный или укороченный (полукафтанье). Сам термин со временем стал использоваться как обобщенное обозначение верхнего платья.

Вошли в быт верхние одежды южного происхождения. Так, *ферязь*, надевавшаяся на зипун, представляла как бы комнатный кафтан. Название, предположительно персидского происхождения, появилось в России в XVI в. Ферязи носили и цари, и простой народ. Одежда была длинной, с длинными рукавами (или без них), распашная с застежкой на завязки.

В XVI в. в придворной среде появилась специальная одежда для верховой езды – *чуга*, похожая на кафтан, но с перехватом в талии. Эту одежду можно сопоставить с кавказской *чохой*, распространившейся из городов Северного Кавказа и Закавказья[15].

Мужской одеждой, использовавшейся как зипун, но только среди знати, с XIV в. стал *сарафанец* – длинная комнатная одежда, которая в XVII в. уже начала выходить из употребления[16]. Примерно с того же времени начала распространяться женская одежда – *сарафан*. Ее происхождение неясно, а покрой в простонародной среде получил большое разнообразие: глухой и распашной, с рукавами и без них, со сборками и клинями.

Под зарубежным влиянием разнообразилась зимняя одежда. К традиционному кожуху добавились *шуба* и *шубка* — оба названия восточного происхождения. Шубы стали одеждой в основном зажиточных людей, так как их шили из тщательно подобранных, иногда драгоценных мехов, крыли красивой материей, украшали вышивкой и кружевом, пришивали золотые и серебряные пуговицы. По покрою шубы различали на *русские*, похожие на традиционный охабень, но с отложным меховым воротником, *турецкие* (*турские*) – с широкими длинными рукавами, иногда еще и с ложными, висевшими сзади, а также – *польские*, у которых был узенький стоячий воротник, рукава с обшлагами и только одна застежка у шеи[17].

Женская шубка в XVII в. была накладной, без разреза на полы, со стоячим воротником, длиною в пол и такими же длинными рукавами.

Шубки для выходов цариц делали распашными с широкими рукавами по кисть. Они роскошно украшались широким кружевом по запястью, полам, подолу, богатыми пуговицами и бляхами – *аламами*[18].

Перейдя в народную среду, термин «шубка» стал обозначать красивую одежду, как утепленную, так и легкую.

Люди знатные богато украшали шапки, варежки, перчатки, обувь, покрывая их серебром и золотом, кружевами, камнями. Сапоги и башмаки, в частности, шили из персидского и турецкого сафьяна по восточной моде, с длинными загнутыми вверх носками. Многие мелкие предметы покупали за рубежом, отмечая, например, «чулки вязаные – немецкое дело»[19].

Обязательным элементом одежды был пояс. Чем знатнее был человек, тем дороже и богаче его украшали. Например, кушаки, надевавшиеся поверх кафтана, бывали из тканей ярких цветов – кумачные, бумажные, а у очень богатых – из дорогих привозных материй, с особо украшенными концами, которые свисали книзу. Среди царского платья в музеях Московского Кремля сохранился дорогой, вытканный золотом и серебром кушак из числа 12 кушаков, подаренных в 1621 г. царю Михаилу Федоровичу персидским шахом Аббасом[20].

Ходить без пояса по русскому обычаю считалось неприличным, особое значение придавалось нижнему поясу, надевавшемуся при крещении, наделенному особой духовной символикой. Пояс на женских сорочках воспринимался как символ целомудрия и благочестия. Верхнее женское платье, напротив, носили неподпоясанным, свободного прямого покроя, длиною до пола, с закрытыми руками и шеей. И.Е. Забелин видит в этом проявление влияния Византии, то есть православной церкви, выразившееся «постнической идее» о греховности плотской красоты. Она нагляднее всего проявилась в женском традиционном платье, тщательно скрывавшем фигуру, тем более, что надевали обычно по три одежды[21]. При этом женскую одежду украшали вставками ярких тканей, нашивкой кружев, тесьмы, цепочек из дорогих металлов, самоцветами.

Особое внимание уделялось верхней части корпуса, первой попадающей в поле зрения. Поэтому большинство украшений сосредоточивалось на головном уборе и вокруг лица. Традиционным русским женским головным убором считается *кичка – сорока*. По мнению И.Е. Забелина, она имеет византийскую основу. «Оттуда же наши красавицы заимствовали если не саму кику, то ее княжескую или царственную форму с ее особыми украшениями, именно рясами, длинными жемчужными прядями, ниспадавшими к плечам по обеим сторонам этого головного убора... Точно такой же головной убор существовал еще раньше в греческих и черноморских колониях...», –

писал он[22]. Головной убор состоял из нескольких частей. К нему прилагались *чело кичное*, украшенное золотом, жемчугом, каменьями, *подзор* с мелкими украшениями, *поднизь* – золотая вязаная сетка с жемчугом в передней части, *позатыльник* сзади и свисавшие по бокам длинные жемчужные рясы в несколько нитей. Эти составные части в упрощенном виде вошли в простонародный головной убор. Этнограф Г.С. Маслова считает, что на основе компонентов народных вариантов кичкообразных головных уборов был создан самый красивый элемент русской одежды – *кокошник*[23].

В наряде цариц, кроме кики, появилась еще царственная регалия – *коруна*. Она отличалась кронистой тульей, собранной над обычным венцом. Подобная форма в народном костюме использовалась для головных уборов девушек. Убор цариц дополняло ожерелье, сходное с бармами. В довершение облачения на голову набрасывалась фата. Подобные элементы вошли в народную одежду.

В наибольшей полноте и красочности костюм знати был представлен на празднествах, приемах послов, венчании на царство. Придворных обязывали надевать платья только из привозных дорогих тканей. При Федоре Алексеевиче был издан в 1680 г. указ, повелевавший «боярам, дьякам и ближним людям быть в золотых и бархатных и объяренных ферезях» с бармами[24]. Тщательно была разработана процедура венчания. Царский наряд включал несколько одежд, в соответствии с византийско-церковной традицией[25].

Так, при венчании на царство Алексея Михайловича на нем были надеты: сорочка шелковая, тесьма (пояс) большая новая, зипун атласный без ожерелья, кафтан становой (из казны), башмаки низаные, шапка горлатая большая и платно атласное по белому полю с обнизным широким жемчужным кружевом и каменьем. Жезл был взят «с казенного двора». После венчания была возложена шапка Мономахова, диадема (ожерелье, бармы), а посох заменен на чеканный[26].

ОДЕЖДА НАСЕЛЕНИЯ ПОГРАНИЧНОЙ ЗОНЫ

Заимствование одежды других народов, и по преимуществу в обстоятельствах, связанных с военными ситуациями, наблюдалось в пограничной зоне. Так, в XV–XVI вв. в низовьях Дона между владениями Русского государства и Крымского ханства стали появляться вольные отряды мужчин – искателей независимости и ратных приключений, которые к XVI в. сложились в отряды донских казаков. Не имея семьи, хозяйства и возможностей для изготовления одежды, они добывали ее во время своих военных походов.

По сведениям, собранным историком казачества В.Д. Сухоруковым, в походы казаки отправлялись в самой дряхлой ветоши, а вернуться могли с богатой добычей. Например: «Один являлся в лазоревом атласном кафтане с частыми серебряными нашивками и с жемчужным ожерельем; другой – в камчатном или бархатном полукафтане без рукавов и в темногвоздичном суконном зипуне... У всех шелковые турецкие кушаки... красные или желтые сафьянные сапоги и кунья шапка с бархатным верхом. Многие одевались в богатые турецкие, черкесские или калмыцкие платья, украшая себя оружием, оправленным с азиатскою роскошью серебром и золотом под чернию»[27].

Такой способ получения одежды являлся случайным, нерациональным, и сами костюмы, приобретавшиеся в набегах, могли быть весьма кратковременного пользования. Владельцы нарочито показывали пренебрежение к ним: могли порвать, извалять в грязи.

Однако возникала привычка к чужому, иноэтничному платью, которая закреплялась при благоприятных обстоятельствах. Уже в XVIII в., когда появилось постоянное население, земли Дона были вовлечены в российское хозяйство и установлены торговые связи с внутренними губерниями, костюм донских казаков оставался специфичным: «Платья носят почти совсем татарское, парчовое, штофное и суконное, кафтан и полукафтанье или бешмет и штаны широкие, сапоги и шапка черкесские, опоясываются кушаками», – писал историк А. Ригельман[28].

Вследствие географических особенностей пограничных местностей население в них формировалось на полиэтничной основе. Поэтому по всей южной окраине страны, где размещались обычно отряды казаков, в одежде присутствовали иноэтничные элементы. Так, у кубанских казаков наблюдалось много украинских черт, при том, что ранняя форменная одежда была полностью заимствована от кавказских горцев[29]. У астраханских казаков сочетались элементы кавказского и калмыцкого платья[30]. На сибирских линиях в одежду мужчин вошли традиционные элементы от тюркоязычных и монгольских соседей, в частности халатообразные и меховые: в Западной Сибири – меховые и кошменные чулки, в Восточной Сибири – унты (*лунты*) и *кисы* (меховые носки). Повсюду мужчины носили бухарские халаты, а женщины штаны – шаровары[31]. Оценивая сложившуюся картину в целом, А.А. Лебедева заключала: «Особенно заметное заимствование наблюдалось в станицах и поселках, где русские казаки жили вместе с другими народами. Русские восприняли от своих соседей главным образом то, что имело практический смысл; имело также значение то, что среднеазиатские изделия и материи были значительно дешевле привозных русских»[32].

Одежда казаков была богаче и ярче, чем у крестьян, которые обычно являлись поздними переселенцами. Особенно заметна была разница в

платье и убранстве женщин. На юге в женское платье вошел турецкий *каврак* и *сарафан* в ранней его форме, с короткими рукавами и на подкладке[33]. Одежду охватывали пояса с золотыми и серебряными чеканными украшениями.

Особо следует сказать о головном уборе, в котором сочетается зарубежное с народным. Для жен богатых казаков престижным было носить «с черкесского обычая» круглые шапки из соболя, унизанные драгоценными камнями. Очень богат был праздничный головной убор, вошедший в обрядовую одежду. Девушки и женщины повязывали голову *лентами*, украшенными золотом и жемчугом. Вдоль щек свисали нити из жемчуга, а из-под лобной повязки – жемчужная же сетка.

Женщины закрывали волосы двурогой *кичкой* с чехлом – *сорокой* и подвязывали *позатыльник*. Все это сверкало золотом, серебром и каменьями и покрывалось прозрачной фатой[34]. Аналогичного типа головной убор бытовал у крестьянок ближайших к Дону селений, относившихся к южнорусской этнографической группе, однако без драгоценных украшений и из простых тканей.

По нашему мнению, больше сходства в костюме казачек можно усмотреть с одеянием и убранством русских цариц. Создается впечатление, что донское казачество, имевшее возможность получать зарубежные ткани и ценные украшения, стремилось подражать как восточным вельможам, так и отечественной знати.

ОДЕЖДА КРЕСТЬЯН ВНУТРЕННИХ ТЕРРИТОРИЙ СТРАНЫ

Комплексы костюмов севернорусской и южнорусской этнографических групп не закреплены жестко даже на основной территории Европейской России, где проходило их формирование.

Есть местности, где некоторые элементы комплексов перемежаются, а также включаются предметы, не присущие русской одежде. Эти явления наблюдаются преимущественно в зонах позднего заселения и на окраинах, где можно предположить наличие иноэтничных воздействий.

Мужской костюм, по сравнению с женским, весьма единообразен, состоит из небольшого числа предметов и в покрое мало вариативен. Русский крой штанов (из трех полотнищ ткани) господствовал повсеместно, рубашка туникообразная или с поликами также была известна повсюду. Этот покрой связывал одежду русских с общеславянскими корнями. Однако после выделения трех восточнославянских народов

развитие костюмов пошло конвергентным путем, в результате чего с некоторого времени появилась необходимость говорить о взаимовлиянии между русскими, украинцами и белорусами. Так, рубашку с прямым разрезом посредине груди считают украинской, как и способ ее ношения, заправляя ее в штаны-шаровары, что имело место у русского населения на юго-западе, в бассейне р. Кубани. Исследователи объясняют присутствие там украинского комплекса длительным соседством братских народов[35]. Вследствие этого для части жителей бассейна Кубани украинский костюм являлся заимствованным, а для некоторых - сохранением традиции.

Аналогичная картина наблюдалась в Смоленской губернии, соседящей с Белоруссией, где женщины наряду с русской одеждой носили юбку-*андарак* и с ней *шнуровку* типа жилета, составлявших специфику белорусского костюма[36]. Суконные полосатые юбки–*сукманки* бытовали в некоторых местностях Архангельской и Вологодской губерний. Исследования последнего времени позволили установить, что юбки с продольными полосами из сукна и с поперечными полосами из пониточной ткани имели разное происхождение. Более древние пониточные юбки аналогичны носившимся финноугорским населением Северо-Запада (карелами, финнами, вепсами). Они были восприняты от ассимилированных местных племен. Суконные юбки с продольными полосками имели польское происхождение и были принесены на север переведенцами из Польши в XVII в., а также позднее из Смоленской губернии и Белоруссии[37].

Польское влияние проявилось и в покрое рубашки с недлинными пышными рукавами, собранными вверху у шеи, а внизу обшитыми цветной каемкой. В некоторых местностях Архангельской и Вологодской губерний их называли «польскими» в отличие от «русских» с рукавами суживающимися к кисти[38]. Рубахи с «суцельным» сосборенным рукавом шили и на Смоленщине. В более развитом варианте они характерны для Украины (сорочки). Г.С. Маслова, изучавшая эволюцию покроя, считает, что его происхождение до настоящего времени не выяснено[39].

Основной одеждой русских женщин, которую надевали поверх рубахи, был сарафан. Он имел множество местных названий и различные варианты покроя. Для нашей темы представляют интерес западные варианты, похожие на юбку с лямками, например, *круглый с грудкой* (Олонецкая губерния) или сарафан *с лифом* (Архангельская, Смоленская губернии), похожие на высокую юбку, а также – сосборенный *прямой,* или московский. Разнообразие наименований сарафана указывает на сложность его происхождения и развития. В настоящее время считается, что в основе генезиса лежат разные типы древних

русских одежд. В частности, отмеченные нами варианты имеют аналогии в западнославянском и белорусском костюме, а также в литовском, эстонском и даже шведском[40].

К этому следует добавить, что все варианты сарафанов шили с широкими полотнищами, что создавало свободный ниспадающий силуэт, отвечавший церковно-православному постному стилю, и в церковь полагалось ходить без верхнего пояса, подчеркивающего фигуру. Таким образом, выявляется широкий круг влияний, благоприятствовавших созданию этой красивой одежды, ставшей знаковым элементом русского традиционного костюма.

Мелкие предметы: пояса, рукавицы, головные уборы и пр. – тоже показывают взаимосвязи как с финноязычными соседями, так и с западнославянскими. Например, на Северо-Западе много использовалось вязаных изделий для утепления рук и ног, в том числе с узорными орнаментами прибалтийских народов, при этом рукавицы из толстой шерсти называли *русскими*, а из мягкой шленки – *панскими*[41].

Основной обувью русского крестьянина считались лапти. В последнее время отношение к этому пересматривается. Сопоставительный анализ показывает, что на большей части территории обувь была кожаной, а лапти преимущественно использовали для работы. Возможно, имели место заимствования от финноязычных аборигенов.

Расселение русских в болотистые равнины Мещерской низменности могло усилить влияние местного населения на изготовление плетеной обуви, в частности косого мордовского плетения. Распространенные по всему Северу короткие башмаки – *коты* сопоставимы с обувью коми (кӧм – кӧт)[42].

Следует отметить также некоторые предметы украшения костюма женщин, а именно навески на пояс, крепившиеся сзади в виде цветных шерстяных лент. Аналогичные парные подвески входили в традиционный костюм мордвы-мокши[43]. Женщины южного региона в качестве украшений использовали перья птиц (хвост тетерева), *пушки* – шарики из хвостовой части гуся, *бисер*, из которого делали *монисто*, *гайтаны* (шнурки), бахрому для позатыльника. Эти украшения были известны также коренным народам Поволжского региона, но в основном с местными названиями. В данном случае следует говорить скорее не о заимствовании, а о возникновении общности культуры жителей[44].

Точно известно, что название одного из головных уборов женщин – *самшура* произведено от финноугорской основы: шамшур – саамов, шамшура – коми, самсура – поволжской корелы. Восприняв название и основную форму в виде легкой шапочки, собранной вверху, и плоской налобной простеженной вставки, русские разработали несколько

ее вариантов, бытовавших локально на Северо-востоке Европейской России и в Сибири[45]. Заимствованный головной убор отвечал древней языческой и последующей православной традиции плотно закрывать волосы, что имело сакральное значение.

Головной четырехугольный платок и восточная шаль завоевали всеобщее признание у народов Европы. В России существовало много способов их повязывания, и некоторые получили особое осмысление, связанное с православными представлениями. Верующие, особенно приближенные к церкви, считают, что платок должен покрывать голову и плечи, для этого его не завязывают, а зашпиливают под подбородком, ориентируясь на иконописные изображения святых угодниц. Накладывают на голову по два платка, из которых нижний считают «земным» покровом, а верхний – «небесным»[46]. Пожилые женщины покрываются шалью, как омофором, свесив вниз все четыре конца.

Выше рассмотренные заимствования были более или менее связаны с традиционными предметами крестьянского обихода. Помимо этого русские вовлекали в свой гардероб дополнительные вещи. К их числу можно отнести бухарский (персидский) халат. Он стал использоваться как удобная домашняя одежда мужчин в среде горожан, казачества, промышленников, богатого сибирского крестьянства.

Появление других дополнительных вещей вызывалось необходимостью и было связано с занятиями промыслами в суровых природных условиях севера Архангельской, Пермской губерний. Простейший из них *лузан*, заимствованный у коми, представлял собой суконный жилет прямого покроя. Пояс продергивался внизу так, что образовывал пазуху, служившую карманом, удобным на охоте.

Совик и *малица* – традиционная одежда северных народов. Длинные, нераспашные, рубахообразного покроя, они были хорошо приспособлены для полярного климата. Совик и малица шились из нетрадиционного для русских материала – оленьих шкур, работа с которыми требовала специальных навыков. Поэтому вещи приобретали у местных жителей покупкой или пошивом на заказ. Сапоги *бахилы* шили сами, используя коровью кожу (для верха) и влагостойкую тюленью для нижней части. Промысловики, выходившие на северо-западный мурманский участок, имели возможность включить в свой рабочий костюм норвежские *фуфайки* и *свитеры*, приобретенные у северных моряков[47].

В восточной части Русского Севера, кроме климатических условий, была и другая причина использования одежды местных жителей. Удаляясь от основной территории и не имея своего хозяйства, первые сибиряки не могли пополнять запас платья. Этнограф С.В. Максимов писал, что казак, износив одежду, наряжался по-сибирски[48]. Этот

опыт применяло также правительство, отправляя в Зауралье ссыльных. Администрация обязывала местных жителей брать присланных на постой, а также обеспечивать пищей и одеждой. Для этих поселенцев туземный костюм был вынужденным, и когда появлялась возможность, они от него отказывались.

Русские, осевшие в Сибири на постоянное жительство, наряду с традиционной стали в повседневном быту пользоваться местной одеждой, особенно в Восточной Сибири. Так, вошли в обиход ровдужные рубашки, парка и камлея. На Колыме в морозы надевали *кухлянку* в два слоя меха, на Анадыре к ней добавляли еще и меховые штаны. Женщины также пользовались не только местной верхней одеждой, но и в качестве домашнего платья носили легкие распашные шубки и меховые чулки.

Таким образом, русское крестьянство, расселившееся на обширной территории, в различных климатических зонах, использовало опыт тех народов, с которыми вступало в бытовые контакты в северном и южном регионах. Русские получали при этом пользу для здоровья, комфортность пребывания в новых условиях, специальные костюмы для трудовой деятельности и эстетическое удовлетворение от обновления своего гардероба. В костюме соседних этносов привлекали, в первую очередь, рациональные черты, приспособленность к местным условиям и навыки использования природных материалов.

Подводя итог, можно заключить, что русский народ был открыт для межэтнических контактов, способствовавших улучшению его одежды по качеству материала, форме, покрою, декоративному оформлению.

Интерес к новому проявлялся как при общении с народами, постепенно вовлекавшимися в орбиту русской государственности, так и с весьма удаленными, как, например, Персия, Индия и др. Одни из новых вещей вносились в традиционную одежду при ассимиляции коренных жителей, другие – приносились переселенцами, а некоторые оставались как дополнительные элементы. Поступление новых образцов нередко вызывало внутреннее, автохтонное развитие традиции, приводившее к появлению новых вариантов. Примером этого может служить сарафан.

Следует отметить, что усваивались не только предметы и связанные с ними названия, но сами термины, отрываясь от вещи, приобретали самостоятельность, поглощали более ранние наименования и приобретали обобщающее значение. Так, кафтан шили в России разными вариантами покроя, и, помимо этого, его названия понималось в значении верхнего платья вообще.

Процесс изменения одежды неразрывно связан с историей народа. В период славянской общности развитие традиционной культуры, в частности и в отношении одежды, шло в едином русле для населения, жившего на соседних территориях Восточной и Западной Европы. В дальнейшем в традиционной одежде русских сохранялись некоторые общеславянские элементы, а также продолжало сказываться влияние западных соседей, более ощутимое в пограничных местностях.

После принятия христианства по греко-византийскому варианту началось сильное воздействие восточной культуры. Его воспринимали в первую очередь в высших властных эшелонах, устанавливавших контакты с восточными странами на государственном уровне. Воспринятая одежда служила образцом для остального населения. Облачения духовенства были целиком перенесены в Россию, а христианские идеи в отношении одежды и внешнего облика, проповедовавшиеся священством, воздействовали на все общество в целом.

Восточное влияние проникало в народную среду также при расселении в направлении к азиатскому континенту. На бытовом уровне воспринимались новые материалы и новые предметы от финно-угорских, тюркских, монгольских народов, а при движении к северу – также и от самодийских и палеоазиатских. Поскольку миграции проходили преимущественно в местностях с умеренным и суровым климатом, особенно много было заимствовано предметов верхнего платья.

В каждом климатическом поясе воспринимались в первую очередь вещи, соответствующие местным условиям, но для русских были привлекательны не только удобство, но и красота одежды. Если на юге поражала и усваивалась броская яркость легкой одежды, то на севере – удобная, спокойная мягкость теплых мехов.

В заключение следует подчеркнуть, что процесс обновления и улучшения традиционной одежды, с учетом костюмов соседних народов, был непрерывен. Он шел на всем пространстве расселения и в среде всех слоев общества. Новшества входили в быт постепенно: через узнавание, эпизодическое использование, овладение техникой изготовления и, наконец, налаживание собственного производства из местного сырья. Вместе с расширением ассортимента вещей значительно пополнился словарный запас языка.

Таким образом, поставленная в настоящей статье задача выяснения действительной роли заимствований в русской традиционной одежде потребовала рассмотрения материалов в широком территориальном охвате и в костюмах всех слоев общества. Это позволило установить, во-первых, активность и заинтересованность русских в использовании полезных качеств соседних народов, во-вторых –

выявило глубокий творческий потенциал в создании собственного этнически специфичного костюма, в-третьих – заимствованные образцы, как правило, перерабатывались в локальных вариантах применительно к местным условиям, а это, в свою очередь, способствовало обогащению народной традиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Седов В.В. Одежда восточных славян VI–IX вв. н.э. // Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986. С. 30-38; Рабинович М.Г. Одежда русских XIII–XVII вв. // Там же. С. 113.

2 Рабинович М.Г. Указ. соч. С. 108–109.

3 Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. СПб., 1776. Ч. 4. С. 210.

4 Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI–XVIII столетиях. Новосибирск, 1992. С. 176.

5 Русские: Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда (середина XIX – начало XX в.). М., 1961.

6 История торговли в России // Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. 66. СПб., 1901. С. 563-581.

7 Александров В.А. Таможенные книги Ирбитской ярмарки как этнографический источник (конец XVII – начало XVIII в.) // СЭ. 1978. № 3. С. 131-138; Копылов А.Н. Торговые связи Енисейского рынка в XVII в. // Экономика, управление и культура Сибири XVI–XIX в. Новосибирск, 1965. С. 94-110.

8 Забелин И.Е. Указ. соч. С. 186.

9 Лебедева А.А. Крестьянская одежда русского населения Сибири // Этнография русского крестьянства Сибири. XVII – середина XIX в. М., 1981. С. 146.

10 Опись имущества царя Ивана Васильевича. Т. VII. С. 7-11, 13-15.

11 Спицын А.А. К вопросу о Мономаховой шапке // ЗОРСА. Вып. 1. М., 1906; Он же. Бухарский клад и Мономахова шапка // ИАК. Вып. 29. М., 1909; Соколова М.М. Мономахов трон. М., 2001. С. 60-61; Савваитов П. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора. СПб., 1896. С. 7.

12 Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов русского народа в XVI и XVII столетиях. Смоленск, 2002. С. 82; Рабинович. Одежда русских XIII–XVII вв. // Древняя одежда... С. 65-66.

13 Забылин М. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1989. С. 495; Савваитов П. Указ. соч. С. 120.

14 Забылин М. Указ. соч. С. 504.

15 Рабинович М.Г. Указ. соч. С. 74.

16 Забылин М. Указ. соч. С. 503.

17 Савваитов П. Указ. соч. С. 179.

18 Забелин И.Е. Указ. соч. С. 204-205.

19 Савваитов П. Указ. соч. С. 117.

20 Левинсон-Нечаева М.Н. Ткани и одежда XVI–XVII вв. // Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954. С. 345-346.

21 Забелин И.Е. Указ. соч. С. 178-179.

22 Там же. С. 177.

23 Маслова Г.С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 236.

24 ПСЗ. Т. 2. С. 288. № 850: Указ «О различии одежд, в которых разные чины должны являться в праздничные и торжественные дни при государевых выходах».

25 Богданов А.П. Чины венчания российских царей // М., 1995. С. 211-214; Забелин И.Е. Как жили в старину русские цари-государи. М., 1991. С. 13-15.

26 Выходы государей, царей и великих князей. М., Тип. Августа Семена, 1844. С. 53-54.

27 Сухоруков В.Д. Статистическое описание земли донских казаков, составленное в 1822-32 годах. Издание областного правления Войска Донского. Новочеркасск, 1891. С. 114-115.

28 Ригельман А. История или повествование о донских казаках. М., 1846. С. 137-138.

29 Дворникова Н.А. Русские и украинские традиции в одежде населения бассейна р. Кубани // СЭ. 1964. № 1. С. 132.

30 Липинская В.А. Одежда русского населения Астраханской области в исторической перспективе (в печати).

31 Липинская В.А. Русское население Алтайского края. Народные традиции в материальной культуре (XVIII–XX вв.). М., 1987. С. 145-146.

32 Лебедева А.А. Мужская одежда русского населения Западной Сибири (середина XIX – начало XX в.) // Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. М., 1974. С. 221.

33 Лебедева А.А. Дом и Северный Кавказ // Крестьянская одежда населения Европейской России (XIX – начало XX в.). М., 1971. С. 245–246.

34 Ригельман А. История или повествование о донских казаках. М., 1846. С. 136–137; Абрамова А. Традиционный комплекс женской одежды в свадебном обряде казаков-некрасовцев // Известия Ростовского областного музея краеведения. Ростов-на-Дону, 1989. С. 116-125.

35 Дворникова Н.А. Указ. раб. С. 128-132.

36 Лебедева Н.И. Одежда русского сельского населения западных областей // ТИЭ. Т. VII. М., 1960. С. 47.

37 Слепцова И.С. Происхождение поясной одежды крестьянок Русского Севера // Русский Север. Этническая история и народная культура. XII–XX вв. М., 2001. С. 346-351.

38 Маслова Г.С. Старинная одежда и гончарное производство Каргопольщины // КСИЭ. В. VI. 1949. С. 5-7; Майнов В. Поездки в Обонежье и Корелу. СПб., 1884. С. 96.

39 Маслова Г.С. Народная одежда... С. 609-611.

40 Маслова Г.С. Народная одежда... С. 643.

41 Майнов В. Указ. раб. С. 96.

42 Кривощекова-Гантман А.Г. Коми-пермяцкие заимствования в русских говорах Верхнего Прикамья // Этнологические исследования. Свердловск, 1981. С. 46-55.

43 Белицер В.Н. Народы Среднего Поволжья и Приуралья // Крестьянская одежда... С. 297.

44 Лебедева Н.И., Маслова Г.С. Русская крестьянская одежда XIX – начала XX вв. как материал к этнической истории народа // СЭ. 1956. № 4. С. 29.

45 Маслова Г.С. Народная одежда... С. 682; Фурсова Е.Ф. Традиционная одежда русских крестьян-старожилов Верхнего Приобья (конец XIX – начало XX вв.). Новосибирск, 1997. С. 70-76.

46 Бойко Е.С. Внешний облик старовера в процессе богослужения // Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока. История и современность. Местные традиции. Русские и зарубежные связи. Владивосток, 2004. С. 32.

47 Бернштам Т.А. Русская народная культура Приморья в XIX – начале XX в. Л., 1985. С. 61–62.

48 Максимов С.В. Собр. соч. Т. 2. Сибирь и каторга. СПб., б/г. С. 267 -268.

ГЛАВА X

ОСОБЕННОСТИ ОДЕЖДЫ В СВЯЗИ С ВЕРОИСПОВЕДАЛЬНЫМИ ТЕЧЕНИЯМИ XVII–XXI ВЕКОВ

ОБЛАЧЕНИЯ ДУХОВЕНСТВА и НАРОДНАЯ МОЛЕННАЯ ОДЕЖДА РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ

Православие в России изначально являлось государственной религией и вводилось правительством принудительными мерами. Первыми священнослужителями были иностранцы, прибывавшие из ближневосточных церквей, и уже они ставили на службу русских священников. В таких условиях христианство не могло распространяться быстро в стране в силу ее обширности, тем более что народ сопротивлялся как весьма жестким действиям власти, так и чужеземным наставникам.

Академик Б.А. Рыбаков на основании многолетних исследований установил, что «греческое христианство застало в 980-е г.г. на Руси не просто деревенское знахарство, а значительно развитую языческую культуру со своей мифологией, пантеоном главных божеств, жрецами и, по всей вероятности, со своим языческим летописанием... Лишь на рубеже XII–XIII вв. установилось «двоеверие», то есть некоторое компромиссное равновесие языческих и православных элементов, насколько это можно проследить по разного рода источникам»[1].

Священство при поддержке правительства во все последующие века вело последовательную борьбу с остатками язычества, направленную на укрепление православия[2]. Большое значение в успехе новой веры имела объединяющая роль самой церкви, и немаловажное влияние оказывали вдохновляющие примеры благочестивой жизни выдающихся подвижников православия. Глубоко проникнув в сознание народа, идеи христианства находили свое выражение в различных сторонах быта, но наряду с ними продолжали в некоторой мере сохраняться древние воззрения на мироустройство.

История христианства в России протекала нелегким путем. Возникали внутренние несогласия, имело место реформирование, а кроме того шли самостоятельные поиски пути к Богу у отдельных лиц и групп населения. Наконец, оказывали давление другие конфессии, развертывали деятельность зарубежные секты с собственными религиозными взглядами и бытовыми особенностями.

В противостоянии различных вероисповедальных течений немаловажная роль отдавалась одежде. Вследствие своей яркой наглядности она в некоторой степени взяла на себя функцию отображения идей самосознания и вероисповедальных представлений. Благодаря этому появилась возможность визуального определения как единомышленников, так и противников.

В настоящем разделе будут рассмотрены особенности костюма, создававшиеся в течение веков при выделении самостоятельных православных митрополий и иных вероисповедальных объединений.

МОЛЕННАЯ ОДЕЖДА

Облачения духовенства. Специальные культовые одеяния православного священства появились на Руси в X в., после принятия христианства. С того времени церковь стала играть важную роль в жизни государства. Она оказала большое влияние на культуру, на сознание и быт граждан, что нашло отражение, в частности, в одежде.

В X в. христианство уже являлось государственной религией в Византии, где при поддержке правительства к этому времени сложился определенный культ богатых церковных облачений. Согласно легенде о принятии православия на Руси именно яркость богослужения определила выбор послов князя Владимира: «И пришли к немцам и видели их службу, но красоты не видели никакой. И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали — на небе мы были или на земле: ибо нет на земле такого зрелища и такой красоты, и рассказать о том невозможно. Знаем только, что там Бог пребывает с людьми, и уже не можем забыть той красоты»[3]. Отмеченные в легенде

критерии красоты, торжественности и духовности сохранялись в России и в дальнейшем в культовой одежде священства. В более благоприятных условиях находилась ортодоксальная патриаршая церковь, длительное время поддерживавшаяся правительством, почему пышность одеяний ее служителей достигла со временем наибольшей яркости и духовной выразительности.

Древняя одежда русского священства. (С гравюры XVI в. Из кн.: *Герберштейн С.* Записки о московских делах. СПб., 1908. С. 44.)

В богословском смысле идеей христианского богослужения и отчасти его внешнего выражения — богослужебных риз, являются слова Священного писания: Сам Творец «оделся светом как ризою и простер небо как шатер» (Пс. 103); или: «И Он преобразился перед ними. И его одежда стала блестящей, чрезвычайно белой, такой, что никакой белильщик на земле не может выбелить» (Ев. от Марка. 9:2–3).

Поэтично пишет апостол Павел о значении одежд в своем послании к Ефесянам: «Облекитесь во всеоружие Божие... Итак, станьте, препоясав чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности, и обув ноги в готовность благовествовать мир, а паче всего возьмите щит веры... и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть слово Божие» (Еф. 6:11, 14–18)[4]. Эти слова легли в основу богословского осмысления одеяния духовенства. Богослужение в целом и церковные одежды в частности в своем развитии испытали на православном Востоке влияние двух факторов: а) первоначально – «пустыни» – обители Палестины и Египта, где рождался богослужебный устав и молитвы иноков–подвижников; и б) затем – императорского двора, воспринявшего церковный обряд в Константинополе. В силу политической значимости он должен был отражать на себе блеск придворного великолепия и власти, который нашел воплощение в саккосе, митре, скрижалях, разноцветных полосах на стихарях и т.д.[5].

Историки-литургисты считают, что в появлении многих изменений в облачении священнослужителей лежала инициатива византийских

Священник в однорядке.
(Из альбома: *Мейерберг А.* Виды и бытовые картинки России. СПб., 1903.)

императоров. Та или иная деталь императорских парадных одеяний сначала жаловалась императором тому или иному духовному лицу в знак признания их достоинств, иными словами, в качестве награды. Например, император Василий II Болгаробойца пожаловал иерусалимскому патриарху Феофилу право одевать во время богослужения диадему (митру), точно так же как другие императоры жаловали патриархов своими личными вещами: саккосами, омофорами, поручами, обувью с вышитыми на них византийскими орлами и т. д. Таким образом, многие принадлежности того или иного священного сана носили характер награды и были связаны с императорским византийским престолом. Эти награждения соответствовали духовному сану и в православии получили духовное символическое переосмысление.

Одеяния духовных лиц в настоящее время соответствуют трем степеням церковного посвящения: диакон, священник (т.е. пресвитер) и епископ. Одеяния этих трех степеней называются облачения священнослужителей или ризы. Они предназначаются только для богослужения, по окончании снимаются и оставляются в храме[6].

Согласно церковному уставу, в облачение священнослужителей высшего чина входит облачение низших чинов: сначала одевается одежда, присвоенная низшему чину, а затем – облачение, присвоенное соответствующему высшему чину. Например, диакон надевает сначала стихарь, а затем прикрепляет к плечу орарь диакона. Священник сначала облачается в диаконские одежды, а затем в свойственные ему – иерейские. Епископ облачается сначала в одежды диакона, потом в одежды иерея (священника), а затем – в епископские[7].

Низший чин священнослужителей представлен диаконами. С греческого языка слово диакон переводится как служитель. Диаконы служат епископу или священнику при богослужении и совершении таинств. Самостоятельно служить они не могут. Одежды (облачение) диаконов составляют: стихарь, орарь и поручи.

Стихарь – длинная одежда белого цвета с широкими рукавами, общая для всех степеней священства. Стихарь знаменует чистоту души, спокойную совесть, непорочную жизнь, духовное радование, которые

должны иметь лица духовного сана. Это самое древнее богослужебное одеяние. Прообраз стихаря – подир ветхозаветных священников. Сам же стихарь является прообразом хитона Господня и багряницы Его, одежды страданий.

Орарь – отличительный элемент облачения диаконов. Он представляет собой длинную широкую ленту из парчовой или другой ткани, носимой на левом плече поверх стихаря. Орарь получил свое название от греческого слова «оро» – смотрю, наблюдаю. Концы ораря свисают вниз. На торжественной церковной службе – литургии, после пения молитвы «Отче наш» диакон опоясывает орарем грудь. На спине орарь пересекается крест-накрест. Через плечи концы ораря также спускаются на грудь и также пересекаются крест-накрест, как бы опоясывая грудь и спину диакона. После причащения диакон снова распоясывает орарь, оставляя его на левом плече.

Орарь знаменует благодать Божию, которую диакон получил в таинстве священства. Двойной орарь является в Русской Православной церкви наградой диакона за достойное служение.

Поручи – нарукавники, обязательные для одежд священнослужителей. Они охватывают обе руки в запястье. Концы поручей соединены с внутренней стороны шнуром. С верхней стороны рук на них изображен крест. Они символизируют узы, которыми были связаны руки Христа.

Священники, по-гречески иереи или пресвитеры, составляют следующий чин священнослужителей. Более достойные и заслуженные среди священников называются протоиереями, т.е. главными среди иереев. Главный священник среди протоиереев имеет сан протопресвитера. Если священник является монахом, он называется иеромонахом. При назначении иеромонаха настоятелем монастыря он получает звание игумена, а для более крупного и значимого монастыря – архимандрита. Особенно достойные из архимандритов избираются епископами.

Облачение священника (иерея или пресвитера) составляют: подризник, ряса, епитрахиль, пояс, поручи, фелонь.

Подризник является нижней одеждой. Он шьется из тонкой белой материи, имеет сужающиеся рукава, которые затягиваются шнурками у запястья. Белый цвет подризника должен напоминать священнику об обязанности вести беспорочную жизнь и иметь чистую душу. Подризник напоминает хитон, в который был одет Иисус Христос.

Епитрахиль – важнейшая (литургическая) часть одежды священника иерейского сана, представляющая собой как бы двойной орарь, надеваемый через голову, охватывающий шею и спускающийся на грудь двумя полосами, соединенными пуговицами посередине. На епитрахиль нашиваются кресты по два в ряд, изображающие сложенный вдвое орарь. Символически епитрахиль означает сугубую (двойную),

по сравнению с орарем диакона, благодать, дающую право священнику совершать церковные таинства.

Подрясник – нижнее одеяние священнослужителя, сходное с народной верхней одеждой священнослужителя, имеющее покрой длинного, до пят, кафтана с длинными рукавами, сужающимися к запястью, и открытым воротом. Монахам полагается подрясник черного цвета, не монахи могут носить подрясники темных тонов (темно-синий, фиолетовый, коричневый, серый), а в летнее время – белый.

Ряса – верхнее одеяние священнослужителей, получивших духовный сан, и монахов, свободная длинная одежда с широкими вшивными рукавами, чаще всего черного цвета. В переводе с греческого языка означает не стянутую поясом поношенную одежду, похожую на вретище; известна с древности, присуща священнослужителям Восточной Церкви, а в России – со времени реформы Никона.

На Московском соборе 1667 г. было постановлено: «Благословихом убо всякому освященного чина и монахом одеяние носити, якоже носят вси освященного чина и монахи Восточной Церкви, обаче не принуждаем, но подражателей ее благословляем...»[8]. В нашей стране, имеющей резко континентальный климат, рясы стали шить с запахом и с вытачками для лучшего прилегания к телу и использовать материалы, соответствующие сезонам: от хлопка и шелка до сукна и драпа.

Пояс – не очень широкая полоса материи, отделанная по краям полосами другого цвета и с крестом посередине. Пояс знаменует божественную силу и готовность к служению, символизирует в народной традиции силу и крепость, а в церкви – власть и готовность к служению.

Фелонь, или верхняя риза – верхнее одеяние во время службы священников и в некоторых случаях епископов. Внешне фелонь напоминает плащ или накидку, шьется без рукавов, с отверстием для головы и с круглым вырезом спереди. На спине в верхней части помещается знамение креста, под которым нашивается восьмиконечная звезда. Оба изображения символизируют начало и конец спасения человечества во Христе. Жесткая верхняя часть этой ризы – символ ярма и ига Христова, которые несут на себе священники. На вырез для головы, груди, спины, предплечья и подол ризы нашиваются полосы ткани, как бы знаменующие путы, которыми был связан Христос, его язвы с истекавшей из них кровью. Риза (фелонь) являет символ «одежды правды», в которую облекаются священники, как служители Христа.

Набедренник – первая по очереди награда священников, даваемая за ревностное служение церкви. Представляет продолговатый прямоугольник (плат) из ткани, привешиваемый за два угла на длинной ленте к поясу. Помещается на правом бедре священника. Означает «меч духовный, который есть слово Божие» (Еф. 6:17). Набедренник – чисто русский

элемент. Он введен в России указом Павла I в 1797 г. Набедренником как мечом иерей вооружается против неверия, ереси, нечестия.

Облачение высших лиц священства – архиереев (епископов, архиепископов, митрополитов, патриарха), состоит из подризника (подсаккосника), епитрахили, пояса, поручей, саккоса, омофора, палицы (вместо набедренника).

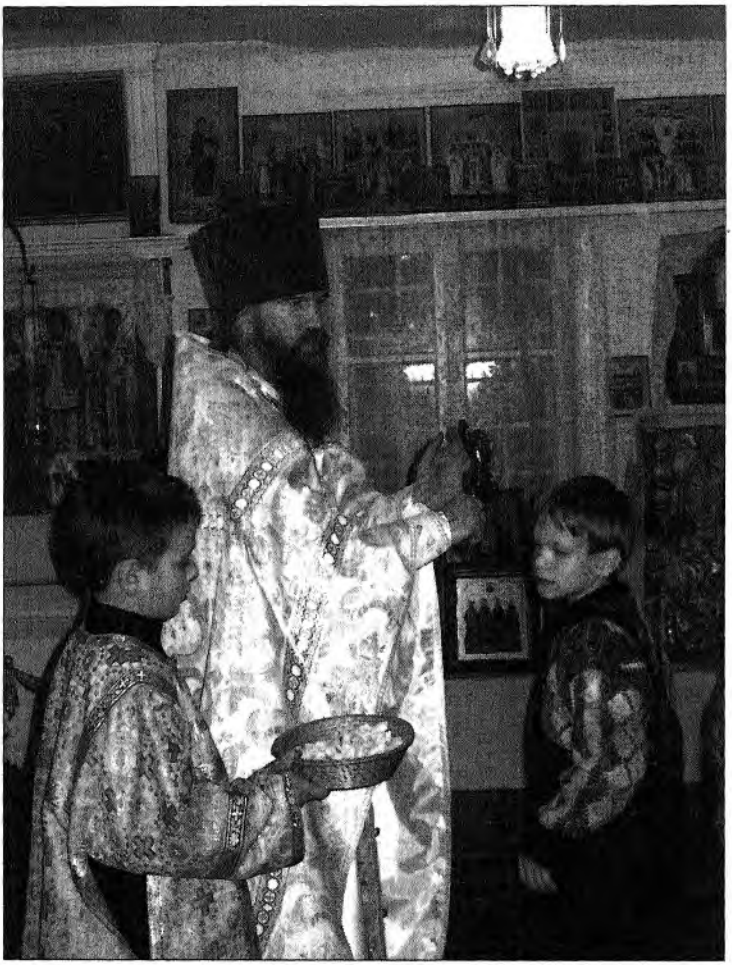
Главным богослужебным признаком одежды архиерея, без которой он не может совершать богослужение, является *омофор,* в переводе на русский *наплечник* или *нарамник*[9]. Омофор мог покрывать не только плечи, но и шею, иногда, как у Богоматери на иконах, и голову. В древности омофор делали не из льна, а из шерсти, поскольку он символизировал «спасенную заблудшую овцу». Предыстория его ведет свое начало от лора – широкой пурпурной каймы туники римских сенаторов и консулов, которую затем сделали широкой повязкой вокруг шеи консулов, спадавшей им на грудь. От консулов лор перешел к императорам, которые стали его украшать драгоценными камнями и жемчугом. Затем с 869 г. он стал знаком епископского достоинства, т.е. фактически был дарован светской властью духовным властям[10].

В настоящее время омофор представляет широкий длинный лентообразный плат с изображением крестов и нашитыми по краям полосами из другой материи, бахромой и двумя поперечными полосами на концах. Омофор огибает плечи епископа, спереди и сзади спускаясь с левого плеча. Омофор напоминает епископу о том, что его заботой является спасение заблуждающихся, и о том, что он должен уподобляться евангельскому доброму пастырю, который, отыскав пропавшую овцу (грешника), несет ее домой на своих плечах.

Другое важнейшее отличительное одеяние архиереев – саккос – был первоначально одеянием одного лишь византийского императора[11].

Саккос переводится как «мешок». Местом его происхождения была Далмация (совр. Хорватия). В византийском императорском обиходе эта одежда получила название «далматик». Иногда для удобства далматик стали разрезать по бокам. Разрезы зашнуровывались тесьмой или застегивались фибулами. В облачение Константинопольского Патриарха саккос (далматик) вошел очень рано. Известно, что в XIII в. патриарх облачался в саккос три раза в год: на Пасху, Рождество и Троицу. С XVI в. саккосы вошли в употребление у всех греческих архиереев.

В первые века существования Русской православной церкви наши митрополиты саккоса не имели, поскольку русская митрополия первоначально занимала лишь 61-е место в списке архиерейских кафедр Константинопольского Патриархата. В 1346 г. Киевский митрополит уже имел саккос, пожалованный из Константинополя. Древнейший из сохранившихся русских саккосов относится к 1414–1417 гг. Он был привезен митрополитом



В храме после литургии.

святителем Московским Фотием из Греции. После учреждения в 1589 г. патриаршества на Руси саккос стал облачением Московского патриарха и митрополитов четырех учрежденных тогда митрополий: Новгородской, Казанской, Ростовской и Крутицкой. После упразднения патриаршества при Петре I саккос стал облачением всех епископов, заменяя фелонь.

В настоящее время саккос – просторный плащ, обычно из парчовой тяжелой ткани, богато украшенный шитьем и жемчугом, имеющий вырез для головы в центре. Саккос, как и фелонь у священников, в духовном смысле символизирует древнюю грубую хламиду, багряницу Христа. По бокам он разрезан от рукавов до подола. Обе половины соединяются по краям разреза петлями и звонцами – особыми металлическими

пуговицами, резными, полыми внутри. Из-под саккоса у епископа видны подризник и епитрахиль. Патриарший саккос отличается от митрополичьего наперсником – нашивной епитрахилью, вышитой жемчугом.

Отличительным элементом архиерейского облачения является *палица*. Внешне палица напоминает четырехугольный плат, привешиваемый лентой за один угол сверху саккоса на правом бедре. Палицей могут наградить за отличную и усердную службу и некоторых заслуженных протоиереев (священников). В этом случае священник носит палицу с правой стороны, а набедренник помещается на левом бедре. Палицей награждаются архимандриты. Она является необходимой принадлежностью их облачения, как и облачения архиереев. Палица висит на бедре ромбом, напоминая своим видом оружие – меч или палицу.

Все священники и архиерей на груди имеют *наперсный крест*. Сначала он был утвержден для патриарха и митрополитов. Затем императрица Елизавета Петровна утвердила наперсные кресты для своего духовника и всех архимандритов. Екатерина II расширила круг духовенства, которому жаловались наперсные кресты, распространив право их ношения на некоторых известных протоиереев. Павел I распорядился сделать наперсные кресты иерейской наградой. В именном указе Святейшему Синоду от 18 декабря 1797 г. за непосредственное участие в боевых действиях представители военного и военно-морского духовенства с конца XVIII в. стали награждаться наперсными крестами на Георгиевской ленте. Доктора богословия, облеченные духовным саном, могли получать докторский крест. Кандидаты и магистры духовных академий получали серебряный или золотой крест для ношения его в петлице. Наперсными Кабинетными крестами могли награждаться игумены и казначеи женских монастырей.

Нагрудным знаком, наградой архиереев является *панагия* – небольшой круглый образ Спасителя или Божьей Матери. Первоначально епископы и пресвитеры носили только нательные кресты, которые могли заключать частицы святых мощей и поэтому назывались мощевиками. В Византии ношение на груди поверх парадной одежды мощевика, украшенного драгоценными камнями, было прерогативой императоров, в Московской Руси – великих князей и царей. Со временем на нагрудный круглой формы ковчежец, украшенный ликом Христа или Божьей Матери, перешло название – панагия (от греческого слова «всесвятая»). Для архиерея наградой может быть одна или две панагии. Епископский крест и панагия напоминают о том, что епископ должен иметь в своем сердце Христа и Богоматерь, и поэтому у него должно быть чистое сердце и праведный дух.

Головные уборы священнослужителей, так же как и ризы, восходят к древним одеждам народов Израиля, Рима, Греции. Они изменялись,

усложнялись, украшались и обогащались, став элементами культового облачения, приобретали мистически-духовное осмысление.

Скуфия – небольшая круглая шапочка, повседневный головной убор православного духовенства, используется при совершении треб на открытом воздухе. Слово «скуфия» производится от двух греческих слов: покрывало и наряд. В облачение священства скуфия была введена в 1797 г. при Павле I.

Камилавка – высокий головной убор, даваемый священнику в качестве награды. Входя в храм, священник снимает скуфию и надевает камилавку, совершая в ней богослужение. Считается, что название произошло от материала, используемого для изготовления этого головного убора, – шерсти, собиравшейся с шеи верблюда. Этот головной убор имел другое название – «скиадий» и носился императорами и сановниками в Византии. В русской церкви камилавка стала употребляться со второй половины XVII в., заменив скуфию[12].

Митра возлагается на голову священнослужителей высшего сана – епископа, архиепископа, митрополита, патриарха. Название производится от греческого (корона, венец). Происхождение этого головного убора относится к глубокой древности. У римлян так называли женскую шапочку в виде чепчика. В Греции митра вначале имела вид широкой ленты, завязанной на голове сзади узлом с длинными, свисающими концами. Подобную повязку стали носить христианские епископы. Со временем повязка приняла вид венца или шапки с открытым верхом. Ее переднюю часть стали украшать вышитыми рисунками. С XII в. митра принимает вид двурогой короны и становится необходимой принадлежностью облачения епископа.

В Москве архиерейскую митру впервые увидели на Иерусалимском патриархе Феофане, прибывшем в Россию в 1619 г., чтобы возглавить интронизацию патриарха Московского Филарета (Федора Никитича Романова). Архиерейскую митру в виде короны имел патриарх Никон. В дониконовское время русские архиерейские шапки были теплыми, опушенными горностаевым мехом и имели сходство с древнерусскими великокняжескими шапками. Вероятно, они тоже были, как и на Востоке, даром русских князей «со своей головы» наиболее чтимым из архиереев. Ко времени Никона их носили все русские митрополиты.

В настоящее время митра представляет собой высокую шапку на твердой основе, расшитую парчовым шитьем, бархатом, украшенную небольшими образками, цветными камнями и жемчугом. Архиерейская митра имеет крест в возглавии. Митру имеют также и архимандриты – настоятели крупных, особо значимых монастырей. Митра с крестом – отличительная особенность всех архиереев. Она символизирует терновый венец Христа.

Прихожане на проповеди священника.

Клобук – головной убор монахов округлой формы на твердой основе, белого цвета, имеет изображение креста. Клобуки епископов не имеют креста. Клобук патриарха – белый, округлый, обтянут куколем, который делится на три конца, на концах куколя – образы шестикрылых серафимов, два из них на груди, третий на спине. На вершине клобука патриарха с конца XVIII в. укрепляют небольшой бриллиантовый крест, как символ высокого духовного совершенства[13].

Мантия – верхняя одежда монахов и архиереев – длинная накидка без рукавов с застежкой у ворота. Эти одежды в прошлом носили все христиане. В настоящее время мантия монахов черного цвета, чем подчеркивается их отрешенность от мира. Архиереи надевают мантию во время торжественных процессий и при входе в храм. В храме мантия снимается и архиерей облачается в богослужебные одеяния. Архиерейская мантия преимущественно фиолетового цвета. Мантия патриарха зеленого цвета. Спереди мантии, вверху возле плеч и внизу у подола нашиваются четырехугольные платы с изображением крестов. Они называются скрижалями, знаменующими Ветхий и Новый Заветы. На мантии нашиты спереди

горизонтально расположенные ленты из другой материи – *источники* или *струи* (по две струи рядом). Первый ряд струй проходит под верхними скрижалями, второй ряд – по центру мантии, третий – под нижними скрижалями. Опоясывая мантию, полосы переходят на спину. Они отображают учительскую благодать епископства. Широкая мантия и клобук со свисающими концами создают объемный, струящийся при ходьбе силуэт, придающий торжественность фигуре священнослужителя.

Внешним отличием архиерейского сана при богослужении является *посох*, имеющий небольшое возглавие в виде змеевидных рогов, ниже которого находится *сулок* или особый плат.

Парадный вариант посоха называется жезлом. *Жезл*, богато украшенный, знаменует власть над подчиненными и законное управление ими. Каждая из частей архиерейского жезла (посоха) имеет символическое богословское и функциональное значение: верхняя часть – привлекает, собирает; прямая часть – правит, держит; наконечник – казнит. Появление архиерейского жезла также связано с византийской императорской обрядностью и этикетом. Как правило вновь избранный константинопольский патриарх получал посох и панагию в императорском дворце из рук императора. За исключением верхней части, посох имел сходство с императорским: был гладким, серебряновызолоченным, красивым, дорогостоящим. Богатство отделки и вручение в императорском дворце превратило посох из знака пастырского в знак власти[14].

В России жезлы епископов украшались «яблоками» или выступающими перехватами, имели резьбу по дереву, кости, металлу со священными изображениями. В XVII–XVIII вв. жезлы архиереев сплошь украшались драгоценными камнями, жемчугом, сканью, финифтью. Мотив змия на архиерейском посохе появился при патриархе Никоне. Змий попирался Христом или пронзался крестом, что символизировало победу православия над силами зла.

Привилегией патриарха является право входить с жезлом в алтарную часть храма через царские врата, в то время как остальные архиереи передают свои жезлы иподиаконам, которые их держат, не внося в алтарную часть.

Богослужебные облачения могут быть белыми, красными, оранжевыми, желтыми, зелеными, голубыми, синими, фиолетовыми, черными. Каждый из этих цветов является символом духовного значения отмечаемых церковных праздников[15]. Например, в праздники в честь Иисуса Христа, а также памяти пророков, апостолов, святителей духовенство облачается в одежды золотого (желтого) цвета. В праздники, посвященные Пресвятой Богородице, ангельским силам, а также памяти всех дев и девственников, облачение духовенства составляют голубые и белые одежды.

Белый цвет одежды принят в праздники Рождества Христова, Преображения, Вознесения Господня, Богоявления, Благовещения, во Вселенских родительских субботах. В посты цвет облачения духовенства бывает темным, фиолетовым, темно-синим, темно-зеленым, черным. Причем в черном облачении духовенство отправляет службу преимущественно в дни Великого Поста.

Облачение на Пасху – более сложное. Черное облачение Великого Поста заменяется на белое облачение перед литургией в Великую Субботу. Далее ночью после Крестного хода белую одежду меняют на красную. После этого одежды духовенства продолжают оставаться красными вплоть до праздника Вознесения Господня. До этого же праздника в храмах возжигают красные свечи. В день Святой Троицы и до праздника ее отдания духовенство одевается в ризы зеленого цвета.

Кроме священнослужителей, в церкви существуют лица, занимающие низшие служебные должности: иподиаконы (помощники диаконов), псаломщики (дьячки), пономари. Их называют церковнослужителями. Верхняя одежда церковнослужителей состоит лишь из стихаря. Его цвет должен соответствовать значению службы и цвету одежды священнослужителей.

Таким образом, любой элемент богослужебного облачения духовенства, существующий в прошлом и настоящем, может рассматриваться как награда литургического характера, поскольку получение священнослужителем более высокого сана сопряжено с внесением новых элементов в его облачение, обусловленное достоинством награждаемого и его служением церкви[16].

Кроме наград литургического характера на духовенство распространялась и орденская система. Но если литургические награды, идущие рука об руку с повышением сана священнослужителя, сложились в глубокой древности и продолжают иметь место по сей день, то наградная орденская система начала распространяться на лиц духовного звания в России по решению правительства начиная с синодального периода (1721–1917)[17]. Правда, для награждения духовенства предусматривались не все, а лишь часть русских орденов. Главным из них считался орден святого апостола Андрея Первозванного, далее – святого Александра Невского, святого Владимира и святой Анны. Духовные лица, например полковые священники, могли награждаться орденом святого Георгия за непосредственное участие в боях. При этом духовные лица, в отличие от лиц светских, награжденные орденами, именовались не кавалерами соответствующего ордена, а лишь «приписанными к нему».

Женщины, служившие в женских епархиальных училищах, могли быть награждены Мариинским знаком отличия за беспорочную службу.

Особую группу современных церковных регалий стали составлять памятные кресты и панагии, которые вручаются пресвитерам и архиереям в связи с выдающимися событиями и юбилеями в истории церкви. Например, к празднованию 1000-летия Крещения Руси и 2000-летия Рождества Христова был выпущен памятный комплект крестов и панагий. Специальные наперсные кресты и панагии были созданы по случаю второго обретения в 1991 г. (после 1903 г.) мощей преподобного Серафима Саровского и перенесения их из Санкт-Петербурга в Дивеево.

Внешний вид облачения священнослужителей свидетельствует об их сане и позволяет верующим правильно обратиться к тому или иному деятелю церкви в соответствии с церковным четким этикетом. Он таков:

к диаконам и иеродиаконам – Ваше Боголюбие,
к протодиаконам и архидиаконам – Ваше Благовестие,
к иереям (священникам) и иеромонахам – Ваше Преподобие,
к протоиереям, игуменам, архимандритам – Ваше Высокопреподобие,
к епископам и архиепископам – Ваше Преосвященство,
к митрополитам – Ваше Высокопреосвященство,
к патриарху Московскому и Всея Руси – Ваше Святейшество.

Православная христианская церковь в силу исторических причин разделилась на несколько течений. Одеяния священнослужителей тех вероисповедальных направлений, которые приемлют священство, соответствуют облачениям лиц патриаршей церкви, хотя имеют и некоторые отличия, например в длине ферязи, числе пуговиц и т.п.

Как видно из приведенного обзора, облачение православного священства со времени принятия христианства постепенно становилось более сложным, дополнялось деталями, усиливавшими блеск и торжественность, что должно было воздействовать на паству, активнее побуждать к благочестию.

При том, что одеяния церковников постепенно насыщались элементами украшательства (ленты, канты, бахрома), драгоценными металлами и каменьями-самоцветами, они и в наши дни сохраняют в покрое и в способах ношения черты глубокой древности. Многие элементы, составляющие комплекс одеяния, состоят в основе из полотнища ткани большей или меньшей длины и ширины или плата, то есть имеют простые геометрические формы. Эти полотнища, не сшивая, накидывают на плечи, перекидывают через них или обертывают ими корпус. Сшитые: стихарь, рубашка и саккос древнего туникообразного покроя надевают через голову. Рукава, если имеются, суживаются к кисти или расширяются, но без вставок или сборок. Перед богослужением или во время его одеяния как бы собирают из отдельных предметов, последовательно накладывая одни на другие.

Повседневная одежда священнослужителей сохраняет сдержанность и немногоцветность, чем отличается от гражданского костюма

прихожан, подверженного изменениям моды. В общественно-гражданской жизни, не связанной со служением в храме, священники пользуются современным общеевропейским костюмом.

ОДЕЖДА ПРИХОЖАН РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ

Прихожане церкви ортодоксального направления, со своей стороны, подбирают определенным образом одежду для посещения храма. Она должна соответствовать устоям церкви и благоприятствовать созданию молитвенного настроения. При этом в русском народе исстари считалось, что в церковь идут как в общественное место – «людей посмотреть и себя показать», а следовательно одеваться следует скромно и опрятно, желательно также – красиво. Соблюдаются некоторые требования, идущие с древности от отцов церкви и сохраняемые до сего времени. Об этом прихожанам напоминают в устных и письменных наставлениях. Так, в памятке «Как должно молиться и вести себя в храме» издания Свято-Данилова монастыря указано, что в храм надо приходить в скромной, не соблазнительной одежде. На лице женщин не должно быть никакой косметики, одежда – с длинными рукавами, юбка приличной длины. Мужчины находятся в храме без головных уборов, женщины – с покрытой головой[18]. При этом для церкви нет существенной разницы в головных покровах женщины и девушки, что специфично для традиционной культуры. Однако и в народной и в христианской традиции женщинам полагалось сохранять естественную длину волос, но тщательно их укрывать.

До реформ Петра, касавшихся внешнего вида россиян, бытовали определенные правила и для мужчин: им не полагалось укорачивать бороды, а стрижка волос головы была проста и единообразна: «на пробор», «под горшок».

Западное влияние, начавшее активно распространяться с петровского времени, воздействовало, в первую очередь, на одежду элитных слоев общества и на городскую среду в большей мере, чем на сельскую. Вместе с новыми веяниями вошли в быт соответственно бритые подбородки мужчин и разнообразные прически женщин. Однако в отдельных, особенно отдаленных районах сохранялись даже в XX в. старинные покрои одежды и обычаи во внешнем виде. Люди преклонного возраста приберегали для посещения храма традиционный костюм или хотя бы его часть. Именно на протяжении XX в. в отношении к моленной одежде наблюдались изменения особенно заметные в городах. Вошло в привычку посещение храмов патриаршей церкви в повседневном костюме, а к началу XXI в. даже женский брючный комплект проник за церковные стены.

Отстаивая старинные традиции, при церквах предлагаются в аренду или на продажу головные платки и палантины, которые можно

накинуть на плечи и обернуть вокруг бедер. Особенно строго следят за формой одежды служители монастырей, не допускающие во внутренние территории женщин с непокрытой головой, оголенными руками и ногами. Следует отметить, что современное гражданское платье, весьма открытое в летнее время, и утвердившаяся привычка ходить без головных уборов повысили сакральную значимость головного платка. Подойдя к храму, женщина вынуждена остановиться, достать платок и повязать его, поклониться и сотворить крестное знамение. Эти действия помогают сосредоточиться перед тем, как подняться на паперть, подготовиться к молитвенному состоянию, к глубокому восприятию службы.

Таким образом, одежда русских людей – священнослужителей и прихожан, исповедующих ортодоксальное православие, при современной патриаршей церкви претерпела заметное изменение за период с X по XXI в. Перемены проявлялись преимущественно во внешних признаках. Состав богослужебных одеяний остался практически неизменным, как и их древнейший покрой, но при этом ризы духовенства становились ярче и богаче за счет использования более ценных тканей, включения дорогих металлов, самоцветов, орденов. По мере возрастания степеней сана одеяния приобретали блеск и красоту, усиливающую впечатление и тем как бы повышающую их значимость. Следует подчеркнуть, что одежда священнослужителей в России приобрела определенное своеобразие, впитав национальные традиции. Одни из них были связаны с климатическими особенностями страны, другие – с правительственной регламентацией внешнего облика служителей, особенно высшего ранга.

Одежда прихожан изменялась соответственно историческим тенденциям, сближаясь с общеевропейской и в большей или меньшей мере следуя веяниям моды. К началу XXI в. остались обязательными лишь немногие древние правила при посещении храма, связанные с пониманием сущности женщины и мужчины перед Богом; для первых – соблюдение скромности и наличие головного убора, а для вторых – его отсутствие.

МОЛЕННАЯ ОДЕЖДА РУССКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ

Реформирование церкви в XVII в. поставило значительную часть русского народа в жестокие условия преследования со стороны новообрядческой церкви и ограничения гражданских прав со стороны правительства. В знаменитых своей жестокостью указах царевны Софьи по каждой из статей осуждения указывались для старообрядцев в качестве наказания если не казнь, то битье кнутом и ссылка в отдаленные города[19].

Эти меры вызвали массовое бегство из центральных районов на окраины, а при усилении там церковно-административного гнета – за пределы государства. В XVII–XVIII вв. отдаленными районами считались Север, Приуралье, Поволжье, Сибирь. Ближайшими к границам являлись Прибалтика и Польша, южное морское побережье, Кавказ и владения Турции. Хотя в XVIII в. давление на приверженцев старой веры ослабело и даже были опубликованы призывы вернуться на прежние места жительства, центробежные перемещения продолжались в XIX и даже в начале XX в. Однако при более благоприятных обстоятельствах имели место и обратные движения, которые также наблюдались с XVII по конец XX в. включительно.

Старообрядцы, составившие мощное вероисповедальное течение, альтернативное ортодоксальной церкви, показали себя как активные мигранты. При этом как в стране, так и за рубежом создавались весьма значительные по численности локальные группы, в которые объединялись выходцы из разных регионов России, носители различных культурных традиций и, в частности, комплексов народного костюма. Как известно, традиционная народная одежда при общих основных составляющих имеет много вариантов в покрое, оформлении, а также и в названиях различных элементов. На общерусской основе в среде старообрядцев появлялись своеобразные общие особенности одежды, и помимо этого, в локальных группах возникали новые варианты или специфические элементы.

В XVIII в. правительство проводило реформы, направленные на сближение со странами Западной Европы. При этом был задействован такой важный элемент культуры, как одежда, глубоко связанная с самосознанием народа. Специальные указы Петра I относительно костюмов имели целью визуально выделить высшее сословие и чиновничество, как представителей государственного аппарата. Одновременно с принудительным навязыванием «немецкого платья» проводилось изменение внешнего облика путем лишения мужчин бороды и усов. На одном из придворных приемов царь сам начал резать бороды боярам, а в 1701 г. появилось общее запрещение носить бороды[20]. Затем следуют указы 1705, 1714 гг., подтверждающие распоряжение о «бритии усов и бород всякого чина людям». От них не отказывались и преемники престола. Так, в 1743 г. было подтверждено приказом Елизаветы «бороды и усы брить»[21].

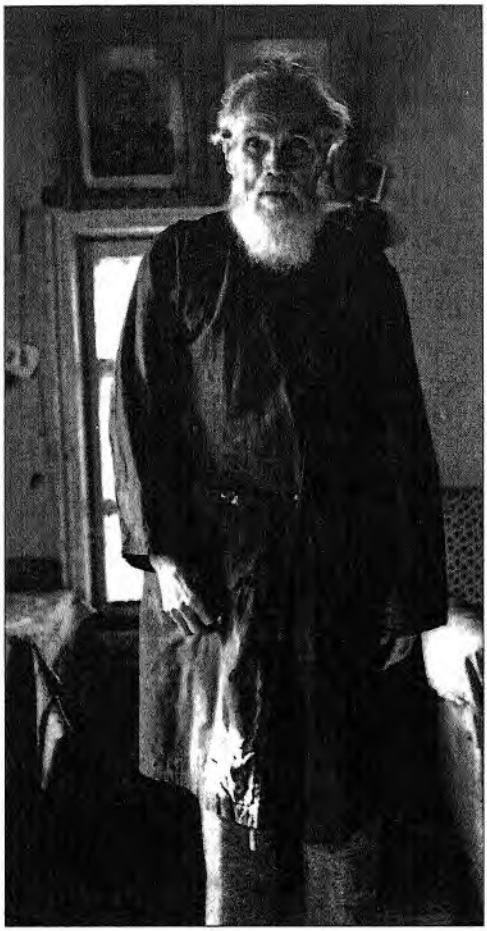
В отношении внешнего облика подданных правительство Петра I особые требования предъявляло к старообрядцам. Для их полной ликвидации «как врагов царя и государства» были задействованы различные средства, как полицейско-административные, так экономические и религиозно-церковные. Для опознания тайно укрывшихся недостаточно было одного фискального сыска, требовались внешние показатели. В качестве таковых были выбраны старинные одежды. Они к тому

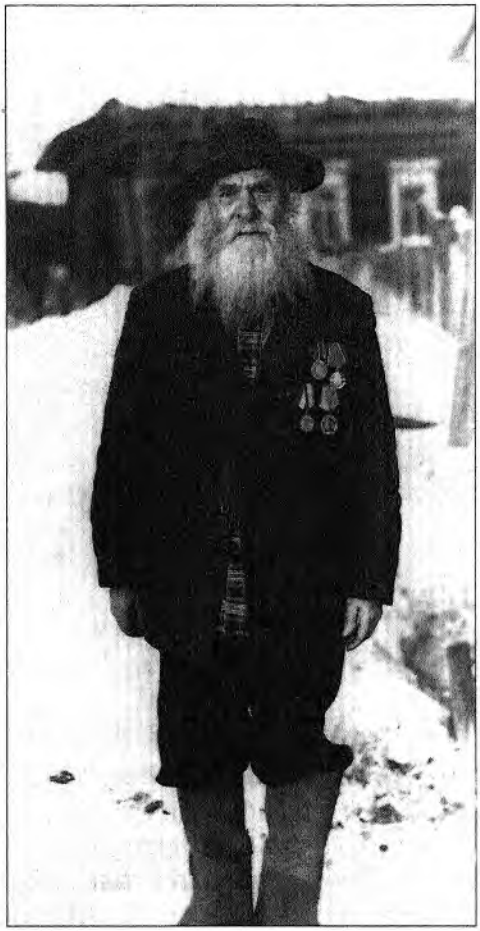
же должны были подчеркнуть древность воззрений староверов. Указы предписывали раскольникам носить «платье самое старинное, с долгим ожерельем и с нашивками на грудях..., шапку высокую с прорехами и петлями... носить козыри красного сукна, для чего платье им красным цветом не носить». Верхним платьем мужчин были названы однорядка и сермяжный *зипун*, женщин – старинные *опашни*.

«Образцовое платье», предназначенное для ношения старообрядцами, было выставлено в Приказе церковных дел. Указанную одежду должны были носить мужчины и женщины как летом, так и зимой, а в противном случае, с них взимали штраф[22]. Начавшееся массовое бегство старообрядцев вынудило правительство пойти на значительные уступки, разрешив в 1716 г. жить открыто, «объявив себя», но зарегистрироваться («записные раскольники») и выплачивать двойной размер подушного оклада («двоеданы»). Это не освобождало от «раскольничьего платья, чтобы они по тому во всех местах явны были, и они под таким предлогом нигде укрыться и от платежа положенных с них денег минуть никак не могли»[23].

Особенно болезненным для старообрядцев был запрет иметь бороды, так как их отсутствие нарушало данный Богом образ, грехом считались не только бритье, но даже стрижка усов и бороды. Такие указания шли от отцов церкви. Они принадлежали Максиму Греку, Стоглавому Собору, вошли в «Кормчую книгу». Боязнь греха и стыд вызывали отчаянное сопротивление, толкали людей на самосожжение в срубах «за небрадобритие». В качестве уступки крестьянам разрешалось в своих селениях оставаться с бородами, но при появлении в городе они обязаны были уплачивать штраф. Также при обращении по делам в присутственные места в неуказанном виде у них не принимали прошения. При этом в 1722 г. было повелено свыше, «чтобы фискалы непременно смотрели, кто бороды носит и не указное платье, и чтобы под видом бритья не подстригали бород, понеж стриженую бороду за целую считать надлежит»[24].

В 1751 г. появилось новое унизительное распоряжение – нашивать на верхнее платье медную бляху с надписью: «борода – лишняя тягота, с бороды пошлина взята»[25]. Бляхи велено было ежегодно переменять «дабы знать было можно платил тот год он с бороды или нет». Уклоняющимся следовало суровое наказание: бить кнутом или рвать ноздри. Так, в Нижнем Новгороде в 1721 г. выявили 10 человек, которым, по сведениям Тайной канцелярии, было «наказание учинено, и ноздри выняты за то, что они жили потаенно в расколе и от оклада укрывались»[26]. Подобные жестокие меры заставляли последователей дониконианской церкви укрываться от них на окраинах. В XVIII в. отношение к староверам смягчилось, но только в начале XX в. равноправие было утверждено законом о веротерпимости[27]. Однако и далее в течение XX в. противостояние двух ветвей православия продолжало сохраняться, что находило отражение





Старообрядцы беспоповцы в моленной и в праздничной одежде (в шабурах).
С. Юм, Усть-Урюм Пермской обл. Фото С.Н. Иванова, 1981 г.

в различных сторонах быта. Трудности, выпавшие на долю старообрядчества, усугублялись отсутствием единства в их среде.

Церковная реформа XVII в. вызвала не только протест части граждан против новообрядческой церкви и правительства, она породила разногласия и в среде противников преобразований. Наиболее существенным был вопрос об отношении к священству. В его решении старообрядцы разделились на *поповцев*, считавших необходимым институт священства, и на *беспоповцев*, после реформы Никона не признававших права священников любого ставления. Разногласия духовного плана со временем отразились в одежде священнослужителей, лиц, выполняющих эти обязанности, и прихожан.

Внутренний вид молельни беспоповцев. Пермская обл. Фото С.Н. Иванова, 1978 г.

У старообрядцев первоначально проводили богослужения и выполняли требы действующие священнослужители, не признавшие реформ. В дальнейшем их сменили служители сана, порвавшие по каким-либо причинам с ортодоксальной церковью, так называемые беглые попы. В лагере поповцев их последователи и прихожане составили согласие *беглопоповцев*. Спустя почти 200 лет зарубежным старообрядцам удалось восстановить трехчастную иерархию священства. По месту события это согласие получило название *белокриницкое* или *австрийское*. Оно стало быстро распространяться в России.

В русской церкви до середины XVII в. духовенство носило длинные одеяния – *однорядку* особого покроя из сукна и бархата зеленого, фиолетового и малинового цветов. Она имела прямой покрой с разрезом спереди и с рядом пуговиц, могла ушиваться в талии. Ворот отделывался бархатом или мехом[28]. В ходе церковной реформы было предложено священникам принять новые облачения греческой церкви, которые в дальнейшем и закрепились. Беглопоповское священство могло использовать облачения различного образца. Их облачение составляли ризы православной церкви,

носившиеся ранее соответственно чину. В условиях отлучения старообрядческое духовенство не могло получать дары или награды от правительства, следовательно облачения не пополнялись роскошью.

Беспоповцы, обратившись к самостоятельным поискам истинного служения Богу, начали разделяться на группы (толки), руководимые активными, но не всегда сведущими людьми, зачастую не имевшими священнического сана. Они не имели права использовать ризы священнослужителей и должны были обходиться гражданской одеждой старого образца, как предписывалось в царских указах. В некоторых толках вводили предписания на этот счет как для служителей культа, так и для паствы.

Таким образом, разделение старообрядчества на согласия поповцев и беспоповцев предопределяло различия в одеяниях лиц, исполняющих культ.

Приемлющие священство. Поповские согласия оформились за рубежом, где православные могли свободно исповедовать веру, иметь свои церкви и священство. Приверженцы этих церквей уходили из России, унося традиционную одежду предписанных им старинных образцов, и, следуя примеру духовных наставников, сохраняли ее. Однако уйдя из отечества, они обрели свободу от синодальных ограничений и, адаптируясь в новых условиях, были вынуждены воспринимать ту одежду, которую носили жители за западными границами страны. Вследствие этого, могло произойти разделение гардероба на повседневный и моленный – то есть традиционный.

К настоящему времени имеется немало работ, в которых сообщается об одежде старообрядцев. Однако целенаправленного изучения моленной одежды не проводилось, тем более ее сравнительного рассмотрения по вероисповедальным течениям. Ввиду этого, мы не сможем представить детально полной картины. Тем не менее мы постараемся охарактеризовать костюмы более крупных групп, определить общие черты, выявить мотивы выделения моленного комплекса.

Отказавшись признать церковные реформы, старообрядцы утратили патриаршее руководство, но сохранили соборность. На соборах принимались руководящие решения, в том числе касавшиеся костюмов. Одежда определялась также постановлениями общины, их указания закреплялись в быту семей, поддерживаемые традицией. Уже в XVIII в. в установлениях общины ветковцев предписывалось: отлучение от церкви для «носящих немецкое платье и прочая нравы поганых внимающих..., донежа исправятся»[29]. Иными словами, в качестве моленной одежды признавалась только народная, традиционная. Этой основной установки придерживались в общинах в соответствии с конкретными местными традициями. Так, в центральных районах Европейской России для крестьянского населения, в частности, в Курской обл. до начала XX в. был характерен основной традиционный комплекс моленного костюма: для

Коленопреклоненное моление в доме. Пермская обл.
Фото С.Н. Иванова, 1978 г.

мужчин таковой составляла рубаха-косоворотка, подпоясанная поясом, для женщин – сарафан и рубашка с длинными рукавами, как правило темного цвета, и платок. Замужние под платок надевали кичку – головной убор наподобие маленькой шапочки[30].

В настоящее время старообрядческое священство продолжает разъяснять верующим правила поведения молящихся, придерживающихся поповских согласий: одежда должна быть благопристойна и скромна, как учили отцы церкви в ранние времена. Так, обращаясь к женщинам, апостол Петр увещевал: «Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной *красоте* кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом» (I Петр. 3:3–4). В связи с празднованием 60-летия восстановления древлеправославной архиепископии еще раз рекомендовалось для посещения храмов иметь отдельную одежду, неяркую по цвету, а становясь на домашнюю молитву, нужно надевать одежду, в которой не занимаются обычными повседневными делами[31].

В епархиях публикуются «Правила поведения молящихся», где особенно подробно определяется одежда для женщин. Приведу основные положения: «Женщина обязана покрывать голову платком (а не шапкой или иным головным убором), который спереди не завязывается узлом, а по-особому закалывается булавкой. Платок должен быть из непрозрачной ткани, неярким и не цветастым, а скромным и приличным для молитвы и пребывания в храме. Женщина должна покрывать голову так, чтобы не было видно волос. Размер платка должен быть таков, чтобы накрывались плечи и грудь... Замужняя женщина под платком должна носить еще и *повойник* (кичку) – особый *чепец*, который благословляет ей священник с молитвой при Венчании. Женщинам предпочтительно приходить в храм в сарафане, мужчинам в рубашке поверх брюк и в кафтане. Мужчины должны опоясываться поясом сверху рубахи, а женщины – носить пояс под сарафаном. Но если с особым одеянием для молитвы все же есть трудности, скажем, материальные, то для посещения храма можно довольствоваться обычной одеждой, но только она должна быть скромной, опрятной, неплотно облегающей части тела, неяркой по цвету, с длинным рукавом. Для женщин недопустимо появление в церкви без платка на голове, а также в брюках и слишком вызывающей одежде (мини-юбке, блузке с декольте, одежде из прозрачных тканей, с коротким рукавом и т.п.). Напротив, платье (юбка) должно быть длинным, значительно ниже колен, без всяких разрезов и прочих "модных украшений" внешнего мира. Будем помнить наставление апостола, что "дружба с миром есть вражда против Бога" (Ик. 4:4)»[32].

Старообрядческая церковь, как видно из «Правил», учитывает современное положение, но по-прежнему предъявляет к прихожанам более жесткие требования, чем новообрядческая. Однако агрессивный натиск европейского костюма усиливается с течением времени, и реальная картина складывается весьма пестрая. Крупные почитаемые храмы могут отстаивать свои позиции. Так, весьма строго относятся к одежде прихожан в московской Преображенской церкви митрополии белокриницкого согласия. В храм не допускают не только в брюках, но даже в шапке на голове вместо платка. Как мы могли отметить, более строго соблюдаются правила в небольших сельских храмах по сравнению с городскими, в отдаленных районах по сравнению с центральными, в сибирском регионе по сравнению с Европейской частью. Наряду с этим, одежда прихожан, приближенных к церкви, а особенно – поющих на клиросе, в наибольшей мере отвечает правилам церковной регламентации.

Беспоповцы. Представители разных течений старообрядчества расселены дисперсно по всей стране. Но исторически сложилось некоторое географическое распределение основных согласий: поповцы численно преобладали к югу от Москвы, а беспоповцы в большей

Старообрядка П. Покосова в моленной одежде с сарафаном: 1 — вид спереди, 2 — вид сзади. Д. Шарохи Пермской обл. Фото С.Н. Иванова, 1981 г.

мере сосредоточивались в северном регионе. Исследователи отмечали более замкнутый образ жизни беспоповцев, их строгость и избегание общения с «мирскими». Расселение на запад и на восток при бегстве от церковно-правительственных репрессий, а также в ходе миграционных движений при заселении Сибири проходило преимущественно в таежной зоне, предоставляющей возможности для скрытного поселения. В этих условиях меньше ощущалось влияние городской культуры и новых требований общества в отношении одежды.

В начале XX в., когда появилась некоторая свобода выбора в отношении веры, вопросы об одежде и внешнем виде были подняты на общем съезде старообрядцев-беспоповцев различных городов России.

На съезде подтверждалась необходимость следования старым традициям. Специальное внимание было уделено одеяниям наставников и других исполнителей культа. В частности, поступило предложение выработать всем наставникам единую форму одежды. Однако при обсуждении оно было отклонено из опасения, что пастыри будут выглядеть как чиновники. Съезд пришел к решению, что одежда наставников должна соответствовать общим правилам, изложенным в «Кормчей» 6-го Вселенского собора (правило 71), к которым съезд давал и весьма детальные указания. Так, летняя и зимняя одежда должна быть черного цвета, покроя озяма – «как и ныне носят». Верхняя одежда – покроя полукафтанья, длинная, без пояса или кушака сверху. Головные уборы требовалось носить также черные, а в летнее время – низкие шляпы с широкими полями[33]. В подтверждение выбора черного цвета приводились слова из книги Симеона Фессалоникийского (гл. 186): «чтец благословляемый в сию (ризу. – *В.Л.*) одевается черную сущу, ради смирения...»[34]. Съезд определил, что причетники должны иметь служебные ризы и в доме и в пути, в противном случае их следует отлучать от службы на неделю (правило 71). И более того, как указано в «Кормчей»: «Отлучен бывает по закону учаеси и обычаем Елинским придержася и на позорища ходя и играя или паче общих риз во иные облачается»[35].

Одежда старообрядцев таит в себе глубокий духовный смысл, определенные предметы оцениваются верующими с точки зрения христианской морали, что, в частности, способствует сохранению древних традиций кроя. Однако эти сокровенные знания уходят вместе с их пожилыми носителями. Так, на берегах Енисея пожилые женщины часовенного согласия основой кроя одежды считали квадрат. Эта форма, по их мнению, символизирует четыре стороны света. Полный комплект состоял из рубахи, сарафана, платка. Женская рубаха сшивалась ими из четырех квадратов со стороной каждого в половину обхвата бедер: два – на перед и два – на спину. Для рукавов кроили два квадрата, складывая их пополам.

На рубаху женщины надевали одежду без рукавов, которая имеет исконно русское название – *горбач*. Она относится исследователями к сарафанному типу, хотя, возможно, носилась еще до появления сарафанов. Горбач сшивали из больших квадратов ткани в рост женщины. Ширину забирали в складки на плечах, а также посередине, закладывая их в одну сторону (справа налево). Однако в более старых вариантах кроя рубахи и горбачи имели туникообразный покрой – то есть цельное полотнище перекидывалось через стан и в нем делали прорезь для головы[36]. Швы на плечах имела верхняя моленная одежда мужчин – кафтан, или *поникток*. Он кроился с подрезом по талии. Нижняя часть собиралась в сборки, символизируя «ковчег спасения». Автор сообщает, что в прошлом

«чин моленной одежды у староверов на Енисее передавали из поколения в поколение изустно (преданием)[37]. На современном этапе православные традиции в чине моленной одежды сохраняют только „крепкие" старообрядцы. Этим мы можем объяснить схематизм в изображении кроя, представленного этой группой староверов Енисея на основании изустных сообщений. При наблюдении на более обширной территории обнаруживается, как правило, вариативность в покрое предметов одежды, реально сохраняющихся у населения.

Так, на юге Западной Сибири староверы-кержаки носили аналогичный комплекс моленной одежды: рубаха, сарафан-горбач — у женщины и рубаха, порты, кафтан — у мужчины. Рубахи и сарафаны в этой местности предпочитали туникообразные – *переметники* (*сквозные*), горбачи — преимущественно черно-синего цвета[38]. Однако покрой вещей не был единообразным. Более поздние варианты горбача шили с кокеткой туникообразной формы, имеющей разрез спереди. Как нам удалось выяснить, изменения происходили в начале XX в. и даже в одной семье женщины разных возрастов сменяли фасоны. Так, в 1965 г., по сообщению М.Г. Лямкиной из с. Малый Бащелак (1908 г.р.), в семье старшая из женщин носила широкий туникообразный горбач, ее дочь шила его с кокеткой, а сама Марфа Григорьевна уже надевала похожее на горбач платье с рукавами. Все варианты этой одежды обычно подпоясывались, но в молельню пестрые опояски не надевали, и свободная одежда скрывала фигуру. Также и фартук не соответствовал моленному костюму, так как считался «мирским».

В мужской одежде наиболее важным считалось наличие кафтана – подоболочки. Н. Гринкова наблюдала в 1930-е гг., что для беспоповцев «появиться в молельне не в кафтане, а в пиджаке, невозможно; никто не пропустит дальше притвора, и пройти вперед, как это обычно принято, и принять активное участие в пении и моленьи мужчине так одетому совершенно невозможно»[39].

«Носить мужчине кафтан» предписывалось старообрядческими соборами. Само название означало теплую верхнюю одежду, которая имела различные местные обозначения и отличалась по покрою. На Алтае употреблялись наименования: кафтан, *подоболочка*, или *моленный халат*. Более ранний покрой был прямым, без воротника (*голошейка*) или со стоячим воротником, а также расширяющийся книзу, с фалдами, вставками клиньев, а в позднейших вариантах – с подрезом по талии и со сборками. Кафтан имел широкие рукава и полы, запахивающиеся справа налево. В повседневном обиходе его подпоясывали, но в моленную ходили без опоясок. Одежда не имела пуговиц, но крепилась на крючки или схватки, на которые накидывали петли.

Таким образом, в Сибири сохранился до начала XXI в. старинный комплекс специального моленного костюма, древние обозначения составляю-

щих его предметов и их традиционный покрой. Нововведения проникали в него крайне медленно, но и этому сопротивлялось старшее поколение.

В Европейской России старообрядцев-беспоповцев в ближних к Сибири регионах – Поволжье и Приуралье – называли также «кержаками» по месту их раннего крупного объединения на р. Керженец. Исследования этнологов, проводившиеся в конце XX – начале XXI в., показали, что в локальных группах беспоповцев их одежда разделялась до настоящего времени на повседневную и моленную. Для последней характерны ткани неярких расцветок, хотя допускаются покупные, а также – несложный покрой. В Вятском крае, по наблюдениям И.Ю. Трушковой, «моленный» костюм состоит из рубахи, сарафана, платка у женщин, рубахи навыпуск, брюк, кафтана у мужчин. Фасоны – стилизованные традиционные. Обязательны пояса, лестовки, подручники, добротная обувь на невысоком каблуке. Есть различия в этой одежде старообрядцев по районам и по согласиям, они отражают не локальные варианты культуры, а степень сохранности исходного вида традиционного костюма, стадии его развития в зависимости от консервативности группы[40]. В моленной одежде поморцев, например, сохраняется старинный косоклинный сарафан с широкими лямками, головной платок, завязывающийся на два соседних угла «под губу» или зашпиленный под подбородком. К сарафану полагаются белые рубахи севернорусского типа с прямыми поликами[41].

В Пермской области старообрядцы-беспоповцы расселены в Верхнем Прикамье. Их моленную одежду удалось определить даже по документам XVIII в.: женщины носили *дубасы* с белыми рубашками. Дубас представлял собой косоклинный сарафан с передним швом во всю длину и с широкими проймами. В прошлом здесь был известен и более древний вариант – *глухой дубас* туникообразного покроя с небольшим вырезом для головы, а нужная ширина достигалась за счет боковых вставок. Глухой дубас с XVIII в. стал вытесняться косоклинным, но сохранялся до начала XX в. в погребальной одежде. Некоторые пожилые женщины до наших дней надевают домотканые синие дубасы для посещения молений, а приобщенные к собору-общине носят их постоянно.

Своеобразный комплекс моленной одежды сложился у русских беспоповцев, живущих на территории Республики Коми в бассейне Нижней Печоры. Т.И. Дронова, изучавшая традиционную культуру этой группы усть-цилемских староверов отметила, что за годы советской власти молодое поколение стало весьма пассивно относиться к религии. Однако с возрастом к концу XX в. они стали вновь обращаться к молениям и начали посещать моленные дома, а для этого восстанавливают специальный костюм. Традиционно его составляют: у женщин *рукава* – рубашка с прямыми поликами севернорусского типа, *лапотина* – косоклинный сарафан с центральным швом спереди и небольшим разрезом вверху,

к нему – *передник* (*нагрудник*), повязанный по талии, и поверх всего *опояска*. Голову усть-цилемские женщины покрывают одним или двумя платками[42].

Как выяснила исследовательница, в XX в. традиционный комплекс пополнился новыми элементами – *сарафанчиком* и рубашкой-*кабат*. Оба они отражают нарушение древних традиций. Сарафанчик повторяет покрой городских сарафанов со сборками, который носили в 1940–1950-х гг. Он удобен в пользовании и вытесняет старинную лапотину. Фасон рубашки-кабат был принесен на Усть-Цильму одной из приезжих женщин. Рубашка длиной по щиколотку шьется с расширением книзу, имеет длинные рукава. Ее стали надевать для молений в доме, но, в нарушение традиции, используют и при выполнении хозяйственных работ. Таким образом, в этой местности при возрождении интереса к религиозной жизни происходят отступления от прежней строгости моленного костюма[43].

Как видно из приведенных материалов, беспоповцы сохраняли больше старинных видов одежды, чем поповцы. В периферийной местности стойко удерживается по сей день разделение костюма на повседневный и моленный и строже выполняются правила для присутствующих на службе. Однако вопреки древним предписаниям не перенимать новшеств, приходящих от других народов, в практику быта проникали заимствования. Не остались беспоповцы в стороне от исторического прогресса в производстве тканей, и от влияния городских форм, и даже от некоторого развития традиций внутри локальных групп.

Подводя итог рассмотрению моленной одежды православных, следует выделить два основных комплекса, значительно различающихся между собой: элитной группы служителей культа и основной массы русского населения.

Священнослужители элитной группы разрабатывали символизм и торжественность культовых одеяний, раскрывая их значение перед прихожанами. Почти весь комплекс облачения священства был заимствован при принятии христианства, соответственно, большинство предметов имеет иноязычные обозначения и сохраняет весьма древний покрой. Хотя весь комплекс строго каноничен, в России патриаршая церковь, поддерживаемая правительством, получала награды и подарки для служащих, вследствие этого современные облачения священства отличаются от первоначально принятых и приобрели особую пышность и красочность. Помимо этого их одеяния имеют некоторую этническую специфику. Вместе с тем, в связи с особенностями климата, изменился покрой некоторых риз, приблизившись к народным формам, а также стали использоваться различные ткани, соответствующие сезонам года, и новые материалы, создаваемые по мере развития промышленности.

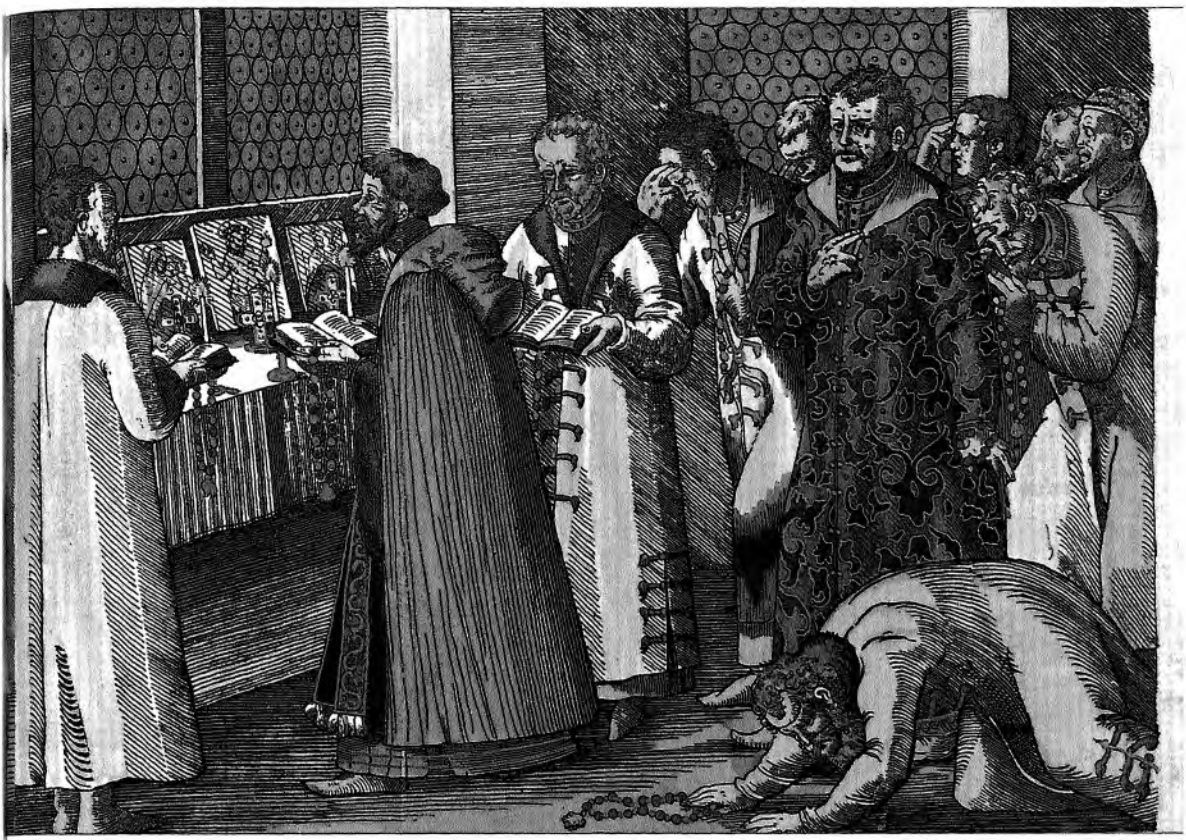


Рис. 1. Молебен посольства князя З.И. Сугорского на Регенсбургском сейме 1576 г.
(фрагмент гравюры «Посольство князя Сугорского
к германскому императору Максимилиану II», МИМ).

Рис. 2. Облачение патриарха Кирилла и священнослужителей на праздничной службе. (Из кн.: «Предстоятель». М., 2009. С. 109.)

Рис. 3. Прихожане по дороге к храму. (Из кн.: «Предстоятель». М., 2010. С. 19.)

Рис. 4. Архиепископ в мантии на службе в храме.

Рис. 5. Прихожанка в современной одежде возжигает свечу у аналоя.

Рис. 6. Старообрядцы древлеправославного (беглопоповского) согласия. Г. Новозыбков. Фото Т.А. Листовой, 2008 г.

Рис. 7. Старообрядки. Г. Новозыбков. Фото Мелихова, 2008 г.

Рис. 8. Моленная одежда сибирячки, Алтайский край, с. Верх-Уймон, 1990 г. Фото В.А. Липинской, 1991 г.

Рис. 9. Липованка в моленной одежде. с. Камнка (Румыния). Фото Е.В. Арслановой, 1997 г.

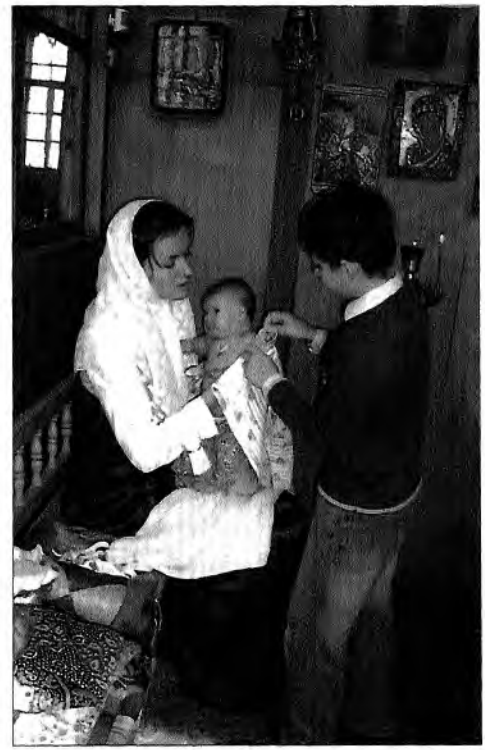


Рис. 10. Одевание младенца в старообрядческой церкви после крещения (видны крестик и поясок). Г. Астрахань. Фото Е.В. Арслановой, 2007 г.

Рис. 11. Русский православный крест: 1) медный с эмалью, V–VII вв.;
2) бронзовый на ожерелье с подвеской, вторая пол. XIX в.;
3) литой бронзовый на ожерелье из бисера XVII–XVIII в.;
4) серебряный литой черненый с жемчугом XVII–XVIII в.
(1–4 – из книги «Русский православный крест в собрании Российского этнографического музея». СПб., 2007. С. 60, 65, 98, 104.)

Духовные руководители беспоповцев, не получая посвящения в церковный сан, не имели права носить церковные облачения. Тем не менее и у них была одежда в некоторой мере сходная с ризой, но имеющая народный традиционный покрой, соответствующий верхнему платью, указанному в XVIII в. для раскольников. С того времени верхней одеждой наставников служил кафтан, широко распространенный в прошлом во всей России. Мужской кафтан имел различные варианты покроя и много местных названий. В настоящее время преобладает поздняя форма с подрезной спинкой и сборками по талии. У беспоповцев ношение кафтана считалось если не обязательным, то желательным также для всех мужчин, присутствующих на молениях.

Для прихожан всех ветвей православия имелись, в свою очередь, некоторые установки относительно одежды и внешнего вида. Первые и общие для всех были приняты вместе с христианством. Последующее их развитие можно считать совместным творчеством народа и служителей культа. Определенную роль сыграло также правительство, поддерживавшее церковное реформирование и определявшее позиции государства в отношении различных вероисповедальных течений. Следствием явилось формирование специальных комплексов одежды, используемой при богослужении, что составляет специфику русского православия.

Среди народных правил, касающихся одежды для посещения храмов, есть несколько общих, исходящих из уважительного отношения к религии, церкви священству. Первое из них, на которое обычно указывают верующие – «в церковь надо ходить чисто». Это правило вводилось при установлении православия, когда при строящихся монастырях открывали общедоступные бани, чтобы приходящие на богомолье очищение души принимали в чистоте телесной[44]. Этому правилу отвечает использование старообрядцами подручников при поклонах, чтобы сохранять руки в чистоте для сотворения крестного знамения. В прямом смысле воспроизводится правило беспоповцами, омывающими руки при входе в храм.

Второе правило – не ходить в церковь в той одежде, в которой выполнялись хозяйственные работы. Из моленной одежды исключался фартук, а старообрядцы надевали специально выделенную одежду.

В каждой ветви православия складывалось свое отношение к одежде для посещения храма. Наиболее демократичной в этом отношении стала патриаршая церковь: от прихожан требовалось соблюдение лишь общехристианских правил.

Старообрядцы, находившиеся в XVIII в. в оппозиции к церковным реформам и правительству, не приняли принудительно вводимого зарубежного костюма («немецкого платья»). Поэтому есть основание считать, что специальный комплекс моленной одежды начал формироваться именно

с этого времени. Общая установка на сохранение старой веры распространялась и на бытовые явления, в том числе на одежду, закрепляя традиции, которые в то время сложились в различных регионах страны.

В середине XIX в., когда проводились этнографические наблюдения в различных группах староверов, ученые отмечали попытки молодежи к изменению комплексов, что обычно встречало сопротивление старшего поколения. В этот период старообрядчество противостояло уже не церковному и не правительственному реформированию, а активизации городского влияния на сельский быт. Однако этот процесс развивался. В начале XX в. отчеты священнослужителей пестрели сетованиями на нарушение правил благочестивого поведения.

В настоящее время более древний по покрою состав одежды сохраняется в тех обществах, где были крепче устои веры и меньше связь с городскими административными центрами. Локальные группы старообрядцев, разбросанные по территории страны, имели более или менее ярко выраженные различия, но их объединяло общее – сохранение старинного традиционного покроя русской одежды. При общем обзоре выявляются характерные черты, присущие согласиям. Так, беспоповцы являются хранителями более древних образцов кроя: комплекс женской одежды с сарафаном-горбачом и в настоящее время встречается в Сибири, комплекс с косоклинным сарафаном – в Приуралье и на Севере. Для поповских согласий типичны комплексы с сарафаном прямополосным, а также парочки.

Отличается отношение к одежде в настоящее время внутри общин. «Приближенные к церкви» и поющие на клиросе прихожане строже относятся к своему костюму, следуя установкам своей общины. Большинство старообрядцев, живущих в городе, как показывает практика, не имеют отдельного костюма для посещения храма, а используют современную повседневную одежду. Стали обычным явлением стрижка волос у женщин и бритье бороды у мужчин. Молодежь считает возможным находиться на службе в спортивной одежде, женщины – в брюках.

Специальная одежда для посещения храмов постепенно выходит из употребления, уступая место общеевропейскому костюму. Священнослужители каждой из ветвей православия продолжают объяснять верующим правила благочестивого вида и поведения в храме, а также символизм отдельных предметов. Однако в реальной практике выполнение этих правил весьма неоднородно и определяется требовательностью пастырей и крепостью веры в приходах и общинах, с одной стороны, и индивидуальным выбором прихожан – с другой.

Моленная одежда сыграла важную роль в истории старообрядчества. Ее значение было особенно велико в периоды гонений, в какой-то мере способствуя объединению единоверцев и поддерживая их стойкость.

Одежда становилась знаком локальных групп, символом приверженности к тому или иному вероисповедальному течению. Каждый комплекс костюма можно рассматривать как своего рода форму, в материальном воплощении выражающую духовные представления о крепости истинной веры. Хотя комплексы моленной одежды уходят из быта, необходимо отметить, что они составили яркую страницу в истории многовекового развития русской традиционной культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 5–6.

2 Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Харьков. 1916. Т. 1.

3 Повесть временных лет // Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XVII века. М., 1960. С. 174 (Летописный текст адаптирован).

4 Апостол. Клин. 2008. «Христианская жизнь». С. 478–479.

5 Награды русской православной церкви. М., 2001. С. 10.

6 Церковные одежды. «Лествица». С. 13–14.

7 Там же. С. 15; С. 13–30.

8 Полный православный энциклопедический словарь. СПб., изд. П.П. Сойкина, 1976. Т.2., С. 6

9 Там же. Т. 2. С. 1698.

10 Там же. С. 24.

11 Там же. С. 25.

12 Там же. С. 1175.

13 Настольная книга священнослужителя. Т. 4. М., 1983. С. 116.

14 Голубцов А.П. О происхождении, символическом значении и устройстве архирейского посоха // Богословский вестник. 1909, № 6. С. 260–276.

15 Церковные одежды. С. 30–32.

16 При описании облачения авторы опирались на материал «Закона Божьего» для семьи и школы, составленного протоиереем Серафимом Слободским. С. I. Раздел «Священнослужители и их священные одежды (облачения). Типография преподобного Иова Почаевского. М., 1999. С. 618–624.

17 ПСЗРИ. Т. 24. СПб., 1830. С. 821–823.

18 Как должно молиться и вести себя в храме. М., 1997. «Даниловский» благовестник. С. 126.

19 Н.В. Раскол // Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1900. Т. 60. С. 296–297.

20 Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. Репринтное издание. «Церковь». М., 1995. С. 114; Журнал для чтения. Т. 28. № 109. С. 1841.

21 ПСПВПВРИ. СПб., Т. II. № 844, ПСЗРИ Т. IV № 2015, Т. V № № 2871.

22 Там же.

23 Там же. Т. 1, 1899. № 298. С. 296–297.

24 Там же. Т. IV. № 4034.

25 Синявский А. Отношение русской церковной власти к расколу старообрядчества в первые годы синодального управления при Петре I. С. 226, 257–259; Н.В. Раскол... С. 297.

26 Цит. по кн.: Старообрядчество, история и правительственное законодательство. Арзамас. Ред. Р.В. Куркин. 2000. С. 25.

27 Миссионерское обозрение. М., 1905. № 7–8. С. 1017–1070.

28 Настольная книга священнослужителя. М. 1983. Т. 4. С. 116.

29 Абрамов И.С. Старообрядцы на Ветке. СПб., 1907. С. 9

30 Апанасенок А.В. «Старая вера» в центральном Черноземье. XVIII — начало XX века. Изд. Курского гос. технического университета. 2008. С. 240.

31 60-летию восстановления древлеправославной архиепископии. Новозыбков, 1923. С. 28.

32 Правила благочестивого поведения в Доме Божием. Издание Донской и Казанской епархии. 2008. С. 11–17.

33 Труды о съезда старообрядцев всего Северо-Запада, Привисленского и Прибалтийского краев и других городов Российской империи, состоявшемся в г. Вильне 25–27 января 1906 г. Вильна, 1906. С. 22, 146–147.

34 Там же. С. 147.

35 Там же. С. 147.

36 ПМ Л. 1965. 1970.

37 Бойко Е.Е. Внешний облик старовера в процессе богослужения // Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока. История и современность. Местные традиции. Русские и зарубежные связи. Владивосток. 2004.

38 Фурсова Е.Ф. Женская одежда старообрядцев на юге Западной Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Сб. науч. тр. Новосибирск, 1992. С. 244.

39 Там же. С. 387.

40 Трушкова И.Ю. Материальная и духовная культура старообрядцев Вятского региона: особенности существования в XX–XXI вв. // Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока. История и современность. Местные традиции. Русские и зарубежные связи. Владивосток, 2004. С. 112.

41 Она же. Традиционные костюмные комплексы. С. 64–89.

42 Дронова Т.И. Русские староверы-беспоповцы Усть-Цильмы. Конфессиональные традиции в обрядах жизненного цикла (конец XIX – начало XX вв.). Сыктывкар, 2002. С. 110–111.

43 Альбом «Староверы в Коми». Традиционный комплекс усть-цилемской женской одежды. (Одежда из коллекции П.Г. Бабиковой), ред. Т.Н. Дронова. Сыктывкар. б/г.

44 Баня и печь в русской народной традиции. М., 2004. С.7–9.

САКРАЛЬНОЕ и СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ПРЕДМЕТОВ МОЛЕННОЙ ОДЕЖДЫ и ВНЕШНЕГО ОБЛИКА ХРИСТИАНИНА

Некоторые предметы из обычного костюма христиан, выделенные в качестве моленной одежды, получили особую смысловую нагрузку и приобретали знаковые черты. Они по преимуществу были связаны с древней двоичной системой классификационных признаков «свой – чужой», получивших в христианстве новое звучание – «христианин – язычник»., «крещеный – нехристь», а с XVII в. – «новообрядец – старообрядец» и др. В видимом отображении этих понятий важная роль отводилась одежде.

Приобщение к обществу христиан начинается в младенчестве с таинства крещения, после которого новорожденный получает первое одеяние. При том, что православный обряд соответствует единой христианской традиции, в нем имеются некоторые отличия между старо- и новообрядцами как в проведении службы, так и в наборе используемых вещей. Для одеяния новокрещеного освящаются *крестик*, *рубашечка,* у старообрядцев еще и *поясок*, который в прошлом надевался всем, но после реформирования не сохранился у новообрядцев.

Впервые получаемые при крещении знаковые предметы православия являются обязательными на богослужении, они сопровождают человека в течение всей жизни и остаются с ним после кончины. На это указывается в молитве, совершаемой при крещении: «Во еже сохранити ему одежду крещения и обручение Духа нескверно и непорочно в день страшный Христа Бога нашего» (Требник, чин крещения).

В крестильной одежде на первом месте по значимости находится нательный крестик. Образ креста имеет глубокую древность, он был присущ многим мифологическим и религиозным системам, а в христианстве стал главным символом. В народном понимании крест считается «божьим знаком» и воспринимается как святыня[1]. В русской традиции присутствие нательного креста означает защиту от нечистой силы, всевозможных невзгод и опасных неожиданностей, что подкрепляется произнесением формулы: «С нами крестная сила» и сотворением крестного знамения. Нательный крестик подвешивают на гайтане (тесемке, плетенке) или цепочке. Таким образом создается кольцо, то есть круг – древний символ, имеющий охранное значение. Использование серебряных и золотых цепочек служит не только для украшения: в русском фольклоре металлы, особенно драгоценные, определяются как придающие силу.

Рубашечка новорожденного также имеет отношение к сакральной сфере. Ее шьют туникообразным покроем, имеющим для христиан особое значение. Туникообразные рубашки на греческом языке назывались хитонами. После принятия христианства в России хитон Христа стал образцом для культовых одеяний священства. Крестильная рубашечка всегда имеет белый цвет, символизирующий чистоту. Белый цвет в христианстве ассоциируется с Богородицей. В дни ее празднований он господствует в одеждах священнослужителей. Надевая на младенца белую рубашечку, его как бы передают под защиту матери Христа.

Следует отметить, что в народной традиции рубашки туникообразного покроя (*пропускные*) носили мальчики и девочки, девушки-девственницы. Женщинам полагалась рубашка, сшитая из двух частей: верхней (*рукава*) и нижней (*стан*), которые оценивались в бытовом и сакральном смыслах как «чистая» и «нечистая» половины. Горизонтальный соединительный шов образовывал кольцо вокруг стана женщины, что может рассматриваться как средство сакральной защиты. В народных представлениях рубашка исстари наделялась магической силой и играла соответственную роль в ряде обрядов семейного и аграрного циклов.

Обязательным элементом русского традиционного костюма являлся в прошлом пояс. В настоящее время только старообрядцы вос-

принимают его как необходимый, поэтому пояс приобрел значение маркера приверженцев древнего благочестия. Пояс исстари считался символом крепости, что исходило из его рациональных свойств. Облегая тело, пояс укреплял силу стана и способствовал лучшему прилеганию одежды. В христианской трактовке понятие крепости было расширено в духовную сферу. Апостол Павел призывал: «Итак, станьте, препоясав чресла свои истиною» (Еф. 6: 4). Понятие духовной крепости соединялось при этом с понятием служения Господу в духе истины. В церковном сознании пояс стал знаком духовной силы. Различным пониманиям значения слова соответствуют два вида пояса: носимый старообрядцами нижний нательный и верхний, обвивающий одежду.

Нательный поясок старообрядцев по значимости ставится вслед за крестом. На это указывает бытующее высказывание: «Крест да пояс – заповедь Божия». Узкий поясок, сплетенный или связанный из нитей, имеет сходство с гайтаном для крестника. Вместе они составляют двойной магический круг защиты. В прошлом некоторые женщины сибирячки, имели поясок из собственных волос, полагая, что с ним не страшна никакая нечисть[2], так как волосы, в свою очередь, обладают магической силой.

Нательный поясок в системе двоичных оппозиций обозначает границу на теле между верхней «чистой» и нижней «нечистой» частями. По нему определяется положение нательного крестика, который не должен опускаться ниже границы. Истинные староверы не расстаются с пояском ни днем ни ночью, ни в тех условиях, когда приходится обнажаться. В этом легко усматривается сходство с обычаем ношения нательного крестика.

Верхний пояс в прошлом обязательно входил в состав моленной одежды. В настоящее время он присущ лишь мужскому костюму староверов при посещении храма. Верхний пояс отличается от нижнего в первую очередь тем, что в нем ярко выражены рациональные утилитарные функции, которые определяют размеры, способы выполнения, специфику, но за ними скрываются древние сакральные представления людей. На них указывают, в частности, различные детали оформления. Имеют значение в этом отношении кисти на концах, представляющие собой более или менее длинные нити, соединенные вместе и связанные узлом; в прошлом сибирячки иногда вставляли в них конский волос[3] (нить – символ жизненного пути, конь – олицетворение физической силы, узел – знак крепости).

Верхние пояса делают плетеными, вязаными, тканными, шьют из кожи и из различных материалов. Нередко их украшают вставками металла или камней, покрывают орнаментами (вплетенными,

накладными, нарезными). По мнению некоторых ученых, в орнаментах зашифрованы древние письмена, магические формулы, смысл которых в настоящее время утерян[4]. Однако еще в середине XIX в. в некоторых местностях сохранился обряд «чтения» узоров во время крещенских смотрин невест[5]. Выбор пояса согласуется с социальным статусом владельца, его сословной принадлежностью, экономическим состоянием[6]. У некоторых групп старообрядцев Сибири имел значение также духовный статус в общине. Так, в Приобье «считалось приличным» носить кожаные пояса только старцам (черноризцам)[7].

Верхний пояс постепенно выходил из употребления по мере распространения одежды городских фасонов, но в моленной одежде сохранял свои позиции еще в начале XX в. В настоящем он считается обязательным лишь для мужчин-старообрядцев.

В христианской традиции большое внимание уделялось внешнему виду важнейшей части тела человека – головы, а именно – волосам, как в их содержании, так и в покрывании головным убором. И в том и в другом заложена определенная сакральная значимость, включающая как церковное понимание, так и народное осмысление. Позиция церкви была определена в апостольские времена. Она исходила из различия физических типов мужчины и женщины, их отношений друг с другом, и в первую очередь – перед Богом.

В массе людей, собравшихся в одном месте, внимание невольно обращается на их головные уборы, по которым можно определить, кто есть кто, отличить своих от чужих. Раннее христианство поддерживало традиции восточных народов, у которых покрывание головы женщиной означало ее подчиненность мужчине. Однако уже в апостольские времена начало возникать противоборство этому, особенно активизировавшееся в г. Коринфе[8]. Это побудило апостола Павла в Первом послании к жителям города дать специальные пояснения. Апостол осуждал женщин, которые не покрывали головы и остригли волосы, что стало вызывать нарекания на христиан. Апостол призывал уважительно относиться к понятиям, принятым в христианстве. Он пояснял, что муж является образом и славой Божией, что Бог есть глава Христу, мужу глава – Христос, жене глава – муж (Кор. 11.3). А потому «всякий муж, молящийся или пророчествующий с покрытой головою, постыжает свою голову, и всякая жена, молящаяся или пророчествующая с открытой головою, постыжает свою голову, ибо это то же, как если бы она была обритая... Если жене стыдно быть остриженной или обритой, пусть покрывается» (Кор. 11:4–5). Таким образом, в послании апостола Павла к Коринфянам было четко определено отношение к пострижению волос и к покрыванию головы. Апостол не только оценил важность отношения к внешнему виду го-

ловы, но, понимая сложность вопроса, он предвидел, что это будет долго служить предметом распрей для людей, не понимающих духа христианского учения. Действительно, разногласия по этому вопросу сохраняются до сих пор.

Народная традиция после принятия русскими христианства полностью восприняла заветы, изложенные в посланиях апостола Павла, не отказавшись, однако, в некоторой мере, от своего традиционного опыта, накопленного в течение предшествовавших веков. В ходе сложного процесса адаптации одни из ранних обычаев были забыты, другие вполне согласовывались с новыми, а некоторые даже получили развитие в свете христианского воззрения. Так, понимая человека как существо, созданное по образу и подобию Бога, русские христиане считают себя не вправе изменять (обрезать) растительность на голове. Поэтому женщины вообще не подстригали волосы. Этот обычай сохраняют отчасти старообрядцы и в особенности девушки. Долгое время не решался вопрос, стричь ли волосы священнослужителям. Мужчины издавна подстригали волосы, отношение же к усам и бороде было не однозначным. К настоящему времени твердо укрепилось только правило входить в храм мужчинам без головного убора, женщинам – с покрытой головой. Традиционные головные уборы русских женщин весьма разнообразны, имеют локальные варианты, но при этом сохраняют некоторые древние общие формы.

Общим для русских женщин являлось правило: как можно плотнее укрыть голову и тщательно спрятать волосы. Народная традиция исходит при этом из дохристианских представлений о мощной сакральной силе, заключенной в волосах. Девушки, согласно народным обычаям, могли ходить с распущенными волосами и с непокрытой головой. Открытые волосы символически означали девственность. Женщина же после замужества входила в чужую семью, где ее сакральная сила могла оказаться вредоносной для другого рода[9]. С другой стороны, волосяной покров воспринимался в народной среде как средоточие жизненных сил человека. При непокрытой голове женщина могла подвергнуться вредоносному воздействию нечистой силы, которая, более того, через нее способна навредить всем членам семьи и хозяйству. Опасность таили также выпавшие или отрезанные волосы, которые как бы являлись заместителями человека и могли использоваться в магических целях[10]. Предохраняли от этого головные уборы различной степени сложности.

В русской традиционной культуре головной убор мог состоять из одного, двух, трех элементов и дополняться различными деталями, более или менее повышающими его сакральную силу. В основе сложных головных уборов лежал мягкий *волосник* (*сборник, повойник, чепец*),

а поверх него надевали более плотную шапочку: *сороку, кичку, кокошник.* Символический смысл их до настоящего времени не разгадан полностью, но ясно, что он уводит в глубокую древность, к ранним представлениям людей о взаимосвязях общества и природы.

Особая роль в головных уборах принадлежит платку. Он постепенно завоёвывал позиции, пока не стал в XIX–XX в. повседневным головным убором сельской женщины. Большая вариативность размеров платков, а также шалей, косынок позволяет использовать их как распущенными, так и сложенными различным образом, надевать вместе с другими головными уборами или отдельно. Белый цвет платка связывался в представлениях христиан с образом Богородицы, поэтому его укладывали с особой тщательностью. Женщины старались повторить при этом количество складочек на покрывале Богоматери. Этому светлому образу соответствовали прекрасные золотошвейные платки Русского Севера.

Глубокий символический смысл приобрели платки старообрядцев, которые даже в XX в. еще могли объяснить сакральное значение отдельных предметов. Так, специальное исследование, проведенное в Сибири в долине Енисея, показало, что в XX в. символику моленной одежды еще помнили люди, рожденные в конце XIX в. (придерживавшиеся часовенного и австрийского толков). Они приходили на моление в двух платках, каждому из которых придавалась своя форма и значение. Нижний платок, сложенный треугольником – *косячком* и завязанный сзади узлом, считался «земным».

Приведу толкования сакральных символов, изложенные исследователем: «нижний платок изображает круг – букву «он» и указывает на связь земной и духовной жизни. На «земной» покров накладывается духовный, который называется *платом.* Плат носят женщины и иноки. Этот головной убор символизирует «вериги» – нести свой крест. Плат в развернутом виде – квадрат, который в символике *(возводном умысле,* божественном смысле, в таинике) соотносится с буквой «веди», вынесенной над строкой. Квадрат, по мнению староверов, обозначает четыре стороны света и четыре времени года. Покрывая голову, плат подворачивают так, что получается прямоугольник, который ассоциируется с «ковчегом» спасения. Правильно уложенный на голове плат символизирует несколько тайников (возводных умыслов). Во-первых, облегает Божья благодать; во-вторых, окормляет Святая Троица и справа, и слева, потому что, как у Богородицы на иконе, укладывается по три складки от лба до ушей, а концы прямоугольника углом опускаются по рукам. Значение треугольника объяснялось поразному: угол отсеченный – Святая Троица. Христос – во главу угла, которые охраняют от беса. В-третьих, расположение плата по спине

вдоль плеч – рамен – это и вериги, и покров, защищающий молящегося; в-четвертых, плат скалывается булавкой, потому что узел в неканонических смыслах – это иудина удавка, символ христоотступничества, в канонических смыслах узел вязать может только Христос, то есть связывать грехи, поэтому на иконе «Распятие» показывают сведущие староверы, что этот узел у Христа изображен, ну и священники преданной им властью тоже связывают грехи через Господа. Так как плат собирают в шесть складок, то концы, свисающие спереди от булавки, имеют такой же вид, что и в одежде Иисуса Христа на иконе «Распятие»: это «чаши окормления христьянина» – защита Господа тем, кто молится[11].

По нашим наблюдениям, полученным в разных местностях страны, и по описаниям моленной одежды старообрядцев, встречающимся в литературе, верхний головной платок старообрядцы обычно скалывают булавкой, которую нередко в храме и хранят. Однако в способе покрывания наблюдаются и возрастные различия. Например, на Алтае женщины старшего возраста приходили в церковь с платом, свободно свисающим с головы и лежащим на плечах как омофор Богородицы.

Следует отметить, что, придавая особое значение головному убору, старообрядцы отдельных толков создавали специфические знаковые детали, в том числе и скрывавшиеся под платком. В качестве примера укажу головной убор женщин в группе липован, состоящей из поповцев и беглопоповцев. Идя в церковь, они на волосник накладывают нижний платок. Нижний платок в этой группе трансформировался в косяк. Три угла косяка собирают сзади, но не завязывают узлом, а свободно спускают по спине, так, чтобы концы располагались на одном уровне. Верхний платок прихожане завязывают узлом под подбородком, но более приближенные к церкви скалывают булавкой. Символическое значение косяка нам пояснили в зарубежных селениях липован как триединство Святой Троицы. Косяк стал знаком группы липован и символом их приверженности старообрядчеству. В российской части поселений (в настоящее время – на территории Украины) необходимость надевать косяк для церковной службы объясняли давностью традиции. В настоящее время в большинстве старообрядческих приходов считается необходимым при посещении храма лишь один головной платок.

Некоторые женские головные уборы (кокошник, кичка, сорока, самшура) имеют более или менее выраженные выступы (*рога, роги*). С древнейших времен рога считались оберегом от нечистой силы, заговора, сглаза. Их изображения включались в головные уборы разных народов, в военные доспехи, щиты, гербы. В русской

традиции известны двурогие и однорогие головные уборы, при этом с разными магическими значениями[12]. Двурогость, как считалось, обеспечивала защиту матери и ребенка. Особо высокие и крутые рога (до 15 см) вшивали в южнорусские кички и сороки. В сложном головном уборе твердой основой являлась кичка, на которую надевалась сорока. Этот обычно яркий чехол в распластанном виде имел сходство с тушкой птицы, что со своей стороны могло иметь магический смысл. Дополняющие детали – позатыльники с блестящими нашивками, бахромой, бисером – еще усиливали магическое значение. Рогатые сороки-кички стали знаковым элементом южнорусского традиционного костюма.

В кокошнике идея оберега заменялась на магию плодородия. Название этого головного убора восходит к славянскому слову *ко́кошь* – курица, петух, которые являлись символом плодовитости. Аналогично значение некоторых украшений кокошников, таких, например, как «шишки», жемчужная сетка и т.п. С принятием христианства головные уборы получили новую сакральную значимость, будучи освящаемы при венчании.

С не меньшей ответственностью, чем к головному покрову женщины, относился русский народ к волосяному покрову на лице мужчины.

Подобно тому, как головной убор представляет женщину в отличие от девушки, так волосяной покров представляет мужчину в отличие от юноши–подростка. Появление растительности на лице мужчины объясняется физиологическими причинами, определяющими наступление половозрелого возраста. Поэтому и в язычестве и в христианстве отросшие волосы на лице, особенно борода, почитались как символ зрелости, силы и мудрости. В Русском праве повреждение бороды в XIV–XV вв. расценивалось как преступление и наказывалось взиманием штрафа[13]. Ношение бороды обрело связь с религиозными чувствами и поддерживалось церковью. Так, специальный вопрос об этом рассматривался на так называемом «Стоглавом Соборе» (1551 г.), постановления которого играли руководящую роль. Отсылаясь к апостольским правилам, составители указывали: «сказано в законе “не постригайте брад ваших, сие ... мужьям не потребно... постригало да не взойдет на браду вашу, ибо мерзость пред Богом”». «Стоглав» запрещал отпевать умерших без бороды и даже приносить в церковь просфоры и свечи по ним»[14].

В отличие от России в государствах Западной Европы рано сложились обычаи бритья. Когда при Петре I активно стали налаживаться зарубежные связи, отсутствие бороды для русских людей стало признаком чужого, на что обращали внимание сами приехавшие иностранцы[15].

По их наблюдениям безбородые считались людьми ненадежными: «Простое слово человека, имеющего бороду, для русских более убедительно, чем присяга такого, который ее не имеет»[16].

Поскольку иноземцы являлись обычно представителями иных конфессий, то борода стала как бы отличительным признаком православного мужчины. Имела значение при этом церковная иконопись, в которой святые отцы изображены имеющими бороды. А потому насильственное лишение ее воспринималось русскими как искажение образа Бога. Один из иностранцев написал, что его русский знакомый носил отрезанную бороду за пазухой и велел положить ее в гроб после кончины, чтобы представить св. Николаю на том свете[17]. Борода, таким образом, символизировала еще и благочестивый образ жизни на земле.

Особенно яростно сопротивлялись лишению бороды старообрядцы. Хотя они вели борьбу за свои гражданские права под лозунгом «за небрадобритие», в условиях царской России их протест приобрел религиозно-политическое значение и по своему существу имел антифеодальную направленность.

Несмотря на крутые реформы Петра I, бородатость не покидала русских, и в отдаленных местностях крестьяне не расставались с ней. К концу XVIII в. также и в центре страны начало изменяться отношение к растительности на лицах мужчин; но сначала появились усы и бакенбарды. Однако внешний вид подданных продолжал регламентироваться. Так, отступления в костюме от предписаний «Табели о рангах» или ношение бороды и усов молодежью могло посчитаться как «вольнодумство». Как отмечали современники при Николае I, «ношение усов составляло привилегию одних военных, а лицам других сословий безусловно воспрещалось; ношение же бороды разрешалось только крестьянам и лицам свободных состояний, достигшим более или менее почтенного возраста, а у молодых признавалось за признак «вольнодумства». Чиновники всех гражданских ведомств обязаны были гладко выбривать все лицо; только те из них, кто уже успел несколько повыситься на иерархической лестнице, могли позволить себе ношение коротких бакенбард около ушей (favoris), и то лишь при благосклонной снисходительности начальства»[18].

Наиболее благосклонно относились к бороде и усам Александр III и Николай II, а потому многие военные, государственные служащие, чиновники и интеллигенция стали возвращаться к традиционному облику православного мужчины. Однако это продолжалось не долго. В XX в., после утверждения власти большевиков в Советской России, официально было признано атеистическое мировоззрение как общегосударственное, а религиозность – как пережиток буржуазного

прошлого. Отращивание бороды могло быть расценено соответственно как «религиозный пережиток», противоречащий советскому образу жизни. Брадобритие вошло в быт как явление обязательное. От рабочих и служащих требовались чистые гладкие щеки, а подростки торопились поскорее пройтись по лицу бритвой. Усы не возбранялись, поскольку их носили в высших эшелонах власти.

Хотя во второй половине XX в. прежние установки не являлись обязательными, но и традиция не восстанавливалась. Очевидно, что в настоящее время брадобритие побеждает. Даже в старообрядчестве ношение бороды сохраняется лишь у служителей культа, а из паствы перестают бриться в основном мужчины преклонного возраста. Таким образом, большую часть XX в. советское общество воспринимало наличие бороды или ее отсутствие как отражение идеологических воззрений гражданина. Для большинства современных людей отношение к бороде и усам определяется их личным вкусом и индивидуальным выбором, но они согласуются с условиями и запросами общества.

С одеждой русских как христиан связаны предметы, в прошлом присущие всем, но после церковной реформы Никона сохраненные только старообрядцами. Это *лестовка* и *подручник*, ставшие символами верности дониконовской церкви.

Лестовка при молениях используется для облегчения подсчета поклонов. В сакральном смысле она знаменует лестницу духовного восхождения от земли на небо. По форме лестовка представляет петлю из кожаной ленты, в которую вшиты бубочки – утолщения, по числу соответствующие необходимому количеству поклонов. Петля-круг в свою очередь имеет сакральный смысл, представляя образ вечной и непрестанной молитвы[19]. Подручник служит небольшим ковриком или подушечкой для рук при земных поклонах. Он сшивается из лоскутов материи, набивается мягким материалом и простегивается. Квадратики и полоски, из которых составляется рисунок, располагаются строго определенным образом, символизирующим девять ангельских чинов[20].

В заключение, мы можем отметить, что одежда в понимании русского народа не составляет всего лишь набор предметов для утилитарного использования. Вещи, покрывающие тело, воспринимаются как отражение духовного облика человека, что с особой яркостью проявлялось в моленном костюме. Комплексы специальной моленной одежды возникли в XVIII в. как протест против грубого вмешательства в исконные народные традиции, против насильственного навязывания чужеземного костюма. В последующие века сменялись исторические условия, смягчались взаимоотношения с правительством

и церковью, а также между различными ветвями православия. Хотя в настоящее время идет сглаживание различий между гражданским костюмом и одеждой для посещения храмов, но сохраняются основные правила благочестивого поведения в них. Они служат напоминанием о том, что все окружающие предметы, в том числе и одеяния, исстари были наполнены памятью о религиозных чувствах человека и его понимании себя как части мира природы. В духовном смцсле облик самого человека всегда был включен в неразрывную связь внешней среды, мира внешнего и мира внутреннего.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 ИА. Крест // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 2. М., 1995. С. 651.; Успенский Б.А. Крест и круг. Из истории христианской символики. М., 2006. С. 488.

2 Бардина П.Е. Заговоры, загадки русских сибиряков. Томск, 1989. С. 4.

3 Фурсова Е.Ф. Женская одежда старообрядцев юга Западной Сибири (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1998. С. 29.

4 Приль Л.Н. «Крест да пояс – заповедь Божия» // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2003. Вып. 5. С. 198–199.

5 Прыль. Указ. соч. С. 199.

6 Лебедева Н.И. Прядение и ткачество восточных славян в XIX — начале XX в. // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 527–536; Смирнов В.И. Русское узорное тканье (костромские пояса). СЭ. 1940. № 3, с. 92–106.

7 Указ. соч. С. 199.

8 О покрывании женщинами головы во время молитвы // Женщина христианка. Образ и значение женщины в христианстве. М., 2000. С. 277–279.

9 Гаген-Торен Н.Н. Магическая значимость волос и головных уборов в свадебных обрядах Европы // СЭ, 1933, № 5–6. С. 86–88.

10 Толстой Н.И., Усачев В.В. Волосы // Славянские древности. Т. 1. С. 420.; Кабакова Г.Н. Головной убор // Там же. С. 506–508.

11 Бойко Е.С. Указ. соч. // Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока. История и современность. Местные традиции. Русские и зарубежные связи. Владивосток, 2004. С. 32.

12 Зеленин Д.К. Женские головные уборы восточных русских славян // SLAVIA. № 5. С. 555–556.

13 Терновская О.А. Борода // Славянские древности... Т. 1. С. 229.

14 Стоглав. Собор, бывший в Москве при государе царе и великом князе Иване Васильевиче. Издание Д.Е. Кожанчикова. СПб., 1863. С. 124–125.

15 Религиозный быт русских по сведениям иностранных писателей XVI–XVII веков. СПб, 1871. С. 100–101.

16 Де-Ламартинер. Путешествие в северные страны. М., 1911. С. 156.

17 Религиозный быт русских... С. 100–101 (Сообщение Перри).

18 Вишняков Н.П. Из купеческой жизни // Московская старина. М., 1989. С. 284.

19 Старообрядчество: лица, события, предметы и символы. «Церковь». М., 1996. С. 158; О лестовке // Правила благочестивого поведения ... С. 17–20.

20 Там же. С. 225–226; О изготовлении подручника Там же.

КОСТЮМ ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ СТАРОРУССКИХ СЕКТ (ХЛЫСТОВ, СКОПЦОВ, ДУХОБОРЦЕВ И МОЛОКАН)

Из всех функций одежды в этой главе нас будет интересовать ее конфессиональная и культовая функции. Под конфессиональной понимается одежда, которую члены религиозной группы носили постоянно с целью обозначения своей принадлежности к данной религиозной общности и отделения от остального мира. Она была неотъемлемой составной как в процессе формирования конфессиональной идентичности, так и дальнейшего ее поддержания. Культовая одежда являлась частью конфессиональной, но в отличие от последней культовый костюм имел более высокую сакральную значимость и семантическую нагрузку, так как был предназначен исключительно для совершения религиозных обрядов.

У русского православного крестьянства между этнической, конфессиональной и культовой одеждой различия были минимальные. В храм верующие надевали свой традиционный костюм, только более новый, чистый, а в праздники – нарядный, в

случае печальных событий – тот же традиционный костюм, но в особой цветовой гамме. Во внешнем облике православных русских конфессиональным маркером выступал нательный крест. Иная ситуация была характерна для последователей старорусских сект*.

Мы не будем подробно останавливаться на их учении, обратим внимание только на те аспекты догматики, которые нашли отражение в костюме или оказали влияние на его формирование. Хлыстовское и выделившееся из него в 1760-е гг. скопческое учение источником веры признавали откровение и верили в возможность непосредственного контакта человека с Богом, схождение на членов этих сект Св. Духа и воплощение Христа (его духа, силы) в отдельных людях. С этой целью хлысты и скопцы, отказавшиеся от супружества, изнуряли свою плоть постами, неистовыми *радениями*, заключавшимися в длительных молитвах и в различных движениях**: бегании, кружении, прыгании под пение стихов – *распевцев*. Схождение Духа проявлялось в пророчествовании, «говорении на языцах», особых телодвижениях. Для этих сект был характерен крайний аскетизм, а для скопцов еще и физическое оскопление. Так как радение совершалось без всякого устава, то в каждой хлыстовской и скопческой общине – *корабле* многое зависело от *корабельщика* – «христа» или «богородицы». Св. Дух сходил и на молокан-прыгунов (прыгунов и прыгунов-максимистов),

---

* Под старыми русскими сектами мы подразумеваем секты, возникшие в XVII и XVIII вв.: хлыстов, скопцов, духоборцев и молокан всех толков. Наименование «русские» вовсе не означает, что их учения являются плодом развития русской религиозной мысли, а не заимствованиями с Запада – это вопрос спорный и до сих пор не решенный. Это название означает, что их члены в основном принадлежали к русскому этносу (хотя среди скопцов была группа финнов, среди духоборцев были украинцы и мордва), что культовая практика перечисленных сект, их общественный и семейный быт, несмотря на особенности и своеобразие, в целом сформировались в русле русских традиций. Секты обычно делят на мистические и рационалистические: хлыстов и скопцов относят к числу первых, а духоборцев и молокан – ко вторым. Это деление условное, так как любая религия основана на мистике, другое дело, что качество мистики и степень погружения в нее бывают различными. Признание хлыстов и скопцов мистическими сектами не вызывает сомнения. Секту духоборцев в литературе относят к числу рационалистических, но в соответствии с ее учением, скорее следует отнести ее к мистическим сектам, хотя по внешним проявлениям она сильно отличалась от хлыстов и скопцов, например, у духоборцев не было экстатичного культа. Под общим названием «молокане» традиционно ученые совершенно необоснованно объединяют как рационалистические (постоянные, молокане донского, владимирского толков), так и мистические (прыгуны и особенно прыгуны-максимисты) секты.

** Иногда в литературе под радением (от слова «радеть» – стараться, трудиться) понимается только вторая экстатичная часть молитвенного обряда.

и тогда их вполне благопристойное молоканское моление превращалось в радение наподобие хлыстовского. В секте духоборцев не было радений и истязания плоти, а была твердая уверенность в том, что в их вожде постоянно пребывает сам Христос – живой Бог; а в остальных членах секты в памяти, разуме и воле запечатлен троичный образ Божий; и им не было необходимости на своих молениях призывать Св. Духа. Постоянные молокане признавали единственным источником веры Священное Писание, особенно почитали Новый завет и верили в Христа. Отдельные места Писания они толковали как аллегории и символы. Все старорусские секты отвергали церковь, иерархию, таинства, поклонение иконам* и кресту, хотя хлысты и скопцы, конспирации ради, внешне не порывали с православной церковью и не отказывались от ношения нательного креста.

Социальной базой старорусских сект были разные группы крестьянства: в сектах хлыстов и скопцов преобладали помещичьи крестьяне; в последней было много людей низшего воинского звания, были и мещане, а в числе руководителей – даже представители гильдейского купечества; основу духоборческой секты составляли однодворцы и государственные крестьяне; в секте молокан преобладали государственные крестьяне, хотя много было и крепостных.

Как и все эзотерические организации, религиозные секты свято хранили свои тайны. Поступая в них, новые члены давали страшные клятвы, брали в поручители самого Христа или подвергались настолько сильному запугиванию, что даже разорвав с сектой и вернувшись в лоно православия, старались не раскрывать ее секретов, в том числе касающихся символики костюма. Прежде всего, это относится к мистическим сектам. Однако какая-то информация все-таки просачивалась: находились случайные очевидцы или смельчаки из ренегатов, иногда на допросах, под страхом наказания, менее стойкие сектанты давали показания. Полностью поручиться за правильность и точность полученных таким путем материалов нельзя, но других практически не существует. Сохранилось очень мало письменных свидетельств, вышедших из-под пера самих сектантов, причем они позднего происхождения – второй половины XIX – начала XX в. Сопоставляя сведения, извлеченные из разных источников, все же можно составить представление об одежде сектантов и ее символике. Исследования о костюме духоборцев и молокан включают также полевые наблюдения автора.

---

* Хлысты и скопцы имели в домах иконы и использовали их во время радений, но подразумевали под изображенными на них святыми своих единоверцев, почитаемых «христами» и «богородицами».

Все перечисленные секты подвергались преследованию со стороны правительства, хотя в их истории были периоды относительного покоя, как, например, в эпоху веротерпимости при Александре I, и были периоды усиления репрессий, например, в годы правления Николая I, да и сила репрессий зависела от степени «вредности» секты. Особенно жестоко преследовали изуверскую секту скопцов, в меньшей степени – постоянных молокан (воскресников).

В традиционном обществе в отношении одежды и прически, как известно, существовала определенная нормативная культура, и любое отклонение от общепринятой нормы сразу же бросалось в глаза окружающим, порождая слухи, домыслы и подозрения. Конфессиональный костюм сектантов в своей основе имел русский народный костюм, и только какими-то деталями или их особым расположением, сочетанием традиционных элементов или их отсутствием, цветовой гаммой, качеством материала он выказывал принадлежность своего владельца той или иной секте. Эти отличия от костюма русских православных соседей если и не имели четко выраженного символического значения, то все равно прямо или косвенно предопределялись религиозным учением данной секты и отчасти представлениями руководителей каждой конкретной общины.

Складывание единого для всех членов секты костюма было возможно только в условиях компактного проживания ее членов. Первые сектантские поселения были основаны в начале XIX столетия в Таврической губ., куда духоборцев и молокан переселяли, хотя и по их желанию, но с целью изолировать от православных и остановить дальнейшее распространение ересей. С 1830 г. духоборцев, а затем молокан, хлыстов и скопцов начали ссылать в Закавказье, а с начала 1860-х гг. компактные скопческие поселения были созданы в Якутии. Однако для того чтобы сложился единый и обязательный конфессиональный костюм, он должен был не просто обозначать религиозную принадлежность, но рассматриваться самими сектантами как часть учения, его ношение должно было получить санкцию лидера секты, имевшего наивысочайший сакральный статус.

МИСТИЧЕСКИЕ СЕКТЫ ХЛЫСТОВ и СКОПЦОВ

Конфессиональный костюм. Появление старорусских сект было формой социального протеста, направленного против государства и освящавшей его основы православной церкви, против общества, жившего по мирским, а не Божьим законам. Последователи всех сект изначально связывали представление о праведности со строгим

следованием божественным предначертаниям (которые они зачастую трактовали по-своему) и с отказом от радостей грешного мира. В сектах хлыстов и скопцов аскетизм был доведен до крайних форм. Представители этих сект вели замкнутый образ жизни, не участвовали в мирских увеселениях, не пили хмельного и не ели мяса, не вступали в брак или, пребывая в нем, отказывались от плотского сожительства. Поскольку хлысты и скопцы нарочито часто посещали церковь, то православные соседи нередко расценивали их образ жизни как проявление высоко ценимой в народе праведности и, не зная тайной стороны их жизни, легко принимали скопцов и особенно хлыстов за монашествующих в миру *черничек* (*келейниц*, *монашек*) и *странников*, которые в русской деревне, особенно в пореформенный период, были явлением очень распространенным. Сектанты и монашествующие в миру в будни и праздники одевались одинаково скромно. В женских костюмах тех и других преобладали темные тона, отсутствовали обычные для традиционной одежды яркие вставки в виде затканок и вышивок, не носили они и таких привычных для русских девушек и женщин украшений как серьги и кольца. Такое сходство возникло в силу того, что и те, и другие подражали идеальному образу отрекшихся от греховного мира монахов и монахинь. Последователи скопческой и хлыстовской сект, действительно, часто сравнивали себя с монахами или выдавали себя за них*. Власти Тамбовской губ. обратили внимание на то, что среди сектантов было много праздношатающихся, одетых в «полумонашескую одежду»[1].

Это внешнее сходство последовательниц хлыстовства с монашествующими в миру было отмечено и священниками, близко наблюдавшими тех и других. Один из них так описывал костюм хлыстовок из г. Тарусы: «Женщины, вообще говоря, избегают цветных платков, душегреек и шубок, а предпочитают материи одноцветные и преимущественно серого и черного цветов, причем рукава летних рубах у хлыстовок бывают почти исключительно белого цвета, без всяких цветных вставок, как это обыкновенно делается у православных крестьянок. Вообще говоря, общий вид костюма женщин-хлыстовок во многом напоминает одежду наших православных монашенок»[2]. В сообщениях о хлыстах часто упоминаются синие сарафаны, которым отдавали предпочтение и чернички, а также белые рубахи. Священник из Нерехтского у.

---

* О том, что и сами ревнители праведности из числа насельников и насельниц монастырей могли переходить в хлыстовство, свидетельствует известный факт быстрого распространения этой секты в первой трети XVIII в. в московских монастырях. Среди монахов, несмотря на запреты и преследования, время от времени обнаруживались отдельные случаи оскопления.

Костромской губ., отмечая особенности одежды хлыстов, называемых в тех местах *лядами*, писал, что летом и зимой мужчины и женщины носили длинные черные *понитки* с борами, белые длинные рубашки, у мужчин – белые порты, а у женщин – синие сарафаны, похожие на безрукавный дьяческий *стихарь* с пуговицами спереди в один ряд от шеи до подола[3]. Подобным образом выглядел и повседневный костюм хлыстов Чистопольского у. Казанской губ.: мужчины носили «холщовые или коленкоровые белые рубахи и шаровары, и лапти или туфли, а женщины белые же рубахи, синие сарафаны с широкими мышками и белые платки»[4]. Следует отметить, что эта тенденция сближения хлыстовского костюма с монашеским более очевидно проступала в женской одежде. Русский мужской костюм сам по себе выглядел несравненно скромнее женского по цветовой гамме и количеству разных украшений, поэтому скромность мужского хлыстовского костюма так сильно не бросалась в глаза, как хлыстовского женского.

Уподобление сектантского костюма монашескому и явное сходство его с похоронным, – ведь и монахи, и члены мистических сект считали себя умершими для мира, – это демонстрация своего образа жизни и своей позиции в отношении к тем силам Зла, которые толкают человека на грех. Дуальное учение о Добре и Зле, превращавшее жизнь хлыстов в постоянную борьбу с дьяволом, и общерусское представление о том, что за левым плечом у человека нечистый, а за правым – ангел и поэтому следует отдавать предпочтение правому (правая рука праведная, встать утром с левой ноги плохо, и т.д.), причудливым образом слились и обрели вполне зримые формы в мужском костюме тарусских хлыстов. Современник отмечал, что хлысты Тарусы и окрестных селений Калужской губ. не только начинали работу непременно с правой стороны нивы, но даже разрез мужской рубахи-косоворотки делали не на левой стороне груди, а на правой[5].

Желание хлыстов некоторых кораблей Борисоглебского и Кирсановского уездов Тамбовской губ. отмежеваться от православных привело к созданию в середине XIX в. особых женских головных уборов, отличных от общепринятых у местного населения. К сожалению, современники, обратившие на это внимание, не указали, в чем именно заключалось их своеобразие[6].

Обратной стороной тенденции к обособлению от окружающих было стремление к сплочению членов секты в единый избранный народ, который должен иметь единый для всех костюм. Поскольку в масштабах всей страны сделать это было невозможно*, то делались

---

* Хлыстовские и скопческие религиозные общины были во всех губерниях центральной и особенно южной России. Их было очень мало или вовсе не было

попытки осуществить это стремление хотя бы в рамках одного или нескольких территориально близких кораблей. В вышеприведенных сообщениях из уездов и селений Калужской, Костромской, Казанской, Тамбовской губерний хлыстовский костюм описывается авторами как единый для членов хлыстовской секты всего селения или уезда. В конце XIX в. в Донецком округе Донской обл. члены некоторых общин *шалопутов** носили «одежду одного покроя и из одной материи», которую для них покупала сама «богородица»[7]. В целом же, процесс складывания хлыстовского повседневного костюма остался незавершенным.

Костюм скопчих, по крайней мере на фотографиях конца XIX – начала XX в., был еще более мрачным, чем представительниц хлыстовства: в нем почти отсутствовал даже белый цвет. На групповых фотографиях этого периода скопчихи часто запечатлены в сатиновых юбках и кофтах – так называемых *парочках*, обычно слишком широких, скрывающих пропорции тела, и головных платках, закрывающих плечи. В скопческой секте процесс складывания особого конфессионального костюма значительно дальше продвинулся применительно к мужскому костюму. Скопческий поэт, описывая гонения на собратий, отмечал, что власти ставили им в вину особый «еретический покрой» их одежды[8]. В чем же заключалась эта особенность? Обратимся к описанию скопческого костюма, сделанному скопцом, по всей вероятности, Н.П. Латышевым, выросшим в этой среде, человеком умным, грамотным и достаточно критически смотревшим на свое сообщество. Он описал скопческий костюм второй половины XIX – начала XX в. Латышев попытался показать, каким образом глубина веры и убежденности в догматах секты, приверженность скопческому сообществу или, наоборот, желание отмежеваться от него влияли на внешний вид его собратий. Он разделил скопцов на три группы: на тех 1) кто стал скопцом поневоле (оскоплен в детстве), не разделяет скопческих убеждений и считает свою жизнь загубленной; 2) кто внешне смирился со своей участью, но живет внутренней жизнью не по скопческому шаблону, старается не общаться с фанатиками; и 3) кто гордится своим скопчеством, кто фанатично верит в догмы. Первые не обращают внимания на внешний вид, для них главное выпить и поесть, «а платье или ка-

---

в северных губерниях. Были они, хотя в значительно меньшем числе, чем в Европейской России, в Сибири. К одному кораблю принадлежали сектанты разных селений, подчас отстоящих друг от друга на несколько десятков километров. Это обстоятельство делало практически невозможным создание единого конфессионального костюма.

* Шалопутами обычно называли хлыстов.

Группа скопчих ст. Тенгинской Кубанской обл. Б/д. (ГМИР. Ф. 2. Оп. 29. Д. 385. Л. 1.)

кое-нибудь дешевенькой материи или совсем не по его корпусу сшитое, приобретенное готовое на толкучем рынке, старое, кем-нибудь недоношенное». Вторые «по костюму стараются ничем не отличаться от того класса людей, в котором они вращаются, волосы на голове стригут по общепринятому шаблону, а некоторые даже и бреются, чтобы казаться благородней». Третья группа, по выражению автора, – «тьма вековая», составлявшая большинство секты. Они носят «шаровары крестьянские или хотя и городской покрой, но какие-нибудь старые, рубаха ситцевая длинная, чуть не до колен, жилет без разбора: открытая и закрытая грудь, без галстука, а если есть, то подвязан большой платок различных качеств и цветов; волосы на голове даже бывают очень длинные, а если и не так длинны, то все-таки непременно подрезаны в кружок как великороссийские крестьяне носют, но еще бывает над лбом прорезано *ворота*, и у других это сделано немного, так что едва заметно. Это особый символ. Изобретет какую-нибудь большую шапку, какой по величине и своеобразности никто не носит; потом, если не длинная русская поддевка, то своеобразно сшитый пиджак: во-первых, широкий,

а во-вторых, длинный, до колен, или какое-нибудь носит вместо пиджака длинное летнее пальто, конечно, ниже колен, и этим внешним видом доказывает, что он истинный христианин, придерживается старых обычаев; а на тех, кои не держут этот обычая, он говорит, что это богоотступники и платье-то носят такое, которое напоминает кобеля, как он хвостом не покрывает задних частей...»[9]. Эта третья группа считала свой старомодный, длинный и широкий костюм частью скопческого учения и крепко держалась за него. Приверженность скопцов старому костюму и прическе подтверждал еще в конце 1870-х гг. близко наблюдавший их священник г. Якутска А. Виноградов. Он считал, что скопцам, даже отрекшимся от своей секты, даже начавшим пить водку, курить и есть мясо, все равно нельзя верить, и существует единственное верное доказательство «полного отречения скопца от ереси» – это «если скопец начинает стричь волосы не в скобку, а под гребенку, и зачесывать их не по средине, а сбоку, носить не кафтан, а обыкновенный сюртук. Это уже показывает полный разрыв скопца с своим обществом»[10]. Латышев отметил элементы традиционного крестьянского костюма: штаны, которые за ширину называет «шароварами», длинная рубаха, стрижка волос в кружок, «длинная русская поддевка», которым на смену в 1880-е гг. в деревню пришла мода городских низов. В представлениях же скопцов давность и непоколебимость их веры были неразрывно связаны с давностью костюма: так верили и так одевались все предшествовавшие поколения сектантов, в том числе сам «искупитель-батюшка» (К. Селиванов). Этот психологический фактор, результатом которого была архаизация традиционного костюма, присутствовал практически во всех сектах и религиозных течениях, причем не только русских. Пристрастие скопцов к мешковатой одежде (длинной и широкой) вполне объяснимо с практической точки зрения – она хотя бы немного скрадывала появлявшееся с годами у большинства сильное ожирение.

Латышев и Виноградов отметили типичную стрижку – в кружок (в скобку), а Латышев упомянул еще и о некоем символе, который он назвал «воротами», к сожалению не объяснив его значение. У скопцов, принявших *печать* (оскопленных) во взрослом возрасте, со временем исчезал волосяной покров на лице, но еще до наступления этого момента многие начинали брить усы и бороду, так как отсутствие растительности на лице нередко воспринималось как показатель разрыва с греховным миром. Наставник и он же оскопитель из Орловской губ. велел недавно оскопленному им члену секты побриться – снять «мирщину» (от слова «мирской»), «чтобы, – как он сказал, – мирского на тебе ничего не оставалось»[11]. Бороды и усы сбривали и калужские скопцы[12].

Скопцы в верхней одежде. Б/д. (ГМИР. Ф. 2. Оп. 29. Д. 123. Л. 2.)

Еще одной отличительной и практически непременной чертой повседневного скопческого костюма и в XIX, и в начале XX в. был шейный платок. Его заметил на шее молодого скопческого пророка – тихого, застенчивого парня «в темной сермяге» – автор книги о тюрьме и ссылке конца 1860-х гг. Н.М. Ядринцев[13], посвятивший часть своего труда религиозным диссидентам. Платок, белый или пестрый, маленький или большой, присутствует в костюме скопцов на сохранившихся фотографиях более позднего периода. Никаких сведений о символике именно шейного платка нам не удалось обнаружить, но возможно последователи скопчества подражали «искупителю» Кондрату Селиванову, изоб-

ражавшемуся на широко известном среди скопцов портрете* с белым платком на шее, завязанным бантом; или возможно, что первоначально скопцы носили на шее тот же самый платок, который был атрибутом их радений (см ниже).

Утверждению Латышева и Виноградова о старомодности костюма истовых последователей скопчества как будто противоречат свидетельства некоторых других авторов. Еще в самом начале XIX в. свящ. Сергеев писал, что «достаточные» калужские скопцы «любят щеголять» и не гнушаются немецким платьем[14]. Некоторое франтовство отмечали и те авторы, кто наблюдал скопцов в якутской ссылке в конце XIX – начале XX в. Так, один из них (И-н В.), побывавший в начале 1890-х гг. в скопческом с. Спасском, отделенном от г. Олёкминска одною дорогою, обратил внимание, что скопцы по улицам села ходят в «городском одеянии» и «что скопец в ссылке одевается по-городски и некоторые даже франтовато». Женщины тоже одевались не как крестьянки, а по-мещански[15]. И действительно, на фотографиях тех лет все молодые «якутские» скопцы в пиджаках и даже с тросточками. Интересно, что после знакомства в 1901 г. двух ссыльных скопцов из разных селений, один – известный в скопческой среде, богатый М.Н. Мигачев прислал другому в знак расположения не какую-нибудь духовную книгу, а тросточку, вошедшую в то время в моду в сибирских городах[16]. Другой современник – А. Бычков – немного позже отметил, что стены в скопческих домах увешаны фотографиями скопцов, «снимающихся всегда группами, всегда в "пинджаках" с белыми галстуками (платками) на шее и в белых нитяных перчатках»[17].

Хотя наблюдения Сергеева и сибирских авторов сделаны в разное время, но суть этой внешней демонстрации благополучия и зажиточности одна и та же. Скопцы всегда ощущали себя изгоями в обществе и очень часто, достигнув достатка, с помощью одежды они пытались доказать всем и себе в том числе, что чего-то стоят, чего-то добились. Так, оказавшись брошенными в якутской тайге на произвол судьбы, пройдя через страшные испытания, скопцы со временем обжились, занялись хлебопашеством, обзавелись крепкими хозяйствами, торговлей, построили прекрасные дома, каких не было у окрестных православных

---

* По утверждениям скопцов портрет Селиванова и его сподвижника Шилова принадлежал кисти Боровиковского (ГМИР. Ф. 2. Оп. 5. Д. 85. Л. 10–10 об.), который сам входил в кружок Е.Ф. Татариновой, бывавшей на скопческих радениях и, видимо, знакомой с Селивановым. Подлинник был утерян, но поза, выражение лиц, цветовая гамма позволяют предположить, что изначально там была приложена рука профессионала. С портретов были сделаны многочисленные копии, качество которых зависело от умения копиистов, а с распространением фотографий с этих копий были сделаны фотоснимки, очень популярные в скопческой среде.

крестьян и даже горожан. Костюм скопцов, как и их дома, должен был свидетельствовать об экономическом превосходстве, которое стало возможно благодаря силе духа, вере и Божьей помощи. В глазах соседей, местной администрации и собственных глазах они хотели подняться хотя бы на ступеньку выше крестьянского сословия, из которого в большинстве своем и вышли, отсюда и стремление у части скопцов одеваться подчеркнуто не по-крестьянски.

Вполне понятно, что для поднятия престижа секты, своих наставников сектанты возводили в ранг генералов, высоких сановников, а К. Селиванова считали спасшимся от смерти Петром III. Сподвижник Селиванова – А.И. Шилов в глазах скопцов был фаворитом царя А.И. Дашковым. На портретах они оба изображены в той же манере, в какой было принято в конце XVIII – начале XIX в. изображать светскую знать на «домашних» портретах: в шелковых халатах, отороченных бархатом или мехом. Обосновавшись после иркутской ссылки в домах своих «детушек» – богатых купцов Петербурга (с 1802 по 1820 г.), Селиванов жил в роскоши и одевался как действительно знатный человек. Глава секты аскетов, он выходил в зал к своим почитателям в зеленом шелковом полукафтанье, в туфлях, шитых золотом, а с двух сторон его поддерживали «Иоанн Предтеча» и «апостол Петр», одетые в темные рясы и подпоясанные ремнями, как монахи[18]. Даже беглый солдат из крестьян, известный оскопитель и наставник Иван Петрович, водивший на благословение к Селиванову в Петербург партии скопцов, был возведен молвой в число опальных царских вельмож. Сорок латок, нашитых на его свитке в знак того, что он сорок раз был у «искупителя», в глазах братии означали 40 генеральских звезд, а его отвисший подбородок при внешней худобе служил доказательством непростого происхождения (когда-то он был толстым вельможей): «у мужика-то не из чего отвиснуть подбородку»[19].

Культовый костюм. Особый культовый костюм существовал только у мистических сект с экстатичным культом, моление которых заключалось в призывании Св. Духа и последующем *хождении в духе*. Для этих сект молельная одежда имела огромное значение: там, где присутствовал Св. Дух, употребление обыденного костюма было неуместно. Впрочем, в отдельных кораблях от этого правила случались отступления, например, женщины (но не мужчины) кое-где в скопческих и хлыстовских общинах радели в своем обычном, но праздничном костюме[20], или в первой части хлыстовского собрания все молились и пели в обычной одежде, а специальный костюм надевали перед началом верчения и прыгания[21]. Перед посещением *собора* (молитвенного собрания корабля) хлысты и скопцы обязательно мылись. Костюм несли с собой и переодевались на месте в специально отведенном чулане или комнате.

Скопцы в рубахах (Якутия). Б/д. (ГМИР. Ф. 2. Оп. 29. Д. 120. Л. 26.)

Сохранилось много описаний радельного костюма[22]. Основной частью мужского и женского культового костюма хлыстов и скопцов была белая рубаха – обычно широкая и длинная, не стеснявшая движений, холщовая или коленкоровая. Среди хлыстов существовало предание, что их первого «христа» – Ивана Тимофеевича Суслова – распяли на кремлевской стене в Москве, предварительно сняв кожу, но пришли непорочные девы, сняли свои белые рубахи и обвили ими его окровавленное тело; полотно рубах превратилось в его кожу. В память об этом событии все его последователи стали надевать на радениях белые рубахи[23]. Автор работы о скопцах – Ефим Соловьев – отметил, что скопцы надевают все белое и зажигают свечи, потому что они уподобляют себя девственникам, о которых говорится в Апокалипсисе: «девственники облечены в ризы белы и финицы в руках их». Поскольку финиковых ветвей в России нет, то вместо них – свечи[24]. В скопческих собраниях в Тамбовской губ. мужская радельная рубаха с широкими рукавами называлась *мантией*, *парусом*, *белой ризой*[25]. У калужских скопцов радельные белые и «бористые» рубахи назывались *дарами духовности*[26]. Ширина таких рубах достигала 10 аршин в подоле[27]. Мужской костюм дополняли широкие белые порты.

Скопцы некоторых кораблей радели не в рубахах, а в специальных халатах. Московский купец-скопец Д.И. Кудрин на следствии в 1870 г. показал: «Когда соберутся все, каждый надевает на себя халат тонкой белой или темной материи, а которые не способные и не умеют радеть, те остаются в своем прежнем платье»[28]. В халате с Евангелием в руке сфотографировался известный в своей среде скопец М.Н. Мигачев из селения Мархa Якутской обл., которого многие якутские скопцы считали учителем[29]. Видимо, обычай надевать халаты появился как подражание костюму К. Селиванова и А.И. Шилова, изображенным в таком виде на портретах.

Женский костюм помимо рубахи включал юбку или сарафан, которые могли быть синими или любого темного цвета, но очень часто бывали белыми. Такой наряд сектанты считали «убором Божьим», который кроит сама Богородица, а приносят его с неба херувимы[30]. В городах во время радений скопчихи иногда бывали в ситцевых платьях[31].

На головы хлыстовки и скопчихи обычно надевали белые платки, иногда в крапинку. Девушки хлыстовской секты из Чистопольского у. Казанской губ. повязывали белые полотенца в виде венца. Это было некое подобие девичьей повязки. В с. Карино Зарайского у. Рязанской губ. белое полотенце на голову повязывала только хлыстовская «богородица», остальная ее одежда ничем не отличалась от обычной[32]. Чистопольские хлыстовки-«бабухи» (бабы, женщины) на радениях были в таких же полотенцах, но в виде чехлов, концами назад[33]. Это свидетельствует о том, что в женском и девичьем головном уборе хлыстовской секты сохранялись различия. И хотя, вступив в секту, замужние женщины отказывались от плотского сожительства, но стать «богородицей» могла только девственница. Для роли пророчицы это не имело значения, и ею могла быть и девица, и вдовица, и замужняя женщина.

Радели хлысты и скопцы, как следует из многочисленных свидетельств, всегда босиком. Калужские скопцы в начале XIX в. объясняли, что они босые, так как на иконах Спаситель, его апостолы и пророки всегда босые[34]. Пермские скопцы в 1820-х гг. говорили, что они разуваются перед входом в молельную комнату, потому что «Моисей призывал изувать сапоги, когда ходишь на святое место»[35]. Хотя бы таким образом во время воображаемого контакта с сакральным миром сектанты старались внешне уподобиться библейским героям и жителям Горнего мира.

В молельной одежде хлыстов и скопцов превалировал белый цвет, который считался символом чистоты и непорочности. В распевцах скопцов часто фигурируют *белые агнцы*, *белые голуби*, даже само оскопление называлось *убелением*, а наложение «царской печати», когда мужчина полностью лишался детородных органов, еще имело назва-

ние *сесть на белого коня*. В традиционной русской культуре белый цвет считался траурным, что тоже, как уже говорилось выше, вполне вписывалось в общую канву их мировоззрения.

Траурная символика белого цвета особенно явственно выступает в обряде *отпевания заживо* члена хлыстовской секты, которому пророк предрек скорую смерть. На отпевании, по словам Н.И. Ивановского – очень хорошо осведомленного автора, – весь корабль был в белом, т.е. и на женщинах были не синие, а белые сарафаны. От божницы до дверей расстилали белый холст. В руках у отпеваемого, кроме горящей свечи, свиток из белого холста – «*знамечко*». Кормщик полотенцем с завязанным на конце узлом три раза «кадил» вокруг отпеваемого, т.е. делал движения, аналогичные каждению священником вокруг гроба[36].

Радельный костюм мог изменяться в деталях в зависимости от того, для совершения какого обряда он предназначался. Важным в жизни корабля был обряд приема в секту нового члена. На принимаемого торжественно надевали радельную рубаху. Хлысты Зарайского у. Рязанской губ. объясняли, что надевают ее в знак духовного крещения[37]. Смысл обряда как символического рождения нового хлыста особенно очевиден в кораблях Чистопольского у. Казанской губ. Там «крестная мать» (та, которая привела в секту нового члена) ложилась среди «палатушки» в белой рубахе с широченным подолом (в 10 аршин), а ее духовная дочь или сын обнаженные должны были пролезть у нее под одеждой. Такого «новорожденного» принимали в пелены, свивали, а потом надевали на него «хлыстовскую одежду»[38]. Это описание выглядит несколько фантастично, но пеленание девушки во время хлыстовских радений не было особенной редкостью. Кроме рубахи на нового члена корабля надевали и остальные части радельного костюма, принятые в данной общине. В нескольких описаниях (место совершения одного обряда не указано, а второй совершался в с. Булдырь Казанской губ.) комплекс обычного культового костюма (для мужчины – это длинная белая рубаха с широкими рукавами, белые порты, для женщины – белая рубаха и синий сарафан, на голове белый платок концами назад), который надевали на новичков перед радением, включал лапти, в то время как все собрание сидело с босыми ногами[39]. Обутые, пока еще не снявшие с себя грех и не уподобившиеся пророкам и апостолам, противопоставлялись босым собратьям, уже разорвавшим с миром и примкнувшим к сынам Божьим. Кроме того, лапти у русских входили в комплекс похоронной одежды. Смысл этой обрядовой одежды вполне понятен: белая, похожая на крестильную и одновременно на похоронную одежда в комплекте с лаптями знаменовала смерть плотского человека, отмеченного печатью грехопадения прародителей, и рождение «твари новой» – духовного человека.

Очень разнообразно скопцы использовали в обрядовой практике полотенца и платки, которые были и атрибутами радения, и деталями радельного костюма, хотя, прежде всего, предназначались для вытирания обильного пота. В некоторых скопческих общинах в подражание священству и «в знак святительского омофора» сектанты клали на свое плечо полотно (полотенце), которое «не одно в себе заключает значение омофора, но и силу пишимых на иконах имеющихся в руках Спасителя и апостолов его свитков»[40]. Пензенский хлыстовский пророк Ксенофонтович, посетив моление собратьев в с. Верхоценье Тамбовской губ., скакал босиком, обвязав полотенце вокруг шеи и крестообразно на груди[41]. В с. Карино Зарайского у. Рязанской губ. пророка, перед тем как он начинал пророчить, тоже крестообразно опоясывали полотенцем, как в церкви орарем опоясывается диакон[42]. Н.И. Ивановский отмечал, что во время радения в тех кораблях, которые были в его местности (где именно, не указано), в комнату вносили груду полотенец, которыми мужчины перевязывались через плечо, а женщины – крест-накрест, а в конце радения этими же полотенцами они хлестали себя до крови[43]. Скорее всего перевязывание полотенцами крест-накрест заимствовано из монашеского одеяния и прообразом такой перевязи был *параман**.

Белый платок, бывший у каждого мужчины и женщины во время радения в левой руке, скопцы называли *покровом* и *знамением*[44]. Селиванов, выходя к молящимся, взмахивал белым батистовым платком и говорил: «покров мой святый над вами». Платком Селиванов наделял приходившего к нему скопца, если благословлял его на должность учителя, а рядовому скопцу – давал сухарик, пряник или образок[45]. С белыми платками в руках позировали фотографам не только скопцы, но и другие сектанты (например, духоборцы), а также православные; на живописных портретах купцов конца XVIII – начала XIX в. они непременно изображались с платком в руке; платок дарила парню крестьянская девушка, и платок вкладывали в руку покойника перед похоронами. Он был важным многофункциональным элементом традиционного русского костюма, а в костюме мистических сект платок получил новое осмысление: Божий покров, знамя и знамение (знак). И, возможно, скопцы постоянно носили на шее платок, как знак Божьего покровительства.

Для мистических сект было характерно использование во время радений каких-то предметов, в том числе и отдельных частей одежды, как символов, с помощью которых они старались придать своим дейст-

---

* Параман – четырехугольный кусок ткани или кожи, закрывающий плечи и крестообразно завязывающийся на поясе (знак креста или язв И. Христа). Его надевали после принятия пострига и дачи обетов монахи и монахини.

виям особую значимость и таинственный смысл, который не каждый мог сразу понять. На хлыстовском радении в тамбовском с. Верхоценье местный пророк Яков Матвеевич, обличая свою паству, завернул старуху с головой в свою вывернутую наизнанку верхнюю одежду и оставил ее так сидеть несколько часов в знак того, что она схватит свою шубейку и бегает по дворам, болтает лишнее о хлыстах. На том же радении заезжий пензенский пророк «плясал» в шапке, которая в тот момент должна была означать терновый венец, бывший и на голове Христа при распятии[46].

В каких-то ситуациях, часто не связанных напрямую с обычной, регулярной обрядовой жизнью секты, руководители духовных общин обращались к такому приему как ряжение. Обозначив изображаемый образ какими-то наиболее характерными деталями одежды, они использовали его для более убедительного воздействия: чаще – на своих единоверцев, очень редко – на посторонних людей. Так, в 1838 г. во время посещения верхне-удинского острога иркутским генерал-губернатором С.Б. Броневским, известный в Восточной Сибири монах-хлыст Израиль и его последователи, видимо, чтобы усовестить высокого начальника, мучающего в заключении невинных христиан, встретили его в белых стихарях с голубыми поясами и длинными волосами, как часто изображали на картинах Христа[47].

Ряжение было особенно характерно для секты прыгунов и закавказских прыгунов-максимистов. Ни те, ни другие не имели определенного конфессионального или культового костюма, однако в моменты экзальтации им хотелось внешне с помощью одежды выразить свои религиозные переживания. Чаще всего они надевали длинные белые рубахи, иногда подпоясываясь голубыми или розовыми ленточками, изображая ангелов, святых или самого И. Христа. Ожидая в 1854 г. вознесения на небо своего руководителя Максима Рудомёткина, его последователи закавказские прыгуны-максимисты из с. Семёновка собрались на горе в мешкообразных белых рубахах, а стоящий в центре с распростертыми руками и готовый предстать перед Господом сам Рудомёткин был одет в такую же рубаху, но подпоясанную розовой лентой[48]. Почти в такой же одежде и в такой же позе изображал ожидание вознесения прыгун – староста с. Астраханка, расположенной около г. Благовещенска – Кирик Попов, обиженный на своих собратьев и демонстрирующий таким необычным способом свое желание покинуть их[49].

Для поднятия престижа секты максимистов и своего собственного, для убеждения своих последователей в том, что им уготовано самое высокое и почетное место в Царствии Божьем, М. Рудомёткин включал в свой и в костюмы своих верных последователей такие характерные

детали одежды царедворцев, как эполеты, ордена (бумажные звезды) и ленты через плечо, которые в российском обществе служили маркерами высокого положения. Провозгласив в 1857 г. себя «царем духов», Рудометкин носил самодельные мишурные эполеты с буквами «ДЦ» (духовный царь) и дарил «царские» подарки своим усердным молельщикам и жертвователям. В числе этих подарков были ситцевые платки, надушенные мятными каплями, и блестящие, мишурные пояса, имитировавшие изделия из драгоценных металлов с камнями, которые одаренные, видимо, должны были носить. Кусками цветной материи и лентами через плечо отмечали максимисты тех, кто хоть раз был под действием Св. Духа или был отправлен эмиссаром с важным поручением от общества[50]. Рудометкин не успел особенно развернуться, так как в 1859 г. был арестован, но при свойственной ему эксцентричности, огромной власти над последователями и компактности проживания максимистов у него были все шансы стать создателем особого прыгунского костюма.

Использование костюма, не являвшегося культовым, или его элементов в качестве символов, с помощью которых проводилась определенная мысль, создавался эмоционально-религиозный настрой, можно рассматривать как своеобразный, характерный для мистических сект, аллегорический и символический язык вещей.

СЕКТА ДУХОБОРЦЕВ

Духоборческая секта по характеру своего учения, культовой практике, внутренней организации занимает особое положение среди старорусских сект: духоборцы, собранные со всей России*, с самого начала XIX в. и до конца 1990-х гг. жили компактно на одной территории в изоляции от русских православных; вплоть до конца 1886 г. во главе секты стояли вожди, признанные всеми духоборцами воплощением «живого Бога»; в Таврии, а затем в Закавказье духоборцы создали общество, которое почти до конца XIX в. жило по своим неписаным законам, сообразно своему религиозному учению. Это исключительное положение, в котором оказались духоборцы, позволило им создать единый для всей секты костюм.

* Собирание секты на одной территории продолжалось почти 30 лет, но незначительные группы духоборцев и отдельные семьи, по разным причинам не сумевшие присоединиться, остались в селениях Тамбовской, Воронежской губерний, станицах Войска Донского, в Иркутской и Амурской областях. Они постепенно растворялись среди молокан, возвращались в православие или, сохранив название, очень далеко отходили от первоначального духоборчества.

Духоборческий костюм соединил в себе элементы традиционного костюма русских крестьян (однодворцев, государственных, экономических, помещичьих) и донского казачества, а также вобрал некоторые элементы, заимствованные у немецких колонистов и кавказских соседей. В нем нашла отражение история секты, ее социально-политические и религиозные идеи.

Попытки внешне обособиться делались духоборцами еще в 1760–1770-е гг.: женщины и девушки из их общин, тогда даже еще не имевших названия «духоборцы», не носили серьги и кольца и «не плели волос», т.е. их прическа отличалась от традиционной женской прически[51]. Духоборцы противопоставляли себя православным и как остальные сектанты были одержимы верой в собственную избранность, в то, что они особый народ Божий. Оказавшись поселенными в Таврической губ. на реке Молочные Воды, духоборцы под руководством Савелия Капустина попытались реализовать мечту о Царстве Божьем на земле. Одинаковые, скромные костюмы должны были подчеркивать равенство членов секты, объединять их как особый народ и отделять от окружающего населения. В Закавказье костюм дополнился новыми элементами и приобрел тот вид, в котором и просуществовал до наших дней.

Современники обращали внимание на то, что мужская одежда духоборцев очень похожа на казачью. Среди духоборцев первоначально была большая группа донских казаков. Мужская верхняя одежда, сшитая из черного или темно-синего сукна, обычно называемая *бекешей*, заимствована духоборцами у донского казачества. Из казачьего костюма перешли в духоборческий и штаны с клином, отделанные вдоль боковых швов красными лампасами. Довершал сходство с казачьим костюмом картуз с высоким околышем. В холодное время года духоборцы носили *бурки* и *башлыки*. Как донские казаки они брили бороды, но оставляли усы.

Выходцы из казачества, вливаясь в общину, приносили не только бытовой уклад, традиции самоуправления и элементы одежды, но и свои моральные ценности, социальные оценки. Казачеству было свойственно чувство некоторого превосходства над крестьянином – «мужиком». Само слово «казак», воспринимавшееся в России как символ ратной доблести, смелости, духоборцы наполнили иным смыслом: доблесть в борьбе за Божье дело. В одном из псалмов на вопрос: «Что ты, мужик или казак?» – следовал ответ: «Казак». Вопрос: «Почему ты казак?» Ответ: «Смею Божие слово сказать, сатану связать»[52]. Так что заимствования из казачьего костюма были оправданы представлениями о роли и предназначении казачества.

В мужской костюм духоборцев входили короткие жилеты, белые нарядные манишки, шелковые шейные платки, которые наподобие галстука завязывались прямым узлом. Видимо, все эти элементы были

Семейная фотография кавказских духоборцев (слева — П.П. Веригин). 1902 г. (ГМИР. Ф. 2. Оп. 29. Д. 219.)

заимствованы у соседей – немецких колонистов, живших в Таврии на другом берегу реки Молочной. В сочетании с бекешей, штанами с клином и картузом они производили несколько необычное впечатление.

Старшее поколение духоборцев еще недавно надевало свой традиционный костюм на моления, на праздники, похороны и поминки, правда, штаны с клином давно (1920–1930-е гг.) исчезли из гардероба. В настоящее время мужчины в случае необходимости надевают духоборческую жилетку и это считается достаточным.

Группа кавказских духоборцев в верхней одежде. Конец XIX в.
(ГМИР. Ф. 2. Оп. 29. Д. 230.)

Женский духоборческий костюм очень близок к традиционному костюму южновеликорусских губерний. В Закавказье он состоял из белой рубахи, поверх нее надевали *запан*, выглядевший как кофта с застежкой сзади, широкую юбку: однотонную или в тонкую полоску, клетку и *занавеску* (передник), а выходя на улицу – еще *корсет* или *душегрейку*.

В отличие от женской одежды хлыстовской и скопческой сект одежда духоборок была цветная, а с появлением химических красителей она

стала даже яркой. Низ белых женских рубах отделывали затканками. Приблизительно к 1880-м гг. низ юбок, занавесок, полы корсетов, бортики мужских жилетов и рамки карманов стали украшать вышивкой яркими шерстяными нитками. Обычно полем для вышивки служила полоса черного плиса. По орнаментике, цветовой гамме и даже черному фону из плиса эта вышивка очень похожа на ту, что украшала налобные повязки лорийских армянок. Контакты духоборцев с лорийскими армянами были вполне возможны, поэтому нельзя исключить, что вышивка была заимствована из костюма последних.

У духоборцев не было какой-то особой культовой одежды. Они ходили на моления в своем костюме, но только новом и нарядном. Не существовало у них и траурной одежды. Это связано с их представлениями о посмертном существовании души. Духоборцы когда-то верили, что душа умершего человека пребывает в земном мире, а потом переходит в новорожденного или животное, смотря по тому, как он жил до этого, поэтому у них вместо «умер» говорили «изменился».

Современник, побывавший в духоборческих селениях на Молочных Водах в 1841 г. и оставивший «Записку о духоборцах, обитающих в Мелитопольском уезде», обратил внимание на головные уборы духоборок. Они надевали белые вязаные колпаки, а сверху повязывали их шелковыми платками так, что два конца завязывались спереди, а третий распускался сзади. Он назвал этот колпак немецким, но подобные уборы носили казачки в низовьях Дона и в некоторых уездах южновеликорусских губерний (Воронежской, Орловской). Более оригинальным головным убором является женская духоборческая шапочка, уже на Кавказе получившая название *кабардинка*. Автор «Записки» оставил нам описание и этого головного убора: полуовальная кичка, суженная кверху, сделанная обычно из бумажной материи, стеганной на вате. Спереди было украшение «вроде банта и две ленты», которыми убор стягивается на голове[53]. В Закавказье в конце XIX в. шапка выглядела уже несколько по-иному. Ленты утратили свою функциональную роль и превратились в украшение по бокам шапки, а то, что было бантом спереди, превратилось в огромный цветок – *пучок* из кусочков разноцветного шелка с преобладающими розовыми тонами. По низу шапки шла полоса черного плиса, над которым нашивалась полоска золотого позумента. Шили шапку из голубого, зеленого, сиреневого шелка на шерстяной простежке.

Духоборческая шапка интересна своей символикой, о которой старейшие духоборцы рассказывали еще в конце 1980-х гг. Существовало несколько ее вариантов: плис – это земля, позумент – дорога, духоборческий путь, пучок – расцветшие на земле цветы, ленты – реки, а верх шапочки – небо, к которому надо стремиться. Другое объяснение, как

нам кажется, более современное: две половины шапки – это два полушария, пучок – символ единства вошедших в секту разных народов. Но наиболее распространенной среди старшего поколения и, видимо, изначальной была следующая символика шапки: «плис – когда духоборцы на каторжных работах были под землей; позумент – когда просияла слава духоборческая, стали появляться в разных местах духоборцы; пучок – зацвело духоборчество, зажили хорошо (на Молочных Водах. – С. И.); ленты означают дорогу на Кавказ; верх шапочки – выше закона Божьего ничего нет»[54]. Такая попытка отразить свое прошлое в костюме уникальна. Общие страдания за веру и общая история сплачивали духоборцев, а ношение шапки как бы приобщало к памяти страдальцев. Не случайно и то, что история духоборчества в сжатой форме отражена именно в женском головном уборе, ведь главная роль в религиозном воспитании детей принадлежала матери, бабушке. Именно женщина была хранительницей учения, которое передавалось в устной форме, и завета духоборческого. Сами духоборки говорили о шапке: «Моя шапка – шептовенье, моей голове – державенье». Слово «шептать» духоборцы употребляют применительно к произнесению заговоров от болезней, оружия, нечистого, которые они называют молитвами, поэтому «шептовенье» употреблено в значении заговора-молитвы от беды, и шапка играет роль оберега.

Особенностью духоборческого костюма является отсутствие различий в головном уборе и прическе женщины и девушки. Это опять же объясняется религиозными воззрениями духоборцев на женщину-духоборку. Понятие девства они связывали не с физиологией или семейным статусом женщины, а с тем, венчана она или нет. В духоборческом псалме на вопрос: «Почему ты дева?» – дается ответ: «Потому я дева, что несу путь Божий и дело. Под кивером не стояла, венца в руках не держала, попу руку не целовала. Потому я дева, что помню Божье дело»[55]. С другой стороны, поскольку у каждого духоборца в душе образ Божий и каждый в духовном смысле сын Божий, то и каждая женщина секты, родившая духоборца, тоже «богородица», а значит дева.

Волос девушки и женщины не плели, как говорилось выше, еще в XVIII в. Видимо, в Таврии духоборки стали делать очень необычную прическу, которую еще недавно носили только женщины самого старшего возраста – выходцы из с. Гореловка: расчесав волосы на прямой пробор и надев шапку, женщина начинала закручивать боковые пряди ото лба к ушам, делая небольшие *подвивочки*. Сзади эти получившиеся жгуты и остальные волосы скручивали или сплетали в косу и убирали ее под шапку. Спереди на лоб выпускалась небольшая челка. Совершенно очевидно, что среди русских такой прически не было. Зато такие же подвивочки носили женщины секты гуттаритов, жившие до 1870-х гг. в Таврии,

а возможно и другие группы анабаптистов, в частности меннониты, жившие там же бок о бок с духоборцами. Челки у духоборок появились уже в Закавказье (в описании головного убора 1841 г. о челке ничего не говорится). В псалме на вопрос: «На что подрезаете волоса?» – дается ответ: «Для того я подрезаю волоса, что скинула я дурные словеса»[56]. Современные духоборцы считают, что это означает «отбросить дурные помыслы». Некто А. Каменев, посещавший Духоборию во второй половине XIX в., писал, что, по словам стариков, все девушки на выданье обрезали себе прядь волос надо лбом после того, как молодой руководитель духоборцев П.Л. Калмыков выбрал себе в жены Лукерью Губанову. Тем самым они хотели продемонстрировать всю меру своего огорчения[57]. Трудно судить, действительно ли имел место этот факт и насколько правильно передал его Каменев. Это мог быть изначально обряд, символизировавший переход девушки в возраст невесты, а потом челку стали носить независимо от возраста и семейного статуса. Судя по фотографиям конца XIX в., челки в это время носили даже маленькие девочки.

Костюм отразил изменения в религиозном мировоззрении большей части духоборцев, произошедшие после раскола секты в 1887 г. После смерти Лукерьи Калмыковой (декабрь 1886 г.) почти все духоборцы, кроме жителей Горелого, признали вождем П.В. Веригина и получили название «большой партии», а гореловцы – «малой партии». Если для малой партии духоборческий костюм стал одной из опор старой веры, то для последователей Веригина он постепенно утрачивал свое значение. Часть большой партии по совету вождя, отказавшаяся от исполнения воинской повинности, в 1898–1899 гг. выехала в Канаду. Другая, пошедшая на компромисс с властями часть большой партии, осталась в Закавказье. Ее лидером стал сын П.В. Веригина – П.П. Веригин. По его приказу приблизительно в 1918–1920-е гг. женщины большой партии перестали носить шапки, а вместо них надели чепчики и покрыли их сверху платками. Потомки веригинской партии уже в 1980-е гг. говорили: «Каким духом шапка надета, тем духом и снята», в то время как пожилые женщины Гореловки все ходили в духоборческих шапках.

В Канаде традиционный духоборческий костюм очень быстро претерпел изменения. Многие из тех, кто покинули Россию, были разорены преследованиями и ссылкой по разным местам Закавказья. Да и в Канаде первые годы духоборцы испытывали большие материальные трудности. Хотя они и старались придерживаться старого покроя и фасона в одежде, но нужда заставила их надевать то, что придется[58]. В первые годы молодые мужчины вынуждены были ежегодно уходить из сел на заработки. Их одежда вызывала удивление и насмешки местного населения. В 1902 г. в Канаду из сибирской ссылки приехал П.В. Веригин. Он первым перешел на английское платье, посоветовав то же самое сде-

лать своим единоверцам, «чтобы по внешности и по разным пустякам не отличаться от другого населения»[59].

Занявшись созданием религиозной коммунальной общины, П.В. Веригин попытался создать и костюм, отвечавший новым идеям, интересам экономии и его собственным представлениям о гигиене одежды. Часть одежды духоборцы, жившие в общине, покупали готовой большими партиями и с большими скидками, а часть шили из оптом закупленных тканей, поэтому все ходили почти одинаково одетыми. Никакой роскоши не разрешалось. П.В. Веригин определял даже длину женских юбок и фасоны детской одежды[60]. Он делал суровые выговоры тем женщинам, которые пытались подвивать челки, а потом вообще «посоветовал» женщинам остричь волосы, так как уход за ними отнимает много времени. Он сам на собраниях показывал, как надо стричь, оставляя только чуб спереди, а сзади снимая почти все волосы. Эта прическа продержалась несколько лет.

У той части духоборцев, которые не захотели жить в общине и стали «независимыми» или «фармалями», конфессиональный костюм очень быстро поменялся на английский. В качестве молельного и «общинники», и «независимые» носили рубашку навыпуск и под пояс, а женщины надевали юбки, кофточки, занавески и на голову платки.

В Канаде из среды духоборцев выделилось радикальное крыло, представители которого получили название *сынов свободы* или *свободников*. В основе их идеологии лежали доведенные до абсурда некоторые толстовские идеи и философско-религиозные мечтания П.В. Веригина, неосторожно высказанные им в письмах, опубликованных и распространенных толстовцами. Эти идеи до неузнаваемости изменили жизненный уклад и внешний облик свободников. Они не только отказались от мясной пищи, как и все веригинцы, но и от ношения кожаной обуви, заменив самодельной обувью, сплетенной из веревок; от использования металлических изделий, в том числе пуговиц, крючков, так как металл добывают каторжным трудом. Свободники с воодушевлением восприняли идею П.В. Веригина о необходимости вернуть землю в первобытное состояние, а людям уподобиться Адаму и Еве. Они перестали стричь волосы и брить бороды. Отказаться от одежды им не позволил климат Канады, хотя такие попытки делались. Вместо этого они стали публично раздеваться догола в знак протеста против насилия, чтобы доказать, что человеку не надо стыдиться своего тела; голыми они приветствовали гостей.

После того как в 1906 г. по предложению П.В. Веригина духоборцы-общинники провозгласили равноправие мужчин и женщин, свободники сделали неудачную попытку создать костюм, единый для мужчин и женщин: это были широкие, до земли рубахи на кокетках, с широкими рукавами.

Духоборцы-свободники в Канаде в специальной одежде. 1907–1908 гг. (ГМИР. Ф. 2. Оп. 29. Д. 260.)

В 1950-е гг. среди канадских духоборцев, прежде всего свободников, возникло сильное движение за возвращение в Советскую Россию. Оно сопровождалось всплеском русского самосознания, и духоборцы, считавшие себя особым народом, стали заявлять, что они русские. В это время ритуальной и праздничной становится *косоворотка* навыпуск, подпоясанная поясом с кистями. Женский костюм превратился в то, что в начале XX в. называлось *парочкой*: сшитые из одинаковой однотонной ткани юбка со складами или в сборку и кофточка, украшенная рюшами, защипами и пр.; на голову повязывали

тонкий платок, отделанный изящной вышивкой. Занавеска исчезла из женского костюма. В настоящее время во внешнем облике невозможно обнаружить даже отдаленное сходство между канадскими и кавказскими духоборцами.

РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ СЕКТА ПОСТОЯННЫХ МОЛОКАН

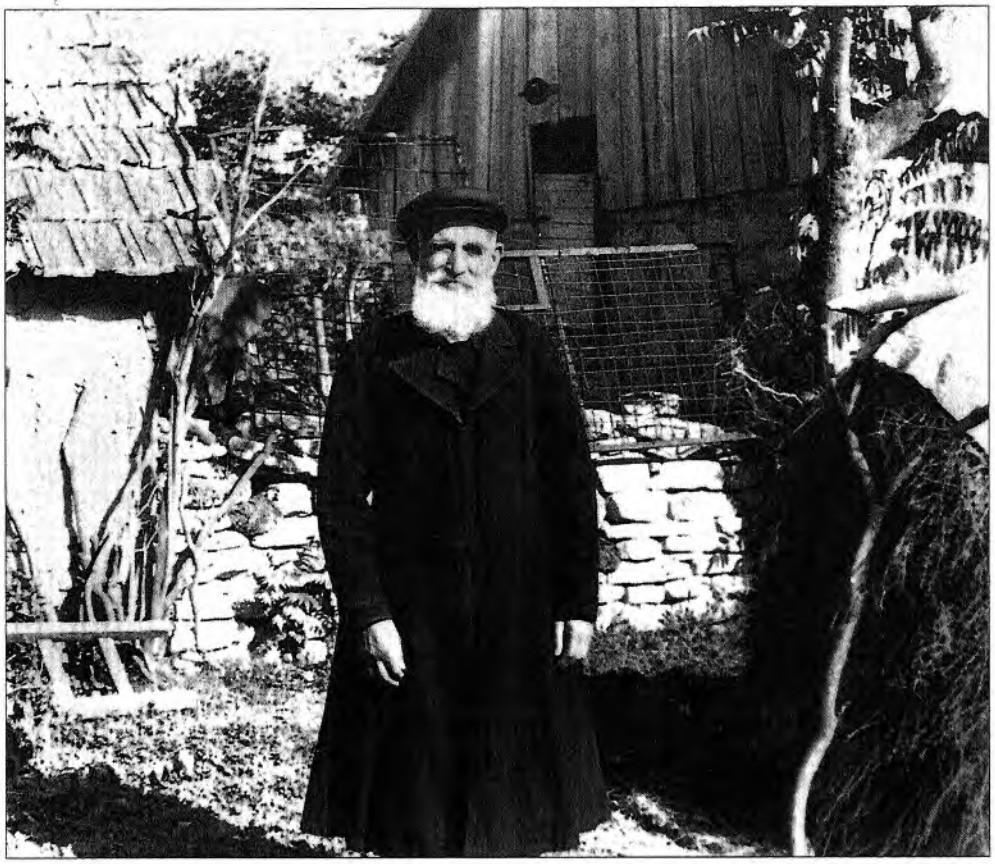
Секта постоянных молокан разных толков – несравненно более многочисленная по сравнению с прыгунами, субботниками, общими молоканами – была широко распространена по всей России, за исключением северных губерний. Особенно много их было в Тамбовской, Воронежской, Самарской, Саратовской губерниях. В Таврической губ., в Амурской обл. и Закавказье были созданы компактные поселения молокан, однако большая часть их проживала рассеянно среди православных. Для постоянных молокан высшим авторитетом была Библия, прежде всего Новый завет, который они читали и толковали на молитвенных собраниях, перемежая чтение пением молитв и священных текстов. Они приходили на моления празднично одетые в тот костюм, который было принято носить в их местности, и не придавали одежде какого-то символического значения, как это делали вышеописанные секты. Современные молокане на вопрос, в чем же их внешнее отличие от православных, неоднократно отвечали, что они не носят крест. Отсутствие креста, видимо, и раньше считалось достаточным знаком отличия, а все прочее уже не играло особой роли.

Н. Мендельсон, в 1890-е гг. посетивший молокан с. Луховицы Зарайского у. Рязанской губ., отметил чистоту и даже некоторую нарядность их костюма, особенно женского[61]. За исключением этого, он не заметил ничего особенного в их облике, даже того, что, как и все женщины протестантских сект, молоканки не надевали украшений; настолько, видимо, обычно они выглядели. Все семейные мужчины-молокане обязательно носили бороды, но в XIX в. это не казалось отличительной чертой, поскольку православное крестьянство и городские низы из крестьян среднего и старшего возраста обычно тоже носили бороды.

Молокане были очень восприимчивы к разного рода новшествам, в том числе и в костюме. Они быстро перенимали городской костюм, и на семейных фотографиях конца XIX – начала XX в. женщины часто сфотографированы в городских платьях или парочках, а в городе – не всегда даже с покрытой платком головой, мужчины обычно в городских пиджаках. Крестьяне-молокане, переселившиеся в 1860-е гг.

из Николаевского у. Самарской губ. на Амур и Зею, благодаря трудолюбию и взаимопомощи очень хорошо устроились на новом месте, часть их постепенно перешла на жительство в Благовещенск и начала заниматься торговлей, извозом, мукомольным делом, пароходством и даже золотодобычей. Современник, видимо сам выходец из их среды, не без удовольствия писал, что первые переселенцы пришли в крестьянской одежде: в красных самодельных шубах со сборами, в лаптях из лык, а в начале 1910-х гг. стали одеваться «в шелк, бархат и плюш и кенгуровые меха», обуваться «в лаковые сапоги, штиблеты и светлые резиновые галоши»; а в зимнее время – «в поярочные катанки». Городские одевались еще роскошнее деревенских[62]. Другой современник тоже отметил не крестьянский костюм молоканских пресвитеров дер. Белояровой на р. Зее: один «был одет в черный сюртук, а другой в пиджак из трико. По своему костюму и внешнему облику вообще они напоминали мелких торговцев или подрядчиков»[63]. В Закавказье в 1850–1860-е гг. костюм молокан оставался тем же самым, в котором они приехали из России. Поскольку они расселились в тех местах, где климат наиболее походил на климат родных мест, то прежний костюм их вполне устраивал. Лишь отдельные детали рабочего костюма были заимствованы у кавказских народов[64]. Никакой особой одежды для молений в этот период не отмечено, хотя жили молокане компактно, изолированно от православного населения. Художник В.В. Верещагин, побывавший у молокан Елизаветпольской губ., писал, что на молении в избе все сидели в полушубках, несмотря на страшную жару. При выходе из избы и разборе шапок он слышал от них выражения, почерпнутые из церковного языка: «а где-то моя риза ветхая или риза светлая»[65]. Закавказские молокане, кроме сельского хозяйства, занимались извозом, женщины и девушки уходили в города работать прислугой и няньками. Несмотря на то, что они жили на окраине Российской империи, в горах среди кавказского населения у них шли те же процессы утраты традиционного русского костюма и замены его городским.

В начале XX в. праздничный и он же молельный костюм постоянных молокан включал: для молоканок – юбку и кофту, часто из одинаковой ткани (парочка), в сельской местности обязательно передник, отделанный кружевом платок, под который в отдельных местностях надевали *чепчик*; а для мужчин – рубаху с косым или с прямым разрезом навыпуск и под пояс, обычные брюки, сапоги или ботинки. Женский молоканский костюм, особенно закавказских молокан, изобиловал оборками, кружевами, кантиками и отнюдь не напоминал о протестантском аскетизме, хотя в некоторых селениях Елизаветпольской губ. среди молоканок были представления о неприличии



Молоканский пресвитер. Азербайджан. Фото С.А. Иниковой. 1988 г.

иметь сильно выступающую грудь и, чтобы скрыть ее, женщины, а порой и девушки, надевали на рубаху специальный лиф до талии, уплощавший фигуру.

Мода в XX в. продолжала меняться, особенно после революции 1917 г., и парочка (с передником или без), платок, мужская рубашка (чаще косоворотка) навыпуск под пояс закрепились в качестве культового (молельного) молоканского костюма. Своим «молоканским» его считают и американские молокане, покинувшие Россию перед Первой мировой войной. Именно в таком виде они посещают моления. Во второй половине XX в., когда даже в сельской местности мужское население не часто носило бороды, у молокан, посещающих моления, как и старообрядцев, она сохранялась и стала отличительной чертой их облика. Современные молокане обычно начинают посещать молитвенные собрания уже в старшем возрасте (после того как уходят

Молокане Тульской обл. (переселенцы из Армении) на молоканском съезде в Тамбове. Фото С.А. Иниковой. 1998 г.

на пенсию) и тогда зачастую отпускают бороды. В городах (Тамбове, Москве и др.) на воскресные собрания кто-то ходит в «молоканском» костюме, а кто-то в обычной современной одежде, но женщины обязательно покрывают головы косынкой или шарфом, часто кружевными, и надевают относительно длинную («приличную») юбку. Обязательным ношение «молоканского» костюма остается для пресвитеров, а в некоторых общинах и для их помощников и чтецов. В будничной жизни внешне молокане ничем не отличаются от окружающих их людей.

Складывание молоканского костюма произошло поздно – уже в XX в. за счет сохранения устаревших элементов общепринятой одежды, которые и стали восприниматься самими молоканами как их конфессиональный и одновременно культовый костюм. Он, в отличие от конфессиональных и культовых костюмов других сект, не имел какой-либо символики и не был напрямую связан с молоканским вероучением, скорее он являлся свидетельством того, что постоянных молокан от православных отделяла не настолько глубокая пропасть, как хлыстов, скопцов или духоборцев.

Несмотря на различия в вероучениях и истории старорусских сект, все-таки можно выявить общие для всех тенденции и закономерности в формировании и бытовании конфессионального и культового костюмов. И конфессиональный и культовый костюмы были предназначены для того, чтобы сплотить общность; но первый, несмотря на опасность наказания, должен был внешне отделить членов секты от православных соседей, поэтому он был ориентирован не только на восприятие внутри конфессии, но и на восприятие его окружающими православными людьми. Второй, недоступный для посторонних глаз, был призван сплотить секту изнутри причастностью каждого ее члена к общей высшей тайне, поднять ее самооценку и осознание богоизбранности, приобщенности к сакральному миру и этим опять же отделить от остального мира, углубить пропасть между членами секты и православными. Существование обоих костюмов было характерно только для мистических сект с экстатичным культом. Присущий им символический язык одежды, совершенно отсутствовал в костюме рационалистической секты постоянных молокан. Однако и мистические, и рационалистические секты стремились найти формы внешнего выражения своей религиозной идентичности. Сектантский костюм сформировался как выражение взятой на себя членами сект аскезы, как протест против соблазнов грешного мира, но он же и отразил социальные устремления сектантов, их желание подняться вверх по социальной лестнице. С помощью конфессионального костюма, ориентированного и на посторонних, сектанты пытались доказать свои экономические преимущества и свой более высокий социальный статус, т.е. он выполнял и компенсаторную функцию.

Внешний вид костюмов, их символика определялись религиозным учением сект, давностью их существования, личностью лидеров, сложившимися в каждой общине традициями, тем, насколько компактно сектанты проживали, силой репрессивной политики правительства. Сходство некоторых аспектов мировоззрения и образа жизни разных религиозных групп может порождать сходство костюма, как это было с женским костюмом хлыстов и монашествующих в миру.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1265. Л.91. Документ от 1850 г.

2 Добромыслов П. Несколько слов о современной хлыстовщине (по поводу тарусского дела о хлыстах) // Миссионерский сборник. 1895. № 2. С. 296–297.

3 АРГО. Р. 18. Оп. 1. Д. 17. Л. 2.

4 Урбанский. Религиозный быт хлыстов Казанской губернии // Известия по Казанской епархии. 1903. № 12. С. 460.

5 Добромыслов П. Указ. соч. С. 296.
6 ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1265. Л. 5.
7 Кутепов Н. Из современной жизни хлыстов, или шалопутов // Православный собеседник. 1883. № 7/8. С. 306.
8 Санин А. Бытие скопческих страд // ГМИР. Ф. 2. Оп. 5. Д. 11. Л. 2 об.
9 [Латышев Н.П.]. Предсмертная исповедь // ГМИР. Ф. 2. Оп. 5. Д. 235. Л. 3 об.–5.
10 Виноградов А. Несколько заметок о скопцах, поселенных в Якутской области // Иркутские епархиальные ведомости. 1879. № 51. С. 616. (Прибав.).
11 Рассказ Матвея Савельева Бирюкова о его отпадении от православия в скопческое заблуждение // Орловские епархиальные ведомости. 1882. № 13. С. 875.
12 Высоцкий Н.Г. Первый опыт систематического изложения вероучения и культа «людей божиих». М., 1917. С. 35. Это публикация записки свящ. Сергеева «Изъяснение раскола, имянуемого христовщина или хлыстовщина».
13 Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872. С. 263.
14 Высоцкий Н.Г. Указ. соч. С. 35.
15 И-н В. Олекминские скопцы. Историко-бытовой очерк // Живая старина. 1894. Вып. 3/4. С. 303, 304.
16 Латышев Н.П. Послание братьям и сестрам // ГМИР. Ф. 2. Оп. 5. Д. 262. Л. 8–8 об.
17 Бычков А. Очерки Якутской области. II Скопцы в ссылке (к вопросу о развитии земледелия в Якутской области). Иркутск, 1902. С. 59–60.
18 ГАРО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 10. Л. 53 об.
19 [Прудковский]. Голос из могилы живых мертвецов (рассказ скопца) // Журнал романов и повестей, издаваемый редакцией «Недели». 1882. № 1. С. 135, 138, 139.
20 Высоцкий Н.Г. Указ. соч. С. 62; Жакмон А.П. Сектанты в Оренбургском крае // Русская старина. 1886. Т. 52. № 12. С. 692.
21 Урбанский. Указ. соч. С.468.
22 ГАРО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 10. Л. Л. 69 об.; Соловьев Е. Сведения о русских скопцах (извлеченные из различных документов и рукописей Ефимом Соловьевым). Кострома, 1870; Вруцевич М. Сибирские скопцы (историко-бытовой очерк) // Русская старина. 1905. Июль. С. 287.
23 Буткевич Т.И. Обзор русских сект и их толков. Харьков, 1910. С. 22.
24 Соловьев Е.. Сведения о русских скопцах....
25 Высоцкий Н.Г. Указ. соч. С. 67.
26 Там же. С. 62.
27 Надеждин. Исследование о скопческой ереси. 1845. С. 229.
28 ЦИАМ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 47. Т. 1.Л. 9.
29 РГИА. Ф. 797. Оп. 64. отд. 2, стол 3. Д. 316. Л. 4, 10–10об.
30 ГАРО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 10. Л. 64–64 об.
31 Надеждин. Исследование о скопческой ереси. С. 229.
32 Селиванов А. Хлыстовская ересь в с. Карине Зарайского у. // Труды РУАК за 1887 г. Т.2. № 7. С. 94.
33 Урбанский. Указ. соч. С. 535.

34 Высоцкий Н.Г. Указ. соч. С. 67.

35 Из архива С.Д. Нечаева. Донесение В.П. Клюквина о скопцах // Братское слово. 1893. № 9. С. 725.

36 Ивановский Н.И. Чиноприем в секту у современных хлыстов и некоторые бытовые их черты // Миссионерское обозрение. 1896. Ноябрь. С. 319.

37 Селиванов А. Указ. соч. С. 97.

38 Урбанский. Указ. соч. С. 543.

39 Ивановский Н.И. Указ. соч. С. 315; Руфимский П. Религиозно-нравственное состояние прихожан села Булдыря // Известия по Казанской епархии. 1891. № 13. С. 406.

40 Высоцкий Н.Г. Указ. соч. С. 62.

41 Б.А. Несколько слов о характере религиозных воззрений и форме радений тамбовских сектантов, именуемых хлыстами // Тамбовские епархиальные ведомости. 1888. № 2.

42 Селиванов А. Указ. соч. С. 97.

43 Ивановский Н.И. Указ. соч. С. 316.

44 Надеждин. Исследование о скопческой ереси. С. 229; Соловьев Е. Сведения о русских скопцах...; Вруцевич М. Указ. соч. С. 287; Рассказ Матвея Савельева Бирюкова... С. 818.

45 ГАРО. Ф. 680. Оп. 1. Д. 10. Л. 53 об., 64.

46 Б.А. Указ. соч.

47 Максимов С.В. Собрание сочинений. Т. 2. Сибирь и каторга. Ч. 2. Виноватые и обвиненные. СПб., б.г. С. 254.

48 Верещагин В.В. Духоборцы и молокане в Закавказье. М., 1900. С. 37.

49 Литвинцев К. Амурские сектанты: молокане и духоборы // Христианское чтение. 1888. Ч. 2. № 11/12. С. 671.

50 Дингильштедт Н. Закавказские сектанты в их семейном и религиозном быту. Спб., 1885. С.76, 77, 93.

51 Иникова С.А. Тамбовские духоборцы в 60-е годы XVIII века // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. 1997. Вып. 1. С. 52.

52 Животная книга духоборцев. СПб., 1909. С. 41. Пс. 5.

53 Записка о духоборцах, обитающих в Мелитопольском уезде // Труды Киевской духовной академии. 1876. № 8. С. 395.

54 Иникова С.А. История и символика духоборческого костюма // Живая старина. 1994. № 1. С. 33. Полевые материалы автора. 1988 г.

55 Животная книга духоборцев. С. 78. Пс.36.

56 Там же. С. 79. Пс. 40.

57 Каменев А. Духоборческая секта // Миссионерское обозрение. 1904. № 12. С. 199.

58 Бонч-Бруевич В.Д. Духоборцы в канадских прериях. Пг., 1918. С. 115.

59 Тан-Богораз В.Г. Духоборы в Канаде. М., 1906. С. 33.

60 Иникова С.А. История и символика духоборческого костюма... С. 36.

61 АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д.1447. Л. 2.

62 Ланкин А.В. Переселение и жизнеописание христиан в Амурской области с 1864–1913 г. Рукопись, не ранее 1913 г. // ГМИР. Ф. 2. Оп. 8. Д. 364. Л. 7.

63 Федоров Н.В. Обряд «запоя» у амурских молокан // Восточное обозрение. 1897. 14 ноября.

64 Егоров П. Закавказские дорожные записки 1851 г. // Русский инвалид. 1857. 12 октября.

65 Верещагин В.В. Указ. соч. С. 31.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей монографии предпринята попытка по возможности объединить в одном издании практически необъятные материалы об одежде русского народа. Каждый из авторов стремился представить сведения за обозримый исторический период с учетом процесса расселения русских как в европейских, так и в азиатских регионах России.

Анализ собранных данных за обширный период времени (XIII – начало XXI в.) позволяет выявить общие тенденции в развитии народного костюма и определить конкретные направления изменений, имевших место в различные периоды истории.

В работе был выбран принцип регионального рассмотрения материалов в соответствии с формированием этнической территории русского народа. Однако отдельные регионы освещены в монографии неполно, что объясняется условиями и спецификой развития науки этнологии.

Как известно, внимание ученых к изучению материальной культуры было привлечено сравнительно поздно. Специальные наблюдения по этой теме,

и в частности относящиеся к одежде, начали проводиться преимущественно с конца XIX в., и в первую очередь – в пределах Европейской части страны. Следует отметить, что регионы со своей стороны представляли разные возможности для исследователей в силу разновременности их заселения.

Миграционная активность русского народа имела разные направления. Поскольку Север Европейской части начал осваиваться весьма рано, представлялась возможность долговременного его обследования. К настоящему времени весьма детально изучены центральная и южная части северного региона.

В южном регионе страны, где расширение приграничных территорий проходило в более сложных условиях, внимание исследователей в первую очередь привлекали западные районы — область зарождения и формирования русского казачества.

Обширные пространства Зауралья потребовали значительно больше времени для освоения. На земли Дальнего Востока русские вышли в середине XIX в., следовательно изучение бытовой культуры не могло начаться раньше, чем сложилось постоянное население. Таким образом, материалы этнографических наблюдений русской одежды собирались в регионах в разные периоды времени: если из Европейской России они поступали начиная с середины XIX в., то в дальневосточном регионе к их сбору приступили только в конце XX в.

Независимо от этого основным источником для написания большинства разделов монографии явились непосредственные экспедиционные исследования авторов.

Дополнительно к ним по каждому региону привлекались сведения, выявленные в различных других источниках, начиная от летописных до заметок путешественников, мемуаров и т.п. Наиболее существенные дополнительные данные предоставляли исследования в смежных областях науки (диалектологии, археологии и др.).

Широкий охват территории и историческая глубина рассматриваемых явлений позволили авторам провести исследование, ориентируясь на основополагающую проблему этнографии русского народа – становление и развитие его культуры. Диахронный анализ материалов определил основные вопросы для различных исторических периодов в той или иной местности.

Главы монографии составляют три группы. В главах I, II и III характеризуется одежда населения, продолжающего традиции древних славянских племен. В монографии анализируются вопросы устойчивости древних элементов и их изменений, а также пополнение одежды новыми формами. Уделено специальное внимание различию в костюмах

горожан и сельчан, жителей центра и периферии и различных слоев общества, создававшихся на основной территории расселения.

В главах с IV по VIII рассмотрены изменения одежды в местностях позднего заселения, которые располагались в нескольких природно-климатических зонах. При этом существенное значение имели обстоятельства времени миграции, места переселения и иноэтничного окружения.

Установлено, что при отселении активизировались процессы адаптации, ассимиляции, заимствования. Исследования показали, что в этих условиях на всей этнической территории действовали одновременно два процесса: последовательное развитие комплексов традиционной одежды и изменение тех или иных элементов под влиянием экологических условий, межэтнических контактов и воздействия общемировой модернизации костюма. В главах оценивались соотношения этих явлений, их взаимосвязанность и конкретные результаты.

В главах IX и X поставлены общие темы: роль духовной культуры, менталитета и межэтнических связей в развитии русской народной одежды. Ранее этим вопросам не уделялось специального внимания, поскольку, в соответствии с внутриполитическими установками, замалчивалась роль вероисповедальных представлений в жизни населения, а проблема обмена культурными ценностями представителей разных национальностей решалась односторонне в плане общесоветской дружбы народов. Проведенное в настоящей работе исследование позволяет на материалах об одежде оценить указанные явления как существенные условия становления народной культуры.

Русская народная культура и в частности традиционная одежда обладают комплексом устойчивых общих признаков и при этом имеют специфические местные региональные и зональные особенности. С наибольшей исторической глубиной общие и локальные черты исстари были представлены в центральной части России. Здесь, с одной стороны, сохранялись элементы одежды, унаследованные от древних племен, с другой, завязывались связи с соседними народами и государствами, что способствовало обогащению традиции. Разнообразие костюмов, как правило, в наибольшей полноте наблюдалось в городах, являвшихся опорными центрами русского расселения.

Вместе с тем, будучи средоточием общественной, производственной и торговой жизни страны, города втягивали в свою орбиту окрестные селения и их жителей. Вызванные этим изменения в быту крестьян неизменно отражались на их одежде. Складывавшаяся в городах сложная сословно-социальная структура населения, со своей стороны,

приводила к большому разнообразию костюмов. С особой яркостью это проявлялось во второй половине XIX – начале XX в.

Москва, ставшая центром капиталистического развития страны, быстро впитывала достижения прогресса, в частности индустрию моды. Однако модные новшества привлекли лишь небольшой слой высшего общества. Каждая сложившаяся в Москве социальная группа проживала довольно компактно и обособленно в своей части города, одеваясь в соответствии с местными традициями. Прибывавшие из губерний крестьяне более или менее длительно сохраняли приверженность народному комплексу. Однако городской костюм начала XX в. постепенно вытеснял традиционный, что приводило к самым разнообразным сочетаниям старого и нового.

При характеристике одежды сельского населения центральной части Восточноевропейской равнины существенное внимание уделялось проблеме автохтонного развития на основе традиций славянских племен. Из двух основных комплексов русской одежды более древним признается южнорусский, который, как считается, был распространен уже в X–XIII вв. Наиболее характерным для этого комплекса является наличие женской поясной одежды – *понёвы*.

Формирование севернорусского комплекса костюма было связано с появлением нового типа женской одежды – *сарафана*, в покрое которого появилось много вариантов. В некоторых из них прослеживаются связи с древнеславянской глухой одеждой, с верхней распашной одеждой русских в XVI в., с прямой юбкой на бретелях. Сарафан стал наиболее вариативным элементом русской одежды. Он прочно утвердился и в современной жизни, продолжая разнообразить свои формы.

Среднерусский комплекс, выделяемый некоторыми исследователями, был близок к северному (сарафан, кокошник), но включал ряд черт южного (детали головного убора и украшения). На территории его бытования, как предполагается, в XV–XVI вв. проходило вытеснение поневы сарафаном. Северная граница распространения поневы не была установлена. В XIX в. ее носили только крестьяне, и сохранялась она главным образом в южнорусском регионе. Более тщательное изучение Центрального района, в особенности местностей сосуществования поневы и сарафана, могло бы пролить свет на ранние судьбы этих двух важнейших для народной традиции элементов одежды, один из которых к XX в. практически уступил место юбке, другой же стал выполнять почетную роль знакового представителя русского костюма.

Вариативность, как показывают представленные в настоящем труде материалы, присуща всем элементам народной одежды. Это особенно было заметно в тех местностях, где больше внимания уделялось декору.

В этом отношении южнорусский комплекс был представлен богаче, чем северный. По мнению исследователей, многие элементы декора поневы могли быть связаны с космической символикой, а их узоры – восходить к древним племенным традициям, что, со своей стороны, подтверждает историческую глубину южнорусского комплекса.

Широкая вариативность элементов традиционных костюмов давала возможность их разнообразного сочетания, вследствие чего создавались специфические локальные особенности внутри основных комплексов. Так, в одной только Вологодской области выделяются три культурные зоны, которые связывают одежду жителей этих мест с костюмами населения соседних территорий. Практически повсеместно, в пределах расселения двух основных этнографических групп – севернорусской и южнорусской, наблюдался более или менее плавный переход от одной локальной группы к другой.

На западе расселения русских в некоторых местностях появлялись смешанные комплексы, включавшие элементы одежды украинцев или белорусов, а некоторые предметы были присущи каждому из народов. Подобные явления можно объяснить соседскими контактами и заимствованиями. Однако если учесть, что западное пограничье входило в зону бытования единой в прошлом славянской общности, то и общие элементы, по нашему мнению, следует считать местными вариантами, восходящими к общеславянской основе и поддерживающими генетическую связь между основными комплексами костюмов каждого из народов.

Территория распространения комплексов костюмов, а также и отдельных входящих в них предметов изменялась с течением времени. Установлено, что *сарафанный комплекс* женской одежды вытеснял более древний *комплекс с поневой*. Возможно, что в прошлом, в период формирования древнерусской народности, понева имела в костюме важное значение и получила более широкое распространение, на что указывает наличие аналогичных одежд у всех трех восточнославянских народов. В свою очередь сарафанный комплекс в середине XIX в. стал заменяться новым комплексом – *парочкой* (юбкой и кофтой), что по времени совпадало с началом промышленного развития страны. Следовательно, смена ведущего типа одежды соответствовала историческому пути развития России. Подтверждением этому служат последующие изменения народного костюма, связанные с событиями XX в.

Рост городов потребовал новых форм, более соответствующих ускоренному темпу жизни. Промышленность предоставила новые ткани и машины для пошива, передавая эту работу из домашней сферы в производственную. В конце XIX в.сформировался новый *комплекс*

городского костюма, в котором преобладали изделия ремесленного и фабричного производства, по покрою отличные от прежних традиционных. Сам по себе новый комплекс одежды был мало вариативен, но его нередко носили в сочетании с традиционными элементами (сарафан с блузкой, парочку с кичкой и шалью и т.п.), что придавало своеобразие, вводило новые варианты и одновременно облегчало переход сельского населения к одежде горожан.

Однако не успела парочка проникнуть во все регионы, как из центра ей на смену появился новый тип одежды – *платье*. Оно открывало дорогу для поиска новых покроев, но оставляло меньше возможностей для включения традиционных элементов. С этого времени началась быстрая сменяемость форм и фасонов. Женское платье укорачивалось, становилось компактнее. Вместе с тем наблюдалось сближение городского и народного костюма. Использование широких и ярких тканей промышленного производства при пошиве традиционной одежды позволило упростить покрой и придать бóльшую колоритность костюму. Это способствовало сохранению прежних комплексов, тем не менее неуклонно отступавших на периферию. Одновременно появились варианты платьев, стилизованных под народный костюм, и предметов народного костюма, по покрою приближенных к платью.

Таким образом, изучение народной одежды на основной территории расселения русских выявило значительное увеличение количества предметов и вариативность их покроя, возраставшую на протяжении XIII–XIX вв. Представленные материалы показывают, что вариативность была извечно присуща народной одежде. Она являлась способом ее бытования и внутреннего самостоятельного развития. Через вариативность протягивались нити к древним типам одежды. Через варианты отдельных элементов и их сочетаний осуществлялись связи между основными комплексами русского костюма, а также и с одеждой других славянских народов.

На основной территории расселения восточнославянские племена и формировавшийся русский народ не были изолированы от соседских контактов с окружающим неславянским населением. При отселении в сторону живших рядом народов происходило частичное смешение, а также ассимиляция отдельных групп местных жителей. Вследствие этого на Восточноевропейской равнине одежда русских приобрела немало общих черт с костюмом местных финноязычных народов. Так, в южнорусском регионе характерны были украшения, присоединявшиеся к головному убору, – *пушки́*, широко использовавшиеся и у народов Поволжья. Заметный след оставило соседство тюркских народов, принесших новые ткани, предметы и соответствующую терминологию (армячи́на, армяк, кафтан и пр.).

На территории основного, компактного расселения русских иноэтничные влияния не изменяли традицию в одежде, но лишь пополняли ее. Сложнее складывалась ситуация у мигрантов на отдаленные новые земли.

Расселение в южном направлении проходило в благоприятных природных условиях, но в сложной этнической ситуации на границе государственных владений. Сформировавшееся на донских землях казачество постепенно продвинулось от западных границ до восточных и благодаря своей активности восприняло немало элементов костюма горных и степных народов. Казаки разных отрядов носили смешанную одежду населения регионов, в которых несли службу. Женская одежда также различалась по регионам, что определялось условиями заселения станиц. В XIX в. было введено, как и в регулярной армии, обмундирование установленного образца. Одновременно женщины заменили традиционные костюмы на комплекс с парочкой, который стал восприниматься как знаковая одежда казачек.

Приток на юг крестьянского населения из Южной России и Украины еще более усилил межэтнические переплетения, проявлявшиеся, в частности, в одежде. Именно ее разноплановость подготовила почву для изменений, преобразовавших русские традиции в XIX–XX вв.

Если в средней полосе Восточной Европы и в южном регионе при расширении территории расселения русских адаптация к новым условиям осуществлялась в основном через межэтнические взаимосвязи культур, то в регионах с суровым климатом природный фактор вносил существенные коррективы в этот процесс.

Регионы с наиболее суровыми природными условиями, к которым относится полярная зона и значительная часть Сибири, к сожалению, слабо изучены. Тем не менее, имеющиеся в нашем распоряжении материалы показывают важную роль внутригосударственных связей между территорией основного расселения и периферией. В тех местностях, где первые поселения были разрознены, русские вынуждены были пользоваться одеждой коренного населения. По мере развития межпоселенных связей складывались комплексы костюмов, включавшие русские и аборигенные элементы. Практика показала, что русский традиционный костюм вполне пригоден для проживания в приполярном регионе, но для промысловой деятельности требуется его пополнение.

Все взаимоотношения русских с соседними этносами, как правило, приводили к обогащению арсенала народной одежды. Зачастую на основе заимствованных предметов возникали местные варианты, адаптированные к русской традиции. Эти процессы наблюдались на всем пространстве расселения русских и среди всех слоев общества. Из костю-

мов соседних этносов усваивались отдельные элементы или комплексы, улучшавшие рационально-производственные функции или придававшие одежде эмоционально-эстетическую выразительность.

Сам процесс заимствования протекал постепенно: от визуального знакомства, через оценку полезности предмета к возможностям его использования. Лишь когда русские осваивали навыки производства материала и пошива выбранных ими вещей, а тем более появлялись варианты раскроя, созданные в русской среде, возникало основание считать заимствованный предмет вошедшим в русскую традицию.

Можно констатировать, что за рассматриваемый период народный костюм практически постоянно находился в состоянии развития как в целом, так и по составляющим его элементам. Созданием новых типов одежды, их вариантов и комплексов народ реагировал на изменение условий быта, возникавших как при перемене мест проживания, так и при изменении социально-экономической ситуации в стране.

Наряду с этим в России имела место смена стиля одежды по инициативе руководства страны. Впервые это происходило в связи с принятием христианства.

Сама по себе христианская церковь предъявляла требования только к постоянному присутствию креста как символа веры, а также к оформлению головы: наличию головного убора (для женщин) и его отсутствию (для мужчин). Русская знать однако, помимо того, приняла для себя византийский стиль одежды, который внедрялся и среди приближенных. Новые элементы одежды в некоторой мере принимались в народной среде, но к XVIII в. — времени следующей перемены – они уже прочно вошли в традицию.

Реформы Петра I, проводившиеся крайне деспотично, не были приняты частью населения. В этот период с очевидностью определилось значение одежды как элемента не только материальной, но и духовной культуры. Так, старообрядцы боролись за сохранение присущего им костюма как завета предков и за сохранение привычного внешнего вида – как извечно данного образа. Однако со временем под напором бытовых обстоятельств новые одежды все же признавались, но традиционные сохранялись как молельные, символизировавшие приверженность истинной русскости.

Как показали последние исследования культуры эмигрантов, покинувших родину в XVII–XVIII вв., старообрядцы не утрачивали традиционной одежды даже в условиях иноэтничного окружения и изоляции, а в отдельных местностях наблюдалось их развитие. Созданные за рубежом новые комплексы костюмов после возвращения на родину приобрели значение маркеров конкретных групп реэмигрантов.

Знаковые функции одежды весьма многоплановы. По существу, с помощью одежды может быть выделен каждый элемент структуры

общества. Также и каждый предмет костюма, его детали, цветовая гамма или отделка могут выполнять роль знака. В традиционной русской одежде наибольшая знаковая выразительность сконцентрировалась в комплексах костюмов, приобретших определенную этническую и этногрупповую специфичность. Эта функция является основой для сохранения традиционной одежды.

Утвердившаяся в XX в. престижность европейского стиля городского костюма и частая сменяемость в направлениях моды практически не оставили места для массового воспроизводства традиционных комплексов. Их прежнее повсеместное бытование перешло в локальное, которое поддерживается менталитетом отдельных групп населения. Традиционная одежда используется в основном эпизодически в семейной и календарной обрядности. Однако ее роль остается неизменно значимой для выразительной характеристики определенных исторических периодов, что широко используется в профессиональном и самодеятельном искусстве.

Проведенное исследование показало, что базовая составляющая русского традиционного костюма устойчиво сохранялась на протяжении рассматриваемого периода. Однако в настоящее время на традиционализм народной одежды все большее влияние оказывает глобальная модернизация.

СОКРАЩЕНИЯ

ААККМ – Архив Алтайского краеведческого музея
АГВ – «Архангельские губернские ведомости»
АГМДЗНИ – Архангельский государственный музей деревянного зодчества и народного искусства
АГО – Архив Географического общества СССР
АГОИАМЗ – Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей заповедник
АЕВ – «Алтайские епархиальные ведомости»
АИЭА – Архив Института этнологии и антропологии РАН
АИЭА МЗО – Архив Института этнологии и антропологии РАН. Материалы Забайкальского отряла
АИЭА МЮОВЭ – Архив Института этнологии и антропологии РАН Материалы Южного отряда Восточнославянской экспедиции
АИЭА МЮОКЭ – Архив Института этнологии и антропологии РАН. Материалы Южного отряда Комплексной экспедиции
АК – Алтайский край
АКФ МГУ – Архив кафедры фольклора филологического факультета Московского государственного университета
АО – Археологическое общество
АОКМ – Архангельский областной краеведческий музей
АРАН – Архив Российской академии наук
АРГИАМЗ – Архив Рязанского государственного историко-архитектурного музея-заповедника
АРГО – Архив Русского Географического общества
АРЭМ – Архив Российского Этнографического музея
АУНЛ ЭЦЧОР ВГУ – Архив учебно-научной лаборатории «Этнография Центрально-Черноземных областей России» при Воронежском государственном университете

АШ	– Старинные акты, служащие преимущественно дополнением к описанию города Шуи.
АЭ МГУ СЭ	– Архив кафедры этнологии исторического факультета Московского государственного университета. Северные экспедиции
АЮ	– Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства, изданные Археоградической комиссией
АЮБ	– Акты, относящинеся до юридического быта древней России, изданные Археоградической комиссией
Бм	– Без места (издания)
БСЭ	– «Большая Советская энциклопедия»
БОКМ	– Белорусский областной краеведческий музей
ВГВ	– «Вологодские губернские ведомости»
ВГМЗ	– Вологодский государственный музей-заповедник
ВЕВ	– «Вологодские епархиальные ведомости»
ВИ	– Вопросы истории
ВИАХМЗ	– Вологодский историко-архитектурный и художественный музей заповедик
ВОКМ	– Воронежский областной краеведческий музей
ВУГМЗ	– Велико-Устюжский государственный музей-заповедник
ВСП	– Всероссийская сельскохозяйственная перепись
ГАВО	– Государственный архив Вологодской области
ГАНО	– Государственный архив Новосибирской области
ГАОО	– Государственный архив Омской области
ГАПК	– Государственный архив Приморского края
ГАПО	– Государственный архив Пермской области
ГАРО	– Государственный архив Ростовской области
ГАРО	– Государственный архив Рязанской области
ГАСО	– Государственный архив Свердловской области
ГАТО	– Государственный архив Тюменской области
ГАТО	– Государственный архив Тамбовской области
ГИМ	– Государственный Исторический музей
ГМИР	– Государственный музей истории религии
ГРМ	– Государственный Русский музей
ГТГ	– Государственная Третьяковская галерея
ДАИ	– Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографическою комиссиею. СПб., 1846–1875. Т. 1–12
ДДГ	– Древние договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI веков
ЖМГИ	– «Журнал Министерства государственных имуществ»
ЖС	– «Живая старина»
ЗЗСО РГО	– «Записки Западно-Сибирского отделения Русского Географического общества»

ЗОРСА	– Записки общества русской и славянской археографии
ИАК	– Известия археологической комиссии
ИАЭ	– Институт археологии и этнографии СО РАН
ИЗ	– «Исторические записки»
ИИ	– Институт истории РАН
ИО	– Иркутская область
ИОЛИКО	– Известия общества любителей изучения Кубанской области
ИОРЯС	– Императорское общество русского языка и словесности
ИРГО	– Императорское Русское Географическое общество
ИРЛИ	– Институт русского языка и литературы
ИЭ	– Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
КГВ	– «Костромские губернские ведомости»
ККМ	– Каргопольский краеведческий музей
КСИЭ	– Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
КЭ	– Комплексная экспедиция Института этнографии АН СССР
ВО	– Вологодский отряд
В-КО	– Вологодско-Костромской отряд
РО	– Рязанский отряд
СО	– Северный отряд
ЛАКМ	– Лешуканский архитектурно-краеведческий музей
МАЭ	– Музей антропологии и этнографии
МГВ	– «Московские губернские ведомости»
МГОМЗ	– Московский государственный объединенный музей-заповедник
МГУ	– Московский государственный университет
МИКМ	– Мезенский историко-краеведческий музей (Архангельская обл.)
МНМ	– «Мифы народов мира»
МС	– «Мифологический словарь»
НА КНЦ УрО РАН	– Научный архив Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук
НА РИАМЗ	– Научный архив Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника: ЭА ОИРК – Экологический архив общества исследователей Рязанского края
НГВ	– «Нижегородские губернские ведомости»
НГКМ	– Новосибирский государственный краеведческий музей
НИИХП	– Научно-исследовательский институт художественной промышленности
НСО	– Новосибирская область
ОАСТА	– Отдел архивной службы территориальной администрации Новосибирской области
ОЛЕАЭ	– Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии
ОР	– Отдел рукописей
ПД	– Полевые дневники

ПГМ	– Приморский государственный музей им. В.К. Арсеньева
ПКМ	– Пермский краеведческий музей
ПИИЭ	– Полевые исследования института этнологии и антропологии РАН
ПМА	– Полевые материалы Аргудяевой Ю.В.
ПМАФ	– Полевые материалы Фроловой А.В.
ПМК	– Полевые материалы Кобко В.В.
ПМЛ	– Полевые материалы Липинской В.А.
ПМФ	– Полевые материалы Фурсовой Е.Ф.
ПМЧ	– Полевые материалы Чагина Г.Н.
ПСПВПВРИ	– Полное собрание постановлений по ведомству православного вероисповедания Российской империи 1741–1743 гг. СПб., т. 1–2. 1899
ПЭС	– «Полесский этнолингвистический сборник»
РАН	– Российская Академия наук
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГИА	– Российский государственный исторический архив
РГИАМЗ	– Рязанский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
РГО	– Русское Географическое общество (Императорское)
РЭМ	– Российский этнографический музей
РГНФ	– Российский гуманитарный научный фонд
РНБ	– Российская национальная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина
РО	– Рукописный отдел
СА	– «Советская археология»
СИАМЗ	– Старочеркасский историко-архитектурный музей-заповедник
СКМ	– Соликамский краеведческий музей
СО АН СССР	– Сибирское отделение Академии наук СССР
СЭ	– Советская этнография
ТГУ	– Томский государственный университет
ТЕВ	– «Томские епархиальные ведомости»
ТИЭ	– Труды института этнографии АН СССР. Новая серия. М.-Л.
ТОКМ	– Тамбовский областной краеведческий музей
Тр	– Труды
ЦИАМ	– Центральный исторический архив Москвы
ЦПО	– Центрально-Промышленная область
ЦХАФАК	– Центральное хранилище архивного фонда Алтайского края
ЧКМ	– Чердынский краеведческий музей им. А.С. Пушкина Пермского края
ЭО	– Этнографическое обозрение
ЭС	– Этнографический сборник

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

РУССКАЯ НАРОДНАЯ ОДЕЖДА

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Издательство «Индрик»

Корректор *Т.И. Томашевская*
Оригинал-макет *А.С. Старчеус*

По вопросу приобретения книг
издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
(495) 954-17-52
market@indrik.ru
www.indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book
outside Russia and CIS countries.
This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by
www.indrik.ru

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

Формат 70×100 1/16. Печать офсетная.
56 п. л. Тираж 800 экз. Заказ 3168
Отпечатано с оригинал-макета в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6